Владимир Золоторёв



для украинцев

© Володимир Золоторьов, Київ, 2015

Слово видавця

Відношення до кожної проблеми завжди має дві сторони — вірну і хибну, а поміж ними пролягає чисте й справжнє зло. Неправий ще зберігає хоч якусь повагу до істини, хоч би й тому, що визнає відповідальність вибору. Але людина посередині є негідником, який заплющує очі на істину, прикидаючись, що не існує ані цінностей, ані вибору між ними; такий невизначенець радо відсидиться одсторонь будь-якої битви, аби нажитись на крові невинних, або поплазувати на череві до переможця; він відправляє до тюрми і грабіжника, і пограбованного, а суперечки розв'язує наказуючи і мислителю, і дурню миритись, роблячи рівні кроки один до одного. Але в будь якому компромісі між їжею і смертельною отрутою виграти може лише смерть. Будь який компроміс між добром і злом на користь тільки злу. З хороших людей висмоктують кров, щоб наситити нею людей поганих, і викачують її через от таких «погоджувальників».

Айн Ренд, Атлант розправив плечі

Як відомо, першим кроком до викорінення проблеми є її усвідомлення. Другим кроком, вочевидь, є дослідження причин появи і існування проблеми. Левова частина книги, що лежить перед вами, шановний читачу, присвячена усвідомленню і з'ясуванню причин низки суспільно-економічних проблем, з якими, поза всякий сумнів, накоротко знайомі всі мешканці Украї-

ни. Всі ми багато років чуєм, що «Україна гине», що ми «маєм скористатися останнім шансом» і тому подібні нісетниці, котрі, будучи повторені вже сотні і тисячі разів почали, нарешті, набридати самому широкому українському загалу. У певному сенсі Володимир Золоторьов пройшов шлях, який рано чи пізно доведеться пройти будь-якому українцеві, який не схоче залишатись «людиною посередині» про яку згадано в епіграфі, — це важкий шлях болючого усвідомлення і кропіткого дослідження з яких логічно витікає стратегія подальших дій, запропонована автором у заключній частині книги. Я глибоко переконаний, що це є дорога дорослішання і зрілості громадянського суспільства, шлях еволюційного розвитку, шлях, що веде геть від сліпої віри в чергового «національного лідера», шлях відкидання безплідних іллюзій, шлях до реальності, до свідомого прийняття рішень, до продуктивних стратегій. Праця автора сильно виділяється на тлі сучасної української суспільно-політичної літератури насамперед тим, що ця праця глибоко особиста, і, так би мовити, контркон’юктурна, в тому сенсі, що вона є абсолютно незаангажованою і взагалі лежить поза площиною українського політичного дискурсу.

Ця книжка вдається мені надзвичайно надихаючою ще й тому, що її автор зріс в країні, де останні покоління взагалі не пам’ятали жодної легітимної влади, а за політичну і економічну освіту слугувало банальне і нагле промивання мізків. Треба визнати, що політичні реалії сучасної України не дуже різняться від таких,

що існували за часів пізнього СРСР, якщо не в плані ідеології, то в плані нав’язування безальтернативних політичних авторитетів, шаблонів світогляду і звичок до самої примітивної травлі політичних опонентів (котрих, скоріше, треба розцінювати як конкурентів у боротьбі за право грабунку населення). Приклад автора, котрий зміг розірвати порочне коло, абстрагуватися від такого контексту, провести критичну ревізію свого світогляду, та побудувати систему власних поглядів і принципів не не грунті авторитетів і кон’юктурних міркувань, а на розумі і логіці, безумовно заслуговує на повагу і вивчення.

По тому, з задоволенням передаю слово і увагу читача авторові.

Віктор Совєтов

Предисловие

Если вы действительно собрались читать эту книгу, то это предисловие вам совсем не помешает. Дело в том, что есть несколько обстоятельств, которые помогут лучше понять что же это такое. Во-первых — это сборник. То есть, в большинстве случаев вы читаете текст, который уже был где-то опубликован. Во-вторых — это попытка расставить разрозненные статьи в неком логическом порядке, который подводил бы к «Плану «Б» для украинцев» — тексту, написанному специально для этой книги. Потребность в «Плане «Б» вызвана ответом на вопрос, который задается всегда и который звучит как «а ну-ка, расскажите, как нам избавиться от государства?» Вот так. Смотри «План «Б». Потребность в сборнике вызвана тем фактом, что для понимания этого плана нужно довольно много рассказать. Поскольку это все уже рассказывалось, и рассказывалось на протяжении довольно длительного времени, возникла идея просто попытаться объединить тексты с соответствующей тематикой. Так появилась эта книжка.

Совместить эти два подхода довольно непросто, поскольку мы имеем дело с набором самостоятельных текстов, а не с главами книги. Самостоятельные тексты имеют свою внутреннюю логику, они имеют начало и конец, плохо объединяются между собой. В общем, есть параллельное соединение (сборник), и есть соединение последовательное (книга), а в этой книжке будет параллельно-последовательное. Это — отдельные тематические блоки, но расставленные в попытке сформировать некий общий сюжет, призванный ответить на вечный вопрос: «и что же теперь с этим делать?»

В-третьих, автор не просто «писал про политику», начиная с предсмертного СССР, автор в этой политике участвовал, угробив на это дело лучших 15 лет своей жизни. Я принимал участие в большинстве избирательных кампаний, баллотировался сам, как в составе списка, так и по округу и, конечно, работал «в штабах». Кроме того, я организовывал партии, мною написаны партийные и кандидатские программы, и даже проекты конституций. На «этапе формирования украинской государственности» я видел этот процесс с довольно близкого расстояния. В общем, автор имеет представление о политике и снаружи и изнутри для того, чтобы прийти к выводу о том, что чем скорее мы избавимся от того, что ее порождает, тем будет лучше для всех. Я понимаю, что прогрессивная общественность придерживается других взглядов, в данном случае я просто хочу напомнить, что я сам родом из прогрессивной об-

щественности и знаю, как там и что. Я не вычитал свои выводы в книжках, а, читая книжки, понял, что они описывают то, что я вижу и в чем принимаю участие, лучше и точнее, чем представления прогрессивной общественности.

Кроме того, с годами я все больше убеждаюсь в том, что украинцы могут легко исполнить трюк «когда последний верблюд в караване становится первым». Национальная идея украинцев, емко сформулированная классиком, в цензурной форме звучит как «да отстаньте уже от нас». Это означает, что мы имеем все шансы избавиться от начальства куда быстрее, чем прочие народы, воспитуемые в культуре культивирования и почитания паразитов в качестве неотъемлемой части их тела. Это еще одна причина для того, чтобы написать эту книжку.

Теперь немного о том, что внутри у этой книги. Здесь собраны тексты, которые так или иначе касаются общих закономерностей. Даже если они кажутся чересчур короткими, это именно так. О событиях (несмотря на наличие «информационного повода», без которого вас не опубликуют в СМИ) здесь почти не говорится, если события упоминаются в тексте и никак не комментируются, значит, они просто не имеют значения, а являются фоном. По этой же причине в этом сборнике нет «аналитических» текстов, которых я тоже написал довольно много (исключение — текст о конституции 1996-го года), эти тексты слишком привя-

заны к обстоятельствам и не интересны в рамках моей задачи.

Обращайте внимание на дату. Бывает, что мнение автора не совпадает с мнением автора. Из песни слов не выкинешь, желания править собственные тексты, чтобы показать, что «я всегда так думал» у меня нет никакого. Впрочем, о своей позиции могу сказать, что она не менялась, а уточнялась. Мы просто не знаем многих вещей и концепций. Когда мы о них узнаем, мы находим новую, более адекватную форму для наших взглядов. Думаю, что многие демократы, националисты, сторонники интеграции с ЕС или еще с чем-нибудь добрым и хорошим — не совсем пропащие люди, и на самом деле, хотят добра и счастья всем на свете, просто не имеют правильных слов и идей для того, чтобы это выразить.

Ну и, наконец, это тексты для журналов и газет. То есть, это то, что почему-то называется «аналитикой» или даже «публицистикой». Здесь нет ссылок на литературу и цитат из классиков, эти тексты написаны в попытке объяснить некоторые, иногда довольно сложные вещи в заранее заданном количестве знаков. Поэтому требовать от них «полноты раскрытия материала», например, как минимум, бессмысленно. Надеюсь, что «материал» довольно полно раскрывает совокупность таких текстов. Некоторые тезисы неизбежно повторяются. Там где такое повторение можно было удалить, я его удалил. А где нельзя — не удалил. Так что готовьтесь несколько раз прочитать о частичном резервиро-

вании или о том, что британский парламент утверждал налоги. Впрочем, думаю, большой беды от этого не будет.

Купив эту книжку, вы поможете мне написать еще, как минимум, две. Первая с рабочим названием «State, stating и что с этим делать» будет посвящена государству и тому, что с ним можно сделать. Как ни странно, государство в его реальной ипостаси, а не в виде фантазий и хотелок, очень слабо изучено. Попытаемся восполнить этот пробел. Это будет не сборник, а «настоящая» книга со списком литературы и цитатами из первоисточников, в общем, со всем тем, что, по мнению общественности, делает несколько умозаключений наукой. Вторая книга под названием «Частные законы» будет содержать некие идеи, которые помогут, как мне кажется, совершить маленькую революцию, для которой мы тут все давно созрели.

Конечно, хочу поблагодарить всех редакторов, которые терпели меня все эти годы, своих близких и друзей, которые всячески подталкивали меня к завершению этого проекта. Отдельно хочу поблагодарить Виктора Советова, без которого вся эта авантюра никогда бы не закончилась.

Успехов вам всем и, надеюсь, приятного чтения!

P.S. Чиновники не злые. Они добрые.

Часть 1

Украина особенная и не очень

1.1. Об украинской модели

«Уходит 2013 год. Год непростой, возможно — самый сложный в истории независимой Украины. Это был год достижений и вызовов, разочарований и новых надежд. Но, по большому счету, 2013 год стал для нас годом прогресса. Через майданы и национальные круглые столы, политические споры и откровенный диалог мы идем путем взаимопонимания и национальной консолидации. Путь этот очень тернист. Но пройти мы его должны вместе, плечом к плечу.»

В. Янукович, новогоднее поздравление украинскому народу

1.1.1. Реальная конституция Украины. Текст

В этом разделе речь пойдет о том, что можно назвать «украинской моделью» — специфике организации государства и взаимодействия его с обществом. Начнем этот раздел с текста, который некоторым может показаться «несерьезным», и даже «неоднозначным». Это попытка обозначить реальные социальные механизмы в виде текста, имитирующего конституцию. Поскольку мы говорим о реальных механизмах, то необходима и соответствующая лексика, которая их описывает, так что прощу не удивляться некоторым словам, это — такая же терминология, как и любая другая, она наиболее адекватно описывает то, с чем мы имеем дело.

Розділ I. Основні засади

Ми, українці, проголошуємо такі принципи як основні засади нашого спільного життя, які об'єднують нас:

1. Ціллю життя людини є стати Поважною особою. Лише Поважна особа може щиро сказати «Питань нема».

2. Матеріальне становище та можливість вирішувати Питання є головними ознаками поважності особи.

3. Україна є країною рівних можливостей для усіх українців. Всі українці мають будь-які рівні можливості стати Поважною особою.

4. Всі Поважні особи ризикують лоханутися покрупному. Якщо це трапляється, то до Поважної особи з'являються Питання і вона відчуває справжній тиск Тягаря.

5. Цей ризик є священним елементом життя нашого суспільства

Розділ II. Громадянство

6. Громадянином вважається особа, яка отримала Прописку. Громадянин (українець) має всі належні права

Розділ III. Філософські засади

7. Життя українця визначають Теми, Отмазки і Питання.

8. Тема — це набір пов'язаних між собою можливостей, які виникають через:

- діяльність Установ;
- діяльність Держави;

- наявність усталених Отмазок;
- наявність Лохів;
- спритність та інші вроджені та набуті таланти українців.

9. Теми не є чимось сталим, вони завжди перебувають у русі, зникають і з'являються.

10. Тема є корисною лише тоді, коли її хавають. Вміння Хавати Тему має бути базовою навичкою кожного українця.

11. Теми — це кроки на шляху до Поважної особи. Хаваючи Теми, людина просувається до своєї мети.

12. Отмазкою називається все те, чому мають вірити інші, коли в них виникає потреба дізнатися, чим тут займаються.

13. Отмазка може збігатися з правдою.

14. Інколи Отмазці може ніхто не вірити, але це їй не заважатиме. Якісна Отмазка — вишукане мистецтво.

15. Одна і та сама Отмазка може працювати на безліч Тем.

16. Отмазка і Тема мають бути у балансі одна з одною. Правильний баланс між Отмазкою і Темою є мистецтвом, володіти яким має прагнути кожен українець.

17. Отмазка і Тема втілюють фундаментальні філософські категорії «Как би» і «На самом дєлє».

18. Питання — це наочні вияви Тягаря, вони раптово виникають зі світового ефіру та зникають в ньому. Кількість та якість Питань залежить від Статусу особи.

Розділ IV. Соціальний устрій. Статус

19. Основою соціального устрою України є Статус.

20. Статус — це те, що дозволяє з кам'яним обличчям проходити повз охорону і безболісно їздити на червоне світло.

21. Статус — це соціальна роль, з якою погоджуються всі інші в даний момент часу. Тому Статус часто залежить від ситуації. Інколи і Лох може бути Поважною особою. Визначення, дані в наступних статтях, базуються на кількості часу, в якому людина перебуває в тому чи іншому Статусі. Тому до кожного наступного визначення може бути додане слово «переважно».

22. Українське суспільство складається із Поважних осіб, Нормальних людей та Лохів.

23. Поважна особа:

- вирішує Питання інших Поважних осіб, Нормальних людей і Лохів;

- має Телефон Поважної особи;
- володіє Установами, які продукують гроші, а також володіє чи користується Установами, які продукують Закони та Отмазки;
- має право використовувати Мєнтів задля вирішення Питань з іншими Поважними особами, Нормальними людьми та Лохами;
- має право на Тєлєвізір.

24. Поважна особа, як правило, перестає бути Поважною особою, коли вона «лоханеться по-крупному».

25. «Нормальниє (нормальні) люді». «Нормальні люді» мають право:

- боротися з Тягарем;
- мати Телефон Поважної особи;
- спробувати мати справу з Мєнтами;
- служити Установі;
- інколи нібито (тіпа) володіти Установою, яка продукує гроші.

26. До Нормальних людей можуть виникати Питання, які вони можуть спробувати вирішувати за допомогою Телефона Поважної особи або інших Нормальних людей

27. Лохі. Лохі це ті, хто вважає, що Установи працюють задля того, що каже їх Отмазка. Лохі не рубять фішку і не хавають Тему.

28. Лохі мають право:

- боротися з Тягарем;
- служити Установі;
- думати, що володіють Телефоном Поважної особи;
- сподіватися на те, що можуть спробувати мати справу з Мєнтами.

29. Лох не може лоханутися. До Лоха завжди є Питання.

Розділ V. Установа

30. Всі українці служать Установі.

31. Всі українці мають право отримувати, або не отримувати платню за свою працю.

32. Установи продукують гроші, Закони та Отмазкі.

33. Установи працюють задля Теми. Будь-яка Тема потребує відповідної Отмазкі.

Розділ VI. Держава

34. Державою називається спільна Отмазка для купи Установ, які продукують Отмазкі, Теми і Закони.

35. Виключно в межах Держави розміщуються Установи, які відбирають гроші в Установ, які продукують гроші, та в решти українців.

36. Установи, які відбирають гроші, зобов'язані вірити тим Отмазкам, які пред'являють їм інші Установи та громадяни, кажучи, що грошей нема. Ця віра є однією з основ суспільного спокою і основою для дуже багатьох Тем.

37. Держава є основним джерелом Тягара.

Розділ VII. Закон

38. Закон — це те, що понаписувала собі Держава. Особливістю Закону є те, що він є універсальною Отмазкою і основою для багатьох Тем, передусім для Мєнтів.

39. Закон продукує міцний Тягар.

Розділ VIII. Мєнти

40. Мєнтами називаються міліціонери, судді, прокурори, митники, есбеушники і всі інші особи, головною Темою і відповідно головною Отмазкою яких є Закон.

41. Мєнти працюють в Державі.

42. Мєнти, які не працюють в Державі — то не Мєнти.

43. Мєнти, коли вони «прі ісполнєнії», автоматично вважаються Поважними особами.

44. Мєнти продукують Тягар навіть коли не працюють.

Розділ IX. Президент

45. Президентом України може бути будь-який українець, який працював до того прем’єр-міністром і якому заважав працювати попередній президент.

46. Президент України:

- вітає українців з Новим Роком;
- організує інші офіційні Свята, вітаючи з ними з Тєлєвізора;
- пояснює Поважним особам, хто кому і за яких умов доктор;
- пояснює решті українців, задля чого це все.

Розділ X. Депутат

47. Депутати існують задля того, аби всі знали, хто у цьому винен.

48. Кожна особа, причетна до діяльності Держави, якщо вона пояснює щось публічно чи виправдовується в чомусь, вважається депутатом.

Розділ XI. Тєлєвізір

49. Тєлєвізір є основним наповнювачем часу українців, коли вони не борються з Тягарем.

50. Всі українці мають право дивитися Тєлєвізір.

51. Дивитися Тєлєвізір є також обов'язком кожного українця і ознакою його причетності до української спільноти.

52. Тєлєвізір забезпечує єдність смислового простору України.

53. Тєлєвізір є засобом, за допомогою якого Поважні особи спілкуються одне з одним і пояснюють одне одному, що відбувається.

54. Президент має необмежене право користування Тєлєвізором.

55. Тєлєвізір продукує особливо міцний Тягар.

Розділ XII. Свято

56. Кожен українець має право на Свято. Це право є священним і недоторканним.

57. Святом називається ситуація, коли українці п'ють та запускають феєрверки.

58. Свята потрібні, аби вважати, що в цей час відпочиваєш від Тягаря.

59. Свята бувають офіційні та приватні. Офіційними називаються ті, з якими з Тєлєвізора вітає Президент. Приватні свята — всі інші свята.

60. Українці і навіть Мєнти поважають Свята і проявляють в цей час «снісхождєніє» один до одного.

Розділ XIII. Тягар

61. Тягар це те, що створюють українці, виконуючи цю Конституцію.

62. Тягар створюється, аби боротися з ним. Ця боротьба є вічною і священною. 2008

1.1.2 Зачем я написал «реальную конституцию Украины». Новые сведения о начальниках

Вчера говорил с одним человеком и понял, что, похоже, не до конца ясно выразился этой своей «реальной конституцией». Многие воспринимают ее, как шутку, как некое сатирическое преувеличение, но все дело в том, что этот текст (возможно, если убрать из него лексику определенного толка, хотя, может и не

надо) и является нашей реально действующей конституцией.

Поясню. Человеческое общество невозможно без правил. О подавляющем большинстве этих правил мы не то что не задумываемся, но даже не подозреваем об их существовании. С другой стороны, существуют групповые и частные интересы, политические решения и т.д. и т.п., по поводу которых могут «возникнуть вопросы». Иначе говоря, существуют нормы, которые в своей практике нуждаются в авторитете. «Ты зачем мою машинку взял? Сейчас я папу позову!»… «А я своего позову, и он твоему как даст!». Вот это и называется авторитет.

Откуда берутся письменные конституции

Авторитет правилам придает их статус — считается, что они исходят от некой высшей силы, признаваемой всеми (или хотя бы большинством) в данном обществе. Это может быть мораль, монарх, Бог, государство, закон и т.д., и т.п.

Так вот, если вам повезло, и в вашей стране действует common law, то так называемое законодательство довольно часто становится обобщением существующей практики — картина, близкая к идеальной. В этом случае вы легко проживете без всяких писаных конституций, что и демонстрируют нам некоторые замечательные страны. То, что можно назвать конституту-

цией, «растворено» в писаных и неписаных правилах и практике их применения.

Если же, конечно, вам на сезонной распродаже втюхали Кодекс Наполеона под видом «лучшей книги года в категории «любой ответ на любой вопрос», то тогда вам без писаной конституции никак нельзя. Сама система закорючек и параграфов порождает необходимость в Самой Главной Закорючке, в роли каковой и выступает писаная конституция.

Нельзя без писаной конституции и в том случае, если вы хотите установить некий более авторитетный источник авторитета, то есть, если ваш папа таки накостылял соседскому и теперь именно он будет командовать в песочнице. В этом случае конституция является, кроме всего прочего, и итогом политических изменений — см. Конституцию США, и, в общем-то, 99% любых других конституций. Любая писаная конституция де-факто является не только правовым, но и политическим документом и фиксирует, в лучшем случае, преобладание некоего уклада, в худшем — смену флага на здании правительства.

Таким образом, идеальная писаная Конституция а) является обобщением практики, б) играет роль источника авторитета, в) играет политическую роль, фиксируя изменения. В случае тех же США — американская конституция стала обобщением британской правовой практики, сыграла роль авторитета, фиксируя появление нового авторитета: вместо короля Георга III — «the

people» — и, наконец, зафиксировала выбор из многоукладного британского общества в пользу либеральной составляющей.

Поговорим об обобщении практики

Теперь давайте вернемся к нашему богоспасаемому Отечеству и посмотрим, куда можно применить здесь те три критерия, которым должна удовлетворять писаная конституция.

Давайте поговорим для начала о «практике» и ее обобщении, это, пожалуй, наиболее важный и наиболее сложный момент в этой истории. Собственно, основой правовой практики, так или иначе, является практика социальная. В основе этой последней всегда лежит некая общая идея, которая и превращает набор индивидов в народ. Это, скажем так, формула социально поощряемого успеха или, говоря проще — национальная мечта. Для той же Британии долгое время это было *«Rule, Britannia! Rule the waves: Britons never will be slaves»*, о США мы все знаем, но что можно сказать об Украине?

Украинская мечта (опять)

Автор этих строк давно предлагает в качестве украинской мечты формулу «Стань начальником!» Похоже, что сам ход политических событий (о чем ниже) подтверждает эту идею. Мне уже много приходилось

писать о феномене начальника, отмечу главные моменты. Итак:

- начальник не есть синоним лидера, успешного менеджера, предпринимателя, художника, писателя и т.п., иначе говоря, социальная полезность начальника часто сомнительна и не является решающим критерием;
- стать начальником означает иметь более высокий статус. Как ни странно, хотя статус предполагает обычно и доступ к материальным благам, но не они, а статус сам по себе является основным мотивом;
- начальник, как правило, расположен в рамках некой внешней иерархии относительно «своих»; именно это положение делает его начальником;
- важное следствие из последнего пункта — начальник, как правило, это «выходец», а не «входец».

Собственно, история украинцев — бравых строителей чужих империй, а также «выходцев» — писателей, музыкантов и художников, добившихся успеха в других странах, а не на родине, замечательно подтверждает эту теорию.

Если же посмотреть на нашу новейшую историю с точки зрения «теории начальника», то она приобрета-

ет ясные черты. Обычно в обществе сначала возникает некая инфраструктура социальной реализации личности, которая со временем становится более-менее полной. Именно эта полнота заставляет задать простой вопрос: «а что эти парни из (Москвы, Лондона, Парижа) тут делают?» — и требовать независимости. В таких условиях ценными становятся именно местные лидеры — «входцы», а не «выходцы». Украина, как известно, получила свою независимость достаточно случайно, не имея полной собственной инфраструктуры социальной реализации. В итоге украинцы воспроизводят те социальные паттерны, к которым привыкли до независимости, и которые им знакомы. Можно сказать, что украинцы не заметили своей независимости, они ведут себя так, как будто ее нет. Поэтому выражения вроде «окупаційна влада», которыми наши националисты характеризовали, к примеру, режим Кучмы, является не столько публицистическим преувеличением, сколько констатацией факта. Украинцы неосознанно воспроизводят имперскую провинцию, включая и некую социально-политическую дырку вместо «Москвы». С этим пустым местом, которому приписываются свойства источника всех бед, они героически борются уже 17 лет.

Кстати, случайная независимость — очень опасная вещь, парад последствий таких независимостей мы наблюдаем, например, в Африке, но не будем отходить от темы.

Так вот, если вы думаете, что «начальник» является только социально-психологическим феноменом, то вы глубоко заблуждаетесь. В 1996 году начальник стал стержнем легальной правовой системы. Собственно, смысл конституции 1996 года и состоял в правовом и юридическом оформлении феномена начальника. Сказать точнее — конституция создала Начальника начальников — президента.

Всю нашу конституцию, кроме частей описывающих полномочия власти, можно смело выкинуть в топку. Она никогда никого не интересовала и не была сколько-нибудь значимым политическим или правовым фактором. Зато вокруг позиции президента идет нешуточная борьба с первых дней независимости, и именно ее смакуют аналитики, показывают в телевизоре и т.д. Это неслучайно, поскольку, повторю, именно эти статьи конституции имеют реальное значение для украинского уклада.

Президент — начальник

Давайте посмотрим, почему должность президента стала означать Начальника начальников.

Для начала отметим простой юридический прием, который сделал начальника из президента. Состоит он в том, что президент, по версии текста 1996 года, может уволить премьера (читай — правительство) в любой момент. При этом, у президента нет никаких обя-

занностей, связанных с поддержанием работоспособности Кабинета, он вообще может не лезть в его дела.

Итак, что мы видим. Президент избирается на всеобщих выборах, которые и дают ему необходимый статус. Он участвует в назначении большинства ключевых фигур в государственной иерархии, но почти никого не назначает сам (то есть, всегда может свалить ответственность за назначения на других). При этом он может уволить премьера безо всякой процедуры. Мы видим здесь типичного «выходца», человека, находящегося вне иерархии «своих», но имеющего достаточный статус, чтобы оказывать на нее самое прямое воздействие. Именно это право вмешиваться в работу органов власти тогда, когда в этом возникнет необходимость у самого президента (которая, конечно, может не совпадать с реальной необходимостью), либо когда его посетит каприз, и создает ту социально-политическую дыру, с которой у нас борются все от мала до велика.

Это одна сторона проблемы. Другая, более практическая, состоит в том, что, будучи вне (не «над», как полагают многие, а вне) формальной бюрократической системы, президент является лидером в неформальной иерархии. Он, как и положено любому начальнику, «решает вопросы». «Ну, что там у вас?» — устало спрашивает какой-нибудь Леонид Данилович у спешащих к нему ходоков. Ходоки жалуются на произвол чиновников, показывают Леониду Даниловичу какие-то проекты… Если проекты Леониду Даниловичу нравятся, он

звонит премьеру и просит его принять ходоков. Заодно может этому премьеру строго указать на то, чтобы чиновнички не слишком шалили. Почему премьер его слушает и не посылает «на»? Потому, что Леонид Данилович в любой момент может его уволить.

Вам это ничего не напоминает? Это типичная схема управления имперской провинцией. Чтобы лучше понять этот момент, давайте представим, как должны были бы действовать ходоки в нормальной, обычной стране. Во-первых, (представим, что речь идет о ситуации, в которой необходимо участие власти), они бы, прежде всего, обратились бы за помощью в местную власть. Местная власть, допустим, видит, что ситуация выходит за рамки ее компетенции и требует участия и центральной власти. Людям объясняется, что вот это сделать можно, а для этого, извините, нужно в Киев. Ходоки с рекомендациями и разъяснениями местной власти отправляются в Киев, в Кабинет министров. Здесь их приключения заканчиваются либо успехом, либо фиаско.

Вы улыбаетесь? Почему? Очевидно, вы предполагаете, что в нашей реальности на каждом этапе этого несложного, в общем-то, дела, возникнут тысячи препятствий. Предполагаете потому, что у вас есть опыт. Такой опыт есть у других людей и этот обобщенный опыт говорит — 100% ничего не выйдет. Поэтому проще найти соответствующего начальника, который решит вопрос. Такой начальник может найтись в их городе, в соседней области, в Киеве и, если уж никак не

выходит иначе, и дело того стоит, то следует идти к начальнику начальников — президенту.

Начальник является «точкой сборки» социального уклада страны. Начиная бизнес вы, скорее всего, еще до написания бизнес-плана, поинтересуетесь, нет ли у кого знакомых (т.е. начальников) там-то и там-то. То же самое придется сделать и во всех прочих случаях, когда вам понадобится выйти из дома и предпринять что-то самостоятельно. Все мы (ну, почти все) в той или иной ситуации являемся начальниками, решающими вопросы. Иногда эту ситуацию путают с коррупцией. Да, бывает, что за свои услуги начальники берут подарки. Но подавляющее большинство услуг такого рода производится бесплатно.

Украинцы, как я уже говорил, каждый день и каждый час воспроизводят все социальные паттерны, поддерживающие существование феномена начальника. И вот, что особенно важно, эти паттерны воспроизводятся и в политике, что говорит о полной адекватности политической системы системе социальной. Убрав в 2004-м возможность президента отправлять премьера в отставку, т.е. убрав юридическую основу системы начальников, мы ничего не добились. **Система, которой необходим неформальный начальник над всеми возможными начальниками, явочным порядком восстановила статус-кво 1996 года в 2007-м году.** В нашей конституции сегодня нет ничего, что давало бы право Виктору Андреевичу поступать так, как он поступает. Но все ведут себя так, как будто он и есть на-

чальник начальников, потому что это необходимо для понятного существования.

Иерархия внутренняя и внешняя

Здесь важно пояснить вот что. Говоря о внутренней иерархии, автор имеет в виду классическую бюрократическую иерархию. Что до «внешней», то ее, собственно, не существует в виде некой формальной иерархии. Пример работы внешней иерархии — это Вася, приехавший после длительного отсутствия из города в родное село на иномарке. Вот этот обобщенный «город» (не конкретное место работы Васи и его должность, а то, как видят его селяне) и есть внешняя иерархия.

Если быть совсем точным, то в этой внешней иерархии есть только один жесткий элемент — президент. Все остальные «начальники» — это социальные роли, которые, чаще всего, ситуативны. Разумеется, место во внутренней иерархии (государственного управления и т.п.) очень важно для того, чтобы быть начальником. То есть министр, как правило, начальник. Но не всегда. Точно так же, товарищи коломойские, фирташи и пр. не занимают важных государственных постов, но являются самыми настоящими начальниками.

Почему это работает

Система начальников очень функциональна. Во-первых, она глубоко ментальна (см. главку «украинская мечта»). Во-вторых, она понятна и проста. Чем выше твой статус (чем большим начальником ты являешься или можешь ситуативно стать, когда в этом возникнет потребность), тем легче тебе «решить вопрос». Кроме того, система создает простые и ясные мотивации, которым легко следовать, поэтому начальники приходят и уходят, а система остается.

Внутренняя Москва

Отметим на полях, что система начальников, или система имперского управления без империи, обладает одной роковой особенностью, о которой уже говорилось, но следует сказать еще раз. Эта особенность — «внутренняя Москва» или «дыра ответственности». Это то пустое место, та несуществующая внешняя иерархия, представителем которой является президент, и на которой, де-факто, держится вся система начальников. Политическая элита совковыми лопатами сбрасывает в эту дыру свою ответственность. Проследите, как говорят наши политики, как развивается логический и смысловой ряд в их пассажах. Проследите, как и какие вопросы задают им трудящиеся. Вы легко заметите эту дыру, в которой исчезает всякий смысл происходящего. И, отметим, это происходит естественно, никто не задумывается над этим. Беда в

том, что если от внешней Москвы можно отделиться, то от внутренней — никак не получится.

Тупик революции и тупик эволюции

В этом и состоит сила системы и та угроза, которую она несет. Ведь бороться с такой системой «в лоб» бессмысленно. Это все равно, что пытаться сломать молотком ватную стену. «Дыра ответственности» опасна не только легитимизацией безответственности, но, прежде всего, неадекватностью идей, которые рождаются при отчаянных попытках борьбы с ней. Пример идей из этой серии — уголовная ответственность чиновников за свою работу, возвращение к мажоритарной системе выборов, потому, что она «ближе к людям».

Ужас «внутренней Москвы» можно проиллюстрировать так. Представим, что некие чиновники сделали что-то не то, и это стало причиной большого скандала. В отличие от типичной ситуации, когда скандал заканчивается там, где начинается (кстати, подумайте, почему), представим, что дело доходит до некой кары для этих людей. Я очень хорошо представляю ситуацию, и мне интересно, так ли представляете ее вы? Итак, я очень четко вижу массовое недоумение, высказываемое в том числе и СМИ. Мол, а за что? Мол, они же не виноваты, они же стрелочники. Второй вариант иллюстрации — это типичные «расследования» на тему «кто за этим стоит». Когда такое «расследование»

доходит до каких-то денег или неких недоступных для немедленной дачи трындюлей марсиан («олигархов», «американцев» и пр.), то они тут же объявляются причиной происходящего и на этом все успокаиваются. В чем похожи эти два примера? В полной беспомощности частных лиц. В первом случае мы имеем дело со стрелочниками, подставленными в чьей-то большой игре, во втором — с большими деньгами, которые, как предполагается, могут сделать с людьми все, что угодно. Людей здесь нет. Они не виноваты, потому что не субъектны. Теперь скажите мне, что эти примеры не типичны и «внутренней Москвы», которая за все в ответе, не существует.

Ошибка всех революционеров и реформаторов состоит в том, что они так или иначе предлагают работать во внутренней (формальной) иерархии, в то время как реальная жизнь происходит во внешней иерархии. То есть, чтобы победить систему начальников, нужно предложить, людям нечто, как минимум такое же простое и эффективное. Вместо этого случается следующее. Разговор реформаторов всегда идет о мерах в рамках внутренней иерархии — всех этих законах, постановлениях и пр. сугубо служебной ерунде. Меры революционеров тоже находятся во внутренней иерархии и отличаются от мер реформаторов только тем, что революционеры «не заморачиваются» на средствах, а сразу хотят достичь неких целей (сделать так, чтобы посадить чиновников в тюрьму, если вдруг поднимутся цены на

брокколи). Но повторю, и те и другие мечтают в рамках внутренней, то есть, как правило, бутафорской иерархии.

Кстати, подумалось вот что. Если в вашей стране считают, что стрелочники не виноваты, это хороший повод задуматься об эмиграции.

Почему мы круче

Но вернемся (в который раз) к теме конституции. В «реальной конституции» начальник называется «поважною особою». Это, может быть, более широкое понятие, основанное на социальной роли, а не на должности и т.п. Кстати, массовое «потреблядство», которое многим не нравится, связано именно со стремлением соответствовать внешним признакам «поважної особи».

Эта версия конституции является реальной потому, что она выполняется и ею руководствуются в жизни, чего не скажешь о конституции 1996 года. Как мы уже выяснили, из действующей ныне редакции конституции 1996 года единственно важными являются полномочия президента и взаимоотношения властей, да и то, только в качестве «отмазки». Более того, как мы выяснили несколько позже, даже отсутствие ключевых моментов юридических «отмазок» в версии конституции 2004 года, не мешает системе существовать, не меняет ее сути.

Два последних пункта

И последние два пункта критериев, которым обычно соответствует «рабочая» конституция — ее политическая роль и авторитет.

Политическая роль нашей конституции очевидна — фиксация победы феодализма над советским рабством, фиксация феномена начальника как «краеугольного камня» (тьху!) социальной и политической системы.

Что до авторитета, то он есть, да еще какой! Лучший авторитет — это когда никто не задает вопросов по поводу его происхождения и права указывать, что кому делать и как себя вести. Кто является источником авторитета, высшей силой для «реальной конституции»? Все мы. Если вы улыбались, читая «реальную конституцию», значит, она работает, поскольку мы всегда смеемся над собой.

P.S. Многим, возможно, покажется, что я защищаю существующую систему. Это не так. Эта система отвратительна, преступна, опасна и бесперспективна. Просто, чтобы побороть ее, нужно знать, где у нее кнопка.

2008

1.1.3 Основний закон України з позиції конституціоналізму

Следующие три текста посвящены анализу «внутренней иерархии» в терминах предыдущей заметки,

то есть, «официальной» политической машины. Первый из них написан еще в 1997 году, сразу после принятия нынешней редакции Конституции, второй — при «позднем Кучме», а третий — после роспуска Рады в 2007 году, когда политическая машина явочным порядком восстановила систему 1996 года (Янукович потом только попытался юридически закрепить этот факт). Формальная организация нашей политической машины ясно говорит о том, что главное в ней — неформальная часть. Первый текст интересен также тем, что в нем достаточно подробно разобрана Конституция, и становится ясно, почему она не может работать. В этом сборнике далее будут небольшие статьи о том, почему любая письменная конституция «не работает».

Попередні зауваження

1. Попри низький «ступінь консенсусу» в суспільних науках, пов'язаний із їхньою політичною заангажованістю, мало хто заперечує ліберальне походження конституції як правового й політичного явища. Тож українську Конституцію автор розглядатиме з позицій конституціоналізму. У даному випадку це означає визнання пріоритету прав людини перед правами будь-якого колективу, держави чи суспільних інституцій; концепції природного права (зокрема невідчужуваності

прав) і принципу верховенства права (право «вище» за Конституцію та державу).

2. Автор вважає за доцільне розглядати українську Конституцію не як завершення, а як етап конституційного процесу. Незалежно від того, чи нинішня Конституція проіснує довго, чи незабаром з'явиться інший текст, конституційний процес не зупиниться. Його продовжать ухвалення органічних законів, рішення Конституційного Суду та суспільні процеси, пов'язані з емансипацією громадян. На думку автора, треба розрізняти **конституційний** (який має радше громадське значення, що визначається розвитком відносин між суспільством і державою), та **установчий** (пов'язаний із виникненням і юридичним оформленням державних інституцій, а також із тлумаченням конституційних норм) процеси. Втім, навіть в установчому процесі (початком якого був референдум 1 грудня) ухвалення Конституції не є крапкою.

3. Ухвалена Конституція є другою, після конституції УНР, спробою оформлення української державності (з багатьох причин автор не вважає документ Пилипа Орлика конституційним актом). На відміну від конституції УНР, про яку широкі маси практично нічого не знали, нова Конституція народилася в результаті відкритого п'ятирічного політичного протистояння. Стара конституція УРСР із уведеним у неї інститутом

> Президента й цілковитим усевладдям парламенту, який міг будь-якої миті внести в конституцію поправки, не могла стати правилами гри для реальних політичних сил. Тож після чотирьох років безплідної боротьби без правил серед її учасників з'явилося розуміння того, що такі правила необхідні.

Нагадаємо, що в політичному протистоянні реально брали (і беруть) участь не так громадські сили, як різні угруповання номенклатури, котрі набирають якого-небудь політичного забарвлення або ж обходяться без нього. **У цьому й полягає головний мінус нової Конституції — вона не є документом громадянського суспільства, покликаним визначити відносини держави та громадян**. Скоріше нашу Конституцію слід порівнювати з «протоконституційними» актами на кшталт Великої хартії вольностей 1215 року, яка була своєрідним договором баронів із королем. Нагадаємо також, що попри широке висвітлення у ЗМІ «конституційного процесу», суб'єктів громадянського суспільства не було до нього допущено. Конституційну комісію сформували з представників влади, розглядався лише офіційний проект (тоді як більшість альтернативних проектів були набагато якіснішими), дійшло до того, що населення «обговорювало» один текст, а парламент — інший. Усе це не дивно — для справжніх учасників «конституційного процесу» головним завданням Конституції було визначення правил гри одне з одним, тобто легалізація політичного

процесу. Тому з багатьох функцій Конституції ухвалений у липні 1996 року текст передусім покликаний виконати одну — зафіксувати політичний договір між різними владними угрупованнями. Втім, навіть попри наявність Конституції, криза політичної системи зберігається. Про це свідчать не так публічні «з'ясування стосунків», як неспроможність влади виконувати власні рішення. Нижче автор спробує показати, чому головні суспільні завдання, що їх покликана виконувати Конституція, залишаються відкритими.

І. Завдання конституції та їх практичне виконання

«Класична» конституція, яка гарантує основні права й свободи, встановлює механізми їх реалізації та зворотні зв'язки між суспільством і державою, спроможна відіграти неабияку роль у відновленні ресурсів суспільства. Додамо, що світова практика підказує: саме така антикризова і «відновлювальна» функція конституції є основною. Досить пригадати: американську конституцію ухвалили після десяти років чинності Статей конфедерації, які довели свою неефективність, після заяви уряду про його неспроможність керувати й «прохання про допомогу в установчої влади»; конституції більшості країн Західної Європи — після Другої світової війни тощо.

Антикризова функція не повинна, ясна річ, бути якось спеціально означеною в Конституції. Досить,

аби конституція правильно відбивала притаманні їй як правовому явищу пріоритети, створюючи цим умови для самоорганізації та розвитку суспільства. Сучасний фахівець у сфері конституційного права Всеволод Речицький пише про це: «Позаяк установити фіксовану міру свободи у праві неможливо, правова система органічно складається як біполярна. Частина норм »опікується« свободою, решта — впорядкованістю. Проте свобода все-таки важливіша від порядку, тож серце правової системи — конституція — стає на бік свободи». Далі цитуючи цього автора, можна сказати, що «конституція — гарант свободи, вираженням якої у здоровому суспільстві є міра позитивного хаосу, «невпорядкованості» в економіці (ринок), політиці (демократія), приватному житті (ргіуасу). Саме тому конституція є не так регулятором суспільного життя, як гарантом проти його надмірної, несправедливої, а отже, протиправної організованості, регламентованості» [1]

Розглядаючи українську Конституцію з цієї точки зору, можна відзначити, що вона не виконує свою антикризову роль. Цей висновок випливає з наведеного нижче аналізу конституційного тексту.

Права громадян і їх реалізація У цьому питанні часто відбувається традиційна термінологічна плутанина, позаяк одним і тим самим словом називають ціл-

[1] В.Речицький. *Конституція як форма опанування владою.* — Харків, 1994.

ком різні явища. В англійській мові є кілька термінів на означення прав. Передусім це невіддільні чи природні права (на життя, свободу та власність) — rights; громадянські права чи свободи (свобода слова, совісті тощо) — liberties; привілеї, тобто права, надбані в ході політичного процесу, якими в СРСР були право на працю, відпочинок, житло тощо — entitlements[2]. Відзначимо, що така класифікація є точнішою, ніж звичний для нас поділ на громадянські, політичні, економічні, культурні тощо права. Остання класифікація підходить більше для «прав людини» як політичного явища й не встановлює певної ієрархії «міцності» прав, як це притаманне англосаксонській традиції. Нарешті, словом «право» у нас іменують і науку, і законодавче середовище, і загалом систему відносин, які грунтуються на договорі чи визнаній ієрархії сторін. Один із найсумніших наслідків такої плутанини — недовіра наших громадян до самого поняття прав людини, позаяк у цьому разі права асоціюються з привілеями, а сама апеляція будь-кого до цих прав виглядає вимогою чогось більшого, ніж мають інші.

1.1. Умовний характер свобод Практично всі статті Конституції, які описують громадянські права (liberties), містять посилання на закони (наприклад, «якщо це не заборонено законом», «визначено законом» тощо), особливо там, де йдеться про громадянські права (ст. 33 — свобода пересування, ст. 34 — сво-

[2]Бернард Г. Сіган. *Створення конституції для народу чи республіки, які здобули свободу.* — Київ, 1993

бода слова, ст. 35 — свобода совісті, ст. 36 — право на створення об'єднань, ст. 39 — свобода зібрань). Отже, закон стає умовою реалізації права, і ніщо не заважає ухвалювати закони, які обмежуватимуть право. Приміром, «право на підприємницьку діяльність, не заборонену законом» (ст. 42), не перешкоджає парламенту законами поступово заборонити всі види підприємницької діяльності. Автор вважає, що від такої ймовірної колізії не врятує і наявність ст. 22, яка говорить: «Конституційні права і свободи гарантуються і не можуть бути скасовані. При прийнятті нових законів, або внесенні змін до чинних законів не допускається звуження змісту та обсягу існуючих прав і свобод». Для «включення» цієї статті в дію потрібен процес у Конституційному Суді. Крім суто політичних труднощів, які постануть при поданні відповідного позову (див. про це нижче), позивачеві буде досить важко довести, що парламент ліквідував саме право на підприємницьку діяльність або зменшив його обсяг, позаяк: а) в Конституції є згадане вище застереження: право поширюється лише на «не заборонену законом» діяльність; б) обсяг підприємницької діяльності конституційно не окреслено.

Показово, що підставами для законодавчих обмежень прав є не лише інтереси національної безпеки, територіальної цілісності чи громадського порядку, а й категорії, які явно перебувають поза межами компетенції держави, — скажімо, «здоров'я та моральність населення» (відзначимо, що, хоча такі норми є в дея-

ких конституціях, приміром, Італії та Іспанії, вони суперечать класичним уявленням про роль держави, і з причин, про які буде сказано в п. 3, не можуть бути запозичені).

Класична конституційна схема передбачає, що права повинні бути сформульовані в абсолютній формі. Це не означає неможливості законодавчого обмеження прав — врешті, будь-який закон унаслідок свого позитивного, «наказового» характеру так чи інакше обмежує права. Ухвалюючи закони, законодавець керується своїми пріоритетами — якому саме праву віддати перевагу. Проте, абсолютне формулювання права в Конституції зберігає можливість оскаржити дії законодавця, котрий часто керується політичними міркуваннями, і скасувати або скоригувати закон.

Тут авторові можуть заперечити, що формулювання прав української Конституції «списано» з міжнародних документів із цих питань. Це великою мірою так, але ті документи ухвалювалися за доби СРСР і «соціалістичного табору», тож вони мають компромісний вигляд. До речі, з цієї причини багато демократій не приєднується до міжнародних документів про права людини.

Другим варіантом запрограмованого Конституцією обмеження прав є, наприклад, ст. 41. У ній сказано, що право приватної власності непорушне. Ця формула випливає з природності права на приватну власність (тобто, воно існує незалежно від того, що про це думає держава). Але подальше твердження статті 41,

що «право приватної власності набувається в порядку, визначеному законом», суперечить непорушності, позаяк те, що й так існує, не може «набуватися», та ще й «у порядку, визначеному законом».

Усі ці, здавалося б, суто теоретичні проблеми мають практичні наслідки. Коли паралельно існують дві конституційні норми, одна з яких більш зручна для держави, а друга — менше, то завжди застосовуватиметься зручніша. У нашому випадку це означає, що діятиме теза про «набування права приватної власності на основі закону». Фактично, стан справ після ухвалення Конституції нічим не відрізнятиметься від попереднього: держава й надалі збирається «видавати» власність громадянам, що дає змогу не тільки досить швидко забрати її, а й легко та вільно змінювати правила гри у цій сфері.

1.2. Існування позитивних прав До переваг нової Конституції можна віднести те, що вона містить менше так званих позитивних прав (entitlements), ніж офіційні конституційні проекти. Права на працю та житло, які були каменем спотикання конституційних проектів, сформульовано в досить цивілізованій формі (право на працю, як право на вільний продаж робочої сили, а не як право обов'язкової оплати за будь-яку працю). Правда, збереглися інші позитивні права — на достатній життєвий рівень (ст. 48), на освіту (ст. 53), на охорону здоров'я (ст. 49).

Існування позитивних прав робить безглуздим судочинство на основі Конституції (що вкрай необхідно). Одночасне існування судочинства на основі Конституції та позитивних прав загрожує руйнуванням судовій системі, позаяк цілком очевидно, що судові рішення, ухвалені на захист позитивних прав, неможливо виконати. Одним із наслідків такого стану справ може стати небажання судів розглядати справи на основі Конституції. А без можливості судочинства на основі Конституції практично цілком втрачає сенс конституційна гарантія будь-яких прав.

1.3. Юридичний позитивізм Ст. 92.1 визначає: «виключно законами України визначаються права і свободи людини і громадянина». Фактично така формула передбачає тотожність права та закону (що і є сутністю юридичного позитивізму). Концептуально ця теза суперечить проголошеному раніше принципові верховенства права і робить непотрібною конституційну гарантію прав громадян. Зате нею підтверджено обов'язковість існування законодавчих актів, які регламентують права (див. п. 1.1.).

2. Організація зворотніх зв'язків «суспільство-держава» Ідея природного права відбилася в конституціоналізмі у принципі верховенства права (ст. 8). Цей принцип означає не так обов'язковість виконання писаних актів і дотримання процедур, як обмеження дій держави захищеними конституцією правами й можливістю суду захищати не окреслені в ній права

(як це передбачає 9-а поправка до Конституції США і ст. 22 нашої Конституції). Додамо, що континентальна система права, впроваджена в європейських країнах (зокрема й в Україні), змушує досить докладно описувати правові положення в Конституції і практично неминуче призводить до появи ухвалених на її основі й на її розвиток законів і підзаконних актів. Усе це, особливо за умов нашої країни, створює умови для поступової втрати проголошуваних Конституцією свобод через дедалі більше їх уточнення нормативними актами. Непомітне й поступове обмеження свободи призводить до її зникнення, а отже — до стагнації та деградації держави. Тож конституція, яка грунтується на природному праві, повинна мати юридичний пріоритет перед законодавством. Таким чином, конституція створює зворотний зв'язок, який дає змогу коригувати діяльність держави, не даючи їй деградувати. Такий зворотний зв'язок забезпечують конституційні положення: гарантія державою захисту прав громадян (ст. 22), можливість громадян звертатися в суд задля захисту своїх конституційних прав (зокрема, подавати в суд на державу) (ст. 8, ст. 55), заборона приймати закони, які суперечать конституції (тобто порушують права) (ст. 8), неможливість для держави «скасувати» права за будь-яких обставин (ст. 22), можливість (і навіть обов'язок) громадян чинити збройний опір кожному, хто спробує скасувати такий порядок («право на повстання»). Здійснює цей зв'язок суд.

2.1. Судовий захист конституційних прав Головний елемент зворотного зв'язку між суспільством і державою — можливість громадянина подавати в суд на окремих державних чиновників, на державні органи та державу загалом на основі Конституції. Більшість розвинених країн таку можливість забезпечує. В Австрії, Канаді, Франції, Німеччині, США суди спроможні оголошувати закони неконституційними (отже — нечинними). У Швеції та Норвегії суди мають право не застосовувати закон, який вони вважають неконституційним, і керуватися конституційними принципами при розгляді справ, які стосуються дій уряду та приватних осіб. В Австралії, Великій Британії та Нідерландах суди мають право оголошувати нечинними рішення державних органів і керуватися конституційними принципами в процесах між приватними особами. Хоча українська Конституція гарантує судочинство на основі Конституції (ст. 8), реалізація його здається вельми сумнівною з низки причин:

- Конституція не передбачає системи «судового нагляду», яка діє в США і є, на думку автора, найефективнішим засобом «очищення» законодавства та нормативних актів від антиконституційних положень. Бернард Сіган у згадуваній вище праці навів адаптований виклад принципу «судового нагляду», придатного для використання в континентальній системі: «судді не можуть застосовувати закони, які не збігаються з цією конституцією. У випадку, коли в ході судового процесу

суд визначає, що застосований ним закон може суперечити конституції, суд повинен перервати процес та звернутися із формальним запитом до Конституційного Суду з приводу конституційності зазначеного закону. Якщо закон буде визнано чинним, судовий процес поновлюється» (ст. 8 «типового» проекту конституції Б. Сігана);

- відсутність описаного вище механізму може призвести до таких наслідків. Дві основні категорії справ, що їх розглядають наші суди, регулюються відповідними кодексами — цивільним і кримінальним. У разі суперечності між нормою кодексу і Конституцією, суд повинен керуватися останньою. Проте це фактично означає визнання норми кодексу антиконституційною. Однак ухвалення такого рішення входить у компетенцію Конституційного Суду, позаяк єдиним органом конституційної юрисдикції є саме він (ст. 147). Така колізія не має свого розв'язання в рамках Конституції та чинної судової системи. Тож, скоріш за все, суди не керуватимуться у своїй практиці Конституцією як законом, що має пряму дію;

- друга (і, мабуть, основна) категорія позовів, поданих на основі Конституції, може стосуватися неправомірності тих чи інших нормативних актів. Отже, звичайний суд змушений буде знову перєбирати на себе компетенцію Конституційного Суду;

- в Україні майже немає практики адміністративної юстиції й відповідних судових правил;

- в Україні практично не визнають принципу судового прецеденту (за винятком ухвал пленуму Верховного Суду), на якому великою мірою грунтується адміністративна юстиція. Показово, що сучасний американський дослідник Сандра Колівер у праці «Конституція та свобода слова» відзначає: «через очевидну конституційну значущість свободи преси (додамо: й інших свобод. — В.З.) навіть у країнах із кодексною (континентальною) системою чинне законодавство дедалі більшою мірою встановлюється не шляхом кодифікації, а на основі судового прецеденту»;

- практичній реалізації конституційних норм у звичайному судочинстві перешкоджатиме наявність закріплених у конституції позитивних прав (див. п. 1.2);

- Конституційний Суд, який фактично відокремлено від судової системи, є скоріше політичним органом, який тлумачить Конституцію в тій частині, що стосується органів влади. Стаття 150 вказує, що Конституційний Суд розглядає справи, які подають Президент, 45 депутатів, Верховний Суд, Уповноважений з питань прав людини або Верховна Рада Криму. У цьому списку суди звичайної юрисдикції представляє Верховний Суд, тобто для того, аби потрапити до Конституційного Суду,

справа спершу повинна пройти всі етапи звичайного судочинства.

2.2. Пряма дія Конституції Умовою можливості судочинства на основі Конституції є її пряма дія. Стаття 8 проголошує цей принцип. Звичайно «пряма дія» охоплює такі вимоги до тексту: кожна норма Конституції повинна бути сформульована простим і однозначним способом, про одне й те саме в Конституції говориться тільки один раз, і кожна стаття говорить лише про одне; для прямої дії не потрібні інші закони з цієї проблеми, кожне поняття (приміром, «цензура») має бути розтлумаченим у Конституції; кожна норма Конституції стосується певних суб'єктів і має правові наслідки. Навіть побіжне знайомство з текстом говорить про те, що більшість цих вимог не дотримується. Крім того, поки в тексті Конституції існує маса посилань на закони, які мають бути ухвалені (34 закони) чи доопрацьовані (15 законів), про пряму дію практично не може бути й мови.

2.3. Право на повстання Доля «права на повстання» доволі показова для новітньої української історії. Звичайно це право звучить таким чином: «Народ і кожний громадянин мають право чинити опір будь-кому, хто здійснює спробу ліквідувати конституційний лад, якщо передбачені Конституцією засоби не можуть бути використані» (ця формула — з проекту Конституції В. Речицького, котрий, на думку авто-

ра, найбільше відповідає нормам і духові конституціоналізму. Зазначимо, що наведене формулювання узагальнює визначення права на повстання в конституціях інших країн). Усі офіційні проекти Конституції містили це право, викладене в **протилежному** розумінні, коли громадянам надавалося право захищати державу, а не перешкоджати встановленню тиранії. Компромісним варіантом стало не коригування викладу, а зникнення цього права з остаточного тексту Конституції. Наголосимо, що країни, які гарантують це право (здебільшого, країни англосаксонської традиції), не лише відрізнялися внутрішньою стабільністю, але й не знали тоталітаризму.

3. Проблема адаптації Вважається, що однією з найглибших проблем демократизації нашого суспільства є парадоксальність цього процесу — західна демократія виникла як підсумок природного розвитку, наша «запроваджується згори», не маючи найважливіших умов для свого існування. Але питання «курка чи яйце» тут не існує: демократія (як інститути) і супутні їй традиції розвивалися водночас і взаємообумовлювалися, при цьому всі країни щось запозичили одна в одної. Запозичення — це непогано, але треба запозичувати не конкретні підсумки розвитку (як це відбувається в нас, коли розмірковують про західні зарплати, охорону праці тощо), а принципи, які зробили ці підсумки можливими. Такі принципи стосуються не стільки формальної демократії та її інститутів, скільки умов неза-

лежності громадян від держави — гарантій власності, дотримання договорів і обов'язковості процедури.

З цього погляду найважливішу адаптивну роль у перенесенні демократичних принципів відіграє конституція. Проте нова Конституція є простою компіляцією західних текстів і не виконує цієї важливої ролі. Річ у тім, що основи західної цивілізації не заносяться до конституцій, а визначаються деякими загальними традиціями (які й дозволяють нам називати абсолютно різні держави одним словом «Захід»).

Виникає проблема «переведення» цих традицій у юридичні формули. Таке «переведення» може здійснюватися двома способами. По-перше, конституційним закріпленням деяких фундаментальних особливостей Заходу (приміром, «власність держави не може бути більшою від власності громадянського суспільства», як сказано в проекті В. Речицького), по-друге, уточненням деяких наявних «деталей», ігнорування яких зводить нанівець проголошувані демократичні принципи. Останній спосіб використовується у «типовому» проекті Б. Сігана. Наприклад, розділ 8 ст.1 цього проекту встановлює норми законодавчого процесу, розділ 9 стверджує, що «законопроект є справжнім виявом волі Національних зборів, якщо охоплює не більше ніж один предмет, зазначений у назві документа». Проект установлює найважливіші норми конституційного судочинства. При цьому завдяки ясності й простоті формулювань текст «типового» проекту менший за текст нової української Конституції.

Наслідки «неадаптованості» тексту можна проілюструвати на вищезгаданому прикладі прямої дії Конституції.

«Ментальна особливість», яку в даному разі має врахувати Конституція задля адаптації тексту до наших умов, полягає або в незнанні навіть юристами вимог до «прямої дії», або в небажанні авторів застосовувати її на практиці. Тому «адаптоване» викладення принципу прямої дії мало б містити і розшифрування самого цього принципу. Це дозволило б звести наніве-ць дію численних двозначностей тексту (котрих навряд чи вдасться позбутися, доки конституції пишуться «колегіально») в судовій практиці.

Іншим прикладом «неадаптованості» є існування «позитивних» прав нарівні з правами, які обмежують державу. Поняття «соціальна держава» (якою проголошується Україна) не означає, що держава гарантує захист «позитивних» прав у суді нарівні з рештою. «Позитивні» права існують у «соціальній державі» (зазначимо, що «несоціальні» держави їх і не намагаються проголошувати) скоріше як певні завдання (іншими словами, добрі наміри), до яких держава прагне й витрати на досягнення деяких з них бере на свій кошт. Відсутність безпосередньо створюваної Конституцією диференціації прав, грунтованій на понятті «соціальної держави», може призвести до змальованих у п.2.1 наслідків.

Прикладами адаптованого тексту можуть бути положення з проекту Конституції Всеволода Речицького:

«Свобода народу є головним пріоритетом Конституції. Громадянський мир, безпека, захищеність та стабільність є головними пріоритетами держави. Пріоритети держави підпорядковані пріоритетам Конституції». «Воля народу визначає волю держави і є найвищим владним персоніфікованим авторитетом. Конституція є найвищим деперсоніфікованим авторитетом. Законодавча, виконавча та судова влади в державі підпорядковані волі народу та Конституції. Законодавча та виконавча влади є автономними одна від одної. Судова влада є незалежною від законодавчої та виконавчої влади. Судова влада дослуховується волі народу лише за умов, коли вона виражена в формі Закону».

4. Поділ влади. Політична система Конституційна організація політичної системи має мінімізувати системні фактори політичного ризику. Це завдання полягає в реалізації принципу поділу влади й організації «стримування і противаг».

4.1. Поділ влади Часто основою принципу поділу влади (розмежування повноважень окремих гілок) вважається неприпустимість концентрації абсолютної влади в одних руках. Проте це не зовсім так. Принцип поділу влади зорієнтований перш за все на ефективність здійснення влади. Традиційно вважається, що таких влад (гілок влади) три, проте коректніше, на наш погляд, виділяти чотири влади — установчу, законодавчу, виконавчу та судову. Автори цього принципу, які спостерігали на практиці неефективність монархії,

де всі види влади було зосереджено в одних руках, вважали, що кожну з влад має здійснювати окремий державний орган, уповноважений на те народом. Таким чином, в основі поділу влади лежить функціональний принцип.

Установча влада, яка створює державні органи, ніде не існує у вигляді самостійного постійного органу. Зазвичай її роль обмежується створенням держави й державних інститутів шляхом ухвалення Конституції спеціальним органом — Установчими зборами (США, деякі країни Європи після Другої світової війни та розпаду «соцтабору»). Після ухвалення Конституції установча влада розподіляється між іншими владами: в парламентських системах вона притаманна парламентові, у США — Верховному Суду й парламентові тощо. В українській Конституції установча влада розподілена між парламентом, Президентом (право створювати нові державні органи) й Конституційним Судом (право тлумачити Конституцію).

Законодавча влада за новою українською Конституцією зосереджена переважно в парламенті, хоча деякі законодавчі функції має Президент (Кабінет Міністрів як найвищий орган виконавчої влади зобов'язаний керуватися не лише Конституцією й законами, але й актами Президента).

Судова влада зосереджена в судах загальної юрисдикції та Конституційному Суді. Її функції має також Президент, оскільки «скасовує акти Кабінету Міністрів

та акти Ради міністрів Автономної Республіки Крим» (ст. 106). Крім того, «рішення голів місцевих державних адміністрацій, що суперечать Конституції та законам України, іншим (яким? — В.З.) актам законодавства України, можуть бути відповідно до закону скасовані Президентом України…» (ст. 118).

Виконавча влада виглядає досить дивно: у Конституції говориться, що «Кабінет Міністрів України є вищим органом у системі органів виконавчої влади» (ст. 113). Саму цю систему не окреслено. Крім того, Президент «на основі та на виконання Конституції і законів України видає укази і розпорядження…» (ст. 106), тобто здійснює виконавчі функції.

4.2. Французька й українська політичні системи Звичайно вважають, що в Україні реалізовано змішану політичну систему, взірцем якої є Франція. Проте простий порівняльний аналіз показує, що це не так. Хоча у Франції носієм виконавчої влади також є уряд, а не президент, уряду без президента юридично не існує. Засідання уряду Франції неодмінно очолює президент. Ба більше, «президент республіки підписує декрети, обговорені Радою міністрів» (ст.13). Це означає, що самостійних актів уряду Франції не існує. Так діє інститут контрасигнації — спільного підпису виконавчого акта президентом і відповідальним міністром. Українська Конституція не передбачає обговорення актів Президента в уряді й участі голови держави в його

роботі, тому контрасигнація у нашому разі має досить формальний вигляд.

Найважливішою є різниця у відносинах президентів і прем'єрів двох країн. Стаття 115 Конституції України говорить: «Прем'єр-міністр зобов'язаний подати Президентові України заяву про відставку Кабінету Міністрів України за рішенням Президента України чи у зв'язку з прийняттям Верховною Радою резолюції недовіри». У французькій конституції сказано: «президент припиняє повноваження прем'єр-міністра за заявою останнього про відставку уряду» (ст. 8). На практиці це означає: якщо немає заяви про відставку, то немає й самої відставки, тобто прем'єр, по суті, залежить від волі парламентської більшості. У цілому можна сказати, що, на відміну від французького, український Президент має набагато менше відповідальності й велику свободу маневрування.

5. Загальні зауваження

5.1. Етатистська орієнтація Весь текст Конституції просякнутий духом верховенства держави щодо громадянина. Уже згадані формулювання громадянських прав, організація політичної системи, наявність перехідних положень, що зберігають можливості держави свавільно втручатися у справи приватних осіб, створюють враження, що автори Конституції сприймають державу як самоціль, а громадян — як нетямущих «підданих», котрі потребують опіки.

Найпереконливіше (хоча й не так помітно, як в інших випадках) верховенство держави простежується в статтях про приватну власність, що мають безліч застережень і непотрібних емоційних пасажів. Це не випадково, оскільки саме приватна власність створює незалежних від держави громадян і взагалі уможливлює постановку питання про межі державних повноважень.

«Державність» сама по собі перетворюється на якийсь юридичний критерій. Наприклад, стаття 37, яка, зазначаючи підстави для заборони політичних партій, першою називає програмні цілі або дії, спрямовані на «ліквідацію незалежності України» (у чому за допомогою примітивної риторики може бути звинувачена практично будь-яка політична партія), а передостанньою — «посягання на права і свободи людини». У статті 65 сказано, що «захист Вітчизни, незалежності та територіальної цілісності України… є обов'язком громадян України» (принагідне зазначимо, що така формула виправдовує існування армії, сформованої за «військовою повинністю»). Зрештою, перший пункт статті 106, що визначає повноваження Президента, стверджує, що Президент «забезпечує державну незалежність». Створюється враження, що автори Конституції не були впевненими в життєздатності Української держави й прагнули «закріпити» її юридичними нормами.

5.2 Декларативність, перевантаженість, зайва пишномовність. У статті 1, наприклад, сказано: *«Україна є суверенною і незалежною, демократичною, соціальною, правовою державою»*. Це означення (почасти дубльоване іншими статтями, наприклад ст.5: «Україна є республікою») не накладає жодних обов'язків на державу, оскільки жодна з цих характеристик (крім незалежності) не може бути «введена» Конституцією. Статтю можна «перекласти» таким чином: *«Україна є незалежною, хорошою, доброю і справедливою державою»*. Стаття 16: *«Забезпечення екологічної безпеки… подолання наслідків Чорнобильської катастрофи — катастрофи планетарного масштабу, збереження генофонду українського народу є обов'язком держави»*. Стаття 24 ілюструє своєрідне уявлення авторів про рівноправність: *«рівність прав жінки і чоловіка забезпечується… встановленням пільг…»*

5.3. Деталізація Невиправдана докладність в одних випадках («держава дбає про розвиток фізичної культури та спорту», ст.49) і невиправдана стислість в інших (організація влади).

5.4. Невизначеність, суперечливість Стаття 69: «Народне волевиявлення здійснюється через вибори, референдум та інші (які? — В.З.) форми безпосередньої демократії». Стаття 111, імпічмент: «Для проведення розслідування Верховна Рада створює спеціальну тимчасову слідчу комісію, до складу якої

включаються спеціальний (?) прокурор та спеціальні (?) слідчі». Інший приклад: формула «цензура заборонена» — доволі безглузда, оскільки не зрозуміло, кому забороняється і що таке цензура. Крім того, проголошення свободи слова вже означає заборону цензури. За приклад суперечливості може правити та ж стаття 111 (імпічмент). Вона передбачає перед голосуванням парламенту («винен — не винен») судовий висновок Верховного Суду про те, що дії Президента містять ознаки «зради». Судові органи в статті 111 виконують суперечливі щодо своєї природи функції. Мало того, сам авторитет судової влади ставиться під удар політичної кон'юнктури. Як зможе існувати судова система, якщо, наприклад. Верховний Суд дійде висновку, що дії Президента містять ознаки «державної зради» (що непритаманне для суду, який не є обвинувачувальним органом), а парламент не ухвалить рішення про вину? Розуміючи цю обставину, судді, скоріше за все, не захочуть ризикувати авторитетом суду й не дадуть належного висновку. Абсолютно невиправданим є існування в Конституції «Ради безпеки і оборони», про яку, по суті, сказано лише, що її «функції визначаються законом» (ст.107).

5.6. Некритичність За приклад може правити Вища рада юстиції — орган, який складається з виборних членів і членів, які входять «за посадою». Рада призначена для того, аби пропонувати парламентові та Президентові кандидатури суддів, ухвалювати рішення про порушення суддями та прокурорами

вимог несумісності тощо (ст.131). Цей орган «списано» з французької конституції. Оскільки існує готовий французький досвід діяльності такого органу (Рада магістратури), можна не вдаватися до складного аналізу механізму незалежності суддів і одразу ж послатися на готові результати. Опитування населення 1993 року засвідчило, що 82% французів уважають суди залежними від політичної влади. Показово, що президент Міттеран після цього запропонував поправку до конституції, яка позбавила його права призначення до Ради магістратури — це один із небагатьох прикладів добровільного скорочення повноважень президента [3].

II. Наслідки ухвалення Конституції

Очевидно, що загальною перспективою розвитку країни є тенденція до збереження та посилення контролю держави над використанням суспільних ресурсів (якими є й юридичні норми). Це означає збереження слабкості громадянського суспільства, практичну відсутність інших, крім держави, суб'єктів політичної діяльності, збереження наявної тотожності політичних сил з державними інститутами та регіональними кланами.

[3] Н. Сахаров. *Институт президентства.* — Москва, 1994)

1. Політична система

1.1. Проблема парламентської більшості Теоретично в «змішаній» моделі більшість може існувати у зв'язку з підтримкою уряду або/і президента. Нажаль, у новій Конституції немає причин для створення парламентської більшості в обох випадках.

а) «Урядова» більшість. За українською Конституцією прем'єр-міністра призначає Президент за згодою парламенту. Більшість, що її здобув уряд, ще не є вотумом довіри. Другим етапом «затвердження» уряду є голосування за його програму. Це теж не зовсім вотум довіри. Парламент не бере на себе відповідальності за уряд, а просто підтримує його програму. У питанні підтримки може виникнути більшість, але вона буде лише ситуативною. Відокремлення голосувань щодо призначення прем'єра від підтримки програми уряду робить політичну систему непрозорою, а парламент — нестійким.

Водночас парламент має можливість відправити уряд у відставку. Це єдина основа для створення більшості (яка теж може бути ситуативною, але на відміну від більшості, створеної задля підтримки програми, матиме однозначні наслідки). Така «негативна» більшість — найгірше, що можна придумати. Додамо, що конституційне обмеження права парламенту відправити у відставку уряд (таке питання може бути поставлене один раз протягом сесії) робить парламентський

контроль за урядом доволі сумнівним. Тверда більшість може сформуватися лише тоді, коли існує постійна загроза (і можливість) відставки уряду парламентом.

б) «Президентська» більшість. Парламент не зможе поділитися на більшість і меншість щодо політики Президента, як це інколи відбувається в президентській республіці, оскільки «політики Президента» ніби не існує — замість нього завжди виступає уряд. За умов, коли парламент не впливає на призначення, але впливає на відставку, завжди існуватиме велика кількість невдоволених. Оскільки парламент не несе відповідальності за уряд, це розв'язує руки для найрізноманітнішої критики. При цьому претензії до Президента, який призначає уряд, не можуть бути ефективними через невразливість голови держави. Тому завжди і в усьому винуватим буде уряд.

Брак постійної більшості паралізує законодавчу діяльність парламенту. Таким чином, парламент у новій системі є радше органом «говорильним», ніж політичним і законодавчим.

1.2. Пасивний уряд У найнеприємнішому становищі опиняється уряд, котрий призначаться Президентом, і котрий можуть відправити у відставку як Президент, так і парламент. Уряд, «затиснутий» між Президентом і парламентом, не має щонайменших стимулів виявляти бодай хоч яку активність та ентузіазм. Скорі-

ше він дотримуватиметься логіки «хоч би нічого не сталося», чекаючи на команду «згори».

Обмеження, накладені на парламентське право відставки, не міняють суті справи й навіть погіршують становище. Як і в звичайній парламентській республіці, відставка уряду залежатиме від політичної кон'юнктури. Якщо така колізія виникне в період, коли відставка уряду парламентом за Конституцією неможлива, політичні сили шукатимуть іншого каналу розв'язання колізії. Це створює вкрай небезпечний момент непередбачуваності та нелегальності політичного процесу.

1.3. Безвідповідальний Президент Президент має неабиякі переваги в контролі над урядом. Насамперед, на відміну від парламенту, який може протягом строку повноважень поставити питання про довіру урядові щонайбільше шість разів, Президент може відправити уряд у відставку в будь-який момент. Вважається, що право парламенту схвалювати кандидатуру прем'єра змушує Президента зважати на парламентську більшість. Однак, через атрофованість більшості, для формування якої просто немає приводу, парламентський вплив на призначення прем'єра й уряду буде мінімальним.

Якість вказівок, що їх дає Президент, теж не може бути високою, оскільки, опинившись у безпечному ста-

новищі, він стає незацікавленим в активній публічній політиці.

Єдиною формою відповідальності Президента є імпічмент. Але за процедурою, що її пропонують у статті 111, просто неможливо нікого усунути з посади. Американська конституція, яка запровадила поняття імпічменту, передбачає набагато простішу процедуру — порушення справи двома третинами нижньої палати та ухвалення рішення двома третинами Сенату. Однак, незважаючи на позірну простоту, за всю історію США справи про імпічмент, котрий поширюється на всіх федеральних чиновників, порушувалися лише 12 разів, причому щодо президента один раз — 1867 року, коли для усунення Ендрю Джексона не вистачило одного голосу в Сенаті [4]. Річард Ніксон, як відомо, сам подав у відставку під загрозою імпічменту.

Процедура імпічменту наочно ілюструє основну політичну суперечність української Конституції — невідповідність «міцності» Президента його функціям. Звичайна логіка передбачає, що саме функції визначають «права» чи «міцність» тієї чи іншої державної посади. Ця думка повною мірою стосується конституції США, де особлива процедура імпічменту виникла тільки на тій підставі, що президента обирають усі громадяни, тому він не може бути усунутий із посади в звичайному судовому порядку. Всенародні ж вибори Президента проводяться тільки тому, що він особисто фор-

[4] Л.Энтин. *Разделение властей*. — Москва, 1994

мує й очолює виконавчу владу, незалежну від парламенту. Якщо наш Президент не має формальних виконавчих функцій, його імпічмент просто безглуздий, втім, так само, як і прямі вибори.

1.4. Зворотний бік безвідповідальності Президент здається найбільш «добре влаштованою» політичною постаттю, однак це не так. З огляду на його величезні повноваження й мінімальну відповідальність, усе політичне життя буде зосереджене навколо нього. Всілякі групи впливу прагнутимуть реалізувати свої інтереси перш за все в президентській адміністрації. В адміністрації та у виконавчій владі неминуче утворяться свої «фракції». Важливо, що така діяльність буде нелегальною, оскільки не існує (і не може існувати) каналів її легалізації.

І в парламентській, і в президентській системах групи впливу зосереджуються навколо законодавчої влади, котра завдяки своєму представницькому характерові передбачає можливість легального погодження різних інтересів протягом законодавчого процесу. Крім того, в парламентській системі уряд призначається парламентом і відбиває якісний склад більшості (партії чи блоку партій). Це робить усілякий лобізм у виконавчій владі небезпечним для правлячої більшості, з огляду на наявність недремної парламентської опозиції. В президентській системі Президент захищений від лобізму суто виконавчим характером своєї діяльності й однопартійністю свого уряду.

«Нелегальна» діяльність непередбачувана й небезпечна. Обраний за новою Конституцією Президент опиниться в стані перманентної боротьби з інтригами та змовами, про іншу діяльність йому доведеться просто забути. Крім того, через запрограмовану бездіяльність Кабінету та Президента, будь-якому чинному Президентові, якщо він дотримуватиметься закону, практично гарантована поразка на наступних виборах, де всі шанси матимуть прем'єр, котрому, зрозуміло, «не давали працювати», або «непримиренна» опозиція.

Таким чином, на нашу думку, немає жодних причин для вибору на користь «змішаної» системи, оскільки вона містить потенційний системний конфлікт усередині виконавчої влади. За наших умов механізм ухвалення рішень та політичної відповідальності повинен бути максимально ефективним, для чого спочатку він мусить бути внутрішньо логічним і прозорим. Ми не можемо собі дозволити конфлікту всередині виконавчої влади, єдність якої є однією з найголовніших умов проведення реформ.

Хоч як дивно, ще одним аргументом проти «змішаної системи» є її широке розповсюдження в пострадянських і постсоціалістичних країнах. Змішана система, зазвичай, з'являлась у цих країнах унаслідок «додавання» інституту президентства до формально парламентської республіки, де виконавчу владу очолював прем'єр. Повсюдна реалізація такої схеми ілюструє не тільки загальні проблеми пострадянських країн

(необхідність «сильної» президентської влади, наявність кланів і груп, які впливають на окремі гілки влади тощо), але й загальну, майже інтуїтивно обрану правлячою бюрократією схему відновлення «ЦК без компартії», коли роль ЦК відіграє всевладний, але безвідповідальний президент. Як і українська, решта «змішаних» систем відрізняється від класичної французької в бік зниження відповідальності президента (Н. Сахаров. Назв. праця). Зазначимо також, що західні країни (крім Франції) користуються двома прозорими моделями — парламентською (континентальна Європа, Велика Британія та її колишні домініони) та президентською (США).

2. Збереження феномена президентської адміністрації Поява адміністрації як самостійної структури пов'язана зі зрозумілим бажанням будь-якого президента в «змішаній» президентсько-парламентській системі мати біля себе мобільну структуру з «надійних людей» і не мати справи з Кабінетом, залежним від Верховної Ради та публічної політики. Неузаконений статус адміністрації зручний тим, що дає змогу здійснювати реальне управління, не обтяжуючи себе правовими процедурами. Політична відповідальність за діяльність адміністрації відсутня (точніше, за неї відповідає Кабінет Міністрів, оскільки, крім нього, об'єкта для пред'явлення претензій до виконавчої влади не існує).

3. Відсутність підгрунтя економічного відтворювання Конституція не створює економічних умов розвитку країни. Формула приватної власності виписана невправно й не може задовольнити ні вітчизняного підприємця, ні потенційного інвестора. Крім того, власність на землю регулюється окремою статтею, де сказано, що «земля є основним національним багатством, що перебуває під особливою охороною держави». Надра, ліси та інші природні ресурси «є об'єктами права власності українського народу». Все це, вкупі з практично не гарантованим правом на підприємницьку діяльність і явно непосильними державними обов'язками, складає сприятливу ситуацію для втечі капіталів і робочої сили з України.

4. Небезпека президентських виборів Прямі вибори Президента мають сумнівний загальний сенс. Оскільки в Конституції існує особливе поняття «програми уряду», а таких урядів протягом майбутнього президентства може бути декілька (з різними програмами), кандидат у Президенти може виходити на вибори з **будь-якою** програмою, за котру просто не буде з кого спитати.

Такий стан справ заважає становленню партій як сполучних містків між громадою та владою. Жодна партія, яка розраховує на майбутнє, не зв'язуватиметься з кандидатом-популістом. Однак, «нова» система сприяє тому, що на президентських виборах перемагатимуть саме популісти (щоразу —

антиподи попередніх президентів). На їхню підтримку створюватимуться «виборчі блоки», котрі розпадатимуться після виборів. Замість багатопартійності ми отримаємо постійну мішанину «дрібнопартійності». Тому вибори та виборність у «новій» системі не є інститутом політичної відповідальності, оскільки суб'єкти такої відповідальності — постійні партії — відчужуються системою.

Відзначимо, що Президента програмує на безпартійність стаття 103, котра забороняє кандидату «обіймати посаду в об'єднаннях громадян». Можливо, що самостійна передвиборна програма Президента мала б сенс у розвинутій партійній системі, де вибори не могли б пройти без партій.

Нарешті, вибори найвищої посадової особи, права котрої настільки привабливі, концентрують на собі політичне життя країни. При цьому результати виборів мають значення для їхніх учасників, а не для населення (через специфіку розглянутих вище функцій Президента), що зайвий раз змушує громадян «розчаруватися в політиці» та створює грунт для право-лівого екстремізму. Це останнє — з огляду на популістський характер виборчих президентських кампаній, — зберігатиме розкол усередині країни.

5. Ухвалення органічних законів Серед органічних законів (тобто законів, які «продовжують» Конституцію) в нашій ситуації найважливішими стануть закони,

які стосуються організації влади. Це — закон про Кабмін, про місцеве самоврядування, про вибори, про Конституційний Суд тощо. Сьогоднішня практика показує, що ухвалення органічних законів інколи «виправляє» Конституцію в кращий бік. Так, наприклад, закон про Конституційний Суд дещо збільшив кількість тих, хто має право звертатися до КС. Проект закону про Кабмін, прийнятий парламентом за основу, фактично передбачає політичну організацію уряду. «Протистояння влад» довкола органічних законів піде на користь суспільству (виняток становить, мабуть, закон про місцеве самоврядування), оскільки парламент, виступаючи опонентом Президентові, робить це переважно з загальнодемократичних позицій.

6. Розв'язання політичних завдань Ухвалення Конституції пов'язане з розв'язанням суто політичних завдань, одним із яких є збереження становища теперішньої правлячої верхівки. Це становище покликані зберігати перш за все органи примусу. Зокрема, «до прийняття відповідних законів» діють нинішні повноваження прокуратури, стаття 13 перехідних положень продовжує ще на 5 років чинний порядок арешту та утримування під арештом, стаття 4 тих самих положень утверджує право Президента видавати укази з «економічних питань, не врегульованих законами», протягом трьох років.

Політичний характер Конституції виявляється інколи досить безпосередньо, наприклад, у статті 61, яка

ствердж ує, що «ніхто не може бути двічі притягнений до юридичної відповідальності *одного виду* за одне й те саме правопорушення». Показово, що коментарі до Конституції, видані Інститутом законодавства Верховної Ради, буцімто не помічають явного спотворення традиційного права. «Це цілком відповідає міжнародним вимогам про права людини», — говориться в коментарі і далі наводиться текст п.7 ст.14 Міжнародного пакту про громадянські та політичні права, де, зрозуміло, немає слів «одного виду». Оскільки органи охорони правопорядку та правосуддя виконують зазвичай репресивні функції, така норма, що дозволяє декілька разів покарати за те ж саме, досить важлива для влади.

7. Збереження адміністративно-командної системи Розглянуте нами вище становище, за якого акти місцевих адміністрацій скасовує Президент чи голова вищої адміністрації, означає, по суті, збереження адміністративної системи. Юрисдикція Конституційного Суду не поширюється на акти місцевих органів влади. Оскільки більшість актів, які стосуються безпосередньо громадян, видають саме місцеві органи влади, більша частина їхнього життя регулюватиметься нормами, які перебувають поза конституційним полем. Крім того, для скасування акта необхідно поскаржитися «вищим інстанціям». Така практика є однією з умов виникнення «негативного відбору» чиновників, збереження поля для внутрішньоадміністративних інтриг. Як наслідок, «післяконституційна» Україна має вигляд адміністративно-командної системи (на місцях) із де-

якою навколодемократичною оболонкою (поділ влади на державному рівні).

Такими, на нашу думку, є негативні сторони нової Конституції. Цей документ вирішив політичні завдання, ставши договором номенклатури, деякою мірою вирішив нормо-творчі завдання, створивши певні механізми структурування правової системи. Але Конституція не стала елементом «суспільного договору», оскільки ухвалювалася владою та для влади й не визнала «незалежності» громадян від держави; Конституція не виконала антикризової функції, оскільки не створила ефективних механізмів зворотного зв'язку між державою та суспільством, у результаті чого головним джерелом кризи залишиться держава.

І все ж таки Конституція є важливим (першим) етапом конституційного процесу. Принаймні, держава сьогодні набула деякої форми, що дозволяє громадськості обстоювати права перед конкретною силою, а не безтілесним духом. Політичні сили, результатом компромісу між якими стала Конституція, були вимушені внести до неї деякі цивілізовані норми. За належної суспільної активності це дозволить у недалекому майбутньому чи дотримуватися Конституції, чи засвідчити її безсилля (і те, й інше — позитивний результат). Крім того, сама наявність таких норм створює підґрунтя для активності та розвитку громадянського суспільства. Врешті, уважний погляд на розвиток ситуації в Україні дозволяє зробити висновок, що ухвалений текст — не
1997 найгірший спосіб легалізації політичного процесу.

1.1.4 Украина: модель для разборки

Вихри враждебные веют над нами

Песня

В Украине создана уникальная политическая модель, не имеющая аналогов в мире. Она равно отстоит от демократии и диктатуры и находится, если можно так выразиться, в другой плоскости. И демократия и диктатура предполагают ответственность власти и отличаются только способом ее реализации, в первом случае — путем выборов, во втором — как правило, путем революций. Собственно, возможность регулярно выражать свое «фе» правительству и обеспечивает динамику демократии. Невозможность это сделать гарантирует застой диктатуре, но и здесь «фюрер отвечает за все» раз в пятьдесят лет. Привычная оппозиция авторитаризма и диктатуры часто сбивает с толку отечественных и зарубежных наблюдателей и они трактуют украинские политические события как борьбу за власть. Власть, как известно, предполагает и ответственность. В Украине же борьба разворачивается за **объемы безответственности** — наибольшей безответственностью в нашей системе обладает президент, наименьшей, скажем, депутат (напомню, что мы единственная, видимо, страна, в Конституции которой не определен глава исполнительной власти). Что же касается **власти**, то ее объемы ситуативны, правда, о всех чиновнкиах можно сказать, что они могут по отноше-

нию к гражданскому населению действовать, как им заблагорассудится. Разница же между чиновниками состоит в том, кому из них в большей степени «ничего за это не будет». Если на жековского начальника както можно найти управу, то на президента — невозможно никак. В отношениях между собой у них существует некоторая иерархия, но и тут, в общем, нахальные и смелые имеют все преимущества.

Попробуем обосновать этот тезис. Обычное чиновничество защищено многолетними отложениями должностных инструкций, содержание которых охраняется лучше любой военной тайны. Поэтому обратимся к высшему чиновничеству и доступному для всех документу — Конституции, которая с эдакой провинциальной непосредственностью описывает самую суть существующего режима. Речь идет о полномочиях президента, которые в более минималистских версиях стараются воспроизводить другие должностные лица. Итак, если внимательно изучить статью 104 и еще несколько прилегающих к ней, то выяснится следующая картина. Президент имеет:

- полный контроль над правительством (право отправлять в отставку премьера в любой момент и право предлагать кандидатуру нового премьера неограниченное число раз)

- нормативные, а фактически законодательные полномочия (право издавать указы)

- судебные полномочия (право отменять решения исполнительной власти, которая президенту административно не подчинена, и право трактовки Конституции, например, при наложении вето)

Легальные механизмы политического давления на президента отсутствуют (он независим от парламента и от партий, поскольку обязан быть беспартийным). Это приводит к тому, что единственным способом добиться решений от единственного в системе субъекта, способного их осуществить, является нелегальное давление (кабинетные интриги).

Показательно, что полномочия организованы так, что **президент не участвует в позитивом политическом процессе, он действует преимущественно негативно**. Президент не назначает, но увольняет, не принимает, но отменяет и т.д. Он ничем не управляет непосредственно, но его решения необходимы практически для любого административного действия. Мы почему-то нисколько не удивляемся феномену «президента в оппозиции», когда Кучма запросто публично критикует вроде бы подчиненную ему власть. А между тем, этому стоило бы удивиться. Ведь такое поведение возможно только тогда, когда президент стоит не над властной структурой, а находится вне ее.

Чтобы не углубляться в анализ работы существующей системы, остановимся лишь на ключевом моменте — механизме принятия решений, обусловленном

описанной выше схемой. В этом механизме президенту принадлежит:

- право делегировать принятие решения (переадресация парламенту или Кабмину)
- право устанавливать формат решения (формальное — неформальное)
- право менять решения в ходе их исполнения
- право отсрочки принятия решений или пролонгации уже принятых
- право не принимать никаких решений
- право оценивать исполнение решений, равно как и решения, принятые другими.

Можно сказать, что механизм принятия решений скорее отсутствует, чем существует. Президент может принимать решения без остальной части политического механизма, но она без него — нет. Естественно, в такой ситуации возникает административный паралич — никто точно не знает, где начинаются и заканчиваются полномочия президента, и, следовательно, весь «административный ресурс» направлен на то, чтобы выяснить или угадать, что хочет президент. Отсюда пассивность администраций в конструктивных решениях и активность в решениях деструктивных (направленных на то, «как бы чего не вышло»). Заметим также,

что большинство политиков (кроме тех, кому это предписано ролью) предпочитает не проявлять инициативы и вообще не иметь собственной позиции. Это неудивительно, ведь проявление позиции в системе, где президент **определяет свои полномочия ситуативно**, позволительно только в случае поддержки его легальных инициатив. Во всех остальных случаях собственная позиция рассматривается как посягательство на поле деятельности президента, которое не столько им используется, сколько когда-нибудь может быть использовано. Напомню в связи с этим, как в прошлом году все сколько-нибудь влиятельные политики на всякий случай заявили о том, что они не будут баллотироваться в президенты.

И последнее. Негативные полномочия президента приводят к тому, что его системная позиция выглядит так: «ты, в общем, делай, а я посмотрю». Следовательно, недовольные тем как что-то «делается» получают возможность не полемизировать с «делателями», а убедить президента, чтобы он «посмотрел» и прекратил безобразие. Отсюда нелегальность, подковерность всей нашей политики, отсюда все это непрекращающееся «мутилово», постоянные нелепые и абсурдные движения, ситуации и конфликты, вызывающие вполне оправданное отвращение. Если говорить об образах, то украинская система напоминает не классическую «пирамиду власти», а вихрь, повернутый острием вниз. Как известно, чтобы быть устойчивым, вихрь должен вращаться, в него должны засасываться новые люди,

проекты, деньги, ресурсы. Точно так же из него постоянно кто-то выбрасывается силой инерции. Ну, а «точкой спокойствия», вокруг которой все крутится, является должность президента. И еще о вихрях известно, что они не стоят на месте. Вот и этот уже двенадцать
2003 лет гуляет по стране.

1.1.5 Должность президента, как источник кризиса

Нынешний конфликт между Ющенко и Тимошенко дает хороший повод подумать о том, насколько системный характер он имеет, насколько он вызван объективными причинами — той политической моделью, которая сложилась у нас за последние 17 лет.

Действительно, конфликт премьера и президента — типичная история для Украины. Напомню, что президенты Кучма и Ющенко — это бывшие премьер-министры, которым «не давали работать» их президенты. Кроме того, эти же самые президенты «не давали работать» и другим премьерам, которые в разное время пытались стать президентами или, по крайней мере, становились оппозиционерами. Марчук, Лазаренко, Янукович и даже Пустовойтенко — вот фамилии, сразу же приходящие на ум.

Очевидно, что кроме обычных карьерных соображений «политического роста» существуют и объектив-

ные причины такого положения дел. Возможно, они находятся в специфике президентского поста.

Особый президент

Напомню, что «президенты» в Украине, да и в других постсоветских странах, не имеют ничего общего с той должностью, которая была изобретена в США в конце 18 века. Это вызвано условиями, в которых эта должность была внедрена в наш политический механизм. В нашем случае, можно говорить о двух особенностях. Первая состоит в том, что когда развалился СССР, единственной, известной украинской бюрократии и достаточно освоенной моделью управления, была схема ЦК — Совмин. Совмин занимался «хозяйственными вопросами» и отвечал как перед советской властью, так и перед ЦК. ЦК, в свою очередь, в этой системе был безответственным управляющим органом. ЦК был частью другой — партийной — иерархии. «Президент» в нашей версии стал заменителем ЦК. Это было сделано очень просто. Легитимность КПСС, основанная на прямом насилии, была заменена классической легитимностью избираемого должностного лица, но при этом наш президент не получил тех полномочий и, следовательно, той ответственности, ради которых, собственно, он и избирается в тех же США. Вторая особенность — более глубокая. Она состоит в том, что «президент», особенно с теми расплывчатыми полномочиями, которые имеет наш президент, — идеальная фигура для украинской модели. Украинский пре-

зидент — это своего рода «батько», некий начальник начальников, который в силу своего авторитета (и, заметим, ничего более) занимается «решением вопросов».

В 1996-м году эти особенности президентской должности были зафиксированы в Конституции. Ошибаются те, кто говорит, что у Кучмы по той Конституции было много полномочий. Это не так. **Важен был не объем полномочий, а их характер**. Полномочия президента были таковы, что он мог пользоваться ими, во-первых, по желанию, во-вторых — неформально.

Итак, можно сказать, что в Украине существует модель управления, в которой премьер-министр выполняет фунцию нормативного управления и в силу этого находится в сфере публичной политики, парламентской процедуры и т.п. Президент выполняет роль «неформального лидера», который «решает вопросы» и дефакто контролирует премьера. Похоже, что именно здесь находится источник постоянного конфликта.

Президент и премьер. Село и государство

Если посмотреть на наших героев с точки зрения моделей управления (формально-нормативное и неформальное), то картина их взаимодействия будет примерно такой.

- Президент олицетворяет «сельское» начало в Украине. Он специалист по «решению вопросов»,

его функция — арбитраж. Соответственно, для реализации этой функции он находится над законом и вообще какими бы то ни было формальностями. Президент не занимается нормативным управлением, он «включает» эту роль по желанию, когда нужно «подправить» действия Кабинета.

- Премьер является «управленцем», «хозяйственником», он находится, прежде всего, в нормативно-процедурной плоскости. Премьер зависит от парламента и от бригады чиновников, которую он возглавляет. Без президента премьер — типичная классическая государственная должность, высшая в иерархии чиновников.

- Президент неминуемо «порождает» премьера, потому, что президент должен быть арбитром. Он не может регулярно действовать в публичной сфере он может лишь «появляться» в ней, как это демонстрировали нам и Кучма и Ющенко.

- Премьеру «не дают работать» именно в принадлежащей ему публично-нормативной сфере. Это случается, когда «включается» президент и «решает вопросы» не так, как это было предусмотрено ходом бюрократической процедуры.

- Премьер, выступая против президента, действует в публичной сфере. Именно здесь находится ресурс избирателей, который сочувствует премьеру, видя, что таки да, работать не дают.

- Президент не в состоянии справиться с премьером-бунтовщиком, потому что выполняет роль арбитра в неформальных отношениях, которые обывателю не видны. Ему просто нечего предъявить избирателям. Президент неминуемо проигрывает премьеру (если, конечно, тот действует хоть немного последовательно), бывший премьер становится президентом, и цикл повторяется. Это «разделение труда» оформилось в 1996 году, когда Кучма отказался от того, что президент должен возглавлять исполнительную власть, как это первоначально предполагал проект конституции.

«Аэлита» выбирает президента

В политике, безусловно, существуют достаточно жесткие правила. Правда, большинство из них нигде не зафиксировано хотя бы по той причине, что люди, следующие этим правилам, чаще всего считают, что действуют по собственной воле. В конкуренции двух главных должностей — президента и премьера, наша «аэлита» поставила на президента, даже сама этого не заметив. Это случилось совсем недавно, когда политреформа отняла у президента часть полномочий, и главное — право отправлять Кабинет в отставку. Премьер при этом получил почти диктаторские полномочия, далеко выходящие за рамки полномочий премьер-министров в странах с парламентской системой.

Далее история поставила опыт — в 2006-2007 начался конфликт между президентом и Радой (и, соответственно, премьером, как лидером большинства). Президент распустил Раду, позиция его была весьма уязвимой, так как законность роспуска была весьма сомнительной.

И что же мы видим? Мы видим премьера (Януковича), который изо всех сил пытается помириться с президентом, а не наоборот! «Аэлита» выбрала между сильным, но действующим в нормативной плоскости премьером и слабым, но неформальным президентом. Выбор был в пользу президента. Дальнейшее было еще интереснее. «Аэлита» фактически поставила президента туда, где он стоял до политреформы, де-факто своим поведением и согласием с поведением президента восстановила его роль арбитра даже и без той хитроумной юридической конструкции (прежде всего, права отправлять в отставку Кабинет), которая была в конституции 1996 года и с помощью которой роль арбитра получил товарищ Кучма. Конструкции уже нет, а роль все равно выполняется!

Чем все это плохо

Все это означает, что «аэлита» предпочитает и далее действовать закулисно. Можно легко выделить несколько последствий такого состояния дел:

- Система с президентом-арбитром предрасположена к ограничению, к упрощению. Ни один человек не в состоянии быть арбитром для всех желающих. Поэтому круг приближенных узок и имеет тенденцию к уменьшению. Включаются все известные механизмы «отрицательного отбора», в нашем случае хорошей иллюстрацией служит замена Зинченко на Балогу.

- Как результат, экономика тоже устроена по принципу «междусобойчика». Украинский бюджет наполняют около сотни «уважаемых людей», они же делят деньги, поступающие от НДС, в Украине всего две-три статьи экспорта. Это просто невероятно для такой большой страны.

- Должность президента, которая считается «аэлитой» «главной», создает ложные цели для политиков. Пример — все тот же Ющенко, который, скорее всего, действительно хотел принести пользу стране, стал для этого президентом и, разумеется, ничего у него не получилось. Считается, что в этом виноват он сам, и следующие претенденты уже готовы сменить его на этом посту.

- Президент-арбитр делает законы и формальные процедуры ненужными в их прямом качестве. На них просто нет спроса. Нормы играют лишь инструментальную роль, «оформляя» те или иные действия. На этом построена вся отечественая

юриспруденция, которую, вообще говоря, следовало бы назвать как-нибудь по-другому.

- Ну и, наконец, очевидный вывод о том, что сосуществование президента и премьера порождает постоянный политический конфликт. И здесь совсем не обязательно, чтобы они были конкурентами, они могут быть и лучшими друзьями, но конфликт обязательно возникнет. Напомню, что все украинские премьеры, за исключением Тимошенко, были «людьми президента». Это совсем не помогло избежать конфликта.

2008

1.1.6. Украинская модель-2. Феодализм. Предприятия вместо граждан

Теперь несколько слов о феодализме, его особенностях и о том, почему его следует защищать от государства.

Наиболее убедительной аналогией для понимания специфического устройства страны, сложившегося после 91 года, является феодализм. Наш феодализм имеет два основных источника. Первый — сельское происхождение украинской «элиты» и ее соответствующие привычки кумовства, землячества и т.п. Второй — специфическую советскую организацию «общественно-производственных процессов». Прежде всего, это «ведомственный подход», когда каждое ведомство — своего рода мини-государство со своим бюджетом, своей

медициной, образованием и даже безопасностью. Ну и, конечно же, это «производственный» подход, вызванный марксистским пониманием счастья как удовлетворения материальных потребностей. Оба эти подхода привели к тому, что базовой общественной ценностью считается производство, а базовой единицей производства — предприятие (кстати, заметим на полях, насколько живуче это представление!). Пока тоталитаризм был крепок, такая система не вызывала противоречий. Когда он исчез, выяснилось, что, несмотря на то, что «система в целом» рухнула, порожденные ею структуры оказались довольно жизнеспособными, по крайней мере, они активно включились в борьбу за выживание и стали элементами украинского феодализма.

Заметим, что в Украине обстоятельства довольно удачно совпали в пользу феодализма. Здесь готовые феодальные единицы (ведомства и предприятия) попали в руки людям с феодальным мышлением. В той же России, где ситуация первоначально была точно такой же, феодализм не прижился, и, по традиции, россияне вернулись к более привычному для себя рабству. Главной причиной, думаю, является «великодержавная» ментальность россиян, для которых «раздробленность» хоть и является источником дохода, но воспринимается, как трагедия.

Украинский феодализм отличается от классического феодализма двумя основными моментами. Первый — приоритет статуса. Роль статуса в классическом

феодализме, где она огромна и где бедный дворянин — это все равно дворянин, несравнима с украинской реальностью. Главный ресурс наших феодалов — влияние, способность «решать вопросы». Разумеется, приобретается этот ресурс в политической сфере, отсюда, скажем так, нетрадиционное происхождение наших олигархов, которых и олигархами-то назвать трудно. «Настоящие» олигархи своим положением обязаны собственному богатству, у нас прямо обратная ситуация — положение рождает богатство. Второе отличие — в более замысловатых отношениях лояльности, когда достаточно трудно разобраться, кто же кому сюзерен, вассал и кум, и что именно это означает в данный отрезок времени. Украинские феодальные отношения очень подвижны и изменчивы.

Здесь же нужно отметить, что, конечно, в нашей стране существуют не только феодальные отношения, более того, здесь есть и сверхцентрализованное «государство» индустриальной эпохи, при этом главным источником феодального статуса является место именно в этой государственной иерархии. Парадоксальный коктейль взаимозависимостей, в котором увеличение централизованных государственных полномочий приводит только лишь к усилению феодальной неразберихи, еще нуждается в подробном исследовании. Пока что можно сказать, что украинский феодализм паразитирует на государстве, использует его в своих целях и, по правде говоря, довольно трудно найти социально значимую ситуацию, в которой государство выступало

бы как общественный институт в чистом виде, а не как инструмент феодальных интересов.

Ну и, наконец, последний элемент нашей аналогии, а именно: кто же выступает в роли феодального крестьянина? Вряд ли таковыми можно считать обычных граждан. Скорее, тут следует говорить о более крупных формах. Для нашего феодализма **базовым субъектом отношений является предприятие**. Чтобы быть более точным, предприятие — это не сам крестьянин, а крестьянин с землей. Предприятия являются у нас и основными налогоплательщиками, собственно, они (а не какие-то там отдельные граждане, как на Западе) выступают субъектами в отношениях с государством. Борьба за контроль над предприятиями, уничтожение «вражеских» предприятий является основным сюжетом украинского феодализма, так же как в классическом феодализме — захват земли врага. Заметим, что **политический контроль и политические репрессии гораздо чаще применяются у нас к предприятиям, а не к отдельным фигурам**. Именно существование в форме предприятий, а не территорий, как в классической версии, делает наш феодализм таким запутанным, ведь предприятия (в отличие от территории) можно **создать**, их можно произвольно объединять, вступая в союзы, и их можно просто **уничтожать**. Неудивительно поэтому, что предприятия — от ларька до «Криворожстали» — превратились у нас чуть ли не в самостоятельные политические субъекты. Они

выступают с обвинениями и заявлениями, предъявляют требования и ставят условия.

Возвращаясь к теме Конституции заметим, что в феодальной системе она не только не нужна, но и противоречит ее сути — изменчивой и запутанной системе отношений с бесчисленными организационными и правовыми мини-иерархиями. Феодализм существует за счет ренты, и в нашем случае главная рента взимается за «решение вопросов». Если будут существовать одинаковые и доступные для всех правила (что и предполагает Конституция), феодализма больше не будет. Кроме того, Конституция, по своей сути, устанавливает и формализует отношения между гражданами и государством, а не между предприятиями и государством. Наша система предусматривает приоритет предприятий, гражданин для нее является лишь неким ресурсом, требующим возобновления — подкормки и удобрений. Заметим, что для того, чтобы гражданин мог всерьез вести дела с государством, ему необходимо пройти определенную инициацию, связанную, как и любая инициация, с испытанием. Испытание состоит в том, чтобы **гражданин стал предприятием** — в наиболее простом случае, зарегистрировал ЧП. Приоритет такого понимания реальности существует повсеместно, например, мне приходилось сталкиваться с тем, что банки предоставляют клиентам услуги отслеживания платежей он-лайн, но не всем. Для этой услуги клиент должен быть предприятием,

хотя ваш покорный слуга, к примеру, осуществляет таких платежей куда больше, чем иные предприятия.

И последнее. Более высокая, чем у частных лиц, субъектность предприятий решает задачи управления и контроля. Предприятий значительно меньше, чем граждан, и ими куда легче управлять. Кроме того, они всегда виноваты перед государством (королем), так как не платят налоги, поскольку они специально созданы такими, что их невозможно заплатить. Но это им прощается в обмен на дань, которые они платят феодалу (правильнее было бы говорить не о дани, то есть регулярном платеже, а о необходимости платить «когда попросят»).

2008

1.1.7. Берегите феодализм!

В ситуации, когда совершенно не ясно как будут развиваться политические события, следует, помоему, сказать о том, чего точно случиться не может. Я имею в виду диктатуру[5].

Здесь я хочу быть правильно понятым. Разумеется, вполне вероятными являются разного рода «силовые сценарии», вплоть до погромов и гражданской войны, но вот закончиться полновесной, стабильной и уверенной в себе диктатурой, такой, как, например, в России, они не могут. По крайней мере, в существующих границах.

[5]Текст написан в разгар Майдана-2014

Среди причин, по которым диктатура в Украине возможна только как временное явление, чаще всего называют дороговизну. У нас нет углеводородов и других модных ресурсов, никакая Россия не прокормит еще четыре Белоруссии, экономика зарегулирована и не может быть «отрегулирована», так как с нее непосредственно кормится силовой аппарат, на котором держится режим, и так далее. То есть, поскольку при диктатуре, как правило, приходится кормить не только силовой аппарат, но и народ, который он «охраняет», то все это требует больших дополнительных ресурсов, которых у Украины нет. А раз так, то диктатура у нас не получится.

Это, разумеется, верно, но есть еще одна причина, по которой, как мне кажется, у диктатуры здесь нет больших перспектив, вне зависимости от наличия у потенциального диктатора денег и возможностей «кормить народ». Эта причина — сложившаяся система отношений, которую можно смело сравнить с феодализмом.

Феодализм есть сложная система пересекающихся юрисдикций. Обычное школьное понимание феодализма рисует нам «матрешку» юрисдикций, связанных с титулами собственности на землю на некой территории «барон» — «граф» — «герцог» — »король». Однако, в реальности эта система значительно сложнее, она включает не только аристократическую «матрешку», но и города (часто фактически независимые), и местные общины, церковь, рыцарские и церковные ордена

(последние три структуры выходят за «национальные» рамки), а также цеха, гильдии и союзы торговцев.

Большинство этих структур имеет свое право и свои суды, а часто и свои вооруженные силы. Все это существовало благодаря сложной системе договоров, но в большей степени — благодаря обычному праву.

Важно, что здесь нет системы жесткой иерархии, которую мы привыкли видеть в «национальном государстве». «Приказы сверху» здесь будут встречены в штыки. Да, вассал обязан предоставить войско сюзерену, но только 40 дней в году. И так в каждом вопросе. В принципе, именно эти особенности феодализма — то есть, отсутствие жесткой вертикали власти, которая бы пронизывала собой все общество, и стали основой будущего триумфа Запада.

Почему и как «национальное государство» победило феодальную систему — большой и не совсем относящийся к нашей теме вопрос. Важно лишь отметить, что эта победа совсем не означает, что «жить стало лучше, жить стало веселей». Скорее, напротив. Прусский ordnung привел, в итоге, Германию к поражению в двух мировых войнах, и своим послевоенным успехом она обязана как раз резкому ослаблению ordnung'а. Более того, наблюдается явная закономерность — чем меньше ordnung'а проникло в общество вместе с «национальным государством», тем больше у него процветания и успеха (Британия в 19 веке).

Однако, вернемся к нашим баранам. Как это обычно бывает, реальное устройство нашего государства малоизучено и не описано. Мы полагаем, что живем в «национальном государстве», между тем, как в реальности это нечто совершенно иное, куда больше напоминающее феодализм. Проделайте мысленный эксперимент — к кому вы будете обращаться «в случае чего» — к государству или к «нужным людям» В настоящем национальном государстве к нужным людям обращаются крайне редко. У нас к ним обращаются первым делом, как говорится, и в горе и в радости.

Украинский феодализм еще ждет своего исследователя. Пока же можно уверенно сказать, что отличительной его особенностью является то, что его основой являются не крестьяне с землей, а предприятия и в целом юридические лица. Именно они являются «титулами» за которые идет борьба между «лордами», причем часто борьба в буквальном смысле вооруженная.

В целом, до недавнего времени, феодальные группировки были видны довольно отчетливо. И если вы начинали интересоваться, как там все устроено внутри, то вы обнаруживали целый конгломерат группировок, которые, в свою очередь, тоже делились на более мелкие группировки, и так до «пана і підпанка». При этом важно, что эти мелкие группировки не просто входят в состав более крупных, но пересекаются между собой и часто выходят за пределы «основной» группировки.

Я бы мог поделиться довольно обширными наблюдениями, но для нашей темы здесь важно вот что: «босс», который находится на поверхности (и обычно имеет вид «олигарха»), не имеет полной и безоговорочной власти в своей группировке. Часто журналисты именуют такие образования «бизнес-империями», но до империй им очень далеко. «Олигарх» может расчитывать на выполнение команд на уровнях, которые расположены непосредственно под ним, а дальше начинаются вопросы. При этом практически все юридические лица в стране явно или неявно интегрированы в те или иные конгломераты. Любой ларек имеет «крышу», но владелец ларька обычно понятия не имеет, к какой «империи» он относится. Чаще всего и «крыша» первого, а то и второго уровня не подозревает об этом.

Украинская политическая система хорошо отражала этот феодализм. Президент — это должность, полномочия которой специально созданы для того, чтобы «решать вопросы» и не зависеть при этом от «олигархов». Показательно, что еще до того, как Янукович отменил политреформу, «поздний» Ющенко уже фактически действовал вне ее рамок. Система восстановилась сама.

К такой системе можно относиться по-разному, но факт в том, что она работает на самовоспроизводство и препятствует узурпации власти кем-то одним. Я много раз наблюдал, как в этой системе решаются конфликты, для нашей темы важно то, что бонапарты и беспредельщики оказывались в изоляции, а то и сталкива-

лись с прямым саботажем. И все это потому, что система децентрализована, а ее участникам точно неизвестны возможности каждого. Иногда случались фантастические случаи, когда в какой-то кризисной ситуации можно было получить звонок от совершенно неожиданного «важного человека», оставалось только догадываться, как и почему на него «вышли».

Теперь давайте опять вернемся к диктатуре. Любой режим существует только потому, что с ним согласны (и поддерживают) его жертвы. Для того, чтобы обычный человек сделал реальный выбор в пользу диктатуры, он должен понимать, почему он отказывается от свободы. Поэтому, кстати, для победы диктатуры так важна «народная любовь», вера в лидера и т.п. — они значительно уменьшают цену свободы.

Разумеется, каждый случай диктатуры уникален, но этот механизм универсален. Он называется «поиском согласия» и является способом, которым расширяется государство, то есть, он присущ всем государствам, частным случаем которых является диктатура.

Выбор диктатуры — это, прежде всего, выбор в пользу ordnung'a, то есть, выбор жесткой иерархии. Разумеется, ordnung очень популярен. Одни рассчитывают с его помощью защититься, другие — напасть, те, кто не является ничьим «хлопцем», рассчитывает им стать. Но ни у кого нет сомнений в том, что «все будет, как при бабушке», то есть, в том, что ordnung будет

только внешней стороной дела, формальным поводом или «отмазкой».

Украинец запросто может проголосовать за ordnung, горячо и искренне его поддерживать, но решать вопросы он будет так, как привык, то есть в рамках феодальных практик. Для того, чтобы он реально, а не на словах, выбрал ordnung, последний должен давать лучший результат в «решении вопросов», но этого как раз, в нашем случае, он сделать не может по определению.

То есть, любой диктатор, даже тот, который пользуется любовью и поддержкой, неизбежно столкнется с саботажем, тем более опасным, что значительная его часть осуществляется неосознанно теми самыми людьми, которые его поддерживают.

Собственно, один из главных перманентных конфликтов, в котором мы существуем, это конфликт между феодальными практиками и ordnung'ом. Для украинца феодальные практики используются для приватизации доходов, а ordnung — для национализации издержек. Наглядный пример — это «офисные хомячки», которые получают зарплату в феодальном конверте и при этом горячо поддерживают, скажем, запрет курения, пытаясь национализировать свои издержки в этом вопросе. Что характерно, «олигархи», которых они не любят, поступают точно так же и именно поэтому они «олигархи».

Частный случай этой проблемы — это «донецкие». В отличие от остальных украинцев, они хорошо понимают ordnung и слабо понимают феодализм. Этим объясняется маниакальная настойчивость, с которой власть старается поставить «своих» на все возможные государственные должности. Фактически, все это время Янукович пытается истребить украинский феодализм, что привело, в итоге, к конфликту, который мы наблюдаем. Однако, в ближайшей исторической перспективе эта задача неразрешима, так как, повторю, люди будут менять свои привычки только в том случае, если ordnung будет работать лучше феодализма.

Интересно, что замена на «своих» тоже не дала результата. Свежий пример встретился в интервью генерала СБУ Скибинецкого «Новой газете». Генерал говорит: «Да. Интересный нюанс на днях заметил. Люди при высоких должностях, которые не отвечали на звонки года два, вдруг сами звонят. Зашатались. Восстанавливают контакты на всякий случай…». Так работает феодальная система.

В общем, в качестве вывода можно сказать следующее:

1. Пока что феодальная система была не только, как многим кажется, тормозом, но и спасала нас от неприятного развития событий в критических ситуациях (хотя бы в 2004-м). В целом, разнообразие Украины — это не минус, а плюс. Если бы у

нас не было «востока и запада», если бы у нас была одна церковь, а не три, если бы ordnung одолел феодализм, то, скорее всего, та или иная форма диктатуры уже давно утвердилась бы.

2. Прогрессивной общественности и претендентам на трон следовало бы подумать о том, как устроен феодализм, а не пытаться ломать его через колено.

3. С моей точки зрения, феодализм более перспективен, чем ordnung. Фактически, он не препятствует движению от унификации — к контракту, от «это положено по закону» — к системе репутации и гарантий. Такой феодализм перспективен, он, как говорится, «наступает сам собой», на волне технологической революции. Мы же, как обычно, пытаемся запрыгнуть в уходящий поезд «национального государства», владея, при этом куда более эффективными навыками и практиками.

2014

1.1.8. Феодализм против государства или Секрет Украинских Грабель

Прошедшие дни были прекрасной иллюстрацией вечного украинского сюжета о граблях. Напомню, что начались попытки разоружения добровольцев и прочих «незаконных вооруженных формирований», усилились ограничения деятельности волонтеров, Аваков

и Порошенко выступили против права на оружие для граждан и, после конфликта, с поста губернатора Днепропетровска был уволен Коломойский.

То есть, президент со своей компанией открыто пошел против украинцев. В данном случае, я говорю о том, что значительная часть украинцев идентифицирует как «за» и «против», поскольку, например, экономическую деятельность правительства, которая всегда «против», они обычно игнорируют в силу простого непонимания. Так вот, в данном случае движения были предприняты в области «обычной» политики, в которой все считают себя компетентными, и эти движения, мягко говоря, вызывают у широкой публики удивление.

На самом деле, ничего удивительного здесь нет. Все это было понятно с самого начала и совершенно неизбежно, поскольку система всегда сильнее человека. В данном случае речь идет об интересах централизованной бюрократической системы. Путин не представляет для нее угрозы, он страшен лишь отдельным «топовым» ее представителям, да и то, в той степени, в которой он может застать их врасплох с несобранными вещами, все остальные уверены, что потребность в их услугах сохранится при любой власти. Единственное, чего бы они не хотели — это большой войны, разрушений и т.п. неудобств поэтому, система в целом — за страшную и ужасную российскую армию, которую невозможно победить («у конфликта нет военного ре-

шения», как мы помним) и за мир любой ценой, включая, разумеется, явную или скрытую капитуляцию.

Реальную же угрозу для системы представляют люди, которые имеют больше «степеней свободы», чем это предусматривается. Олигарх, оккупировавший целую «административно-территориальную единицу» — это очень плохо для системы. Батальоны добровольцев, над которыми, как ни крути, никогда не будет такого контроля, как над сформированными из отловленных по полям и лесам мобилизованными ВСУ — это еще большая угроза. Ну, а гражданин, свободно владеющий оружием — это просто кошмар. И система действует совершенно логично, борясь с наибольшими для себя угрозами. То, что эти угрозы не совпадают с тем, что считают угрозами украинцы — это уже другой вопрос.

Нужно сказать, что пока еще ни разу «наведение порядка» и «построение вертикали» не заканчивалось успехом. Оно вызывало сопротивление, которое, в итоге, меняло власть. Кстати, нелишне напомнить, что наиболее активным наводителем порядков был Виктор Федорович Янукович, который прилагал немалые усилия на этой ниве, за что неблагодарные украинцы устроили ему Майдан.

Вполне возможно, что сейчас мы станем свидетелями очередного повторения этой истории, теперь в виде «хороший Коломойский против плохого Порошенко». Ресурсы у Коломойского есть, да тут и старать-

ся особенно не придется — после «наведения порядка» в армии возможности Генштаба по организации котлов сильно возрастут, так что все может случиться само собой — военное поражение, выборы, Коломойский. И знаете, чем будет заниматься Игорь Валериевич в кресле президента или где он там окажется? Наведением порядка и построением вертикали. Система сильнее человека, и, следовательно, Коломойский наступит на те же грабли.

Интересно и важно здесь, по-моему, вот что. Похоже, что в Украине можно говорить не об одной, а о двух системах паразитирования — с одной стороны это карго-государство, централизованная бюрократическая система «по европейскому образцу», с другой — специфический украинский феодализм. Обычно, когда у нас говорят о феодализме, имеют в виду некую недоразвитость государства, дескать, оно вот такое у нас еще дикое и феодальное, не то, что в европах. На самом же деле, это вполне реальная система, которая позволяет выживать и приспосабливаться к государству, ориентируя паразитов на отличные от приписываемых централизованной моделью практики паразитирования, которые оставляют трудящимся место для жизни и даже некоторого процветания. Украинский феодализм — старая, проверенная временем форма приспособления украинцев к «вертикальному» государству, которое всегда было, есть и будет им враждебно.

Именно наличие этой второй системы, которая, в отличие от государства, хотя бы частично ориентирована на выживание ее жертв, и является тем секретом, который позволяет объяснить украинскую игру в грабли. Ведь давлению государства подвергаются не только интересы людей, но и интересы чиновников в рамках феодальной системы, поэтому оппозиция государству и текущему начальству строится на феодальных лозунгах и поддерживается феодальной системой.

Игорь Валерьевич, или кто там будет вместо него, будет рассказывать нам про малый бизнес, экономическую свободу, децентрализацию власти и тому подобное, поскольку это — пожелания украинского феодализма. Система сильнее человека, и чтобы получить ее поддержку, нужно выступать в ее интересах. Все наши президенты шли к власти под феодальными лозунгами, а Кучма и Янукович (с известными всем особенностями) имели еще и даже некую региональную составляющую в своих программах. Парадокс состоит здесь в том, что победа на выборах пересаживает победителя из одной системы в другую, и он начинает работать уже в ее интересах. Поскольку интересы двух систем во многом взаимоисключающи, они могут сосуществовать только не проявляя большой активности, в режиме «вооруженного нейтралитета». Однако, чем дальше, тем труднее поддерживать такой нейтралитет, поскольку государство расширяется просто в силу своей природы, соответственно, конфликты будут происходить все чаще.

И здесь нужно помнить о том, что сюжет «король против баронов» с обязательной победой короля — это совсем не универсальная закономерность, как нам вдалбливают со школьной скамьи. Прогресс и капитализм были как раз там, где у королей ничего не получилось. Англия, а не какая-нибудь Франция правила морями и была мастерской мира.

В нашем же случае вообще похоже на то, что модель «король против баронов» неприменима к Украине, поскольку короли и бароны — это разные интересы в рамках одной системы, а в случае Украины можно говорить о двух, хотя и тесно переплетенных, системах, причем государство всегда является навязываемой извне более искусственной и чужеродной системой.

Кто победит в борьбе систем — сказать трудно. Пока что кажется, что победа государства возможна только при внешнем давлении, а затем и фактическом содержании. Победа феодальной системы, которая открывала бы для украинцев хоть какие-то перспективы развития, затруднена тем, что эта система работает через политическую машину, то есть, выборы, пропаганду и последующее овладение государством. Это гарантирует регулярное повторение удара граблями.

В любом случае, мы ничего не изменим здесь, пока не осознаем, как устроена и как функционирует реальная (то есть, феодальная) система, в которой мы живем. Ведь на самом деле, «политические науки» в на-

шей стране изучают что угодно, но не окружающую реальность. Мы очень мало знаем об украинском феодализме, а наше отношение к нему («теневая экономика», «коррупция») строится на штампах государствен-
2015 ной пропаганды.

1.1.9. «Право посадки», Турчинов, Юля и общественный договор

Два текста о специфике украинской модели — «праве посадки» и о том, какую роль играет то, что мы привыкли называть «политической оппозицией»

Деятельность донецкой власти отмечена небывалой активностью в арестах и посадках крупных и не очень крупных чиновников. Недавно Генеральный прокурор обнародовал цифры и факты по уголовным делам, которые понаоткрывали против разного рода деятелей предыдущей администрации. Цифры впечатляют. Все эти аресты вполне можно назвать массовыми — до сих пор в Украине никогда такого не было.

Механика посадки

«Право посадки» является одним из главных экономических механизмов в Украине и в подобных ей странах. Открытие уголовных дел — законный и уважаемый способ «конкурентной борьбы», ну, а если дело доходит до «посадки», это означает, что конфликт из невинной плоскости экономики перешел на личности.

Трудно найти предпринимателя, которому никогда не угрожали открытием уголовного дела.

Наши чиновники, как известно, это те же предприниматели, причем часто в буквальном смысле слова. Уголовные дела, которыми они угрожают «обычным» бизнесменам, являются либо способом добычи ресурсов для собственного «бизнеса», либо, для совсем уже ленивых — банальным вымогательством и рекетом.

Как видим, право открытия уголовных дел — это очень ценная услуга. Поэтому в нашей стране им обладают практически все ведомства и все чиновники, включая уборщиц Министерства культуры.

Для того, чтобы ценность услуги была на высоте, необходимо демонстрировать ее действенность, то есть постоянно кого-то сажать. Обычно для этой цели используются «пирожковые воры» в виде каких-нибудь учителей или врачей, которых героически задерживает на взятке в 100 гривен полк ОМОН при поддержке авиации, танков и артиллерии. С экономической точки зрения регулярные посадки невиновных — это своего рода инвестиции в собственность.

Общественный договор

Причиной существования социальных феноменов является деятельность людей. Попросту говоря, если что-то существует, то это потому, что кто-то этим пользуется. Наше общество основано на праве сильного от-

бирать у слабого и праве слабого воровать у сильного. Можно предположить, что «право посадки» играет в нем сдерживающую роль. Это своего рода механизм «социальной справедливости», обеспечивающий стабильность. Ты можешь грабить сколь угодно долго, но ничто не делает тебя неуязвимым от «права посадки». Само по себе право посадки, подобно ядерному оружию, является своего рода сдерживающим социальным фактором. В реальности мало кто, особенно из чиновников, оказывается в тюрьме. Дело обычно заканчивается открытием уголовных дел или даже угрозой такого открытия. «Посадка» является как оружием нападения, так и оружием защиты. Об этом знают все, и практика постоянно подтверждает это знание. Поэтому «право посадки» — важнейшая часть нашего общественного договора (см стт 4, 5 «реальной конституции»).

Я специально говорю об общественном договоре, чтобы подчеркнуть, что «право посадки» есть не только юридический или административный феномен, а, прежде всего, феномен социальный, необходимый этому обществу здесь и сейчас. Отметим, что «право посадки» основано преимущественно на феномене «экономических преступлений», которые с точки зрения права являются абсолютным нонсенсом. Это типичное «преступление без жертвы». Государство объявляет себя пострадавшим, начинает преследование с помощью государственных органов и решает дело в государственном суде. Вообще-то это называется «беззa-

коние», так как один из основополагающих принципов права гласит, что никто не может быть судьей в своем деле.

Так вот — если бы «право посадки» не было бы социально важным, его бы давно ликвидировали вместе с соответствующим законодательством. «Право посадки», основанное на махровом юридическом позитивизме коммунистических времен, бессильно против аргументов, и при наличии политической воли от него можно запросто избавиться. Но за 20 лет независимости я не слышал от многочисленных правозащитников и демократов ничего против этого права. Оно никогда не становилось темой избирательных кампаний. Более того, на выборах всегда получают горячую поддержку кандидаты, обещающие, по сути, расширить и углубить «право посадки». Казалось бы, от «права посадки» страдают миллионы людей, страдает экономика, но, как видим, они готовы страдать и дальше ради тех преимуществ, которые, как им кажется, это право дает.

Политические или экономические?

Таким образом, «посадка» является частью экономического процесса, и обычно ее жертвами являются предприниматели. Чиновники, которые тоже являются важнейшей частью экономического процесса, являются совладельцами законов и потому попадают под

«посадку» реже. Однако, это все равно один и тот же процесс.

Обычно, когда на крупного чиновника заводят уголовное дело, начинаются разговоры о «политической» подоплеке. Тут важно понимать, о чем именно идет речь и как выглядят вещи на самом деле.

Если под оппонентами понимать людей, которые предлагают делать вещи, отличающиеся друг от друга, то, конечно же, в нашем случае речь не идет о политических оппонентах. С политическими оппонентами наша система борется не репрессиями и посадками, а более эффективными мерами. Люди, которые были оппонентами власти в начале 90-х, объединялись в партии. Однако, политическая машина была организована так, что она не нуждалась в партиях. Прежде всего, потому, что выборы были мажоритарными. Все решали деньги, личные связи и административный ресурс. Затем, когда партии оказались включены в политический процесс, система создала такие условия, что ее политические оппоненты снова оказались вне рынка. Это было сделано, прежде всего, за счет условий регистрации и содержания партий. Во времена мажоритарных выборов партии было содержать довольно легко, во времена партийных списков это стало фактически невозможно. Чтобы зарегистрировать партию, нужно иметь большие связи по «административной линии», а содержание партии даже вне избирательной кампании просто не по силам обычным людям. Таким образом, для того, чтобы бороться с системой, (то есть быть

политическим оппонентом) вы должны сначала стать ее частью. Понятно, что смысл борьбы после этого исчезает.

Таким образом, в случае посадок чиновников, речь не идет о политических мотивах. Напротив, вся наша история говорит о том, что большинство «оппозиционеров» стало таковыми лишь после того, как они слишком вызывающе себя вели по отношению к начальству. Самый яркий пример — это Палываныч (Павел Иванович Лазаренко), который стал «оппозиционером» когда над ним нависла угроза посадки после того, как его отправил в отставку с должности премьера Кучма. При нем состояла некая Тимошенко, которая, поняв, что дело все равно закончится плохо, начала самостоятельную карьеру, первым делом предав Палываныча и получив за это должность вице-премьера. Затем она поссорилась на почве энергетики с бывшими тогда в силе Медведчуком и Суркисом, что и послужило началом ее карьеры пламенной революционерки.

Однако, я весьма далек от утверждения, что посадки чиновников, и, особенно нынешние — это, мол, далекие от нас «внутренние разборки», и что стороны просто «что-то не поделили». Это мнение диктует определенное отношение к происходящему, которое, с моей точки зрения, является опасным, так как работает на систему. Пускай Тимошенко ничем не отличается от Януковича, но это не повод для полной узурпации власти одной стороной. Пока есть такие как Тимошенко — есть конкуренция центров власти. А пока

есть конкуренция — есть хоть какие-то шансы у настоящих политических оппонентов. В конце концов, именно конкуренция центров власти в Средние века сделала возможной свободу в Европе.

Турчинов и Юля

Мы потратили столько времени на описание «права посадки» для того, чтобы сказать теперь, что нынешние массовые аресты и уголовные дела являются нарушением этого права. Дело в том, что когда речь идет о высокостоящих чиновниках, то «посадка» в ее классической и социально полезной версии является последним аргументом в долгих (и, как правило, закулисных) выяснениях каких-то там отношений, связанных с борьбой за должности, влияние, или за бизнес. Именно поэтому Ющенко и не посадил нарушителей избирательного закона в 2004-м. С точки зрения практики элиты, эти люди ничего такого не сделали для того, чтобы их посадить.

В нашем случае, ничего такого не было. Сегодня речь идет о попытке через механизм посадки избавиться от политического конкурента (повторю — не оппонента, а конкурента).

Боюсь, что эта затея не только не приведет к желаемым для донецких результатам, но приведет к непредсказуемым последствиям.

Остановимся на трех моментах. Первый — это сама идея посадить, если не Тимошенко, так хотя бы Турчинова. Все знают, что сейчас крупных чиновников арестовывают для того, чтобы они давали показания против Турчинова. Допустим, у донецких все получится и они посадят Турчинова и даже Тимошенко. Что это изменит? До тех пор, пока Тимошенко будет жива и будет иметь желание бороться — ровным счетом ничего.

Донецкие так и не поняли, в чем секрет Тимошенко. Они могут посадить всех ее соратников и отобрать у нее все ее деньги, но это ничего не изменит, потому, что секрет Тимошенко в демагогии. Она просто удачно работает с тем путаным потоком озлобленного сознания, который живет в голове у многих украинцев. Ее сила — в ее избирателях. Пока будут избиратели, готовые верить в то, что за них кто-то чудом все решит, Тимошенко будет, и она будет побеждать. Хуже того, устранение Тимошенко с арены открывает дорогу новым, молодым и горячим последователям. У них перед глазами есть впечатляющий пример и, при наличии некоторого таланта, всегда найдутся желающие ему последовать, причем, скорее всего, из лагеря самих донецких.

Черновецкий

Второй момент — это атака на Черновецкого и его людей. Здесь донецкие проявляют такое же непонимание реальности, как и в случае с Тимошенко. Оче-

видно, сейчас их задача состоит в том, чтобы получить полный контроль над городом, что в итоге должно вылиться в объединение должностей главы администрации и мэра. Напомню, что Кучма уже как-то устранял Омельченко и пытался сделать главу администрации главной фигурой, но ничего у него не вышло. Дело в том, что Украина — отсталая страна. Типичный социальный пейзаж отсталой страны — богатая (относительно) столица и пустыня вокруг нее. Жизнь в столице в таких странах является своего рода наградой за усердие. Само содержание усердия не должно уже никого интересовать. Неважно, какому царю служил чиновник и какие у этого царя были отношения с нынешним царем. Это не должно ничего менять, иначе награда будет непривлекательной и в усердии не будет смысла. Столица — то есть награда за службу, должна быть вне этой службы. Это означает, что в Киеве должен быть свой мэр и, напротив, не должно быть главы администрации.

Какой пример для молодежи!

То же самое можно сказать о стимулах, которые заставляют людей становиться чиновниками или «политиками». Главный стимул состоит в том, что эта «работа» дает возможность получить статус, страх и уважение окружающих и прочный материальный достаток. Понятно, что в ходе карьеры может случиться всякое, но в ней существуют определенные правила, в том числе и «право посадки». Если разумно пользоваться пра-

вилами, то вполне возможно дотянуть до пенсии, сохранив наворованное.

Массовым открытием уголовных дел и посадками донецкие нарушают эти правила. Ведь возникает вопрос — а как же теперь быть, если «право посадки» используется произвольно и в отношении людей, которые по всем понятиям элиты ни в чем не виноваты? По сути, сейчас власть старательно нарушает общественный договор. Это обязательно будет иметь последствия, неприятные и неожиданные для этой власти.

Донецкие, как известно, далеко не однородная команда. Они пришли к власти при поддержке множества разных группировок. Думаю, сейчас эти люди сильно задумываются. Пока что донецкие достаточно сильны. Но при первом же крупном проколе они с удивлением обнаружат, что остались совсем одни. 2010

1.1.10. Кому и зачем нужна оппозиция

Чтобы говорить о перспективах украинской оппозиции на будущих выборах, нужно сначала определиться с тем, что такое оппозиция именно в Украине. Дело в том, что в этом вопросе демократические процедуры и связанная с ними риторика очень сильно искажают реальность. Думаю, у многих есть ощущение того, что внешне демократические институты выглядят в нашей стране, как на корове седло. Беда в том, что поскольку разговоры всегда ведутся вокруг седла (в котором мы

предположительно поскачем в светлое будущее), то корова под ним выпадает из поля зрения. И когда это животное вдруг не производит ожидаемых действий, или производит неожидаемые, все страшно удивляются, но упорно продолжают дискутировать относительно надетого на корову седла и того, как с ним теперь следует поступить, что усовершенствовать и т.п.

О коровах

Так вот, об оппозиции. Похоже на то, что украинцы воспринимают оппозицию в рамках господствующих у нас феодальных отношений и порожденной ими картины мира. Оппозиция — эти те начальники, которым можно пожаловаться на жизнь и которые, при удачном стечении обстоятельств, могут защитить от произвола. К оппозиции обращаются тогда, когда коррупция дает сбой или жертва агрессии со стороны государства вдруг «идет на принцип». Наличие оппозиции также создает иллюзию, что власть чиновников в отношении людей чем-то ограничена.

Таким образом, оппозиция — неотъемлемая, и, что очень важно, легитимная часть политической системы.

Заметим, как забеспокоились все от мала до велика, когда были предприняты попытки внедрить процедуры открытой политики вместо привычных феодальных отношений. Речь идет о политреформе и, прежде всего, о пропорциональной системе выборов. Народ в полном

единстве со своей «властью» отверг эти попытки. Что вы сейчас прочитаете, если погрузитесь в глубины интернетов? Каковы мысли «народа» по поводу идеальной политической системы? Правильно, «мажоритарка» и «право отзыва«! Люди считают первостепенным свое «право» пощупать депутата и поругаться с ним на встрече с избирателями. Депутат должен быть «свой», должна быть возможность ему пожаловаться. Ну, а если он замыслит недоброе — то и отозвать. Эта наивная архаика полностью отражает представления людей об идеальной политической модели, модели, от начала и до конца феодальной. Роль оппозиции в этой системе просто расширяет возможности выбора. Если депутат окажется нехороший, то можно пожаловаться оппозиции.

О седлах

Заметим, что «права власти», ее полномочия и организация никогда не волновали украинцев и, следовательно, не волновали политиков. Считается, что права у власти должны быть, и желательно побольше, так как это позволит ей лучше решать вопросы. Все без исключения политики, которые на момент выборов не олицетворяли собой власть, на всех без исключения выборах шли с одним и тем же лозунгом: «Я им всем покажу!» Собственно, это «покажу» выливается в требование еще больших полномочий для «наведения порядка», то есть, для того, чтобы можно было «решать

вопросы» и эффективно наказывать тех, кто не желает этого делать.

Очень показательна в этом смысле истерика, которую устроила «прогрессивная общественность» по поводу ареста Тимошенко. Думаю, если бы вместо Тимошенко был какой-то изверг и людоед, регулярно употребляющий в пищу своих соратников и запивающий их плоть кровью христианских младенцев, общественность все равно бы волновалась по поводу узурпации власти.

И вот что интересно. На самом деле, вопреки теории общественного выбора, эти люди поступают рационально. То, что в случае победы Тимошенко было бы точно так же, если не хуже, их абсолютно не интересует. Их интересует существование каналов обратной связи, социальных институтов, которые до сих пор позволяли им достигать своих целей. То есть, в их представлениях государство и должно быть таким — тотально-угнетающим, всесильным, и безжалостным и потому, крайне важны институты, позволяющие защититься от угнетения, так сказать, в личном порядке. Оппозиция — один из таких институтов.

О коровах под седлами

Сейчас даже политологи что-то бубнят о том, что «общество нуждается в новой повестке дня» и о том, что «оппозиция получит шансы тогда, когда выдвинет

новые идеи». Думаю, это как раз тот случай, когда седло мешает увидеть корову.

Нетрудно увидеть, что, в рамках описанной выше модели, выращивать и лелеять политиков, предлагающих новое содержание, просто бессмысленно. Это нерационально. Со стороны избирателей существует спрос именно на решателей вопросов, а они должны находиться *внутри системы*, быть ее частью, иначе они бесполезны с практической точки зрения. Так сказать, синица всегда лучше, чем журавль.

Проблема, которую сейчас переживают наши люди, состоит, как обычно, в выборе. Синица вот-вот подохнет, а журавль по-прежнему высоко. Что делать?

Для существования людям нужны какие-то понятные правила. Интегрированная в систему оппозиция — одно из этих правил. Однако люди не могут не видеть, что правила порочны. Их жизнь, в большинстве случаев, становится все хуже, и это заставляет их еще сильнее цепляться за правила, а с другой стороны, обостряет понимание порочности правил. Этот процесс напоминает наркозависимость и попытки «соскочить».

Кстати, «противсихи» вызывают такую ненависть потому, что они «инаковы», они осмеливаются не принимать правила игры. Противсихи уже «соскочили». Поэтому их поведение и само их наличие вызывает страх, страх перед выбором, перед тем, что придется тоже «завязать», страх перед будущим, которое ста-

новится еще более неопределенным. Страх вызывает агрессию, которую мы и наблюдаем. Со стороны «антипротивсихив» мы слышим агрессивный поток слов, лишенных всякого смысла и логики.

Поехали?

Наши выборы не случайно всегда проходят в обстановке обострения маразма и ненависти друг к другу. Дело в том, что сама процедура выборов политической власти не соответствует феодальной природе общества. Ведь, сильно упрощая, можно сказать, что те, кто у власти, решают вопросы, и те кто в оппозиции — тоже решают вопросы. Почему вообще нужно выбирать и отдавать кому-то предпочтение? Процедуру выборов нельзя применить к тем проблемам, которые существуют в обществе, но выборы же есть, и, значит, надо как-то этим пользоваться… В общем, тяжелый получается случай. Скажу странную вещь, но нынешний невысказанный общественный идеал, возможно, состоит в том, чтобы никаких дурацких выборов больше не было, но чтобы при этом была оппозиция.

Трудно сказать, что случится в сознании людей до выборов. Однако, какие бы изменения не случились, пока что не похоже на то, что они окажут серьезное воздействие на ход выборов и их результаты. Предполагаемые участники избирательной гонки снова идут под лозунгом: «Я им всем покажу!». Гражданские активисты, на которых возлагались надежды, сейчас вы-

двигают свой лозунг: «я бы им показал еще больше, если бы мне позволили участвовать в выборах!». В общем, понятно, что нам предлагают поиграть в старую добрую игру, и те, кто не хочет в нее играть, и те, кто способен предложить что-то новое, уже не смогут стать субъектами кампании хотя бы ввиду недостатка времени.

Понятно также, что оппозиция не может выиграть выборы по определению. Объединение оппозиции, о котором говорят с 1991 года — занятие абсолютно бессмысленное. Сам этот вопрос — из феодального мира, в котором единственной функцией оппозиции является ее текущая оппозиционность, а не те перспективы, которые она может принести в случае своей победы. То есть, понятно, что это хорошо и удобно, когда вся оппозиция находится в одном и том же месте и не нужно бегать туда-сюда. «Почему бы это сразу не организовать?» — спрашивают сторонники объединения оппозиции.

Мне кажется, что важные события могут произойти не до, не во время, а после выборов. События эти связаны с тремя обстоятельствами. Первое — очередное нарушение общественного договора донецкими. Мы говорили, что системная оппозиция — часть этого договора, одна из основ легитимности системы. Если всем станет ясно, что оппозиция больше не приносит никакой пользы, то легитимность режима упадет еще ниже. Все это случится на фоне процессов, вызванных вторым обстоятельством, а именно, триум-

фальной победой Партии регионов, за которую никто не голосовал. Совпадение этих двух событий может привести к непредсказуемым последствиям. И тут, когда эти непредсказуемые последствия начнут развиваться, вступит в силу третий момент. Он связан с тем, что после выборов 2012 года «донецкие», возможно, будут обладать полным контролем над политической системой страны. И здесь станет, наконец, очевидно, что это ничего не дает. Спокойствия и стабильности как не было, так и нет. И диктатуры у них быть не может, потому что настоящая диктатура основана только на любви. Диктатор должен бороться за справедливость, провозглашать какие-то идеи, его должны любить и быть готовыми умереть за него. А это что?

Поэтому «могильщиком» донецкой власти станет не нынешняя статусная оппозиция, а те люди, которые сейчас находятся внутри этой власти, те, кто первым поймет, что этот корабль начинает основательно
2011 тонуть.

1.1.11. Капиталисты или рекетиры?

Ну и, конечно, «неопределенность прав собственности» — это ключевая характеристика украинской модели.

Часто в анализе ситуации в Украине — будь то серьезные исследования или задушевные разговоры на кухне, используется один и тот же прием — утверждается, что наше развитие повторяет развитие других

стран. То есть, считается, что мы сейчас находимся на неком «этапе», который другие уже давно прошли и нам можно либо попытаться ускорить процесс, либо просто потерпеть и тогда «оно само пройдет».

Считается, например, что сейчас мы находимся в стадии некоего «дикого капитализма», то есть, переживаем эпоху, которая якобы была характерна для Европы и США 19-го века. Думаю, что нет более распространенного и более опасного заблуждения.

Опасность этого заблуждения состоит в тех выводах, которые делают общественность и эксперты, и в тех рекомендованных направлениях государственной политики, которые, как кажется, следуют со всей очевидностью из этого допущения.

На самом деле, как обычно, все обстоит с точностью до наоборот. То есть, никакого капитализма здесь нет — ни «дикого», ни «домашнего». Соответственно, рекомендации правительству (если вдруг у нас заведется правительство способное действовать на пользу людям) должны быть совсем другими.

Этот вывод легко сделать, если дать себе труд разобраться с историей «капитализма» и сравнить ее с нашей ситуацией.

«Капитализм» как экономическая и правовая среда возник тогда, когда удалось избавиться от ограничений гильдий, цехов, а также государственного протекционизма, льгот и привилегий. Процедура эта от-

нюдь не была неизбежной, в разных странах она проходила по-разному, и кое-где в Европе, так толком и не случилась. Капитализм — это общественная система, которая основана на том, что частные лица свободно принимают решения и несут за них ответственность. Понятно, что основой этой системы являются ясные и прозрачные права собственности. Без этого просто речи не может идти ни о свободном принятии решений, ни, тем более, об ответственности за них. Если это обстоятельство не вызывает сомнений, то точно так же не вызовет сомнений и тот факт, что в большинстве стран Европы к моменту «возникновения» капитализма институт формализованных прав собственности не только давно существовал, но и был весьма развит.

Здесь нужно два слова сказать о праве собственности. Права собственности существуют всегда и везде, независимо от того, что думает по этому поводу государство. Например, в тоталитарном Советском Союзе права собственности сосредоточились, в основном, у бюрократии. Важно, что собственность всегда индивидуализирована. Не бывает «коллективной» (неделимой) собственности или собственности государственной, это всегда собственность лиц, которые непосредственно ей распоряжаются.

Когда мы говорим, что в Европе к моменту появления капитализма существовал развитый институт собственности, мы как раз имеем в виду тот факт, что владение и распоряжение некими благами было предельно индивидуализировано, открыто, и находило свое от-

ражение не только в фактическом состоянии дел, но и в законодательстве и обычном праве.

Если теперь мы посмотрим на условия возникновения нашего «капитализма», мы увидим прямо противоположную картину. Этот «капитализм» начинался в условиях отсутствия легальных прав собственности и, что характерно, **он делает все, чтобы это состояние продолжалось как можно дольше**.

Уже в середине 50-х годов советская экономика не была монолитной системой под полным контролем государства, которая описывалась в учебниках. Хрущевские реформы серьезно изменили дело, теперь на сцену вышли бюрократы и их объединения, а процедурой принятия управляющих решений фактически стал торг между ними. Собственность, особенно в форме распоряжения, начала возвращаться в нашу жизнь. Правда, возвращалась она очень однобоко. Ответственность за результаты мало пересекалась с экономикой, это была, в основном, административная ответственность или ответственность «по партийной линии».

Когда советская экономика рухнула, сложившаяся ситуация оказалась как нельзя на руку фактическим владельцам предприятий и ресурсов. Де-факто, они уже распоряжались собственностью, но ответственности за это распоряжение больше не было, КПСС и «партбилет на стол положишь!» растворились в возду-

хе. Приватизация добавила к этим опциям владение, и стало совсем хорошо.

Иногда очень полезно читать старые газеты и журналы. К примеру, мало кто помнит об экономических дискуссиях конца 80-х. А зря. Там все написано. Именно тогда определился путь нашего развития. К примеру, тогда активно дискутировался тезис «наши люди не будут работать на хозяина». Что означал этот тезис и откуда он вдруг взялся? Сегодня ясно видно, что за ним стоит. Это утверждение вызвано безответственной практикой социалистических «хозяев». В общественном сознании «полное» право собственности, о котором тогда шла речь, ассоциировалось с еще большей свободой от ответственности для этих людей. «Посмотрите, что они сейчас делают, а что будет, дай им только волю!» — примерно таков был пафос. В итоге, страхи общества замечательно совпали с интересами «хозяев», которые тоже были заинтересованы в том, чтобы все оставалось, как есть, то есть — собственностью владеем, ответственности не несем. Робкие меры, предпринимавшиеся для легализации прав собственности, не находили общественной поддержки. Кстати, такое желание «эксплуатируемых» сделать все для блага «эксплуататоров» встречается часто. Например, сегодня «эксплуатируемые» активно борются за права «эксплуататоров», когда поддерживают требования отмены партийных списков или отмены депутатской неприкосновенности.

В итоге, у нас сложилась система «получастной» собственности, в которой реальный собственник максимально удален от ответственности. Это нетрудно заметить, если обратить внимание на факт существования Фонда госимущества через 20 лет после начала приватизации. Или, к примеру, обратите внимание на институт реприватизации. Или возьмем, например, удивительную сосредоточенность нашего законодательства на «юридических лицах». Или, наконец, задайте простой вопрос: «ребята, а где тут у вас фондовый рынок?»

Эта система оказалась удобной и крайне живучей. Она позволяет «обманывать» законы экономики, получая привилегии от государства, она позволяет существовать системной коррупции, «зарабатывать» на поиске ренты и т.д. и т.п. Старых кадров, которые создали эту систему, осталось немного. Но новые кадры играют в нее с таким же энтузиазмом. Основное правило этой системы: «ты можешь отобрать чужое, но ты можешь и сам стать жертвой». К капитализму это все не имеет никакого отношения. Это больше похоже на рэкет. 2010

1.1.12. Почему никак не закончится «передел собственности»?

Итак, похоже, что мы в очередной раз наблюдаем явление «передела собственности». Об этом говорит история с «группой Жеваго», а теперь вот нападения

на «Эпицентр» и другие, менее громкие факты. С приходом «донецких» активизировалось давление на малый бизнес, единоналожников и т.п. Государство пытается взять под контроль любую экономическую активность своих граждан, залезть в те сферы деятельности, которые оно раньше полагало малозначимыми и «неприбыльными».

Почему это происходит, и связано ли это только с нынешней властью? Могут ли «сильные мира сего», ошибочно называемые «олигархами», остановиться в переделе собственности и заняться инвестированием страны, в которой они работают?

Начнем с самого простого. После прихода «донецких» государство активизировалось по двум причинам. Первая — это сокращение пирога национального богатства, подлежащего последующему переделу. Предыдущая власть тоже давила бизнес, но это был скорее «самотек», а не система. «Донецкие» отличаются основательностью подхода к делу, особенно если оно касается чужой собственности. В условиях, когда национальное богатство сокращается (то есть, люди не видят смысла в работе), вместо того, чтобы сократить расходы государства они решили увеличить его доходы. Ну, а это всегда и везде означает сокращение доходов граждан и рост давления на бизнес, что мы и видим.

Вторая причина называется «Николай Янович Азаров». Думаю, тут ничего объяснять не нужно. Скажу

разве, что цель любого государства — это производство политически удобной отчетности. Какие именно действия приводят к этой отчетности — не суть важно, и Николай Янович замечательно демонстрирует нам этот эффект. Скажу больше — я абсолютно уверен в том, что ВВП у него и правда растет. Это, кстати, замечательный повод задуматься над тем, что же на самом деле важно — рост ВВП или все-таки что-то другое.

Теперь о государстве. В фразе «государство напало на бизнес» предполагается две стороны — «государство» и «бизнес». Однако, в нашей стране это, скорее, две стороны одного явления. С одной стороны, трудно быть предпринимателем даже средней руки и не зависеть при этом от государства в лице конкретного чиновника. С другой стороны, «государство» и существует для того, чтобы «делать бизнес». Государство не только нападает на некий обезличенный бизнес ради получения нужной ему отчетности (в основном, это бывает с мелким и средним бизнесом). Оно еще и используется одними «бизнесменами» против других.

Иногда эти процессы трудно отличить друг от друга. Заметим, что жертвы агрессии часто занимают соглашательскую позицию — не сообщают подробностей, избегают оценок и комментариев. Они надеются «порешать вопросы» с агрессорами, надеются на свои связи в государстве. Система и существует потому, что агрессоры знают, что жертвы первым делом побегут в государство искать людей, с которыми можно договориться.

Теперь обратимся к более сложным вещам. В экономике есть понятие «временно́го предпочтения». Это то, насколько люди предпочитают настоящее будущему. Высокое временно́е предпочтение обычно бывает у бедных. Они все тратят на потребление, не сберегая и не инвестируя. Чем человек богаче, тем в большей степени он может позволить заботиться о будущем, и тем более отдаленным становится будущее, охватываемое его деятельностью, то есть, его временно́е предпочтение снижается.

Однако, вот что важно. **Временно́е предпочтение само по себе не зависит от богатства или бедности, оно, скорее, является причиной, а не следствием**. Мы все знаем массу историй о том, как люди экономили и во всем себе отказывали, для того, чтобы достичь результата в будущем, и достигали его. И это в наши дни и не в бедных странах. Это и есть работа временно́го предпочтения.

И сразу же заметим вот что. Наши богатые в смысле временны́х предпочтений, такие же, как и бедные. **Украинские бедные потребляют все, что зарабатывают, и украинские богатые тоже**. Разница в том, что богатые потребляют лексусы и дома в Лондоне, а бедные тратят деньги на еду, но временно́е предпочтение у тех и у других почти одинаково высоко. Настоящее ценится у нас на порядки выше, чем будущее. После нас хоть потоп.

Так вот, суть этой заметки в том, что временное предпочтение украинского общества, с моей точки зрения, является неким «началом» круга, который при ином рассмотрении кажется замкнутым. Ведь на самом деле сейчас не происходит ничего нового. Государство всегда грабило бизнес и использовалось для «рейдерских захватов». Просто тогда слов таких не было. Недавно, в поисках одного материала, я наткнулся на свою старую заметку, в которой приводились слова одного из членов НДП (была такая партия). Он говорит: «Общаешься с чиновниками — каждый в отдельности вполне вменяемый человек. А вместе — как стая саранчи». Эта заметка 1998 года, и в этих словах на тот момент уже не было ничего нового. А еще один мой знакомый году в 93-м говорил, что по его наблюдениям в нашем бизнесе спокойно можно работать до тех пор, пока твой доход не превысит 3000 долларов. Он утверждал, что с этого момента государство начинает интересоваться тобой и может отобрать бизнес.

То есть, наша система возникла давно, просто сейчас она достигла совершенства. Если настоящее — всё, а будущее — ничто, то люди будут искать любые средства получить прибыль как можно быстрее. И как можно больше. Они также будут куда менее склонны замечать моральные и нравственные ограничения. Если можно украсть — они украдут, если можно отобрать силой — отберут. Они не будут инвестировать, а будут потреблять. Инвестировать они будут в сохранение своего статуса, который позволяет сохранить и улуч-

шить уровень потребления («инвестициям» такого рода обязаны, например, многие наши СМИ). Те, у кого лучше всего получалась деятельность такого рода, и стали «элитой», остальные остались бедняками, но **разницы в их экономическом поведении нет**.

Понятно, что корни всего этого — в советском рабстве, ведь у раба, у которого ничего нет, самое высокое временное предпочтение. Но интересно, что время не лечит эти раны, а наоборот, усугубляет их. Казалось бы, рынок должен давно расставить все на места. Склонность к «быстрым деньгам» не может длиться долго, «быстрые» проекты не могут быть массовыми. Это было бы так, если бы не одно «но». Состоит оно в том, что система целенаправленно и регулярно наносит удары, прежде всего, по тем институтам, которые бы «запустили» саморегуляцию рынка. Прежде всего, это институт собственности, которая сегодня только фантазерами может быть названа «частной». Государство может отобрать собственность у любого. Под любым, самым надуманным предлогом или вообще без такового. В СССР был такой юридический уродец — «личная собственность». Вот наша собственность так и осталась «личной». Второй институт, жизненно необходимый саморегуляции рынка — это суд. Комментировать, думаю, тут ничего не нужно. Третий институт — это «экономическая свобода» — то, насколько я могу сам выбирать род своей деятельности, и насколько эта деятельность регулируется государством. Год от года «экономической свободы» становится все мень-

ше. Этот ряд можно продолжить, я просто назвал три самых важных института, без которых «невидимая рука» не работает как следует.

Все эти годы система развивалась и совершенствовалась. Теперь нам ясно, что на вопрос: «когда они наворуются?» нужно отвечать — «никогда». Теперь нам ясно, что ждать, когда закончится передел собственности, бессмысленно. Он никогда не закончится. Система развилась и близка к совершенству. «Сильные мира сего» уже даже не живут в Украине. Они здесь как бы в долгосрочной командировке. Их семьи и они сами предпочитают заграницу, ведь жизнь там лучше. Наличие заграницы избавляет их от самой мысли что-то совершенствовать здесь. С другой стороны, они ведь не зря уехали за границу, ведь здесь же невозможно жить. Эта система замечательна именно своей замкнутостью по типу «курица или яйцо». Эта замкнутость порождает безысходность. Она побуждает эксплуатировать на полную катушку и побыстрей.

И это только видимая часть процесса. Процесс этот охватывает все взрослое население страны, оно все является участником системы и работает на ее рост и совершенствование. Судите сами. Чтобы отнимать друг у друга бизнес, используется государство. Люди справедливо считают это злоупотреблениями. Они постоянно требуют, чтобы государство имело все больше возможностей для борьбы со злоупотреблениями. В результате, государство получает бОльшие возможности, которые тут же используются для еще бОльших

злоупотреблений. И так будет и дальше. Очень показательно, что людей не заботят гарантии того, что большая власть, которой они постоянно требуют дать чиновникам, не будет направлена на злоупотребления. Спросите их об этом и вы услышите удивительно наивные (при том, что обычно нашего человека трудно назвать наивным) вещи. Вы услышите о том, что чиновники должны быть моральными, патриотичными и украинскими. Или о том, что помогут массовые расстрелы. Чиновников. И право отзыва депутатов, конечно. Непонятно, правда, откуда возьмется моральность у чиновников, если люди не требуют ее для себя. Чиновников ведь не с Марса завозят.

И здесь мы подходим, собственно говоря, к решению проблемы, точнее, к указанию направления, в котором нужно действовать. Все это время система развивалась и совершенствовалась совместными усилиями наших людей. Временное предпочтение росло. Все менялось. Но есть одна константа, которая была постоянна все это время. Это удивительно постоянно негативное отношение украинцев друг к другу. Ведь временное предпочтение зависит от того, что человек думает о других людях. Если он считает их законченными негодяями, с которыми невозможно иметь дело, его временное предпочтение будет высоким. Он постарается провернуть свои делишки, не взирая на мораль и не задумываясь о неудобствах, которые он может доставить другим. Он постарается провернуть эти делишки как можно скорее и поскорее потратить зара-

ботанное. Ведь кругом одни козлы, зачем с ними церемониться А теперь проделайте простой мысленный эксперимент. Подумайте о том, что говорят украинцы друг о друге, причем не персонально о ком-то, а «вообще». Часто ли, например, вы сами и ваши знакомые произносят фразы начинающиеся словами «с нашим народом…». В общем, — отож.

Нашим революционным движениям, которые плодятся, как мухи, следовало бы подумать не о революциях в мировом масштабе, а о том, как познакомить украинцев друг с другом. Потому что страх, который испытывают наши люди друг перед другом, порождает недоверие, а оно подстегивает временное предпочтение. И пока это так, система взаимного разграбления будет процветать, невзирая на то, чья власть на дворе. 2011

1.1.13. Коррупция полезная, бесполезная и опасная

Пример Украины, да и других стран, считающихся коррумпированными, давно говорит о том, что определение коррупции должно быть если не полностью изменено, то, по крайней мере, значительно уточнено. Об этом свидетельствует, хотя бы, индекс восприятия коррупции, ежегодно публикуемый Transparency International. Для Украины в 2010-м он оказался лучше, чем в 2009-м, хотя в 2010-м бизнес пережил небывалое по разрушительности наступление чиновников. То есть, что-то с этими индексами не так.

Похоже, что мы имеем дело не с одним, а с несколькими явлениями, имеющими отличную природу и разные механизмы функционирования[6]. Нельзя называть разные по сути явления одним и тем же словом. Это дезориентирует и общество, и власть, если ей вдруг действительно захочется побороться с коррупцией.

Попробуем в рамках небольшой заметки хотя бы обрисовать контуры того, с чем мы имеем дело, и подумать о том, что именно будет представлять угрозу в ближайшее время.

Украинский опыт позволяет выделить три разных типа деятельности, которые называются «коррупцией». При том, что все виды коррупции вызваны деятельностью государства, каждый из них имеет свои особенности и свои механизмы.

Первый — классическая коррупция. Это то, что называет коррупцией Transparency International — деятельность чиновников в поисках «прибыли», извлекаемой из нарушения закона. Эта коррупция обычно либо прямо нарушает закон, либо использует различного рода «дыры в законодательстве». Как правило, коррупция такого типа гнездится вокруг государственных расходов — разнообразных закупок, тендеров и т.п. Эту коррупцию показывают по телевидению, клеймят

[6]Ротбард, как выяснилось позже, говорил о «защитной» и «агрессивной» коррупции. Фактически, это то же самое, о чем идет здесь речь только я добавляю характерные для наших широт действия по «распилу» бюджета, которые тоже именуют коррупцией

в СМИ и т.п. Коррупция этого типа связана с риском, зато приносит большие прибыли. Такая коррупция доступна очень немногим и потому является предметом зависти широких народных масс. Бороться с такой коррупцией можно классическими мерами — увеличением прозрачности, повышением рисков для чиновников, ну и, конечно же, прежде всего, сокращением количества площадок, на которых такая коррупция возникает.

Второй тип коррупции — это народная или законная коррупция. Разумеется, с точки зрения формального закона она незаконна, но она составляет значительную часть обычного права, то есть, тех правил поведения, которые мы используем в реальной жизни и которые сильнее любого закона. Именно здесь мы наблюдаем классические взятки, «подарки» и «крышевание».

Коррупция такого типа имеет в себе удивительный феномен, на который почему-то не обращают внимания профессиональные коррупцеборцы. **Этот феномен — «бесплатная» коррупция, когда услуги предоставляются в расчете на ответные услуги**. Поэтому коррупция такого рода фактически является реальной экономикой, а коррупцией может быть названа только в силу маразматичности издаваемых государством законов. Подчеркну вот что: такая коррупция действительно является законной, ее законность создается ежедневной практикой десятков миллионов людей. Неважно, что они при этом думают или гово-

рят, — право создается действиями людей, а не их разговорами. Народная коррупция отчетливо показывает (тому, кто хочет видеть, разумеется) места, где государство совершенно излишне. Образование, медицину и «регулирование» мелкого бизнеса, например. Единственный способ борьбы с такого рода коррупцией — создание условий, при которых ненарушение формального законодательства — проще, дешевле и быстрее, чем нарушение. Как правило, это просто выведение той или иной деятельности за рамки формального регулирования.

Третий тип — незаконная коррупция. Она может заключаться как в игнорировании законов, так и в их буквальном соблюдении. В отличие от народной коррупции, которой занято все население страны, незаконная коррупция — это удел мелкого и среднего чиновничества. В некоторых особо опасных случаях эти люди напрямую науськиваются на мирных граждан крупными чиновниками.

Эту коррупцию я называю незаконной, поскольку она осуждается нашим обычным правом. Например, ситуация, когда чиновники вдруг начинают обращать внимание на «нарушения», на которые многие годы закрывали глаза, фактически является незаконной.

Незаконная коррупция является частью той игры, которую ведут чиновники с предпринимателями в рамках народной коррупции. Баланс, постоянно возника-

ющий и пересматривающийся в течении этой игры на самом деле и определяет ход экономических событий.

В нашей истории были моменты, когда незаконная коррупция шла в атаку на законную. Майдан был вызван этой причиной — предприниматели, за долгие годы проложившие удобные тропинки в бюрократических недрах, не могли согласиться с тем, что вся эта многотрудная деятельность вдруг оказалась напрасной. Эти же самые причины выводят людей на майданы сегодня. Формальная законность имеет к реальному праву весьма опосредованное отношение.

Теперь несколько слов о том, как каждый вид коррупции влияет на экономику. Сразу отметим, что нас интересует процесс создания благ, а не их перераспределения, то есть — влияние коррупции на процессы, обеспечивающие рост национального богатства. Именно с этой точки зрения и будем оценивать угрозы, которые она несет.

- **Классическая коррупция** в наших условиях не является серьезной экономической проблемой. Проблемой являются, скорее, государственные расходы, вокруг которых она процветает. То, что часть этих расходов по пути присваивается чиновниками, уже не имеет большого значения. Здесь я должен уточнить одну вещь: по-настоящему общественно опасными могут быть не коррупционные действия сами по себе, а по-

следствия тех государственных решений, в рамках которых они осуществляются. Приведу пример. Несколько лет назад возник коррупционный скандал, когда чиновники добились резких ограничений импорта инсулина, мотивируя это решение заботой об отечественном производителе. Отечественный инсулин был похож на настоящий, только не лечил. Потом выяснилось, что кто-то «наварил» на этом решении, возник скандал и т.д. и т.п. Так вот, по-настоящему преступным в этой истории является навязывание отечественного инсулина, а не факт «навара». С коррупцией или без нее, такое решение наносит прямой ущерб гражданам, нуждающимся в инсулине.

- **Народная коррупция** является, по сути, единственно возможной в наших условиях экономической практикой. Она, безусловно, обеспечивает создание и рост национального богатства. Повторю: такая коррупция существует потому, что издержки от ведения дел в ее рамках значительно ниже, чем в рамках «закона». То есть, ситуация, когда бы все происходило «по закону» означала бы резкое сокращение производства национального богатства. Это отнюдь не означает, что не нужно стремиться к тому, чтобы экономические отношения не противоречили формальным законам, просто нужно понимать, что добиться этого можно только очень и очень значительным сокра-

щением полномочий государства и упрощением ведения дел.

- **Незаконная коррупция**, безусловно, является самым большим экономическим злом, угрозой не только для роста национального богатства, но и для самого существования страны. Незаконная коррупция парализует экономическую активность и часто просто уничтожает предприятия. При этом нужно понимать, что административное уничтожение хотя бы одного предприятия наносит ущерб всей экономике.

Опасность незаконной коррупции прежде всего в том, что ее механизмы сильно отличаются от любой другой. В основе этой коррупции лежит не столько «жажда наживы», сколько «отчетность». В отличие от рэкетира, который паразитирует на той или иной деятельности, но совершенно не заинтересован в ее исчезновении, чиновникам все равно. Они будут «договариваться» с предпринимателями до тех пор, пока мотивация наживы будет сильнее мотивации «отчетности». Как только соображения лояльности или любые другие соображения, вызванные местом чиновника в иерархии, возьмут верх, он не остановится ни перед чем. Повторю: в отличие от рэкетиров чиновники никак не зависят от своих жертв.

Сегодня в мире есть хорошая иллюстрация того, к чему приводит логика бюрократии. Это — Северная

Корея. Гипертрофированная бюрократия (заметим — совершенно честная и некоррумпированная) уничтожила страну, довела ее до массового голода в середине 90-х. В итоге, честные бюрократы вымерли, и сегодня Северная Корея, в которой по-прежнему все запрещено, выживает за только счет массовой народной коррупции.

Неизвестно, насколько может измениться наша власть в будущем. Но пока что тенденция, выраженная в принятии Налогового кодекса, выглядит крайне угрожающе.

Опасность нового налогового кодекса состоит в том, что он полностью развязывает руки незаконной коррупции, фактически отпуская орду чиновников «на кормление».

Опасность «донецкой» власти состоит в том, что она не понимает границ обычного права. Майданы в 2004-м[7] и сейчас были вызваны тем, что эти люди переходили невидимые границы общественного договора. Они совершенно не понимают страну, в которой они живут и это — главная опасность, которая угрожает нам в ближайшем будущем.

2010

1.1.14. Украинцы и формула справедливости

Думаю, не ошибусь, если скажу, что большинство украинцев волнует вопрос «когда же это закончится»?

[7] Речь идет о «налоговом майдане»

Несмотря на то, что каждый подразумевает под «это» нечто свое, украинцы едины в неприятии существующей реальности. При этом в окружающем нас мире довольно много обществ, которые живут куда беднее украинцев и вообще испытывают куда более значительные трудности, но, тем не менее, эти люди не считают себя настолько несчастными, какими считают себя украинцы, и не задают друг другу вопрос «когда же это все кончится»?

На языке социальных наук, пытающихся изучать общество, такое положение дел означает, что в Украине существуют серьезные проблемы с «общественным договором» и, как следствие, с легитимностью государства. Это, в свою очередь, может привести к тому, что этого государства не станет, поскольку государство существует только до тех пор, пока в него верят его подданные. Как только вера исчезает — исчезает и государство, классический пример здесь — судьба СССР, который подох, как только граждане убедились в том, что «отдельные недостатки» — это не просто повсеместное явление, а свойство системы.

Поэтому «закончиться» все это может самым неожиданным образом в самый неподходящий момент. Это означает, что для того, чтобы представлять себе развитие событий, иногда нужно интересоваться, как обстоят дела с общественным договором.

Разумеется, такой договор не имеет ничего общего с представлениями Гоббса и Руссо. Точно также, ду-

маю, понятно, что его никто не придумывает, не «принимает» и тем более не подписывает. Он складывается сам собой. Однако, как в любом договоре, в нем подразумеваются обязанности сторон и санкции за нарушение. В нашем случае такой естественно наступающей «санкцией» является потеря легитимности, которая, в свою очередь, может привести к исчезновению государства.

Разумеется, установить точное содержание общественного договора вряд ли возможно, и если уж стоит такая задача, то в ее решении будут полезны не столько юристы, сколько полевые социологи, экономисты и просто «знатоки народной души». Понимание таких сложных неписаных правил передается, что называется, с молоком матери и обычно отражается в представлениях людей о «справедливости»: что правильно и что неправильно в отношениях между людьми и начальством, что позволено и что не позволено каждой из сторон. При этом очень важно, что содержание этих правил можно узнать не столько из бормотания людей по поводу их тяжелой доли и не из соцопросов, а, скорее, из их реакций на те или иные события.

Классикой жанра здесь, конечно же, является Майдан[8], когда люди именно своими действиями заявили «не, мы так не договаривались». Они посчитали, что общественный договор был нарушен.

[8]Имеется в виду Майдан 2004-го

Ну, а как узнать, как «мы договаривались»? Что и как изменилось, и изменилось ли в «общественном договоре» и в формуле «справедливости» начиная с 90-х годов?

В 90-е никому в голову не приходила мысль, что наряд милиции должен приезжать вовремя и что дворники должны убирать снег (на счастье, зимы тогда были малоснежные). Дворники в то время вообще куда-то исчезли как класс, и появились только в относительно сытые «нулевые». Никто также не сомневался в том (и это никого особенно не беспокоило), что судья судит за взятку, вопрос был лишь в приемлемости цены. Чтобы быть правильно понятым, хочу сказать, что, конечно же, о коррупции говорилось много обличительных слов, в том числе, и обычными гражданами, и даже в семейном кругу. Но — внимание! — при наступлении неких событий рассуждения о коррупции и о том, как все плохо, в 99 случаях из 100 сменялись самыми что ни на есть коррупционными действиями.

Общество 90-х можно было назвать «обществом равных коррупционных возможностей». Формула справедливости виделась, как возможность любого «решить вопрос». Все соглашались с тем, что государство исполняет свои обязанности плохо взамен на возможность «решения вопроса». Со своей стороны, государство не должно было беспокоить граждан по поводу, например, неуплаты за коммунальные услуги, электроэнергию, а также по поводу воровства «государственной собственности».

Проблемы с «общественным договором» и формулой справедливости начались тогда, когда «каждый» начал ощущать, что он более не способен «решить вопрос». Произошло это по нескольким причинам. Во-первых, советский ресурс был окончательно разворован. Во-вторых, новый бизнес, новый ресурс, который мог бы прийти на смену советскому, рос крайне медленно. Происходило так именно из-за воровских установок, лежащих в основе «общества равных коррупционных возможностей». Рост экономики возможен лишь при наличии гарантий собственности, а поскольку в основе общественного договора лежит как раз «свободный доступ» к собственности любого участника, то никакого роста не будет. В общем и целом, ресурс паразитирования сокращался при постоянном и уверенном росте числа паразитов (чиновников, членов их семей, приближенных «бизнесменов» и т.п.). В-третьих, за это время чиновники освоили государственные полномочия. Если раньше в кабинеты начальников стояли очереди людей, готовых начать какое-либо дело (разумеется, честно поделившись с начальством), то теперь начальство само планирует бизнес в отведенной ему сфере и практически не нуждается в лохах с улицы.

Этот процесс начался где-то в начале «нулевых» и именно он привел к конфликту в 2004-м. Кучма позвал «донецких» в Киев, потому, что они могли лучше всех справиться с новыми реальностями. Здесь сыграли большую роль ментальные различия. «Старая»

до-донецкая элита мыслила привычными для Украины феодальными категориями, а феодализм так или иначе предполагает договор. «Донецкий» менталитет — это не феодализм, а рабство, не жадный пан и хитрый холоп, которые стремятся надуть друг друга, а рабовладелец и раб. «Донецкие» куда лучше подходили для новых условий, они могли эффективно и без лишних сантиментов показать холопам, что времена равенства в «решении вопросов» за деньги уходят в прошлое.

Дальше случилась интересная вещь. Сторонники старого общественного договора в 2004-м политически победили тех, кто пытался навязать, скажем так, «антилоховской» общественный договор. Однако, это не остановило процесс. Старый общественный договор оказался под сомнением и начался поиск новой формулы, причем, что характерно, он начался как со стороны государства, так и со стороны общества.

Формула нашлась довольно быстро и ее можно записать как: «если вы здесь начальники, то будьте добры исполняйте то, что мы считаем вашими обязанностями». Это было совершенно новой для Украины позицией. Еще за 10 лет до того Кучма выиграл сам у себя президентские выборы, став самым оппозиционным кандидатом на пост президента. Теперь такая позиция стала невозможной. Миколу Яновича, пытающегося валить все на «папередников» откровенно высмеивают все, кому не лень.

Но это сейчас. А в 2004-м государство почувствовало, что нужно идти навстречу массам и начало приспосабливаться к требованиям трудящихся. И государство нашло способ. Вспомним, что первоначально оно продолжило действовать в духе «донецких», которых не допустили к власти: одной из первых инициатив первого премьерства Тимошенко была попытка отменить единый налог, который несколько лет кормил «лохов», которые и привели ее и Ющенко к власти. Но такие лобовые меры не могли дать положительного результата. Поэтому государство начало приспосабливаться к ситуации по-другому. Собственно говоря, его задача теперь состояла в том, чтобы продемонстрировать лохам свою способность наказывать и карать тех, кто по мнению общества, представляет опасность. Поэтому первое, чем озаботилось государство, стали «преступления без пострадавшего».

Во времена Кучмы государство совершенно не интересовало, есть ли у вас дома порнография и курите ли вы в неположенных местах. Теперь же государству нужно было предъявить побежденных врагов, и ими стали, конечно же, враги несуществующие. Напомню, что движение государства к вмешательству в личную жизнь граждан началось именно при Ющенко, к примеру, незабвенная комиссия по морали развернулась именно при нем.

Как только была нащупана новая формула общественного договора, политический спрос полностью переключился на публику, способную его реализовать.

В 2004-м конкурировали «мягкий» Ющенко и «жесткий» Янукович, а в 2009-м уже соревновались в «жесткости» Тимошенко и Янукович, при этом оба успели побывать премьерами при «мягком» Ющенко.

Сегодня формула справедливости — это хорошие пацаны, наказывающие плохих пацанов по звонку бдительного гражданина. Как видим, ее практическая реализация эволюционирует, ибо известной жесткости донецких уже недостаточно. Многие теперь полагают, что хорошие пацаны должны иметь еще и правильную национальность в паспорте, и только тогда они могут считаться хорошими. В принципе, в пределе, эта формула дает нам национальную катастрофу или гражданскую войну. Но, тем не менее, государство будет самовоспроизводиться, пока не умрет надежда на правильных пацанов и на то, что эта формула вообще может быть реализуема. 2012

1.2. Немного политической текучки

В этом разделе — несколько заметок о политической текучке разных времен, примеры того, как все очень ловко не меняется при этом оставаясь в состоянии бурного движения, которое так завораживает широкую публику. Также это примеры простых аналитических методов, которые всегда работают.

1.2.1. Итоги майдана или Всякая тварь грустна после соития

События декабря 2004-го года, а именно — мирное стояние киевлян на Майдане, как видим, до сих пор задают тон в украинской политике. До сих пор эта политика преподносится как противостояние «оранжевых» и «бело-голубых». И хотя, по большому счету, особой разницы между ними уже нет (что показали выборы 2006 и 2007), но болельщики у обеих партий еще есть, они составляют большинство избирателей и, вообще говоря, делают их существование возможным. Между тем, феномен майдана, по моему скромному мнению, куда значительнее, чем его политические последствия, без сомнения, он имеет огромное значение для будущего Украины. К сожалению, его трудно отделить от сугубо политического контекста, и потому, подводя своеобразный итог этого явления, нам придется снова вспоминать «политические реалии».

Накануне президентских выборов 2004 года модно было говорить о «Кучме-3», то есть неком канди-

дате (может и Кучме лично), который будет представлять власть на выборах и гарантировать преемственность ее политики. Автор этих строк постоянно утверждал, что Кучма-3 — никто иной, как Виктор Андреевич Ющенко. Программа его (если вообще можно говорить о программе) не была революционной, под ней мог подписаться кто угодно. «Революционером» Виктора Андреевича сделал Виктор Федорович Янукович. Вернее, если разобраться до конца, то именно с Януковичем майданные стояльцы связывали опасность революции. Криминальной. Практика «донецких» вызывала шок у киевского и не только киевского бизнеса. Янукович был олицетворением нестабильности и почти гарантировал изменения к худшему. Ющенко, по мнению людей, в лучшем случае, мог что-то изменить к лучшему, в худшем — оставить все как есть. Фактически, люди на майдане выступали, в том числе, против нестабильности, которой угрожал им Янукович. Поэтому считать Януковича «продолжателем дела Кучмы», а Ющенко — «оппозиционером» не совсем верно. Здесь действовали другие оппозиции.

Те, кто до сих пор верит в американские валенки, постоянно задают вопрос — почему, мол, никто не мог предсказать такого массового выступления киевлян. Где, мол, были социологи и прочие, кто должен за этим следить А если не могли предсказать, то стало быть, все это придумали американцы. Попробуем разобраться. Вспомним, что происходило в 2004-м. Журналисты и аналитики активно обсуждали несколько тем, свя-

занных с возможными сценариями выборов. «Третий срок» стал идефикс украинского политикума. Его убедительные знаки виделись и в выступлениях власть имущих, и в прогнозах погоды. Второй важной темой были «гарантии Кучме» и тесно связанная с ней тема «преемника», — таинственной должности, название которой многие журналисты писали через «и», что само по себе весьма показательно. Ну и, наконец, третьей темой из этой серии был «единый кандидат». Кстати, удивительнейшим образом прошла незамеченной изначальная абсурдность темы «единого кандидата». Ведь если выборы проходят в два тура, то изначально получается, что два персонажа, попадающих во второй тур автоматически становятся «едиными», — тут уж ничего не поделаешь. Мало кто сомневался в том, что одним из этих людей будет представитель власти, а другой — оппозиции. Тем не менее, тема активно обсуждалась вплоть до окончания официального выдвижения кандидатов в президенты. **Журналисты и аналитики и представить себе не могли, что власти не придумают некоторого сценария, гарантирующего им полную победу и плавный переход в светлое будущее**. Никто и думать не хотел о том, что сама по себе процедура выборов делает «гарантированные» сценарии невозможными. И в этом, может быть, состоит один из главных уроков 2004-го года. Наблюдатели оказались жертвами созданной ими же реальности, в которой власть была поистине всемогущей и вездесущей. Сама власть тоже верила в эту реальность, так как продолжала с поразительным упорством

бороться со СМИ — было прекращено вещание радио «Континент» и радио «Свобода», закрылись некоторые газеты. Чтобы рассуждения журналистов и политических комментаторов о выборах, которые мы читали целый год, имели смысл нужно было… чтобы выборов не существовало или они были сугубо номинальными, как в СССР.

Второй вывод связан с первым и касается, собственно, особенностей политической информации как таковой. В Украине информация СМИ не равна реальной значимой информации. И не только в силу цензуры, а, прежде всего, потому, что реально значимая деятельность власти — на 90% закулисна. Она не является проверяемым фактом, в лучшем случае она является слухом. Решения правительства и его заявления — не главное в нашей жизни, главное — его практика, которая в большинстве случаев к этим решениям не имеет прямого отношения.

Возможно, в этом и заключается ответ на вопрос — откуда взялась оранжевая революция? Она действительно давно зрела в обществе, но процесс этот оставался не осмысленным и даже не зафиксированным аналитическим сообществом. Ведь люди, вышедшие на Майдан, реагировали не на декларации власти, фиксируемые прессой, а на ее практику и на перспективы этой практики после президентских выборов. Для них эти перспективы оказались абсолютно неприемлемы. Оппозиция, кстати, сама по себе никак не влияла на «революционную ситуацию», она просто вовремя ока-

залась под рукой.[9] И еще один факт в пользу нашего вывода — с первых же дней революции власть пыталась представить ее как результат технологии, как **заговор, который просто оказался лучше, чем заговор самой власти. Наличие самодеятельного и активного народа недопустимо для той модели реальности, которой живет нынешняя элита**. В эту элиту, кстати, входят не только власть имущие, но и большинство журналистов и аналитиков независимо от партийной принадлежности, равно как и подавляющее большинство ныне действующих политиков. И, опять таки, независимо от партийной принадлежности, сегодняшняя элита попытается вернуть себе иллюзию манипулирования политическими процессами, так как по-другому она просто не умеет действовать.

Главный парадокс майдана

Напомню также факт, о котором сейчас предпочитают не вспоминать. А именно — команда Ющенко после второго тура выборов готовилась к сдаче. Да, ее активисты съехались на Майдан, но их целью было не изменить ход событий, а «привлечь внимание мировой общественности» и подготовить приемлемые условия капитуляции. Добровольная и массовая активность киевлян удивила не только администрацию Кучмы, но и команду Ющенко.

[9] Как и на Майдане в 2014

В результате, мы получили несколько парадоксальную ситуацию. Революция была спровоцирована выборами и разрешилась в рамках избирательной кампании. Иначе говоря, возможно, что ничего такого не было бы, если бы у властей хватило ума выставить кандидата, умеющего писать без ошибок. **По этой же причине мы имеем тот редкий случай, когда революция произошла абсолютно стихийно и не породила своих лидеров**. Ющенко и компания лишь воспользовались ситуацией. Похоже, наш президент до сих пор уверен в том, что люди скандировали «Ю-щенко!» потому, что страстно желали видеть именно Виктора Андреевича на посту президента. На самом деле, большому скоплению людей всегда нужно чем-нибудь заняться. Поскандировать что-нибудь или попеть. Да и, напомню, что формат выборов диктует свои правила: если есть политический лидер — почему бы и не поскандировать его фамилию? «Лидеры оранжевой революции» стали таковыми только в силу формата событий — выборов. Они так и не поняли, что произошло. В этом особенно легко убедиться, если вспомнить, с какими популистскими позициями начала свою деятельность «оранжевая власть» в лице Тимошенко[10].

Повестка дня революции

«Лидеры» революции — политики эпохи Кучмы, и потому считали (и считают) собравшихся на площади людей обычными «трудящимися», которым нужно что-

[10]Ситуация полностью повторилась в 2014, правда без выборов

то «дать». Так и действовала Юлия Владимировна и президент со своими пенсиями, пособиями, зарплатами и ценами. Между тем, людям на майдане было все это абсолютно не нужно. Это подтвердит любой, кто побывал там. Люди вышли протестовать против унижения их достоинства, им нужна была предсказуемая и ответственная власть. По сути, майдан был буржуазной революцией.

Что такое идеалы майдана и можно ли их «предать»?

Обычно украинцы ненавидят друг друга. Они считают весь мир заговором, а главным мотивом в жизни определяют только меркантильный интерес. Они не уважают ни себя, ни других. Такие персонажи абсолютно безответственны. Они не могут быть гражданами. Их сообщество представляет собой набор человеческих атомов. Ими легко управлять и манипулировать. И вот, представим себе, что эти, по выражению Платонова, «человеческие обломки», вдруг добровольно собрались вместе и сделали что-то хорошее. Можно только догадываться, какая буря положительных эмоций бушевала в душах этих людей. Именно в этом моменте мы обнаружим то, что называется «идеалами Майдана». **«Идеалы Майдана» заключаются в том, чтобы улыбаться незнакомым людям и говорить им «здравствуйте»**. Идеалы майдана состоят в понимании силы солидарности и своего индивидуального выбора — вместо «зарабатывания де-

нег» пойти померзнуть на Майдан, возможно, с риском для жизни. **Эти идеалы не имеют формы политической программы. «Хочу, чтобы все было хорошо» — не есть программа, ее нельзя ни выполнить, ни предать. Политики вообще не имеют к ним никакого отношения, так как эти идеалы находятся в до-политической сфере**. Наша революция состояла в освоении гражданства. Впервые гражданское действие было добровольным, имело четкую цель и принесло результат.

Что такое «разочарование в революции»?

В «массовом разочаровании», о котором стали говорить чуть ли не на второй день после окончательной победы «оранжевых», есть три разных составляющих. Первая — это, скажем так, «ложное очарование». Многие почему-то считали, что у Ющенко есть команда и теперь она сможет что-то изменить. Когда этого не случилось, наступило разочарование. Вторая составляющая более серьезна и имеет психологическую природу. Она состоит в реакции на собственную эйфорию и напоминает обычный посткоитальный синдром. Удивление и восторг после того, как все получилось именно так, как надо (причем, заметим, впервые — это ведь первая украинская революция) не могут пройти безнаказанно. Градус эйфории как бы сам собой предполагает, что «теперь точно все будет хорошо», и, когда этого не происходит — наступает раздражение. Третья составляющая особенно интересна.

Парадоксальным образом первыми о «разочаровании» в «оранжевой революции» заговорили ее ярые противники, которые, казалось бы, никак не должны были быть ею очарованы. СМИ восточной Украины исходили ядом и злорадством начиная где-то с февраля 2005-го. Скорее всего, мы имели дело с иррациональным процессом. Это — реакция людей угнетаемых, которые считают это угнетение естественным порядком вещей, это зависть старой девы к влюбленной парочке, зависть привыкших к унижению к тем, кто смог отстоять (в буквальном смысле слова) свое достоинство. В текстах «оппозиции» того времени легко просматривалась картина мира этих людей. В этом мире правит исключительно насилие, расчет и личная выгода. Все человеческое является, с точки зрения такой публики, лицемерной маской. Создается впечатление, что фразу «темные силы нас злобно гнетут» этим людям вписывают прямо в свидетельство о рождении, рядом с фамилией. Оранжевая революция сильно поколебала эту картину мира, а «неудача» новой власти вернула ее на место. Отсюда и злорадство, которое не проходит у этих людей до сих пор. Они радуются, что точка зрения «все вокруг негодяи», по их мнению, блестяще подтвердилась.

Значение майдана

Возникает вопрос: почему же мы столкнулись с этим мутным потоком только в 2004-м? Ведь эти люди не родились вчера. Возможно, ответ состоит в том,

что впервые такую реакцию вызвали внутриукраинские события. До сих пор восток просто не обращал внимания на остальную Украину, «оранжевая революция» заставила его это сделать. Истерика востока говорит о том, что он теперь тоже стал украинским, ведь отрицание — это свидетельство признания. Поэтому одним из результатов майдана стало объединение Украины. Де-факто, мы впервые после 1991 года получили общее политическое пространство во всей стране. Второй, возможно даже более важный результат — майдан показал возможность результативного гражданского действия. Этот факт полностью изменил отношение власти и общества на очень глубоком уровне. Неважно, что случится еще в нашей истории — прецедент успешного мирного движения в позитивном направлении уже создан. Третьим пунктом я бы поставил развенчание некоторых самоуспокоительных мифов, например: «что я могу один?». Оказалось, что очень даже получается. И, наконец, четвертый пункт — майдан может считаться днем рождения украинской нации. Вспомним, что майдан был центром политической жизни и в начале 90-х. Только он разительно отличался от того, что мы увидели в 2004-м.

Новый майдан показал, что за 13 лет выросло поколение, в котором есть люди, способные к самоорганизации. Они уже чего-то достигли в жизни и достигли своим трудом, они планируют свое будущее и стремятся сделать его лучше. И потому для них совершенно неприемлема ситуация, когда их судьба может

оказаться в чужих руках. Они не намерены отдавать кому-то свое будущее. Эта конкретика и делает «население» гражданами, которые могут особенно не активничать политически в повседневной жизни, но как только дело доходит до жизненно важных ситуаций — добровольно отправляются защищать свои права. Эта конкретика и отличает старый Майдан от нового. На старом Майдане[11] строились планы о том, как нам обустроить Украину, что где и как должно лежать в «украинском доме», с кем нам дружить и почему. Это касалось «всех» и никого в отдельности. На новом Майдане люди пришли отстаивать индивидуальное будущее каждого, не вдаваясь в подробности. И если на старом Майдане стояла ругань, и там никогда не могли прийти к общему мнению, то здесь оно и не требуется. При этом, здесь единство, о котором раньше и мечтать не могли.

2007

1.2.2. Парламентские выборы — что изменилось

Итак, результаты выборов уже хорошо известны, по предварительным данным выходит, что «Регионы» получают большинство, а оппозиция остается в меньшинстве. Если к «регионам» добавить коммунистов, которые традиционно поддерживают регионские на-

[11] Имеется в виду Майдан конца 80-х, начала 90-х, где функционировал своего рода оффлайновый фейсбук из политически озабоченных граждан

чинания, то, видимо, по некоторым вопросам возможно и конституционное большинство.

Что нового?

В новом парламенте мы увидим, так сказать, официальных представителей двух «новых» партий — «Удара» Виталия Кличко и «Свободы». Правда, назвать их «новыми лицами» как-то не поворачивается язык. У «Удара» отсутствует какая-то идеология, скорее, идеи додумывали за них избиратели. Перспективы самой этой партии наблюдатели дружно считают весьма сомнительными и полагают, что весьма вероятно, что «Удар», в итоге, станет основным (помимо мажоритарщиков) источником «тушек».

Что касается «Свободы», то опять-таки, ничего нового она не представляет, национал-социализм — старая, добрая идеология этнической ненависти, хорошо себя зарекомендовавшая и, так сказать, проверенная временем. Плюсом здесь, безусловно, является то, что поведение «Свободы» легко предсказуемо, как плохая погода в ноябре. Правда, многие утверждают, что «свободовцы» никакие не национал-социалисты, это они просто балуются. Дескать, скоро они начнут воровать как и все, и успокоятся[12]. Это, конечно, обнадеживает, но и в этом случае следует признать, что ничего нового «Свобода» в Раду не принесла.

[12]Так и случилось. Народ оказался мудр

Как это работает?

Для того, чтобы приблизительно представить себе, как все будет происходить, давайте вспомним, что политреформу у нас отменили. Это означает, что никакой необходимости в постоянном оформленном большинстве не существует. Авторам того или иного законопроекта необходимо ситуативное большинство под конкретный законопроект, ситуативное же большинство необходимо и для утверждения назначений и т.д. Впрочем, ПР, которая выполняет роль эдакого передаточного инструмента между политэкономическими группами и государством, наверняка оформит некую фракцию. «Донецкие» любят ходить строем, им нужна четко оформленная организация, а их лоббистам — признак гарантии того, что «согласованные» инициативы будут автоматически проголосованы в Раде.

Наличие мажоритарщиков, которых, как известно, значительно легче контролировать, чем партийно-фракционных депутатов, создает дополнительные степени свободы для исполнительной власти. Фракция ПР может формально не поддерживать некоторые «непопулярные» законопроекты, которые, тем не менее, будут приняты ситуативно организуемым большинством из мажоритарщиков и отдельных депутатов-«официальных» регионалов. Скорее всего, мы снова столкнемся с феноменом «директора парламента», каким в свое время был Александр Волков. В функции этого человека будет входить именно организация ситуативных голосований, обеспечение подкупа, шанта-

жа и всех связанных с этим процессом процедур и технических деталей[13].

Судьба оппозиции

Если с «регионами», получившими машину для голосования, все понятно, то с оппозицией все наоборот.

Как это обычно бывает, поведение после одних выборов диктуется перспективами следующих. В нашем случае — выборов президентских.

Технологи ПР давно тянут Тягнибока на роль кандидата в президенты, у которого Янукович сможет выиграть во втором туре. Вообще говоря, ПР и «Свобода» существуют во взаимовыгодном симбиозе, они нужны друг другу, чтобы пугать своих избирателей. Понятно, что любая другая фигура, оказавшись во втором туре, выигрывает выборы у непопулярного президента. Однако, сейчас интрига складывается таким образом, что единственным лидером оппозиции, способным не вызывать отторжения, является Кличко, который получил свои проценты исключительно за «красивые глаза».

И здесь возникает сразу целый клубок проблем. Оппозиции следовало бы объединиться, чтобы показать своим избирателям, что их главная цель — борьба с ПР. Такое объединение требует лидера. Лидер автоматически будет рассматриваться избирателями как кан-

[13]Таким человеком стал Чечетов

дидат на пост президента в 2015 году. Сейчас лидером может стать Кличко. Однако, он имеет две большие проблемы. Первая — собственная фракция, которая, очевидно, начнет разбегаться по кустам. Лидер, который не может удержать фракцию — плохой лидер. Вторая проблема Кличка — идеология. Поскольку своей идеологии у него нет, то он использует риторику самой доступной и примитивной, то есть «патриотизма». Однако, на этом поле ему никогда не переиграть того же Тягнибока.

Единственным разумным решением было бы избавиться от Тягнибока, отправив его дружить с коммунистами, и объявить оппозицией «Удар» и «Батькивщину». Однако, вряд ли такой вариант реализуем практически.

В общем, главное шоу ожидает нас именно в стане оппозиции, а главным героем пока что кажется Виталий Кличко. Если ему удастся разобраться в политике, которая все-таки немного отличается от бокса, мы, возможно, увидим много интересного. По крайней мере, вызовы, которые стоят перед этим человеком, весьма непросты.

Наиболее вероятным кажется сценарий, когда будут предприняты формальные попытки объединения оппозиции. Если такая попытка удастся, и проблема лидера будет решена, то объединение развалится ближе к президентским выборам. Правда, при условии, что Рада доживет до этих выборов, что весьма сомни-

тельно[14]. Если проблема лидера решена не будет, то объединение оппозиции окажется невозможным.

Течение болезни

Несмотря на то, что «регионы» сейчас кажутся полными победителями, это отнюдь не означает, что дело обстоит именно так. Разумеется, ПР попытается выжать максимум из сложившейся ситуации. Например, расплывчатость большинства и способность привлекать «независимых» мажоритарщиков для ситуативных голосований, позволит ПР покуситься на святая святых украинского «общественного договора» — так называемый «соцпакет» в виде разного рода льгот и привилегий для «простого народа». Злые реформаторы из Кабмина будут протаскивать «антинародные» законы при дружном возмущении оппозиции и… Партии регионов.

Однако, идеологи и технологи ПР никогда не понимали и, похоже, никогда не поймут, что нарушение «общественного договора» означает потерю легитимности. То есть, люди просто перестают считаться с государством и оно исчезает, как это было с СССР. И вот в такой ситуации «полумажоритарный» парламент — это худшее, что можно придумать. Мажоритарщики, которых сегодня ПР воспринимает как легкую добычу и простой объект для манипуляций, при малейших признаках системных неполадок разбегутся

[14]Не дожила

кто куда. В результате, в парламенте могут образовываться самые неожиданные коалиции и приниматься самые неожиданные решения. Напомню, что наша декларация о независимости была принята в мажоритарном паламенте с коммунистическим большинством.[15]

Поскольку вероятность разного рода неприятностей в ближайшем будущем велика, и государство делает все, от него зависящее, чтобы она была еще больше, то неожиданности вполне могут сопутствовать каденции будущей Рады, вплоть до досрочных выборов.

Что это означает для нас

Когда люди голосуют за какую-то партию на том основании, что она позиционирует себя «против» власти, всегда следует выяснять, какие именно действия власти имеются в виду. Когда начинаешь выяснять это, оказывается, что в большинстве случаев действия власти и тех, кто якобы против нее, совпадают. Разумеется оппозиция стремится «защитить народ» и всегда будет выступать против инициатив власти. Однако регулярный вред от государства случается от того, что оно использует некие методы, а не от того, в отношении кого именно эти методы используются. Борьба же между оппозицией и властью происходит исключительно по поводу определения жертв (или выгодополучателей) той или иной политики. Скажем, власть постановля-

[15] А этот парламент проголосовал за отстранение Януковича от власти

ет расстрелять всех рыжих, а оппозиция героически борется за то, чтобы расстрелять брюнетов. Урон же обществу приносят сами расстрелы как таковые, само «право» власти расстреливать кого попало.

Ниже приведена таблица некоторых ключевых, по мнению автора, позиций. В отношении «Удара» следовало бы написать по всем позициям «неизвестно», в данном случае, пришлось делать выводы на основании программы, что, конечно же, крайне ненадежно. В отношении «Свободы» существует практика этой партии, а также практика национал-социалистов всего мира.

Понятно, что эта таблица весьма условна, но так или иначе, за исключением сугубо ритуальных, по мнению автора, вопросов внешней политики, мы видим совпадение подходов большинства партий. 2012

1.2.3. Ну, и что дальше? Какистократия переходного периода

За три месяца своего правления Виктор Янукович успел совершить немало разных дел, что дает повод подумать над тем, к чему это все может привести и чем это все может закончиться.

Итак, на счету у Януковича следующие достижения: изменение конституции и формирование большинства «тушек», как следствие — быстрое формирование правительства и назначение «своих» губер-

	ПР	Батькивщина	Коммунисты	Свобода	Удар
Неприкосновенность собственности	против	против	против	против	за
Неприкосновенность личности	против	против	против	против	неизвестно
Национализация (как метод)	за	за	за	за	неизвестно
Реприватизация (как метод)	за	за	за	за	неизвестно
Протекционизм	за	за	за	за	неизвестно
Свобода предпринимательства	против	против	против	против	за
«Поддержка стратегических отраслей»	за	за	за	за	неизвестно
Льготы и привилегии, как метод	за	за	за	за	за
Ситуативное экономическое регулирование, как метод	за	за	за	за	за
«Дружба с Россией»	за	против	за	против	неизвестно
«Дружба с Западом»	за	за	против	против	за
Контроль образования (единственно верная история и т.п.)	за	за	за	за	неизвестно

наторов. Кроме того, новая власть продемонстрировала нешуточную внешнюю политэкономическую активность, успев продлить срок аренды русской базы в Севастополе, а также «серьезно продвинуться» в деле объединения нашего «Нафтогаза» с «Газпромом». Сюда же следует отнести авиастроительные и уранозаготовительные идеи нового руководства.

Какие выводы и прогнозы можно сделать на основании этих, так сказать, данных? Что демонстрируют нам Янукович и его люди?

Новое

Несмотря на устоявшееся мнение о «донецких», как о представителях всего отжившего и старого, они демонстрируют новое для украинской политики поведение. Новизна состоит в том, что «донецкие» не находятся в оппозиции к самим себе. До сих пор украинская политическая практика состояла в том, что чиновники «боролись» с некими ветряными мельницами, именуемыми «бюрократами», «олигархами» и еще как-нибудь. Классический пример такого поведения — это Леонид Кучма, который, будучи президентом страны, постоянно возмущался своими чиновниками, и безжалостно критиковал их, причем выглядело это так, как будто он не имеет к ним отношения.

Такое поведение настолько привычно, что не вызывает никакого удивления. Но «донецкие» демонстрируют нам другое поведение. Они пытаются предста-

вить себя как некую единую команду, которая получила власть и намерена ею воспользоваться в полной мере.

Есть еще один новый показательный момент. Судя по направлению возросшей активности платных интернет-комментаторов, отныне власть считается сакральной категорией. Бытовавшее до сих пор (правда, скорее, в неявной форме) мнение о том, что всякая власть плоха, теперь считается еретическим. Неизвестно, удастся ли сделать эту точку зрения массовой, но усилия, прилагаемые в этом направлении, впечатляют. «Донецкие» пытаются представить дело так, что неограниченные полномочия распоряжаться деньгами и временем сограждан под угрозой применения силы — это некая священная и не подлежащая обсуждению функция. Эта функция теперь освящает деятельность «донецких». В них самих нет ничего особенного, они простые парни, как ты и я, но им «выпала миссия» — примерно так выглядит этот «мессидж».

В эту же дуду дуют и попытки списать любую критику и недовольство «на Юлю». То есть, если вам не нравится власть, значит вы за Тимошенко. Формируется такая позиция: власть — она от Бога, нам дано выбирать только среди юль и яныков. Чем занимается власть и зачем вообще она нужна — старательно выносится за скобки.

С чем мы имеем дело?

Обратите внимание на характер наиболее ярких инициатив новой власти. Лично я не могу отделаться от ощущения, что эти инициативы — из программы Кучмы 1994 года. Подходы примерно такие. Нужно «дружить» с Россией. Нужно решать проблемы корпораций (предоставляя им льготы). Чем больше корпорация, тем она важнее и нужнее.

Итак, можно выделить следующие особенности политики «донецких»

- Корпоративизм. Мир видится как арена взаимодействия корпораций и их объединений. Государства — это тоже корпорации.
- Личности, а не институты. Типичный пример — газовые соглашения. Вся «проблема» с газом легко решается устранением государства от ее решения и какого бы то ни было участия. Роль государства — правовая защита агентов, покупающих газ, не более того. Однако, мы видим другой подход — одни начальники договариваются с другими начальниками, «чтобы был газ».
- Цель оправдывает средства. Типичный пример — история с коалицией тушек.
- Эффективность понимается как формальное устранение «заголовка» проблемы. Например,

была проблема с газом, Севастополем и отношениями с Россией. После подписания известных соглашений все осталось, как было, кроме «заголовка».

Обобщая можно сказать так. «Донецкие» — это Леонид Данилович Кучма, которому вдруг пришло в голову взять на себя ответственность за власть, начать выполнять собственную программу и «наводить порядок» так, как он его понимает.

Мотивация

Перед тем, как начать говорить о перспективах новой власти, нужно два слова сказать о ее мотивации. Думаю, не ошибусь, если скажу, что основным стимулом является стабильность. Стабильность — это гарантии доходов членов правящей группы и гарантии привилегий ее бизнесу. Следствием из требования стабильности является идея порядка. От «бардака», который по всеобщему мнению поразил нашу страну, страдают все без исключения. Порядок — это управляемость чиновников. При «порядке» чиновники делают то, что должны делать, идеально координируя свои усилия и не доставляя никому хлопот.

Какистократия

Для того, чтобы хотя бы приблизительно спрогнозировать будущее, нужно политическую доктрину «до-

нецких» наложить на реально существующую социальную систему.

Эту систему можно охарактеризовать емким и звучным греческим словом «какистократия». По аналогии с аристократией, то есть, властью лучших, какистократия — это власть худших. Какистократия — это социальная система, порождаемая практикой украинцев. Поскольку каждый украинец считает всех прочих украинцев негодяями, с которыми «по другому нельзя», то в итоге, он и получает то, что хочет — политико-экономическая власть состоит из самых худших украинцев, тщательно отобранных в результате каждодневной селекции. **Здесь важно понимать, что реальные социальные системы являются продуктом повседневных действий множества людей, а не их целей, замыслов или, тем более, деклараций**. То есть, какистократы — люди, которые расположены на «вершине» нашего общества — являются продуктом нашей регулярной деятельности, тех критериев, которыми мы руководствуемся, когда делаем простой повседневный выбор.

Для нашей темы важнейшей чертой украинской какистократии является приоритетная роль статуса как источника возможностей. Украинская мечта состоит в том, чтобы стать начальником. Начальник — это человек, поле возможностей которого зависит от его статуса. Понятно, что одним из источников статуса является государственная должность. Так называемая

коррупция — неизбежное следствие такого положения дел.

Теперь легко увидеть, что команда Януковича в ее нынешнем виде является крайне неустойчивой переходной формой.

Небольшое отступление

Здесь нужно сказать несколько слов о побочных обстоятельствах, присущих именно этой команде. Это, так сказать, несистемные, персональные обстоятельства. Во-первых, отметим слабость этой команды именно как команды. Цели стабильности и порядка являются сугубо оборонительными. Они не могут быть источником инициатив и роста, не могут быть командообразующими на уровне государства.

Во-вторых, отметим профессиональную и практическую слабость команды. Люди, считающие, что повышение налогов и усиление государственного регулирования есть ответ на все вопросы во все времена, скажем так, немножко отстали от жизни.

В-третьих, очевидно, что Янукович и его люди испытывают острую потребность в начальнике над собой. Таковыми им видятся big boys из Москвы, Вашингтона или Брюсселя. Иерархическое мышление порождает желание задобрить начальство, что мы и наблюдаем в течение трех месяцев. Поэтому простая мысль о том, что чем больше ты «сдаешь» партнеру, тем мень-

ше ты ему нужен, не приходит им в головы. Для «донецких» речь идет о начальстве, а не о партнерстве. Если говорить о России, то в команде Януковича категорически не понимают, зачем России нужна Украина. Газотранспортная система, Севастополь, таможенный союз, сателлитное государство, — все это, конечно, хорошо, но это лишь приятные дополнения к главной цели. Главная цель лежит не во внешней, а во внутренней политике России, которая испытывает серьезный кризис жанра. Демократическая альтернатива в Украине — вот то, чего больше всего не желает российская власть. «Вот видите, у хохлов не получилось с демократией». А значит, российский авторитаризм есть пусть кому-то неприятная, но неизбежная закономерность, а не удобная форма реализации частных и групповых интересов. Кстати, России куда выгоднее была бы «оранжевая» Тимошенко в качестве президента, тогда бы пропагандистский эффект был бы куда сильнее. Всего этого люди Януковича не понимают, а значит, будут делать ошибки.

Корпорация по распределению расходов. Диктатурка

Думаю, нет необходимости рассматривать варианты, когда деятельность нынешней власти увенчается успехом. Жалкий лепет по поводу Сингапура опровергается простым фактом, что помимо Сингапура еще около сотни стран наслаждаются авторитаризмом, но никаких реформ и процветания там не наблюдается.

Авторитаризм и процветание скорее антонимы, чем синонимы.

Итак, в результате наложения политической доктрины «донецких» на украинскую реальность, можно увидеть следующие системные проблемы.

Первая проблема — разность корпораций. «Донецкие» были объединены историей с выборами 2004-го, опасениями преследований и жаждой реванша. Все эти стимулы исчерпались после их победы в этом году. Хуже того, представление о государстве как о большой корпорации с директором-президентом во главе, которого придерживаются «донецкие», страдает одним радикальным изъяном. В отличие от обычной корпорации, целью которой является получение дохода, государство является корпорацией по распределению расходов. То есть, логически невозможна ситуация, когда все группы давления удовлетворены.

Как это не парадоксально звучит, защитить свой бизнес «донецкие» могли бы гораздо лучше, если бы продолжали находиться вне государства в роли одной из групп давления.

Совместить индивидуальные цели в рамках общей государственной политики можно, только создав их иерархию. Это означает обычную диктатуру и социализм. Таким образом, первое «устойчивое» состояние, к которому объективно стремится нынешняя власть — это социалистическая перераспределительная дикта-

тура. Я взял слово «устойчивое» в кавычки потому, что на самом деле, конечно же, это состояние тоже неустойчиво, так как в нем отсутствуют стимулы к предпринимательской деятельности и росту национального богатства. Просто по сравнению с нынешним состоянием, социализм может продолжаться куда дольше, и его рамки ограничены лишь тем, до каких пор граждане согласны терпеть собственное обнищание.

Коррупция forever. Режим Кучмы

Вторая системная проблема — это какистократия. В корпорации «донецких» сегодня подавляющее большинство составляют какистократы, поддерживающие новую власть ради своего статуса и тех возможностей, которые он предоставляет. Статус и возможности абсолютно несовместимы ни с идеей стабильности, ни с идеей порядка. Не может быть порядка и «свободы предпринимательства» для чиновников одновременно. Если практика какистократии возьмет верх, то сегодняшние «донецкие» перейдут в привычный нам режим Кучмы.

Таким образом, не существует варианта, в котором «донецкие» сохранились бы как корпорация, полностью контролирующая государство. Либо эта группа перейдет к диктатуре, что означает более чем значительное «прореживание» собственных рядов и своего рода внутреннюю гражданскую войну, либо восторже-

ствует какистократия а-ля Кучма, в которой «донецкие» просто растворятся.[16]

Устойчивые состояния, и чем придется жертвовать:

Первое устойчивое состояние — это “режим Кучмы”.

Стабильность в нем обеспечивается доступностью коррупции, а также постоянным вращением какистократов вокруг президента и постоянной заменой одних какистократов на других;

Коррупция в этой системе относительно доступна для всех;

Сверхидея не нужна.

Внешняя политика аморфна (равновекторность).

Врагами являются бывшие какистократы, ставшие оппозиционерами.

Второе устойчивое состояние — “диктатурка”.

Стабильность обеспечивается репрессиями и закрытостью политической системы от воздействия населения; Коррупция доступна только для “своих”;

Сверхидея — необходима, как и харизматичный лидер;

Внешняя политика — определенность. Привязанность к одной силе, либо агрессивный нейтралитет типа коммунистической Албании;

Врагами в диктатурке является население.

Чем придется жертвовать для перехода в “режим Кучмы”.

[16]Интересно, что Порошенко пытается одновременно вернуться к режиму Кучмы для «элиты», сохраняя режим Януковича для «народа». Трудно назвать перспективной такую стратегию

Стабильность — никаких «донецких» больше не будет. Будет соревнование какистократов за близость ко двору.

Коррупция — порядка по типу «я начальник — ты дурак», за который голосовал избиратель ПР, не будет. Избиратель обидится;

Сверхидея — жертв не нужно; Внешняя политика — жертв не нужно;

Враги — враги постоянно меняются, что, скорее, позитивно для системы в целом.

Чем придется жертвовать для перехода к диктатурке.

Стабильность — «донецких» тоже не будет. Будут «малые донецкие», которые победят всех остальных донецких и недонецких;

Коррупция — в силу ограниченности коррупции в стране появятся «классовая борьба» и терроризм;

Сверхидея — нет харизматического лидера и сверхидеи. В условиях разных политикокультурных предпочтений украинцев, такую идею представить затруднительно, особенно в исполнении донецких;

Внешняя политика — придется определяться, где покупать недвижимость, хранить деньги и учить детей;

Враги — враги могут победить.

2010

1.2.4. Скоро коррупция в Украине будет регулироваться законом

4 января Президент подписал закон N2808-VI, которым признаются утратившими силу законы «Об основах предотвращения и противодействия коррупции», «Об ответственности юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений» и «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины

относительно ответственности за коррупционные правонарушения».

Вместо этих документов будет действовать закон «Об основах предупреждения и противодействия коррупции в Украине», который уже прошел первое чтение и, судя по всему, легко пройдет второе. Поскольку проект внесен Януковичем, трудно предположить, что он его не подпишет, а значит, закон скоро вступит в силу.

Этот весьма лаконичный документ, помимо всего прочего, вносит также изменения в Кодекс об административных нарушениях, который содержит подробные определения коррупционных действий и ответственности за них.

Как и все остальное «антикоррупционное» законодательство, этот документ не имеет никакого отношения к искоренению коррупции и борьбе с ней. Вообще говоря, для борьбы с коррупцией не требуется никаких специальных законов. Достаточно наличия в уголовном законодательстве и законодательстве об административных правонарушениях ответственности государственных служащих, должностных лиц местного самоуправления и судей за злоупотребление вверенной им властью. **Ведь проблему для общества составляет именно само злоупотребление, а не то, было ли оно совершено с целью личной наживы или исключительно из любви к искусству**. Тот факт, что чаще всего эти злоупотребления совершают-

ся все-таки в целях личной наживы, по сути, ничего не меняет.

Однако, даже допуская необходимость специального антикоррупционного законодательства, нельзя сказать, что этот закон каким-то образом поможет в борьбе с коррупцией. В нем можно найти массу подтверждающих это нюансов, но красноречивее всего говорит об этом сама структура закона. В статье 4 перечисляются субъекты ответственности за коррупционные правонарушения: президенты, разные виды чиновников и пр. В статье 6 перечисляются ограничения на использование служебного положения, то есть, то, чего нельзя делать лицам, перечисленным в ст 4. Собственно, вся механика закона и состоит во взаимодействии этих двух статей. Так вот, все четыре пункта статьи 6 (то есть, того, чего нельзя) начинаются со слова «неправомірно». Например: *«неправомірно сприяти фізичним або юридичним особам у здійсненні ними господарської діяльності, одержанні субсидій, субвенцій, дотацій, кредитів, пільг, укладанні контрактів (у тому числі на закупівлю товарів, робіт і послуг за державні кошти);»*

Таким образом, закон предполагает, что те же самые действия могут быть «правомерными», между тем как сама идея государства в версии последних двухсот лет содержит в себе мысль о чиновнике — исполнителе. **Работа любого чиновника состоит исключительно и только в выполнении предписанных ему инструкций.** Чиновник по определению не может «

сприяти», «втручатися», «надавати перевагу», это могут делать лишь частные лица в отношениях между собой, но не чиновники на своей работе. Любое такое действие со стороны чиновника есть порча государственного механизма, то есть коррупция.

Введение «правомерности» означает, по сути, что коррупция разрешена. А само понятие «правомерности» устанавливает критерий в отношениях между чиновниками, поскольку решать, было ли то или иное действие одного чиновника «правомерным», будут другие чиновники.

Это основной момент, который говорит о том, что к борьбе с коррупцией закон отношения не имеет. Можно отметить также постоянные ссылки на другие нормативные акты, которые должны быть приняты в развитие этого закона. Всем известно о дьяволе в мелочах, поэтому, даже если бы закон содержал что-то полезное, отсылки к будущим документам похоронили бы его. Очень смешно в этом контексте выглядит, например, фраза: «*порядок і методологія проведення антикорупційної експертизи та порядок оприлюднення її результатів визначаються Міністерством юстиції України*». Думаю, с такой формулой этот закон не прошел бы антикоррупционной экспертизы там, где она есть.

Возникает вопрос — если этот закон ничего не меняет в деле борьбы с коррупцией, то для чего тогда он будет принят? Действительно, для нас с вами — насто-

ящих и будущих жертв коррупции — ничего от этого закона не меняется. Но, тем не менее, президент внес проект и три закона уже отменены для его принятия. Дело в том, что новый закон играет важную роль для самих чиновников. Я бы назвал его «законом о коррупции», то есть попыткой внести в эту определяющую для нашего чиновничества деятельность, некие писаные правила и точки отсчета. Это первая попытка такого рода, и, думаю, будущие историки еще оценят ее по достоинству.

До сих пор деятельность чиновников регулировалась неписаной нормой — «на тебе пистолет, и крутись, как хочешь». На практике реализация этого принципа привела к возникновению массы разнообразных и тоже неписаных правил, и главное — наличию множества центров власти, которые, к тому же, имеют свойство постоянно изменяться в ходе внутренней межчиновничьей борьбы. С точки зрения донецких — это непорядок. С другой стороны, забрать у чиновников коррупционные возможности нельзя, они ведь ради них там и сидят. А не будет чиновников — не будет и донецких, думаю, они об этом догадываются. Поэтому и предпринята некая попытка регулирования коррупции, которым теперь прямо и открыто будет заниматься государство. Закон чем-то напоминает правила дорожного движения — они ведь не указывают куда ехать каждому отдельному водителю, а просто определяют риски. Правда, самих правил «коррупционного движения» вы в законе не найдете, прейску-

рант и неизменные правила несовместимы с коррупцией. То есть, у чиновников остается «свобода предпринимательства», но им указывают на риски и возможные связанные с ними процедуры. Чиновник должен понимать, стоит ли в данном конкретном деле доводить до определения «правомерности» его деятельности, и кто и как может повлиять на эти процессы.

Укажу для примера на два пункта, устанавливающих риски. Статья 19 *«1. Спеціально уповноважені суб'єкти у сфері протидії корупції зобов'язані щороку не пізніше 10 лютого оприлюднювати інформацію про вжиті заходи щодо протидії корупції та про осіб, притягнутих до відповідальності за вчинення корупційних правопорушень.*

У звіті мають відображатися такі відомості:

а) статистичні дані про результати діяльності спеціально уповноважених суб'єктів у сфері протидії корупції з обов'язковим зазначенням таких даних:

б) кількість осіб, щодо яких складено протоколи про вчинення корупційних правопорушень;

в) кількість осіб, щодо яких набрав законної сили обвинувальний вирок суду або на яких накладено адміністративне стягнення за корупційне правопорушення;»

То есть, чиновникам прямо говорится, что существует процедура определения крайнего по итогам года, которая будет осуществляться регулярно. Соответственно, каждый должен оценивать свои действия, исходя из возможности оказаться крайним.

Ну, а для тех, кто плохо понимает, вводится своего рода доска почета, точнее «доска лохов». «Відомості про осіб, яких притягнуто до відповідальності за вчинення корупційних правопорушень, у триденний строк з дня набрання відповідним рішенням суду законної сили, притягнення до цивільно-правової відповідальності, накладення дисциплінарного стягнення заносяться до Єдиного державного реєстру осіб, які вчинили корупційні правопорушення, який формується та ведеться Міністерством юстиції України. Положення про Єдиний державний реєстр осіб, які вчинили корупційні правопорушення, порядок формування та ведення Єдиного державного реєстру затверджується Міністерством юстиції України».

Окончательное слово в определении той самой «правомерности» из статьи шестой нового закона предоставляется Президенту. Статья 5, п4. говорит, что *«координацію реалізації органами виконавчої влади визначеної Президентом України антикорупційної стратегії здійснює спеціально уповноважений орган з питань антикорупційної політики, який створюється (визначається) Президентом України і діє на підставі закону»*.

Понятно, что о таинственном органе[17] и о законе, на основании которого он будет работать, далее ничего не говорится. В принципе, даже без органа и описывающего его закона, наличие этой статьи де-факто легализует роль Президента как главного в определении «правомерности».

Я хочу быть правильно понятым. Речь не идет о том, что чиновники создали закон, который определяет, как и сколько они будут присваивать. Не будет такого, чтобы «паханы» сидели за столом и делили награбленное. Нет, будет «борьба с коррупцией», многие ее участники даже будут считать, что и на самом деле борются с коррупцией. Но в реальности, а не в мире «нормативных актов», этот закон означает именно регулирование коррупции, то есть, он регулирует отношения между чиновниками в их конкурентной борьбе за наши деньги, ведь потенциальным кандидатом на попадание в ежегодные отчеты антикоррупционной борьбы и в «списки лохов» можно стать, лишь нарушив какие-то неформальные правила или проиграв сопернику в конкуренции.

Таким образом, государство взяло на себя непосредственное управление коррупционными процессами. Можно сказать, что новый закон — это своего рода конституция для чиновников и с ее принятием понятие «клептократия» перемещается из публицистической плоскости в плоскость юридическую.

2011

[17]Хотя этот закон отменили, такой орган материализовался уже после бегства Януковича в виде Национального антикоррупционного бюро

1.2.5. Немного о коалиции и коалиционном соглашении

Будет ли коалиция прочной? Нынешняя коалиция[18] — это реализация давней мечты БЮТ и ПР о «широкой коалиции», то есть, о такой, которая бы давала ее участникам возможность решать максимально возможный круг вопросов, включая конституционные. Разница только в участниках, если тогда на роль злобной оппозиции планировались коммунисты, то сегодня это остатки ПР.

Однако, воплощенная «ширка» свидетельствует скорее о слабости, чем о силе. Дело в том, что политическая власть не столько «дается» конституцией и законами, сколько «берется» практикой. Наша ситуация отличается в этом смысле тем, что с одной стороны мы формально вернулись к «парламентско-президентской» конституции 2004 года, где функции президента сильно ограничены, с другой — президентские выборы прошли на фоне войны и с этим связаны высокие ожидания от президента и явный запрос на расширение его власти. То есть, большие надежды возлагаются на куда более слабую, чем до этого, должность. Смешаные модели, (пишу это, наверное, в десятитысячный раз) неустойчивы по самой своей природе, без конфликтов, как мы их привыкли понимать, может существовать что-то одно — либо выборный президент, сам формирующий кабинет, либо правительство

[18] Речь идет о коалиции после выборов 2014 года

большинства, без всякого президента. В нашей ситуации, когда основными оппонентами являются «партия президента» и «партия премьера», конфликт просто неизбежен. «Широта» коалиции, то есть, добавление в нее Тимошенко и Ляшка, видимо, по мнению авторов этой идеи, должна помочь избежать ступора, когда примерно равные силы премьера и президента войдут в клинч. То есть, в конкретном конфликте победит тот, кому удастся ситуативно договориться с Тимошенко или Ляшко.

Таким образом, основная борьба будет протекать не между «властью» и «оппозицией», а внутри самой власти. Все это, в общем-то, имело бы сугубо познавательное значение, если бы не, как сейчас говорят, «контроверсийные» фигуры Тимошенко и Ляшка, которые были бы вынуждены довольствоваться непонятной ролью полуоппозиции при других раскладах, а так становятся важными персонами со всеми вытекающими отсюда последствиями. Несет ли угрозу такая шаткость коалиции, учитывая состояние войны Думаю, тут есть две связанных угрозы. Первая — это, собственно, состояние «неуправляемости», которое может подогревать Путин. Было бы очень хорошо, если бы это было его главной ставкой, поскольку само по себе это состояние привычно украинцам и они не воспринимают его на уровне «небо рушится на землю». Осталось еще понять, что чем больше «неуправляемость» наверху, тем проще живется внизу, и, можно сказать, дело сделано. Но вот вторая угроза более неприятна, она состоит

в том, что политически удобный и легко конструируемый через СМИ фон «неуправляемости» может быть использован для попыток захвата власти как сторонниками замирения с Россией, так и его противниками. И те и другие обязательно начнут «наводить порядок», а это уже является прямой угрозой жизни и собственности украинцев.

Будут ли реформы? Нет, реформ не будет. Об этом ясно написано в коалиционном соглашении. Будет дальнейшее расширение государства под видом реформ, борьбы с коррупцией и тому подобного. Ничего нового (кроме факта самого соглашения) здесь нет. В этом легко убедиться, открыв этот документ. Метод, которым будущее правительство намерено проводить реформы, предельно прост — оно будет создавать новые государственные органы, призванные проводить эти реформы. Например, любимая прогрессивной общественностью коррупция будет побеждена путем создания «Национального агенства по вопросам предупреждения коррупции». Ни слова о ликвидации причин коррупции — государственного регулирования — там нет. И так везде. Либо создание новых органов, либо усиление контроля и прочих методов такого же сорта, призванных успокоить нервы прогрессивной общественности, которая свято верит в действенность контроля со времен ОБХСС.

Очень показателен раздел «Обеспечение ускоренного экономического развития». На протяжении шести пунктов нам разными словами пытаются расска-

зать, что «ускоренное развитие» достигается с помощью «отраслей-драйверов», под которыми понимаются «высокотехнологичные отрасли». Все это должно быть, разумеется, определено «долгосрочной стратегией». Другими словами — это называется «Сколково». За всеми этими пунктами просматриваются перспективы немаленьких бюджетов, но вот к «экономическому развитию», да еще и «ускоренному» все это точно не имеет никакого отношения. В разделе о дерегулировании, которым наверняка гордятся его авторы, я нашел только один пункт, который можно назвать правильным и который влияет на мотивацию чиновника, а не на его отчетность о проделанной работе — это исключение из доходной части бюджета поступлений от штрафов и пени. И это все. Все остальное — это бессмертное улучшить, углубить и расширить. Таким образом, уже на уровне намерений будущей коалиции можно сделать вывод о том, что ничего «реформаторского» ожидать от нее не следует.

В целом, в ближайшем будущем нам следует опасаться двух вещей: Путина и борьбы правительства с кризисами в собственной отчетности — состоянием торгового баланса, «правильного» курса доллара, «наполняемости бюджета», угрозой дефолта, инфляцией и гиперинфляцией. Все остальное можно пережить.

2014

1.2.6. О выборах

Как ни хочется автору этих строк написать о чем-то значимом и полезном, но, похоже, придется писать о грядущих выборах, а точнее, об их последствиях[19].

В нескольких пунктах попробую изложить особенности ситуации. Это будут просто наблюдения, а не какой-то тщательный анализ.

Донецкие с человеческим лицом

Собственно, на самом глубоком уровне ход событий определяется разрывом «общественного договора», существовавшего до Януковича. Напомню, что он состоял в том, что власти не особенно лезли в частную жизнь граждан и проявляли понимание и, скажем так, «корруптабельность» в экономических вопросах. В обмен граждане проявляли лояльность к системе и не пытались ее изменить, довольствуясь ритуальными жертвами политических фигур. Беда с Януковичем и донецкими в целом состояла в том, что на Донбассе действовало обычное право, которое отличалось от украинского и было куда больше похоже на российское, и в этом смысле власть донецких действительно была антиукраинской. Янукович залез в карман простым людям и сделал коррупцию для многих недоступной. Это и обрекло его на печальный финал. Порошенко с самого начала пытается строить свое

[19]Речь идет о парламентских выборах 2014 года

президентство на основе бессмертного «все будет, как при бабушке», то есть, как при Кучме и Ющенко. Он пытается играть роль президента-арбитра, типичного для украинского феодализма. Это объясняет его кадровую политику, попытки договориться с Путиным и общую ориентацию «за мир во всем мире» и на «злагоду і спокій». Однако, особенность момента состоит в том, что исполнительная власть продолжает политику Януковича — Азарова, причем в какой-то совершенно безумной версии экономического берсерка. Неизвестно, насколько вообще возможна сейчас политика времен Кучмы-Ющенко. Она была основана на «освоении бюджета» и умеренном доении населения, а верхушка паразитировала на газе, что в значительной степени позволяло ей не лезть в карман украинцам. Условия изменились еще при Януковиче, который, в ситуации выбора между сокращением аппетитов и нарушением договора, выбрал второе и поплатился.

При этом нужно понимать, что сокращение государственных расходов, которое могло бы помочь вернуться в старые добрые времена «коррупционного консенсуса», затруднено не столько противодействием тех, кого оно может коснуться (напомню, что львиная доля расходов бюджета — это «социальные» расходы), сколько тех, кто сегодня их осваивает. Искусство президента-арбитра, роль которого пытается играть Порошенко, состоит не в изменениях, а в умелой перестановке с места на место представителей разнообразных интересов. Но так можно играть, когда эти

представители видят для себя большой фронт работ по освоению бюджетных рек. Когда этих рек нет, игра теряет смысл. Это главная причина того, что «реформы сверху» невозможны.

Лохи взбунтовались

Особенностью ситуации является то, что публика больше не желает ждать, когда там начальство определится с реформами. Это довольно редкая ситуация, когда реформ жаждут обычные люди. Понятно, что о содержании этих реформ публика имеет самое отдаленное представление, но факт есть факт. Если бы власть послала народу четкий сигнал о том, что коррупция снова будет дешевой и доступной, думаю, они бы договорились, ибо любой предпочитает бездействие действию. Но такого сигнала быть не может по причине, изложенной в предыдущем пункте, Порошенко пытается его имитировать, точнее, он воспроизводит поведение, типичное для ситуации дешевой коррупции, но правительство рубит воздействие этого сигнала на корню. То есть, фактически общественный договор разорван уже обеими сторонами, «население» больше не хочет быть пассивной жертвой, объектом для манипуляций власти.

Путин и война

Неизвестно, как дальше будут развиваться события, но если верно, что Путин взял курс на «полити-

ческую дестабилизацию», то это очень хорошо. Украинцам «хаос», столь губительный для россиян, привычен и полезен, он верный спутник экономического роста и прогресса, поскольку власти в такие времена заняты друг другом, что позволяет украинцу тихонько выращивать свой огородик. Здесь нужно изо всех сил подыгрывать Владимиру Владимировичу, пугаться, делать круглые глаза и кричать, что все пропало. Впрочем, думаю, тут даже и не нужно будет особенно стараться, так как игра «кто здесь за Путина», скорее всего, станет главным содержанием деятельности будущей Рады. Поскольку конспирология не имеет дна, то в том, что он «за Путина» можно обвинить кого угодно и бесконечное количество раз (каждый раз в новой схеме). Это создает хороший задел для Шустера, политиков и политических болельщиков, и отвлекает их всех от причинения нам добра, что и является главным условием выживания и последующего роста.

Выздоровление

Нынешние выборы ясно показывают, что не существует никаких обстоятельств, которые могут заставить власть и претендентов на власть опомниться и вернуться в реальность. Украинская политика мертва, и, по моим наблюдениям, — еще где-то с 2002 года. Вопрос в том, когда это поймет значимое для появления новой повестки дня количество народа. Первым, думаю, признаком станет прекращение обсуждения Шустера (или что там будет вместо него) в фейсбучике.

После того, как тамошние завсегдатаи перестанут это делать, через полгода — год можно ожидать появление версий новой повестки дня.

Прогноз

Отсутствие общественного договора, то есть представлений о том, что можно государству в отношении граждан и гражданам в отношении государства, означает процесс поиска нового. Это процесс длительный и очень инерционный, ибо договор этот не придумывается, а складывается. В украинском обществе в буквальном смысле началось движение тектонических плит, которое не закончится быстро. Поэтому, любые прогнозы здесь весьма ненадежны, а результаты локальны. Даже если бы Порошенко удалось заставить население поверить в то, что коррупция снова будет работать как раньше, это было бы просто небольшой паузой на пути поиска нового договора. Ну, а выборы какой-то там Рады выглядят на этом фоне крайне малозначительным событием. И если о предыдущей Раде, которая избиралась при монополии регионалов, можно было сказать, что она не досидит до конца, то к будущей это тем более относится. Ну, а для тех, кто хочет узнать, когда же это все это закончится, скажу: тогда, когда достаточное количество людей поймет, что «нам своє робити» и перестанет участвовать в этом цирке. Чем быстрее это случится, тем быстрее будет найден «общественный договор», возможно и без участия всякого там начальства.

1.3. О мифах

1.3.1. Зачем нам этот Евросоюз?

> *На днях Виктор Янукович заявил, что Евросоюз на сегодня — оптимальная модель общественного развития. «Мы видим Европейский Союз как оптимальную модель общественного развития, экономики, публичных институтов и в перспективе, как наш общий дом… Мы настроены без лишней шумихи достигать поставленные цели»,* — сообщает ЛІГАБізнесІнформ.

Это — последнее по времени, но далеко не единственное высказывание Януковича о пользе Евросоюза. Можно быть уверенным в том, что это не просто дежурные слова и, уж тем более, не способ «успокоить общественность». Вспомним, что все наши власти, вне зависимости от их заявлений на выборах, вскоре оказывались в роли «евроинтеграторов». Такова неумолимая логика системы. И если Янукович, вообще-то, и не был замечен в явно антиевропейской и антизападной риторике, то Кучма начинал свою карьеру президента именно с этого. И ничего. Через короткое время после его заступления на пост, началась дружба с МВФ, а затем и со всеми прочими институтами Запада, а сам Кучма вскоре стал «локомотивом евроинтеграции».

Мне могут сказать, что тема интеграции и конкретно интеграции в Евросоюз — это, скорее, абстракция, некая отдаленная перспектива, которая не имеет прикладного значения. Насчет абстракции соглашусь, насчет всего остального — нет. «Абстракции» неизбеж-

но определяют наше сегодняшнее поведение, задают ориентиры и являются критериями для оценок. Сравнения «как у них» являются обязательным атрибутом любой околополитической полемики. И если за аксиому принимается наше обязательное будущее членство в ЕС, то «хорошим» считается все, что есть в ЕС. Это порой приводит нас к удивительным мыслям вроде «чтобы платить налоги, как в Евросоюзе, дайте нам зарплаты, как в Евросоюзе». Эти вершины мудрости озаряют наши дискуссии, и спорящие указывают на них как на самоочевидные истины. Все это не есть хорошо, а есть очень плохо.

Хочу сразу пояснить свою позицию. Я являюсь безусловным сторонником «европейских ценностей», если под ними понимать уважение человеческих прав и достоинства, привычку жить по средствам, не лезть в чужую жизнь, быть ответственным гражданином и т.д. и т.п. Кроме того, я категорически «за» любую «экономическую интеграцию», то есть за уничтожение тех препятствий, которые создают государства на пути обмена между людьми. И, может быть именно поэтому, я не вижу никакой связи между нашим членством в ЕС и этими добродетелями.

Западные «интеграторы» называют таких людей «евроскептиками». Однако, никакого «скептицизма» я не испытываю, а испытываю твердую уверенность в том, что ничего хорошего Евросоюз с собой не несет.

Зачем это нам? Миф

Автор этих строк неоднократно писал о том, что «евроинтеграция» живет в нашей стране в виде мифа. В этом нет ничего плохого, мифы неизбежны. Однако, если бы это были инопланетянены, ГМО или еще что-то в этом роде, я бы не стал писать эту заметку. Дело в том, что мы имеем дело с процессом, который, если ничего не случится, обязательно закончится объятиями Евросоюза, поэтому нужно принимать меры.

Кажется, что здесь есть противоречие — миф сам по себе не может привести к вступлению в ЕС. Это так. Миф живет в обществе. А вот практической евроинтеграцией, пусть и медленно, занимаются наши бюрократы. Это — самый худший вариант интеграции.

Признаки мифа таковы. Во-первых, отсутствие «евроскептиков» на политической арене. Все хотят интегрироваться в ЕС, даже коммунисты. Это означает, что никто ничего о ЕС не знает и не хочет знать. Во-вторых, что более важно, в обществе не только не обсуждены, но даже не заданы вопросы, без которых принимать решение о вступлении куда-нибудь бессмысленно. Вопросы эти таковы: какие проблемы решает вступление в ЕС? Можно ли решить их без ЕС? Является ли ЕС лучшим способом интеграции? Что конкретно необходимо сделать для вступления? Какова ожидаемая цена, от чего придется отказаться?

Заметим, что «Европа» или «Запад» активно живут в нашей повседневной жизни, они, как мы уже сказали, являются неисчерпаемым источником примеров и аргументов. Но вы потратите много усилий, чтобы обнаружить внятное обсуждение хоть одного из перечисленных выше вопросов. Это как раз и означает, что мы имеем дело с мифом, и, в практическом смысле, «евроинтеграция» мало кого волнует.

Зачем это нам? Сторож сторожей

Думаю, одной из главных причин того, почему существует вера в Евросоюз, является наше желание каким-то образом призвать к порядку украинских бюрократов. Считается, что в Евросоюзе им не дадут особо распоясаться, так как над ними будет евробюрократ, который свое дело знает. К этому добавляется вера в магическую силу законов, которые, как считается, должны и могут действовать автоматически. Большинство уверено, что если у нас будут законы, как в Европе, то и жить мы будем, как в Европе.

Зачем это нам? Новый коммунизм и легитимность

Люди не могут жить без веры в некие цели. Обычному человеку бывает достаточно веры в некие светлые идеалы, как таковые. Наш человек отличается тем, что эти светлые идеалы должны быть воплощены в неком совершенно конкретном «общественном строе»

или организации. Коммунизм так хорошо прижился на наших нивах именно потому, что он давал простые и приятные сердцу ответы на все вопросы — когда, как, и за чей счет наступит всеобщее счастье, и что для этого конкретно нужно сделать. Опять-таки, «капитализм» так трудно приживается именно потому, что он вообще не является доктриной и не только не отвечает на эти вопросы, но и вообще не ставит их.

Вера в Евросоюз является современной заменой коммунизма. Евросоюз — это когда все хорошо. Мало того, это «хорошо», в отличие от коммунизма, даже можно увидеть своими глазами.

Если у человека есть достойная цель, для ее достижения можно и потерпеть. Евроинтеграция, которой занимаются власти хотя бы на словах, является одной из основ легитимности нашего режима. Люди не любят бунтовать и согласны верить в некие вещи, которые представляются им важными. «Когда мы будем в Евросоюзе, всем этим козлам дадут по рогам» — рассуждает наш человек и потому согласен терпеть козлов до тех пор, пока они «идут в Европу».

Зачем это нужно бюрократам? Арбитр и легитимность

На самом деле, идея «евроинтеграции» получила такую поддержку среди бюрократов еще на заре независимости потому, что эти бюрократы просто не пони-

мали, что теперь делать. У них не было ни опыта, ни знаний, ни желания. Страна свалилась им на голову в результате исторического катаклизма. В ней не было лидеров и, тем более, общественных движений, которые всерьез бы задумывались над тем, как должно быть все устроено в случае получения независимости.

Идея евроинтеграции означала примерно: «мы тут как бы ненадолго, интегрируемся в Европу, а они потом пусть сами с нами разбираются». Общественное согласие по этому пункту было одной из причин того, почему элите удалось с такой легкостью перейти к грабежу страны.

Кроме того, бюрократы сразу раскусили, что «евроинтеграция» является «вековой мечтой украинского народа» и потому она должна быть всегда. Легитимность — штука серьезная.

С практической стороны дела, бюрократы — единственная группа, на практике заинтересованная в евроинтеграции и пытающаяся предпринимать шаги в этом направлении. Причины понятны — с одной стороны, это интересы наших экспортеров и интересы газовой трубы, с другой — все то же желание того, чтобы «козлам дали по голове». Бюрократы ничуть не меньше простых граждан нуждаются в ясных правилах игры, и если они никак не могут договориться сами, им остается надеяться на иностранного барина, который, как известно, всех рассудит. Наши президенты и министры давно воспринимают Брюссель как начальство и

были бы очень довольны, если бы эти отношения были узаконены.

Общий знаменатель. Простая логическая ошибка

Итак, мы можем смело сказать, что в основе «евроинтеграции» в нашей стране лежит желание снять с себя ответственность. И «власть» и «народ» абсолютно едины в этом.

Это легко заметить, если попытаться реконструировать те причинно-следственные связи, которыми обычные люди объясняют свое желание немедленно присоединить Украину к Евросоюзу. «Там люди лучше живут и потому нам надо туда» — так рассуждает наш человек. Пока еще здесь нет никакой ошибки. Ошибка начинается, когда вместо того, чтобы самому уехать в страны ЕС, в которых «хорошо», наш человек начинает думать, что тот же самый эффект даст вступление Украины в Евросоюз. Последнее выглядит куда удобнее — без всяких хлопот и риска, дома, не сходя с места и не прикладывая никаких усилий получить себе Европу. Вступление в ЕС — это такое волшебство, которое переносит нас всех скопом «туда» безо всякого труда.

Есть еще одно простое мысленное упражнение, которое позволяет все расставить на свои места. Представим себе, что вдруг по какой-то причине, у нас заве-

лись честные и неподкупные чиновники, судьи и прочие паразиты. Все работает хорошо. Нужен ли нам тогда ЕС? Многие наши люди в этом месте задумываются, потому, что в таком случае в дело вступают те незаданные до сих пор вопросы, о которых я говорил выше. В голове у нашего человека сразу включается калькулятор и возникает простой вопрос: «а шо это нам дает?». Таким образом, миф евроинтеграции еще раз свидетельствует о том, что наш человек сам ничего сделать не может. Да и не хочет.

Куда интегрируемся? Два Евросоюза

Однако, как мы уже сказали, процесс евроинтеграции идет, и, если его не остановить, дело рано или поздно закончится Евросоюзом. В этом процессе каждый день принимаются какие-то решения, законы и прочие документы привязываются к «стандартам ЕС». Вот, например, в программе Януковича и его правительства постоянно ссылаются на совершенно конкретные документы Евросоюза.

Что это все означает, и возможно ли вообще ко всем этим процессам одинаковое отношение? Тут нужно вспомнить эволюцию Евросоюза, который, вообще-то, начинался как «общий рынок». То есть, первоначально это была деятельность, направленная на сокращение помех обмену. Однако, затем вектор изменился — с начала 2000-х идет построение наднационального государства. Понятно, что общий рынок не нуж-

дается ни в каком супергосударстве и, по сути, второй процесс полностью противоречит первому, однако, под «евроинтеграцией» у нас понимают и то, и другое. То есть, на практике всегда нужно анализировать, с чем мы имеем дело в каждом конкретном случае. Если дело касается устранения помех, такие документы можно только одобрять, но если эти документы связаны с дополнительным регулированием или построением наднационального государства, их нельзя радостно приветствовать как вехи на «пути в Европу».

Европейский Союз Советских Социалистических

Теперь давайте посмотрим на ту организацию, в которую нас неизбежно приведет «евроинтеграция». Я не буду останавливаться на широкоизвестных фактах бюрократизма, совершенно излишнего и мелочного регулирования, и, в общем и целом, социалистической политики ЕС. Лично мне она не нравится, но можно теоретически допустить, что она может измениться. Правда, в этом случае многие институты ЕС останутся без работы, так что, скорее всего, изменений ждать не приходится.

Хочу только два слова сказать об очевидных результатах такой политики. Вацлав Клаус, известный «евроскептик», приводит такие данные: в странах зоны евро, то есть, в сердце ЕС, рост ВВП составлял в 70-е годы 3,4%. Этот показатель неуклонно снижался и сейчас

он составляет 1,1%. Замечу, что показатель ВВП постоянно используется в расчетах ЕС, это его критерий успеха. Выходит, что союз не может достичь целей, ради которых он формировался.

Не может не вызывать опасений и то, как формируется ЕС и какие цели при этом ставятся. Напомню всем историю с Лиссабонским договором, которым сейчас руководствуется ЕС.

Когда после распада СССР число участников ЕС выросло с 15 до 25, встал вопрос об управляемости этого собрания. В 2001 году началось обсуждение Евроконституции. Она предусматривала учреждение поста президента и министра иностранных дел ЕС, отмену принципа «по одному уполномоченному от каждой страны» при формировании состава Еврокомиссии, ограничение права вето стран-участниц и перекройку компетенции руководящих институтов Союза.

Эта конституция вступала в силу после одобрения странами-участниками, в некоторых из которых предусматривался референдум. Франция и Голландия высказались на референдуме против евроконституции, тем самым похоронив этот документ.

Однако, бюрократов это не остановило. Они придумали поправки в учредительные договоры ЕС, которые назвали Лиссабонским договором. По сути, эти поправки были той же самой конституцией, только теперь процедура их одобрения была более простой.

Дело в том, что евроконституция заменяла собой все учредительные документы, а Лиссабонский договор просто вносил в них поправки.

Правда, выяснилось, что даже в таком виде конституция Ирландии не позволяет их принять, и что ирландцам требуется референдум. Референдум в Ирландии прошел и люди высказались против. И что? Да ничего. Хорошо известно, что если результат не нравится бюрократам, он считается неправильным. Ирландцам пригрозили урезать субсидии. Одновременно пообещали льготы в обмен на новый референдум. Ну, а уже на этом референдуме они проголосовали, как надо.

Как хотите, но лично мне эта история совсем не нравится и перспектива находиться под управлением евробюрократов, которые ведут себя точно так же, как и мои собственные бюрократы, меня не радует.

В общем, сейчас формируется наднациональное государство, которое уже имеет право заключать международные соглашения и т.п. атрибуты. Будет учреждена никому толком неподконтрольная европейская полиция и прочие так знакомые нам учреждения. Лиссабонский договор вводит сложную систему принятия решений, в которой учитывается ВВП, количество населения и т.п., то есть, систему, основанную в реальности на сугубо произвольных критериях. С 1 ноября 2014 года эта система вступает в силу.

После этого Евросоюз окончательно превращается в мегаконтору по перераспределению ресурсов между странами. Этот бюрократический рай особенно приятен тем, что структуры нового ЕС практически недосягаемы для голосов национального избирателя, значительное число высших евробюрократов будет назначенцами, а не выборными. Кстати говоря, у нас как-то мало говорят о том, что одной из целей (которую в Европе и не скрывают) всей этой красоты является получение возможности на равных конкурировать с США и Китаем. То есть, заранее предполагается, что новое мегагосударство будет оказывать поддержку «своим» корпорациям против «чужих». Выходит, что в самих целях нового государства уже заложен социализм.

И вот, что еще интересно. Выйти из ЕС можно только при условии согласия остальных его членов. Как в колхозе.

Выводы

Нам давно пора исключить «интеграцию в ЕС» из числа лозунгов и, тем более, лозунгов, одобряемых по умолчанию. Она не может рассматриваться как целостное и однородное явление.

Никакая евроинтеграция не заменит собой необходимость самим наводить порядок в своем доме.

Если не изменить свое отношение к происходящему, то мы рискуем однажды получить на свою голову

целую свору новых начальников. Национальное государство — это плохо. Но когда над ним есть еще и наднациональное — это вообще никуда не годится. Мне скажут — а как же, мол, возможность бороться со своим государством через европейские структуры, вроде разных судов по правам человека и т.п.? Ответ прост — все эти уважаемые учреждения совсем не нуждаются в существовании нового европейского мегагосударства, они прекрасно работали до его возникновения. Идея же о том, что наших бюрократов будут контролировать «ихние» бюрократы, и это будет хорошо, уходит в дурную бесконечность, потому что тут же возникает вопрос — а кто будет контролировать «их» бюрократов? 2010 Как видим, все идет к тому, что никто не будет.

1.3.2. О социальных взрывах, вернувшихся домой ветеранах и Майдане 3.0

Хитами последних двух недель являются, пожалуй, два рассуждения: о том, что ветераны АТО вернутся домой и всем покажут (торжество сил добра) и о том, что осенью нас ждет социальный взрыв (торжество сил зла). Разумеется, возможны варианты, например, многие полагают, что ветераны АТО тоже примут участие в социальном взрыве на стороне сил зла потому, что… потому.

Как мне кажется, эти рассуждения весьма далеки от реальности. Само по себе возвращение ветеранов домой не вызывает революции, даже если дома что-

то не так. Навскидку вспоминаются только декабристы, да и то, это была впечатлительная молодежь, насмотревшаяся европейских чудес. Чего насмотрятся участники АТО в луганских и донецках — мы прекрасно знаем. «Афганцы», например, при том, что их раскручивали изо всех сил в позднем СССР и раннем постсовке, так и не стали сколько-нибудь значимым политическим фактором. Так, всего лишь участники разнообразных акций, но не их авторы, и не их мотор.

Ветеран хочет, прежде всего, вернуться в мирную жизнь. А проблема «он же больше ничего не умеет делать, кроме как воевать», относится не к ветеранам, которых, грубо говоря, оторвали от станка и отправили на фронт, она относится к профессиональным военным, офицерам, которые отслужив свои 25 лет выходят в 45 на пенсию, не знают куда себя деть и помирают от тоски. Это совсем другая история, а обычный боец вернется к своему станку, жене и детям, и ему всегда будет чем заняться. Единственное, что мы точно получим вместе с ветеранами — это рост числа украинцев с улучшенными combat skills. Но само по себе это не причина для революций.

С «социальным взрывом» еще интереснее. Неленивые могут пройти в библиотеку и почитать там подшивки газет начала 90-х (увы, в интернетах этих бриллиантов нет). Так вот, там каждый второй заголовок про социальный взрыв. Всенепременно. Уже завтра. А между тем, никакого взрыва не было. Украинцы тихонько воровали, что плохо лежало, выращивали продук-

ты питания на «фазендах» (дачные участки, если кто не помнит) и пытались продать друг другу железнодорожные составы (меньше как-то не получалось) КАМАЗов и «вертушки» с нефтью и бензином. Бунтовать они точно не собирались, несмотря на непрекращающиеся заклинания СМИ и политиков.

Как тогда, так и сейчас идея «социального взрыва» обосновывается плохими макроэкономическими показателями. То есть, считается, что если они плохи, то народ непременно взбунтуется. Но мы то с вами читатель, хорошо знаем, что к реальной жизни эти самые показатели не имеют отношения. Никто не выйдет на Майдан из-за того, что в государственной казне закончились деньги. И даже если, упаси Боже, волатильность бокового тренда (тм) сократится на 10%, сердце украинца дрогнет, но он останется дома.

Другое дело, что плохие показатели дают разным политикам хороший повод для инсценировок. Можно нагнать людей на пикеты-демонстрации с криками, а то и с мордобоем, а эксперты по телевизору будут объяснять, что «чего же вы, мол, еще хотите, с такой волатильностью? Конечно, народ взбунтуется!» Но у нас где причины, а где следствия? Все это не имеет отношения к реальности.

Да и сам этот «социальный взрыв» называется неправильно. Правильно назвать его «государственным» взрывом. Это когда публика приходит и начинает выражать недовольство государству мирным или

немирным образом. Так вот, бывает это только при потере легитимности. Это когда государством нарушается обычное право в виде неписаных правил и ожиданий. Если хотите понять, будет ли социальный взрыв, просто посмотрите на себя и своих друзей и подумайте — верите ли вы в незыблемость волатильности бокового тренда (тм)? Способны ли пережить ее роковые колебания, способны ли они вывести вас на улицу? Даже, давайте упростим и ужесточим — способны ли холодные батареи зимой отправить вас свергать Порошенко, а не начальника ЖЭКа Почему-то мне кажется, что нет. Не способны.

Ну, а если и дальше будет продолжаться грабеж и унижение украинцев государством? А вот тут надо подумать, правда И ветераны, кстати, пригодятся. 2015

1.4. О типичных шаблонах поведения

«Погребин — демон, обитающий в России, высотой чуть более фута, с мохнатым туловищем и большой, гладкой серой головой. Скорчившись, погребин становится похож на блестящий округлый камень. Погребины стараются держаться поближе к людям, ходят за ними по пятам, прячась в их тени, а если человек оглянется, мгновенно припадают к земле. Если позволить погребину следовать за собой в течение нескольких часов, у жертвы появляется ощущение безысходности, переходящей в отчаянье и безволие. Когда жертва падает на колени и начинает плакать над беспросветностью жизни, погребин набрасывается на нее и пожирает»

Ньют Скамандер «Фантастические звери и места их обитания»

В этом небольшом разделе собрано несколько заметок на тему «шаблонов поведения», они же — «национальный характер», «менталитет» и т.п. Вещи, безусловно, важные, но трудноанализируемые.

1.4.1. Популярная вирусология. Новогодняя заметка о счастье

Честно говоря, я не знаю, что нужно людям. Точно так же, я не собираюсь навязывать им свои представления о том, что им нужно. Я просто хочу порассуждать на тему того, а можно ли вообще говорить, что людям что-то нужно? При этом, речь пойдет о социальном измерении, то есть, о том, что необходимо людям в обществе, что им нужно от государства и т.п. Понятно, что эта тема неисчерпаема. Более того, по сути, представление о том, что нужно людям, лежит в самой ос-

нове политической деятельности, в основе разного рода идеологий и пр. и пр. Я не буду рассуждать о том, **что на «самом деле»** нужно людям, я всего лишь хочу обратить внимание читателей на некоторые детали того, **как** об этой проблеме принято думать у нас, и на те удивительные эффекты, к которым это «как» приводит.

Начну с цитаты, в которой содержится четкое и полновесное видение этой проблемы. «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». Это цитата из Декларации Независимости США. Как видим, такое понимание лежит в самой основе этой страны и, опять-таки, нетрудно убедиться в том, что оно дает неплохие результаты.

Впрочем, если бы я предложил взять эти принципы, которые позволяют ответить на вопрос «что нужно людям?», за основу нашего государства, на меня бы тут же начали злобно шикать. Почему? Да вот, сказали бы, это принципы «американосов», нам это все глубоко чуждо. Интересно, что «американосы» эти принципы заложили в основу своей страны в момент ее возникновения, то есть, они им были известны еще **до** появления США. Собственно, **для реализации** этих принципов и была создана страна. Точно так же интересно то, что наша страна существует уже 17 лет, а ничего сво-

его «неамерикосского» так и не родила в собственное оправдание.

Возникает вопрос — насколько уникальными «американосскими» являются эти принципы? Рассмотрим их по порядку. Право на жизнь — очевидно, это — необходимое условие. Свобода — это состояние, которое делает жизнь возможной, позволяет вообще куда бы то ни было двигаться. И, наконец, стремление к счастью — как по мне, важнейший тезис всей политической философии, он отвечает на вопрос **куда** жить свободному человеку.

Думаю, по поводу права на жизнь дискутировать смысла нет. Что касается свободы, то да, я уже вижу, как строятся батальоны, которые с пеной у рта кинутся сейчас доказывать разные взаимоисключающие тезисы, лишь бы убедить друг друга, в том, что быть свободным и несвободным — это одно и то же. Не надо, дорогие мои, расходитесь. О свободе будем ругаться как-нибудь в другой раз. Сейчас мне куда интереснее **стремление к счастью**.

Ну, тут все совсем просто, разочарованно скажут мне расходящиеся побухать батальоны, ведь всем понятно, что счастье — оно у всех разное, о чем тут можно спорить Да вот дело-то в том, что есть о чем. Потому что счастье — оно на самом деле одно.

То есть, никто не будет спорить, что реализуется оно у каждого по-разному и состоит в разном, но смысл

счастья — один и тот же. Никто не будет отрицать, что счастье — это добро, красота и т.п. полезные вещи. Быть счастливым хорошо, несчастливым — плохо, с этим, опять-таки, все согласятся. Вопросы начнутся тогда, когда дело дойдет до того, что такое «хорошо» и что такое «плохо». И тут я опять должен буду разочаровать насторожившиеся было батальоны. Не собираюсь никому ничего навязывать в этой вечной дилемме. Напротив, я утверждаю, что в нашем обществе как раз **нет дискуссии о том, что такое хорошо, а что такое плохо**. И именно в этом и состоит проблема. Какое уж тут может быть счастье, когда «хорошо» и «плохо» считаются величинами **относительными**. Кстати, фанаты Ницше могут быть довольны — наше общество замечательным образом находится за гранью добра и зла. Хотите посмотреть, что такое настоящее ницшеанство — милости прошу в Украину.

Культурка-мультурка

Здесь мне придется сделать небольшое отступление. Думаю, что большинству не нужно доказывать, что мы здесь у себя живем за гранью добра и зла. Тем же, кому нужно, приведу несколько примеров. Первый — это все те же «пиндосы», над «тупостью» которых принято смеяться. Как известно, в социальных фобиях, каковой безусловно является широко распространенное презрение к «американосам», отражаются, прежде всего, собственные страхи. У «пиндосов» большинству наших «критиков» как раз не нравится идея

того, что добро и зло существует и, более того, обязанностью добра является борьба со злом. Эта тема, являющаяся стандартом массовой культуры, то есть массовых представлений тех же «пиндосов», не приемлется у нас категорически. Я сам видел, как какой-нибудь безобидный детский мультик о достоинствах дружбы, чести и взаимопомощи, способен довести иных ненавистников «пиндосов» до нервного припадка.

Второй пример — это тот образ неудачника, то есть, того, кто заслуживает порицания и насмешки, который существует в нашей современной культуре. Называется этот образ «лох». Попробуем сформулировать те черты, которые общественное сознание приписывает этому типу. Это человек немеркантильный, незлопамятный, довольно рассеяный (не от мира сего), доверчивый, и, судя по всему, не злой. Если мы посмотрим на типа, который, напротив, не считается лохом, то увидим личность крайне меркантильную, подозревающую всех и вся во всем, вороватую, хамоватую и постоянно находящуюся в состоянии борьбы с окружающей реальностью. Согласитесь, что из этих двоих именно «лох» выглядит нормальным человеком и именно он **может быть** счастливым.

Ну и третий пример совсем прост — если я сейчас призову вас к какой-нибудь революции или вообще «пафосно» возопию о необходимости социальной и политической активности, то первое, что начнут делать наши сограждане — искать зачем «оно мне надо». Кто-то удовлетворится тем, что я когда-то работал на

какого-нибудь Х, что, по его мнению, означает, что я действую не самостоятельно, а исключительно волею пославшего мя Х. Большинство будет искать мою материальную выгоду. А самое смешное, что не найдя таковой, многие очень сильно обидятся. Думаю, вы согласитесь, что именно так все и будет.

Все это означает, что для нашего человека добра и зла не существует. Есть только некие физиологические интересы, способности их обеспечить и статус, как собирательная величина всего этого.

Мишель Фуко и продвинутые гопники

Если говорить о причинах массового распространения настроений «за гранью добра и зла», то они очевидны. После крушения СССР возникла свобода для морального выбора. Однако правильный выбор был весьма непрост. Легче было объявить его несуществующим или незначимым. Это и случилось, в том числе и усилиями «властителей дум» типа Пелевина.

Забавно, что жертвы крушения грандиозного левого эксперимента де-факто массово восприняли левую же философию постмодерна, которая считает, что «вечные ценности» — это тоталитарные и параноидальные идефиксы, которые препятствуют творческой реализации, и впринципе отрицает возможность достоверности и объективности…, «такие понятия как «справедливость» или «правота» утрачивают свое значение…». Занятно, что этот постмодерн тоже возник

как результат крушения, только идейного, всяких там марксизмов и позитивизма, как метода.

В общем, Делез может быть доволен, — у нас любая гопница из ЖЭКа исповедует философию постмодерна и объяснит ее куда доходчивей какого-нибудь Мишеля Фуко.

Общее и частное

Заметим, как ловко воспользовались этим массовым настроением политики. Хантингтон породил Дугина, и в России теперь торжествует «суверенная демократия», вся суть которой сводится к тому, чтобы показывать задницу существующим только в воспаленных мозгах россиян «пиндосам». Мы тут у себя тоже глубоко уверены в том, что «западные рецепты», которых никто никогда и не пробовал внедрять, не для нас, при том, повторю, что собственных, не-западных, тоже никто не видел. Все это происходит потому, что общество считает, что хорошего и плохого не существует.

Безусловно, существуют разные культуры и, возможно, разные цивилизации. Безусловно, у них бывают разные версии того, что такое хорошо и что такое плохо. Но вот **цивилизационный антогонизм**, который многие подразумевают, как нечто само собой разумеющееся, вещь просто невозможная. Ведь если бы цивилизации действительно были разными, то никакого **отношения** к другой культуре вообще не могло бы быть. Если бы разными было то, что лежит в самой

основе человека, люди разных культур не могли бы **оценивать** друг друга. Между тем, вы радостно смеетесь над «тупыми американосами», и это означает, прежде всего, то, что вас с ними объединяет куда больше, чем разделяет. Хотя бы потому, что (повторюсь опять) природа смеха такова, что вы всегда смеетесь над собой, вы представляете **себя** в той ситуации, в которой находится объект. Если вы можете смеяться над кем-то, значит вы способны мысленно поставить себя на его место, считаете его равным себе. Попробуйте посмеяться, скажем, над муравьями. Нет, это, конечно, возможно, но предварительно придется покурить чего-нибудь…

Инстинкт добра

Мне как-то попалась статья об исследованиях, в которых доказывалось, что doing good is feeling good. Разумеется статья американская и написана с целью… эээ… манипулирования теми, кто не входит в «золотой миилиард». Но тем не менее, такие исследования есть и они доказывают, что поступать хорошо — хорошо для человека даже на физиологическом уровне. Честно говоря, я не верю в науку — ни в «пиндосовскую», ни в какую бы то ни было еще, и написал это для тех, кто в нее верит. Мне достаточно повседневного опыта для того, чтобы утверждать, что люди прекрасно чувствуют что такое хорошо, а что такое плохо.

Вот, скажем, возьмем такой культурный феномен, как «монолог злодея». Он существует даже в тех культурах, которые считают себя «антогонистическими». В наиболее очевидной своей форме (т.е. у «пиндосов»), монолог злодея обычно случается в ситуации, когда Главный Злодей почти победил Главного Героя. Герой лежит тут неподалеку полуживой (или полумертвый — кому как приятнее) и перед тем как его совсем замочить, Главный Злодей объясняет ему, что, собственно, происходит,gjdct и зачем все это нужно. Как правило, в сюжетных целях этот момент используется для того, чтобы подоспела Неожиданная Помощь, но мы сейчас не об этом. Монолог злодея **вообще возможен** (безотносительно к тому, как его используют чаще всего) только потому, что существует знание о добре и зле. И злодей прекрасно осведомлен о том, что он — злодей. Все его весьма замысловатые рассуждения — способ оправдаться, доказать самому себе, что это не так.

Другой пример имеет локальный характер, и его придумали вы сами. Это фразочка: «относятся, как к людям». Обычно ее произносят, когда хотят подчеркнуть нечто, в общем-то, нормальное. Ведь «быть человеком» — это обычно. Но если об этом стоит говорить отдельно, следовательно, все происходящее вокруг и общество, в котором вы живете — **не людское**.

Третим примером может поделиться каждый, кто хоть когда-нибудь возвращался из-за границы. Первое, что шокирует человека, немного отвыкшего от родины, это… ээээ… лица ее обитателей. Я бы назвал их

злобными харями. Глубоко несчастными даже на вид, заметим.

Ну и о несчастье, а точнее, о счастье свидетельствует наше близкое к последнему место в «индексе счастья». Что тут сказать… Дорогие украинцы! Хочу у вас спросить — вы почему такие несчастные? Может быть, вы плохо кушаете? Думаю, нет. Вам не хватает материальных благ? Вроде с избытком хватает. У вас есть телик (у кого и несколько), у большинства есть жилье, у многих — автомобиль, и «мобила» есть просто у каждого! В чем же дело?

Могу предположить только, что вам категорически не хватает собственного достоинства. Несмотря на упитанность и материальную обеспеченность, вы несчастны и это вас угнетает. Причина проста — счастья не может быть без благородных и бескорыстных поступков, без признания того, что есть хорошее и плохое, доброе и злое. Счастье необходимо всем людям, даже украинцам. Но за гранью добра и зла оно невозможно. 2009

1.4.2. Несчастлив и здоров?

В последние несколько лет появилась мода на составление «индексов счастья». Их составляют по опросам населения или по «объективным экономически показателям» самые разные люди и организации. Однако интересно, что кто бы не составлял рейтинг, наша страна почти всегда оказывается в нижней его ча-

сти, что подтвердил очередной недавно опубликованный индекс немецкого «Фонда вопросов будущего». Несчастнее украинцев только русские, которые замыкают этот список.

Нас учили, что в здоровом теле — здоровый дух. Конечно, отсутствие болезней делает человека счастливее. Но, определенно можно сказать, что и здоровый дух порождает телесное здоровье. Умение находить гармонию с собой и миром явно делает отношение человека к реальности более позитивным. И, как показывает практика, такой человек меньше болеет, прежде всего, разнообразными «сердечно-сосудистыми» болезнями.

Когда мы говорим об индексах счастья, да еще и о таких понятиях, как «украинцы» или «русские», мы оперируем большим количеством неопределенностей. Попробуем их уточнить и сократить. Разумеется, счастье нельзя измерить. Может существовать только личная оценка — счастлив человек или нет по его собственному мнению. Точно так же вряд ли можно точно определить, что такое счастье. Можно разве что утверждать, что счастье — это чувство гармонии с окружающим миром, чувство того, что «все идет, как надо».

Здесь мы подходим к очень важному моменту, а именно тому, что все люди, по-видимому, имеют то общее, что называется «человеческой природой». И наше знание об этой природе подсказывает, что как-то трудно представить себе, например, счастливого зло-

дея. Торжествующего, глумящегося злодея представить легко. А вот счастливого — как-то не выходит. Это потому, что «человеческая природа» включает в себя и чувства, которые на философском языке называются «добро» и «зло». Злодеи прекрасно знают, что они злодеи, и потому они лишены удовольствия быть счастливыми.

Теперь давайте обратимся к нашим «украинцам» и прочим нациям. Почему люди, объединенные в некую общность, в одном случае ощущают себя счастливее, чем в другом? Ответ, заключается, очевидно, в том, что производят они в качестве этой самой общности, что она дает или навязывает составляющим ее людям.

И здесь нам помогут другие исследования, которые проводились ранее по всей Европе (European social serving) и исследовали «ценности разных народов», то есть, тот самый продукт того самого общества, который оно навязывает своим членам. Так вот, лидирующими ценностями для украинцев являются власть над другими людьми, материальный достаток и личная безопасность. «Наслаждение жизнью», которое тоже фигурировало в опросе, украинцы отнесли куда-то на последние места в рейтинге своих ценностей.

«Ценности общества» существуют потому, что следование им сильно облегчает жизнь. Это такие шаблоны поведения, которые подсказывают нам как поступать в той или иной ситуации. Когда человек следует ценностям своего общества, ему легче «идти по

жизни», и он большего добьется… в рамках этих ценностей.

Так вот, вопрос: кого мы видим на картинке ценностей украинского общества? Поправьте меня, если я не прав, но это практически законченный негодяй — он ценит власть, деньги, и хочет, чтобы ему ничего за это не было. Собственно говоря, наша правящая элита, так не любимая остальным народом, является идеальным воплощением ценностей этого народа. И именно поэтому она и есть самая настоящая, и самая что ни на есть элитная элита, — у нее лучше получается делать то, что другие считают важным и ценным.

И вот что у нас выходит в сухом остатке. Действовать против правил общества тяжело. Трудно быть счастливым, когда все тебя считают городским сумасшедшим. Действовать по правилам легче, но счастья эти правила не приносят, так как они противоречат человеческой природе. Отсюда и хроническое национальное несчастье.

Интересно, что французы не сильно подвержены сердечно-сосудистым болезням. Медики объясняют это их привычкой пить сухое вино. Мне же кажется, все дело в том, что во французских ценностях на первом месте было «наслаждение жизнью», — это то, что у нас было на последнем.

2010

1.4.3. Популярная вирусология. Сплющенное время апокалипсиса

Сегодня на повестке дня у нас один из наиболее выдающихся вирусов, который по праву находится в основе нашего менталитета, если таковой в действительности существует. Речь идет о некой подсознательной установке, которой руководствуются очень многие в оценке той или иной деятельности и при принятии решений. Установка эта состоит в том, что если нечто не является идеальным, то оно не заслуживает внимания, лучше им не заниматься и к нему не стремиться.

Наш человек видит только статический срез процесса. Времени для нашего человека не существует. Точнее, оно сплюснуто, оно отражает лишь физическое время, необходимое для перехода от одного состояния к другому. И именно поэтому наши люди так любят некие идеальные системы, в которых сразу и навсегда наступает счастье.

Здесь я далеко не утрирую. Давайте вспомним хотя бы незабвенную фразу Леонида Даниловича «скажите, что мы строим». Над ним всегда смеялись в том смысле, что ему все равно, что строить, главное — знать, что именно, хотя более страшный смысл состоит в том, что «общественный строй», оказывается, может быть «построен». Давайте вспомним выражение «переходный период», которым обозначали не ситуацию изменения каких-то законов и прочих правил, а некий абстрактный **переход** от «тоталитаризма» к

«демократии». Фраза эта вышла из обихода, очевидно потому, что 17 лет — как-то слишком много для «переходного периода», но ощущение ненастоящести настоящего до сих пор существует в полной мере. Хорошей иллюстрацией будут и непрекращающиеся стенания о «недостаточной законодательной базе». Считается, что она недостаточна, потому, что у нас «молодая страна». При этом, никому почему-то в голову не придет задуматься о том, почему до сих пор работают парламенты в Великобритании или Нидерландах, ведь там, по идее, такая «база» должна бы за столько лет быть уже более, чем достаточной. Вспоминается и лозунг УНА-УНСО на каких-то выборах — проголосуйте за нас и больше на выборы ходить не придется. Унсовцы, с присущим им пониманием тонкостей отечественной натуры, били в точку — наши люди желают, чтобы «все уже, наконец-то закончилось».

Ну, а из недавних примеров могу привести массовые вопли по поводу плохой пропорциональной системы выборов, которая сразу не дала результатов а, по мнению многих, эти результаты были даже плохими. Для меня эта история была особенно удивительной, поскольку мне казалось, что применительно к выборам понятие **процесса** совершенно очевидно и недвусмысленно. Для того, чтобы был какой-то результат от выборов (независимо от избирательной системы) должно пройти несколько избирательных кампаний, то есть, должно пройти время. Оказалось, я ошибался. По мнению очень многих весьма неглупых людей, переход от

мажоритарной системы к пропорциональной (которая, заметим, преподносилась, как более хорошая), должен был дать немедленный результат. Ну, а поскольку не дал, то эта система **не хорошая** и нужно искать другую.

Сплющенное время, разумеется, влияет на восприятие всей жизни. Но, поскольку мы тут говорим о политике, то выделим несколько очевидных последствий такого восприятия.

Каждые наши выборы — это бунт. Причина — в восприятии выборов как борьбы «добра» и «зла», причем в их окончательной и абсолютной форме. Последствия понятны — развития при таком подходе быть не может, может быть только замкнутый круг «борьбы». Прекрасный пример последствий такого рода знаменитое «разочарование в Майдане». Несмотря на грандиозные последствия, которые **в действительности** имеет это событие, большинство «разочаровано» в нем. То есть, счастья опять не наступило, всех «обманули», ну и т.д. и т.п.

Сплющенное время приводит к жестокости. Подмена динамического процесса статическим состоянием неизбежно ставит проблему «злых людей» у власти. Ведь в статической картине мира тех, кто плохо управляет, ворует, угнетает и т.д., можно только заменить на других, а «этих» примерно наказать. У поведения людей в статическом мире не бывает причин и следствий (точнее, они тоже идеальны, статичны — обычно

это заговоры и т.п.), это поведение нельзя изменить, и, следовательно, **условия, которые привели к тому, что люди у власти стали поступать именно так**, не имеют значения. Отсюда широко распространенные идеи уголовной ответственности за деятельность чиновников и поддержка политиков типа Тимошенко, исповедующих мораль «отнять и поделить».

В продолжение этого тезиса нужно сказать, что сам феномен Юлии Владимировны возможен только в сплющенном времени. От популистов других стран Тимошенко отличается тем, **как именно** она врет. Эта ложь есть не только сознательный обман, собственные заблуждения или часть какой-то стратегии. Юлия Владимировна поступает по принципу «любой вопрос — любой ответ», легко говоря сегодня — одно, завтра — совершенно противоположное по любому поводу. Но, заметим, на ее рейтинг это не влияет. Почему? Потому что она обманывает в сплющенном времени, которое не имеет значения. Для сторонников Тимошенко куда важнее то, что в неком статическом будущем она обещает идеальное состояние, где все будет хорошо. Пока это обещание существует, ей будут верить.

Следующий пункт — это отношение к политическим идеям и, следовательно, к возможности вообще что-то изменить. Наш человек считает **плохими** любые предложения, в которых существует время. Вариантов поведения здесь два. Первый — сделать статический «срез» предложения и отторгнуть его на этом основании. Например, если я скажу, что один из спосо-

бов побороть коррупцию судей — это их выборы, причем, с интервалом, скажем, в год, мне тут же возразят, что это «не решит проблему». Коррупционеры, дескать, опять попадут в суды. Разумеется, попадут и через год, и через два, и через пять. Только каждый раз их будет все меньше, а затем, будем надеяться, они и вовсе переведутся. Этот аргумент в сплющенном времени значения не имеет. Зато предложение ввести, к примеру, смертную казнь для судьи, пойманного на взятке, будет воспринято с энтузиазмом, поскольку оно легко вмещается в статическую картину мира.

Второй вариант поведения — это **достраивание той или иной идеи до целостной статической картины**, которой эта идея совершенно не требует. Например, если я скажу, что только Учредительное собрание в состоянии принять адекватную конституцию, от меня тут же начнут требовать всех подробностей этого проекта. Разумеется, они необходимы, но они **вторичны** по отношению к главной идее — принятию конституции специальным независимым органом. Задача Учредительного собрания диктует **способы ее решения, которые могут быть разными и зависеть от ситуации**. От меня же будут требовать полного описания всех процедур (которые на этом этапе значения не имеют), и если их не будет, то идея тоже будет отвергнута. В результате, Украина крайне бедна политическими идеями и еще меньше — примерами их реализации. Наши граждане предпочитают ожидать

божественного откровения вместо того, чтобы что-то делать.

О происхождении сплющенного времени говорил еще Николай Бердяев в своей книжке «Истоки и смысл русского коммунизма». Бердяев усматривал их в особенностях православной религии и, в частности, в той роли, которую играет в ней апокалипсис, предшествующий, как известно, царству божьему на земле. Эта, как называл ее Бердяев, «апокалиптичность сознания», приводит к тому, что человек считает не имеющим смысла все, что не приводит немедленно к счастью для всех. Коммунизм, как новая версия апокалипсиса, был поддержан в России именно потому, что хорошо укладывался в существующие представления о мире. Понятно, что эти представления развивались всем предшествующим крепостным рабством, одно питало здесь другое и т.д. и т.п. Теперь мы наследуем уже не православную идеологию, а идеологию коммунистическую. Но результаты пока что те же. Мне кажется, что мнение о том, что сам наш язык не предусматривает значительной роли времени, соответствует реальности. И в русском и в украинском нет перфектных времен (хотя в украинском они существуют в диалектах). Наше время — прошедшее, настоящее и будущее, так сказать, без вариантов. Однако, жизнь есть процесс, а не статическое состояние. Что-то закончилось, что-то продолжается, что-то завершится в будущем, причем, при наступлении некоторых условий. В нашем языке для пояснения таких вещей нуж-

но прилагать специальные усилия. А это означает, что «обыденное сознание», которое, разумеется, не желает прилагать усилий, делать этого не будет и будет воспринимать только статику.

В общем, так или иначе, наши люди изобрели для себя сплющенное время. Они живут между временами, в надежде, что когда-нибудь само по себе наступит «светлое завтра». 2009

1.1.4. Чем наши отличаются от ихних

В поисках оригинала фразы «абсолютная власть развращает абсолютно», наткнулся на интересное явление — на первой странице ссылок, которые выдал поисковик, большинство составляли… ссылки на статьи о Каддафи. Мне показалось это весьма примечательным обстоятельством, достаточным для появления настоящей колонки.

Лорд Актон, который произнес, а точнее, написал в 1887 году фразу «power tends to corrupt and absolute power corrupts absolutely» имел в виду Наполеона и всяких разных римских императоров. Мысль, как нетрудно увидеть, догадываясь о значении слова «corrupt», состоит в том, что политическая власть — зло. И чем больше она, тем большим злом становится. В наших палестинах, что ясно показывает пример с Каддафи, это понимается совсем не так. «Абсолютная власть развращает» означает здесь езду на красный свет, гулянья с девками, медведями и цыганами и при-

карманивание денег налогоплательщиков. Диктаторы-эксцентрики вроде Каддафи или персонажи вроде наших «донецких» — вот та публика, которой адресуется сентенция об «абсолютной власти». Но вот что интересно. Если бы эти люди не заводили гаремы, не жили в палатках и не давили бы пешеходов на остановках и переходах, никому бы у нас и в голову не пришло бы цитировать британского лорда. Мне не попадались примеры того, чтобы фразу об абсолютной власти авторы из бывшего СССР применяли к тому же Наполеону или, скажем, Гитлеру. И Гитлер, и Наполеон для жителей пост-СССР — крепкие реальные пацаны, твердо стоящие на земле. Абсолютная власть их совсем не развращала — они ведь голыми по улицам не бегали. То, что они устроили мировые войны — то такое. Это ведь «борьба за ресурсы» и, в общем, вполне нормальное и одобряемое состояние. Просто им не повезло и в драке они оказались на неправильной стороне, а так с ними все в порядке. Все это вам быстро и доходчиво пояснят на любом форуме.

Мне кажется, что эта вроде бы незначительная разница более чем принципиальна. Она иллюстрирует то, чем «мы» отличаемся от «них», когда речь идет о политике, экономике, «уровне жизни» и ответе на вопрос «почему мы так плохо живем и почему у нас ничего не получается».

Мы найдем множество примеров высказываний «великих» и не очень великих людей относительно угрозы, которую несет абсолютная власть и власть, как

таковая. К примеру, за сто лет до Актона Уильям Питт Старший сказал примерно то же самое: «unlimited power is apt to corrupt the minds of those who possess it». Но лучшие иллюстрации дает нам культура. Разумеется, не тексты самовлюбленных снобов, пишущие для комитетов по присуждению литературных премий, а «популярная» или «массовая» культура, то есть живое социальное явление. Для примера возьмем такие хиты масскульта, как «Властелин Колец», «Гарри Поттер» и «Звездные войны». В каждом из них присутствует тема абсолютной власти. С «Властелином Колец» проще всего, абсолютную власть олицетворяет известное всем колечко и единственно приемлемым решением оказывается его уничтожение. В «Гарри Поттере» Волдеморт стремится к абсолютной власти для того, чтобы победить смерть. В «Звездных войнах» старший Скайуокер переходит на темную сторону потому, что только она дает ему власть остановить смерть любимой. Везде дело заканчивается плохо для всех, кто заигрывает с абсолютной властью или даже просто связан с ней, поскольку власть с самого начала tends to corrupt. Фродо не выдерживает и в последний момент оказывается под властью кольца. Волдеморт и Дарт Вейдер погибают, убив по дороге массу ни в чем не повинного народа. И это только хиты. Мысль о смертельной угрозе, которую несет власть, вы найдете в западной культуре в самых неожиданных местах. И это означает, что она присутствует и в обычной жизни обычных людей.

В нашей же до-советской и постсоветской культуре вы не найдете ничего подбного. У нас кольцо всевластья отдали бы Боромиру. Ведь это Гондор несет основное бремя войны с Сауроном, значит кольцо ему в самый раз. Поступок Анакина Скайуокера не вызвал бы неодобрения, ведь он спасал любимую женщину. Ну, а Волдеморт получил бы правительственный грант на разработки горокраксов. Не беда, что ради них приходится убивать невинных, зато «мы» победим смерть. Фраза Дамблдора: «есть вещи похуже смерти», думаю, просто недоступна для понимания большинства. Она выглядит неким чистоплюйством, кокетством зазнавшегося мудреца. А нам надо твердо стоять на земле и делать дело. У нас Україна гине. И вообще тут борьба за ресурсы и мировое лидерство, и мы не можем стоять в стороне, когда…

Думаю, в этом все дело. Англосаксы имеют культурную прививку, которая пока еще действует. Власть есть зло, независимо от целей, которые она преследует. Именно поэтому у англосаксов не было тоталитаризма. У нас тоталитаризм был (и, возможно, опять будет) во многом потому, что такой прививки нет. Абсолютная власть для нас — крайне желательное состояние для «наведения порядка». Ну, а «развращает» она лишь в том смысле, что некоторые начинают жить в палатках и бегать голыми по улицам. Но это ведь можно
2013 простить ради такого дела, правда?

1.4.5. Популярная вирусология. Мужчина средних лет познакомится с народом, или Простая и доступная мантра

Среди «вирусов сознания», оккупировавших мозг украинца, есть весьма уважаемые и заслуженные. Например, Вирус Страха. Он, подобно СПИДу, имеет множество версий и, опять же, подобно этому заболеванию, приводит к самым разным внешним проявлениям. Предвидя критику, сразу оговорюсь, что, конечно же, Вирус Страха живет в каждом из нас и часто он даже необходим для нашей же пользы. Здесь речь пойдет о другом — о болезнетворном его воздействии.

Опять-таки, не претендуя на то, чтобы объять необъятное, поговорим лишь о политических проявлениях этого многоуважаемого вируса.

Наследственное

Что уж там говорить, у украинцев есть исторические основания для страха. Впрочем, при ближайшем знакомстве с историей других, даже европейских народов, столь любимые нами страдания не выглядят такими уж уникальными, но, тем не менее, они имеют право на жизнь. Одного Советского Союза с его политикой истребления собственного народа и, как правило, лучших его представителей достаточно для того, чтобы такие основания считались уважительными.

Правда, в этом вопросе тоже не обошлось без вирусов, в частности, тут активно размножается и спекулирует деривативами вирус «генетической памяти». Это — сугубо журналистское изобретение, публицистическая гипербола, которая с некоторых пор вдруг самопроизвольно превратилась чуть ли не в научно доказанный факт. То есть, многие почему-то считают, что страх перед сильными мира «сидит в генетической памяти» украинцев. Наука это никак не доказывает и не опровергает по причине того, что это бред. Страх «сидит» не в генах, он сидит в культуре украинцев, вот это — правда. Предвидя вопросы некоторых читателей, путающих культуру с вышиванками и рушничками, скажу, что речь идет о поведенческих стереотипах, которые, действительно, что называется, передаются «с молоком матери». Ребенок видит, например, как его папаша, столь грозный минуту назад, вдруг начинает заискивать перед каким-то дураком в форме или пыхатым дядькой в пиджаке. Он запоминает эти моменты как поведенческие ориентиры, и тут уж ничего не поделаешь. Правда, в отличие от обрекающей на тупое бессилие и тупую бездеятельность «генетической памяти», с культурным наследством легко покончить. Для этого нужно просто а) знать, что такие механизмы существуют, б) вести себя достойно в любой ситуации.

Тоталитаризм. «Они» и «я»

В том, что некоторые называют «социальным бессознательным» Вирус Страха живет в нескольких раз-

новидностях. Остановимся хотя бы на двух основных. Первая имеет свои корни в тоталитаризме. Мне уже приходилось писать об удивительном парадоксе тоталитаризма, который упорно не замечают все страдающие по СССР пожилые и, что более удивительно, молодые трудящиеся. Все они ноют о «товарищеской взаимопомощи» и прочих благостях, которые якобы были при совке, забывая о том, что тоталитаризм ликвидировал всякое самостоятельное и самородное «мы». Те, кто жил в СССР, думаю, меня поймут. Для тех, кто не жил, поясню. В СССР каждый человек был единицей какого-нибудь коллектива, а как правило, — множества коллективов. Цех, отдел, жилком, домком, профсоюз, общество утопающих на водах и т.п, не считая октябрятию, пионерию, комсомол и партию. Отвертеться от участия в этих организациях было невозможно (кроме привилегированных, типа партии). То есть, казалось бы, некое «мы» существовало, и даже в избытке. Но парадокс в том, что это «мы» было орудием достижения Высшей Цели и, по сути, подавления всяческого «я». Те, кто побывал в СССР комсоргами и прочими общественными активистами, не дадут соврать — самодеятельность «снизу», мягко говоря, не поощрялась. Использовать организацию «по назначению» редко когда удавалось. Зато общественные организации активно использовались для давления на своих членов и проведения «политики партии». Иначе говоря, советский человек был одиноким и беззащитным существом, он жил в мире, где было только его маленькое «я» и всесильные, всемогущие и безы-

мянные «они». «Мы», необходимое для кооперации и решения разнообразных повседневных задач, напрочь отсутствовало как институт. Зато оно присутствовало в обычной, неформальной жизни — дружили тогда охотно, собирались большими компаниями — это правда. Правда и сейчас такое бывает, так что ныть тут особенно нечего, но это уже другая тема.

Кстати, интересно, что развал СССР начался именно с этих многочисленных общественных организаций. Когда коммунисты уже напились крови и немного угомонились, выяснилось, что дела-таки обстоят не очень хорошо и нужно что-то делать. Тогда и возникла «перестройка», а начиналась она именно с того, что общественным организациям разрешили заниматься тем, для чего они формально существовали. Вот это коммунистов и погубило.

Так вот: Страх этого одиночества и бессилия «я» перед «они» присутствовал всегда. Правда, он активно вытеснялся, замещался и т.д. и т.п. Советский Союз работал как плохой психотерапевт самого отъявленного фрейдистского толка, рассказывая, что на самом деле все у нас хорошо. Результаты этой работы были иногда удивительны. Например, было достигнуто состояние, когда по поводу некоторых вещей просто не думалось. Ну отказывалась работать мысль в этом направлении, мозг просто выключался. Вот вам простой пример. Коммунисты учат нас, что все в мире диалектично и постоянно меняется, новые формы приходят на смену устаревшим. В то же время, ихний коммунизм само-

провозгласился как конечная точка развития человечества. Ну ни бред ли? Так вот, простой вопрос: «а что же будет после коммунизма?» — никому не приходил в голову. То есть, он-то может и приходил, но голова делала вид, что она с ним не знакома, да это и не вопрос, а так, непонятно кто ходит тут. В общем, советский человек был счастлив, весел, сыт и обут, но назвать его психически здоровым я бы не смог. Страх лежал в самой основе существования этого человека.

Демократия. «я» или «они»?

Вторая разновидность нашего Вируса является прямым потомком первой. Когда прямое принуждение исчезло из политического арсенала и, хуже того, завелись выборы разного рода начальников, взаимоотношения «я» и «они» несколько изменились. Теперь стало считаться, что власти существуют для того, чтобы кормить, одевать и всячески ублажать трудящихся, а за это трудящиеся должны их избирать.

Эта трансформация создала новую разновидность Вируса. Эта разновидность заставляет человека считать, что только он один разбирается в происходящем, является патриотом Украины и точно знает, как выйти из кризиса. Ему мешают две вещи — все те же «они» наверху, и другие «они», иногда именуемые «наш народ» внизу.

«Мы» так и не возникло, а «Они» размылось и потеряло строгие очертания « дорогого Леонида Ильича,

партии и правительства». При этом, «они» теперь не всесильны, не страшны-ужасны, теперь «они» являются воплощением всех пороков и объектом насмешек и издевательств нашего гордого «я». Единственная беда в том, что этих «они» слишком много, «они» окружают «я» повсюду, и этому «я» остается только улыбаясь разводить руками.

Можно сказать, что в Украине сложилась интересная политико-социальная модель. В ней есть «кратия», то есть власть со своей вечно юной и беззаботной аэлитой, но нет демоса, то есть, нет граждан. И «кратия» и «демос», когда их спрашивают, почему тут так неуютно живется, теперь показывают на «них». Это «они» во всем виноваты. Никто, правда, не знает, кто именно эти «они». Этот модифицированный советский страх называется страхом свободы, страхом ответственности за свою судьбу и судьбу своей страны.

Простая мантра

Интересно, что этот Вирус все-таки понемногу излечивается. Я как сейчас помню его форму, которая приводила к тому, что нормальный здоровый человек вдруг ни с того ни с сего начинал бормотать «эти уже наворовались, другие придут, опять начнут». Это заклинание повторяли все от мала до велика на выборах в 1994-м. Потом оно куда-то пропало, так как стало ясно, что «навороваться» невозможно. Затем ярко вспыхнуло и несколько лет радостно сверкало отчаян-

ное «ну что я могу один» Оно сильно поблекло и скукожилось, когда эти «одни» добровольно, не сговариваясь вышли на Майдан и поразились своему количеству. Теперь Вирус существует в форме «с нашим народом нельзя… далее вставить, что именно». Я слышу это от политиков, политологов, банкиров, журналистов, таксистов, случайных попутчиков, бабушек у подъезда и даже гопников, если с ними душевно поговорить. То есть, он-то лично все понимает, он-то лично за все хорошее, но с нашим народом нельзя.

Я никак не могу найти этого народа. Очень хочу с ним познакомиться. Очень.

Ах, да, я же обещал мантру. Когда у вас возникнет позыв сказать что-то про народ, с которым «нельзя», встаньте перед зеркалом и повторяйте « с нашим… со мной… нельзя. Он… в смысле я… тупой. Он украдет… в смысле, я украду. Он… в смысле, я, не понимает… Ему… в смысле, мне… нужна только палка…» ну и далее, в меру фантазии. Смотрите прямо себе в глаза, дышите ровно, ноги на ширине плеч. Помогает. 2008

1.4.6. Борцы за чужое несчастье. О вертикальных и горизонтальных украинцах

Существует два способа организации взаимодействия людей. Первый — это «горизонтальный» способ. Это когда два человека договариваются сделать что-то. Например, обменяться чем-нибудь. Потом дру-

гие люди меняются, возникает практика. С практикой возникают правила. Контракты, клубы, добровольные взносы, арбитражи — вот явления, порожденные первым типом.

Второй тип — вертикальный. Он основан на принуждении. Отобрал машинку в песочнице. Ограбил. Создал банду. Законы, государства, налоги, государственные суды — это то, что порождает второй тип.

В первом типе отношений люди свободны, они заключают контракты и добровольно присоединяются к тем или иным практикам. Во втором они исполняют приказы вышестоящего начальства.

Разумеется, это некие идеальные модели и в любом обществе существуют отношения обоих типов. Можно долго рассуждать об их проявлении и взаимодействии в семье, родах, племенах, государствах и корпорациях, однако, совершенно точно, что производительным является только первый тип отношений. Добровольность, лежащая в его основе, означает, что если человек не получает от участия в той или иной практике нужной ему выгоды, в чем бы она не выражалась, он может перейти к другой. Все эти практики и институты и существуют только потому, что приносят пользу ее участникам.

Вертикальная система основана на присвоении чужого. Нижестоящие отдают часть произведенного вышестоящему. Последний, как правило, является моно-

полией, от которой некуда деться. Если у него и есть какие-то обязательства перед нижестоящими, то они произвольны и выполняются по желанию.

Об украинце доподлинно известно, что его национальная мечта — стать начальником, оказаться на вершине некой вертикали. То есть, получить в свое распоряжение людишек, труд которых будет приносить начальнику пользу. Отсюда и всем известное «где два украинца, там три гетьмана» и прочие народные мудрости такого сорта. При этом сам украинец, если вдруг оказывается не гетьманом, а холопом, проявляет недюжинные способности к организации горизонтальных связей для того, чтобы обойти, как он выражается, «маразм» того, что создают вертикальные связи.

Очень важно здесь вот что. По-видимому, существует освященная веками привычка считать, что горизонтальные действия предназначены только для того, чтобы обойти проблемы, создаваемые вертикальными. Другая сторона этой привычки — тот факт, что только вертикальные отношения считаются «настоящими», легитимными. Поэтому все силы украинцев уходят на вертикаль. Они свято верят, что проблемы можно решить, отдав приказы своему ближнему и что это единственно возможное решение. Украинцы — это борцы за чужое несчастье. И, хотя они сами регулярно страдают от этих приказов, им даже в голову не приходит установить простые причинно-следственные связи. Они всеми силами поддерживают систему, которая их грабит и разоряет.

Судите сами. Вот сейчас в связи с «делом Власенко», я опять слышу призывы вывести массы на улицу и вижу дискуссию вокруг этих призывов. Прогрессивная общественность спорит, чем можно заманить массы на улицу. Многие считают, что массы не выйдут за Власенко, а выйдут, скажем, за евроинтеграцию. Но сама задача кого-то куда-то выводить и вообще всячески бороться не ставится под сомнение. Вот в этом и состоит главная проблема. Ведь сила системы в том, что действующие лица исполняют свои роли совершенно добровольно. Пока одни гадят, а другие искренне с ними борются, пока все их силы уходят на это — система в полной безопасности. «Вертикальность» отношений сохранится, грабеж будет продолжаться, возможно, при несколько иных декорациях, но какое это имеет значение.

А для решения проблемы всего-то достаточно не задирать голову вверх в поисках несуществующих государственных вершин. Нужно просто оглянуться вокруг и наконец-то заметить друг друга. Ау, украинцы! Вы здесь одни, тут никого нет, кроме вас!

2013

1.4.7. И, все-таки, Гендальф

В общественной жизни бывают, что называется, моменты истины, когда какое-то событие вдруг делает ясным некий момент, и ты говоришь себе: «ага, вот оно как». Автора этих строк до недавнего времени интересовал вопрос, начали ли украинцы более рациональ-

но относиться к политике. И вот, своего рода ответ на этот вопрос я получил в ходе дискуссии о депутатской зарплате. Напомню, что Мустафа Найем заявил, что 5 (или 6 — не помню) тысяч гривен в месяц депутату мало, а прогрессивная общественность бросилась его осуждать.

О чем говорит не просто осуждение, а сам факт такой дискуссии? Как по мне, он ясно говорит о том, что украинцы, по крайней мере, в части своей прогрессивной общественности, еще весьма далеки от рациональности в политике, а руководствуются в ней мифами, причем мифами весьма инфантильными.

Судите сами. Понятно, что 5 или даже 6 тысяч в месяц мы должны сравнивать с ценностью работы, которая должна делаться за эти деньги. Как украинцы оценивают депутатство? Очень высоко. Они устраивают выборы, на выборах устраивают скандалы, они буквально глотки готовы рвать друг другу за депутатский мандат. Тот, кто сам не баллотируется, тоже активно участвует, он смотрит Шустера, обсуждает с друзьями и коллегами, перестает постить котиков, а вместо них постит партийные лозунги и призывы. В общем, высокая ценность у такой работы, это очевидный факт. И вот за нее предлагают 5 или даже 6 тысяч в месяц, то есть, цену смехотворную, даже если не снимать квартиру в Киеве, а жить в «собственном жилье». Налицо явное противоречие. То есть, работа ценится ого-го-го, а платить за нее не хотят. Как это возможно? Это возможно только в одном случае — если депутатство не

считают работой, то есть, делом, требующим квалификации и связанных с ней расходов, требующим опыта, который не купишь и так далее и так далее. Это возможно только, если депутатство считают не работой, а подвигом. Ну, как бы для спасения народа. Всего и сразу. Ну, вы поняли. «Данко, рви печінку, вона горітиме!» Если мы принимаем этот подход, то противоречия исчезают, и все становится на свои места. Гендальф работает бесплатно — это аксиома. Становится понятной, например, удручающая некоторую часть прогрессивной общественности невнимательность избирателя к партийным программам. Все логично, ведь спасителю не нужны программы. Он просто спасает. Самоотверженно, рискуя жизнью. Становится понятным, почему не могут избраться люди, говорящие о практических вещах, вроде прав собственности. Это ведь очевидные вещи. И вроде бы, они много значат для жизни большинства украинцев. И что? Украинцы слушают, молча кивают и голосуют за Гендальфов. Почему? Потому что Гендальф спасает. Обещает, по крайней мере. А вы тут какие-то права собственности, ОСББ, ЖКХ, немцы, конгресс… Становятся понятными 40% голосов за власть и вообще сам феномен голосования за власть, какой бы она не была. Почему голосуют? Потому, что она власть. Она все может. Она будет нас любить, если мы за нее проголосуем. Тот же Гендальф, только без особой романтики. В общем, несмотря на Майдан и войну, украинец, по крайней мере, в лице значительной части своей прогрессивной общественности, оста-

ется существом инфантильным. Он не хочет ничего делать, он хочет, чтобы его спасли.

Почему это важно? Ведь читатели этой колонки знают отношение автора к депутатам и прочим государевым людям, и отношение это таково, что лучше бы их не было никогда. Важно это потому, что понимание того, что государевы люди не нужны никогда и ни в каком качестве, не берется с потолка. Это есть результат процесса в котором миф сменяется рациональностью, и рациональность укрепляется логикой. Автор тоже был когда-то в детстве жаждущим спасения. И это нормально. Вопрос же был в том, на каком этапе этого пути мы находимся. Мне казалось, что многие уже подошли к рациональному, то есть, начали понимать ограниченность любых ресурсов, понимать необходимость выбора, как отказа от чего-то ради чего-то более ценного и так далее. Но история с 5 тысячами Мустафы показала, что я ошибся. Все-таки, Гендальф.

2015

1.4.8. Самооккупация

Недавно мой друг рассказал историю о том, как его знакомый паркетчик работал на объекте, принадлежащем «уважаемой семье». Паркетчик имел неосторожность встрять в разговор между дамой из уважаемого семейства и прорабом. У дамы от такой наглости случился припадок, глаза вылезли из орбит, и она, шипя, выдавила что-то вроде: «как вы смеете открывать рот в

моем присутствии?!» Собственно, суть истории состояла в том, что мой друг выражал радость от того факта, что его не было там в этот момент. Иначе дама неминуемо получила бы… ээээ…. отпор, что могло привести к разным неприятным последствиям.

Автор этих строк тоже старается не бывать в местах, где бывают разного рода уважаемые люди, и слава Богу, что таких точек пересечения становится в моей жизни все меньше. Ведь дело в том, что я не считаю их уважаемыми, а напротив, по умолчанию полагаю их людьми «наиподлейшего звания». И я понимаю, что легко могу сильно обидеть словом или действием такого вот уважаемого человека, когда он будет особенно ярко себя уважать. И самое грустное, что я не могу это контролировать, случится это чисто инстинктивно, как вы отмахиваетесь от мухи или прихлопываете комара. И, наконец, я прекрасно понимаю, что я со своим другом — не исключение, а правило.

Так вот, вся эта прелюдия, собственно, вот к чему. Мы с вами живем в стране, которая имеет одну интересную особенность, о которой я попытаюсь рассказать. Все государства, за очень редкими исключениями, вроде США, возникли как результат военного завоевания. То есть, «правящий класс» в них является потомками завоевателей (по крайней мере, до момента победы бюрократии над аристократией). Понятно, что они смешивались с местным населением, перезавоевывались другими завоевателями и так далее. Что бы ни произошло в этих странах впоследствии, и к ка-

кой бы «демократии и процветанию» они потом не пришли, у этого процесса было начало. Так вот, первоначальное существование класса уважаемых людей основывалось на факте военного принуждения. Начальник — это вот тот дядька с здоровенным мечом, и тут ничего не попишешь. В любом случае, факт наличия дядьки и меча при нем **признается** и сам по себе не вызывает никаких эмоций.

С украинцами вышло немного не так. Украинцы давно приспособились к жизни в чужих империях. Для этого они выработали две стратегии. Первая — идти в начальники, то есть, работать в имперском аппарате. Вторая — воровать у начальства. И то, и другое считается законным и часто пересекается между собой. При этом, первая стратегия предполагала, что человек разделяет имперские ценности только на рабочем месте. Он может быть каким угодно хозяином, начальником, самодуром, но он не может быть барином. Открыть рот в его присутствии — не грех, его присутствие отнюдь не монаршье, просто человек хорошо устроился, чего и нам желает. Не случайно наши империи старались не строить свою иерархию, по крайней мере ее основу, на «местных». Ибо у «местных» тут же заводится кумовство, то есть немедленно организуются структуры по перекачке ресурсов империи в свой карман.

Империя с ее пафосом всегда была где-то не здесь. В основном, в Москве. И вот случилось так, что Москва откололась от Украины. Украинцы принялись «розбудовувати власну незалежну державу» и, как в том

анекдоте о человеке, пытающемся собрать кровать из деталей, украденных на военном заводе, построили очередную империю. В ней даже завелась «аристократия». Однако, в этом деле есть существенный нюанс — ни эти «аристократы» ни их предки не являются завоевателями. Они ведут себя так, как будто только что выиграли войну, но никакой войны не было. Поэтому их существование никак не укладывается в «общественный договор». **Их легитимность не признается и никогда не будет признана**. Мы имеем удивительную ситуацию. Украинцы создали режим самооккупации, в которой одна часть населения откровенно глумится над второй, но при этом, в отличие от обычной оккупации, вторая часть не признает первую. Терпит, унижается, но не признает. Чем и как это закончится — остается только гадать[20].

2012

1.4.9. Ющенко так, Ющенко сяк

Во время Оранжевой революции мы репетировали одну песню на «английском» языке. Наш барабанщик как-то в шутку пропел припев этой песни на слова «Ющенко — так! Ющенко — сяк!». Очень хорошо ложилось на мелодию. И смешно было.

Теперь, конечно, в большинстве случаев вы столкнетесь не со смешными, а с грустными воспоминаниями о Майдане. Мол, «разочаровались»… А еще, конечно, Ющенко, гад, все прос…л.

[20]Несмотря на Майдан 2014 года, это еще не закончилось

Мои воспоминания о Майдане только позитивные. А грустно мне как раз от этого «разочарования» и от обвинений Ющенко. Как по мне, это говорит о том, что Майдан, при всем значении этого события для нашей истории, еще не был «буржуазно-демократической революцией». Он, конечно, был революцией, но все еще весьма инфантильной.

Автор этих строк никогда не связывал никаких надежд с Виктором Андреевичем Ющенко. Ни до Майдана, ни во время Майдана, ни после него. И дело тут не в личности и не в способностях самого Ющенко. Дело в понимании того, что позитивные перемены от «начальства» не зависят. От него зависят только перемены негативные. Будь ты хоть супер-президент с четкой программой и вышколенными бюрократами, если «в народе» нет желания что-то изменить, ничего у тебя не выйдет. Оказалось, что желания что-то изменить у украинцев нет. Ибо желание лишь тогда чего-то стоит, когда подкрепляется действиями. Я вот прямо сейчас желаю себе «Макбук». Очень сильно желаю. Но для истории это желание — пустой звук, поскольку я ничего не делаю для того, чтобы оно стало реальностью. Вот так и украинцы. Перемен требовали их сердца, глаза, носы и прочие органы. Но при этом украинцы ожидали, что Ющенко все за них сделает. Свою роль, как выяснилось, они видели в стоянии на площади и скандировании «Ющенко — так! Ющенко — сяк!». Ну, а дальше, мол, ты, как-нибудь сам, а мы будем сидеть и ждать покращення уже сегодня.

Поэтому, большинство украинцев считают Ющенко плохим президентом. Он не сделал для них хорошо. Хотя, если полагать, что от президента вообще может быть какая-то польза, то Виктор Андреевич был лучшим президентом. Ибо работа президента состоит в том, чтобы исполнять статью 106 конституции. Вот Виктор Андреевич ее и исполнял, как мог. Ветировал разные законы. Распустил парламент. Однако, украинцам не нужен такой президент. Им нужен президент, которому плевать на конституцию и законы, потому, что он должен сделать им хорошо.

В 2010 украинцы выбрали себе именно такого президента. И, что самое важное, его главный оппонент на выборах в этом смысле ничем не отличался, то есть, в любом случае мы бы получили президента, который может сделать все, что захочет. Теперь украинцы грустят от того, что президент делает то, что хочет. Ведь хочет он почему-то не того, что хотят украинцы. Воз-
2012 можно, это и грустно. Но совсем не удивительно.

1.4.10. Полная остановка или начало движения?

По мнению автора этих строк, в украинской политике не происходит ничего нового где-то с 2002 года. То есть, все, что происходило потом, было легко прогнозируемым и даже очевидным. Майдан был единственным исключением (и исключением, безусловно, приятным и позитивным). После Майдана все опять пошло

по накатанной колее. Безнадежный, в смысле реальных изменений, Ющенко был очевиден с момента его появления в политике, то есть, с 1996 года, губительный популизм Тимошенко — с момента кидка ею Палываныча Лазаренко и даже ранее, с момента, когда эта дама возглавляла «теневой кабинет министров» партии «Громада».

Однако, несмотря на всю очевидность «большой картинки», внутри нее политическая жизнь все-таки была, и, как положено, состояла она из событий. То есть, что-то происходило, жизнь кипела и содержание ее могло меняться. Вот Виктор Андреевич взял и распустил Раду в 2007-м году. Мог ведь и не распускать. Но распустил. На «большой картинке» общих закономерностей это почти ничего не поменяло, последствия роспуска и нероспуска почти не отличались бы, но все-таки шансы на какие-то внутренние процессы и изменения были. Могло повернуться дело как-то так, чтобы вдруг из этого события что-то выросло этакое о чем злобный автор этих строк мог бы потом сказать: «в украинской политике не происходит ничего нового с 2007 года». Не с 2002-го, а все-таки с 2007-го. Ну, например, могли же те, кому надо, настоять на соблюдении Конституции при формировании нового большинства после досрочных выборов. Глядишь, «тушки» бы в дальнейшем не так легко прижились…

Таких примеров можно привести много. Однако, с воцарения Януковича из политической жизни события исчезли. Это, разумеется, мое личное мнение и даже

ощущение. Это как тиканье часов. Вы ведь не отмечаете каждую секунду, вы отмечаете те секунды, когда что-то происходит, когда что-то вас удивляет, а удивляют нас те вещи, которые могли и не произойти или произойти как-то по-другому. Так вот, в этом смысле Украина лишена политических событий. Каждый день вы ожидаете от государства новых гадостей и вы получаете их в полном объеме. Тик-так, ничего нового. Тимошенко заперли в буцыгарню по политическим мотивам. Не удивительно. Луценко дали четыре года и еще поглумились с «конфискацией». А чего вы хотели. Мажоры убивают людей своими машинами. Понятное дело. Менты пытают, калечат и убивают. Нормально, они же менты. Каждый день принимаются новые законы, попирающие нашу свободу и человеческое достоинство. Ну да, а как же иначе. Тик-так.

Только недавно я понял, почему ощущение отсутствия событий такое полное. Дело в том, что есть же и другая сторона процесса. Есть так называемое общество. В нормальном и здоровом виде оно бурлит и переливается красками, и политика только пена на его поверхности. У нас же (это опять-таки, личное мнение) это одно и то же явление, просто в разных декорациях. Наше общество по-прежнему готово драться из-за того, был Бандера героем или нет. И вообще, его очень интересует история и «историческая справедливость». Главный враг у нас — Табачник. По той же причине. Вот закрыли выставку в Могилянке, казалось бы, вопрос, решенный много лет назад — тебе

может не нравиться та или иная «мазня», но это не повод закрывать выставки, а закрытие называется цензурой. Так нет же! Целая дискуссия разгорелась! Или вот какой-то свободовец что-то вякал в адрес певицы Гайтаны. Очевидная же штука — расизм он и есть расизм, так нет же, брати Капранови пишут нам, что ксенофобии в Украине нет, потому, что, ну я вас умоляю. И дело Гайтаны, выходит, выгодно врагам Украины. То есть, дело не в насилии, как таковом, а в том, кто его осуществляет. Поздравляю вас, брати Капранови, Янукович — ваш президент. Вот, похоже, в чем дело. Все эти годы «общество» и «власть» шли навстречу друг другу и вот они наконец встретились. И теперь, как никогда, очевидно, что это просто отражение в зеркале, две стороны одной монеты, лента Мёбиуса или любая другая подобная аналогия, которую читатель сам себе придумает. Общество и власть поют одну песню, просто партии в хоре у них разные. И, похоже, что где-то на уровне подсознания «общество» начинает ужасаться своему отражению. Но еще не понимает, что это такое. Отсюда и истерика, и, отчаяние и крик. Крик такой громкий, что уже не отличим от молчания.

Поэтому, по моим (опять же субъективным) ощущениям, сейчас все остановилось. Вокруг тишина, без смысла и содержания. Вопрос лишь в том, существуют ли где-то вне Фейсбуков хоть какие-то люди, какое-то движение, которое бы в **содержательном** смысле отличалось от нынешней власти и ее общества. Или, может, стоит надеяться на то, что люди наконец поймут,

что «власть» — это злая карикатура их самих. Не знаю. Пока я ничего не вижу. Точнее, вижу полный ступор. Социально активные по-прежнему работают на свою партию в хоре. Они ищут для общества «общую объединяющую цель». Они выбирают себе Доброго Царя. Они думают, что политически принятыми законами можно поменять людей. Они считают легитимным навязывать взрослым людям как им жить, что любить, и вообще — чем заниматься. Но Виктор Федорович **уже де-**
2012 **лает** все это. Вам не нравится А почему?

1.4.11. Украинцы глазами кандидатов

В предыдущей заметке[21] мы говорили о непреодолимом обстоятельстве на пути кандидатских обещаний в виде статьи 106 Конституции Украины. Непреодолимость его состоит из двух факторов. Первый — кандидат не сможет выполнить то, что обещал, так как у него нет на это полномочий. Второй — буде он решится полномочия расширить, ему придется столкнуться с проблемой изменения Конституции. Бедолаге, вместо того, чтобы нас спасать, придется иметь дело со злыми депутатами и прочими какашками. Чем закончится такая борьба — неизвестно, в любом случае, наше спасение опять откладывается, и, кстати, никто не гарантирует того, что даже получив вожделенные полномочия, утомленный борьбой президент вспомнит о нас, грешных.

[21] Имеется в виду текст, не вошедший в этот сборник

Правда, несмотря на все эти обстоятельства и тот факт, что большинство кандидатов баллотируется на должность волшебника, а не президента Украины, их программы имеют важное значение, и по ним легко можно сказать, как кандидат будет действовать на посту президента. Кроме того, и об этом мы поговорим в этой заметке, программы являются своего рода обобщением того, что именно нужно Украине, точнее, что нужно «для народа» с точки зрения тех, кто собирается стать его представителем. Это очень важная и показательная информация.

Итак, как, по мнению кандидатов, выглядит украинец? Что его заботит? Автор разделил мнение кандидатов на три группы: общие проблемы, «фишки сезона» и группу ретро-проблем.

Общие проблемы

Первая группа — это проблемы «общего характера», о которых говорят почти все кандидаты.

Почти все, а именно Богословская, Бродский, Гриценко, Литвин, Тимошенко, Янукович, Ющенко имеют в своей программе отдельные разделы о нашем с вами здоровье. Оно и понятно — быть президентом страны без населения — как-то не очень здорово. При этом, никто из них не обещает платной медицины. По умолчанию подразумевается, что мы за свое здоровье сначала должны платить чиновникам, а они уж решат, сколько и каким врачам нужно дать денег.

Украинцы также считают своим долгом поговорить о сельском хозяйстве, не забыв упомянуть о том, что Украина должна стать житницей Европы. Большинство из них также волнуют «проблемы образования и науки». И почти никто не забывает о славных Вооруженных силах.

Внешняя политика тоже занимает украинцев. Правда, эта сфера еще как-то входит в компетенцию президента, так что кандидатам сам Бог велел высказаться, что они, в большинстве случаев, и сделали. За нейтралитет выступают Богословская, Литвин, Мороз, Янукович, за НАТО — Костенко и Ющенко, а Гриценко предлагает ввести мораторий на 5 лет на присоединение к какому-либо альянсу[22].

Украинцев и кандидатов в президенты волнует также местная власть. Богословская обещает вернуть исполкомы местному самоуправлению, Гриценко прямо заявляет о том, что «власть передается на места», что выражается у него в ликвидации районных администраций и определении долей, остающихся у местной власти с каждого налога, а также создании исполкомов на уровне области и района, Мороз обещает ликвидировать районные администрации. Большинство остальных тоже не забывает о местных властях, но не столь решительны, как их коллеги.

В экономике украинцы хотят протекционизма, то есть защиты отечественного производителя от отече-

[22]Кандидаты в тексте перечисляются по алфавиту

ственного потребителя. Об этом нам сообщают Богословская, Мороз, Литвин, Ратушняк, Пабат, Тигипко и Яценюк. Умеренно их поддерживает Костенко.

Еще украинцы хотят интервенционизма. То есть, они хотят, чтобы государство само строило заводы, а они потом на них работали. Больше всех в этом уверен Яценюк с его «новым курсом». Богословская и Тигипко тоже так считают, а Тимошенко все это уже делает, но кризис помешал ей развивать нанотехнологии. Почему нанотехнологии? Мне кажется, потому, что слово смешное и легко запоминается. Но, вообще-то, без сомнения, украинцы хотят, чтобы государство собирало с них деньги, само решало, что и зачем на эти деньги строить, не забывая, конечно, о нанотехнологиях, которые без того ну никак не появятся.

Одновременно украинцы также хотят снижения налогов. Наиболее активно это им обещают Богословская, Тигипко и Янукович. Некоторые даже обещают налоговые каникулы для малого бизнеса. Богословская предлагает заменить нелюбимый НДС на налог с продаж, а Гриценко — на налог с оборота. Янукович блистает точностью, когда обещает снизить НДС до 17%.

Также украинцам хотелось бы упрощения ведения бизнеса. Заявительную систему обещает Богословская, Гриценко обещает ликвидировать налоговую милицию и упростить регистрацию, Костенко предлагает, чтобы малые предприятия платили налоги два раза

в год. Тигипко просто обещает, но неконкретно, видимо, понимает, что может не хватить денег на строительство заводов.

Украинцам очень не нравится коррупция. Это видно по тому, что каждый кандидат считает своим долгом высказаться в ее пользу… простите, по ее поводу. Все обещают самые строгие меры и отличаются друг от друга только набором этих мер. Если кто-то просто обещает «беспощадно бороться», то Гриценко сразу определяет, что за 10 тысяч долларов чиновник будет сидеть 15 лет. Ну, вы поняли.

Но больше всего на свете украинцы боятся, не коррупции, а земли. Такой вывод можно сделать из мнений кандидатов о проблеме собственности на землю. Только Виктор Андреевич и примкнувший к нему Костенко говорят о рынке земли, но это, видно, от отчаяния. Большинство остальных впадают в истерику и что-то путано скороговоркой объясняют. Суть этого потока сознания лучше всех выразил Пабат. Он без обиняков заявил о том, что «утрата земли ведет к утрате государственности». Видимо, так оно обычно и бывает.

Фишки сезона

Все перечисленные пункты встречаются и встречались в любой программе любого кандидата в течение последних 20 лет. Но каждые выборы имеют свои, уникальные «фишки», появление которых вызывано особенностями текущего момента.

Никогда бы не подумал, что главной фишкой этого сезона являются… стратегические предприятия (у Гриценко — отрасли). О них нам рассказывают Гриценко, Костенко, Литвин, Мороз, Пабат и Яценюк.

Что это такое и зачем нужно я не понимал, пока не прочитал программу Яценюка. Арсений бесхитростно сообщает нам, что «доходы от сверхприбыльных и стратегических предприятий остаются у государства, и это даст настоящую свободу для развития частной инициативы и позволит снять налоговое бремя». Признаюсь, я перечитал эту фразу несколько раз, пока понял, в чем дело. Все оказалось очень просто. Смотрите. Пацанов как-то надо кормить. Так вот, мы им вместо налогов подсунем доходы от стратегических предприятий, а сами заживем!

Второй по частоте упоминаний является борьба с чиновниками. Гриценко вообще посвятил этому всю программу, Бродский — половину. Ну а, собственно, фишкой сезона является идея декларации доходов и расходов чиновников и членов их семей. Почему я не поставил в «фишки сезона» беспощадную борьбу с коррупцией? Потому что она беспощадно продолжается уже 20 лет на всех выборах.

Проблема избирательной системы тоже близка украинцу и является одной из фишек сезона. Богословская считает, что чего уж там, попробовали пропорционалки, хватит. Правда, она предлагает возвращаться к мажоритарке постепенно, сначала внедрив систему

«50% мажоритарщиков и 50% списочников». Литвин, Тимошенко, Тигипко, Ющенко и Яценюк настаивают на так называемых «открытых списках».

Проблема неприкосновенности отражена у Богословской, Гриценко, Литвина и Ющенко, который предлагает отменить ее для всех.

Решительную конституционную реформу и президентскую республику обещают нам Гриценко, Ющенко и Тигипко. Нерешительную — Тимошенко и Супрун.

Существует также проблема «внешнего тестирования» и 12 летнего образования. Богословская и Гриценко обещает вернуть 10-летку. Богословская вместе с Януковичем против «бездумного копирования» Болонской системы, а вот Ющенко — им назло — за.

Новинкой сезона является также значительно большее количество заговоров на кадидатскую душу. Помимо заслуженных заговоров Тягнибока и Симоненко, которых обижают неукраинцы и непролетарии (не перепутайте, кого — кто), нам теперь открыто и прямо говорят, что во всем виноваты олигархи. Так считают Ратушняк, Тимошенко, Пабат и Яценюк. Последний, правда, называет олигархов по научному, «большим капиталом». Но наиболее убедительно опять высказывается Пабат. Он, к примеру, не сомневается, что «мы — трудолюбивый народ, поэтому безработица — это искусственное явление». То есть, украинцы — они работают. И если их специально не облучать электри-

чеством, то они будут работать всегда, и безработицы не будет. Ну, вы поняли, кто это все организовал, да?

На удивление, проблема ЖКХ беспокоит немногих украинцев. Богословская обещает, что за 4 года все будут обеспечены теплом и водой, а Тигипко создаст специальный комитет, который будет определять цены на это добро.

Ретро

К ретро-темам относятся популярные когда-то темы, которые вдруг опять всплывают на выборах.

Наиболее типичной ретро-темой является мова. Большинство кандидатов снова обещает не ущемлять русский язык. Казалось бы, уже давно понятно, что никто эти обещания никогда не выполнит, но, видимо, у кандидатов есть надежда, что кто-то им поверит.

Другой ретро-темой, довольно для меня неожиданной, стала тема «транзитной страны». Она состоит в том, что создав определенную инфраструктуру, государство будет зарабатывать на том, что по нему ездиют туда-сюда. Вроде бы логично, но эта тема, модная в начале 90-х, всегда оставалась только программным пунктом.

Литвин предлагает «проанализировать» результаты приватизации, его поддерживает Ратушняк. Последний, кстати, хочет «вернуть ядерный статус», его

ничуть не смущает, что нельзя вернуть того, чего никогда не было.

Выводы

Ну, что тут можно сказать. Украинец шагу не может ступить без государства. Он его готов кормить и поить, лишь бы оно… затрудняюсь продолжить. В общем, лишь бы оно. Он даже готов отдать ему «стратегические предприятия», чтобы оно не голодало. Правда, украинец довольно хитер. К примеру, с этого гешефта, он намерен получить доходец в виде неуплаченных налогов. И, кстати, он всячески желает, чтобы ему обеспечили доходы, то ли в виде разного рода льгот, то ли в виде доходов от бизнеса. При этом он категорически против, чтобы с ним конкурировали всякие неукраинцы (если уж других украинцев запретить нельзя) и требует протекционизма. Сам он не желает (или не способен) развиваться, развивать свое дело и мыслить стратегически, он считает, что это должно делать государство за счет доходов от налогов, которые вырастут, когда налоги снизятся. Большая его часть готова работать на одном большом государстве-заводе под управлением директора-президента. Но главное, чтобы все было честно, не было взяток, коррупции и неприкосновенности, и всем управляла твердая рука. Значительная часть украинца доводит эту мысль до логического конца, утверждая, что нужно просто взять и все поделить, главное — назначить виноватого, которому при дележе ничего не достанется.

Так выглядит украинец глазами кандидатов в президенты. Остается выяснить, насколько этот образ соответствует реальности. 2009

1.4.12. Стратегирование по-украински

А и Б собираются поехать на автомобиле в магазин за покупками. А стоит возле двери, Б рассматривает карту Киева.

А: Ну я пошел машину заводить…
Б: Подожди. Как мы поедем?
А (недоуменно): Как это, как? По дороге.
Б: По какой?
А (склоняясь над картой):Ну, сначала по Оболонскому проспекту, а потом посмотрим.
Б: Куда это еще посмотрим? Скажи точно куда поедем
А: Да очень просто — Оболонский проспект, проспект Красных казаков, Московский мост…(собирается уходить)
Б: Ты что, с ума сошел! Московский мост стоит в это время!
А (возвращается): Ну тогда… Новоконстантиновская, затем Набережно-Крещатицкая, затем мост Патона или мост метро…
Б: А как ты на Набережно-Крещатицкую попадешь?
А (озадаченно): Э-э-э…ну, на Электриков…
Б: Там ремонт!
А (заметно нервничая): Ну, тогда вернемся на Телиги и…
Б: Ты что, такой крюк давать!
А (нервничая сильнее): А что делать!!
Б: Хорошо, хорошо, не волнуйся, Телиги, а дальше?
А: А с Телиги на Новоконстантиновскую…
Б: Там нет левого поворота!
А: Тогда на Фрунзе…
Б: Там будет пробка!
А: Тогда…
Б: Обрушится мост!
А: Тогда…
Б: Нападут менты!
А: Тогда…тогда…тогда… (останавливается и молча смотрит на Б)

А и Б так и не поехали за покупками и через некоторое время умерли с голоду.

P.S. У автора не было, нет, и никогда не будет автомобиля, и он не знаком с правилами дорожного движения. Поэтому автор просит не писать комментариев типа «так там же можно было повернуть на Луговую!»

1.4.13. О разнице или Толкин и моральный релятивизм

Когда-то давно автор этих строк принимал участие в одной избирательной кампании в качестве кандидата в депутаты. Тогда были очень модны «российские политтехнологи», и наш «олигарх», финансировавший все это дело, завез и нам нескольких. В то же самое время случилась и премьера художественного фильма «Властелин колец». И вот, отправились мы на эту премьеру — будущие депутаты и политтехнологи. После того, как премьера закончилась, публика вышла на улицу, и один из политтехнологов вдруг начал держать речь. Смысл ее сводился к тому, как Запад ловко выстраивает свою пропаганду (для полноты картины — это были «либеральные» политтехнологи), чтобы, значит, безнаказанно достигать своих целей. Понятно, что меня немного удивила такая рецензия на фильм, но также меня удивила реакция соратников по партии. Она была примерно такой: «Тю… Ну и шо?» Они внимательно все это послушали, покивали для приличия и разошлись по своим делам.

Интересно, что незадолго до того мне попалась книжка некоего Перумова о том, что Саурон был хороший, а эльфы — плохие. Товарищ Перумов убеждал в этом читателя на протяжении целых трех томов. Мне хватило двух, чтобы перестать читать, так как меня постоянно мучил все тот же вопрос — «ну и шо». Я совершенно не мог понять мотивации человека, который довольно неплохо складывает буквы в слова, — зачем он занимается этой ерундой Придумай себе свой мир и изгаляйся в нем, как хочешь. Ты талантлив, у тебя все получится, заработаешь кучу бабла. К чему вот это глумление над Толкином? Причем, по тексту же ясно видно, что автор сам хочет доказать себе и читателю, что «на самом деле» вымышленная история (!) вымышленного мира (!) была не такой, а эльфы злые и Саурона подставили.

Потом пошли «попаданцы», которые превратились в целый жанр (этого я уже не читал, только слышал об этом), и где-то в то же время русских на форумах стало довольно легко отличать от украинцев. Тестом были, например, американцы, фильмы с хорошим концом или фильмы про героев, спасающих мир. По моим наблюдениям, русские «пользователи интернета» гораздо чаще впадали в истерику, когда им показывали фотографию Бэтмена, чем украинцы. Хочешь узнать, кто перед тобой, — покажи ему Бэтмена. Или Капитана Америку. Реакция «тю, ну и шо?» выдавала украинца, истерика — русского.

Для меня это было очень интересным явлением, и, поскольку я не имел специального гуманитарного образования, то идея морального релятивизма (относительности добра и зла) была мне еще незнакома. Товарищи из России послужили причиной моего знакомства с этой удивительной концепцией. И могу сказать, что по моему мнению, этот самый моральный релятивизм — основа того, что известно нам теперь, как идеология «русского мира». Миры, вроде толкиновского, в котором есть ярко выраженное добро и зло, приводят морального релятивиста в состояние паники и агрессии. Он будет с пеной у рта доказывать, что «на самом деле все было не так!», что доброе — это злое, а хорошее — это плохое. Он ненавидит «пиндосов» именно потому, что американская культура не цацкается с этими вопросами, для нее зло должно быть наказано. Русскомирец будет любить и беречь зло, потому, что «на самом деле» — это добро, только понятно это ему одному.

Можно было бы сказать, что это такой способ психологической защиты — называть белое черным, ведь иначе придется признать, что ты живешь как раб в весьма несвободной стране. Но интересно здесь то, что эти явления начались давно, и насколько я могу судить о новейшей истории России, в конце девяностых она еще не совсем находилась в состоянии маразма, по крайней мере, нынешние запреты кружевных трусов и поиски порнографии на денежных купюрах тогда выглядели бы идиотизмом. То есть, причины и следствия,

наверное, таковы, что мы можем говорить о том, что Путин есть все-таки отражение представлений русского народа об окружающей его действительности, а не какой-то там особенный угнетатель.

И здесь есть еще один важный момент, о котором я хочу сказать. Добро и зло проявляется в поступке, в выборе человека. Этот поступил хорошо, а вот этот — плохо, а тот, кто раньше поступил хорошо, теперь поступил плохо. Не бывает имманентного добра и зла. Так вот, важный момент состоит в том, что если вы моральный релятивист, то вам нужно каждый раз придумывать какие-то схемы, для того, чтобы объяснить себе и другим, что «на самом деле все было не так». Схемы эти бывают сложны и разветвлены (нужно три тома, чтобы рассказать, как эльфы подставили Саурона). Со временем уже сами эти схемы начинают диктовать картину реальности, и, думаю, что не ошибусь, если скажу, что моральный релятивизм всегда на практике приводит к оправданию и утверждению зла.

Простой пример. Украинцы свергают Саурона, простите, Януковича. Что мы регулярно слышали из России? «Да ты чё делаешь, ты чё! На самом деле Саурон добрый!». Дальше обычно шли долгие объяснения того, почему он добрый, и что это все пиндосы устроили.

Это два совершенно разных отношения к реальности. Для украинца неважно, в какую схему записали Саурона, считается он «добрым» или злым, важно, как Саурон поступает. Если он поступает как Саурон, то

есть, плохо, то и реакция будет соответствующей, без всякой многослойной рефлексии. Для русскомирца же важна его схема, в которой все расписано, и по которой он сверяет происходящее в его жизни.

И последнее. Мне скажут, что оценка хорошего и плохого невозможна без критериев, и что это тоже «схема». В какой-то степени, это так. С другой стороны, борьба за свою картину мира присуща любому человеку, и это тоже правда. Весь вопрос, как мне кажется, в том, на основе чего строятся критерии оценки. «Схема» здорового человека очень проста, это: «а если бы так поступили со мной?». Схема нездоровго — сложна, многослойна и в ней почти всегда есть высшие интересы, которые отменяют принцип «а если бы так поступили со мной». В этом вся разница. И, судя по последствиям, это самая существенная разница.

2014

Часть 2

Общеобразовательное

«— Значит, рыцари — существа мифические, — рассуждали молодые неопытные драконы. — Мы всегда так и думали»

Дж Р.Р. Толкин, «Фермер Джайлз из Хэма»

В этом разделе собраны тексты о некоторых вещах, которые почему-то кажутся всем известными и понятными, а также о некоторых важных социальных механизмах, вроде страха

2.1. Популярная вирусология. Очень местное...

Пожалуй, среди «джентльменского набора реформатора», в который входят либерализация экономики, прозрачность власти, судебная реформа и т.д. и т.п., «реформа местного самоуправления» является наименее понятной и наиболее запущенной.

В общем-то, это неудивительно. Начнем с того, что сама по себе проблема «местного самоуправления» как необходимой составляющей «демократии» была осознана сравнительно недавно. Никто всерьез не думал над этой проблемой в рамках политических теорий. Подозреваю, что актуальность этой темы обозначилась после Второй мировой войны, когда возник вопрос: что же такое тоталитаризм, как он устроен, и чем тоталитарное устройство отличается от устройства нормально развивающихся стран. Тут-то наряду с либеральной экономикой, правами человека и пр., на свет и вылезло местное самоуправление, как необходимая часть демократического устройства общества. Особенно актуальной эта позиция стала после распада СССР и «соцлагеря», когда дискуссии перешли в практическую плоскость.

При этом, заметим, что проблемы, которые бы теперь отнесли к «местному самоуправлению», существовали всегда и часто были причиной войн и конфликтов. К примеру, Гражданская война в США в значительной степени связана с вопросом компетенции федерального правительства, причем не только в отношении штатов, но и в отношении местного самоуправления. Наша государствоцентричная история в большинстве случаев находится в таких конфликтах на стороне центральной власти, подразумевая, что централизация всегда лучше «раздробленности». Большинство до сих пор свято верит в эти глупости. Печально,

что вместе с прочими плохими привычками, прививаемыми школой, они передаются и новым поколениям.

Наконец, третье, и главное, обстоятельство весьма просто. Мы никогда не жили «при местном самоуправлении». Наш адрес — не дом и не улица, наш адрес Советский Союз. «Националисты» обычно цитируют эти строки, указывая на отсутствие у советского человека национальных признаков, хотя поется об отсутствии дома и улицы. И это очень показательно. В отличие от прочих стран, где люди живут в таком-то доме на такой-то улице в таком-то городе, советский человек жил непосредственно в СССР. И теперь украинский человек продолжает жить в Украине, минуя все промежуточные стадии.

Неудивительно поэтому, что дискуссия на тему местного самоуправления идет вяло, а большинство проектов его организации страдают отсутствием понимания предмета. Мы просто не знаем, о чем именно идет речь.

Попробуем выделить несколько важных моментов, которые было бы неплохо иметь в виду, когда вы слышите о местном самоуправлении.

1. Не существует никакой универсальной «формулы» местного самоуправления. Если, скажем, государство в своей организационно-политической ипостаси как-то может быть описано форматами «президентской» или «парламентской» модели,

то местное самоуправление — нет. Местное самоуправление древнее любого государства — это просто люди, объединенные на какой-то территории для решения своих местных задач. С появлением государства, часть функций местной общины перешла к нему и то, что получилось в результате, достаточно уникально для каждой страны.

2. Местное самоуправление — это не государство. В понимании этого обстоятельства возникают самые большие трудности. У нас почти все, чье мнение мне приходилось слышать, считают местное самоуправление неким филиалом государства, некой местной властью, которой центральная власть немного «разрешила» поуправлять, как правило, с целью облегчить себе работу. Очень часто идея местного самоуправления преподносится именно с этой стороны — со стороны «оптимизации» работы центральной власти. Мол, не будет ничего плохого, если правительство «делегирует часть полномочий на места» (именно так это обычно формулируется). Местное самоуправление не имеет ничего общего с этой идеей. Равно как не имеет ничего общего и с формированием государственного бюджета. Местное самоуправление не должно «делиться» с государственным бюджетом и не должно выступать в роли агента правительства в сборе налогов. Если это происходит — вы имеете дело не с местным самоуправлением, а с чем-то другим.

Кстати, здесь возникает довольно непростой вопрос, который многих ставит в тупик. Должна ли конституция каким-то образом описывать самоуправление? Ведь конституция — это учредительный договор государства. По идее, она не имеет отношения к местному самоуправлению.

1. Над местным самоуправлением нет «начальства». Этот вывод, опять-таки, очень непривычен для нас. Советская практика, которую мы унаследовали, не могла обходиться без начальника. Даже советы имели вид матрешки, в которой были «вышестоящие» и «нижестоящие» советы. Местные самоуправления очень часто существуют в виде объединений и ассоциаций. Однако, эти структуры построены по принципу делегирования полномочий. Так, к примеру, в американских городах многие службы часто существуют за счет «складчины» местных муниципалитетов, которых в городе бывает до сотни. Структуры, которые обслуживают эту «складчину», не являются «руководящими» в отношении муниципалитетов.

2. Местное самоуправление не является частью или элементом «государственного устройства», некой «единицей» территориального управления. Напротив, исторически часто бывало, что местные общины формировали более крупные субъекты, как, например, первые штаты США или швейцарские кантоны.

Таким образом, в «разговорах по поводу», прежде всего, нужно различать административно-территориальное устройство государства и местное самоуправление. Замечу, что у нас очень часто эти понятия путаются, а в проектах, якобы посвященных местному самоуправлению, речь идет об административно-территориальном устройстве.

Административно-территориальное устройство государства — проблема малозначительная, поэтому здесь о нем мы говорить не будем. Местное самоуправление, напротив, является ключевым звеном в деле улучшения жизни наших сограждан. Местное самоуправление — это одна из основ гражданского общества, способ, с помощью которого граждане непосредственно решают возникающие от их совместного проживания проблемы.

И здесь мы подходим к важному моменту. Возникает вопрос: а существует ли сегодня в Украине хоть что-то, что, по сути, является какой-то формой местного самоуправления? Здесь нас ожидает интересное открытие. При всем обилии разговоров о местном самоуправлении, в реальности его практически не существует. Ведь очевидно, что так называемые «местные органы власти» встроены в государственную систему управления и не могут считаться местным самоуправлением. Остаются разве что кондоминиумы.

Чиновники, рассуждающие о проблемах местного самоуправления, часто утверждают, что люди не хотят

объединяться в местное самоуправление. И это, действительно, правда. Для того, чтобы люди объединялись, участие в местном самоуправлении должно давать явные преимущества, а сегодня оно их не дает. К примеру, многим известна проблема кондоминиумов. Участвуя в кондоминиуме, вы будете платить меньше, нежели без него, но зато платить придется всем. Без кондоминиума можно вообще не платить. Преимущество здесь явно за старой системой. Понятно, что ЖЭК в любом случае получит свои деньги из бюджета, «неплатежи» будут компенсированы сторицей, и на каждой «неоплаченой» ЖЭКу гривне многослойная бюрократическая система заработает десять. Только вот эти «заработанные» издержки лягут «тонким слоем» на всех. Никто конкретно заметно не потеряет в этом случае, потеряют все и понемногу. Правда, из таких «понемногу» и складывается тот неподъемный тягар существования в нашей стране, который ощущается буквально физически.

В общем, наша система взаимного паразитирования нигде не проявляется так ярко, как в вопросах коммунальной жизни.

Скажу больше — именно здесь, с моей точки зрения, и находится ее самое слабое место, та ниточка, потянув за которую можно наконец-то распутать клубок украинских противоречий. Но это уже другая тема. 2009

2.2. Диктатура без диктатора или «Эх, нам бы такого Муамарчика»

Убийство Каддафи в очередной раз привлекло внимание к явлению диктатуры и, как принято выражаться, стало «знаковым явлением». Украинский интернет переполнился комментариями (о которых чуть позже) по поводу произошедшего, и именно эти комментарии и побудили автора написать настоящую заметку. Собственно, моей целью являются некоторые акценты применительно к диктатурам вообще и украинскому обществу в частности.

Как и практически любое определение, связанное с политикой, «диктатура» расплывается при ближайшем рассмотрении. Был ли тот или иной деятель диктатором, и был ли он «хорошим» или «плохим»? Ответы на такие бытовые вопросы невозможны без попытки определения. Ведь правда, что далеко не все монархи были одновременно и диктаторами. Так же и некоторые «недемократические лидеры» не могут считаться диктаторами, потому что правят «согласно законов и обычая той земли». И, опять-таки, многие «президенты», которые якобы проходят процедуру выборов, являются в реальности диктаторами. Поэтому, диктатор — это не тот, кто имеет большие «формальные полномочия». Скорее, это тот, кто имеет большие реальные полномочия и мало зависит от формальных и неформальных правил, имея возможности поступать по своему усмотрению.

Диктатура является максимально волюнтаристской формой власти. Поэтому мы всегда связываем диктатуру с конкретным человеком, считаем ее просто неким режимом, существующим при том или ином диктаторе. Поскольку диктатуры обычно заводятся во времена всяческих негараздов, то появление диктатора считается чуть ли не функцией исторического процесса, неким объективным для данных условий явлением. Отсюда и легенды о пользе и даже необходимости диктатур. Например, товарищу Сталину приписывают эффективную модернизацию и индустриализацию. При этом как-то забывают о том, что большевики чуть ли не до исчезновения СССР сравнивали объемы производства с 1913 годом. То есть, если даже отвлечься от цены «индустриализации» (хотя ее одной в здоровом обществе было бы достаточно для того, чтобы прекратить всякие разговоры об «эффективности» деятельности сталиных), следует признать, что ничего из этой затеи не вышло.

Интересно, что этот очевидный аргумент (как и многие другие) не переубеждает сторонников «решительных методов», и это лишний раз говорит о том, что мы сильно переоцениваем диктаторов и недооцениваем диктатуры сами по себе. Диктатурой следует называть не столько политический режим единоличной власти (даже если не обращать внимания на вопросы, возникающие в этом определении), а, скорее, форму или состояние общества в целом.

Диктатура — это общество, обитатели которого согласны с тем, что некие лица должны иметь неограниченные полномочия в отношении их жизни и собственности и не быть связанными никакими обязательными для всех прочих нормами.

Теперь поговорим о свойствах диктатур, которые обычно не замечают. Оставим за скобками очевидные проблемы вроде насилия, репрессий и преемственности власти, которая всегда вызывает потрясения в диктатурах, и немного поговорим о других, менее заметных, но, возможно, более важных свойствах. Первое и главное свойство, а также родовая причина неэффективности диктатур состоит в том, что диктатор знает меньше всех. Чем больше сфер деятельности берется регулировать диктатор, тем меньше знания о реальных событиях он получает. В этом смысле, если верить легенде, то такие персонажи, как Пиночет, не являются диктаторами в строгом смысле, поскольку они (если это действительно так) не вмешивались в естественный процесс самоуправления экономики.

Понятно, что речь идет не о недостатке некой абстрактной информации, которой, как раз, у диктатора всегда в избытке. Диктатуры всегда питают особую слабость к созданию многочисленных спецслужб, статистике, государственному планированию, моделированию и т.п. вплоть до увлечения оккультизмом на государственном уровне. Речь идет именно о знании, которое неразрывно с конкретными обстоятельствами, возникающими в деятельности конкретных людей. Его

невозможно подменить никакой «информацией», поскольку знание состоит в индивидуальной интерпретации информации в данном конкретном месте. То есть, государство, отдавая приказы, пытается подменить собой других людей, которые все равно будут поступать так, как они считают нужным. Чем более «диктатуристо» государство, тем более разрушительны последствия этой деятельности.

Второе свойство диктатур — это то, что диктатуры появляются как **выбор** общества. На самом деле диктаторов выбирают, нельзя стать диктатором, если общество не хочет быть диктатурой. Обычно желание стать диктатурой появляется тогда, когда общество не способно справиться с изменением условий, в которых оно существует. Тут очень важно понимать, что именно изменения, то есть динамический процесс, порождает диктатуры. Бедное общество не обязательно породит диктатуру, а вот общество, которое неожиданно и непонятным для него образом **беднеет** с куда большей вероятностью породит диктатуру.

Третье свойство диктатур — это то, что диктатура — это всегда диктатура большинства. Как только баланс нарушается и появляется сколько-нибудь значимое и организованное меньшинство, диктатуры заканчиваются (часто для того, чтобы просто сменить одного диктатора на другого). Демократии в этом смысле ничуть не лучше, так как тоже являются диктатурой большинства (в рамках принятой процедуры).

Четвертое свойство — диктатура — это общество воинствующих эгоистов. Диктатура на самом деле — это торжество «маленького человека», который боится диктатора меньше, чем соседа. Заметьте, что большинство аргументов против диктатуры касаются «общества в целом». Они говорят о медленном развитии, отсутствии обратных связей, консервации элит, ну а что с того маленькому человеку? Ему плевать на «общество», он поддерживает диктатора потому, что ему нужна вера в то, что существует сила, способная защитить его от непредсказуемого мира (и соседа). При этом он не рассматривает эту силу как потенциальную угрозу для себя, он уверен, что за ним не «придут», потому, что он «ничего плохого не делает». Диктатуры, при том, что большинство из них основано на коллективистских лозунгах, на самом деле разрушительно эгоистичны в своей основе. Коллективизм, обычно сопутствующий диктатуре, призывает приносить жертвы ради «общего блага», но на деле всегда разрушает, в первую очередь, именно это «общее благо», культивирует страх и недоверие между людьми и приводит к той самой «атомизации» общества, которую так часто осуждает.

Пятое свойство. Диктатура максимально уязвима для внешнего воздействия. Если кому-то со стороны всерьез захочется повлиять на политику того или иного режима, он куда быстрее достигнет своих целей, если будет иметь дело с диктатурой. Причина очевидна — концентрация политической власти делает содер-

жание политики этой власти уязвимым для манипуляций. Шпионы, «агенты влияния», заговоры и перевороты — обычные инструменты в работе с диктатурами. И если диктатура совсем уже перестает нравиться «сильным мира сего» за ее границами, от нее куда легче избавиться, чем от режимов других типов.

Последние два свойства имеют отношение непосредственно к диктаторам. Часто спасением диктатуры является смена диктатора. И это одно из самых неприятных свойств диктатуры. Внутренняя и внешняя оппозиция чрезмерно концентрируется на личности диктатора («вот перебьем всех белых, и тогда заживем»). В итоге, после переворота или гражданской войны диктатура мимикрирует идейно (что хорошо заметно на примере Латинской Америки, где «левые» диктатуры регулярно сменялись «правыми», и наоборот), но не меняет своей сути.

И, наконец, седьмое свойство — полноценная диктатура основана на любви. Под полноценной диктатурой, очевидно, нужно понимать состояние, когда народ любит своего диктатора, что обеспечивает режиму прочность. Об этом ярче всего свидетельствуют комментарии украинцев по поводу смерти Каддафи, которые, как я уже сказал, и подвигли на написание настоящей заметки. Честно говоря, я и представить себе не мог, что украинцев настолько волнует судьба ливийского диктатора. И не мог себе представить, что, оказывается, подавляющее большинство из них искренне сочувствует павшему тирану. Содержание коммента-

риев и тот факт, что большинство комментаторов одновременно очень не любит Виктора Федоровича Януковича, расставили все на свои места.

Содержание комментариев украинцев далеко выходит за рамки здравого смысла и логики. В этом смысле комментарии напоминают любовный бред. Многие, к примеру, искренне возмущаются ликвидацией Каддафи, рассказывая, что в «Ливии был дешевый бензин». Оказывается, это Муамар Батькович, а не матушка-природа наделила Ливию запасами нефти. Другим не нравятся повстанцы, — они, мол, не лучше, чем Каддафи. Разумеется, но это не значит, что Каддафи «хороший», само наличие повстанцев, которые и вправду могут быть куда хуже Муамара, есть прямой результат правления Каддафи. И так далее. Я уже не говорю о воспевании «геройства» диктатора, «который принял смерть, как подобает воину».

В общем, вся эта истерика и все эти вопли содержат в себе примерно такой мессидж: «Эх, наш-то на такое не способен! Нам бы такого Муамарчика!»

Таким образом, современная Украина — это диктатура без диктатора. Виктора Федоровича никто не любит и никто не воспринимает его в качестве отца родного.

С одной стороны, это вселяет надежду. Нелюбимые диктаторы долго не тянут. Леонид Данилыч (который приобрел к концу второго срока отчество «Давилыч»)

с трудом досидел свои два срока, да и то, откровенно диктаторские замашки появились у него лишь к концу первой каденции. Когда в 2004-м люди почувствовали, что спектакль может получить неожиданное продолжение, они сказали «ну нет, знаете ли» и вышли на Майдан.

С другой стороны, вопли и стоны, переполняющие интернеты, говорят о том, что «народ» желает настоящего, любимого диктатора, способного отстреливаться из пестика от наймитов мировой буржуазии. Наше общество уже давно является диктатурой. Подавляющее большинство украинцев абсолютно согласны с тем, что среди них должны быть люди, имеющие возможность поступать, как им заблагорассудится в отношении собственности и жизни других (плохих) украинцев. И если на это место найдется действительно подходящий претендент героической наружности, тогда маленькие украинцы наконец-то сольются с ним в экстазе, а на Украине можно будет поставить жирный крест на ближайшие десятилетия. 2011

2.3. Кризис капитализма? Вы не ошиблись?

В ожидании «второй волны кризиса» общество не тратит время зря. Оно занято тем, что выдумывает разнообразные страшилки и с готовностью пугается. Как и в классических детских страшилках или в литерату-

ре абсурда, в них действуют совершенно всесильные и всеведущие силы, которые достаточно жестко поступают с героями повествования. Правда, есть одно отличие — оно заключается в наличии в текстах такого рода обязательного «ату!» указующего на причину всех бед. Объектом такого «ату!» в подавляющем большинстве случаев является нечто, именуемое авторами «капитализмом». Капитализм, утверждают они, испытывает не просто кризис, а системный кризис и ему скоро придет кирдык.

Все эти писания представляли бы сугубо академический интерес, если бы авторы не утруждали себя советами и рецептами. Эти советы в 99% случаев состоят в необходимости что-нибудь запретить другим людям. Поскольку наше поведение определяется нашими знаниями, а значит и идеями других людей, деятельность авторов страшилок перестает быть безобидной и становится даже опасной. Полемизировать с «могильщиками капитализма» трудно ввиду того, что имя им — легион и каждый могильщик изобретает собственные причины смерти и ритуал погребения. Однако все они имеют одно общее свойство — их враг существует только в их голове. И именно этому обстоятельству посвящена настоящая заметка.

Для украинцев антикапиталистические страшилки в чем-то простительны, поскольку они впервые испытывают на себе явление циклических кризисов. А вообще говоря, «научная» критика капитализма — занятие весьма почтенное. Автору этих строк когда-то

попался замечательный текст, в котором были описаны антикапиталистические творения разных времен. Их авторы убедительно доказывали взаимоисключающие вещи относительно «капитализма». То, что один автор считал достоинством, другой полагал недостатком, таким образом, общая картина показывала либо всеобщее непонимание предмета, либо просто его отсутствие.

Что такое «капитализм»? Существует ли он, и что действительно переживает кризис? Попробуем вкратце ответить на эти вопросы.

Люди отличаются от животных тем, что они способны извлекать новое качество из сотрудничества друг с другом. Более того, это институты, которые порождает это сотрудничество, (которые называются «обществом» или «рынком») все время развиваются. В ходе деятельности людей возникают институты, которые позволяют им лучше сотрудничать и достигать все более амбициозных целей. Такими институтами стали право, деньги, мораль, суд и т.д. Интересно, что эти институты очень похожи вне зависимости от того, в какую эпоху они возникли.

Затем в обществе возникла (оставим в стороне причины и характер этого процесса) группа людей, имеющих привилегии в отношении остальных. В отличие от остальных людей, которые работают на благо друг друга, обеспечивая свое богатство удовлетворением потребностей других людей, эта группа занята присво-

ением созданной первой группой собственности. Понятно, что речь идет о государстве.

Собственно, история человечества — это взаимодействие двух процессов. Первый — созидательный и добровольный труд и обмен между людьми, в ходе которого возникают и развиваются социальные институты. Второй — деятельность по созданию этим людям всяческих препон и изъятию результатов их труда. Первый процесс практически неизвестен, его очень трудно описать, да и историки начали интересоваться им сравнительно недавно. Зато второй процесс в виде бурной деятельности царей, полководцев и разного рода деятелей такого рода известен очень хорошо, и именно его считают историей.

Нетрудно заметить, что, за очень редкими исключениями, подавляющее большинство людей во все времена жило в условиях тирании и, собственно, даже сегодня это утверждение будет верным. То есть, эти люди испытывают максимальные затруднения в сотрудничестве друг с другом, создании нового богатства и обмене им друг с другом.

Теперь мы, собственно говоря, подходим к «капитализму». Как многочисленные критики, так и немногочисленные апологеты капитализма согласны с тем, что золотым веком капитализма был 19-й век, а самыми капиталистическими странами были Великобритания и США.

Взглянув на недавнее прошлое этих стран, мы увидим там минимальное государство, а по нашим нынешним меркам — отсутствие такового. Если говорить об Англии, то это была страна без регулярной армии, полиции, прокуратуры, с фактически частным судопроизводством в некоторых важнейших отраслях права (торговое и морское), частной медициной, частным социальным страхованием, частным образованием. Деньги тоже не принадлежали государству, так как деньгами было золото и серебро. Именно это отсутствие государства, а точнее — **отсутствие вмешательства в процесс сотрудничества людей друг с другом — и есть тот самый «капитализм»**. Именно это счастливое стечение обстоятельств (впрочем, далеко не случайное) освободило энергию людей и породило стремительный рост благосостояния, научных открытий и технологических прорывов, которыми был так богат 19-й век.

Теперь посмотрим на то, что мы имеем сейчас. Возьмем любое «государство всеобщего благосостояния», все они, в принципе, одинаковы, что Украина, что США. Итак, мы увидим государство, в котором есть регулярная армия, государственная полиция (а часто и прокуратура), государственный суд, государственная система социального страхования, государственная медицина (в разных модификациях, преимущественно в виде принудительной «страховой» медицины), государственное, опять же, принудительное образование. Государство ликвидировало золотой стан-

дарт и присвоило себе денежную систему. Государство активно «регулирует рынок», вмешиваясь в деятельность людей.

Таким образом, государство присвоило себе социальные функции, которые раньше обеспечивались добровольной деятельностью людей. Теперь эти функции стали поводом для изъятия богатства, которым занято государство. Могут сказать — какая, мол, разница, кто исполняет эти функции? Вообще-то, это разница между добровольным и принудительным. Кроме того, никакое государство, составляй его даже идеальные бескорыстные и благонамеренные чиновники, не в состоянии заменить процессы добровольной координации, которые обеспечивает «рынок» или «общество». Дело здесь в создании и передаче знаний, не некой «информации», а конкретных обстоятельств времени и места, которые люди используют в своей повседневной деятельности и которые они сами, как правило, не в состоянии четко сформулировать. Наиболее универсальным инструментом передачи знания являются цены. Именно они подвергаются наибольшему воздействию государственного вмешательства.

Невозможно, чтобы один человек жил вместо другого человека, покупая от его имени товары, определяя услуги, которыми он должен пользоваться. Такая деятельность создает хаос и беспорядок, нарушая координацию в обществе. Именно этой деятельностью и занято государство.

Отдельно следует сказать о праве. Раньше задача законодателя состояла в том, чтобы выделить из обычного права (того, что создают люди в своей повседневной практике) закономерности, которые могут быть описаны юридическим языком. Именно поэтому так похожи по содержанию все попытки нормирования обычного права, о которых мы говорили выше, ведь деятельность людей подчиняется универсальным закономерностям. То есть, в идеале, закон должен был «улучшить» действующее обычное право, поставив за его спиной всю репрессивную мощь государства. Сейчас государство полностью подменило право законом. Современный закон ничем не отличается по своей правовой сути от директив, распоряжений и вказивок. Он отличается лишь политически — процедура его принятия более открыта и теоретически более доступна для вмешательства широкой публики, чем вказивки исполнительной власти. По сути, современные законы и распоряжения исполнительной власти — это просто разновидности приказов. Грубо говоря, одна группа людей навязывает остальным некие цели и средства их достижения. Особенно хорошо это заметно в таких странах, как Украина, где принимаемый «представителями народа» закон всегда содержит ссылки на будущие распоряжения властей, которые могут, при возникновении такой необходимости, легко подменить суть этого «закона».

Похожа ли такая система на описанный ранее капитализм? Можно ли это называть капитализмом? Очевидно, нет.

Почему же тогда стрелы критиков направлены в «капитализм», которого давно нигде нет на практике? Ответ дал еще в 19-м веке Фредерик Бастиа, назвавший сборник своих экономических памфлетов «Что видно и что не видно». Как мы уже сказали, повседневная деятельность людей «не видна», **несмотря на то, что она и только она создает материальные и духовные блага и социальные институты**, на поверхности видно исключительно государственное регулирование. Важно, что чаще всего она не видна и самим участникам процесса, поскольку «общество» или «рынок» — это новое качество, которым не обладает каждый из нас по отдельности, и которое возникает только в процессе сотрудничества большого количества незнакомых друг с другом людей. Добавим сюда то, что профессиональные экономисты и политологи обучаются по государственным программам в государственной системе образования именно как будущие «регуляторы», их заранее готовят к роли крутильщиков разнообразных гаек.

Так вот, государственное регулирование создает хаос и рассогласованность, которые, как правило, проявляются не сразу. Напротив, бывает так, что первое время после закручивания очередной гайки, государственная отчетность, ради которой, собственно, оно и существует, показывает увеличение надоев. Однако,

со временем разрушающее воздействие все равно проявляется, причем, в самых неожиданных местах. Это вызывает радостный вой критиков «капитализма» и отчаянный зуд по закручиванию очередной гайки и производству очередной порции хаоса.

Интересно, что даже деятельность, которую государство самоотверженно именует «либерализацией», чаще всего есть ни что иное, как разновидность государственного регулирования. Таковы, например, финансовые «либеральные реформы», приведшие к появлению деривативов на квадрильоны долларов и подрывающие, по выражению Эрнандо де Сото, саму суть капитализма, как общества, в котором существует наибольшая определенность с правами собственности. Таковы также предписания государств оценивать стоимость предприятий по «рыночной», а не по исторической стоимости их активов и многое другое.

Возникает вопрос — как получилось, что та же Англия оказалась в столь позитивной ситуации в 19-м веке и почему потом все так драматично изменилось? Помимо разного рода «объективных» причин нужно отдать должное причинам субъективным, а именно идеям. Ведь «капитализм» в Англии завелся не сам собой, он сменил собой меркантилизм — режим жесткого государственного регулирования и вмешательства, напоминающий современную Украину. Борьба с меркантилизмом была борьбой идей, ведь в основе меркантилизма тоже лежит идея, идея игры с нулевой суммой — если у кого-то прибыло, то только потому, что

у кого-то убыло. В ходе этой борьбы появилась экономика, как наука об отношениях обмена между людьми. Аргументы этой науки склонили в ее пользу общественное мнение, и Англии удалось мирно избавиться от меркантилизма. В других странах дело обстояло не столь благополучно, и потребовались революции. Последующий ход событий тоже определялся идеями. Быстрое развитие и рост создали к концу 19 века мнение о том, что «вот теперь» государство может, наконец, излечить все социальные беды, что оно и взялось делать со всей возможной сноровкой. Экономика тоже поменялась. Она, за исключением некоторых школ, превратилась в набор рецептов государственного вмешательства.

Нынешнее наше положение характеризуется не кризисом давно убитого капитализма, а глубоким кризисом идей мейнстримной экономики, экономики, постулирующей необходимость государственного регулирования. И, прежде всего, это кризис методологический. Замечательную иллюстрацию этой методологии я увидел в информации о юном даровании из Макеевского «Союза молодежи регионов Украины». Это дарование разрабатывает математические модели, описывающие политический процесс. Так, например, как сообщает нам сайт «молодых регионов», «с помощью индекса Банцафа, Анастасия вычислила, что самой влиятельной в парламенте является Партия регионов». Более того, «математика также доказала, что работа парламента с «оранжевой» коалицией была далеко не эф-

фективной, часто сопровождалась конфликтами и блокированием трибуны». Если вы думаете, что макроэкономика, претендующая на владение правильными рычагами управления и понимание экономических механизмов, чем-то отличается от этого, то вы глубоко заблуждаетесь. 2011

2.4. Популярная вирусология. Средний класс или где?

О так называемом «среднем классе» говорят у нас чуть ли не с конца 80-х. И, заметим, всё никак не уймутся. Даже напротив, говорят чем дальше, тем больше. Так что, придется и нам порассуждать на эту тему, а поскольку мы действуем в рамках «Популярной вирусологии», то займемся мы, прежде всего, выяснением предмета. То есть попробуем выяснить, что это такое — наш средний класс, зачем он, почему и где.

Откуда он взялся

Автор — не сторонник классовых теорий, пусть даже они принадлежат и не Марксу. Не сторонник потому, что они, как правило, только все запутывают. Рискну предположить, что если уже и говорить о классах, то понятие это **функциональное**, а не статическое. То есть, класс — это большая группа людей, которые в некоторых условиях играют некую социальную роль. В нашем случае эта роль имеет и другие границы —

политико-экономические. Если условия изменятся, то отомрут и функции, как это случилось с советским пролетариатом.

Средний класс — определение западной политологии. То есть, он существует в тех конкретных политических, экономических и правовых условиях, в которых находится сегодня Запад. Средний класс там, как известно — высокооплачиваемые специалисты и мелкие и средние хозяева. Такое положение дает этим людям независимость как от бедности, так и от богатства, но, в то же время, наделяет их ответственностью за поддержание в порядке институтов, обеспечивающих их положение. В случае Запада — институтов «демократии и правового государства». Для этого у них есть время, желание и возможности, которые обеспечиваются их материальным положением. Если ситуация изменится (а она, похоже, меняется и без всяких кризисов), то могут измениться и функции этой группы людей, либо она вообще перестанет существовать как группа.

Марксисты тоже признавали наличие некой промежуточной группы, которая для них не была такой революционной, как пролетариат, и, в то же время, не была правящей, как буржуазия. Называлось это дело «мелкой буржуазией», и все мы помним, что относились к этой публике не очень хорошо.

Наконец, страна победившего марксизма — СССР — с горечью признавала у себя наличие «прослойки», правда, теперь уже не между пролетариатом

и буржуазией, а между пролетариатом и «трудовым крестьянством». Называлась эта «прослойка» интеллигенцией и, по сути, и была средним классом — достаточно материально обеспеченным и имеющим свободное время для кухонных дискуссий.

Парадокс класса

Здесь нужно сразу отметить вот что. Если рассуждать последовательно и логически, то нетрудно прийти в некий смысловой тупик, поскольку рано или поздно выяснится, что никаких классов не существует, так как точных определений для них быть не может. Ну, к примеру, марксизм придумали представители среднего класса, они же всегда были главными революционными заводилами. Точно так же выяснится, что почти всегда та или иная значимая социальная активность осуществляется или вдохновляется людьми, которые по всем признакам (образование, квалификация и даже доходы) являются представителями среднего класса. Они очень часто бывают лидерами как революций, так и контрреволюций и они же составляют беспринципное пассивное «болото». Иначе говоря, **понять, где они действуют как частные лица, а где — как представители некой группы, невозможно**. Единственный способ избежать этих тупиков, но остаться, в то же время, в границах предмета, это заранее решить, что мы рассуждаем в рамках человеческой деятельности, а не в рамках естественных наук. То есть, нас интересуют ситуации, когда большие группы людей играют

сходные социальные роли, а не некие универсальные модели.

За что его любят. Две функции

Традиционной ролью, которую приписывают среднему классу, является **«поддержание стабильности»**. Именно эту функцию чаще всего имеют в виду политики, когда начинают петь среднему классу дифирамбы или горько сетовать на то, что «у нас его нет».

С другой стороны, часто те же самые люди ничтоже сумняшеся ждут от среднего класса чуть ли не революции. Иначе говоря, **функция источника изменений** или, точнее, группы, которая может поддержать изменения, среднему классу тоже приписывается.

Наш средний класс. Особенности популяции

У нас, как всегда, существуют свои особенности, среди которых как минимум, три, радикально влияют на наш предмет.

Первая особенность — происхождение отечественного «богатства народов». В большинстве случаев оно явилось результатом простого разворовывания собственности советских корпораций. Разумеется, большинство предпринимателей не было ворами, они создавали новую стоимость и новую собственность. Однако, факт остается фактом и он не может не влиять на «трудовую этику» и отношение среднего класса (в

нашем случае — «думающей публики») к труду, накоплениям, успеху и прочим «буржуазным ценностям». Общее воздействие, которое оказывает наша недавняя история на неокрепшие среднеклассовые умы может быть охарактеризовано как… ээээ… некое простодушие, с которым эта публика подходит к жизни. В ее сознании, по-видимому, доминирует конспирология и простые решения как универсальный и единственно легитимный метод. Также эти люди убеждены в отсутствии морали и вообще каких бы то ни было позитивных ценностей, торжестве технологий над реальностью, возможности массовых манипуляций, — в общем, страдают всем набором постиндустриальных фобий и, похоже, куда в большей мере, чем их западные одноклассники.

Вторая особенность — характер предпринимательской деятельности и, говоря шире, вообще отношений людей, производящих блага, с государством. Эти отношения мы будем называть коррупцией, хотя, в общем-то, они таковыми не являются ввиду их массовой распространенности, а не исключительности. Собственно, коррупция является главным способом отношений с властью не только среднего класса, но и всего народа. Просто средний класс, как наиболее активный и самостоятельный элемент, использует ее в наибольшей степени, и использует сознательно. Коррупцией является не столько взяточничество, сколько индивидуальное «решение вопросов», в котором всегда участвуют должностные лица государства. **Преимущество кор-**

рупции перед всеми другими возможными у нас способами коммуникации и «решения вопросов» в том, что она проста, удобна и доступна.

Наконец, третья особенность, прямо вытекающая из второй — зависимость собственников, топ-менеджеров и прочих высших управленцев от государства, напрямую следующая из коррупционной практики. Эта зависимость подкрепляется и налогообложением, в котором фигурируют только юридические лица. В результате, **наемные работники становятся более политически независимыми, чем хозяева**, что порождает специфический феномен «среднеклассового пролетариата». В частности, мне уже приходилось писать о том, что известный манифест — типичный пример такого пролетарского продукта. Здесь же нужно отметить, что зависимость хозяев и управленцев от государства практически полностью лишает их возможности создавать и финансировать организации, действующие в их собственных интересах. Им всегда приходится участвовать в проектах, навязываемых со стороны, как правило, представителями государственной «элиты».

Так есть он или нет?

Не приходится сомневаться в том, что в Украине есть большая группа людей, которая хотя бы ситуативно выполняет функции среднего класса. Типичный пример — это Майдан. Собственно, на Майдане была

замечательно реализована функция **сохранения стабильности**.

Напомню, что к 2004-му году, невзирая на Кучму, в экономике возникла некая относительная стабильность. Большинство малых и больших предпринимателей протоптали к тому времени удобные дорожки в дебрях чиновничьих джунглей. Они тщательно ухаживали за ними, держали их в порядке и охраняли от набегов. Только эти дорожки и делали возможной коммуникацию с государством, а значит — процветание и вообще существование их бизнеса. И тут на арене появились беззаботный Виктор Федорович и его веселые ребята. Для них никаких дорожек не существовало, они играючи уничтожали весь нелегкий труд, проделанный массой людей и, в общем, несли явную угрозу всему живому на земле.

Вспомним, что недовольство «донецкими» началось значительно раньше всяких выборов. Ну, а когда наступили выборы, то стало понятно, что если эти люди придут к власти — все, капец. Иначе говоря, не Ющенко, а Янукович был революционером. Ющенко, как я уже писал неоднократно, на самом деле и был тем Кучмой-3, о котором столь охотно тогда рассуждала пресса.

В общем, с **функцией защиты стабильности** средний класс тогда справился. А вот с **функцией изменений** — нет, хотя, очень и очень многих интересовали, прежде всего, изменения, и они мерзли на

площади именно ради них. Не вышло. Власть отдали каким-то совершенно посторонним людям, а потом сели и начали ныть и обижаться, что их, мол, «обманули». В общем, некрасиво с этой функцией получилось.

Будет ли от него польза?

Интересно, что все, что случилось потом, продолжалось в рамках той же схемы — покушений на завоевания коррупции и ее защиты от этих покушений. Вообще говоря, начался **кризис коррупции** — явление очень интересное и науке неизвестное. Очевидно, что коррупция, как **доступный всем метод**, была уже не в состоянии обеспечивать «решение вопросов» и, что крайне важно, не могла обеспечивать все той же пресловутой стабильности, которая, разумеется, необходима для экономической деятельности.

Начался этот процесс почти сразу после прихода «первой Тимошенко» и затем он только усиливался. Коррупция становилась все менее доступной, все менее надежной и все более дорогой. Из массового явления она превращалась в **привилегию**. **Но взамен ничего другого не возникало**, так как «действовать по закону» в большинстве случаев означает, в лучшем случае, работать в убыток.

Этот политико-экономический кризис система пыталась разрешить во время досрочных выборов 2007-го, когда к президенту де-факто вернулись функции арбитра (начальника начальников), которые были у Куч-

мы и которые являются основой украинской коррупционной политико-экономической модели.

Однако, очевидно, процессы уже вышли из-под контроля. Всемирный финансовый кризис только усугубил положение. Но он же стал своего рода тестом на способность среднего класса родить из себя неких людей, способных нести **функцию изменений**. Пока что средний класс получает в этом тесте двойки. Возьмем того же товарища Романенко, который недавно опубликовал идеологические позиции своей группы. Там есть два момента, которые ясно говорят о том, что эта группа играет консервативную роль защиты коррупционной модели. Первый момент — прямо указана стабильность в качестве цели группы, вторая — всячески подчеркивается необходимость усиления президентской власти. Стабильность сегодня, как мы выяснили — это стабильность коррупционной модели отношений, а президентская власть обеспечивает ее политическую реализацию. Иначе говоря, средний класс пока что думает о «старом добром Кучме», который ну никак не может возвратиться, потому что мир уже изменился. 2009

2.5. Гитлер на Майдане

∗[1]

[1] Мероприятие, о котором речь ниже, проходило на Майдане

На последнем мероприятии атопробеговцев увидел плакаты, которые изображали Азарова и Гитлера, недвусмысленно намекая на сходство последних. Мне подумалось, что трудно было найти более неверное сопоставление, и еще подумалось о том, насколько в нашей стране недооценена проблема фашизма. Это и побудило меня отыскать заметки, которые я когда-то писал на эту тему и предложить вам небольшую компиляцию.

Пафос сравнения Азарова с Гитлером строится на двух основаниях. Первое — все знают, что Гитлер-фу и Гитлер-кака. Второе — считается, что Гитлер угнетал трудящихся. На этом основании товарищ Гитлер приравнивается к товарищу Азарову, который тоже угнетает трудящихся, и, следовательно, он тоже фу и кака. На самом же деле, товарищ Гитлер нисколько не угнетал трудящихся. Наоборот, он был их вождем, или, по-немецки, фюрером. Гитлер возглавлял широкое народное движение трудящихся, направленное против олигархов, плутократов, западного империализма и еврейских банкиров, то есть это было движение против Азарова.

Азаров и Гитлер — противоположности. Азаров — это результат никем не контролируемой бюрократии. Неконтролируемой в силу нежелания, лени, трусости, «оно мне надо», некомпетентности и невежества. Гитлер — это протест против Азарова, направленный по ложному пути. То есть Гитлер (Муссолини, Ленин) — это яростная борьба со следствиями, а не причина-

ми. Результат ошибки — новый расцвет новой бюрократии (теперь под красным флагом!), многомиллионная бойня, угнетение все тех же трудящихся, проигранная война (Гитлер, Муссолини), загнивание и крах (все остальные).

А теперь о фашистах.

Для начала нужно определиться, с чем мы имеем дело. Фашизм, нацизм и коммунизм — суть тоталитарные идеологии. То, что первые две враждовали со вторым, ничего не меняет. Это, скорее, была борьба за место под солнцем. В стране не может быть двух тоталитарных партий сразу, должен остаться сильнейший. Все эти тоталитарные движения растут из одного корня и всем известно, насколько они похожи даже внешне, включая красные флаги, обращение «товарищ» и псевдоклассицизм в искусстве (правда, итальянцы застряли на модерне).

Коммунизм нам хорошо известен, а вот говоря о нацизме и фашизме, нужно два слова сказать об их отличиях. Муссолини исповедовал идею корпоративного государства, своего рода, реинкарнации средневековой идеи об «истинном месте» каждого, в зависимости от социального статуса, товарищ Шикльгрубер был в этом смысле попроще, у него государство выглядело доведенным до логического конца «прусским порядком». Кроме того, Муссолини не был первоначально завязан на идеях высшей расы, он скромно считал себя всего лишь наследником Римской империи.

Отличительными чертами тоталитарных движений являются

- Наличие тоталитарной идеологии: марксизма, фашизма, нацизма. Такая идеология должна быть всеобъемлющей и главное — содержать формулу счастья для всех (то есть, для членов правильного коллектива). В марксизме — это обещание коммунизма, в нацизме — «тысячелетний рейх», основанный на правлении высшей расы, в фашизме «дух нации», который воплощается в государстве.

- Наличие обязательного единства. Тоталитаризм иногда называют «государство-общество», в нем все считаются объединенными общей целью, ради достижения которой не страшны никакие жертвы. Пропаганда является массовой и обязательной, так же, как и «воспитательная работа». Инакомыслие уничтожается.

- Популизм. Массовая поддержка немыслима без того, чтобы на любой вопрос не давался простой и конфликтный ответ, с указанием, кто виноват. Мир представляется системой, в которой «если где-то прибыло, то значит где-то убыло» и, соответственно, нужно просто справедливо разделить. Маленькие радости конфискации имущества «врагов народа» приносят в дело служения этому народу дополнительные приятные моменты.

- Наличие искренней и массовой поддержки. Это — обязательное условие, без многочисленных бескорыстно и истово верующих тоталитаризм немыслим.
- Наличие тоталитарной партии. После победы партия является «руководящей и направляющей силой» общества. Она контролирует государство. Разумеется, такая «партия» должна быть одна.
- Социализм. Все тоталитарные режимы пытались воплощать в жизнь экономические социалистические доктрины — национализация, регулирование цен, управление производством советами рабочих и управляющих (Муссолини), «пятилетки» в СССР, «четырехлетний план развития» в Германии и т.п.

Все тоталитарные движения имели массовый, народный характер и возникли как протестные движения. Невозможно себе представить победу тоталитарного движения в условиях благополучия и процветания. Тоталитарные партии были партиями революционными, после их победы радикально менялось государственное и социальное устройство. Это и были революции — социалистическая революция в России, фашистская революция в Италии и национал-социалистическая революция в Германии.

Такие партии, опять-таки, были немыслимы без вождизма. Протестные лидеры были яркими персонажа-

ми. Нам Гитлер кажется смешным, но для того времени он был «модным чуваком». Сейчас бы он носил козлиную бородку, экзотическую прическу, пирсинг и тату.

Подчеркну, что основой успеха тоталитаризма является вера в его цели. Так называемые «массы» верили не столько в Гитлера, Муссолини или Сталина, сколько в идеи светлого будущего и в то, что эти вожди намерены и способны привести «нас всех» туда. При этом, эти идеи всегда имели «научно обоснованный» характер. Для Германии это было «жизненное пространство», «продовольственная безопасность» и т.п. меркантилистские штучки образца 17 века. Немцы назначались высшей расой потому, что они считали, что в состоянии лучше других справиться с этими проблемами. «Ученые доказали», что это так, и тут уж ничего не поделаешь. Остальные народы должны были смириться или погибнуть, но, как говорится, ничего личного в этом не было. То же самое можно сказать и в отношении марксизма. Представители «эксплуататорских классов» не считались плохими людьми и даже преступниками в классическом понимании. Просто они самим своим существованием угрожали восстановлением «старого мира» и потому должны были быть уничтожены. Ничего личного.

Именно бескорыстие в следовании цели, которая ставилась перед «нацией» или «пролетариатом» привело тоталитарные партии к победе. Коррупция была немыслима. Она неизбежно возникла позже, в выжив-

шем после войны СССР, затем в Китае, а теперь и в Северной Корее, но первоначально тоталитарные партии были антикоррупционными, поскольку, повторю, это были протестные партии.

В общем, любой желающий может сравнить это описание с ныне правящим режимом. Разумеется, террор и репрессии являются логическими следствиями правления тоталитарных партий, но не любой террор обязательно вызывается только тоталитаризмом. Та же «милитаристская Япония», совершившая ничуть не меньше массовых убийств и репрессий в годы Второй мировой, тем не менее, не была тоталитарным государством в классическом смысле.

После войны «фашизм» стал ругательным словом, но хуже всего, что во многих странах преследуются как фашистские партии, так и «пропаганда фашизма». Как это обычно бывает с государственным вмешательством, оно приводит к прямо противоположным последствиям (я уже не говорю о том, что если запрещен фашизм и нацизм, то должен быть запрещен и коммунизм, который ничем не отличается и который убил людей куда больше).

Украинское законодательство считает, что оно должно карать за «пропаганду фашизма». Но на самом деле, в Украине фашистская идеология процветает, фашистская пропаганда льется рекой из уст самых разных политиков, существуют фашистские партии, издаются книги, газеты и журналы и т.п. Причи-

на проста — никто и никогда не сможет доказать в суде, что кто-то является фашистом. Это невозможно по понятным причинам, так как а) невозможен полный и окончательный перечень признаков фашизма, как и любой другой идеологии, б) несовпадение с таким гипотетическим перечнем хотя бы в одном пункте, означает, что обвиняемый — не фашист.

Наше общество достаточно фашизоидно. Думаю, идеи тоталитаризма в «мягкой форме» поддерживают процентов 90% украинцев (справедливости ради нужно сказать, что они поддерживают любые идеи, кроме тех, которые призывают к личной ответственности за свою жизнь). Однако, никто не сможет даже поставить перед обществом вопрос о фашизме, никто не сможет начать серьезную дискуссию, пока государство преследует «за фашизм». В итоге, мракобесие, которым страдают украинцы, не считается фашизмом. «Фашизм — это плохо. У нас не фашисты, а что-то другое, не такое плохое, поскольку фашисты запрещены». Если никого не сажают и не преследуют «за фашизм», значит его нет, считает наш обыватель.

В общем, главная опасность — это мы сами и наше желание снять с себя ответственность и раствориться в толпе. В случае Азарова — в трусливой и инертной толпе, прячущейся от всесильного рекетирского государства и жалующейся «а что я могу», в случае Гитлера — в агрессивной толпе, «наводящей порядок».

Фашизм прекрасен. Левые очень сильно суетились, чтобы как-то объяснить этот феномен. В ход пошел даже психоанализ, Фромм вообще додумался до некрофилии. На самом деле, это все чушь собачья. В самой основе фашизма и любого другого тоталитаризма — самые лучшие человеческие чувства и стремления. Прекрасное чувство единения во имя общего правого дела, чувство причастности к большому и светлому «мы», от котрого мурашки по коже идут… чистая красота, не обремененная разумом. 2011

2.6. Четыре заблуждения в оценке тоталитаристов

С каждым годом для Украины все большую актуальность приобретает перспектива тоталитаризма. Тоталитаризм — это, так сказать, предельная форма государства, в которой фактически отсутствуют какие бы то ни было ограничения возможности властей применять насилие по своему усмотрению. Достигается эта возможность, прежде всего, за счет тоталитарной идеи.

Экономически тоталитаризм — это способ максимально понизить ценность человеческой жизни и собственности за счет «идеи», то есть, придания гиперценности неким несуществующим сущностям вроде «нации» или «класса», от имени которых и выступают тоталитаристы. В итоге, для заразившегося «идеей»,

люди оцениваются исключительно как представители этих мифических сущностей, что позволяет заменить человеческое «он такой же, как я» (значит, его нельзя грабить и убивать), на тоталитарное «он жид и москаль» (следовательно, может быть убит или ограблен).

Возможно, тоталитарная форма государства и может возникнуть «сама собой» и, вроде бы Евросоюз и США с их тоталитарной политкорректностью, ювенальной юстицией, феминизмом и т.п. демонстрируют нам возможность пути постепенного перерождения, но исторически тоталитаризм до сих пор приходил политическим путем, то ли в результате переворотов, то ли в результате выборов. И всегда в этих процессах принимали участие политические партии.

Собственно, в этой колонке я хочу обратить внимание на те ошибки, которые делают люди, когда рассуждают об этих партиях и их вождях. Разумеется, обо всем этом написаны горы литературы, я хочу лишь указать на четыре маленьких заблуждения, которые люди повторяют уже лет сто. Видимо, они хорошо подходят для самоуспокоения.

1. **Тоталитаристы — несерьезные клоуны**. Внешняя атрибутика, ритуальность, показушность — непременный атрибут тоталитаризма, это одно из средств проникновения «идеи», демонстрация «наших» против «ихних». Те, кто считает тоталитаристов клоунами, очевидно

полагает, что зло должно твориться в тайне, в тихих кабинетах расчетливыми негодяями. Такое, видимо, тоже бывает, но в данном случае, зло творят люди, которые горячо любят родину и чувство эйфории, которое охватывает их в толпе себе подобных.

2. **Тоталитаристы «работают за деньги» в чьих-то интересах**. Это очень странное, как по мне, наблюдение. Почему-то никто не говорит о танцоре или певце, что «он работает за деньги» в негативном смысле. Наоборот, очевидно, что если кому-то платят за что-то, то только потому, что он делает этот «что-то» хорошо. И это правило верно не только для танцев и пения, но и для политики. Тоталитаристам платят потому, что надеются использовать их таланты в своих целях, вот и все. Но меньшими тоталитаристами они от этого не становятся. Похоже, что люди, которые успокаивают себя и других, говоря, что тоталитаристы «выполняют заказ», втайне надеются, что если заказчики перестанут платить, то все благополучно закончится и «пройдет само собой». Не закончится. Не пройдет.

3. **Тоталитаристы помогут нам против (нужное вписать)**. Всегда и везде тоталитаристы борются с неким злом. В мирное и спокойное время тоталитарным партиям ничего не светит. Их стихия — борьба. И если говорить о мирном приходе тоталитаристов к власти, то всегда их рассматрива-

ли, как временное средство для борьбы с неким злом. В Германии, например, таким злом считались коммунисты. Фашисты должны были помочь «нам» победить коммунистов. Получилось наоборот. Получилось, что «мы» помогли фашистам, а не они «нам». И это не случайность, а закономерность в силу следующего пункта.

4. **Тоталитаристы тупы**. На самом деле, в политике это не недостаток, а огромное преимущество. Чем более развит человек, тем больше проявлений человеческой жизни являются важными для него. С другой стороны, таким людям невозможно договориться между собой по всем позициям, хотя бы потому, что таких позиций слишком много. Если же у вас в голове одна извилина, то это сильно облегчает вам жизнь в политике, ибо у вас есть только один пункт для обсуждения. Если таким людям удастся залить в голову одну идею, то вы получите управляемую массу хорошо дрессированных юнитов. Поэтому, тоталитарная идея максимально проста, по сути, это всегда одна и та же идея «бей-спасай», отличия состоят лишь в том, кого именно бить и кого спасать. Нелишне здесь напомнить о директиве Гитлера о первоочередном приеме в НСДАП бывших коммунистов. В общем, им нужно было только перезалить правильную идею, а главным — наличием единственного слота для идей — коммунисты уже обладали, в чем и была их ценность для гитлеровской

партии. Тоталитаристы всегда начинают в меньшинстве, но в силу примитивности, они являются наиболее организованным меньшинством. Обычно, они используют тех, кто надеется использовать их, для того, чтобы разделаться со всеми остальными. Тоталитаристов никогда не бывает много, особенно поначалу. Вопреки распространенному заблуждению, Гитлер не получил большинства на выборах. НСДАП получила большинство в блоке с «дойченационалистами». Ну, а затем, как мы помним, все прочие партии «самораспустились», осознав счастье национальной революции. Или возьмем большевиков с их вождем товарищем Лениным. Лозунги и союзников большевики меняли, как перчатки. Ну, а затем бывшие союзники легко и просто стали «врагами народа». Кстати, рекомендую всем Ленина, очень занимательное и актуальное чтиво.

2013

2.7. Война привилегий

Скандальная история с попыткой отменить «афганские» льготы на основании того, что «нет денег в бюджете» вновь привлекла внимание к проблеме так называемых льгот. Первое, что сделали наши люди — это возмутились по поводу того, что депутаты отменяют льготы несчастным афганцам, а при этом сами пользуются множеством государственных плюшек. Это, конечно, так, но на самом деле происхождение, суть, со-

циальные и экономические последствия афганских и депутатских льгот одни и те же.

Для того, чтобы лучше это увидеть, нужно просто мысленно перенестись в те времена, когда отношения между «политическим классом» и его подданными были честны, прозрачны и не испорчены разнообразными идеологическими химерами. Наверное, первым таким государством можно считать Римскую иперию, родоначальницу пенсий. Однако, в силу разных причин, для иллюстрации удобнее будет европейское средневековье. Средневековое общество, несмотря на свою пестроту, четко разделено на две группы людей, одна из которых принудительно отнимает часть дохода у второй группы. «Политический класс» — то есть, дворянство, живет за счет налогов с подданных, само никому не платит и имеет обязанность защищать свою территорию и территорию государства (обязанность перед монархом). Здесь и появляются наши льготы, а точнее — привилегии в привычной нам форме. И очень важно то, что обычно привилегии проявлялись в виде **ослабления некоторых феодальных обязанностей** — от «права» сидеть в присутствии короля до экономических привилегий в виде «права» охотиться в королевском лесу и т.п. Привилегии получали частные лица, города и корпорации, которых было так много в средневековье. Очень часто, суть политической борьбы в тех или иных странах в разные времена сводилась к получению или защите привилегий. Средневековье демонстрирует нам две ключевые особенности приви-

легии. Первая — привилегия является своего рода платой, подачкой в обмен на лояльность. Вторая — привилегии всегда осуществляются за чужой счет, то есть в лучшем случае, за счет сокращения для «дарителя» поступлений от поборов.

Эпоха меркантилизма, сменившая средневековье, была эпохой торжества привилегии. Государства даровали направо и налево разнообразные «права», то есть, привилегии на торговлю или производство определенных товаров определенным группам людей и корпорациям. Особенностью привилегий является тот факт, что «даровать» их легко, а отобрать бывает очень сложно, мало кто решается на такие действия. Поэтому количество привилегий росло, как снежный ком. Экономика переживала тяжелые времена, поскольку регулирование становилось все более обширным и запутанным. Дело закончилось «буржуазными революциями», суть которых, в итоге, сводилась к тому, что закон должен быть один для всех, то есть, привилегий быть не должно.

Впрочем, привилегии никуда не исчезли, хотя, конечно, из экономической сферы деятельности их очень сильно потеснили. Государства начали применять привилегии для укрепления своей власти и, прежде всего, репрессивных органов. Полиция, армия, суды были главными получателями привилегий. Как бывший военный, хорошо знаю, что многих привлекали на службу именно обещания привилегий, — немаленькая пенсия в 45 лет и перспективы «бесплатного» жилья. Бу-

дущие привилегии, таким образом, стали важнейшим фактором обеспечения дисциплины и верности системе. Привилегия, получаемая после службы, обладает еще одним важным свойством — чем ближе к «дембелю», тем меньше желания возражать начальству. Таким образом, государства добились того, что чем выше опыт кадров, тем выше и их лояльность.

Социализм, в известной степени, это возвращение к меркантилизму. Мы выросли в системе, переполненной разнообразными привилегиями и подачками, которые стали неотъемлемой частью нашей жизни. Дело еще и в том, что со временем привилегии начинают восприниматься как нечто само собой разумеющееся и даже выглядеть как некие «права».

Существование привилегий наносит обширный и разнообразный вред. Это и повод для постоянного роста государственных расходов (то есть, для роста доли богатства, которую государство изымает из экономики), это и постоянное искажение стимулов (люди получают некие блага, не прилагая к тому усилий, то есть, получают их вне отношений обмена). Привилегии (например, государственные пенсии), разрушают общественные институты (семья и т.п.), приводят к иждивенчеству, и, в конечном итоге, к деградации и упадку наций. Именно этим путем шла все та же Римская империя и другие «социальные государства», проще говоря, количество работающих становится все меньше, количество разнообразных паразитов — все больше,

стимулы что-то делать и к чему-то стремиться исчезают, страна гибнет.

Украина унаследовала «социальные завоевания» СССР, которые изначально рассматривались не как обуза для общества и повод для грабежа, а как большое-пребольшое достижение. Есть мнение, что за время независимости количество разнообразных привилегий даже увеличилось. Наше общество рассматривает привилегии как законное право, и в этом «верхи» и «низы» едины. Показательны в этом смысле привилегии «политического класса» в отношении самого себя. «Политический класс» в них абсолютно не нуждается, но, как говорится, это дело привычки. Депутатами и министрами не становятся ради пенсии, но пенсии и другие привилегии для них существуют, ширятся и множатся.

В итоге, помимо традиционного вреда, причиняемого привилегиями, в Украине они становятся к тому же и источником и живительной силой социальных конфликтов. Ведь очевидно, что владельцы «прав» на привилегии обладают разными возможностями в реализации своего «права». Депутат всегда может реализовать свое право на «бесплатное» лечение, а владельцу такого же «права», не принадлежащего к политическому классу, придется приложить серьезные усилия для того, чтобы им воспользоваться. И, кстати, именно это «неравенство» вызывает наибольшее раздражение у людей. Украинцы заняты борьбой за привилегии, и это еще один вред, который они приносят — социаль-

ная и политическая активность направляется в ложное русло.

Кроме того, если государство обещает в качестве привилегии благо, которое активно продается на рынке, рынок начинает работать против владельца права на привилегию. Классика жанра — бесплатный проезд пенсионеров в транспорте, который якобы гарантирует государство. То же самое относится к путевкам в санатории, лекарствам, которые должны «бесплатно» получать некоторые пенсионеры и инвалиды, и т.д.

Наконец, возникает проблема компенсации государством затрат, которые несут частные предприятия, обязанные законом реализовывать привилегии, подаренные государством. Возникают чисто технические проблемы администрирования, учета, контроля и т.п. Одно дело, когда «командировочный» предъявляет в бухгалтерию своего предприятия билет на поезд для возмещения затрат, совсем другое, когда, скажем, водитель маршрутки будет пытаться получить компенсацию от государства за провоз пенсионера. Можно легко догадаться, что государство выдумает такие условия, что проще будет возить пенсионеров за свой счет.

Привилегии должны быть отменены все без исключения, иначе они нас погубят. Однако, делать это нужно с задействованием извилин головного мозга. «Афганский» случай, как обычно, показывает, что «донецкие» не умеют и не хотят пользоваться мозгом. Я полностью согласен с «донецкими», когда они говорят о

том, что привилегии депутатов составляют незначительную часть бюджета. Однако, я не согласен с выводами, которые они делают из этого факта. **В отмене привилегий нужно руководствоваться политическими, а не фискальными соображениями**. Прежде чем приступать к любому сокращению привилегий мирного населения, нужно ликвидировать легальные привилегии политического класса, какой бы незначительной не казалась экономия от этого мероприятия.

Есть еще один существенный момент. Группы, пользующиеся привилегиями, такие, например, как «афганцы» или «чернобыльцы» используют их как системный фактор для бизнеса. **Поэтому правильным решением перед отменой привилегий было бы упрощение всего бизнеса до состояния «льготного» и отмена чиновничьих льгот**. Только после этого можно было бы смело отменять все привилегии для трудоспособных. Затем отменить привилегии силовиков и монетизировать привилегии нетрудоспособных. 2011

2.8. Ходить на работу или приносить пользу?

Экономисты знают, что труд обладает отрицательной полезностью. Это означает, что при прочих равных условиях, любой человек в здравом уме предпочтет отдыхать, а не трудиться. Разумеется, речь идет о так называемом экстравертном труде, который совершается

не ради самого процесса, а ради целей, находящихся вне его. Поэтому труд — самый дефицитный фактор производства, его всегда не хватало и всегда не будет хватать.

Откуда же тогда берется безработица? Ведь, по идее, безработным может быть только человек, чья работа перестала быть нужной другим людям и который обучается новой работе (переквалификация), или человек, который ищет не работу вообще, а то, что больше подходит ему лично. Откуда тогда безработица, да еще и «массовая»? Думаю, что от того, что в современном обществе образовалась существенная разница между понятиями «приносить пользу» и «ходить на работу». Причин тому несколько.

Корпорации

Когда вы дома забиваете гвоздь, то делаете это потому, что оцениваете стену с гвоздем выше, чем без него. Потребность повесить что-то на стену вынуждает вас забивать в нее гвозди. По завершении труда вы получаете некую **пользу**. Именно ожидание этой пользы заставляет вас подняться с дивана. Если бы пользы не было, вы бы так и валялись на диване с книжкой в руках и котом в ногах.

Если вас «нанимают на работу», то это случается только потому, что «работа» имеет некий результат. И этот результат полезен другим людям. Почему? Как об этом узнать? Очень просто. Эти люди готовы отказать-

ся от своих денег в пользу продукта, который делает ваша «работа». Теперь давайте подумаем, многие ли из нас имеют отношение к непосредственному результату? Наверняка, достаточно большое количество людей, читающих эту заметку, даже не знает что именно производит предприятие, на котором они работают.

Корпорации — это такие маленькие государства. В них, как и в государстве, люди заняты производством отчетности и работают для начальника, а не для результата. Подразделения корпораций заняты, прежде всего, поиском и освоением бюджетов. Вы, наверное, заметили, как часто теперь появляются «новые модели» продукции корпораций? Это потому, что какой-то отдел корпорации — то ли маркетинга, то ли рекламы, осваивает новые средства. Они «пробили» у руководства соответствующий бюджет. Тысячи людей делают теперь «новый» продукт, тысячи людей рекламируют его и тысячи людей пытаются объяснить потребителю, чем новый продукт отличается от старого.

Однако рано или поздно, законы природы настигают и корпорации. Если люди не согласны платить за их продукцию, корпорации несут убытки, и тут начинается сокращение штатов. Увольняют, опять-таки, кого попало и тех, кто не нравится.

Все это у них в голове

Я думаю, что вы заметили, что работа в корпорации очень рискованна именно своей непредсказуемостью.

Разрыв между пользой, которую продает корпорация, и конкретной работой конкретного человека в ней настолько велик, что понять, когда наступит кирдык и кого именно и почему он коснется, очень трудно. Работа в офисе — очень рискованна. И между тем, люди стремятся именно туда.

На самом деле, все, кто дал себе труд поинтересоваться состоянием рынка труда, знают, что в Украине большой дефицит рабочих специальностей. Зарплаты по многим специальностям выше, чем в офисе. Мы даже дожили до того, что еще недавно презираемый всеми «инженер» теперь тоже в дефиците. Но люди идут работать в офисы. Ну так и не жалуйтесь, когда вас увольняют.

Картина мира в голове у людей определяет их поведение. В том числе и то, есть у них работа или нет. Вот еще три примера по нашей теме. Первый — это «цена диплома». Всем знакомо явление бывшего студента, требующего немедленной зарплаты в 1000 долларов. Ему объяснили в его академии, что его диплом столько стоит. И он будет сидеть на шее у мамы или государства, пока его, в конце концов, не отправят работать за столько, сколько дают.

Второй пример касается работодателей. Многие знают, что найти удаленную работу, если ты не айтишник, довольно тяжело. В голове у работодателя работа тождественна присутствию на рабочем месте. Ну, вот и получите присутствие вместо работы. Третий при-

мер — это человеконенавистническая наука «маркетинг». Порочность этого дьявольского учения в том, что оно пытается утверждать, что знает что-то о потребностях людей. Беда в том, что сами люди о них ничего не знают. Как сказал кто-то: «если бы на заре автомобилестроения существовали фокус-группы, мы бы сейчас ездили в таких маленьких каретах, запряженных такими маленькими лошадками». Нет, я не против анализа рынка и следующих из него рекомендаций, они полезны и даже необходимы. Но претендовать на несуществующее знание — увольте. Тем не менее, маркетологи объясняют корпорациям, какие кареты и каких лошадок желает потребитель. На всю эту возню уходят огромные ресурсы. Рынок неизбежно наказывает эту деятельность, и вот уже — опа! — вы уволены (обычно, увы, увольняют не маркетинг).

Оно ведь заботится о нас

Но, конечно, главный вклад в дело роста безработицы вносит государство. Подумайте сами, какой смысл, помимо чисто фискального, имеет налог? Например, налог на ресуры типа воды? Правильно, ограничить потребление, искусственно сделать ресурс дороже. А теперь подумайте о том, какой смысл имеет налогообложение фонда заработной платы. Все тот же. Государство облагает налогом труд. Следовательно, оно хочет, чтобы мы не работали.

Еще есть «минимальная заработная плата». Это когда государство думает, что его законы выше, чем законы природы. Государство говорит предпринимателю «плати за этот труд 10 долларов в час!» Но предприниматель знает, что этот труд не стоит 10 долларов в час. В итоге, тот, кто был бы готов работать и за 9 долларов, вообще не работает, потому что предпринимателя накажут. Но работа делается. Ее за 9 долларов делает нелегальный мигрант. Либо работа не делается. Тогда предприниматель продает меньше **пользы**, чем мог бы. «Минимальная заработная плата» — прямая причина безработицы. Когда в 1933 году в США начали вводить некие подобия минимальных заработных плат, за бортом оказалось до 500 000 человек. В основном, это были молодые горячие чернокожие парни.

Можно еще вспомнить «поддержку стратегических отраслей». Что это такое? Это когда государство платит предприятиям за то, что они **не приносят пользы** (ведь если их продукцию и так покупают, то поддерживать их нет смысла, верно?) Опять-таки, почти всегда дело заканчивается крахом. Деньги в бюджете закончились или победила на выборах не та партия — и вот уже целая отрасль на улице, злая и голодная. Если бы «поддержки» не было, то был бы постепенный естественный процесс реструктуризации. А так — получите революционный пролетариат.

Ну и, конечно же, пособия по безработице. То есть, государство говорит я плачу вам за то, что вы не рабо-

таете, то есть, опять-таки, не приносите пользы другим людям. Ведь быть безработным — это не просто валяться на диване. Это ходить на бессмысленные курсы, собеседования и т.п., быть безработным — это тяжелый и изнурительный труд, существующий для того, чтобы у безработного не образовался излишек свободного времени, и он вдруг ненароком не принес бы кому-то пользу.

Воздух!

Если вы задумываетесь над тем, почему «Мерседесы» сегодня ломаются так же, как «Жигули» или почему (если продолжать автомобильную аналогию) на станциях техобслуживания не чинят, а ломают автомобили, и почему там работает больше юристов, чем механиков, то вот вам ответ.

На самом деле, делать добротные и качественные вещи выгодно. Правда, в том мире, где цены определяются спросом и предложением. То есть пользой.

Теперь давайте отметим вот что. Цены будут меняться именно таким образом, если количество денежных единиц в системе постоянно или меняется крайне медленно. Теперь посмотрим на наше государство и его банковскую систему. Ни для кого не секрет, что государство производит денежные единицы в промышленных объемах. Опять-таки, несмотря на кличку нынешнего главы ФРС, до сих пор не было замечено случаев, чтобы государство распыляло новые деньги с

вертолетов. Ибо бессмысленность этого занятия очевидна. Новые деньги, которые государство вбрасывает на рынок, всегда попадают в него в некоторой конкретной точке. И есть люди и организации, которые получают их первыми.

Счастливый обладатель новых денежных единиц потратит их на то, что раньше не мог себе позволить, или просто купит больше того, что покупал всегда. Продавцы и производители, видя это, радуются — их товар покупают! Они начинают производить его больше, если могут, либо поднимают цены, если не могут. Они действуют так, как велит им закон природы, закон обмена одной пользы на другую. Но в нашем случае имело место не увеличение пользы, а увеличение количества денежных единиц. Польза была обменена на воздух. Да, продавец получил прибыль, он пойдет и обменяет эти деньги еще на что-то и так далее, вплоть до конца цепочки. Последний в этой цепочке получит новые деньги, когда цены уже изменятся (в основном, вырастут), он не выигрывает, а проигрывает. То есть, в реальности, через некоторое время после того, как новые деньги попали на рынок, польза просто переместится от тех, кто находится в конце цепочки, к тем, кто находился в начале.

Инфляция не есть «рост цен», как нас учит телевизор. Да, в общем и целом, при неизменном уровне производства, инфляция проявляется в росте «средних» цен. Но никто никогда а реальной жизни не имеет дела со «средними» ценами, как никому не нужна сред-

няя температура по больнице. В живой экономике для реального предпринимателя важны относительные цены. А они меняются. Одни цены падают. Другие растут. Это все сигналы. Они говорят: «эту пользу люди ценят выше, чем вот эту!». Инфляция же подобна смерчу, гуляющему по ценам, искажающему обмен и дезориентирующему всех участников рынка. В итоге, на рынке существует только один четкий сигнал — делать из пластмассы, делать силами кружка «Умелые руки» и, главное — делать как можно быстрее. В нормальных условиях СТО, ломающее автомобили, обречено. Обречен «Мерседес», который как «Жигули». Но **в условиях инфляции у людей есть деньги, чтобы покупать плохие вещи. И значит, стоит делать плохие вещи**. Обычно, рынок заставляет плохих стремиться к хорошим, инфляция заставляет поступать наоборот. Ведь прибыль всегда измеряется в денежных единицах. Но в условиях инфляции прибыль может быть не связана с пользой. Это могут быть химеры, порожденные блужданием неприкаянных денежных единиц. И, понятное, дело, когда-нибудь эти миражи развеиваются с последующими кадровыми изменениями.

В общем, вывод по нашей теме таков. Обдумывая трудоустройство, нелишне помнить о том, что ходить на работу и приносить пользу — это две большие разницы. В реальности, рано или поздно, всегда оказывается так, что платят только за второе. 2011

2.9. В последний раз о парламентской и президентской модели, а также о простом способе оценки конституционных проектов

В этом тексте кратко сформулированы главные отличия между парламентской и президентской моделью. Представляет интерес для тех, кто интересуется этим вопросом

Все это появилось в Европе в ходе развития политической мысли. Отметим очень важный момент — мысль эта развивалась параллельно с развитием политических институтов, в нашем случае наиболее важен институт представительский, который существовал очень давно.

Так вот — одним из результатов обсуждения идеи «управления путем народного собрания», которая возникла еще в средние века, была мысль об избираемом, то есть ответственном правительстве. **Эта идея и является краеугольным камнем демократии, именно этим, прежде всего, этот способ устройства отличается от всех прочих.** Заметим, что, по-видимому, реализация этого принципа является одной из основ успеха демократических стран. Подчеркну — речь идет об **избираемом правительстве**, а не о депутатах или еще ком-то.

К тому времени в Европе уже существовали представительские органы и в некоторых странах они были выборными. Поэтому идея выборного правительства оказалась тесно связанной с уже существующими институтами. Иначе говоря, **она реализовалась в механизмы выборов правительства через представительский институт — парламент** — и его ответственности перед ним. Так возникла **парламентская** модель. Совершенствуясь, она, в итоге, оформилась в такую систему: правительство формируется парламентским большинством. Само большинство формируют фракции партий, победивших на выборах. Лидер большинства становится премьер-министром — главой Кабинета. Потеря правительством поддержки большинства означает его отставку и, как правило, новые выборы.

Идея выборности правительства реализуется в этой модели на **парламентских выборах**. На выборах, дефакто, конкурируют программы возможных Кабинетов, представляемых разными партиями. Люди голосуют за них в расчете на то, что эта программа наберет большинство и сможет быть реализована (вариантов поведения много, голосуют в расчете, что партия попадет в коалиционное большинство, станет оппозицией и т.д.).

Отдельно отметим роль большинства, формирующего Кабинет, которая тоже часто понимается неверно. Для простоты возьмем случай однопартийного большинства и, соответственно, однопартийного пра-

вительства. Так вот — наличие большинства в парламенте означает, что Кабинет автоматически получает поддержку своих законодательных инициатив. Но! Это будет верно до тех пор, пока интересы партии (то есть интересы стратегические, так как партия заинтересована всегда побеждть на выборах) не вступают в противоречие с интересами Кабинета (как правило, интересами сиюминутными,тактическими). В случае конфликта интересов, **партия может не поддержать собственный Кабинет во время голосования за предлагаемые им проекты**. Это означает, что Кабинет больше не имеет поддержку парламентского большинства (заметим, сформированного собственной партией!) и автоматически приводит к его отставке. Таким образом, принцип большинства в правильно построенной конституционной модели играет важную сдерживающую и контролирующую роль, он сдерживает, прежде всего, популизм правительства (мысленно сравним с тем, как это реализовано у нас и к чему такая реализация приводит).

В парламентской модели существует пост главы государства, который занимает президент (как правило, избираемый парламентом) или монарх.

Вариантов парламентской модели множество. К сожалению, наши дискуссии часто упираются в нюансы, существующие в тех или иных странах, и за ними мы не замечаем целого — идеи, изложенной выше.

Президентская модель

Американцы первоначально тоже думали о парламентской системе (другой они просто не знали). Возможно, президентская модель не появилась бы, если бы Джордж Вашингтон согласился стать королем США. Второй причиной изобретения президента было то, что американская революция выросла из конфликта с британским парламентом.

Суть этой модели состоит в том, что **исполнительная власть избирается отдельно от законодательной**. Президент сам формирует свой кабинет, парламент не может вмешаться в этот процесс и отправлять кого-либо в отставку. **Это обстоятельство является единственной причиной, по которой американского президента де-факто избирает все население страны**. Он единолично формирует и возглавляет исполнительную власть, и потому его легитимность должна быть такой же, как и у парламента. Соответственно, именно президент отвечает за деятельность своего кабинета на следующих выборах.

Эта система интересна эффективными «сдержками и противовесами», которые не допускают размытия принципа политической ответственности. Например, президент не имеет права законодательной инициативы. В законодательных моментах он вынужден действовать через фракцию своей партии, что ставит его в зависимость от нее и является важным элементом контроля. Другим важным моментом является формиро-

вание бюджета, которое почти целиком лежит на парламенте.

Американская модель оказалась весьма специфичной. Отметим, что США изначально возникли как союз государств, в каждом из которых были собственные органы власти. Это накладывает серьезные ограничения на возможности федерального правительства. Точно такие же ограничения накладывает британское право, в котором на момент появления США уже существовали либеральные принципы неприкосновенности личности и т.п. Поэтому считается, что удачно воспроизвести президентскую модель затруднительно, и это подтверждает практика.

Как видим, в обоих моделях, принятых в демократических странах, реализован принцип выборности правительства, причем реализован просто и доступно.

Модели и мы

В общем, мой рецепт базовой оценки любых конституционных проектов прост, его может применять любой человек, способный к логическому мышлению. **Наиболее важным является выяснить, реализована ли в проекте идея выборности (и ответственности) правительства. До сих пор этот основополагающий принцип в Украине ни разу не реализовался**. Давайте обратим внимание на то, что мы уже пятый раз будем избирать президента, который не формирует правительство и не возглавляет

его. Вопрос — зачем тогда эти выборы и зачем нужна эта должность? Или давайте вспомним о том, что до 2006 года мы избирали депутатов, которые что-то нам обещали, но правительство при этом «заводилось» отдельно от этих обещаний — само по себе. Или другой момент, который очень ярко говорит об уровне авторов наших конституционных новаций — необходимость утверждения программы правительства Радой. Эта норма появилась тогда, когда у нас были мажоритарные выборы и не было партий. Тогда она играла роль хоть какого-то элемента ответственности Кабинета. Но теперь существуют программы партий, за которые люди голосуют на выборах и эти же партии формируют Кабинет. Зачем нам еще отдельная программа Кабинета? Людям обещаем одно, депутатам другое? На основании чего избиратель должен оценивать работу Кабинета? Замечу, что принцип выборности правительства не реализован ни в одном из проектов, которые мне доводилось видеть. Видимо, это не случайно.[2]

2008

2.10. Поп-корм

Когда говорят об украинской политической жизни, часто используют слово «популизм». Слово это можно услышать применительно к совершенно разным по-

[2]Украинская власть не может скопировать «рационально работающие институты» потому, что она не умеет извлекать прибыль в такой ситуации. Западные элиты умеют, более того, «рационально работающие институты» позволяют им извлечь больше прибыли

литикам, идеям и программам и, потому, как водится, о нем можно сказать, что оно практически утратило смысл. Тем не менее, если мы хотим поразмышлять на тему «почему люди верят обещаниям политиков и почему политики не выполняют своих обещаний», нам без этого слова не обойтись.

При ближайшем рассмотрении выяснится множество обстоятельств, как, например, то, что в разных политических культурах определение «популизм» означает разные, часто противоречащие друг другу вещи. Например, американская политическая культура считает конгрессмена Рона Пола популистом, поскольку он призывает соблюдать конституцию США. В нашей культуре такой человек будет считаться, напротив, ботаником и занудой, а популистами будут называться бесхитростные и жизнерадостные люди, которые ни секунды не сомневаются в том, что разные там конституции — это для лохов.

Поэтому, чтобы избежать всякой путаницы, о популизме будем говорить в рамках привычных для нас представлений. Собственно, популизм, как явление, отчетливо делится на две части. Для политиков популизм — это метод, а для их жертв — особое состояние ума (или, если хотите, особая картина мира). Об этих двух ипостасях и пойдет речь, плюс, мы скажем несколько слов о популизме, как государственной политике, и о системных причинах популизма.

Политический метод и государственная политика

Популист — это политик, который на понятном публике языке обещает всякие малореализуемые глупости или взывает к примитивным представлениям для того, чтобы получить власть на волне эмоций избирателя. Это и есть популистский метод. На этом, собственно, можно было бы закончить, если бы не одно существенное замечание, а именно то, что далеко не каждый может быть популистом. Это еще нужно уметь. Для того, чтобы использовать популистский метод, нужно, прежде всего, глубоко и искренне презирать оболваниваемое «население» (либо искренне верить в собственный бред, что все-таки встречается несколько реже) и быть настоящим актером.

В этом смысле, нынешний президент, несмотря на то, что тоже давал на выборах много неисполнимых обещаний, не является полноценным популистом, поскольку не обладает никакими актерскими талантами и драйвом злодея-манипулятора и, тем более, харизмой святого. Виктор Федорович стал президентом не благодаря своим популистским обещаниям, а исключительно благодаря настоящему популисту — Тимошенко. Любой другой кандидат (кроме, разве что, Симоненко) выиграл бы у него во втором туре. Дело в том, что популизм, апеллируя к наиболее простым представлениям, неизбежно создает собственную мифологию, которая может сильно раздражать людей,

придерживающихся другой популистской мифологии. Классический пример — это коммунисты и фашисты, которые отличались друг от друга деталями своей мифологии, но именно эти детали и имели значение для их последователей. Мифология Тимошенко раздражала больше людей, чем привлекала, вот и вся задача.

Однако, наличие или отсутствие популистского лидера у власти никак не меняет того факта, что государственная политика сама по себе является популистской. Это неизбежное свойство системы, в которой реализация политической власти рассматривается как получение неких «баллов» конкретными политиками. И поскольку в реальной жизни мы имеем дело именно с последствиями государственных политик, то наличие или отсутствие у власти людей, которых можно назвать популистами, мало что меняет. Можно сказать, что выраженный популист может усугубить последствия государственного популизма. Также можно сказать, что смягчить эти последствия может некий сознательный анти-популист, во всех остальных случаях государственная деятельность сама по себе продуцирует популистские решения.

Состояние ума

Понятно, что никакого популизма не было бы, если бы на него не было бы спроса. О причинах и механизмах этого спроса можно говорить очень и очень долго, попробуем выделить самые важные из них.

Первое. Чем дальше обещания от вашей компетенции, тем проще в них поверить. Практической политикой, законодательством, государственным управлением на практике занимается не так много народу. Поэтому оценить реальность политических обещаний на практике могут немногие. Это, фактически, тот же эффект, который хорошо описал Паркинсон, когда члены бюджетного комитета легко голосуют за проекты с бюджетами в миллиарды фунтов, но впадают в неразрешимый ступор при голосовании за проекты в сотни и тысячи. Причина проста — они не могут оценить миллиарды, так как никогда не сталкивались с ними на практике, а вот траты в сотни и тысячи фунтов они вполне в состоянии оценить, так как такие суммы есть в их жизненном опыте. Может ли Янукович поднять рождаемость так, что население Украины увеличится до 50 миллионов? Вы знаете? Я — нет.

Второе. Жизненный опыт. Если со способностями государства увеличивать рождаемость не сталкивался никто, то практически все без исключения в большей или меньшей степени имели дело с конкретными чиновниками. И опыт общения с ними подталкивает к весьма специфическим выводам. Если налоговый инспектор или пожарник легко и просто вытворяет чудеса юридической эквилибристики и всегда достигает поставленной цели, то возможности «первых лиц» на этом фоне представляются просто безграничными. Телефонный звонок одного правильного человека другому правильному человеку легко решает вопрос. Так

почему же все это нельзя разумно организовать к общей пользе?

Третье. Простота. Оба предыдущих эффекта сами собой приводят к выводу, что все дело в плохих чиновниках, отсутствии порядка или вредителях, принадлежащих к неправильной нации или социальному классу. Ведь могут же чиновники работать, если правильно все подкрутить! Ведь выдали же вам справку ветерана Куликовской битвы, когда вы нашли правильные подходы! Следовательно, все дело только в том, чтобы правильный лидер построил негодяев и заставил их работать. Сам повседневный жизненный опыт миллионов людей приводит их к такому выводу, и когда они слышат подобное из уст какого-нибудь политика, они верят ему.

Четвертое. Игра. В таких странах, как Украина, предвыборные обещания — это еще и часть процесса ухаживания политика за избирателем, а точнее — начальника за подчиненным. Невозможно представить себе этот процесс без обещаний, ведь иначе всем претендентам придется говорить: буду править, как захочу, буду делать, что захочу, а вы все это будете выполнять с радостной улыбкой на лице. Если поинтересоваться у объекта ухаживания, понимает ли он цену красивым словам, то в большинстве случаев вы услышите, что да, понимает. Но без красивых слов нельзя. Игра есть игра, у любой игры есть правила, и, в данном случае, это — их важнейшая часть. То есть, наш объект никогда не согласится с тем, чтобы ухаживание све-

лось к простому и лаконичному объявлению его настоящего места в мире. Он всегда предпочтет выслушать некие предварительные сюсюканья в свой адрес.

Пятое. Удовольствие от процесса. Люди перегружены политической информацией, даже если они не ищут ее специально. Более того, эта информация всегда эмоционально нагружена, часто она имеет алармисткий характер. При этом, почувствовать реальную связь тех или иных обсуждаемых действий с повседневной жизнью, идентифицировать причины из самых разнообразных следствий обычному человеку весьма затруднительно (добавим, что часто это просто невозможно). Таким образом, человек видит, что что-то происходит, причем, происходит всегда на уровне истерики, скандала, интриги и заговора. При этом все участники этого действа как один утверждают, что это все имеет самое прямое отношение к его жизни, однако отождествить эти вопли с явлениями повседневной жизни он не может.

Когда-то автор этих строк придумал аналогию с театром, где зрителям выдаются палки, чтобы они могли побить исполнителей ролей плохих парней. Теперь и аналогий выдумывать не надо. Полное подобие современного политического процесса имеется в нашей жизни и называется оно реалити-шоу. Напомню, что в этих шоу зрители периодически голосуют за что-то. В смысле неадекватности отражения реальной жизни и влияния на эту реальность политический процесс еще даст сто очков вперед любому такому шоу. Зато зада-

ча вовлеченности, чувства причастности и влияния на события решается сполна.

Шестое. Психология. Когда институционалисты начали изучать общественный выбор, они натолкнулись на массу чисто психологических эффектов. Приведу один пример. Всем известен эффект, когда тому или иному политику или партии говорят: «вы хорошие парни, но вы не пройдете». Или, ставя вопрос по другому — почему люди не голосуют за тех, кто избегает популизма, пытаясь предлагать что-то реальное? Ведь кажется странным, почему люди голосуют за партию, программа которой ими самими признается плохой, и не голосуют за тех, чьи взгляды они разделяют. На самом деле, «стадный эффект» оказался значительно важнее, чем мы думаем. Недавно я прочитал об опыте, в ходе которого был создан сайт с музыкальным контентом. Суть опыта состояла в том, одни пользователи могли ставить оценки музыке и видеть, сколько раз та или иная композиция была скачана или прослушана, а вторые — нет (ни те, ни другие не знали, что они участвуют в каких-то опытах). Нужно ли говорить о том, что музыкальные предпочтения двух групп пользователей в отношении одного и того же контента оказались совершенно различны? Мало того, выяснилось, что «оценочные баллы» и информация о скачиваниях-прослушиваниях не просто влияет на поведение последующих посетителей и на то место, которое, в итоге, занимает композиция. Оказалось, что сама эта информация возникает случайно и зависит от самой ранней

реакции участников эксперимента. То есть, если первый человек, прослушавший вновь загруженный трек, поставил «пятерку», у такого трека куда больше шансов стать лидером.

Переведя это на язык политики, получим, что роль информации о количестве скачиваний играет социология. Если вашу вновь созданную партию, по мнению социологов, поддерживает 0,1 % избирателей, то вы можете сразу ее распускать и не мучиться, ибо за вас никогда не проголосуют.

Система

Популизм возможен только в демократиях, там где имеет место открытая борьба за голоса избирателей. И, скажем так, популизм, как правило, в виде диктатуры, есть закономерный итог неограниченной демократии. К его победе приводит сама система.

Поясню. Украинцы, добившиеся того, что во втором туре президентских выборов их самыми популярными кандидатами были Янукович и Тимошенко выглядят обществом клинических идиотов. На самом деле это все-таки не так. На самом деле демократия, постулируя власть большинства, наделяет властью меньшинства, просто наиболее активные среди прочих. Процедура наших президентских выборов легко показывает это. Допустим кандидата-популиста поддерживает 20% избирателей. Но каждый из остальных кандидатов имеет меньшую поддержку. В итоге, этот кандидат

выйдет во второй тур и, скорее всего, выиграет выборы, имея чистую поддержку всего лишь 20% избирателей. Популисты — просто самое многочисленное меньшинство. В результате, вся страна выглядит идиотами, и оставшиеся 80% страдают от идиотской политики.

Нужно сказать, что демократия особо подвержена влиянию популизма. Достаточно популистам победить, как они тут же начинают модифицировать систему под себя, и от этих изменений потом практически невозможно избавиться. Классика жанра здесь это всеобщее избирательное право. В 19-м веке демократия была голосованием доноров. В ходе выборов они решали, куда государство потратит их деньги. Всеобщее избирательное право привело к тому, что выборы сегодня — это голосование реципиентов. Они решают, сколько они могут потребовать денег от государства, которое, напомним, само не производит богатства, а только его перераспределяет. Это прямая дорога к ка-
2011 тастрофе.

2.11. Механика страха

История со свиным гриппом — замечательная иллюстрация того, как работают социальные механизмы страха и как они используются для политических манипуляций. Мы недооцениваем эти простые и эффективные механизмы, возможно потому, что считаем их естественными и легитимными. Страх не является для нас чем-то значимым, мы не выделяем его среди дру-

гих чувств. В других культурах дело обстоит иначе. Англосаксы, к примеру, давно раскусили опасность страха и тех штучек, которых можно вытворять с его помощью. Вспомним Генри Торо с его знаменитым «нам нечего бояться, кроме самого страха». В западной попкультуре эта тема поднимается постоянно, например, профессор Люпин неоднократно говорит Гарри Поттеру о том, что он рад, что Поттер боится самого страха, а не объекта, связанного с ним (Волдеморта). Можно предположить, что «разоблачение» страха и постоянный контроль за ним являются необходимым элементом развитого общества.

Теперь, собственно, о предмете. Страх является древнейшим чувством, обусловленным инстинктом самосохранения. Страх является своего рода меткой, которой существо обозначает для себя угрожающий ему объект. Страх, будучи крайне дискомфортным состоянием, побуждает нас избавиться от него, то есть, либо атаковать объект страха, либо убежать, либо спрятаться от него. Именно в этом состоит физиологический смысл страха — он побуждает действовать, чтобы перестать его чувствовать, и, тем самым достичь безопасного, с точки зрения инстинктов, состояния.

Это, так сказать, самый древний, коренной страх, унаследованный нами, наверное, еще от предков динозавров. Однако, человек, все-таки, немного сложнее динозавра, поэтому и страхи у него более разнообразны как по интенсивности, так и по степени их осознания. Для нашей темы крайне важен следующий те-

зис — страх, какой бы природы он не был, заставляет воспринимать его источник как приоритетный объект, он заставляет, при возможности, избавиться от этого источника. Можно сказать, что страх **парализует**. Он вынуждает нас постоянно уделять себе внимание в ущерб активности другого рода.

Безусловно, страх необходим нам как индивидам. Однако, очень часто в человеческом обществе страх является продуктом неосознанной и даже осознанной манипуляции, в результате чего мы не только становимся жертвами «фабрик страха», уделяя им свое время и внимание, но и совершаем ошибки, когда начинаем действовать. Собственно, эта небольшая заметка преследует цель напомнить об этом обстоятельстве и о том, что нам всем нужно учиться бояться самого страха, а не его, как правило, иллюзорных источников.

Человеческое общество — то есть, совместное проживание на одной территории большого количества людей и их совместная деятельность, стало возможным только благодаря преодолению страха, страха перед незнакомыми людьми. В условиях племени, где все лично знакомы, люди, конечно, могут бояться друг друга, но это будет страх, вызванный историей взаимоотношений конкретных людей. Страх неизвестного, страх чужого заставляет «племенного человека» довольно жестко поступать с незнакомцами.

Когда, после открытия земледелия, людей в некоторых частях Земли стало слишком много для того, что-

бы все они могли быть лично знакомыми друг с другом, возникли социальные институты, одной из функций которых была утилизация страха перед незнакомцами. Развитие этих институтов можно увидеть в древних традициях гостеприимства и священной обязанности защиты гостя хозяином, традиции нерациональной с точки зрения практики отдельного индивида, но рациональной «с точки зрения» общества.

Отныне чужаков не нужно было бояться, знакомый или незнакомый человек в равной степени находился «под защитой закона», и это было известно всем.

Все это, с одной стороны, позволило человечеству стремительно развиваться, с другой, — создало новые источники страха и инструменты манипулирования людьми. Появились целые «фабрики страха», и это, прежде всего, СМИ. Новости не сообщают нам о всех благополучно приземлившихся самолетах, они сообщают только о тех, которые потерпели аварию. «Желтые» газеты, смакующие подробности убийств, работают точно так же. Испытывая страх, вы будете постоянно смотреть новости и покупать «желтые» газеты, чтобы не упустить из виду источник страха. При этом вы не получите никакой полезной информации, но, руководствуясь инстинктами, потратите время и энергию на «отслеживание» источника дискомфорта. Конечно, в этой сфере манипулирования трудно что-то поделать — информация, в том числе и негативная, является необходимым условием существования нашего общества. Единственно действенный способ — по-

нимать, что происходит и отказаться от потребления некоторых особо манипулятивных СМИ, прежде всего, телевидения.

Зато другой способ использования страха совершенно сознателен. Я имею в виду страх, на котором спекулируют политики. Все тоталитарные режимы основаны на страхе. Коммунизм основан на страхе перед «капиталистами», нацизм — на страхе перед другими народами и т.д. Объясняя «массам» с помощью «теории», кто на самом деле виноват в их бедах, политики-популисты приковывают к себе внимание, навязывают обществу свою площадку для дискуссии и, как правило, побеждают в ней. Причина очевидна — очень трудно оспорить агрессивно навязываемое мнение о том, что во всем виноваты, скажем, евреи. Говорить «евреи не виноваты» означает согласиться на дискуссию на навязанных условиях. В ситуации нагнетания страха, когда люди уверены в том, что наверняка существует какая-то группа, которая «виновата во всем», спорить с тем, что предлагаемая вам группа «не виновата» бесполезно.

Наша история с гриппом ясно говорит о манипулятивной силе страха. Политики получили очевидные дивиденды от этой истории. Во-первых, грипп стал топовой темой, которую совершенно добровольно раскручивают и будут раскручивать СМИ. На этом фоне политическая дискуссия в рамках предвыборной кампании выглядит второстепенно. Более того, паника дает козыри в руки тем политикам, которые находятся у вла-

сти — Тимошенко и Ющенко — как «защитникам» от вируса и единственным авторитетам, мнение которых интересует граждан в этой ситуации.

История с гриппом также показала, насколько наше общество пронизано страхом и насколько оно зависимо от него. Меры правительства, — в частности, разрушение фармацевтического бизнеса — которые в другой стране в таких же условиях подверглись бы жесточайшей критике, у нас находят если не поддержку, то понимание. «Злые фармацевты», которые, по мнению наших граждан, безусловно заинтересованы в повышении цен на лекарства, должны быть наказаны. Наш человек боится фармацевтов больше, чем отсутствия лекарств в аптеках.

Украинцы очень боятся друг друга. Обратите внимание на выражения: «с нашим народом по-другому нельзя» и им подобные, с помощью которых мы описываем «чужих». Страх означает, что мы неспособны взаимодействовать непосредственно между собой, взаимодействовать горизонтально, так, как это делают люди в странах с развитым гражданским обществом. Страх вынуждает нас в любом самом незначительном деле полагаться на государство и постоянно требовать увеличения его вмешательства в нашу жизнь. Мы настолько напуганы друг другом, что всячески стремимся спрятаться за государство, чего, собственно, оно и добивается.

В общем, круг замыкается. Либо мы выбросим наконец-то телевизор и научимся действовать сообща с соседями, либо наше общество ждет очередной тота-
2009 литарный спазм[3].

2.12. Заговорщики и заговорщицы

Если попробовать сформулировать одним словом способ, которым живет украинский политикум, то это слово будет «заговор». Заговор является чуть ли не единственным методом действий наших политиков, им же эти действия объясняют многочисленные политологи и журналисты. Теория заговора, которая в других местах считается неприличной, у нас цветет пышным цветом и никем не подвергается сомнению. Вернее будет сказать, что она считается единственно возможной, ею пользуются, не замечая.

«Теория заговора — объяснение события, или ряда событий, или всей наблюдаемой картины действительности заговором, то есть скрытым воздействием, совершаемым с некими тайными целями тщательно законспирированной группой лиц» — так определяет это феномен «Википедия». Типичные вопросы, на которые пытаются ответить с помощью теории заговора это: «кому это выгодно?», «кто за этим стоит?». Как правило, заговорами не только объясняют реальность. Наши

[3]В 2015 году я думаю, что тоталитарный спазм вполне возможен. Пока что мы довольно быстро движемся к охлократии, от которой до тоталитаризма — рукой подать

политики руководствуются этой теорией в повседневной деятельности, не подвергая сомнению тот очевидный для них факт, что остальные участники процесса тоже участвуют в своих заговорах.

Заметим, что определение «Википедии» относится, прежде всего, к разного рода параноидальным концепциям вроде «жидомасонского заговора» и т.п. Однако, это определение теории заговора может быть с легкостью применено к тому обобщенному взгляду на политику, который существует в нашей стране. Обратим внимание на слова «тщательно законспирированная группа лиц» в определении Википедии. Конспирация означает отсутствие правдивой информации о целях, намерениях и способах действий. Можем ли мы сказать, что нам известны цели, намерения и способы действий политических группировок, финансово-промышленных групп и т.д.? Доводя этот ряд до конца в случае Украины можем ли мы сказать, что этим группировкам, партиям, кланам и отдельным лицам точно известны их собственные интересы и инструменты их реализации, если говорить об общественно значимом их измерении? В политико-правовом хаосе, в котором пребывает страна, в ситуации, когда политика чаще всего является всего лишь способом личного обогащения и инструментом ведения бизнеса, теория заговоров — первое, чем могут быть объяснены действия участников процесса.

Хуже того. Традиция такого «заговорщицкого» понимания действительности присуща нашему обще-

ству, оно унаследовало ее от СССР. Тоталитарное общество — это простой набор отдельных индивидов (в то время, как развитое общество — скорее набор институций, созданых индивидами). В тоталитарном обществе есть только беззащитное «я» и всесильные «они», никакого промежуточного «мы» в нем нет. Действия властей покрыты тайной, недоступны для критики и прогнозирования, только для толкований в духе теории заговора. Разумеется, что традиция этих толкований благополучно перебралась в Украину, которая, к тому же, в смысле разрыва между «я» и «они» не сильно отличается от тоталитарного СССР.

В этом месте неизбежно должен возникнуть вопрос: чем же отличается теория заговора от безобидной гипотезы, анализа, журналистского расследования? Не сгущаем ли мы краски, не идет ли речь всего лишь о неудачной интерпретации, некачественном анализе и т.п? Ведь любой комментарий или прогноз, по идее, уже является маленькой теорией заговора, поскольку ее автор всегда исходит из собственных представлений об интересах действующих лиц.

Думаю, вред от теории заговоров значительно больше, чем от некачественного прогноза или сумасбродной гипотезы. Разница же между этими явлениями действительно часто неразличима, но все-таки заметна в типических случаях. Попробуем показать эту разницу и определить, чем же одно отличается от другого. Лучше всего в качестве примеров взять хорошо знакомые всем нам теории заговоров, связанные не с «сион-

скими мудрецами» и инопланетянами, а с нашей новейшей историей.

Первый такой заговор — распад СССР, который якобы организовало ЦРУ. Вспоминаю, что в листовках кандидата в президенты 1994 года Леонида Кучмы так и было написано «ЦРУ и МВФ развалили СССР». Прошло уже много лет, доказательств этой «гипотезе» не существует, скорее существуют доказательства обратного — вспомним, как Буш-старший и Маргарет Тетчер колесили по СССР, уговаривая его не распадаться. Западные страны, имеющие достаточный колониальный опыт, прекрасно осведомлены о том, чем заканчиваются распады империй. Даже чисто технически удобнее иметь дело с одним игроком, чем с сотней. Между тем, вера в этот коварный американский план до сих пор греет сердца многим людям.

Следующий хорошо всем известный заговор — это Майдан. Здесь снова появляются вездесущие американцы, которые «проплатили» стояние на Майдане. Показательно, что наличие сотен тысяч киевлян, которые пришли туда добровольно и которые никаких американцев не видели, ничуть не меняет мнения сторонников этой теории. Их понимание «истинных целей», которые преследуют «американцы», заставляет этих людей считать, что все было так, как им кажется.

И, наконец, последний пример, который показывает, что теория заговора может существовать даже без объяснения цели, которую якобы преследуют ее участ-

ники. Мол, мы не понимаем, зачем это нужно организаторам, но раз именно они это организуют — то наверняка с какой-нибудь неприглядной целью. Пример такого «заговора» — политреформа. Мне до сих пор не попадалось сколько-нибудь убедительного объяснения (в рамках теории заговора, разумеется) того, зачем Кучма придумал политреформу. Тот факт, что, будучи президентом, он ограничивал власть следующего президента — Ющенко — ничего не объясняет, так как совершенно непонятно, зачем это самому Кучме. Между тем, вера в тайное предназначение политреформы и в ее вредоносный характер распространена повсеместно.

Итак, ключевым моментом, который превращает гипотезу в теорию заговора, является наличие изначальной веры в некое устройство мира, в котором «добро» и «зло» определено заранее и хорошо известно автору и сторонникам теории.

Этот момент и объясняет, чем отличается плохая гипотеза от теории заговора. Разница состоит в их предназначении. Анализы, прогнозы и т.п. существуют для того, чтобы пусть неполно, субъективно и даже ошибочно, но объяснить окружающий мир. Теория заговора изначально существует для того, чтобы подтвердить правильность картины мира его автора. Возникая[4] от недостатка информации и от неумения и нежелания ее интерпретировать, теория заговора за-

[4]Сейчас бы я сказал, что теория заговора — это вид методологической ошибки. Все мы оцениваем события, основываясь на неких тео-

меняет знание эмоциями и расхожими штампами. Заговор держится на вере и в то же время питает веру в свою картину мира. Пример майдана здесь наиболее показателен. Сторонники «американских валенок» верят в свою теорию потому, что «проплаченные валенки» укладывается в их представления о мире, а добровольный поход людей за свои права — нет.

Вред, который приносит повсеместное использование теории заговора, очевиден. Во-первых, с ее помощью можно легко доказать любые, даже взаимоисключающие версии происходящего. Поскольку теория заговора подменяет собой аналитику и прогнозирование, реальная ситуация остается неизученой и непрогнозируемой. Примеры все те же — развал СССР и Майдан. Оба события не были и не могли быть предсказаны именно в силу распространенности теории заговора, в первом случае из-за недостатка информации и закрытости СССР, во втором из-за подмены анализа заговорами, которым много лет грешит украинское аналитическое сообщество.

Во-вторых, заговоры и особенно их постоянное смакование в прессе, создает свой иллюзорный мир. «Подковерье» давно заменило «ковер» в украинской политике. Ни у кого уже не возникает вопрос: а что все эти люди, «заговоры» которых так смакуют газеты, вообще делают на этом месте, какова их общественно полезная функция?

риях. «Теория заговора» — это ошибка в теории, предполагающая, что враги не имеют других целей, их ресурсы неограниченны и т.д.

Наконец, главная опасность — теория заговора всегда создает «врагов» для плебса. Катаклизмы 20 века неотделимы от теории заговора. И марксизм, и нацизм имели несколько теорий заговора: «плутократия», «мировое еврейство», «сионские мудрецы», «мировая буржуазия» и т.д. и т.п.

Бороться с теориями заговоров бессмысленно. Их нужно просто игнорировать. Но для этого их нужно распознавать и отличать от гипотез, прогнозов и т.п. **Могу предложить простой способ определения того, имеете ли вы дело с теорией заговора. Если из предлагаемой концепции следует, что разоблачаемые автором силы чрезвычайно умны, организованы, изворотливы и дальновидны — значит перед вами — теория заговора**.

2008

2.13. Заговор украинских избирателей против украинского народа. Немного о конспирологии

«Теория заговоров» (конспирология) занимает все больше и больше места в нашей жизни. Если до недавнего времени конспирология была лишь методом работы СМИ и разного рода аналитиков, то с появлением интернета мы столкнулись с настоящим всенародным триумфом этого метода. Конспирология стала определяющим типом массового сознания. Собственно, большинство «дискуссий», которыми занята широкая пуб-

лика — это дискуссии вокруг того, чей заговор является правильным, кто «на самом деле» стоит за теми или иными событиями. Такое состояние дел является более чем печальным, ибо создает у людей ложные стимулы и приводит к ошибочными решениям. Вот, например, МММ, в версии 2012 года. В основе деятельности этой конторы лежит своеобразная идеология, основанная на типично конспирологической схеме. К сожалению, работает.

Что есть заговор?

Заговор есть соглашение группы лиц тайно координировать свои действия ради достижения известной им заранее (и, как правило, тоже тайной) цели. Чтобы понять, о чем будет идти речь в этой заметке, проще сказать, что автор этих строк не считает конспирологическими теориями.

Итак, это, прежде всего анализы и гипотезы. Конспирология и гипотезы отличаются друг от друга тем, что методологически правильная гипотеза (или анализ) начинаются с вопроса «как это получилось», а конспирология с вопроса «кому это выгодно». Часто грань между аналитикой, гипотезами и конспирологией очень тонка, а в случае Украины большинство аналитических продуктов есть просто обычные теории заговоров.

Не являются заговором обман и попытки манипуляций, например следящий за всеми нами «Гугл» не

есть заговор, а банальная попытка втюхать вам какую-нибудь ненужную дрянь. Заговоры же (в представлении их разоблачителей) отличаются тем, что им практически невозможно противостоять.

И, наконец, не являются конспирологическими реально существующие сговоры, такие, как ОПЕК или многочисленные сговоры крупных компаний и государств, будь они тайными или явными. Они преследуют краткосрочные цели, и в большинстве случаев являются максимум «двухходовками», а не теми умопомрачительными построениями, которые разоблачают авторы конспирологических теорий.

Почему мы мыслим заговорами

Прежде всего, — заговор, это подтверждение привычной и удобной картины мира. При этом важна не столько сама картина, сколько эмоциональное отношение автора конспирологической теории к ее участникам — «хорошим» и «плохим» парням. Вот типичный пример текста, вызванного конспирологическим мышлением, заметка в газете «Гардиан», автор которой утверждает, что «капитализм» заинтересован в развале семьи и тому подобном. Все дело в том, что автор не любит «капитализм». Если бы, скажем, наблюдалась тенденция к росту семей и количества детей и эта тенденция не нравилась бы автору, он бы тоже обвинил в ней «капитализм», которому выгоден рост численности населения и который наживается на том, что мо-

жет продать больше детских игрушек. На самом деле, «капитализм» извлекает прибыль из любого состояния дел, корпорации всегда держат нос по ветру, но не они создают ветер.

Хуже, чем заговор

Однако, главная причина конспирологического мышления — неспособность осознать удивительную силу и эффективность никем не координируемой деятельности людей, которые всего лишь стремятся достичь своих собственных целей. Обычное бытовое (читай — конспирологическое) сознание считает, что если в некой ситуации есть кто-то, кто по мнению наблюдателя, проигрывает от нее, то это означает, что ситуация вызвана исключительно действиями того, кто от нее выигрывает (опять-таки, с точки зрения наблюдателя) и никак иначе.

На самом деле, в подавляющем большинстве случаев свойства заговора приписывают ситуации «координации без ведома», то есть взаимодействия людей, преследующих свои интересы. Таких ситуаций бесчисленное множество. Например, очень хорошо знакомая разным инноваторам ситуация противодействия бюрократической машины — неважно, государственной или корпоративной. Это противодействие часто выглядит как изощреннейший заговор, а на самом деле, чаще всего, вызвано обычным поведением людей, выбирающих из возможных альтернативных решений. Если

аппарат сопротивляется инновациям, значит, сохранность статус-кво для каждого участника является более ценной, чем ее изменения. Чтобы эффективно противодействовать новшествам, аппаратчикам не нужно вступать в сговор, достаточно просто выполнять свою работу даже не зная о деятельности друг друга и не координируя ее специально.

Однако, лучшей иллюстрацией естественной координации является заговор украинских избирателей против украинского народа, который избиратели успешно реализуют в течение 20 лет. Каждые выборы украинским избирателям удается выбирать таких политиков, от которых украинский народ страдает до следующих выборов, на которых избирателям опять удается выбрать еще более худших политиков, и так далее.

Почему заговоры не работают

Автору этих строк запомнилась следующая цифра: «прямые приказы понимаются исполнителем в среднем на 60%». Этот факт был доведен до моего сведения до появления в нашей жизни британских ученых, поэтому у меня есть основания ему доверять. В любом случае, какой бы ни была эта цифра, проблема, которую она иллюстрирует, хорошо известна. Речь идет об одной из причин слабости иерархий. Чем больше звеньев, тем выше потери информации и тем хуже управляемость. Никакой приказ не является на 100%

буквальным. Отдающий приказы в большинстве случаев имеет в виду что-то еще, руководствуясь своими представлениями о том, как должны развиваться события после получения приказа, и самое интересное, что он не способен полностью сформулировать это «что-то еще», не говоря уже о способностях подчиненного точно понять и выполнить указания.

Именно поэтому в иерархиях так важен «опыт совместной работы», так ценно понятие «сработавшегося коллектива». Эти определения просто иллюстрируют людей, научившихся понимать друг друга в цепочке принятия решений и команд, понимать то, что на самом деле имеется в виду за буквальной частью приказа.

Теперь давайте транслируем эту проблему в заговор, то есть, в ситуацию, где участники действуют тайно и в большинстве случаев не доверяют друг другу. Мы увидим, что в этой ситуации проблема многократно усиливается. Заговор предполагает достижение заранее заданной цели, а не просто саботаж и «вставляния палок в колеса». Мы поймем, что заговоры могут работать лишь в краткосрочной перспективе и для очень простых целей. Например, дворцовый переворот — цель, вполне доступная заговору. Но вот уже более сложная цель — дворцовый переворот для того, чтобы всех рыжих сделать маркшейдерами, вряд ли может быть достигнута с помощью заговора.

Конспирологи обычно оперируют заговорами, которые впечатляют своими масштабами и длительностью. Однако, реальные заговоры не могут существовать долго, потому, что все без исключения люди действуют, постоянно выбирая из имеющихся альтернатив. Мир меняется, меняются альтренативы и их ценность. Со временем становится неясно, почему заговорщик должен действовать ради дворцового переворота, который поможет всем рыжим стать маркшейдерами. Возможно, в момент заговора, это была наиболее ценная альтернатива. Но все меняется.

Или такой пример с альтернативами. Возьмем любимый в народе заговор нефтяных компаний с целью не допустить дешевых источников энергии. Я вполне допускаю, что некоторые компании могут не желать такого поворота событий, и даже допускаю, что они прикладывают осознанные усилия для того, чтобы не допустить на рынок те или иные технологии. Более того, я полагаю, что компании даже могут координировать свои усилия в этой деятельности. Однако отсутствие полной и массовой альтернативы нефти не есть результат этой деятельности. Отсутствие альтернативы есть простая констатация факта, что при данных ценах на нефть другие альтернативы невыгодны.

Ну и, наконец, важнейший аргумент — цена заговора. Давайте, например, обратимся к любимому автором этих строк процессу расширения государства. Задумайтесь только над тем, какой удивительной красоты и дальновидности заговор вырисовывается хотя

бы в процессе монополизации денег. Сегодня заговорщики получили ситуацию, когда они полностью контролируют всех владельцев государственных денег и управляют их активностью. Инфляция позволяет заговорщикам получать постоянный доход от перераспределения богатства, владельцы денег вынуждены защищать их от инфляции, кредитуя банки, чем еще более увеличивают доходы заговорщиков. Инфляция делает бессмысленными сбережения, скажем, на старость, заставляя создавать пенсионные фонды под гарантией государства. Это делает людей полностью зависимыми от государства, создает шаблоны их жизни, в которых они вынуждены от рождения до смерти полагаться на государство и потому всячески поддерживать его на «выборах». Фактически, этот заговор превращает нас всех в рабов эмитентов монопольных денег.

В этом заговоре есть только одно «но». Его участники должны были тайно работать не покладая рук где-то с 18-го века по конец 20-го, и только «элита» конца 20-го века в полной мере смогла насладиться результатом. Вы верите в реальность такого заговора?

В чем вред теории заговоров

Понятно также, что конспирология является питательной средой для легитимизации массового насилия. Все ужасы 20-го века в виде коммунизма, национализма и т.п. основаны на той или иной конспиро-

логической идее — заговорах «мирового еврейства», «мировой буржуазии» и т.п..

Понятно так же, что привычка задавать вопрос «кому это выгодно» вместо вопроса «почему это случилось» резко снижает качество анализа и упрощает выводы.

Однако, наверное, все-таки самое страшное последствие — это ошибочные решения и ошибочная деятельность, которую вызывают простые конспирологические подходы.

Давайте рассмотрим три наших примера: заговор избирателей против народа, альтернатива нефти и монополию на деньги.

Случай с заговором избирателей не считается заговором по причине того, что среднестатистический мозг в состоянии сравнить множество избирателей и множество, составляющее народ. Между тем, этот случай имеет классические признаки заговора в том, что некие последствия деятельности неких людей вызывают у них неприятие и возмущение. Этот случай отличается от обычного заговора лишь тем, что вредителями здесь являются не евреи и инопланетяне, а те же люди, которые несут ущерб. Мало того, большинство этих людей осознает причинно-следственную связь. Однако, дальше все развивается, как и в других заговорах. То есть, вместо того, чтобы осознать, что «элита» есть прямое продолжение народа и его качеств, и что про-

блема решается в изменениях «снизу», люди продолжают возлагать чаяния на выборы и доброго царя.

В случае альтернативных источников энергии «проблема» состоит в том, что они дороже нефти. Однако, на самом деле, мы не знаем, сколько стоит нефть. Сторонникам альтернативных источников энергии следовало бы направить свои усилия на полную приватизацию недр, ибо пока недра в подавляющем большинстве случаев находятся в так называемой «государственной» собственности, нефтяные компании занимаются самой настоящей эксплуатацией, не имея никаких стимулов к сбережению и поиску лучших способов использования залежей ресурсов, которые они только добывают, но которыми не владеют. Грубо говоря, «цена на нефть» сегодня — это результат взаимодействия не столько спроса и предложения, сколько политических решений, картельных сговоров (ОПЕК) и главное — отсутствия на рынке реального собственника с пониманием собственных издержек и перспектив.

Вряд ли вы найдете влиятельных сторонников такой позиции. Большинство из них требует (и получает) государственные гарантии, субсидии и прочие подачки, чтобы «защититься» от злобных нефтяных компаний. Таким образом, создается ситуация не соревнования нефти и альтернативных источников, а соревнования одной взятой с потолка цены с другой такой же «потолочной».

И, наконец, денежная монополия. На самом деле, последствия, о которых было сказано выше, действительно существуют. Но причины их — не заговор. Причина — естественное поведение людей (и потому автор называет такую ситуацию «хуже, чем заговор»). Все люди заняты тем, что пытаются улучшить свое состояние относительно настоящего. Просто некоторые, именуемые государством, обладают возможностями, недоступными другим — монополией на насилие, производство законов и доходом, зависящим от наличия работы, но не от ее результата. Монополия на деньги возникла как деятельность по улучшению положения этих людей, равно как и последствия этой монополии.

И опять же, если мы верим в заговор, то бороться с ним нужно, национализируя ФРС (к пущей радости «элиты») или… вступая в МММ. Если мы понимаем, что все «гораздо хуже, чем заговор», то целью становится ликвидация монополии на деньги.

2011

2.14. Сам себе Оруэлл

Поводом к написанию этой заметки послужил текст известной российской публицистки Юлии Латыниной «Защита прав людоеда, или Либеральный фундаментализм». В своем тексте Латынина рассуждает о том, как правозащитные организации помогают международной бюрократии гнобить все на свете. Не вступая в полемику с содержанием заметки Латыниной, отмечу

только один ее пассаж, который, собственно, и привел к написанию настоящей заметки:

«Новая идеология господствует в мире, и имя этой идеологии — либеральный фундаментализм. Либеральный фундаментализм отрицает за государством право вести войны и арестовывать людей, зато считает, что государство должно обеспечить всех деньгами, жильем и образованием. Либеральный фундаментализм называет любое западное государство — диктатурой, а любого террориста — жертвой западного государства» — сообщает нам Латынина.

Честно говоря, я несколько раз перечитал этот абзац, дабы убедиться в том, что правильно все понял. Я бы, может быть, принял это утверждение, сильно, конечно, поморщившись, если бы из контекста было ясно, что речь идет об американском «либерализме», который до того, как присвоил себе это название, всегда и везде назывался социализмом. Но нет, речь ведь идет даже не просто о либерализме, а о неком «либеральном фундаментализме». Помня, что фундаментализм — это, так сказать, попытка «держаться корней», я пришел в еще большее недоумение, ибо, любому, кто хоть немного знаком с либерализмом, известно, что он (и особенно в версии «фундаментализма») ну никак не может считать, что «государство должно обеспечивать всех деньгами, жильем и образованием».

Эта, мягко говоря, вольность в терминологии, заставляла меня во время чтения заметки Латыниной по-

стоянно проверять — называет ли она терроризмом то же, что и я, и не оказалось ли так, что на самом деле речь идет о кружках вышивания крестиком?

Этот пример — лишнее свидетельство того, что в мире происходит упорная «война терминов». Вольное словоупотребление Латыниной далеко выходит за рамки некомпетентности. Так нельзя ошибиться, такое можно только специально придумать.

До относительно недавнего времени эта проблема связывалась, в основном, с игрой смыслами, которой так любят заниматься диктатуры, и классиками описания этого занятия, конечно же, являются Оруэлл и Бредбери, (у последнего, напомню, «пожарники» занимаются тем, что сжигают книги). Однако, деятельность по подмене смыслов бурно цветет и без всяких диктатур.

Приведу более близкий нам пример. В Украине, наконец, нашли идеологическое определение «донецких». Знаете, кто у нас Янукович и Азаров? Никогда не поверите. Они у нас «неолибералы» (вместе с мубараками и каддафями, кстати.). Таковыми их делает сотрудничество с МВФ и желание «экономить на трудящихся». Опять-таки, оставим в стороне само содержание, обратим внимание на терминологию. Заметим, что назвать «либералами» Януковича с Азаровым язык все-таки как-то не повернулся. А вот загадочными «неолибералами» — сколько угодно.

Я никогда особо не интересовался перипетиями появления «неолиберализма», «неоконсерватизма» и т.п. Помню, что чаще всего, мне попадались упоминания о специфическом происхождении, по крайней мере, первого термина.

Похоже, что так оно и есть, ибо статья в «Вики» в первой же части сообщает, что «известный либеральный публицист Марио Варгас Льоса считает, что никакого самостоятельного явления под названием «неолиберализм» не существует, а термин был придуман противниками либерализма «с целью семантически обесценить теорию либерализма».

Последующее содержание статьи в «Вики» только подтверждает этот вывод. «Согласно теории неолиберализма, нации и государства на мировом рынке также выступают в роли предприятий, — сообщает нам «Википедия». С точки зрения философии неолиберализма, существование и функционирование рынка обладает самоценностью, независимо от его воздействия на производство товаров и услуг, а законы функционирования рыночных структур составляют фундаментальное основание этики. Соответственно, в неолиберализме не существует различия между рыночной экономикой и рыночным обществом, а его этическая концепция возвращается к меркантилизму».

Опять-таки, у того, кто знаком с либерализмом, этот набор слов вызовет только смех. Для тех, кто не знаком, поясню, что первая фраза, о том, что нации и

государства выступают на рынке в виде предприятий, является как раз мнением (одним из) разного рода этатистов, то есть, сторонников государства и его вмешательства. Это мнение прямо приводит их к протекционизму, а не к требованию его отмены, как утверждает статья в «Вики». Два последующих предложения — это просто идеологические обвинения в адрес либерализма из левацкого лагеря, сформулированные в виде «нейтрального» описания. Это как если бы средневековый инквизитор, попав в наше общество и описывая его в « Википедии», сообщал бы, что «они не только не считают, что испытание водой способно определить ведьму, но также считают, что не ведьмы портят урожай и не они наводят порчу на скот». Особенно умилительны здесь ссылки на меркантилизм, с борьбы с которым, собственно, и начался либерализм, но оставим это за скобками.

То есть, я хочу указать на то, что сама концепция «неолиберализма» внутренне противоречива. Я не против того, чтобы люди исповедовали сколь угодно путаные и противоречивые взгляды, я против того, чтобы эти взгляды каким-то образом привязывались к уже существующим идеям. Называйте их как-нибудь по-другому, зачем тащить сюда либерализм, приделывая к нему это «нео»? Если, помятуя, что «у кошки четыре ноги, а сзади у нее длинный хвост», мы назовем кошкой собаку, которая имеет такие же отличительные черты, мы совершим ошибку, даже если назовем собаку «неокошкой». Точно так, же некое сходство с

некоторыми либеральными тезисами не делает мифический «неолиберализм» реальностью.

Когда вы называете нечто «нео», то тем самым утверждаете тесную связь этого явления с его предшественником. Нельзя называть нечто «неолиберализмом» без того, чтобы самим названием постулировать связь со «старолиберализмом». А такой связи, пардон, нет, хотя бы в виду отсутствия «неолиберализма», как сколько-нибудь внятной идеи. Поэтому, следует признать, что Марио Льоса был таки прав.

Похоже, что мы имеем дело не с обычной путаницей, которая так характерна для «Википедии», а с типичным для левых явлением, когда они, для обозначения своих врагов, сами выдумывают им определения и идеологию, которой те, якобы, следуют. Утверждение Льоса ясно говорит о том, что при всей пестроте современного либерализма, в нем нет какого-то мощного течения, самоотождествляющего себя с «неолиберализмом». Такое течение есть только в головах у левых и об этом они радостно сообщают миру в заметках в «Википедии» и прочих публичных местах.

Мне скажут, что все это, мол, идеологически изыски, которые не имеют отношения к жизни трудящихся. Это, конечно, не так, но за неимением места, я просто приведу пример смысловой подмены, которая имеет самое что ни на есть практическое значение. Речь пойдет об инфляции.

Давайте возьмем металлический стандарт, в котором денежной единицей является вес металла. Теперь представим, что некто производит монеты меньшего веса, но с тем же номиналом. Почему он это делает? Потому, что он может выдавать один и тот же вес за большее количество денежных единиц, то есть сделать больше монет из того же куска золота или серебра. Государства обычно не любят таких людей, называют их фальшивомонетчиками и сажают в тюрьму. Правда, сами государства регулярно занимались «порчей монеты», то есть, потихоньку уменьшали ее вес, сохраняя номинал. То есть, возникала ситуация, когда количество денежных единиц (монет) значительно превышает количество денег (веса металла, принятого в качестве денежной единицы). Это и есть инфляция.

До Второй мировой войны инфляцией называлось именно увеличение денежной массы, проводимое государством. Однако, затем, по многим причинам, инфляцией стали именовать рост цен, который обычно наступает в результате этой процедуры. Здесь и произошла подмена, когда следствие начало называться так же, как его причина, а сама причина тем самым, как бы была вынесена из поля зрения публики.

Однако рост цен вызывается изменением спроса и предложения. В таких странах, как наша, на рост цен оказывает влияние хаотическая деятельность государства и коррупция. Является ли все это инфляцией, а точнее, имеет ли этот показатель в этом случае полит-

экономическое, а не сугубо теоретическое значение? Конечно, нет.

В общем, может быть кому-то и интересно забавляться тем, как меняются цены на товары потребления в течение года, но главного — производства государством денежной массы — в параметре инфляции больше нет и, следовательно, он не имеет больше никакого практического значения.

P.S. Кстати, раз уж мы говорили о либерализме, то заметим, что деятельность его противников подтверждает те вещи, которые этот либерализм описывает и объявляет существующими вне зависимости от нашего желания или «веры» в них. Например, самоорганизующийся рынок. Процессы внедрения смысловых подмен, показывают, как работает рынок и насколько он эффективен. Без всяких заговоров, цензур, огранизованой координации и вказивок из «центра», на чистом интересе и совпадении интересов с помощью смысловых подмен создается удобная для участников этого процесса картина мира. 2011

2.15. Об идее улучшения, «вере в рынок», «моделях» и лорде Актоне

В любой дискуссии на политэкономические темы рано или поздно наступает момент, когда одна из сторон начинает утверждать, что все это, мол, есть предмет веры. «Вы верите в рынок» — говорят мне оппонен-

ты. Другая версия того же подхода — это игра в «модели». Вот, дескать, существует «рыночная модель», и существуют еще какие-то другие, очевидно, «нерыночные» модели.

Вся беда в том, что если нерыночные модели таки существуют и их можно описать, то вот выяснить, что же такое «рыночная» модель, не удается. Точно так же не удается выяснить, в чем же предмет «веры в рынок». И еще одна беда состоит в том, что нигде об этом не написано. Простые вещи, о которых я хочу сказать, мне приходят в голову только потому, что мне приходится читать и думать на эту тему.

Так вот, я начну с того, что никакого «рынка» не существует. Не существует в том смысле, в котором у нас признают факт существования чего-либо. То есть, здесь нет офиса, вывески, начальников, подчиненных, инструкций, распоряжений и приказов. А что есть? Есть институты. Что это такое? Это шаблоны поведения. Вы можете им следовать (и чаще всего так и бывает), даже не осознавая их. Четко вычленить и описать институты не получится, они изменчивы и расплываются при приближении. Почему? Потому, что это — практика людей. Люди учатся (чаще всего, неосознанно) друг у друга практике, которая приносит результат и которую они поэтому считают полезной. Институты — это, например, право или деньги — их никто не выдумывал специально, это те практики, которые позволяют достигать лучших результатов.

Что мы можем тогда назвать «рыночной экономикой»? Это любое свободное производство и обмен между людьми. «Рынок» возникает там, где появляется человеческое «я», способность отделить себя от другого и отделить «мое» от «твоего». Даже в изолированном племени есть элементы «рыночной экономики».

Поэтому любая экономика — рыночна. СССР или Северная Корея тоже имеют «рынок». Вся разница между эпохами и странами в том, насколько одни люди позволяют другим людям свободно производить и обменивать продукты своего труда. Чем свободнее, тем меньше похоже на Северную Корею. Называть это «моделью» как-то бессмысленно, ибо эта «модель» существует всю историю человечества и непонятно, что же тогда не-модель.

Откуда же тогда все эти идеи о «моделях» и «вере»? Как и в любом другом деле, видимый нами мир часто отличается от реального. На вид Земля плоская, и Солнце вращается вокруг нее, но, похоже, что в реальности это не совсем так. Точно так же и с институтами, возникающими в ходе практики. Их ведь никто специально не создавал, у них нет автора. Поэтому, для того, чтобы попытаться осознать эффекты, которые возникают при свободном производстве и обмене, нужны специальные умственные усилия. Эти специальные усилия начали прикладывать в 18-19 веке, и выяснилось множество интересных вещей, связанных с происхождением богатства народов. Выяснилось, что реальные закономерности, которые удается установить,

часто отличаются от обыденных представлений людей о том, что они сами делают.

И вот в этом месте возникает та путаница, в которой мы все до сих пор существуем. Связана эта путаница с тем обстоятельством, что в момент появления экономики как науки, сама экономика, как процесс производства и обмена, была весьма зарегулированной. На общем фоне веры в науку и прогресс, от новой науки ждали рецептов «улучшения» и они не замедлили последовать. При этом, если классические экономисты понимали «улучшение», как устранение существовавших помех для деятельности людей, то всякого рода карлы марксы или немецкая «историческая школа» те же самые улучшения понимала как создание новых помех. Все говорили об «улучшениях» в 19-м веке, говорили о них в 20-м, продолжают говорить сейчас и разобраться в этом не могут до сих пор.

Иллюстрацией путаницы может служить высказывание классика жанра лорда Актона, который сказал, что либерализм говорит не о том, **что есть**, а о том, что **должно быть**. На самом деле, как это хорошо видно сегодня, дело обстоит прямо противоположным образом. Сторонники свободы говорят о том, что люди сами наилучшим из всех возможных способов способны позаботиться о себе, и потому «улучшение» состоит в **устранении помех** для производства и обмена. Следовательно, сторонники свободы говорят о том, **что есть**, а не о том, что должно быть, поскольку те **реальные** институты, которые мы используем в повседнев-

ной жизни, есть продукт эволюции, а не результат сознательного акта политического творения. То есть, что вы там не изобретайте, не улучшайте, а реальность человеческой природы переделает все это по-своему, и потому политическая практика сторонников свободы должна состоять не в изобретении новых мер социальной инженерии, а в расчистке и ликвидации нормативных завалов, мешающих людям жить.

Думаю, что идея «улучшения» или социальной инженерии сыграла роковую роль в том, что мы до сих пор пережевываем те же самые проблемы, о которых писал Фредерик Бастиа еще в середине 19 века (что характерно, его противники приводят те же самые аргументы и теми же самыми словами, что и сегодня). Идея «улучшения» естественно предполагает «модели», «планы» и тот специфическим язык, который возникает вокруг этой деятельности.

Приведу пример проблемы «что есть, и что должно быть», а также специфического языка, который мешает людям увидеть реальность, в которой они живут. Это пример из истории СССР. Обычный экономист, воспитанный моделями и прочими категориями «улучшения», сказал бы, что «в СССР рынка нет». Однако, на самом деле, административные рынки, как говорит нам Кордонский, существовали там давно, а массовый рынок, то есть, добровольный обмен между людьми в больших масштабах, появился после ослабления прямого насилия, то есть, в 70-80 годах. Я имею в виду систему блата, систему, потрясающую своими мас-

штабами и эффективностью, несмотря на то, что это была, фактически, бартерная система. Тот, кто жил в СССР, помнит, что в магазинах ничего не было, но в холодильниках у всех все было. При этом, предметом обмена были не только товары, но и услуги, должности, возможности и т.п. Это и есть то самое наше «то, что есть», — люди, хоть немного отпущенные на свободу, своими усилиями создали самоорганизующуюся систему, справиться с которой не могло самое огромное государство в мире.

Теперь переходим к моделям и тому, «как должно быть». Когда СССР начал разваливаться, в том числе, и благодаря системе блата, обученные моделям экономисты начали говорить о «переходе к рынку», «введении рынка» и тому подобном. Это и есть наше «как должно быть». И, поскольку другого языка, кроме языка социальной инженерии, для таких действий нет, люди поверили в то, что такая задача действительно существует. Неправильный язык, или, что почти то же самое, отсутствие адекватного языка, позволило людям не заметить, а точнее — не придать должного значения тому, что они сами без всякой команды создали явление грандиозного масштаба — в огромной стране сумели наладить процесс добровольного альтернативного государству обмена (замечу, весьма рискованного с точки зрения обычной экономики). Поэтому никто не остановил «реформаторов» и не сказал им, что СССР уже практически «перешел к рынку» совершенно естественным путем, и теперь все улучшения со-

стоят в том, чтобы убрать оставшиеся помехи на пути добровольной деятельности людей. Конечно, эта задача, будь она действительно поставлена, очень непроста. Но она диктовала бы совсем другие решения, чем те, что были реализованы в конце 80-х-начале 90-х под влиянием идеи «введения рынка». И думаю, мы не переживали бы нынешних экономических конвульсий и не печалились бы перспективам конвульсий будущих.

Думаю, нам всем нужно начать избавляться от слов и конструкций, порожденных социальной инженерией и идеей улучшения. Вот например, этатисты любят хихикать по поводу распространенного выражения «рынок сам собой все расставит». Дескать, идиотические либералы верят в чудо невидимой руки, которая каким-то непостижимым образом вдруг сама собой все сделает хорошо. А вы замените слово «рынок» словом «люди» и все станет на свои места. Ведь действие рынка — это результат деятельности миллионов не знакомых друг с другом людей. Их усилия не видны, потому, они не координируются из одного центра, о них не сообщает телевидение и не пишут газеты. Но эти усилия в сотни тысяч раз мощнее, не говоря уже об эффективности, тех целенаправленных и разрекламированных действий, которые прикладывает любое правительство. Упорный труд миллионов — вот, что лежит в основе идеи «невидимая рука сама собой расставит». Заменили одно слово и все стало понятно. «Люди расставят все на свои места». Это даже как-то очевидно.

И в заключении о вере. Не может же быть так, чтобы во всем этом не было некой аксиомы, которая бы нуждалась только в вере. Наверное, это так. И если уж говорить о вере, то я верю в то, что люди всегда и везде со всей возможной сноровкой и изобретательностью стремятся достичь собственных целей, как они их понимают в текущий момент времени. Вот в это я верю.
2012 А вы?

2.16. Популярная вирусология. Порядок и (или) жизнь

В конце перестройки, когда стал понятен истинный объем наших проблем, возникло и укрепилось мнение о том, что мы, «выросшие в рабстве», вряд ли что-то можем исправить, мы лишь можем послужить только неким гумусом для будущих поколений, которые, будучи рожденными «в свободе», все сделают как надо.

Прошло достаточно много лет и теперь хорошо заметно, что новые поколения, которые не то что перестройки не помнят, но и для которых наши новейшие деятели вроде Кучмы — что-то вроде Деда Мороза, радостно устремляются на хорошо знакомые и любимые нашим поколением грабли. По-видимому, «смена поколений» сама по себе ничего не гарантирует.

Самыми популярными и самыми опасными граблями являются, безусловно, грабли «порядка» и «сильной руки». Честно говоря, автор этих строк до глуби-

ны души поражен повальным стремлением к «порядку», причем не столько у ветеранов «колбасы по 2-20», сколько у молодежи. При этом, я, конечно же, понимаю, что главная причина любви к «сильной руке» — это сознательное или неосознанное желание снять с себя ответственность и поручить свою жизнь кому-то другому. Точно так же я понимаю, что фюреризм сам по себе, желание «врятувати країну» — это неплохой способ самореализации для молодых и амбициозных типов. Все это понятно, непонятно, почему о «порядке» горячо рассуждают люди, которых трудно заподозрить в личной безответственности или желании сделать карьеру на этой почве.

Идей на этой стезе родилось множество. Но все они сводятся к тому, что все, что шевелится, должно жестко контролироваться ради «народного блага». Появились просто великолепные образчики политической мысли вроде того, что президент должен «головой отвечать» за рост экономических показателей. То есть, если они не растут… ну что ж… Самое удивительное в этой идее не иллюзорность любых якобы «объективных» показателей, которые, как правило, иллюстрируют черти-что, а сама мысль о том, что некто (в данном случае, президент через государство) может **управлять** этими показателями на регулярной основе. В логике этой мысли выходит, что мы все с вами — не более, чем работники большого завода, директором которого является президент.

Парадоксально здесь то, что точно такое же представление о реальности было типичным и для старого поколения, людей типа Кучмы. Вспомним: сначала массовое сознание напрямую связывало способность претендента на государственный пост «вывести страну из кризиса» с принадлежностью к касте директоров. Они же знают, как все там устроено. Эта мысль была типичной для конца 80-х и самого начала 90-х. Затем, поскольку подходящих кандидатур так и не нашлось, «директора» расширились до «крепких хозяйственников». В середине 90-х модными была уже совсем широкая категория «предпринимателей», которые, следуя воистину железной логике «смог заработать для себя, сможет и для страны», должны были стать локомотивом в деле наведения вожделенного «порядка». Однако, «предприниматели» тоже не оправдали надежд. Теперь потенциальные носители заданных качеств находятся в месте, именуемом **«тотальная смена правящих элит»**. То есть, мало того, что мы не знаем, кто эти люди, они, к тому же, находятся где-то в будущем, подобно Терминатору. Это Те-Кто-Придет-На-Смену-Этим.

Забавно, что явно провалившиеся попытки найти место, в котором должны находиться персонажи, способные «навести порядок», никак не повлияли на саму потребность в этом «порядке».

Точно так же не повлияла на эту потребность собственная история и собственный опыт. Напомню, что все наши президенты — это ну очень твердые ру-

ки. Леонид Данилович Кучма на самом деле управлял Украиной не два президентских срока, а несколько больше. А именно — с момента назначения на пост премьера, а это было, если я не путаю, в конце 1992 года. Правительство Кучмы имело чрезвычайные полномочия, оно было исполнительной и законодательной властью в одном лице. Это — мечта всех «твердоруких», ведь тверже просто не бывает. И что? Да ничего. После этого Кучма еще раз стал премьером, а затем отправился бороться за президентский пост. И знаете, под каким лозунгом? «Порядок и порядочность».

Добыв президентский пост в 1994-м, Леонид Данилович успешно победил сам себя в 1999 году под лозунгами все того же наведения порядка, а так же стабильности. Напомню тем, кто не знал — Кучма тогда вполне серьезно объяснял, что первый президентский срок он учился быть президентом. То есть, он теперь научился и всем покажет. Показал. Так, что появился Виктор Андреевич. Это ведь его слова «бандитам — тюрьмы», верно? Это ведь твердая рука, если я ничего не путаю?

В общем, ни один уважающий себя наблюдатель не вправе сказать, что у нас хоть раз власть принадлежала мягкой, нежной и человеколюбивой руке. Нет, у нас всегда побеждала исключительная твердость. Да так, что потребность в этой твердости только возрастает. Удивительно, правда?

Родина порядка

На самом деле я никого не хочу переубеждать или доказывать, что «твердая рука» и «порядок» — это плохо. Я хочу немного поговорить о другом, а именно, о том, как **понимается** у нас порядок и о том, что именно такое понимание приводит к убедительному первенству в мировом чемпионате по наступанию на грабли.

Дело в том, что в рамках нашей темы слово «порядок» выглядит удивительно емким. Ведь этим словом обозначаются две разные, но связанные в этом контексте вещи. Первый смысл — это **ощущение** того, что все происходит, как надо. Милиционеры ловят бандитов, а не простых граждан, доктора лечат, а не калечат, никто не берет взяток и в супермаркетах всегда работают все кассы. В стране порядок.

Второй смысл — это то, как все должно быть **организовано** и устроено для того, чтобы возникло нужное ощущение. Порядок — это, в широком смысле, способ взаимодействия некоторых элементов между собой.

Собственно, желание «порядка» приходит тогда, когда наступает беспорядок. И с желанием порядка в этом моменте можно только можно согласиться. Нельзя согласиться вот с чем: нельзя согласиться с тем порядком, с той **организацией**, которая почему-то всегда предлагается для «наведения порядка».

К сожалению, «наведение порядка» понимается нами только в рамках мер, вытекающих из простых причинно-следственных связей. Не работает? Починить! Воруют? Запретить! Приставить к каждому милиционера! Падает производство? Обязать президента следить! То есть, мы домысливаем ситуацию от «нерабочей» к «рабочей» в обратном порядке и в рамках очень простых закономерностей. Нам и в голову не приходит задуматься о том, что если что-то не работает, то может это и не нужно. Или должно работать, но совсем не так. Именно эта линейность в мысленном восстановлении комфортного «порядка» из ситуации «беспорядка» и есть самое страшное.

Эта линейность приводит нас к абсолютизации совершенно конкретного типа порядка, а точнее — организации — иерархии. Линейное понимание ситуации «беспорядка» приводит к тому, что иерархический тип управления понимается как единственно возможный и правильный выход «в данной ситуации». Ситуация беспорядка диктует и очевидное следствие: мало просто установить иерархический порядок в государстве, нужно распространить его на как можно больший обьем не-государственной жизни.

Есть и другие миры

Конечно, людям, всю жизнь проработавшим в конторе, то есть, в **порядке** иерархического типа, трудно представить, что не обязательно все должно сво-

диться к принципу «я начальник — ты дурак». Кстати, замечу, украинцу почти невозможно избежать конторы (корпорации), она преследует его везде, а государство прямо указывает ему, что только контора и есть единственно законный для него вид деятельности. Конечно, это в некоторой степени оправдание для убогой мечты об убогом порядке, но лишь в некоторой степени.

Просто для иллюстрации многообразия порядков приведу цитату из Владимира Хиценко: «Говоря о распределении полномочий, ответственности и подчиненности в организациях, можно выделить два полярных способа построения структур: иерархию и гетерархию. Иллюстрацией первого способа служит экипаж небольшого военного корабля, все действия которого регламентированы инструкциями в системе отношений строгого подчинения. Футбольная команда, где каждый, руководствуясь правилами игры и ситуацией, может взять на себя инициативу в интересах всей команды, — это гетерархическая структура. Понятно, что в сложной и быстро меняющейся игровой обстановке строгое подчинение капитану команды или тренеру будет совершенно неприемлемо. Такая команда обречена. Возвращаясь к военному кораблю, отметим, что в нештатной, экстремальной ситуации, в борьбе за жизнь экипаж будет нарушать инструкции, проявлять инициативу, непредусмотренный героизм и находчивость. Характерно, что на флоте есть приказ «Каждый сам за себя», означающий слом иерархии.»

Все хорошо, там где хорошо

На самом деле, я ничего не имею против иерархии. Она неплохо работает в тех местах, где это необходимо и, прежде всего, в достаточно небольших коллективах, объединенных общей целью. Армия — классический пример иерархической организации, но, боюсь и здесь ее эффективность не выходит за пределы роты. Вспоминается «Война и Мир» Льва Толстого с его знаменитой сценой «айне коллонне марширен», в которой писатель подвергает сомнению способность человека управлять битвой. Адмиралу Нельсону приписывают фразу «Лучший адмирал — это тот, кто умеет не отдавать приказы». Парадокс Нельсона и описание Толстого — пример работы других порядков, более высоких, нежели простая иерархия, причем, в рамках системы, основанной на очень жесткой иерархии. Трафальгарскую битву и некоторые другие сражения Нельсона почти невозможно выиграть, если воспроизвести их начальные условия и попытаться руководить всем самому. Между тем, Нельсону это удалось, и, видимо, он знал простой секрет этого дела. Точно так же и ситуация «генерального сражения» 19 века, сражения, происходившего на огромной территории, как, к примеру, Ватерлоо — несмотря на невозможность полководца полностью контролировать ситуацию так, как это, к примеру, делает игрок в компьютерных играх, процесс никогда не был хаосом. Он, скорее, был самоорганизующимся процессом, где иерархический принцип распространялся на определенные группы людей,

а более крупные и более мелкие образования взаимодействовали на других уровнях.

Повторю: я намеренно говорю об армии — идеальном типе иерархической структуры. В мирное время иерархия здесь процветает, но когда доходит дело до применения этой самой армии по назначению, в дело вступают и другие порядки.

Где мы живем

Кибернетика открыла нам удивительную вещь — в этом мире почти невозможно найти хаос. Везде вы встретитесь с порядками или их частями. Ну и, конечно же, подавляющее большинство из них недоступно простому наблюдению. Кроме того, часто это как раз именно тот случай, когда наблюдатель разрушает наблюдаемое. Мы, совершенно не замечая этого, являемся участниками огромного числа порядков, которые постоянно возникают и исчезают. Мы не идентифицируем многие явления, как порядки, поскольку мы привыкли только к простым причинно-следственным связям, линейным зависимостям, закрытым структурам. Но порядки такого типа и связи такого типа являются лишь незначительной частью того, что нас окружает, и даже того, что мы сами создали и в чем принимаем непосредственное участие.

Наше незнание о них отнюдь не означает того, что таких порядков нет или их влияние незначительно. Напротив, большинство этих порядков оказывает реша-

ющее воздействие на нашу жизнь. Классический пример — это рынок, который представляет собой постоянно изменяющийся набор самоорганизующихся порядков. Рынок, на самом деле, **жестко регулируемая** вещь. Иначе говоря, только благодаря постоянной саморегуляции он и может быть эффективен. Мы не знаем и не можем знать «как там все устроено внутри» хотя бы потому, что сами являемся участниками процесса. Замечу, это знание и **не нужно**, если же оно вообще возможно, то оно всегда будет слепком, моментальным фото ситуации, которая уже в следующий момент будет совсем другой. Замечу также, что случай рынка ясно говорит о результатах попыток изменить принципы порядков, которые мы не понимаем. Этот результат постоянно и убедительно демонстрируют нам государства, которые, в большинстве случаев, своим вмешательством делают рынок **нерегулируемым**, разрушая саморегуляцию, пытаясь заменить естественные порядки на собственное представление о целесообразности.

Уже понимание этих простых вещей делает идею о заводе, на котором мы все под руководством президента боремся за рост экономических показателей, смехотворной.

Общество — слишком сложный конгломерат, который, к тому же, не может по определению иметь общих целей. Наше стремление «навести порядок» именно в политической власти, очевидно, имеет простую причину, ведь политическая власть — возможно, самый за-

метный порядок, который, как мы считаем «призван» организовывать другие порядки. Но это представление — явное заблуждение. Политическая власть, вероятно, даже далеко не самый большой и, возможно, даже не самый значимый порядок. Между тем, желание организовать политическую власть по строгому иерархическому принципу означает, что ее влияние распространится на множество других порядков, о которых мы и понятия не имеем. **Тем самым, мы мешаем себе самим самоорганизовываться в порядки, служащие нашим повседневным целям**.

Мы не можем сказать, какие порядки необходимы и как они должны функционировать. Они все равно будут возникать, независимо от нашего желания. Мы можем лишь создать условия, при которых люди имели бы максимум информации и свободы при принятии индивидуальных решений. Именно в этих условиях получается наилучшая координация и самоорганизация, а значит и правильная ликвидация беспорядка за счет возникновения порядков тех видов и форм, которые необходимы в данной ситуации.

Ну, а говоря совсем практическим языком — порядок начинается не с сильной руки президента, а с твоего дома.

В заключение приведу еще одну цитату, иллюстрирующую пределы так любимого нами иерархического типа управления: «В социологии известен эксперимент, в котором участникам, сидящим в закрытых

кабинках, раздавались карточки с цифрами, причем лишь одна цифра была общей и фигурировала на всех карточках. Задача заключалась в выявлении этой общей цифры при жестких ограничениях на возможности коммуникации. В одном из опытов участники обменивались записками с предположительной цифрой со своими соседями в круговой схеме расположения кабинок, другая схема давала больше возможностей для контактов, в третьей схеме вся информация шла через одного неизвестного остальным «шефа». В последнем случае правильный ответ получался быстрее, хотя моральные ощущения были хуже. Участники говорили о каком-то «кретине», который мешал им действовать эффективно. Однако при усложнении задачи, когда вместо цифр предлагаются шарики со сложными узорами, которые трудно описать в записке, эксперимент по иерархической схеме срывается. Участники в гневе покидают кабинки, на записках появляются оскорбления. Внимание переключается с коммуникации на коммуникаторов. При определении общего шарика по демократической схеме люди не только решали эту задачу, но и создавали общий язык для обозначения узоров, отмечали удовольствие от работы.» 2009

2.17. Хороший пример того, как выглядят те самые Спонтанные порядки Хайека

Хороший пример того, как выглядят те самые «спонтанные порядки», которые являются результатом не осознанного планирования с заранее определенной целью, а результатом деятельности множества людей, стремящихся к собственным целям, есть в классической книге Джейн Джейкобс «Смерть и жизнь больших американских городов». Не знаю, была ли знакома Джейкобс с идеями Хайека на момент написания ее книги (мне кажется, что, скорее всего, нет). По крайней мере, можно точно сказать, что Джейкобс в своей книге не ставит никаких апологетических задач, не является «анархо-капиталистом» и последователем «австрийской школы». Она не приводит свои примеры в рамках некоего умозрительного «как бы это могло быть». Ее цель куда более прозаична — это критика градостроительной политики, принятой в США. Тем ценнее, как мне кажется, ее наблюдения. Далее будет много цитат и вообще довольно много текста. Итак, Джейкобс описывает, как «правильная» улица производит столь любимую в наших дискуссиях безопасность, которую, как многие полагают, никак нельзя добыть без государственного принуждения. Выясняется, что безопасность (понимаемая в данном случае, как отсутствие грабежей и насилия) может существовать без полицейских патрулей, если на улице

складывается определенный спонтанный порядок. Вывод насчет полиции — мой собственный, но он придет в голову любому «анархо-капиталисту», читающему эту книгу. Джейкобс же задается другим вопросом: почему одни улицы более безопасны, чем другие? В ходе ответа на него, она и описывает тот самый спонтанный порядок, который лежит в основе жизни на безопасных улицах.

Для начала она развеивает несколько устойчивых заблуждений:

> *«Эту проблему (безопасности — ВЗ) нельзя считать проблемой старых городских территорий. Иногда она достигает ошеломляющей остроты на реконструированных городских участках, включая те, что считались образцовыми, — например, в жилых массивах для людей со средними доходами. Недавно начальник местного полицейского отделения одного такого массива, который расхваливали по всей стране (расхваливали прежде всего градостроители и займодатели), предостерёг жителей не только от того, чтобы ходить по улицам в тёмное время, но и от того, чтобы открывать дверь незнакомым людям. Такая жизнь очень напоминает жизнь трёх поросят или семерых козлят из детских триллеров. Проблема безопасности на тротуарах и у входных дверей одинаково серьёзна в городах, где были сделаны сознательные усилия по обновлению жилого фонда, и в городах, в этом отношении отставших. Непродуктивна и попытка взвалить ответственность за городские опасности на те или иные меньшинства, на бедных, на «отбросы общества». Среди подобных групп и среди городских территорий, где они проживают, наблюдаются громадные различия по части цивилизованности и безопасности. Например, иные из самых безопасных для пешеходов нью-йоркских улиц в любое время дня и ночи — это те, где живут именно бедные или представители меньшинств. Но и некоторые из опас-*

нейших участков заселены людьми из ровно тех же категорий. То же самое можно сказать и о других крупных городах».

Затем следует, собственно, тезис:

«Первое, что следует понять: общественное спокойствие больших городов (спокойствие на их тротуарах и улицах) лишь во вторую очередь поддерживается полицией, сколь бы необходима она ни была. Прежде всего оно поддерживается сложной, почти не воспринимаемой сознательно сетью контроля и слежения, сотканной самим населением. На некоторых городских участках (очевидными примерами часто служат старые государственные жилые массивы и те улицы, где чрезвычайно высока сменяемость населения) поддержание закона и порядка на общественных тротуарах почти всецело возложено на полицию и специальную охрану. Такие места — настоящие джунгли. Никакие полицейские силы не способны установить цивилизацию там, где сломаны нормальные механизмы повседневного, непринуждённого её поддержания». «И тут мы приходим к важнейшему вопросу, касающемуся каждой улицы большого города: насколько удобные возможности для преступлений она даёт? Есть мнение, что во всяком городе имеется некий свой ни от чего не зависящий объём преступности, который так или иначе будет реализован (я в это не верю). В любом случае различным улицам достаётся весьма различная доля варварства и страха перед варварством».

«Некоторые улицы не дают варварству никакого шанса. Замечательный пример тому — улицы бостонского Норт-Энда. В этом отношении они, я думаю, не уступят никакому месту на земле. Хотя большинство жителей Норт-Энда — итальянцы или потомки итальянцев, тамошние улицы интенсивно и постоянно используют люди всех рас и какого угодно происхождения. Иные из «чужаков» работают в Норт-Энде или поблизости, другие приходят сделать покупки и прогуляться, многие, в том числе представители меньшинств, поселившиеся в опасных районах, покинутых прежними

жителями, переводят зарплатные чеки в наличные в норт-эндских магазинах и сразу делают там большие еженедельные покупки, потому что на этих улицах нет риска расстаться с деньгами, не успев их потратить.

Фрэнк Хейви, директор местного социального учреждения Норт-Энд-Юнион, говорит: «Я в Норт-Энде уже двадцать восемь лет и за все время не слышал ни об одном случае изнасилования, грабежа, надругательства над ребёнком или другого подобного уличного преступления в этом районе. Случись такое, я бы знал, даже если бы это не попало в газеты». Несколько раз за три десятилетия, говорит Хейви, потенциальные насильники пытались заманить в свои сети ребёнка или поздно ночью напасть на женщину. И неизменно эти попытки пресекались прохожими, владельцами магазинов или любопытствующими, заметившими в окно неладное».

Джейкобс говорит, что большой город отличается от деревни и маленьких городков тем, что на его улицах постоянно находятся незнакомцы. В деревнях и маленьких городках люди обычно знакомы друг с другом и порядок там в значительной степени основан на репутации в местном сообществе. В большом городе, конечно, тоже полно разнообразных коммьюнити, но улицы используют все и незнакомцы на улицах — это норма, а не исключение (нужно сказать, что существует практика своего рода закрытых поселений в городской черте, о чем тоже говорит Джейкобс).

Как в этих условиях городская улица может поддерживать безопасность? Ответ Джейкобс — порядок на улице зависит от «сложности использования среды»

«Это истина, которую знают все: интенсивно используемая городская улица, как правило, безопасна. Пу-

стынная городская улица, как правило, — зона риска. Но какие механизмы тут задействованы? И почему одни улицы используются интенсивно, а другие нет? Почему люди сторонятся торгово-прогулочной зоны в Вашингтон-Хаусез, созданной именно для того, чтобы их привлекать? Почему тротуары старого города чуть западнее комплекса полны народа? А что можно сказать об улицах, оживлённых некоторую часть дня, а потом резко пустеющих?

Чтобы улица большого города была способна выдерживать наплыв незнакомцев и даже повышать с их помощью уровень безопасности, что всегда происходит на успешных городских участках, она должна отвечать трём главным требованиям.

Во-первых, необходимо чёткое разграничение между публичным и частным пространствами. Они не могут плавно перетекать друг в друга, как это обычно бывает в пригородах и в жилых массивах, построенных по единому проекту.

Во-вторых, необходимы глаза, устремлённые на улицу, — глаза, принадлежащие тем, кого можно было бы назвать естественными владельцами улицы. Здания, приспособленные для того, чтобы иметь дело с незнакомцами и обеспечивать безопасность как местных жителей, так и незнакомцев, должны быть обращены к улице. Они не могут стоять к ней спиной или слепым боком и лишать её зрения. И, в-третьих, на тротуаре более или менее постоянно должны быть использующие его люди. Это важно как для увеличения за их счёт числа полезных глаз, так и для того, чтобы у достаточного количества людей в зданиях вдоль улицы был стимул смотреть на тротуары. Мало кому нравится сидеть на крыльце или у окна и глазеть на пустую улицу, и почти никто этим не занимается. Но оживлённая уличная жизнь — увлекательное зрелище для многих и многих». «Не все горожане участвуют в заботе об улицах, и многие, кто в городах живёт или работает, не имеют представления о том, почему находиться в их округе безопасно. На днях на улице, где я живу, произошёл один случай, и он заинтересовал меня именно в этом плане.

Должна объяснить, что мой квартал невелик, но в нем довольно много разных типов зданий: от несколь-

ких разновидностей дешёвых многоквартирных жилых домов до трёх- или четырехэтажных небольших строений, либо переоборудованных так, что на каждом этаже, кроме первого, имеется сдаваемая за низкую плату квартира, а на первом магазин, либо, как в моем случае, приспособленных для односемейного проживания. Противоположная сторона улицы раньше в основном была застроена четырехэтажными кирпичными жилыми домами без лифтов с магазинами на первом этаже. Но двенадцать лет назад несколько таких домов, от угла до середины квартала, переделали в одно здание с лифтами и небольшими квартирами, сдаваемыми задорого.

Случай, который привлёк моё внимание, заключался в затаённой борьбе между мужчиной и девочкой восьми-девяти лет. Казалось, он добивается, чтобы девочка пошла с ним. Он то умасливал её, то принимал вид напускного безразличия. Девочка стояла, прямая и напряжённая, как часто стоят сопротивляющиеся дети, у стены одного из дешёвых многоквартирных домов на той стороне улицы.

Наблюдая сцену в своё окно второго этажа и думая, как мне вмешаться, если потребуется, я вскоре увидела, что могу не волноваться. Из мясного магазина на первом этаже того самого дома напротив вышла женщина, которая ведёт там торговлю вместе с мужем. Скрестив руки на груди, с решительным лицом она встала в пределах слышимости от мужчины и девочки. Примерно в тот же момент по другую сторону от них с твёрдым видом появился Джо Корначча, который вместе с зятьями держит магазин кулинарии. Из окон дома высунулось несколько голов, одна быстро втянулась обратно, и несколько мгновений спустя её владелец вырос в дверном проёме позади мужчины. Двое посетителей бара рядом с мясным магазином подошли к двери и стали ждать. На моей стороне улицы слесарь, торговец фруктами и владелец прачечной вышли из своих заведений, и из нескольких окон, кроме моего, за происходящим смотрели жильцы. Сам не зная того, незнакомец был окружён. Никто не позволил бы ему утащить девочку, пусть даже все видели её в первый раз.

С сожалением — хотя сожаление это чисто сценического свойства — должна сообщить, что девочка оказалась дочерью этого человека».

«Главным условием, создающим возможность такого наблюдения, является обилие магазинов и других общественных мест, расположенных вдоль тротуаров; особенно важно, чтобы среди них были заведения, работающие вечером и ночью. Основные категории таких заведений — магазины, бары и рестораны; они обеспечивают безопасность на тротуарах несколькими различными и сложными способами.

Во-первых, они дают людям — как жителям округи, так и «чужакам» — конкретные поводы для использования тротуаров, на которые выходят эти заведения.

Во-вторых, они побуждают людей идти по тротуарам мимо мест, не привлекательных для публичного использования как таковых, но становящихся промежуточными этапами на пути к чему-то другому; так как географически это влияние не распространяется очень далеко, заведения должны располагаться в районе достаточно часто, чтобы насытить прохожими промежуточные участки улицы. Более того, должно быть много разных типов заведений, чтобы у людей были причины двигаться перекрёстными маршрутами.

В-третьих, сами владельцы магазинов и других предприятий мелкого бизнеса обычно являются активными защитниками закона и порядка. Они терпеть не могут разбитых окон и грабежей, им крайне невыгодно, чтобы посетители нервничали по поводу безопасности. Если их достаточно много, они образуют очень эффективную систему наблюдения за улицами и тротуарами.

В-четвёртых, уличная активность, создаваемая теми, кто идёт по делам, и теми, кто хочет перекусить или выпить, служит магнитом, привлекающим других людей.

Этот последний пункт — о том, что люди самим фактом своего присутствия привлекают других людей, — похоже, недоступен пониманию градостроителей и архитекторов-дизайнеров в крупных городах»

«Незнакомцы стали колоссальным благом и стимулом для улицы, на которой я живу, особенно поздно вечером и ночью, когда средства, обеспечивающие безопасность, особенно необходимы. Нам повезло: у нас не только есть бар местного значения и ещё один за углом, но к тому же имеется знаменитый бар, привлекающий орды незнакомцев с соседних городских участ-

ков и даже из других городов. Он приобрёл известность благодаря тому, что его посещал и упоминал в своих произведениях поэт Дилан Томас. Каждый день работа этого бара чётко разделяется на два периода. Утром и в первые послеполуденные часы это традиционное место встреч для старинного местного сообщества портовых грузчиков-ирландцев и рабочих других профессий. Но с середины дня здесь идёт иная жизнь, больше похожая на гибрид мужских пивных студенческих посиделок и литературного коктейля, и это продолжается далеко за полночь. Если ты проходишь мимо «Уайт хорс» холодным зимним вечером и в этот момент дверь открывается, на тебя накатывает мощная, горячая волна разговора и оживления. Люди, идущие в бар и из бара, не дают нашей улице пустовать до трёх часов утра, и ходить по ней всегда безопасно. Единственный случай избиения на нашей улице, о котором я знаю, произошёл в мёртвый промежуток между закрытием бара и рассветом. Избиение прекратил наш сосед, который увидел происходящее в окно и вмешался, подсознательно уверенный, что даже ночью он не одинок, что он составляет часть прочной системы уличного правопорядка».

«В некоторых богатых районах, где самостоятельный надзор горожан развит слабо, — например, на жилом участке Парк-авеню или на северном отрезке Пятой авеню в Нью-Йорке — нанимают специальных уличных наблюдателей. В частности, однообразные тротуары жилой части Парк-авеню на удивление мало используются; потенциальные пользователи вместо них толпятся на интересных, изобилующих магазинами, барами и ресторанами тротуарах Лексингтон-авеню и Мэдисон-авеню к востоку и западу и на ведущих к ним поперечных улицах. Сеть швейцаров и управляющих домами, посыльных и нянь, своего рода наёмная местная среда, обеспечивает жилую часть Парк-авеню глазами. Вечерами, полагаясь на швейцаров как на оплот своей безопасности, владельцы собак выводят их на прогулку и добавляют свои глаза к швейцарским. Но эта улица так бедна наблюдателями, связанными с ней органически, она создаёт так мало поводов к тому, чтобы использовать её и надзирать за ней, вместо того чтобы при первой возможности свернуть за угол, что, если квартплата упадёт ниже уровня, позволяющего содержать

всех этих многочисленных швейцаров и лифтёров, она безусловно станет улицей чрезвычайно опасной».

«Под кажущимся беспорядком старого города там, где он функционирует успешно, скрывается восхитительный порядок, обеспечивающий уличную безопасность и свободу горожан. Это сложный порядок. Его суть — в богатстве тротуарной жизни, непрерывно порождающей достаточное количество зрячих глаз. Этот порядок целиком состоит из движения и изменения, и хотя это жизнь, а не искусство, хочется все же назвать его одной из форм городского искусства. Напрашивается причудливое сравнение его с танцем — не с бесхитростным синхронным танцем, когда все вскидывают ногу в один и тот же момент, вращаются одновременно и кланяются скопом, а с изощрённым балетом, в котором все танцоры и ансамбли имеют свои особые роли, неким чудесным образом подкрепляющие друг друга и складывающиеся в упорядоченное целое. На хорошем городском тротуаре этот балет всегда неодинаков от места к месту, и на каждом данном участке он непременно изобилует импровизациями».

В общем, безопасность, если соблюдаются условия «сложности использования среды» возникает и существует как хайековский спонтанный порядок. То есть, никто из его участников не ставил целью возникновение такого порядка, никто не «следит» за ним специально. Разнообразие окружающей среды порождает его как бы «само собой», это новое, незапланированое качество, которое поддерживается самой средой, и, если вдруг какие-то условия изменятся, порядок может разрушиться. Некоторые спонтанные порядки (Хайек обычно приводит пример языка, морали и права) оказались настолько полезными, что, видимо, могут разрушиться только вместе с человечеством. В утилитаристских терминах можно сказать, что разнообразие

среды и «сложность» ее использования «снижает издержки» людей, которые непосредственно окажутся на месте преступления (сосед Джейкобс уверен в том, что его поддержат даже ночью), что позволяет поддерживать приемлемый уровень безопасности.

Думаю, не нужно пояснять, что спонтанные порядки — обычное явление в нашей жизни, большинство этих порядков мы даже не замечаем, нужен специальный интерес и специальная ситуация (выяснить, почему одни улицы безопасны, а другие нет) в которой может быть обнаружен и приблизительно описан спонтанный порядок.

Джейкобс описывает условия, при которых возможно появление безопасности, как спонтанного порядка. Понятно, что такой порядок нельзя создать искусственно, даже если попытаться тщательно воспроизвести все эти условия. Скорее, можно сказать о том, чего делать не следует. По сути, это частный случай более общей проблемы государственного вмешательства, ведь «сложность использования» возникает, как правило, там, где дела идут своим чередом и куда не добралась животворящая рука государства. Городское строительство — очень зарегулированная «отрасль». Городские власти во всем мире регулярно сносят и перестраивают целые кварталы. Не рынок регулирует этот процесс, а чиновник. Наиболее типичным примером регулирования является «зонирование», то есть, искусственное размещение строений по признаку их использования («жилые дома», «предприятия», «тор-

говые точки»). Все это, как правило, упрощает «сложность использования», что приводит к разнообразным проблемам, которые в других случаях решаются «сами собой», то есть, за счет существования спонтанных порядков.

В заключение очень показательная история.

«Рассмотрим для примера реакцию ортодоксальных градостроителей на судьбы бостонского района Норт-Энд. Это старый район с низкой квартирной платой, переходящий в прибрежную промышленную зону, и он официально признан вместилищем наихудших в Бостоне трущоб и позором города. Он воплощает в себе все то, что просвещённые люди с убеждённостью считают дурным, потому что это назвали дурным многие авторитетнейшие специалисты. Мало того, что Норт-Энд вплотную примыкает к промышленным предприятиям, — в нем самом жилые помещения сложнейшим образом сосуществуют со всевозможными рабочими местами и торговыми точками. Здесь наивысшая во всем Бостоне и одна из наивысших в американских крупных городах плотность жилых единиц на участках, используемых под жильё. Здесь мало парков и скверов. Дети играют прямо на улицах. Здесь нет ни сверхкрупных, ни даже сравнительно крупных кварталов — все кварталы мелкие; пользуясь жаргоном градостроителей, район «расточительно изрезан ненужными улицами». Здания старые. Словом, что ни возьми, все в Норт-Энде не так. В системе взглядов ортодоксального градостроительства это трёхмерный учебный образчик «мегалополиса» в последней стадии испорченности. Неудивительно, что Норт-Энд стал постоянным заданием для студентов Массачусетсского технологического института и Гарвардского университета, изучающих архитектуру и градостроительство; снова и снова под руководством педагогов они на бумаге превращают его в совокупность укрупнённых «суперкварталов» и парковых зон, ликвидируют неподходящие виды деятельности, преобразуют район в образец порядка, элегантности и простоты, в

нечто такое, что можно выгравировать на булавочной головке.

Двадцать лет назад, когда я впервые увидела Норт-Энд, его здания — таунхаусы разнообразных видов и размеров, разделённые по этажам на квартиры, и дешёвые многоквартирные дома в четыре — пять этажей, построенные, чтобы разместить поток иммигрантов вначале из Ирландии, потом из Восточной Европы и, наконец, из Сицилии, — были страшно перенаселены, и создалось общее впечатление, что район подвергается жестокому физическому избиению и, само собой, чрезвычайно беден.

В 1959 году, когда я снова побывала в Норт-Энде, я была поражена произошедшей переменой. Десятки и десятки домов были отремонтированы. Вместо матрасов, заменявших выбитые стекла, я увидела подъёмные жалюзи и свежую краску на стенах. Во многих маленьких переоборудованных домах теперь обитала одна семья или две вместо прежних трёх — четырёх. Некоторые семьи, жившие в дешёвых многоквартирных домах, получили больше простора, соединив две квартиры в одну и оборудовав там ванную, новую кухню и тому подобное (я выяснила это позже, побывав у людей дома). Я заглянула в узкий переулок, думая, что по крайней мере там увижу старый, неопрятный Норт-Энд, — и ошиблась: опять аккуратно расшитая кирпичная кладка, новые жалюзи и поток музыки из внезапно открывшейся двери. Поистине это до сих пор единственный на моей памяти район крупного города, где боковые стены зданий вокруг паковочных площадок не были оставлены необработанными и как бы ампутированными, — их подновили и выкрасили, как и участки, находящиеся на самом виду. Между жилыми домами имелось невероятное количество превосходных продовольственных магазинов и таких предприятий, как мастерские по обивке мебели, по металлообработке, по деревообработке, как пищевые предприятия. На улицах кипела жизнь: дети играли, взрослые делали покупки, гуляли, беседовали. Если бы не январский холод, наверняка некоторые сидели бы под открытым небом.

Царившая на улицах общая атмосфера жизнерадостности, дружелюбия и здоровья была так заразительна, что я начала спрашивать у прохожих, как пройти

в то или иное место, просто ради удовольствия от разговора с ними. За предыдущие два дня я повидала в Бостоне много чего, большей частью весьма удручающего, и Норт-Энд на этом фоне вызвал у меня облегчение, показавшись самым здоровым местом в городе. Но я не могла понять, откуда явились деньги на все это обновление, — ведь сейчас почти невозможно получить сколько-нибудь существенную сумму под залог недвижимости в большом американском городе, если только дом не находится в районе с высокой квартирной платой или в районе, имитирующем пригород. Чтобы в этом разобраться, я зашла в ресторан с баром, где шёл оживлённый разговор про рыбалку, и позвонила знакомому бостонскому градостроителю.

— О господи, как это вас туда занесло? — удивился он. — Откуда у них деньги? Да никто туда не вкладывает ни денег, ни трудов! Там ничего не происходит вообще. Когда-нибудь начнёт происходить, но не сейчас. Это трущоба!

— Нет, Норт-Энд не кажется мне трущобой, — возразила я.

— Да бросьте! Норт-Энд — самая скверная трущоба города. Двести семьдесят пять жилых единиц на акр жилой застройки! Очень неприятно признавать, что в Бостоне такое есть, но это факт.

— А ещё какие-нибудь цифры у вас имеются?

— Да... странная штука. Уровни преступности, заболеваемости и детской смертности там одни из самых низких в городе. Ещё — наименьшее на весь Бостон отношение квартплаты к доходу. Умеют же люди находить выгодные варианты! Поглядим дальше... количество детей — среднее по городу, тютелька в тютельку. Смертность низкая — 8,8 на тысячу при средней по городу 11,2. Смертность от туберкулёза очень низкая, меньше одного случая на десять тысяч, ничего не понимаю, это лучше даже, чем в Бруклайне. Раньше Норт-Энд был самым туберкулёзным районом Бостона, но теперь, оказывается, все не так. Крепкие люди, должно быть... Так или иначе, это жуткая трущоба.

— Побольше бы таких трущоб, — заметила я. — Только не говорите мне, что имеются планы все это снести.

— Я понимаю ваши ощущения, — сказал он. — Я и сам частенько туда заезжаю — просто походить по улицам, проникнуться этой чудесной, приветливой уличной атмосферой. Вам стоило бы летом там побывать — вот когда у них настоящее веселье! Летом у вас голова бы кругом пошла. Но, разумеется, рано или поздно мы за этот район возьмёмся. Надо убирать людей с улиц»

2015

2.18. Tesla D и идиоты на дороге

Мне всегда было интересно, как водители принимают решения на дороге. Как и любое незнакомое дело, вождение кажется простым. Нужно уметь рассчитывать скорость, инерцию, иметь хорошую реакцию, знать правила дорожного движения. Не пить. И, вроде бы, все. Однако, если понаблюдать за водителями, то через некоторое время станет ясно, что это не так.

Вот, например, вы едете с кем-то в качестве пассажира, и ваш автомобиль подрезают. В одном случае ваш водитель реагирует нервно, в другом — абсолютно спокоен. Если спросить почему — можно узнать много интересной информации. Например, услышать о том, что во втором случае у подрезавшего просто не было выхода. Так сложилась ситуация на дороге. При этом для вас, как для пассажира, она ничем особо не отличалась от первого случая.

То же самое с обгоном, да практически и с любым другим маневром. В одном случае вы долго плететесь за каким-то драндулетом, в другом — обгоняете

по встречной на повороте. И если вы спросите водителя, почему он так поступает, он назовет причины. Показательно, что довольно часто водителю придется хорошенько подумать, прежде чем он сможет объяснить вам свое решение, которое он принял за доли секунды. И в таких случаях он обычно сошлется на опыт.

Водителю для того, чтобы двигаться по дороге нужно учитывать огромное количество информации: состояние дороги, погоду, состояние своего автомобиля ему нужно уметь быстро реагировать, рассчитывать скорость и инерцию и т.д. и т.п. Но точно так же, если даже не важнее для него умение понимать других водителей, знание того, что он может ожидать от них. Дорожное движение — это не просто движущиеся с разной скоростью металлические коробочки, это социальный процесс, в котором множество людей взаимодействуют между собой в довольно таки экстремальной ситуации. При этом, взаимодействуют они не только на уровне прямого контакта между водителями, когда они «моргают» друг другу фарами и подфарниками, дают сигналы рукой и т.д. и т.п. Взаимодействие происходит весьма сложным и очень часто малоосознаваемым образом, также очень часто решения базируются на опыте, а не только на анализе данных. Дорога — это один из примеров хайековских «сложных порядков» координации и взаимодействия людей, имеющих разные цели. Если хорошенько задуматься над трафиком, наблюдая его из окна автомобиля, следует удивиться не тому, что происходят аварии, а тому, что

их происходит так мало и что движение вообще возможно.

Обыденная точка зрения представляет водителей абсолютными эгоистами, стремящимися к своим целям и удерживаемыми от хаоса только правилами дорожного движения и следящим за их соблюдением ГАИ. Однако, в реальности водители гораздо чаще уступают друг другу и учитывают интересы других, нежели наглеют и выпендриваются, несмотря на всякие правила или наличие ГАИ в ближайших кустах. Поэтому проходимость и безопасность дорог напрямую зависит от культуры и места договороспособности с незнакомцами в этой культуре. Если в Каире трафик практически невозможен, то в европейских столицах он куда более прост, при этом правила дорожного движения и дорожная полиция есть и там и там.

Впрочем, эта колонка не о культуре вождения, а о том, что решения в рамках так называемого «технического прогресса» часто игнорируют реальную задачу, которую они якобы призваны решить. Все уже видели анонс Tesla D и читали об автомобильных изысках Google. В обоих случаях присутствует некий автопилот, который способен не только поставить машину в гараж, но и управлять ей на дороге. Мне кажется, что во втором случае обязательно возникнут проблемы, особенно в городском трафике, поскольку, повторю, управление автомобилем — это не задача о скорости, инерции и реакции (хотя это тоже важно), а задача

социальная, задача на умение понимать других участников движения.

Давайте вспомним, кого водители ненавидят больше всего? Не лихачей и быков и даже не блондинок. Ненавидят нубов. Ибо они непредсказуемы и опасны даже когда едут 60 км в час в правом ряду. И дело не столько в том, что они еще плохо освоили навыки вождения, сколько в том, что они не понимают, что и почему делают другие люди на дороге. Автопилот — это вечный нуб. Это водитель с хорошей реакцией и безупречным знанием правил дорожного движения, но не понимающий других водителей. То есть, это постоянный источник аварий. Хуже того, никакой автопилот не сможет научиться социальным навыкам. Поэтому эксцессы неизбежны. Неизбежно и новое государственное регулирование, которым будут обязательно пытаться «решать проблему». В общем, здесь нас ждет
2015 много интересного.

2.19. Экология общества или не лезьте в то, чего никогда не поймете

Существует простая аналогия, которая позволяет немного понять, почему нельзя сносить МАФы и вообще лезть своими грязными руками в экономику и социальный процесс в целом. Называется эта аналогия «экосистема». За много лет экологи проели плешь прогрессивной общественности, объясняя, что в природе

все взаимосвязано и если погибли мошки, то погибнут и птички. Прогрессивная общественность считает теперь «экологическое сознание» важной частью своей религии и активно борется и грозно выступает в борьбе против и за.

Но на общество эта религия не распространяется. В обществе можно истреблять популяции, поворачивать реки, осушать болота и загрязнять воздух. Эта деятельность считается применительно к обществу не только полезной, но и единственно возможной.

Ну, а между тем, очевидно, что человеческое общество гораздо сложнее любой экосистемы. Вот, например, ноутбук. Для того, чтобы его сделать, должны работать десятки, если не сотни тысяч людей, которые затратят миллионы часов на свою деятельность. При этом «завод, который делает ноутбуки» занимает во всем этом хозяйстве ничтожно малую часть. Чтобы сделать ноутбук, нужно уметь добывать руду и выплавлять сталь, знать органическую химию и уметь производить пластмассы, я уже не говорю о двоичном коде и самой идее вычислений. Ноутбук — это все вот это вот, а не просто коробочка с экранчиком и клавиатурой. Если путем какого-то злого волшебства удалось бы уничтожить какую-то из его составляющих, производство ноутбука стало бы невозможным. При этом, понятно, что пострадал бы не только ноутбук, но и множество других вещей, в которые был включен уничтоженный элемент.

То есть, то, что мы видим в виде неких предметов, умозрительных концепций и социальных явлений является лишь частью огромных цепочек разнообразных элементов человеческой деятельности. Предприниматель или изобретатель не выдумывают некие совершенно новые сущности, как это нам рассказывают в школе, скорее, они соединяют вместе уже существующие цепочки человеческой деятельности, находят их новые комбинации и если такое соединение оказывается нужным другим людям, получают свой профит.

Можно сказать, что никакой товар, никакая деятельность просто не существует вне «системы в целом». Поэтому, любая агрессия в отношении отдельного элемента приводит к негативным последствиям для всей системы. Произвольное агрессивное вмешательство людей в экосистему и в общество приводит к одинаковым последствиям и действует по сходному механизму.

Отметим, что аналогия общества и экосистемы заканчивается на сложности связей и взаимообусловленности элементов. Общество отличается от экосистемы не просто количеством и качеством связей, эти отличия куда значительнее.

Очевидно, например, что экосистема поддерживает равновесие, а общество развивается. Ларек не просто «занимает место в цепочках биоценоза» человеческого общества. Ларек — это средство для его хозяина. Если дела идут удачно, ларек «эволюционирует» в ма-

газин, а на его место придет новый ларек. Магазин, в свою очередь, может «эволюционировать» в клуб или в цех или еще как-то, поскольку является средством для действующего человека. Дуб не может в течение своей жизни эволюционировать в березу или в волка (понимаю всю условность аналогии), он всегда дуб. Механизм конкуренции сильно отличается, если не прямо противоположен, механизму «межвидовой борьбы» и так далее. Не будем сейчас останавливаться на этих вопросах, просто обозначим факт их наличия.

Но главное отличие состоит в том, что в природных экосистемах нет такого элемента, который бы пытался бы и был бы в состоянии регулировать экосистему в целом для каких-то своих целей. «Разум», который сам является продуктом культурной эволюции, вызванной попытками выжить, опираясь на взаимодействие в группе, играет с человеком злую шутку. Он полагает, что общество можно «организовать на разумных началах», не замечая того, что оно уже очень сложно организовано, и эта организация и есть сама суть общества. Здесь возникает много интересных моментов, я же пока хочу просто отметить одну простую вещь — если вы понимаете пагубность вмешательства в экосистему, вы должны сделать такие же выводы и относительно человеческого общества, которое точно так же является сложнейшей самоорганизующейся системой, насильственное вмешательство в которое порождает ужасающие последствия. 2015

2.20. Что такое «вмешательство» или Так что же нам теперь ничего не делать?

В предыдущей колонке мы говорили о том, что человеческое общество чем-то напоминает экосистему и что пагубность вмешательства в естественные порядки общества можно иллюстрировать примерами из экологии. Разумеется, в этой аналогии нужно учитывать, что общество значительно сложнее, и что в отличие от экосистемы, поддерживающей равновесие, общественная система поддерживает развитие.

Здесь у многих возникает вопрос, который, звучит примерно как: «что же теперь — ничего не делать?». Если вмешательство наносит вред, то получается, что человек ничего не должен делать, и лучше сразу ему стать буддистом и просто наблюдать, как тут оно и что.

Для ответа на этот вопрос нужно разобраться с тем, что понимается в нашей теме под словом «вмешательство». Быть вне системы, то есть, иметь возможность вмешиваться, означает обладать способностью обходить ее ограничения. Популяция волков зависит от популяции зайцев и прочих оленей, это есть естественное ограничение для ее роста. Обе популяции связаны между собой и являются элементами системы. На человека с его ружьями и химикатами эти ограничения не распространяются, он может вмешаться в эту систему и уничтожить, скажем, популяцию хищников,

нарушив баланс. Правда, экологические последствия все равно настигнут человека, но в рамках более масштабной системы, точнее, той, ограничения которой он не может обойти.

Для «общественной экосистемы» ограничением является запрет агрессии (точнее сказать — ее регулирование). Общество, в котором агрессия не регулируется, просто не может существовать. Там, где агрессия произвольна, не подавляется и не регулируется, слишком высока неопределенность будущего, человеку остается только приспосабливаться к окружающему миру, то есть, быть животным, а не человеком.

Общество регулирует агрессию, повышая ее цену (тут, прежде всего, работает мораль и этика). Все мы — злые или добрые, хищники или жертвы — ограничены редкостью ресурсов и необходимостью выбирать цели и средства. При этом, мы делаем выбор не в вакууме, а в пользу тех или иных шаблонов поведения, то есть, тех «практик», тех «тропинок», которые были «протоптаны» множеством людей до нас. Все эти тропинки связаны между собой и существуют потому, что позволяют людям достигать фантастических результатов, которых они никогда не достигли бы в одиночку или малой группой. Агрессия в этом смысле — это уход от тропинок и попытка продраться через бурелом. «Бурелом» этот состоит из разных компонентов — от моральных оценок хорошо-плохо, до возможности тут же получить по морде. Разумеется, агрессия иногда приносит успех. Но она не имеет регулярности и пред-

сказуемости действий «по тропинкам» и потому всегда является достаточно маргинальным способом деятельности. Государство (относительно частных лиц и их объединений, разумеется) таких ограничений практически не имеет. Ему не нужно каждый раз соотносить прибыли и издержки, когда оно применяет агрессию, поскольку для него агрессия институционализирована. Вам запрещено сопротивляться «государевым людям» и вы обязаны выполнять их приказы. То есть, для государства агрессия — это своего рода такая же «тропинка», какой для вас является какая-нибудь мирная практика.

Таким образом, государство вышло за рамки естественной «общественной экосистемы» и поэтому может вмешиваться в нее. Это тот человек, из нашего примера, с ружьями и химикатами, который безнаказанно может нарушать баланс системы, отстреливая хищников. Хуже того, в этом случае, неизбежные негативные последствия, которые обязательно случаются, не бьют такого человека по голове, а приводят только к усилению его возможностей.

Обычно «общественное» и «государственное» тесно переплетаются в мире, который мы считаем «реальностью», нужно прикладывать специальные усилия для того, чтобы показать, где что. Но есть несколько исторических ситуаций, в которых эта разница в рамках нашей темы отчетливо видна. Например, история с «законом о бунте». Британское общее право — продукт естественного развития общества. Поэтому судья

посчитает убийством как бытовую поножовщину, так и действия «представителя власти», скажем, солдата, застрелившего кого-то во время разгона митинга. Британское государство, пока оно было слабее британского права, вынуждено было в течение многих лет каждый год принимать специальный «закон о бунте», который давал «представителям власти» иммунитет от правового преследования в случае «бунта». То есть, мы видим здесь государство вне правовой системы общества, видим данную им самому себе привилегию, которая позволяет вмешиваться в правовую систему и в естественный ход вещей.

И последнее. Очень распространенной ошибкой людей, пытающихся критиковать безгосударственное общество, является представление о том, что в таком обществе должны быть какие-то идеальные люди, не практикующие агрессию. На самом деле, это общество для реальных людей, в том числе и агрессоров. Просто в нем нет персонажей, для которых агрессия всегда безнаказанна (т.е. государства). Фактически, либертарианская программа в нескольких словах звучит так: «вернуть регулирование агрессии в общество». Ну, а возвращаясь к вопросу «что же теперь — ничего не делать?», с которого мы начали эту колонку, ответим: почему же не делать? Делайте. Жгите МАФы, боритесь с наружной рекламой. Просто в свободном обществе вы получите адекватную сдачу, и у вас не будет бумажки для прикрытия вашего варварства в виде «закона» или еще какой-то ерунды. 2015

Часть 3

Об экономике

«Государство, заранее знающее даты смерти своих граждан, может вести в высшей степени плановое хозяйство »

Станислав Ежи Лец

3.1. Ошиблись методом. Чем экономическая наука отличается от шарлатанства

Недавно «Лига-Бизнес-информ» опубликовала колонку нобелевского лауреата Роберта Шиллера «Является ли экономика наукой». В ней г-н Шиллер поясняет, почему нобелевская премия в области экономики присуждается за «экономические науки», а не за «экономику». «Области деятельности, использующие слово «наука» в своих названиях, как правило, являются областями, в которые эмоционально вовлечены

массы людей и в которых шарлатаны могут иметь материальный интерес в общественном мнении. Эти области имеют слово «наука» в своих названиях, чтобы отличаться от своих собратьев с сомнительной репутацией» — пишет Шиллер и приводит примеры «астрономических наук» и «химических наук», которые в свое время включая в название слово «наука» отделяли себя от астрологии и алхимии.

Шиллер далеко не первый, кто в последнее время высказывался о перспективах экономики, как науки. Можно констатировать явное «брожение в умах» среди тех, кого принято называть «истеблишментом». Вызвано оно, очевидно, тем простым обстоятельством, что рецепты, которые выдают мейнстримные экономисты, не работают. Поэтому от вопроса «может, попробуем другой рецептик» публика плавно переходит к вопросу «а наука ли это вообще?»

К сожалению, представления экономических советников о предмете экономики и якобы необходимых нам «рецептах» непосредственно влияют на то, что они советуют правительствам и что эти правительства потом делают с нами. Более того, эти экономические эксперименты возможны только потому, что их, как метод, поддерживает и широкая публика. Собственно, весь спор идет только о содержании этих экспериментов. Вопрос «является ли экономика наукой» и «в чем состоит предмет этой науки и что отличает ее от лженауки» является хорошим поводом для перехода от спо-

ров по поводу содержания к обсуждению пригодности самого метода.

Разумеется, автор не надеется в короткой заметке раскрыть тему, которой посвящены целые трактаты. Моя цель, скорее, предоставить некие начальные сведения и, возможно, пробудить интерес у читателя разобраться в проблеме самому для того, чтобы научиться отличать подлинное от фальшивого и понимать, когда вам пытаются рассказывать экономические сказки (неважно — по невежеству, с благими намерениями или со злым умыслом).

Действительно, экономика сейчас находится в состоянии, в котором находилась, например, астрономия, существуя в рамках астрологии. Более того, проблема о которой я говорю — это проблема не только экономики, но и всех социальных (так сказать, «неестественных») наук, то есть наук о людях. Наука и не-наука идут здесь рука об руку, и часто один и тот же автор использует как научный метод, так и ненаучные подходы. И, конечно, комитет по присуждению нобелевских премий — это не то место, где отделяют зерна от плевел. Такого места вообще не существует, точнее, оно может существовать только в головах потребителей всего этого продукта.

Итак, что отличает науку от не-науки? Наука ищет в окружающем нас мире универсальные закономерности. Это позволяет отделить события, происходящие в рамках «законов природы» от феноменов — уникаль-

ных событий, которые являются невоспроизводимыми, предсказывать те или иные явления в рамках этих закономерностей и иногда — управлять этими явлениями.

«Естествоиспытатель» движется от наблюдения к пониманию причин того или иного явления. В ходе этого движения он строит гипотезы, которые проверяются опытом, затем возникает теория, в той или иной степени описывающая универсальные закономерности для неких классов объектов и их взаимодействий. Поскольку причины явлений никогда до конца не известны, то рано или поздно другие ученые фальсифицируют имеющиеся теории и корректируют введенные ими универсальные закономерности с учетом имеющихся у них новых данных и гипотез, и так до бесконечности.

Это метод естественных наук. В случае же науки о людях причина явлений хорошо известна. Она состоит в том, что человек действует для достижения своих целей и выбирает среди имеющихся альтернатив их достижения. Соответственно и метод наук о людях отличается от естественнонаучного. Наука о людях ищет универсальные закономерности в деятельности людей, опираясь на априорное знание о ее причинах.

Собственно, проблема ненаучного в экономике и других социальных науках появляется от попыток ис-

пользования естественнонаучного метода для случая человеческого общества.

У этой проблемы хорошо известные исторические корни. Экономика — относительно молодая наука (хотя ее корни уходят еще к некоторым греческим философам). В ее появления на свет есть две особенности. Во-первых, она родилась в эпоху массового увлечения успехами естественных наук. Во-вторых, экономика первоначально возникла как «политическая экономия», то есть, это были наблюдения и выводы, изначально предназначенные для «правильного» управления. Эти выводы (например, о пагубности протекционизма) в большинстве случаев были невыгодны тем, кому они предназначались. Ответом на эти выводы были требования «научных доказательств и расчетов». Эти требования, повторю, были особенно убедительны на фоне расцвета естественных наук и представлений о том, что «настоящая» наука это только естественная наука с ее методом и, следовательно, и «расчетами». И экономисты занялись «расчетами», то есть начали осознанно использовать методы естественных наук.

Разумеется, это не помогло. Почитайте, например, Фредерика Бастиа, который был депутатом французского парламента 150 лет назад. Вы обнаружите у него описание тех же самых «проблем», что и сегодня, излагаемых буквально теми же самыми словами и с теми же самыми «аргументами», то есть никакие «расчеты» не способны убедить тех, кому невыгодны их результаты. Достаточно сказать, что тот же протекционизм, во

вреде которого уверен даже Кругман, так и не исчез за эти годы, а кое-где даже весьма процветает.

Тем не менее, экономисты приняли «расчеты» на вооружение. Хотя очевидно, что расчеты возможны только для человека (или предприятия), поскольку он преследует некие известные ему цели и совершает выбор из альтернативных способов их достижения. Расчеты, особенно в виде денежной калькуляции, часто являются частью этого выбора. Для «общества в целом» расчеты бессмысленны, поскольку «общество в целом» есть набор людей, стремящихся к разным целям. Между тем, у таких «расчетов для общества» есть заказчик в лице государства и его отчетности. И чем дальше, тем больше становился востребован этот заказ. Хорошо известный и подробно описанный процесс появления «государства всеобщего благосостояния» сопровождался, в том числе, и появлением профессиональных экономистов, задача которых и состояла в том, чтобы правильно рассчитать государственные расходы (и шире — «экономическую политику»), дабы соответствующая отчетность показывала рост.

Это и стало причиной того, что как пишет автор цитируемой в начале этого текста колонки: «Одной из проблем, связанных с экономикой, является то, что она вынужденно сосредоточена скорее на политике, нежели на открытии фундаментальных знаний». Конечно, этот тезис был многократно сформулирован до Шиллера, но очень показательно, что он всплывает в дискуссии о научности экономики.

Между тем, научно корректные исследования, выводы и теории никуда не исчезали все это время. Ученые давно использовали метод наук о людях для своих умозаключений, даже не формулируя его. Сам же этот метод был сформулирован Мизесом, который показал, что универсальные закономерности содержатся в человеческой деятельности, как таковой. Каждый человек стремится улучшить свое состояние, каждый человек выбирает из целей и средств (и отказывается от альтернатив), каждый предпочитает настоящие блага будущим благам и так далее. Корпус этих аксиом и теорем позволяет построить научно корректные представления о таких сложных вещах, как ценность, цена, деньги, ставка процента, капитал и структура производства, позволяет понять природу экономических кризисов и качественно предсказывать их. Для понимания экономики, то есть, явлений, возникающих в отношениях между действующими субъектами, нужно опираться не на некие данные, а на дедукцию и логику.

Повторю — этот метод в той или иной форме использовался задолго до Мизеса, собственно, экономическая наука представляла и представляет собой удивительный винегрет, в котором перемешаны концепции, опирающиеся на разную (мало того — противоположную) методологию. Это хорошо заметно в учебниках, где первоначальные сведения даются обычно в рамках методологии науки о людях, а затем (по мере

приближения к «макроэкономике») все более переходят на методы естественных наук.

Может показаться, что речь идет о каких-то сугубо теоретических вопросах, не имеющих практического значения. Однако, это не так. Экономическая политика государств, основанная на выводах, полученных естественнонаучным методом, постоянно приводит к ошибкам. Для примера возьмем такой столп макрорегулирования как ставка процента. В рамках научного метода, ставка процента — это цена настоящих благ относительно будущих. Она существует потому, что люди действуют не только (даже не столько) в настоящем, сколько из настоящего в будущее. Соответственно, существует и обмен по типу «возьми сегодня столько-то, завтра отдашь столько-то». Это явление не имеет никакого отношения к деньгам, величина ставки процента определяется «временным предпочтением», то есть тем, насколько люди ценят настоящие блага выше будущих. В денежной экономике эта ставка находит свое отражение в ссудном проценте. Так вот. Когда дела идут хорошо и публика «уверена в завтрашнем дне», в том смысле, что видит в нем ценные для себя возможности, временное предпочтение обычно падает. Люди начинают стремиться к более долгосрочным целям. Настоящее становится не таким дорогим относительно будущего. Ставка процента падает. Падает и ставка ссудного процента на денежном рынке, поскольку больше людей стремится сберегать на буду-

щее. Все эти явления — верные спутники экономического роста.

Макроэкономисты заметили, что рост обычно сопровождается снижением ставки ссудного процента и посчитали это снижение причиной (или одной из причин) роста. Как им кажется, «дешевый кредит» (то есть, низкая ставка ссудного процента) позволяет делать больше «инвестиций», что и приводит к росту. На самом же деле, снижение ставки процента в целом и ссудного процента в частности — не причина, а один из признаков роста. Причиной же является решение достаточно большого числа людей стремиться к более удаленным по времени целям.

Результатом политики снижения ссудного процента на практике являются регулярные кризисы. Государство, следуя рекомендациям макроэкономистов, постоянно стремится «поощрять рост», снижая ставку на денежном рынке, однако реальные экономические процессы определяются естественной ставкой, на которую государство бессильно повлиять.

Другая классика жанра — это показатель ВВП. Здесь похожая история. Если на какой-то территории людям не мешают работать, то «ВВП» на этой территории будет расти. Однако, вполне могут быть ситуации, когда изменения ВВП не отражают реального роста. Например, если денежная масса не меняется, то при росте экономики ВВП будет уменьшаться. С другой стороны, рост государственных расходов (напри-

мер, покупка оборудования и труда для копания всем миром огромной ямы и последующего ее засыпания в течение отчетного периода), наоборот, покажет рост ВВП.

Вообще говоря, для макроэкономики очень характерна путаница причин и следствий, а также принятие корреляции за причинно-следственную связь. Выводы, которые делаются после этих ошибок, иногда бывают просто потрясающими. Например, уже упомянутый Пол Кругман как-то высказался в том духе, что американской экономике помогло бы нашествие инопланетян. Или другой пример — заметка Константина Сонина о проблемах роста в еврозоне. Как справедливо заметил один из комментаторов, у Сонина выходит, что проблема состоит в том, что немцы слишком хорошо работают и слишком мало едят.

Думаю, многие читатели заметили, что рекомендации экономистов часто выглядят, мягко говоря, странно. Живые люди не только не поступают так, как экономисты считают «правильным», но в большинстве случаев поступают прямо противоположным образом. Эта «странность» есть прямое следствие ошибочной методологии. Пропробуем кратко указать на наиболее очевидные эффекты, к которым приводит методология естественных наук, примененная к человеческому обществу.

Проблема субъекта и объекта. Ложный субъект

В естественных науках, будь то изучение камней или галактик, исследователь является субъектом, а камни или галактики — объектами. То есть, только исследователь имеет здесь цели, связанные с пониманием закономерностей, и только он, поняв закономерности, управляющие поведением камней или галактик, может использовать их к своей пользе. По крайней мере, такое положение дел будет сохраняться до тех пор, пока нам не станут известны сведения о собственных целях галактик и камней.

В случае науки о людях, исследователь — такой же субъект, как и те, кого он исследует. И он, и другие люди действуют, имея свои собственные цели. С этим обстоятельством и связано то, что метод социальных наук должен отличаться от метода наук естественных.

Если же при исследовании социума оставаться в рамках естественнонаучной методологии, то неизбежно возникает, «достраивается сам собой» в ходе рассуждений, ложный субъект, для которого другие люди являются просто объектами, «однородными и предсказуемыми частями данных», по выражению Мюррея Ротбарда. Этим иллюзорным сверх-субъектом чаще всего выступает «общество» или «государство», от имени которых якобы действует исследователь. Абсурдность рецептов, о которой мы говорили выше, связана именно с несоответствием действий ре-

альных субъектов представлениям, которые вытекают из подразумеваемого существования ложного сверхсубъекта.

Здесь я хочу быть правильно понятым. Я говорю не о том, что «нас считают винтиками», и не о том, что такое представление обидно и как-то ущемляет наше достоинство. Я говорю о том, что оно методологически неверно, и, следовательно, все практические рекомендации, полученные таким методом, ошибочны.

Люди могут быть объектами только для некоего всезнающего разума — Бога, для которого не существует неопределенности будущего и проблемы выбора среди альтернатив. Неудивительно, что ложная субъектность фактически приводит к обожествлению политической власти, приписыванию ей магических качеств и способностей. Хочу уточнить здесь, что речь идет не о каком-то излишне восторженном отношении к политикам, партиям и внешним атрибутам государства. Речь идет о вере в сверхспособности некоего мифического, не существующего в реальности субъекта. Примером такой веры является, например, классический вопрос «кто же будет строить дороги без государства?» Между тем, государство не строит дороги, в чем нетрудно убедиться, посетив строительство и не обнаружив там чиновников с лопатами. Дороги строят частные компании. Точно так же, государство не производит материалы для дорог, их производят другие компании. И, наконец, государство не получает волшебным образом «средства» на строительство дорог,

оно их просто отнимает у других людей. Между тем, подавляющее большинство верит в то, что если государства не будет, дороги перестанут строиться.

Проблема регулирования

Информация, которую макроэкономика считает данными, собирается для решения вопроса «что же с этим делать?», то есть, непосредственно для последующего регулирования. Однако, ответ на вопрос «что с этим делать?» либо уже дан, либо дается, либо будет дан. Ведь то, что считается «данными», возникает в результате деятельности людей и является частью информации, которую они учитывают либо не учитывают в своей деятельности, причем каждый по-своему, в зависимости от собственных целей и средств. Поэтому, если даже допустить, что данные, собранные регулятором, являются валидными (что, конечно же, не так), просто невозможна ситуация, когда бы он мог «принять меры» лучше, чем это сделали (делают, сделают) участники рынка.

Кроме того, регулирование происходит не само по себе, не как реализация воли субъекта в отношении безвольных объектов. Все регулирование есть просто еще один набор сигналов для все тех же действующих субъектов, поскольку в этой области ничего другого в природе не существует. Действующие субъекты, конечно же, вынуждены будут учитывать воздействие ре-

гулирования, но все равно они будут преследовать свои цели, а не цели регулятора.

Кстати, именно это порождает желание регуляторов превратить регулируемых в беспомощные объекты (справедливости ради отметим, что это стремление поддерживается и желанием обычных людей превратить других, не нравящихся им людей, в объекты). Так возникают коммунизм, социализм и прочее — системы, которые являются не некой аномалией, а результатом последовательного применения естественнонаучного метода. Но на самом деле, в подлунном мире между людьми существуют только отношения субъект-субъект, и потому в реальности государственное регулирование есть только агрессия одних субъектов в отношении других, агрессия, проводимая от имени несуществующего сверх-субъекта.

Проблема данных и проблема будущего

Есть несколько проблем, связанных с «данными», которые используются в макроэкономике. Самая очевидная и простая — это то, что непонятно, что же именно является данными, и почему. Информации, существующей даже в виде сведений (не говоря уже о знаниях), попросту слишком много. Другая, более существенная проблема, состоит в том, что информация не «дана», она осознается субъектами в ходе деятельности, и самое плохое для регуляторов — она еще и создается в ходе деятельности. Субъекты меняют цели

и средства в зависимости от доступной им информации, это, в свою очередь, создает новую информацию для других субъектов, и так далее. Но самая плохая новость для регулятора в том, что его деятельность имеет хоть какой-то смысл (если, конечно, допустить, что все остальные проблемы регулирования волшебным образом испарились) только в том случае, если сам он находится в будущем и ему известны последствия всех решений, которые сегодня принимают независимо друг от друга действующие субъекты.

Проблема функциональных отношений

Как пишет Уэрта де Сото «В экономике, в отличие от физики и естественных наук, не существует функциональных соотношений (и, следовательно, функции спроса, предложения, издержек и т.п.). С точки зрения математики, точнее, теории множеств, функция — это всего лишь взаимно однозначное соответствие между элементами или точками двух множеств, «начального» и «конечного». Очевидно, что в экономике не выполняется ни одного из трех условий, необходимых для наличия функциональной взаимосвязи: 1) элементы начального множества не даны и не являются постоянными; 2) элементы конечного множества не даны и не являются постоянными; 3) что самое главное, соответствие между элементами двух множеств тоже не является ни заданным, ни постоянным, а все время меняющимся в результате деятельности и творческой способности людей. Соответственно, чтобы использовать

функции в нашей науке, нужно исходить из гипотезы о неизменности информации, т.е. исключить из рассмотрения главного фигуранта социального процесса: наделенного врожденной творческой и предпринимательской способностью человека».

Проблема равновесия

Подражание естественным наукам, и особенно физике, в которой энергия не исчезает и не создается, а трансформируется из одного состояния в другое, привело к тому, что предметом анализа макроэкономики являются состояния статического равновесия. Экономика рассматривается как система, в которой существуют «данные» и однозначные зависимости. Равновесие такой системы — это и есть цель, весь вопрос упирается лишь в то, что считать критерием эффективности системы.

Если вы обратитесь к моделям «совершенной конкуренции» или «совершенного рынка», вы обнаружите, что это системы, в которых ничего не происходит. Фактически, они просто описывают «кругооборот» ресурсов в рамках такой системы.

В реальности равновесия в экономике не существует, и само по себе равновесие не является и не может являться некой целью, к которой следует стремиться. Разумеется, рынки стремятся к равновесию, и некоторые рынки могут находиться в состоянии близком к равновесию время, достаточное для того, чтобы это

было замечено и обсуждено экономистами. Однако, такое равновесие есть просто результат выбора действующих на этих рынках субъектов, которые пока что не видят причин действовать иначе. Поскольку информация не «дана», а меняется и создается (вместе с целями и средствами субъектов), локальные состояния равновесия неизбежно нарушаются. То есть, состояние «равновесия» — это просто одно из состояний, которое может возникнуть (а может, и нет) в ходе бесконечного развития.

Все это было бы исключительно предметом любознательного интереса, если бы практическая политика правительств не строилась на макроэкономических теориях. Практические методы макроэкономики фактически предполагают решение уравнений, правая часть которых «дана», а в левой части нужно найти такие значения переменных, которые бы соответствовали данному значению, после чего добиться их реализации на практике. Все дискуссии, которые мы видим и слышим, происходят вокруг того, какие именно переменные и в каких зависимостях должны быть в левой части, и какие «данные» — в правой.

Таким образом, экономическое регулирование правительства ошибочно в самой постановке задачи. Не имеет значения, насколько оно «грамотно», оно всегда является только лишь источником помех и ошибок для действующих субъектов.

Проблема моделирования

Описание явлений невозможно без определенной степени упрощения. Моделирование, как метод редукционизма, по-видимому, неизбежно. В рамках этого метода вполне могут существовать допущения, совместимые с естественнонаучным методом. Такие модели могут быть весьма полезны, важно лишь помнить о тех ограничениях, в которых они существуют. Большое количество ошибок в экономической науке связано с неоправданным распространением зависимостей, которые показывают модели, на ситуации, на которые они не распространяются. Классика жанра — всем известные кривые спроса и предложения. На самом деле, не существует точки, где пересекаются эти кривые, так как сделка происходит не при равенстве цен, а при неравенстве ценностей покупателя и продавца. Если мы учтем тот факт, что ценности субъективны и могут быть ранжированы только самим субъектом, модель пересекающихся кривых вообще потеряет смысл. Однако, для большого класса событий это упрощение допустимо, и если экономист пишет, что «это сдвигает кривую спроса вправо» и нигде не проявляет непонимания ограниченности самой модели, то использование этих кривых вполне закономерно. Но из этой же модели можно сделать и далеко идущие ложные выводы, например, о «равенстве спроса и предложения», о «равноценном обмене» и «разумной экономической политике», которая бы всегда одинаково и предсказу-

емо сдвигала кривые спроса и предложения в нужном для моделиста направлении.

Проблема психологии

Эта проблема уже не связана непосредственно с естественнонаучным методом, она, скорее, вызвана неспособностью понять его недостатки и предложением в качестве альтернативы моделей, основанных на анализе поведения людей, в широком смысле «психологических».

Сама потребность в экономике, как науке, возникает в социуме. Экономика, так сказать, существует между субъектами. И потому здесь важно действие, а не исследование его мотивов. Мы каждый день имеем дело с последствиями действий сотен миллионов людей, о которых мы не знаем и никогда не узнаем. Нет никакой надежды понять их мотивацию, о которой они часто и сами не задумываются. Если на вас напали в подворотне, вы дадите сдачи, либо убежите, либо скрутите нападавшего для того, чтобы доставить его в «органы правопорядка». Для вашего действия не имеет значения мотивация агрессора — был ли он пьян, поссорился ли он с женой или он просто гопник. Для вашей реакции имеет значение только его действие. Мотивацией будет (да и то не всегда) интересоваться суд, то есть социальные процедуры, которые, как считается, предназначены для работы с ошибками. Модная нынче психология никак не может помочь экономике. В

терминах экономики психология изучает ошибки, то есть, занимается анализом мотиваций и причин, которые приводят к ошибочным, по мнению самого субъекта, действиям (либо не приводят к желаемым, что одно и то же). Экономика же исследует закономерности самой деятельности, вне зависимости от мотивов, которые к ней ведут.

Аналогия больницы

Для обобщения сказанного, в качестве иллюстрации (разумеется, сильно упрощенной) можно привести аналогию больницы. Давайте представим, что в некой больнице решили использовать макроэкономические методы. В качестве модели равновесия была выбрана модель температурного баланса человеческого тела с идеальным значением температуры 36, 6 градусов. Соответственно, данными, которыми оперирует начальство больницы, являются данные измерений температуры больных, после чего они усредняются, как это делается в макроэкономике, для «больницы в целом». Ориентиром, которым руководствуется больничное начальство, является средняя температура по больнице. Если показатель растет, всем прописывается жаропонижающее. Если падает — «жароповышающее».

Если больные и их родственники платят начальству, исходя из показателя средней температуры, то в скором времени они обнаружат, что в риторике начальства больные уступят место больнице. Начальство

будет говорить от имени больницы и о больнице, как о живом существе. Больница станет самостоятельным субъектом. О ней будут говорить «больница болеет» или «больница выздоравливает». Появятся такие категории, как «температура больницы», «кровь больницы» или «моча больницы» (с реальным государством происходила обратная история — нужно было найти концепции, которые бы постфактум оправдывали существование лже-субъекта). И, конечно же, обязательно появятся «интересы больницы». Люди, которые понимают, что меры, принимаемые больницей, приведут их на кладбище, начнут уклоняться от них. Возникнет теневая экономика и коррупция. Людей, которые будут уклоняться от прописанного начальством лечения (и, следовательно, портить показатели и отчетность) будут называть эгоистами, не думающими о благе больницы.

Если мы организуем здесь выборы и демократический процесс, то станет еще интереснее. Появятся, как минимум две политически партии — «повышатели» и «понижатели». Появятся научные школы. Скажем, местные «либералы» будут утверждать, что помимо температуры нужно учитывать еще и среднее значение сахара в крови больницы. Кое-кто (радикалы) может договориться до того, что подвергнет сомнению эффективность больницы при средней температуре 36,6, а кто-то даже осмелится утверждать, что не всегда следует прописывать жаропонижающее при росте средней температуры. Жизнь станет интересной и

насыщенной событиями. Здесь могут быть импичменты, перевороты, революции и кровопролития, но априорно не может быть только одного — правильного лечения.

Но вот, что интересно. Нам с вами совсем не нужно разбираться в том, какая именно средняя температура является равновесной, и в том, нужно ли учитывать сахар в крови, для того, чтобы сделать вывод об абсурдности происходящего, поскольку мы знаем, что вся эта информация имеет смысл только в индивидуальном измерении, в рамках индивидуальных диагнозов и программ лечения. Мы априорно можем сказать, что лечение проводится неверно, поскольку лечится больница, а не больные. Мы сделаем этот вывод потому, что найдется не так много людей, которые не согласятся с тем, что лечение является последствием индивидуального выбора и отказа от других альтернатив использования ресурсов, что целью лечения является более здоровое, чем до него, состояние организма, что это лечение индивидуально, состоит из последовательности шагов и что разнообразные данные, получаемые в результате анализов, должны интерпретироваться в рамках этого лечения и оценки эффективности применяемых средств в данном конкретном случае. Фактически, я сейчас озвучил аксиоматику науки о людях. Субъекты, придерживающиеся противоположного естественнонаучного метода, не могут отвергать абсурдность описанной мною выше ситуации. Они должны углубиться в подробности «критерия эффективно-

сти системы» при средней температуре 36,6 и дискуссии о правомерности использования содержания сахара, а их идеологи — начать рассуждать о том, что «больница — это люди», а потому существует и кровь больницы и ее моча, а интересы больницы не только существуют, но и должны иметь приоритет над интересами больного и т.д.

Вывод

Проблема экономической науки в том, что она часто использует непригодный для изучения социума естественнонаучный метод. Причиной этого является практика государственного регулирования, поскольку только применение методов естественных наук позволяет создать в рамках анализа ложный субъект — государство и представить людей в качестве объектов. В отсутствии государств и их отчетности невозможно представить, кому могут понадобиться сведения, которыми оперирует макроэкономика.

В методе социальных наук, основанном на аксиоматичности человеческой деятельности, просто нет места для ложных сверх-субъектов (государства, общества и т.п.), от имени которых можно проводить регулирование.

Естественнонаучные методы в экономике приводят к постоянным ошибкам, кризисам и т.п. Отказ от них сложен для истеблишмента, поскольку отказаться — значит явно признать ненужность не только макроэко-

номики, но и государственного регулирования и государства в целом.

3.2. Экономика со смыслом

Когда читаешь экономические заметки, написанные журналистами и экспертами, и слушаешь выступления политиков, понимаешь, что ничего не понимаешь. Возможно, в этом и состоит цель этих речей и текстов, но, с другой стороны, все мы знаем о том, что являемся участниками экономических отношений, и что нас это касается напрямую. Выходит, что эти отношения настолько сложны и запутаны, что простому смертному в них не разобраться. В том, что эти отношения сложны, можно только согласиться. Чрезвычайно сложны. Но вот с тем, что в них невозможно разобраться, согласиться нельзя. Просто разбираться нужно совсем не в том, о чем нам говорят.

Экономика и экономисты

В устах политиков, журналистов и экспертов дело обычно выглядит следующим образом. Существуют некие экономисты, которые изобретают некие теории, которые потом политики пытаются внедрять на практике. Мы постоянно слышим и читаем о неких «рецептах», которые внедряются там или сям, и которые, как правило, не работают. Эти рецепты еще называют «реформами». То есть, упрощая ситуацию до представле-

ний обывателя, — живут себе люди, никого не трогают, а потом приходят экономисты и начинают все менять, исходя из своих надуманных теорий. Чаще всего ни к чему хорошему это не приводит.

На самом деле, хотя всякого рода рецепты и реформы действительно существуют, суть экономики совсем не в этом. Экономика, как наука, возникла совсем недавно — в конце 18-го века. Задача, которую ставили перед собой экономисты, состояла в **объяснении** принципов хозяйственной деятельности людей. Сама же эта деятельность и ее принципы замечательно существовали уже Бог знает сколько времени, без того, чтобы об этом кто-нибудь задумывался. Можно сказать, что они появились тогда, когда появился обмен, то есть, в совершенно незапамятные времена.

То есть, задача экономики была в том, чтобы объяснить то, что есть, а не выдумывать того, чего нет. Ну, а откуда же, спросите вы, появились все эти реформы и рецепты? Дело в том, что когда появилась экономика, государственное регулирование уже процветало вовсю. Начав изучать «происхождение богатства народов», экономисты выяснили, что большинство занятий, которыми заняты политики в регулировании хозяйственной деятельности, не только бесполезны, но и вредны. Они создают **помехи** для того, чтобы это самое «богатство народов», о котором писал Адам Смит, росло. Поэтому, первоначально ситуация выглядела как «экономисты против политиков». Затем некоторые экономисты смекнули, что государство — это постоян-

ный источник хорошего дохода, и начали работать на него с целью доказать, что какая-то польза от него все-таки есть. Рецепты и реформы, с которыми мы имеем дело, в основном, дело рук именно этих экономистов. Они считают, что если где-то подкрутить или подмазать и заменить одни помехи на другие, то будет лучше.

Вся эта борьба породила такую путаницу в понятиях и смыслах, что за ними давно потерялось какое-либо содержание. Взять, например, термин «рыночная экономика». Что он означает? Ровным счетом ничего. Любая экономика — рыночна, так как в ней обмениваются товары и услуги. А если нерыночна — то это просто не экономика, а что-то другое. Действительный практический интерес представляет **уровень** помех в экономике, который создает государство и другие агенты. Но термин «рыночная экономика» ничего не говорит об этом.

В общем, теперь в учебниках экономики та же ситуация, что была в советских ВУЗах, в которых «проходили» политэкономию. Пока речь шла о политэкономии капитализма, все было понятно. Как только дело доходило до политэкономии социализма, начинался туман и шаманские танцы с бубнами. Сейчас то же самое. Пока учебники объясняют, откуда что берется — все ясно, но как только дело доходит до «макроэкономики», начинается какой-то вздор. Это неудивительно. По сути, учебники пытаются объединить две разных эконо-

мики — одна изучает поведение людей, а вторая — поведение каких-то абстракций.

Собственно, вот этими абстракциями нас и кормят политики и СМИ. Однако, для того, чтобы принимать решения, прогнозировать, нужно понимать, откуда что берется и что происходит на самом деле. Этим-то мы и займемся.

Откуда что берется

Экономика и, наверное, все прочие социальные явления вызваны ничем иным, как человеческой природой. Не будем останавливаться на том, откуда она взялась и что именно означает, — для нашей темы это не имеет значения. Остановимся на таком общеизвестном факте, как человеческая неудовлетворенность. Человек, в отличие от животных, никогда не бывает до конца доволен своим текущим положением. Ему всегда кажется, что могло бы быть и лучше. И как только он видит возможности к улучшению, он начинает **действовать**.

Это — единственная причина, по которой существует экономика. Экономика — это наука о действующем человеке, а причиной его действия является неудовлетворенность. Для экономики нищий в поисках корки хлеба и миллионер, увлекшийся, скажем, разведением рыбок, одинаковы. Причиной, по которой они действуют, является тот факт, что оба они считают, что могло бы быть и лучше.

Казалось бы, простое утверждение, с чем тут спорить? На стороне этого утверждения опыт человечества, выраженный в мифологии, сказках, литературе и житейских наблюдениях. Однако, вот что интересно — журналисты, эксперты и политики утверждают совсем другое. Разумеется, у них не доходит дело до прямого отрицания, но если восстановить основу их рассуждений, она будет совсем другой.

У политиков, журналистов и экспертов дело выглядит **объективно**. То есть, оказывается, у нас существуют какие-то потребности, которые должны (и главное — могут!) быть удовлетворены. Объективные потребности вроде потребностей в пище, жилье и размножении. Вот вокруг них, говорят нам, все и происходит.

Эта точка зрения удивительным образом соседствует с житейским опытом людей, которому она прямо противоречит. Вспоминаю, как на выборах 94-го года украинцы, от мала до велика как попугаи повторяли одно и то же: «эти уже наворовались, придут новые — опять начнут». Так украинцы мотивировали свое желание голосовать за власть. Проголосовали. И что, наворовались, наконец, те, кого опять выбрали? Нет, конечно. Невозможно навороваться. Как говорится, нет предела совершенству. Если бы украинцы внимательнее отнеслись к собственному опыту, который зафиксирован самыми разными способами, они бы, возможно, поступили бы по-другому. Но опыт иногда трудно

извлечь из-под груд «объективных» текстов на актуальную тему.

Да что там там далеко ходить. Давайте посмотрим на то, что происходит у нас сейчас. Объективно, друзья мои, мы живем просто превосходно. «Потребности в пище, жилье и размножении» удовлетворены у нас на 110%. С голоду никто не пухнет. Жить всем есть где, размножаться тоже. Отчего же мы такие недовольные? Задумайтесь над этим простым фактом и над его интерпретацией политиками, экспертами и журналистами. Что они вам предлагают в качестве объяснения ситуации и главное — оправдания собственного существования? Они вам постоянно рассказывают о минимальных заработных платах и потребительских корзинах и о том, что все плохо потому, что они такие маленькие. Еще они говорят, что многие живут за порогом бедности. То есть, если порог бедности, скажем, тысяча гривен в месяц, а вы получили тысяча и одну, то вам сразу будет счастье. Ну разве это не бред?

Видимо, объективные потребности совсем не объективны. Вам не нужна пища вообще, жилье вообще и размножение с кем попало. Да и кроме этого много еще чего нужно, причем сегодня одного, а завтра совсем другого. И именно это и составляет повседневное содержание вашей жизни, которая в ее хозяйственной ипостаси называется экономикой.

В заключение, остановимся на двух выводах, которые ясно следуют из утверждения о том, что неудовле-

творенность является причиной экономики. Эти выводы хорошо иллюстрируют то, насколько базовые представления определяют характер деятельности.

Вывод 1.

Никогда не будет такого, что «всё есть». Если мы принимаем это утверждение, то мы понимаем, что лучше заниматься тем, что представляется нам самим важным в нашей жизни. «Материальные потребности» в этом случае становятся всего лишь одними из потребностей. Если мы понимаем, что человек никогда не успокоится и никогда не будет удовлетворен, то лучше всего направить наше собственное неудовлетворение туда, куда нам больше всего нравится. В экономике и политике это означает, что пирог общественного богатства бесконечен. Главное — не мешать ему расти.

Если мы не принимаем этого вывода, то это приводит к двум разным последствиям. Первое — это простодушные рассуждения о том, что человечество выродится или с ним еще что-то случится, потому, что у людей «все будет». Второе последствие — более практичное — это деятельность правительств. Действительно, если пирог конечен, то его нужно правильно поделить, а то всем не хватит. В эту увлекательную игру играют правительства и люди. Люди изо всех сил занимаются потреблятством. Ведь конечность пирога означает, что тот, кто нахапал больше, тот и лучше. Правитель-

ства вообще исходят в своей деятельности из того, что у всех может быть всё и именно это они и обещают людям. Минимальные заработные платы могут быть равны максимальным, а черта бедности равна черте богатства. Понятно, что в экономике и политике такие мысли приводят к тому, что главное — это не то, чтобы пирог рос, главное — это честно его поделить.

Вывод 2.

Ресурсы бесконечны. Это вроде бы частный случай первого вывода, но о нем следует сказать особо. Ресурсы бесконечны потому, что человек обязательно найдет, чем удовлетворить свою неудовлетворенность. Теперь смотрите, насколько отличаются практические действия, которые диктует понимание и непонимание этого вывода.

Понимание бесконечности ресурсов бесконечно далеко от утверждения о том, что «нефти хватит всем и надолго» или еще каких-нибудь глупостей такого рода. Понимание бесконечности ресурсов на практике приводит к пониманию того, что одни ресурсы будут заменяться другими ресурсами тогда, когда это необходимо, и при этом максимально безболезненно. И причиной этого будет цена. Чем более редким является ресурс, тем он дороже и тем сильнее мотивация искать ему замену. Поэтому бесконечность ресурсов означает свободные цены на них, а это, в свою очередь приводит к мысли о том, что ресурсы должны находиться в

частных руках, потому что только таким образом можно получить реальную цену.

Непонимание бесконечности ресурсов порождает необходимость оберегать и нормировать их потребление. Оно приводит к прямо противоположному поведению — желанию все немедленно национализировать и взять под контроль. Это поведение диктуется, опять-таки, мыслью о том, что существуют «объективные потребности», которые совершенно необходимо удовлетворить.

Мы с вам живем в стране, которая является замечательной иллюстрацией того, к чему приводит такая политика. «Объективные потребности» нашей удивительной промышленности в газе с первых дней независимости заставляли наше государство монополизировать закупку газа (это то же самое, что национализировать ресурсы). Эти потребности заставляли наши правительства изо всех сил бороться за то, чтобы цена газа была как можно ниже. Поэтому потребителями газа никаких мер по энергосбережению, поиску других технологий и т.п. не предпринималось — а зачем? В итоге, цена все равно повысилась (по-другому и быть не могло), и при этом мы остались с энергоемкой промышленностью и дорогим газом.

2011

3.3. Экономика со смыслом. Обмен

В первой заметке об экономике со смыслом мы говорили о том, что единственной причиной, по которой экономика, как явление, вообще существует, является неудоволетворенность человека своим нынешним положением и его уверенность в том, что предприняв некоторые усилия он может в будущем это свое положение улучшить. Вот это «предприняв некоторые усилия» и есть экономика.

Эта неудовлетворенность распространяется на все известные нам проявления человеческой натуры — от «чешется спина» до «а не замахнуться ли нам на Уильяма на нашего Шекспира?» Все это побуждает человека действовать.

Время

Отличие человека от роботов и животных состоит в том, что он в состоянии увидеть себя в будущем. Человек всегда действует из настоящего в будущее, основываясь на опыте прошлого. Будущее состояние («сижу в крутой тачке», «я-менеджер по продажам и горжусь этим» и т.п.) является мотивом, заставляющим нас строить планы и предпринимать усилия. Важно, что это будущее осознается человеком в его настоящем. Нам это нелегко понять, у нас в языке нет перфектных времен. Но все равно, независимо от этого, действуем мы именно так. Об этом нужно сказать с са-

мого начала, так как, как мы увидим, многие экономические теории игнорируют время и преподносят нам какую-то плоскую картинку, срез процесса, который на самом деле длится во времени. Вслед за теориями это делают эксперты, журналисты и политики, и путаница возникает необычайная.

Шило и мыло

Итак, человек решил предпринять нечто. Например, срочно помыться, потому, что чешется спина. А мыла нет. Зато есть шило. Тут он видит какого-то типа с мылом. Типу с мылом, наоборот, срочно нужно шило. Происходит обмен, в результате которого обе стороны уходят довольными.

Итак, что мы видим? Первое — не существует никакой объективной ценности. Вся ценность только в голове. Вся ценность связана с теми самыми планами, которые мы строим и «образами себя в будущем». Если тип с мылом тут же предложит опять совершить обмен на шило, скорее всего, он будет послан куда подальше. Может так случиться, что даже в случае острой потребности помыть спину вы не обменяете свое шило на мыло, так как у вас другие планы относительно него.

Обычно, когда говоришь об этих вещах, собеседники торопливо говорят: «да, да, это понятно». Но потом, когда читаешь, что этот собеседник пишет, видишь, что ничего он не понял. Он, например, может вполне

искренне возмущаться тем, что какой-то завод «продали за бесценок, в то время, как его стоимость составляла миллиарды гривен». Вот вам и пожалуйста. Для кого эта стоимость составляла миллиарды гривен и почему? Я понимаю такое возмущение только в том случае, если были и другие предложения, подороже, но чиновнички спихнули задешево, но своим. Но если все было честно — в чем тогда вопрос?

Простые вещи понимаются труднее всего. Кстати, не только обыватели и журналисты, но и экономисты страдают этим. Экономисты «классической» школы не могли понять, почему золото дороже железа, ведь железо **полезнее**. Джевонс, Вальрас и Менгер в разных странах (но, что интересно, почти в одно и то же время) решили эту проблему. Это было еще в 19-м веке, но до сих пор многие экономисты, не говоря уже о журналистах, делают вид, что железо «должно быть» дороже, чем золото.

Второе обстоятельство, это то, что обмен совершится только тогда, когда он будет **неравным**. Нам постоянно пудрят мозги о «равноправном обмене», а широкое общественное мнение говорит о том, что если вы купили яблоки по 10 гривен за килограмм, то цена этих яблок равна 10 гривнам (то есть это одно и то же). Все это неправда. Обмен происходит тогда, когда каждая сторона оценивает то, с чем она расстается **ниже**, чем то, что она получает. Обмен шила на мыло — это не обмен «равных» вещей. Для одной стороны шило стоит дороже мыла, для другой — наоборот.

Бродя по базару и прицениваясь к яблокам, вы не покупаете все подряд. Вы сравниваете яблоки с той суммой денег, с которой вам предлагают расстаться. По вашему мнению, вот эти яблоки не **стоят** 10 гривен, а вот эти очень даже стоят. У других людей может быть совсем другое мнение на этот счет.

Легенда, по которой индейцы обменяли остров Манхеттен на бусы, весьма жестко оценивает европейцев, провернувших эту сделку. Жаль, мнения индейцев никто не спросил. Думаю, они покидали место сделки, тихонько хихикая и покручивая пальцем у виска.

Третье обстоятельство — обмен всегда означает **отказ** от одного в пользу другого. Это, кстати, тоже нелегко понимается. Тот хмырь, который купил эти гнилые яблоки по 10 гривен отказался от 10 гривен, в их пользу. Я отказался от возможности заработать ради возможности поваляться на диване и так далее.

Четвертое обстоятельство — обмены экономят время. Правильнее было бы сказать — они создают время. Вместо того, чтобы делать все самому, мы можем обменять одни вещи на другие. При этом под словом «вещи» понимаются также такие абстракции как культура или образование. Обмен порождает разделение труда, я могу делать то, что у меня получается лучше, чем у других, получая в обмен то, чего я сделать не могу. Этот пункт обычно на удивление хорошо понимается и не вызывает возражений.

И, наконец, пятое, самое важное и наиболее трудно понимаемое. Обмен порождает то самое «богатство народов». Человек, получивший шило и человек, получивший мыло, **улучшают свое состояние**, получают то, к чему они стремились. **После этого они могут стремиться к чему-то еще**. Это и есть то самое богатство. Общество в целом, в лице этих двух субъектов, стало богаче. Ресурсы общества в виде шила и мыла используются теперь наилучшим образом. Самое интересное, что в категорию «более богатых чем ранее» попадаю и я, который валяется на диване, вместо того, чтобы работать. До тех пор, пока я буду оценивать свой покой выше суммы, которую я могу получить за работу, я не сдвинусь с места.

Мы проделали путь от каменных топоров к компьютерам только потому, что один никак не мог почесать спину, а другой потерял свое шило. И оба предприняли некие действия для того, чтобы улучшить свое состояние. Вывод о том, что добровольный обмен, основанный на субъективном понимании ценности создал современный мир со всей его наукой, техникой и производством, с трудом укладывается в нашей голове, но это так.

В заключение заметим, что обмен не означает отсутствия ошибок. Тип с шилом может со временем обнаружить, что на самом деле ему нужны были плоскогубцы. В этом случае, богатство немного подождет. Однако, в любом случае, **обмен увеличивает богатство только в том случае, когда он является доб-**

ровольным отказом от одних благ в пользу других. Постараемся запомнить, этот вывод, нам он еще 2011 пригодится.

3.4. Происхождение богатства или, что то же самое, причины бедности

> «По оценкам НБУ, рост ВВП будет обеспечиваться в первую очередь повышением мирового спроса. Внутренний спрос останется достаточно низким в результате слабой кредитной активности. В 2011 году ожидается незначительное замедление экономического роста (на 3,7%).»
>
> ---
>
> …
>
> Когда я читаю такие тексты, меня охватывает отчаяние и я думаю, что если бы у первобытных людей были экономисты, эксперты и журналисты, мы бы до сих пор ходили в шкурах.

Повод для отчаяния

В приведенном выше отрывке все верно. Правда, только в неких узких рамках формулы, которая описывает сама себя. Беда в том, что у нас все, кому профессионально положено думать, будут думать в этих рамках. Это и есть причина моего отчаяния. То есть, если кому-то придет в голову озаботиться тем, чтобы изменить положение дел с «улучшением внутреннего спроса», он будет думать, к примеру, о том, что бы такого,

зараза, сделать со «слабой кредитной активностью». И окажется в тупике, или, того, хуже, начнет предлагать «стимулировать» эту активность.

Мейнстримная экономика, краткий курс которой вам изложит любая домохозяйка, удивительным образом совпадает с массовыми верованиями и суевериями в том смысле, что она пытается описать равновесие. Из одной трубы втекает, в другую утекает. Если где-то что-то прибыло, значит где-то убыло. Мы такие бедные, потому, что у нас всё олигархи украли. И так далее. В других местах мейнстримная экономика говорит то же самое и верования у людей такие же, просто люди там уже давным-давно привыкли поступать вопреки верованиям и науке экономике, потому что это дает результат. Поступают они так, часто даже не отдавая себе в этом отчета и продолжая считать, что равновесие действительно существует. Мы же живем в таком месте, в котором на пользу инстинктам и верованиям 70 с гаком лет усердствовали зондер-команды, которые не просто промывали нам мозги, но и физически уничтожали тех, кто задумывался, откуда что взялось.

Откуда что взялось

Откуда взялись компьютеры, образование, опера, дороги, хлеб, троллейбусы и прочие прелести цивилизации? Почему средний современный человек, каким бы бедным он себе ни казался, богаче египеского фараона, почему жизнь самого ленивого и скупого из нас

насыщенней жизни наших предков и включает в себя то, что и присниться не могло еще несколько сотен, а то и десятков лет назад?

Мейнстрим скромно обходит этот вопрос. Нам что-то невнятно пробормочут типа «… и тогда возникла потребность в орошении». То есть, неназваная сущность, у которой вдруг возникла потребность, говорит местным ученым: «А ну, срочно изобрели мне тут орошение! Бегом, шо не ясно!». Местные ученые отвечают «есть!» и мелкой рысью отправляются изобретать. Лучше всего этот абсурдный процесс отображается в компьютерных стратегиях, куда он перекочевал из мейнстримной экономики. Или вот Карл Маркс, который писал, что-то вроде «экономика Германии срочно требовала водяных мельниц». Я всегда хотел на это посмотреть. Ну, как она требует. И у кого.

В общем, ответа на этот вопрос — а это вопрос происхождения богатства — нет. Между тем, это самый главный вопрос в экономике, с него все начинается и им заканчивается.

Богатство

Что есть богатство? Деньги? Представим себе человека с мешком денег. Одного. В пустыне. Богат ли он? Отдаст ли он свой мешок за стакан воды? Тогда, скажут нам, богатство — это то, что мы покупаем за деньги. Но теперь представим себе — один покупает новый «мерседес», второй жертвует деньги детскому

дому. Станет ли богаче первый? Все скажут «да». А второй? Мало кто скажет «да»

Возьмем мой любимый пример с шилом и мылом. Эта фраза — «поменял шило на мыло» описывает изменения, которые, как считается, ни к чему не привели. На самом деле, если обмен был добровольным, каждая из сторон улучшила свое состояние. Владелец шила получил мыло, и наоборот.

Мне скажут, что улучшение состояния персонажей этой истории возникло потому, что они удовлетворили свои объективные потребности. Но вот беда — сразу возникает вопрос — а что это такое, что значит — объективные? Вот у меня, например, объективная потребность слушать хорошую музыку. Точнее — не слушать плохую. Я физически не могу находиться в месте, где играет какой-нибудь шансон. Ну, это, скажут мне, забобоны. Объективные потребности — это еда, жилье и размножение. Опять неувязка. Объективное — это то, что не зависит от нашей воли. Земля, вращающаяся вокруг Солнца — это объективно. И смена дня и ночи. И прочее, в таком духе. Но человек может отказаться от еды, жилья и размножения. Он может даже отказаться от своей жизни. Значит это — не объективно.

Мы как раз живем в месте, где люди, которые думали, что объективные потребности существуют, правили остальными 70 лет. Собственно, идея марксизма и основана на том, что есть «справедливое» и «несправедливое» богатство, и чтобы всем было хоро-

шо, богатство нужно сначала перераспределить. А потом производство должно производить «продукты питания», «одежду», «товары народного потребления», нас должна обслуживать «медицина», а учить «образование», поскольку все это — объективные потребности. Не получилось. Развалилось всё, несмотря на массовый террор. Оказалось, что никому не нужны «продукты питания», а нужны конкретные товары, которые имеют вкус, который нравится. Точно так же никому не нужна «одежда». И «медицина» никому не нужна, нужно лечение конкретных болезней у конкретных людей.

Обратите внимание на вещи, которые окружают вас в быту. Их поражающее количество особенно заметно, когда вещи извлекаются из своих нор в связи, скажем, с переездом. Ненужная одежда и обувь, которую вы никогда не оденете, книги, которые вы прочитали и которые не прочитали, но которые все равно были куплены. Все это не утратило своих «объективных» свойств. Но вам это больше не нужно. В свое время вы потратили деньги и время, чтобы купить, а иногда и добыть эти вещи. И что теперь? Они больше не представляют для вас ценности. А где эта ценность? В голове.

Не хватает

Человек отличается от животных тем, что никогда не бывает совершенно и окончательно счастлив. Кроме редких моментов гармонии с эфиром мировым и

благорастворения воздухов, он уверен, что могло бы быть и лучше. Он всегда испытывает беспокойство по поводу настоящего, ему всегда хотелось бы его улучшить. Почему это так — никто не знает. Впрочем, нам достаточно этого априорного факта.

Животное, прячась от дождя, ищет укрытие. Человек, если позволяют возможности, строит навес. Или хижину. Или дом. Или усадьбу. Человек никогда не угомонится и не остановится в поиске все новых причин для беспокойства и способов их устранить. Такова природа человека, и с этим ничего нельзя поделать. Когда наши люди завидуют каким-нибудь богачам, которые, с их точки зрения, «с жиру бесятся», им не мешало бы помнить, что им самим могут позавидовать миллиарды людей, которые живут куда беднее. Предела богатства не существует, и это богатство — субъективно. Миллионер, который раздает свои миллионы на благотворительность и науку, в принципе, ничем не отличается от того, кто транжирит их в удовольствиях. И тот, и другой ищут нового богатства. Просто для разных людей в разные моменты их жизни оно выглядит по-разному.

Никакой «философии» и «абстрактности» в этих рассуждениях нет. Чистая практика. Своей цивилизацией мы обязаны только тому, что по неизвестной причине не можем, как муравьи или пчелы, спокойно наслаждаться окружающей реальностью и «просто приспосабливаться к изменениям».

Богатство — это то, что было сделано в попытках удовлетворить беспокойство. Мне могут сказать, что в этих попытках было сделано и много разных гадостей, которые как-то трудно считать богатством. Отвечу так — они могли бы быть сделаны, если бы не общество.

Обмен, общество и деньги

Все знают, что обмен резко увеличивает производимое богатство. Можно не делать все самому, а обменивать то, что делаешь на то, что нужно. Обмен возможен только потому, что мы все разные и испытываем беспокойство по разным поводам в разное время. Обмен есть использование нашего неравенства для нашей пользы. В обмене шило не равно мылу. Один отказывается от шила в пользу мыла, второй — от мыла в пользу шила.

Здесь очень важно вот что. Богатство возникает сразу в двух частях нашего неравенства: и в шиле, и в мыле. Если же вы имеете дело с «односторонним обменом», то богатство не создается, а уничтожается. Пример. Вор, украл у вас деньги и купил на них продукты. Произошло перераспределение, скажут нам мейнстримные экономисты. Несправедливое, добавят некоторые. Но, в целом, ничего страшного, скажут они, вы ведь тоже могли купить на эти деньги те же продукты. Однако, в отличие от экономистов, человеческий опыт не считает, что тут «не произошло ничего страшного». Ведь добровольного обмена между вами и вором не

было. Вор ничего не дал взамен и, следовательно, общее богатство уменьшилось. Если бы вы добровольно с чистым сердцем подарили вору эти деньги, тогда действительно ничего страшного бы не случилось. В этом примере, кстати, хорошо видно, что богатство невозможно измерить. Но можно сказать, меньше его стало или больше.

Практика обменов приводит к появлению великого правила общества — если хочешь что-то получить от других людей, дай им что-нибудь полезное. Делать всякие гадости оказывается невыгодно и, на самом деле, непросто.

Заметим, что в ходе всей этой многотрудной деятельности люди, сами того не желая, получили побочные продукты в виде общественных институтов, например, права и денег.

Деньги вносят в понимание реальности большую путаницу. Использование денег создает впечатление, что они сами по себе имеют какую-то ценность. Разумеется, они обладают (точнее — обладали) некой ценностью, как товар-посредник. Но сами по себе, пока они используются как деньги, они не являются богатством. Никто не работает ради денег. Все работают ради тех благ, на которые их можно обменять.

Несмотря на то, что обмены производятся с помощью денег и, как нам кажется, ради денег, на самом деле, всегда обмениваются реальные ценности. Рабо-

чий «Южамаша» обменивает в магазине одну десятимиллионную часть ракеты на бутылку водки. Модная певица обменивает одну десятую своего мега-пупер хита на загородный дом. Ваше покорный слуга обменяет эту заметку на услуги ЖЭКа, возможность пользоваться электричеством, газом и интернетом в течение месяца, и так далее.

Чувствую, что сейчас мне скажут «Правильно! Мы ничего не производим, и в этом вся беда. Нужно понастроить побольше всяких заводов и тогда все будет хорошо!» Не будет. Реальные ценности — это то, что может быть обменено на другие ценности. Это может быть и то, что производит завод. А может быть и нет. Все виденные и слышанные мною планы экономического спасения Украины заранее предполагают, что их точные результаты уже известны авторам и обязательно будут иметь ценность. Не нужны никакие планы, оставьте это дело людям, а они разберутся.

Богатство и украинцы

Итак, богатство создается. Для того, чтобы оно возникло, не нужны специальные условия, например «природные ресурсы». Наоборот, те или иные вещи **становятся** ресурсами в ходе создания богатства, когда выясняется, что их можно к чему-то приспособить. Люди сами по себе есть неисчерпаемый источник богатства. И если уж нужны какие-то условия для того, чтобы богатство росло, то они довольно просты.

Первое — не создавать людям помех в их постоянном поиске целей и средств для деятельности. Второе — не создавать помех обмену. Третье — для роста богатства обмен должен быть добровольным. Четвертое — деньги должны как можно лучше выполнять роль средств обмена.

Реализация этих принципов в нашей стране, мягко говоря, хромает. Точнее, они реализованы наоборот. Государство лучше нас знает, чем и как нам заниматься. Оно нам милостиво разрешает. Помехи обмену встречаются на каждом шагу. О добровольности в отношениях с тем же государством тоже не приходится говорить. А о средстве обмена, которое печатают вагонами, просто не может идти речи. И самое страшное, что об этом никто не говорит и не думает.

Дорогие украинцы! Мы бедны, потому, что мы ничего не делаем. Мы ничего не делаем, потому, что на голове у нас сидит государство, которое не дает нам и шагу ступить, не говоря о том, что присваивает себе все, что мы делаем. Оно начинает нас грабить еще на том этапе, когда вам приходит мысль чем-нибудь заняться. Государство сидит там потому, что мы сами уверены в том, что если где-то прибыло, то это потому, что где-то убыло. Ну, а значит, нужно следить за справедливой дележкой — как уж тут без государства? Никто ни словом, ни пол-словом, ни мыслью не указывает здесь на то, что богатство может расти и что оно должно расти. Мы только делим. Мы жалуемся, что у

нас растут цены Конечно, они будут расти, если никто ничего не делает.

Разумеется, мы такие же люди, как и прочие, и наша природа такая же, как у всех. Мы, как и все остальное человечество, с утра до вечера создаем богатство. Вопрос только в том, что его мало, его становится все меньше и это все заметней. И причины здесь исключительно субъективные, как и само богатство. Нам просто нужно понять, что мы разговариваем прозой, заметить и оценить наконец-то собственную деятельность и понять, что другого источника богатства не существует. А для этого нужно относиться к реальности както по-другому. Пока истории вроде недавнего нападения государства на рынок «Петровка» будут восприниматься как «а, барыги еще себе наворуют», а не как национальная трагедия, дела не будет.

2011

3.5. Зачем мы ходим на работу?

Вопрос, вынесенный в заголовок, кажется довольно странным. Для большинства из нас очевидно, что на работу нужно ходить и иначе и быть не может. Правда, если присмотреться к тому, как современные люди относятся к этому вопросу на практике, то нетрудно заметить некоторое замешательство и даже кризис. По крайней мере, в той части мира, привычки и установки которой близки нашему человеку, происходит нечто, заслуживающее внимания. Люди меняют свое отношение к тому, что считается «западными ценно-

стями» вроде успеха, карьеры, распространяется дауншифтинг и тому подобные явления.

Более того, мир находится в состоянии активного поиска «альтернатив» тому, что якобы предписывает современная экономическая теория. Например, недавно в интернете гуляла история о том, как неким адвокатам предлагали сделать некую работу (нужно заметить — в рамках некой социальной программы, практически благотворительности), и они отказывались от предложенной им мизерной оплаты и предпочитали работать бесплатно. Авторы и комментаторы утверждали, что такое поведение якобы идет вразрез с экономическими представлениями. Если поискать, то легко можно обнаружить множество подобных историй и экспериментов, которые, как утверждают их авторы, опровергают «господствующие экономические представления». Частью этих якобы порождаемых «экономической теорией» представлений считаются, например, такие набившие оскомину идеологемы, как «карьера», «успех» и связанный с ними образ жизни, к которому одни стремятся, а другие презирают.

Автор этих строк не собирается разбирать подробно каждый такой случай, ибо все, что он читал, слушал и смотрел по этой тематике, полемизирует не с экономической теорией, а с ее бытовой версией, которую, замечу, разделяет не только «население», но и министры, эксперты и прочие чиновники. Беда этой версии не в том, что она сильно упрощает реальность, а в том, что она попросту неверна.

Беда также в том, что оппоненты и ниспровергатели этой «теории» как правило, предлагают рецепты, которые при ближайшем рассмотрении оказываются хуже болезни, которую предлагают лечить. Как правило, это добрые старые рецепты социализма.

В этой заметке я попытаюсь сказать несколько слов о том, как, возможно, все устроено на самом деле. Понимание этого, с моей точки зрения, сильно упрощает жизнь и может на практике помочь людям верно оценить ситуацию и сделать правильный выбор. Мне, по крайней мере, помогло. Более того, обратив внимание на простые вещи, о которых я хочу сказать, мы увидим, что холивар, развернувшийся вокруг определенного образа жизни, не имеет под собой никакого предмета.

Ради денег на Земле

Давайте вспомним, как выглядит такое явление, как работа в представлении людей. Работа — это место, куда человек должен приходить, выполнять там некоторые операции или просто посещать это место в установленное время (редкий пока для нас вариант работы — это некоторый объем чего-то, что необходимо сделать в определенный срок). Работа нужна потому, что за ее посещение выдают деньги.

Такое представление характерно для большинства людей, не только украинцев, его вы встретите в СМИ, у политиков и т.д. и т.п. Хуже того, за этими представле-

ниями закрепилась репутация научных, и единственно возможных. Министры, эксперты и разного рода советники рассуждают об «уровне зарплаты», «безработице» и тому подобных «экономических параметрах» исходя именно из таких представлений.

Итак, суть работы состоит в том, что мы терпим ее ради денег. Однако, действительно ли сами по себе деньги являются целью наших усилий? Народная мудрость в этом вопросе занимает взаимоисключающую позицию. С одной стороны, она утверждает, что «не в деньгах счастье», с другой ехидно добавляет, что счастье — «в их количестве». На самом деле, конечно, деньги не имеют никакого значения. Имеют значение те блага, которые можно за них приобрести. То есть, когда мы ходим на работу, мы поступаем так потому, что это позволит нам затем получить некоторые блага, которые мы ценим.

Ценность и богатство

И тут возникает следующий вопрос — ценности. Представим себе человека, у которого все есть, точнее, у которого нет проблем в приобретении чего бы то ни было. Как его назвать? Скорее всего, его нужно назвать богатым. Как можно измерить его богатство? Это, на самом деле, далеко не праздный вопрос. Это один из самых важных вопросов для понимания экономики. Для наглядности возьмем три версии богатого человека — миллиардера Гейтса, товарища Стали-

на и какого-нибудь святого отшельника Брахмапутру. Миллиардер Гейтс может получить многие вещи потому, что он обладает большим запасом денег. Товарищ Сталин может получить вообще любую доступную в природе вещь без всяких денег, потому что он товарищ Сталин. Святой отшельник ничем не отличается от этих двух персонажей потому, что он тоже имеет все что ему нужно. Трое этих людей, несмотря на большие различия между ними, безусловно, богаты.

Еще один пример. Думаю, многие слышали выражение «старые деньги». Старые деньги — это не столько деньги, как таковые, сколько капитал, связи, опыт и другие возможности. Они позволяют их обладателям получать то, что другие не могут получить и за деньги. Богаты ли обладатели старых денег? Безусловно. Но их состояния в чисто денежной форме могут быть незначительны.

Богатство в рамках этой заметки можно определить как легкость, с которой мы можем получить блага, в которых нуждаемся. Однако, вернемся к ценности. Теперь нам легче будет разобраться с ней. Одна из причин, по которой люди плохо понимают то, что сами же и делают, заключается в том, что та версия экономического языка, с которой мы сталкиваемся в повседневной жизни, делает упор на разного рода цифры и «показатели». В этом языке ценность имеет денежное выражение цены. Но вот простой вопрос — что происходит с товаром после того, когда он куплен? Какова теперь его цена? Куда она вдруг исчезла?

Когда мы начнем разбираться в этом, мы увидим, что не столько сами товары обладают ценностью, сколько те или иные представления о ценности благ порождают к жизни те или иные товары. Вот сколько вам нужно автомобилей марки «Порш» для счастья? Или вы предпочитаете «Роллс-Ройс»? Сколько стоят книжки, которые вы купили, но так и не прочитали? Почему вы говорите, что «никогда не оденете вот эти брюки»? И чем вам так не нравятся блестящие спортивные штаны с полосками? По моим наблюдениям, каждый украинец является обладателем изрядных запасов постельного белья. При этом, используется лишь малая его часть. Это добро досталось ему еще с времен, когда белье было не просто тряпками, а признаком статуса. Другие товары такого же типа, например, ковры и хрусталь, несмотря на то, что продавались в свое время по серьезной цене да еще и «из-под полы», теперь не только не покупаются, но и изгоняются с позором из современного жилищ. Эти примеры можно продолжать до бесконечности.

Ценность имеет исключительно субъективную природу. То, что нужно одному, совершенно не подходит другому, и, собственно это обстоятельство (то, что все мы разные) и является причиной существования такого явления, как «экономика». Даже вещи, которые кажутся нам безусловно объективными, такие как пища или крыша над головой, не являются таковыми. Объективность означает, что эти потребности существуют вне зависимости от нашей воли, однако, очевидно, что

это не так. Люди могут добровольно отказываться от пищи ради достижения других целей, которые считают более важными.

Выбор

И здесь мы подходим к третьему важному обстоятельству нашей темы — выбору. Природа человека такова, что он действует, выбирая. Ориентир для выбора — та ценность, которую каждый из нас приписывает той или иной цели. Причем, в каждый момент человеческой жизни эти ценности, как мы выяснили, меняются под влиянием обстоятельств, опыта и других людей. В каждом из нас существует некая линейка ценностей, которые мы расставляем в порядке их важности. **Выбирать — означает отказываться, означает жертвовать одной ценностью в пользу другой**. Адвокаты из примера в начале этой заметки отказывались от оплаты, поскольку ценили удовлетворение от бесплатного оказания помощи выше, чем те небольшие деньги, которые им предлагали (вспомним Жванецкого: «а можно похоронить без покойника?» «можно, хотя это и унизительно»). В их поведении нет ничего «неэкономического», наоборот, оно наглядно демонстрирует работу базовых экономических законов.

Теперь давайте вернемся к нашей работе и вопросу, почему мы работаем. Как видим, содержание этого занятия состоит в том, что мы **отказываемся** от того, что могли бы делать, если бы не «ходили на работу» в

пользу тех благ, которые мы можем получить, если будем работать. Понимание этого обстоятельства (которое только на первый взгляд кажется простым) сильно облегчает жизнь. Совсем не обязательно становиться святым отшельником Брахмапутрой, ходить на всякие разные «семинары личностного роста» и мучить себя иными изощренными способами. Достаточно понять, чего же ты хочешь на самом деле, и придерживаться своих желаний. Автор этих строк, к примеру, уже много лет как отказался от работы в офисе. Работая в офисе (то есть, «ходя на работу») я бы получал значительно больше денег. Однако, те блага, которые я бы мог за них получить, я ценю ниже, чем те, что получаю, оставаясь дома. Возможность поспать по утрам и почитать умные книжки стоит для меня дороже пятничных попоек с коллегами и отпусков в Турции.

Представление о том, что «мы работаем ради денег» кардинально отличается от того, что происходит в жизни на самом деле. «Карьера», «успех» и сопутствующие им крысиные бега являются лишь одной из многих возможных целей, которые могут выбирать люди, ценой отказа от других целей. Карьера, успех и крысиные бега ни в коей мере не следуют из «экономической теории», не являются ни обязательной, ни даже желательной линией поведения. 2012

3.6. Популярная вирусология. Рынок. Просто рынок

В связи с финансовым кризисом резко обострилось внимание общественности к успехам экономических наук. В частности, общественность интересуется — когда все уже наконец закончится и опять все будет хорошо. Экономические науки отвечают что-то вроде «ы…» и, подумав, успокаивают нас тем, что все рано или поздно заканчивается.

Неудовлетворенные ответом экономических наук, граждане начинают рыскать по интернетам, откровенно беседовать с таксистами и припадать к другим вечным источникам знания в поисках ответов на свои вопросы. Это, конечно, хорошо. Среди того мусора, которым наполнены наши СМИ и «интернет-дискуссии», нет-нет да и проскочит нечто полезное. Да и сам факт того, что граждане пытаются понять, что происходит, весьма полезен. Нужно сказать, что вообще говоря, у нас не страна, а эдакий учебник экономики в картинках. Вопрос только в том, чтобы правильно эти картинки понять…

В общем, автор этих строк намерен поговорить о понятии, которое лежит в самой основе любых теорий, рассуждений, досужих домыслов и прочих мыслительных движений в области экономики. То есть, речь пойдет о рынке.

Причина проста — рынок понимается у нас, в большинстве случаев, весьма превратно и извращенно. Точнее сказать — не понимается. Представления об этом предмете колеблются от аналогий с базаром, полном подозрительных жуликоватых типов, до механистических аналогий вроде «рынков сбыта», на которых некто «сбывает» нечто другим некто, которые только и ждут, когда на их «рынке» появится это нечто. Когда говорят: «рынок отреагирует», — что или кого имеют в виду? Кто или что имеется в виду в словосочетании «субъекты рынка»? Чаще всего понять это просто невозможно. И, похоже, все эти словосочетания и употребляются либо с целью скрыть отсутствие всякого смысла, либо просто потому, что так просто принято говорить.

Дело очень осложняет и наша история. Мы были частью одной из немногих стран, в которой государство сознательно пыталось уничтожить так называемые «рыночные отношения». Поэтому, когда этот эксперимент провалился, государство принялось их «внедрять». Мы начали процесс, который формально до сих пор не окончен — процесс «перехода к рынку».

Вообще говоря, как мы увидим ниже, **трудно представить себе что-то более абсурдное, чем «переход к рынку» под руководством государства**. Этот абсурд создает специфическое представление о рынке, как о чем-то, что может быть каким-то образом навязано или «внедрено». Не прибавляет ясности и та бюрократическая возня, которая существует вокруг

этого вопроса и регулярно освещается СМИ. Приходилось ли вам слышать, к примеру, о том, что Украина объявлена «страной с рыночной экономикой»? Знаете, что это означает? Это означает хорошую работу юристов отечественных сталелитейных корпораций, которые сумели доказать бюрократам из международных организаций, что Украина соответствует неким выдуманным этими бюрократами стандартам. Теперь антидемпинговые расследования по отношению к украинской продукции будут проводиться по другой процедуре. Всё! Ни более, ни менее. Между тем, у многих складывается совершенно ошибочное впечатление, что коль скоро «нам сказали, что у нас уже рынок», то это автоматически приводит к каким-то последствиям. Приводит. К последствиям для антидемпенговых расследований в отношении сталелитейных корпораций.

В общем, деятельность государства, журналистов, аналитиков и ученых в нашей стране приводит к тому, что «рынок» кажется некой абстрактной и сложной субстанцией. Это не так. На самом деле, он куда сложнее, чем кажется.

Рынок был всегда

Как только люди научились выращивать зерно, и как только, вследствие этого открытия, их за короткое время стало в тысячи раз больше, возникли те эффекты, которые и привели к появлению рынка. Эффекты

появились от того, что теперь жизнь человека, особенно в возникших на этом буме городах, начала означать повседневное столкновение с огромным количеством **незнакомцев**. Отношения с ними не могли больше регулироваться предыдущим жизненным опытом, и сам жизненный опыт стал совершенно другим. Традиции племени, которые просто описывали те ситуации, в которых мог оказаться (и, как правило, оказывался) человек в ходе своей жизни, больше не спасали, так как самих новых ситуаций стало значительно больше.

Скопление народа позволило обмен излишками и тут, можно сказать, и появился рынок. То есть, как только кому-то пришла в голову идея предложить свой продукт всем желающим, включая и **незнакомцев**, появился рынок.

С тех пор все человечество существует «при рынке». В разные времена и в разных странах рынок отличается только тем, **в какой мере он используется**, и в какой мере люди (как правило, в лице государств) позволяют рынку играть свою роль.

Очень важно понимать, что роль рынка не сводится к тому, что обычно понимается под «экономической деятельностью». Скорее, эта деятельность является лишь одной из составляющих рынка. Фактически, любая деятельность человека находит свое отражение в том, что называется «рынок». Пропитание, одежда, жилье, романтические ухаживания, роскошь и прихо-

ти, нажива и бескорыстие — все это те силы, которые «движут рынком».

Следствием из этого простого наблюдения является тот факт, что само слово «рынок», обозначающее всего лишь место для розничной торговли конечной товарной продукцией, совершенно не отражает феномен, который обозначает.

Рынок и право

Сама среда рынка потребовала возникновения правил, следование которым добавило бы свободы творчества участникам рынка. Эти правила — право — в какой-то степени играют роль «автопилота», который позволяет не тратить время на поиск и опробование решений, таким образом, как мы уже указали, увеличивая свободу людей. Отличие правил от традиций племенной эпохи в том, что они универсальны и описывают не каждую процедуру отдельно, а лишь условия, которые необходимы для ее реализации. Право неотделимо от рынка и тесно переплетено с ним. Право, будучи обобщением практики, возникало методом естественного отбора норм и правил, совершенствуясь и становясь все более универсальным.

Знания и сведения. Что делает рынок

Для меня долгое время было некоторой проблемой объяснить, в чем же суть того **нового качества**, кото-

рое породили люди взаимодействием друг с другом и которое называется куцым и убогим словом «рынок». То, что рынок является «информационной средой» или «способом использовать знания», мало кого вдохновляло. Так было, пока мне не попалось слово «сведения». Наличие этого слова позволяет легко объяснить, с чем мы имеем дело.

Итак, знания отличаются от сведений. **Сведения есть оформленное знание**, уложенное в рамки слов, и часто подогнанное под существующие идеологические, политические и прочие концепты, которыми тот или иной человек объясняет окружающий мир. Знания — неоформленная вербально и мысленно информация, которой человек пользуется, чаще всего, даже не задумываясь о ней. **Знания куда обширнее, чем сведения**. Существует, по-видимому, много ситуаций, когда знания становятся сведениями, но одна из них весьма характерна и, думаю, многим очень хорошо знакома. Речь идет о ситуации, когда читая, книгу, вы ловите себя на том, что автор выразил ваши мысли. «Я тоже так думаю!» — мысленно восклицаете вы. **В этот момент знания, которыми вы уже обладали, но о существовании которых даже не догадывались, стали сведениями в той форме, которую предложил вам автор книги**.

Теперь понятно, что все мы являемся носителями множества знаний, и, в то же время, преимущественно эти знания частичны. **Рынок позволяет объединять рассеянное знание общества в рамках тех ситу-**

ативных порядков, которые тысячами возникают в нем каждую секунду. Более того, это происходит естественным путем, людям использующим эти знания, не нужно договариваться заранее и вообще не нужно даже знать о существовании друг друга.

Мы знаем гораздо больше, чем понимаем, чем способны изложить в виде сведений. Рынок позволяет нам использовать знания, минуя стадию сведений. Разумеется, на практике сведения, конечно же, активно используются, когда мы принимаем решения на рынке. Более того, мы уверены, что мы принимаем их только на основании сведений.

И, наконец, рынок позволяет нам открывать новые знания. Конкуренция, как гениально заметил Хайек, является процедурой открытия.

Вмешательство в рынок

Рынок и «вмешательство» в него возникли одновременно. Можно сказать, что рынок всегда терпел то или иное вмешательство и никогда и нигде не существовал в чистом виде, то есть, ограничиваясь только правом. Между правом и вмешательством иногда трудно провести четкую грань. Видимо, то, что некоторое время было правом, способно в изменившихся условиях превратиться во вмешательство. Точно так же, многие нормы права возникли как обобщение практики удачных и неудачных вмешательств в рынок.

Правда, можно установить происхождение вмешательства. Прежде всего, оно основано на неких **намерениях**. Намерения исходят из **предположений**, что поступая так и так, мы получим тот или иной результат. Как видим, в этом процессе мы можем оперировать только **сведениями**. Ведь для предположений и способов реализации намерений нам необходима логика. **Логика может работать только со сведениями**. То есть, любое вмешательство изначально основано на частичной и устаревшей информации.

В отличие от ситуации продуманного вмешательства, рынок порождает множество «невидимых институтов», которые **являются результатами деятельности людей. Но не их намерений**.

В общем, хотя вмешательство в деятельность рынка неизбежно, но оно никогда не будет полезно, поскольку любая информация (то есть сведения) о системе всегда хуже той (то есть знаний), которую она **уже использует**.

Следовательно, вмешательство искажает знания, порождает ошибки при принятии решений.

Рынок и свобода. «Рыночное поведение»

«Переход к рынку» и прочие глупости породили странные представления о том, что для того, чтобы рынок работал, необходимо некое «рыночное поведение». Обычно оно понимается как обычный мерканти-

лизм и тупая «жажда денег». На самом деле, любое поведение является «рыночным». Вы можете продать яблоки, которые выросли на вашей даче, можете подарить их кому-нибудь, а можете оставить их висеть на дереве. Любой ваш выбор «учитывается» рынком. Мы все — участники этого процесса, независимо от того, как мы лично относимся к нему и отдаем ли вообще себе отчет о его существовании. Единственное условие, которое совершенно очевидно следует из вышеизложенного — **ваши действия должны быть свободными**. Отсутствие личной свободы — первое и наиболее радикальное вмешательство в рынок.

Поэтому все разговоры по поводу «экономических» и «политических» свобод являются пустым сотрясением воздуха. Свобода — едина, она создается правом, которое «открывается» в ходе рыночной деятельности. Точно так же очевидно, что не бывает полностью свободных или несвободных систем, всегда речь идет о некой степени свободы. По крайней мере, мы точно можем сказать, что свобода и рынок — вещи необходимые друг другу. Рассуждения о том, что там-то и там то «рынок вводился» с помощью полицейских мер, возможно, и совпадают с историческими фактами, но это не означает, что полицейские меры **необходимы** для существования рынка.

Кризис и рынок

Завершая наш короткий обзор, отметим, что, очевидно, с функционированием рынка в Украине существуют большие проблемы. Неопределенность прав собственности и прочего права, а также фактическое отсутствие суда — это первая и наиболее важная проблема, которая не позволяет нам в полной мере использовать существующее в обществе знание. Вторая проблема — это деятельность правительства по «переходу к рынку», то есть, по вмешательству в него. Правда, здесь дела обстоят не так плохо, как могли бы. Деятельность наших правительств давно загнала бы в гроб любую экономику, но как видим, с нашей им пока не удается справиться. Причина — в низком доверии к любому правительству и стремление «субъектов рынка» (то есть, всех без исключения граждан) любым путем увильнуть от его инициатив. То, что они именуют «теневой экономикой», и есть наша версия рынка, которая позволяет нам выживать. Так что лозунг момента прост — все в тень и подальше от правителей. Это помогло нам в 90-х, поможет и сейчас. 2009

3.7. Правило пары

Хочу поделиться с читателем одним простым правилом, которое, возможно, поможет лучше понимать, как на самом деле выглядят те или другие экономические события и в чем они, собственно, состоят. Я называю это «правилом пары», которое можно сфор-

мулировать таким образом «в любом обмене есть две стороны». Почему это важно? Да потому, что большинство информации, которую мы получаем, неявным образом предполагает, что действует только **одна** сторона. Хуже того, экономистов на младших курсах учат одной экономической теории, а на старших — прямо противоположной. И вот в этой «противоположной» теории экономика превращается в некий дзен с хлопками одной ладонью. Экономисты, закончив ВУЗ и превратившись в экспертов, становятся распространителями этой дзеновской мудрости среди широких масс. Беда в том, что мудрость эта ну совсем уже далека от реальности.

Ключевым экономическим действием является добровольный обмен. Конечно, могут существовать полностью автаркические хозяйства, владельцы которых делают все им необходимое своими руками, но таких, наверное, единицы. Обмен происходит потому, что люди по разному оценивают те или иные блага. То есть, я обменяю одно благо на другое только тогда, когда оцениваю другое благо выше, чем то, которым владею. Аналогичные условия должны быть выполнены и для второго участника обмена. При этом «ценность» — понятие сугубо субъективное.

Собственно, на этом процессе основана наша цивилизация. Ее достижения существуют потому, что мы все обмениваемся по принципу «приобретаю больше, чем отдаю», а это возможно из-за того, что мы с вами разные и оцениваем разные блага по-разному. Исто-

рия про канадца, который за год обменял скрепку на дом — наглядная иллюстрация того, как в результате обмена растет богатство.

Так вот, отметим, что у обмена всегда есть две стороны. И **обе** стороны увеличивают свое богатство, когда обмениваются.

Теперь давайте посмотрим на самые обычные сообщения. Например, «производитель телевизоров — фирма А — получила доход в 10 000 гривен за последний месяц». Это типичная информация из категории «хлопок одной ладонью». На самом деле, к этой информации следовало бы добавить «в течение месяца покупатели телевизоров фирмы А получили богатства на сумму, большую, чем 10 000 гривен». Теперь картина становится полной. Я ни в коем случае не призываю журналистов подавать новости именно в такой форме, я говорю лишь о том, что читателю полезно знать, как выглядит полная картина. Почему? Потому, что неполная картина создает иллюзорный мир, иногда прямо противоположный реальному. Однако, читатели воспринимают этот иллюзорный мир, как реальный. И уже в качестве граждан или того хуже — избирателей, они могут выступать в роли людей, пытающихся воплотить эти иллюзии в жизни.

Смотрите. В сообщении «производитель телевизоров — фирма А — получила месячный доход в 10 000 гривен» действует только фирма А. Ее доход вообще как бы сам собой падает с неба и поэтому всегда мо-

жет быть поставлен под сомнение. То есть сообщение типа: «фирма А уплатила налог с дохода в 10 000 гривен» воспринимается в таком мире вполне нормально. Ну что ж, вот же ж у вас тут доход, надо делиться, и все такое прочее. Теперь давайте посмотрим, что у нас выходит в реальном мире, в котором есть покупатели фирмы А, богатство которых увеличилось больше, чем на 10 000 гривен потому, что они предпочли ее телевизоры этому количеству денег. Выходит как-то нехорошо. Выходит, что фирма А **наказывается за то, что увеличила богатство этих людей**.

Правило пары особенно хорошо помогает в понимании деятельности государства. Ведь в ней вообще нет добровольного обмена. Оно ничего не отдает тем, у кого отбирает, и ничего не берет у тех, кому отдает. Обмена тут вообще нет, есть, разве что, статья уголовного кодекса.

2012

3.8. Цена, ценность и грех антропоморфизма

В экономической науке есть одно секретное место. Зная о нем, вы легко можете оценить высказывания и рецепты политиков, экономистов, экспертов и прочей подобной публики. Называется это место «ценность». Секрет этого места состоит в том, что мейнстримные экономисты, не говоря уже о политиках, всегда обходят его стороной. И это неудивительно, ибо здесь и ле-

жит корень глубочайшего противоречия между реальностью и экономической наукой, которая пытается ее постичь с одной стороны и шаманскими плясками политических акторов — с другой.

Дело здесь в двух моментах. Первый — ценность субъективна. Она целиком и полностью лежит на совести субъекта, причем, сегодня он ценит нечто так, а завтра — совершенно иначе. Второй момент — ценность не измеряется. Никак. Ценность можно только сравнивать. Причем, опять-таки, в рамках деятельности одного индивида. Обменивая яблоко на грушу я ценю яблоко меньше, чем грушу. Здесь и сейчас. Тип, с которым я обмениваюсь, опять-таки, в данный момент времени, имеет противоположную иерархию ценностей. Именно поэтому мы и обменялись.

Напомню историю Кайла Макдональда, который обменял скрепку на дом в течение года путем цепочки обменов. В этой истории (любой согласится, что Кайл выиграл, правильно?) увеличилось не только богатство Макдональда, который получил дом, которого у него не было, но выиграл и каждый, кто участвовал в сделках из этой цепочки. Это и есть тот самый процесс роста богатства, разумеется, в крайне упрощенном виде, ибо здесь речь идет только о самом обмене, минуя производство, сбережения, капитал и еще много чего.

Так вот, мейнстримные экономисты делают вид, что этого не существует. То есть, если такого экономиста прижать в углу, он, конечно, согласится, что ценность

субъективна и не может быть измерена — это все-таки, основы его науки, если он не прогуливал лекции. Но выйдя из угла, он опять возьмется за свое.

Почему? Ответ очевиден. Что можно сказать о росте богатства для некоторой группы людей, проживающих на некоторой территории, зная о природе ценности? Только лишь «чем меньше препятствий на пути свободного производства и обмена, тем больше рост богатства». Но это никуда не годится. Это нельзя продать владельцу этой территории. Тут нечем манипулировать, не на чем строить системы уравнений и логарифмические ряды.

Поэтому, мейнстримные экономисты оперируют ценами. Точнее, они подменяют ценность ценой. Однако, субъективность и невозможность измерения ценности при обмене никуда не девается от того, что существуют цены. Интернет стоит 100 гривен в месяц. Я покупаю интернет потому, что он для меня более ценен, чем 100 гривен (точнее, более ценен, чем другие альтернативы). Для бабушки в деревне 100 гривен в месяц — огромные деньги, а интернет ей даром не нужен. И сделки состоятся (либо не состоятся) не по причине «равенства» цены интернета моим потребностям, а как раз по причине их неравенства. Я выбираю большую ценность в обмен на меньшую. И именно это неравенство и есть тот самый прирост моего богатства. А вот посчитать, учесть этот прирост невозможно никаким образом.

То есть, то, что является причиной, перводвигателем всего экономического процесса, не поддается никакому учету и выражению.

Этот вывод, повторю, не годится для целей мейнстримных экономистов, поскольку он не годится для целей государственного регулирования. Как показать неуклонное возрастание «процента жиров у масли», если для этого есть заказчик в виде мудрого правительства? Для этого нужно явно или неявно подменять ценность ценой, а неравенство ценности при обмене трактовать как равенство. Вчера «мы» произвели на 100 гривен. Сегодня на 120. Это рост? Рост! Вот, собственно, и весь ход рассуждений. Означают ли эти 120 действительный рост богатства группы людей, волею судьбы оказавшихся в пределах юрисдикции некоего государства — большой вопрос.

Денежный расчет, двойная запись в бухгалтерских проводках — прекрасный и незаменимый инструмент в руках предприятия или домохозяйства. Но никуда не годный для некой умственной фикции, именуемой государство. Причина проста, и это как раз то, о чем мы говорим в этой колонке — предприятие (в лице принимающих ответственные решения товарищей), домохозяйство (в лице тех же товарищей) или же отдельно взятый индивид прекрасно понимают, преследование какой цели увеличит их богатство. Они же и принимают решения, от каких целей им нужно отказаться для того, чтобы достичь более ценных результатов. Для «страны», «государства» все это не работает, ибо

они являются произвольным набором людей и предприятий, преследующих свои собственные цели. Страны не продают, не покупают, страна не может оценивать цели, поскольку у нее их не существует.

По сути, современные экономисты, особенно «макроэкономисты» болеют древней как мир болезнью антропоморфизма. Как наши предки отождествляли стихии природы с некими личностями, так и эти люди отождествляют набор людей с разными целями с неким существом по имени «государство». И это существо у них продает, покупает и увеличивает свое богатство. Знание о природе ценности помогает нам не стать жертвой этого обмана.

Этот обман (который, повторю тысячный раз — есть не результат какого-то заговора, а результат «хода вещей») не является предметом сугубо академического интереса. Тоталитаристы всех стран работали именно над этой проблемой — как навязать всем людям одинаковые цели? И одной из причин этой работы была деятельность экономистов, рассуждавших об экономике в рамках государств и абстрактных агрегатов, игнорируя при этом то, что только деятельность индивидов, увеличивающих ценность, является причиной и смыслом всей этой экономики.

Недавно на глаза мне попался один пример, которым я и хочу закончить эту колонку. Этот пример показывает, как меняются представления о реальности под действием разного рода мифов, легенд и сопут-

ствующего им антропоморфизма. Адам Смит, говоря о задачах «полиции» (то есть, государственного вмешательства) среди прочего, упоминает «насаждение дешевизны». Признание дешевизны, как блага, вы найдете и во многих других работах экономистов 19 века. И это очевидно, если помнить о ценности (хотя сам Смит был большим путаником в этом вопросе). Любая домохозяйка знает, что дешевизна прямо способствует росту богатства.

Смит жил в эпоху, когда «полиция» только начинала свой победоносный путь. Поэтому его мнение формировалось не потребностями «полиции», а довольно независимым анализом. Однако, со временем, когда экономисты стали разновидностью чиновников, отношение к дешевизне изменилось. Это и неудивительно, ведь для успешной отчетности нам нужно сегодня произвести 100, а завтра — 120. Какая уж тут дешевизна. И вы не найдете сегодня политиков и экономистов, которые бы прямо ставили своей целью удешевление товаров. Наоборот, рост цен некоторыми школами считается прямым признаком роста богатства. Хуже всего здесь то, что так же считает и прогрессивная общественность. Сама она, правда, стремится покупать подешевле, но вот в качестве общественности она будет глотки рвать, доказывая «вред дефляции», к примеру, понимая под дефляцией падение цен вследствие роста производства. И это свое мнение, почерпнутое из мнений окологосударственных экспертов, общественность понесет на избирательный участок, а после выборов

будет удивляться тому, что «все опять дорожает». И все это — из-за маленькой разницы между ценностью и ценой.

2013

3.9. Даешь общество потребления!

Среди фетишей современного общества «борьба с потребительством», пожалуй, один из самых отвратительных. Поясню. «Потребительство», к сожалению, не фигура речи, не метафора жадности или глупости, а «борьба с потребительством» — не просто утеха самовлюбленной «интеллектуальной элиты». К сожалению, дело не ограничивается моральными установками и эстетическими предпочтениями некоторых людей, «борьба с потребительством» — очень практическая вещь с очень практическими последствиями.

Если даже отбросить разных невменяемых зеленых фашистов, мечтающих уничтожить человечество, критиков «потребления» и сторонников его ограничения наберется вагон и маленькая тележка. Все они повторяют одни и те же заклинания о «духовности», «ресурсах» и тому подобном. Не будучи в состоянии внятно сформулировать, что такое «потребительство» и чем оно плохо, эти люди, тем не менее, не скупятся на рецепты, многие из которых радостно реализует государство, ссылаясь на мнение общества.

Разумеется, я далек от мысли в маленькой колонке разбирать все заблуждения и ошибки борцов с по-

треблением. Я просто хочу указать на некоторые очевидные вещи. Во-первых, потребление есть суть нашей жизни. По сути, это и есть жизнь. Мы потребляем не только еду или предметы роскоши. Крестьянин, выращивая пшеницу, потребляет свой трактор. Художник потребляет краски и холст, а зритель — картину художника. Вы, живя в своем доме, потребляете дом. Компьютерные программы, книги, лекции в университете — все это предметы потребления.

Во-вторых, «общество», а затем и «цивилизация» возникли исключительно ради большего потребления. Самый обычный натуральный обмен, с которого все началось, существует только потому, что обменивая пшеницу на мед, вы имеете и пшеницу и мед, то есть, можете потребить больше, чем раньше. В итоге, современный человек может потребить мысли любого философа или поэта, он может увидеть места, в которых никогда не побывает, он может учиться у людей, с которыми он никогда не познакомится лично. Еще лет эдак 200 назад такие возможности считались бы чудом. Поэтому, борцы с потребительством на самом деле борются с самой цивилизацией, сделавшей их существование возможным.

Ну, и, наконец, в третьих. Как же нам отличить «необходимое» потребление от «излишеств» потребительства? На самом деле, — никак. На самом деле, с точки зрения большинства населения планеты, такой человек как я погряз в непозволительной роскоши, хотя я сам считаю себя очень бедным. Как ограни-

чить «зажравшихся», если кто-то считает это необходимым? Есть только один разумный путь — самоограничение. Выключать за собой свет, выключать воду, пока чистишь зубы. Но к нему мало кто прибегает — слишком хлопотно и «нагнать пафоса» не получится. В общем, кто сможет определить, «зажрался» кто-то или нет? Ответ один — начальство. Борцы с потребительством не просто взывают к начальству, чтобы оно поскорее вмешалось, они еще, к радости последнего, дают ему «моральное основание» для такого вмешательства. Общественное мнение настолько привыкло к негативности «потребительства», что уже не в состоянии заметить абсурдность предлагаемых мер. Вот, например, любимая всеми идея обложить налогом потребление. Но позвольте, мы все трудимся ради потребления. Труд и существует только потому, что приносит результат, который можно потребить. То есть, сторонники этого налога считают, что труд должен приносить меньший результат, чем он приносит. Абсурдность этой конструкции, увы, никто уже не замечает.

Но как же, скажут мне, разве не столкнулось человечество с проблемой отсутствия «механизмов самоограничения»? Разве не существует вопроса исчерпаемости ресурсов, загрязнения планеты и так далее? Наверное, эти вопросы существуют. Однако, предлагаемое решение, как говорится, хуже болезни. Ведь «механизмы самоограничения» существуют и существовали все это время. Они невероятно эффективны, по-

скольку никем не созданы и никем не управляются. Эти механизмы описываются простой формулой: «Для того, чтобы ты мог потреблять, ты должен сделать что-то, что может потребить другой. И меру твоего потребления устанавливает оценка другими людьми того, что производишь для них ты». Именно в этот саморегулирующий механизм нацелены в реальности все практические последствия деятельности борцов с потребительством. Все их налоги, запреты, «государственная» собственность на природные ресурсы, — все это бьет прямой наводкой в этот механизм. И что интересно, другого механизма, которому бы все без исключения люди следовали бы совершенно добровольно, изобрести невозможно. 2012

3.10. Такси и австрийская школа

Хорошая теория хороша именно тем, что подтверждается практикой. Автор этих строк постоянно находит в жизни примеры того, как работает экономика в описании австрийской школы. Возьмем, к примеру, такси. Автор постоянно пользуется его услугами, так как проживает в достаточно сомнительном, с точки зрения транспортных удобств, месте. Такси является замечательной иллюстрацией нескольких тезисов австрийской школы.

Тезис №1: Конкурентный рынок является демократией потребителя. Поскольку я езжу практически одним и тем же маршрутом, то довольно легко вычислить

рост цены. С 2004 года цена моего маршрута выросла примерно вдвое. При этом, нужно сказать, что я езжу на «минималке». Эта пропорция будет куда меньше, если сравнить стоимость более длинных маршрутов, иногда у меня даже возникает ощущение, что они стали дешевле в абсолютных ценах. Думаю, не нужно говорить, о том, как выросли за это время все остальные цены. Если добавить к этому падение доходов даже в абсолютном выражении, то можно сказать, что реальная цена такси очень сильно упала за это время.

Между тем, этот рынок существует, и хотя, судя по всему, на нем достаточно трудно удержаться, незаметно, чтобы качество работы такси ухудшилось. Это все к тому, что на самом деле, любой товар и услуга существуют только потому и только до тех пор, пока они нужны потребителю. Наше общественное мнение, эксперты и политики уверены в обратном — производство есть некая самоцель, производство приносит прибыль само собой, а потребитель — это некий объект, бездумно потребляющий все, что ему втюхивают. Для них живучесть такси-бизнеса в украинских условиях и его способность обеспечить потребителя, снижая при этом цену — неразрешимая загадка.

Ну, а как же рост цен на бензин, инфляция, а также рост цен по другим причинам — ведь все это должно повлиять на требования таксистов к своим доходам. По логике, которую вы встретите везде, где рассуждают об экономике, огромный рост цен на все товары и услуги должен привести к пропорциональному ро-

сту цен таксистов. Однако, этого не происходит. «Такого явления, как инфляция издержек, не существует. Ни повышение ставок заработной платы, ни повышение цен на нефть, ни даже рост цен на импорт в целом не могут поднять совокупную цену всех товаров до тех пор, пока покупателям не предоставляется дополнительных денег на их покупку» — говорил Фридрих фон Хайек. И это тезис №2. Цены не определяются издержками. Цена есть результат кропотливого поиска прибыли, зависящего от массы условий и, прежде всего, от «обстоятельств времени и места». Безусловно, издержки влияют на цены, но эту зависимость следовало бы изображать, как «издержки зависят от цен», а не наоборот, как это делают у нас.

Но как же, скажут автору, вот тут Хайек ясно говорит насчет того, что если покупателям предоставить деньги, цены вырастут. Нашему покупателю постоянно предоставляют новые деньги, скажут автору, а цена на такси почти не меняется. Правильно, скажу я, и это — тезис №3. Ценность определяется личной шкалой предпочтений. За гречку наш покупатель готов платить больше, а за такси — нет. Такси пока что считается роскошью, а не средством передвижения, и людей, которые так считают, значительно больше. Если бы в нашем обществе было больше уродов типа меня, цены на такси давно бы поднялись, а на гречку — нет. Кстати, после Нового года такси попытались сколотить картельчик и удержать новогодний тарифчик, который

был раза в два выше обычного. Не удалось. Не хочет покупатель платить больше.

Пример такси — пример удивительной силы самоорганизующегося сотрудничества людей, которое называют «рынок». Что государство ни делает, а такси все равно работает и приносит пользу людям по все более низким ценам. Я с ужасом думаю о том, что планы государственного вмешательства в этот бизнес, которые периодически возникают у власть имущих, будут реализованы. Вот тогда мы увидим и рост цен и отсутствие услуги… А пока — выходите без звоночка.

2011

3.11. Почему растут цены

Наверняка врачи, оказывшиеся в роли больного, отмечают у себя все стадии болезни и с интересом наблюдают разные нюансы и детали. Точно так же автор этих строк несколько лет наблюдает за собственным потреблением, точнее, за его неуклонным сокращением. Могу совершенно точно сказать — цены растут, причем растут почти все потребительские цены. Конечно, есть рынки, где цены фактически падают (например, такси), но часто это происходит одновременно с ухудшением качества.

Ни для кого не секрет, что шоппинг в Милане теперь дешевле шоппинга в Киеве и что цены на «товары первой необходимости» в Украине приближаются к

ценам дорогих стран Европы при значительно худшем качестве. Почему так происходит?

Давайте сначала поговорим о цене. Что это такое? В привычном для нас виде, цена — это количество денег, на которые продавец предлагает обменять свой товар. Почему покупатель совершает обмен? Потому что он предпочитает этот товар другим, его личная шкала предпочтений говорит ему, что этот товар — лучшее, что он может получить здесь за эти деньги. Что это за шкала и откуда она берется? Разумеется, это не некий список, это просто предпочтения, существующие сугубо индивидуально у каждого из нас в данное время в данном месте. Существуют они по той же причине, по которой вообще существует экономика и человеческая деятельность, а именно, по причине редкости нужных нам благ. Если бы мы жили в раю, где все доступно, то никакой бы экономики никогда бы не было бы (и мы не были бы людьми, но это другая тема). В общем, человек всегда выбирает, а выбор — это всегда отказ от одного в пользу другого.

То есть, «спрос» на некий товар из закона спроса и предложения — это есть проявленные предпочтения людей, предпочтения в пользу этого товара относительно всех других. Таким образом, возвращаясь к цене, мы видим, что она существует не сама по себе, а только как часть некой системы цен.

Собственно, работа предпринимателя и состоит в том, чтобы ориентируясь на существующие цены,

предложить такую организацию производственного процесса, чтобы публика предпочла его товар другим товарам. То есть, при прочих равных, конкуренция всегда идет за более низкую цену.

На самом деле, мало кто понимает это. В представлении наших людей, цены определяются издержками, «плюс надбавка», которая и составляет прибыль. В реальности же, все обстоит наоборот — допустимые издержки определяются ценами конечного продукта, вся экономическая цепочка строится от конечного потребления. Предприниматели начинают действовать тогда, когда зная потребительские цены, понимают, что смогут предложить более низкую цену и оставить еще что-то себе на чай.

В природе не существует «товара вообще», и не существует совершенно нового товара. Мобильная связь появилась только потому, что существовала телефонная связь и сериал «Стар Трек», герои которого еще в 60-х пользовались «коммуникаторами», дизайн которых затем воспроизвела «Моторола». Персональные компьютеры появились тогда, когда пользование стационарным стало довольно доступным, до радио, телеграфа и телефона существовали семафоры и пневмопочта и так далее. Весь наш прогресс это и есть, фактически, все более низкая цена, поиск и нахождение предпринимателями таких способов использования редких ресурсов, которые делают вещи все более доступными.

Даже так любимые в постсоветских странах «НИОКР», «инновации» и прочие чудеса банановтехнологий, которые якобы существуют в экономическом вакууме и добываются там учеными из мирового эфира на государственные деньги, на самом деле есть тоже часть поиска низкой цены, то есть, такой ситуации, когда публика согласится предпочесть некое благо другим благам. Например, та же услуга мобильной связи до некоторого момента была просто недоступной (можно сказать, цена стремилась к бесконечности), затем появилась Моторола, которая стоила 4000 долларов, что уже значительно меньше бесконечности. Эта цена означает, что, скажем, за 15 000 публика еще была несогласна предпочесть благо мобильной связи другим благам, ну а теперь простой сотовый телефон стоит 20 долларов.

Если суть предпринимательства состоит в поиске низкой цены, то почему же тогда растут цены в Украине? Думаю, правильно было бы сформулировать вопрос по-другому. Что мешает украинским предпринимателям снижать цены? Разумеется, законы природы не обойдешь, и конкуренция все равно идет за более низкую цену. Какие факторы снижают этот эффект?

Регулирование

Думаю, факт активного регулирования государством нашей экономики не нуждается в доказательстве. Регулирование самым прямым образом влияет на

процесс поиска низкой цены. В данном случае, акцент нужно сделать на словах «процесс поиска». Предприниматель всегда ищет новые способы производства, новых поставщиков, другие формы организации и так далее. Регулирование наносит удар именно в этот процесс. То есть, оно разрушает установившиеся связи, постоянно меняя условия деятельности тех или иных предприятий. Украинское регулирование отличается маниакальной активностью, что приводит экономику в состояние хаоса. Предприниматель в таких условиях резко сокращает свои временные горизонты, ввиду непредсказуемости окружающей среды, его задача сводится к простому выживанию. Украинское регулирование отличается еще одной особенностью. Экономика, как известно, есть набор цепочек производства, состоящих из наборов этапов. Товар, который покупает потребитель, проходит до него огромное количество стадий, представленных независимыми предприятиями, покупающими товары друг у друга. Однако, на каждой из этих стадий используются так называемые «первичные факторы производства» (поэтому они и называются первичными) — труд, земля и капитал. Украинское государство особенно любит наносить удары по этим первичным факторам, то есть, один такой удар может разрушить всю сложившуюся цепочку и сразу же поднять цену конечного продукта.

Протекционизм

Такой вид регулирования, как протекционизм, есть фактически прямой приказ жителям данной страны покупать некоторые товары по более дорогим ценам. В протекционизме нет никакого экономического смысла, еще Рикардо сформулировал «закон образования связей», по которому, даже если одна страна производит все продукты лучше, чем другая, все равно торговля между ними приносит прибыль, так как позволяет каждой стороне сосредоточиться на том, что у нее получается лучше всего. Идея протекционизма направлена непосредственно на рост цен, так как она направлена против разделения труда, одного из главных эффектов, делающих товары более дешевыми. Протекционизм, доведенный до логического конца, это ситуация, когда каждый делает все товары непосредственно у себя дома, ничего не покупая и не продавая.

Социальные цены

Другим популярным видом регулирования являются так называемые социальные цены, которые государство устанавливает по политическим мотивам, делая, как ему кажется, некоторые товары и услуги «более доступными». В наших условиях к таким ценам относятся, например, «услуги ЖКХ» и хлеб. Воздействие таких цен двояко. Во-первых, думаю, не нужно объяснять, что мы все равно платим полную цену за «социальный» продукт. Государство не производит никаких

ценностей, оно использует в своих «социальных ценах» ресурсы, отобранные у нас же. Это сходит ему с рук потому, что мы способны идентифицировать низкую цену «социального» продукта, но никто не знает, как точно идентифицировать изъятие благ государством, оно происходит незаметно. Ситуация уплаты налогов далеко не полностью описывает процесс изъятия, изымается гораздо больше. Если разобраться, то выяснится, что мы не просто компенсируем «социальные цены», но и, в итоге, еще и сильно переплачиваем. Во-вторых, «социальные цены» сильно усложняют конкуренцию. Обычный предприниматель, использующий в своей деятельности реальные ресурсы по реальной цене, при прочих равных не может конкурировать с аналогичным «социальным» продуктом, демпинговые цены на который субсидирует государство. То есть, в итоге, общество расходует ресурсов больше, чем если бы цены не регулировались, поскольку реальные издержки производства «социальных» продуктов никак не регулируются механизмом конкуренции. Кроме того, нет никаких экономических механизмов, которые бы сами собой исправляли это положение, оно будет существовать до тех пор, пока у государства будет возможность изымать из общества достаточно благ для финансирования «социальных цен».

Политические риски

Наиболее очевидным фактором, мешающим рынку работать нормально, является политический фактор.

Это постоянный риск подвергнуться рейдерству, нападению проверяющих органов, угроза собственности и жизни предпринимателей. «Конкурентная борьба» часто понимается у нас в буквальном смысле как борьба не за деньги потребителей, а борьба с конкурирующим предприятием. Государство радостно оказывает услуги такого сорта. На ценообразование это влияет множеством разных способов. Во-первых, процесс поиска низких цен не может идти нормально, если победители и проигравшие в конкуренции устанавливаются политическим путем. Во-вторых, часто возникает эффект монополии, причем, опять же, как во времена меркантилизма, монополии, получившей монаршью привилегию, когда конкуренты просто не допускаются на рынок. В-третьих, возникает все тот же эффект снижения сроков планирования, получения быстрой и высокой прибыли за короткий срок. В-четвертых, предприниматели не развиваются. Я знал предпринимателей довольно успешных, которые не давали никакой рекламы. Они воспринимали ее как риск, как источник неприятностей. «Мы не хотим светиться» — говорили они. То есть, наш предприниматель воспринимает бизнес, как таковой, как источник риска. Пытаясь диверсифицировать риски, он для безопасности рулит по 10 бизнесов, не сосредотачиваясь на каком-то одном. Однако, только постоянное «расширение и углубление» какого-то одного бизнеса позволяет снижать цену.

Инфляция

Вообще говоря, в «нормальной» экономике не может быть ситуации, когда бы цены росли на все сразу. Скажем, если в результате объективных причин выросли цены на какие-то товары, от потребления которых трудно отказаться в среднесрочной перспективе (например, на бензин), то это означает, что сократится потребление других товаров, люди будут экономить, чтобы получить более важный товар. Когда цены растут на все сразу, это означает, что правительство печатает деньги.

Инфляция не только перераспределяет блага в пользу первых получателей новых денег, она еше и замедляет и искажает процессы самоочистки и регулирования экономики. Убыточные бизнесы продолжают работать, так как благодаря инфляции у них существует видимость прибыли.

Вообще говоря, фактор инфляции — самый главный в нашей теме. Если бы каким-то чудом наше правительство потеряло бы все возможности к производству и займу денег, то через год у нас была бы революция, а через десять — Гонконг с Сингапуром.

В качестве вывода в этой заметке, отметим, что дешевизна жизни не зависит от политического строя, демократии, автократии и т.п., она не зависит от привычек потребления и даже не зависит от культуры. Дешевая жизнь будет в той стране, где правительство не

суетится, то есть там, где предприниматели длительное время работают спокойно и могут прогнозировать свою деятельность. 2011

3.12. О вкладе в общество и последнем гвозде в гроб

Один из основных тезисов, который вы встретите в размышлениях практически любого участника украинской прогрессивной общественности звучит примерно так: «к сожалению, украинское государство захвачено людьми, которые используют его исключительно в целях личной наживы». Из этого следует, например, некое снисхождение к неплательщикам налогов и уклонителям от разной государственной заботы. Дескать, да, какой смысл отдавать деньги чиновникам, «все равно разворуют». Из этого также следует, что «вот когда будет наша власть, тогда ничего утаивать не смей, и все неси в общак».

Кстати, как раз сейчас прогрессивная общественность проводит своего рода тесты на то, насколько новая власть «наша» — можно ли уже наконец требовать от других людей «по-настоящему» платить налоги или еще нужно подождать; достаточно ли правильна новая власть для того, чтобы мы вот прямо как в Европе начали стучать в органы на ближнего, что он, гад, уклоняется от государственного ока. Если вы посмотрите на интернет-активность с этой точки зрения, то

обнаружите, что большинство сообщений фактически посвящено именно тестированию Порошенко — начиная прямо от знаменитого обсуждения приглашенных на инаугурацию. К нашему общему счастью, пока что Порошенко не проходит тест, команда у него не та, и делает не то, и вообще «олегарх». Призывы сдавать ближнего ментам, конечно звучат, но пока, по ощущениям общий вывод скорее таков: «это, конечно, не Янукович, но до нашей власти еще далеко». Далее мнения разделяются. Некоторые верят, что Порошенко «одумается», другие — что «обстоятельства заставят проводить реформы», третьи надеются на ветеранов АТО, которые «вернутся и наведут порядок» и так далее.

Глядя на результаты этого теста, автор облегченно вздыхает. При мысли о том, что когда-нибудь придет таки «наша» власть, меня охватывает ужас. Ужас этот происходит от понимания того, что «наша власть» и будет «последним гвоздем в гроб украинской государственности». Государственность-то Бог с ней, а вот людей жалко, ибо если государственное око получит полную поддержку прогрессивной общественности, то куда там тому Путину, тут уже такие гиганты, как Мао Дзе Дун и Пол Пот должны радостно попискивать в своих гробиках.

Причина моего, мягко скажем, скептицизма — в понимании того, с какой невероятной путаницей из мифов и заблуждений мы имеем дело и что если этой путаницей начать руководствоваться на практике, дело закончится голодом и геноцидом.

Взять, например, тот аспект, о котором мы сейчас говорим — «честную» уплату налогов и тщательное следование инструкциям и приказам, сочиненным мудрым и стратегически мыслящим начальством. Представления о реальности в этом аспекте выглядят примерно так: то, что человек делает, он делает «только для себя», а налоги и прочие поборы — это его «вклад в общество». То есть, буржуи, олигархи и прочие нехорошие только и норовят пожить себе в радость, а «делиться не хотят». Делиться — означает платить налог, который и есть «вклад в общество».

На самом деле, все обстоит с точностью до наоборот. Ваш вклад в общество — это то, насколько вы полезны другим людям. В мире, где есть деньги, узнать этот вклад нетрудно — это ваш доход. Строго говоря, вы дали обществу продукта на сумму большую, чем ваш доход. И это не считая добрых дел, которые трудно «монетизировать». И если вы становитесь богаче, то значит, больше пользы приносите другим людям. Вот и вся механика. Каждый из нас несет что-то «обществу» и что-то получает от него взамен — этот обмен и делает «общество в целом» богаче.

В этом смысле налоги — это никакие не «вклады в общество», а напротив, — изъятие из него. Экономисты прекрасно понимали это обстоятельство. Государственные расходы — это потребление, а не инвестирование. Идея о «вкладе в общество», который якобы делается с помощью налогов, конечно, не нова, но утвердилась она только где-то с 50-х годов прошлого

столетия, со времен веры в технократию и спасительное государственное вмешательство. Вот где-то с эпохи Джонов Гелбрейтов и прочей публики такого сорта, все это началось. При этом, замечу, что это мнение распространилось не столько среди «академиков», то есть, ученых, занимающихся экономикой, сколько среди разного рода советников и прочего ангажированного государством народца. То есть, на Западе это всего лишь одно из мнений, и даже те, кто считает налоги полезными, обычно полагают, что «вклад в общество» это то, что вы даете другим людям, для обмена.

К нам взгляд на налоги, как на «вклад в общество» попал вместе с карго-культом всего прогрессивного и европейского, и, на почве экономического невежества просто-таки библейских масштабов, распространился чрезвычайно широко и является доминирующим. Поэтому, хоть твое предприятие и зарабатывает миллионы долларов в месяц, все равно, для прогрессивной общественности ты сволочь и негодяй, так как не вносишь никакого вклада в общество, не хочешь, гад, делиться.

И теперь представьте, что будет, если люди с такими взглядами получат власть. Ведь почему и каким образом наше государство «используется исключительно в целях личной наживы»? Метод хорошо известен даже прогрессивной общественности. Он состоит в том, чтобы максимального затруднить добровольный обмен между людьми и помешать им делать «вклад в общество». Обычно это достигается за счет невыноси-

мого регулирования и приказов, которые невозможно исполнить и которые, к тому же, противоречат друг другу. «Личная нажива» появляется у чиновников потому, что люди согласны заплатить им (помимо налогов) за то, чтобы от них отстали, и они смогли продолжать «вносить вклад в общество». Прогрессивная общественность просто хочет, чтобы то, от чего сейчас откупаются предприниматели, работало. Но если откупаться станет невозможно, то и сотрудничества и реального «вклада в общество» тоже больше не будет. После этого мы сможем, наконец, себя поздравить, поскольку тут нам точно настанет то, чего мы так долго боялись. 2014

3.13. Похождения семьи, частной собственности и государства

История с серверами Министерства юстиции, на которых хранятся данные о сделках с собственностью украинских граждан, — прекрасная иллюстрация отношения государства к правам собственности.

На первый взгляд она показывает, насколько уязвимым является формализованый институт собственности, если государство недобросовестно. Какие-то люди проникают в серверную, начинают играться с BIOS'ом, об этом сообщают сотрудники, затем министр всех успокаивает, говоря, что «то були наші». Обществен-

ность рада успокоиться, ибо, если это были все-таки не «наши», то непонятно как жить дальше.

Этот случай показывает ошибочность идеи, что только государство в состоянии «защитить права собственности». Эта идея, в свою очередь, порождается господствующими представлениями о том, что государство каким-то образом связано с собственностью, причем не только с формально-юридической ее стороной, но и с собственностью, как экономическим явлением.

Эти представления в наиболее популярном виде изложены в книжке Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». По версии Энгельса и его последователей, некогда были счастливые времена, когда люди бродили по Земле и питались тем, что найдут. Все у них было общим, включая жен и детей, и никакой собственности не было. Затем появились разные хитрецы и негодяи, которые начали присваивать себе больше и утверждать, что «это мое». Особенно много их появилось, когда свершился «фазовый переход» к аграрному земледелию и возникла, например, проблема наследства, что привело, в том числе, к собственности на женщину и институту брака. Хитрецам нужно было защищать награбленную собственность, поэтому появился институт принуждения — государство. То есть, последовательность тут проста — собственность постепенно порождает государство, причем происходит это объективно, в силу природы вещей.

В настоящее время происхождение государства от частной собственности (или факт того, что только оно способно устранить гоббсовскую войну всех против всех и установить права собственности) не подвергается сомнению. Отличаются лишь оценки и выводы. Левые ратуют за первобытный коммунизм, утверждая, что причина всех зол в собственности, как таковой, «либералы», напротив, говорят о том, что государство должно заботиться о собственности, и только оно в состоянии это делать, а коль скоро оно теперь не злое, а демократическое и подконтрольное народу, то, стало быть, этому народу и флаг в руки.

Все это очень обширная и интересная тема. В этой небольшой колонке я хочу лишь сделать несколько замечаний. Главное из них состоит в том, что никакого «первобытного коммунизма» никогда не было. Идея собственности возникает вместе с самосознанием человека. Если человек осознает свое «я», значит ему известна и концепция собственности, отделяющая «я» от «не я». Права собственности возникают в отношениях между людьми и определяют, кто будет использовать те или иные ресурсы. В большинстве случаев, даже в современном «продвинутом» обществе, они определяются здравым смыслом, обычным правом, этикетом и тому подобными вещами, чаще всего, вообще не рефлексируемыми и не осознаваемыми как некие регуляторы. Писаные же «права собственности», понимаемые в узкоюридическом смысле, охватывают лишь незначительную долю таких правоотношений.

Тот факт, что некоторые «дикие племена» совместно обрабатывают землю и сообща используют инструменты друг друга, не говорит о том, что им «неизвестна идея собственности». Этот факт говорит лишь о том, что права собственности для этих групп людей не нуждаются в какой-либо специальной фиксации.

Вообще говоря, мало кто отдает себе отчет в том, насколько часто в нашей жизни мы имеем дело с правами собственности и насколько часто они регулируются неписаными правилами. Пропустить даму вперед является не только элементом этикета, но и правилом, регулирующим право собственности. Правило «первой в дверь проходит дама» облегчает возможные конфликты по использованию ресурса «дверь». В случае двух джентльменов действует, например, правило «проходит старший».

Общество, а не государство является главным производителем и «поддержателем» прав собственности. Например, в Копенгагене сумка с документами и деньгами пролежала в парке на скамейке почти сутки, пока за ней не пришла моя знакомая, которая ее там забыла. В Киеве такая сумка не пролежит и часа. При этом как в Дании, так и в Украине государство строго наказывает за воровство. Думаю, в Украине даже строже.

То есть, идея собственности и механизмы, регулирующие, кто и когда использует те или иные блага, есть неотъемлемая часть того, что называется «общество». «Первобытного коммунизма», не замутненно-

го идеей собственности, никогда не существовало, он просто невозможен логически. Государство не возникает «из собственности», поскольку собственность появляется вместе с личностью и обществом, она не требует для своего существования никакого институционализированного монопольного насилия, то есть государства.

Отметим еще один момент. Если бы государство «возникало из собственности», то «защита собственности» была бы лучше там, где государство больше и сильнее. История говорит об обратном. Права собственности лучше всего работают не в деспотиях или диктатурах, а в европейских странах, где государство утвердилось в условиях жесткой внутренней конкуренции. В странах англосаксонского мира, где общество еще относительно недавно значительно превосходило государство, дело обстояло еще лучше. Но лучше всего права собственности были определены, причем уже на уровне юриспруденции, в безгосударственной Ирландии, где, как утверждают историки, в XVII веке дело с собственностью обстояло лучше, чем 200 лет спустя, в благословенную для многих викторианскую эпоху в Англии.

Новейшая история Украины ясно демонстрирует справедливость этого наблюдения. За 20 лет состояние дел с правами собственности только ухудшилось. Рейдерство — это ведь довольно недавнее изобретение. Ошибаются те, кто говорит о том, что государство якобы бессильно в таких ситуациях. Оно бездеятельно, но

отнюдь не бессильно. Когда ему что-то от вас нужно, оно проявляет чудеса настойчивости и сноровки. Никакое рейдерство невозможно без участия или пособничества государства. Захват серверов Минюста — это просто продолжение этой практики на новом уровне. Уровне, который может окончательно уничтожить робкие ростки прав собственности в Украине в их юридической ипостаси. Если мы хотим минимизировать последствия такого состояния дел, мы должны понимать, что права собственности возникают в обществе и поддерживаются им. Государство же есть продукт военной агрессии, институт, предназначенный не для «защиты» собственности, а для ее изъятия и перераспределения. Бессмысленно искать у него защиты. Лучше, например, задуматься о создании тех же частных ре-
2012 естров.

3.14. Легким движением руки или Как делить будем?

Официальная политэкономическая доктрина, поддерживаемая всеми современными государствами, объясняет их существование следующим образом. Существуют, говорит она, блага двух видов — частные и общественные (public goods). Частные блага люди производят и покупают себе сами в необходимых количествах. Общественное же благо отличается разными удивительными особенностями. Для нашей темы важной особенностью является «неделимость потреб-

ления» общественного блага. То есть, его потребляют только «все вместе», выделить долю каждого или купить себе столько, сколько вам необходимо, невозможно в силу самой природы такого блага. Именно поэтому, говорят нам, существует государство, и именно поэтому существует налогообложение в широком смысле слова — то есть, принудительное изъятие части собственности граждан в пользу государства, осуществляемое налогами, займами и увеличением денежной массы (инфляцией). Поскольку потребление общественного блага неделимо, никто не может его увеличить или уменьшить лично для себя, и чтобы благо производилось, все обязаны платить и никто не должен отлынивать, ибо это преступление против всех остальных. За этим процессом зорко следит государство и в этом смысл его существования.

Эта доктрина создает, извините за выражение, политический дискурс, который, опять-таки, одинаков для всех без исключения стран и отличается только местным колоритом. Жившие в Советском Союзе в сознательном возрасте меня поймут, когда я скажу, что суть этого дискурса сводится к «не все еще у нас хорошо» и «есть еще отдельные недостатки на местах». Поскольку и изъятие собственности граждан, и производство «общественных благ», и их последующее распределение всегда выглядят нерационально организованными, а то и сопровождаются злоупотреблениями (в некоторых местах просто вопиющими), то активным

гражданам и прогрессивной общественности в целом всегда есть чем заняться.

В данной колонке я не собираюсь издеваться над прогрессивной общественностью и даже не хочу иронизировать по ее поводу. Я просто хочу обратить внимание разделяющих доктрину и трудящихся на ниве дискурса на одну деталь, которую почему-то невозможно обнаружить в этом самом дискурсе. Речь идет о выводе, который прямо следует из исходного тезиса о неделимости общественного блага. И заключается он в том, что если потребление неделимо, то и плата за такое благо для всех должна быть равной, ведь невозможно установить, сколько потребляет каждый. Поэтому, все многочисленные реформы, о которых грезит общественность, логически должны сводиться к единственному подушному налогу. Все остальные виды и формы налогов, а также займы и инфляция противоречат исходному тезису о том, что государство является способом производства общественных благ. Сейчас объясню. В случае подушного налога государство выглядит эдаким провайдером общественного блага, то есть, оно существует для того, чтобы это благо было создано. Последовательность действий тут такая. «Вот нам нужно общественного блага на такую-то сумму. С каждого причитается столько-то». В случае же косвенных налогов, займов и инфляции последовательность противоположна. Государство сначала собирает деньги, сколько соберет, а потом производит, сколько (и если) произведет. Здесь получается, что общественные

блага существуют для того, чтобы существовало государство (как, в общем-то, дело и обстоит в действительности). Впрочем, это уже детали. Повторю — я сейчас рассуждаю в рамках определенных допущений, существующих в мейнстримном политическом дискурсе, и не ставлю под сомнение легитимность обязательства платить налоги, законность коллективных решений и возможность существования сколько-нибудь универсальных механизмов принятия таких решений. Допустим, что все это возможно. И сосредоточимся только и исключительно на тезисе неделимости общественного блага, следующего из него вывода о едином и единственном для всех налоге и вопросе, почему этого вывода мы не обнаруживаем в этом дискурсе.

Думаю, что дело тут в том, что на самом деле тезис о «неделимости» существует лишь в качестве некой наукообразной «отмазки», а политики и общественность в реальности руководствуются совсем другими тезисами. Мой опыт общения на эту тему говорит о том, что как только ставится вопрос о равной доле каждого, возникает ответ — как же так, богатый должен платить больше! Под это дело даже «подводится база» в виде рассуждения о том, что богатый, дескать, больше теряет, в случае отсутствия «общественных благ». Однако, если благо неделимо, то богатый ничего не должен. Он **может** добровольно платить больше из чувства сострадания к братьям своим меньшим. Но он ничего не **должен** именно по причине исходного тезиса о неделимости.

В общем, дорогие работники дискурса! Как только вы начинаете говорить о том, что кому-то «нужнее» ваше общественное благо и кто-то получит его больше, а кто-то меньше, вы начинаете делить. **То есть, неделимое превращается в делимое**. А, следовательно, рассыпается и вся концепция неделимых благ и требуемого для их производства налогообложения и государства. Остается лишь ясная, как день, идея отнять и поделить. То ли со злым умыслом, то ли по невежеству, значения, в принципе, не имеет.

2013

3.15. О курсе, ценах и неопределенности будущего

Везде, где происходит обмен, действует закон спроса и предложения. Это, в общем, то очевидная закономерность человеческой деятельности, которую еще древний Ксенофонт сформулировал, как «вещи, данные нам в избытке, ценятся меньше». Понятно, что «избыток», равно как и «недостаток», есть дело субъективное. Когда эти субъективные оценки оказываются на рынке, формируется то, что мы называем ценой.

Разумеется, тут никому не нужно объяснять, что деньги — это тоже товар, который покупается и продается, и потому его цена определяется спросом и предложением, и ничем другим. Любые схемы, диверсии и все такое прочее, любые махинации, вроде якобы существующего желания властей «обесценить долги» и

тому подобное, происходят через спрос и предложение. То есть, мы можем каким-то образом влиять на цену, только если у нас есть возможность влиять на спрос или предложение.

Вот, например, вчера НБУ продавал сам себе доллары и у него получилась цена в 22 гривны за доллар. После этого он закрыл торги и, довольный, отлучился на несколько дней. Почему так получилось? Потому, что НБУ продавал деньги сам себе. Это, конечно, тоже метод, как и, например, директивное назначение цены прямо из кабинета, минуя всякие торги или их имитацию, но с законом спроса и предложения это ничего поделать не может. Люди упорно ценят дороже вещи, данные им в недостатке. А значит, вместо открытого рынка начинает работать черный рынок, в общем, все это мы проходили в СССР и в 90-х.

Однако, мы не о черном рынке, а о том, что будет с гривной и что это для нас значит. Чтобы узнать это, нам нужно хотя бы самым беглым взглядом взглянуть на спрос и предложение.

Предложение доллара. Новый доллар попадает к нам от экспортеров. При этом, экспортеров в самом широком смысле, то есть, всех тех, кто продает что-то за доллары, например, «заробитчане» и «айтишники» тоже попадют в эту категорию. Понятно, что чем больше предложение доллара, тем, при прочих равных, ниже его цена в гривнах. Что у нас на этом фронте? Ага, обязанность экспортеров продавать часть ва-

лютной выручки. Многочисленные ограничения по получению дохода в валюте и снятию денег в валюте с депозитов для физических лиц и предприятий. То есть, вы хотите и можете зарабатывать в долларах, но тут возникает государство и говорит: «Ага, хитренький какой! Мы тоже доллары хотим, мы тебе твои доллары не отдадим, а дадим тебе гривен, по нарисованному нами курсу». Что вы будете делать? Не кто-то, а вот именно вы? Правильно. Вот и они так делают. Например, одна из опций, которая становится на повестку дня в этом случае — «таки пора валить из этой страны». В общем, на пути роста предложения долларов на рынке, государство построило эффективные барьеры.

Предложение гривны. А вот с этим у нас более чем все в порядке. Понятно, опять-таки, что при прочих равных, чем больше гривны, тем выше стоимость долларов в гривне. Ну так, для этого и стараемся. Конечно, никаким официальным цифрам верить нельзя, но порядок они могут иллюстрировать. И вот эти самые цифры говорят, что банковская система произвела в прошлом году 200 с чем-то миллиардов новых гривен, а за два месяца этого года — уже 70 миллиардов. То есть, курс доллара вырос бы, даже если бы все было хорошо. Но все совсем не хорошо.

Спрос на доллар. Понятно, что в условиях нестабильности спрос на доллар постоянно растет, и, чем больше нестабильность, тем выше этот спрос. Разумеется, доллар — такая же бумажка, как и гривна, и американский НБУ печатает его в промышленных мас-

штабах, но есть одно «но», а именно — «размеры экономик» в которых работают доллар и гривна. Гривневая экономика микроскопична и практически неразличима на фоне долларовой, а это означает, что инфляция гривны оказывает на нас куда более очевидное и заметное воздействие чем инфляция доллара. Поэтому украинец традиционно предпочитает доллар и правильно делает. Война повышает неопределенность будущего для украинца, и потому он любые гривневые излишки переводит в доллары или товары, и, опять-таки, правильно делает.

Спрос на гривну. Спрос на фиатную валюту — интересная и, как говорится, «ракомозговая» тема, в нашем случае можно сказать, что он падает. Инфляция и общая неопределенность заставляют публику избавляться от гривны. Итак, вот вам «объективная» (разумеется, сильно упрощенная) картина — спрос на доллар растет, предложение доллара падает, предложение гривен растет, спрос на гривну падает. Что будет, когда все эти обстоятельства встретятся? Правильно, рост курса доллара.

Заметим, что если мы понимаем, что главной проблемой для «экономики в целом» является не величина соотношения между гривной и долларом, а реалистичность этого соотношения (грубо говоря, ситуация, когда в обменниках всегда есть доллары на продажу), то в предыдущем абзаце есть и ответ на вопрос «что делать», если он адресуется государству. Государство бессильно непосредственно повлиять на спрос на дол-

лар и на спрос на гривну, то есть, оно бессильно в борьбе с неопределенностью будущего. Зато оно может повлиять на предложение доллара, убрав идиотские ограничения, и на предложение гривны, перестав ее печатать. Разумеется, оно не будет этого делать, поскольку не для того там сидит, и я написал об этом просто для того, чтобы напомнить, кто во всем виноват. И, кстати, в споре о том, что же больше «бьет по курсу» — дефицит бюджета или Гонтарева со своим рефинансом и прочей открытой и скрытой эмиссией победителями являются обе стороны.

В заключение, два слова еще о двух популярных темах, связанных с курсом доллара — о спекулянтах и о ценах. Спекулянтами являемся мы все с вами. Каждый стремится продать подороже и купить подешевле, и это нормально. Спекулянты работают все с той же неопределенностью будущего, это их хлеб. Вот, например, перевел некто депозит из долларов в гривны. Что делал этот человек? Он спекулировал. Он полагал, что гривневый депозит будет более выгодным. Думаю, что в большинстве таких случаев, будущее показало, что это предположение было ошибочно. Спекулянты не создают курс доллара. Это работа спроса и предложения. Спекулянты зарабатывают (или теряют) на своих прогнозах его изменений. Разумеется, в краткосрочном периоде крупные спекуляции могут сильно повлиять на курс, но они не в состоянии его формировать. Опять-таки, если это считать болезнью, то лече-

ние хорошо известно — больше спекулянтов и меньше регулирования.

Теперь о ценах. Девальвация 1998 года научила украинцев, что курс доллара не связан «автоматически» с ценами. Цены — это спрос и предложение. Поэтому паниковать при виде стремительного роста курса можно, но не обязательно. Цены будут меняться, в основном, в сторону роста, но не все, не сразу и не в одинаковой пропорции. В кризис публика сокращает потребление, спрос на многих рынках падает, что позволяет не сильно менять цены. Нужно помнить также, что конкуренция всегда идет за низкую цену, то есть, ни производитель, ни торговец не заинтересованы в росте цен и потому будут делать все, чтобы цена не изменилась. 2015

3.16. Парфенон и Беломор-канал

Среди экономических мифов, которые прочно сидят в головах украинцев, есть и замечательный миф о рабстве. Украинец из учебника истории знает, что «труд рабов был неэффективен». И он даже готов в некоторых ситуациях воспроизвести этот текст. Однако, он слабо в него верит. Если его послушать и почитать на форумах да в интернетах, то мы увидим и услышим совсем другое. «Ага, — говорит украинец, — хитренькие вы, римляне и греки! Конечно, у вас рабство было, вот вам рабы всю вашу цивилизацию и построили». Ведь в самом же деле, если ничего не платить,

то это ж какая экономия выходит! Вместо одного Парфенона можно два построить и еще на статую Зевса останется!

Более того, украинец эти рассуждения смело экстраполирует в нашу современность. И у него выходят очень интересные вещи. Выходит, например, что оплата труда целиком и полностью зависит от работодателя. То есть, работодатель может платить столько, сколько захочет, без всякого ущерба для себя. И если его, буржуя, не контролировало бы государство и профсоюз, то он совсем бы ничего не платил. И вообще, рабства у нас нет только потому, что оно запрещено. Без государства и его контроля мы бы давно пропали бы все на панщине.

Во всем этом есть один простой и интересный момент, о котором я хочу сказать в этой колонке. Однако, сперва слово господину Мизесу, который замечательно сформулировал проблему: «Цена покупки раба определяется чистым доходом, который ожидается от его использования (и в качестве работника, и в качестве производителя других рабов), точно так же, как цена коровы определяется чистым доходом от ее использования. Владелец раба не получает никакого специфического дохода. Он не получает никакой выгоды от эксплуатации из-за того, что работа раба не вознаграждается, а потенциальная рыночная цена оказываемых им услуг, возможно, больше, чем затраты на питание, предоставление крова и его охрану. Тот, кто покупает раба, должен в его цене компенсировать эту

экономию в той мере, в какой ее можно предсказать; он платит за него сполна, с поправкой на временное предпочтение. Использует ли хозяин раба в собственном хозяйстве, на предприятии или сдает в наем его услуги другим людям, он не получает никаких специфических выгод за счет существования института рабства. Специфическая выгода идет охотнику на рабов, т.е. человеку, лишающему людей свободы и превращающему их в рабов»

То есть, никакой специальной выгоды рабство, как институт, не приносит. И здесь и возникает момент, о котором я хочу сказать. «Доход, ожидаемый от использования» коровы, раба, земельного участка, офисного планктона и т.п. определяется ценой будущего продукта, а она, в свою очередь, спросом со стороны других людей. Если раб способен производить ценный продукт, это, конечно, находка для рабовладельца. Но, как правило, рабский труд — низкопроизводителен по совершенно очевидной причине. Нет, конечно можно, например, поймать какого-то ювелира, посадить его в клетку и заставить делать всякие замечательные изделия под страхом смерти. Но для этого он должен где-то стать ювелиром, приобрести свои навыки. А это можно сделать только в относительно свободном обществе, в котором существует разделение труда, а спрос и предложение работает без спазмов. То есть, если мы представим, что на всей Земле царит абсолютное рабство и любой труд выполняют только и исключительно рабы, то никаких ювелиров у нас не будет. Не будет вообще

сколько-нибудь сложных профессий, будет замкнутый аграрный цикл «посеял-собрал-сожрал».

Когда римлянам и грекам пеняют на рабство, забывают о том, что все их многочисленные «варварские» соседи тоже практиковали рабство и очень даже преуспевали в этом деле. Но почему-то не стали ни Грецией, ни Римом. Думаю, все дело не в рабстве, а наоборот, в существовании и незарегулированности (особенно в случае Рима) свободного труда. Греческие полисы и древний Рим возникли как сообщества семей и племен, а не как вождества. Со-общность означает, что в основе лежит договор, процедура, а не произвол. Такое положение дел весьма способствует свободе. А свободный труд способен увеличивать богатство, создавая все новые и все более ценные блага. В такой ситуации рабство проигрывает. Греция и Рим показывают нам, что многие рабы были таковыми только в юридическом смысле, то есть, они были поражены в правах и формально принадлежали кому-то. Такие рабы были банкирами и предпринимателями, не говоря уже о философах. При наличии свободного труда, постоянно увеличивающего ценность, добиться от рабов увеличения «дохода, ожидаемого от использования» можно только в обмен на все большую свободу. Именно существование свободных людей и свободного труда делает рабство невыгодным. И именно рост общественного богатства в результате деятельности свободных людей, привел к тому, что рабство стало довольно-таки маргинальной практикой.

В пользу этого вывода говорит и наша с вами история. По-настоящему беспросветное и максимально жестокое рабство — это рабство государственное, тоталитарное. И причина этого все та же. «Доход, ожидаемый от использования» государственного раба умозрителен. Он определяется не рынком, а тем, радуется товарищ Сталин, или нет. Предприятия, использующие рабский труд, работают не для прибыли, а для отчетности. Поэтому жизнь раба ничего не стоит, и рабы умирают миллионами. Об этом нелишне помнить, особенно когда вы слышите о срочной необходимости регулирования рынка труда. 2012

3.17. Все на защиту отечественных производителей Южной Борщаговки!

Один из любимых аргументов защитников «отечественного производителя» состоит в том, что они пекутся о защите рабочих мест. Дескать, «дешевый импорт» вынуждает закрываться несчастных отечественных производителей и увольнять бедных рабочих.

Этот аргумент основан на истинном утверждении о том, что в конкурентной среде тот, кто производит более дешевый товар, при прочих равных, вытесняет с рынка того, кто производит более дорогой. То есть, производитель дорогого товара в этом случае несет ущерб, так как покупатели предпочитают дешевый.

Хорошо это или плохо? Безусловно, хорошо. Проигрывает только незадачливый производитель, а покупатели — выигрывают. Можно, конечно, пожалеть бедолагу, но возникает простой вопрос — кто кому доктор и кто, вообще говоря, для кого существует — потребители для производителей или все-таки наоборот? Здесь важно еще то, что проигравший и все, кто находятся в этом бизнесе, получают опыт, они учатся, и от этого, в итоге, опять-таки выигрывают потребители.

Теперь давайте посмотрим, что меняется от того, что производитель у нас «иностранный». На самом деле, ничего не меняется. «Иностранность», как мы убедились в 91-м году, штука наживная, а для экономики вообще ничего не значащая. Производитель с соседней улицы точно так же «отнимает рабочие места», как и «иностранец». Если доводить аргументы защитников отечественных производителей до конца, то их нужно защищать не только от иностранных производителей, но и друг от друга. Рабочие места должны в этом случае считаться незыблемой национальной ценностью и охраняться государством.

Разница между «своим» и «иностранным» существует только для государства, которое объявило своей собственностью некую территорию и милостиво разрешило конкуренцию внутри этой территории. Если Южная Борщаговка вдруг отделится от Украины, то она тоже примется «защищать свой рынок» потому, что у правительства Южной Борщаговки появится потребность в отчетности, вычислении торгового баланса и

другой бессмысленной деятельности, которой заняты правительства.

Теперь давайте посмотрим, что меняется от «защиты производителя» для нас с вами. Представим, что у нас есть некий колхозный рынок, на котором продаются, например, яблоки. Иван и Микола продают яблоки по 20 гривен, а Петро — по 30. Иван и Микола лучше работают или у них лучшие технологии, или их сады просто находятся в более пригодном для садоводства месте — неважно, важно, что их товар, при том же качестве — дешевле. Однако, Петро обладает связями, например, он кум директора рынка. Он уговаривает директора ввести «защитные пошлины» для яблок Ивана и Миколы, так, чтобы цена их яблок была «справедливой». В итоге, все яблоки продаются по 30 гривен. Вопрос — кто платит пошлину? Ответ — покупатели на рынке. Вопрос — кто выигрывает от этого? Ответ — Петро. Фактически, покупатели из своего кармана оплачивают его существование. Более того, они несут убытки от того, что им запрещают покупать яблоки по цене, на которую согласен продавец, то есть, по 20 гривен. Более того, если бы не было пошлины, Петру пришлось бы улучшать свое производство, узнать, что позволяет Ивану и Миколе быть более производительными. От этого бы опять же, выиграли бы только мы с вами. А так — проигрывают все, выигрывает один Петр.

Все это, конечно же, к вопросу об очередном введении пошлин на подержанные импортные автомоби-

ли. Прямо оценить ущерб от введения 15% пошлины (которая касается и подержанных автомобилей) невозможно. Оценка такого ущерба неизбежно будет сильно занижена, поскольку трудно оценить ущерб обществу, нанесенный предельными покупателями, то есть теми, кто откажется от покупки машины в связи с ростом ее цены. Например, вы собирались купить машину потому, что это позволило бы вам устроиться на более высокооплачиваемую работу. Для «общества в целом» рост вашей зарплаты означает рост вашего вклада в «общественное богатство». Теперь этого роста не будет. Кто-то планировал использовать авто для перевозок в малом бизнесе или такси. Теперь этих услуг не будет. И так далее. Сколько мы все теряем от этого — неизвестно. Поэтому оценить ущерб можно весьма приблизительно. Украинский рынок потребляет около 200 тысяч новых машин. Рынок подержанных машин оценить труднее, допустим, их столько же. Допустим, средняя стоимость автомобиля — 10 тысяч долларов. 15% пошлина в этом случае составляет 600 миллионов долларов в год. Можно сказать, что эта сумма — упущенная выгода (точнее — ее видимая часть). Можно разделить эту сумму на количество работающих в нашем автопроме (мы же говорим о «защите рабочих мест»). Получим среднюю цифру примерно две с половиной тысячи долларов в месяц. То есть, 15% пошлина обойдется нам дороже того, если мы просто будем платить этим людям их нынешние зарплаты и не будем заставлять их вообще ничего производить.

2012

3.18. О вере в налогообложение

Прочитал сегодня новость о том, как некий киевлянин продал недвижимость на 8,15 млн долларов. Его нашли налоговики и заставили отдать 3,3 миллиона гривен.

Понятно, что это дело преподносится государством, как победа мира и прогресса, но я сейчас не об этом. Когда говоришь с нашими людьми о налогах, то самой популярной теорией происхождения налогообложения является следующая. Люди, по этой теории, ленивы и недальновидны. Они добровольно согласились с тем, что некоторую небольшую часть их дохода забирают в принудительном порядке для общих нужд. Ведь разбираться с этими нуждами ой как лень, за ними нужно следить, ходить на всякие собрания дурацких активистов и так далее. Да и не будешь ты платить за каждую отдельную общественную пользу, поскольку польза-то общественная, сам ты от нее ничего можешь и не получать. А так — заберут у тебя немного, зато общая польза будет соблюдена и присмотрена, а совесть твоя — чиста.

Особо эти люди настаивают на том, что такая система сложилась естественным путем (то есть, добровольно) в ходе эволюции. И действительно, наша реальность как бы не опровергает эту теорию. Налогов, как нам кажется, мы платим немного. Более того, мы их не чувствуем, так как НДС, чаще всего, уже включен в цену, а другие налоги за нас платят предприятия.

Вроде как бы и выходит, что дело обстоит так, что для нашей же пользы и для нас совершенно незаметно, государство тихонько печется об общем благе.

Истории, подобные той, что случилась с несчастным киевлянином, показывают бессмысленность этой теории. Дело все в том, что тут мы имеем дело с частным лицом, а не с предприятием и с весьма ощутимой для частного лица суммой, отобранной государством. То есть, идиллия мирного и практически безболезненного государственного вампиризма, которую нам внушает теория «добровольного эволюционного выбора налогов», разрушается сама собой, так как первая мысль, которая загорается в мозгу огромными буквами — ЗА ЧТО За что уплатил конкретный человек огромную для обычного украинца сумму? Морок «равномерности» и «незаметности» исчезает и появляются вопросы.

Если подумать еще дальше, то нетрудно обнаружить, что корпоративные налоги, в итоге, тоже платим мы. В физической реальности не существует никаких «юридических лиц». В физической реальности существуют только физические лица. И именно они, в итоге, платят (или недополучают дохода), то, что считается налогами корпораций.

А если подумать еще дальше, то открывается вообще страшная картина. Смотрите сами. «Эволюционный выбор налогов», каким бы эволюционным он ни был, все равно должен состоять из вполне конкретных

и осязаемых актов добровольной передачи власти над собой третьим лицам в некоторых ситуациях. Например, если я испытываю проблемы с алкоголем, я могу попросить моего друга, с которым отправляюсь на вечеринку, присмотреть за мной и применить ко мне силу, если вдруг что. Но с налогами это как-то не вяжется. Налоги ведь платят все. Достаточно тебе родиться и ты уже налогоплательщик. Нет, я вполне могу представить просьбу в адрес государства от некоего лица сдирать с него в три шкуры, так как ему самому платить за некие услуги влом. Могу представить такую просьбу и от группы лиц. Но вот от всего населения некой территории, контролируемой неким государством — нет, не могу. Не могу себе представить, чтобы люди в здравом уме и твердой памяти попросили правителей сдирать деньги не только с них, но и вообще со всех, кто тут живет и просто оказался проездом. Не могу себе представить просьбу сдирать налоги не только с них, но и с их потомков и не до седьмого и даже не до двенадцатого колена, а на веки вечные! Вы представляете себе этих людей? Ведь учитывая повсеместность налогообложения это же должен быть не просто отдельный случай, это же должно быть целое многовековое движение в мировом масштабе! И, тем не менее, история почему-то умалчивает о нем! Ничего в ней нет о таком явлении. О князе Игоре и древлянах есть, а об этом — нет.

Видимо, это не случайно. Гораздо ближе к правде выглядит ситуация, когда некий князь Игорь объявля-

ет некую территорию, которую он может удержать силой, своим государством, и сдирает с оказавшихся там людей дань. И тогда понятно, почему платят все, и почему это дело привязано к территории, а не к договору, и почему платят все жители и их потомки на веки вечные, и почему знать, которая на князя Игоря работает, не платит ничего. Да и в истории вы найдете массу таких примеров. Собственно, она вся из них и состоит. Поэтому то, что мы имеем сейчас, есть просто продолжение этой старой доброй практики. А «эволюционная теория происхождения налогов» — это просто
2011 такая вера. Для самоуспокоения.

3.19. «Возвращаются» ли нам наши налоги?

Принято считать, что налоги «возвращаются» нам в виде каких-то благ, производимых государством. В украинском обществе вся политическая дискуссия как раз и сосредоточена вокруг того, что в ходе этого процесса возникают слишком большие потери. Обычные украинцы считают причиной потерь коррупцию, более продвинутые — несовершенную государственную машину.

Однако, налогообложение приносит вред само по себе. Это нетрудно увидеть, если понимать, что экономика есть процесс создания богатства людьми. Последнее слово во множественном числе очень важно,

ибо за исключением экономики Робинзона Крузо, вся прочая экономика основана на разделении труда и том факте, что мы жестко зависим друг от друга. Если вы живете в обществе, а не на необитаемом острове, то ваше богатство напрямую зависит от вашей способности делать богаче других людей.

Давайте представим, что вы произвели нечто, что было обменено вами на 500 долларов. То есть, другой человек оценил ваш товар дороже чем свои 500 долларов, и произвел обмен. Однако, в этот момент появляется государство и отбирает у вас в виде налога 200 долларов. У вас остается 300. То есть, вы можете обменять их только на товары, которые оцениваете выше 300 долларов, в то время, как вы могли бы обменять на 500. Таким образом, ваши партнеры по обмену не получат столько, сколько могли бы. Общее богатство вырастет, но значительно меньше.

И это еще не все. Из-за того, что часть вашего дохода была изъята, некоторые акты обмена вообще не произойдут.

То есть, даже если в обществе, которое использует обмен и разделение труда, обкладывать налогом одного единственного человека, это ударит по всему обществу. «Общество в целом» будет беднее.

Нам говорят, что изъятые принудительным образом деньги уходят на некие блага, которые мы с вами потребляем. В таких случаях я предлагаю провести мыс-

ленный эксперимент (хотя такой эксперимент был бы прекрасен и в жизни в виде какого-то реалити-шоу). Суть в следующем. Сейчас наше государство перераспределяет через бюджет 44,5% ВВП. Для эксперимента я буду отбирать у вас 44,5% вашего дохода и (за вычетом моего содержания) тратить их как бы на ваши нужды. При этом, для того, чтоб этот процесс напоминал государство, не вы, а я буду устанавливать список товаров, которые я буду покупать на эти деньги, то есть, решать, что вам нужно, а что — нет. Я же буду выбирать, какие именно и какого качества товары приобретать. Я также буду составлять совершенно произвольный список того, какие товары вам запрещено приобретать даже за оставшиеся у вас деньги, и буду вас строго наказывать, если не дай бог, вам вздумается их приобрести. Можно делать ставки на то, как долго вы протянете.

И это, кстати, еще очень щадящая аналогия. На самом деле, с реальным государством дела обстоят еще хуже.

Ну и, наконец, давайте представим некое совершенно идеальное общество, в котором нет ни коррупции, ни трансакционных издержек, государство само по себе ничего не потребляет и питается святым духом. Более того, в этом обществе каждый получает из налогов точно в соответствии со своим вкладом, то есть, у него просто отбирают некую сумму, а затем в произвольный момент времени возвращают точно такую же сумму.

Пусть у нас есть два общества, А и Б. В первом обществе нет никаких налогов. Во втором обществе государство изъяло у каждого некую сумму, и потом, через некоторое время, вернуло ему ту же самую сумму денег, при этом ни процесс изъятия, ни процесс возвращения не сопровождались потерями.

Допустим, в обществе А и в обществе Б есть субъекты, которые планируют собрать из готовых деталей компьютер некоторой мощности. Оба они приступают к процессу, как вдруг в обществе Б появляется государство со своими налогами. Человек в обществе А через некоторое время соберет свой компьютер и на этом история закончится. В обществе Б человек будет вынужден поменять свои планы, так как теперь ему не хватит денег на те детали, которые ему нужны. Он начнет собирать более дешевую модель, но тут вдруг государство возвращает ему ровно ту сумму, которую оно изъяло в виде налогов. Но процесс-то уже пошел. Часть деталей уже куплена. Более мощный компьютер требовал, например, другого мазерборда и другого корпуса, но мы уже купили эти детали, и они позволят собрать только менее мощную машину, несмотря на то, что нам вернули отнятые ранее деньги.

Напомню, что мы рассмотрели идеальный случай, когда каждому возвращается ровно столько, сколько у него забрали, и государство никак не влияет на выбор людей, то есть не подсовывает им якобы бесплатных дорог и прочих прелестей. В скобках замечу, что если кто-то испытывает сейчас недоумение и задает-

ся вопросом: «а зачем же государству было вообще забирать налоги?», то этот человек очень близок к истине, ибо, если **отбросить цели, которые преследуют люди, являющиеся государством, то налогообложение действительно выглядит полным абсурдом**.

Вернувшись к нашему примеру, заметим, что если полагать, что склонность людей делать ошибки и прочие факторы их деятельности были постоянны, то общество А будет богаче общества Б, поскольку в нем появился более мощный компьютер, а в обществе Б — нет.

Случилось это потому, что **деятельность людей по достижению некоторых целей всегда состоит из этапов и всегда занимает время, и очень часто — весьма значительное**. Налогообложение обычно рассматривается как статический и одномоментный процесс — отняли столько-то, «отдали» столько-то, все разговоры на наших кухнях идут лишь вокруг того, сколько украли по дороге, и что лучше бы «отдали» то, а не это. Однако, **главный удар налогообложение наносит по самому процессу создания богатства, ведь если не изымать у людей часть дохода, они смогут достичь более ценных результатов**. Ресурсы, которые люди теряют в ходе налогообложения, нужны им для достижения определенных целей, и даже если полагать, что они что-то «получают» от налогов, то все равно с налогами они могут достичь только лишь менее ценных результатов. Это ил-

люстрирует наш пример с деталями. **Блага никогда не являются взаимозаменяемыми, а сам процесс создания нового блага занимает время**. Поскольку этот эффект касается самого процесса деятельности и, следовательно, присутствует в деятельности каждого, независимо от того, знает он об этом или нет, то совершенно очевидно, что общество, в котором нет налогообложения, при прочих равных условиях, всегда богаче общества, где оно есть.

P.S. Для любителей считать. Берем очень условные цифры в очень условном примере. Цифры иллюстрируют не реальную стоимость деталей, а факт некомплементарности благ и то обстоятельство, что когда процесс создания блага (**а мы с вами всегда, в любой момент времени находимся в этом процессе**) нарушается, (например, налогами, но, конечно, не только ими), на выходе получается менее ценный результат.

Итак, допустим у нас было 1500 долларов. «Более мощный» компьютер, который мы хотим собрать, состоит из мазерборда за 500, корпуса с блоком питания за 500 и процессора и памяти за 500 долларов. Затем государство отняло у нас 500 долларов в виде налогов. У нас осталось 1000 долларов. Мы пересмотрели план. Теперь наш «план Б» — менее мощный компьютер, за 1000, а именно, мазерборд за 300, корпус с блоком питания за 300, все остальное — за 400. Мы купили мазерборд и корпус, у нас осталось 400 долларов. Тут вдруг государство вернуло нам отнятые ранее 500, и теперь у нас есть мазерборд, корпус и 900 долларов. Эти 900 долларов никак не помогут нам реализовать наш первоначальный план, так как этот план стоит 1500. И если мы даже продадим имеющиеся детали, то неизбежно потеряем на этом и все равно будем вынуждены следовать менее общественнополезному плану Б, хотя (и это крайне важно!) с точки зрения государства здесь «все абсолютно честно».

Этот пример еще весьма и весьма благоприятен. В большинстве случаев реальной жизни, **промежуточные результаты, которых мы достигли, следуя некому плану (в примере — купленные нами корпус и мазер) очень трудно, а часто и вовсе невозможно обменять на что-то другое, если планы вдруг вынужденно меняются**. Например, вы 5 лет учи-

лись играть в го. Но тут государство запретило го. Ваши деньги выброшены на ветер.

P.P.S Мне скажут, что эффект некоплементарности всегда проявляется, как часть нормального рыночного процесса. Это правда. Свечи сменяются газовыми лампами, а газовые лампы — электрическими. Те, кто делал ставку на свечи, проигрывают. Однако, в этом случае, общество получает большую ценность в виде более дешевого освещения лучшего качества. В случае же налогообложения существует только жесткий проигрыш, без всякого позитивного эффекта.

2013

3.20. Национализация, приватизация и границы волюнтаризма

Не секрет, что терминология в «общественных науках», мягко говоря, хромает на обе ноги. Хуже того, терминология — это оружие политической борьбы, и этого никто особо не скрывает. Хайек в своей «Пагубной самонадеянности» посвятил целую главу наблюдениям за эволюцией терминов и пришел к весьма неутешительным выводам. В этой колонке мы поговорим о двух таких терминах. В отличие от других, их значения не менялись, теряя смысл (как это случилось, например, с «инфляцией»), а изначально были заданы весьма оригинальным образом.

Как вы догадались, речь пойдет о приватизации и национализации. Что видит обыденное сознание за этими словами? Приватизация (именуемая в народе прихватизацией) — это присвоение некоего «общего» неким «частным». Видится какой-то злобный Коло-

мойский, который утаскивает себе в нору лакомый кусочек народного имущества и наслаждается им единолично, ничего не давая обиженным трудящимся. В противовес приватизации, национализация — это когда для всех. Доброе и патриотичное правительство отбирает у Коломойского то, что он там себе захапал, и отдает всем. После чего все этим наслаждаются. Ну, как сейчас все наслаждаются недрами и водами, которые принадлежат народу, а не какому-то там Коломойскому.

Правда, если посмотреть на этот процесс внимательней, то выяснится, что дело обстоит не просто подругому, а прямо противоположным образом. То есть, вот у нас есть, например, некий завод, принадлежащий частному лицу и выпускающий некий продукт. Кто покупает этот продукт, то есть, кто получает необходимые для себя блага в обмен на деньги? Тот, кому этот продукт нужен. Происходит то, что называется обменом, поскольку владелец завода тоже получает деньги в обмен на свои товары. Но кто, в итоге, регулирует, что и как должно производить? Тот, кто покупает. Если владелец ошибся и выпустил не тот продукт, он потерпит убытки. Хуже того, если он совсем не понимает, чего ждет от него потребитель, то он разорится, и на его место придет другой владелец. То есть, потребитель всегда выигрывает, а производитель (владелец предприятия) вынужден работать в его интересах.

Теперь пусть завод является собственностью всех. Но так ведь не бывает, скажете вы. Действительно, от

имени всех распоряжается государство. И это тоже не совсем так, скажете вы и будете правы, потому, что все знают, что от имени государства распоряжаются заводом чиновники. В отличие от частного лица, управляющие чиновники и все, кто работает на заводе, получают деньги не от покупателя, а от государства, то есть, от налогоплательщика. Вы платите за то, что они там «работают», даже если не потребляете их продукцию. Покупатели продукта никак не влияют на процесс его производства, объемы, номенклатуру и качество. Продукция может быть вообще никому не нужна, но она будет производиться, если так решит государственный аппарат. Будет ли чиновник управлять заводом и сколько продлится его управление, зависит не от спроса на продукцию, а от раскладов внутри бюрократического аппарата. При этом, «завод» в этом примере можно заменить чем угодно — дорогой, шахтой, улицей. Чиновники владеют и распоряжаются этим имуществом, но, в отличие от капиталиста, свой доход они получают не от его использования, а от насильственного изъятия собственности у граждан (налогообложения). Какой из двух героев может быть охарактеризован как «хитренький жук», «хорошо устроившийся» и прочими, более неприличными определениями? В каком случае мы можем говорить о национальном значении, а в каком — о сугубо частном эгоистичном интересе?

Очевидно, что «национализацией» по-хорошему, следовало бы назвать переход собственности из рук

чиновников в частные руки, после чего ее использование начинает регулироваться «национальными потребностями», то есть потребностями покупателей. Соответственно, приватизацией нужно было бы назвать обратный процесс, когда из рук частника собственность попадает в руки чиновника и перестает работать в «интересах нации», то есть, покупателя.

В этой же самой логике можно поговорить о еще одном важном моменте, возможно, даже более важном, чем наша игра в терминологию, а именно о представлениях людей о пределах волюнтаризма частника и государства. Государство всегда выглядит бедным-несчастным и ни на что не способным. Это отдельные коррумпированные чиновники могут купаться в роскоши и вызывающе себя вести, а в целом, государство беззащитный ангелочек, нуждающийся в сочувствии и помощи. Частник же, в представлении обывателя, может «делать все, что хочет», а вот государство — нет.

Вы наверняка сталкивались с этой установкой. Она очень широко распространена и постоянно всплывает, например, в знаменитом аргументе против продажи земли, который состоит в том, что «они скупят всю землю». Пользуясь теми же соображениями, что и в перестановке приватизации и национализации местами, давайте скажем два слова об этой установке.

Коль скоро речь пошла о земле, то давайте представим себе, что в неком гипотетическом свободном обществе какой-то богач купил большой кусок земли. На-

пример, пляж. Ценность земли определяется доходом, который можно из нее извлечь, в случае пляжа — это доход от тех, кто приходит купаться и загорать. Но наш богач никого не пускает на территорию, а просто гуляет там в одиночестве. То есть, в представлении современного украинца, ведет себя неправильно и самым, что ни на есть, волюнтаристским образом. Как долго наш богач может «издеваться над здравым смыслом» предаваясь медитации на берегу моря? Ответ очевиден — ровно столько, сколько он сможет обходиться без дохода, который можно извлечь из земли, продавая ее использование купальщикам и купальщицам. А теперь внимание — от чего это зависит? Правильно, от того, как долго он будет богатым, то есть, от того, как долго он сможет приносить пользу, превышающую рыночную стоимость земли. Выходит, что а) даже используя землю «не по назначению», богач все равно приносит пользу «обществу»; б) его владение прямо зависит от состояния этой пользы.

Теперь представим тот же кусок земли, который принадлежит государству. Например, там построен закрытый санаторий для крупных чиновников, соответственно купальщики и купальщицы «со стороны» туда тоже не допускаются. Как долго это будет продолжаться и от чего это зависит? Зависит это исключительно от раскладов внутри политико-бюрократического механизма. Государство не испытывает никакого давления со стороны рынка земли, поскольку его «доход» зависит от налогообложения, а не от приносимой поль-

зы. То есть, продолжаться все это может вечно, при этом еще вы, как налогоплательщик, платите за обслуживание этой земли. Таким образом, возможности частного волюнтаризма тесно связаны с пользой, приносимой волюнтаристом всем остальным членам общества. Он ограничен массой обстоятельств, на которые частник бессилен повлиять. Государственный волюнтаризм никак не связан с общественной пользой и ограничен только размерами государственного бюджета и ходом бюрократических игр. 2014

3.21. О судьбе экономистов

Недавно один мой приятель, который уже давно зарабатывает на жизнь в качестве экономиста, решил заняться проблемой экономических иллюзий. Ни для кого не секрет, что экономическая наука с одной стороны и ширнармассы вкупе с журналистами и экспертами, с другой стороны, совершенно по разному понимают экономику. Ширнармассы, эксперты и журналисты склонны полагаться на «очевидные наблюдения» (вроде того, что «больше денег лучше, чем меньше», в чем каждый может легко убедиться), экономисты же, в идеале, полагают, что это все-таки не совсем так.

В своей группе в «Фейсбуке» мой приятель начал обсуждение этих самых иллюзий, которые следовало бы описать и развеять, чтобы люди понимали, кто вокруг кого вращается. В общем, дело благородное и я желаю ему в нем всяческих удач. Рассказать же я хо-

чу об одном очень поучительном и показательном моменте, который случился при обсуждении. Речь шла о самых основах экономики, а именно о ценности и об обмене. Экономическая наука говорит нам о том, что ценность субъективна. То есть, никто, кроме самого субъекта, не может судить, насколько для него ценна та или иная вещь. Соответственно, обмен всегда увеличивает ценность для тех, кто в него вступает, ибо причиной обмена как раз и является разная оценка ценности его участниками — отдаваемое ценится ими меньше получаемого. В общем, обмен является одним из главных механизмов того, что можно назвать ростом «общественного богатства», поскольку людям приходится постоянно работать на увеличение ценности своего продукта в глазах других людей.

Для описания случаев, когда обмен не оправдал ожиданий, то есть, ценность полученного не превысила, по мнению одного из контрагентов, ценности отданного, существует категория ошибки. В общем, ваше дело, как вы поступите, если узнаете, что «это не мексиканский тушкан и «вам подсунули гораздо более ценный мех», но для «рынка», то есть, для других людей и всей системы отношений и институтов, существующих вокруг обмена и производства, важным является только ваше действие. Недовольное бормотание, душевные мучения и богатый внутренний мир изучает другая наука — психология. **Экономика же включается только тогда, когда происходит действие**. Для других людей ваше недовольство не имеет

никакого значения, и, вообще говоря, попросту неверифицируемо. Оно не оказывает никакого влияния на их поведение и на последующие события. Влияние оказывает только ваше действие, и только оно сообщает «рынку» сигнал об ошибке. Если, например, вы всегда покупали мексиканских тушканов и перестали это делать, увидев недобросовестность продавца — это сигнал для рынка. Точно таким же сигналом будет ваш рассказ об этом в уютном бложике или битие морды означенного производителя. Если же вы просто недовольно бормочете себе под нос и продолжаете покупать чертовых тушканов, с точки зрения экономики ничего не происходит. Бормотание остается бормотанием, а продавец тушканов продолжает «наживаться» на вас.

В общем, в ходе обсуждения этих моментов обнаружилось (кстати, в который уже раз), что множество людей, рассуждающих и, вероятно, пишущих и публикующих что-то на экономические темы, не готово согласиться с основами собственной науки. Это как же, — говорят они — кто-то душевно страдает от мексиканских тушканов, а мы должны не вмешиваться? А как же остров Манхеттен и бусы? Обмен должен быть честным и справедливым, говорят они. Возражения о том, что только индивид придает ценность тому или иному предмету (что не исключает, конечно, дружеского совета) не принимались. Ответов на вопрос, как же сделать обмен «честным и справедливым» (то есть, исключить ошибки) получить не удавалось. В общем, дискус-

сия зашла в тупик. И тут один из участников поставил все на свои места. Он высказался в том духе, что если согласиться с тем, что только индивиды придают чему-то ценность, что только они сравнивают ценности, исходя из своих представлений, и никто в общем-то, не может этого сделать вместо них, то экономисты просто не нужны.

Я думаю, что это мнение, высказанное как раз сторонником «объективной» ценности, очень, извините за каламбур, ценно, ибо многое объясняет. Сегодняшние экономисты это такие шаманы и оракулы при начальстве. Они заняты не изучением обмена, а организацией того, что ему мешает: налоги, пошлины, монопольная валюта, лицензии, квоты, государственные бюджеты и торговые балансы… Функция экономиста — определять, как правильно организовать все это сложное хозяйство. Масштабы, в которых он работает, потрясают и, конечно, тешат самолюбие. Экономист запросто рассуждает о том, что, по его мнению, должны делать целые страны и народы, что они на самом деле делают и как это все скажется на нас с вами. При этом, рассуждать в таких масштабах может и нобелевский лауреат и несчастный, на первый взгляд, студент. А тут приходите вы, говорите, что ценность субъективна — и вся эта греющая душу красота рушится прямо на глазах. Ведь в самих основах экономической науки просто нет места ни для начальства, заботливой рукой направляющего трудящихся в сторону счастья, ни, тем более, для экономистов, указующих направление дви-

жения этой руки. Если купил — значит, ценишь приобретенное выше отданного. Если ошибся — не покупаешь больше, рассказываешь другим, идешь бить морду. Где тут начальство, где тут экономисты?

Разумеется, с исчезновением начальства экономисты никуда не денутся. Они будут заниматься консультированием граждан и предприятий. Наукой будут заниматься, наконец. Но вот эта позиция вершителей судеб исчезнет. И, похоже, что понимание этого обстоятельства сильно сказывается на взглядах многих из них. 2013

3.22. Заложники системы

Одним из главных сюжетов нынешнего кризиса является поиск денег на «спасение экономики». В том, что эти деньги нужны и что без них «экономике» придет конец, никто не сомневается. И именно это отсутствие сомнения в вещах, в которых очень стоит усомниться, является причиной написания настоящей заметки.

Дело в том, что для экономики — то есть, процесса создания благ путем добровольного обмена и производства, все, о чем пишут в связи с темой «нет денег для спасения экономики» не имеет никакого значения. Точнее — все «показатели», «параметры», «агрегаты» вроде ВВП, суть не экономические явления, как, например, право собственности, деньги и т.п. Они

не появились для потребностей людей, участвующих в добровольном сотрудничестве, а являются политическими явлениями — и, прежде всего, способом государственной отчетности и, если говорить о современном мире, одним из главных инструментов в деле оправдания расширения государства. Действительно, что означает ВВП для действующих субъектов? Кому нужны некие усредненные (по разным и часто взаимопротиворечивым методикам) цены на некой произвольной территории на произвольном отрезке времени? Найдется ли в свободном обществе кто-то, кто согласится заплатить за такую информацию? Или возьмем «торговый баланс». Любой экономист знает, что в долгосрочной перспективе сальдо будет равно нулю. Это не говоря уже о том, что данные о том, сколько всего ввозится и вывозится с некой произвольной территории, опять-таки, сами по себе никому не нужны. И так фактически по любому из «показателей», которым оперирует государственная пропаганда.

К сожалению, несмотря на то, что сами показатели, которыми оперирует государство, не являются в строгом смысле экономическими, последствия их применения непосредственно влияют на экономику, поскольку определяют характер государственного регулирования. Например, бюджетный дефицит. Он означает не то, что государство не сможет потратить денег, столько, сколько запланировало, а всего лишь то, что имеющимися у него средствами оно не в состоянии собрать сумму, которую оно считает нужной. Но

это его не останавливает. В дополнение к имеющимся средствам, будут задействованы новые (как правило, займы) для финансирования бюджетного дефицита. То есть, бюджетный дефицит обещает нам изъятие средств из продуктивной экономики в дополнение к тем, которые уже были сделаны, чтобы наполнить «доходную» часть бюджета. Или другая типичная история. В борьбе за голоса некая партия обещает ввести минимальную заработную плату. Победив на выборах, она выполняет обещание. В итоге, развивается безработица, ибо цена труда, как и любая другая, определяется спросом и предложением, а не мнением парламента. Те, кто готов был работать по цене, ниже минимальной заработной платы, оказываются на улице (общество несет ущерб также и в виде сокращения предложения товаров и услуг). Следующее правительство начинает бороться с образовавшейся безработицей. Разумеется, оно не отменяет минимальную заработную плату, а, скажем, увеличивает пособия, вводит «программы» для обучения безработных и т.д. И все это, конечно, означает еще большую нагрузку на продуктивную экономику. То есть, государственное регулирование ведет к возникновению проблем, которые решаются новым государственным регулированием, создающим новые проблемы, и так до бесконечности.

Это происходит (и даже в большей степени) и в тех случаях, когда государственное регулирование не так очевидно, как прямое законодательное регулирование

цен (минимальная заработная плата и т.п.). Более того, в таких случаях часто возникают удивительные системы, в которых сами участники непосредственно заинтересованы в том, чтобы другие ее участники действовали не экономическим образом (то есть, в своих интересах), а в интересах самой системы и стоящего за ней государства. О «солидарной» пенсионной системе, работающей по принципу дедовщины, все знают, я приведу другой пример регулирования, которое держит в заложниках всю страну и решает свои проблемы новым регулированием, приводящим к новым потерям и т.д.

Такой пример — современная финансовая система, основанная на частичном резервировании. Частичное резервирование — это возможность банка использовать деньги, находящиеся на счетах до востребования, для своих целей, как правило, для кредитования третьих лиц. Для тех, кто не интересуется предметом, поясню, что в качестве клиентов мы вступаем с банками в два основных вида сделок. Первый — это счет до востребования. Вы храните деньги, осуществляете оплату по сделкам и т.п. Это ваши деньги, вы не теряете право собственности на них, фактически, это те же деньги, что лежат у вас в кармане, только вместо кармана они находятся в банке. Такие счета называются «текущими», «расчетными» и т.п., и, как, правило, они являются бессрочными (до востребования). Второй вид сделок — это кредит банку. Вы даете банку деньги на некий срок в обмен на прибыль, которая

обычно имеет форму процента от суммы. В этом случае собственность на эти средства переходит к банку на срок сделки, вы теряете к ним доступ, пока не истечет срок (банки называют такие сделки «срочными вкладами» именно по той причине, что сделка заключается на некий отрезок времени).

Так вот, в случае «срочных вкладов» все нормально и честно. Частичное резервирование — это проблема первого вида сделок — вкладов до востребования. Почему «частичное» и почему «резервирование»? Эти слова означают, что из ваших расчетных счетов банк выдает в кредит некую часть, а остальную часть оставляет для обслуживания текущих потребностей клиентов. То есть, банк руководствуется тем соображением, что «все сразу не придут за своими деньгами со счетов до востребования» и направляет часть из них на кредиты, а часть ваших денег держит в «резерве», на тот случай, если они вам понадобятся. Частичным резервированием это называлось далеко не всегда, а точнее — только с 19 века. До этого почти 2000 лет истории банков это считалось воровством и, соответственно, наказывалось. Однако, с некоторого момента, когда государства вместо того, чтобы одалживать деньги у банкиров, решили создавать собственные банки и начали проводить политику национализации (правильнее было бы говорить приватизации) денег, частичное резервирование было узаконено рядом решений судов в Англии и США, а затем эта практика стала «законной» и сегодня считается единственно возможной и —

внимание — имеет даже соответствующие «теории» в свою защиту.

Фактически, «частичное резервирование» есть разрешение на воровство, а в современном виде это еще и привилегия для банков, возможность не отвечать по своим обязательствам, то есть, прямое государственное регулирование.

Как я уже сказал, эта система делает нас всех ее заложниками и заставляет работать на ее интересы. Мы только что были свидетелями такой ситуации. Когда на Майдане случились известные события, народ потянулся снимать деньги со счетов (как правило, с тех самых счетов до востребования). Напомню, что это — их деньги. Но тут же начались призывы не делать этого, ибо «набег на банки» может «уронить» банковскую систему. То есть, оказывается, люди не могут забрать свои деньги из банка и должны иметь в виду интересы некой системы, которая может пострадать от этого. И это все еще и при том, что никакой альтернативы такой системе не существует. Но самое интересное здесь то, что если бы набег на банки приобрел бы серьезный масштаб и поставил бы некоторые банки под угрозу банкротства, вмешался бы Нацбанк и залил бы пожар новой ликвидностью, попросту, напечатал бы еще денег. То есть, для решения проблемы, вызванной регулированием, государство прибегнуло бы к новому регулированию за наш с вами счет, ибо новые деньги — это фактически налог в пользу тех, у кого они окажутся раньше всех.

Итак, в этой истории собственно экономическим является только желание людей забрать свои деньги из банка. Причиной всех остальных трудностей, которые при этом возникают, является госрегулирование в виде привилегий и в виде деятельности Нацбанка по спасению тех банков, которые он посчитает нужным спасать.

Этот пример показателен еще потому, что очевидно, что в мире, в котором не существует никаких привилегий, центробанков и денежной монополии государства, никакие набеги на банки не способны навредить «системе в целом». Разумеется, ничто не сможет помешать банкам использовать деньги со счетов до востребования для кредитования, вопрос лишь в ответственности за это. Если она определяется экономически, а не политически, то есть, равна ответственности, которую люди обычно возлагают на воров и на предприятия, не выполняющие обязательств, то банкиру проще и дешевле не увлекаться этой деятельностью. Обязанность «полного резервирования» на практике означает, что если при попытке воспользоваться счетом до востребования вам скажут «сейчас денег нет, обратитесь завтра», вы можете смело подавать иск о банкротстве. В ситуации, определяемой экономикой, а не политикой, от массового набега на банки могут пострадать только недобросовестные банки, пренебрегающие правом собственности вкладчиков, ну так, как говорится, туда им и дорога. Банки, поддерживающие полный резерв, или, как сейчас стало модно выра-

жаться, разделяющие инвестиционную и сберегательную функции, не обанкротятся даже в том случае, если лишатся всех счетов до востребования. Они понесут убытки, так как потеряют плату за ведение счета, проводку платежей и т.д., но не разорятся, и, что самое важное, система в целом никак не пострадает от этого, а только улучшится, избавившись от жуликов.

Простые выводы из вышеизложенного таковы:

1. Государство всегда стремится представить последствия своей деятельности как «объективные» обстоятельства, которые оно преодолевает своими героическими решениями.

2. Подавляющее большинство «экономических» проблем являются проблемами госрегулирования. В рамках сугубо экономических отношений большинство из известных нам «проблем» просто не может возникнуть.

3. Ущерб наносит не только госрегулирование, но и то обстоятельство, что лекарством от его последствий всегда является другое регулирование. Часто в результате возникают системы (пенсионная система, финансовая система, основанная на частичном резервировании, медицинское страхование в случае развитых стран) в которых мы все являемся заложниками системы и вынуждены действовать, имея в виду ее сохранение.

4. По сути дела, в большинстве случаев то, что в обиходе обычно называется «экономикой», должно называться «политикой». Для того, чтобы понимать, что происходит и принимать адекватные решения, мы должны правильно определять явления.

2012

3.23. Два моста в политэкономии

Недавно опять наткнулся на историю, которая в разных вариантах уже довольно давно гуляет по интернету. В этот раз это была «история о двух мостах». Дабы не утруждать читателя хождением по ссылке, вкратце суть такова. Два мостостроителя говорят о наиболее запомнившихся проектах в их жизни. Первый вспоминает грандиозный проект, который готовили несколько лет лучшие умы, и на постройку которого ушли грандиозные ресурсы. Второй вспоминает о том, как они с приятелем, напившись водки, для забавы перекинули веревку через ущелье. Жители деревень, расположенных с разных сторон ущелья, начали использовать веревку в своих целях. Через некоторое время, кто-то перебросил вторую веревку. По веревкам бегали дети для развлечения. Затем из двух веревок соорудили мостик, по нему стало возможно переносить небольшие товары. Между селениями пошла торговля и они начали расти. Потребности торговли со временем превратили то, что сначала было веревкой в полноценный мост. Как и положено в притчах,

в конце выясняется, что речь идет об одном и том же месте. Первый грандиозный мост оказался никому не нужным и был снесен, а второй и сейчас стоит.

В общем-то, политэкономическая мораль ясна. Разница между проектами возникает от ошибки в понимании целей и средств. В первом случае, мост был целью сам по себе, во втором он постепенно возник, как средство для людей, преследующих свои собственные цели. То есть, в первом случае государство (или другой незадачливый прожектер) фактически посчитало, что ему заранее достоверно известны цели тех, кто (возможно) будет использовать мост и, разумеется, ошиблось.

Эта история иллюстрирует также процесс роста экономики и, в целом, создания и поддержания социальных институтов. Рост появляется как результат усилий людей, преследующих свои собственные цели, в ходе которых они создают новые возможности для других людей, которые теперь могут преследовать более ценные цели и так далее. Социальные институты (мост) — один из результатов этого процесса. Социальные институты существуют в том объеме, и в том качестве (веревка, две веревки, подвесной деревянный мост), в котором они способны приносить пользу конкретным людям в их конкретной деятельности. Совершенствование этих институтов является частью деятельности людей, которые преследуют свои цели. Реальный социальный институт «проходит проверку» каждым, кто им пользуется в каждый момент времени

и существует, совершенствуется или приходит в упадок в зависимости от результатов этих «проверок».

Конечно же, эта история и о государственном регулировании, поскольку именно государство занимается у нас «масштабными проектами», и это даже часто ставится ему в заслугу. В ней ясно видна цена (неизбежной) ошибки — огромные ресурсы, используемые на государственные проекты выбрасываются на ветер. Хуже того, ресурсы отвлекаются от продуктивной деятельности индивидов. Грубо говоря, постройка одного такого мега-моста не только означает растрату ресурсов, используемых при постройке именно этого объекта, она означает также множество не переброшенных через пропасти веревок, не вырытых колодцев, не посаженых деревьев и т.д. Она означает также разрушение процесса координации и роста, то есть, веревка, переброшенная при принудительном изъятии ресурсов для государственных проектов может и не превратиться в мост, хотя, при другом стечении обстоятельств, так вполне могло случиться.

Однако, самое важное обстоятельство, о котором мне бы хотелось сказать в связи с историей о двух мостах, состоит вот в чем. Истории такого типа (более известной версией является легенда о мудрых строителях, которые подождав, пока люди проложат тропинки между домами, затем их заасфальтировали) всегда выглядят, как сравнение двух типов планирования и, в целом, регулирования. Этатистский тип в этой истории выглядит просто более тупым и расточительным,

а «либеральный» более мудрым и экономным. Но при этом, оба рассматриваются как «методы проектирования» в рамках государственного регулирования. И когда дело доходит до вещей, которые кажутся публике очевидными, «либеральный» подход проигрывает. Ну вот, кто «в реальном мире» будет ждать, пока люди сами протопчут тропинки? Или как можно «проводить политику невмешательства», когда каждому ясно, что вот здесь и прямо сейчас государство просто таки обязано построить больницу, дорогу или тот же мост? Либеральная позиция «невмешательства» выглядит наивной и прекраснодушной, если не сказать идиотской. Да, вполне может быть, что госрегулирование более затратно и уничтожает возможности, о которых мы ничего уже не узнаем, но есть задачи, которые нужно решить прямо сейчас и, так сказать, любой ценой.

Все это к тому, что если вам интуитивно нравится второй вариант моста, то аргумент против сторонников первого состоит не в том, что ваш метод лучше. Если вы принимаете саму необходимость государственного вмешательства, вы полностью лишаетесь всех аргументов. Идея «подождать, пока само вырастет» всегда будет проигрывать идее волюнтаристского вмешательства. Ведь если у государства есть средства, то просто грех их не использовать с благой целью.

Тот факт, что весь политэкономический дискурс задается государственным регулированием, мешает либералам, поскольку они начинают возражать в том же дискурсе. На самом же деле, главный либеральный ар-

гумент состоит в том, что, хочет того государство или нет, люди перекидывают веревки через пропасти и это является частью их планов (вспомним, что второй инженер в нашей истории не строил мост, а просто забавлялся). Люди, безотносительно к их политическим взглядам и отношению к государственному регулированию, просто самим фактом своей деятельности и взаимодействия между собой ежесекундно создают социальные институты, и ничто не может повлиять на этот процесс. Государство не может знать цели всех людей и не может предугадать результаты их взаимодействия. Даже если допустить, что государство для своей деятельности научилось каким-то волшебным образом не изымать ресурсы из общества, его проекты здесь будут просто лишними и будут приносить ущерб уже тем, что потребуются ресурсы для их демонтажа. 2014

3.24. Просто у stupid-buyer'ов пока еще есть лишние деньги

Говорят, что в нашей реальности появился новый элемент. Это smart-buyer, то есть потребитель, который активно интересуется свойствами товара, прежде, чем его купить. Грозит ли это явление экономике и если да, то как и чем?

В экономике как науке есть три основных подхода к человеку. Первый — *homo economicus*. Это подход большинства классических и неоклассических школ,

а также кейнсианства и монетаризма. В них человек, как таковой, либо вообще не рассматривается, либо априори предполагается всезнающим субъектом, который всегда поступает правильно. «Правильно» — это так, как предписывает та или иная экономическая модель. Если вы спросите, скажем, Пола Кругамана или Джозефа Стиглица о том, как они могут прокомментировать появление смарт-байеров, они, скорее всего, ничего не смогут сказать, поскольку интересуются индексами и агрегатами, а не людьми.

Второй подход — институционалистский. Институционалисты выяснили, что люди не всегда поступают так, как хочется автору модели. Поведение, соответствующее желаниям авторов моделей, они назвали «рациональным». Затем они занялись изучением того, что делает человека «нерациональным». Формулу институционализма для нашей темы можно назвать homo cretinus, ведь выяснилось, что человек так и норовит поступить нерационально, просто дурак какой-то. Он со всех сторон окружен «информационными ассиметриями», «трансакционными издержками» и массой других опасностей. Если вы спросите у институционалиста, что такое смарт-байеры, то он расскажет, что покупатели теперь начали поступать более рационально, чем до того. Правда, ничего не скажет о том, с чего бы это вдруг случилось и что бы это значило.

Третий подход — «австрийский». Он предполагает, что люди находятся в состоянии выбора из возможных альтернатив. Если человек поступает неким образом,

то это означает, что он отказывается от одних линий поведения в пользу того, что он выбирает. Более того, экономическая наука может установить какие-то закономерности, только если будет изучать лишь то, что происходит после выбора, оставив психологам изучать то, что происходит до него. Формулу «австрийцев» в отношении человека можно описать, как *homo vulgaris*. То есть, человек есть такой, какой он есть. «Рациональность» — совершенно излишняя категория, так как она неизбежно является оценкой постороннего наблюдателя, который сам не принимает данного решения, ничем не жертвует и которому просто не могут быть известны все обстоятельства.

Что это такое?

Именно с этой третьей точки зрения мы и поговорим о смарт-байерстве. Итак, пристально изучать товар и прочие сопутствующие обстоятельства — такое же правильное поведение, как и покупать, не глядя. Возможно, вы будете жалеть о принятом решении (это называется ошибка), а возможно и нет. Причем, это возможно в обоих случаях, — как «смарт», так и «ступид» байерства. Более того, люди, не уделяющие внимания дотошному выбору, (ступид-байеры), чаще всего прекрасно осведомлены о том, что нужно внимательно изучать товар, читать все бумажки, которые вы подписываете и т.д. и т.п. Они просто не делают этого. Наконец, не существует абсолютно идеальных моделей поведения. Просто невозможно все предусмотреть и обо

всем позаботиться. То есть, в итоге, сравнивать смарт-байерство и ступид-байерство друг с другом — довольно странная задача.

Действительно интересным является другое — почему люди, которые недавно покупали все подряд, теперь рыщут в интернетах, собирая всю возможную информацию? Ответ может быть таким. Если исключить случай ошибки, то ступид-байер отличается от смарт-байера тем, что он согласен платить за дополнительные риски. Он предпочитает эти риски тому времени, которое бы он потратил бы на их минимизацию (поиск в интернете, опрос соседей, глобальный референдум). Сломается товар? Не проблема. Обманут с гарантией? Бог с ней. Втюхают никому не нужные «дополнительные услуги»? Как-нибудь переживем. Он согласен платить, для него ценность тех вещей, на которые он потратит освободившееся время, выше ценности денег, которые он отдаст за товар. Это называется «не париться».

Что же случается, когда такой человек превращается в смарт-байера? Вряд ли он вдруг стал антиглобалистом и резко разлюбил корпорации. Вряд ли многочасовые копания в сети и чтение EULA доставляют ему удовольствие сами по себе. Ответ прост — он стал беднее. Ценность денег для него возросла, он готов теперь тратить время для того, чтобы минимизировать риски и получить как можно более ценный товар за свои деньги. Он готов пожертвовать теми альтернативами, которые ранее оценивались им выше, чем плата

за риск. Фраза «мы не настолько богаты, чтобы позволить покупать себе дешевые вещи» полностью отражает эту ситуацию, ведь под словом «дешевые» следует понимать «плохие».

Что это означает?

Беспокойство производителей и торговцев по поводу смарт-байеров вызвано тем обстоятельством, что они уже не могут, как раньше просто так втюхать ненужные товары и услуги. Думаю, многие из них винят во всем интернет, дескать, покупатель стал «шибко умный». Да, с появлением интернета, у покупателей возросли возможности для самостоятельного исследования рынка. Но производители, как по мне, с лихвой компенсируют эти возможности умножением количества новых моделей на единицу времени (найдите десять отличий от старой) и различными изобретениями на почве маркетинга, пытаясь усложнить выбор размножением альтернатив. Покупатель теперь должен потратить больше времени, чтобы увидеть, где именно и как его пытаются обмануть.

На самом деле, то, что происходит, называется конкуренцией. Ведь продукт — это не то, что придумали ваши маркетологи, а то, что увидел покупатель. Механика конкуренции — выбор покупателя. Вот это и есть выбор в полной своей красе. В данном случае, выбор не столько между продуктами, сколько между полити-

ками производителей и торговцев. Покупатель больше не согласен легко обманываться.

Возвращение невидимой руки

Возникает еще один вопрос — бедные и богатые были всегда, что же случилось такого особенного, что заставляет нас говорить не просто о бедных, а о неких смарт-байерах? Что такого особенного в современной ситуации?

Будь моя воля, я бы называл смарт-байеров «новыми бедными». Однако, думаю, такой термин уже есть. Новизна смарт-байеров и их отличие от традиционных бедных в том, что они не являются бедными в техническом смысле этого слова, Скорее всего, значительная часть смарт-байеров живет в собственных домах, имеет как минимум два автомобиля на семью и т.д., соответственно, они имеют совсем другие культурные стереотипы и привычки, чем «обычные» бедные.

Что стало причиной появления этих людей, точнее, что стало причиной изменения их поведения?

Думаю, что причина состоит в том, что мы называем «экономический кризис». Вообще говоря, явление смарт-байеров куда в большей степени, чем любой макроэкономический анализ расскажет нам о состоянии экономики, а именно, о том, что она беднеет.

С 70-х годов главный тренд в экономике Запада состоял во все более активных попытках лечить эконо-

мические проблемы методом печатания денег. Конечно, тут были и отступления, и попытки «завязать», но общее направление сохранялось. Запад с тех пор прошел через несколько кризисов и добрался до нынешнего. Вполне вероятно, что и нынешний кризис удастся пережить, не меняя основного тренда, но, тем не менее, изменения рано или поздно неизбежно наступят и смарт-байерство — это просто один из сигналов на этом пути.

Собственно, в чем состоит проблема? Вливание новых денег меняет стимулы для производителей. Поскольку у людей есть «лишние» деньги, они готовы их тратить на то, что раньше не могли себе позволить. И вот что получается: «невидимая рука» наказывает плохих производителей в пользу хороших тогда, когда денежная масса не растет семимильными шагами. Ну, а если она растет, то зачем делать хорошие вещи, если люди покупают плохие?

Все это время менялась психология производителей и торговцев. Они все в большей степени переставали конкурировать за качество и низкие цены. У меня есть подозрения, что маркетинг в том виде, в котором мы его знаем, приобрел такую популярность и стал целой наукой именно в течение этих лет. Если вы познакомитесь с этим учением, вы увидите, что оно «по дефолту» основано на мысли о том, что у людей есть деньги и главная задача — каким-то образом их выманить.

Однако, новые деньги не создают нового богатства. Они создают его иллюзию. Существующее состояние общественного богатства (в самом широком смысле этого слова) способно поддерживать лишь определенное количество бизнесов и прочих проектов. Иллюзия богатства заставляет людей делать то, чего бы они не делали, знай они реальное положение дел. Более того, постоянная эмиссия бумажных денег искажает структуру относительных цен, собственно то, что является основой обмена и нормального развития. Ведь, не будем забывать, что в конечном итоге, в обмене участвуют реальные блага, а деньги выражают их меновые соотношения. Когда денежная масса постоянно растет, мы просто перестаем понимать, что же на самом деле происходит.

То, что происходит в реальности, как раз и показывают нам такие явления, как смарт-байеры — формально не такие бедные люди, которые, однако, не могут позволить себе бездумно покупать **такие** товары по **таким** ценам.

Возможно, что смарт-байеры являются признаком своего рода переломного момента. Мы живем в удивительное время нулевых ставок, то есть, фактически, неограниченного производства новых денег. И, похоже, что они перестают работать. Старые стимулы больше не действуют, реальное состояние общественного богатства и структура относительных цен дают о себе знать. Экономика гораздо беднее, чем она нам кажется, и, возможно, она продолжает беднеть.

Производители и продавцы еще живут в старой парадигме дешевых денег. Покупатели же уже вовсю ощущают реальное состояние структуры цен. Но только так и может быть. Первыми изменения должны замечать покупатели, и только от них производители могут узнать, что поступают неправильно. Смарт-байеры сигнализируют нам о том, что «невидимая рука» рынка, несмотря на все попытки обмануть ее денежным дождем, вновь возвращается. И это значит, что производителям, чтобы выжить, опять придется делать качественные вещи. Согласитесь, что это — хорошо. 2012

3.25. Четыре замечания по поводу «рынка земли»

Цель настоящей заметки — указать на некоторые серьезные, на взгляд автора, моменты, связанные с обсуждением так называемого «рынка земли». Одна из причин, по которой в этом вопросе ничего не меняется, и вот уже 20 лет идет совершенно безрезультатная «земельная реформа», состоит, по моему мнению, в том, что очень часто рассуждения основываются на устаревших представлениях, а то и просто на примитивных заблуждениях. Поэтому, как мне кажется, стоит сказать о них несколько слов.

Все связано

Важность «земельного вопроса» в нашей повседневной жизни можно легко представить, если понимать, что в экономике все взаимосвязано. Более того. Любая экономика — это набор своего рода цепочек предприятий, связанных в производстве некого товара, который является конечным продуктом потребления. Все эти предприятия, как правило, знать не знают друг о друге, они просто покупают друг у друга необходимые для своего производства товары, но, тем не менее, фактически являются звеньями одной цепочки, на выходе которой и появляется товар, который мы с вами потребляем. Мало того, обычно предприятие является одновременно участником множества таких цепочек, в некоторых из которых его продукт является конечным, а в некоторых — промежуточным. И, наконец, существует невидимая обывателю сторона, а именно — производство приспособлений, оборудования и разного рода полуфабрикатов, которых вы никогда не увидите не прилавках, но без которых производство всего остального невозможно. И, кстати, доля этих «невидимых» продуктов в общей массе производимого обществом, может быть очень высока.

Всю эту сложнейшую жизнь можно легко представить, скажем, на классическом примере карандаша — задумайтесь, сколько должно быть всего сделано, для того, чтобы получился обычный карандаш.

В этих цепочках товары последовательно передаются от одной стадии к другой. Одно предприятие добыло руду, другое купило руду и выплавило сталь, третье купило сталь и изготовило гвозди и так далее. Производство самого, казалось бы, простого товара включает сотни, а то и тысячи стадий. Так вот, «земля» присутствует на каждой стадии каждой цепочки производства или в виде стоимости земельного участка или в виде арендной платы.

Земля, вместе с капиталом, трудом и предпринимательством является «первичным фактором производства», что для нашей темы означает, что она воздействует на производство на любой стадии процесса. Вы можете не иметь никакого отношения к операциям с землей, но она всегда будет иметь к вам самое прямое отношение в вашей повседневной жизни. Понятно, что если в вашей стране непорядок с землей, капиталом, трудом и предпринимательством, то не ждите ничего хорошего от своей экономики. В нашей стране крайний непорядок, а скорее даже хаос на всех четырех позициях, так что и удивляться нам нечему.

А поскольку «рынок земли» в реальности, а не в головах чиновников, изобретающих «целевое использование», включает в себя все участки земли, а не только «сельскохозяйственные», то наведение порядка на этом рынке означает радикальное оздоровление всей экономики.

Доход «на шару»

Особенность представлений о земле тесно связана с представлением о том, что ценность чего-либо определяется издержками, понесенными при изготовлении. Классические экономисты, придумавшие эту формулу, попали в тупик, когда попытались применить ее к земле. Выходом из положения стала идея Рикардо о земельной ренте и отнесение, таким образом, земли, как товара, в некую особую категорию, не подчиняющуюся общим правилам. На самом деле, представление об основополагающей роли издержек неверно в отношении всех цен. Цена формируется спросом и предложением, и, напротив, издержки зависят от цены, а не наоборот. Принимая решение производить что-то, предприниматель, прежде всего, ориентируется на цены, уже существующие на рынке, и исходя из них определяет свои издержки.

И если (по крайней мере, на словах) современные экономисты отказались от идеи, что цены определяются издержками, то представление о земельной ренте живет, процветает и является одним из принципов, на котором явно и неявно основано законодательство, имеющее хоть какое-то отношение к земле. Владелец земли ничего не сделал и «на шару» получает свой доход, — так считает широкая публика и законодатель. На самом деле, ценность любого товара определяют не издержки и не рента, а другие люди и их потребности в данном конкретном месте и в данное конкретное время. Это хорошо знают риэлторы. «Ценность земельных

участков есть ни что иное, как предполагаемая ценность всех актов пользования землей в совокупности, определяемая в данный момент» — писал Карл Менгер, **то есть, она определяется теми потребностями и ценностью того, что вы намерены получить от земли**.

Все скупят

С представлениями о «шаре» и «ренте» тесно связана следующая идея, имеющая поистине массовое хождение в народе. Это идея о том, что «они все скупят». Думаю, что одной из причин распространенности этой идеи является явная конечность запаса земли. Нам кажется, что вся земля «посчитана», ведь в пределе она представляет собой хорошо известную площадь суши на нашей планете, и коль скоро ее запас ограничен, то можно «скупить все». По всей видимости, в отношении других товаров, запас представляется безграничным. Это и вводит в заблуждение. На самом деле, запас любого товара в данный момент времени конечен. Блага с бесконечным запасом (такие как, например, воздух) просто не являются товарами, они не продаются, поскольку не являются редкими, и о их цене ничего нельзя сказать. Как мы помним, спрос определяют те цели, для которых мы используем землю. Даже если эти цели состоят в том, чтобы «придержать ее до лучших времен», не существует спроса на **всю** землю, равно, как и не существует предложения **всей** земли.

Однако, вернемся к нашим олигархам. Зная исключительную зловредность, организованность, способность предвидеть заранее, и прочее и прочее, то есть, полагая олигарха существом практически всемогущим и вездесущим, тем не менее нужно понять, какую цель преследует такая скупка. Эта цель может быть одна — монополия, точнее, монопольная цена. Например, никто не сомневается в том, что только разреши, как олигарх немедленно скупит всю плодородную землю и, пользуясь отсутствием запаса (а монопольная цена, как мы помним, возникает исключительно благодаря контролю над запасом, как правило, путем уничтожения его части) установит монопольную цену на свою продукцию.

На самом деле, первый вопрос, который мы должны задать — почему бы олигарху не купить землю в другом, более спокойном и не столь взволнованном относительно перспектив «негодяи скупят всё» месте? Очевидно, что нормальный олигарх, если мы полагаем его существом сверхразумным и сверхрациональным, поступит именно так. А если вы мне возразите, что наша земля, в отличие от более спокойных мест, «стоит копейки», и даже если я соглашусь (хотя, конечно, она стоит далеко не копейки), то, как мы выяснили, это означает лишь, что **получить** от этой земли можно тоже лишь копейки. Смысл?

Опять-таки, очевидно, что скупающий землю олигарх неизбежно столкнется с ростом цены каждого последующего участка. Опять же вопрос — каков смысл?

И, наконец, последнее. Даже понеся огромные затраты и «скупив всю землю», олигарх не получит желаемого, поскольку ему придется также позаботиться о том, чтобы был запрещен импорт из других стран продукции, которую он там будет выращивать. И тут мы приходим к тому, что само по себе это невозможно без **политических** решений.

Стоит упомянуть что это, пожалуй, единственное место, где Мизес был согласен с Марксом. Они оба говорили о том, что латифундии не являются продуктом рынка, а являются продуктом политики.

Мне скажут, что вот же, наши олигархи и есть «продукт политики», и что им помешает создать латифундии, имея «крышу» в правительстве? Ничто не помешает. Как ничто не мешает им делать это сейчас. Сторонники теории латифундий, как и все сторонники теории заговоров в целом, неизбежно впадают в противоречие. Они, с одной стороны, приписывают предполагаемым негодяям сверхвозможности и сверхпрозорливость, с другой почему-то считают, что отсутствие каких-то законодательных закорючек способно остановить всемогущего и беспринципного олигарха.

Можно твердо сказать лишь одно — без легального рынка земли вы точно ничего не сделаете с латифундистами.

Легальный рынок

На самом деле, все разговоры на тему «нужен или не нужен нам рынок земли» бессмысленны, так как рынок уже давно есть. Многослойное и запутанное юридическое понятие «собственности», имеет, тем не менее, твердые экономико-правовые основы, — все тот же принцип «владеет и распоряжается». То есть, собственность в реальном, а не в сугубо юридическом смысле, всегда существует и она всегда частная, проблема лишь в том, насколько точно может быть идентифицирован владелец в каждом конкретном случае. А если есть собственность, значит, существует и использование этой собственности в деятельности людей, то есть рынок.

Так в СССР землей владели и пытались распоряжаться государственные чиновники. В позднем СССР это были, в основном, председатели колхозов. И так далее. Весь вопрос в том, насколько собственность одних людей фактически признается в деятельности других людей. И здесь возникает огромная проблема, поскольку эти вопросы регулирует государство. Бедность в странах третьего мира, таких, как Украина, имеет своей причиной то, что реальная собственность граждан не может быть толком использована в деятельности этих граждан помимо извлечения дохода «здесь и сейчас». Стоит опять процитировать Эрнандо де Сото, который пишет, что богатство бедняков «в 40 раз больше, чем вся сумма иностранной помощи, предоставленной миру после 1945 г. В Египте, например, накоп-

ленные бедняками богатства в 55 раз превышают сумму прямых иностранных инвестиций, включая расходы на строительство Суэцкого канала и Асуанской плотины. На Гаити, в беднейшей стране Латинской Америки, суммарные активы бедняков более чем в 150 раз превышают сумму иностранных инвестиций, полученных после 1804 г., когда страна освободилась от французского колониального владычества. Если бы Соединенные Штаты решили довести бюджет иностранной помощи до рекомендуемого ООН уровня — 0,7% от национального дохода, — богатейшей стране мира понадобилось бы более 150 лет, чтобы закачать в беднейшие страны мира ресурсы, которыми те уже располагают».

Богатство из этой цитаты не может быть использовано, так как собственность не легализована надлежащим образом. Однако, важнейший момент состоит вот в чем. Означает ли реальная легализация простое наличие законов, «регулирующих» предмет? Скорее нет, чем да. Можно не сомневаться в том, что в большинстве упомянутых в цитате стран (и в большинстве не упомянутых, типа Украины) эти законы существуют. Однако, они таковы, что пользоваться ими невозможно, что само по себе весьма показательно. При этом заметим, что эта ситуация для мира в целом является скорее правилом, а вот ситуация легализованной собственности, то есть, такая ситуация, в которой поддержка государством всех последствий и обязательств, возникающих из прав собственности, на-

столько эффективна, что добровольно принимается обществом, является скорее исключением.

Реальная легализация означает наличие неких правил, которые бы добровольно поддерживались большинством участников процесса. Происходит ли легализация просто от того факта, что принимается некий закон, который что-то кому-то «разрешает»? Очевидно, нет. Поэтому рассуждать в терминах законов, которые необходимы для «создания рынка», неверно. Единственный практический смысл имеют рассуждения в терминах действий, приводящих к полной легализации собственности и очевидно, что эти действия должны состоять скорее в ликвидации разнообразных юридических норм, а не в создании новых.
2012

3.26. Налоговые декларации для физлиц — вредно с любой точки зрения

Налоговые власти собираются вводить «всеобщее декларирование доходов». Это означает, что каждый из нас будет заполнять некую бумагу, в которой должен будет объяснить, откуда и почему у него взялись деньги, после чего сам понесет часть этих денег государству.

Авторы новшества выдвигают две причины, которые заставляют их идти на такие меры. Первая —

это рост поступлений в бюджет. Называются цифры — вместо 7 миллиардов 21 миллиард. Хорошо этот или плохо? Для начала напомню, что налог — это изъятие части вашей собственности под угрозой насилия, то есть деяние, классифицируемое уголовным правом, как «разбой». Но, думаю, что большинство украинцев уверено, что разбой — это не проблема, если он осуществляется для благой цели. Поэтому обратимся к экономике.

Доходы бюджета — это будущие государственные расходы. А этими расходами всегда и везде в любой стране мира управляют чиновники. В отличие от субъектов рынка, чиновники сами себе придумывают работу, и мы не выбираем ее, как на рынке, а просто обязаны платить за то, что нам подсовывают. Хорошо ли будет от того, что теперь суммы, на которые чиновники могут придумать себе занятие, станут больше?

Налог означает уничтожение части обмениваемого богатства. Мы все постоянно заняты обменом, а в обмене выигрывают обе стороны. То есть, когда государство уменьшает мой доход, допустим со 100 долларов до 50, то теряю не только я, но и те, с кем я обмениваюсь, покупая товары.

Государственные расходы означают искусственное создание спроса на товары и услуги, на которые в обычных условиях спрос ниже или его вовсе нет. То есть, ресурсы направляются не туда, куда бы они на-

правились, не будь государства и его налогов. Проще говоря, выбрасываются впустую.

В общем, услышав о том, что доходы бюджета выросли, сознательный украинец должен грустить, а не радоваться.

Вторая цель реформы — «детенизация экономики». Однако, те, кто интересовался этим предметом, знают, что теневая экономика возникает не от отсутствия декларирования доходов и прочих бюрократических радостей. Она существует как способ уклоняться от насилия и хаоса, которые несет с собой государство. Поэтому с теневой экономикой декларирование доходов ничего сделать не сможет по определению. И, кстати, если понимать это обстоятельство, то нетрудно догадаться, что «рост доходов бюджета», если даже считать, что это хорошо, продлится ой как недолго. И опять же, если понимать причины существования теневой экономики, то очевидно, что декларирование гражданами доходов — это лишний стимул для ухода в тень, а не способ борьбы с ней.

Все это мы говорили, подразумевая, что реформа пройдет наилучшим образом, администрирование будет идеальным, а побочные эффекты не появятся. Однако, в реальности, конечно же, все будет не так.

Как это будет? Ну, вот уже сейчас у каждого из нас есть «налоговый код». Казалось бы, такая сугубо инструментальная штука, а тем не менее, без нее теперь

никуда. Вроде бы и паспорт у всех есть, ан нет, на практике, как видим, паспорт недостаточно удостоверяет личность, в большинстве случаев нужен еще и налоговый код. В стране, где такую невинную вещь, как газовый счетчик, невозможно «легализовать» без наличия «Формы 3» из ЖЭКа (знающие меня поймут, а незнающим лучше никогда не сталкиваться), налоговая декларация будет только очередным и часто непреодолимым препятствием в мирной деятельности граждан.

Есть только один вариант развития событий, в котором тотальное декларирование доходов гражданами и уплата ими самими налогов принесет огромную и безусловную пользу — при условии полного отказа от всех косвенных налогов и налогообложения юридических лиц и переходе к прямому налогообложению исключительно и только лиц физических. Правда, нынешнее государство на этом закончится. Кстати, вместе с нынешним «политическим дискурсом», целиком и полностью завязанным на госбюджет. Появится что-то другое, и, может оно и к лучшему.

В общем, никакого другого смысла, кроме как создать фронт работ для собственного ведомства и попутно усилить контроль, превратив не только предприятия, как сейчас, но и обычных граждан в вечно виноватых перед государством, у новации с декларированием доходов не просматривается. 2015

3.27. Планы налоговой и планы народа

Различные государственные новации следует рассматривать с двух точек зрения — точки зрения «как бы», то есть тех целей, которые заявляют новаторы, и с точки зрения «на самом деле», то есть, той реальности, в которой все эти новации будут реализованы.

Предложения налоговой службы, которые активно обсуждаются с лета, не выдерживают критики ни с позиции «как бы» ни с позиции «на самом деле».

Как бы

Несмотря на то, что налоговая предлагает менять кодекс сразу во многих местах, все эти предложения объясняются тремя потребностями — улучшением собираемости в бюджет, протекционизмом и упрощением администрирования.

«Собираемость» объявлена проблемой, в том числе, и в связи с кризисом Пенсионного фонда. Дескать, нам нужно иметь гарантированный источник доходов для того, чтобы решать вопрос с дефицитом фонда. Однако, любому менеджеру ясно, что для начала следовало бы ликвидировать Пенсионный фонд и перенести его обязательства непосредственно в бюджет и уже потом думать о том, как этот бюджет наполнять. Понятно, что это действие присовокупит дефицит фонда к дефи-

циту бюджета, но пока этот шаг не сделан, ссылки на действия одной бюрократической системы в интересах другой не должны приниматься во внимание. То есть, цель, заявленная авторами новаций, по определению не может быть достигнута без этого предварительного условия.

Тем не менее, новации ожидаются, и главным «наполнятором» бюджета теперь назначен налог с оборота. Напомню, что суть налога-«наполнятора» в том, что от него невозможно укрыться. Именно для этой цели была изобретена в свое время украинская версия НДС. Со временем, она обросла разного рода практикой и теперь, по-видимому, стала непригодна для первоначальной роли. Впрочем, НДС никто не отменяет, объявлено лишь о снижении ставок.

Понятно, что уйти от налогообложения оборота очень трудно. Именно поэтому оно и вводится. Однако, прямые последствия такого налога значительно хуже решаемых им задач (если согласиться с тем, что их нужно решать). Налог с оборота — это фактически налог на капитал, налог убивающий развитие, которое состоит в росте «капиталоемкости», то есть, в удлинении производственных цепочек, что позволяет производить более ценные продукты. Современные производственные цепочки включают тысячи стадий, на которых действуют предприятия, не подозревающие о существовании друг друга и покупающие продукцию друг друга. Вводить налог на оборот означает наказывать их за кооперацию и разделение труда. Там, где

производственная цепочка могла быть удлинена и получен более ценный продукт, теперь этого просто не случится, также могут быть разрушены и старые цепочки. Ставки 2% для этого более чем достаточно, поскольку налог взимается на каждой стадии. «Объединение под одной крышей» предприятий, участвующих в кооперации с целью минимизации налога, совершенно не спасает от его последствий для экономики в целом, так как никто толком не скажет вам, какие именно предприятия следует объединить, а даже если скажет, то быстро убедится в том, что это невозможно. Кроме того, если даже допустить, что такая мера осуществима (она действительно реализуется) и закрыть глаза на ее локальный характер, то никуда не девается главное последствие — тот факт, что налог вынуждает консервировать некоторые куски существующих цепочек и наказывает за создание новых, более продуктивных производственных цепочек.

Вторая цель налоговой — протекционизм — на самом деле находится за рамками обсуждения экономической науки. Комментировать протекционизм, как экономическую цель это все равно, что комментировать теорию эфира в рамках современной физики. Протекционизм есть вера, эмоция, проистекающая из заблуждения, что тот, кто продает, выигрывает больше, чем тот, кто покупает. Эта вера, помноженная на страх перед чужими, то есть иностранцами, и создает феномен протекционизма, который, повторю, должен быть объектом изучения психологии, но не экономики.

Тем не менее, новации тут тоже есть. Во-первых, это дифференциация НДС для «внутренних» и «внешних» операций, во-вторых, 3% сбор в Пенсионный фонд с безналичных операций с валютой в рамках «торогового оборота», то есть, фактически, налог на импорт. Таким образом, для достижения целей государственной отчетности (приятные глазу цифры торгового баланса) украинцы должны покупать импортные товары дороже, чем они могли бы быть.

Наконец, достижение цели упрощения администрирования сразу должно быть поставлено под сомнение, ибо говорить, стало ли проще или легче, можно только по результатам опыта. Обычно, «упрощается» то, что становится накладно для самих чиновников. Иногда их облегчение совпадает и с нашим облегчением, но чаще всего, наше облегчение в чем-то одном компенсируется новыми сложностями. Реальность «облегчений» определяется практикой, а она целиком определяется волюнтаризмом чиновников. Мне, например, известны случаи, когда отчеты, составленные по широко рекламируемой «электронной отчетности», нужно было все равно возить в налоговую. И так далее. Вообще говоря, нельзя верить никаким обещаниям облегчить жизнь налогооблагаемым, ибо эти обещания прямо противоречат сути деятельность налоговой. Например, обещание прямо с понедельника не брать больше никогда ни при каких условиях налоги авансом (в данном случае — налог на прибыль) лично я слышу раз двадцатый.

На самом деле

Теперь поговорим о том, как это все происходит в реальности. Что, собственно, здесь нужно обсуждать, что является действительно важным? Нужно иметь в виду два момента. Первый — сугубо экономический. Особенность воздействия налогов на экономику состоит в том, что их уплату можно перекладывать. Собственно, задача экономиста при анализе последствий того или иного налога состоит в том, чтобы выяснить, кто именно платит, в конечном итоге, этот налог. Как правило, несмотря на разнообразие налогов, в конечном итоге их платят владельцы первичных факторов производства — земли, капитала и труда.

Это понимание, в свою очередь, приводит к такому выводу. Поскольку налоги перекладываются, и конечный плательщик, в большинстве случаев, известен, то, например, анализ величин налоговых ставок не является практически важным. Совокупная налоговая нагрузка — это наказание государством владельцев первичных факторов производства. То есть, ее воздействие очень просто — чем меньше такая нагрузка, тем быстрее экономический рост и наоборот. Но сама по себе величина этой нагрузки вряд ли может остановить рост или привести к деградации. Люди могут приспособиться к любой, даже самой запутанной системе с самыми высокими и «экономически необоснованными» ставками, и государственная отчетность все равно будет показывать рост. Найдутся легальные и полулегальные способы уклонения и обхода любого идиотиз-

ма. **Главное — чтобы эта система не менялась**. То есть, гораздо **важнее не сами налоговые ставки, а их изменения**, именно они способны убить все живое и оставить после себя пустыню.

Что характерно, налоговики всего мира прекрасно понимают эти обстоятельства. Стабильность законодательства — недопустимая мысль для них. Начальник нашей налоговой прямо говорит об этом в интервью «Зеркалу недели»: « Все это логично и правильно. Фискальная политика должна быть гибкой, поскольку экономическая конъюнктура меняется стремительно. Могу привести в пример Францию, где налоговое законодательство традиционно пересматривается ежегодно во время принятия госбюджета. Или Соединенные Штаты, где каждый год меняются правила налогообложения доходов граждан».

Поэтому с точки зрения тех, кто производит национальное богатство, налоговая реформа должна преследовать цели, прямо противоположные целям налогового ведомства, а именно, прежде всего — неизменность налогового законодательства, предусматривающую только возможность сокращения списка.

И здесь мы подходим ко второму моменту, который нужно иметь в виду при анализе налоговых новаций, а именно, тому обстоятельству, что государственные ведомства фактически являются предприятиями, действующими в поисках прибыли. Характер этой прибыли несколько иной, чем у «обычных» предприятий, но,

закономерности деятельности точно такие же. Итак, в случае налоговой «прибыль» (помимо коррупционной составляющей) состоит в отчетности, то есть «собираемости налогов». Предприятие, имеющее такую цель, будет стремиться к тому, чтобы максимально облегчить себе задачу достижения цели, то есть «собирать» достаточно для хорошей отчетности при любых обстоятельствах. Для того, чтобы обеспечить «собираемость», налоговая должна иметь возможности постоянно менять нормы, в рамках которых она действует, как на уровне законодательства, так и на уровне «нарушений на местах», а само это законодательство должно быть максимально непрозрачным, чтобы плательщик никогда не мог понять, виноват он или нет, а если виноват, то в чем. Администрирование налогов должно быть максимально сложным и запутанным, а само налогообложение должно касаться максимального количества операций, проводимых экономическими субъектами. Грубо говоря, любое легальное действие экономического субъекта должно находиться в «поле ответственности» налоговой службы. Любая налоговая любой страны мира по умолчанию стремится к достижению таких возможностей, так как они гарантируют получение прибыли в виде правильной отчетности, а значит и получения возможностей в «освоении бюджета». То есть, очевидно, что само существование налоговой и ее деятельность является причиной налогового хаоса и того ущерба, который он наносит обществу. В этом смысле, страны отличаются друг от друга лишь тем, удалось ли местной налоговой достичь идеальных

условий для своего бизнеса, или нет. Украинской налоговой, существующей в обществе, где право собственности ставится под большое сомнение, безусловно, это удалось, другие пока еще только стремятся к этому.

Таким образом, мы можем сказать, что предлагаемые налоговой новшества есть не более, чем обычная практика поиска прибыли компанией, действующей на бюрократическом рынке. Модернизация производится в ответ на потребности отчетности (дефицит торгового баланса) и в ответ на приспособляемость экономики к ранее принятым мерам (налог с оборота, помимо НДС).

Если говорить о налоговой реформе в интересах общества, а не налоговой службы, то она должна состоять совсем в другом. Мы должны стремиться к тому, чтобы свести воздействие налогового бремени к некоему подобию радиации — вредному, но равномерному и предсказуемому. Поэтому, прежде всего, необходимо избавиться от специализированной налоговой службы, порождаемого ее существованием поиском прибыли и его последствиями. Всё налоговое законодательство должно быть именно законодательством, исключать вмешательство и нормотворчество исполнительной власти, оно должно включать в себя все, необходимое плательщику, вплоть до образцов бланков отчетности. Изменения, как я уже говорил, могут касаться только сокращения списка. В этих изменениях нужно руководствоваться принципом «заплатил и забыл», все налоги, в итоге, должны быть сведены к единому нало-

гу для физлиц, а затем и вовсе ликвидированы за ненадобностью. Это была бы настоящая налоговая реформа.
2012

3.28. Ментальная ловушка «суверенного дефолта»

Среди страшилок современного обывателя «дефолт» или, точнее, «суверенный дефолт» занимает важное и почетное место. Это и неудивительно, ведь «простому человеку» понять, что это такое, практически невозможно. Рассуждения телевизионных экономистов обычно только добавляют тумана в и без того мутную картину. Был дефолт или не было дефолта? Каковы его последствия и почему именно они наступили? Разобраться в этом бывает очень трудно.

Наш обыватель, привыкший ничему не верить, услышав о дефолте, на всякий случай начинает паниковать. Вот, например, украинские денежные власти накануне так и не состоявшегося дефолта США, призывали украинцев не сдавать баксы. Видимо, для таких призывов были причины. Нужно сказать, что такое поведение «простого человека» не совсем иррационально. И вызывается оно не только сложностью экономических процессов, в которых не может разобраться «простой человек», но и понятийной путаницей, возникшей, однако, далеко не случайно.

Об этой путанице, о ее последствиях и немного о самом дефолте мы и поговорим в этой колонке.

В «дефолте» или «суверенном дефолте» нет ничего особенного и необычного. Попросту говоря, — это банкротство государства, то есть, неспособность отвечать по своим обязательствам. В этом явлении нет ничего нового, государи, а затем и государства на протяжении истории постоянно страдали от неспособности заплатить по счетам. Те же США дважды переживали состояние дефолта. Первый раз дефолт продолжался с 1862 по 1879 и был вызван неспособностью правительства заплатить по «гринбэкам», выпущенным во время Гражданской войны. Второй дефолт был в 1935 году, когда Рузвельт решил, что золото будет стоить не 20 долларов за унцию, а 35. При этом, обменять свои гособлигации на золото могли только иностранцы, владельцы облигаций (то есть, обязательств по долгу правительства) в самих США могли получить только бумажные доллары, которые теперь стоили почти в два раза дешевле.

В других государствах ситуации дефолта случались еще чаще. Почему же теперь так обострилось внимание к суверенным дефолтам? Дело тут вот в чем. До некоторого момента игры с государством были просто одной из разновидностей спекуляций. У людей, дававших в долг Дяде Сэму или любому другому правительству, были на то свои причины, но последствия их действий (и неспособности правительства рассчитаться) в значительной мере касались только их самих. Одна-

ко, после окончательной монополизации денег и уничтожения золотого стандарта, положение изменилось. Теперь государства получили полный контроль над денежной системой и возможность производить деньги в неограниченных количествах. Их долги теперь приводили к последствиям не только для кредиторов. Точнее сказать, эти последствия стали более необратимыми для всех.

Напомню, что государства не производят никакой ценности, которая бы добровольно обменивалась на рынке. Проще говоря, у них нет ничего «своего». Государства берут в долг чужие деньги и отдают тоже чужие деньги — деньги налогоплательщиков. Поэтому, в общем случае, рост долгов и других обязательств государства приводит к росту налогов. Собственно, исторически так и происходит, совокупная ставка постоянно растет вместе с расходами государства. Однако, у налогов есть одна неприятная для государства особенность — от них можно укрыться. Денежная монополия решает эту проблему. От девальвации или инфляции укрыться нельзя.

Понимание, пусть часто и интуитивное, этого обстоятельства, есть одна из причин того внимания, которое уделяется дефолтам. Собственно, проблемой является не сам дефолт, а поведение государства для разрешения этой ситуации. Если ожидается, что «решением проблемы» будет девальвация или запуск печатного станка, то тогда есть все причины для паники и для того, чтобы принимать меры по защите.

Вторым обстоятельством, о котором я хочу сказать, является изменение представлений о государстве, произошедшее одновременно с приобретением им монополии на деньги и другими событиями и явлениями, связанными с увеличением места государства в нашей жизни. Сегодня мы с вами живем в мире, в котором информационный контекст включает в себя представление о государстве, как о предприятии. Это представление начало оформляться со времен немецкой «исторической школы» в экономике и окончательно сложилось и стало основным в середине 20 века. Оно рассматривает государство, как основного агента и, по сути, владельца «национальной экономики». Цель государства — увеличение «прибыли», то есть «неуклонный рост благосостояния трудящихся». Эта «прибыль» с некоторых пор начала измеряться ростом ВВП, показателем, который стал универсальным для политэкономического мейнстрима. Если люди воспринимают государство, как предприятие, то немудрено, что они опасаются дефолта, как они опасались бы банкротства предприятия, в котором работают.

В этом месте и случилась та подмена смысла, о которой я сказал вначале. Ведь на самом деле государство не является предприятием, оно ничего не производит, не несет издержек и так далее. Государство просто присваивает деньги налогоплательщиков. Представление о государстве, как о предприятии и об изменениях ВВП, как о показателе его эффективности ошибочно, но весьма полезно для самого государства,

оно обеспечивает его легитимность и самовоспроизводство. Однако, игры с государственными долгами и дефолтами должны сыграть с этим представлением злую шутку. Если государство является «хозяйством», то к нему применимо понятие прибыли и эффективности. Это прямо приводит к тому, что оно отвечает по обязательствам и может разориться, быть продано целиком или частями, взято под управление и т.п. Неэффективное предприятие должно быть ликвидировано и передано собственнику, который лучше справится с управлением. Государственные долги растут повсеместно, система фиатных денег трещит по швам, следовательно, ситуации суверенного дефолта будут возникать все чаще. Это означает, что все чаще будет задаваться вопрос — если это государство-предприятие не справляется с задачей, почему мы его не продаем?

Оба решения, которые следуют из этого вопроса, не выгодны государствам. Первое решение — продать — вряд ли реализуемо. Государства не в состоянии не то что продать часть своих функций, они не в состоянии (как ясно демонстрирует пример США) даже просто сократить свои расходы. Второе решение — отказаться от роли предприятия — более предпочтительно, но оно куда более непредсказуемо, чем первое. Ведь если государство — не предприятие, цель которого «неуклонное возрастание процента жиров в масле», то что оно тогда такое и, главное, — зачем оно тогда? Государству остается роль некой сакральной силы, мифа и предмета веры. Однако, в наш рациональный век вряд ли кто-

то согласится с тем, что миф и предмет веры занимается принудительным изъятием собственности как у верующих, так и у неверующих, навязывает всем без разбору свои правила, за которыми сам же и следит, равно как и «услуги», от которых невозможно отказаться. Пока речь идет о жирах в масле, все эти «нюансы» воспринимаются, как плата за прогресс, но если никаких жиров больше нет, то возникают неприятные вопросы.

В общем, государства попали в довольно неприятную ситуацию — следование логике предприятия логически приводит к требованию продать их с молотка, а отказ от этой логики лишает их легитимности. Конечно, «мировая элита», что или кто не понимался бы под этими словами, уже работает над проблемой. Вот, например, слово «дефолт» вместо «банкротства» уже неплохо уводит нас в сторону от понимания и камуфлирует смысл. Есть еще идеи, вроде отказа от роста ВВП в качестве универсального государственного продукта и замены его «индексом счастья». Пока эта идея существует на уровне бюрократических фриков из ООН, но кто знает, кто знает…

В общем, возвращаясь к понятийной путанице и отношению к суверенному дефолту, можно сделать такие выводы:

1. «Суверенный дефолт» является аналогом банкротства, но пока не имеет механизмов для легитимного разрешения конфликта — в отличие

от предприятий, для государства банкротство не означает ни ликвидации или продажи должника, ни принудительной реорганизации, ни перехода во внешнее управление, часто банкротства государств даже не приводят к отставке менеджмента.

2. Только и исключительно налогоплательщик оплачивает как политику, приводящую к дефолту, так и ликвидацию его последствий.

3. Степень катастрофичности дефолта зависит от политических обстоятельств, то есть, от отношений заемщика с кредиторами. Если последние не заинтересованы в крахе заемщика, то падение будет более мягким. Однако, повторю, в любом случае платит налогоплательщик.

4. Поскольку государства не способны к серьезным изменениям в политике и всегда предпочитают краткосрочные интересы долгосрочным, суверенные дефолты будут случаться все чаще. Это будет иметь не только экономические и политические (в случае краха доллара, к примеру) последствия, но и последствия мировоззренческие, связанные с изменением представлений о государстве и необходимости в нем.

2014

3.29. Лучший трудовой кодекс

На прошлой неделе различные организации, политики и просто доброхоты, занимающиеся «социальными правами» трудящихся, выступили единым фронтом против принятия нового Трудового кодекса. Они подробно описывали ужасы, которые же, этот кодекс сулит трудовому народу и конечно же призывали этот народ всячески противиться грядущим ужасам. Среди определений, которыми в полемическом задоре награждался кодекс, чаще всего мелькало слово «рабство». Интересно, что я полностью согласен с этим определением.

Судите сами. Когда человек «идет на работу», в реальности имеет место контракт между работником и нанимателем. Работник обязуется предоставить некие услуги некой квалификации в обмен на некоторую сумму денег. Когда я говорю «реальность», я имею в виду экономическую суть происходящего, то есть то, что укладывается в некоторые универсальные закономерности, которые можно затем анализировать. Такие контракты составляют значительную часть нашей жизни, они могут быть явными и неявными, например, покупая яблоки на базаре, вы вступаете с продавцом в неявный договор «яблоки в обмен на деньги». И этот договор, хоть он нигде и не записан, не так прост. Его содержание зависит, как минимум, от традиций и привычек людей в данной местности. Если, например, вы, купив яблоки, тут же обнаружите среди них гнилое,

в большинстве случаев продавец обменяет вам гнилое яблоко на нормальное. Если же с этой претензией вы обратитесь через час после покупки, скорее всего, вас отправят по известному адресу. Можно припомнить массу других обстоятельств, которые существуют в виде традиции, но с экономической точки зрения являются частью контракта купли-продажи. Например, «право пробовать» (теоретически на большом рынке можно хорошо и вкусно напробоваться), традицию «насыпать с горкой» и прочее и прочее.

Работа по найму — дело куда более сложное, чем покупка яблок, но в основе его тот же явный или неявный контракт. Сделка существует потому, что наниматель ценит производимое работником выше, чем сумму денег, которую он ему платит, а сам работник ценит эту сумму выше, чем свое свободное время или другую работу.

Теперь полезно будет посмотреть, что происходит на «большой картинке». Когда предприниматель начинает дело, он изучает цены, существующие на рынке и рассчитывает, сможет ли он со своим будущим товаром получить прибыль в рамках существующей картины цен, то есть, сможет ли он установить такую цену, при которой его доход превысит его издержки. Оплата услуг работников есть значительная часть этих издержек. Если все идет хорошо, то на рынке появляется новый (или старый, но в бОльшем количестве) товар, за который своим деньгами голосуют покупатели, все

участники процесса, включая работников, становятся богаче.

Когда государство или кто-нибудь еще (например, гильдии в средние века) вмешивается в «трудовые отношения», то это равносильно регулированию цен. Если кто-то предписывает, например, платить работнику не меньше некой суммы, то это попросту увеличивает издержки предпринимателя. В итоге, либо вообще не будет произведено то, что могло бы производиться, не будь вмешательства (то есть, все участники не получат того богатства, которое вполне реально было получить в данном состоянии экономики) либо, если бизнес уже существует, пострадают те, чьи услуги, как работников, стоят меньше, чем предписанная цена. Хуже того, люди с такими навыками вообще не получат работу, пока будет действовать запрет (см. безработицу в странах ЕС, особенно в Испании).

Вот здесь и появляется наш кодекс и «трудовое законодательство» как таковое. Вместо того, чтобы убрать запреты, мешающие добровольному сотрудничеству людей, государство начинает еще больше «регулировать» эти отношения. Поскольку людей, работающих по найму, куда больше чем тех, кто сам нанимает работников, государство из сугубо электоральных соображений (трудовые отношения начали всерьез «регулировать» одновременно с расширением избирательного права) начинает выстраивать целую систему «защиты» первых от вторых. Неудивительно поэтому, что в этой системе наемный работник видит-

ся угнетаемым существом, которое волею злых сил вынуждено трудиться на благо нанимателя, причем, последний выглядит просто каким-то паразитом. Все «трудовое законодательство» основано на том предположении, что наниматель существует исключительно за счет работника и потому государство из соображений человеколюбия и справедливости вынуждено заставлять негодяя предоставлять работнику некие дополнительные блага помимо оплаты труда (которая тоже регулируется). Тот факт, что наниматель со своим бизнесом существует только потому, что обогащает потребителей его продукции (включая, разумеется и самих работников), полностью игнорируется.

То есть, **система «трудового законодательства» изначально выстроена как система регулирования рабства**. Добровольный характер отношений найма и сама суть процесса, как процесса роста богатства в нем никак не отражены. Любой трудовой кодекс по определению — это обязанности рабовладельца в отношении раба. И разница между «хорошими» и «плохими» кодексами — это разница в том, насколько «гуманными» видятся разным доброхотам эти обязанности.

Поэтому лучший трудовой кодекс — это отсутствие кодекса. Выбор прост — либо договор свободных людей, либо существование в рамках условий, заранее
2012 предполагаемых рабством.

Часть 4

О деньгах

«Никогда не тратьте деньги прежде, чем их заработать»

Томас Джефферсон

4.1. Немного о деньгах и об их перспективах

В этом тексте я объединил и переработал несколько текстов о деньгах и добавил кое-что новое, например, о биткоине. Речь здесь пойдет о том, что такое деньги, в чем состоят проблемы, которые мы имеем с современными фиатными деньгами и о том, что можно с этим сделать. Сначала я сформулирую некие тезисы о «деньгах вообще», затем поговорим об истории денег, а затем немного о том, как нам теперь быть.

Итак, сначала «деньги вообще».

Первое и самое важное, что нужно всегда помнить о деньгах, это то, что деньги — это феномен человеческой деятельности. Вне ее не существует никаких денег, в «объективной реальности», из которой изъяты человек и общество, денег нет. Эта, казалось бы, очевидная вещь, как показывает опыт, понимается хуже всего. На практике вы столкнетесь с идеями, вроде «давайте сделаем деньгами энергию» или попытками доказать, что платина или еще какой-нибудь металл так же редок, как и золото, и потому, он «должен» быть деньгами. Не минут вас и рассуждения, призванные «на примерах» показать, скажем, пагубность золотого стандарта, все эти задачки на тему «в одну трубу вливается, в другую выливается», которые доказывают, что «денежная масса должна расти вместе с товарной массой». Все эти домыслы страдают одним главным недостатком — в них нет денег и связанных с ними эффектов. Деньги предстают там «объективно существующим» явлением, которое не зависит от человеческой деятельности.

Деньги — это товар-посредник. Это идея о том, что товары можно обменивать не только друг на друга, но и на некий промежуточный товар, который, в силу своих свойств, легко обменивается на другие товары. То есть, вместо того, чтобы обменять бревна на рубашки, вы обмениваете их на соль, а уже соль — на рубашки.

Можно представить себе мир, в котором все товары одинаково легко обмениваются друг на друга. В таком мире не было бы денег, точнее говоря, любой товар мог

бы играть роль денег. В реальности дело обстоит иначе: в данное время, в данном месте товары обладают разной способностью обмениваться друг на друга, поэтому мы живем в мире, в котором есть деньги, то есть, товары-посредники.

Следующий момент. Почему вы обмениваете бревна на соль? Потому что все остальные, включая производителя рубашек, тоже обменивают свои товары на соль. Это ключевое условие существования денег — распространенность такой практики. Слова «невеста стоит сто верблюдов» имеют смысл только для человека, который знает о том, что ценность вещей может быть выражена в других вещах.

Что делает конкретный товар деньгами? Верблюды, коровы, овцы, мотыги, соль, ракушки, слитки железа или золота — почему эти, а не другие товары становятся деньгами? Это связано с особенностями практики обмена и экономики в данном месте в данное время. Скажем, коровы, овцы и вербюлды могут быть деньгами, если массовая торговля случается у вас раз или два в год, во время ярмарок, а все остальное время вы живете натуральным хозяйством. Соль или мотыги — это некое промежуточное состояние, а вот золото — это уже активные и регулярные обмены. Для каждой относительно устойчивой практики обменов будут найдены свои, наиболее удобные деньги.

Товар и денежный товар

Это означает следующие вещи. Первое. Денежное качество товара может отличаться от его собственно товарного качества. Например, денежное качество такого товара, как золото, заключается, прежде всего, в его редкости, легкой делимости и хранимости, в то время, как для электронной промышленности, прежде всего, важна его высокая электропроводность и неподверженность коррозии, а для ювелирной промышленности тот факт, что золото считается «красивым». Денежные металлы также отличаются от других товаров однородностью. Металл более однороден, чем овцы или мотыги. Это означает, что «денежные единицы», связанные с мерами такого товара, в большей степени являются «единицами», чем в случае другого товара, то есть, денежный расчет требует меньше дополнительных затрат сам по себе. Биткоин однороден еще в большей степени, чем золото, которое имеет разные пробы, и страдает от возможностей одаренных и трудолюбивых засунуть внутрь слитка кусок вольфрама, подлинность трансакции «зашита» в самом биткоине.

Конкуренция денег

Второе. Конкуренция между товарами включает в себя и конкуренцию денежных качеств. Одни товары могут вытеснять другие товары в качестве денег, когда у них обнаруживаются качества, лучше подходящие на роль денег. Скажем, соль является предметом

регулярного потребления и растворяется в воде, металл, и особенно не коррозирующий металл, не имеет этих недостатков. Американские сигареты являются более редким (нужно меньше для обмена) товаром по сравнению с рейсхмаркой, поэтому деньгами в Германии в условиях американской оккупации становятся сигареты. Биткоин появился на свет только потому, что фиатные деньги обросли огромными проблемами. Биткоин лишен недостатков этих денег, в этом его конкурентное преимущество. В условиях свободной экономики он вряд ли возник бы, а если и возник, то не столько как деньги, сколько как технология подтверждения подлинности трансакции.

Деньги — это не только денежные единицы

Третье, тоже довольно плохо понимаемое обстоятельство. Деньги не существуют отдельно от связанных с ними явлений и отдельно от прочей экономики. Какой-нибудь путешественник во времени, попав в 19 век с винчестером, забитым биткоинами, окажется там нищим. Деньги меняются и развиваются вместе с экономикой, они неотделимы от ее инфраструктуры и практик. Скажем, металлические деньги в значительной степени стали причиной появления банков, в свою очередь, этот институт породил явление регулярного кредита и процентной ставки, «будущее», как основная часть человеческой деятельности, институционализировалось в виде денежного кредита, фьючерсных сделок и многочисленных форм обязательств. Это

не означает, что до этого не существовало кредита и процентной ставки, они существовали с момента появления (социального) человека, просто эти вещи «проявились», они стали наблюдаемыми и «измеряемыми».

Непонимание этого наглядно проявилось в попытках разобраться, является ли биткоин деньгами. Некоторые экономисты искали (и до сих пор ищут) «самостоятельную ценность» биткоина и обнаружили ее в «платежной системе». Дескать, биткоин это еще и платежная система, и потому он имеет «самостоятельную ценность». Но бумажные деньги это тоже платежная система, да и металлические, в общем-то, тоже. Распространенность этих денег, то есть их «денежность» как товара, неразрывно связана с возможностями, которые почему-то воспринимаются как дополнительные и необязятельные бонусы, не относящиеся к деньгам, как таковым. Тот факт, что золото можно положить в банк в одном городе, а забрать в другом, является неотъемлемой частью «металлического стандарта», как массовой, популярной формы денег. Биткоин тоже не существует «сам по себе», он является деньгами не потому, что он является платежной системой и технологией блокчейна, а вследствие того, что эти его особенности позволяют людям использовать его в качестве денег, а делают они это потому, что это дает возможность платить друг другу напрямую, минуя банки, налоговые и прочие органы, а также покупать товары на криминализированых государством рынках

вроде рынков наркотиков, оружия, проституции и порнографии.

Приведу еще примеры. Формально одна и та же денежная единица в разных условиях может играть разную роль. Например, наличный доллар в Украине в 90-х играл роль «честных денег», обеспечивших денежный расчет и выживание украинцев. Его количество было небольшим, не имелось централизованных и контролируемых источников «эмиссии» (в нашем случае — притока доллара из-за границы), которая тоже была незначительной. Тот же самый доллар в то же самое время в США был обычной инфлирующей валютой (к 1996-му история «укрдоллара» закончилась). Другой классический пример — это «наличные» и «безналичные» деньги во времена СССР (да и сейчас), когда эмисиия проводилась в безналичных деньгах (и у всех они были), а потребление осуществлялось, в основном, в наличных (которых ни у кого не было). Экономически доллар в США и доллар в Украине в начале 90-х и наличный и безналичный советский и постсоветский рубль — это четыре разных валюты.

Деньги и цены

Если вы меняете бревна на соль, портной меняет рубашки на соль, а булочник меняет на соль хлеб, то в вашем сообществе появляется «цена», то есть, меновая стоимость товара, выраженная в единицах друго-

го товара — денег. Собственно, появление цены — это первое и главное следствие использования денег.

В понимании цены, как явления, самое важное, пожалуй, это понимание того, что цена — относительна. Если я скажу, что буханка хлеба стоит 100 гривен, то эта информация ничего не будет означать без знания того, сколько стоят другие товары. Пока я пишу эти строки, 100 гривен за буханку хлеба кажется «дорого» потому, что я знаю цены на другие товары. Именно это знание позволяет мне судить о «дороговизне» (разумеется, тоже относительной). Но в недалеком будущем вполне может сложиться ситуация, когда 100 гривен за буханку будет уже «нормальной» ценой. Не существует никакой сферической цены в вакууме. Цена существует только как часть некоей ценовой сетки, и это необходимо помнить.

С ценовой сеткой связано еще одно обстоятельство. Видя цены в единицах денежного товара, нужно помнить о том, что в реальности мы обмениваем одни товары на другие. Деньги являются просто посредником в этом процессе. Этот факт тоже кажется очевидным, но это только так кажется. Привычка рассуждать о социальных явлениях вне закономерностей и контекста человеческой деятельности приводит к тому, что, например, вопрос «сколько стоит золото при золотом стандарте» ставит многих в тупик. Если вы понимаете, как это все работает, вы легко ответите — мера золота стоит столько, на сколько единиц другого товара можно ее обменять.

Способность денег делать «видимой» меновую сетку обмена товарами позволяет нам выбирать направление наших усилий. Если, например, за заметку платят 300-400 гривен, и вы чувствуете себя в состоянии писать пару-тройку заметок в день, то журналистика — это ваш выбор.

Цены делают видимой и механику спроса и предложения. Если некий товар стал производиться в избытке (выросло предложение) или люди перестали им интересоваться (упал спрос), то цена на него упадет. Эта динамика означает, что юноше, обдумывающему житье, лучше заняться производством какого-нибудь другого товара. В экономике нет, пожалуй, более важного и всеобъемлющего механизма регулирования, ведь для «общества в целом» спрос и предложение — это единственно «рациональный» способ распределения имеющихся у людей редких ресурсов.

Производство денег

Производство денежного товара — такая же деятельность, как и любая другая, и она требует издержек. «Редкость» является одной из причин того, что некий товар здесь и сейчас становится деньгами. В практическом смысле это обычно означает, что издержки производства денег весьма высоки. Опять-таки, одной из причин того, что товар перестанет выполнять денежную функцию, являются изменения в производительности труда (технологии и т.п.), позво-

ляющие производить деньги в больших количествах. Например, оказалось, что железо не подходит на роль денег, так как его запасы довольно велики, и при определенном уровне технологий его можно произвести довольно много.

Значение имеет не количество денег само по себе, а скорость, с которой может быть увеличено их предложение. Когда предложение денег меняется быстро, происходит искажение ценовой сетки, причем вызванное не изменением спроса и предложения, а денежными причинами. Это приводит к хаосу, и, если это продолжается долго, рынок начинает искать другой товар на роль денег.

Даже современные правительства, которые производят деньги с издержками, равными нулю, тем не менее, стараются держать себя в руках и не переходить некую (на самом деле никому не известную) черту, которая приводит к «гиперинфляции», то есть, к состоянию, когда публика даже в условиях приказных денег, ищет другие средства обмена и отказывается от «национальной валюты».

Денежный товар и денежные единицы

Одно из основных удобств денег — денежный расчет. Он ведется в абстрактных денежных единицах, а не в единицах денежного товара. Если у вас деньгами являются овцы, торговец может заключить сделку, не имея ни малейшего понятия, о каких именно овцах

идет речь и откуда они вообще возьмутся. Однородность денежного товара (мотыги более однородны, чем овцы, золото более однородно, чем мотыги, а биткоин более однороден, чем золото) является важным конкурентным преимуществом одних денег перед другими именно потому, что приближает единицы денежного товара к абстрактным денежным единицам, в которых ведется расчет. Вам не нужно тратить отдельные усилия для того, чтобы убедиться в том, что овцы, на которые вы меняете товар, живы, молоды, веселы, здоровы и достаточно упитанны.

Однако, здесь есть одно гигантское «но». Бывшие расписки на золото, которые мы сегодня используем в качестве денег, так же однородны, как биткоин, (большинство их существует просто в виде «записей в банковских книгах»). Они максимально абстрактны и удобны для денежного расчета. Однако, они являются причиной огромных и ненужных жертв, которые приносим мы все. Почему? Почему за денежной единицей должен быть денежный товар или говоря экономически, почему производство денежной единицы должно быть обусловлено таким же выбором из имеющихся альтернатив и такой же оценкой прибылей и издержек, как и любого другого товара? Потому что только так можно решить вопрос «сколько должно быть денежных единиц» и «как быстро должно меняться их количество». Не существует другого способа узнать, кроме того, которое уже реализовано человеческой практикой — отдать это решение «рынку», то есть, сделать

его зависимым от практики множества людей, использующих денежный товар в качестве денежной единицы. Когда товар перестанет подходить на роль денег, то рынок поменяет его на другой, и произойдет это постепенно и с минимальными издержками.

Кстати, майнинг — огромное прнимущество биткоина. Оно «привязывает» его к реальной экономике и человеческой деятельности.

История денег

Здесь мы поговорим о том, как возникли современные фиатные деньги. Фиатные деньги производятся государством, являются обязательным на его территории «средством платежа», то есть, государство владеет денежной монополией. Это приводит к множеству негативных последствий, которые мы тоже рассмотрим.

Предпосылки. Собственные названия денежных единиц

Итак, мы меняем обычный товар на денежный товар. Что происходит при этом? Определенное количество товара меняется на определенное количество денежного товара. В случае с денежными металлами, его количество определяется весом.

Для удобства обмена металлы начали выпускать в монетах, главным качеством которых был строго опре-

деленный вес, что подтверждалось клеймом на монете. Здесь случился первый важный шаг в нашей истории — монеты получили имена собственные. Для удобства. Такой-то вес металла начал называться одним словом, а другой — другим. Здесь на сцене появляются драхмы, динарии, сестерции, фунты, франки, гривны и прочее. Затем проявляется следующий эффект — денежный расчет люди начинают вести не в весе металла, а в названиях монет, то есть, в денежных единицах. Поскольку денежный расчет ведется в денежных единицах (динарах, тугриках, долларах), это позволяет государству «портить монету» (производить инфляцию денежных единиц), уменьшая в ней вес металла при сохранении того же названия (Справедливости ради отметим, что меры веса в те времена тоже отличались большим разнообразием, поэтому «имя собственное» некого веса было значительным удобством).

Предпосылки. Банковские расписки

Однако, пока обмен производится с помощью монет, порчу монеты можно обнаружить взвешиванием. Монеты разных государств и частной чеканки обмениваются друг на друга по весу, поскольку деньгами является не некий «тугрик», а мера драгоценнфаого металла. Для потребителей все усложняется с появлением банковских расписок на предъявителя. Эти расписки выдаются банком на положенные в него монеты и слитки. Со временем, эти расписки начинают обращаться наравне с деньгами. Однако, что на них на-

писано? «Выдать предъявителю сего столько-то фунтов стерлингов» Или франков. Или долларов. То есть, опять-таки, не веса денежного металла, а денежных единиц. Затем на расписках просто стали писать «5 фунтов» или «20 долларов». Так появились банкноты. Поскольку обращение расписок удобнее, чем монет, люди со временем стали именно их считать деньгами.

Предпосылки. Частичное резервирование

Существует два основных вида сделок, которые породили банковскую систему. Это сделки депозита и кредита. В первом случае вы даете деньги банку на хранение, во втором — даете ему кредит на некоторое время. Целью сделки в первом случае является хранение и дополнительные удобства в управлении (вы можете платить расписками, поручать банку осуществлять платежи, «снимать» деньги со своего счета в разных местах и т.д.), целью второй сделки является получение дохода. Банк в этом случае является заемщиком, его роль состоит в финасовом посредничестве, он выдает занятые у вас деньги в кредит третьим лицам. Отметим, что речь идет о сделках с заменимыми вещами, когда объектом поклажи является мера заменимых вещей (литров воды, баррелей нефти, тонн пшеницы), а не конкретные монеты, слитки или зерна.

Отметим также, что в случае кредита, доход заимодавца обычно выплачивается не по завершению сделки, а регулярно, в виде процента на переданную банку

	Сделка депозита	Сделка кредита
Цель сделки для клиента	Управление средствами, платежи и т.д.	Доход от сделки
Цель сделки для банка	Доход от обслуживания счета	Доход от сделки
Права собственности на деньги	Остаются за вкладчиком	Переходят к банку на время сделки
Доступ к средствам	Средства всегда доступны	Теряется после заключения сделки
Срок сделки	Бессрочная (до востребования)	Имеет ограниченный срок

сумму. В случае депонирования, напротив, вкладчик платит за обслуживание банку.

Понятно, что банкиры всегда испытывали соблазн выдать в кредит и деньги, данные им на хранение. Реализация этого соблазна на практике и называется «частичным резервированием». Заметим, что сам этот термин и, особенно, противоположный ему по смыслу «100%-й резерв» выглядит как некое техническое требование. На самом деле, это терминология времен, когда «частичное резервирование» уже стало банковской привилегией. «Резерв» — это эвфемизм, стыдливое название доли от средств на депозитах до востребования, которые банк не пускает на новые кредиты.

Идея состоит в том, что «вкладчики никогда не приходят за своими вкладами одновременно», поэтому, эмпирическим путем банкир может вычислить, какую примерно сумму («резерв») нужно держать в кассе для проведения операций держателей вкладов до востре-

бования (депозитов). Это позволит остальные средства выдавать в виде кредитов.

Частичное резервирование позволяет выдавать (первоначально — в виде расписок на золото — банкнот) денег в десятки раз больше, чем их имеет банк, так как банк не просто присваивает деньги вкладчиков и выдает их в кредит, помимо этого возникает эффект мультипликатора, многократно увеличивающий объем денежной массы.

Мультипликатор работает следующим образом. Для простоты возьмем случай единичного банка-монополиста, то есть, пусть в нашей стране действует только один банк. Допустим, норму резерва банк определил в 10% (в современной экономике центробанки определяют эту норму для коммерческих банков). 10%-й резерв означает, что из средств, поступающих в банк в виде вкладов до востребования, только 10% сохраняется в неприкосновенности, а остальные банк может выдать в кредит. Итак, допустим, я положил на депозит в банк 100 гривен золотом. Банк зарезервировал 10 гривен, а 90 выдал в кредит банкнотами. Поскольку банк у нас один, то эти 90 гривен тут же стали депозитом в том же банке. Этим депозитом владеет человек, который получил кредит. Из его 90 гривен банк резервирует 9 гривен, а 81 выдает в кредит, который опять становится депозитом и так далее. В пределе банк надует из моих 100 гривен 900 гривен денег, которых никогда не существовало в природе и

которые не подтверждены ничьими усилиями и полезными для других людей действиями.

Случай единичного банка-монополиста, конечно, драматичен, на самом деле, на мультипликатор действует масса факторов, например, количество банков (чем больше, тем меньше эффект мультипликации) или желание населения держать свои кредиты кэшем под подушкой (опять-таки, чем оно выше, тем меньше мультиплицирующий эффект). Нужно понимать, что фидуциарные деньги генерируются банковской системой в целом, а не отдельным банком. По мере того, как вы тратите полученные от банка деньги, ваш кредит неизбежно становится депозитами в каких-то других банках, которые тоже подвергают эти средства операции мультипликации.

Нужно также понимать, что надувание новых денег из вкладов до востребования позволяет банку выдавать больше кредитов, тем самым, снижая их цену. То есть, банк, производящий воздух, получает (благодаря частичному резервированию) конкурентные преимущества по сравнению с теми, кто этого не делает. При нормальном же состоянии дел, то есть, при полном резерве, банк мог бы снижать цену кредита, лишь привлекая больше желающих дать ему деньги «в рост». Как говорится, почувствуйте разницу.

Заканчивается этот праздник тогда, когда потребности клиентов в своих деньгах окажутся выше способности банка их удовлетворить.

Фактически, повторяется история с порчей монеты: расписок на золото в номиналах денежных единиц производится больше, чем, собственно, существует золота. Очень важно понимать вот что. В банках «деньги» существуют в виде «записей в банковских книгах». Когда банк выдает из моих 100 гривен 90 гривен кредита, он не перемещает физически мои деньги к новому заемщику банка. Он просто делает запись о том, что теперь некто, получивший кредит, является счастливым владельцем 90 гривен. Моя собственность на 100 гривен якобы остается нетронутой и появляется новая собственность — 90 гривен с новым собственником. Теоретически я могу распоряжаться своей суммой, новый собственник — своей. Поэтому и говорят, что банки «производят деньги из воздуха», это всего лишь бухгалтерские записи.

Однако, если мы оба придем в банк и потребуем выдать по распискам наше золото, банк обанкротится, поскольку расписок у него на 190 гривен, а золота только на 100. Та же механика действует в случае чисто бумажных денег. То есть, расписки работают в качестве заменителей денег исключительно до тех пор, пока публика доверяет банку, их произведшему, и не бежит массово снимать деньги с депозитов. Эти заменители денег «работают на доверии» и потому называются фидуциарными (fiducia — доверие) деньгами. Заметим на полях, что любовь банков к тайнам и всяческой секретности имеет причиной именно фидуциарность современных денег и то обстоятельство, что

все банки по определению являются банкротами, так как они не в состоянии удовлетворить требования всех клиентов. Банку со 100%-м резервом никакие слухи и никакая паника не страшны, поскольку он всегда в состоянии выполнить требования владельцев вкладов до востребования. Кстати, в истории были такие примеры, в частности, история Банка Амстердама, благополучно пережившего два массовых банк-рана, вызванных войной.

Предпосылки. Запрет ссудного процента

Христианская церковь регулярно запрещала ростовщичество (сделку кредита), которое считала грехом. Разумеется, как ни запрещай кредит, он все равно будет существовать, поскольку заложен в самой природе человеческой деятельности. Однако, форма кредита имеет значение. Банки и их клиенты вскоре нашли способ «законно» обходить запрет церкви. Клиент давал деньги банку в кредит, но оформлял сделку, как сделку хранения — депозит. В некоторый момент клиент якобы приходил за своими деньгами, которых якобы не обнаруживалось у банкира. Банкир якобы платил за это клиенту штраф, предусмотренный договором депозита, а на самом деле — процент по кредиту. Так повторялось весь срок сделки ко всеобщему удовольствию.

Забавно, что церковь давно не запрещает ссудный процент (а если и запрещает, то никто больше не об-

ращает на это внимания), но вот хитромудрая процедура, возникшая в это время, регулярно воспроизводится. Почему? Этот маневр, по сути, делает, законным факт присвоения банками части вкладов для выдачи их в кредит третьим лицам. Такой юридический финт позволил смешать между собой совершенно разные с правовой и экономической точки зрения сделки — депозит и кредит.

Предпосылки. Путаница между кредитами и депозитами

Таким образом, к моменту, когда услуги банков стали нормой для широкой публики, а вызванные частичным резервированием регулярные кризисы начали ее всерьез беспокоить, суть практики частичного резерва была довольно надежно скрыта и, прежде всего, за счет путаницы между сделками кредита и депозита, возникшей во времена запрета ссудного процента.

В дальнейшем путаница только усугублялась. Заметьте, что теперь банки платят проценты (!) по депозитам, а ваши кредиты банку называются почему-то «срочными вкладами». Конечно, зная экономические и правовые закономерности легко можно указать на разницу в этих сделках, но широкая публика с этими закономерностями обычно не знакома. Неразличение сделок депозита и кредита является одной из главных причин заблуждений широкой общественности по поводу современной финансовой системы.

Появление государственных банков

И здесь, наконец-то в нашей истории появляется государственный банк. Как мы говорили, государство постоянно расширяется, его аппетиты растут. Источники его дохода — налоги и прочие поборы плюс займы у банков и граждан. Рано или поздно кому-то должна была прийти в голову светлая мысль о том, что нужно создать свой собственный государственный банк и получать доход еще и от его деятельности.

Однако, заметьте принципиально важное обстоятельство. Государственный банк никогда бы не возник при 100% резервировании. В таком банке нет никакого смысла. Смысл есть только тогда, когда есть возможность заниматься порчей монеты (инфляцией), производя деньги из воздуха посредством банковского мультипликатора. Это возможно только при частичном резервировании. В принципе, именно частичное резервирование и есть корень всех проблем, о которых идет речь в этих заметках.

Банк, который не может обанкротиться

Банк Англии, который был первым успешным проектом государственного банка (хотя сам по себе он является частным) несколько раз пытался обанкротиться. Правительственные аппетиты всегда столь высоки, что не помогает даже частичное резервирование и дело доходит до банкротства. Однако, британское правительство каждый раз спасало свой будущий центро-

банк. Вскоре, всем прочим банкам стало ясно, что центробанк не может обанкротиться по определению. Это имело очень серьезные последствия, одним из которых стало то, что банки начали хранить свои резервы в центральном банке.

Законное средство платежа

Тут уже недалеко было до следующего шага. Практически до ликвидации золотого стандарта в реальности не существовало «национальных валют». Конечно, были фунты и доллары, и всякого рода историки и философы активно внушали народу бред о том, что «национальная денежная единица» является неотъемлемой частью «национального суверенитета». Конечно, центробанки пытались регулировать денежную политику, но возможности их были сильно ограничены золотым стандартом, то есть обязанностью (со временем все более призрачной) обменивать свои бумажки на золото. Для экономики не существовало «фунтов» или «долларов». Существовала одна четвертая унции золота (фунт) и одна двадцатая унции (доллар) золота. Соответственно, обменный курс «один фунт равняется пяти долларам» отражал равенство одной четверти унции золота самой себе.

Поэтому, банкнота в 10 фунтов, эмитированая каким-нибудь частным банком в Англии формально не отличалась от банкноты, эмитированой Банком Англии, то есть центральным банком, поскольку и та и

другая, особенно после принятия закона Пиля, должна была обмениваться на золото. Однако, на практике было понятно, что стоимость банкноты зависит от способности банка обменять ее на золото. Несколько судебных решений в Великобритании обязали принимать банкноты Банка Англии в уплату долга. Позднее подобные решения были приняты в США. Так не просто «фунт стерлингов», а фунт стерлингов, эмитированый с позволения Банка Англии, стал единственным законным средством платежа.

Появление «национальной валюты» и центральных банков

Таким образом, к концу 19 века сложились основы современной финансовой системы. Практика частичного резерва из нелегальной в Средние века и Новое время превратилась во вполне легальную. Государственные банки, в которых обычные банки начали хранить свои резервы, получили привилегии «законного средства платежа» и таким образом, фактически, начали управлять эмиссией фидуциарных денег, что и превратило их в центральные банки в современном смысле слова (ФРС, возникшая позже других государственных банков, сразу создавалась как центральный банк). Расписки на золото (банкноты) превратились в «национальную валюту» и зажили отдельной от золота жизнью. Величайшим достижением на этом пути была формула «золотого содержания» денежной единицы. Смотрите, какая великолепная подмена — отныне не

одна тридцать пятая унции золота называется долларом, а доллар «содержит в себе» одну тридцать пятую унции золота! С таким подходом идея о том, что государство может менять «золотое содержание денежной единицы» кажется естественной и логичной. Во времена классического золотого стандарта фунтом называлось четверть унции золота, а долларом — одна двадцатая. Однако, с точки зрения обывателя «фунт обменивается на пять долларов». Это создавало иллюзию «независимости» национальных валют, которые каким-то образом обмениваются одна на другую.

Предпосылки. Отсутствие теории

Среди обстоятельств, позволивших государству присвоить денежную систему общества, не будем забывать об отсутствии адекватной теории денег. Экономика — относительно молодая наука. Когда хозяйственная деятельность человека стала предметом специального научного интереса, уже существовала обширная хозяйственная и финансовая практика. В частности, в нашей теме — полулегальная практика частичного резервирования и первые центральные банки. Все это выглядело само собой разумеющимся, и потребовалось достаточно много времени, чтобы выяснить, что без этого можно было бы и обойтись. Тем не менее, забота об общем благе вынуждала лучших сынов разных отечеств навести порядок в финансовой системе. В частности, привязать государственные банкноты к золоту (мысль сама по себе весьма здравая).

Роберт Пиль был автором закона о Банке Англии, который привязывал выпуск государственных банкнот к золотому резерву государственного банка. Правда, теория того времени (1844) считала деньгами только наличность — банкноты. Позже оказалось, что депозиты тоже нужно считать. Особенно это очевидно сегодня, когда 80% всех денег — это просто записи в банковских книгах. В общем, из затеи Пиля ничего не вышло — вроде как и золотой стандарт, а все равно — инфляция и кризисы.

Адекватная теория денег появилась только в первой половине 20-го века, когда присвоение денежной системы государством уже подходило к концу.

Появление монополии на деньги

Фридрих фон Хайек когда-то весьма точно определил проблему центральных банков. Дело в том, писал Хайек, что они выполняют две противоречивые задачи — «снабжение населения деньгами» и «обслуживание нужд правительства». Мы видели, что центробанки первоначально возникли для «обслуживания нужд правительства». «Снабжением населения деньгами» занималась горная промышленность. Правительство не могло контролировать количество денег и скорость их эмиссии, хотя, конечно, очень бы этого хотело. Однако, появление законного средства платежа и факт невозможности банкротства центрального банка привел к монополии государства на деньги. «Нужды пра-

вительства» были удовлетворены за счет монополизации «снабжения населения деньгами». Банки хранили свои резервы в центральном банке, а банковская система в целом эмитировала государственную денежную единицу. Вполне закономерно, что вскоре центробанк получил возможность через управление резервами коммерческих банков регулировать количество фидуциарных денег в обращении. Так центральные банки совместили в себе две противоречащие друг другу функции «снабжать население деньгами» и «обслуживать нужды правительства». С этого момента появились так называемые фиатные или «приказные» деньги, которыми государство обязывает нас пользоваться сейчас.

Убийство золотого стандарта

Однако, оставалось последнее препятствие в виде «привязки» бумажных денег (теперь это стало так называться) к золоту. Весь двадцатый век золотой стандарт хромал на обе ноги. Фактически он был уничтожен в 30-е годы Рузвельтом и добит Никсоном в 1971. Отныне «условная единица», — простое название без реального содержания, — о которой мы говорили в начале этой заметки, стало в приказном порядке навязываться людям в качестве денег. Сбылась мечта всех правителей, начиная с римских императоров — государства вступили в эру неограниченной эмисии.

Для тех, кто читает об этом впервые, приведу очень краткую хронологию ликвидации золотого стандарта.

Итак, правительства даровали центральным банкам монополию на выпуск банкнот, то есть тех самых складских расписок на выдачу золота. Это привело к тому, что частные банки, которые, собственно, и выдавали эти расписки, начали хранить свои резервы в центральном банке. Золото постепенно оказалось в подвалах центробанков. Все эти процедуры были узаконены и даже предписаны банкам, которые с радостью воспользовались ими, так как центробанк был (и всячески это подчеркивал) «банком для банков». Он снабжал их ликвидностью, когда у них возникали неизбежные при частичном резервировании проблемы. Одновременно началась практика «приостановки золотого стандарта».

Наиболее серьезным ударом был выход Британии из золотого стандарта во время Первой мировой войны. Но еще хуже оказались попытки британских властей ревальвировать сильно похудевший за время войны фунт, не отказываясь, при этом, от инфляционной политики. Эта удивительная деятельность привела к появлению первого паллиатива золотого стандарта — «золотодивизному» стандарту, принятому на Генуэзской конференции 1922 года. Он означал, что классический золотой стандарт сохраняется в США. Британия гасит фунты только золотыми слитками (пригодными, очевидно, для очень крупных сделок) и долларами, остальные валюты гасятся фунтами. Это было на-

чалом славного пути, подобная система несколько раз изменялась, и золота в ней оставалось все меньше.

Решительным ударом по золотому стандарту стало право американского президента «менять золотое содержание доллара», которое Рузвельт выбил у Конгресса в 1933 году. Более того, американцам запретили иметь золото в собственности (кроме украшений), фактически, оно было конфисковано. Когда Рузвельт воспользовался своим правом, он породил вторую волну Великой депрессии, но это уже другая история. Наша же подходит к концу. После неминуемого краха «золотодевизного» стандарта в 1931 году, мир оказался в хаосе конкурирующих девальваций, валютных блоков и т.п.

Наиболее известной такой системой была Бреттон-Вудская система, в основании которой был доллар, который стоил одну тридцать пятую унции золота. На золото доллары могли меняться только по требованию Центробанков стран — участников системы. Бреттон-Вудс во многом появился потому, что после войны золотой запас США был очень велик — около 25 миллиардов долларов. Поэтому пирамида казалась вполне работоспособной. Бреттон-Вудская система позволила правительствам США после войны проводить активную инфляционистскую политику. Истинная стоимость доллара падала, от этого страдали европейцы и Япония, которые стремились проводить более жесткую финансовую политику. Эти страны были вынужде-

ны хранить свои резервы в долларах, количество которых все время увеличивалось из-за политики США.

Центробанки этих стран постоянно предъявляли требования на погашение долларов. В результате, к 60-м годам от 20-ти миллиардов золотого запаса осталось только 9. Однако, долларов было все равно больше. К концу 60-х только в Европе было 80 миллиардов долларов (известных как «евродоллары»). Это заставляло держателей долларов продавать их на рынке золота. Чтобы поддерживать цену в 35 долларов за унцию (эта цена была основой всей системы), США были вынуждены постоянно вбрасывать золото на рынок. В конце концов, в результате сильного политического давления, США вынудили Центробанки других стран отказаться от покупки золота на свободном рынке и «зафиксировать» его цену на уровне 35 долларов за унцию в расчетах между Центробанками.

Это решение лишь продлило агонию Бреттон-Вудской системы. Центробанки европейских стран пригрозили предъявить требования на погашение долларов. В ответ президент Никсон объявил, что отныне доллары не будут обмениваться на золото. В 1971 году доллар стал окончательно бумажным.

Интересно, что сторонники бумажных денег — от кейнсианцев до монетаристов, предсказывали, что если свободный рынок золота будет «отвязан» от доллара (по их мнению, именно золотое обеспечение доллара «поддерживало» цену золота), то цена золота упа-

дет. Однако, цена золота на свободном рынке никогда не падала ниже 35 долларов, а в 1973 году составляла уже 125 долларов за унцию, что по мнению монетаристов было теоретически невозможно.

В дальнейшем, все попытки регулировать «обменные курсы» сводились к двум вариантам: либо «свободная конкуренция» девальваций, либо фиксированные обменные курсы.

Теперь рассмотрим тот вред, который наносит нам центральный банк и государственная монополия на деньги.

Причина инфляции. Фальшивомонетничество

Фальшивомонетничество — классический пример присвоения прибыли и национализации издержек. Фальшивомонетчик не вносит никакого вклада в процесс создания богатства, он выдает за деньги некие предметы, создание которых обходится ему значительно дешевле тех усилий, которые бы он потратил для того, чтобы заработать их на открытом рынке. Поскольку теми же деньгами пользуется множество людей, издержки ложатся на них до тех пор, пока они принимают фальшивые деньги за настоящие.

Государство поступает точно так же. Оно производит денежные единицы, которые не были заработаны (то есть, не было произведено никакого продукта, на

которые они были обменены) и не были добыты, как золото, серебро или биткоины.

Государство поступает так потому, что оно всегда расширяет свою власть. Это расширение происходит множеством способов, но большинство из них требует денег. Ведение войн, финансирование «социальных программ» требует средств, которых у государства обычно нет. Налоги имеют свой предел, кроме того, их рост не встречает одобрения широких масс. Производство денежных единиц из воздуха — хорошее решение, известное с глубокой древности.

Именно возможности фальшивомонетничества, начиная от порчи монеты в древности и средние века и заканчивая изощренными операциями центробанков в наше время, являются причиной, приведшей к появлению современной финансовой системы. Легализация частичного резервирования, бумажные деньги, центральные банки, все это — шаги на пути получения денежной монополии. Монополия, причем, принудительная монополия, является здесь главной целью, поскольку только она позволяет в полной мере использовать фальшивомонетничество. Представьте себе, что монополии нет и правительство — это просто один из агентов, проводящий эмиссию собственной денежной единицы, а паралелльно обращаются деньги других производителей. В такой ситуации рынок быстро отреагирует на попытку необеспеченной эмиссии и люди откажутся от денег правительства. Только монополия, обязывающая жителей некой территории при-

нимать государственные деньги, делает замысел государственного фальшивомонетничества наиболее плодотворным.

Понятно, что реализация этой политики может быть разной — от удалого Зимбабве до осторожного (в прошлом) Бундесбанка. Однако, все государства «делают это». Издержки от такого финансирования, как и в случае налогов, несут подданные государства, но в общем случае, когда дело не доходит до гиперинфляции, широкая публика не способна распознать причины и следствия. Более того, назвав инфляцией рост цен, а не рост денежной массы, государство канализировало недовольство людей против «буржуев», «торговцев» и прочих своих «естественных врагов».

Деньги «фальшивые» и «настоящие»

Здесь возникает интересный момент — что именно и когда можно считать «фальшивыми», а что «настоящими» деньгами с экономической точки зрения? В случае золота и расписок на него, по крайней мере, можно отличить одно от другого. Разница между весом золота на который выданы расписки, и весом золота, имеющимся в наличии, укажет нам на количество фальшивых денег. В случае неразменных бумажных денег все становится значительно труднее.

Чтобы лучше разобраться с этим, давайте представим мир, в котором все товары одинаково легко обмениваются друг на друга. Можно сказать, что в этом

мире каждый товар является деньгами, то есть, для каждого из них существует ценовая сетка, отражающая меновые соотношения в единицах этого товара. В нашем мире товары с разной легкостью обмениваются друг на друга, поэтому у нас роль денежного товара выполняют один-два товара для данной экономики в данное время. Но суть происходящего от этого не меняется, денежный товар является частью экономики, его производство имеет свои издержки и доступно тем, кто способен получить от него прибыль. Производство золота включает в себя разведку, организацию инфраструктуры, шахтное оборудование, зарплату шахтеров, то есть, оно существует не в вакууме, а является частью экономики, и если кто-то им занялся, то это означает, что для данного субъекта оно является более привлекательным, чем другие существующие альтернативы. Ключевыми здесь являются слова «другие альтернативы».

То есть, для данной экономики «настоящими» деньгами являются деньги, существующие и производящиеся (в случае товарных денег) в данной системе. Любые денежные единицы, не отвечающие этим требованиям, являются «фальшивыми».

Интересной для нашей темы является эпоха, когда золото и серебро из нового света хлынуло в старый. С точки зрения экономики, эти деньги были «фальшивыми», хотя золото и серебро сами по себе были довольно-таки настоящими. «Фальшивость» состояла в том, что они были попросту украдены, то есть, их появ-

ление в системе не было связано со свойствами самой системы, а именно с рентабельностью золотодобычи и т.д. И последствия попадания этих денег были такими же, как и в случае эмиссии необеспеченных бумажных денег — инфляция (небольшая, — 5%, но, видимо, шокирующая для тех времен) и появление «пузырей» вроде тюльпаномании в Голландии.

И, конечно, тот факт, что производство денежного товара «встроено» в экономическую систему, не гарантирует от возможности инфляционных эффектов. Вспомним, что открытие и разработка значительных запасов золота в Австралии и США тоже привели к кратковременной инфляции. «Встроенность» производства денег в экономику гарантирует то, что такие явления не могут быть долговременными, поскольку в этом случае денежные функции перейдут к другому товару.

И последний, несколько парадоксальный момент, который хорошо иллюстрирует проблемы, связанные с пониманием абстрактной природы денег. Может ли быть такое, что «фальшивые» деньги превратятся в «настоящие»? Сколько угодно. После того, как эмиссия прекращается, новые деньги (которые в это время действуют как «фальшивые», то есть, разрушительно) через некоторое время будут адаптированы системой и станут «настоящими». Это легко понять, если помнить о ценовой сетке и о том, что она отражает ценовые изменения, вызванные спросом и предложением. Как только воздействие новых денег на этот процесс

прекратится (то есть, спрос и предложение будут определяться изменением реальных факторов, а не изменениями денежной массы) их можно считать «настоящими».

Собственно, инфляция составляет большую проблему по трем причинами: а) процесс адаптации к фальшивым деньгам каждый раз отбрасывает экономку назад, поскольку вносит ошибки в распределение ресурсов; б) государство никогда не проводит «разовую» инфляцию, инфляция осуществляется постоянно банковской системой с частичным резервированием; в) государство не способно отказаться от инфляционной политики.

Важное заблуждение

Обычно инфляция проводится, так сказать, явочным порядком, она существует практически всегда, никто не обращает на нее внимания и никто о ней особо не рассуждает, кроме узких специалистов. Но бывают ситуации, когда, в силу разных причин, широкая общественность уделяет ей внимание. Хуже того, бывает и так, что «отмазка» в виде «цены растут потому, что это торговцы виноваты» не срабатывает, и дело доходит до обсуждения денежной политики государств. Кстати, это случается все чаще. Так вот, в этих ситуациях дискуссия строится обычно вокруг вопроса «а не слишком ли много денег мы напечатали»? Здесь есть два умолчания: во-первых, предполагается,

что кому-то может быть известно о том, сколько денег нужно (кому) напечатать, во-вторых, предполагается, что деньги, сколько бы их не печаталось, поступают в экономику равномерно, то есть, их производят исключительно для нужд «экономики в целом».

Скажем, если в бассейн с водой добавить еще некоторое количество воды, то ее уровень поднимется на некую величину. Эта величина всегда будет одной и той же, если вы добавляете один и тот же объем воды в один и тот же бассейн. Примерно такую логику вы увидите в рассуждениях экономического мейнстрима, если вам удастся прорваться сквозь его терминологическую и псевдоматематическую оборону.

Однако, если бы представители мейнстрима вроде Кругмана или Бернанке были бы последовательны, им следовало бы разрешить печатать доллары всем подряд, а не только банкам ФРС. Если весь вопрос, как они говорят, в «количественном смягчении», а не в том, кто первым получит новые деньги, то тогда фальшивомонетничество вообще не есть проблема и не есть преступление. Если можешь печатать бумажки нужного качества — получи лицензию и печатай, в чем вопрос? Если Бен Бернанке верит в то, что знает, сколько бумажек нужно, чтобы смягчение таки наступило — тоже нет проблемы, можно организовать отчетность. В конце концов, можно было бы просто «раздать деньги людям». В век электронных платежей это нетрудно. То, что кейнсианцы денег не раздают и не ратуют за домашний фри-банкинг говорит о том, что дело, видимо,

все таки не столько в количественном смягчении, а в том, кто первым получит новые деньги.

Государство никогда бы не занималось инфляцией, если бы ее воздействие ограничивалось «ростом уровня цен». Инфляция не есть воздействие на какие-то «уровни», что каким-то волшебным образом якобы стимулирует экономику, новые деньги всегда «заходят в систему» в совершенно конкретных точках, а не распыляются тонким слоем по всей экономике сразу. «Распыление тонким слоем», вообще говоря, очевидно бессмысленное занятие. Именно возможность создавать деньги из воздуха в нужных правительству местах и есть причина инфляции.

Механика инфляции

Фальшивые деньги «заходят» в экономическую систему в некой точке и начинают постепенно распространяться оттуда по всей системе. Этот процесс можно представить в виде цепочки, в которой первый участник, который принес в систему фальшивые деньги, получает максимальный доход (он, фактически, присваивает товары и услуги, приобретенные на них), а последний (последним считается здесь тот, кто получит эти деньги, когда система уже «отработала» изменение денежной массы) оказывается в ситуации изменившихся (как правило, выросших) цен и структуры экономики, фактически, он в наибольшей степени оплачивает удовольствие персонажа, находящегося в

начале цепочки. То, есть, инфляция является перераспределением благ от последних в денежной цепочке к первым.

Категорически не понимают одну вещь — увеличение количества денег не означает увеличения благ, существующих в обществе. А ведь только блага и их доступность, а не деньги, имеют значение для людей. Мой опыт общения привел меня к выводу, что механика, «чем больше денег, тем выше цены», достаточно понятна, а вот тот факт, что инфляция является способом перераспределения, понимается с трудом. Люди считают, что при инфляции «перераспределяются» некие новые блага. «Да, возможно, некоторые получают от этого больше, ну да Бог с ними, нам тоже достается». Примерно так выглядит распространенная точка зрения на этот счет. Однако, она неверна. Инфляция перераспределяет то, что уже существует. Она забирает блага у одних и отдает их другим. На полях замечу, что сторонниками инфляции являются обычно разнообразные леваки. Забавно, что инфляция является грабежом, как правило, именно «бедных слоев населения», о которых они так пекутся. Первыми новые фальшивые деньги обычно получают банкиры и приближенные к власти «предприниматели» (олигархи), а ограбленными оказываются «бюджетники» и прочие пенсионеры, обычно попадающие в конец инфляционной цепочки.

Последствия инфляции и почему ее воздействие трудно идентифицируется

Теперь давайте опять вспомним о ценовой сетке. Вспомним о том, что цены в ней меняются из-за изменения спроса и предложения. В свою очередь, сами спрос и предложение отражают огромное количество причин — падение или рост потребности в неком товаре, уменьшение его запасов, технологические усовершенствования и так далее. То есть, все эти цены и их изменениями отражают реальные товары и услуги, деятельность по их производству и обмену, «научно-технический прогресс» и так далее и тому подобное. Что происходит, когда в эту систему попадают фальшивые деньги? Как мы только что выяснили, деньги никогда не попадают в «систему в целом», они всегда «заходят» в некой конкретной точке и обмениваются в ней на реальные товары и услуги. В общем случае это выглядит, как повышение спроса на товары, купленные за эти деньги. При прочих равных условиях, это вызывает рост цены на этот товар.

Вспомним, что цена до появления фальшивых денег, отражала определенное размещение ресурсов, труда, капитала в экономике. Изменение этой цены без фальшивых денег произошло бы тогда, когда произошли бы изменения в этих реальных экономических факторах. Допустим, при том же спросе, сократился запас некоего товара, это вызвало бы рост его цены. Изменение цены стало бы сигналом для других про-

изводителей к тому, что теперь выгодно производить этот товар. Эти производители переключили бы имеющиеся у них ресурсы на его производство, запас бы вырос, цена бы упала, все были бы довольны, общество стало богаче.

В нашем случае ничего такого не было, просто в систему добавились фальшивые деньги. Однако экономические субъекты не в состоянии отличать сигналы реальной экономики от сигналов, вызванных фальшивыми деньгами: и те, и другие выражаются в изменениях цен, поэтому они действуют так, как действовали бы в случае реальных изменений. В итоге, предельные производители пытаются производить товар, спрос на который не вырос и запасы которого не сократились.

Кейнсианцы забывают о том, что ресурсы, которыми здесь и сейчас располагает экономическая система, всегда ограничены. Именно поэтому и существуют цены. Ценовая сетка показывает, как распределены сейчас ресурсы, а изменения цен — куда должны быть направлены усилия, дабы «система в целом» производила более ценные продукты. Добавление фальшивых денег в систему приведет только к перераспределению ресурсов, причем, к перераспределению ошибочному. Показать, что происходит, можно через потребление. В нормальной экономике, где нет центробанка с его бумажками, мое потребление регулируют другие люди. Чтобы его увеличить, я должен увеличить ценность того, что я сам произвожу для них. В результате моих усилий наше совокупное богатство увеличивается. В

случае денежной эмиссии богатство не увеличивается, а просто перемещается.

Вред инфляции в том, что она постоянно искажает естественную настройку экономики, вносит в нее хаос, порождает ошибки. Экономика создает сотни миллиардов, если не триллионов связей, причем большинство этих связей даже не известны тем, кто в них участвует. Самый обычный товар является результатом длиннейшей цепочки сотрудничества связанных между собой производителей. Этим людям даже не нужно знать о существовании друг друга, для того, чтобы сотрудничать, поскольку существует обмен и обмен через товар-посредник, то есть деньги. Инфляция означает дезориентацию людей, бессмысленное уничтожение ресурсов. Искажая меновые отношения, причем, таким образом, который невозможно отследить, инфляция делает возможным, например, существование предприятий, которые в иных условиях никогда не появились бы. Прибыль этих предприятий «обеспечивает» инфляция. Они никому не приносят пользы, но потребляют ресурсы, то есть, отбирают их у тех, кто мог бы использовать их лучше.

Тот пластмассовый мир ненужных вещей, в котором мы живем, гонка «новых моделей» товаров, ничем не отличающихся от старых, господство серости и убожества во всех сферах нашей жизни, имеет в своей основе простые финансовые причины. «Искажая отчетность и создавая мнимую прибыль, инфляция не дает рынку наказывать неэффективные бизнесы и вознаграждать

эффективные. Господство «рынка продавца» приводит к ухудшению качества товаров и услуг, ведь потребителю гораздо легче свыкнуться со скрытым повышением цен, когда цена вроде бы остается старой, а снижается «только» качество» — пишет Мюррей Ротбард.

Как мы уже сказали ранее, инфляция, при том, что она всегда оказывает вредное воздействие на экономику, бывает трудно распознаваема. Поскольку «заливание» денег — это последовательный процесс и деньги движутся от одного субъекта к другому, то картина, которая получается в результате, зависит от предпочтений тех людей, к которым попадают новые деньги, от того, где и как они их используют. Если вы, скажем, занимаетесь импортом в крупном масштабе, то вам, скорее всего, придется учитывать котировки валют и инфляцию, если же вы покупаете квартиру за кэш, то, скорее всего вы смело пошлете куда подальше вашего контрагента, если он начнет рассуждать о «поправке на инфляцию». Казалось бы, одни и те же деньги, а такое разное поведение…

В общем, если бы было возможно два раза «залить» в одну и ту же экономику одну и ту же сумму, то мы получили бы две совершенно разные картины цен и совершенно разные картины последствий для конкретных участников процесса.

«Изменения в структуре цен, вызванные изменениями в предложении денег в экономической системе, никогда не оказывают влияния на цены товаров и

услуг в одинаковой степени в одно и то же время. Главная ошибка старой количественной теории денег, как и уравнения обмена математической экономической теории, заключалась в том, что они игнорировали эту фундаментальную проблему. Изменение предложения денег должно вызывать и изменение остальных переменных» — пишет Людвиг фон Мизес.

Задумайтесь над тем, что если бы «индексы инфляции», которые как раз и получают из роста «уровня средних цен», действительно обозначали бы что-то полезное, то инфляции бы просто не было, так как все умножали бы свои цены на эти индексы. То есть, на самом деле, мы не знаем, когда и где воздействует на нас рост денежной массы, а это означает, что мы не можем от него защититься, и что он искажает нашу деятельность, хотим мы этого или нет. Инфляция даже не всегда проявляется в росте цен. Например, перед Великой депрессией не наблюдалось роста «уровня цен», но был быстрый рост денежной массы, организованный ФРС. Эта инфляция не вылилась в рост цен, поскольку одновременно наблюдался быстрый рост производства.

Регулярные экономические кризисы

Традиционным способом инфляции является производство фидуциарных средств обращения («фальшивых денег») банками с частичным резервированием (см главку «частичное резервирование»). Хотя такие

кризисы известны с 14 века, наибольшее распространение и силу они получили, начиная с 19 века. То, что кризисы получили регулярный характер (»торговые циклы»), связано с особенностями их «запуска» и протекания. Начинаются они с кредитной экспансии, когда сокращая норму резервирования, банки выдают в кредит все больше средств со счетов до востребования, тем самым, создавая фидуциарную денежную массу. Это удешевляет кредит и вынуждает другие банки следовать примеру банка-экспансиониста, иначе они не смогут привлечь новых заемщиков. Это обстоятельство создает своего рода вал дешевых кредитов, который и называется кредитной экспансией.

Снижение ставки процента (если говорить о ее испостаси в виде ссудного процента) в экономике возможно при росте сбережений, то есть, тогда, когда увеличится количество людей, желающих дать деньги банку в кредит (сделать «срочный вклад»). В нормальной ситуации это бывает признаком роста богатства и сбережений (то есть, увеличения количества штанов и сапог, либо снижения денежного спроса на них). Однако, в нашем случае, удешевление кредитов является следствием роста денежной массы. Поскольку штанов и сапог от роста денежной массы больше не становится, то расширению производства, которое начинается в условиях искусственно заниженных процентных ставок, просто не на что опереться, нет ресурсов. Рынок воспринимает снижение ставки, как признак изобилия (а по-другому он не может воспринимать), но на

самом деле, выросла только денежная масса. Предприниматели делают ошибки в размещении усилий и ресурсов. Затем начинается рост цен, беготня за новыми кредитами, которые вдруг начинают расти в цене и т.д. и т.п. В общем, через некоторое время все эти начинания лопаются.

Конечно, механика кризисов довольно сложна, она подробно описана и изучена «австрийской школой» (наш кризис 2008-го совпал буквально по всем пунктам с «австрийским» описанием стадий кризиса), однако важно, что подавляющее большинство кризисов (кроме тех, что вызваны войнами или природными катастрофами) имеет одну и ту же природу — кредитную экспансию фидуциарных средств.

В 19-м веке кризисы были короткими, (золото останавливало кредитную экспансию), и ущерб от них получали те, кто больше рисковал. Затем центральные банки взяли под контроль управление банковскими резервами, то есть, эмиссию фидуциарных денег. Это не только не помогло, но сделало все значительно хуже. Кризисы никуда не исчезли, они стали куда более разорительными и продолжительными.

Борьба с кризисами

Лекарства часто бывают хуже болезни. Лечение кризиса состоит в том, чтобы предприниматели устранили ошибки, сделанные ими во время бума, опираясь на реальные ресурсы. Вмешательство в этот процесс

никак не может помочь в преодолении кризиса. Тем не менее, государства и центробанки постоянно занимаются этим. Классический пример — все та же Великая депрессия, когда Рузвельт умудрился растянуть кризис на 12 лет и фактически, устроил два кризиса вместо одного. Похоже, что нынешний кризис будет вторым таким классическим примером.

Гиперинфляция

Иногда инфляция превращается в гиперинфляцию, то есть денежная масса растет настолько быстро, что деньги теряют свою редкость и, собственно, перестают быть деньгами, публика «бежит в реальные ценности», стремясь обменять свои деньги на что угодно, что повышает спрос и цены. В общем, это такая типичная система с положительной обратной связью, которая пошла вразнос. Что характерно, никто не знает, где пролегает граница между инфляцией и гиперинфляцией. Гиперинфляция, как правило, означает конец денежной единицы, в которой она началась.

Дефляция

Словом «дефляция» именуют несколько совершенно разных вещей. В нашем случае, когда мы говорим о «вредной» дефляции, речь идет о резком сокращении денежной массы на этапе перехода от бума к кризису. В самом простом случае, изъятие первичного вклада приводит к тому, что «схлопывается» денежная масса,

которую банк «накрутил» на этом вкладе (мультипликатор работает и в обратную сторону). Это случается всегда, в любом кризисе. В отношении этого явления верно все, что мы писали об инфляции, то есть, вызывая изменение цен (как правило, в сторону снижения), такая дефляция сильно бьет по координации экономических субъектов, приводя к ошибкам.

Падение покупательной способности

Мизес в своей «теореме денежной регрессии» объяснил, почему мы пользуемся бумажными деньгами (хотя он совсем не ставил такой цели). Сегодняшний спрос на деньги основан на мнении экономических субъектов об их вчерашней покупательной способности. То есть, фактически, это история денег наоборот — от бартера, в котором золото было просто одним из товаров, до нынешних бумажных денег, «предки» которых еще обменивались на золото. Если бы этого обмена на золото в прошлом не было, никто бы не пользовался такими деньгами сейчас. Кстати, известны случаи введния бумажных денег, полностью неразменных и фиатных. Эти случаи (в Китае, Иране во времена монголов) заканчивались массовыми бунтами. Современные неразменные деньги являются отражением разменных, а те, в свою очередь — «истинных» денег. Однако, покупательная способность таких денег неуклонно падает. Вопреки ожиданиями монетаристов и кейнсианцев, которые считали, что «цена золота обеспечивается сильным долларом», после от-

мены «привязки» доллара к золоту в 1971 году, к настоящему времени он упал в цене по отношению к золоту в 40 раз.

Девальвации и ревальвации

Отчетность, в виде обменных курсов и торговых балансов, и другие политические причины (например, высокий долг) иногда толкает государства на девальвации и ревальвации. То есть, однажды вам говорят — теперь ваши деньги стоят столько-то в единицах других денег. Или ничего не говорят, но, постепенно манипулируя курсами с помощью центробанка, искусственно «дешевеют» валюту. Хотя целью и индикатором девальваций и ревальваций являются обменные курсы, последствия этих действий аналогичны последствиям инфляции. Особенно катастрофичны внезапные девальвации.

Центробанк. Достаточно ли умен этот дядя?

Теперь скажем несколько слов о системных особенностях деятельности центробанков. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, описанной Мизесом как «невозможность экономического расчета при социализме». Напомню еще раз, что современный центральный банк и денежные власти в целом — это фактически денежный госплан. И, вопреки расхожему мнению, централизация информации и принятия решений для системы в целом означает огромную потерю информации и

способности принимать адекватные решения, по той простой причине, что участники системы — не роботы, а живые люди с их собственными планами. Денежные власти просто не понимают, что происходит. И как раз в кризисные моменты это становится наиболее очевидно. Чтобы не занимать много времени и места, просто приведу цитату из книги американского экономиста Тома Вудса о событиях 2008 года. «После того, как законопроект о финансовой помощи (речь идет о самых первых 700 миллиардах — ВЗ) прошел, министр финансов Генри Полсон повел себя не так, как ведет себя тот, кто контролирует происходящее. Вначале нам говорили, что деньги, выделенные для финансовой помощи, пойдут на выкуп плохих активов у банков и восстановят межбанковские платежи, которые значительно сократились из-за неуверенности одних банков в платежеспособности других. Но когда этот план прошел, они передумали. Стратегия выкупа плохих активов была изменена на выкуп правительством долей банков, даже если банки не хотели продавать. Затем и эта стратегия была оставлена. Стратегия, как было сказано, жизненно важная для экономики, без которой произойдет катастрофа, была быстро и просто забыта». Это текст 2008-го. В дальнейшем случилось много аналогичных событий, включая замечательные QE, которых накопилось уже четыре. Если читателю не лень, он может найти их описания в интернете и, как правило, он столкнется с идеей «and now — something completely different!»

Еще более впечатляющим окажется знакомство с историей Великой депрессии, когда усилия Рузвельта из одной депрессии сделали две. Иначе как «хаос» эта деятельность обозначена быть не может. В общем, для нас с вами худшим вариантом является активная и решительная борьба денежных властей с кризисом. Именно отсутствие согласованности и вообще какого-то бы то ни было серьезного желания украинского государства влезать в кризис спасло нас в 2008-м. Конечно, Нацбанк успел навредить, но не так сильно, как мог бы. Тому, что мы не меняем спички на соль в подворотне мы должны быть обязаны исключительно неэффективному государству, отсутствию национального лидера и прочих вещей такого рода, которые так любит прогрессивная общественность.

Центробанк. Существуют ли нужные теории?

Можно сказать, что руководству центрального банка не нужно быть умным, а нужно просто следовать единственно правильной теории, которая описывает, как центробанк должен «оптимально» рулить денежной массой. Однако, если уже говорить об экономической теории, то она утверждает, что принудительная монополия в принципе не может справляться с задачей. Кейнсианство, которым до сих руководствуются политики (поскольку оно является концепцией, в которой для них есть место возле экономического руля), село в лужу еще во времена Великой депрессии. Кейнс уверял нас, что после появления ФРС кризисов боль-

ше не будет, так как теперь центробанки будут управлять предложением денег «на научной основе». Делал он это прямо перед началом Великой депрессии. Сам факт, что, несмотря на провал кейнсианства, его используют в качестве официальной экономической доктрины в течение последующих после этой депрессии 80 лет, говорит о том, что «верная теория», даже если бы она была, никогда не будет взята на вооружение.

Центробанк. Достаточно ли он независим?

Считается, что центральные банки не зависят от правительства. Однако сама их история говорит о том, что они возникли для «нужд правительства» и узурпировали производство денег тоже ради этих нужд. Поскольку государство приказывает нам уплачивать налоги и устанавливать цены исключительно в «его» денежный единицах, то центробанк, выполняющий функцию эмитента этой единицы и контролера всего банковского хозяйства, уже по определению включен в «нужды правительства» и является их частью. Между центробанками и правительствами (в техническом смысле) могут существовать краткосрочные расхождения и противоречия, но они обычно решаются в пользу правительства.

Даже Бундесбанк, который показывали всем как образец реализации идеи независимого центробанка, оказался, в итоге, плохим центробанком, поддавшись давлению канцлера при обмене восточных марок на за-

падные. Прямо сейчас Европейский центробанк очередной раз расписывается в своем полном бессилии, ну а взаимопонимание между Обамой и Бернанке тоже общеизвестно. На самом деле, все, что нужно знать о центральном банке, сказано в фразе Алана Гринспена о том, что «ФРС работает почти так же хорошо, как золотой стандарт».

Политический контроль

Инфляция, как мы выяснили, существует потому, что она необходима государству и политически гораздо удобнее для него, чем обычное налогообложение. Однако, инфляция и государственная монополия на деньги имеет «побочные эффекты» столь же, если не в большей степени, выгодные государству и разрушительные для общества. Прежде всего, это ограниченность, а во многих случаях и бессмысленность сбережений. Нет смысла (а часто просто невозможно) сберегать, если завтра все может исчезнуть в результате инфляции или девальвации. Это делает людей зависимыми от государства. И это касается не только пенсионной системы, но, и, например, системы взаимного страхования и вообще деятельности «вскладчину», которая в условиях инфляции становится весьма затруднительной. Если мы говорим о горизонтальных связях и гражданской активности, как об альтернативе государству, то для их укоренения нужны твердые деньги.

Денежная монополия также облегчает работу принципа «разделяй и властвуй». Вкладчики банков сами и вполне добровольно борются с банк-раннерами, «слухами» и «паникой», работая на систему, которая грабит их и их сограждан. Заемщики шантажируют правительство и центробанк и те «идут навстречу», за счет налогоплательщиков, разумеется. Можно можно найти много примеров такого рода.

Лишение права собственности на деньги и другие приятные мелочи

Мы оказались в системе, в которой фактически больше не владеем своими деньгами. Государство может устроить «банковские каникулы», отказывая нам в получении наших денег, оно может ввести ограничения на размеры снимаемых сумм, оно может запретить нам использовать кэш и силой загонять в «безналичный расчет», который оно контролирует с помощью банков, государство регулярно занимается разнообразными формами конфискаций.

«Интересы финансовой системы государства», то есть, интересы государственной денежной монополии, оправдывают политику центробанков и государства на «поддержание банковской системы», страхование вкладов, поддержку тех или иных корпораций по принципу «too big to fall». Все это означает, что теперь мы все платим за кризисы, независимо от того, были ли мы рискованы и безрассудны или бережливы и осто-

рожны. Государство регулярно грабит нас с помощью денежной монополии, и поддержание этой монополии на плаву, когда она неизбежно попадает в критическое состояние, тоже оплачиваем мы с вами.

Ложные теории и иллюзии

Интересно, что хотя инфляции уже пару тысяч лет, теории о ее пользе появились совсем недавно. Эти теории неверны не только логически, но и эмпирически. Например, «промышленная революция» случилась в эпоху «дефляционных» денег, а не массовой инфляции.

Однако, самым опасным заблуждением является заблуждение «вреда дефляции». Как мы уже говорили, под словом «дефляция» понимаются разные явления, в данном случае, речь идет о том, что золото или другие «честные деньги» якобы «дорожают сами по себе», и потому «все будут просто держать деньги в банке и никто не будет инвестировать». Это классический пример того, о чем мы говорили в самом начале этой статьи — непонимания того факта, что деньги являются феноменом деятельности и не существуют сами по себе в отрыве от закономерностей этой деятельности.

Действительно, в экономике с «честными» деньгами можно наблюдать явление снижения уровня средних цен. Однако, это явление не денежной природы. Интересно, что «снижение уровня средних цен» приводит в ступор не только людей, недалеких от эконо-

мики, но и некоторых экономистов. Мне, например, попадались люди, которые серьезно спрашивали: «откуда тогда возьмется прибыль?». Всегда нужно помнить, что цены — относительны. «Снижение среднего уровня цен» никак не влияет на это обстоятельство. Прибыль, если даже рассматривать ее как бухгалтерскую разницу меджду продажной ценой и издержками, никуда не денется и не может деться. Прибыль — это разница между 5, 10, 50. А «уровень цен» — это 5, 10, 50 вместо 50, 100, 1000. «Средние цены» снижаются в силу свойств самой экономики, из-за того, что товары и услуги становятся более доступными. Экономика «дефляционна» по своей природе, деньги тут совершенно не при чем. Спрос, предложение, конкуренция — вот те механизмы, которые приводят к тому, что товары дешевеют. Напомню, что мобильник Motorola DynaTAC стоил 4000 долларов в 1983 году. Сейчас телефонов с такими возможностями просто не выпускают, а телефон с гораздо большими возможностями стоит как минимум в сто раз меньше, если даже не делать поправку на (весьма значительную) инфляцию. Классикой жанра являются компьютеры. «Хороший компьютер всегда стоит 1000 долларов», только в 1994-м это была машина с 486-м процессором и 8 мегабайтами оперативной памяти, а сегодня это будет машинка с несколько иными возможностями. «Новые» товары (относительно) дороги, затем они совершенствуются и дешевеют, это обычный процесс в экономике. Инфляция делает его не столь заметным, только быстроразвивающиеся

отрасли наглядно демонстрируют его, но, в принципе, он характерен для «экономики в целом».

Нетрудно понять, что деньги никогда бы не возникли, если бы не могли отражать фундаментальные экономические закономерности вроде спроса и предложения через механизм цен. Запас товара увеличивается — цена падает. Запас товара уменьшается — цена растет. Это не денежные, а экономические закономерности. Противники «дефляционных» денег выступают, по сути, против экономики. Чтобы закончить с этой темой, больше не путаться и не быть жертвой околоэкономических глупостей, следует всегда помнить, что количество денег в обращении само по себе не имеет никакого значения. На экономику негативно влияет быстрое изменение денежной массы. Когда денежная масса растет, это называется инфляцией, когда сокращается — дефляцией. При этом, цены не обязательно однозначно отражают эти изменения, но негативное воздействие на экономику в этих случаях есть всегда. Сами по себе рост цен или их уменьшение не являются ни инфляцией, ни дефляцией, хотя могут быть их признаками.

Денежная система свободного общества

Для того, чтобы понять, что теперь с этим делать, нужно два слова сказать о том, какая денежная система была бы идеальной. Ответ очень прост — денежная система, в которой отсутствует государственное регу-

лирование, то есть, в которой рынок решает, что именно, в каком месте и в какое время становится деньгами. Тем, кто сейчас ужаснулся «хаосу» множества валют, нужно подумать о том, что на самом деле, заработать на производстве денег очень трудно, нужно, чтобы достаточное количество людей оценило ваши деньги в качестве средства обмена и предпочло их другим деньгам. Проще печь пирожки.

То есть, целью является полная демонополизация денежной сферы и свободное создание и обращение любых средств обмена.

Обстоятельства места и времени

Не будем забывать, что современная финансовая система, скажем так, в любой момент может приказать долго жить, поскольку вся она держится на запретах и политических договоренностях. Поэтому традиционно обсуждаемые проблемы центробанков, частичного резервирования и пр. в один прекрасный момент могут оказаться неактуальными в силу отсутствия предмета. Это всегда нужно иметь в виду.

Гипотетическое доброе правительство

Может ли существовать хорошее правительство? По определению — нет. Может ли существовать правительство, «проводящее реформы»? Разумеется. Вполне даже может быть, что эти реформы окажут-

ся полезными. Чего точно не может быть, так это того, что «реформированное» состояние сохранится длительное время. Тем не менее, существует определенный набор мероприятий, которые обсуждаются в контексте либерализации денежной политики и перспектив отмены денежной монополии, и мы немного поговорим о том, какие из них (и в какой комбинации) действительно достигают целей, а какие являются просто профанацией. Нужно также сказать, что денежная монополия — основа могущества современного государства. Без нее оно быстро превращается в мечту минархистов и теряет большинство своих возможностей. Поэтому, если существуют политические методы ограничения государства, то они лежат, прежде всего, в сфере денежного обращения.

Центральный банк

Если вы увидите план реформы финансовой системы, в которой есть центральный банк — знайте, что это не либеральная реформа. Необходимым условием каких-то изменений является безоговорочная ликвидация центрального банка. Достаточно того, что центральный банк возможен только в системе с частичным резервированием, при полном резерве у него нет вообще никаких функций. Также опыт (напр. Аргентины) говорит о том, что центральный банк способен свести на нет деятельность валютного комитета или попытки перейти к золотому стандарту. В условиях Украины с ее слабой экономикой и коррупцией, централь-

ный банк является эдаким финансово-политическим инструментом властных «элит», само его существование сохраняет наш «политикум» и его методы.

Частичное резервирование

Бесполезно «запрещать» частичное резервирование (особенно, параллельно сохраняя центральный банк). Решение лежит в правовой области. Де Сото проанализировал испанский гражданский кодекс, у него получилось, что нужно совсем немного изменений для того, чтобы вернуть банки в лоно закона. Пока существует государство, это необходимо сделать. Идея о «разделении инвестиционной функции и функции сберегательной», которая часто обсуждается в этом контексте в последнее время, выглядит странно, поскольку понятно, что она требует контроля со стороны государства и, следовательно, чревата злоупотреблениями.

Опять-таки, частичное резервирование приносит вред только в условиях монопольной денежной единицы, в свободной экономике банки, производящие собственную фидуциарную валюту, вполне могут существовать. И хотя, конечно, выглядеть это будет довольно странно, но, вполне возможно, на такую валюту тоже у кого-то будет спрос. Важно, что в такой экономике ущерб от фидуциарных денег будут нести держатели такой валюты, что делает игру довольно честной. В общем, когда вы услышите о фри-банкинге и о

том, что частичное резервирование может вполне существовать в условиях конкуренции, всегда уточняйте, идет ли речь о монопольной (то есть, общей и обязательной для всех этих банков) валюте. Если да, то эта система принципиально не отличается от нынешней.

Законное средство платежа, национальная валюта

Законное средство платежа может сохраняться на первом этапе реформы, но оно должно быть ликвидировано, как только будет введено свободное хождение любых валют. «Национальной» валютой считается та, в которой государство собирает налоги. Это должна быть одна валюта, в том числе, пока существует государство — она может эмитироваться самим государством.

Последовательность

В самом общем смысле демонополизация денежной системы выглядит таким образом: ликвидация НБУ, валютный комитет (привязка национальной валюты к корзине валют), возвращение банков в лоно закона (лишение их привилегии безответственности за мошенничество с вкладами до востребования) и легализация золота в номиналах веса (план Мизеса и Рона Пола), отмена обязательного средства платежа и свободное хождение любой валюты с уплатой налогов (по-

ка существует государство) в единственной валюте, объявленной «национальной».

Параллельные миры

Впрочем, это план «исправления» нынешних фиатных денег, в котором другие деньги появляются на этапе отмены обязательного средства платежа. Но мы уже живем в мире, в котором есть биткоин и другие крипотовалюты. Этот мир самим своим существованием и развитием вносит коррективы в любые планы, а в случае «неожиданного» краха современных финансов, может оказаться на переднем плане.

Биткоин и его проблемы

Если говорить о битокине как о деньгах, то Сатоши Накамото просто воспроизвел металлический стандарт с расширенными возможностями в виде платежей пир-ту-пир и прочих удобств. Он не придумал некие совершенно новые деньги, он создал продукт, который не имеет недостатков фиатных валют, и именно это делает его ценным. Как и эмиссия золота, эмиссия биткоина децентрализована. Как и в случае золота, никто не владеет денежной системой в целом (государства же фактически владеют системами фиатных денег), но у каждой денежной единицы есть свой явный собственник.

Очевидно, что для биткоина не нужны банки. Каждый пользователь в состоянии управлять своими средствами и осуществлять быстрые платежи в любую точку мира. Деятельность банков, как финансовых посредников, в случае биткоина способны заменить обычные доски объявлений, где пользователи могут предлагать друг другу кредиты и объединение финансовых ресурсов для неких проектов. Соответственно, частичное резервирование и порождаемые им фидуциарные средства непосредственно в биткоине невозможны.

Однако, широкому распространению биткоина мешает то, что он попадает в ловушку закона Грешема. Как мы помним, одни деньги меняют на рынке другие деньги, постепенно «расползаясь» по меновой сетке. Например, люди постепенно понимают, что использовать медь удобнее, чем мотыги и это проявляется в том, что цены начинают выражаться в единицах веса меди и медь вытеснит мотыги тогда, когда вся меновая сетка будет выражаться в «медных» ценах. Наглядно мы этот процесс наблюдали во времена гиперинфляции 90-х, когда доллар оккупировал практически всю меновую сетку, став фактически реальными деньгами и оставив купоно-карбованцу роль расчетной единицы.

Биткоин начал свою карьеру с криминализированных государством рынков и теперь расползается по ценовой сетке фиатных валют. Для того, чтобы этот процесс продолжался, люди должны проводить сделки в биткоинах, но этому мешает закон Грешема («плохие деньги вытесняют хорошие»), то есть, желание людей

придержать биткоин до лучших времен в ожидании роста его цены в других валютах. Это естественное и здоровое поведение, и измениться (то есть, стать менее распространенным) оно может только с расширением возможностей использования биткоина.

Здесь есть две угрозы. Первая — попытки государства непосредственной борьбы с биткоином. Понятно, что на входе и на выходе, то есть, на этапе обмена фиата на биткоины и биткоинов на фиат, государство может контролировать процесс. Вторая — это попытки того же государства и разнообразных доброхотов «легализовать» биткоин, ввести его в «законодательное поле» и т.д. и т.п. Второе значительно опаснее. Мы можем получить «законную» систему в которой единственным преимуществом будут быстрые платежи, но сохранится контроль государства за операциями и т.д. Более того, могут появиться какие-нибудь «расписки на биткоин», в которых уже можно устроить подобие частичного резервирования. Правда, довести это все до полного аналога фиата трудно по двум причинам. Во-первых, биткоин невозможно «запретить» или конфисковать как это было проделано с золотом, при любой степени интеграции биткоина с «легальной» системой, сохраняется возможность использования, так сказать, его *core*. Во-вторых, и это главное, — пока недостатки фиатной системы будут сохраняться и расти, будет сохраняться спрос на core-биткоин.

Стремления доброхотов «легализовать биткоин» где-то понятны, но они, как обычно, направлены не ту-

да. «Легализация» того, что уже существует и работает (то есть, уже «легализовано» человеческими практиками) это всегда ограничение. Возможно, легализация поможет тому, что больше людей станет использовать биткоин, но использовать его они будут в старой порочной системе, недостатки которой и породили биткоин.

Если ставить перед собой цель способствовать тому, чтобы больше людей начали использовать биткоин, то достичь ее можно совсем другим путем. Реальную проблему составляет не легализация, а отчетность предприятий. Современные предприятия рассматриваются государством как филиалы соответствующих министерств и ведомств, деятельность предприятия контролируется фактически по всем направлениям, от ценообразования до распределения прибыли. Грубо говоря, предприятие не может рассчитываться биткоином потому, что не знает, как безболезненно засунуть его в свою отчетность. Решение «легалайзеров» состоит в том, чтобы сделать биткоин частью отчетности, либертарианское решение состоит в том, чтобы максимально сокращать и избавляться от какой бы то ни было отчетности.

И, напоследок, просто тезисно укажем на некоторые последствия ликвидации денежной монополии. Эти последствия довольно часто не осознаются, так что нелишне сказать о них.

Экономические последствия

- Собственность на деньги полностью переходит к экономическим субъектам;

- Экономические кризисы остаются в прошлом, маниакально-депрессивный характер современной экономики сменяется столь желанным «устойчивым ростом»;

- Уходит в прошлое и борьба с кризисами, которая порождает обильное регулирование, ограничения на обмен валют, ограничения на объемы и характер сделок и т.д., мы больше не платим за ошибки государства и отдельных предприятий, как это постоянно случается в условиях принудительной денежной монополии;

- Экономический рост будет финансироваться реальными сбережениями. То есть банки (или другие институты) будут кредитовать только средствами, полученными ими в кредит. Это означает, что финансироваться в большей степени будут те проекты, которые рынок считает необходимыми;

- Прекращение инфляции означает увеличение «временных горизонтов» бизнеса. Становится выгодными долгосрочные проекты. Это позволяет создавать капитальные блага, «накапливать время» в обществе;

- «Честные деньги» сильно расширяют спектр возможностей предпринимателей. Становится рентабельным бизнес с низкой прибылью;
- «Рынок продавца» сменяется «рынком покупателя» шансы серости и убожества уменьшаются;
- Исчезают системные риски, присущие сегодня частному предпринимательству и кооперативам. Системные преимущества корпораций снижаются

Политические последствия

- Правительство лишается главного источника своей власти и инструмента финансовых и политических манипуляций. Среди прочего, уходят в прошлое такие элементы манипуляции, как «торговые балансы», «курсы валют» и вся, вызываемая ими истерия, например, на почве протекционизма;
- Бюджетный дефицит, государственный долг уйдут в прошлое. Ситуация, когда дефицит бюджета можно финансировать только увеличивая налоги с граждан, означает, что к этому средству будут прибегать только в очень крайних случаях. Опять-таки, государству, у которого нет в собственности печатного станка, будут крайне неохотно давать в долг;

- Государство будет вынуждено резко сократить объем своей деятельности, на который у него просто не будет средств;

Социальные последствия

- Честные деньги создают устойчивую финансовую базу гражданского общества. Становятся реалистичными социальные сервисы «вскладчину» — кассы взаимопомощи, взаимное страхование и т.п.;

- Теперь сбережения имеют смысл. Они становятся главным источником финансирования людьми собственных проектов, накоплений «на старость» и т.п. Пенсионная система больше не нужна;

- Честные деньги резко расширяют возможности людей заниматься бизнесом (точнее, больше людей получает возможность оказывать платные услуги друг другу);

- Рынок покупателя означает, что каждый получает по своим талантам и способностям, а не по близости к власти или «финансовым ресурсам». Самореализация возвращает нам чувство собственного достоинства и уверенности в себе.

4.2. Все еще пользуетесь государственными деньгами? Тогда мы идем к вам

На сайте «Лига-Бизнесинформ» обнаружил замечательную инфографику. Замечательна она тем, что обесценивание валют сравнивается для условий одной страны, а не как обычно — для условий государства — эмитента. То есть, здесь показано, как изменились цены в трех валютах в условиях Украины.

Для тех, кому лень читать всю таблицу, приведу здесь ее итоговую часть. Итого, за 10 лет в Украине цены выросли следующим образом:

валюта	хлеб	мясо	20 литров бензина А-95	кв.м жилья	Поездка на метро
гривна	326,00%	479,00%	434,00%	452,00%	300,00%
доллар	181,00%	285,00%	256,00%	268,00%	178,00%
евро	119,00%	204,00%	180,00%	189,00%	122,00%

Сразу отмечу, что эти цифры являются, скорее, качественными, а не количественными значениями, иллюстрацией, а не конкретным содержанием. Поэтому я сразу прошу комментаторов воздержаться от рассуждений о том, насколько верным является выбор товаров для сравнения и т.п. В рамках этой темы, нас интересуют только качественные изменения, а именно тот факт, что за 10 лет гривна инфлировала больше доллара, а доллар больше, чем евро.

Помимо очевидной мысли о том, выросли ли ваши доходы в гривне за это время в 4 раза, эта таблица говорит и о более интересных вещах.

Допустим, мы живем в свободном обществе, где нет государственной монополии на деньги. Сразу скажу, что «свободное общество» не есть некая «модель» или гипотеза. «Свободное общество» это ситуация, когда добровольное взаимодействие людей не наказывается некими посторонними лицами. То есть «свободное общество» есть всегда и везде, просто в разных пропорциях. Скажем, в Гонконге его еще довольно много, а в Северной Корее не совсем. Тем не менее, универсальные закономерности существуют именно в этих взаимоотношениях, постороннее воздействие, каким чаще всего является государство, лишь искажает их, приводя, иногда, к удивительным эффектам.

Допустим, у нас есть три основных эмитента денег, которые «печатают» деньги с разной скоростью. Думаю, что понятно, что в условиях свободного общества (что означает свободную эмиссию денег и свободное ценообразование в любой валюте) производитель гривны, скорее всего, разорился бы. И, скорее всего, победило бы даже не евро, а производитель неких «дефляционных» товарных денег, хотя я вполне допускаю, что инфлирующие валюты тоже пользовались бы некоторым спросом для определенных целей.

Показательно, что украинцы тоже предпочитают доллар гривне и часто предпочитают евро доллару.

Однако, государство борется с украинцами, запрещая им выбор средств обмена. Как известно, ценообразование разрешено только в «национальной валюте» (отсюда эти «у.е.»), налогообложение и расчеты с государством — только в «национальной валюте», государство регулярно запрещает банкам те или иные операции с «иностранной валютой» (кредитование и т.п.). Недавно оно запретило указывать «у.е.» в рекламе, и всерьез собирается вводить 16% налог на продажу валюты.

Понятно, что так же поступают и все остальные государства, и на их фоне украинцы пока еще наслаждаются относительной свободой в выборе денег, но «свобода» эта со стороны государства была, скорее, вынужденной мерой. По крайней мере, можно точно сказать, что без «укродоллара» мы не пережили бы 90-е.

Однако, как бы там ни было, таблица, в совокупности с нашими знаниями о предпочтениях людей и практике государства, учитывая также понимание того обстоятельства, что вряд ли доходы большинства читателей за 10 лет выросли в абсолютном выражении в 4 раза, прекрасно иллюстрирует тот факт, что государственная монополия на деньги есть ни что иное, как грабеж. И спасибо ей (таблице, конечно) за это.

2012

4.3. Про обеспеченность денег

В экономике есть множество терминов, которые, мягко говоря, вводят в заблуждение. Происходит это

отчасти потому, что сами эти термины появились в конкретных исторических условиях и первоначально означали совершенно конкретные вещи. Но потом контексты поменялись и теперь терминология часто обманывает. Особенно много таких терминов связано с деньгами. Вот, к примеру, «золотой стандарт» представляется неким государственным приказом, видится частью государственного вмешательства. На самом же деле, по своей экономической сути, «золотой стандарт» прямо противоположен вмешательству, поскольку означает деньги, которые государство не может контролировать. Или возьмем «стопроцентное резервирование». Сразу представляются какие-то дядьки с фонариками, сверяющие в пыльных банковских хранилищах дебеты и кредиты, представляется некая прихоть, искусственная «заморочка». На самом же деле, речь идет о праве собственности. Как вам «стопроцентное резервирование» пальто в гардеробе? Не представляется странным? Вам не кажется «заморочкой», что на одно и то же пальто не выдается сразу несколько номерков? И если вы придете за своим пальто, а гардеробщик будет вам объяснять, что пальта нема и он «дал поносить» его до четверга другому человеку, вы же вызовете полицию, правильно? Точно так же и тут — «стопроцентное резервирование» в случае банка это не какая-то хитрая специальная процедура, а обычное право вызывать полицию, когда вас грабят. Когда вы в банковский день в кассовое время приходите за своими деньгами, а вам говорят «зайдите завтра» — это повод вызывать полицию. Он назы-

вается «стопроцентным резервированием». Противоположное ему «частичное резервирование» означает, что ваше пальто находится в гардеробе лишь «частично». Фактически, это лицензия на грабеж.

Теперь давайте перейдем к предмету этой колонки — «обеспеченности денег». Пишу о нем потому, что сплошь и рядом наблюдаю, как даже неглупые и образованные люди, не говоря уже об экономистах и экспертах, делают ошибки, используя этот термин. Как и в приведенных выше примерах, сам термин весьма плох. Он может вводить в заблуждение. У «обеспеченности денег» существует, как минимум, три значения. Первое — чисто историческое, так как термин имеет совершенно ясное происхождение. Он появился в эпоху частично-резервных банков и золотых денег. Банки выдавали расписки на золото. Эти расписки были на предъявителя. Понятно, что выдавали их на большие суммы, чем имелось золота. Когда дела шли плохо, то по распискам (банкнотам) успевали получить свое золото те, кто первым добежал до кассы. Поэтому экономисты того времени как бы выражали желание, чтобы банкноты были как бы больше как бы обеспечены как бы золотом, то есть, им хотелось, чтобы банки чуть-чуть немножко меньше воровали.

Второе значение связано уже с околоденежной теорией. Оно подразумевает, что золото «обеспечено» потому, что это железяка. То есть, это конкретный материальный предмет, у которого есть собственная «товарная ценность», ибо из него, например, делают ко-

ронки для зубов. Действительно, золото (и другие товарные деньги до него) до того, как стать деньгами, было одним из товаров (то есть, имело товарную ценность). Однако, деньгами его сделали совсем другие особенности, которые вряд ли пригодятся при изготовлении коронок и украшений. Или вот, к примеру, биткоин. У него, как полагают многие, вообще нет никакой собственной товарной ценности. Однако, он — деньги. Поэтому «обеспеченность» товарных денег, которая якобы возникает исключительно в силу их товарности (и противопоставляется «необеспеченным пустым бумажкам») есть довольно-таки ошибочная конструкция.

Ну и, наконец, третье значение, о котором, в подавляющем большинстве случаев говорят сегодня, это «обеспеченность денег товарами». Такое употребление окончательно сложилось вместе с удалением золота из активного повседневного оборота. Дескать, раньше у нас было «обеспечение золотом», а теперь вот, стало «обеспечение товарами». На этом основана целая мифология, своего рода вера, которую разделяет подавляющее большинство «населения». И как и любое заблуждение, эта вера основана на правде. Дело в том, что мы обмениваемся товарами, а не деньгами. Я сделал стол и продал его за золотой и купил за этот золотой кувшин. С помощью денег я обменял стол на кувшин. В этом принципе ничего не поменялось ни с появлением банков, ни с появлением «финансовых инструментов». Процессы стали более сложными, но суть

их осталась той же. Монета, за которую я купил кувшин «обеспечена» моим столом. И потому, неважно, что именно является деньгами — золото или биткоины. Если для того, чтобы получить деньги я должен сначала что-то произвести и отдать, то это честные «обеспеченные» деньги.

Заметим, что в гипотетических случаях экономики, обслуживаемой золотом или биткоинами, вопрос об «обеспеченности» денег вообще не может возникнуть, как не возникает у нас вопроса об «обеспеченности» номерков пальто. Возникают только вопросы нарушения прав собственности, то есть, воровства. В такой экономике для того, чтобы произвести золото или биткоины вам придется приложить немалые усилия, то есть, вместо того, чтобы направить свои ресурсы на производство товаров и их обмен на деньги, вы можете направить их непосредственно на производство денег. (Заметим, что эти товары являются деньгами потому, что они редки, то есть производство их крайне ресурсоемко. Поэтому, в большинстве случаев, дешевле направить имеющиеся у вас силы на производство «обычных» товаров). Однако, в любом случае, здесь действует правило «для того, чтобы получить что-то полезное, нужно отдать что-то полезное» (в нашем случае — отказаться от чего-то полезного). Произведенные вами деньги будут стоить некоторого количества усилий, как и деньги, добытые путем производства товаров и последующего их обмена.

Так вот. Очевидно, что разговоры об «обеспеченности денег товарами» возникают только потому, что этой обеспеченности в мире бумажных денег нет. И здесь нужно внимательно следить за руками. Простой пример. Семья Петренко желает совершить мощный инвестиционно-инновационный проект — приобрести автомбиль «Дэу Ланос». Семья трудится не покладая рук и, наконец, накопив нужную сумму, покупает автомобиль «Дэу Ланос». Здесь все честно. Деньги семьи Петренко обеспечены произведенным ею продуктом. Второй вариант. Семья Петренко, желая совершить мощный инвестиционно-инновационный проект, тем не менее, не желает трудиться и ворует деньги, необходимые на приобретение автомобиля «Дэу Ланос» у семьи Сидоренко. Семья Петренко ничего не произвела, а просто присвоила себе то, что произвела семья Сидоренко. Поэтому семью Петренко отправляют в тюрьму и говорят ей «фу». И, наконец, третий вариант. Семья Петренко имеет монополию на печатание денег и все обязаны по закону принимать их. Желая совершить мощный инвестиционно-инновационный проект в виде «Ланоса», она просто рисует себе еще немножко денег и приобретает желанный автомобиль. В отличие от предыдущего случая, никто не говорит «фу», а все радуются, потому, что теперь у нас есть мощный инвестиционно-инновационный проект.

Однако, если мы внимательно проследим за руками, то третий случай отличается от второго лишь тем, что трудно идентифицировать конкретного по-

страдальца от действий семьи Петренко, поскольку пострадали здесь все (хотя бы в виде роста цен). Это, впрочем, не мешает и никогда не мешало везде, где ходят деньги, преследовать фальшивомонетчиков, ведь фальшивомонетничество, по сути, то же воровство. Однако, государству оно разрешено, более того, мифология всячески одобряет его. И мифология «обеспеченности денег товарами» играет в этом оправдании важнейшую роль.

Приглядитесь, что вменяется в вину «стэнд-ап экономистами» и всяческими экспертами ФРС и ЕЦБ?. Их немного журят за то, что они выпускают «слишком много денег», которые «не обеспечены товарами» или, — еще прекраснее — «эмиссия не обеспечивается ростом товарной массы». То есть, рост денежной массы должен «обеспечиваться» ростом товарной и тогда все будет хорошо. Выходит, что нарисовав себе денег и купив на них автомобиль «Дэу Ланос», семья Петренко тем самым «обеспечила товаром» рост денежной массы. По сути, это и есть столь любимая и поощряемая всеми — от экпертов до ширнармасс «экономическая политика». Она формулируется как «мы тут немножко напечатаем, а потом оно там себе обеспечится». И не важно, в какой форме предлагается это сделать, то ли в виде прямой эмиссии, то ли в виде снижения учетной ставки (экономике нужны дешевые кредиты, разве не?) — это не имеет значения. Суть остается одна, и суть эта — кража.

В общем, вывод такой. Когда вы слышите или читаете об «обеспеченности денег», помните, что обеспеченность нельзя переложить вперед. Ищите ее сзади. Если кто-то говорит вам об обеспеченности вперед (мы выпустим деньги, на которые построим города-сады), то это жулики либо невежды. Помните еще, что любые деньги, которые нельзя произвести из воздуха (золото, серебро, биткоины) «обеспечены» по умолчанию. 2012

4.4. Про количество денег и количество товаров

С легендой о том, что деньги обеспечиваются сами собой, если только государство «правильно» их инвестирует, тесно связан миф о «количестве денег и количестве товаров». Этот миф регулярно всплывает в глубокомысленных рассуждениях об инфляциях, дефляциях, кризисах, налогах и о том, чтобы такого еще сделать государству, чтобы еще более все улучшить.

Собственно, тезис звучит как: «количество денег должно соответствовать количеству товаров», а на практике обычно оперируют выводом «количество денег должно расти вместе с количеством товаров». Это означает, что центробанк должен печатать деньги, а главное — этот вывод означает что существует поистине бесконечное поле деятельности для политиков, экспертов и журналистов, ибо никто не знает (и никогда не узнает, поскольку это невозможно) как именно

правильно производить такую жизненно важную операцию.

То, что явное или подспудное желание порегулировать лежит в основе всех этих разговоров, косвенно подтверждает одно простое обстоятельство. Удивительно, но ведь на поверхности лежит другой аргумент против товарных денег — это рост количества людей, использующих эти деньги. Он действительно имеет значение для того, чтобы некий предмет был деньгами. От него зависит, возникают ли неудобства с делимостью денег. Если для обычных покупок вам нужно использовать исчезающе малые количества денежного товара, то он просто становится неудобен. Правда, очевидно, что если у вас свободный рынок, а не шарашкина контора под названием «центробанк», то такой неудобный товар со временем будет заменен более удобным, не говоря уже о том, что будут использоваться расписки и заменители денег (разменная монета). Однако, так или иначе, этот аргумент никогда не всплывает, так как понятно, что тут особо не нарегулируешься.

Лозунг «количество денег должно соответствовать количеству товаров», если присмотреться к нему внимательно, содержит целый букет экономических заблуждений, и на его основе можно написать целую книгу. В этой колонке укажу лишь на одно обстоятельство, которое кажется мне важным.

Смотрите. В тезисе о деньгах и товарах мы имеем дело с двумя статическими ситуациями. В первой количество товаров «соответствует» количеству денег, и все радуются. Во второй, количество товаров выросло и денег «не хватает». Закрыв глаза на предельную полезность, которая ясно говорит о том, что не существует спроса на все товары (то есть, исходная ситуация просто неверна), попробую рассмотреть этот случай.

Итак, между двумя статическими состояниями произошло нечто, что по какой-то причине увеличило количество товаров. Схема не дает ответа на вопрос, почему это случилось, и именно в этом (повторю — оставляя в стороне другие многочисленные аргументы) ее ошибка. В этой схеме товары производятся и потребляются сами собой и сами для себя, а производство товаров растет волшебным образом.

Однако, в реальности, дело обстоит совсем не так. В реальности, предприниматель, начиная или развивая бизнес, ориентируется на существующие цены. Он начнет работать тогда, когда будет предполагать, что, в общем случае, его цена будет ниже существующих за благо равного качества. Причина того, что «количество товаров увеличится» состоит только лишь в уверенности предпринимателей, что люди откажутся от потребления других товаров в пользу либо более низкой цены, либо более высокого качества. То есть, люди либо сохранят свои предпочтения в результате падения цены, либо (в случае «нового» товара) у людей увеличится выбор и они, в зависимости от своих текущих

предпочтений, смогут обменивать свои деньги на больший ассортимент товаров, удовлетворяющих похожие потребности.

Более того, для простого случая одного товара, становится ясно, что рост его количества означает, в общем случае, падение цены на него. И происходит это не в силу мифических связей между количеством денег и количеством товаров, а по той простой причине, что люди удовлетворяют свой спрос на этот товар и он становится им нужен меньше, чем вчера. Они предпочитают потратить свои деньги на другие, более нужные им вещи.

Именно редкость денег и неэластичность их предложения, позволяет наглядно показать этот процесс другим участникам рынка. Падение спроса и насыщение рынка, как правило, выражается через падение цены и дает сигнал всем остальным искать другие точки приложения усилий. Это является одним из главных механизмов «невидимой руки» — координации действий множества людей, происходящей без предварительной договоренности, механизма, который обеспечил нам всем нынешнее процветание.

Деньги, не способные отразить изменение спроса и предложения, вообще никогда бы не возникли. В них нет никакого смысла. Если бы количество денег волшебным образом было бы «привязано» к количеству товаров и росло бы вместе с ним, люди бы не стали пользоваться такими деньгами.

Но как же так, скажут мне, ведь товаров становится больше! Действительно, это так. Однако, ограниченность благ в мире, в котором мы живем и, следовательно, потребность выбирать между ними, никуда не исчезает. Просто, вследствие предпринимательской деятельности, блага становятся более доступными, качество их растет и увеличивается выбор. Скажем, тысячу лет назад, пересичный европеец не был сильно избалован в смысле потребления пищи, для него, чаще всего, еда представляла собой лишь несколько наименований. Теперь вы можете купить не просто еду, а выбрать среди поистине бесконечных видов этой самой еды. Однако, это случилось не потому, что у людей стало больше денег, а потому, что благодаря обмену, разделению труда, капиталу и прочим институтам и феноменам рынка, все это время улучшалось качество товаров, и они становились все более доступными. Особенно наглядно это видно на примере высокотехнологичных отраслей, где улучшения происходят настолько быстро, что их не способно остановить даже печатание денег. Новый компьютер дешевле старого. Новый телефон и новый автомобиль тоже дешевле старых. В качестве заключения предложу, как мне кажется, понятную аналогию. Думать, что количество денег должно соответствовать количеству товаров, это все равно, что полагать, что чем больше супермаркет, в который вы попали, тем больше должно у вас быть денег в кошельке.

2012

4.5. Бессилие регулятора

4 сентября на межбанковской валютной бирже гривна упала до 8,19 за доллар. Некоторые банки в этот день продавали наличный доллар по 8,30. Перед этим Нацбанк рефинансировал три государственных банка на сумму 3,8 млрд гривен. После скачка регулятор «наказал» 5 банков, которые, по его мнению, наиболее активно спекулировали валютой, что привело к росту курса доллара.

Событие вызвало резонанс в прессе. В СМИ появились разнообразные трактовки происходящего — от начала девальвации гривны до желания НБУ понравиться миссии МВФ, которая в эти дни посетила Украину (НБУ не проводил интервенций, что может трактоваться, как «рыночный» подход регулятора к установлению курса).

Однако, мне кажется, для того, чтобы понять, что происходит на самом деле, нужно начать с того, откуда вообще берется проблема «обменного курса» и что она означает для Украины.

Обменные курсы есть прямое следствие государственной монополии на деньги. Государство владеет некой территорией, на которой оно ввело «наши» деньги. Рядом есть другая территория, где местное государство производит «ихние» деньги. В «нашем» государстве цены выражаются только в «наших» деньгах, в «ихнем» — только в «ихних». Соответственно, если

«наш» торговец хочет купить «их» товар, ему нужно поменять «наши» деньги на «их» деньги. Здесь и возникает проблема, как выразить стоимость одних бумажек в единицах других.

Чтобы понимать суть происходящего, нужно помнить, что эта проблема существует не для торговцев, а для государства. Торговые балансы и бюджетные дефициты — важнейшая часть макроэкономической отчетности. Сама же эта отчетность является чуть ли не единственным способом, которым правительства, как они полагают, могут объективно оценить свою работу. Общественность тоже верит в эти показатели, и вся политическая жизнь современного мира развивается вокруг них.

Государство не может производить товары, зато, владея денежной единицей, оно может изменять ее количество, тем самым решая свои проблемы. Эта способность создает самые разнообразные группы давления. В нашей теме — это импортеры и, конечно же, экспортеры. Последние всегда заинтересованы в удешевлении «наших» денег относительно «ихних», что дает экспотрерам краткосрочные преимущества (пока не опомнится правительство страны-покупателя), а государству — политически приятную макроэкономическую отчетность. Эта диспозиция одинакова для всех государств и она определяет то, что происходит в мире.

Есть два способа решения проблемы обменных курсов. Первый — фиксировать курсы государственных денег. Этот способ использовался во времена Бреттон-Вудской системы. Второй способ — плавающие обменные курсы, когда курс валюты устанавливается по результатам биржевых торгов. Трейдеры — экспортеры и импортеры — продают валюту на бирже под присмотром центробанка, который может тоже покупать и продавать, преследуя цели достижения того или иного обменного курса. В отличие от фиксированных курсов, эта схема считается «рыночной» и предполагает, что таким образом можно узнать стоимость одних денег в единицах других.

На самом деле, в рамках фиатных денег не существует хорошего решения, и фиксированные курсы, возможно, даже лучше, чем плавающие. На примере Украины мы видим, что плавающий курс — такое же потолочное определение стоимости валюты, как и фиксированный. С одной стороны, регулятор может «решать вопрос» политическими методами — регулируя участников торгов, а в нашем случае — «наказывая» за неправильное поведение. Заметим, что так называемая спекуляция, за которую были наказаны некоторые банки, и есть содержание процесса биржевого торга. Нет спекуляции — нет торгов, и значит курс валюты по их итогам — произвольный. Поведение участников биржевого торга в таких условиях диктуется, опять же, соображениями политических игр и интриг с участием центробанка. С другой стороны — ре-

гулятор не в состоянии предсказать, как поведут себя субъекты рынка в тех случаях, когда он не может прямо влиять на их решения. Мы видели, как три миллиарда гривен, которые были выданы государственным банкам, тут же оказались на бирже.

И дело тут не в коррупции. Если вы думаете, что это только украинские проблемы, то спешу вас разочаровать. Так происходит везде, только в менее брутальной форме. Регулятор в принципе не способен регулировать объективно, у него всегда будут любимчики и зависимость от политических решений, не говоря уже о том, что само его присутствие на рынке влияет на стимулы его участников. Недавно мы видели похожую ситуацию в ЕС, когда ЕЦБ жаловался на то, что банки «не спешат кредитовать» деньгами, которые им ссудил почти задаром ЕЦБ. Очень поучительно также поведение руководства ФРС в начале кризиса 2008 года, которое нельзя назвать иначе, как хаотичным.

Даже если допустить, что возможно существование системы, исключающей всякое субъективное вмешательство и позволяющей центробанку предельно точно понимать намерения участников валютных торгов, все равно обменный курс, устанавливаемый таким образом, будет произвольным. И вот почему.

«Свободный курс» устанавливается по результатам торгов предпринимателей, занятых экспортом и импортом, то есть, группы людей, выделяемой по произвольному критерию пересечения их товарами «го-

сударственной границы». Понятно, что эти бизнесы представляют лишь некоторую часть экономики, между тем, как процесс обмена происходит в экономике в целом и по определению не может быть ограничен национальными рамками. Меновые соотношения между товарами возникают без всяких денег. Деньги радикально убыстряют и расширяют этот процесс, но он по природе — не денежный. Нельзя вырвать из этого общего процесса некую часть, лишь на основании того, что в ней участвуют товары и услуги, пересекающие государственную границу. Проще говоря, «свободный курс», определяемый биржей, с помощью которого якобы можно установить стоимость одной валюты в единицах другой, есть иллюзия. О «свободном курсе» можно было бы говорить, если бы в стране легально ходили бы обмениваемые валюты, то есть, в них проводилось бы ценообразование и финансовая отчетность. Легко понять, что в этом случае биржевая процедура установления курса, как и участие в ней центробанка была бы совершенно излишней, предприниматели просто сравнивали бы цены в разных валютах, выбирая наиболее подходящий способ деятельности.

И здесь мы подходим к украинской специфике. В Украине фактически был реализован вариант параллельного хождения валют и полулегального ценообразования в «не своей» валюте. Доллар имел хождение практически наравне с купонами и гривнами, использовался и продолжает использоваться для платежей между частными лицами и как «эквивалент» при рас-

четах. В Украине довольно долгое время существовали свои внутренние долларовые цены. Факт зарплаты в 20 долларов в 90-х означает не столько бедность несчастных украинцев, сколько другую покупательную способность «укрдоллара», значительно более высокую, чем якобы того же самого доллара в США. Собственно, именно относительно свободное хождение «укрдоллара» позволило украинцам пережить 90-е.

С тех пор «курс доллара» является не просто элементом системы внешней торговли. Можно сказать, что курс доллара непосредственно влияет на поведение подавляющего большинства экономических субъектов, в том числе, тех, кто не занят экспортом-импортом и вообще не является «бизнесменом».

Нужно сказать, что украинские денежные власти довольно быстро осознали это обстоятельство. «Держать курс» всегда было приоритетом нацбанка. Заметим также, что именно по этой причине в Украине позиции минфина всегда вторичны по сравнению к НБУ.

Вспомним, что после ловкой девальвации в 98-м, когда курс скакнул с 2-х до 5 гривен за доллар, курс 5 гривен держался до кризиса 2008го. Оставим в стороне тот факт, что «поддержка курса» во многом является источником инфляции, мы говорили, что в этом вопросе не существует хороших решений (точнее — не существует решений в рамках фиатных денег). Отметим лишь, что неизвестно, какова заслуга НБУ в том, что курс был стабилен целых 10 лет. Был ли НБУ источни-

ком течения или он просто плыл по течению Похоже, все-таки, что все это время украинцы жили в режиме, когда биржевые торги и центробанк просто излишни.

Однако, времена меняются, и не всегда к лучшему. Нынешнее правительство — пожалуй, первое украинское правительство, которое всерьез интересуется макроэкономической отчетностью. Соответственно, желание подрихтовать показатели с помощью курса, равно как и давление групп интересов, оказывает самое прямое влияние на желание и возможности Нацбанка «держать курс». С другой стороны, тот же самый Нацбанк не устает производить гривну в промышленных масштабах. Только в августе НБУ «выкупил гособлигаций» (то есть, напечатал денег) на 3 миллиарда гривен. В общем, девальвация кажется неизбежной. И учитывая, что доллар является у нас валютой реальной экономики, ее последствия ударят по всем без исключения.

Итак, в качестве вывода можно сказать, что центробанк является совершенно бесполезным учреждением. В хорошие времена регулятор не нужен, так как все работает и без него. В плохие времена он бессилен, а его метания приносят вред.

В качестве второго вывода, можно предположить, что государствам, если они хотят сохранить монополию на деньги, придется поступиться значительной ее частью. При золотом стандарте проблема валютных курсов решалась автоматически. Когда банковская си-

стема государства А расширяла кредит (то есть, производила больше необеспеченных расписок — банкнот), внутренние цены начинали расти. Импорт в такую страну становился более прибыльным, он расширялся, а импортеры радостно меняли расписки-банкноты на золото. Грубо говоря, все сводилось к тому, что печатание необеспеченных расписок неким государством делало выгодным обмен этих расписок на золото. Начиналась «утечка золота», которая заставляла банки прекращать эмиссию бумажек. Собственно, проблема решалась потому, что во всех государствах «настоящими» деньгами было золото, и рост фидуциарной денежной массы корректировался этим обстоятельством, то есть, обязанностью банков обменивать свои расписки на золото. Для государственных денег золото — единственный независимый и объективный регулятор, именно поэтому оно и было изгнано. И именно поэтому вполне вероятно его возвращение. 2012

4.6. Печатать деньги или заниматься делом?

В последние дни с финансовых фронтов поступают тревожные вести. «Не хватает денег!» — кричат банкиры, журналисты и социально активные блоггеры. *«Банкиры рассказывают, что такой голод национальной валюты не испытывали давно. Точнее, никогда. Чтобы проводить финансовые операции, банкам приходится одалживать грив-*

ню друг у друга. Проценты по срочным займам достигают 20-30% годовых. Да и этот ресурс почти исчерпан. Чтобы раздобыть гривню, банкиры заманивают клиентов повышенными процентами на депозит» — пишет «Корреспондент». Далее обычно расписываются ужасы постигающие экономику «от нехватки денег», и в читательском воображении невольно повисает вопрос: «доколе?».

Для меня в этой истории проблему представляет не поведение НБУ, а поведение комментаторов — тех самых журналистов и социально активных блоггеров. Эти люди являются обобщателями и выразителями настроений разнообразных экспертов и прочей публики, которая знает, как надо. Так вот, если судить по общей мысли, которая иногда высказывается, а иногда додумывается сама собой, выходом из ситуации является та или иная форма роста денежной массы. Или девальвация денежной единицы. И то и другое имеет, в итоге, близкие последствия. Именно эта альтернатива заставляет автора этих строк грустить, поскольку он видит, как стремление принести пользу в очередной раз приносит вред.

Поясню. Я ни в коей мере не являюсь сторонником политики НБУ. Я вообще считаю, что любой центробанк — безусловное зло и главный производитель кризисов, поэтому лучшая политика НБУ — это отсутствие НБУ. Однако, если на секунду предположить, что центробанк способен приносить пользу, и что макроэкономика имеет какой-то смысл, то в этой истории все

равно следовало бы расставить совсем другие акценты.

Смотрите. Украинцы, пережившие гиперинфляцию начала 90-х, хорошо усвоили, что деньги сами по себе не есть богатство. Деньги обеспечивают косвенный обмен и разделение труда, то есть, они являются частью системы производства богатства. Но причина роста богатства — не деньги, а свободная деятельность людей. Например, если в вашей стране люди живут натуральным хозяйством и обмениваются по бартеру, то увеличивайте им денежную массу или уменьшайте — им все равно, они этим не пользуются. Но при этом, общественное богатство в такой стране все равно будет расти, хотя и медленно.

Идем дальше. Когда центробанк пытается бороться с инфляцией (то есть, с собственной деятельностью, но мы это пока опустим), он ведь не просто так это делает. Предполагается, что экономический субъект должен реагировать на изменения, которые вносит центробанк в условия его деятельности. Например, в случае сжатия денежной массы, чаще всего экономическому субъекту приходится снижать свои цены. Но украинский экономический субъект не может реагировать, даже, если хочет. Украинский экономический субъект не может действовать. Он связан по рукам и ногам государством. Он связан по рукам и ногам негласными насильственными монополиями. Он не может ничего купить и продать, он не может ничего ввезти и растаможить. В случае, когда есть выбор

между действием и недействием, он предпочитает не действовать, пока не будет на 100% уверен, что ему ничего за это не будет. В нашей стране единственной по настоящему серьезной проблемой является неуклонное сокращение предпринимательской деятельности, то есть, сокращение поиска и производства богатства во всех его формах.

И вот, что здесь важно. Когда центробанк является последователем шаманской школы «поддержим производство, накачав его «воздухом», то реальное состояние дел разглядеть непросто. Экономическое «оживление» на самом деле является здесь своего рода искусством вуду. Оно превращает обычно малоподвижных покойников в суетливых зомби. Эти зомби выглядят чем-то занятыми, но на самом деле, приток новых денег не создает нового богатства, он просто перераспределяет старое. Увидеть этот процесс не так легко, опять-таки, суету по перераспределению издалека можно принять за полноценную жизнь.

Но вот когда центробанк, как сейчас, является последователем противоположной шаманской школы и когда он героически борется с самим собой, «удерживая курс», «сокращая избыточную денежную массу» и т.п., то факт того, что пациенты скорее мертвы, чем живы, а те, кто еще жив, связаны по рукам и ногам, становится просто вопиющие очевидным. И если мы говорим об общественной пользе, то журналисты, эксперты и социально активные блоггеры должны указывать на него и вопрошать «доколе» именно по этому

поводу. Но нет и увы. Журналисты и блоггеры предпочитают веселых скелетов и жизнерадостных зомби. 2011

4.7. Нацбанк хуже Путина

В этой колонке мы поговорим о двух вещах — важной и не очень важной. Собственно, не очень важная вещь здесь будет поводом сказать о важной. И этой не очень важной вещью является паника по поводу курса гривны, а точнее, закономерный вопрос — это уже начало гиперинфляции или еще нет? Вопрос этот заинтересовал автора этих строк настолько, что он впервые в жизни посмотрел шоу Шустера, где как раз наш центральный банкир объясняла политику партии.

Из услышанного можно сделать вывод, что Тимошенко, со своими 311 миллиардами эмиссии, видимо, как обычно перегнула палку. Но Нацбанк денюшку в экономику заводит, как минимум, через «оздоровительные» мероприятия для банковской системы. Кроме того, Гонтарева признала эмиссию 96 миллиардов гривен «за Нафтогаз». И хотя она уверяла, что эти деньги не могут попасть на рынок, не стоит ей верить. Деньги, производимые центральными банками не существуют в виде монет, слитков и даже бумажного кэша. Выражение «печатать деньги» — это просто метафора. На самом деле, бумажные деньги в нашем мире, как сообщают нам знатоки, составляют лишь 8% денежной массы, все остальные деньги — просто записи в банковских книгах. В условиях, когда банковская

деятельность, то есть, содержание этих самых записей, регулируется законами, постановлениями, распоряжениями, письмами, записками и такими желтенькими стикерами на холодильнике, я почти не сомневаюсь в том, что эти деньги уже оказались на рынке. В совокупности получается довольно внушительная сумма, достаточная для того, чтобы не только поколебать курс, но и устроить инфляцию на грани гиперинфляции. На вопрос, в какой момент инфляция перерастет в гиперинфляцию, то есть, в какой момент люди начнут массово отказываться от инфлирующей валюты, нельзя ответить точно. В любом случае, это случится, если государство будет накачивать экономику пустыми деньгами, но тут играют роль и другие факторы, например, разнообразная регуляция, которая сопровождает этот процесс. С объемами и регуляцией у нас все в порядке, у последней ожидается только пополнение, так что мы можем стартовать гиперинфляцию с цифр официальной инфляции, которые считаются еще «допустимыми».

По поводу гиперинфляции у меня две хороших новости. Первая — гиперинфляция означает конец валюты, с которой она приключилась. Вторая — гиперинфляция означает конец правительства, которое ее начало. Все остальное молодежь может узнать у старших товарищей, ну, а старшие товарищи должны достать из кладовок и смазать свои кравчучки.

Это была неважная вещь. Теперь будет важная. Давайте вспомним, чем занимается центральный банк.

Он занимается денежной единицей. Давайте вспомним, что цены и денежный расчет, в которых и фигурирует эта самая денежная единица — это основа механизма, управляющего рынком. Самое важное здесь то, что сами деньги не есть нечто, существующее вне этой системы, напротив, они является ее частью, и их «стоимость», то есть, меновое соотношение с другими товарами, порождается теми же экономическими закономерностями.

Фиатная валюта и центробанк есть как раз попытка выйти за рамки этих закономерностей и представить денежную единицу как инструмент, то есть, как нейтральную в отношении прочей экономики вещь. У центрального банкира есть специальная методология — макроэкономика, которая объясняет, когда он должен вступать в игру и как он должен себя вести. Если кто-то думает, что теория эта существует независимо от деятельности центробанка, то он ошибается. История происхождения центробанка — это история государственного регулирования и, прежде всего, попыток примирить металлические деньги с частичным резервированием. То есть, сначала было регулирование, а потом появилась оправдывающая и обслуживающая его теория. Особенностью макроэкономики является ее метод, это фактически физика, а точнее, термодинамика, перенесенная на социальную почву. Она оперирует изменением неких агрегатов, которые рассчитываются для произвольных условий (например, для «экономики» в рамках государственных границ). Мало того,

регулирование производится исходя из цели достижения равновесия, что, конечно же, является абсурдной и недостижимой задачей. Читатель, который интересуется вопросом, но не хочет читать толстых талмудов, может ознакомиться с введением в заметке «Ошиблись методом» в этом сборнике. В любом случае, в этой науке нет места людям, то есть, единственным реально действующим в экономике субъектам. Очень показательна фраза, вырвавшаяся у Гонтаревой на шоу Шустера: «население — это очень опасно для валютной системы любой страны». В этой фразе — все, что вам нужно знать о денежной системе с центральным банком. Хорошо, когда центральный банкир, подобно Гринспену, удовлетворяется просмотром 50 графиков в ходе рабочего дня, а потом просто идет домой с чувством выполненного долга. Плохо, когда он начинает действовать. Любое действие центробанка есть удар по денежной единице, а значит и удар по самым базовым экономическим процессам, в которых она используется. При должной сноровке центрального банка деньги из инструмента координации и управления становятся инструментом дезинтеграции и хаоса.

Этим сейчас и занимается НБУ. Гонтарева рассказывала у Шустера о том, что Нацбанк намерен «помочь рынку найти равновесный курс». А нужно это потому, что этого требует торговый баланс. То есть, отчетность, порожденная фикцией (представлением о том, что государство — это субъект, который покупает и продает), требует другой фикции — «равновесного кур-

са», то есть никому в реальной экономике не нужной усредненной цены одной валюты в единицах другой. И все это было бы просто игрой воспаленной фантазии, если бы не приводило к конкретному вмешательству в экономику. «Если мы сейчас не найдем равновесный курс нам придется принимать дополнительные административные меры» — говорит Гонтарева, и я ей охотно верю.

Теперь, вкратце ознакомившись с тем, что делает центробанк, давайте посмотрим на наши перспективы. Владимир Владимирович Путин будет атаковать нас, пока не помрет. Это будет постоянно создавать «вызовы», суть которых будет оцениваться неадекватно, ввиду неадекватного переноса методологии естественных наук на социальные процессы и, что самое плохое — будут приниматься решения по исправлению положения, которые будут наносить огромный ущерб «экономике в целом», поскольку будут бить по самым ее основам. Чем больше неприятностей будет с нами происходить, тем больше будет потребность в том, чтобы ничто не препятствовало свободному обмену, а деньги были частью экономического процесса, а не фантазий банковских клерков. Но юные помощники закона тяготения и искатели равновесных курсов не успокоятся, пока не оставят от экономики камня на камне. И причина здесь не в личности центрального банкира, (у меня нет претензий к Гонтаревой, она делает свою работу, просто ее работа приносит огромный вред мне и

другим украинцам) — причина в самом институте центрального банка.

Вопрос «честных денег» — это вопрос нашего выживания и нашего послевоенного восстановления. Институт центрального банка прямо препятствует и первому, и второму. Поэтому ликвидация Нацбанка должна стать актуальной политической задачей, и чем быстрее она случится, тем меньше будут потери и тем быстрее будет восстановление.

Пока существует государство и миф о «национальной валюте», вполне приемлемым вариантом может стать «валютный совет» (currency board), когда объем «национальной валюты» на 100% покрывается резервами в иностранной валюте. То есть любимая всеми фикция национальной валюты есть, а шаловливых ручек, которые вырастают из «макроэкономических показателей» и их «регулирования» — нет. В такой ситуации Владимир Владимирович сколько угодно может бросать свои «вызовы», а денюшки будут твердыми и реакция экономики — адекватной и здоровой. Института, многократно усиливающего последствия «вызовов» и создающего новые проблемы своими «ответами» на них, не будет. В мире накоплен значительный опыт работы таких советов, в том числе и негативный, который, в частности, говорит о том, что если вы переходите в режим «валютного совета», центральный банк должен быть уничтожен и сравнен с землей, иначе будет как в Аргентине. Но это уже детали. Важно, что даже в рамках существующей политической па-

радигмы известны денежные системы, позволяющие обойтись без центральных банков и того колоссального ущерба, который они приносят своим экономикам, стремясь помочь объективным законам природы. 2015

4.8. Популярная вирусология. Мифы и легенды кризиса

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как мы начали «жить при кризисе». За это время разговоры по его поводу обзавелись некими «опорными точками», своего рода шаблонами, которыми мы волей-неволей пользуемся, когда говорим на эту тему. Эти шаблоны интересны сами по себе, так как являются свидетельствами нашего отношения к происходящему и нашего понимания происходящего. Автору кажется, что некоторые из этих шаблонов не совсем соответствуют реальности, и потому автор решил поделиться этими сомнениями с читателем.

Выход из кризиса

Любой более-менее предметный разговор на тему всегда содержит в себе шаблон «выхода из кризиса». Мы все произносим эти слова, не замечая, что они создают картину реальности, которая, похоже, самой реальности не соответствует. В этой картине предполагается, что кризис — это внешняя ситуация, в которой

мы оказались. У нее есть вход и теперь нам нужно найти выход.

Такой выход всегда предполагается делом рук чиновников — то есть, государства. Дискуссии обычно разворачиваются вокруг тех или иных государственных планов и заканчиваются сетованиями на то, что наше государство, мол, ни на что не способно.

На самом деле, кризис — это не внешняя ситуация, а внутреннее состояние, которое, конечно же, вызывается разными причинами, в том числе и внешними. «Выход из кризиса» действительно есть, и он называется кризис. Кризис нужно прожить, но, конечно же, не сидя на месте. И необходимая деятельность по этому «выходу» находится в руках субъектов экономики — частных лиц и предприятий, но никак не государства. Нет, разумеется, государство может улучшить условия для того, чтобы процессы происходили более безболезненно. Оно, к примеру, может увеличить гибкость рынков, убрав придуманные им же ограничения. То же самое относится и к налоговой и бюджетной политике. В общем, лучше всего ему уехать куда-нибудь, чтобы не путаться под ногами. Но где вы видели такое государство…

Капитализьм

Следующим моментом, который всегда обсуждается, конечно же, является поиск виновных. Здесь многие радостно повторяют что-то вроде «кризис показал

неэффективность капитализма». Ну, это уже совсем не соответствует реальности. Дело тут в том, что банки и финансовая система в целом, в силу крайней запутанности и многообразия используемых там инструментов, абстрактной природы деятельности и уж совершенно абстрактной природы прибыли в этом секторе, считаются неким воплощением «капитализма». Но если под «капитализмом» понимать свободный рынок, то все персонажи, произносящие слова о «капитализме» должны немедленно убиццо ап стену. Ибо как раз в финансах, и особенно в банковской сфере, «свободного рынка» почти нет. Банковское дело является одной из самых зарегулированных отраслей, своего рода «пережитком социализма» в относительно рыночной среде. Оно жестко регулируется и даже не столько законодательно, сколько прямыми директивами центральных банков.

Впрочем, вполне достаточно и того, что государственная монополия на деньги и возможность манипуляций ими под видом «финансовой политики» уже являются радикальным вмешательством в экономику, не говоря уже о том, что только благодаря государственной привилегии нарушения прав собственности, которой обладают банки, и стало возможным появление фидуциарных средств, регулярно вызывающих кризисы, включая нынешний.

Разумеется, «чрезмерные спекуляции» всегда предшествуют кризису. Однако, спекуляции — это далеко не то же самое, что и свободный рынок. Спе-

куляции возникают как раз там, где нет баланса, который обычно обеспечивает рыночная координация. Если ей мешают, как в нашем случае, то, разумеется, возникают спекуляции.

Благотворная очистка

Несмотря на неприятности, которые несет кризис, многие успокаивают себя тем, что он «окажет благотворный очищающий эффект». Это мнение активно распространяют враги «потреблятства» и «офисного планктона». Боюсь, это не так. Конечно, кризис стимулирует производить «нужные» товары и услуги, не забывая о доступности цены. Однако, совершенно не обязательно (а в нашей стране, с ее системной коррупцией вообще сомнительно), что выживут те, на чьи услуги и товары есть реальный спрос. Вместе с «пеаром», «реклямой» и другой ненужной деятельностью, кризис вынуждает останавливать любые долгосрочные и малоприбыльные проекты, начать которые заново будет затруднительно. Кризис, в любом случае, приводит к обеднению общества и к его «упрощению».

Обеспеченные деньги

Если дискуссия продолжается далее, и переходит на сугубо экономические темы, то обычно в разговоре появляются «обеспеченные» и «необеспеченные» деньги. Это уже более важный, но и более дискуссионный момент.

Идея «обеспеченных» денег приводит к странной мысли о соответствии «товарной массы» «денежной массе» и о необходимости роста денежной массы вместе с увеличением количества товара. В этой цепочке, на основе которой строятся многие рассуждения о кризисе и об экономике, странно всё. Во-первых, непонятна мистическая связь между «товарной массой» и «денежной массой». Почему-то в ней напрочь игнорируется существование цены, а также спроса и предложения. Во-вторых, совершенно непонятно, почему товарная масса должна обязательно расти. Если вы производите товары лучшего качества, которые дольше служат, вам нужно их меньше.

Иначе говоря, исходное рассуждение о «росте денежной массы в соответствии с товарной» исходит из непоколебимости нынешней экономической практики, в которой денежная масса, действительно, постоянно растет, за исключением ситуаций кризиса, когда она «схлопывается». Но это лишь одна из возможных и, как видим, далеко не лучшая практика. Если мы вспомним, что суть экономической деятельности состоит в удовлетворении потребностей, создании возможностей и самореализации, а не в производстве товаров и денег, то нелепость этого тезиса станет совсем очевидной.

Работающие деньги

Ну и, наконец, последнее утверждение экономического характера, которое почему-то ни у кого не вызывает сомнений. Звучит оно так: «деньги должны работать». Этим тезисом, к примеру, пользуются банки, которые опять начали кампанию по привлечению «вкладов» населения. Позиция «деньги должны работать» не так проста и не так безобидна, как кажется.

Начнем с того, что на самом деле, «работают» не деньги, а люди, преобразующие некие ресурсы в новое качество. На одни и те же деньги вы можете нанять совершенно разных людей, и результаты одной и той же работы, сделанной на одну и ту же сумму, будут совершенно различны. Уже это простое соображение делает идею «работы денег» достаточно сомнительной.

Далее. Задумайтесь над простым вопросом — когда «работают» деньги? По предлагаемой нам логике, они работают только в тот короткий миг, когда вы оплачиваете нечто (или вам платят за что-то). Все остальное время, когда они находятся у вас в кармане, считается, что они не работают.

Сторонники этого подхода предполагают, что «полезным» является любой экономический обмен, и, чем чаще они случаются, тем лучше. Однако, скорее всего, действительно важными являются причины обмена, те выгоды, которые получают стороны от него, и которые и заставляют их производить обмен.

Подумайте вот о чем. Что означает наличие в вашем кармане денег? Почему в этом случае считается, что они «не работают»? Деньги в кармане говорят о том, что вам не нужны прямо сейчас услуги и товары других людей. Либо вы не можете их приобрести, так как они слишком дороги. Скажите, не является ли это состояние денег работой? Не является ли оно сигналом для продавцов, что неплохо было бы снизить цены? Не является ли оно сигналом для производителей, что неплохо было бы улучшить качество? Не является ли это сигналом для изобретателей создавать новые возможности? Безусловно, это так. Деньги в вашем кармане работают всегда, потому, что они имеют собственника — вас, а собственник имеет намерения и планы, которые он создает, исходя из оценок окружающей реальности (то есть, состояния цен, качества и содержания благ, предлагаемых ему рынком сегодня). Для этих планов ему понадобятся деньги.

То, что я не хочу тратить деньги, является столь же важным для экономики сигналом, как и мои покупки.

Вторая ошибка состоит в том, что считается, что для того, чтобы деньги «работали», нужно отдать их банку. Иначе говоря, банк будет распоряжаться моими деньгами вместе со мной, что всегда случается, когда деньги оказываются на банковском депозите. Но мои деньги, которыми я в этом случае продолжаю распоряжаться, не могут обеспечить деятельность других субъектов по той простой причине, что они являются частью моих планов. Конечно, в реальности другие лю-

ди получат мои деньги в виде кредитов банка и что-то предпримут на них, но чем это заканчивается — мы видим.

Совсем другое дело, когда я сознательно откажусь от распоряжения деньгами на некоторый срок в пользу будущей прибыли. Следуя, опять таки, своим личным планам и предпочтениям, я дам эти деньги банку в кредит. Теперь деятельность, которую смогут вести другие люди на мои деньги, будет обеспечена, так как я отказался от своих планов на эти деньги в пользу их планов. Это — один из немногих случаев того, когда можно говорить о том, что «деньги работают».

Однако, заметим, что обычно о таких действиях как раз речи не идет. Обычно говорится о том, что «держать деньги в банке полезно для экономики» потому, что это создает «доступ к денежным средствам». То есть, польза от этого видится в том, что другой субъект возьмет мои деньги (выданные ему банком в кредит) и купит себе чего-нибудь. Это считается «хорошо», так как на этой операции заработает продавец товара, его производитель и прочие причастные лица, все они заплатят налоги, и короче, наступит благорастворение воздухов. Я бы прослезился в этом месте, если бы не тот факт, что это были мои деньги. И дело тут не в том, что мне их жалко. И не в том, что банк рано или поздно окажется не в состоянии вернуть мне мой вклад. Дело в том, что в бесконечном наборе индивидуальных планов и совершаемых в их рамках обменов, которым является экономика, возникает сбой. Деньги, бывшие ча-

стью моих планов, получат люди, которым я эти деньги не отдавал. Повторю — если бы я отказался от доступа к своим деньгам, выдав банку их в кредит, ничего страшного бы не случилось — вместо моих планов появились бы их планы. Но этого не было.

В общем, «деньги должны работать» — странное утверждение. Оно странно по сути, так как деньги «работают» всегда, и странно по выводам, которые предполагают, что вы непременно должны положить деньги в банк, иначе они работать не будут.

Мне как-то попалось аналогия кризиса с раковой опухолью. Действительно, организм, болеющий раком, погибает от того, что раковые клетки потребляют его ресурсы и отравляют его токсинами. То же самое можно сказать о необеспеченной деятельности. Она потребляет ресурсы и отравляет экономику. Правда, в отличие от организма, который умирает один раз, экономика «умирает» регулярно во время кризисов. Причем, нельзя сказать, что умирает ее худшая часть. 2009

4.9. House always win или почему нужно оставить МММ в покое

В Украине идет своего рода интернет-война. Воюют сторонники и противники МММ. Стоит появиться какой-нибудь заметке о пирамиде, как на нее, словно стервятники, слетаются пирамидные активисты и агитаторы, работающие покруче иных «юлеботов» и про-

чих платных и бесплатных радетелей за народ. Война эта уже выходит за рамки интернет-комментариев. Вот, например, г-н Петриченко, глава Громадської палати України провел пресс-конференцию, посвященную «обманутым вкладчикам», в которой смешал в одну кучу пострадальцев от трастов, банков и строительных афер. Как водится, активист требует от государства взять под контроль, а также расширить, улучшить и углубить. Со своей стороны, сторонники легких денег обвиняют государство в том, что оно мешает им заниматься практической проверкой работоспособности «схемы Понци» и вообще, МММ — дело добровольное, за руку никто никого не тянет.

Что же происходит, что такое «новое МММ», несет ли оно угрозу и нужно ли (и можно ли) его запретить?

Пирамида протеста

Для начала отметим, что мы имеем дело с совершенно новой пирамидой. О работе самой пирамиды и о том, почему «правоохранителям» трудно вмешаться в процесс, рассказано много, я же хочу отметить важнейший момент, о котором почему-то никто не говорит.

Для того, чтобы понести деньги в пирамиду, мало быть жадным, глупым, избыточно азартным или чересчур самоуверенным. Существует достаточно обширный рынок для людей с такими качествами. Для того, чтобы человек выбрал МММ, а не лоторею «Ва-

силёк», нужно еще что-то, кроме названых качеств. Не побоюсь назвать это «что-то» идеологической основой. Идеология МММ просто и доходчиво изложена в «символе веры». Она основана на недоверии, протесте, и, конечно же, покоится на гранитном фундаменте отсутствия элементарных экономических знаний.

Недоверие

Наши люди не доверяют никому. Не доверяют они друг другу, не доверяют государству, не доверяют банкам, не доверяют экспертам. Когда кредитование банка (срочный вклад) приносит 15-20% годовых, а кто-то рядом предлагает куда больше, объясняя, что банк просто наживается на тебе, и поэтому предлагаемый сверх-процент вполне реален, то наш человек может клюнуть на такое предложение. У него есть опыт банковских скандалов, которые преследуют Украину все годы независимости, или лучше даже сказать так — у него нет никаких причин доверять банкам. Он понимает, что может «пролететь» в МММ, но точно так же он может «пролететь» и с банками.

Протест

Думаю, не ошибусь, если скажу, что основной костяк активистов МММ составляют люди около 30-ти, имеющие отношение к бизнесу, либо работающие «офисным планктоном». Многие из них, наверное, даже небольшие начальнички в своем деле. Эта публика

кое-чему научилась и, прежде всего, научилась разнице между внешней стороной дела и «реальностью», как она им представляется. Их опыт говорит им, что «трудом праведным не наживешь палат каменных», что карьера и богатство не зависят от креативности, продуктивности и тому подобного, а зависят они от близости к власти, связей и навыков манипулирования. Поэтому, когда Мавроди в своем символе веры говорит о том, что «Хозяева» наживаются на рабах и, в том числе, потому, что присвоили себе право печатать деньги — эти слова ложатся на хорошо подготовленную почву. Более того, интернет просто разбухает от разного рода конспирологических историй, чего только стоит успех «разоблачительных» фильмов типа Zeitgeist. Молодые люди считают, что у них нет перспектив, более того, они видят, что они не одни, и что эта проблема актуальна для всего мира. Поэтому предложение Мавроди «взуть хозяев» находит самый живой отклик.

Отсутствие знаний

Людвиг фон Мизес говорил о том, что знание экономики является свого рода гражданским долгом современного человека. Со всех сторон мы окружены явлениями, которые являются предметом этой науки. Однако, ее не «проходят» в школе. Поэтому, представления большинства людей о том, что происходит, основаны на своего рода «бытовой очевидности», той самой, которая говорит нам, что Земля плоская. Хуже того, большинство мейнстримных экономистов солидарны с

такой «бытовой очевидностью», но это уже несколько иная тема.

Как обычно, в аферах такого рода мы имеем дело с полуправдой. Мавроди говорит, что «хозяева» печатают деньги и потому так хорошо живут. Действительно, на «Ютюбе» вы найдете тысячи роликов, разоблачающих ФРС и утверждающих, что она (и любой другой центральный банк) «просто печатает деньги». Само по себе это утверждение верно. Но лишь единицы таких роликов содержат адекватные объяснения того, что на практике означает «печатать деньги», как именно это происходит и к каким реальным последствиям это приводит. Большинство же, в силу господствующего экономического невежества, удовлетворяется странными и совершенно неадекватными выводами, которые делаются из верных посылок. Характерный пример такой неадекватности — широко распространенное обвинение ФРС в том, что она (о ужас!) — частная контора, как будто есть хоть какая-то разница в том, как юридически выглядит форма собственности у монополии, любые попытки конкуренции с которой жестко преследуются государством.

Отсутствие элементарных знаний не позволяет увидеть простую вещь — Мавроди обманывает с самого начала, еще в своем символе веры. Да, современные деньги — это пирамида. Но что предлагает Мавроди? Он пишет: «Пирамиды производят деньги. А это позволено только Хозяевам. Это их святая и неотъемлемая прерогатива и их непреложная монополия. Право

на производство денег и делает их Хозяевами. А тут их производят… рабы!!!» Но это неправда. Мавроди не дает никаких шансов «рабам», никаких денег рабы в его пирамиде не производят. Он просто создает свою маленькую пирамидку внутри пирамиды «хозяев». «Хозяева» по-прежнему правят бал, деньги, которыми пользуется Мавроди — это их деньги, они регулируют денежную массу, устанавливают процентные ставки, проводят девальвации и «управляемые инфляции».

Действия Мавроди соответствовали бы его заявлениям, если бы он попытался организовать новую денежную систему, новую пирамиду, со своим собственным центробанком, денежной единицей и частичным резервированием. И я бы очень хотел посмотреть на то, насколько быстро и как именно бы это для него закончилось. А пока то, что он делает — это легкие шалости, ничем и никому особо не угрожающие, кроме доверчивых вкладчиков. Чисто теоретически Мавроди может «разогнать» банковскую систему, поскольку процентные ставки МММ выше банковских, что создает спрос на банковские кредиты и, при их массовом невозврате в ходе обвала пирамиды, может спровоцировать банковский кризис. Однако, повторю, это чисто теоретическая угроза, для ее реализации необходимо, чтобы в системе состояло ну очень много людей. Да и по сути дела, это ничего не меняет для «хозяев», у них остаются все инструменты контроля, вплоть до «отме-

ны» дискредитированной денежной единицы и запуска новой на тех же самых основах.

Действительно, государственные финансы — это пирамида. Однако, она устроена гораздо сложнее примитивной денежной пирамиды Мавроди и в ней перемещаются не просто денежные единицы, а материальные и нематериальные блага. В среднем, примерно каждые 10 лет (с 70-х годов — чаще) в той или иной форме происходит разной степени глобальности кризис государственных пирамид. Однако, в отличие от пирамиды Мавроди, государство может напечатать сколько угодно денег и у него никогда не заканчиваются клиенты. Более того, участие в государственной пирамиде обязательно, а уклонение наказывается по закону. Поэтому у Мавроди нет никаких шансов в конуренции.

Экономика

Можно ли запретить МММ? Думаю, что для того, чтобы что-то запрещать, нужно хотя бы отдаленно представлять, с каким именно явлением мы имеем дело.

Денежная пирамида — это наиболее брутальная разновидность явления, называемого «пузырем». Что это такое? Человек в здравом уме и твердой памяти всегда будет стремиться получить максимальную отдачу на единицу своих усилий. В денежной экономике это означает, что инвестиции всегда идут туда, где

выше прибыль (при прочих равных). Это, если хотите, закон природы. Однако, в нормальной экономике инвестиции не берутся из воздуха, для инвестирования нужно сделать сбережения, то есть сократить свое текущее потребление ради более ценных целей в будущем. Классический пример — для того, чтобы накопить на учебу, нужно ограничить себя в посещении дискотек, в выпивках с друзьями и покупках дорогих гаджетов. Это позволит получить более ценный результат в виде диплома и перспектив хорошей работы.

Однако, если финансовая система производит деньги из воздуха, то вместе со сбережениями в местах «повышенной доходности» оказываются и пустые, не подкрепленные сокращением потребления деньги, «произведенные» банковским мультипликатором. В этом месте и возникает «пузырь». Со времен голландской тюльпаномании 17 века все пузыри имеют одинаковую причину — быстрый рост денежной массы. Как правило, пузырями становятся «новые отрасли» вроде железных дорог и пароходов в 19 веке или «доткомов» в 20-м, рынок недвижимости почти всегда имеет вид «пузыря» и так далее. Однако, экономика — это обмен реальными благами, а деньги лишь обслуживают этот процесс. Рано или поздно выясняется, что поскольку никто не делал сбережений (то есть, не сокращал потребления), то реальных благ не хватает для завершения «пузырчатых» проектов, и «пузыри» лопаются, часто увлекая за собой всю экономику.

То есть, причина любых пузырей и денежных пирамид в частности, — финансовая система, основанная на частичном резервировании банками вкладов до востребования. При 100% резерве и отсутствии центробанков или при конкурентной денежной системе пузыри и пирамиды просто невозможны, точнее, они будут уделом полных клинических идиотов, которых все-таки не так много, как нам кажется.

Поэтому, запрещать денежные пирамиды бессмысленно. Они будут существовать в той или иной форме, пока будут существовать фидуциарные деньги, производимые банковской системой с частичным резервированием.

House always win — казино всегда выигрывает

Точно так же невозможно запретить человеческую жадность, глупость и самоуверенность. Государство здесь совершенно бессильно. Более того, как это обычно бывает, запрет каких-то форм деятельности, зарабатывающей на человеческой глупости, приводит к последствиям хуже самой этой деятельности, ведь при неизменной глупости, риски возрастают, а значит, возрастают и потери. Мошенники всегда найдут пути к сердцу доверчивых граждан, способы «сравнительно честного отъема денежных знаков» будут только совершенствоваться. Лучше, чтобы они это делали легально и простыми способами, как, например, казино.

Вообще говоря, все попытки защититься от реальности обычно приводят к результатам, противоположным ожидаемым. То есть, вместо того, чтобы люди учились на своих и чужих ошибках, делали выводы и в дальнейшем вели себя более осмотрительно, государство пытается сделать так, будто ничего не было. Классическая идея такого сорта — это страхование банковских вкладов и разного рода государственные гарантии, предоставляемые вкладчикам. Сейчас украинские профсоюзы в предвкушении обвала МММ, озаботились этим вопросом. Они предлагают «улучшить, углубить и расширить» эти гарантии, доведя их до маразма, существующего в странах ЕС и США. То есть, это означает, что люди, вложившие деньги в плохой банк и люди, вложившие в хороший, рискуют одинаково. Банкиру нет смысла хорошо вести бизнес — вкладчики не накажут плохого банкира, уйдя от него, поскольку государство стимулирует вкладчиков быть тупыми баранами и не интересоваться, насколько хорош тот или иной банк. Хуже того, поскольку государство само не создает ничего полезного, государственные гарантии есть не что иное, как наши налоги. То есть, это мы платим тупым вкладчикам и поощряем плохих банкиров. Например, в случае краха МММ, всякие государственные фонды и гарантии означают, что это мы будем платить вкладчикам МММ. То есть, государство будет наказывать тех, кто проявил здравомыслие и не участвовал в пирамиде и поощрять тех, кто вложил деньги в МММ.

Ну и, конечно же, от любых запретов выигрывает репрессивный аппарат государства, а значит, коррупция и организованная преступность. Поэтому, возвращаясь к нашей теме, лучшее, что можно сделать с МММ — оставить все, как есть.

Единственное, на что бы мне хотелось обратить внимание в качестве «средства решения проблемы» — это на возможности, которые открывает договор пари. Не знаю, насколько широко он применяется в украинской практике, но, по сути, в случае МММ и банковских вкладов мы имеем дело с пари. Причем, это не игра, а именно пари, ведь в игре имеет значение мастерство участников, а здесь оно значения не имеет. Ни Мавроди, ни банкир не знают, когда именно рухнет МММ, или когда обанкротится банк. Думаю, «общество в целом» только выиграло бы от того, если бы юристы рассматривали сделки в денежных пирамидах как пари. 2012

4.10. О евро

Если вы живете на Южной Борщаговке и покупаете там яблоки на рынке, вам не придет в голову кричать о том, что у вас нарушился торговый баланс в пользу импорта. Более того, в реальной жизни вряд ли кому-то будет интересен и полезен ВВП Южной Борщаговки. Но если бы на Южной Борщаговке было свое государство, оно бы обязательно подсчитывало ВВП, торговый баланс, беспокоилось бы о занятости, уровне цен и защите отечественного производителя. Если бы оно еще

и выпускало деньги, то на Борщаговке был бы центробанк, возникли бы проблемы валютных курсов и сальдо торгового баланса, не говоря уже об инфляции. Южная Борщаговка вскоре стала бы уважаемым государством с уважаемыми проблемами, а ее пресса и телевидение взахлеб обсуждали бы нешуточные беды и неприятности, о существовании которых, заметим, никто и не подозревал, пока там не было государства. Граждане с удивлением обнаружили бы множество запретов и регулирующих норм и с энтузиазмом включились бы в политическую борьбу за то, что же еще, как именно и кому именно запретить и кого еще как следует отрегулировать, чтобы, наконец, привести в равновесие показатели, за которые самоотверженно борется правительство.

Я почти не утрирую. Именно таково содержание политэкономической жизни современного государства. Она представляет собой набор показателей и набор «государственных политик» — сообщающихся сосудов, противовесов и рычажков, за которые можно тянуть, приводя в действие всю систему. Причина существования этой системы не экономика и человеческая деятельность, а потребности государственной отчетности, выборов и политических кампаний. Но работа этой системы оказывает самое непосредственное влияние на реальную жизнь. Именно поэтому показатели и рычажки являются объектом постоянного интереса сменяющих друг друга политэкономических групп, сам факт существования рычажков порожда-

ет эти группы. Сегодня победили сторонники рычажка «А», на короткое время они получат прибыли, потом систему начнет лихорадить, победят сторонники рычажка «Б» и колбочки «В», их сторонники получат свой бенефит и так далее до бесконечности. 99% того, что мы читаем в экономической прессе и того, о чем рассуждают «ведущие экономисты», есть описание этого увлекательного процесса.

Так вот, европейская валюта евро — это порождение этого процесса. А то, что с ней сегодня происходит — это результат столкновения увлекательного процесса с реальностью. Ну, а теперь посмотрим, как именно это происходило.

Крах Бреттон-Вудса

Разумеется, архитекторы единой Европы после Второй мировой войны имели в своих планах создание общей валюты, однако, практическое начало этого процесса имеет точную дату — декабрь 1969 года, Европейский саммит в Гааге. С чем связана эта дата помимо замыслов строителей единой Европы? Здесь нужно сделать короткое отступление и сказать, что «цивилизованный мир» несколько предыдущих столетий жил при единой валюте. Этой валютой были драгоценные металлы — золото и серебро. Денежной единицей был вес драгоценного металла. Надписи на «национальных» банкнотах (доллары, фунты, франки) обо-

значали, всего лишь, тот вес металла, на который эти бумажки можно было обменять.

Эта система, несмотря на многочисленные недостатки, связанные, прежде всего, с возможностями правительств вмешиваться в ее работу, стала основой экономического роста и прогресса, особенно в 19 и 20 веках. Однако, для государств металлический стандарт был очень невыгоден, так как сильно связывал их в желании нести свет и радость людям и в возможностях бороться за показатели. В общем, весь 20-й век ушел у государств на то, чтобы избавить «свои» валюты от золота, и это отдельная и интересная история.

Наша же история начинается с кризиса последней международной валютной системы, известной, как Бреттон-Вудская система, которая была хоть как-то привязана к золоту. Сильно упрощая, можно сказать, что суть этой системы сводилась к тому, что только доллар США обменивался на золото, причем, обменивался по фиксированной цене 35 долларов за унцию, только на слитки и только в расчетах между центробанками стран-участников системы. Остальные валюты обменивались на доллар по фиксированным курсам.

Существование этой системы никак не ограничивало аппетиты ФРС и американского государства. Все время после Бреттон-Вудского соглашения они радостно наводняли мир американским долларом. Иностранные центробанки добросовестно меняли этот доллар на золото и уверенно сокращали золотой за-

пас США, который сразу после Второй мировой войны был самым большим в мире, а потом начал стремительно таять. Кроме того, нужно было поддерживать цену 35 долларов за унцию золота, на этой цене держалась вся система. Поэтому американцам приходилось проводить интервенции на иностранных биржах, торгующих золотом, на которых частные лица (американцам было запрещено иметь золото) из других государств обменивали имеющиеся у них доллары на золото.

Что-нибудь вместо Бреттон-Вудса

В 1968 году прозвучал первый звонок — Бреттон-Вудская система была сильно изменена — государства-участники отказались от сделок с золотом на свободном рынке, превратив систему в закрытый «междусобойчик». Стало ясно, что Бреттон-Вудс обречен. У европейцев, которые страдали от избытка «евродолларов», появились все стимулы задуматься о «своей» валютной системе, **что и было продекларировано в Гааге в 1969 году**. Отметим здесь противоречивость желаний политэкономических элит. С одной стороны, после краха Бреттон-Вудса, слишком велик был соблазн наконец-то получить в полное управление рычажок с надписью «деньги», до этого времени ограниченный золотом. С другой стороны, в Европе еще сохранились политические силы и экономисты, выступающие за твердые валюты. **Желание «отвязаться от золота» и одновременно иметь твердые деньги — вот ключ к пониманию процесса, который привел к**

появлению евро и который, на самом деле, еще продолжается. Как мы увидим, фактически это был эксперимент, призванный дать ответ на вопрос — способны ли политические приказы (фиатные деньги) заменить законы природы (золотые или, шире, товарные деньги).

В 1971-м году Бреттон-Вудс рухнул. За ним последовала попытка создать систему на основе фиксированных курсов, которая тоже провалилась, и к 1973 году мир вошел в эпоху неразменных денег и плавающих курсов. Эти перемены ознаменовались знаменитой инфляцией 70-х.

Мир оказался в ситуации, весьма напоминающей 30-е годы, когда Рузвельт фактически парализовал и без того куцый к тому времени золотой стандарт. Это было время торговых войн, валютных блоков и соревнования девальваций. Все помнили, к чему это привело.

Поэтому к 1979 году в Европе оформились группы давления, заинтересованные в остановке инфляции и прекращении скачков валютных курсов. Это были разные группы, но, понятно, что их основу составляли трейдеры, банкиры и инвесторы. Усилия этих групп привели к созданию Европейской валютной системы (ЕВС) и появлению расчетной единицы ЭКЮ в рамках этой системы. Интересно, что в более консервативной в финансовом отношении Европе до учреждения ЕВС и ЭКЮ бродили идеи «привязки» этой расчетной едини-

цы к золоту (то есть, фактически, идеи создания новой полноценной валюты), однако, они так и не получили поддержки.

ЕВС фактически представлял собой систему фиксированных обменных курсов (с коридором в 2%), и, основанный на корзине валют стран-участниц ЭКЮ, который существовал только в безналичном виде, был инструментом этой системы.

Особенностью ЕВС было то, что она не была системой фиксированных курсов, скажем так, в ее классическом виде, в котором центробанки обязуются поддерживать валюту друг друга (что на практике означает, например, обязательство покупать падающую валюту соседа). ЕВС была основана на обязательствах центральных банков поддерживать стабильность только своей собственной валюты, а роль «системного интегратора» играл «корзинный» ЭКЮ.

Собственно говоря, ЕВС должна была решать задачу согласования малосогласуемых на практике вещей — сохранения национальной инфляции при стабильном курсе валюты. С одной стороны, государства хотели продолжать практику перераспределения путем инфляции, с другой — пользоваться благами стабильного курса. Теоретически это было бы возможно, **если бы всем центробанкам удалось согласовать темпы эмиссии**. Однако, это оказалось очень непросто. С 1979 по 1983 «фиксированные» курсы пересматривались 9 раз. С 1987 по 1992-й (после того, как цен-

тробанк Франции прекратил слишком уж инфляционную политику) наблюдалась относительная стабильность, после чего последовали девальвации валют Испании и Ирландии, а в 1993-м фактическая девальвация фунта (а затем и франка) и выход Британии из ЕВС.

Плохой Бундесбанк

Проблемой для ЕВС оказались не столько инфляционисты, сколько сторонники твердых денег. Главным таким сторонником был Бундесбанк. Валюты стран-участниц ЕВС все время падали относительно марки, то есть, Бундесбанк регулярно печатал меньше денег, чем все остальные. В такой системе, как ЕВС, это вынуждало остальные центробанки ориентироваться в эмиссии на Бундесбанк и, следовательно, сокращало инфляционные аппетиты.

Причины такого поведения Бундесбанка лежат в новейшей немецкой истории. Основой «немецкого чуда», поднявшего страну из руин в конце 40-х, была твердая марка, политика сбалансированного бюджета, жесткая финансовая дисциплина. Немецкая либеральная традиция, которая, казалось, навсегда была прервана Гитлером, восстановилась в лице Людвига Эрхарда — «отца» немецких экономических реформ. Эрхард был учеником Франца Оппенгеймера, одного из авторов «военной» теории происхождения государства и предшественником того, что сейчас называют «анархо-капитализмом». Сам Эрхард был далек от

анархизма, но будучи учеником такого экономиста, он не мог иметь иллюзий относительно того, как, для чего и почему функционирует государство. Это позволило ему правильно расставить приоритеты, и такими приоритетами стали финансовая дисциплина и твердая валюта — то есть, то, что лучше всего естественным путем удерживает государство в рамках и, следовательно, создает условия для экономического роста. Не будем также забывать, что немцы пережили две удалые гиперинфляции — в 20-х и после Второй мировой, что сильно ослабило их любовь к проинфляционной политической риторике.

В общем, через некоторое время практика ЕВС показала, что с Бундесбанком нет никаких проблем, поскольку сам Бундесбанк и есть проблема. Все последующие события в нашей истории связаны с попытками свести роль этого учреждения и его «неправильной» политики к минимуму.

Нужно сказать, что «мочить марку» начали сами немцы. Так, канцлеру Колю приписывается зловещая роль в этом процессе, считается, что он пожертвовал твердой маркой, настояв на льготном обмене восточных марок на западные при объединении Германии. Однако, главным шагом на пути к усмирению Бундесбанка стало введение евро.

Убийство марки

Введение евро не является неким закономерным этапом наступившим после ЕВС. Существование ЕВС никак не предполагало появления единой европейской валюты. Не экономическая целесообразность и развитие практики ЕВС (которая оказалась провальной, так как закончилась при валютном коридоре в 15%, что, мягко говоря, уже слабо напоминало фиксированные курсы) привела к появлению евро. Евро появилось в результате политического компромисса между сторонниками интеграции и группами, поддерживающими Бундесбанк. Этот компромисс состоял в том, что с одной стороны страны-участники теряли свой денежный суверенитет, передавая право эмиссии вновь созданному Европейскому центробанку. С другой, чтобы уговорить немцев присоединиться к проекту, ЕЦБ был наделен соответствующей независимостью, перед ним была поставлена единственная цель «поддержания уровня цен», запрещено покупать облигации стран-участниц и оказывать финансовую помощь странам и компаниям с целью предотвращения банкротства (правило «no bailout»). То есть, ЕЦБ был такой себе более слабой версией Бундесбанка.

Все это было торжественно оформлено в Маастрихстских соглашениях, и в 1999 году на европейской финансовой сцене появилось евро. В реальности Маастрихт и евро были поражением Германии и Бундесбанка и победой евробюрократов. Понятно, что в самой Германии были мощные силы, такие, к примеру,

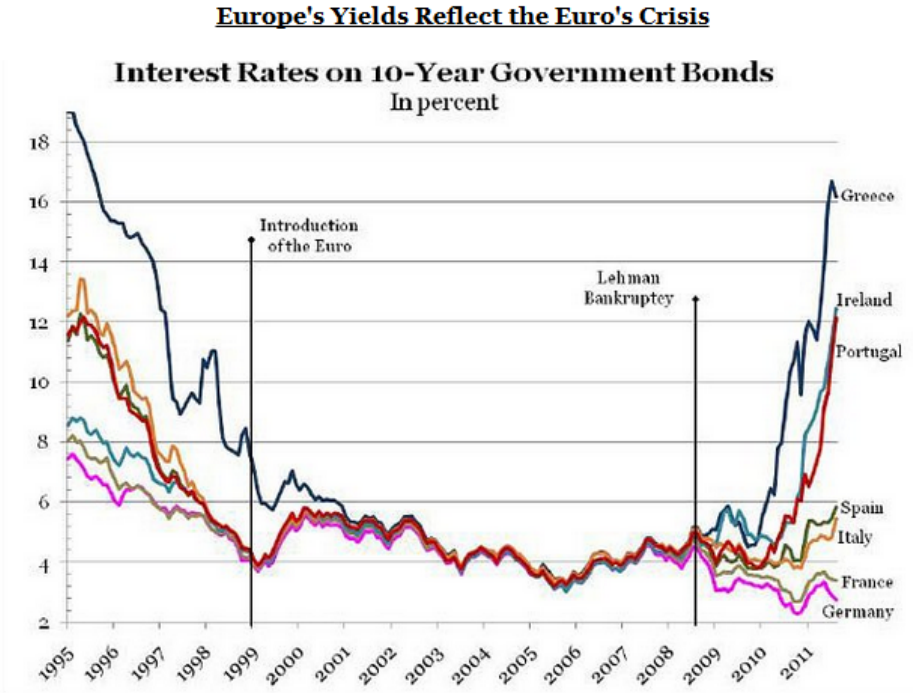
как профсоюзы или германский автопром, которые тоже были больше заинтересованы в интеграции, чем в твердой марке, поскольку они теперь диктовали общеевропейские стандарты в своих отраслях и получили возможности ограничить конкуренцию в свою пользу.

Интересно, что к тому времени европейские государства несколько изменили свои приоритеты в способах обеспечения своей жизнедеятельности. До ЕВС таким приоритетом была инфляция. Бундесбанк сильно умерил инфляционные аппетиты государств, но они нашли новое эльдорадо в виде государственных займов (можно было бы сократить государственные расходы, но кто же пойдет на такое!). Государственный долг начал расти повсеместно именно в период существования ЕВС и после него. Поэтому введение евро не ознаменовалось, как ожидалось, ростом инфляции, государства удовлетворились практикой займов.

Евро и кризис госдолга

Как известно, страны PIIGS (Португалия, Ирландия, Италия, Греция, Испания) в настоящее время испытывают среьезные проблемы с суверенным долгом, в отношении Греции идут разговоры о дефолте. Сейчас ЕС пытается решить эти проблемы политическими и «экономическими» путями, для нас же важен тот факт, что ЕЦБ, в нарушение правила no bailout, прибегнул к эмиссии. Почему так случилось?

Давайте посмотрим на график и вернемся к нашему тезису о том, что государственные политики есть набор взаимосвязанных рычажков, противовесов и сообщающихся сосудов.



При этом, современные неразменные деньги, что крайне важно, для государства тоже изменяемая величина (именно поэтому они и существуют), это рычажок, за который можно «тянуть». Когда мы имеем дело с национальным государством, все его рычажки хоть как-то связаны между собой. Макроэкономика, которая является религией государств, утверждает, что возможно такое состояние дел, когда умелое

регулирование «экономических параметров» государством приводит экономику в состояние равновесия. Не будем останавливаться на том, насколько действительно такое равновесие необходимо. Отметим лишь, что на практике, конечно, никакого равновесия никогда и нигде не было, и его в принципе и быть не может, — регулирование в одном месте всегда вызывает проблемы в другом и потребность в новом регулировании, и так до бесконечности. «Настройки экономики» не происходит, лишь постоянно увеличивается общий объем регулирования. Но, тем не менее, все эти «политики», рычажки и колбочки в случае национального государства хотя бы управляются из одного центра и в краткосрочном периоде могут быть хоть как-то согласованы для ситуации конкретной страны. Грубо говоря, **набор регулируемых государством параметров в каждой стране требует своего уникального положения всех рычажков, включая рычажок «деньги»**. В случае же ЕС положение рычажка «деньги» одинаково для всех, но, при этом, для каждой страны имеются совершенно разные бюджетные, фискальные, социальные и прочие и прочие политики.

Разумеется, долго так продолжаться не может. Все знают, что современные финансы основаны не на реальности, а на доверии, то есть, являются, по сути, лотереей, «договором пари» или просто легализованным надувательством. Любые серьезные неприятности в одной части системы обязательно отражаются на системе в целом, люди немедленно начинают заду-

мываться, не пора ли бежать из пирамиды и прикидывают, как бы забрать наконец-то свои деньги из банка, — в общем, люди ведут себя прямо противоположно тому, что рекомендуют «ведущие экономисты». В этот момент кредиторы вспоминают, что Греция есть Греция, а Германия есть Германия. Кредиторы были согласны давать деньги Греции под 2% когда все было спокойно потому что это те же самые евро, что и в Германии. Но в неспокойные времена кредиторы предпочитают подстраховаться. Кредиторам говорят: «у нас же действует правило no bailout! Грекам никто не даст денег, так что покупайте их облигации по 2%!» «Конечно, конечно, правила у вас, ага» — говорят кредиторы и покупают по 15%. И делают правильно, потому, что в итоге, правило «no bailout» посылается в пень, ЕЦБ уступает «политической целесообразности», и деньги печатаются.

Этот график также показывает, почему евро — не золото. Часто приходится слышать, что поскольку золотой стандарт это то же самое, что и единая валюта, то чем, мол, тогда единая валюта по имени евро хуже золотого стандарта? Так вот, в случае золотого стандарта (для простоты примем золотой стандарт без отягчающих обстоятельств в виде «национальных» валют и центробанков) при прочих равных в периоде с 1999-го (допустим, в этом году вместо евро был введен золотой стандарт) по 2008-й графики доходности облигаций разных стран никогда не совпали бы в такой приятной гармонии. Германия и Франция все это вре-

мя были бы с низкими процентами, Греция, Ирландия и прочие — с высокими. И не нужно было бы никаких ЕЦБ и правил «no bailout». Кредиторы и так прекрасно знали бы, что деньги из воздуха не появятся, так как законы природы таковы, что физически их предложение невозможно быстро увеличить. Поэтому кредиторы в системе с товарными деньгами вроде золота просто никогда не дали бы государству-транжире типа Греции в долг под низкие проценты и, в итоге, не было бы никакого долгового кризиса. Когда же предложение денег определяется не законами природы, а законами политическими, кредиторы дадут деньги Греции, поскольку они понимают, что политические законы, какими бы строгими и нерушимыми они не казались, могут быть отменены или обойдены. Я уже не говорю о том, что у кредиторов есть опыт наблюдения за тем, как выполняются Маастрихсткие соглашения. Плохо выполняются. И потому в случае шухера они тут же перестают покупать греческие облигации по 2 и покупают их по 15, поскольку знают, что bailout будет в любом случае, несмотря на всякие правила. Собственно, **график показывает, что очередной эксперимент «что сильнее — политические законы или законы природы» можно считать законченным в пользу законов природы**.

Что будет дальше

Дальнейшая судьба евро будет решаться тоже политическим путем. Очевидный и логичный путь — унифи-

кация всех государственных политик, сведение управления всеми «рычажками» в один центр. Это означает полную ликвидацию остатков национальных суверенитетов и строительство европейской империи. Сейчас раздается очень много голосов в пользу этого варианта. Правда, говорят они только об унификации, а не об империи, но, понятно, что одного без другого не бывает.

Европейская конституция, замаскированная под лиссабонские соглашения, потихоньку вступает в силу. В 2014 году вступят в силу некоторые чисто имперские положения, например, о праве выхода из Союза. Теперь чтобы выйти из ЕС нужно будет решение Совета, принятое квалифицированным большинством, то есть, 55% голосов членов Совета (минимум 15 стран), эти страны должны представлять минимум 65% населения Союза. Любые другие четыре страны могут заблокировать это решение. То есть, ЕС превратится в междусобойчик с правилом «вход-рубль, выход-два». Таким образом, до того, как это случится, элиты должны определиться, в какую игру они будут играть.

Мы сейчас находимся в начале процесса переформатирования ЕС под действием кризиса, в нем только формируются векторы и игроки. Однако, можно назвать несколько очевидных факторов, которые будут определять события.

Во-первых, государства всегда и везде развиваются по логике раковой опухоли, и это сильно облегчает

задачу прогнозирования. Это, так сказать, стратегическое обстоятельство. В нашем случае это означает принципиальную заинтересованность части европейских элит в новой европейской империи. **Евросоюз с правосубъектностью государства — это, прежде всего, новый должник с чистой репутацией**. Такая система должна быть создана хотя бы для того, чтобы продолжать гонку долгов, теперь уже не в рамках национальных государств, которые по уши в долгах, а в рамках Союза в целом (только ленивый еще не высказался в пользу евробондов). С другой стороны, ЕЦБ, «независимость» которого теперь уже можно смело оплакивать, открывает новые невиданные возможности для инфляции, опять-таки, в масштабах всего Союза.

Во-вторых, мы уже можем смело попрощаться с твердым евро. ЕЦБ, как и предполагалось, не стал «европейским Бундесбанком».

В-третьих, реформы, которых сейчас требует ЕЦБ от попавших в беду стран, скажем так, направлены не на решение проблемы, а на получение необходимой отчетности за некоторый период. План евробюрократа и мейнстримного экономиста Марио Монти, ставшего техническим премьером Италии — яркий пример этого подхода. «Жесткая экономия», предлагаемая Монти, внутренне противоречива. Она не решает проблему экономического роста, отсутствием которого страдает Италия, некоторые ее меры в виде повышения налогов, прямо направлены против роста экономики. Это, ско-

рее, фискальный план, а не план реформ. Вполне вероятно, что Монти удастся погасить задолженность Италии на некоторую сумму, что будет преподнесено, как большая победа, но затем все вернется на круги своя, так как причины сохранятся. Нет никаких оснований полагать, что в других странах будет как-то иначе: ни у национальных элит, ни, тем более, у евроинтеграторов нет никакой заинтересованности в реальном реформировании экономики, они уже давно объявили экономические реформы «политически невозможными».

В-четвертых, нужно понимать, что большинство «периферийных» стран вступало в ЕС не столько для стимулирования собственного роста, сколько для сохранения статус-кво, проще говоря, они вступали не для того, чтобы развиваться, а для того, чтобы ничего не делать. В одиночку поддерживать высокий уровень государственных расходов и «социальных» платежей им было затруднительно, вот они и рассчитывали в этом деле на помощь ЕС. Теперь, когда ЕС находится перед угрозой политики экономии, элитам этих стран придется задуматься над тем, какую игру вести.

В-пятых, в случае гипотетического ухода «периферии», развитые страны тоже теряют преимущества Союза. Развитые страны, как мы говорили, выигрывают от того, что являются законодателями стандартов, которые подавляют конкуренцию. Собственно, сделка между развитыми и периферийными странами, на которой держится ЕС, может быть сформулирована, как «подавление конкуренции в слабых странах в обмен на

финансовую помощь». Если слабые страны уйдут, то для сильных стран Союз тоже потеряет значительную часть своей привлекательности.

В качестве вывода можно сказать, что если бы ЕС был завершенным проектом, то можно было бы смело говорить о его крахе. Однако, к сожалению, это не так. У евроинтеграторов пока еще есть большой идейный резерв в виде недостроенной империи, сейчас они активно объясняют всем, что империя, с ее унификацией государственной политики, сможет решить проблемы, с которыми столкнулся Союз. Поскольку мы находимся в точке, когда формируются интересы и, собственно говоря, только возникают обстоятельства, в которых они формируются (например, теоретически возможны изменения политики США после выборов в этом году), то сказать, как именно будут развиваться события, невозможно. Практически равновероятны как долгое и мучительное переформатирование ЕС в некий конгломерат стран с разной степенью интегрированности, так и стремительное строительство унифицированной империи. Поскольку корень проблемы находится в необеспеченных фиатных деньгах и, следовательно, как мы говорили, финансовая деятельность является фактически «договором пари», то очередные потрясения в финансовом мире могут случиться в любой момент, и они могут сильно повлиять на характер политических процессов. Абсолютно точно можно лишь сказать, что система фиатных денег обречена, но вот сколько продлится ее агония — вопрос открытый (не

будем забывать, что планы создания всемирного центробанка, который будет заниматься инфляцией фиатных денег в мировом масштабе, а за ним и всемирного правительства, которое будет брать всемирно в долг,
2011 никто не отменял).

Альтернативный вариант

В 1974 году Фридрих фон Хайек получил Нобелевскую премию по экономике, а в 1976 году, неожиданно для самого себя, написал книгу «Частные деньги». Она начинается с предложения Хайека по поводу единой европейской валюты. Хайек назвал идею общей валюты «утопией» и предложил следующее решение. Коль скоро, говорит Хайек, мы имеем систему центральных банков, эмитирующих фиатные деньги, то решение состоит не в замене множества территориальных монополек одной общей для всех монополией, а в организации конкуренции между ними. Для этого страны-участники Союза должны избавиться от правила «законного средства платежа» в отношении «своей» валюты, то есть, допустить свободное хождение валюты каждой страны-участника Союза на своей территории, включая ценообразование, расчеты и котировки. Также должны быть допущены золотые монеты и ликвидированы ограничения на деятельность иностранных банков стран-членов Союза. Правило «законного средства платежа» сохраняется лишь для уплаты налогов и других государственных поборов, то есть, они при-

нимаются только в национальной валюте государства, взимающего их.

В этой ситуации граждане Союза получают право выбора и, в зависимости от характера своей деятельности, могут использовать разную валюту. Спекулянтам будет привлекательна «мягкая» валюта, промышленникам и торговцам — «твердая». В любом случае, политика центробанка (который в этом случае просто превращается в государственный эмиссионный банк) того или иного государства будет направлена на повышение спроса на его валюту, то есть, будет зависеть от того, насколько она нужна людям для их повседневных нужд. Замечу, что столь любимые в Украине «европейские ценности» стали возможны только потому, что Европа долгое время представляла собой набор конкурирующих юрисдикций. Конкуренция, а не унификация стала причиной свободы и процветания Запада и, думаю, что конкуренция, а не унификация, в том числе, и в денежной системе, станет основой его спасения. 2012

Часть 5

О государстве

5.1. Не так

«Государство — организация политической власти, осуществляющая управление обществом и обеспечивающая в нем порядок и стабильность.

Основными признаками государства являются: наличие определенной территории, суверенитет, широкая социальная база, монополия на легитимное насилие, право сбора налогов, публичный характер власти, наличие государственной символики.

Государство выполняет внутренние функции, среди которых — хозяйственная, стабилизационная, координационная, социальная и др. Существуют и внешние функции, важнейшими из которых являются обеспечение обороны и налаживание международного сотрудничества.

По форме правления государства делятся на монархии (конституционные и абсолютные) и республики (парламентские, президентские и смешанные). В зависимости от формы государственного устройства выделяют унитарные государства, федерации и конфедерации».

5.1.1. Давайте разберемся: монополия на принуждение, агрессия, насилие и защита

Одной из самых популярных и «вечных» тем является вопрос о том, как и почему возникает «монополия на принуждение». В паре с ним обычно идет вопрос о насилии. Из споров на эту тему можно составить приличный многотомник, но как мне кажется, одной из проблем в этих спорах (если не главной проблемой) является смысловая ловушка, в которой оказываются спорщики. В этой заметке мы попробуем разобраться с тем, что это за ловушка и как ее нужно обходить.

Взаимодействие людей в обществе в самом общем смысле возможно потому, что в данном месте и в данное время существует согласие по поводу того, кто, когда, почему и на каких условиях использует те или иные ресурсы. Границы, в которых индивид действует свободно, то есть, распоряжается в той или иной мере теми или иными ресурсами, определяются правами собственности. Думаю, понятно, что здесь речь идет о реальных правах собственности, а не о соответствующем «законодательстве», то есть, о тех правилах, которые делают возможным наше мирное повседневное взаимодействие и которые расположены не столько даже в формальном государственном «праве», сколько в праве обычая, привычках, морали и этикете (например, кто и почему уступает место в транспорте, кто кого пропускает первым в дверь и т.п.)

Неприкосновенность границ и наличие процедур решения споров — главное условие того, что люди могут свободно достигать своих целей и эффективно взаимодействовать друг с другом.

Соответственно, нарушение границ и попытки присвоить или использовать чужие ресурсы являются действиями, разрушающими сотрудничество и порядок в обществе. Фактически, подавляющее большинство проблем, с которыми мы сталкиваемся, могут быть сведены к проблемам прав собственности и границ.

Как видим, в отношении границы могут быть два основных вида действий — агрессия, то есть вторжение в чужие границы, и защита от агрессии. Именно эти две категории описывают все события, которые могут происходить в связи с границами. Покупая бронедвери, страхуя имущество, нанимая адвокатов для максимально точной работы с титулами собственности, ставя фаервол на свой компьютер и делая тому подобные вещи, вы занимаетесь защитой ваших границ. То же самое вы делаете, когда выгоняете злоумышленника с вашей территории, отстреливаетесь от бандитов или разоблачаете мошенников.

Точно так же существует масса способов агрессии — от банального гоп-стопа до хитроумного мошенничества и хакерства. И та, и другая деятельность может иметь разную сложность, вы можете заниматься защитой сами, либо нанять для некоторых задач специально обученных людей, точно так же агрессия про-

стирается от украденной при случае чайной ложки до организованных преступных синдикатов. Все эти подробности составляют содержание конкретных случаев агрессии или защиты. К этим деталям относится и такая характеристика события, как насилие или принуждение. Вор может украсть ваши вещи без всякого принуждения и насилия, просто проникнув в дом, когда вас нет. Точно так же, крепкие стены, двери и окна могут защитить ваше имущество без насилия и принуждения. Все то же самое может произойти с дракой и мордобоем, но все равно защита останется защитой, а агрессия — агрессией, **сущностно эти действия не изменятся от того, применялось ли насилие при их осуществлении, или нет**.

Почему же тогда в обсуждении этой проблематики обычно речь идет о насилии или принуждении (enforcement), а не о нарушении прав собственности и устанавливаемых ими границ Откуда тогда убеждение в необходимости «монополии на принуждение», убеждение в том, что «кто-то должен осуществлять монопольное принуждение» и даже в том, что в случае гипотетического отсутствия государства, оно «заведется само» как раз по причине неизбежности «монополии на принуждение»?

Причину этого можно описать через все те же права собственности. Государство считает вас своей собственностью. Понятно, что это случилось не потому, что некие тайные масоны или рептилоиды приняли секретное постановление на этот счет, просто тако-

ва логика его поведения: тот, кто может использовать, владеть и распоряжаться — есть собственник.

Собственник вправе определять, как другие могут использовать его собственность, он может устанавливать правила и даже карать за их несоблюдение. Возможность такого распоряжения есть один из главных признаков владельца собственности. И опять-таки, хочу подчеркнуть, что речь идет не о процедурах, установленных неким «законом», а о реально существующих правовых практиках. Государству совсем не обязательно записывать в конституции, что оно владеет территорией и гражданами, это есть фактическое состояние дел, а не результат какого-то политического решения или законодательного акта.

К позиции собственника государство неизбежно приводит налогообложение, то есть, регулярная практика принудительного изъятия части собственности у людей на некой территории. Не существует никакого логического механизма, кроме права собственности, который бы объяснял, почему кто-то должен регулярно платить кому-то под угрозой наказания. Весьма показательны в этом смысле «теории государства и права» и, в частности, теория «общественного договора» или ее институционалистская версия, трактующая государство, как набор «услуг». Эти теории, как известно, представляют причиной налогообложения некий контракт, а не право собственности. Заметим, что все они появились не в сатрапиях, где отношения собственности чиновников над людьми не скрыва-

ются, а в относительно свободных обществах, в которых публика совсем не склонна считать себя собственностью государства. Поэтому этой публике рассказывают о «контракте», которого не только никто не подписывал, но и никогда не видел. И здесь мы непосредственно подходим к причине путаницы с понятиями агрессии, насилия и защиты. Эта путаница существует только потому, что публика еще не везде готова безоговорочно считать себя собственностью, а государству, тем не менее, необходимо вести себя, как собственник.

«Монополия на принуждение» принадлежащая государству — это фактическое состояние дел, поскольку без нее невозможно налогообложение. С необходимостью, эта монополия будет распространяться не только на случаи принуждения для налогообложения, но и на отношения между гражданами, и, прежде всего, в ключевых вопросах прав собственности и границ.

Происходит это потому, что монополия на принуждение не может существовать одновременно с концепцией границ, и, соответственно, идеями агрессии и защиты, поскольку очевидно, что в этом случае государство — агрессор, и ему необходимо давать такой же отпор, как и любому другому агрессору. Поэтому акцент и переносится с существа дела на его характеристику, то есть, вместо агрессии и защиты появляется обобщенное «насилие» (принуждение). В итоге, агрессия и защита смешиваются, (заметим, что «защита» фактически исчезает из философского и юридического лексикона), а в идейном пространстве правит бал «наси-

лие» (или «принуждение») как некая сущностно однородная категория. Кстати, наглядный пример процесса подмены сути явлений есть в формулах моральных императивов. Общеизвестно, что императив you shall not murder постепенно заменяется на you shall not kill, то есть, запрет агрессии заменяется запретом убийства, как такового, вне зависимости от его причин. Это часть того же самого процесса подмены понятий, о котором мы здесь говорим.

В общем, ситуация выглядит следующим образом. В повседневности, а также в обычном (и часто и в формальном) праве мы используем концепцию прав собственности и границ, которая помогает нам мирно сосуществовать и взаимно обогащать друг друга. В ней действуют и взаимодействуют независимые собственники. Государству нужно, с одной стороны, осуществлять налогообложение, то есть, производить действия, которые может производить только собственник со своей собственностью, с другой, ему нужно получать согласие на налогообложение, для чего оно должно поддерживать существующую в обществе концепцию границ. Эти задачи противоречат друг другу. Вся правовая и юридическая неразбериха в вопросах «прав личности» и «прав собственности» вызвана этим фундаментальным противоречием. В идеологии и философии это противоречие просто пытаются скрыть через замену агрессии и защиты «насилием».

P.S. Замечу, что спор о том, какое слово правильнее использовать для обозначения акта покушения на

права собственности: «агрессия» или «насилие», имеет сугубо эстетическую природу. Я называю этот акт агрессией, в силу либертарианской традиции и того, что слово «насилие» употребляется в этатистских концепциях, оправдывающих агрессию. В данном случае, важно не то, какое именно слово используется, а то, что существует два разных явления — нарушение границ и характеристика этого нарушения, и для их обозначения нужны два разных слова, а не одно, как это имеет место быть сейчас.

5.1.2. О монополии на принуждение

Среди разнообразных признаков, которые отделяют государство от конторы «Рога и копыта», почетнейшее место занимает монополия на принуждение. С тем, что государство обладает этой радующей всех способностью, согласны самые разные школы, изучающие государство, кроме некоторых экзотических, верующих в то, что унтер-офицерская вдова таки сама себя высекла. Но, что интересно, именно с этим утверждением связана наибольшая путаница и неразбериха в умах широких народных масс.

Ведь если сказать широкой народной массе, что государственную монополию на принуждение следовало бы ликвидировать ради общего блага, то она, безусловно, возмутится. Как же так, скажет она, ведь если не будет государственной монополии на принуждение, то судебные решения не будут исполняться, улицы запол-

нятся горами трупов, а самое ужасное, что каждый будет делать, что ему захочется, и его никак нельзя будет заставить делать то, что хочется мне.

Давайте разберемся, в чем тут дело. Мне кажется, что проблема в понимании происхождения монополии, о которой мы говорим, и я сейчас постараюсь это пояснить. Давайте представим некоего производителя обуви. Он трудится днями напролет, совершенствуется, покупает новое оборудование и технологии, обучает персонал. Со временем он становится монополистом. Это означает, что с ним невозможно конкурировать, его продукт по всем параметрам лучше вашего. Теперь представим другую ситуацию. Пусть на некоторой территории появился большой мужик с большой дубиной, который заявил: «отныне только я произвожу тут обувь, а деньги на нее будете приносить мне раз в месяц, а то прибью». Любые попытки босоногих граждан стать сапожниками-подпольщиками он пресекает ловкими ударами по голове. Этот мужик тоже монополист.

То есть формальный результат в двух ситуациях у нас один и тот же — на некоторой территории никто, кроме одного производителя, не может производить обувь. Но содержание этого результата разное — в первом случае оно означает, что обуви у нас полно, она настолько хороша и настолько дешева, что нет смысла конкурировать, во втором случае никакой обуви вообще может не быть. Ничто не обязывает мужика с дубиной производить обувь.

Заметим, что вообще говоря, нет никакой разницы в том, передает ли мужик с дубиной свой бизнес по наследству или на должность мужика регулярно выбирают кого-то из местных. Если жители верят, что обувь может производить только мужик с дубиной, принудительно отнимая у них на эти цели часть дохода, то никакой разницы нет. И даже если допустить, что мужику, что называется, «по приколу», захочется сделать пару ботинок, он никогда не сможет сделать их так, как это делает «монополист» из первого примера, поскольку у него просто нет никаких данных о рынке ввиду отсутствия конкуренции. В случае монополиста из первого примера конкуренты дышат ему в затылок, и стоит только ему расслабиться и чего-то не понять в желаниях потребителей, как его монопольный статус будет потерян.

Думаю, всем понятно, что мужик с дубиной — это государство. Исторически государство есть результат военных завоеваний, то есть ситуации, когда некая группа силой удерживает некую территорию для того, чтобы собирать дань. Отсюда и его монополия.

Поэтому, неисполненные судебные решения и горы трупов на улице никак не связаны с тем, есть ли здесь поблизости государство со своей монополией на принуждение или его нет. Государство является монополией не потому, что всегда в любых условиях защищает вас от бандитов и выполняет судебные решения. Оно монополия потому, что **вам нельзя** защищаться от бандитов и создавать судебную систему. А будет ли

оно вас защищать — это как оно само решит, так, как ему удобно. 20

5.1.3. Добровольность и деятельность. Особенности перевода

У меня на полке есть книжка под названием «Словарь ложных друзей переводчика». Я не переводчик, но мне всегда интересно было заглядывать в эту книжку, чтобы лишний раз убедиться в том, насколько важными для понимания информации являются самые разнообразные детали. И, прежде всего, этимология и коннотации (если говорить о словах) и контекст (если говорить о словах в тексте).

Думаю, любой, кто может назвать себя либертарианцем, неоднократно участвовал в спорах о добровольности. Это одно из ключевых понятий для понимания основ экономики (добровольный обмен), принципа неагрессии и тому подобного. Либертарианство невозможно без четкого понимания границ между добровольным и принудительным.

Опять-таки, думаю, не ошибусь, если скажу, что дискуссии такого рода (если даже исключить обычный троллинг), обычно, мягко говоря, не просты. Причин тут много — от непонимания уровня абстрагирования, на котором делаются утверждения, до банального «советского наследия» в голове. Но есть одна причина, о

которой я как раз хочу немного поговорить, и связана она с переводом и коннотациями.

Не секрет, что большинство экономической и либертарианской литературы написано на английском языке. И в нем слово «добровольный» выглядит как«**voluntary**». Коннотации этих слов различны, «**voluntary**» нельзя точно перевести на русский (отсюда и отдельно стоящий «волюнтаризм»). Можно сказать «добровольный», «по воле», «по желанию», но однозначного соответствия нет. Обычно переводят словом «добровольный», но, как мне кажется, это слово является одной из причиной проблем и заблуждений. Дело в том, что в «добровольном» часто акцент делается не на «воле», а не «добре». «Пошел добровольцем», «добровольно сдался», здесь явно присутствует акцент не на «воле», а на том, что она «добрая», то есть, человек делает своего рода одолжение другим, приносит, так сказать, добро. Между тем, в том же слове «volunteer» звучит другой оттенок, человек участвует в том, что совпадает с его целями, в случае войны, например, отправляется на войну, потому, что стремится к этой цели, в этом состоит его воля. Приведу пример того, как понимание разницы между «**добровольный**» и «**voluntary**» может облегчить спор. Вот вам стандартный, набивший оскомину тезис о том, что человек, покупающий что-то (участвующий в обмене) делает это не добровольно, а, например, под воздействием рекламы (другой распространенный вариант — рабочий продает свой труд «под угрозой голода»). «Добровольность»

для тех, кто использует этот тезис, означает некую девственную чистоту и незамутненность мотивов субъекта. То есть, если он купил «кока-колу», промедитировав перед этим три дня, то это добровольно, а если вдруг увидел перед этим рекламу, то все, пиши пропало. А следовательно, «добровольного обмена не существует» и вся экономическая наука идет прахом. С рабочим, «продающим труд» под угрозой голода все еще хуже, и, в общем, ни экономисты, ни либертарианцы ничего не понимают, оторваны от жизни и полные утописты.

Между тем, экономика, право, а за ними и «либертарианство» говорят о voluntary, что в данном случае можно перевести, как «**по желанию**». Если вы замените «добровольно» на «по желанию», то всунуть в рассуждения рекламу или голод-не-тетку будет значительно труднее.

В самом деле, закономерности, которые возникают в ходе voluntary обменов, никак не зависят от того, были ли эти обмены проведены «под влиянием» голода, холода, рекламы, мнения соседа дяди Коли или тетки из Житомира. И вполне очевидно, почему. Право и экономика изучают то, что лежит **между людьми**, а не самих людей. Никто не может знать, под воздействием каких факторов тот или иной человек поступает так, а не иначе. Мы видим только поступки других, и это взаимное видение поступков друг друга и реакция на них и лежит в основе того, что называется «социаль-

ным порядком» со всеми его сложными институтами и закономерностями.

Когда эти поступки совершаются «по желанию» человека, а не по принуждению другого человека, то социальный порядок расширяется (люди удовлетворяют свои желания, какими они их видят в данным момент, удовлетворяя желания других и строят свои планы в расчете на то, что такой порядок сохранится), количество связей и сложность порядков возрастает, а значит, растут возможности людей и богатство «общества в целом». По этим причинам различение добровольного и принудительного имеет такое значение, и так важна точность в понимании этих слов.

Теперь совсем немного о другом слове, о «деятельности». В русском «деятельность» обычно ассоциируется с довольно-таки развернутым планом и его практической реализацией. Обычно вам не придет в голову назвать «деятельностью», скажем, покупку в магазине. Вот сам магазин — это деятельность, и еще какая. А разовая покупка в нем — нет.

Вы уже догадались, что речь пойдет о всем известной книге и той простой проблеме, что называется она Human action, и сам автор пишет там об action, а не о «деятельности». Казалось бы, это самое action правильнее было бы перевести, как «действие». Но тут опять заковыка, ибо «действие» в русском языке это нечто совсем короткое, часто неосознанное, это фактически неделимая единица, вроде как поднять руку.

В общем, перевели как «деятельность», но реальный смысл все-таки где-то посередине между «действием» и «деятельностью». Понятно, что можно всем показывать цитату из этой книги с определением «деятельности», но это, как мне кажется, не самый лучший выход, у вас это не всегда получится. А вот если помнить о том, что слова «деятельность» и, тем более, «действие» описывают не совсем то, что имел в виду Мизес, можно избежать разных неприятных ситуаций в дискуссиях по этому поводу. 2015

5.1.4. Суверенитет народа против народа

А вот еще один пример того, как некая идея, рожденная в одних условиях, превращается в нечто невразумительное и даже практически противоположное по смыслу, оказавшись в других условиях.

Думаю, все слышали о суверенитете народа, о том, что он является источником власти и т.п. Эта идея лежит в самой основе современной демократии. Однако, если вспомнить о ее происхождении, то сразу возникает множество вопросов, а заодно и ответов. Дело в том, что (если не считать римлян) в своей практической, так сказать, форме, идея народного суверенитета проявилась у английских левеллеров в ходе революции и гражданской войны в 17 веке. До этого времени этот вопрос имел, скорее, богословский характер (что, правда, в те времена было почти равносильно политическому). Суть проблемы состояла в божественном

происхождении власти короля. Революционеры, вдохновляемые некоторыми богословами, утверждали, что политическая власть имеет источником народ, а не бога. То есть, идея народного суверенитета — это оппозиция идее божественного права короля, она вызвана к жизни монархической практикой и неразрывно связана с ней. Это порождение политической ситуации Англии 17 века, идеологический, политический и полемический прием, используемый в борьбе с монархией. Не король, а народ является сувереном, вот в чем суть идеи. Для такой полемики уровень обобщения «народ» вполне допустим, ибо на этом этапе речь идет просто о замене единоличного и бесконтрольного правления на коллегиальное выборное.

США довели английскую революцию до логического конца и написали в своей конституции «we, the people…» Однако в отсутствие оппозиции в виде «божественной» монархии идея народного суверенитета сразу начала «провисать». Кто такой этот народ? Где его можно увидеть и каким образом он может практически реализовывать свое право суверена? Ладно, в английском языке «people» означает скорее «люди», то есть просто совокупность индивидов. Но, попав в наши палестины, где «народ» представляется неким единым монолитом, идея получила новую и страшную жизнь, в какой-то мере, воплотившись в русском большевизме.

Сегодня теория «народного суверенитета» — это главная идейная основа, главное оправдание существования государства современного типа и всевла-

стия бюрократии. Однако, думаю, всем понятно, что суверенитет народа — это фикция. Если народ — это некое целое, то его мнением может быть исключительно консенсус составляющих его личностей. Если консенсуса нет, то это мнение части народа и, следовательно, оно не имеет законной силы. Я уже не говорю о том, что формулировать вопросы народу, устанавливать процедуры и т.п. всегда будут товарищи бюрократы. В общем, левеллеры малость недоработали, хотя трудно их в этом винить. У мыслителей той эпохи, того же Локка, уже почти сформировалась следующая идея — суверенитета личности. Да и сами левеллеры, похоже, не мыслили себе народ как некое целое, а повторю, как набор индивидов. В этом деле, возможно, есть еще одно обстоятельство. В качестве политического лозунга момента «суверенитет короля против суверенитета личности», что называется, не «прокатил» бы. Единоличник и наверняка самодур король, укравший суверенитет у целого народа — это сильно. А одна личность, пусть и королевская, против другой — неизвестно, кто из них еще хуже. В общем, они там воевали, а мы здесь до сих пор расхлебываем… 2012

5.1.5. Дилемма заключенного Маугли

Когда начинаешь раскапывать мифологию, на которой основывается вера в правильность существующего порядка, порой обнаруживаешь удивительные вещи. Вот, например, экономика, теория игр и социальный статус-кво. Как связаны между собой эти штуки? А

вот как. В теории игр существует классическая задача, именуемая дилеммой заключенных. Суть ее в следующем. Полиция поймала двух бандитов. Подозревают, что они действовали не поодиночке, а вместе. За это полагается больший срок заключения. Бандитов изолируют друг от друга и предлагают им такую игру: если ты даешь показания на другого, тебя освобождают, но второму дают максимальный срок 10 лет. Если каждый даст показания на другого, то каждый получит по два года. Если оба молчат, получают по полгода. Теория игр говорит нам, что если каждый бандит стремится минимизировать срок заключения, то он даст показания на своего коллегу, в надежде, что самого его отпустят. И тут (сюрпрайз!) выяснится, что поскольку каждый застучал товарища, то, вместо свободы, оба получат по два года.

Вот такая история. Однако, дальше еще интереснее. Выясняется, что эта сугубо умозрительная конструкция является одним из аргументов в пользу существующего миропорядка, который предусматривает наличие хорошо оплачиваемого дядьки с дубиной, регулярного учащего жизни нерадивых людишек. Не смейтесь, я серьезно. В век науки и всезнающих британских ученых так ведь и должно быть, верно? Погуляв годик-другой по форумам, прочитав десятка два разных книжек, вы с удивлением обнаружите, что такая вот себе задача есть не что иное, как один из краеугольных камней в оправдании нашего миропорядка. Мало того, выяснится, что даже Руссо и Гоббс, поня-

тия не имея о теории игр, предавались, тем не менее, упражнениям подобного рода, когда объясняли, что тут к чему.

Собственно, мейнстримная экономика трактует дело так. У дилеммы заключенных есть положительное «кооперативное» решение, в котором оба бандита молчат и получают по пол-года. Но поскольку каждый бандит стремится получить максимальный выигрыш, то есть выйти на свободу, то каждый, в результате, проигрывает. Это, говорят мейнстримные экономисты, является иллюстрацией неспособности людей к кооперации и, следовательно, необходимости государства, поскольку стремление каждого максимизировать свою прибыль может привести к тому, что он не заметит кооперативного решения, которое хоть и дает меньшую прибыль, но зато и спасает от большого провала. Поэтому нам нужен дядька с дубиной, который будет указывать этой дубиной тем, кто счастья своего не понимает. Проще говоря, без дубины нет социальной кооперации, а значит, мира, прогресса и борьбы с глобальным потеплением.

Оставим в стороне очевидные вопросы, например, откуда дядьке известно, что нам «на самом деле нужно». Поговорим о другом. А именно, о том, что при ближайшем рассмотрении эта задача скукоживается до занятного, но бесполезного в реальной жизни умственного упражнения, а значит и до него же скукоживаются и выводы, которые из нее делаются.

Например, автор этих строк уже много лет знаком с этой задачей, и для меня выигрышная стратегия всегда состояла в молчании (и получении срока в полгода). Но по условиям задачи полагается считать моим выигрышем выход на свободу. Этот разрыв между заданными условиями и моим пониманием прекрасно иллюстрирует то, о чем я хочу сказать дальше.

Дело в том, что субъекты в этой задаче начисто лишены опыта. Это признают и те, кто непосредственно занимается подобными упражнениями, они специально оговаривают, что дилемма заключенных — разовая игра. Когда она становится повторяющейся игрой, результаты получаются другими и тут же, как черт из табакерки, выскакивает стремление к кооперативному решению. Существует огромная литература на этот счет, вырабатываются стратегии, пишутся алгоритмы, но мы сейчас не о теории игр, как таковой, а о ее социальной интерпретации.

Немного подумав, мы обнаружим, что в жизни мы практически не встретим «разовых игр». Собственно, все наше детство родители и прочие доброжелатели инсталлируют и настраивают в нас системы восприятия сигналов, идущих от других людей. Мы получаем разнообразные фильтры, учимся вырабатывать и распознавать шаблоны поведения, накапливать и анализировать опыт. Собственно, в этом и состоит воспитание. Выйдя из-под родительского крыла, человек уже готов в большей или меньшей степени жить в обществе, то есть, взаимодействовать с другими людьми и

пользоваться существующими для этого инструментами. Всю последующую жизнь человек совершенствует эти навыки, получая новый опыт и передавая его затем своим детям и так далее.

Любая задача, с которой мы сталкивается в нашей жизни, может быть сведена к предыдущему опыту. Можно сказать, что в жизни нет ничего такого, в отношении чего у нас бы не было вообще никакого опыта. Он может быть большим или меньшим, но он всегда есть. Скажем, при встрече с инопланетянами большинство будет руководствоваться данными, полученными из научной фантастики. Возможно, не самое лучшее решение, но оно, по крайней мере, есть. Думаю, что явления, в отношении которых опыт полностью отсутствует, вообще не будут восприняты как событие, то, чего нет в нашем опыте, мы просто не заметим. Но это уже излишние философствования.

Чтобы проиллюстрировать сказанное напомню о «маугли» — людях, выросших вне социума, и не получивших того специфического социального опыта, который мы получаем от родителей в детстве. Насколько можно судить, в большинстве случаев эти люди так и не смогли толком интегрироваться в общество.

Так вот, дилемма заключенных прекрасно работает именно для такого Маугли — лишенного опыта и навыков коммуникации человека, точнее, сугубо биологического, а-социального человека. И что интересно, для такого Маугли верны и все выводы о необходи-

мости государства. Маугли не могут составить социум, так как они начисто лишены навыков жизни в нем, они не могут воспринимать социальное в поведении других людей. Именно такой тип и будет, согласно условиям задачи, «максимизировать выигрыш» без учета поведения партнера.

Из этого наблюдения следует интересный вывод. Помимо того, что государство действительно воспринимает нас бессловесными асоциальными Маугли и стремится свести людей именно к этому состоянию, следует сказать вот о чем. **Если, следуя логике задачи о дилемме заключенного предположить, что государство существует для того, чтобы указывать доброжелательной дубиной бестолковым Маугли путь к кооперации, то выходит, что оно должно появиться на свет до того, как появится, собственно, Маугли**. Такой ход событий, все-таки, выглядит достаточно фантастическим. Куда более вероятным выглядит сценарий, в котором на пути к сотрудничеству и кооперации вообще никакого государ-
2012 ства не было.

5.1.6. Люди и гамадрилы или Об обезьянем аргументе

Один из самых популярных аргументов в пользу неизбежности и обязательности государства — это так называемый «обезьяний аргумент». Смысл этого аргумента в том, что мы подобны обезьянам, и чтобы по-

нять, как у нас все устроено, надо просто посмотреть на этих милых созданий, поскольку они бесхитростны и не ведают греха. Посмотрев на обезьян, особенно на всяких там гамадрилов, которых почему-то особенно любят этологи, мы обнаруживаем жесткую иерархию во главе с альфа-самцом, который «держит» стадо, обнаруживаем также перераспределение продуктов и прочие, хорошо знакомые нам по жизни в государстве, прелести. «Вот видите», — говорят нам сторонники обезьяньего аргумента, — «вот так на самом деле все устроено. Это естественный порядок вещей, и против него не попрешь, просто бесполезно потому…, что это естественный порядок, в общем».

Эта точка зрения удобна тем, что помимо «википедии» всегда еще можно сослаться на бесчисленных британских ученых, которые буквально каждую неделю радуют нас новыми сведениями из жизни гамадрилов. Обычно в текстах, где описываются поучительные повадки этих обезьян, вы обязательно встретите слова «вот так наши далекие предки…», что, как бы, считается прямым доказательством того, что гамадрильство непосредственно относится к людям.

Между тем, даже поверхностное наблюдение легко найдет разницу между гамадрилами и людьми. Гамадрилы не сочиняют стихов и не пишут книг, не строят железных дорог и пароходов, не изобретают компьютеров и не пишут программ для них. Они вообще не меняются — стадо гамадрилов, жившее пару десятков тысяч лет назад, ничем не отличается от современно-

го стада гамадрилов: всё те же альфа-самцы, агрессия и перераспределение. Поэтому, если полагать, что мы действительно «произошли от обезьян», то все равно неясным остается вопрос — что именно сообщают нам **о людях** сведения из жизни гамадрилов? Особенно, если эти сведения касаются не физиологии, а поведения — то есть этики и организации социальных связей. Уже на уровне простой экстраполяции «обезьяний аргумент» содержит логическую ошибку. Нельзя поведение собак экстраполировать на поведение котов, например. Разница же между гамадрилами и людьми куда значительнее, а в этическом смысле стада гамадрилов и человеческое общество — это полные противоположности. Более того, даже столь любимая всеми этатистами «практика», говорит о том, что у людей были весьма распространены «племена без вождества», то есть, где альфа-самцов и всего прочего уродства, выдаваемого за «естественный порядок вещей», не наблюдалось, а лидерство имело на силовую, а функциональную природу. Кстати, европейцы намучилась с этими племенами, поскольку им было непонятно, с кем там нужно иметь дело, так как там нет начальства. Точно так же англичане намучились с Ирландией, так как там не было государства, тамошние «короли» не были королями в привычном англичанам смысле, и потому «завоевание» вылилось в трехсотлетний кровавый бардак.

В общем, когда вы услышите «обезьяний аргумент», задайте себе простой вопрос — если люди и га-

мадрилы «так похожи», то почему гамадрилы до сих пор не люди (и наоборот). Если уж говорить об уроках, которые можно извлечь из изучения обезьяних стад, то они состоят в наглядной демонстрации того, чем мы отличаемся от обезьян, и что отсутствует в этике и социальной организации этих животных.

Главное отличие очевидно — в отличие от гамадрилов, в человеческом обществе агрессия нелегитимна и преследуется. Это нетрудно увидеть невооруженным глазом. Для войн, которые ведут государства, всегда нужна причина. Результаты войны без причины обычно недолговечны, империи разных там аттил существуют только одно поколение, пока жив основатель. «Уважительная причина» для войны — это как раз попытка избежать статуса агрессора. Очень ярко это проявляется в феодальном средневековье. Упаси вас Бог напасть на соседа, если у вас нет уважительной претензии на его титул. Если вы это сделаете без такой претензии, все объединятся против вас и вас даже могут отлучить от церкви, что делает вас изгоем не только в глазах знати, но и в глазах подданных, что значительно хуже. Любой агрессор рассказывает всем о том, какой он миротворец. Гитлер, Путин — все они сражались за мир. Сейчас на Донбассе вы не найдете агрессоров, там все защитники, кого ни возьми. В культуре это проявляется еще ярче. Любимый мною «монолог злодея» — это не художественный прием, а реальное явление, человек не может считать себя агрессором, он всегда будет изобретать оправдания для того, чтобы

показать, что это не так. Просто, чем более очевидной является агрессия, тем сложнее казуистическая эквилибристика, которая нужна, для того, чтобы показать, что агрессии на самом деле нет. Отсюда и длительные утомительные оправдывающие монологи. Да что там далеко ходить — гопник в подворотне не нападет просто так. Сначала ему нужно на вас обидеться. «Дай закурить» и прочая классика жанра — это прием, с помощью которого гопник превращается из агрессора в жертву.

Почему человеческое общество устроено так — вопрос, который остается открытым. Но то, что оно основано на пресечении агрессии (а значит, дает свободу сотрудничеству и вызванному им прогрессу и экономическому росту) не подлежит сомнению. Гамадрилы, пчелы, муравьи и термиты не имеют с этим ничего общего и их «опыт» интересен только, как опыт контраста и противоположности.

Люди, повторяющие популярный мем о «прикрытой тонким покроем цивилизации животной сущности человека» сильно ошибаются, как минимум, в оценке толщины этого «покрова». Покров этот не просто велик, фактически, можно говорить, что только в границах этого покрова человек и является человеком.

2013

5.1.7. Пчелы, скрипач и человеческий мозг как враги цивилизации

Сегодня речь у нас пойдет об одной очень популярной группе заблуждений, которая опирается на данные этологов, нейрофизиологов, психологов и т.д. То есть, тех, кто, изучая животных, человеческий мозг или искусственно смоделированные ситуации делает выводы о человеке.

Выводы эти всегда однотипны, вне зависимости от того, на данных какой науки они основываются, и именно по этим причинам мы и сводим их все в одну группу. Выводы эти заключаются в том, что люди — редкие сволочи. И по этой причине им нельзя без заботливого начальства (вариант — у них всегда будет начальство, потому, что так устроен наш мозг, или так показал наш психологический эксперимент, или потому, что так живут пчелы).

Одно время мне были интересны эти аргументы и я даже почитал немного Лоренца, которого Хайек называл своим другом (Кейнса он, правда, тоже называл). Но потом я понял, что все выводы такого рода — это просто логические или методологические ошибки. Вы даже можете не знать предмета науки, от имени которой они делаются, для того, чтобы говорить о том, что они бессмысленны.

Собственно, во всех этих случаях мы имеем дело с разновидностями одной и той же ошибки. А имен-

но, во всех этих выводах речь идет о неком сферическом человеке в вакууме, а выводы распространяются на человека социального. Нейрофизиологи, которые, изучая реакции мозга на раздражители делают выводы о социуме и социальном человеке, психологи со своими искусственными моделями — они говорят о несуществующих людях. Основная ошибка этологов — это ошибка тождества и подобия, но сферического человека в вакууме мы там тоже найдем, уже в качестве интеллектуального приема, с помощью которого выводы распространяются на «общество».

Вот смотрите, какие люди сволочи, мы провели эксперимент: посадили двух людей в клетку не кормили их, и через месяц один убил другого и съел! Ну да, скажем мы, вот такой сволочью оказывается человек, если окажется в таких условиях. Все дело-то как раз в том, что подавляющее большинство из нас не оказывается в таких условиях, и в том числе и потому, что «социум», (то есть, привычки, шаблоны поведения и реакции других людей) им этого не дает.

Если вы хотите распространить результаты ваших исследований на общество, будьте любезны изучать не сферического человека в ваккуме, а человека социального, непосредственно действующего в обществе. Только тогда можно говорить о какой-то корректности ваших исследований. Это все равно, что найти в лесу маугли и по его поведению делать выводы (у-у-у, как все запущено!) о человеке социальном и об «обществе

в целом», на том основании, что физиологически маугли — человек.

Человек социальный — это человек, не просто реагирующий на стимулы и раздражители, это человек, выбирающий из альтернатив в реализации своих планов, которые существуют в виде шагов, причем не просто «расположенных во времени», а существующих исключительно в будущем.

Как далеко находится большинство от понимания этого обстоятельства, хорошо демонстрирует история с «экспериментом» в котором участвовал Джошуа Белл — известный скрипач-виртуоз. Думаю, читатель видел этот эксперимент в интернете и читал сопровождающие это видео слезливые посты о том, какие люди дураки и идиоты, и куда же мы все катимся, ой-ой-ой. Для тех, кто не видел, скажу, что дело происходит в Вашингтоне, где на станции метро утром под видом уличного музыканта играет на скрипке знаменитый Джошуа Белл, который вечером дает концерты, билеты на которые стоят от 100 долларов. И вот, он играет и…о ужас! Люди «равнодушно проходят мимо»! Этот факт считается позором, свидетельствующим о том, о чем он там должен свидетельствовать.

Между тем, такое поведение людей абсолютно нормально и рационально. Это и есть поведение социального человека, который, в отличие от животного, не живет инстинктами и реакциями на стимулы, а делает выбор из альтернатив и живет в рамках неких планов.

Не буду останавливаться на очевидных проколах эксперимента, как то — сколько людей, проходящих через станцию метро, любит скрипичную музыку и сколько из них способно оценить мастерство игры (немного, если судить по сумме в 32 доллара, которые заработал Белл от этого концерта). Давайте допустим, что достаточно много людей могут все это сделать. Но это совсем не означает, что, услышав Белла они должны встать и слушать, поскольку они находятся перед выбором «опоздать на работу» или «послушать скрипача» (те, кто никуда не торопятся, могут остановиться и послушать, что некоторые и делали). Мало того, некоторые из тех, кто прошел мимо (и, возможно, опознал игрока), вечером пойдут на концерт этого скрипача и заплатят по 200 баксов за билет, и это будет абсолютно рационально, поскольку их действия не существуют в вакууме, в котором их оценивает нравоучительный журналист, а являются частью планов, цели в которых достигаются последовательно и каждый шаг имеет собственную ценность. Ну и, конечно, выбор из альтернатив, как руководство к действию, никто не отменял. «Опоздать сейчас на работу» для многих стоит дороже «200 баксов вечером за билет». И это нормально.

Психонейрофизиологи, этологи и прочие делают еще одну ошибку, когда пытаются представить общество неким простым набором индивидов. «Вот смотрите», — говорят они, — «вот он какой гад, съел товарища, а ведь всего-то месяц в клетке просидел, мог бы

и потерпеть! И как вы с такими хотите построить светлое будущее, а?» — как бы спрашивают нас все эти люди. Но социум не есть простая совокупность отдельных индивидов. Каждый из нас, безусловно глуп, жаден и агрессивен, и мозг наш примитивен, и реакции его ничуть не отличаются от реакций какого-нибудь гамадрила. Но «общество» как раз и позволяет управиться с этим, и даже обратить это все в пользу. Животные приспосабливаются к среде, а люди приспосабливаются друг к другу, основным источником богатства человека являются другие люди. Наша эволюция «пошла другим путем», те, кто использовали природу, остались гамадрилами, а те, кто научились использовать друг друга, стали людьми. И вот «общество», в его индивидуальном измерении, — это ответ на вопрос «как надо себя вести, чтобы использовать других людей?». Соответственно, чтобы регулярно получать от них что-то, их не надо есть, убивать и издеваться над ними, как бы этого не хотела наша «животная сущность». Эволюция человека — это эволюция не индивидуального, а группового выживания, это эволюция практик взаимодействия, а не каких-то свойств мозга. От мозга здесь требуется, разве что, быть способным к обучению, а это, согласитесь, не так уж и много. 2015

5.1.8. О выгодности насилия или Сферический лох в вакууме

В дискуссиях вокруг общества и государства постоянно всплывает тема «выгодности» насилия. Дескать,

это же так просто — пришел, отобрал у другого все, что нужно, и пошел себе дальше. Вы обязательно столкнетесь с этим тезисом, если будете обсуждать государство и его роль в нашей жизни. На этом тезисе основывают множество теорий (часто взаимоисключающих), например, о неизбежности самозарождения государства, что называется, «из грязи». Между тем, ошибочен сам тезис, что бы из него не выводилось.

Понятно, что не существует некой деятельности, всегда более выгодной, чем другие. Все зависит от времени, места и еще множества факторов. Обычный законопослушный человек, добывающий хлеб мирным трудом, вполне может оказаться в условиях, когда он силой отберет у ребенка последнюю корочку хлеба. Такие дела. Поэтому сама формулировка тезиса «насилие всегда выгоднее» неверна, как минимум, в слове «всегда». Из этого же обстоятельства следует, что вопрос о выгодности насилия не может быть рассмотрен теоретически, и мы не можем доказать, что «выгодность» насилия является универсальной закономерностью. Интересно, что люди, приводящие этот тезис в качестве аргумента, обычно делают это как раз в рамках теоретического рассуждения. Причина, видимо, состоит в том, что все понимают, что производство какого-либо блага занимает время и требует усилий, а вот присвоить это благо силой — как бы не требует никаких затрат. Так и видится картина: крестьянин, терпеливо выращивающий урожай и бандит, который отбирает весь этот урожай за одну минуту. Вот вам и

теория. Однако, в природе не существует сферических лохов в вакууме, у которых можно безнаказанно отбирать плоды их тяжелого труда. Здесь нет никаких жестких зависимостей, кроме тех, которые связаны с человеческой деятельностью, в целом, все зависит от обстоятельств и человеческого выбора. Сегодня бандиту удалось злое дело, а завтра крестьянин вооружился. И так далее. Однако, логические выводы обычно никого не убеждают, особенно, когда речь идет о вере (а здесь, похоже, именно этот случай). Поэтому, было бы полезно задаться вопросом — насколько часто в обычной жизни люди выбирают присвоение чужого силой Если люди прибегают к нему часто, значит оно, как правило, выгодно, а нет — так нет.

Разумеется, оценить это количественно довольно трудно, любое исследование такого типа, претендующее на точность, сразу следует отправить в топку. Но можно оценить качественно, то есть: «много» — «мало», «больше» — «меньше». Давайте возьмем город Киев, в котором по пессимистическим оценкам существует 3 000 000 жителей. Допустим, на каждого жителя приходится два акта добровольного обмена в неделю (покупки в магазине и т.п.). Думаю, это сильно заниженное предположение, но пускай будет. Еще обменами у нас занимаются предприятия. В Киеве зарегистрировано 75 338 предприятий. С ними труднее, так как они все очень разные, кто-то существует только на бумаге, а кто-то крутится, как белка в колесе. Давайте, поэтому, приравняем их к гражданам и будем счи-

тать, что они взаимодействуют друг с другом тоже в среднем два раза в неделю. При этом, речь идет не о единицах купленной-проданной продукции, а о единицах взаимодействия, и причем не с конечным покупателем, а между собой. То есть, всего в Киеве субъектов обмена 3 075 338 и за неделю каждый из них по нашим очень и очень пессимистическим оценкам совершает два акта добровольного обмена, итого, 6 150 676 обменов. За 8 месяцев, то есть, за 32 недели (я сейчас объясню почему) вся эта публика наплодит 196 821 632 актов добровольных ненасильственных обменов. Мы можем сопоставить это со статистикой преступности за это время, то есть, с количеством случаев, когда люди выбрали акты насилия. За 8 месяцев предыдущего года было совершено 51 553 преступления. Опять-таки, давайте оставим в стороне справедливость квалификации (например, кто попадает под статью «мошенничество») и тому подобные вещи. Даже если допустить, что милиция по традиции занижает статистику тяжких преступлений, это серьезно не повлияет на наши цифры. Если даже убийств было не 53, как говорит статистика, а 530, а изнасилований не 28, а 280, на порядке цифр это не скажется. Теперь проделаем простую операцию, а именно, сопоставим две цифры. Как видим, актов добровольного обмена люди совершили почти в 4000 раз больше, чем актов насилия. При этом, понятно, что я занижал цифры обменов, руководствуясь соображениями «точно не может быть меньше, чем…», в реальности же это соотношение было бы еще больше в пользу добровольных обме-

нов. Конечно, мне скажут, что это как раз и доказывает необходимость государства, которое бдительно следит и так далее. На это нетрудно возразить, что мы все знаем цену бдительному слежению и способности государства к таковому. Там, где людям действительно выгодно заниматься какой-то деятельностью, государство бессильно помешать. Возьмем для примера ту же «экономическую деятельность». Обычных людей, в отличие от предпринимателей, пока еще не заставляют сдавать ежемесячные отчеты в милицию о том, что они хорошо себя вели, к вам домой пока еще не приходят регулярные проверки. То есть, «экономическая сфера» контролируется государством куда более жестко, чем сфера частных отношений и, между тем, по оптимистическим оценкам, до 40% экономики находится в тени, то есть, люди уклоняются от опеки и контроля и причина этого — выгода, которую они получают. Если бы насилие было действительно выгодным, как это принято считать, хотя бы в такой же степени, как и обычные обмены, цифры преступности были бы на порядки выше (а вообще говоря, никакого «общества» не существовало бы, я бы не писал этих строк, а мы бы ходили в шкурах).

Можно возразить еще проще. Отсутствие государства не означает автоматического перехода в состояние сферических лохов в вакууме, которых безнаказанно грабят такие же сферические всесильные бандиты. Отсутствие государства просто означает, что исчезает принудительная монополия на услуги безопас-

ности. Вместо принудительно-монопольной милиции и судов будут частные организации, занимающиеся безопасностью.

Кстати говоря, здесь опять замечательно просматриваются причины и следствия. Если сравнить статистику разбоев (147 случаев за указанный период) со статистикой налогообложения (подумайте сами, сколько актов налогообложения случилось в Киеве за 8 месяцев прошлого года), то еще раз можно убедиться в том, кто здесь для чего служит и кто здесь причина, а кто следствие. Напомню, что уголовное право классифицирует налоги, как разбой. И как видим, частный неорганизованный разбой как бы немного уступает организованному государственному. И это как раз тот случай, когда насилие может быть выгодным. Единственное условие — насилие должно быть организовано и узаконено, а **всяческое сопротивление ему должно жестоко наказываться**. Тогда — да. А иначе — нет. В общем, те, кто говорит о выгодности насилия, забывают посмотреть в окно. В конце концов, даже в книжках разбойники прячутся по каким-то жутким норам в городах или живут в землянках в лесу, и это не исключение, а правило. То, что их бизнес считается выгодным — это заслуга государственного всеобщего образования, которое внушает эту мысль с младых ногтей и которое учит воспринимать не реальность, а пропаганду. «Ну да» — говорит образование, — «пришел и отнял, что может быть проще». В таких случаях, я всегда вспоминаю бессмертное: «те, кто гово-

рит «проще, чем отнять конфету у ребенка» никогда не пробовал отнять конфету у ребенка». Попробуйте. 2014

5.1.9. Стационарный бандит и здравый смысл

В дискуссиях по поводу государства рано или поздно дело доходит до обсуждения его появления на свет. Это и понятно, ведь если государство возникло естественным путем, как результат добровольной практики людей, то в споре о его перспективах больший вес приобретает позиция типа «подкрасить, подмазать и сойдет».

Показательно, что в этих спорах никто не обсуждает происхождение «социальных функций» государства или, скажем, «индустриальной политики». Нет, разговор всегда сводится к монополии на насилие, как главному признаку того, что организация является государством, а не чем-то другим. В экономике теорией, обосновывающей, как государство «завелось само собой» и получило свою монополию из рук будущих граждан, является институционализм. Институционалисты, следуя Гоббсу, считают, что естественное состояние человека — это война всех против всех и лишь государство способно прекратить эту войну.

Однако, предполагать это можно только тогда, если издержки грабежа, при прочих равных, ниже издержек свободного обмена. То есть, отнять, присвоить — проще, чем произвести и обменять. В этом тезисе есть простое противоречие. Ведь если отнять проще, чем

обменять, то ничто не заставит одного из грабителей «охранять» кого-то от других грабителей. У такого защитника нет никаких причин для защиты, ибо издержки грабежа предполагаются более низкими. Тот факт, что «защитник» соглашается на защиту, свидетельствует только о том, что на самом деле грабеж обходится дороже и, следовательно, вся исходная институционалистская посылка неверна.

«Тот, кто говорит: «это проще, чем отобрать конфету у ребенка» никогда не пробовал отобрать конфету у ребенка». Юмористический фантаст Роберт Асприн приписывает эти слова Робин Гуду, который, по-видимому, знал толк в таких делах. Вообще говоря, если бы отобрать было проще, чем произвести и обменять, то никакого общества и цивилизации никогда бы не возникло, все были бы заняты отбором друг у друга средств существования.

Интересен также аргумент, высказанный здесь, о том, что понятие безопасности логически предшествует потребности в охране порядка. Мирная практика должна быть ценной, для того, чтобы без-опасность такой практики тоже ценилась. Если все ходят и грабят друг друга, и мирное производство и обмен являются уделом последних неудачников, то никакой безопасности и охраны порядка просто не может появиться, как регулярной устойчивой практики.

Из ошибки в исходной посылке институционалистов вытекают и ошибки в последующих рассуждени-

ях. Институционалисты говорят нам, что выбор «стационарного бандита» уменьшает издержки подопечных (в частности, об этом недвусмысленно говорит «школа общественного выбора»). На самом деле, все обстоит наоборот, ведь если издержки грабежа, как правило, выше, то оседлость бандита, переход от набегов к регулярному институционализированному грабежу, прежде всего, уменьшает издержки самого бандита и именно поэтому бандит становится оседлым, как только представляется возможность.

В общем, в реальной истории именно так оно и было. Государство, как способ существования определенной группы людей за счет остальных, оказавшихся на этой территории, было открыто в буквальном смысле кочевыми бандитами — кочевниками, которые перешли к оседлому способу эксплуатации территорий, поскольку набеги на них были менее продуктивны. Поучительна в этом смысле книжка Оппенгеймера The State, где он рассматривает (если абстрагироваться от специфической терминологии) возникновение государств на антропологическом материале, которым европейцы обогатились в ходе изучения «отсталых народов» в 19 веке. Помимо очевидных примеров с викингами («морскими кочевниками» в терминологии Оппенгеймера), которые создали в Европе несколько государств, интересен следующий аргумент. Оппенгеймер опровергает популярный тезис о том, что в основе государств лежит добровольное объединение земледельцев. С чисто немецкой скрупулезностью он под-

считывает площадь обрабатываемых земель и разных сопутствующих территорий вроде лесов и лугов, необходимых для повседневных нужд оседлых земледельцев. Эта площадь даже в перенаселенной уже в то время Германии оказывается значительно ниже совокупной площади. Это и понятно: кочевники захватывают такую территорию, которую могут удержать силой. Не хозяйственные потребности обитателей, а «хозяйственные» потребности завоевателей (чем больше — тем лучше) определяют размеры государств.

И еще один момент. Думаю, что не нужно объяснять, что естественной реакцией на грабеж будет вооружиться самому или нанять охрану. Однако, заметим, что предполагаемая реакция на грабеж, которую приписывают людям сторонники естественного происхождения государства, имеет совершенно противоестественную форму. Согласитесь, что между состояниями «я тебя нанял для охраны на время за определенную плату» и «я обязан регулярно и бессрочно тебе платить под угрозой применения силы», — настоящая пропасть. Между тем, сторонники той идеи, что государство «завелось само собой» по умолчанию приписывают людям именно второй выбор.

Более того, первое состояние (плачу за охрану) никак не может «естественным путем» эволюционировать во второе (плачу налоги). Безусловно, нанятая охрана может предпринять попытку завладеть добром клиента. Но нужно учитывать, что клиенты ведь тоже не дураки и хорошо понимают эту угрозу. Поэтому, ко-

нечно же, в истории известны попытки захвата (в том числе и удачные) наемными армиями тех или иных городов или даже провинций, но точно так же известны и неудачные. Предполагать, что государства возникли как результат одной и той же ошибки, которую столетиями делали нанимателями вооруженной охраны — это, мягко говоря, сильно фантазировать. Нет никаких причин для того, чтобы практика найма охраны естественным образом переросла в государство. 2012

5.1.10. Многоквартирный дом, как ошибочная модель

Думаю, многим, в разного рода дискуссиях об устройстве общества, попадались аналогии с многоквартирным домом. Я давно заметил, что польза дискуссии находится в обратной зависимости к тому, появляется ли в ней многоквартирный дом и, тому, сколько усилий тратят люди на попытки объясняться в рамках этой аналогии.

Дело в том, что сама эта аналогия в большинстве случаев является ошибочной. В данном случае я говорю о ситуациях, где многоквартирный дом иллюстрирует тот факт, что люди находятся в зависимости друг от друга. То ли это ситуация «а он курит, а дым мне в окно идет», то ли (что чаще всего) ситуация, когда саботаж одного приводит к последствиям для всех, например, когда некто отказывается платить за услуги

ЖКХ, в результате чего крыша течет, лифт не ездит и наступает полный армагеддон.

В подавляющем большинстве случаев, рассуждения такого типа должны продемонстрировать невозможность «анархо-капитализма», так как если он курит, а мне в окно, то должен быть кто-то, кто сделает ему ай-ай-ай, не говоря уже, что если он не платит, то нам теперь кирдык, и потому мы его должны. В общем, получается, что без государства ну никак. Более того, как нам объясняют, вот так и заводятся государства, сами собой, по доброй воле, иначе никак.

Давайте сразу отметим, что дело происходит у нас в неком гипотетическом «либертарианском будущем», ибо рассматривать вопрос «а что вы, либертарианцы, будете делать, когда Вася-слесарь вдруг напьется и давай» как-то странно. То есть, непонятно, что тут обсуждать, ибо никакой специальной проблематики, возникающей от сопоставления явлений «либертарианцы» и «Вася-слесарь» здесь не возникает. Понятно, что опытные тролли постоянно используют волшебные прыжки во времени, рассуждая то в категориях одной ситуации (современной практики), то в категориях другой (гипотетического будущего), а иногда и в двух сразу в рамках одного комментария, но оставим эту проблему практикам интернет-баталий.

Отметим также, что «многоквартирный дом», о котором идет речь, — это весьма специфическое образование, в котором жильцы владеют своими квартира-

ми. Значительная часть комментариев исходит из того, что, как это обычно бывает в современном доме, права собственности на коммуникации, подъезд и т.п. определены слабо. В общем, так или иначе, жильцы должны регулярно собирать некую сумму денег и отдавать ее людям, которые держат в порядке все это домовое хозяйство.

Теперь переносим это чудо природы в некое гипотетическое либертарианское общество. И прежде, чем рассуждать о том, как либертарианцам жить в таком доме и не возникнет ли там «само собой» государство, мы должны выяснить, насколько, вообще говоря, велика вероятность того, что такой дом там вообще появится.

«Либертарианское общество» отличается от ныне существующих лишь тем, что вмешательство третьих лиц с их мнением о том, как вам поступать в ваших делах, сведено к минимуму. В таком обществе экономические закономерности действуют наиболее ясно. Собственно, нас интересует только одна закономерность, а именно, та, что ценность чего бы то ни было определяется тем, что можно получить от владения этим чем-то.

Теперь посмотрим с этой точки зрения на жилье. Цели, которые преследуют люди, покупая то или иное жилье, могут быть самим разными, в зависимости от ценности, которую они хотят получить. «Дом, в котором будем жить я и мои потомки» и «как-то перекан-

товаться первое время» — это совсем разные цели. А может быть еще «рабочее помещение в этом районе», «попонтоваться недвижимостью в престижном месте» и масса других вариантов.

Поскольку никаких препятствий в виде «землеотводов», «целевых назначений», «жилого фонда» и прочая и прочая больше не существует, рынок, то есть те люди, которые хотят извлечь для себя пользу из принадлежащих им участков земли, пытаются учесть все возможные цели потенциальных покупателей, для того, чтобы извлечь свою прибыль.

При этом, понятное дело, что не существует больше ничейных водоканалов, канализаций, дорог и прочих коммуникаций, нет никаких ЖЭКов, не говоря уже о министерствах, льготах, бюджете и государстве, как таковом.

Последнее означает следующую вещь — **условия эксплуатации будущего жилища становятся важнейшим фактором при его покупке**. То есть, любой человек в здравом уме и твердой памяти будет стараться минимизировать неопределенность в этом вопросе. Поэтому первым в списке на покупку будет частный дом на своем участке земли. Думаю, не сильно погрешу против истины, если скажу, что второй опцией чаще всего будет аренда, то есть ситуация, когда забота об эксплуатации полностью ложится на плечи хозяина дома. Аренда в многоквартирном доме решает все вопросы, которые, якобы, возникают от многоквартир-

ности, включая «а он курит мне в окно», так как хозяин дома устанавливает правила на своей собственности (например, может запретить курить всем жильцам).

Может ли в таких обстоятельствах «сама собой» возникнуть ситуация многоквартирного дома, в котором жильцы владеют квартирами? Конечно. Однако, здесь очевидны две вещи. Первая — чем больше квартир, тем выше неопределенность, а значит, тем меньше привлекательность такого проекта. Вторая — наиболее вероятной здесь будет ситуация, когда будущие жильцы сами нанимают застройщика. Это означает, что вопросы будущей эксплуатации ими уже решены и, следовательно, никаких особых проблем тут не возникает.

Идем дальше. Допустим, все-таки, некий застройщик решил построить многоквартирный дом и затем продать в нем квартиры, предполагая, что жильцы сами создадут некое ОСББ. Думаю, что все понимают, что в силу изложенных выше обстоятельств, а точнее — полной неопределенности в вопросах эксплуатации, жилье в таком доме будет крайне дешевым. Понятно, что дешевизна означает соответствующий контингентик жильцов, поэтому вопросы «а почему он курит мне в окно» сразу отпадают, ибо ответ «а чего ты еще хотел за такие деньги».

В общем, такой проект можно заранее оценить, как предпринимательскую ошибку. Дом для бедных принесет гораздо больше дохода, если это будет обычная

аренда. В этом случае, владелец имеет все законные рычаги для воздействия на тех, кто отказывается платить, и дом в целом меньше страдает от такой публики.

Если мы включим в наши рассуждения участок земли, на котором стоит дом, то все станет еще яснее. Если дом принадлежит жильцам, а земля, скажем, застройщику, то последний просто самоубийца, так как ценность такого участка (при прочих равных) будет падать с каждым днем, и тем быстрее, чем хуже обстоят дела в нашем доме. Если земля является собственностью коллектива жильцов, то дела пойдут еще быстрее.

Скандальные и неуживчивые жильцы снижают ценность и окружающих участков. Поэтому, их владельцы при первой же возможности выкупят этот участок. В общем, в любом случае, если ОСББ не сможет договориться между собой, то дом обанкротится и земля будет продана. У нас же либертарианское общество, то есть, не существует специальных законодательных режимов для «неприбыльных» предприятий и прочих вывертов командной экономики.

Очень существенный момент здесь — это отношения застройщика, владельцев квартир и поставщиков услуг — воды, канализации, электроэнергии. Последние должны понимать, как они будут обеспечивать оплату. Мне трудно представить частных поставщиков, которые заключат контракт, понимая, что не смогут контролировать поставку услуги. Если же существует возможность эффективно отключать отдельно

взятую квартиру от услуги, то «проблема безбилетника», «паблик гудс» и соответствующих умозаключений о неизбежном появлении государства вообще исчезает в никуда. Однако, мне кажется (хотя я могу ошибаться), что такая организация коммуникаций приведет к сильному удорожанию проекта.

Таким образом, бизнес-проект «строим многоквартирный дом и затем продаем квартиры» в либертарианском обществе — это очень большая экзотика со значительной вероятностью предпринимательской ошибки.

Однако, представим, что каким-то образом такой дом построен и существует (допустим, в него водят экскурсии краеведов и историков). Что в таком доме означает саботаж некоторыми жильцами уплаты компаниям — поставщикам услуг? Во-первых, трудно предположить, что этот вопрос не оговорен в договоре о создании ОСББ. Соответственно, нарушитель, после обычной судебной процедуры, признается банкротом и покидает дом. В крайне невероятном случае отсутствия ответственности в договоре, все равно вопрос решается через суд. Ведь если, скажем, вы не получаете воду из-за того, что ваш сосед не платит за нее, это может быть расценено, как агрессия против вашей собственности.

Теперь представим еще более невероятную (для описанных начальных условий, разумеется) ситуацию, когда по каким-то причинам суд и полиция не действу-

ют, то есть, жильцы не хотят или не имеют возможности прибегать к ним.

Тут обычно и возникает призрак государства и говорится радостное «ага!». Посмотрим, где же там государство и стоит ли говорить «ага». Допустим, Некто не желает платить. На этом основании этатисты утверждают, что лучшим рещением будет учреждение жильцами некой ЧК, которая будет иметь возможности применять насилие к неплательщикам. Однако, является ли это решение очевидным и простым? Напомню, что государство — это контора. Нужно ли ее создавать (то есть, нести дополнительные расходы) для принуждения к уплате? Нужно ли иметь неких людей, которые регулярно заняты отъемом средств жителей для того, чтобы (может быть) решить разовую задачу принуждения одного провинившегося? Я уже не говорю о том, что регулярное принуждение тоже не решает задачу, если денег у должника просто нет.

Для здорового человека ответ здесь очевиден. Нет никакого смысла в добровольном подчинении специально созданной конторе, у которой тут же появляется куча стимулов для злоупотреблений. В конце концов, люди в этой конторе решают те же задачи, которые могут быть решены разово, без создания регулярного аппарата принуждения. Например, выкуп квартиры должника соседями и то же банальное принуждение не требуют для реализации ни существования конторы, ни «согласия большинства».

Думаю, те, кто сможет, попытаются побыстрее покинуть замечательный дом с государством внутри, особенно, если контора начнет заниматься тем, чем обычно заняты государства — перераспределением, то есть, будет заставлять платить тех, кто может, за тех, кто не может. Дело закончится банкротством, как это всегда случается со всеми государствами. Правда, к сожалению, для реальных государств не существует внешних сил, таких, как поставщики услуг в нашем примере.

Таким образом, можно сказать, что в гипотетическом либертарианском обществе ситуация «многоквартирного дома» является абсолютно маргинальной. И даже, если допустить, что в таком доме заведется свое маленькое государство, то распространение этой практики невозможно, так как альтернативные практики доступнее, дешевле и приятнее.

Точно так же и по тем же самым причинам невозможно «самозарождение» государства в «естественном» обществе. В нашем примере люди действуют свободно, стремясь достичь своих целей, используя имеющиеся у них ресурсы. Как мы видели, те «задачи», которые якобы под силу решить только государству, просто не возникают в их деятельности. Люди учитывают эти риски заранее, в ходе своей деятельности, принимая те или иные решения — покупают дом с участком, живут в арендованных помещениях или заранее оговаривают условия эксплуатации до того, как будет построен дом.

Государство может появиться лишь тогда, когда некая группа людей захватит контроль над некой территорией (домом) с целью принуждения его жителей к уплате дани. В этом случае, «проблема безбилетника» — это просто одно из оправданий существования банды.

В общем, когда вам начнут говорить «а вот представьте, что вы в многоквартирном доме...» задайте простой вопрос — «а скажите, почему я там оказался?»

В заключение, пара слов о том, откуда берется «ошибка многоквартирного дома». В появлении метафоры многоквартирного дома как аналогии, которая якобы что-то иллюстрирует, есть две объективные причины.

Во-первых, нетрудно заметить, что сама метафора напрочь исключает тот факт, что жилье является такой же частью наших планов, и таким же выбором, как и все остальное в нашей жизни. В ней предполагается, что некие люди, независимо от их предыдущих решений, **вдруг** оказались в многоквартирном доме в совершенно специфических условиях. В обычной реальности этого нет. Многоквартирные дома в том смысле, который вкладывают в него в нашей метафоре, явление редкое, и, чем более либеральным было прошлое той или иной страны, то есть, чем более свободно люди распоряжались своим выбором, тем меньше многоквартирных домов мы встретим. Двигаясь от России

в сторону США через Европу мы будем встречать все меньше и меньше многоквартирных домов, жильцы которых владеют своими квартирами.

Однако, в нашей новейшей истории все было не так. В нашей истории, после распада СССР **мы действительно вдруг однажды все вместе стали собственниками квартир в многоквартирном доме**. До известной степени это оправдывает тех, кто прибегает к аналогии такого дома, но никак не делает эту аналогию верной.

Во-вторых, и в советской, и в постсоветской реальности вопросы эксплуатации дома относятся не к заботам жителей, а к заботам неких потусторонних сил. Если вы побываете в США зимой, вы увидите, как местные жители сами чистят снег, не ожидая появления могущественных сил. У нас это можно увидеть только перед «частным домом». То есть, тот факт, что **проблемы будущей эксплуатации жилья являются важнейшим фактором при его выборе**, аналогия многоквартирного дома напрочь игнорирует. Совершенно непонятно, что, кроме самой крайней нужды, может заставить купить меня квартиру в доме, о котором известно, что там регулярно отключают свет, газ и электричество, и жители которого бьют друг другу морду, в надежде заставить оплатить коммунальные услуги. 2013

5.1.11. Как же все будут добрыми, если все вокруг злые?

Эта колонка — своеобразная заметка на полях многочисленных дискуссий по поводу нашего будущего. Думаю, не секрет, что множество людей сегодня считает, что нынешнее состояние дел никуда не годится и должно возникнуть некое другое состояние. Вот по этому поводу и ведутся разнообразные дискуссии.

Автор этих строк в качестве «образа будущего» видит общество без государства, то есть, без группы людей, обладающей монополией на принуждение на некой территории. Я полагаю, что если этой конторы не будет, все будет значительно лучше, чем теперь. Тут и возникает та деталь, о которой я хочу сказать, причем возникает она с завидной регулярностью и озвучивают ее люди, которых не всегда можно заподозрить в невежестве.

Деталь эта заключаются в контраргументе «ну, тогда вам придется сначала воспитать нового человека, который был бы не склонен к насилию (исповедовал бы либертарианскую этику и т.д. и т.п.). Повторю — я сталкиваюсь с этим мнением регулярно и слышу его от самых разных людей, именно это обстоятельство и есть причина появления настоящей колонки.

Совершенно невозможно понять, каким образом отсутствие государства вызывает потребность в «новом человеке» или в массовом исповедовании некой эти-

ки (пусть и самой прогрессивной) в качестве предварительного условия. Разумеется, этические принципы играют важнейшую роль, но обмен, благодаря которому возникло и существует общество, не требует от нас быть «добрыми», «человеколюбивыми» или еще какими-нибудь. Обмен улучшает наше состояние, и позволяет достигать целей, которые немыслимо достичь в одиночку. Скорее можно утверждать, что моральные нормы и этические принципы есть попытка описать и даже перевести в нормативный статус практики, вызываемые обменом, разделением труда и прочими прелестями человеческого общежития. Быть честным, соблюдать контракты (держать слово), уважать чужое, не проявлять агрессии по отношению к «инаковым» — поведение такого рода поддерживает обмен и улучшает его результаты.

Принцип, на котором основано человеческое общество — для того, чтобы получить что-то полезное для себя, нужно сделать что-то, полезное для других. Этот принцип совсем не требует, чтобы все без исключения люди были «хорошими», верили в «не убий» и тому подобные максимы. Скажем, некий производитель шоколадок может быть страшным мизантропом, посещающим сатанинские культы. Но все это никак не помешает тому факту, что он выпускает продукт, который приносит радость маленьким детям и сильно облегчает задачу кавалерам, ухаживающим за девушками. Другой производитель может страдать избытком человеколюбия, но при этом делать плохие шоколадки, и потреби-

тель накажет его за это, несмотря на все его высокие моральные качества.

Государство не имеет к этому процессу ровно никакого отношения (оно может ему мешать, но не оно является его причиной). Что с государством, что без него, будут люди, исповедующие разную мораль. Будут люди, желающие присвоить чужую собственность путем мошенничества или насилия. Что с государством, что без него, этим людям будут противодействовать другие люди, для которых эта деятельность является источником дохода. Удаление государства — это удаление паразита, а не удаление тех социальных функций, которые присвоил себе паразит. Удаление государства требует «нового человека» не больше, чем его требует производство шоколада или приватизация железных дорог.

Но откуда же тогда идея о «новом человеке» и обязательном массовом переходе в либертарианскую этику? У меня есть гипотеза на этот счет. Я заметил, что западные люди в дискуссиях об удалении государства не сильно страдают идеей нового человека (хотя, конечно, тут я могу ошибаться). Как бы там ни было, мне кажется, что «новый человек» в качестве контраргумента удалению государства — это порождение старого архаичного сознания. Сознания, в котором существуют только межличностные отношения и в котором, соответственно, намерения и мораль участников имеют решающее значение. Продвинутый носитель такого сознания признает, что булочки могут выпекать част-

ные булочные, и он даже может принимать идею частных дорог, обычно рассуждая о связанных с ней технических трудностях. Но удаление государства является для него непостижимым актом и это выдает его с головой. В его мире есть только «ты» и «я» и пустыня вокруг. В нем не существует других людей и их решений, не существует общества и выработанных им практик. Фактически, не существует и альтернатив в человеческом выборе. Государство в этом сознании видится внешней силой, которая единственная сдерживает «ты» от нападения на «я». И если эта сила исчезнет, нападение обязательно случится.

Это то же самое сознание, которое считает торговцев жуликами, пытающимися любой ценой впихнуть свой товар. Это то же самое сознание, которое полагает покупателя проигравшей стороной, а продавца — выигравшей. Это то же самое сознание, которое завидует богатству, а богатых считает ворами. Для такого сознания этика (заметим, весьма определенного сорта) действительно имеет определяющее значение в человеческих отношениях. Для этих людей мир был бы чудесен, если бы «торгаши» не пытались «нажиться» на них, если бы богатые «делились» с бедными. Ну и, разумеется, если не будет надсмотрщика, то только этика в состоянии удержать людей от того, чтобы они не вцепились друг другу в глотки.

И вот, что интересно. Описанный мною вкратце тип сознания доминирует в Украине. Люди здесь ненавидят ближнего, считают его жуликом и негодяем. Укра-

инцы крайне пессимистично оценивают этические качества друг друга. И, несмотря на это мы, не умираем с голоду. Все как-то работает. Более того, там, где не мешают дяди-чиновники, работает очень даже хорошо. Как по мне, это лучшая иллюстрация бессмысленности идеи о необходимости нового человека.

P.S. Тоталитаризм прилагал огромные усилия для того, чтобы подданный верил в то, что все правильно, и умел не видеть, того, что на самом деле все не так. Массовые расстрелы очень помогают в этом. Впрочем, там, где тоталитаризма не было, некая версия «нового человека» тоже была выращена. Только «новый человек» на вопрос «It tells you what to do, and it punishes you with violence, if you disobey it, yet you're the boss?» 2012 способен искренне ответить «Yeah!»

5.1.12. Государство и корпорация

Как известно, государство и корпорация очень похожи друг на друга. И то и другое есть некая абстракция, бумажка с печатью, которая, тем не менее, живет своей жизнью, порой, весьма нешуточной. Однако главное сходство корпорации и государства состоит в организации, которая имеет вид иерархии. Для государств это правило соблюдается всегда, для корпораций — в подавляющем большинстве случаев, если абстрагироваться от попыток новаций в этой области.

Так вот, иерархическая организация порождает всем хорошо знакомый бюрократизм, равно присущий

и государству, и корпорациям. Причина в том, что все эти отделы, направления, министерства, комитеты и прочие подразделения, из которых состоит иерархия, никак непосредственно не заинтересованы в конечном продукте. Они заинтересованы только и исключительно в собственной отчетности. Эти люди работают для удовлетворения начальства, а не для того, чтобы продать больше товаров лучшего качества. Если вы, к тому же, живете в стране, вроде Украины, где государство долго и эффективно борется с конкуренцией, то разницы между какой-нибудь «Волей-кабель», «Киевстаром», ЖЭКом или какой другой госконторой вы почти не ощутите. Вы в равной степени не сможете дозвониться в эти конторы, а когда дозвонитесь (your call is very important to us, please, hold), они в равной степени изо всех сил будут стараться ничего не делать в ответ на ваши просьбы. Причина очевидна — людям, с которыми вы там общаетесь, нет до вас никакого дела, им есть дело исключительно до начальства и отчетности. Вам повезет только, если интересы отчетности или текущие «бзики» начальства вдруг совпадут с вашими желаниями.

Все это дает основания многим людям относить негативные свойства государства на счет «извечного бюрократизма», который присущ всем иерархиям, даже вполне частным корпорациям, и на этом основании относиться к государству, как к неизбежному злу вроде плохой погоды.

Между тем, существует, как минимум, три, мягко говоря, больших отличия, которые делают сравнение государства с корпорацией некорректным.

Во-первых, государство, в отличие от корпорации, не может юридически обанкротиться. То есть, фактические банкротства, когда инвесторы пытаются вернуть свои денюжки, случаются часто, но последствия бывают только в виде смены государственного начальства. Настоящее банкротство с распродажей имущества и ликвидацией конторы или покупки ее по частям другими субъектами рынка здесь невозможно. Никакого внешнего начальства над государством не существует, нет никаких процедур признания банкротства и оформления его результатов. Хуже того, поскольку реальность никуда не денешь, и невозможность ответить по обязательствам всегда имеет некие последствия, даже если и не существует «легальных» процедур, то в случае государств банкротство выливается в разные закулисные сделки, за которые все равно расплачиваются налогоплательщики.

Во-вторых, в случае государства непонятно, что есть прибыль. Для корпорации это (к примеру) прибыль владельцев акций, а что это для государства? Каковы критерии успешности деятельности государства? Их просто не существует. Рост ВВП может говорить о росте национального богатства, а может и отражать рост цен или изменение государственных расходов. Например, большие военные заказы отразятся на росте ВВП, но какая от них реальная польза? То есть,

в случае государства порочный принцип работы ради отчетности помножен в десятки раз.

Ну и, наконец, в-третьих, самое главное. Потребитель корпорации может выбрать продукцию другой корпорации. Инвестор может продать акции, если его не устраивают перспективы. Ничего этого с государством проделать нельзя. Плохую корпорацию «наказывает рынок», попросту говоря — люди, которые перестают покупать ее продукцию. Это неотвратимо случается со всеми «плохими» корпорациями. Именно по этой причине корпорации так озабочены проблемами, которые создает им собственная иерархичность, и именно поэтому они постоянно изобретают разные способы минимизировать ее последствия. Государство же поступает просто. Вы обязаны потреблять то, что оно производит. Оно наказывает вас, если вы поступаете иначе.

В общем, можно сказать, что государства и корпорации похожи между собой и страдают от бюрократизма. Правда, последствия этих страданий совершенно различны. В случае корпорации, страдания клиентов неизбежно приводят к страданиям корпораций. В случае государства страдания клиентов остаются страданиями клиентов. Сравнивать государства и корпорации можно будет тогда, когда издержки по смене государства будут сравнимы с издержками по смене интернет-провайдера. До этих пор говорить не о чем. 2012

5.1.13. Об аморальности «социального»

Разговоры о государстве, налогах и наполняемости бюджета рано или поздно приходят к «моральности», к тому, что государство выполняет моральную функцию, когда, например, заботится о сирых и убогих. Чаще всего, это называется «социальной» функцией государства. Вообще говоря, эта же идея моральности распространяется и на большинство других практик государства, особенно, на разнообразные предписания и запреты, которыми оно осчастливливает нашу жизнь, однако остановимся там, где моральность может быть четко прослежена и предъявлена.

Сразу скажу, что в данном случае не важно, что именно понимается под моралью и как отличить здоровые нормы от разных забобонов, тем более, что они периодически меняются местами. Просто примем для простоты, что мораль есть, она полезна и одна из ее норм — заботиться друг о друге.

Для начала проделаем простое упражнение. Давайте вдумаемся в следующий тезис: «принудительно отбираемые налоги идут на благо общества». Ведь отбирают потому, что сами добровольно не отдадут, верно? А если не отдают сами, то это значит, что те, кто, собственно, составляет общество, «благо» этого общества не считают нужным, полезным и правильным. Значит тот, кто отбирает, лучше знает, что такое хорошо и что такое плохо, что правильно и что нет, и ради чего можно отбирать силой. Оставим в стороне вопрос, что го-

сударство, которое это делает, получается у нас неким всеобщим родителем или даже богом. Для нашей темы важно другое. Ведь если мы признаём, что мы не в состоянии оценить, что такое хорошо и что такое плохо, и если мы согласны, что это делает за нас кто-то другой, и мы согласны под угрозой наказания делиться с ним частью своего дохода, то о какой морали тогда вообще может идти речь? Если за нас при нашем согласии решают моральные вопросы, то это означает лишь то, что мы лишены морали. В этой схеме мы **а-моральны**, вне-моральны по определению. Соответственно, мы вообще не можем выносить никаких суждений относительно моральности. Те, кто предполагает «социальную функцию» государства моральной, на самом деле не может ничего сказать по этому поводу, поскольку поставил себя «за пределы добра и зла».

Мне скажут, что это, мол, теоретические выверты и они к реальности не относятся. Хорошо, давайте поговорим о «реальности». Не секрет, что мораль — это одна из тех штук, которые делают набор людей обществом, то есть, ее польза состоит в том, что мы можем жить, плодиться и даже быть счастливыми без того, чтобы каждый день маяться в поисках пропитания и безопасного ночлега.

Однако, между моралью и моралью есть существенная разница. Та мораль, которая, среди прочих институтов, является одним из создателей человечества, устроена совсем не так, как та, которой якобы занимается государство. **Настоящая мораль существу-**

ет только в индивидуальном поступке. А поступок — это действие, а значит — выбор. Чтобы совершить нечто, нужно выбирать между целями, отдавать предпочтение одному вместо другого, отказываться от одного, ради другого. И так каждый раз.

Именно и только лишь добровольные поступки имеют значение. Они создают практики, примеры, которым можно подражать. Не может существовать «моральной нормы», выдуманной из головы, любой такой **реальной** норме предшествует практика. Так возникают институты и так они поддерживаются. Пока есть добровольные поступки, до тех пор поддерживаются и существуют социальные институты. Когда вас лишают выбора, исчезают ваши поступки и вместе с ними исчезает и институт, который они поддерживают. В нашем случае, исчезает мораль. В случае государственной «социальной функции» нет никаких поступков и никаких институтов. Там просто люди ходят на работу.

Я ничего не буду говорить об «эффективности» социальной политики государства по сравнению с деятельностью, скажем, благотворительных обществ и другой добровольной практикой. Не в этом суть. Нужно понять, что дело ведь не только в бедных и убогих, а дело, прежде всего, в нас. Некий бедный, может, и получает помощь из отобранных у нас денег, но это ведь не добровольный обмен. В добровольном обмене выигрывают обе стороны, а здесь — только одна. Проигравшая сторона — это мы с вами и **те социальные прак-**

тики (в нашем случае — мораль), которые исчезают, поскольку мы ими больше не занимаемся.

Занятно, вообще говоря, что то, чем государство начало заниматься каких-то сто лет назад, сегодня считается чуть ли не причиной его существования. Это говорит, если можно так выразиться, о глубине общественной деградации, о том, насколько мы перестали быть обществом, а значит, и насколько каждый из нас перестал быть человеком.

Без индивидуального выбора и добровольности нет действия. Без действия нет практики. Без практики нет подражания, нет примера, нет социальных институтов. А без институтов нет и общества.

Мы и живем в таком не-обществе. Да, нас многое связывает, но чаще всего, это не то, что нам самим бы хотелось. Все говорят о неспособности к самоорганизации, неспособности к позитивному действию. Для меня в этом нет ничего удивительного. Наши люди, случись что, тут же зовут государство. Возопить к государству, указать ему на непорядок, требовательно и решительно спросить «доколе» даже считается правильным поведением. Это называется «гражданская позиция». А еще они любят восклицать «ведь я же плачу налоги!» Вот в этом-то все и дело. 2012

5.1.14. Деньги и стадионы

Украинская общественность активно обсуждает приближающийся Чемпионат Европы по футболу, одной из принимающих сторон которого является, как известно, Украина. Обсуждаются наши плохие дороги, отсутствие дешевых гостиниц (лучше сказать — отсутствие гостиниц, как таковых), и в целом, условия, в которых любой случайный турист должен получать призы за выживание. При этом, общественность особо отмечает предполагаемые цены «услуг», которые, скажем так, весьма близки к международным стандартам, чего не скажешь об их качестве.

Со своей стороны, потенциальные гости тоже не дремлют — чай не каменный век на дворе — большинство уже в курсе, с чем им придется столкнуться. Вот в интернетах гуляет фото Винни Джонса, бывшего футболиста, а ныне актера, запомнившегося всем по фильму «Карты, деньги, два ствола». Джонс держит майку с надписью «Welcome to Hell», на которой Hell исправлено на Kiev. Знает человек, о чем речь.

В общем, все заняты, все при деле. Со своей стороны, хочу отметить популярную в сети причиталку, которая сообщает, во сколько обошелся Украине чемпионат и что (вместо чемпионата) государство могло было бы на эти деньги купить. С этой информацией все соглашаются и добросовестно причитают по этому поводу (что собственно, и требуется). Если с этим и спорят, то в основном с такой позиции — так или ина-

че, после чемпионата останутся стадионы, а это, мол, хорошо, как ни крути.

Я не собираюсь спорить с тем, «хорошо» ли то, что построили стадионы или «плохо». Я хочу два слова сказать о самом методе, ибо в комментариях причиталки неправы обе стороны и авторы, в первую очередь.

Смотрите. Допустим, я собираюсь построить стадион. Я никогда не стану этого делать, прежде, чем не пойму — а кому он нужен? Есть ли кому на нем играть? Есть ли люди, которые будут ходить на всякие спортивные состязания? И сколько эти люди готовы заплатить? Все это самым прямым образом отражается в моей калькуляции издержек и планируемых прибылей. И если я понимаю, что калькуляция не в мою пользу, я ничего не строю. И замечу, не потому, что «денег нет», а потому, что такой стадион в таком месте не принесет прибыль. То есть, в таком виде и за такую цену он никому там не нужен. Может быть мне лучше построить маленький спортзал, к примеру. Или бассейн. Глядишь — спорт в этих местах станет популярней, там и стадион через пару лет понадобится.

Далее. Стройка — дорогое дело. Чтобы начать ее, мне нужны деньги. Я могу их накопить сам или взять в банке. В любом случае, мне придется сберегать — либо свои деньги, либо купить готовые сбережения других людей в банке. Однако, в любом случае, процесс сбережений неизбежен. Мы все это делаем, когда откладываем деньги на отпуск, какой-нибудь ай-прибор и

т.п. Что означает сберегать? Это означает отказываться от потребления чего-то, на что эти деньги ушли бы, не сделай мы выбор в пользу сбережений. Это что-то остается некупленным и непроданным. Это и есть ключевой, базовый экономический процесс, именуемый «спросом и предложением», процесс, который приводится в движение нашими предпочтениями и выбором среди них.

Теперь посмотрим, что происходит, когда государство занимается инвестированием, и нам станет ясно, что нет никакой разницы в том, потратило бы оно деньги на «Евро-2012», пустило бы их еще на что-нибудь или просто выбросило.

Во-первых, цели «государственного инвестирования» определяются политически. Это так сказать, хотелки. Реальность же определяется не разговорами, а готовностью людей сделать выбор в пользу вашей продукции, то есть предпочесть ее своим деньгам. Но у нас же ничего этого нет. Есть просто «благо народа», причем в понимании людей, весьма от него далеких.

Во-вторых, государство ничего не сберегает, оно ни от чего не отказывается, оно просто въезжает на своем бульдозере в процесс спроса и предложения. Деньги же, которое государство «тратит», это не его деньги, а наши.

То есть, в итоге государственных инвестиций мы имеем произвольно создаваемые блага, «благость» ко-

торых определяется политически, разрушение процесса спроса и предложения (так сказать, разбалансировку экономики), изъятие из продуктивного обмена значительных сумм и перспективу нового налогообложения для поддержания в порядке «созданных» государством объектов.

Все это относится не только к стадионам и дорогам, но и к любым другим якобы «альтернативным» государственным расходам.

Деньги, отобранные на «Евро-2012», принесли бы пользу только в том случае, если бы не были вообще отобраны, а остались бы у их первоначальных владельцев. Все остальные способы «использования» этих средств значительно хуже.

Давно пора понять, что в «экономике» или «обществе» все связаны друг с другом и зависят друг от друга. Это как сложная экосистема, например, лес. Государственное инвестирование и, шире, — государственные расходы заключаются в том, что государство рубит лес, втыкает срубленные палки в другом, политически правильном месте и прикручивает к этим палкам изолентой ветки. Издалека это похоже на деревья. Может даже кому-то принесет пользу. Кто-то утащит бревно домой на дрова, например. 2012

5.1.15. Интернет-аукцион и политическая теория

Моя жена давно пользуется в быту интернет-аукционами. Они позволяют ей покупать нужные вещи и продавать всякий хлам. Для тех, кто никогда не видел этого чуда прогресса, скажу, что его суть сводится к тому, что незнакомые друг с другом люди продают и покупают разные вещи, цена которых определяется по итогам аукциона.

Аукционы выгодны потому, что они позволяют людям непосредственно связываться друг с другом, используя фундаментальные экономические закономерности, а именно, тот факт, что то, что для одного «нужная вещь», для другого «всякий хлам». Поэтому цены на аукционах существенно ниже «рыночных», то есть тех, в которых сидит государство со своим регулированием. Более того, аукционы демонстрируют нам чудеса разделения труда. Например, платье шьется в США и все равно оказывается дешевле украинского. Мало того, вам еще пришлют его померить.

Однако, в данном случае, я не об экономике, а о политике, а точнее, о политической теории. Теория эта, в ее популярной школьной версии имени Гоббса и Руссо, объясняет нам наличие государства «общественным договором», суть которого в разных интерпретациях звучит по-разному, но в общем сводится к тому, что люди отказываются от своего суверенитета потому, что не могут никак наладить взаимоотноше-

ния между собой, а вот дядя, который получает от них суверенитет (то есть право указывать им, что делать), он знает, как надо. Особо кондовая (гоббсовская) версия этой конструкции предполагает, что люди вообще редкие козлы и только дай им волю, как они… В общем, людям нужна некая третья сторона, которая будет ими управлять.

Однако, сам факт существования интернет-аукциона (как, впрочем, и других простых наблюдений за природой) опровергает эти теории. Ведь если человек всегда предпочитает обман другого человека, то никакого интернет-аукциона просто не может возникнуть. Ведь в отличие от привычной реальности, где, по мнению сторонников школьной версии общественного договора, порядок обеспечивает наличие милиционера, в интернете милиционеров нет. В сделки вступают абсолютно незнакомые люди, которые существуют, вообще говоря, в виде аккаунтов, которых, опять же, при должной сноровке, может быть несколько. Ну да, вы регистрируете свой физический адрес, по которому вам придет физическое письмо с кодом для подтверждения аккаунта, но это разве способно остановить человека и особенно «нашего человека»? Да он взломает почтовый ящик, подкупит почтальона, заведет себе сотню квартир, только чтобы грабить вас через интернет-аукцион. И да, придете вы к нему по этому адресу, а он вам скажет, что это кто-то узнал его адрес, от его имени зарегистрировался и давай

тут. В общем, с точки зрения общественного договора, интернет-аукционов просто не может быть. А они есть.

Я не собираюсь, как многие, наверное, сейчас подумали, доказывать, что «люди — добрые». Я всего лишь хочу сказать, что теория общественного договора исходит из посылки, что «люди — злые». Не говоря уже о том, что они клинические дебилы, не способные к взаимодействию. Реальность же, очевидно, состоит в том, что люди — разные. Бывают они, как минимум, добрыми и злыми, включая и другие разновидности и все это — по ситуации. И грабить ближнего есть не природа человека, ограниченная лишь милиционером, а опция, использование которой, помимо морали, определяет категория «выгодно-не выгодно» со всеми вытекающими последствиями.

Вот например, «наши люди» на заре интернетов полагали грабеж ближнего (точнее — дальнего) прибыльным делом, которое того стоит. Тогда интернетом пользовалось еще очень немного «наших людей». Ответом на разбой стало нежелание больших сервисов вроде того же eBay и PayPal иметь дело с «нашими людьми». И когда интернет стали использовать не только разбойники, но и самые что ни на есть лохи, оказалось, что разбой создал такую репутацию, от которой теперь страдают все, кого удастся идентифицировать, как «нашего» человека. Я не буду ничего говорить о справедливости таких мер, я лишь скажу о том, что, как видим, репутация не только существует, но и является, по-видимому, наиболее эффективным спосо-

бом оценки риска. Ну, а тот, кто не способен к поддержанию определенной репутации, просто будет выкинут из процесса, без всякого милиционера, делегирования суверенитета и общественного договора.

5.1.16. Кому принадлежит «национальная валюта»?

Причины падения гривны просты и очевидны — с одной стороны, рост спроса на доллар, вызванный нестабильностью и войной, с другой — рост предложения гривны, вызванный деятельностью НБУ по «поддержанию банковской системы». И это все на фоне попыток государства регулировать оборот валюты и внешнеторговые операции, что только усиливает ажиотаж. Под пунктами обмена появились забытые с 90-х персонажи — менялы, а это верный признак того, что дела на валютном фронте не очень хороши.

Разумеется, у этой проблемы есть множество разных сторон, в этой колонке я хочу обратить внимание лишь на один аспект проблемы, который, как мне кажется, является достаточно важным.

Смотрите, что происходит. Государство решает какие-то свои задачи (оставим в стороне вопрос о том, каковы эти задачи), а страдаете от этого вы. Это у вас повышаются цены на импортные товары (например, на лекарства), это вы вынуждены сокращать свое потребление и всячески подстраиваться под изменившуюся

ситуацию. Это вам не выдают валюту с вашего валютного счета, это вам ограничивают свободу экономической деятельности. Почему? А точнее — за что? Разве ваши действия стали причиной того, что происходит? Почему вы тогда страдаете от их последствий?

Можно поставить вопрос шире — являются ли все эти проблемы, которые вы испытываете в связи со скачками курса, объективными? То есть, имеем ли мы дело с последствиями действия неких неодолимых сил или это искусственное явление, без последствий которого мы вполне могли бы обойтись? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте рассмотрим то, что присходит у нас, на примере некой гипотетической страны, у которой нет «национальной валюты». Собственно, для нашей темы «национальная валюта» есть синоним «фиатной» валюты, то есть, такой, которая является принудительно монопольной на территории государства, и эмиссией которой управляет центральный банк.

Конечно, в истории все было сложнее, и, главное, процесс образования фиатных денег длился не один день, а больше ста лет, поэтому для примера мы возьмем предельную ситуацию, когда в некой стране действует не просто металлический стандарт, но еще и отсутствует частичное резервирование, (которое и является главной причиной появления центральных банков и национальных валют), то есть, поддержанная государством привилегия банков выдавать расписок на золото больше, чем этого золота имеется в их хранилищах.

И вот, например, в такой стране началась война, и вызванная ей паника толкает людей в банки забирать свои депозиты. Как, например, в Нидерландах в истории их войны с Францией. И что? В общем, ничего. Я имею в виду банки. Население забирает свои деньги и спокойно уходит с ними, а банки продолжают работать. Почему? Потому что они хранят столько золота, сколько выдано расписок на него. Тяготы и лишения войны, конечно, никуда не деваются, но вот тягот и лишений, связанных с этим вопросом к ним не добавляется.

Другая история из нашего примера. Какой-то банк или даже несколько по каким-то причинам терпит крах. Банкир из другого банка (вроде Гонтаревой) полагает, что этот банк или банки нужно обязательно спасти. Что может сделать Гонтарева в такой ситуации? Она может одолжить этим банкам свои деньги. Что произойдет для владельцев денег с тем же портретом на аверсе монеты, когда один банк одолжит другому некую сумму и тем самым спасет его? Ровным счетом ничего, поскольку количество денег не увеличится. У Гонтаревой в этой ситуации нет никакой возможности произвести золото из воздуха, как она производит гривну в случае «национальной» валюты. Она должна будет одолжить проблемному банку свои деньги, которые уже существуют в системе. Если даже одолженная сумма не спасет банк и он разорится, то пострадают только те, кто имел с ним дело и неосторожно дал ему в долг. На этом вся история закончится.

Я уже не говорю о том, что никакой проблемы «курса валют» и изменения цены импортных товаров в связи с изменением курса тут тоже нет. Золото — оно везде золото, неважно, как называются сделанные из него монеты.

Теперь посмотрим на то, что делается у нас. Гонтарева хочет спасти банки. Молодец. Что она делает? Она не дает на это дело свои деньги. Она просто печатает новую гривну. Гривну, которой не было в системе. Эта гривна неизбежно попадает туда, где ее владельцы видят для себя доход. В случае войны и нестабильности — это, например, покупка валюты, в случае мира и процветания — это разнообразные пузыри, которые обязательно лопнут. И дело тут не в «плохой» Гонтаревой, дело в системе, которая не просто позволяет так поступать, а которая и создана для того, чтобы так поступать.

Больше денег не означает больше богатства. Деньги лишь посредник в производстве богатства. Поэтому, если кто-то по мановению руки может прямо из воздуха создавать деньги у себя в кармане, то, когда он идет с ними в магазин, богатство просто перераспределяется в его пользу. Национальная валюта — это мечта алхимиков, только золото тут производится не из ртути, а прямо из воздуха. И благодаря центральному банку и монополии на «национальную валюту» новые деньги всегда образуются в кармане у государства, и именно оно идет с ними в магазин. Грубо говоря, в первом случае, когда деньгами является золото, Гонтарева сама

платит разорившемуся банку, во втором случае, это делают все держатели гривен. При этом платят не только в виде снижения покупательной способности их денег, но и в виде страданий от всяческих ограничений и регуляций, которыми государство пытается решить им же созданную проблему. Поэтому, когда вы слышите о «национальной» валюте, помните, что здесь, как и во всех других случаях «национализации», имеет место прямо противоположное явление. А именно — приватизация доходов в пользу группы людей, считающихся «государством» и национализация издержек. Вот в смысле издержек национальная валюта таки национальна, по самое не могу. 2015

5.1.17. Фиаско конституций

Обычный украинец в связи с Днем Конституции, вспомнит, наверное, выражение «конституционная ночь». Еще он, может быть, вспомнит о том, что сейчас какие-то люди во главе с Кравчуком пишут новую конституцию[1]. И продвинутая часть простого украинца, если ее спросить, зачем это все делается, скажет, что это нужно для того, чтобы можно было избирать Януковича президентом в парламенте. Думаю, не ошибусь, если скажу, что роль конституции видится большинству украинцев, как обслуживание «политической целесообразности» украинской элиты.

[1] Хороший вопрос — где эти люди и где их конституция?

Наша Конституция вполне заслужила такое отношение. Выражение «конституция не работает» начало применяться к нашему основному закону еще до того, как он был принят. То, что происходило потом, только подтвердило предварительные прогнозы.

Можно долго рассуждать на тему «почему не работает украинская конституция», но, как в той байке о тридцати восьми причинах сдачи крепости, в этом деле есть главная причина, сравнимая с отсутствием пороха — писаная конституция не может работать. Так сказать, по определению. А Украина просто еще раз подтвердила это правило, путем полевых исследований.

Конституция, в ее современном понимании — это британская затея. Так уж получилось, что британская «власть» оказалась связанной разными писаными и неписаными правилами и ограничениями. Эти вот правила и ограничения начали пониматься как главное условие, которое позволяет человеку оставаться свободным. В самом общем смысле их и называли конституцией.

Американская революция имела простую причину. Колонисты полагали, что Георг III нарушает английскую конституцию, ущемляет свободы колонистов — британских подданных. Поэтому, по завершении революции колонистам не составило труда написать свою конституцию. Они полагали, что она защитит их свободы от государства.

В этом месте, собственно, по-настоящему, начинается наша история. Британцы после экспериментов Кромвеля больше не делали попыток написать конституцию, полагаясь на авторитет неписаных правил и естественный ход вещей. Американцы же решили создать и описать систему, которая, как они полагали, предотвратит произвол государства и сможет поставить его на службу людям. Так начался грандиозный конституционный эксперимент. С этого момента каждая уважающая страна считала своим долгом иметь писаную конституцию. Теперь мы можем подвести итоги этого эксперимента. Ничего из этого не получилось.

И не получилось у самих США, что уже говорить о всех прочих. При желании вы найдете массу примеров того, как не соблюдается американская конституция. Причем, не соблюдается, так сказать, на регулярной основе. Вот, например, вторая поправка. Она говорит о том, что свободный человек имеет оружие. Половина штатов игнорирует эту поправку, а федеральное правительство, прогрессивная общественность и деятели культуры постоянно ведут кампанию против нее. Или вот конституция США не предусматривает фиатных денег и в ней ничего не сказано о ФРС. И ничего, — как-то обходятся. Или, к примеру, объявление войны. Это прерогатива конгресса. После второй мировой США постоянно с кем-то воюют. Войну же никто не объявляет. Президент как-то сам справляется. Какой еще такой конгресс-шмогресс? А на днях Вер-

ховный суд США преподнес настоящий подарок в деле растаптывания конституции — он, фактически, одобрил «Obamacare». Напомню, что эта удивительная система «медицинского страхования» предусматривает, что человек, который не хочет пользоваться ее услугами… платит штраф. В общем, какие уж там права и свободы…

В ходе конституционного эксперимента выяснилось вот что. Всегда и везде на практике работает неписаная конституция. Если она вступает в противоречие с писаной, то последняя игнорируется. Переводя для Украины — если ваша неписаная конституция предусматривает, что начальство может вытворять все, что захочет, то никакая бумажка вам не поможет.

Это относится ко всем писаным конституциям. Не важно, писали ли их авторы «для народа» или «под себя», для Януковича или для дяди Васи. Не работает сам принцип, вне зависимости от намерений и квалификации авторов.

Идея о том, что один государственный начальник будет защищать вас от другого государственного начальника потому, что это предписано ему некой бумагой, оказалась нереализуемой на практике.

Ну хорошо, скажут мне, а как же теперь быть? Кто же будет «сторожить сторожей»? На самом деле на

этот якобы сложный философский вопрос есть простой ответ: сторожей сторожит тот, кто нанял их на работу. Мнимая «сложность», которую раздувают вокруг этого тезиса, как раз и связана с тщательным замыливанием этого простого факта. Желаемое здесь выдается за действительное. Мол, мы же «нанимаем власть» на выборах — говорят нам. В том-то и дело, что никто никого не нанимает. Найм — это выполнение неких заранее известных работ за оговоренную плату. И всё. В нашем случае ничего такого нет, «сторожа» вольготно расположились в нашем доме, они регулярно отбирают у нас часть нашей собственности для «деятельности», которую сами же себе и придумывают. Поэтому главная проблема, с которой теперь нужно разобраться, после того, как конституционная идея провалилась, это вопрос к «сторожам». Звучит он просто: «а что вы тут, собственно говоря, делаете?» 2012

5.1.18. Конституция. Английские разгадки

Хочу поделиться с читателем двумя наблюдениями, связанными с темой конституции и извечного вопроса «почему она не работает». Интересуясь этой проблемой последние лет 20, я постоянно сталкивался с упоминаниями (преимущественно, вскользь) о неких обстоятельствах, связанных с английской конституцией. Нужно сказать, что современный конституционализм это такая себе «вещь в себе», он занимается проблемами конституционного права, предполагая по умолчанию, что конституция есть некое объективное явле-

ние, вроде, скажем, кварков или мю-мезонов. В общем, мой совет — если вы всерьез хотите что-то узнать о конституции и понять, в чем же, собственно, фишка, то не читайте современных авторов.

Так вот, если перебраться поближе к современникам конституционного эксперимента, то вещи становятся куда более понятными. Например, выясняется, что все это идет от «английской конституции». Под английской конституцией понималось такое состояние дел, которое позволяло англичанам быть самыми свободными людьми своего времени. Континентальные деятели и, прежде всего, французы, живо интересовались английским секретом. Вольтер и, особенно, Монтескье потратили немало усилий для того, чтобы, так сказать, «перенять опыт». Французы начали «внедрение передового опыта» со своей революции. Первая их конституция содержала очень много самых разных прав, но, как писали современники, никогда еще не было такого времени, когда бы эти права так грубо попирались. В общем, ничего не вышло.

В течение всего 19 века идет дискуссия о конституции, наконец, Альберт Дайси предпринимает попытку описать «английскую конституцию» с позиции английского юриста (правда, уже во времена, когда теория права испытывала сильное влияние континентальной традиции). Он показывает простое обстоятельство, а именно — английская конституция — это, по сути, судебная практика. До того, как «Хабеас корпус» с третьей или четвертой попытки стал парламентским за-

коном, он уже лет четыреста фактически применялся английскими судами. И так далее. То есть, английская конституция (которой, как все знают, не существует в виде писаного текста) это просто набор норм и процедур, выработанных в ходе решения совершенно частных дел в разное время разными людьми. То есть, это явление, которое возникло естественным путем, и существует вне зависимости от того, знаете вы о нем, задумываетесь ли вы о его существовании, пытаетесь ли вы вычленить его из всего остального корпуса права, даете ли вы ему какое-то специальное название.

Это, кстати, объясняет и относительный успех американской конституции, в отличие от французских. Американские колонисты устроили революцию как раз потому, что полагали, что король нарушает конституцию (чем он действительно и занимался). Поэтому они написали свою. Однако, право в бывших колониях было и осталось британским, то есть, преимущественно «правом судей», а не «правом законов». Судьи продолжали (и до сих пор это делают) использовать процедуры и практики, которым уже по несколько сотен лет. Поэтому первые лет сто США удавалось совмещать писаную конституцию с британским правом, затем начались проблемы и сегодня общее мнение таково, что в США уже преобладает «право законов», а не «право судей». Но это уже другая тема.

В общем, сама идея писаной конституции, которая якобы что-то «устанавливает» и, тем более, «гарантирует», является абсурдом. Конституция может «уста-

новить» лишь то, что уже и так существует. Поэтому, ответ на вопрос «какая должна быть конституция для того, чтобы она работала» есть только один — никакая. «Работать» должно здесь у нас, прямо тут где мы живем. Никакие писаные кем-то тексты никак не способны что-то изменить. Второе обстоятельство, о котором я хочу сказать, тесно связано с первым. Это тоже британский конституционный принцип «нет налогообложения без представительства». На самом деле, его следует читать, как **«нет налогообложения без согласия облагаемых»**. Опять же, мне то тут, то там попадаются упоминания о сложностях, которые регулярно испытывала британская корона в поисках денег. Эти сложности состояли в том, что король не мог просто так придумывать и вводить новые налоги. Если короне требовались деньги, нужно было созвать парламент и просить его одобрения. При этом, английские законы, к тому же, часто имеют срок действия. То есть, созвав парламент, король должен был доказать, что существующих налогов не хватает. Фактически, каждый парламент проводил ревизию государственных доходов и расходов, и король всегда рисковал не только не получить желаемого, но и быть урезанным в финансировании. Сравните эту ситуацию с нашим положением, когда налоги вводятся «навсегда» и государству гарантировано финансирование при любом положении дел.

Я думаю, что это финансовое обстоятельство сыграло ничуть не меньшую роль в превращении Англии

в «остров свободы», «владычицу морей» и «мастерскую мира», чем чисто конституционные обстоятельства. Если и существует хоть какой-то относительно надежный способ держать государство в рамках минимума, то это постоянный финансовый голод и необходимость получать согласие на каждое действие. Правда, как показывает дальнейший ход событий, со временем, государства находят выход и из этого положения.

В заключение, цитата из книги, которая как раз оказалась под рукой: «с нашей точки зрения чрезвычайно интересно, то, что представительство в Общинном совете не обязательно предполагало, что решения должны приниматься большинством. Например, в 1221 году епископ Винчестерский, призванный затем, чтобы получить его согласие на щитовой налог, после того, как совет одобрил его, отказался платить на том основании, что он был против, и лорд-канцлер удовлетворил его прошение». 2014

5.1.19. Рада-1, Рада-2 и кризис парламентаризма

В истории с расколом парламента, которые многие уже объявили «государственным переворотом», наиболее важной мне кажется, скажем так, системно-историческая составляющая. О текущей политике, думаю, напишут еще много, мне же представляется более значимыми те соображения, которые так ярко ил-

люстрирует происходящее и которые, как я считаю, могут быть полезными выводами на будущее.

Чем больше влезаешь в историю современной политической машины, тем в большей степени становится ясно несоответствие ее «технического задания» тому, как это реально устроено и как это реально работает. Тех, кто интересовался вопросом, думаю, всегда посещала мысль о некой искусственной сконструированности того, что в наши дни называют «демократической моделью». То есть, разделение властей, отдельно избираемые законодатели, исполнители и судьи выглядят в ней как плод некоего созидательного ума, приписавшего им определенные функции и интересы и заранее спланировавшего наилучшую из возможных конструкций. Понятно, что в жизни такого быть не может. И, как оказалось, такого, действительно никогда не было.

Если вы потратите некое, (увы, мне потребовалось довольно значительное) время на изучение того, откуда что взялось в этом вопросе, вы обнаружите, что современный парламентаризм есть не что иное, как плод карго-культа. Точно также как мы сегодня пытаемся инсталлировать у себя западные институты, так парламентаризм был заимствован революционными французами из Британии и уже от французов расползся по всей остальной Европе и миру. Понятно, что представительские органы существовали в той же Франции и много где еще — в данном случае, речь идет о попытке вычленить и заимствовать принципы совершенно кон-

кретной системы, сложившейся в Англии после Славной революции.

Именно результатами усилий французских деятелей, восхищавшихся «британскими свободами», мы и имеем сейчас счастье наслаждаться. Правда, когда мы обращаемся непосредственно к предмету их усилий, мы не только не обнаруживаем там ничего похожего на нашу систему, мы видим там нечто совершенно противоположное.

Начнем хотя бы с того, что король в Англии (то есть, исполнительная власть) не имел гарантированного бюджета. Король имел собственные доходы (которые в 18-м веке выдавались ему практически в виде фиксированной зарплаты), но на любой чих он должен был просить деньги у парламента, для чего, его еще нужно было собрать. И дальше — внимание! — если парламент одобрял эти расходы, нужно было искать источники финансирования, то есть вводить новые или пересматривать старые налоги. Соответственно, изменение налогов не могло не сказываться на настроениях избирателей. Сравните это с полностью противоположной системой, принятой теперь у нас, когда государство получает гарантированный доход от налогов и затем делит его по своему усмотрению. Очевидно, что в первом случае власть находится под самым эффективным — финансовым контролем, во втором она практически бесконтрольна.

Но главное даже не в этом. Выясняется, что «разделение властей» состоит не в том, что существуют «ветви власти», которые все суть одно государство. Разделение властей состоит в укорененности судебной касты с одной стороны и в том факте, что палаты парламента представляют реально существующие власти, находящиеся **вне** парламента, то есть общины и аристократию. Парламент лишь является местом встречи всех этих властей, не парламент дает им власть, они лишь «приносят ее с собой». Именно постоянное сопротивление аристократов и общин попыткам роста королевской власти, подкрепленное финансовым контролем деятельности последнего, и есть истинный источник «британских свобод», которые привели затем к промышленной революции, «мастерской мира», капитализму, расцвету науки, «правь Британия морями», выигранным мировым войнам, Битлз и Гарри Поттеру.

Французские революционеры все сделали наоборот. Сначала они уничтожили все власти вне центральной, то есть уничтожили аристократию и привилегии провинций и городов. Затем они наделили органы государственной власти, включая парламент, собственной версией народного суверенитета, которая означала, что если ты парламент, то ты есть как бы заменитель всего народа в данный момент и, следовательно, можешь вытворять все, что хочешь. Собственно, это революционерам и требовалось. То есть, британская модель, которая действительно «сложилась сама собой», была настроена на постоянный контроль и огра-

ничение государства в интересах общества, французская же была искусственно выведена для удержания и расширения политической власти тех, кто в данный момент ее использовал.

И знаете, что интересно? Об этом обстоятельстве знали еще в тот момент, когда это все происходило. Многие авторитетные деятели вроде Токвилля, прекрасно понимали, что происходит.

И что? И ничего. Заметим, что революция и все порожденные ею якобы чрезвычайные обстоятельства, которые, как объясняли, требовали неких особых полномочий, закончилась, а системка и сопровождающие ее идеи, прижилась и еще как. Более того, та же британская модель, якобы послужившая ее прототипом, со временем пала жертвой новой системы.

Все это лишний раз говорит о том, что выживает лишь то, что выгодно государству. Ну, а наша власть ценна в этой истории (не устану это повторять) тем, что охотно и даже с огоньком демонстрирует его истинную природу. «Ай-ай-ай!» — кричит прогрессивная общественность, — «как же конституция, законы, регламент! Они же их не выполняют!» А они и не должны, вот в чем дело. Унтер-офицерская вдова сама себя не высечет. Мюнхгаузен сам себя за волосы из болота не вытянет. **Если в обществе нет реальных властей вне политической системы, то будет так, как есть**. Парламент будет штамповать законы для исполнительной власти даже на лужайке в лесу или в «теле-

фонном режиме», не потому, что в нем засели донецкие и все они плевали на регламент и законы, а потому, что такова его природа. И решение вопроса состоит не в том, чтобы просто заменить донецких на антидонецких, а в том, чтобы создавать власти вне политической системы.

2013

5.1.20. О социальной инженерии и общественно-экономических формациях

Читатель этой колонки наверняка знаком с замечательной идеей «догоняющего развития», даже если он никогда не слышал этих слов. Суть ее состоит в том, что нужно перенять у них все хорошее и тогда мы заживем. В свою очередь, эта идея и ее более общая разновидность «модернизации», опирается на представление о том, что общество неизбежно проходит в своем развитии некоторые «стадии» и передовые общества отличаются от отсталых тем, что они просто находятся на более поздней стадии развития.

Эти представления лежат в основе современной политической парадигмы, вся политическая борьба опирается на них. Собственно, драка идет по поводу того, что, где и как «вводить» и «внедрять», сама же необходимость это делать не ставится под сомнение. Причем, не только в «отсталых», но и в «развитых» странах, ибо если существуют некие обязательные и неизбежные стадии, то существует и возможность провидеть смелым взором будущее и предсказать, что именно нужно

внедрять и вводить, чтобы раньше всех получить приятный бонус. Разумеется, все это — от ругани дилетантов на форумах и фейсбуках до хитромудрых докладов разнообразных think tanks адресуется, в итоге, заботливому правительству, которому следует лишь хорошенько подумать и принять правильные законы.

Конечно, идея заимствований не нова. Древние римляне регулярно поминали древних греков. Петры первые и последующие пытались что-то переделывать «по европейскому образцу». Однако, это все были, так сказать, прихоти правителей и законодателей. До сравнительно недавнего времени у этой деятельности не было идейной и, я бы сказал, научной основы, то есть, концепции, которая бы прямо указывала на необходимость и даже неизбежность не только модернизации, но и социальной инженерии в целом.

Сегодня большинству необходимость этой самой инженерии кажется чуть ли не самоочевидной, и в этом немалая заслуга той самой идеи, о которой мы говорим. И вот что здесь интересно. Если докопаться до первоисточника идеи о «смене формаций», то им окажется «органическая теория» Спенсера. Спенсер проводил аналогию между развитием общества и живого организма. Организм проходит некоторые обязательные стадии в своем развитии, и, по мысли Спенсера, то же случается и с обществом. Я не шучу. Дело обстоит именно так. Разумеется, никто не вспоминает сегодня «органическую теорию», разве что ученые,

которых никто не читает. А аналогия Спенсера давно живет своей отдельной жизнью.

Ну хорошо, скажут мне, Спенсер немного загнул. Но может быть у идеи «смены формаций» есть какие-то другие основания? Их нет. Сама эта мысль появилась на фоне открывшегося европейцам мира «диких народов», и, как казалось, позволяла объяснить, почему одни народы «дикие», а другие — не очень. Однако в разного рода книгах, от Оппенгеймера до Кревельда, можно найти упоминания об исследованиях антропологов, которые говорят о том, что никаких «стадий» не существует. Одни племена жили так. Другие эдак. Вот и все. Есть разные формы социальной организации. Но линейной «фазовой» зависимости между ними нет.

Или возьмем другой известный постулат, тесно связанный с идеей «смены формаций» — о переходе к оседлому земледелию. К примеру, Джеймс Скотт пишет, что «найдены археологические свидетельства того, что домашние растения и животные появились за несколько тысячелетий до возникновения первых аграрных государств». Выясняется, что люди не «перешли» к аграрному земледелию, а благополучно чередовали в зависимости от ситуации земледелие с охотой и собирательством. И легко меняли место жительства. Скорее, можно считать, что к оседлому земледелию, причем именно к выращиванию зерновых, людей «перешло» государство, которому необходим учет, контроль границы и налоги. Но это уже другая тема.

Все это вот к чему. Спенсер, человек либеральных взглядов, конечно, не виноват в последствиях своего заблуждения. Его ошибкой воспользовались не потому, что «сам Спенсер так сказал», а потому, что она очень подходила к нарождающемуся как раз в то время «духу эпохи», и, как говорится, «если бы Спенсера не было, его стоило бы придумать». Хотя, конечно, неизвестно, как бы сложилось дело, не будь такой удобной для социальных конструкторов идеи. То есть, первопричиной является рост государственного регулирования и потребность найти идейную, и даже, лучше, научную основу для этого. Об этом не лишне помнить, когда вы читаете или слышите что-то, основанное на идее «смены формаций» (а сегодня практически невозможно прочитать что-то другое).

И последнее. Чтобы быть правильно понятым, я выступаю не против «модернизации», а против социальной инженерии. Для моей позиции «почвенничество» или попросту автаркия не противоположно «модернизации». Это просто разновидность той же социально-инженерной идеи. Здесь государству открывается огромное поле деятельности для того, чтобы, скажем, не дать дорогу педерастии и педофилии и изо всех сил соблюдать кошерное православие, самодержавие и народность. И все это, как и «модернизация», базируется на все той же идее «формаций» с той лишь разницей, что в «эту формацию мы не хотим». 2012

5.2. Вот так

«He is dead, Jim!»

Dr. McCoy

5.2.1. Самые страшные слова

Когда-то давно среди «политических экспертов», а затем и среди ширнармасс был популярен тезис о «недостаточной законодательной базе». То есть, вот мы, новая страна, у нас должны быть свои новые законы, а пока их еще мало, и поэтому все так плохо. Вопрос «почему же тогда до сих пор работает парламент Великобритании?» приводил сторонников этой теории в некоторое замешательство. Объяснить это было нельзя. Затем была изобретена концепция «новых условий». Дескать, мир меняется, и изменения мира должны отражаться в законодательстве. Внимательный взгляд замечает здесь три вещи. Первая. Парламенты и правительства много веков с непрекращающимся энтузиазмом регулируют «старые» явления. Торговлю, цены и т.п. Вторая. Никакие новые условия, новые явление, вроде интернета, не возникли бы и не развились, если бы их невозможно было отрегулировать, если бы уже не существовало социальных институтов (прежде всего, права собственности и контрактов), позволяющих это сделать до всякого вмешательства государства. Третье. Прямо сейчас мы видим, как на наших глазах государство пытается регулировать

интернет и те феномены, которые он принес, например, биткоин. Мы видим, что эти явления появились и развились без всякого государства и видим, что все регулирование производится только и исключительно с целью контроля и недопущения потери власти государством. Никакой пользы, никакого удобства оно не приносит.

Почему же тогда законодательный зуд не только не ослабевает, но и усиливается во всем мире? «Взбесившийся принтер» — это ведь не только наша с вами реальность. Более того, заметим, что социальное противостояние, где бы оно не происходило, идет вокруг власти над принтером. Революционеры в этом смысле ничем не лучше тех, кто сегодня им распоряжается.

Ответов на этот вопрос множество, я приведу один, наиболее простой. Состоит он в банальном отсутствии знания, знания хоть и довольно сложного, но не настолько, чтобы быть доступным только избранным. Это знание вполне могло бы быть усвоено в «рамках школьной программы». Мало того, в нем нет ничего экстравагантного, наоборот, это классические вещи. Не могу сейчас сказать о греках, но римлянам оно точно были известны, затем следует Фома Аквинский и соответствующая традиция, Дэвид Юм, Адам Смит и так далее.

Суть этого знания состоит в том, что институты, в которых мы живем, не были изобретены, а возникли. Никто не придумывал мораль и благотворительность,

деньги, право, суд и так далее. Эти институты и множество других, действие которых мы не можем отождествить с неким известным нам явлением, не явились плодом какого-то гениального ума, приказавшего всем действовать определенным образом «для общего блага». Все это — шаблоны поведения, которые выбирают люди, учась друг у друга. Это очень сложный механизм и наш разум, в силу многих причин, (хотя бы потому, что он не способен мыслить вне теории, вне шаблона) не в состоянии охватить его полностью. И тем более, он не в состоянии управлять этим механизмом путем «законов», то есть, приказов другим людям.

Этого знания о самой сути социальных процессов, знания, повторю, не тайного, не сакрального, не какого-то фрикового «видео из интернета», разоблачающего очередной заговор, а самого, что ни на есть, научного, которое можно почерпнуть из самых разных наук — от кибернетики до лингвистики (не говоря уже об экономике) — нет в государственной системе образования. И это, в общем, тоже не случайно.

Для того, чтобы система существовала, люди должны верить в ее полезность. Подавляющее большинство людей верит в силу законов. Проблему они видят только в неправильных законах или неправильных исполнителях. И это — главная причина существования системы и тех последствий, которыми мы все наслаждаемся.

Вы говорите им, что «работа» закона прямо зависит от того, насколько он совпадает с намерениями тех, кого касается, они вам отвечают — ну как же! Мы сказали «стой там, иди сюда!» И вот, посмотрите, он стоит там и идет сюда. А вы говорите, что законы не исполняются! Очень даже исполняются! Тогда вы говорите, что суть ведь не в том, что стоит там и идет сюда, а в тех целях, ради чего это делается. Вот запретили людям наркотики с целью заботы об их здоровье. В результате появилась только мафия и огромные затраты на борьбу с ней. Количество же наркозависимых не изменилось. Цель не достигнута. Наоборот, понесен огромный ущерб. Вас слушают, согласно кивают. Но, при этом, думают «это у них не получилось. У нас получится». Почему? Потому что изначальна здесь вера в волшебную силу закона. Она заставляет огромное количество людей с невероятным упорством вот уже почти сто пятьдесят лет (с тех пор, как воцарилась массовая демократия) наступать на одни и те же грабли. Ошибки, сделанные ими, вызывают лишь желание повторить то же самое еще раз, только посильнее, они поражают все большее число мирных жителей, заставляя их тоже втягиваться в этот процесс, «бороться за свои права», что приводит к еще большим ошибкам и еще большему числу участвующих. Система процветает, она кажется не просто терпимой, но необходимой и единственно возможной.

И одна из главных причин — обычное невежество в тех вопросах, которые политические люди берутся ре-

шать. Невежество, имеющее причиной все то же естественное желание системы сохраниться и расшириться. Для этого, в свое время и возникло государственное массовое образование, и оно довольно быстро «освободилось» от классического образования, заменив его «инженерным подходом». Все это хорошо известно и хорошо описано. Большевики вот даже логику отменили (и, заметим, ее до сих пор толком не «проходят»).

Самые страшные для системы слова, понимание которых способно остановить сумасшедшее политическое беличье колесо, набирающее все большие обороты, звучат как **«социальные институты не являются результатом наших осознанных усилий»**. Если вы знаете, что «земля круглая», вас не удастся подписать на финансирование экспедиции за ее край. Если вы знаете, что социальные институты не являются результатом наших осознанных усилий, то никто никуда не идет и все остаются дома. Невозможна больше ситуация на выборах «Тимошенко против Януковича». Невозможны ни Тимошенко, ни Янукович, ни заседающий без конца парламент, ни вышедшие из ума Кабмин и Нацбанк. Все знают, что это никому не нужно и не работает, и все попытки этих контор привлечь к себе внимание игнорируются, а сами конторы умирают от недостатка любви. Не берусь говорить о государстве в целом, возможно «тайное знание» и не убьет его сразу, но, по крайней мере, белочки сильно потеряют энтузиазм во вращении своего колеса и обеспокоятся альтернативами.

Ну, а если вам так хочется поспособствовать каким-то институтам, которые вы считаете необходимыми, то у вас есть один путь. Вы можете способствовать институтам только самим собой. Например, поддерживать мораль и благотворительность, оказывая помощь больным и бедным. Институты будут совершенствоваться, ненужные отмирать, вместо них возникать новые, незаметно и постепенно. Но вы абсолютно бессильны причинять добро, приказывая другим людям. Стоять там и идти сюда они будут, вы можете их заставить, но тех последствий, которые вы хотите получить, не возникнет.

И последнее. Я отнюдь не предлагаю немедленно что-то «внести в школьную программу», не предлагаю даже «заняться просвещением масс». Я просто хочу сказать, что у нас есть достоверное знание о том, что «все не так». И оно таки не так. 2013

5.2.2. Искусственные люди в нашей жизни

Томас Гоббс назвал государство «искусственным человеком». Крайне удачный термин, которым можно описать не только государство, но и массу других явлений в нашей жизни. Искусственный человек — это такой внешний авторитет, который дает одним людям в глазах других людей право делать некие вещи с окружающими. Вот, например, милиция. В реальности милиционеры не отличаются от других людей. Бить, калечить, грабить, сажать в тюрьму, кого захотят, поз-

воляет милиционерам искусственный человек по имени «государство». Причем, этот человек живет в голове жертв этой самой милиции. Именно уверенность в том, что государственная милиция необходима и должна иметь все возможные полномочия для «борьбы с преступностью», и есть необходимое условие, которое позволяет милиционерам вытворять то, что они вытворяют.

Наверное, процесс появления искусственных человеков начался одновременно с появлением человеков живых, то есть тогда, когда появилось «общество» и предки человека превратились в людей. Первоначально искусственные люди отвечали за поддержание некой полезной практики. Например, инцест «ухудшает породу». Инцест должен быть запрещен. Кушать своих нехорошо, поэтому нужно кушать чужих. Искусственный человек здесь выступает, как правило, в виде «духов предков», что технически верно, так как его слова — это обобщение их опыта.

Затем появляются боги самых разных религий со своим мнением по поводу происходящего. И тут уже становится очевидной проблема дилерства. То есть, бог-то он бог, но вещает он всегда через шамана или другого священника. Или через книжку. Поэтому запрет людоедства сопровождается еще 150 идиотскими табу, а в священной книжке на одну нормальную заповедь приходится 20 забобонов, добавленных дилерами искусственных людей.

Далее случилась удивительная вещь — искусственный человек был приравнен к живому настоящему человеку. Это произошло, когда христианская церковь получила права живого человека — то есть, получила возможность выступать истцом и ответчиком в суде и т.д. Так возникла корпорация — искусственный человек, который действует, как живой, заключает сделки, получает прибыль, выступает в суде.

Искусственные человеки стали занимать все больше места в жизни живых человеков и все больше управлять этой жизнью. Во время Столетней войны никому бы в голову не пришло идти в бой с криками «за Англию!» или «за Францию!». Хотя, нынешние историки, обслуживающие искусственных человеков, полагают, что «национальное самосознание французов» начало оформляться именно в то время. Возможно. Точно можно сказать лишь то, что «национальное самосознание» действительно оформилось повсеместно, да так хорошо, что позволило людям убивать друг друга в промышленных масштабах, не только без малейших угрызений совести, но и с чувством глубокого удовлетворения.

Три человека, которые нажатием трех кнопок могут запустить ракету, способную разом уничтожить несколько миллионов людей, оказывается, не ужасающие преступники. Оказывается, это — герои, стоящие на страже искусственного человека по имени «Родина». Этот катастрофический абсурд хорошо иллюстрирует триумф «национального сознания».

Теперь искусственные люди управляют жизнью живых людей. В Украине, например, чтобы заниматься бизнесом не некотором уровне, живой человек должен получить у искусственного человека (государства) разрешение стать искусственным человеком (юридическим лицом). По-моему, дальше уже некуда.

Понятно, что живые люди создают искусственных людей, чтобы управлять другими живыми людьми. Понятно, что всегда есть интересы дилеров этого процесса. Понятно, что живые люди совсем не против искусственных людей, которые, как им наверное кажется, упрощают их жизнь. Понятно также, что вряд ли мы сможем обойтись вообще без искусственных людей. Все это очевидно и не требует обсуждения. Речь всего лишь о том, что жизнь — это взаимодействие живых людей, как бы они не пытались скрыться под разными масками. И если мы хотим жить, нам нужно поставить искусственных людей на место. И прежде всего — в 2012 своей собственной голове.

5.2.3. Кто первый начал или Производство нелюдей

Детский сад. Песочница. Дети играют машинками. Один ребенок пытается отнять машинку у другого. Тот не отдает. Начинается драка. Появляется воспитатель, наказывает обоих. Обиженный крик жертвы: «Он первый начал!». Ответ воспитателя: «Мне все равно, кто первый начал. Нельзя драться».

Знакомая ситуация, правда? Я бы сказал, типичная ситуация. Каждый из нас множество раз проходил ее в своей жизни — в детском саду, в школе, в армии. В ВУЗе, на работе. Этих ситуаций было слишком много, даже если отбросить те, где «все равно, кто начал» было вызвано банальной ленью разбираться, кто там прав, кто виноват. В большинстве же случаев совершенно ясное «он первый начал!» старательно игнорировалось и наказывались все участники конфликта.

Меня всегда интересовало, почему так происходит. Почему начальники изо всех сил навязывающие себя в качестве единственного канала разрешения конфликтов и установления справедливости, регулярно наказывают обе стороны вместо того, чтобы наказать агрессора?. Я понял это, когда в разного рода дискуссиях все чаще начал замечать, как много людей не способны распознать агрессию. То есть, у маленького ребенка нет сомнений в том, что агрессор (тот, кто «первым начал») не прав, сопротивление ему полностью легитимно и он должен быть наказан. А вот у «интеллектуала» таких сомнений вагон и маленькая тележка. Он легко докажет вам, что Оксана Макар «сама была виновата» и, самое важное, придя к такому выводу, не испытает никакой брезгливости по отношению к себе. И это не только плод обильных знаний и избыточных мудрствований. Это прямой результат воспитания и последующей жизненной практики.

Откуда это берется? Это результат взаимодействия общества со своим паразитом — государством. Это та-

кой шаблон поведения, возникший как реакция на узаконенное насилие со стороны государства. Примером может быть всем известный опыт с обезьянами, которых, если мне не изменяет память, били током (хотя попадалась версия, где их поливали водой), когда одна из них пыталась достать банан. Затем обезьяны сами не давали вновь прибывшим особям брать бананы, хотя никакого тока уже не было. В нашем случае, разумеется, все значительно сложнее, опыт длится, по крайней мере, последнюю тысячу лет, да и ток никто не отключал. Более того, если в случае с обезьянами мы имеем ясно видимые стороны, одной из которых являются экспериментаторы, то в случае государства и общества эти стороны условны. Ведь социальные институты, шаблоны поведения чаще всего являются непреднамеренными результатами наших действий. Милиционер «решает задачу», чиновник прикрывает свою задницу, воспитатель в детском саду облегчает себе жизнь, каждый из них преследует свои цели, ни секунды не думая о «государстве в целом», но все вместе они действуют так, как будто являются частью некоего существа со своими интересами.

То есть, «стороной» эксперимента с обезьянами будет не конкретный милиционер или воспитатель детского сада, а «система в целом». И если говорить об этой системе, об этом существе (искусственном человеке Гоббса), то очевидно, что государство заинтересовано, прежде всего, в том, чтобы его подопечные были максимально покорны. Делается ли это «для их же бла-

га» или ради простого сбора дани — не имеет никакого значения. Покорность достигается, среди прочего, тем, что государство претендует на роль единственного авторитета в конфликтных ситуациях. Достигается это разными способами, но один из основных и самых простых — это запрет на конфликты, как таковые. То есть, драться тут не должен никто, драться могут только начальники. И институт «мне не важно, кто первый начал, будете наказаны оба» — является, пожалуй, важнейшим в достижении этой цели.

Не случайно государство регулярно наказывает людей, обороняющихся от обычной брутальной физической агрессии. И не только у нас или в России. Прямо сейчас Обама из кожи вон лезет, чтобы ограничить право американцев на оружие, сделать их беззащитными перед преступниками и перед государством.

Но это только часть проблемы. Последствием является не просто беззащитность одних людей перед другими. Последствием является разрушение общества. Я не случайно упомянул о том, что маленький ребенок прекрасно различает агрессора, а хитромудрый интеллектуал — нет. Ребенок находится в начале социализации. Он усваивает базовые концепты, наиболее важным из которых является «я» и «не я». «Я» и «не я» и следующие за ними «добро» и «зло» — это те концепты, без которых общества, то есть сотрудничества между людьми и возникающих вследствие него институтов, просто не может быть.

Однако, затем, когда маленький человек сталкивается с пораженными государством институтами, его пытаются отучить распознавать агрессию. Это делают с ним в течение всей последующей жизни. Ему говорят, что «неважно, кто первый начал» и наказывают, когда он пытается сам сопротивляться насилию. В результате, многие просто перестают отличать добро от зла и, фактически, теряют способность быть людьми, то есть общественными существами, осознающими базовые концепты со-трудничества, со-общества. Общество, как таковое, разрушается.

Государство стремится низвести человека до бессознательного, дочеловеческого в социальном смысле состояния младенца, который еще не знает «я и не я», не знает «добра» и «зла». Государство стремится к тому, чтобы мы стали не-людями. И оно все ближе подходит к этому результату. Брейвик убил более 70 человек. Эта ситуация была бы просто невозможна еще 100 лет назад, поскольку имевшие неоспоримое численное преимущество потенциальные жертвы, пусть даже безоружные, незамедлительно скрутили бы негодяя. Но жертвы Брейвика не стали этого делать. Они ждали начальства. Потому что только начальству разрешено драться.

2013

5.2.4. Дедушку — на колбасу или Простой тест на рабство

В жизни случаются такие обстоятельства, в которых то или иное явление вдруг проявляется с полной ясностью, во всей своей красе и великолепии. Вот на днях МОЗ порадовало нас законопроектом, который предусматривает, что государство может распоряжаться органами умерших, так сказать, по умолчанию. Умер кто-то — государство определит полезность его останков и использует здоровые органы, так сказать, на благо общества. Нужно прикладывать специальные усилия, чтобы убедить государство не делать этого.

Так вот — эта история является прекрасной иллюстрацией того, кем считает нас государство и кем мы в действительности являемся в большинстве случаев взаимоотношений с ним. Речь идет о рабстве.

Собственность начинается с собственности на свое тело, с права распоряжаться собой. Недаром в традиционном праве собственность индивида рассматривается, как продолжение его тела. Человек, который не может распоряжаться своим телом по своему усмотрению является собственностью другого человека, то есть рабом.

При этом, я хочу напомнить, что рабство совсем не обязательно означает изнурительный труд на каких-нибудь плантациях. Часто рабы неплохо себя чувствовали и вели вполне пристойный образ жизни. Но —

до определенного момента, пока хозяину не приходили мысли по более производительному использованию рабсилы.

Когда свободный человек умирает, заботы о его теле переходят к родственникам. К ним же переходит и его собственность (если он не завещал другого). В нашем случае, государство ясно дает понять, кем мы являемся с его точки зрения. Оно, так и быть, позволяет нам немного попользоваться своим телом при жизни в некоторых дозволенных им пределах, но после смерти тело возвращается к хозяину.

И хозяин волен поступать с ним, как угодно. То есть, органы — это только одна из возможностей. Можно пустить вас на колбасу, а из костей сварить холодец — зачем добру пропадать? На худой конец, компостная яма — тоже источник большой общественной пользы. И, кстати говоря, тут уже совсем немного осталось и до следующего логического шага — собственности умершего. Если государство владеет телом, то оно владеет и всей остальной собственностью. По умолчанию.

Я понимаю, что сейчас утилитаристы начнут рассуждать в духе «покойнику тело больше не нужно, а вот его почки спасут чью-то жизнь!» Эти рассуждения ничего не меняют в сути происходящего. Весь вопрос в том, кто решает — «надо» или «не надо». Если вместо владельца решает некто посторонний, то это и называется рабством.

Мне кажется, что информация о замечательном законопроекте МОЗ может быть своего рода тестом на рабство. Ведь рабство — оно, прежде всего, в голове. Чтобы оно работало, раб должен считать свое состояние нормальным и законным порядком вещей. Если, читая эту новость, вы возмутились, — значит все в порядке, здоровые человеческие инстинкты сработали. Если же вы считаете, что так и должно быть, то впору задуматься. Первым делом нужно срочно перестать смотреть телевизор. 2012

5.2.5. Новое язычество

Думаю, многие знают, что то, что мы называем наукой, порождено христианской церковью. Глядя на нынешнее противопоставление «науки и религии», трудно в это поверить, но это так. Монастыри были своего рода научными центрами, а большинство ученых искренне полагало, что занято открытием божьих замыслов. Сразу хочу сказать, что я здесь не преследую цели апологетики церкви, тем более, что это опять стало немодно. В данном случае, я хочу сказать о вещах, которые больше любой церкви и религии, а именно, о мировоззрении, и обратить внимание на тот факт, о котором давно говорят ученые — феномен «науки» возник в христианских странах.

Мы с вами, независимо от нашей религиозности, являемся носителями определенного мировоззрения, которое уходит корнями в христианство. Суть этого ми-

ровоззрения состоит в существовании незыблемых законов природы, которые человек постепенно открывает, но не в силах отменить или изменить. Он может лишь их использовать на свое благо. Это именно христианское представление, — Бог создал мир и удалился, пробормотав «вроде неплохо получилось…» В дальнейшем мир существует по имманентно присущим ему законам. Ветхозаветный Бог, к примеру, несмотря на то, что известен своей повышенной активностью, действует, тем не менее, в рамках собственных законов, устраивая потопы или превращая в соляные столбы. «Чудо» потому и чудо, что может быть идентифицировано, как вариация общепринятой практики или привычных явлений. Обычно люди не превращаются в соляные столбы, но вот, скажем, вода «превращается» в лед, то есть, сама идея изменения агрегатных состояний известна и «чудо» происходит в рамках этой идеи. Ну, а потоп — это просто очень большое наводнение. Новозаветный же Бог вообще не появляется на сцене, предоставив ее смертным.

Представления о «законе, открываемом людьми», кажется нам очевидным просто потому, что мы не знакомы с другими — языческими представлениями. Это нетрудно сделать, хотя бы на примере широко известной греческой мифологии. Здесь действуют боги, полубоги, нимфы, дриады и прочие сущности. Все они обладают собственной волей и действуют в собственных интересах, смертные могут использовать эти интересы, вступать с богами в сделки и т.д. Весь ход вещей — это

лишь продукт взаимодействия воль. Языческий мир — это мир абсолютного волюнтаризма. Поэтому в язычестве нет понятия чуда. Его нет, потому, что нет и закона.

Кстати, греческая демократия, решавшая голосованием огромное количество вопросов, — типичная реализация именно языческих представлений о мире. Законы греческих полисов— это приказы, которые могут быть отменены другими приказами.

Собственно, все это к тому, что мы с вами опять вернулись в языческий мир. Просвещение удалило Бога, но оставило христианскую космогонию, заменив законы, созданные Богом, на «законы природы». Физика в качестве первопричины заменила Бога на Большой Взрыв. Но естествоиспытатели бессильны изменить законы, как бы они не назывались, и они это честно признают. В общем-то, для естественных наук поменялась только внешняя атрибутика. Но вот для «неестественных» все обернулось как нельзя хуже. Причин здесь множество — от очевидной методологической проблемы «кто здесь субъект, а кто объект», до банального использования этих наук в политических интересах. В общем, если в 19 веке экономисты еще полагали, что они исследуют «божий замысел», то сегодня никто из них не скажет такого. Более того, когда в естественных науках речь идет о «недостижимости истины», говорится лишь о приближении к цели, которое может быть бесконечным и в ходе которого старые представления могут полностью опровергаться. В

«неестественных» же науках сегодня прямо говорится о том, что истины не существует, а есть лишь мнения, причем равнозначные! «Закон» здесь понимается лишь как достаточно большой массив статистических данных. То есть, здесь наступило полное и окончательное язычество.

Божеством в этой вере является, конечно же, государство, поскольку весь корпус «неестественных наук» существует вокруг его деятельности.

Государство для этих людей видится некой абстракцией. Но это удивительная абстракция. Она не вводится, как другие абстракции, для аналитических целей в некотором рассуждении. Это такая абстракция, которая реально существует, то есть, имеет некую волю и цели, но в то же время, мы не можем ее увидеть и непосредственно с ней взаимодействовать. Правильно было бы называть ее «сущностью», «духом» или «богом». Отметим также, что эта сущность бессмертна — меняются правительства, свергаются режимы, но государство остается. В жизни мы не сталкиваемся с ней напрямую, а всегда имеем дело со служителями культа — чиновниками и политиками. Эта сущность находится в активном взаимодействии со смертными, у нее можно что-то вымолить, ее можно попытаться использовать в своих целях, обманывать и т.п., при этом, все это дает предсказуемый результат прямо здесь и прямо сейчас, в этой жизни и, в отличие, скажем, от христианской молитвы, является воспроизводимой технологией.

Весь политический процесс построен на трактовке «интересов государства», а содержание его составляет выяснение того, насколько качественно молились жрецы и того ли, кого надо, принесли в жертву. Даже такая максимально, казалось бы, рациональная деятельность, как «реформа государства», на самом деле, всегда есть лишь реформа жреческой иерархии, способ перераспределения «даров» и т.п., само же государство никак не меняется.

Все это, конечно, можно списать на публицистические преувеличения, однако вот, что интересно. Я давно столкнулся с интересным феноменом. Когда беседуешь с моральными релятивистами, которые особенно любят повторять «истины нет, есть мнения», рано или поздно выясняется, что они не в состоянии определить государство. То есть, никак. Эти якобы атеистичные, независимые и свободномыслящие оказываются здесь бессильны. Им не помогает и всемогущий Гугл — они не могут найти подходящего определения. И это неудивительно. Ведь если понимать, что мы имеем дело не с независимостью и атеизмом, а с верой, богом которой является государство, то понятно, что в рамках веры бог не может быть определен, точнее, не может быть определен иначе, как «всемогущий, вездесущий». Ну, а поскольку истины и закона у них нет, то и государство у них выходит всемогущим и вездесущим. Признать им это бывает очень трудно, ведь это противоречит их «свободомыслию» и «независимости». Но беда, понятное дело, не в этом, а в том, что все мы яв-

ляемся жертвами языческого культа, верим ли мы в Бога, Большой Взрыв или говорим, что ни во что не ве-
2013 рим.

5.2.6. О свободе

Недавно интернет порадовал перлом некоего человека (как утверждают, программиста). Человек этот сказал следующее: «А мне не нужна свобода. Мне нужны образование, работа, семья и жрачка. И мне пофиг, управляют мной или нет, главное — чтобы я об этом не знал.» Эти мысли, как мне кажется, весьма распространены в нашем обществе. И это обстоятельство весьма и весьма печально, ибо идеи предшествуют действиям. Если в голове у наших соотечественников такой кавардак, то они и поступают кавардачно, что, собственно, мы и наблюдаем.

На самом деле, как я попытаюсь показать, автор этого утверждения думал о чем угодно, только не о свободе. Что-то мне подсказывает, что вряд ли он согласится с его же собственным утверждением, которое мы немного модернизируем так, как если бы оно **действительно** было бы направлено против свободы в ее оригинальном понимании, и продемонстрируем в конце этой заметки.

Однако, для начала отметим, что говорить о свободе можно только применительно к обществу. Это очевидное, на первый взгляд, утверждение, не так очевидно, как кажется. Многие люди считают, что свобода — это

«делай, что хочу». По их мнению, человек на необитаемом острове свободен. На самом же деле, человек на необитаемом острове вообще находится вне таких вещей, как свобода, поскольку он живет на этом острове один. О свободе имеет смысл говорить только там, где есть другие люди, то есть, там, где есть общество.

Если мы осознаем это обстоятельство, то понимать свободу как «делаю, что хочу», становится несколько странно, ибо очевидно, что в обществе есть и другие люди, и «что хочу» рано или поздно натолкнется на их вежливое непонимание. И совершенно правы те, кто утверждает, что «если каждый будет делать, что хочет, то такое начнется!» Действительно, в этом случае общества уже не будет. Однако, к свободе это никак не относится.

В действительности свобода — это **социальное правило**, то есть, представление о том, как (лучше для всех) должны вести себя люди друг с другом. И основа этого правила — неприкосновенность каждого из нас. Неприкосновенность личности каждого, а значит, и собственности каждого, а значит, и контрактов каждого. Соответственно, тот, кто нарушает неприкосновенность другого является агрессором, он может получить законный отпор и подвергнуться санкциям. Свободный человек выбирает цели и средства, и свобода его выбора ограничена свободой других. У несвободного, то есть у такого, который не может защитить свои границы, выбор целей и средств узок или его почти нет.

Как мы сказали, свобода — это правило. Это означает, что свободу нельзя «ввести», «установить» или «учредить». Общество тем больше свободно, чем большее количество людей использует правило свободы. Конечно, можно «по жизни» придерживаться правила свободы, не обращая внимания на всякие рассуждения и умности. Беда только в том, что в нашем мире пока еще полно ситуаций, в которых люди принимают решения, исходя из неких рассуждений и умностей, над верностью которых они просто не задумывались. То есть, человек, в жизни исповедующий практику свободы, на выборах голосует за черти-что, именно в силу того, что ему и в голову не приходит сопоставить свою практику с выборами, зато приходит сопоставить с ними всякие прочитанные на заборах умности.

Так вот, было бы очень хорошо, если бы все прилагали усилия для сравнения исповедуемой нами практики с провозглашаемыми нами умностями. Одно из таких усилий я сейчас и проделаю. Итак, как и обещал, модернизирую тезис, с которого мы начали эту заметку. Если бы, человек его провозгласивший, действительно был бы противником свободы, то его утверждение должно было бы звучать так: «А мне не нужна свобода. Мне нужны образование, **какое дадут**, работа, **какую дадут**, семья, **какую дадут** и жрачка, **какую дадут**. И мне пофиг, управляют мной или нет, главное — чтобы я об этом не знал.» Вот это и ничто иное означает «мне не нужна свобода». Но, кажется, вряд ли много
2013 людей подпишется под этим.

5.2.7. Универсальная модель левизны

Некоторые «знаковые» вещи со временем как-то теряют изначальный смысл, превращаются в штампы и их начинают оценивать уже с этой «заштампованой» точки зрения. Вот, к примеру, Оруэлл с его «1984» и фраза, которая проходит лейтмотивом через весь роман — «Большой Брат смотрит на тебя». Именно в таком виде вы, скорее всего, встретите ее в разговорах и интернет-дискуссиях. «Большой Брат» вообще стало именем нарицательным, так называют разного рода действительные или предполагаемые источники пропаганды и т.п. Понятно, что более точный перевод фразы «Старший Брат следит за тобой». Он встречается куда реже, а словосочетание «Старший Брат», по крайней мере, у нас, вообще в ироническом смысле употребляется в отношении России.

В общем, все равно неясно как-то с этим Большим Братом. Ну смотрит он там, ну следит — ну и что? Ситуация в таком ее понимании выглядит плоской — в виде «извечной борьбы бобра и козла». В ней нет интриги, в ней все понятно и очевидно — злобный Большой Брат засел у власти и следит тут за всеми. Сразу ясно, что это нехорошо и что это даже плохо и порядочному человеку нужно немедленно что-то с этим делать.

Между тем, если бы дело обстояло именно так, роман не вызвал бы такого шока и проклятий леваков своему бывшему коллеге. Перевод фразы Оруэлла, особенно в ее «обынтернетченной» версии, совершенно

не передает всего вложенного в нее смысла и даже убивает его. С другой стороны, именно эта фраза, как никакая другая, раскрывает суть всех левых учений и доктрин. Посему, в меру скромных сил, попытаюсь передать, как мне видится ее смысл.

Big Brother is watching you на самом деле описывает типичную и хорошо узнаваемую ситуацию, когда старший брат **присматривает** за младшим, пока тот играет и вообще занят какими-то своими делами. То есть, роли в этой ситуации ясны и понятны. Старший Брат **знает, как надо**, он может помочь, он должен следить, чтобы ничего не случилось, он **отвечает** за младшего и в рамках этой ответственности легко может выписать тому трындюлей. Младший брат априори глуп, беспомощен, его цели ничтожны, а действия подлежат контролю в целях, разумеется, его же безопасности.

Сама по себе ситуация, вполне положительна **в рамках семьи**. Страдания младшего брата приемлемы и объяснимы его возрастом и неопытностью. Оруэлл показывает, что левые переносят эту модель в рамки общества в целом и говорит — вот, что бывает, когда меняются пропорции и когда то, что хорошо работает в одной системе отношений, переносят в другую. Представления о человеке, как о существе, которому необходима «забота Старшего Брата», в итоге приводит к страшным последствиям, описанным в романе. Именно эта ясная аналогия и вызвала такой гнев у левых. Но, повторю, в принципе, эта ролевая модель описыва-

ет все левые доктрины. Разница между ними только в темпераменте Старшего Брата. Старший Брат Пол Пот может запросто ухайдохать больше половины страны. Старший Брат Рузвельт всего лишь организует вам общественные работы. Но оба они **лучше вас знают, что вам нужно** для вашего, разумеется, блага. 2009

5.2.8. Почему мы еще не живем без государства

Вопрос, вынесенный в заголовок — сугубо практический. Вы обязательно зададите его себе, если потратите несколько лет на изучение предмета. Окажется, что нет никаких причин считать государство обязательной, так сказать, «естественной» частью общества, а скорее нужно воспринимать его как своего рода детскую болезнь человечества. Это, извините за аналогию, социальный паразит, своего рода глисты. Нет ничего обязательного в том, что кто-то заражен глистами. Люди вполне могли обойтись без государства, и, если уж оно случилось в нашей жизни, то это не означает, что его теперь нужно обязательно терпеть.

При этом, очень важно, что большинство сведений, которые приведут вас к этому выводу, вы получите не от злобных «анархо-капиталистов» и «австрийцев», а от вполне себе академической мейнстримной публики, то есть, вы будете понимать, что упрекнуть вас в следовании линии какой-то партии довольно трудно и что положение дел, скорее всего, объективно именно тако-

во. И вот когда у вас в голове сложится некая картина, вы обязательно попробуете поделиться ею с окружающими, и в подавляющем большинстве случаев обнаружите жесткое неприятие.

Как же так? Данные вполне доступны (справедливости ради, отмечу, что своего рода «минимальный набор анархиста» можно считать доступным лишь несколько последних лет), а люди просто с порога отвергают ваш взгляд на жизнь.

Ответ, как мне кажется, состоит в том, что государство занимает слишком много места в интересах и в головах наших сограждан.

Возьмем, например, журналистов. Именно эта публика, по идее, должна разыскивать новости по всему миру и бережно нести их в клювике в редакцию. Но вы для журналиста не новость. Вы для него угроза. Для того, чтобы это осознать, попробуйте посмотреть выпуск новостей на любом канале. Попробуйте найти там темы, не связанные с государством. Помимо прогноза погоды это будут какие-нибудь курьезы типа «жительница Крыжополя родила семерых близнецов». О чем будут писать политические журналисты в отсутствие государства? Где у них будет фронт работ? Ведь очевидно, что из властителей дум они в этом случае превращаются… нет, они просто теряют не только свой статус, но и работу. Конечно, никуда не денутся те же журналистские расследования, но масштаб будет совсем не тот. Если не будет государства, политические

журналисты больше не будут в прайм-тайме вальяжно рассуждать о судьбах мира. Не будет всего этого пафоса с выходом на депутатство. Разве можно с этим смириться?

При этом, я не утверждаю, что те же журналисты рационально осознают угрозу, которую несут им ваши идеи. Нет, обычно это происходит на уровне инстинктов. Вас просто запишут куда-нибудь к авторам заметок о тамплиерах или рептилоидах. Так спокойнее. Кстати, если бы анархисты додумались распространять свои идеи по ведомству «в мире животных» или «новости науки и техники», у них было бы больше шансов. В журналистском ведомстве «политика и экономика» их шансы приближаются к нулю. Теперь возьмем экономистов. Казалось бы, экономика, по сути, антигосударственная наука в своей аксиоматике. Однако, при этом, большинство экономических текстов — это тексты о государственном регулировании, то ли с его апологетикой, то ли с критикой. Большинство экономистов, даже тех, кто занимается академической работой, так или иначе связаны с государством и, соответственно, с государственным регулированием. В мире, где нет государства, экономика станет строгой наукой. Соответственно, государственные бюджеты, налоги, торговые балансы и курсы валют исчезнут из деятельности экономистов. От них никто больше не будет ждать чуда, их не позовут в телевизор и не дадут хорошо оплачиваемую государственную должность. Им светит только консалтинг, может быть и доходный, но

вряд ли славный и почетный. Я уже не говорю о теории. Вот, например, критерий эффективности де Сото и критерий эффективности Парето. В первом нет никаких ручек, которые можно подкручивать, чтобы «сделать систему эффективной», он, по сути, сводится к тому, что «все здесь будет эффективно, если вы, наконец, оставите нас в покое». В критерии Парето ручки настройки, разумеется, есть. Вопрос — какой из двух критериев будет «признанным» можно даже не обсуждать.

В общем, я думаю, что все заметили, что большинство либеральных экономистов останавливается на уровне минархизма разной степени умеренности. И это вполне закономерно. Либо ты признаешь необходимость государства, пусть и минимального и тогда ты «свой», либо не признаешь и тогда ты маргинал. При этом, повторю, в подавляющем большинстве случаев, не существует никакого ЦК или тайной ложи, которая отдает приказы, здесь все работает на уровне инстинктов, самоцензуры и простого ощущения дискомфорта, ведь если я скажу, что государство не нужно, то… что дальше? Поскольку государство производит экономический маразм в промышленных объемах, либеральная критика этого маразма с позиции более рациональной, умной и продуманной, но все же **государственной** политики продается хорошо. Эта позиция удобна, всегда есть что критиковать, а рассчитывать на то, что ваши умные рекомендации вдруг будут услышаны и внедрены не приходится, никогда такого

не было и не будет. Следовательно, эта музыка может быть вечной, к полному удовольствию всех участвующих сторон.

Ну и, наконец, последняя группа товарищей, которой могут быть интересны ваши позиции, это прогрессивная общественность от сетевых хомячков до реальных активистов. По моим наблюдениям, в этой группе вы получите самый жесткий отпор. Именно в спорах с этой публикой вы познаете настоящие бездны казуистики и софизмов. Их сопротивление будет яростным, вплоть до драки. Ведь если государство не нужно, то мы тогда зачем? Мы, которые искренне и бесплатно верим, идем на жертвы и боремся за народное счастье — зачем мы тогда? Люди никогда не простят вам такого.

В общем, шаг, который должен сделать человек, чтобы принять мысль о том, что можно легко обойтись без государства, слишком велик. С этой стороны у него понятный мир. Здесь он часть прогрессивной общественности и борется за светлое будущее, контуры которого для него очевидны. И главное, что для него очевидны пути, которые приведут его к этому будущему. Еще немного усилий, еще одни выборы, еще один хороший чиновник вместо плохого чиновника, еще один правильный закон и дело будет сделано. Рядом с ним такие же приятные люди, их много и они понимают друг друга. Даже его враги думают так же, просто они хотят других людей на те же должности и исповедуют (по ошибке, конечно) «неправильную» идеологию. Даже революционеры и террористы думают так же, как

он, просто они хотят все ускорить. Все они — понятны друг другу, все они часть одного мира. А тут вы. В мире, который вы предлагаете, нет ничего, что делало бы этих людей ценными для самих себя без изменения тех ролей, которые они играют сейчас. И они даже могут согласиться с вами, что без государства жить будет куда лучше, но никогда и ничего не будут делать для этого.

Ну и, разумеется, я никого ни в чем не упрекаю и не обвиняю. Вещи таковы, каковы они есть. Сегодня, извините за выражение, и парадигмы, и дискурсы единодушно против тех, кто не хочет дальше жить с государством. Значит, надо думать.

2015

5.2.9. Альберт Дайси, «свобода печати» и украинская коррупция

В последнее время мне часто приходится цитировать книжку Альберта Дайси «Введение в конституционное право Англии». Так уж получается, что эта книжка постоянно оказывается весьма кстати, когда речь идет о нашей стране и о нашей ситуации, которая (ситуация) радует нас уже 20 лет и даже не думает меняться. Этот труд выдающегося британского юриста для современного читателя выглядит как некая книга из серии «все совсем не так, как вы привыкли думать» и ценность его как раз в том, что автор не имел цели кого-то разоблачать и выводить на чистую воду. Альберт Дайси был юристом, профессором, читал лекции в

Оксфорде и не занимался политикой, да и было это сто лет назад. Между тем, у человека, привыкшего к определенным шаблонам, факты и идеи, излагаемые Дайси, могут эти шаблоны сильно поколебать. Речь идет о массово распространенных заблуждениях по поводу «демократии», «прав человека», «суверенитета» и т.п. Вещей, и мнение Дайси, как английского конституционалиста, ценно здесь потому, что современное конституционное право началось с попыток европейцев скопипастить английскую конституцию. Эти упражнения продолжались с конца 18 по конец 19 века, и особый шарм им придавало то обстоятельство, что английской конституции, как знают даже на форумах «Украинской правды», не существует в виде специального письменного текста.

В общем, после этой рекламной паузы, переходим к делу. На самом деле, я хочу написать об очередных нововведениях в борьбе с коррупцией, каковые Рада приняла 13 мая. А к чему здесь английская конституция, мы сейчас увидим.

Дайси, рассуждая о свободе печати, делает весьма поучительное сравнение английской и французской практики. Как известно, еще в первой революционной конституции 1791 года торжественно провозглашались свобода слова и печати. Это, впрочем, совсем не помешало свирепствовать революционной цензуре. Затем во Франции цензура регулярно возвращалась, отменялась и снова возвращалась, (часто под видом очередной отмены цензуры). При этом, все 12 консти-

туций, которые существовали в этот период (до начала 20 века) во Франции, в том или ином виде содержали «свободу печати». В итоге, во Франции практика, связанная со свободой печати, составляет чуть ли отдельную отрасль права.

В Англии никто никогда и не думал провозглашать какие-то «свободы печати», что-то «гарантировать» и «законодательно обеспечивать». До 1695 года там существовала цензура. Существовала она в следующей форме: право печати принадлежало 97 лондонским книгопродавцам, (Stationer's Company), которые могли конфисковать все издания, напечатанные посторонними лицами. В 1695 году истек срок «Акта о разрешениях», который предоставлял эту приятную монополькy Stationer's Company, и Палата общин просто отказалась продлевать действие этого закона.

Что интересно, что законодатели, направляя свое решение в Палату лордов, ни единого слова не говорят о «свободе печати». Акт о лицензиях упраздняется потому, что с ним связаны препятствия торговле, придирки и нарушения, потому, например, что «он ограничивает книжную торговлю лондонским портом и задерживает ценные грузы в таможне так долго, что они покрываются плесенью». «Общины находят несправедливым, что вменяется в вину таможенному чиновнику, если он откроет прибывший из-за границы ящик с книгами не в присутствии цензоров. Как может этот чиновник знать, что в ящике находятся книги, если он не открыл его?» — удивляются депутаты вместе

с котом Шредингера. Но ни о каких свободах при этом они ничего не говорят.

«Как мало думали государственные деятели, уничтожившие цензуру, о принципе свободы печати, доказывает тот факт, что два года спустя они попытались принять билль о запрете печати новостей без разрешения» — пишет Дайси.

С тех пор, «свобода печати регулируется мнением 12 лавочников», то есть присяжных, поскольку единственные ограничения следуют из законов о пасквилях, то есть, из уголовного права. При этом, назвать это «ограничениями» именно прессы, сложно, поскольку ответственность за клевету относится ко всем лицам. **«В Англии уничтожить право правительства контролировать прессу значило просто уничтожить исключительную привилегию, противоречившую общей тенденции права»** — заключает Дайси. Ну и, подводя итог, думаю, не нужно напоминать, что всякие вольнодумцы и революционеры обычно печатали свои сочинения в Англии, где, напомню, никто и никогда не провозглашал и не «закреплял в конституции» свободы печати.

Эта история весьма поучительна для Украины с ее (хотел написать «многовековой») борьбой с коррупцией. На днях парламент принял очередные новшества, которые выглядят, прямо скажем, устрашающе. Министр юстиции Павел Петренко радостно сообщает нам, что «раньше коррупционеры обходились

протоколами об административной ответственности и только платили штраф. Отныне за все коррупционные правонарушения предусмотрена уголовная ответственность». «Предложение и обещание взятки также стали уголовными преступлениями. Для этого достаточно данных о коррупционных договоренностях. При этом сам факт получения взятки может быть не зафиксирован» — продолжает министр. Ну и в качестве контрольного выстрела: «еще одной чрезвычайно важной новацией стало предоставление возможности нашим гражданам уведомлять органы власти о коррупции в анонимном порядке». В общем, коррупция, конечно, никуда не исчезнет. Она просто станет еще дороже. При этом, создаются тоталитарные инструменты (анонимки, контроль банковских счетов) для политической борьбы и вообще борьбы с неугодными. Все это добро преподносится, разумеется, под соусом «евроинтеграции».

Суть примера Дайси с английской и французской цензурой проста. Цензура возникает от способности правительства контролировать издателей и писателей. Она не исчезает от провозглашения каких-то прав и принятия конституций, а также от каких-то особенных законов, направленных на борьбу с ней. Она исчезает вместе с ее причинами — возможностями правительства. Точно так же, не исчезает от законов и «борьбы» коррупция, поскольку она возникает, как неизбежный результат способности правительства «регулировать

экономику». И здесь не существует никакого другого решения, кроме как отнять у него эту способность. 2013

5.2.10. Эта река течет под патронатом Партии регионов. А ведь и правда, течет

Когда автор этих строк услышал по радио рекламу Партии регионов, он на некоторое время потерял дар речи и впал в некого рода ступор. Случилось это в силу затруднений, которые я испытал в классификации происходящего. То есть, я знаю, что такое «цинизм», а вот, что идет после него «Особый цинизм»? В общем, я так и не классифицировал это явление, хотя из ступора все-таки вышел.

Напомню, что в рекламе (и, я так понимаю, во всей кампании) нагло утверждаются вещи, очевидно не соответствующие реальности (типа «руїну подолано»). Кто в такое может поверить? Однако, по зрелом размышлении, я пришел к выводу, что это не зря, и что это работает.

Одним из величайших жуликов в истории я считаю человека, который, будучи каким-то преподавателем, по-моему, в МГУ, брал взятки за помощь в поступлении в этот уважаемый тогда ВУЗ. При этом, он работал следующим образом. Он сразу предупреждал, что не всесилен и не может дать никаких гарантий — если ребенок поступал, он оставлял взятку себе, если нет — честно возвращал деньги опечаленным родителям со

словами «извините, ничем не смог помочь». Понятно, что сам он не прикладывал ни малейших усилий для помощи несчастным чадам. Он просто был дилером теории вероятности.

В нашем случае, конечно, все гораздо сложнее. С одной стороны, политики ловят наивных граждан на простую удочку типа «а мог бы и шашкой рубануть!» Помню, как Кравчука избирали под лозунгом «у нас же не было войны». Вот в Югославии война, а у нас нет. Чья заслуга? Кравчука. То есть, статус-кво сам по себе является убедительнейшей причиной для голосования за тех, кто при власти, ведь могло бы быть куда хуже. Ведь могло же? Кто же спорит!

С другой стороны, к сожалению, в отличие от нашего предприимчивого преподавателя, государство не сидит, сложа руки. Напротив, оно находится в состоянии истерической активности, постоянно привлекает к себе внимание и будоражит умы. Вся прогрессивная общественность занята обсуждением его деятельности, и тем, как оно могло бы, если бы не.

Однако и вера в статус-кво, и вера в пользу активности и изменений основаны на одном и том же заблуждении, которое разделяет подавляющее большинство украинцев.

Поясню на простом примере. Многочисленные демотиваторы, в которых добрые люди выражали свое мнение по поводу избирательной кампании ПР, при-

меняют один и тот же прием типа «течет вода Кубань-реки, куда велят большевики». То есть, берется некий естественный процесс, которым люди никак не могут полноценно управлять, и соотносится с громкими заявлениями неких людей. Явное противоречие порождает смех. Но заметим, что среди естественных процессов наши люди не видят собственную деятельность, сотрудничество и стремление к счастью. Для них смешно, что «трава растет под патронатом ПР», а «стабильность достигнута под патронатом ПР» — не смешно. И дело не в том, есть «стабильность» или ее нет, а дело в том, что **любая партия и любое правительство способно создавать стабильность или, скажем, процветание, не в большей степени, чем руководить ростом травы**.

Вся стабильность и все процветание создается трудом одних людей для других людей. Украинцы ненавидят и боятся друг друга, но это ничего не меняет в этом факте. Да, вот тот самый негодяй и урод создает стабильность и богатство. Он тоже тебя ненавидит, но вы оба, несмотря на ваши взаимные горячие чувства, работаете друг для друга. Так устроено общество и только так оно и может работать, иначе превратится в стада человекообразных обезьян.

Заметьте еще такую вещь. Все без исключения политики, которые «обеспечили стабильность и процветание» проводили реформы. И суть этих реформ всегда и везде состояла в том, чтобы постараться удалить государство от руководства ростом травы, а не в том,

чтобы добавить к управлению ростом травы еще и руководство пчелами и опылением. Вот, к примеру, любимый нашей прогрессивной общественностью Саакашвили. Все, что он делал, сводится к тому, что Саакашвили больше не лезет в ваши дела. И только это дает
2012 стабильность, процветание и «долає руїну».

5.2.11. Таксим и Майдан против Сомали

Наверное, самые жуткие истории, которые я читал и слышал — это истории «малых» войн. Точнее, того непонятного состояния, которое часто возникает при распаде государств. Классические примеры — Югославия, Чечня, бесчисленные случаи в Африке. Недавние соседи вдруг впиваются друг другу в глотки, проявляя, если так можно выразиться, чудеса запредельной жестокости. Общественный организм функционирует с большим трудом, жизнь скатывается к самым простым формам, царит недоверие, ненависть и насилие. И все это может продолжаться довольно долго.

С другой стороны, самые вдохновляющие истории, которые я слышал, были о нашем Майдане или турецком Таксиме. Люди там, как известно, проявляли чудеса взаимопомощи и организованности, не забывая при этом создавать максимально доброжелательную и позитивную атмосферу.

Обе эти категории историй имеют одну общую составляющую — в них нет государства. В первом случае, оно неожиданно лопнуло, растворилось, сдохло или со-

всем обессилело. Во втором случае присутствует толпа людей, достаточно большая для того, чтобы у них возникли потребности в координации своих действий. Такая координация у них есть, но государства внутри этой толпы нет.

Почему же так разительно отличие одной ситуации от другой? Ведь и там, и там у людей нет государства, почему же результат получается такой разный?

Дело тут вот в чем. В первом случае исчезновение государства случается неожиданно. Государства исчезают, дохнут или лопаются по политическим причинам — в результате войн, переворотов или просто от избытка жадности. Те социальные институты, которые государство себе присвоило, и, прежде всего, институты «охраны порядка», суда и т.п., исчезают вместе с ним. Люди оказываются один на один со своими страхами, воспитанными государством и его СМИ, страхи порождают насилие, которое начинает расти, как снежный ком. Разумеется, в каждом конкретном случае существуют свои уникальные обстоятельства, но общая схема, о которой я говорю, имеет место везде.

Государство превращает людей в атомы. Оно разрушает естественные связи между ними, всячески препятствует их добровольному взаимодействию и постоянно запугивает их (кто видел хоть один выпуск теленовостей, знает, о чем я) для того, чтобы они сами искали его защиты. Самое страшное, что эти человеческие атомы привыкают считать, что кто-то «должен»

охранять порядок и ловить преступников, оказывать им медицинскую помощь и т.д. И эти представления не меняются от того, что государства, которое присвоило себе эти функции до того, как лопнуло, больше нет, а вокруг уже несколько месяцев царит насилие и хаос.

В случае майданов и таксимов, дела обстоят прямо противоположным образом. Люди, которые туда идут, заранее знают, что им никто ничего не должен. Они в курсе, что на майдане нет государственных институций, и если они хотят достичь своих целей, то им а) придется использовать собственные ресурсы; б) взаимодействовать между собой. Именно поэтому и Майдан и Таксим демонстрируют нам удивительный уровень самоорганизации. Институты, которые возникают в таком большом сообществе, находящемся на небольшой территории, поразительно эффективны и рациональны. Здесь вы найдете и обучение новичков, и снабжение продовольствием и теплыми вещами (на Майдане), и систему быстрого оповещения, оказания первой помощи (Таксим), и своего рода системы охраны порядка, разведки и контрразведки. Здесь появляются естественные лидеры, и они являются лидерами до тех пор, пока в их качествах есть потребность. Люди, находящиеся в такой ситуации, проявляют удивительную «предпринимательскую алертность», как говорят экономисты, они всегда готовы, выражаясь тем же языком, «искать рассогласованность» в своем сообществе, то есть, активно выполняют «предпринимательскую функцию». Достаточно вспомнить, что через

заполненный людьми Майдан можно было пройти в любую сторону. Это и есть готовность к сотрудничеству, люди уступают вам дорогу, понимая, что «вам надо». Ради интереса, попробуйте проделать то же самое на каком-нибудь концерте на том же Майдане, почувствуете разницу.

Все это к тому, что между ситуацией «нет государства» и ситуацией «нет государства» может быть пропасть. Когда люди, вроде автора этих строк, говорят «нет государства», имеется в виду как раз нечто похожее на Майдан, когда мы свободно стремимся к достижению своих целей и в ходе этой деятельности добровольно, используя собственные ресурсы создаем институты, помогающие нам взаимодействовать. История, когда государство убилось об стену или покончило с собой в туалете, прихватив на тот свет свои монопольные институты и оставив своих рабов один на один со своими страхами — совсем из другой оперы. И никакого желания переживать эту историю, думаю, никто не испытывает. 2013

5.2.12. О просветительстве или почему австралийцы не падают прямо в космос

Среди моих друзей и знакомых весьма популярна идея просветительства. Дескать, нужно дать людям знания об экономике, они поймут, где и как их обманывают, узнают, как все устроено на самом деле и быстренько все поменяют. Я, в общем, не против просве-

тительства, а двумя руками «за», более того, я в меру своих скромных возможностей периодически тружусь на этой ниве. Но есть в этом деле один большой вопрос, и он особенно остро возникает, когда читаешь какого-нибудь Бастиа. Чтение Бастиа — крайне полезный опыт не только в логических упражнениях, но и в исторических штудиях. Штудии же эти показывают, что с того времени темы дискуссий, язык и аргументы практически не изменились. И это наводит на невеселые размышления.

Если посмотреть на вещи реально, то при всех достижениях экономики за последние 150 лет, дело сегодня обстоит даже хуже, чем во времена Бастиа. Бастиа все-таки выступал от лица науки, у его оппонентов «своей» науки не было, они опирались на «здравый смысл» (тот самый, который подсказывает нам, например, что Солнце вращается вокруг Земли). Теперь ситуация поменялась на противоположную, оппоненты Бастиа за это время изобрели «макроэкономику», которая описывает «жизнь» несуществующих в природе сущностей вроде государств, и теперь уже экономисты выглядят фриками и городскими сумасшедшими, а телевидение, газеты и бесчисленные эксперты объясняют нам, что Земля плоская, стоит на спине четырех слонов, которые стоят на черепахе и вся эта конструкция левитирует в мировом эфире в сторону светлого будущего.

Дело тут, как мне кажется, в одном обстоятельстве, о котором забывают сторонники просвещения. Само по

себе знание некоторых сведений ничего не меняет. Более того, я уверен, что сегодня в мире людей, способных с ходу объяснить, почему частичное резервирование — это грабеж, куда больше, чем тех, кто способен ответить на вопрос, почему вода не стекает с земного шара, а австралийцы не падают прямо в космос. С просвещением, если под ним понимать распространение некоторых сведений, у экономики все в порядке и даже лучше, чем, например, у классической физики, которая нужна нам для понимания проблемы падающих австралийцев. Дело тут в том, что научное знание само по себе — не массовое дело. «Массы» не обладают знаниями, они просто **верят** в науку, так же, как и во все остальное. Люди не переживают за австралийцев не потому, что каждый обладает нужными для этого знаниями, а потому, что верят в то, что есть другие люди — ученые, — которые могут подробно объяснить им, буде возникнет такая потребность, почему с австралийцами все будет хорошо. В общем, это и понятно, — возможности каждого из нас ограничены, мы не можем быть специалистами во всем (хотя, некоторые, конечно, стараются). Думаю, если бы экономика разделила эту счастливую участь других наук, в которые нужно просто верить, Бастиа не писал бы своих книжек, да и вообще процентов 90 из того, что считается экономической литературой, никогда бы не было бы написано. Экономика была бы чем-то вроде геометрии, науки строгой и скучной, в которой новости случаются раз в сто лет. Беда экономики в том, что она — антигосударственная наука. Все, что делает государство — ан-

тиэкономично, все это противоречит объективным законам природы и потому наносит вред тем или иным людям, и очень часто очень большой вред очень многим людям сразу. И поскольку государство не унялось за 200 лет существования экономической науки, а даже наоборот, укрепилось и окончательно обнаглело, то мы и имеем то, что имеем, а именно, расцвет шарлатанства и магии, поощряемый группами интересов и робкие попытки разъяснять проблему падающих австралийцев со стороны ученых. Если бы форму Земли или постоянную Планка можно было бы использовать для регулярного извлечения прибыли путем голосования в парламенте, уверяю вас, мы бы все проходили в школе доказательства того, что Земля — плоская, а люди, доказывающие что-то другое считались бы маргиналами и фриками. В общем, причины и следствия в идее просветительства, мне кажется, немного перепутаны местами.

5.2.13. Самоорганизующиеся порядки или Владимир Владимирович — всё

Когда пошли слухи о том, что Владимир Владимирович Путин выдвинул очередной ультиматум Порошенко, автор этих строк записал себе на диктофон не забыть проверить, вторгнется ли Владимир Владимирович в Черниговскую область в назначенное время. Сделал я это потому, что после информации об ультиматуме не обнаружил в интернетах никакой паники по этому поводу. А ведь еще буквально вчера тут горячо

обсуждали каждое слово… эээ… Владимира Владимировича и каждый его чих трактовали с точки зрения перспектив бомбардировки Киева и ядерных ударов по Воронежу. И поэтому я решил провести такой эксперимент — проверить, насколько коллективное мнение украинцев окажется соответствующим действительности, попросту говоря, насколько эффективно сработал рынок. Оказалось, что сработал правильно, на Чернигов никто не напал. Владимира Владимировича украинская публика списала со счетов и довольно вялое обсуждение его очередной исторической речи — лишнее тому подтверждение. Это не означает, что Воронеж бомбить не будут. Это означает, что, по мнению участников рынка, этого, скорее всего, не случится. При этом, каждый участник рынка имеет по этому поводу свое уникальное развернутое мнение (только спроси, ага), но «мнение рынка» выражается не через слова, а через дела или их отсутствие. В нашем случае — через отсутствие паники в ситуации, в которой бы еще буквально месяц назад она бы обязательно возникла. И вот, можно сказать, что с точки зрения участников украинского рынка, Владимир Владимирович всё.

Собственно, эта колонка и затевалась для того, чтобы на примере списания Владимира Владимировича продемонстрировать, как работает рынок, причем в самой загадочной и «магической» его части аккумулятора и распределителя информации, когда не знакомые друг с другом люди без «предварительного сговора» и

сами не понимая того передают друг другу ценные знания.

Приведу еще один пример «рыночной магии». Он стал хрестоматийным в силу трагических обстоятельств, в которых случился. Эти обстоятельства и привлекли к нему внимание. В 1986 году взорвался американский космический корабль «Челленджер». После взрыва буквально через несколько минут упали акции компаний, которые участвовали в его производстве. Но вот, что интересно. Все акции отыграли назад уже через несколько часов, кроме акций компании Thiokol. Более того, к концу дня они упали на 12%. Фактически, рынок «обвинил» Thiokol в аварии, а через шесть месяцев правительственная комиссия установила, что ее причиной были уплотнительные кольца, которые производила эта компания. Эта история привлекла внимание исследователей, которые решили проверить все обстоятельства. Выяснилось, что в день катастрофы не было сделано никаких заявлений в адрес компании Thiokol. Представители этой компании не сбрасывали акции, они вообще не знали о проблеме колец. Утечек инсайдерской информации тоже не было по этой же причине. Фактически, «обвинение» стало результатом мнения инвесторов, каждый из которых принимал решение, исходя из своих собственных соображений и догадок, и совокупное «решение рынка» оказалось верным.

Работа этого механизма не понятна до конца, в целом, аналогии можно найти в самоорганизующихся по-

рядках, которые изучает кибернетика, тут важно понимать, что мы не знаем и никогда, по видимому, не узнаем подробностей на микроуровне «Вася сказал Пете». Многие ошибочно полагают, что только знание таких подробностей позволяет нам быть уверенным в том, что мы знаем, что система существует и работает, но это не так. Хайек приводит пример школьного опыта с магнитом и железными опилками. Мы не знаем, какую конкретную позицию займет каждая опилка, но мы знаем форму рисунка, в который они сложатся.

Вообще говоря, наша привычка понимать под достоверной информацией только подробную инструкцию по эксплуатации, мягко говоря, вредна. Приведу еще один пример. Когда индейцы подарили бледнолицым братьям кукурузу, бледнолицые братья задали вопрос когда ее нужно сеять. На что получили исчерпывающий ответ «когда листья дуба станут размером с беличье ушко». Эти сведения куда точнее измерений температуры почвы, статистики осадков и всякого такого прочего, что используется современными агрономами.

Все это не означает, конечно, что можно обращаться к рынку с вопросами типа «когда же закончится власть большевиков», рынок не отвечает на вопросы, его решения, а точнее, решения, которые принимают люди, могут быть истолкованы, как ответы на некие вопросы. И, поэтому, если Воронеж таки разбомбят, так это я ошибся, а не рынок. 2014

5.2.14. Интересно, как это будет выглядеть?

Однажды один мой знакомый показал мне картинки, увиденные им с помощью Google Earth. Это были картинки территории Перу, южнее знаменитой пустыни Наска, в которой, как мы помним, есть изображения разных зверей и насекомых, видимых только с высоты птичьего полета. Эти изображения в свое время наделали много шума и стали одним из «неоспоримых доказательств» того, что инопланетянены не только посещали Землю, но и сотрудничали с местным населением, которое выкладывало им из камушков взлетно-посадочные полосы. Так вот — в Перу продолжают рисовать такие картинки, хорошо заметные из космоса. Правда, теперь там изображают голых баб, надписи типа «Динамо» — это класс! «Динамо» — это школа!» и «Хуан Педро — ваш кандидат». Невольно возникает вопрос — а не были ли те насковские пауки и обезъяны, скажем, просто способом ухаживания за девушками?

Все это вот к чему. История — такая штука, которую возможно постичь только приблизительно. Историк волей-неволей трактует прошлое с позиций своего времени. Вот и рисунки в Наске стали модными лишь во времена массового увлечения космическими полетами — то есть, в начале 70-х.

Другой пример. Антропологи 19 века — люди, в основном, набожные, исследуя разнообразных туземцев, описывали их религии. Долгое время эти мифы, часто довольно подробные и ветвистые, воспринимались

именно таким образом, пока сам религиозный подход не был поставлен под сомнение. Теперь многие считают, что это не религии, а скорее формы описания технологий и практик типа как охотиться, как и когда сеять и собирать урожай и т.д.

В общем, когда вы имеете дело с историей, риск ошибиться и выдать желаемое за действительное очень высок. Есть еще один момент. Вместе с людьми, жившими в то или иное время, уходит и «дух эпохи». Этот самый дух — не метафора, а самая что ни на есть практика. Это те вещи, которые подразумеваются само собой разумеющимися, о которых мало пишут, почти не дискутируют, которые не попадают в «источники». Именно они являются той матрицей, в которой происходят исторические события. Вот я, например, не знал, что идея «равенства результата» вместо «равенства возможностей» уходит корнями в идею раздела земли на равные кусочки и раздачи этой земли трудящимся. Эта антиаристократическая идея была популярна в Новое время. Действительно, если аристократы больше не приносят пользы, а их земли — это пожалованная королем привилегия, то нужно землю отобрать и раздать всем поровну. Многие выдающиеся деятели, в том числе и «просветители» видели наделение всех жителей Земли равными участками, которые бы кормили их и их семьи, идеалом, конечной целью человечества. К 19-му веку идея раздела земельки существовала уже в виде некого «само собой разумеющегося» мыслительного шаблона. Поэтому марксист-

ские догмы не взялись из воздуха, а выросли в хорошо подготовленной почве. Ну и теперь, уже после марксизма, мы имеем массовую уверенность, что равенство состоит в том, что если олигарх зарабатывает миллионы, значит и я так должен. Точнее — мне должны.

И последнее. Для себя я изобрел простой способ контролировать разные политические манипуляции и просто недобросовестные измышления, которые валом сыпятся на нас под видом истории. Этот способ таков. Нужно просто задуматься о том, как бы выглядело наше с вами время в трудах историков лет через 300. Судите сами — мы завалены информацией, но на самом деле, ее мало, а информации о нас через 300 лет будет еще меньше, и не просто по причине потери, а хотя бы потому, что наша «информация» в основном — обрывки каких-то отрывочных неструктурироваых сведений. В интернетах, где сегодня проходит главный информационный поток, сама эта информация долго не живет. Печатные источники выходят из употребления. Газеты и журналы — вторичны по отношению к сети. А представьте, если кто-то будет делать исторические выводы на основе сохранившихся телепередач? Или того хуже — телесериалов? Мне всегда хотелось почитать историчекую книжку из будущего о нашем времени.

2012

5.3. Как это устроено

«С началом войны Павленко призвали в действующую армию. Однако в октябре 1941 года он, выписав себе поддельные документы, покинул часть и вместе с группой таких же дезертиров перебрался в Калинин. Там он организовал свой первый бизнес. Один из прибившихся к группе дезертиров изготовил из резиновой подошвы ботинка печать с надписью «Участок военно-строительных работ Калининского фронта» (УВСР-5). За взятку в типографии были отпечатаны необходимые документы — накладные, наряды, договора и т.п. На прифронтовых дорогах Павленко подобрал с десяток брошенных грузовиков и бульдозеров. После чего сумел встроиться в систему военно-строительных частей Калининского фронта. «Частное» подразделение было поставлено на довольствие. Военкоматы отправляли Павленко пополнение из числа новобранцев и выписывающихся из госпиталей бойцов. А разросшаяся часть чинила дороги, ремонтировала мосты, строила аэродромы и госпитали. Меняя названия и подчиненность, строительная часть Павленко вместе с фронтом продвигалась на запад. Несколько раз вступала в столкновения с вооруженными группами немцев, оказавшимися в тылу советских войск. Был ли Павленко единственным такого рода частным подрядчиком Советской армии или всего лишь самым крупным из числа выявленных? Сегодня сложно сказать. Но по крайней мере он действительно строил. И претензий к его работе у заказчиков не возникало…Один из следователей, работавших по делу Павленко, позже вспоминал: «В городе Здолбунове воинская часть Павленко строила подъездные пути к восстанавливаемому цементному и кирпичному заводам. Должен сказать, строил он отлично. Приглашал специалистов со стороны, по договорам. Платил наличными в три-четыре раза больше, чем на госпредприятии. Проверять работу приезжал сам. Если найдет недостатки, не уедет, пока их не исправят. После откатки сданного пути выставлял рабочим бесплатно несколько бочек пива и закуску, а машинисту паровоза и его помощнику лично вручал премию, здесь же, принародно»…Характерная деталь — Павленко судили за антисоветчину, а не за незаконное предпринимательство и хищения. И понятно почему — за хозяйственные преступления организатор крупной даже по современным меркам частной строительной корпорации мог получить лишь длительный срок лагерей. Но никак не расстрел.»

Михаил Козырев. «Подпольные миллионеры. Вся правда о частном бизнесе в СССР»

5.3.1. Почему государство производит маразм и почему оно всегда будет это делать

Заметку о государстве начну с парадоксального утверждения — никакого государства не существует. Во всем мире никто и никогда не имел дела с государством. Мы произносим это слово каждый день и представляем государство чуть ли не как физически существующий субъект. Но государство есть не более чем абстракция, удобная для аналитических и пропагандистских целей. В реальной жизни всегда и везде во всех без исключения случаях существует только взаимодействие людей между собой. Однако, такое взаимодействие никогда не бывает абсолютно «чистым». Люди общаются между собой не «с нуля», а на основе шаблонов поведения — традиций, морали, культуры, привычек, опыта и т.п. — то есть, тех знаний, которые накоплены в социуме и которые он постоянно производит. «Государство» есть не более, чем набор таких шаблонов поведения, эти шаблоны говорят нам, как себя вести в тех или иных ситуациях, когда одни люди сталкиваются (или, напротив, хотят избежать столкновения) с другими людьми, называемыми «чиновниками».

Из этого утверждения можно сделать два вывода, важных для нашей темы. Первый — вопреки распро-

страненному стереотипу, чиновники не существуют отдельно от государства. Не бывает «хорошего» государства и «плохих» чиновников при нем, **государство всегда и везде есть только именно эти конкретные чиновники и ваши шаблоны поведения, которые говорят вам, как себя с ними вести**. Второй вывод состоит в том, что если государство — это всего лишь группа людей и шаблоны, связанные с их деятельностью, то ответ на вопрос, почему «государство» ведет себя так, а не иначе, находится в особенностях поведения этих людей.

Главная особенность чиновников состоит в том, что им принадлежит монополия на насилие. То есть, эти люди могут приказывать другим людям, как им себя вести, и наказывать их, если им что-то не нравится. Важным следствием этого «права» является то, что чиновники «на законных основаниях» регулярно присваивают себе часть вашего дохода (налоги).

Особенности поведения чиновников хорошо заметны, если мы сравним их с поведением предпринимателей. Почему речь идет о предпринимателях? Дело в том, что государство объясняет свое существование тем, что оно предоставляет услуги. Этим же заняты и предприниматели. Предпринимательство здесь нужно рассматривать максимально широко — любой социальный активист в данном случае — предприниматель.

Рассмотрим случай идеального государства, которое существует исключительно за деньги налогопла-

тельщиков, не прибегая к инфляции и займам, в котором чиновники делают только то, что им сказали, и в котором нет коррупции. Избиратели в этом государстве тоже идеальны, они в состоянии прочитать, понять и адекватно оценить предвыборные программы, а политики всегда делают то, что обещают.

Отметим еще несколько моментов, связанных с ответственностью и производством информации. Во-первых, в государстве не работает ответственность как инструмент управления. Наказание и поощрение чиновника связано с исполнением им инструкций и хорошей отчетностью, а не с удовлетворением реальных потребностей людей. Хуже того, даже эта работа оценивается произвольно. Отсюда известная присказка советских времен о «поощрении непричастных и наказании невиновных». Она верна для любого государства.

Во-вторых, считается, что «люди перекладывают ответственность на государство», если, например, уповают на государственную полицию или медицину. Это плохо, но это плохо вдвойне, так как на самом деле никакого «перекладывания» не происходит. «Переложить ответственность» просто невозможно, поскольку это предполагает полное тождество между опекуном и его клиентом. Куда же девается ответственность в этом случае? Правильно, ее просто не существует, а значит, управление в этом случае тоже не может быть эффективным.

Деятельность	Предприниматели	Чиновники
Цель	Улучшение положения (получение прибыли)	Улучшение положения (получение прибыли)
Кто согласует цели и средства	Прибыли и убытки	Избиратели голосуют только за цели. Средства, как правило, произвольно выбираются в последующей деятельности.
Когда начинается деятельность	Когда люди добровольно отказываются от одних благ в пользу благ, производимых предпринимателем.	Умозрительно, не на основании добровольного выбора, а на основании мнения одних людей (экспертов, идеологов, теоретиков) о том, как должны вести себя другие люди, чтобы наступило некое состояние, которое данные эксперты в настоящий момент времени считают «хорошим».
Когда прекращается деятельность	Люди больше не покупают блага, создаваемые предпринимателем, они предпочитают другие блага.	Произвольно
Кто исправляет ошибки	Другие предприниматели	Произвольно
Кто платит за ошибки	Предприниматель, частично — потребитель	Налогоплательщик
Как возникает доход	Удовлетворение потребностей других людей	Отчетность, связанная с произвольными критериями
Как возникает прибыль	Как результат поиска рассогласованности в обществе, (высокая прибыль свидетельствует о наличии рассогласованности и является сигналом для приложения усилий других предпринимателей)	Путем захвата областей деятельности у предпринимателей, либо изобретением новых государственных функций.
Откуда берутся ресурсы для деятельности	Покупаются у других предпринимателей	Присваиваются под угрозой наказания (налоги)

В-третьих, любая сложная деятельность есть последовательность шагов. На рынке каждый шаг обеспечивает своя группа предпринимателей, отвечающих доходом за оптимальность своей деятельности. Для того, чтобы было возможно производить, скажем, компьютер, миллионы других предпринимателей должны трудиться в нескольких тысячах отраслей, проходя, по словам Мизеса, ежедневный плебисцит у потребителей их продукции.

Государство заменяет эту деятельность инструкциями. Все промежуточные шаги производят люди, действующие по принципу «как бы чего не вышло», их деятельность оценивается не потребителями, а начальниками, то есть оценивается произвольно. За конечный результат хоть как-то отвечают люди, которые занимают выборные должности, но таковых меньшинство. Подавляющее большинство государства составляют назначаемые чиновники, которые рассматривают результат исключительно с точки зрения отчетности.

В-четвертых, что-то новое на рынке появляется в результате использования тех возможностей, которые создала предыдущая деятельность его участников. Предпринимательство состоит в поиске и распознавании этих возможностей, что, в свою очередь, создает новые возможности и так далее. То есть, рынок не может «придумать компьютер». Компьютер может «придуматься», как результат деятельности множества людей на рынке, как **возможность, распознан-**

ная одним из предпринимателей (Стивом Джобсом, Биллом Гейтсом). Правительство игнорирует этот процесс. Оно считает, что достаточно провозгласить «благие» цели и приказать людям действовать для их достижения. Однако, **отменить** этот процесс никакому правительству не под силу. Поэтому правительство может быть эффективным только, если оно залезет каждому в голову и будет располагать всей доступной каждому индивиду информацией и ее единственно верной интерпретацией. Но и этого недостаточно. Правительство должно также располагать той информацией, которая **еще не создана**, и в настоящее время находится в процессе создания. Попросту говоря, правительство может приносить пользу, только если оно будет находиться в будущем и управлять нами, несчастными, оттуда.

Теперь можно сделать некоторые выводы. Государство всегда будет производить «маразм», то есть, абсурдные, с точки зрения здравого смысла, решения, поскольку его деятельность существует только ради него самого, оценивается им самим и имеет постоянный бесплатный источник ресурсов. Само **ощущение абсурда как раз и возникает от того, что в реальном мире ресурсы платны, а успех деятельности оценивается людьми, которые потребляют созданные вами блага**.

Государство всегда будет стремиться делать две взаимосвязанные вещи — максимально расширять свои полномочия и ограничивать нашу свободу. Вооб-

ще говоря, само наше существование является источником проблем и плохой отчетности для чиновника. Идеалом государства является казарма.

Поскольку государство — это шаблоны поведения, то можно сказать, что **»развитые страны» пока что отличаются от нас именно представлениями людей о том, что позволено, а что не позволено делать другим людям, именующим себя государством**. Соответственно, в этих обществах государства пока что имеют меньший объем полномочий. Отсюда следует бессмысленность всякого рода «реформ», особенно основанных на идее «сделать как у них». Единственное доступное нашему обществу решение проблемы «государственного маразма» — это ликвидация
2011 его источника.

5.3.2. Налоги или смерть

Известная фраза, приписываемая Бенджамину Франклину, гласит, что в жизни неизбежны две вещи — смерть и налоги. Не знаю, как там со смертью, но в налогообложении нет ничего неизбежного.

В нашей повседневной мифологии государство считается волшебником (для кого-то злым, для кого-то добрым), который, по идее, должен «служить на благо общества», способствуя его развитию, поддерживая порядок и заботясь о слабых. Для этих целей государству и нужны наши налоги. Именно на основе этого мифа мы рассуждаем о налогах и налоговой системе.

Мы оцениваем их с точки зрения их «разумности». Мы думаем, что может существовать баланс между тем ущербом, который нам наносится, когда мы платим налоги и той ожидаемой пользой, которую могут принести «для общества в целом» государственные расходы.

Однако, думаю, все согласятся с тем, что нет смысла «улучшать» то, что не может быть улучшено, поскольку возникло для решения совсем других задач. С налогами и налогообложением именно такая история и потому само основание наших привычных рассуждений ложно.

«Феодальная республика»

Возможность объединения усилий многих людей для достижения неких целей, которые они не могут достичь самостоятельно — это одна из главных причин того, почему вообще существует человеческое общество. Однако, опять-таки, с налогообложением это связано слабо, если вообще связано.

Историю, как известно, пишут победители. В нашем случае речь идет о том, что **не существует никакого отдельного термина, обозначающего форму самоорганизации людей без государства привычного нам вида**. Идеологи победителей — государств «военного» типа, о которых пойдет речь ниже — считают такие формы тоже государствами, только несколько недоразвитыми. Они считают их «этапом» на пути к совершенству — абсолютному госу-

дарству. В их терминологии такие государства обычно именуются «феодальными республиками». Будем называть их так за неимением лучшего определения. В рамках нашей темы очень хорошо заметно, что сама логика происхождения и существования этих двух форм того, что можно назвать «государством», совершенно различна.

Возьмем для примера Ирландию. Ирландия целую тысячу лет — до захвата англичанами в 17 веке — существовала безо всякого государства. Ирландское общество было набором туатов — объединений, которые называются в нашей традиции «семьями» или «кланами». Территория туата — это сумма земельных владений его участников. Вы можете покинуть свой туат, продав землю, и примкнуть к другому.

Отметим, что такая система делает большие войны бессмысленными. Войны здесь отчетливо выглядят тем, чем они в действительности и являются — обычным уголовным преступлением — попыткой захватить собственность совершенно конкретных лиц.

Имея столь странный для нас порядок, Ирландия в то же время совсем не была «задворками» тогдашней Европы. Напротив. Ирландские монахи сохранили для нас множество античных источников, которые на континенте уничтожались христианскими талибами, те же монахи известны своим подвижничеством, они путешествовали по всей Европе, занимались просветительством, некоторые историки считают, что они

фактически восстановили христианство, попавшее после падения Рима под новую волну язычества.

В Ирландии были «короли», в разное время это были выборные либо невыборные персоны, однако это были военные лидеры и судьи, а не полноправные властители. Правовые функции осуществляли частные юристы — брегоны. Известны «книги брегонов» — своды законов и юридических правил, возникших, как обобщение многовековой практики.

Налогообложения в привычном нам виде не существовало. Это были, скорее, членские взносы, притом нерегулярные, собираемые под определенные задачи.

Военное государство

Государство военного типа возникает тогда, когда некая банда, жившая набегами, вдруг понимает, что лучше не отнимать все и убегать подальше, а «мирно» поселиться и отбирать на регулярной основе. Этот отбор и называется налогом. Он собирается постоянно, являясь типичной рэкетирской данью «за охрану». Таким образом, **получение налога является причиной и целью существования государства военного типа**.

Понятно, что члены банды-оккупанта не платили никаких налогов. Участие в банде отрабатывали военной обязанностью на случай нападения соседнего государства или операции по его захвату. Английская

аристократия, если мне не изменяет память, начала платить налоги только в 20-м веке, когда окончательно потеряла свою роль.

Насилие и прямое принуждение являются характерными чертами такого государства. Государственная политика состоит в том, чтобы отбирать до тех пор, пока это возможно. «Десятина», которая была чуть ли не общемировой ставкой налога, кажется нам сегодня небольшой, но если учесть, что в той экономике излишков, особенно в небольшом хозяйстве, практически не было, это — огромная величина. Поэтому сборщик налогов считался пропащим человеком. Христу пришлось отдельно указывать на тот факт, что мытари, оказывается, тоже люди, и при хорошем стечении обстоятельств даже могут оказаться достойными Царства Небесного. Отношения оккупации было основой государственной политики еще совсем недавно. Никто иной как Вольтер сильно сомневался в том, стоит ли обучать плбес грамоте. Считалось, что научившись грамоте, он перестанет работать.

Государства военного типа с их институтами принуждения породили цепную реакцию захватов и войн и, в результате, распространились повсеместно. В «феодальной республике» война — это покушение на частную собственость конкретных лиц, в общем, — занятие малоперспективное, чреватое кровной местью и объявлением вне закона. Напротив, в военном государстве война— дело выгодное. Нужно всего лишь захватить государство противника, то есть победить его воору-

женные силы. Победитель получает в свое распоряжение готовую к употреблению территорию и на ней — институты принуждения, подопечное население и доход в виде налога.

Итак, мы видим концептуальную разницу между военным государством и «феодальной республикой». Основной характеристикой «феодальной республики» является то, что она является объединением людей. Основной характеристикой военного государства является «суверенная территория».

	«Феодальная республика»	Государство военного типа
Основной признак	Объединение частных лиц — собственников	Территория
Финансирование общественной деятельности	«Членские взносы»	Принудительные налоги
Цели и размеры финансирования	Определяются участниками	Содержание «правящего класса», улучшение территории. Размеры определяются «правящим классом».
Регулярность финансирования	Определяется участниками	Регулярное финансирование
Характер деятельности бюрократии	Ситуативный, «в свободное от работы время»	Регулярный

Не знаю, как у вас, но у меня называть эти разные формы организации одним словом «государство» язык не поворачивается. Заметим, что государства военного типа, очевидно, питали особую неприязнь к «феодальным республикам», понимая их моральную

привлекательность для собственных подданых. Вспомним геноцид, который устроил Иван Грозный новгородцам. Новгородцев не только уничтожали физически, но и переселяли. Замечательная практика, которой затем с успехом пользовался другой «эффективный менеджер».

Буржуазные республики

Со временем, военные государства обросли идеологией, например, замечательной идеей божественного происхождения власти монарха или ее более приличной версией о суверенитете народа. Право получать деньги за активное безделие следовало как-то обосновывать. Политтехнологии — древнейшее изобретение. Чего стоит, например, знаменитое «придите и владейте нами», якобы сказанное славянами варягам.

Несмотря на все эти ухищрения, вопрос о праве государства на власть регулярно поднимался, особенно в тех странах, где государство, в силу разных причин, не слишком сильно угнетало поданных. Все это привело, в итоге, к появлению режима, который можно обобщенно назвать «буржуазной республикой». Этот режим, начался с представительской демократии и с принципа «нет налогообложения без представительства». Он допустил «массы» к выборам главных бюрократов и к влиянию на законодательный процесс. Однако, он не изменил, по сути, главного признака государства военного типа — насильственной монополии на суверен-

ной территории. Налогообложение осталось регулярным и его цели и объем по-прежнему устанавливались «правящим классом». **Целью существования государства по-прежнему является получение ренты**.

Сейчас мы живем именно в таком в государстве. Интересно, что это государство, по сути, военного типа, всячески маскируется под «феодальную республику». В своей пропаганде оно постоянно рассказывает нам о «врачах и учителях» и прочих пенсионерах, сиротах и убогих, которые пропали бы без его благотворной опеки. Между тем, платя налоги, вы не платите врачам, учителям, сиротам и убогим, а просто оплачиваете существование бюрократии, которая сама определяет, чем ей заняться и сколько для этого необходимо средств.

Немного сравнений

Разумеется, «феодальные республики» ни в коем случае не были идеальным общественным устройством, и чаще всего, особенно на поздних этапах, они несли в себе черты и государств военного типа. То же самое верно и в отношении военных государств, во многих из которых сохранились институты «феодальных республик». Английский йомен был свободным человеком, он владел землей и носил оружие. Русский крестьянин был рабом, рабом царя был и его хозяин. Причины этого — малоисследованный вопрос, можно

предположить, что все дело в способности организованно сопротивляться захватчикам.

Однако, пример Ирландии говорит о том, что нет никаких **объективных** причин для того, чтобы феодальные республики «в ходе развития» неизбежно превращались в военные государства с принудительным налогообложением. Я хочу обратить внимание на тысячелетнюю историю Ирландии. Трудно найти военное государство, способное похвастаться столь длинной историей.

Причины, по которым «феодальные республики» закончили свое существование (в лучшем случае, дав некоторые свободолюбивые привычки и институты жителям военных государств) весьма просты. Они состоят в том, что для «феодальной республики» армия является источником расходов, а для военного государства — источником доходов. В первом случае вооруженные силы состоят из самих жителей или наемников, во втором — из того, что позднее стало дворянством. То есть, военные государства всегда на службе и кормятся с того, что отнимут, а «феодальным республикам» нужно специально тратиться, чтобы собирать армию и успешно противостоять военным государствам.

Отметим, что вся история военных государств — это бесконечные войны за территории. Если в Средние века и Новое время войны были делом дворянства, которое не платило налогов, то с появлением «буржуаз-

ной республики» и, особенно, идеи национального государства, войны стали делом «всего народа». Это, в общем-то, логично, если власть считается зависящей от народа, то народ должен не только платить налоги, но и воевать за нее. Когда национальные государства взялись за дело, счет жертв пошел на сотни миллионов, при этом, некоторые из них умудрились убить людей внутри себя даже больше, чем снаружи. Думаю, все это веселье продолжалось бы до сих пор, если бы не атомная бомба.

И последнее здесь — это «продукт истории», ее типичный герой. Для военного государства это, как правило, монарх, полководец, позднее — «государственный деятель». Геройство этих персонажей состоит либо в непосредственном расширении территории и количества налогооблагаемых, либо, в лучшем случае, в исправлении тех глупостей, которые наделали предыдущие герои. «Феодальные республики» более человечны. Для Ирландии, например, такой исторический типаж — это монах-просветитель.

Немного о методах

Часто приходится слышать примерно такие рассуждения. «Разве не может быть нормального, справедливого и общественно полезного налогообложения? Представим себе грамотных и активных избирателей, бескорыстных и патриотичных бюрократов. Разве не в

этом все дело, разве при таких условиях налоги не будут разумными и не будут тратиться полезно»

Ответом может быть тот факт, что нет страны, в которой существовал был один-единственный налог. Ведь логика вышеприведенного рассуждения предполагает, что целью налогообложения является последующее перераспределение. Если это действительно так и если все перечисленные условия соблюдены, бюрократы честны, а граждане бдительны, то единственное разумное состояние дел, к которому это приведет — это один налог, который платят все, из которого формируется бюджет, который затем идет на общественные нужды. Однако, в мире нет таких примеров.

И дело не в том, что идеалов не существует. Дело в том, что сам метод, который называется «налогообложение», приводит к экспансии государства. Бюрократы тратят не свои деньги, более того, эти деньги они получат всегда, так как налогообложение принудительно. Метод налогообложения позволяет решать задачи не за счет повышения эффективности, а за счет расширения бюрократии. Бюрократы, у которых в руках есть принудительное налогообложение, объективно заинтересованы только в том, чтобы их становилось все больше, а сфера их деятельности постоянно расширялась.

Кочевые бандиты, стационарные бандиты и вечные бандиты

Экономисты говорят нам, что происхождение государства и налогообложения не имеет значения. Значение имеет то обстоятельство, почему люди его терпят, то есть, почему они его выбирают. Манкур Олсон предлагает нам метафору государства — «стационарного бандита». Она состоит в том, что люди предпочитают стационарного бандита бандиту кочевому. Кочевой живет по принципу «награбил и удрал». Поэтому он обладает очень коротким временным горизонтом и заинтересован отобрать здесь и сейчас и как можно больше. Стационарный бандит, в силу своей стационарности, имеет длинный временной горизонт. Он не только способен отбирать не так много, но и будет «ухаживать» за отведенной ему территорией и охранять ее от кочевых бандитов.

Эта простая и, похоже, наиболее популярная среди экспертов теория, с одной стороны, подтверждается нашей недавней практикой. Мне как-то попался текст, в котором описывалась конкуренция «казанской» и «тамбовской» бандитских группировок в Петербурге. Казанские работали вахтенным методом, «пацаны» приезжали в Питер на определенный срок, после чего их сменяли новые. Тамбовские работали на постоянной основе и инвестировали в бизнес и политические связи. В итоге, тамбовские победили.

С точки зрения этой теории, всякого рода реформы и преобразования должны иметь целью создание условий для выбора стационарного бандита. Однако, похоже, что в отношении государства эта теория не работает. Тамбовские и казанские конкурировали между собой и у их клиентов был выбор. У налогоплательщика нет выбора. У него только одно государство. И поэтому государство всегда останется кочевым бандитом.

Проблема очевидна. С одной стороны, бандитские группировки были внутренне едины и устроены иерархически. Государство же не едино. Оно представляет собой набор разных группировок, часто преследующих разные интересы. С другой стороны, на рынке группировок было представлено много группировок и потребитель мог выбирать. На рынке государств государство является монополистом.

Разумеется, в самом государстве есть разные составляющие его элементы, в силу системных причин стремящиеся к состоянию стационарного бандита. В нашей системе, например, это президент. Однако, никакой президент не в состоянии объединить кочевых бандитов бюрократии, поскольку в этом процессе не работает механизм общественного выбора. Конкуренцию нельзя заменить иерархическими вказивками. У кочевых бандитов должны быть веские причины для того, чтобы стать стационарными. В рамках государства-монополиста таких причин возникнуть не может.

Кстати, если наш налоговый кодекс примут в том виде, в котором мы его видели последний раз, это будет еще одна победа кочевых бандитов над стационарным.

Кроме того, можно предположить, что корень зла все-таки в определении «бандит», а не в том, стационарный он или нет. Об этом говорит история США. Эта страна была основана на идеалах, близких «феодальной республике». Налогов, как известно, в США не было. Деятельность правительства предполагалось финансировать акцизами, таможенными пошлинами и т.п. Однако, государство, со временем, вернулось к налогообложению. И если для введения подоходного налога потребовалась поправка к конституции, то в дальнейшем государство не утруждало себя такой щепетильностью. Налогообложение (которое вообще первоначально подавалось как временная мера) стало постоянным, обязательным и теперь за «неуплату налогов» преследуют в уголовном порядке. Мы видим, как в США завелся свой «бандит», а сейчас наблюдаем процесс его превращения из стационарного в кочевого (об этом говорит хотя бы беспрецедентное ограничение гражданских прав под соусом борьбы с терроризмом).

История США — ответ на вопрос, может ли существовать «хорошее» государство, основанное на государстве военного типа. Как видим, не может. Пока государство рассматривает себя как монополию на суверенной территории, в нем естественным путем «заводятся» институты военного государства в виде налого-

обложения, монополии на деньги и т.п. Со временем государство начинает существовать за счет ренты и начинает все больше усилий предпринимать к поиску этой ренты.

Итоги подведем

Я не останавливался на чисто экономической стороне налогообложения. Давно доказано, что налогообложение приносит вред хотя бы потому, что является перераспределением. Не существует никаких социально значимых функций, включая оборону, которые могут финансироваться только принудительно изымаемыми налогами.

Итак, налогообложение не может быть «разумным» по определению. Разумным и полезным может быть объединение усилий частных лиц, вызванное фактом добровольно взятых на себя обязательств. Стационарный бандит завелся в Америке потому, что американцы создали новое государство, которое несло в себе родовые пороки государства военного типа, и, прежде всего, понимание государства как суверенной территории, а не как объединения частных лиц. Смешно было бы упрекать в этом отцов-основателей, они жили в рамках представлений своего времени. В этих рамках они сделали титаническую работу, защищая свободу и человеческое достоинство.

Разумеется, я не считаю, что нужно сразу взять и отменить налоги. Ничего из этого не выйдет. Пере-

ход к «государству», являющемуся договором частных лиц, займет время. Чтобы не быть голословным, могу предложить несколько принципиальных в рамках нашей темы этапов.

1. Определение функций государства, того, на что собираются налоги. Поначалу это может быть очень большой список, важно, что все, что находится вне его, не имеет права на существование.

2. Переход к прямым налогам

3. Отмена налогообложения юридических лиц. В конце концов, если корпорации платят налоги, они должны участвовать в выборах, верно?

4. Запрещение государству всех «заработков» вне налогов. Запрещение внешних и внутренних займов, доходов от естественных монополий, инфляции и т.п. манипуляций с деньгами. Ликвидация центробанка.

5. Отмена прогрессивной ставки, в идеале — подушный налог. Иначе выходит, что если я плачу большую сумму налогов, значит я должен получать больше обороны, защиты от чрезвычайных ситуаций и т.п

6. Отмена налогов

5.3.3. Краткая история налогообложения

Родное правительство преподнесло автору этих строк подарок — как только он сел писать заметку о налогах, появилось сообщение о том, что правительство обсуждает повышение налогов для того, чтобы найти средства на обеспечение социальных инициатив президента Януковича. В сообщении подробно описывалось, какие налоги будут повышены и на сколько. Собственно, эта история более чем прозрачно иллюстрирует ответ на вопрос «зачем нужны налоги». Однако, забрать у одних и отдать другим, чтобы получить голоса на выборах, далеко не единственный ответ на вопрос и об этом мы и попытаемся порассуждать.

Сами себя обложили

Учебники истории и экономики в основном стыдливо обходят вопрос возникновения налогов. Хуже того, если судить по наиболее распространенным мнениям, там предлагаются объяснения, прямо вводящие в заблуждение. Считается, что налоги — это такая необходимая мера, которая позволяет государству финансировать «общественные блага», мера, которая сложилась сама собой, «возникла в ходе практики» чуть ли не добровольно. Между тем, любой налог имеет три основных признака — регулярность уплаты, обязательность уплаты, наказуемость за неуплату. Давайте попробуем представить себе, как люди в здравом уме и твердой памяти добровольно согласились на такие

условия. Мало того, они согласились на эти условия не только для себя, но и для всех своих потомков. И еще одно обстоятельство — они сделали это на «веки вечные», и это в мире, где даже проклятия имели срок действия, исчисляемый в поколениях. Вы представляете себе этих людей? Я — нет. Опять же, налогообложение в той или иной форме существует повсеместно. И нигде нет ни одного исторически достоверного памятника, который бы говорил о том, как люди добровольно согласились регулярно отдавать часть своего дохода третьим лицам и обрекли на это бедствие всех своих потомков.

Война приводит к налогам, налоги — к войне

На самом деле, все значительно проще и, одновременно, на порядки сложнее. Налогообложение неразрывно связано с историей возникновения государства. Собственно говоря, налог и есть та причина, которая породила государство. А если говорить совсем обще, то налоги и государство есть продукт простой идеи насилия одного человека над другим и присвоения агрессором собственности жертвы. Как государство, так и налогообложение неразрывно связаны с войной и исторически одно порождает другое: первоначально французские «интенданты» были посланниками кардинала Ришелье для выколачивания налогов из провинций. Затем они превратились в государственный институт. Прусское налоговое ведомство вообще было образовано на базе военного комиссариата и так далее.

Государство всегда расширяется — как вовне, так и вовнутрь (присваивая те или иные социальные функции), расширение требует войны (опять-таки, война может быть и внутренней, как у нас сейчас), война требует налогов, новые налоги порождают новые государственные структуры — следовательно, государство расширяется, требуется война, и так по кругу, до состояния Северной Кореи.

Понятно, что реальная история лишена какой бы то ни было линейности. Бывало, например, и так, что как завоеванные, так и сами завоеватели превращались в государство. Это произошло, скажем, с Римской республикой, которая после союзнической войны резко расширилась, получив массу новых граждан, и тем самым встала на дорогу, приведшую ее через пятьдесят лет к империи. Однако, в любом случае, война и расширение являются причинами государства и налогообложения.

В самом общем случае, картина выглядит следующим образом: племена кочевников-скотоводов завоевывают оседлых земледельцев. Здесь и появляется дань или налог, в те времена обычно уплачиваемый натурой. Здесь важно еще вот какое обстоятельство. Кочевники захватывают такую территорию, которую в состоянии удержать силой, территорию, гораздо большую, чем совокупная площадь наделов земледельцев. Таким образом, не только коренные жители, но и все, кто оказывается на этой территории впоследствии, становятся «должны» тем, кто ее захватил. Покорен-

ные земледельцы становятся «арендаторами» земли, которая теперь принадлежит завоевателям, а «арендная плата» является в этом случае классическим налогом. Важно понимать, что «государство» можно рассматривать не только как организацию, но и как метод. Метод состоит в том, что для получения налога вам нужно контролировать некую территорию и быть способным силой принуждать ее жителей к уплате дани. Мы привыкли видеть государства пятнами различных цветов на карте, однако, в принципе, это необязательно. Средневековое государство было, например, матрешкой, включающей множество государств, любой барон, взимающий дань с крестьян, был государством.

Без налогов

Нужно сказать, что в истории были многочисленные примеры, когда человеческие сообщества были организованы не по принципу территориальной монополии и взимания дани. Некоторые из этих сообществ считаются колыбелью нашей цивилизации. Так были устроены греческие полисы и многие свободные города в средние века, и так была устроена Римская республика, средневековая Ирландия и Исландское Содружество. Отличительной чертой этих объединений была организация скорее по принципу клуба и членских взносов, чем по принципу государства и территориальной монополии. Должности были выборными или занимались по жребию, но что важно для нашей те-

мы, — платежи, были нерегулярными и целевыми, и, по крайней мере, в полисах не существовало ничего, напоминающего «государственную казну» или бюджет. Известен случай, когда афиняне собрали 5000 таланов «на флот», и эти деньги должны были храниться в неприкосновенности на случай войны с персами, однако, вряд ли это можно назвать бюджетом.

Государство — это я

Однако вернемся к нашей истории. На самом деле, фраза «государство — это я» гораздо ближе к истине звучала бы в устах классического средневекового монарха феодальной эпохи. Он в действительности и был государством (для упрощения отбросим всех герцогов, графов и баронов, будем рассматривать только один слой матрешки). Он получал доход со своей земли, платежи от вассалов (если они позволяли ему собирать эти платежи), церкви (если он смог заставить ее это делать) и так далее. Его личный доход и был, собственно, государственным доходом, а его личная казна и была государственной. Соответственно, и расходы он делал из своего кармана — оплачивал войны, охоты, двор и прочее и прочее.

Понятно, что монархам приходилось много тратить, и многие из них были (относительно) бедны. Классикой жанра является странствующий монарх, живущий со своим двором поочередно у своих вассалов. В этом случае, за двор и развлечения платил вассал, и выхо-

дила значительная экономия. Такая практика была повсеместно распространена в Европе.

Экстраординарные потребности

Периодически, а точнее — регулярно, у монархов возникали экстраординарные потребности, удовлетворить которые они могли, только выйдя за рамки своего личного дохода. Эти потребности, вызываемые в подавляющем случае, ведением войн, вынуждали королей искать доходы на стороне. Так появилось то, что обычно называют налогами, очевидно, полагая феодальные поборы вполне законным делом. Отличие этих платежей от уже существовавших состояло в том, что они не были частью феодальной системы, а имели, скорее, «национальный» вид, то есть, взимались со всех, кто подходил под условия уплаты. Возможно, первым таким налогом был сбор на эскпорт шерсти и кожи в Англии, введенный в 1275 году. Следует отметить соляной налог, обязывающий покупать соль у государственной монополии по определенной цене и в заданных количествах. Этот налог, введенный Карлом V, стал очень популярным среди можновладцив той эпохи. Точно такую же популярность приобрел налог на землю, который платили свободные крестьяне. Известны налоги на пиво, налог на окна, с помощью которых Англия финансировала военные кампании 17 века. В Пруссии существовал налог на все виды мяса, кроме свинины. В эту же эпоху появились и налоги на корпорации, то есть на церковь. Испанский король Фи-

липп II получал от церкви столько же дохода, сколько и от американских колоний.

Непредвиденные последствия

Отметим, что налоги, о которых идет речь — преимущественно косвенные, что как-то слабо согласуется с теорией «добровольного обложения самого себя налогом ради общего блага». Действительно, публика легче воспринимает косвенные налоги, а не прямые, хотя ущерб от косвенных налогов в силу сугубо экономических причин, может быть значительно большим.

Постоянные требования монархами новых налогов всегда вызывали недовольство у населения, так как воспринимались как выход за пределы положенного. Средневековое общество, основанное на бесчисленных правилах, исключениях из правил и привилегиях, было очень чувствительно к таким вещам. Поэтому в наиболее крупных и развитых странах Европы уже существовали представительские органы, которые были удобны тем, что позволяли снять напряжение в этом вопросе, так как именно они должны были утверждать новые налоги. В Англии короли не смогли преодолеть сопротивление Парламента, а, начиная с Генриха VIII, они оказались зависимыми от представительского органа в финансовых вопросах. Во Франции все получилось наоборот — Франциск I создал единое казначейство еще в 1523 году и ликвидировал разницу между

регулярными и экстренными (одобряемыми Генеральными штатами) доходами короны.

Однако, и в том и в другом случае непредвиденным последствием было отделение доходов короля от доходов государства, а точнее говоря, появление самостоятельной государственной казны, как таковой. В Англии точка в этом вопросе была поставлена в 1770 году, когда Парламент назначил Георгу III содержание в 800 тысяч фунтов в год. Собственно, с этого момента начинается история самостоятельных государственных финансов.

Бюрократия

Противниками королей были аристократия и церковь. Государство в Средние века и в эпоху меркантилизма было организовано по принципу делегированного управления. Разные функции в разных местах выполняли разные люди и организации. В поисках дохода государственные должности продавались и покупались, особенно во Франции. Сбором налогов (собираемость в 30% считалась хорошей) занимались гильдии или специальные откупщики, которые платили казне вперед, а затем от имени короля собирали налоги с прибылью для себя. Борьба за расширение «налоговой базы» привела к тому, что монархи вынуждены были все больше опираться не на ненадежную знать, которая традиционно занимала различные должности при дворе, а на наемную «команду профессионалов».

В Англии в 1664 году были отменены последние меркантилистские привилегии (кроме «авторского права») и все ее жители стали равны перед законом, что означало, что они платили налоги, утверждаемые Парламентом. В 1692 году откупщики налогов были заменены получающими жалованье сборщиками, что резко увеличило доходы королевской казны. Во Франции после централизации казны с 1523 по 1600 доходы короля выросли в 4 раза.

Нужно сказать, что создание класса платных чиновников было скорее побочным следствием процесса и не входило в намерения королей. Чиновники появлялись «сами собой», — государство рождало налоги, налоги рождали государство. Известно много историй о том, как это происходило. Например, история о том, как король Савой-Пьемона Эммануэль Фильберт придумал налог, который привел к тому, что вынуждал населенные пункты в его владении четко устанавливать собственные границы. Соответственно, появилась потребность в кадастрах и чиновниках для их ведения.

Так появилась бюрократия. В конце концов, короли победили аристократов и церковь, и теперь они получали доход не только от собственных владений, но и от «страны в целом». Правда, совершенно неожиданно, они обнаружили себя в полной зависимости от бюрократии. Как сказал один чиновник одному королю: «Ваше величество есть не более, чем церемония». «Абсолютная монархия» на самом деле является полным бессилием монарха, как такового, и первым явлени-

ем бюрократии, как самостоятельной касты, которой с этого времени было суждено править миром.

Итак, как мы сказали, «слабая» монархия в Англии и «сильная» монархия во Франции в итоге дали один и тот же результат эволюции в виде появления самостоятельных государственных финансов и налогов, существующих для их наполнения. В Англии финансы короля были отделены от финансов государства и строго нормированы, во Франции все финансы были королевскими, но сам монарх превратился в функцию бюрократии. Остальные европейские монархии, находящиеся между этими крайностями, разумеется, тоже пришли к похожим результатам.

Граждане

Великую Французскую революцию следовало бы назвать великой бюрократической революцией. Ликвидировав меркантилизм и абсолютизм, французы просто добились тех целей, которых абсолютная монархия и система привилегий, монополий и регламентации так и не смогли добиться. Король и аристократия стали больше не нужны, а громоздкая система меркантилизма была заменена крайне централизованной и гораздо более простой системой наемной бюрократии.

Так окончательно утвердилась та форма государства, которая знакома нам теперь. Ее отличие от предшествующей системы состоит в том, что вместо много-

слойного пирога средневекового общества в ней существует лишь две основные группы людей — граждане, равные перед законом и платящие налоги, и бюрократы, служащие абстрактной корпорации по имени «государство».

Фактически, революционеры «переоткрыли» античный принцип, по которому публичная должность существовала отдельно от занимающего ее человека. Государство наконец-то стало в полной мере «искусственным человеком» Гоббса. То есть, государство стало корпорацией, юридическим феноменом, который давал юридические возможности физического лица записи в нотариальных книгах, или, как в нашем случае, полной абстракции, нигде толком не определенной и существующей по факту признания ее другими такими же абстракциями (институт «признания» государств друг другом). Кроме того, в старой античной схеме «человеки отдельно, должности отдельно» появилось, то чего в ней раньше не было — принудительные налоги.

В ходе революции и Наполеоновских войн эта система распространилась практически по всей континентальной Европе. Успех французских войск, ведших фактически непрерывную войну в течение 20 лет, объясняется просто — во Франции гражданами стали 30 миллионов человек. Это означало, что взрослое мужское население могло быть поставлено под ружье. Европейские монархии могли расчитывать только на наемников и армии, собранные по «воинской повинно-

сти». В отличие от французских граждан, их подданным в большинстве случаев были глубоко безразличны войны, которые вели их монархи.

Радикальные изменения означали, что граждане теперь предъявляли совсем другие требования к корпорации «государство», и эта корпорация радостно откликалась на их зов. В век науки считалось, что государство способно быстро исправить «язвы общества», если существуют «научные методы». При том, что 19-й век был эпохой либерализма, именно тогда государство начало активно заниматься тем, чем до того никогда не занималось — охраной порядка, социальным страхованием, «капитальным строительством», в том числе и инфраструктуры (железные дороги), унификацией образования, регулированием трудовых отношений и т.п.

В нашей теме это означает, что начинают активно использоваться прямые налоги. Уильям Питт ввел подоходный налог в Англии для войны с Наполеоном. После войны он был отменен (редкий случай). То же самое случилось в США во время Гражданской войны (затем налог тоже был отменен). Но уже с начала 20-го века прямое налогообложение становится нормой. И если подушный налог во времена монархий всегда вызывал сопротивление, то новая система (куда более жесткая) преподносилась как «гражданский долг» и вводилась легче, поскольку налоги получал не король, а обезличенное «государство», якобы служащее «общему благу».

Искусственный человек

Гоббс, назвавший государство «искусственным человеком», не дожил каких-то 350 лет до того, как его метафора превратилась в реальность и зажила собственной активной жизнью. 20-й век был эпохой «масс», безраздельного владычества бюрократии и торжества искусственного человека.

В нашей теме очень важно появление в это время теорий, которые описывали жизнь с точки зрения искусственного человека. В 30-е годы, когда от либерализма 19-го века почти не осталось следа, появилось кейнсианство и специальная разновидность бюрократов — экономисты. Кейнсианство обобщило тенденции, которые и ранее существовали в экономической науке — стремление перенести в нее идеи из физики и механики вместе с математическим аппаратом и представить человеческое общество в виде замкнутой системы, стремящейся к равновесию. Кейнсианство создало мир, в котором действуют абстрактные «агрегаты», а не живые люди, мир, где реальность определяют «уровни цен», «уровни инфляции», «уровни занятости» и так далее. Манипулируя этими «уровнями» искусственный человек достигал своих целей. Налогообложение заняло почетное место в этой системе.

Если в 18-м и 19-м веках мало кто возражал против того, что налоги есть узаконенный грабеж и разговоры о налогах шли с позиции «необходимого зла», а сами они рассматривались, как «бремя», то теперь

все радикально изменилось. Для искусственного человека налоги совсем не бремя и не грабеж. Экономические теории теперь вполне серьезно рассуждали о «регулирующей» и даже «стимулирующей» роли налогообложения. Более того, «макроэкономисты» долгое время настаивали (а наши, похоже, до сих пор настаивают) на том, что «фискальная функция» налогов ушла в прошлое и теперь на первое место выходит функция «регулирующая».

Послевоенное время было эпохой массовых экспериментов искусственного человека с реальностью. Он постоянно крутил ручки настройки, изобретал новые способы регулирования и налогообложения.

Экономический вред

В принципе, разговор об «эффективности» налогов должен начинаться и заканчиваться на том, что эта практика не является добровольной. Однако, украинцы еще до сих пор живут в мире представлений, порожденных технократами 20-го века. До тех пор, пока множество людей считает ее таковой и до тех пор, пока доминирующим мнением является «а как же по другому?» стоит несколько слов сказать об экономическом вреде налогов.

Во-первых, экономика — это разного рода отношения и эффекты, порожденные деятельностью живых людей, даже если они действуют через «искусственных человеков» — корпорации или государство. Поэто-

му мысль о том, что «мои налоги возвращаются мне в виде чего-то там» неверна по определению. Вам ничего не возвращается. Вам «возвращается» только в том случае, если вы сами непосредственно тратите деньги на некое благо или добровольно вносите взносы. Налоги же не являются ни вашей личной тратой, ни взносами.

Во-вторых, из этого следует, что такое использование налогов, как «государственное инвестирование» не является инвестированием в экономическом смысле слова. Еще экономисты 19 века знали об этом и некоторые справедливо относили государственные расходы к потреблению. Инвестирование основано на сбережении. А сбережение означает отказ от потребления. Государство же ни от чего не отказывается. Оно отбирает и тратит чужое. Государственные расходы в целом, и «инвестирование» в частности в экономическом смысле является потреблением чиновников. Они потребляют политические дивиденды.

В-третьих, классический пример «разбитого окна Бастиа» говорит нам о том, что рассуждения о государственных расходах всегда упускают из вида простую альтернативу — то, куда бы потратил эти деньги первоначальный владелец средств. Рассуждения о том, что случайно разбитое окно в лавке булочника даст теперь работу стекольщику (такие рассуждения вы обнаружите везде, где говорят о госрасходах и «инвестициях» государства) упускает из вида тот факт, что сам булочник собирался потратить эти деньги на новый костюм

(что дало бы работу портному). Для каждого из нас намерения булочника куда важнее, так как они добровольны и подтверждены его сбережениями. Именно они, а не «инвестиции» из отобранных денег, составляют повседневную ткань экономики, той системы отношений, которая позволяет существовать такому огромному количеству людей на Земле.

В-четвертых, пример вора, укравшего деньги и тратящего их в супермаркете, делает очевидной еще одну сторону налогообложения — отсутствие добровольного обмена. Богатство «общества в целом» растет в ходе обмена, в котором всегда существует две стороны, которые добровольно приходят к соглашению. Для обмена каждая из сторон должна отказаться от чего-то, ей принадлежащего, в пользу чего-то, принадлежащего другой стороне. Вор же ничего не создавал, он просто присвоил себе чужое богатство. Мейнстримная экономика, рассуждая о пользе госрасходов, видит только вора, покупающего товары в магазине, она игнорирует тот факт, что богатство в этом случае не увеличивается.

В-пятых, нарушение обмена происходит и тогда, когда налоги взимаются в его процессе, например, при «выдаче зарплаты». Получается, что покупатель вашего труда оценивает вас, скажем, в 10000 гривен (и эта информация существует на рынке, как ваша зарплата), а на руки вы получаете, скажем, 8000, то есть, в итоге вы предложите своим контрагентам на обмен сумму меньшую, чем рыночная ценность ваших услуг. Это

вносит постоянные искажения в экономический процесс.

Существует бесчисленное множество налогов и способов их взимания, кроме того, тяжесть, которая ложится на плечи граждан, очень сильно зависит и от администрирования налогов, то есть, сами налоги могут быть и небольшими и их может быть немного, но связанные с ними процедуры могут быть просто непосильными.

Кроме того, в косвенных налогах нужно еще выяснить, кто на самом деле платит налог, или, как говорят экономисты, на кого он «перекладывается». Генри Хэзлитт и Мюррей Ротбард потратили много усилий для разбора основных видов налогов и выяснили, в частности, что, скажем, распространенный повсеместно налог с продаж платит таки производитель, а не потребитель, а в конечном итоге — владельцы первичных факторов производства — земли, рабочей силы. Общее же правило состоит в том, что «налоги нельзя переложить вперед». Это важно для понимания реальности, в частности, легенды о налогах с продаж как «налогах на потребление» и т.п.

Выход за пределы реальности

Однако, вернемся к нашей истории. Как мы помним, главная задача государства — постоянно расширяться. Со временем денег, получаемых от налогов, стало опять не хватать на расширение. Поэтому госу-

дарства постепенно открыли новые способы финансирования своих потребностей в виде инфляции и займов. Не нужно забывать, что налогообложение, каким бы незаметным его не пытались сделать (облагая, например, налогом корпорации или, как у нас, удерживая налоги до выплаты зарплаты) всегда вызывает реакцию облагаемых и, вообще говоря, слишком зависит от политических решений. Логично было бы свести его роль в текущем «наполнении бюджета» к минимуму. Где-то с 90-х годов прошлого века мы и оказались в новом мире, в котором искусственный человек полностью вышел за рамки нашей реальности. Государства давно и уверенно тратят гораздо больше, чем собирают налогов.

Положительным моментом здесь является то, что никто, похоже, уже всерьез не говорит о «регулирующей», или того хуже, «стимулирующей» роли налогообложения. Эти разговоры остались политикам и совсем уже заангажированным экономистам. Вместе с потерей налогами роли единственного наполнителя бюджета, вернулось осознание того факта, что сами по себе налоги являются не более, чем экспроприацией собственности.

Возвращение в реальность

Борцы за экономические свободы делают ошибку, когда говорят о том, что налоги перестали иметь решающее значение и теперь куда больший вред прино-

сит государственное регулирование, как таковое. Это так, если смотреть на мир глазами искусственного человека. В мире обычного человека из плоти и крови налоги по-прежнему являются основой системы, ведь сама система не изменилась. Ничего не поменялось от того, что вместо доисторического вождя, принимающего дань от поданных, мы имеем абстрактную корпорацию, «незаметно» отнимающую часть нашей собственности. Государство по-прежнему является территориальной монополией, существующей с целью получения дани с оказавшихся на этой территории людей.

Налоги нельзя рассматривать только с экономической точки зрения (хотя, конечо, разные виды налогов приносят разный вред), нельзя их также считать исключительно «фискальным инструментом». Налоги являются системообразующим фактором современной политэкономической машины. Как метко заметил украинский наблюдатель Максим Крыжный, на современных деньгах должно быть написано «обеспечены вашим здоровьем и вашей свободой». Сама обязанность платить налоги лежит в основе фиатных денег, которыми мы должны платить государству, и всей машины монопольного насилия в целом. Уберите налоги, и эта машина развалится.

Маскировка и мифология. Выводы

Если бы налоги действительно хоть в какой-то степени были платой за некие услуги, то логичной налого-

вой системой была бы система с одним-единственным налогом, причем налогом прямым. С точки зрения эффективности как самой «услуги» государства, так и контроля за всем этим делом, это, пожалуй, единственно возможный вариант. Однако, вы нигде не найдете страны с одним налогом, да еще прямым.

Более того, характерной для всех без исключения стран чертой является путаница с налогами. Налогов не просто «больше одного», сама система налогообложения призвана вводить в заблуждение. Государства преследуют здесь две цели. Первая — максимально использовать «анестезию», то есть сделать так, чтобы конечный плательщик не ощущал факта грабежа. Налог на корпорации и вообще налогообложение «юридических лиц» — классический пример такой анестезии. Налогообложение зарплаты до выдачи ее на руки, как в Украине — другой пример. Вторая задача — не допустить четкого разделения общества на доноров и реципиентов. Налоги платят все, даже те, кто получает доход от налогообложения других — пенсионеры, чиновники, военные и так далее, кроме того, существуют налоги вроде НДС, которые невозможно не платить и которые, опять-таки, «накрывают» всех граждан государства, независимо от того, «вносят» ли они налоги или «уносят» их. Политическая борьба в современных демократиях, в конечном счете, проходит между реципиентами и донорами. Однако замаскированное налогообложение направляет ее мимо цели. Думаю, что четкое разделение на тех, кто отдает и тех, кто полу-

чает, может гораздо быстрее привести к исчезновению налогообложения.

Наконец, важнейшим элементом системы налогообложения является мифическое «наказание за богатство», которое якобы наступает как результат некоторых видов налогообложения, вроде прогрессивного подоходного налога и которые заставляют «богатых платить больше». При том, что в действительности в большинстве случаев больше платят, опять-таки, бедняки, сам факт существования такой системы заставляет их быть в политическом тонусе и злорадно голосовать на выборах за соответствующие предложения.

Итак, в качестве вывода можно сказать следующее. Налоги развивались от дани в натуральной форме к дани в денежной форме. Последнему способствовало расширение государства как вовнутрь (функционально) так и вовне (территориально). Налоги развивались (при прочих равных) от более косвенных к более прямым. И, наконец, в наше время налоги играют роль основания всей системы государственного принуждения.

Говоря о налогах и о том, как они могут быть «улучшены», следует исходить из конечной цели полной ликвидации налогообложения как нелегитимного и экономически вредного занятия и из того, что сами по себе налоги являются не экономическим, а политическим явлением. Поэтому «улучшением» является только то, что направлено (при прочих рав-

ных) на упрощение администрирования, на ликвидацию налоговой «анестезии» в виде налогообложения юридических лиц и т.п., на переход от косвенных к прямым налогам и на четкое разделение в налогообложении доноров и реципиентов. Только такой подход имеет какой-то практический смысл. Все остальное — это дискуссии по поводу того, какое наказание гуманнее — розги или стояние на гречке. 2012

5.3.4. Что такое государственный бюджет, кому он нужен и что с ним делать

История государственных бюджетов начинается вместе с появлением привычного нам «национального государства», власть в котором осуществляет бюрократия, а государство видится деперсонализированным набором институтов. Точнее, правильнее было бы сказать, что государственный бюджет и породил в значительной степени то, что мы привыкли считать государством. Случилось это в Британии, в конце 18 века, когда парламент выделил короне ежегодное жалование в размере 8 тысяч фунтов, отделив, таким образом, расходы на короля от остальных расходов на государственные нужды.

До этого момента «государственный» было равно «государевый», то есть, налоги и другие поборы собирались непосредственно в пользу короны и расходовались от ее имени. Интересно, что сегодня эта феодальная система выглядит более честной, чем сменив-

шее ее «национальное государство». Судите сами. Король должен был каждый раз созывать парламент для того, чтобы «принимать бюджет», собственно, основной работой парламента и было рассмотрение финансовых запросов короны и их утверждение или отклонение. Эта система действовала во всех основных феодальных странах — Англии, Франции, Испании (Кастилии). Многие города также имели свои парламенты, основной функцией которых были финансовые вопросы и суд. Налоги и другие поборы вводились только с одобрения парламента, и вводились они на конкретные цели и на определенный срок. То есть, если срок действия поборов заканчивался, король должен был собрать парламент для пролонгации побора, и не было никаких гарантий того, что парламент согласится.

Корона находилась в полной финансовой зависимости от парламента (собрания налогоплательщиков). Это приводило к интересным эффектам. Например, так называемая «столетняя война» (на самом деле, это не одна война, а череда многих конфликтов) по мнению некоторых историков продолжалась так долго потому, что английский парламент после очередной победы англичан тут же прекращал финансирование, справедливо полагая, что «мы же победили, хватит уже». Война прекращалась и продолжалась только тогда, когда короне удавалось выклянчить деньги. В общем, Франция обязана не столько Жанне д Арк, сколько английским парламентариям.

Разумеется, королям не нравилось такое положение дел, и к 16-18 веку они «решили вопрос», избавившись от «права кармана», принадлежавшего парламенту. Но не в Британии. По многим причинам британские короли проиграли схватку парламенту, и окончательное «решение вопроса» состояло в выделении королю фиксированной суммы и в переходе распоряжения остальными государственными доходами и расходами в руки профессиональных бюрократов. Это, как мы сказали, и породило «государственный бюджет».

Как видим, с самого начала, еще с феодальной практики финансирования короны парламентом, бюджет имеет одну главную цель — контроля и сдерживания государства. По здравом размышлении, бюджет является главным и, фактически, единственным действенным механизмом такого контроля, который работает очень просто — нет денег, значит, нет и деятельности. Когда государство вынуждено каждый раз выпрашивать деньги, это дает реальные рычаги воздействия на его политику тем, кто эти деньги дает. Все прочие «разделения властей» и «сдержки и противовесы» ничего не стоят, если государству удалось присвоить себе «право кармана» и опыт Украины, кстати, прекрасно подтверждает это.

Большинство ныне развитых стран рано или поздно перебралось из феодализма в состояние «национального государства», финансируемого с помощью бюджета. Однако, далеко не везде «право кармана» в полной и безоговорочной степени осталось за парламен-

том. Наиболее последовательны в этом смысле были американцы, мы недавно наблюдали shutdown, вызванный несогласием Конгресса, в остальных случаях все было не так радужно. Конституции, принятые в 19 веке, обычно содержали разного рода оговорки, позволявшие правительству обходить «право кармана».

Более того, одновременно с утверждением практики финансирования через бюджет, государства начали поиск способов обойти ее. Первым таким способом был «государственный долг», то есть, возможность правительства брать взаймы от своего имени. Понятно, что возвращать «долги правительства» должны были налогоплательщики. Кстати, в США государственный долг со времен дискуссии о конституции рассматривался многими чуть ли не как преступление. Но, как видим, теперь это мнение вышло из моды, Обама набрал долгов больше, чем все предыдущие президенты вместе взятые. Второй способ — это «порча монеты» или инфляция, позволяющая получать доход за счет снижения покупательной способности денег. Когда государство освоило частичное резервирование и осознало идею центрального банка, этот способ финансирования государственной деятельности уверенно составил конкуренцию налогам и бюджету.

Однако, главный удар по бюджету, как реальному инструменту контроля налогоплательщика над государством нанесло «социальное государство», а именно, тот факт, что среди расходов государства появи-

лась всякого рода «благотворительность», в виде социального страхования, медицины, пенсий и т.п.

К чему это привело, хорошо видно на примере Украины. Однако, прежде чем перейти к этому примеру, нужно отметить вот что. Говоря об Украине и вообще о постсоветском пространстве в целом, следует помнить, что здесь никогда, ни одной секунды за последние лет триста не существовало практики «права кармана». В самодержавной России доходы короны были доходами короны, безо всяких ограничений и парламентов. «Государственный бюджет» в те моменты, когда он существовал, был фактически бухгалтерским документом, фиксирующим доходы и расходы царского государства. Затем самодержавная Россия сменилась на самодержавный же СССР, в котором люди работали непосредственно на государство в качестве некой повинности. Здесь тем более не существовало никаких ограничений на государственные затеи, а бюджет исполнял все ту же роль документа внутренней отчетности.

Поэтому, совсем неудивительно, что в Украине на момент получения независимости просто физически не было людей, понимающих роль и значение государственного бюджета в свободной стране. Мало того, Украина автоматически переняла все институты и практики СССР, вроде «права» казначейства финансировать государственные расходы «по нормативам предыдущего года», что делает политическую процедуру принятия бюджета, да и само его существова-

ние в виде «закона» простой фикцией. В той нормативной системе, в которой мы существуем, в ежегодном государственном бюджете, принимаемом парламентом, просто нет никакой необходимости. Нет никакой практической нужды в принятии специального документа в ситуации, когда государство собирает налоги и получает другой доход в течение всего года, и тут же финансирует ими свою деятельность. Повторю — при таких возможностях бюджет должен быть просто неким внутренним документом Министерства финансов. Кстати, до некоторого момента фактически все так и было, автор этих строк никогда не забудет историю о том, как министр финансов Украины легко и просто обещал МВФ принять бездефицитный бюджет, коль скоро это требовалось по соглашению с этим самым МВФ. Было это в середине 90-х, и, действительно, для Минфина не составляло тогда никакой формальной проблемы, ибо все финансирование проводилось в ручном режиме, плюс, существовали многочисленные «внебюджетные» фонды, легко позволявшие нарисовать в бюджете что угодно, а финансировать при этом, как надо. Кстати, с тех пор исполнение бюджета совсем не изменилось, оно всегда проводится в ручном режиме, более того, государственный бюджет был исполнен, как предписывает соответствующий закон, только один раз — при Еханурове.

Почему же тогда мы каждый год наблюдаем бюджетную истерику, активно освещаемую СМИ, и в чем же тогда состоит вся эта сакральность «бюджетного

процесса»? В этом моменте мы возвращаемся в колею общемировых тенденций и вопроса о влиянии «социального государства» на государственный бюджет. До появления «социального государства» парламент составляли налогоплательщики. И они решали, разрешить или не разрешить государственные траты и каков должен быть их объем. Речь шла об их деньгах. С ростом «социальности» в парламент стали попадать и налогополучатели. И чем более «социальным» становилось государство, тем в большей степени законодательный орган представлял интересы тех, кто не отдает, а получает из бюджета. В позднем СССР, где, по мнению Симона Кордонского, существовал своего рода «административный рынок», наблюдалось то же самое, только в гипертрофированных масштабах — министерства и ведомства вели между собой нешуточную борьбу за объемы «средств», которые им предстояло «освоить».

Украина получила в наследство, с одной стороны, советскую практику «освоения средств», с другой — идею «социального государства», как единственно верную и прогрессивную форму существования государства, где в парламенте заседают реципиенты бюджета. Поэтому бюджетный процесс в Украине и вся сопутствующая ему истерика — это не более чем процесс раздела тех денег, которые должно «собрать» государство в продуктивной экономике. Истерия же связана с тем, что все это обычно прикрывается нуждами многочисленных сирых и убогих, о которых яко-

бы печется государство, и которых, несмотря на это, с каждым годом становится все больше. Именно возможность «правильно» поделить отобранные правительством деньги в честной драке между группами интересов и держит на плаву отечественный бюджетный процесс, не давая ему превратиться в простую формальность Минфина. Эта же проблема, только пока что в более мягкой форме присуща и всем прочим странам, где законодательный орган принимает бюджет — этот документ сегодня играет роль прямо противоположную той, с которой он начинал свой жизненный путь.

Таким образом, если говорить о том, что делать с государственным бюджетом, то направление здесь очевидно — вернуть его в то состояние, когда он представляет собой единственное более-менее надежное средство контроля государственной активности. Во всех остальных ролях этот документ является просто ширмой, прикрывающей обычный дерибан и частью пропаганды, этот дерибан оправдывающей.

Для этого нужно сделать следующее:

1. Вернуть в парламент налогоплательщиков. Как это сделать — отдельный непростой разговор, выходящий за рамки данной темы. В самом общем виде — право голоса должны иметь только доноры.

2. Сконцентрировать все государственные расходы и доходы только в бюджете. Любые доходы и расходы вне этого документа должны быть запрещены.

3. «Нет налогообложения без представительства». Только парламент может устанавливать и менять налоги. Понятное дело, Минсдох должен быть ликвидирован.

4. Сделать невозможным финансирование какой-либо деятельности государства до принятия бюджета. Непринятие бюджета в срок означает безусловный shutdown.

5. Ликвидировать систему, в которой «местные» бюджеты что-то отдают «центральному» и что-то получают от него. Местные налоги формируют местные бюджеты, государственные налоги — государственный бюджет.

6. Установить «цену бюджетной строки» на низком, уровне, скажем, в 1000 гривен, то есть, все траты бюджета должны быть подробно расписаны до этой суммы.

2013

5.3.5. Первый вопрос Кабмину

Последние две недели наши СМИ только и говорили, что о коалиции, правительстве и бюджете. В принципе, это нормально — в стране новая власть,

формируется новая команда, это, конечно же, топ-новости. Причиной появления этой заметки стал не сам факт новостей и обильных комментариев, а содержание всех этих разговоров. Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что основной посыл был примерно таков: «слава Богу, что они у нас есть». Дескать, если отвлечься от конкретных физиономий, то сам факт того, что правительство есть. и завелось оно на удивление быстро — это очень хорошо. Может быть у них что-то получится, и может быть даже «у нас будет бюджет».

Опять-таки, я был бы не против, чтобы разговоры ограничивались только этим, если бы не существовало куда более важных и значимых проблем, связанных с этой темой. То есть, если бы они были решены, то бодро дискутировать о сноровке, проявленной при формировании правительства, было бы вполне уместно.

Для иллюстрации этих проблем, приведу простой пример. Давайте вы будете платить мне деньги, а я буду оказывать вам услуги. Покупать вам продукты, лечить вас, учить ваших детей. Только одно условие — я сам буду решать, на какие цели и как именно я потрачу ваши деньги: какие продукты буду покупать, кто, что и как будет вас лечить. Это ведь, опять-таки, для вашего же удобства. Ведь существуют же объективные потребности в еде, пище, жилье. Вот их я и буду удовлетворять. А также заботиться о вашей безопасности, здоровье и обо всем прочем, о чем мне придет в голову позаботиться, например, о вашей морали. Понят-

но, что работать я смогу, только распределяя тонким слоем ваши деньги по вашим бескрайним объективным потребностям. Поэтому в отпуск вы поедете не на Канары и даже не в Турцию, а в дом отдыха в Крыжополе. Когда у вас что-то заболит, мы предоставим вам не то, что нужно, а то, что сможем. Я даже сделаю ремонт у вас в квартире. Как вам эта зеленая масляная краска на стенах? Осталась от армейских запасов времен СССР. Не нравится? Поймите, ваших денег не хватает на все ваши потребности.

Наполнять наш, в смысле мой бюджет будет очень непросто. Вы ведь несознательны. Вы ведь будете скрывать от меня ваши, в смысле мои деньги, тайно копить на Турцию и по ночам соскабливать со стен зеленую краску. Но при этом вы будете согласно кивать головой, когда я буду рассказывать по телику о трудностях наполнения нашего бюджета и о том, как нелегко для вашего блага отнять у вас вашу копеечку. Скоро у меня появятся конкуренты. Они будут рассказывать по тому же телику, какой я негодяй и насколько я слабо справляюсь с отбором у вас денег. Они скажут, что, если заменить меня на них, они будут отбирать деньги лучше, больше и дольше. Они даже пообещают вам по пятницам бесплатный кофе. Вы радостно согласитесь, мы устроим выборы и они победят. Разумеется, у них ничего не выйдет, поэтому следующие выборы останутся за мной. Глядишь, со временем подтянутся другие желающие поучаствовать в процессе, у нас с вами будет драматичная, насыщенная событиями и пе-

реживаниями жизнь. Ваши дети будут считать эту ситуацию приемлемой, а ваши внуки — само собой разумеющейся. Они даже будут гордиться тем, что живут в свободной стране, ведь они могут выбирать тех, кто отбирает у них деньги.

Мне скажут, что этот пример понятен и очевиден и мол, все это знают. Огорчу. Не знают и не понимают. И знаете почему? Потому что всех в этой истории беспокоит, украл ли я и если украл, то сколько. Украл, не украл…а как вам, все-таки, зеленая масляная краска на стене?

Другим возражением будет то, что правительство не только навязывает вредные монопольные услуги. Оно еще и устанавливает полезные нормы и правила. Это тоже неправда. За большинством норм и правил вы найдете все те же «услуги» либо в прямом виде, либо в виде «общего блага» в лице бюджета. Примером правил, которые действительно необходимы, могут быть правила дорожного движения. Им по барабану, куда едут водители и что у них на уме. Подавляющее же большинство наших норм и правил не такие. Зеленым «Жигулям» разрешается ехать на красный свет. Рыжие водители должны всегда поворачивать налево. Владельцы красных «Поршей» пересекают перекрестки последними потому, что они буржуи и им и так хорошо. Наши «правила» регулируют не отношения между нами, а нас самих. Для нашего блага и за наши деньги.

Но здесь мы немного отвлеклись от темы. Говоря о правительстве, мы, прежде всего, должны понимать, что именно мы имеем в виду. Что это такое? Какова его задача? Какими ресурсами оно обладает?

Кабинет министров — это только незначительная часть того, что мы не знаем о правительстве. Кабмин — это даже не верхушка айсберга, а, скорее, перископ подводной лодки. Главное — бесчисленная армия чиновников — скрыто от глаз. Как там все внутри устроено — знает очень немного людей. Как все устроено на самом деле — знает еще меньше. При этом, мы должны понимать, что правительство — это, собственно, и есть 90% государства. Что бы там не придумал президент и чтобы не напринимали депутаты — все это останется замыслами, пока не будет выполнено правительством.

Кто ставит задачи правительству? Само правительство. Теоретически, считается, что оно получает задачи на выборах. Избиратель голосует за те задачи — программу — которые кажутся ему наиболее близкими. Не будем углубляться в подробности, которых тут масса, давайте подумаем хотя бы вот над чем. На парламентских выборах мы фактически голосуем за правительство. Потом мы голосуем за него же на президентских выборах (формально это не так, но дефакто — так). Вопрос — когда именно мы ставим ему задачи? Следующий вопрос — кто ставит задачи правительству, если оно заводится между выборами? Даже эти простые, лежащие на поверхности обстоятельства, приводят к тому, что наше с вами влияние на то,

чем будет заниматься Кабмин, практически сводится к нулю. Неразбериха приводит к безответственности. Янукович, например, обещал нам налоговые каникулы для малого бизнеса. Интересно, в курсе ли Азаров и что он думает по этому поводу?

Удивительно, как усердно наше общество в своем стремлении остаться слепым. Вот, например, Рыбачук утверждает, что, поскольку он нанимает на работу президента, то желает услышать от него, «куда мы идем». Поправьте меня, но, по-моему, при приеме на работу таких вопросов не задают. Наниматель обычно заранее знает на них ответ. Если на выборах возникает вопрос «куда мы идем», это означает, что выборов нет. И тут нужно задавать совсем другие вопросы.

Идем дальше. Допустим даже, что у нас есть какая-то возможность «заказывать музыку» на выборах. Однако, может ли правительство поменять свои намерения после них? Сколько угодно. Да, такое правительство может проиграть на следующих выборах. Но мне не приходят на ум примеры того, чтобы на следующих выборах победила партия, которая бы сделала так, чтобы правительство не могло произвольно менять намерения.

Ну и, наконец, третий вопрос — о ресурсах. Он тоже из серии «мы это всё понимаем», то есть, не понимаем ничего. Напомню вам, что правительство ничего не создает. Оно только перераспределяет. Его ресурсы — это наши с вами ресурсы. Когда говорят «за государ-

ственный счет» — обманывают. Следует говорить — за ваш (или за наш) счет. Даже в тех случаях, когда правительство берет в долг или печатает деньги — все равно это за наш счет.

То обстоятельство, что большинство наших граждан лично не платит налоги, ничего не меняет. Они не ощущают, что они постоянно платят правительству, как не ощущает потери денег жертва карманника. Просто за часть из нас платят наши предприятия (недоплачивая нам), за остальных — те, кто платит чиновнику, чтобы не платить государству. Мы все — участники схемы, даже самые теневые и законспирированные.

Хочу быть правильно понятым. Речь не о том, что мне жалко денег на налоги. Речь о том, почему вообще правительство распоряжается этими деньгами. Эти траты не приносят пользы. Ведь не бывает никакого «образования» или «здравоохранения». В общественной жизни нет абстракций. Это не математика, и даже не физика. Иллюзию абстракций порождает бюрократическая отчетность — количество «отдыхающих», «провожающих», «брачующихся» и «обилеченных», о котором нам всегда радостно сообщают. В реальности же существуют мои и ваши субъективные потребности вылечить конкретную болячку, поехать в Турцию и покрасить стены какой-нибудь другой краской.

Очень важно здесь вот что. Когда я говорю, что мы все участники схемы, я имею в виду, в том числе и то,

что нет никакой разницы между карманом чиновника и карманом правительства. Чиновник, как и правительство, тоже не сидит на полученных им деньгах, он их «инвестирует», покупая себе кое-что для дома. Однако, для последствий, которые наступают для общества, нет никакой разницы между налогами и взятками.

Когда я плачу за что-то, я трачу деньги, которые я получил в обмен на товары и услуги, которые я произвел, и кто-то их купил. Они кому-то были нужны, я принес этому человеку пользу и через деньги, которые он мне заплатил, я обмениваю эту пользу на пользу для себя. В результате, формируется рынок или, как у нас любят говорить — порядок, когда «каждый получает по заслугам». Кто-то едет в Турцию, а кто-то — в Крыжополь.

Когда чиновник покупает колбасу на мою взятку, он не обменивает никакой пользы. Он только получает, ничего не отдавая. Точно такой же общественный эффект приносят траты правительства, воров-карманников и фальшивомонетчиков. Все вместе они уничтожают национальное богатство.

Итоги этой усердной деятельности мы наблюдаем вот уже 20 лет. **В нашем обществе осталось очень мало пользы**. Это и есть тот «бардак», который так всем не нравится.

Мне скажут, что наше правительство просто копирует некие «общепринятые» функции. Боюсь, что общепринятых функций не существует. В Северной Корее, например, если вы остаетесь в гостях на ночь, вы должны зарегистрироваться у местного начальника. Вам кажется это ненормальным? А почему? Мало ли что может случиться! Война начнется, а вас дома нет.

Или возьмем такую незыблемую для государственников вещь, как оборона. Вот вам Швейцария, которая вся, по сути, является армией. Кстати, вот вам и причина швейцарского нейтралитета. Такая армия просто не может ни на кого напасть.

Может быть, существует что-то, что заслуживает того, чтобы жертвовать на него часть общественного богатства? Вероятно, такое «что-то» может существовать. Однако, заметим, что об этом как раз никто не спрашивает. Отсутствие ответов, а точнее, отсутствие вопросов и есть первопричина нашего многолетнего процветания.

Поэтому, мне кажется, что говоря о правительстве, следовало бы начинать не с того, как они там работают и хорошо ли работают. Первый вопрос — **почему** они там работают. 2010

5.3.6. О цифрах и реформах

Свидетели бюджета обычно объясняют сложность налоговой системы тем, что «по другому нельзя» и

«иначе люди не будут платить». Когда их спрашиваешь, за что, собственно, платить, на первое место обычно ставится оборона. Мол, как же без этого, вы же видите, что творится. В принципе, наиболее продвинутые могут даже согласиться, что все прочие расходы, включая пенсии, «социалку» и врачей-учителей не нужны и легко переносятся с усталых государственных плеч на наглого и разжиревшего на утаенных от государства харчах налогоплательщика. Но это, говорят они, ничего не меняет, все равно расходы таковы, что нужна вот такая огромная и ракомозговая налоговая система.

Ок. Смотрим в бюджетик прошлого года. Там мы видим наши «необходимые» расходы в виде 34 миллиардов на чиновников и 28 миллиардов на вооруженные силы. Давайте будем считать, что ничего тут сокращать не надо, а расходы на армию даже увеличим вдвое, то есть у нас будет 56 миллиардов. Итого 90 миллиардов госрасходов. Допустим, населения у нас 40 миллионов, из них 6 миллионов дети до 14 лет, плюс инвалиды и прочие со справками, пусть всего минус 10 миллионов, остается 30 миллионов на 90 миллиардов расходов. Итого, в случае подушного налога сумма с носа в год составит аж целых 3000 гривен. Пусть кто-то мне расскажет, что это очень много. Допустим даже, что к перечню необходимых расходов нужно добавить ментов и прочих прокуроров. Ок. Примем даже, что ничего там сокращать не надо и добавим к этому всему 48 миллиардов. Все равно на наглое налогопла-

тельщицкое рыло приходится теперь около 5000 гривен. В год.

То есть, если бы вопрос действительно стоял так, как ставят его этатисты, (налоги существуют для госрасходов), то никакой проблемы он бы не представлял. Берем необходимые расходы, делим на количество наглых рож налогоплательщиков и получаем сумму подушного налога. Сумму, которая, как видим, вполне по силам для обычного домохозяйства.

Откуда же тогда этот налоговый ад, налогообложение предприятий, косвенные налоги, НДС, от которого не спрятаться, не скрыться? Откуда все эти узаконенные платежи за «услуги», за которые уже заплачено в виде налога? Откуда это регулирование, которое каждую копейку, прошедшую мимо бюджета, полагает преступлением? Да от того это все (и не только в неньке, а и во всем мире), что на самом-то деле не налоги существуют для госрасходов, а госрасходы существуют для налогов. То есть, рост налогов (и доходов государевых и окологосударевых людей) является целью, а рост государственных расходов — средством достижения этой цели.

Пока мы этого не поймем, ни о каких реформах и речи идти не может. 2014

5.3.7. Праздник, который всегда

Национальный банк порадовал нас законопроектом N10656 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины (о функционировании платежных систем и развитии безналичных расчетов)», который уже принят в первом чтении. Вообще говоря, этот закон позволяет НБУ полностью прибрать к рукам платежные системы и платежи по ним, так как касается «урегулирования таких вопросов, как ведение Нацбанком реестра платежных систем и систем расчетов в Украине, их участников и операторов услуг платежной инфраструктуры, а также предоставление им права деятельности в Украине только после регистрации в НБУ, предоставление НБУ права устанавливать порядок проведения в Украине маршрутизации, клиринга и взаиморасчетов между участниками платежных систем по операциям, проведенным в Украине с использованием платежных карт, эмитированных банками-резидентами, и обеспечение формирования и размещения гарантийных депозитов членов платежных систем по операциям, которые осуществлены в пределах Украины с использованием платежных карт в национальной валюте Украины на счетах в НБУ или в банках Украины».

Однако, он содержит в себе еще одну новацию, которая подается, как борьба с коррупцией и вообще позитивная вещь, а именно, ограничение на расчеты наличкой до 20 тысяч гривен. Именно это обстоятельство

заставило СМИ обратить внимание на проект и озаботиться комментариями.

Я же пишу об этом проекте потому, что он очень наглядно показывает суть законодательной деятельности, как таковой, вне зависимости от ее содержания. На нашем примере можно выделить несколько характерных свойств, присущих практически любому закону.

1. Они лучше вас знают, как вам жить. Авторы практически всех законов лучше вас знают, как (а часто и зачем) вам жить. Например, вам предписывают платить наличкой лишь суммы меньше 20 000 гривен. Почему? Это же ваши деньги, которые вы получили, принеся пользу другим людям. Почему вы должны страдать из-за чьих-то надуманных проблем с коррупцией или поддерживать работу банковской системы? Если вы сами считаете, что ограничения на хождение кэша способствуют этим целям, ограничивайте свой кэш добровольно, можете даже призывать к этому других. Но не приказывайте. В общем, мы видим, что практически любой закон создает **трудности** людям, которые ничего плохого не сделали другим людям.

2. Работают со следствиями, а не с причинами. Думаю, не нужно объяснять, что причина коррупции — активность государства, прежде всего,

нормотворческая. Коррупция возникает там, где нужно обойти бесчисленные правила и ограничения. Наличные деньги не создают коррупции. Они просто являются средством обмена, в том числе, естественно, и в коррупционных сделках.

3. Нужны только для отчетности. Главная цель любых действий государства — объявить о том, что «проблема решается». В нашем случае «решается проблема» взятия под контроль электронных платежей граждан и коррупции.

4. Не достигают заявленных целей. Понятно, что коррупция никак не пострадает от ограничений кэша.

5. Реальные последствия никого не интересуют. Реальными последствиями законодательства являются новые трудности в жизни граждан, новые препятствия для добровольного сотрудничества, и, соответственно, новая почва для коррупции.

6. Долгосрочные последствия никого не интересуют. Нетрудно спрогнозировать, что если закон будет соблюдаться, то он нанесет удар по интернет-торговле и вообще по развитию гражданского общества, поскольку крайне затруднит взаиморасчеты между гражданами, в том числе (и прежде всего) через интернет. Кроме того, скорее всего, некоторые виды коррупции подорожают. Однако, кроме этих очевидных последствий, могут быть и

другие, о которых никто не знает и которые никто в принципе не может предсказать, так как возникнут они, как результат приспособления общества к новым трудностям, создаваемым государством. Долгосрочные последствия законодательства впринципе непредсказуемы.

7. Вводят правила, не заботясь о сроках действия и механизмах отмены. Очевидно, что введение каких-то правил, тем более, такого локального характера, как в нашем примере, требует и наличия четких и понятных механизмов их отмены. Допустим, вся коррупция в Украине вдруг исчезла, но мы как дураки продолжаем платить кэшем только до 20 000 гривен, потому, что идиотские нормы просто некому отменить. Законодательство не содержит в себе встроенного механизма отрицательной обратной связи. Чтобы отменить какой-то закон, необходимо, чтобы это было выгодно для политиков, то есть, чтобы с его помощью можно было бы показать отчетность, заботу о людях и прочие вечные «заманухи» для избирателей. Если же этих целей достичь нельзя, то закон обречен «работать» столетиями.

8. Всегда расширяется государство. Законодательство всегда расширяет государство, то есть увеличивает возможности одних людей (являющихся государством) в отношении других людей (всех остальных). В нашем примере это совершенно очевидно. Люди, составляющие государство, уве-

личивают свою власть над другими людьми, получая новые области, в которых они могут указывать нам, как именно нам жить, вести себя с другими людьми, а также распоряжаться своей собственностью. Возможности также увеличиваются и для присвоения нашей собственности (в виде наказаний или в виде коррупции), а также ограничения нашей свободы.

9. Воспроизводят систему. Эксперты, журналисты и политики образуют своего рода круговую поруку. Деятельность государства является главным источником материалов для журналистов и экспертов (чему примером служит и эта колонка). Поэтому эксперты и журналисты редко высказываются по существу проблемы, если критикуют некие государственные инициативы. Поддерживают они их тоже специфически. Вот, «Лига» приводит мнение двух экспертов по поводу будущего закона. Один из них высказался в том духе, что во всем мире гильотину используют в качестве средства лечения головной боли и потому мы тоже должны. Второй тоже не промах. Цитирую: *«У данного законопроекта несколько целей. В первую очередь это банальная необходимость контролировать средства граждан. Ведь даже по самым скромным подсчетам украинцы хранят в чулках 120 млрд грн и порядка $70 млрд. А эти деньги могли бы работать на экономику страны»*. Во-первых,

уважаемый эксперт тоже лучше вас знает, как вы должны распоряжаться своей собственностью (и это то, что роднит его с государством), во-вторых, он не знает, что деньги всегда существуют в виде остатков наличности или остатков на счетах, то есть, они всегда «работают», лежат ли они в банке или под подушкой. Как видим, это знание основ экономики эксперту ни к чему. В его понимании «работать» — это передать ваши деньги в управление третьим лицам, то есть банкам. Возможно, банкам это и пойдет на пользу, но вот «экономика страны» тут точно ни при чем.

В итоге, на информационном поле дело выглядит следующим образом: «есть плохие законы, и есть хорошие законы. Плохие законы преодолеваются принятием хороших законов. Плохие последствия хороших законов преодолеваются принятием новых хороших законов». И так до бесконечности. В общем, люди, составляющие государство, навсегда обеспечили себя работой. Их можно поздравить, они живут в мире, в котором всегда праздник. За чужой счет, разумеется. 2012

5.3.8. Смертельный учебник или Это и есть государство

Не знаю, чем закончится сегодняшний день, не говоря уже о том, как именно закончатся события, кото-

рые мы сейчас переживаем[2]. Поэтому напишу о том, в чем состоит главный, как мне кажется, урок нам на, надеюсь, ближайшее будущее, если мы не хотим повторения этого кошмара.

Те, кто знаком с «социальными науками» по школьной или вузовской программе, думаю, заметили, что вопрос происхождения государства либо замалчивается, либо преподносится в том смысле, что оно завелось как-то так само собой. Между тем, у него есть своя история появления и дальнейшей эволюции, и наука, в общем-то, не оспаривает «военно-налоговое» происхождение этого странного института. То есть, государство для тех, кто изучает его — это узаконенный рэкет. Группа, захватившая некую территорию, и облагающая ее данью, и есть государство. Варианты дальнейшего хода событий могут быть разными, от «живите, как хотите, только платите мне дань» до «теперь вы все мои рабы». В первом случае имеем дело с «цивилизованным» развитием, во втором — с деспотией.

Однако, в любом случае, первейшей функцией государства является способность собрать дань и защитить свои границы. Поэтому войско — главнейший и старейший государственный институт. Затем следует «законодательство». Можно не только собирать дань, но и правильным образом регламентировать это, присвоить себе полномочия законодателя. Замечу, что во всех случаях государство ничего не изобретает и не

[2]Майдан

создает, оно только присваивает. У тех людей, которых оно захватило, была какая-то оборона. У них было и свое законодательство. Разнообразные «правды» — своды законов, появившиеся в средние века — это не придуманные какими-то мудрецами штуки, а присвоенная государством существовавшая ранее правовая практика, в которую оно вносит важные для себя изменения, в том числе, призванные гарантировать незыблемость порядка вещей (обязательность дани, например, и повышенную ответственность за убийство государевых людей). Хаммурапи тоже ничего не выдумал. Он, и все его последователи, просто сказал «теперь мы тут будем решать, что законно, а что — нет», а чтобы люди не переживали, они просто «узаконили» ту практику, которая уже существовала. Затем логично последовали суды — нужно иметь монополию и на то, как люди определяют, что законно, а что — нет.

Все последующее развитие государственных полномочий — это история присвоения им тех институтов, которые порождало общество. Ведь с ростом хозяина растет и паразит. Социальное страхование, деньги, образование, наука, — все это было в разное время в разных странах оккупировано государством. Мы привыкли считать функции государства само собой разумеющимися, но на самом деле «святость» и «незыблемость» этих функций прямо связана с временем их существования. Охрана порядка, законодательство и суд кажутся нам незыблемыми только потому, что они были присвоены в незапамятные времена. Государство

постоянно стремится расшириться, захватить все больше и больше функций, такова его природа. Оно эволюционирует и развивается, в том числе и идейно, для того, чтобы оправдать свое существование в глазах людей. Например, теперь оно называет присвоенные им функции «услугами».

Свободный и — хуже того — вооруженный человек — самый опасный враг государства. Вся история свободы и история успеха тех стран, которые мы считаем развитыми — это история борьбы с государством и его поползновениями. «Великая хартия вольностей» — это ограничение власти короля, предпринятое при удачных для баронов обстоятельствах. То, что называется «английской конституцией» — это результат Славной революции. Американская конституция — это результат защиты колонистами той самой британской конституции, которую по их мнению, попирал английский король. И так далее. Везде успех и процветание случаются там, где удается приостановить рост государства и его поползновения.

В 1991 году мы начали с ситуации, когда государство было в довольно жалком состоянии. То есть, формально его полномочия оставались большими, но реально осуществляться не могли. С другой стороны, общество было в еще более плачевном состоянии. Коммунисты уничтожали гражданское общество, преследовали установление свободных горизонтальных связей и наказывали за их создание. Люди полагали, что государство должно делать все, и просто не могли пред-

ставить себе, как можно обходиться без него. Они не могли себе представить частную булочную, не говоря уже о частной газете. И я не шучу. В обществе фактически не было собственных институтов, и люди не считали возможным их появление.

В это время началось два процесса. Первый — естественный рост социальных институтов. Второй — расширение государства и рост его реальных полномочий. В силу множества причин, и, прежде всего, сохранившейся до сих пор веры людей в то, что государство «может» и даже «должно», второй процесс оказался значительно быстрее. Конфликт между обществом и государством начинается тогда, когда государство посягает на занятую территорию. В нашем же случае, оно расширялось на пустынные территории, свободные от общественных институтов. Все 20 лет нашей истории государство постоянно пробовало нас на вшивость. «А так с вами можно?» — говорило государство, откусывая кусочек нашей свободы. «Нормально!» — отвечали мы. Это же только для нашего же блага! Ну, а поскольку государственные институты непроизводительны, то каждый откушенный ими кусочек означал сокращение возможностей для роста нормальных социальных институтов и практик.

В общем, нам сильно повезло. Бог послал нам начальство, которое просто в какой-то момент перестало «заморачиваться» поисками предлогов для расширения своей власти над нами. «Я буду делать с вами, что хочу, а вы мне будете платить и не сопротивлять-

ся» — сказало начальство. Оказалось, что довольно много украинцев уже достаточно свободны для того, чтобы сказать начальству «ну нет, ничего у вас не выйдет».

Мы с вами живем прямо в учебнике по происхождению государства. То, что мы видим, это и есть его неприкрытая суть — насилие, насилие и еще раз насилие ради наживы. Когда все закончится, возникнет иллюзия облегчения. В государстве начнется привычная политическая возня, давление на общество ослабнет. Мало того, обязательно начнутся разговоры, что в «критической» (ну а какой же еще!) ситуации нам, как никогда, нужна «сильная власть», «забота о народе», «наведение порядка» и т.п.[3] Но если мы хотим, чтобы то, что мы сейчас переживаем, больше никогда не повторялось, более того, если мы хотим развития и процветания, нужно помнить, что суть государства не изменится ни на секунду, так как она определяется не лицами у власти, а возможностью легально присваивать в свою пользу собственность других людей (налогообложением в широком смысле слова). Нужно помнить, что государство — наш главный враг. Сейчас ему нужно дать по морде. Затем поставить в стойло. Ограничить. И демонтировать. Аккуратно, чтобы не упало на голову и никого не придавило.

P.S. Львов остался без государственной милиции. Это святая святых всех этатистов. Они верят, что толь-

[3]Это началось сразу же, сильно помог Путин

ко наличие монопольного государственного охранника удерживает нас всех от того, чтобы мы не вцепились друг другу в глотку. Однако, отчет мэра Садового говорит, что это не так. Хотя я почти не сомневаюсь в том, что сейчас будут предприняты разнообразные меры для того, чтобы убедить львовян, что им очень нужна полицейская монополька. 2013

5.3.9. Чем «капиталисты» Карла Маркса отличаются от госчиновников

Читатели этих заметок знают, насколько трепетно автор относится к государству. Дня не проходит без того, чтобы я не сказал какую-нибудь гадость в адрес этой конторы, не перепостил бы злобный демотиватор или еще как-нибудь не подорвал бы устои.

Поэтому неудивительно, что некоторые люди задают автору вопросы о причинах столь непопулярного в наших палестинах отношения к такому, казалось бы, уважаемому учреждению. Есть и такие, кто говорит примерно следующее. «Ты, — говорят они, — придумал универсального врага, типа капиталистов у Маркса, на которого можно повесить все грехи, а рассуждаешь в духе Василия Иваныча Чапаева — вот перебьем всех белых, и заживем».

Мне кажется, что ответить на это утверждение очень важно. Ведь действительно, может сложиться впечатление, что речь идет просто о замене одного

«мирового зла», не оправдавшего надежд, на другое перспективное мировое зло. Дескать, бери себе, подставляй вместо слова «капиталисты» слово «государство» и радуйся, так как получаешь нового виноватого во всем хорошем.

Давайте начнем с Маркса. До Маркса никто не слышал ни о каких «капиталистах». Само это слово придумал не он, но именно Маркс выдумал классовую теорию и, соответственно, определил в ней место для капиталистов. То есть, «капиталисты» вынырнули из темного омута марксовой диалектики, они — порождение теории, я бы даже сказал — космогонии (как бы подозрительно это слово ни звучало). В этой космогонии присутствует неумолимый ход истории, объективные законы общественного развития, сменяющие друг друга «формации» и прочие тому подобные вещи, а также товарищ Маркс, который объясняет, как все устроено на самом деле, куда все идет и чем закончится.

Вывод: если космогония ошибочна, то капиталисты могут расслабиться, ибо ни в чем не виноваты.

В отличие от претензий Маркса к капиталистам, мои претензии к чиновникам проистекают из простых наблюдаемых фактов, наличие которых невозможно оспорить. По поводу их трактовки, конечно, можно создавать теории, но сами они не есть теоретическое построение или его часть. Эти вопросы могут прийти в голову человека, не знакомого ни с Марксом, ни с какими бы то ни было идеями в области социальных на-

ук, потому, что вопросы эти сугубо утилитарны. Звучат они примерно так: «почему мы должны выполнять приказы группы людей, именующих себя государством, и регулярно отдавать им часть своего дохода?»

Ответов нет, вот в чем вся проблема. Есть лишь жалкие вариации на тему. Первая вариация — если у людей не отбирать насильно деньги, то не будет охраны порядка и прочих благостей. Вариация неверна, поскольку предполагает, что охрана порядка и прочие благости не нужны людям, поскольку, их можно обеспечить, только силой отобрав у них часть их дохода. Думаю, мало кто согласится с тем, что охрана порядка не нужна. Впрочем, даже если предположить, что какие-то люди действительно были до такой степени не в состоянии расстаться с наличностью, что попросили других людей силой отбирать у них деньги ради их же блага, то все равно совершенно непонятно, на каком основании их решение касается меня, вас и всего остального населения нашей планеты.

Попыткой ответить на этот вопрос является вариация «так исторически сложилось». Однако, так сложилось — это не ответ. «Сложилось» не требует приказов. Сложилось, например, уступать старикам место в транспорте. Никто не заставляет и не наказывает, но это считается правильным. Если бы государство «сложилось», то не было бы уголовных статей за уклонение от налогов, а были бы добровольные взносы. Если бы оно «сложилось», то мы бы сейчас наблюдали частные суды, частных полицейских, частных эмитен-

тов частных денег, ведущих жалкую жизнь на обочине прогресса, поскольку они, конечно, не могли бы выдержать конкуренции с тем, что «сложилось». Но ничего такого мы не наблюдаем. Наоборот, в большинстве случаев мы наблюдаем прямые запреты этой деятельности.

Другой версией «так сложилось» является вариация на тему «общественного договора». Вот, говорят мне, конституция — она ведь как бы договор… Стоп, стоп, стоп. Договор заключается между сторонами, вступающими в сделку. Вот покупатель, вот продавец, а вот договор между ними. А у нас что? Мы находимся с государством в совершенно ясных финансовых отношениях. Оно отбирает, мы отдаем. Но где же договор? Конституция никак не подходит на эту роль. Конституция — это примерно вот что. Представьте себе, что продавцы от имени покупателя заключили сами с собой «договор» и на его основании силой регулярно отнимают у покупателя деньги, предлагая взамен только собственные монопольные «услуги». Как вы думаете, насколько быстро нормальный судья признает такой договор ничтожным? И не надо мне говорить, что «с каждым же не будешь договор заключать». А почему бы нет? Деньги-то вы у каждого отбираете, не ленитесь.

В общем, в отличие от «плохих» капиталистов Маркса, качества которых являются частью некой теории, мои чиновнички плохи по совершенно объективной причине. Для того, чтобы считать их таковыми,

не нужна ни космогония, ни метафизика, ни мистика. Нужно просто задать простой, утилитарный, я бы даже сказал — бытовой вопрос: «ребята, а вы тут зачем?»

Я хочу, всего лишь, чтобы люди, именующие себя государством, показали мне договор, на основании которого они действуют, и мою подпись под ним. И пока они этого не сделают, я в полном праве считать их бандой грабителей и насильников, и относиться к ним соответствующим образом, что и вам советую. 2012

5.4. О системе

> «Хотел бы он знать, что творится в мозгу у Патриция. Холодный и блестящий, как мог он вообразить, весь из голубой стали и льдинок, и маленькие колесики щелкают как в огромных часах. Такой разум мог предугадать свое собственное падение и обратить его в преимущество.
>
> Это была совершенно нормальная дверь темницы, но все зависело от вашего чувства перспективы.
>
> В этой темнице Патриций мог замкнуть весь мир.
>
> Все что было снаружи — только замок.
>
> Все засовы и задвижки находились изнутри.»
>
> *Терри Пратчетт. «Стража! Стража!»*

5.4.1. И все на выборы

На днях наткнулся в интернетах на историю, которая поразила меня своим неожиданным финалом. История эта о том, как человек вызывал другому человеку «скорую помощь» на улице поздно вечером. Понятное дело, дозвониться было невозможно, потом «помощь» долго не ехала, потом врачи и санитары срывали на пострадавшем и его спасителе накопившиеся за день эмоции… В общем, сюжет знакомый и даже типичный, но, поскольку рассказан очевидцем и человеком неравнодушным — берет за душу. Поразивший же меня финал состоит в том, что рассказчик принимает решение «идти во власть», ибо больше нет сил терпеть…

За долгие околополитические годы я повидал множество людей, «ушедших во власть». Никто из них не

вернулся. Точнее, они превратились в начальство — субъектов, которые научились на самые простые вопросы отвечать «ну, вы знаете, это вопрос экуменического толка». Но мы сейчас не об этом. Мы о том, как прекрасно работает система. Даже так — Система. Производства и сохранения начальства.

Давайте представим, что речь в нашей истории идет не о такой драматичной вещи, как «скорая помощь», где эмоции могут помешать осознать реальность. Давайте перенесем весь сюжет в рамки, например, функционирования хлебобулочной промышленности. Некто оказывается в городе, где не производят, скажем, венских булочек. Совсем. Этот человек, привыкший к тонким радостям венской булки, испытывает страшный дискомфорт. Поэтому он пишет гневный пост в своем блоге, в котором громко и открыто говорит о том, что он принимает непростое решение баллотироваться в депутаты. Венским булкам — быть!

Нам с вами такое поведение покажется странным. Мы знаем, что если где-то нет венских булок, то это хороший повод начать производить их самому и заработать на тех, кто к ним неравнодушен. Или рассказать об этом тем, кто сможет это сделать. Однако, скажем, для жителей Советского Союза в этой истории не будет ничего удивительного. Кроме некоторых деталей о выборах и тому подобных демократических глупостей. Жители Советского Союза знают, что решение о производстве венских булочек, как и всего остального, принимает начальство.

Украина и другие страны отличаются от Советского Союза двумя вещами. Во-первых, это объем того, что производится по решению начальства и под его контролем. Стать депутатом ради венских булок выглядит для нас смешно. Сделать то же самое для производства услуг «скорой помощи» выглядит героически. Однако, на самом деле, ни для производства венских булочек, ни для производства «скорой помощи» начальство не нужно. Оно вообще не нужно в процессе взаимодействия производителя и потребителя. Чего бы то ни было.

И вот в этом моменте и состоит второе отличие. В Советском Союзе начальство решало все и за всех, и никого ни о чем не спрашивало. Простой человек никак не мог не повлиять на свое начальство. Поэтому Советский Союз закончился. Система оказалась нерабочей.

Рабочей оказалась другая система. Точнее — Система. В ней никому не нужно промывать мозги на партсобраниях, напротив, сознательные граждане сами, добровольно, за свои деньги и со всех ног регулярно заботятся о том, чтобы начальство никуда не исчезло, и желательно — преумножалось и процветало. Курят в подъезде? — все на выборы! Побили менты? — все на выборы! Кран течет? — все на выборы! Начальников можно выбирать. Начальником можно стать самому.

Начальники могут меняться. Но начальство останется всегда. Хотя, ни для венских булок, ни для скорой помощи оно совсем не нужно. 2011

5.4.2. Политические циклы: следующий пошел

В экономической теории «торговый цикл» всегда начинается с этапа раздачи денег. В это время банковская система наводняет экономику необеспеченными фидуциарными деньгами, как правило, в виде «дешевых кредитов». Предприниматели радостно бросаются на эти деньги, полагая, что в экономике дела пошли лучше, ставки упали и т.д. и т.п., хотя на самом деле просто увеличилась денежная масса. Затем начинаются массовые предпринимательские ошибки и все начинают говорить о кризисе. Но кризис на самом деле начался не тогда, когда «вдруг» посыпались рынки, «неожиданно» взлетели банковские ставки и пошли массово банкротиться предприятия. Нет. Кризис начался, когда все выглядело очень хорошо и даже лучше.

Так вот, при объяснении этого момента часто возникает непонимание. Ведь если опытные предприниматели или аналитики на пару с экспертами видят, что снижение кредитных ставок обусловлено не накоплением капитала, а печатанием бумажек, то почему же они каждый раз попадаются на эту удочку? Почему ре-

гулярные кризисы существуют с 19 века, а нерегулярные случаются аж с 14-го?

Потому что мы имеем дело с тем, что называется «система». Действительно, если бы ВСЕ участники процесса, включая и тех, кто просто покупает себе что-то в магазине, координировали бы свое поведение, учитывая в нем процесс кредитной экспансии, то кризисов бы не было. Предприниматели кричали бы «чур меня» на предложения дешевых кредитов, вкладчики с особым трепетом следили бы за своими депозитами и снимали бы деньги при первых признаках снижения кредитных ставок.

Но, все дело в том, что достаточно одного-двух оппортунистов для того, чтобы разрушить такую идиллию. Ведь в краткосрочной перспективе следование логике системы может дать преимущества. Если никто не берет дешевых кредитов, а я возьму — я наверняка выиграю. И кризиса, кстати, не будет. Вот поэтому, кредиты в такой ситуации берут все, кто может и, в итоге, система прекрасно себя чувствует.

В политике дело обстоит еще проще. Здесь циклы задаются выборами. И система точно так же эксплуатирует оппортунизм ради самосохранения. Она работает так во всем мире, а у нас, как обычно, все эти закономерности выглядят особенно ярко. В нашей политике может случиться все, что угодно, кроме того, что противоречит интересам системы. Вот вам свежий пример — полный отказ оппозицией от возможностей,

которые бы давал политический кризис. Напомню, что кризис случился бы в том случае, если бы оппозиции удалось «сдать мандаты» и спровоцировать новые выборы. Но нет, на это у нее не хватило духу. Оно и понятно — душу греют перспективы президентских выборов 2015 и кидаться сейчас в омут неопределенности ой как не хочется… В общем, надо брать дешевый кредит, пока дают.

Замечу, что в данном случае, речь не идет о том, что «хуже» и что «лучше». Новые выборы — это неизвестность, но, это же и возможности. Я говорю лишь о том, что система опять победила, надежды на лучшее теперь сконцентрировались на 2015-м и дальше, дальше, дальше… 2012

5.4.3. Революционные турки и дорога к Ородруину

Автор этих строк ни в коей мере не считает себя экспертом по турецким делам. Зато в некоторой степени я могу считать себя экспертом по делам государства, по тому, откуда оно берется, чем дышит и чем живет. Не знаю, чем закончатся турецкие события, может быть, народ просто успокоится и разойдется по домам, а может дело дойдет до революции и свержения Эрдогана. Но, чем бы не закончилось дело, на примере этих событий видно, как государство может втянуть в себя народный протест, перемолоть его и стать еще сильнее.

Однако, начну с банального утверждения о том, что Турция — очень разнообразная страна с большим и очень конфликтным прошлым и настоящим. В политическом смысле Турция представляет собой практически весь джентльменский набор потенциальных конфликтов — национальных (турки — курды-армяне-греки), межконфессиональных (мусульмане-христиане), цивилизационных (исламисты — кемалисты), конфликтов образа жизни (13-миллионный Стамбул против турецкой деревни) и так далее.

И вот, в такой стране существует государство, которое, в общем-то, ничем не ограничено. Это сразу бросается в глаза при чтении турецкой конституции. Три отдельные статьи посвящены тому, что человек вообще-то свободен, но когда надо — несвободен. Они называются «ограничение основных прав и свобод», «запрещение злоупотребления основными правами и свободами» и «приостановление осуществления основных прав и свобод». Все, что провозглашает турецкая конституция, может быть «ограничено законом» или, еще хуже, «определяется законом». То есть, турецкая конституция — это воплощение мечты этатиста. Разумеется, я далек от утверждения, что конституция создает государство и определяет его «строй». Скорее, дело обстоит наоборот. Я же лишь утверждаю, что любая конституция может очень много сказать о стране и государстве. Например, украинская конституция, которая, как ошибочно полагает большинство украинцев, «не выполняется», прекрасно описывает ситуацию, в

которой мы с вами процветаем, и объясняет, почему иначе и быть не может. Но мы отвлеклись от темы.

Как мух привлекает известное органическое вещество, так неограниченное государство привлекает провокаторов, маньяков, лиц, страдающих комплексами неполноценности, — то есть политиков. В стране, в которой намешано множество поводов для конфликта, у них появляется поистине безграничное поле для эксплуатации этих конфликтов в своих целях, разжигания их и создания новых. Если государство может все, то оно может и «решить» любой конфликт — эту идею яростно пропагандируют политики всех цветов и оттенков, и в нее верят наивные избиратели.

На самом деле, государство ничего не может, «окончательная победа» какой-то одной стороны невозможна и особенно в условиях неограниченного государства. Эта классика жанра о Фродо Бэггинсе и Кольце в стотысячный раз со всей убедительностью иллюстрируется примером Турции. Судя по всему, нынешнюю конституцию принимали кемалисты «под себя». В первых же строках этого текста упоминается «бессмертный лидер и непревзойденный герой Ататюрк». Авторы надеялись, что неограниченное государство достанется только им. Более того, они всеми силами стремились закрепить статус-кво, объявив начальные статьи конституции неизменяемыми.

Однако, это совсем не остановило хитрого Сарумана — Эрдогана. Все долгие годы, пока он был в поли-

тике, он занимался ползучей исламизацией Турции, взращиванием своего неграмотного телевизионнозависимого электората. И вот теперь колечко у него.

Деятельность Эрдогана, вооруженного теперь Кольцом Всевластья, давно вызывала недовольство, которое и прорвалось наружу. И я бы ничего не писал об этом, если бы турецкие события были всего лишь очередным забегом в политическом колесе. Но здесь дело обстояло не совсем так. Выступления в Стамбуле были антиполитическими. Да, Эрдоган был их причиной, но направлены они были против системы. Партии со своими флагами не допускались на акции. Турки всячески подчеркивают единство, которое возникло среди них, и это тоже очень важный антиполитический момент. Люди не требовали «социальной защиты», «повышения зарплаты» или еще чего-то из дежурного набора политических кричалок. **Они хотели, чтобы их наконец оставили в покое, что есть самая страшная антисистемность и самое большое преступление против государства**.

И вот теперь мы видим, как система пытается взять верх. Когда у Эрдогана не получилось объявить миллионы протестующих несуществующими, он начал вводить конфликт обратно в рамки легального политического процесса. В этом ему помогают политические партии и, особенно, радикалы вроде коммунистов, которые не хотят упускать такой случай и всячески стремятся всунуть свой партийный флажок в телевизионную картинку. Как только флажков станет достаточно

много, дело можно считать решенным в пользу системы.

Да и кто такие уличные демонстранты? Просто люди. Система не разговаривает с людьми. Демонстрантам придется как-то «легализовать» себя, создать движение или партию, а это означает принять правила игры системы и начать работать на нее.

Наконец, какие политически требования могут выдвигать протестующие? Отставку Эрдогана? Но это означает новые выборы, на которых… победит партия Эрдогана. Даже если вдруг случайно на них победит вялая и подавленная турецкая оппозиция, это ничего не меняет. Просто политическое колесо совершит еще один оборот.

Наконец, можно «захватить власть», то есть не вступать в политический процесс, а просто выгнать Эрдогана из офиса и объявить властью себя. Однако, опять же, придется либо устанавливать диктатуру, либо назначать выборы. Захват власти — это триумф власти. Колесо закрутится снова, с новыми силами и энтузиазмом.

В общем, вывод таков. Современные массовые протесты все чаще по своему характеру (а не по целям или намерениям участников) направлены против существующей политической системы. Но они не могут ее отменить. В лучшем случае, они способны привести к косметическому ремонту, в худшем — перезагру-

зить систему, после чего она начинает работать еще более ожесточенно. Государство надежно изолировано от людей и их воля, высказанная то ли на выборах, то ли на массовых акциях протеста, не способна изменить государство, все это, в итоге, лишь идет ему на пользу. Поэтому, если мы хотим, чтобы «эти козлы» перестали лезть в нашу жизнь, нам нужно искать дорогу
2013 к Ородруину.

5.4.4. Цена государства или О причинах и следствиях

Добрые люди в интернетах (CASE Україна) сделали полезное дело — любой желающий может теперь посмотреть, сколько он платит государству. Вы вводите сумму вашей «чистой» зарплаты и получаете чек, в котором указано, сколько денег при вашем доходе вы отдадите любимому правительству в год. Например, при «чистой» зарплате в 3000 гривен в месяц, каковая, как говорят, является средним доходом украинца, государство получит от вас 31 724 гривны и еще 89 копеек. Разумеется, у здорового человека появляется вопрос «за шо». В чеке вам примерно объясняют, на какие цели идут эти деньги.

Собственно, этот перечень и является предметом нашего интереса, поскольку он очень и очень показателен и многое объясняет. Для удобства возьмем не цифры вашего чека, которые индивидуальны, а расходы сведенного бюджета (в миллиардах грн): пенсии —

253; образование — 112; социальная защита — 67; хозяйственная деятельность — 66; медицина — 62; проценты по долгам — 48; милиция, прокуратура и суды — 42; чиновники — 33; вооруженные силы — 21; культура и спорт — 16; коммунальное хозяйство — 14; охрана окружающей среды — 8. Итого, государство тратит 742 миллиарда гривен. На полях заметим, что отбирать ему удается только 653 миллиарда, дефицит бюджета составляет 93 миллиарда, то есть, эти недостающие деньги государство берет где-то еще, обычно занимает. Деньги эти оно выплачивает потом из ваших же налогов, а еще набегают проценты (в нашем случае эти проценты — 48 миллиардов, сумма всего лишь в 2 раза меньшая размера дефицита, который покрывается этими долгами, но это уже детали). Всю новейшую историю украинское правительство (да в общем-то, и любое другое правительство, но сейчас мы о нашем) носится как угорелое и бьется в истерике по поводу того, где же ему взять денег на бюджет. Не будем вспоминать доисторического Кучму, думаю, все еще помнят премьерства Тимошенко или президентство Януковича. Так вот — весь этот хаос, все эти экономические цунами и тайфуны, все это безумное регулирование, ручное управление и террор имеет под собой одну главную причину, одно главное оправдание — государственный бюджет. Разумеется, все это продолжается и сейчас, с новыми революционными силами. Именно эти «усилия» государства наносят экономике основной ущерб (чего стоят только меры в «финансовой и денежной политике» последнего времени). Од-

нако, заметьте, что в нашем политэкономическом дискурсе практически полностью отсутствует вопрос «а зачем вам такой бюджет?». Все баталии происходят по поводу сугубо локальных и частных вопросов, главный же вопрос — ради чего же ведется эта война на уничтожение — всегда остается за кадром. В лучшем случае, публике кидается кость «сокращения чиновников». Чиновников, понятно, никто не любит, но посмотрите на цифры — их содержание далеко не основная статья расходов и я уже не говорю о том, что любое сокращение всегда таинственным образом оборачивается увеличением их количества.

Список государственных расходов как раз очень помогает понять, почему дело обстоит именно так.

Судите сами. Давайте просто пройдемся по этому списку. Совершенно очевидно, что мы с вами легко обойдемся без государственных расходов на медицину и образование. Эти статьи расходов, в условиях, которые всем хорошо известны, выглядят просто издевательски. Точно так же издевательски выглядит «культура и спорт». Непонятно, почему я должен платить за чьи-то упражнения на свежем воздухе или бездарные вокализы. Статья «хозяйственная деятельность» тоже должна быть ликвидирована сразу и без обсуждения, ибо государство и хозяйственная деятельность, — вещи несовместимые по определению. Чем бы оно там не занималось, все это должно быть приватизировано и отдано людям. Точно так же должна быть ликвидирована «социальная защита» — все эти льготы и пособия

ветеранам Куликовской битвы. Безработица, больничные и тому подобное — это вопросы контракта с работодателем, страхования, касс взаимопомощи и других учреждений гражданского общества, а не бюджета. Под «коммунальным хозяйством» думаю, понимаются расходы на поддержание на плаву всего этого монопольного безобразия в виде ЖЭКов, без которых мы только облегченно вздохнем. Итого из первоначальной суммы в 742 миллиарда у нас останется бюджет с расходами в 405 миллиардов, и, заметим, уже безо всякого дефицита. Очевидно, в голове у читателя зреет вопрос — «но мы же все равно будем платить за образование, лечение и тому подобное» Этот вопрос «боковой» к теме этой колонки, но на него нужно ответить хотя бы два слова. Да, мы будем покупать услуги медицины и образования, но каждый будет делать это сам, в меру своих возможностей и потребностей. В результате, эти услуги будут регулироваться спросом и предложением, то есть, потребностями потребителей, а не чиновников. Думаю, это удовлетворительный ответ, хотя тут есть еще множество нюансов.

Понятно, что общество легко можно обойтись и без остальных расходов, без всех этих чиновников, армий и экологий, но сейчас я говорю о том, что можно сделать реально в течение ближайших 3-5 лет, причем в рамках существующей политической парадигмы. Даже эти половинчатые меры почти вдвое сокращают бюджет, а значит, делают ненужной всю эту беготню слонов в посудной лавке, которой занимается прави-

тельство. Любимая и тщательно лелеемая проблема нашего государства — пенсии — тоже имеет свои решения. Например, можно отдавать пенсионеров в руки гражданского общества в обмен на освобождение от налогов. Есть еще, как минимум, два способа избавиться раз и навсегда от государственных пенсий, было бы желание. Без пенсий, кстати, наш бюджет составит всего 152 миллиарда, что, согласитесь, выглядит уже совсем смешной цифрой.

Впрочем, моей целью является не обоснование сокращения государственных расходов и их конкретных механизмов, чего бы я, конечно, не стал, делать, не вдаваясь в детали и, тем более, в рамках журнальной колонки. Цель, с которой я привожу эти весьма обобщенные цифры, — показать, что в любом случае, даже если проявить все возможное снисхождение к государству, размеры его расходов легко и непринужденно, безо всякого ущерба и даже с большой пользой могли бы быть в несколько раз сокращены, даже не меняя (что важно) существующей политической парадигмы, в которой государство считается «в целом полезным». И это помогает, как мне кажется, понять следующие вещи.

Государство прямо заинтересовано в росте собственных расходов. Не некие «общественные проблемы» заставляют государство увеличивать расходы, напротив, государство само создает и лелеет эти проблемы, требуя все больших расходов от общества. Классический пример здесь — это ведущаяся уже 40 лет вой-

на государства с наркотиками, которую только ленивый не признал проигранной, но которая, несмотря на это, будет продолжаться еще лет десять. Чем больше расходов у государства, тем больше его власть. Легитимизированные в глазах общества расходы порождают власть, которая затем используется для легитимизации новых расходов и получения новой власти, и так до полного социального коллапса. Государство также прямо заинтересовано в дефиците средств для своих расходов, что дает ему повод требовать чрезвычайных мер, ручного регулирования, конфискаций и т.п. В общем, государству в целом и чиновникам в частности нужна власть и порождаемые ею возможности. А бюджет с его расходами — это повод требовать и получать эту власть, причины и следствия выглядят здесь именно таким образом. 2013

5.4.5. О легитимном количестве людоедов

Представьте, что вы живете в месте, в котором довольно много людоедов. До определенного момента все было тихо-мирно, людоеды как-то обходились своими силами, практикуя свою самобытную культуру друг на друге. Как вдруг однажды они решили, что вы тоже вполне сгодитесь им в пищу. Будучи людьми демократичными, они постановили сделать все по-честному и провели среди вас всех референдум по поводу того, имеют ли они право отлавливать вас и кушать. На референдуме 50% жителей этого места и примкнувший к ним один голос проголосовали за то, что таки име-

ют. Будете ли вы сопротивляться, когда вас поведут кушать? По идее, сопротивляться вы не должны, ведь решение референдума легитимно и законно. Но, что-то мне подсказывает, что будете.

Как же быть с законностью? Ведь нам говорят, что если процедура соблюдена и все сделано, как надо, то решения обязательны. А обязательны они потому, что орган, их принимающий, избран нами и представляет наши интересы.

Разобраться в вопросе нам поможет Альберт Дайси, автор классического труда «Основы государственного права Англии». В нем, он, в частности, рассуждает о вещах куда более основательных и постоянных, нежели какие-то там мимолетные референдумы, например, о парламенте. Нам с вами рассказывают здесь о том, что депутаты, которые как раз и занимаются принятием решений по некой процедуре (например, все те же 50%+1 голос) являются нашими представителями и действуют от нашего имени, по нашему поручению и должны делать то, что им «наказали» избиратели. Так вот, ведущий правовед конституционного права родины демократии совершенно не согласен с нами. «Та я вас умоляю, — как бы говорит нам Дайси — какие еще представители, какие еще избиратели? Где вы это все берете?» Английскому парламенту (в который английское право включает обе палаты и короля) принадлежит полный, абсолютный никем не ограниченный суверенитет, он может принять любой закон, юридически его ничто не ограничивает, говорит нам про-

фессор. Затем Дайси рассматривает несколько примеров, в частности, «семилетний акт», которым парламент легко и просто продлил свои полномочия с трех лет до семи, и объясняет, что юридически парламент имел на это полное право.

Другое дело, поясняет Дайси, что любая власть опирается на согласие подданных и существует только по причине того, что подданные согласны с этим. То есть, юридически она может все, но практически не будет делать многих вещей, поскольку потеряет опору. «Турецкий султан не станет отменять магометанство», заключает Дайси, ну, а английский парламент не будет делать вещей, в которых ожидается сопротивление народа.

Мы можем сделать вывод, что на самом деле деспотическая власть турецкого султана и либеральная власть английского парламента отличаются друг от друга степенью согласия подданных, а не существованием неких «демократических процедур». И этот тезис верен и для всех прочих режимов, независимо от того, признается ли в них формально парламентский суверенитет. Везде «власть» в ее совокупности законодательных, исполнительных и судебных властей обладает суверенитетом, который на практике ограничен лишь согласием управляемых.

Чем же тогда являются «демократические процедуры»? Они всего лишь инструмент власти для поиска согласия подданных в тех случаях, когда подданные

достаточно независимы и «продвинуты», и в разговоре с ними обычной палкой уже не обойтись. **То есть, это не более, чем способ убедить нас, что после «50%+1 голос» принуждение законно и неизбежно и, тем самым, получить согласие управляемых**.

В моем примере с людоедами «власть» специально вынесена за скобки, потому, что без нее становится ясной абсурдность мнения, что законность решению придает процедура, ведь совершенно очевидно, что здоровый человек окажет сопротивление тому, кто попытается его съесть и, следовательно, практическое значение решений такого референдума стремится к нулю. Но если где-то поблизости — то ли в «вашей» стране, то ли на ее границах есть «власть», способная к принуждению, то все становится на свои места. Сопротивление «законному» решению референдума, проведенного с полным соблюдением процедуры, будет подавляться, и вас будут кушать. В этом смысле «законные» референдумы ничуть не лучше «незаконных». Все они имеют смысл, как часть игры по принуждению и если, как в случае современной Украины, принуждение уже готово и только ждет сигнала, то для организации «референдума» сойдет любой крымский или донецкий фрик.

Грубо говоря, вся законность сводится к тому, «прокатит» решение у широкой публики, или «не прокатит». Процедуры играют здесь роль шаманских плясок и галлюциногенных веществ. Они создают иллю-

зию для более продвинутой публики, что это ее представители заседают в парламенте и принимают там те решения, которые она им поручила принять.

Ну, а как же поступать с людоедами и их референдумами? Есть только один способ. Не оказаться под властью людоедов можно, не оспаривая процедуру, которая всегда произвольна (почему 50%, а не 30 или 90?), а не признавая никакого права одних людей силой навязывать свою волю другим людям. 2014

5.4.6. О трудностях перевода с человеческого на политический

В одном из рассказов Борхеса обсуждается язык, который состоит из одних глаголов. Мир существа, использующего такой язык, радикально отличался бы от мира человека, даже если такое существо жило бы на Земле, потому, что язык — это своего рода метатеория. Он устанавливает первичную классификацию явлений и связей между ними и служит основой всех последующих теорий. Мы вряд ли могли бы до конца понять существо, в языке которого есть только глаголы, поскольку наш язык устроен не так и, соответственно, мы видим совсем другой мир.

Все эти вроде бы абстрактные вещи нужны здесь для того, чтобы сказать, что мы создаем картину мира с помощью языка, и тот, кто может манипулировать языком, может существенно исказить представле-

ния о реальности большого числа людей. Это, в общем, хорошо известные всем вещи. Причем, не обязательно это должно быть нечто драматическое вроде «новояза» Оруэлла. Мы совсем недавно на своем собственном опыте столкнулись с явлением такого же рода.

Думаю, все помнят удивительный момент, когда Майдан, после первых избиений и попыток разгона, попытался сформулировать позицию «за». То есть, казалось бы, понятно, против чего выступали люди на Майдане, но чем дальше, тем больше слышались требования «программы» и тому подобных вещей. Были приложены большие усилия, каждый, кто считал себя способным, писал программы, огромное количество людей участвовало в многочисленных группах программописателей и еще большее количество горячо обсуждало все это в интернетах и вживую. В итоге вышел полный пшик. Каждый раз получалось очередное «улучшить, углубить и расширить», то есть, оставить все как есть, только «нанять профессионалов», «управленцев-менеджеров» или «патриотів, вболюваючих за Україну». Выяснилось даже, что и Янукович вполне себе легитимненький президентик и, в общем, нет никаких оснований для досрочных выборов, не говоря уже об импичменте. Это был очень большой конфуз, громогласное «упс…», недвусмысленно прозвучавшее над всей Украиной. Публику охватила некая растерянность, от которой ее спас переход конфликта в вооруженную стадию.

Что же случилось и какое значение имеет для нас этот опыт? Случилась следующая вещь. Политический язык, на котором вещают СМИ, эксперты, политики и прочая публика такого рода, и на котором пишутся политические программы, оказался совсем непригоден для описания реальности. Политическая теория, созданная с помощью этого языка, предполагает, что политика лишь отражает «социальные процессы», является способом жизни социума. Но когда этот социум, огромное количество людей, прямо заинтересованных в результате, пришел в движение и попытался непосредственно выразить себя с помощью этого языка, ничего у него не получилось. Повторю: программы писали не те и не только те, кто слушал речи со сцены и «голосовал» на бесконечных «вече», это был грандиозный эксперимент, в котором участвовало огромное количество народа. С абсолютно нулевым результатом. Разрыв между «бэканьем» и «мэканьем» программ и яростью людей, пошедших, в итоге, под пули, более, чем очевиден. Не могут люди идти под пули ради «конституционной реформы» или «большей прозрачности госзакупок».

Все это означает, что мы пытались с помощью языка, в котором есть только глаголы, объяснить человеческий мир, который описывается более сложным языком. Политический язык продемонстрировал свою полную непригодность к описанию реальности. И, следовательно, политика не есть один из способов «жизни социума». Наоборот, вся эта история ярко свидетель-

ствует о том, что политика есть способ манипуляции социумом, в том числе и с помощью специфического языка. Политический язык объясняет человеку мир с точки зрения государства. Это метатеория, в которой «зашиты» явления и связи между ними таким образом, каким их хочет видеть государство. Если постоянно иметь это в виду, то этот язык можно понимать. Но вот создать на нем нечто адекватное для человеческой
2014 жизни вряд ли удастся.

5.4.7. О пугалках или Как работает система

Очень важный и наглядный урок в событиях, которые мы переживаем, состоит в демонстрации того, как работает государство, и выводах, которые можно сделать из этого понимания.

Главная задача, которую постоянно решают чиновники — создать и поддерживать «спрос» на себя любимых. Этот «спрос» существует, пока люди верят, что только чиновники могут и должны «спасать» их от превратностей жизни. Поэтому мир и благополучие гибельно для государств, и они всегда заняты поиском или созданием проблем, которые затем радостно берутся решать.

Это, в общем-то, довольно хорошо известное обстоятельство, которое, к тому же, прекрасно иллюстрируется историческими фактами от Римской империи до современных государств. Государства укрепляются и расширяются за счет кризисов, которые либо созда-

ются ими непосредственно, либо являются долгосрочными следствиями ранее проводимой политики. От «угрозы терроризма», которая позволяет США практически находиться в состоянии войны (что означает, что полномочия правительства могут расти, встречая меньшее сопротивление), до регулярных паник в Украине (подзабытые уже «сахарные» и «бензиновые» кризисы, которые случались чуть ли не каждый год, «птичий грипп» и так далее), — список этих временных или постоянных кризисов поистине бесконечен.

Во всем этом деле есть один важный момент, на котором я хочу остановиться. Очевидно, что если говорить о создании спроса на государство, то наиболее простым способом привлечения внимания к себе является страх. Государство пугает вас чем-то и затем бросается «защищать» от угрозы. Пугалки, которыми пугали украинцев, с каждым годом становились все более и более устрашающими. Причин для этого много, не буду на них останавливаться, но, очевидно, что это означает, что они все хуже и хуже воспринимаются и их все труднее продать.

Здесь нужно отметить, что, конечно же, далеко не все изобретается государством, в большинстве случаев мы имеем дело с фактами окружающего мира. Для государства ведь важно не то, существует или нет птичий грипп на самом деле, ему важно народное одобрение конкретных мер, которые якобы предназначены для борьбы с этим гриппом. Среди них, например, регулирование цен и прочий контроль над оборотом,

производством и импортом лекарств, то есть, рост полномочий государства. Успех пугалки состоит не в признании публикой наличия проблемы, а именно в одобрении того, что государство собирается делать для ее «решения». Вот прямо сейчас пугалка по имени Путин прекрасно сработала в очень многих смыслах, от риторики «затянуть пояса и не критиковать правительство», с помощью которой государство опять серьезно расширило свою власть, до пакета «антикризисных законов», которые закрепляют это расширение.

И дело тут не в том, что Путина не существует и его придумали в Киеве, и не в том, что он «на самом деле» добрый и хороший и не угрожает нам войной. Дело в том, что именно предлагается в виде ответа на эту, совершенно реальную, угрозу. Если вместо вооружения населения и обучения его азам самообороны, государство под соусом Путина отбирает у него оружие, если вместо роста экономической свободы, которая, в итоге, повышает как доходы самого государства, так и мотивацию людей защищать свою страну, эта свобода, напротив, сворачивается, значит, пугалка сработала правильно. Власть государства расширилась.

И теперь, собственно, тот момент, о котором я хочу сказать. В отличие от рекламы товаров и услуг, которая организуется и планируется сознательно с заранее известной целью, процесс, о котором я говорю, скорее интуитивный, как поиск прибыли на рынке. Более того, в отличие от предприятия, которое едино в своих целях, в рамках этого процесса идет борьба за внима-

ние публики между разными подразделениями государства, группировками окологосударственных паразитов, и все это осложняется еще и активным участием прогрессивной общественности. Конечно, наверняка «во власти» есть люди, которые понимают этот механизм и используют его, но их очень и очень немного, вся «работа» делается на совпадении интересов, на неосознанном поиске того, что может «прокатить» у публики в качестве очередной пугалки и того, кто и как может ее использовать.

Это означает простую вещь, а именно, неконтролируемость этого процесса, который во многом схож с рыночным. Простой аналогией являются, например, СМИ, которые всегда продают вам плохие новости. Хорошие новости обычно представляют собой репортажи о неких курьезах и мимимишных моментах жизни под соусом «расслабьтесь, не все еще так плохо, как могло бы быть». СМИ поступают так потому, что страх — это самый простой и эффективный способ привлечь к себе внимание. Правда, СМИ можно заподозрить в осознанном манипулировании (хотя, по опыту, там все-таки преобладает интуиция и инстинкты, но люди, не имевшие дело со СМИ, в это не верят). Однако, фейсбучную ленту в этом заподозрить невозможно. В критические моменты лента Фейсбука превращается в настоящее министерство паники, и, для нашей темы важно то, что оно организовывается стихийно самими людьми. Люди сами тащат в клювиках в ленту то, что их пугает боль-

ше всего, спрос на Фейсбук растет, а Цукерберг этот спрос монетизирует.

Государство действует точно так же стихийно. Оно улавливает настроения и страхи, и конвертирует их в рост своих полномочий. Тут, правда, нет одного-единственного Цукерберга, который выигрывает от этого, кое-какие группировки могут и локально проиграть, но «государство в целом», как казино, всегда в выигрыше.

Однако, если учесть тот фактор, о котором мы говорили, а именно, что украинцев все труднее запугать, и что для этого нужны все более устрашающие пугалки, нетрудно предположить, что рано или поздно пугалка может закончиться вполне реальной катастрофой. Может наступить тот момент, который всегда так удивляет историков в описании революций и падения империй, когда вроде бы понятно, что нужно делать для спасения ситуации, но почему-то этого никто не делает, а инерция событий несет всех к неминуемому краху.

Самое важное, что с этим можно бороться, если помнить о том, что целью пугалок всегда является продажа вам очередного расширения власти государства. Простой способ оценить пугалку— переводить «общую пользу», от имени которой якобы выступает государство, в пользу персональную. Например, если вам предлагают ввиду эпидемии гриппа «закрепить» низкие цены на лекарства и у вас хватает ума сообра-

зить, что в условиях повышенного спроса это приведет к дефициту, а то и к исчезновению такого лекарства из продажи, то ваш ответ на пугалку должен быть крайне негативным. Ведь неважно, сколько стоит лекарство, если его нет. Не мешает также помнить о том, что те, кто «раскручивает маховики», сеет панику, устраивает провокации и т.п., не контролируют и не могут контролировать процессы, которые могут начаться с их подачи. Поджигатель не всегда может остановить начатый им пожар. И, наконец, третье. Крайне опасно думать, что «в интересах государства» мир, спокойствие и благополучие. Интерес государства состоит в существовании государства, то есть, системы, позволяющей одним людям на «законных основаниях» присваивать собственность других людей. И этот интерес не только не отрицает, а, напротив, предполагает конфликты, войны и социальные потрясения. 2014

5.4.8. Об обреченности на реформы

У украинских либералов одно время был популярен тезис об «обреченности на реформы». Он заключается в том, что обстоятельства, в которых действует государство, способны «объективно» заставить это государство проводить реформы. Тезис этот появился еще при Кучме и был довольно популярным, до, как мне кажется, сегодняшнего момента.

Собственно, «обреченность на реформы» — это плод такого себе исторического анализа. Вот, была

Германия, которая лежала в руинах после Второй мировой войны. И тут появился Эрхард, который провел успешные реформы. Была еще Польща со своим Бальцеровичем, а еще были Тетчер в Британии и Рейган в США. В общем, вырисовывалась такая картина: если дела в государстве идут плохо, то, после прохождения им некой черты, объективно появляется потребность в реформах, которая и воплощается, как правило, в виде фигуры героического реформатора. Саакашвили в этом смысле стал эталонным примером.

Так вот, начиная с Кучмы и, особенно, с его «второго срока», либералы постоянно задавали себе и друг другу вопрос — не пройдена ли уже та черта, после которой государство становится «объективно обреченным» на реформы? Ведь даже «второй Кучма» казался невозможным, немыслимым откатом в прошлое, а дальше становилось только хуже. Ющенко, по общему мнению, ничего не делал, мало того, он допустил премьерство Януковича и Тимошенко (два раза), которые продолжали радостно регулировать все, что попадало в их поле зрения. Затем пришел черед Сами-Знаете-Кого и его верного Азарова, политика которого на посту главного мытаря еще во времена Кучмы заслужила названия «азаровщины».

И каждый раз, при очередных неутешительных макроэкономических сводках с полей, либералы считали, что вот-вот, теперь-то «они» будут просто вынуждены проводить реформы потому, что дальше нельзя. И всегда оказывалось, что дальше можно.

Вот и Петр Алекссевич подтвердил этот вывод в своем указе о создании специального органа по проведению реформ. Условия, как мы понимаем, для таких реформ самые, что ни на есть, подходящие. Война, разруха и так далее. Дальше вроде некуда тянуть. Но Петр Алексеевич своим указом ясно дает нам понять, что тянуть всегда есть куда. И что тянуть будут, несмотря ни на что.

Любому, кто хоть немного знаком с логикой действия бюрократии, достаточно взглянуть на текст указа, для того, чтобы сразу согласиться со мной. Для «реформ» не нужен никакой специальный орган, особенно такой, куда входит все государственное начальство. Нет, конечно, когда напишут все полагающиеся этим указом положения и правила и согласуют кандидатуры, новый государственный орган обязательно что-нибудь примет. Но вот только к «реформам» это отношения иметь не будет.

Почему так происходит? Ведь, казалось бы, у «них» должен быть инстинкт самосохранения, «они» должны понимать, что реформы выгодны и полезны им самим, а без реформ «им» конец, и как там было про курицу и золотые яйца? **Уверяю вас, с инстинктом самосохранения у системы все нормально. Просто угрозы, по поводу которых срабатывает этот инстинкт, находятся не там, где мы привыкли их располагать**. Системе не вредят войны и революции, напротив, они ее только укрепляют. Угроза же находится в самодеятельности граждан, в их экономиче-

ской и политической независимости от государства. И наше государство прекрасно справляется с этими угрозами. Наиболее яркими примерами здесь являются многочисленные истории, связанные с противодействием деятельности добровольческих подразделений и снабжению армии гражданами. Прекрасная идея обложить налогом деятельность гражданских активистов, покупающих на свои деньги снаряжение, это, как сейчас говорят, просто вишенка на торте.

Ну и, конечно, исторический анализ — это непригодный инструмент для каких-то строгих выводов. Ведь когда начинаешь интересоваться вопросом, то выясняется, что случаев, когда государства, благополучно миновав все возможные «красные линии», впадали в состояние загнивания и распада, будет куда побольше, чем случаев удачных реформ. Реформы, которые проводит государство, это, скорее, случайность, чем закономерность.

В конце концов, что такое «реформы»? Всегда и везде, когда вы слышите об «успешных реформах», их содержание состоит в уменьшении влияния государства на вашу жизнь, освобождение человеческой энергии, которая единственная и создает то, что экономисты называют «богатством». Нужна ли для этой деятельности государственная воля? Наш с вами опыт ясно говорит о том, что не нужна. Я утверждаю, что Украина пережила «успешные реформы», которые проводились явочным порядкомв начале 90-х. Явочный порядок состоял в том, что люди и предприятия взаимодействова-

ли друг с другом, не дожидаясь приказов начальства, игнорируя то законодательство, которое можно было безопасно игнорировать, и именно эти реформы и позволили нам выжить. Примерно к 96-му ситуация стабилизировалась, а где-то в 98-м начался рост. Этот рост происходил в «теневом» секторе, это нетрудно понять, если заглянуть в статистику того времени и удивиться количеству успешно функционирующих «убыточных» предприятий.

Когда государство пришло в себя, оно начало все больше интересоваться деятельностью людей, и пик этих усилий пришелся на Януковича. Сейчас все ждут от государства послаблений, но у него нет никаких причин идти на послабления, и то, что делает «новая» власть, ясно подтверждает это — политика Януковича-Азарова продолжается, и никакая война ей не помеха.

Но самое интересное, что «обреченность на реформы» действительно существует. В разбомбленном Киеве люди не будут регистрировать предприятия для того, чтобы поменять еду на воду. И налогов они никаких платить не будут. Они будут «явочными реформаторами», потому, что иначе им не выжить.

Вся проблема «реформ» существует только в голове. И не в голове Порошенко, а в голове обычного украинца. Чем быстрее украинцы перестанут ждать от государства «правильных» законов, чем быстрее они перестанут грустить по поводу бюджета, который распределяется «не туда», чем быстрее они научатся дей-

ствовать сами, без приказа и чем быстрее они поймут, что законна любая добровольная сделка, тем быстрее
2014 мы будем «обречены на реформы». Иначе никак.

5.4.9. И ты прав, и ты прав или Конец политической аналитики

О новых Минских соглашениях, думаю, вы все уже прочитали, и, как водится, сделали выводы. Поэтому, о них я писать не буду. Я немного напишу о вещах, как мне кажется, более важных. Обсуждение минских соглашений, да и весь этот конфликт в целом ясно показывает одно — не существует (или давайте для самоуспокоения напишем «больше не существует») никаких аналитических инструментов не только для прогнозирования, но и для предметной дискуссии вокруг того, что называется «политикой».

Просто попробуйте непредвзято прочитать любой текст на тему войны и прогнозов по ее поводу, имея в виду мой тезис. Вы увидите, что большинство из них внутренне логичны. Читаем «всепропальцев» типа Илларионова — все сходится, все правильно. Читаем «шапкозакидальцев» типа дуэта Рабинович — Арестович — тоже все верно и логично. Где же правда, кому верить? Мне скажут, но есть же серьезная аналитика, мол, целые институты сидят. Сидят. Эта «серьезная аналитика» отличается от текстов вышеназванных авторов только наукообразной лексикой, а так там все то же самое. Не верите — поищите, почитайте.

Думаю, что меня лучше поймут те, кто интересовался анализом в экономике, причем, не в макроэкономике, где наблюдаются те же болезни беспредметности, а анализом деятельности предприятий. Прогнозы тут тоже могут быть разными и даже противоположными, но не может быть такого, что верны оба прогноза одновременно. Если анализ показывает разные результаты — то, очевидно, что в одном из них есть ошибка или в методике, или в фактическом материале, используемом для анализа. Прогнозы не могут радикально расходиться на качественном уровне, а именно это мы постоянно наблюдаем на рынке политического анализа.

О чем это говорит? Это говорит о том, что огромное количество народа сидело на грантах и зарплате, писало доклады, давало интервью и делало умный вид, но как только дело дошло до чего-то серьезного, оказалось, что вся эта публика ни к чему не пригодна. И дело тут не в том, что они плохие люди или плохие специалисты, дело в том, что они специалисты в науке без предмета. Они изучают и анализируют ничто. В микроэкономике мы анализируем деятельность субъекта, цель которого, как правило, состоит в получении прибыли. Мы можем сколько угодно ошибаться в своем понимании того, как эта прибыль может быть получена, но это будут только наши ошибки, они ничего не говорят о самой возможности такого анализа. В политологии же, особенно в ее «геополитической» части, (и, конечно, в макроэкономике, но не будем здесь о грустном), речь идет ни о чем. Там действуют «го-

сударства», «страны», в лучшем случае, «элиты». То есть, не действует никто, ибо в природе таких субъектов не существует.

Я легко докажу, что любое развитие любых событий «выгодно» или «невыгодно» с точки зрения «национальной безопасности» любой страны. И это не потому, что я такой хитрый или продажный, а потому, что не существует никакой «национальной безопасности». Нет такого субъекта, как «нация», соответственно, нет никакой национальной безопасности, национальных интересов и прочей мишуры. Совсем другое дело, если мы понимаем, что обычно «национальные интересы» — это даже не интересы пресловутого большинства (если вдруг допустить возможность их агрегирования), а интересы конкретных правящих групп. Тут анализ уже становится возможным. Но возникает другая беда — отсутствие соответствующей терминологии, лексики и, в целом, аналитического аппарата. В подавляющем большинстве случаев, все это «заточено» под несуществующие субъекты в виде «государств» или «наций».

Прогнозировать можно только там, где есть люди, их деятельность и мотивация. Например, те же санкции. Если люди связывают ухудшение своей жизни с властью, то она теряет легитимность. Теряет она легитимность и в том случае, если люди не связывают ухудшение с властью напрямую, поскольку они все равно вынуждены больше заниматься собой и им некогда любить Родину, а без любви, как показывает опыт

СССР, Родина дохнет. Это, конечно «публицистическое» утверждение, но его можно оформить и в наукообразном виде, в данном случае, я о том, что там, где есть люди, может быть и анализ. А вот с субъектами «Украина» или «Россия» анализа быть не может. Могут быть догадки (в том числе и верные), предвидения и откровения, но не анализ и прогноз.

Думаю, одна из причин, по которой мы так устали от происходящего — это поиск возможности понять и интерпретировать происходящее на смысловом поле, совершенно не приспособленном для этого. Это поле, так сказать, из мирного времени, оно порождено трудами на ниве государственных грантов и приятного времяпровождения на кофе-брейках круглых столов. В нем нет ничего, что помогло бы нам разобраться в происходящем. 2015

5.4.10. Антибюрократический интернационал или 1:0 в пользу системы

Во всей этой нашей истории с майданами и войнами есть один момент, который не дает мне покоя. Этот момент связан с тем, как видятся украинские события за рубежом. Причем, видятся не столько простыми обывателями, сколько активными людьми, которые будут определять будущее. Этот взгляд, как мне кажется, сильно мешает событиям развиваться в благоприятном для всех русле.

Здесь все очень просто. Нормальный, живой европейский человек не будет стоять на морозе за Евросоюз. Это все равно, что украинцу стоять за начальника ЖЭКа, налогового полицейского или гаишника. Нормальный, живой и активный человек не пожелает себе Евросоюза потому, что он там живет и в курсе дела. Поэтому, если кто-то где-то стоит, да еще и дерется на площади за Евросоюз, то он либо слаб умом, либо кем-то организован. Поэтому нормальный и живой европейский человек легко поверит в «боевиков» и «тренировочные лагеря в Литве». Он не уверен, как там насчет Путина, но твердо знает, что «свои» бюрократы — те еще сукины дети. Да, Путин гад, конечно, но и эти украинцы — те еще подарки, раз в друзьях и защитниках у них ходят Меркели и Олланды. И вообще, все это — бюрократические игры, которые его лично никак не касаются.

Нормальные живые европейцы, которые будут определять будущее Европы, никак не связывают его с украинскими событиями, поскольку они им видятся частью «большой шахматной игры» между бюрократами. Они видят, что Украина «хочет в Евросоюз», а в будущем этих людей нет евросоюзов.

Между тем, Майдан был самым что ни на есть «анархо-капиталистическим» сообществом. То есть, на нем была публика того же сорта, которая в Европе не любит Евросоюз — предприниматели, «самозанятые» и т.п. Другое дело, что, как это часто бывает, люди делали одно, а называли это по-другому.

Как «дикарские» девушки из моего любимого примера, полагающие, что беременность наступает от прогулки под священным деревом. Вне зависимости от своих представлений о роли дерева, девушки делали то, от чего на самом деле наступает беременность. Так и здесь. Независимо от искренности, с которой люди на Майдане кричали про «европейскую перспективу» или про «смерть пирогам», (вещи несовместимые, что уже должно настораживать), дело делалось там совсем другое — дело антибюрократическое и антигосударственное. То есть, дело, близкое, нужное и важное для живого и нормального европейского человека, дело, с которым он связывает будущее.

То же самое с американцами. Рон Пол в своем «институте мира» повторяет путинскую пропаганду. На сайте Лю Рокуэлла донбасские гопники называются «freedom fighters». Они то, конечно, fighters, но уж точно не freedom. А все потому, что главный враг Рокуэлла и прочих сидит в Вашингтоне и это — американский истеблишмент. Соответственно, все, кто против этого истеблишмента, автоматически рассматриваются, как союзники разной степени полезности. И для того, чтобы такой подход существовал, не надо даже никаких газпромовских денег. Никто не будет из своего теплого американского кабинета разбираться в подробностях жизни всяких украин, в дела которых «сует нос дядя Сэм». Их слишком много в мире, этих украин. Тем более, когда с самой Украины никаких сигналов о происходящем не поступает. В итоге эта публика не догады-

вается даже о том, что прозевала вполне себе либертарианский «ивент», и что сейчас она сейчас фактически помогает тем, кто хочет, чтобы дело не пошло дальше.

Все это очень грустно, поскольку «бюрократический интернационал» действительно существует. Интересы бюрократии универсальны во всем мире и именно это делает ее «интернационалом» и приводит к тому, что «ворон ворону глаз не выклюет». Не нужно бюрократам создавать никаких организаций для того, чтобы действовать так, как будто они входят в какую-то тайную ложу. Общий интерес — самый сильный организатор. Ну, а «антибюрократы» воюют только со своим местным начальством. И до тех, пока это так, они
2014 будут проигрывать.

5.4.11. Война всех против всех или Должна ли налоговая платить налоги?

Томас Гоббс когда-то придумал теорию, которая потом очень пригодилась разного рода государственникам. Это теория происхождения государства из «войны всех против всех». Дескать, ходили себе люди как дураки и лупили друг друга по голове. А потом завелось государство и навело в этом деле порядок, и теперь только оно может лупить по голове, а остальным нельзя. После этого настало хорошо.

Сейчас эта теория в модифицированном виде используется институционализмом с его «стационарным бандитом». Люди, считают институционалисты, добровольно выбирают «стационарного бандита», поскольку он предсказуем и вынужден о них заботиться, в отличие от «кочевого бандита», который прибежал, пограбил и убежал.

Нужно сказать, что у Томаса Гоббса была непростая жизнь. Он жил в «эпоху перемен», гражданских войн и репрессий. В какой-то степени, его тягу к «порядку» и твердой руке можно понять. Что же до институционалистов, то они сами признают, что вопрос «откуда же тогда взялся стационарный бандит» ставит их в тупик. Но, тем не менее, идея войны всех против всех, которая предшествовала государству и немедленно наступит, если вдруг, оно, не дай Боже, подохнет, является на сегодня одной из самых популярных.

Между тем, если присмотреться внимательно, то нетрудно обнаружить, что дело обстоит прямо противоположным образом. Мы живем в эпоху войны всех против всех. И государство как раз и является источником этого удовольствия.

Однажды я ехал с моим другом в такси и рассказывал ему о том, как начальник Киева Попов в очередной раз пытается лишить киевлян дешевого такси (в тот момент милиционеры напали на сервера перевозчиков). Каково же было мое удивление, когда наш водитель вступился за киевского начальника. Его ар-

гумент состоял в том, что он заплатил за лицензию, а всякие там разные ездят себе без лицензий. Поэтому их надо запретить. То есть, человеку и в голову не приходит, что если покупатели не находят разницы в том, является ли водитель такси счастливым обладателем лицензии или нет, то это и есть единственно возможное нормальное состояние дел. Ибо такси существует не для лицензии, а для перевозки пассажиров, потребители платят таксисту за доставку из пункта А в пункт Б, а не за наличие лицензии.

Такие примеры вы найдете на каждом шагу. Но показательней всего налогообложение, а именно, тот факт, что люди, получающие свои доходы из бюджета, тем не менее, платят налоги. Платят налоги и бюджетные организации. Думаю, что налоговая администрация, или как она там сейчас называется, тоже платит налоги. Я бы брал с нее еще и налог на прибыль, но это уже детали, важен сам факт явного наличия абсурда. То, что мы его не замечаем в силу привычки, не отменяет абсурдности происходящего.

Почему этот абсурд существует, причем существует повсеместно, а не только в богоспасаемой Украине? Существует он как раз по причине организации войны всех против всех. Государства не могут допустить четкой идентификации, например, доноров и реципиентов государственного бюджета. Для них важно, чтобы все мы были немного донорами и немного реципиентами одновременно. Поскольку каждый надеется быть меньше донором и побольше реципиентом, то он

бдительно следит, чтобы другому досталось меньше, а себе — больше и радостно помогает государству пресекать, тащить и не пущать. Те же лицензии, не создающие никаких конкурентных преимуществ (то есть, не приводящие к пользе для потребителей, за которую бы они согласились платить) заставляют владельцев лицензий вместе с государством бороться с «теневиками» и так далее.

В итоге, каждый из нас всегда является немного жертвой и немного агрессором. В Украине, да и в других местах, социальный конфликт существует не между «богатыми» и «бедными» и уж тем более не между «властью» и «народом». Он существует между всеми членами общества за право залезть другому в карман и в личную жизнь. И если это не война всех против всех, то я тогда не знаю, как это еще называется. 2012

5.4.12. Ради блага народного или ловушка эгоизма

Недавно в «Фейсбуке» увидел выражение «тяжело бороться за счастье народа против его воли». Сразу вспомнился «Амаркорд» и место, где один итальянский фашист сетует другому итальянскому фашисту: «они не понимают, что это все для их же блага!». Это место в свое время заставило меня сильно задуматься. Тогда на дворе бушевала перестройка и гласность, и все вокруг боролись за народное дело. Мой вопрос состоял в том, где проходит грань между «непра-

вильным» вмешательством, олицетворяемым феллиниевскими фашистами (и, как выяснилось тогда, и советскими коммунистами) и «правильным» вмешательством честных, бескорыстных и даже где-то либеральных доброхотов.

Теперь я твердо знаю, что в политической жизни этой грани не существует. Нацисты, фашисты, коммунисты, феминисты, борцы с курением и ожирением, борцы за мову и культуру, протекционисты, «зеленые» и все без исключения партии совершенно одинаковы в главной своей сути. Все эти люди борются за ваше счастье против вашей воли.

И вот, что интересно. Я отнюдь не против доброхотства и даже не против энтузиастов-общественников. Более того, я категорически «за». Боритесь за права женщин, против прав мужчин, охраняйте китов и негров, разучивайте «Хорста Весселя» и ходите строем, но пожалуйста, при двух условиях — **добровольно и за свой счет**. Убеждайте нас, что курить вредно, что женщины лучше, чем мужчины и так далее и тому подобное. Если вы будете убедительны, я может быть, примкну к вашему движению или пожертвую на него деньги. Сам. Лично. Добровольно.

Но когда вы выносите все эти идеи в политическую плоскость, выходите с этим на выборы все радикально меняется и вы все становитесь фашистами, даже если не задумываетесь над этим. Ведь «выйти на выборы» означает как раз отказаться от убеждения, от добро-

вольности и согласия других людей с тем поведением, которое вы считаете правильным. Ведь цель выборов — получить доступ к машине принуждения, которая **заставит** других поступать так, как вы хотите. Содержание политической риторики здесь уже не имеет значения. В этом смысле глубокомысленные «экономические» рассуждения о том, как нам организовать «индустриальную политику» или правильно использовать «экспортный потенциал» ничем не отличаются от экзальтированных лозунгов типа «каждой бабе — по мужику». И то, и другое предполагает насилие одних людей над другими людьми вместо добровольного присоединения к той или иной практике.

Ну, а тогда, спросят меня, с чем же выходить на выборы? Вот это действительно правильный вопрос. Демократическое государство — это такая ловушка эгоизма. Ведь борцы за народное дело, которые пытаются избираться на выборах или в виде «общественных организаций» требуют от государства принятия разных «правильных» законов, на самом деле, играют на самом злостном и примитивном эгоизме. Выборы, политическая жизнь и государство в целом — это такой универсальный ответ на вопрос «как заставить людей делать то, что я хочу, не прилагая при этом усилий». Все знают, как. Нужно просто принять правильный закон. Единственное неудобство только в том, что у всех разное мнение по поводу того, какой закон правильный, и этот, так сказать, «спор» и составляет содержание «политической борьбы». Кажущаяся простота ре-

шения вопроса «как сделать других людей удобными для меня» мобилизует человеческий эгоизм и вновь и вновь направляет его на выборы. Ведь в самом деле, если выборы определяют, кто будет управлять машиной принуждения, то «выходить на выборы» можно только с идеями о том, как принудить кого-то делать что-то. Воистину, гениальная схема. Если задуматься о способе самосохранения машины принуждения, то трудно
2012 придумать что-то более эффективное.

5.4.13. Ватники и МАФы

Для автора этих строк МАФ — это такой экономический «ребенок». Открыл ларек, затем магазинчик, затем магазин, затем торговый центр или еще какой-то серьезный бизнес — это довольно типичная для Киева история человека, приносящего пользу окружающим, и начинается эта история с «ребенка», то есть с МАФа. Поэтому бодрые репортажи о демонтированных киосках для меня выглядят как репортажи о массовом убийстве детей, в которых смакуются разные кровавые подробности.

Но, скажут мне, это твои непонятные нам эмоции. А что ты можешь сказать по существу? Чем плох демонтаж некрасивых и загораживающих проход киосков? По существу можно сказать две вещи. Первая и очевидная — это то обстоятельство, что «МАФ», понимаемый, как свобода торговли — это необходимый элемент экономического роста, особенно в такой бедной

стране, как Украина. Без этой свободы здесь ничего не будет. Второй момент, на котором я остановлюсь подробнее, состоит в том, что борьба с МАФами есть очень тревожный симптом опасной болезни.

Речь пойдет здесь вот о чем. Каждый из нас, безусловно, есть «источник права» для своей собственности. В своем доме вы — закон и никто вам тут не указ. Поэтому, скажем, борьба с МАФами или «незаконной торговлей» или «незаконной рекламой» в вашей квартире, на вашей (принадлежащей вам) улице, или в вашей реке, или в вашем лесу — законное и святое дело, такое же, как и разрешение существовать этим самым МАФам или торговле, за деньги или просто так. Кто хозяин — тот и устанавливает правила.

В случае города, хозяином (то есть, тем, кто устанавливает правила и отдает приказы) является чиновник. То, что он действует от имени мифической «громады», ровным счетом ничего здесь не меняет, как не меняет божье помазание единовластной сути короля. И, разумеется, чиновник вправе разрешать или не разрешать МАФы, ставить их и сносить. Здесь нет никакой проблемы, люди, вроде меня, могут сетовать на то, что снос МАФов неразумен, так как без малого бизнеса нет экономического роста и так далее, но гнева и особого возмущения само по себе это обстоятельство не вызывает. Ну, подумаешь, ну идиоты. Все, как обычно. Пока улицами владеют чиновники, они остаются в своем праве, как бы мы ни оценивали их деятельность.

Возмущение, гнев и желание взять рушницю вызывает радостное повизгивание и поскуливание прогрессивной общественности, которое сопровождает эту кипучую чиновничью деятельность. Именно это обстоятельство является симптомом опасной болезни. И это не обычный идиотизм людей, которые не догадываются, что их просто используют в интересах тех же чиновников и связанного с ними «бизнеса». Это гораздо хуже. Болезнь, о которой я говорю, можно назвать «синдромом принуждения к равенству». Это когда все должны быть такими, как я. И если у меня нет киоска, то и у тебя быть не должно. И если появится возможность лишить тебя киоска, то я сделаю все, чтобы ты остался без него, потому, что ты мне не нравишься. А не нравишься потому, что ты не такой, как я.

Эта болезнь — результат долгой селекции, которую проводит государство. Для государства единообразие во всем — это очень удобно. Это, фактически, залог успеха. Это управляемость и предсказуемость, «учет и контроль». Не случайно, чем государственнее государство, тем больше усилий оно прикладывает для достижения единообразия в идеях, мыслях, поведении, вкусах, одежде и так далее. Тоталитарные супергосударства — прекрасный этому пример.

Общество противоположно государству. Общество основано на неравенстве. Чем больше разнообразия, чем больше разброс оценок, чем больше спектр целей и средств для их достижения, тем общество богаче и жизнь в нем ярче и интереснее. Двум одинаковым

людям нечем обмениваться, они ничего не могут сделать друг для друга. Только разница в оценках, целях и средствах приводит в действие то, что мы называем «экономикой». Если все вокруг будут такими, как ты, то есть, будут всегда стремиться к одним и тем же целям одними и теми же средствами, то общество из таких «ты» просто вымрет. Общество, состоящее из одинаковых людей, нежизнеспособно.

Поэтому война, голод и нищета, которые всегда сопутствуют тоталитаризму, есть не просто спутники единообразия, они есть прямое его следствие.

И самое грустное здесь то, что тоталитарные государства разваливаются, а тоталитарное сознание с приобретенным «синдромом принуждения к равенству» остается. Государство всегда отыскивает носителей такого сознания и использует их в своих целях. Что из этого получается, мы видим в России. Многим и многим русским не по душе чужая инаковость и они являются средой, подпитывающей агрессивной российское государство. Мы называем этих людей «ватниками». Но, как видим, они живут не только в России. 2015

5.4.14. О чем говорит «презумпция правоты полицейского»

Новость о том, что ГАИ будет действовать в рамках «презумпции правоты полицейского» взбудоражила прогрессивную и не очень общественность. Обще-

ственность негодует, ей не нравится, что «мент всегда прав». Общественность собирается с этим бороться и обсуждает, как это лучше сделать. Это все правильно и хорошо, а мы в этой колонке поговорим немного о другом, а именно, о том, что открывает нам эта история в бытии «государства и права».

Давайте представим ситуацию такой, какой она должна быть в свободном обществе. Вот частная дорога, на которой действуют правила ее владельца. За их соблюдением следит (или не следит) некая частная же контора. Разумеется, в случае претензий к водителю, представитель этой службы «всегда прав», поскольку он представляет интересы хозяина, а дорога-то его. Спорить водителю тут особенно не о чем, это все равно, что придя к вам домой, кто-то начал бы спорить, скажем, с вашим запретом курить у вас дома. В принципе, хозяин дороги может установить любые правила, вплоть до обязательной езды на одном колесе. Что ограничивает волюнтаризм хозяина дороги? То простое обстоятельство, что он зарабатывает деньги тогда, когда люди едут по его дороге, а не наоборот. То есть, этот человек понимает, что правила, которые он установит, должны служить цели его заработка, а именно — удобству и безопасности водителей. Само по себе это обстоятельство уже сильно меняет взаимоотношения между водителями и частной полицией, следящей за тем, чтобы правила владельца соблюдались. Например, «штраф», как мера наказания в этой систе-

ме выглядит странно. Разнообразных лихачей проще и полезнее для всех фиксировать и не пускать на дороги.

Но, мы несколько отвлеклись от темы. Допустим, все-таки, возник конфликт. Водитель на частной дороге не согласен с требованием частной полиции. В нашей аналогии с курением, — я пришел к вам домой, начал у вас курить, вы мне запретили, я начал протестовать, вы меня побили, а я утверждаю, что я вообще не курил. Где в этой истории у нас возникает презумпция невиновности? Правильно, в суде. До того момента, пока кто-то из нас не пойдет в суд никакой презумпции просто не существует. Она появляется только как принцип разрешения конфликта третьей независимой стороной (судьей) и означает, что ответчик считается невиновным до того момента, пока не будет доказана его вина. Это просто и очевидно, без этого принципа право невозможно, как очевидно и то, что никто не пойдет в суд, который не придерживается этого принципа.

Так выглядит история с водителем и полицейским в свободном обществе, то есть, там, где нет никаких посторонних воздействий в виде государства, и право существует и действует в неискаженном виде. Думаю, все заметили очевидную разницу с нашей ситуацией, а именно, то обстоятельство, что о презумпции невиновности у нас говорят на стадии возникновения конфликта между водителем и полицией, а не на стадии суда. Почему это так? Откуда она там вообще берется?

Возникает она там потому, что государство постоянно пытается предстать перед нами в роли третей стороны. Вспомните, что вы обычно слышите, когда вам объясняют пользу, необходимость и неизбежность государства? Правильно, историю о «третьей стороне», которая должна решать вопросы, выносить окончательные вердикты, обладать монополией на принуждение и так далее.

Так вот, история с полицейским и водителем — это история, в которой полицейский — третья сторона, который как бы не сам от себя стоит, а от неких сферических в вакууме «правил дорожного движения». В ней спрятано то обстоятельство, что государство является собственником дороги и «правила дорожного движения» тоже его. И суды его, и законы. Но пока оно говорит о «презумпции невиновности», оно тут как бы не при чем, а всего лишь «третья сторона».

Однако, сама специфика отношений на дороге такова, что делает разговоры о «презумпции невиновности» бессмысленными. Мент поймал водителя, и дальше начинается словесный поединок, мастерство в котором и определяет победителя конфликта. Чтобы больше этого не было, государство хочет отказаться в этих вопросах от «презумпции невиновности», которая там якобы существовала. Широкая публика возмущается, поскольку понимает, что это полностью развяжет руки и без того бесконтрольной милиции. Но проблема тут в бесконтрольности и безальтернативности государства, которое владеет всеми дорогами, всеми

правилами и всеми судами. Аваков рассказывает нам о том, что «презумпция невиновности не действует в административном праве», но на самом деле, в остальных местах она действует просто по недосмотру начальства или, скорее, по той причине, что государству пока что не нужно ее отменять. Когда ему будет нужно, оно легко отменит всякие там презумпции, как это было в свое время в СССР или в Китае.

Поэтому, ситуация конкретно в нашей истории следующая. Государство просто избавляется от некоего словесного прикрытия там, где оно ему мешает. Мы же должны обратить здесь внимание на то, что в ситуации, когда государство владеет всеми дорогами, всеми правилами, всей полицией, всеми судами, а в некоторых ситуациях и всеми нами, нельзя всерьез говорить о каких-то презумпциях, праве и правосудии. И, конечно же, прежде всего, нельзя рассматривать государство, как «третью сторону». Увы, в нашей жизни есть только «мы» и «они». 2015

5.4.15. Это просто праздник какой-то

История с попыткой правительства Кипра избежать дефолта, обложив налогом банковские депозиты — это просто классическая иллюстрация нашей жизни «под управлением» такой конторы, как государство, иллюстрация того, как обычно развиваются события и что по этому поводу думают (и предпринимают) люди.

Вот правительство Кипра. Оно набрало долгов и теперь не может с ними расплатиться. Это, так сказать, первоисточник проблемы. Зачем ему долги? Затем, чтобы финансировать свою деятельность. Почему оно должно заниматься именно этой деятельностью? Да потому, что оно само так решило. Кто бы платил за эти долги, не будь дефолта? Очевидно, налогоплательщик. Кто будет платить за новые долги, если правительство «примет помощь» у Евросоюза или России? Опять налогоплательщик. Он будет платить в случае любого решения проблемы — повышения налогов, конфискации, национализации — чего угодно. Разные способы закрытия финансовых дыр отличаются просто разными акцентами. В одном случае, больше будут платить рыжие, в другом — обладатели длинных носов, но в любом случае, это будут граждане, не чиновники.

То есть, правительство создает себе фронт работ, берет на него деньги, не справляется, снова берет … и за все это удовольствие всегда платят граждане. Худшее, что ждет правительство — это отставка и, ай-ай-ай, может быть кто-то даже поплатится своей политической карьерой. Но, внимание! Отставка касается только выборных лиц. Но они составляют ничтожную часть правительства и государства в целом. Вся остальная чиновничья братия останется на местах. А ведь именно эти люди и производят тот совокупный «государственный интерес», который и реализуется в поиске нового «фронта работ». То есть, чем это все закон-

чится? А вот чем: вы заплатите за решение наших проблем и мы продолжим в том же духе.

Идем дальше. Несмотря на то, что введение «депозитного налога» вроде бы замяли, банковский сектор Кипра парализован. Почему? Потому что люди, напуганные перспективами нового налога, стремятся забрать свои деньги из банков. Ну и что, пусть забирают, это же их деньги? Но беда в том, что денег-то нет. Деньги банк выдал третьим лицам в кредит и в случае паники он просто не может вернуть вкладчикам их собственность, их деньги, так как изъятия в такой ситуации превышают «среднестатистические», которые банк может покрывать, перекладывая из одного кармана в другой. Почему же государство не наказывает банки, ведь это воровство? Так и есть, но это узаконенное воровство, которое называется «частичное резервирование». Никому нельзя воровать, но банкам — можно. Такое воровство позволяет государству создать систему денежной монополии с центральным банком во главе, и в самом буквальном смысле производить деньги из воздуха. Без «частичного резервирования» такая система просто невозможна.

Ну и, наконец, самое прекрасное. Государство все время с чем-то борется, все запрещает и все регулирует. Люди называют это «маразмом», но терпят, так как им объясняют, что по-другому нельзя. Но вот, что интересно, маразм этот существует только для нас с вами. Для государства нет никакого маразма. Вот, например, российский президент Медведев прямо признает,

что на Кипре заблокированы счета государственных структур РФ. Не олигархов проклятых, нет, государства. Почему люди держат счета на Кипре? Потому что не хотят держать их в России (Украине и т.п.), поскольку там существует масса факторов, (то есть, маразм) делающих это невыгодным. И что же государство? Оно тоже работает через Кипр! Оно в курсе производимого им на родине маразма и оно считает, что ему лучше работать вдали от него. Маразм — для нас с вами.

Подводим итоги. Государство для обеспечения им же придуманного фронта работ берет деньги взаймы. И фронт работ, и займы оплачивают налогоплательщики. Когда в этом процессе возникнут проблемы, налогоплательщики заплатят еще больше. Например, у них отберут часть их собственности в виде налога на банковские депозиты. А если они захотят забрать свои деньги, им не отдадут, потому, что денег этих банально нет. А нет их потому, что так устроена государственная же система денежной монополии. И при этом, никто не предъявляет никаких претензий государству. Нет, в кипрской истории все обсуждают проклятых олигархов, у которых нужно было бы, по-хорошему, вообще все отнять. Хит сезона — картинка из якобы International Herald Tribune, на которой новый русский в шубе, стоя перед кипрским банком, произносит по телефону «Владимир, стиральная машинка поломалась!» Вот, что волнует людей. Не знаю как вы, но я считаю, что это полная и окончательная победа го-

сударства над способностью мыслить, сопоставлять и оценивать факты. Просто праздник какой-то. 2013

5.4.16. Политический смысл единого налога

Начиная с «оранжевой революции» государство борется с единым налогом. Его пытались отменить и Тимошенко, и Янукович и вот теперь дружная донецкая команда решительно взялась за дело. Мне кажется, можно выделить три причины такой неугомонности. Первая причина самая простая и очевидная. «Как это так, — ты мне заплатил, и всё? А если мне завтра опять деньги понадобятся или еще что?» Клиент государства должен быть доступен для грабежа в любое время года и в любое время суток. Государству важны не столько деньги налогоплательщиков, сколько их зависимость.

Второе обстоятельство — это, так сказать, обстоятельство настоящего времени. Предприятия (вместе с людишками, которые ходят туда на работу) есть главный предмет перераспределения в украинской версии феодализма. В классической средневековой версии — это земля с людишками, в нашей версии — предприятия. Именно предприятия переходят «под руку» того или иного какистократа в результате дворцовых интриг и смены власти, именно предприятия захватывают «рейдеры» и т.д. и т.п. Правда, ситуация отличается от средневековья, и об этом нужно сказать. В отличие от территории, которая имеет, так сказать, ограниченный запас, запас предприятий неистощим. То есть, их

можно захватывать друг у друга, бесконечно уничтожать и разорять вражеские «юридические лица». Происходит это потому, что предприятия создают не только какистократы, но и сами людишки. Они их выращивают, холят и лелеют до того момента, когда те начинают приносит прибыль. В этот момент обычно появляются люди какистократов, которые предлагают «сотрудничество», то есть, вассальную зависимость. Я, конечно, очень сильно упрощаю, часто в этом деле проявляется такая изобретательность, что, будь она применена в мирных целях, мы бы уже жили при капитализме. Так или иначе, здоровое предприятие попадает в кругооборот, становится источником дохода феодала и объектом для атак и торгов какистократов.

В общем, в нашей теме важно вот что — для того, чтобы процесс перераспределения предприятий функционировал нормально, они изначально должны находиться в неких общих нормативных рамках. «Единоналожники» выпадают из этих рамок. Они — как вольные города в средневековье. Вроде как и платят сеньору, а взять их — не возьмешь. Показательно, что в программе донецких реформ единый налог называется «льготным». Действительно, с точки зрения сеньора горожане — наглые беспринципные льготники.

Когда Кучма ввел единый налог, какистократы рассматривали его как послабление для людишек. Примерно как замену барщины оброком. Однако, «экономическая» деятельность государства привела к обеднению страны. Ведь круговорот предприятий не про-

ходит бесследно. Несмотря на то, что юридические лица могут, казалось бы, безболезненно появляться и исчезать, с экономической точки зрения деятельность по насильственному перераспределению предприятий уничтожает национальное богатство. Причина очевидна — изменения статуса и деятельности предприятий происходят не по экономическим причинам (то есть, не в зависимости от качества деятельности предприятия), а по причинам политическим. В этом случае ресурсы общества просто выбрасываются на ветер. При этом, обеднение малозаметно, как, например, загрязнение окружающей среды.

Теперь обеднение привело к тому, что людишки крайне неохотно хотят возобновлять процесс круговорота предприятий. Заметим, что донецкие, скорее всего, догадываются, что в реальности «государство» о котором они так пекутся, понесет потери от отмены единого налога. Однако, это не имеет значения, так как задача состоит не в увеличении доходов «государства».

Третья причина — это обстоятельство будущего времени. «Единоналожник» всегда может сказать государству «Я вам плачу Чего же боле?» Такое поведение недопустимо, и вот почему. Так называемый единый налог является крайне опасным прецедентом. Единый налог — это, по сути, подушный прямой налог, то есть прообраз максимально простых и прозрачных отношений человека с государством. Практика единого налога показывает, что вся та истерическая суета, которую создает государство вокруг «предприни-

мательской деятельности» и «наполнения бюджета» лишена собственного содержания. Прямые налоги решают эти же задачи без всякой суеты и сложной машинерии непрямых налогов и сопутствующей «контролирующей» деятельности. Поэтому прямой налог позволяет ставить государству вопросы. Вам нужен бюджет? А зачем? А почему столько? А как и куда вы все это будете тратить? Чем дольше существовал бы прямой единый налог, тем быстрее люди очнулись бы от морока «государственной» суеты и поняли, как обстоят дела на самом деле. Конечно, этого нельзя допустить.

Единый налог — это наша последняя зацепка для роста гражданского общества. Прогрессирующее гражданское общество может возникнуть только среди самодостаточных и ответственных людей. Такой человек не может быть «виноват» перед государством. Единоналожник куда меньше «виноват», чем все его прочие собратья по несчастью. Именно поэтому он
2010 должен быть уничтожен.

5.4.17. Что нужно знать о программе правительства

Давайте попробуем допустить, что все, что пишется в различных политических программах, имеет какой-то смысл, может быть реализовано, и может даже принести пользу. Порассуждаем, так сказать, в рамках существующей парадигмы.

В этом случае мы должны начать с того, что на выборах избиратель голосует за какие-то программы. Их там много, этих программ. Есть программы партий, а еще есть программы отдельно стоящих мажоритарных кандидатов. То есть, количество программ, занесенное народной волей в парламент, равняется 225 плюс количество прошедших партий.

Затем в парламенте образуется большинство — это несколько партийных программ плюс энное количество программ индивидуальных. Давайте поверим в то, что из вот этого всего можно составить некий усредненный документ, который бы устраивал всех участников. Те, кто имел дело с такой деятельностью, знают, что этого сделать нельзя. Но все-таки, мы же верим в экстраординарные способности избранников народа, правда? Так что давайте зажмуримся и представим, что это возможно. В результате нашего зажмуривания и титанических депутатских усилий появится «общая» программа большинства, которая называется у нас коалиционным соглашением. Вот это то, что с очень и очень большой натяжкой можно назвать «за что мы боролись на выборах».

И вот теперь на сцену выходит правительство. И выносит свою программу. Стоп, скажете вы, а как же мы, избиратели и все вот это вот? А никак. Вот Семен Семенченко с бесхитростностью неофита тоже удивляется, мол, не писали мы такого в коалиционном соглашении, что тут Яценюк нам рассказывает. Ну, а что мешает Яценюку писать в программе то, что захочет

он, а не то, что написал Семенченко? Ровным счетом ничего.

Это первый момент, который нужно понимать, когда вы слышите о программе правительства. Любого правительства, не только этого.

Однако, второй момент, который нужно знать о программах, даже интереснее и поучительнее. Состоит он в том, что никто и ничто не обязывает правительство делать то, что написано в программе и, главное — не делать того, чего в ней нет. Ограничения свободы действий правительства, которые впечатлительные французы обнаружили у англичан и назвали разделением властей, имели простую финансовую природу. «Право кармана» было у парламента и для любого действия правительству нужно было выклянчивать там деньги. Государства у англосаксов со временем избавились от этого неприятного недоразумения, а в других местах «разделение властей» всегда было просто более или менее удачной имитацией. Сегодня это такая милая традиция, вроде шотландских килтов и медвежьих шапок у королевских гвардейцев, на них любят пялиться туристы из развивающихся стран, но практического значения они больше не имеют. Так вот, если вы взглянете на нашу печальную действительность, то легко заметите в ней тот факт, что правительства никогда не обращали в своих действиях и бездействиях никакого внимания на всякого рода программы. Это правило верно по отношению ко всем правительствам во все времена. Отличается здесь только степень уважения к

нежным чувствам избирателя, проявляемая при этом. С момента, когда деньгами перестал распоряжаться парламент, ничто не останавливало и не останавливает правительства вводить новые налоги и ограничения тогда, когда оно находило это необходимым. Посему, о программе правительства нужно знать одну вещь — к реальным действиям правительства она не имеет отношения, и, следовательно, обсуждение ее в этом ключе не имеет смысла.

Разумеется, программа несет в себе некие смыслы. Собственно, они бывают двух видов — разного рода «сигналы» и смыслы демократического ритуала. В нашем случае, в программе есть сигналы иностранным спонсорам о том, что правительство якобы намерено сокращать расходы, то есть «взяться за ум». Это часть такой игры — сочтут ли спонсоры эти обещания удовлетворительными, зависит, конечно, не только от программы, но и от нее тоже. Ну, а что касается ритуала, то «невыполненные обещания» — это мотор демократии, как процесса. Без него она просто остановится. В любой стране на любых выборах вы услышите о том, что «они нас обманули». И вот для этого момента и имеет значение программа правительства, она нужна, чтобы не быть выполненной. Но тут надо понимать одну принципиально важную вещь. Когда вас бьют в подворотне, это происходит совсем не потому, что вы не дали закурить. Точно так же, когда Яценюка или любого другого начальника в любой другой стране мира начинают выкуривать из теплого кабинета, происходит

это не потому, что он не выполнил свою программу. Но программу ему при этом вспоминают, это уж обя-
2014 зательно, иначе публика перестанет ходить на шоу.

5.4.18. Является ли государство организацией

Одним из самых распространенных заблуждений является представление о государстве, как об организации, то есть, о системе (квадратики со стрелочками), которая может быть создана или изменена по желанию тех, кто ею управляет. Эти квадратики и стрелочки между ними не имеют никаких собственных интересов, считается, что цели и интересы вкладывают в них те, кто их создает или использует.

Это представление настолько распространено и обыденно, что в его ловушку регулярно попадаются даже весьма продвинутые умы. Разумеется, все это можно и нужно подробно исследовать, здесь я просто хочу обратить внимание на эту проблему.

Представление о государстве, как о системе, призванной решать именно те задачи, которые официально им провозглашены, не просто заблуждение, а заблуждение опасное. Опасность состоит в том, что такое представление заставляет вновь и вновь наступать на одни и те же грабли и не искать других путей. Ведь если государство — всего лишь система, которую мы можем менять по своему желанию, то у нас есть только

две проблемы: правильные люди в системе и правильная система, то есть, правильные квадратики и стрелочки между ними. Если государство — единая, хоть и весьма обширная, организация, то тогда наши усилия следует направлять на совершенствование доступа к системе (всех этих выборов и референдумов), чтобы привести правильных людей, и на рисование квадратиков и стрелочек.

Сила этого заблуждения такова, что она заставляет «прогрессивную общественность» заниматься правильными людьми и квадратиками со стрелочками из года в год, несмотря на то, что статистика ее усилий чуть более чем полностью описывается формулой «опять ничего не получилось». И если государство — это всего лишь организация, то, вывод, который делает прогрессивная общественность из этого факта, выглядит как «нужно больше стараться». Вот и стараются.

При этом, прогрессивная общественность обычно игнорирует опыт «развитых стран», она просто в них верит, и верит, что там хорошо. Если бы она дала себе труд ознакомиться с реальным положением дел в этих странах в области «государственного строительства», она бы с ужасом обнаружила там не только «разброд и шатания», но и до боли знакомые ситуации и тенденции. То есть, речь идет не о каких-то сугубо украинских особенностях, а о системных закономерностях.

Попробую максимально коротко показать, в чем суть проблемы.

Та или иная устойчивая структура образуется вокруг деятельности, приносящей регулярную прибыль (неважно, в чем она выражается). Например, лавка, продающая некие товары, включает продавцов, хозяина и, возможно, неких управляющих, занимающихся поставками, хранением и т.п. Говоря строго экономически, лавка — это лишь часть структуры, но нам для наших целей достаточно и обычного бытового подхода. Скажем, книжный магазин «Black books» может быть описан как «покупаем книги — продаем книги», и его, в качестве организации, нетрудно изобразить в виде нескольких квадратиков и стрелочек.

С государством все не так, поскольку оно ничего не производит и не несет издержек. Но, тем не менее, здесь структура точно так же образуется вокруг деятельности, приносящей прибыль. Прибыль эта является доходом от налогообложения в широком смысле слова, для того, чтобы ее получить, нужно расширить поводы для нового налогообложения, при этом, совсем не обязательно, чтобы деятельность, которая заявляется поводом для нового налогообложения и новых бюджетов, действительно велась. Государственная медицина не обязана вас лечить, государственное образование — учить, а государственная милиция — охранять, их существование является, прежде всего, поводом для существования соответствующих бюджетов, а деятельность их вторична. Если мы поймем это обстоятельство, то сильно продвинемся вперед в понимании

природы государства и тех проблем, с которыми мы имеем дело.

Впрочем, реальная картина гораздо сложнее. В приведенном примере еще есть намек на организацию или группу организаций, но в реальности деятельность, приносящая прибыль ведется не только в рамках неких формальных организаций (министерств и ведомств), скорее она строится вокруг, извините за жаргон, «тем», которые осваивают те или иные группы чиновников, при этом, в рамках одной формальной организации (того же министерства), могут существовать несколько группировок, осваивающих разные «темы», эти группировки могут выходить далеко за пределы одного ведомства, конкурировать и открыто бороться между собой и так далее. То есть, реальная структура государства строится вокруг «тем», а не задается функциями его формальных частей. И если мы понимаем это, мы понимаем, что эта структура подвижна и изменчива, и никакие квадратики и стрелочки нам не помогут в ее описании. Для «обычной» открытой экономики «темы» называются рынками, и действующие субъекты, как правило, совпадают в этом случае с организациями, действующими на этих рынках, то есть, корпорациями, и шире — юридическими лицами. Однако, никому ведь не придет в голову рисовать между ними стрелочки и утверждать, что поменяв квадратики и стрелочки мы можем добиться каких-то результатов. Все понимают, что существующее расположение квадратиков и стрелочек временно. То же самое нужно

понять и в отношении государства — его нужно анализировать так, как мы анализируем рынки. При этом, у него есть ряд особенностей. Во-первых, это не единая организация, а конгломерат; во-вторых, реальные структуры государства не совпадают с формальными; в-третьих, сами эти структуры и отношения между ними постоянно меняются.

2015 Ну, а теперь попробуйте это все «реформировать».

5.4.19. Рождественская история, или Автоматический Встроенный Реформатор

Все сейчас обсуждают яценюковский проект бюджета и запланированный в нем рост налогов и прочего регулирования. Со всех сторон звучат теплые слова в адрес премьера и власти в целом, и чаще всего повторяется один и тот же вопрос: «они, что не понимают, что делают»? Как ни странно, на этот вопрос, который выглядит довольно-таки риторическим, есть ответ.

Итак, понимают «они», что делают или нет? Тут ситуация выглядит как в поговорке «глаза боятся — руки делают». То есть, если вы пообщаетесь с отдельно взятым чиновником, то он будет рассуждать вполне здраво, будет рассказывать о курицах и золотых яйцах, но вот делать он и его товарищи будут совсем другое. Почему так?

Начнем с того, что расхожее представление о государстве как о жесткой системе, организации или набо-

ре организаций с известными полномочиями, глубоко ошибочно. Этот подход отделяет организацию от причин ее существования и преследуемых целей. Никому ведь не придет в голову рассматривать корпорацию, которая часто бывает организована посложнее некоторых государств, исключительно как набор подразделений и взаимосвязей между ними. Все знают, что корпорация существует ради прибыли, а ее внутренняя организация — это один из способов, помогающих эту прибыль добыть. Но о государствах почему-то так не думают, хотя их природа с самого начала и по сей день точно такая же — получение прибыли, только не путем производства полезной продукции, а путем принудительного налогообложения некой территории.

Хуже того, в отличие от тех же корпораций, государства представляют собой не единую организацию, объединенную общей целью, а, скорее, конгломерат конкурирующих между собой структур разной степени организованности, формализации и законности. В общем, чтобы не тратить место и время, скажу одно — мейнстримные теории государства и права игнорируют важнейшее обстоятельство, а именно то, что чиновники — это люди. И, коль скоро эти люди получают свой доход от налогообложения в широком смысле слова, они всегда будут стремиться к расширению налогообложения, причем, что очень важно, это их стремление естественно, как дыхание.

И вот здесь мы подходим к ответу на вопрос «понимают ли они, что они делают». И ответ этот — по-

нимают. Как и предприниматели, видящие, где можно извлечь прибыль, чиновники видят понятные им сигналы в поведении других людей и идут к ним за прибылью. Понимают не столько разумом, сколько интуицией, «чуйкой».

Дальше начинаются отличия между предпринимательством и государством, ибо сигналы, которые видят предприниматели и чиновники разные, различной природы. Для предпринимателя это, прежде всего, цены, а для чиновника — готовность людей отдать свои деньги без лишних вопросов (в экономике эта деятельность называется поиском прибыли, в современных теориях государства — поиском согласия).

Чтобы пояснить, приведу простой пример. Вот сейчас все возмущаются обязательным декларированием имущества в новой редакции налогового кодекса и тем, что если вдруг у вас еще есть деньги, их в обязательном порядке нужно положить в банк. Один возмущающийся пишет: «нет, вывести доходы из тени, конечно, дело благое». То есть он согласен, что что-то такое надо делать, но вот именно так, как предлагает правительство, делать не надо. Это и есть метод работы государства — навязать проблемы, чаще всего ложные, предложить многочисленные и противоречивые «решения» этих проблем, устроить бурные дискуссии по их поводу и в ходе этого процесса расширить полномочия и увеличить расходы. Что крайне важно, всем этим занимаются будущие жертвы налогообложения. Сами. Совершенно добровольно. Когда умные люди в

интернетиках рассуждают о том, как «вывести доходы из тени», чиновник видит в этом четкий сигнал того, что здесь получено согласие на налогообложение и, следовательно, здесь есть прибыль и «тогда мы идем к вам».

Любому, знакомому с экономикой, известно, что «вывести доходы из тени» можно, только перестав наказывать за них налогами. Нет наказания — нет тени, есть наказание — есть тень. Пока никто не говорит об отмене реальной причины, под предлогом «вывода из тени» будет осуществляться рост государства и его расходов (и, соответственно, сокращение нашей свободы и наших доходов). И так с любой «проблемой», которую якобы решает государство.

Однажды мне попался впечатляющий перечень разных «модных фишек», которыми государство в США поясняло свою деятельность в разные времена. Многие из этих фишек я помню, хотя и не живу в США. Украинец тоже без особого труда вспомнит государственные кампании и проекты, которые должны были в итоге нас осчастливить — от «инновационной экономики» и «поддержки стратегических и наукоемких отраслей» до «борьбы с теневой экономикой» и «борьбы за легализацию теневой экономики». Господь, наверное, ждет чего-то особенного от украинцев, потому, что прямо вот сейчас он показывает нам весь абсурд этой деятельности, наинагляднейшим образом, ведь прямо здесь и прямо сейчас очередное увеличение расходов бюджета (527 миллиардов гривен в 2015-

м году против 450 миллиардов в 2014-м) идет в виде кампании их жесткого и даже «небывалого» сокращения. «Ну, украинец! Ну, давай, понимай уже!» — как бы говорят нам горние силы. Но, нет, не видит и не понимает.

Возникает вопрос — а можно ли, и, если можно, то как, противостоять постоянному росту государства и его (то есть, наших) расходов? Сразу скажу, что там, где государству удается изобрести такие предлоги для расширения, в которые широкая публика готова верить до последнего, государство и расширяется до этого самого последнего, то есть, до войны, голода и разрухи, как в режимах Сталина, Гитлера или Мао.

Традиционным путем противостояния является активное организованное сопротивление. Вот, скажем, как ни старается американское государство разоружить американцев, но те пока что держатся (хотя и отступают).

Однако существуют очевидные обстоятельства, которые в средне- и долгосрочной перспективе делают сопротивление бесполезным. И самое плохое здесь то, что расширение государства есть неосознанный и неконтролируемый самим государством процесс. Ведь оно начинается не столько на уровне общегосударственных проектов, на которые выделяются деньги из бюджета, сколько на этапе маленьких инициатив маленьких чиновников и их подразделений. Инициативы эти проходят проверку временем и согласием людей,

многие из них погибают не находя согласия, многие не выдерживают конкуренции с другими инициативами, все это внешне весьма похоже на бизнес. Люди в состоянии организованно противодействовать тогда, когда они четко понимают угрозу, которую несут эти инициативы, а это бывает не так часто. Обычно, угроза начинает ощущаться тогда, когда противодействовать уже поздно.

Кроме того, в отличие от бизнеса, неудачливые инициаторы не разоряются, государство вообще не несет издержек. У него бесконечный запас терпения и времени, оно никуда не спешит. Оно готово отступить под давлением публики сегодня, чтобы вернуться завтра, когда внимание будет отвлечено на что-то другое. Чтобы напрямую противодействовать расширению государства, необходимо противопоставить ему что-то столь же неумолимое и безжалостное, бесконечно бдительное и бессмертное. Насколько мне известно, ничего такого на горизонте не наблюдается, а это значит, что в конце пути нас ждут радостно потирающие ладошки Сталин, Гитлер и Пол Пот.

Ну, а теперь рождественская история. Пускай это будет неизвестная науке серия «Стар Трек». На одной планете власть захватил Суперкомпьютер. Поскольку там все механизировано, автоматизировано и компьютеризировано, то Суперкомпьютер легко входит в каждый дом, в каждую кофеварку и в каждую программу, подменяет собой экзе-файлы и творит всяческий беспредел. Аборигены вызывают «Энтерпрайз», поскольк-

ку сами справиться не могут, а сил больше нету никаких. Кирк и Спок узнают от старожилов, что все дело, судя по всему, в том, что у Суперкомпьютера, призванного приносить суперпользу, сгорел Автоматический Встроенный Реформатор, функция которого была в том, чтобы бить железного друга по шаловливым ручкам, если вдруг что не так. Ну а теперь адская машина вытворяет что хочет, уничтожила все запасы Автоматических Встроенных Реформаторов на складах, следит за всеми и никакого сладу с ней нет, не помогают ни фаерволы, ни антивирусы, ни выключить и снова включить.

Кирк и Спок ценой невероятных усилий добывают последний экземпляр Автоматического Реформатора и в масках Санта Клаусов проникают на рождественскую вечеринку, которую злобная тварь устраивает в своем машинном зале. Надо ли говорить о том, что Суперкомпьютер давно разгадал планы друзей и теперь замышляет уничтожить их вместе с последним экземпляром спасительной для аборигенов платы? Надо ли говорить, что он заблокировал связь, и теперь друзья лишены всяческой надежды на помощь, а «Энетрпрайз» превратился в бесполезное корыто, болтающееся на орбите?

На вечеринке на Кирка и Спока в масках Санта-Клаусов нападают приспешники Суперкомпьютера, сам он изо всех сил облучает героев электроникой и, в целом, творится черти что. Кирк, обороняющийся от превосходящих сил, в жаре битвы ломает послед-

ний Автоматический Реформатор, друзья окружены, кажется, что все пропало, и тут Спок замечает, что Суперкомпьютер можно просто выключить из розетки. 2015

5.4.20. О пользе коррупции

С 1 июля вступит в силу известный закон о борьбе с коррупцией. Президент, подписывая этот документ, выразил уверенность в том, что он поможет справиться с извечным украинским злом. Янукович подчеркнул, что закон подготовлен с помощью международных организаций, специализирующихся на коррупции, что, по его мнению, должно добавить убедительности положениям закона. Правда, сами эти международные организации, а точнее — GRECO, выразили неудовольствие новым антикоррупционным документом.

Янукович подсчитал, что Украина теряет от коррупции 20 млрд гривен в год. Президент считает, что это плохо. Поэтому СБУ и прокуратуре даны недвусмысленные указания по поводу борьбы с коррупцией. Также президент пообещал как можно скорее разработать стратегию борьбы с этим злом. Под эту стратегию будет модернизировано смежное законодательство, и, кроме того, она ляжет в основу деятельности будущего специального органа по борьбе с коррупцией, который будет создан на основе нового закона. Президент не забыл и о гражданах, призвав их сообщать о случаях коррупции по «телефонам доверия».

Пресса считала основной «фишкой» нового закона декларирование расходов чиновниками и членами их семей. Однако, недавно выяснилось, что декларировать нужно покупки на сумму более 150 тысяч гривен. То есть, теперь эта норма особого смысла не имеет.

О чем этот закон

По мнению автора, «фишка» закона, конечно же, в другом. Ни декларации доходов, ни декларации расходов не имеют никакого практического значения, пока сохраняется главная причина, порождающая коррупцию, о которой мы поговорим ниже.

Что касается самого закона, то это, безусловно, уникальный и даже в чем-то эпохальный документ. Он содержит в себе замечательное определение коррупции, трактуя ее, как «неоправданное вмешательство» чиновников. Однако, как мы уже писали ранее, такое определение противоречит самой сути современного понимания деятельности госслужащего, как строгого исполнителя разнообразных регламентов. Такое понимание предполагает, что госслужащий не может «вмешиваться» ни «оправданно» ни, тем более «неоправданно», он должен только исполнять то, что написано у него в бумажке.

Таким образом, законом полностью легализуются любые вольности чиновников в трактовках и исполнении разнообразных нормативов, ведь эти вольности могут быть и вполне «оправданным» вмешательством.

На самом деле, этот закон принят с целью упорядочить коррупционную деятельность и пытаться управлять ею. Необходимость в этом очевидна. Огромная армия опричников необходима нашему режиму для сохранения своей власти. Однако, их невозможно прокормить из бюджета и если перевести их на бюджетный паек, они просто разбегутся. Поэтому с самого начала своего существования украинская власть держалась на том, что чиновник сам себя кормит. Теперь же эта деятельность зашла слишком далеко и возникла потребность в управлении ею, для чего и принят этот закон.

Думаю, все знают о том, как нелегка и опасна чиновничья жизнь. Если бы чиновники не отбирали у нас деньги, их можно было бы только пожалеть, ведь их жизнь состоит из постоянной борьбы, подсиживаний, интриг, унижений и бессмысленной тяжелой работы. В общем, теперь в этой деятельности появились прямые узаконенные ориентиры в виде перспектив попасть на «доску позора», необходимости постоянно бегать согласовывать с начальством, что писать в декларациях о доходах-расходах и понимания того факта, что все в твоей карьере зависит от того, как другие чиновники оценят твое вмешательство — как «оправданное» или как «неоправданное». Это — своего рода правила. А управлять этим всем процессом будет Министерство коррупции или как его там назовут — тот самый «уполномоченный орган», о котором сказано в законе.

Можно легко предсказать, как минимум, два последствия работы такого документа. Во-первых, чиновники теперь будут с куда большей охотой объединяться в явные и тайные синдикаты, хотя бы потому, что все понимают обязательность ритуальных жертв «борьбы с коррупцией» (необходимость которых прямо предусмотрена законом) и никто не хочет стать такой жертвой. Минимизация рисков для чиновников состоит в том, чтобы объединиться, иметь своего человека в Министерстве коррупции и вообще максимально перенести внутривидовую борьбу на как можно более высокий уровень. То есть, круговая порука, которой так хочет избежать президент, только усилится. Во-вторых, сама затея управления коррупцией изначально обречена. Коррупция в нашей версии предполагает свободный поиск чиновником предпринимательской прибыли и несовместима с каким-то централизованным управлением, пусть даже рамочного характера.

Причина коррупции

Оставим теперь в стороне злополучный закон и поговорим, как и обещали, о главной причине коррупции применительно к нашей стране. Для начала посмотрим, можно ли вообще в наших условиях что-то сделать с коррупцией, если следовать общепринятой парадигме. Эта парадигма строится на принимаемом по умолчанию тезисе, что производимые государством нормативы безусловно полезны. Коррупция в этой парадигме вредна именно потому, что она искажает и извра-

щает эту деятельность. Именно этими взглядами руководствуются разнообразные международные организации, политики, эксперты и широкая публика. Эта парадигма предполагает, что источником коррупции является чиновник и что коррупция вредна, так как искажает по определению полезную деятельность государства.

Украинцу легко понять ошибочность (точнее, частичность) этой парадигмы. Для этого ему достаточно задуматься о том, что было бы, если бы вдруг все украинские законы и распоряжения оказались исполненными в буквальном смысле. Если украинец будет честен с собой, то он неминуемо содрогнется в ужасе, так как нетрудно увидеть, что вслед за точным и безукоризненным исполнением всех правил и законов немедленно наступает хаос, разруха, голод, гражданская война, астероид и взрыв Солнца.

Почему так происходит? Поясню на простых идеальных моделях. Любое общество живет по правилам, которые можно назвать обычным правом. Следование этому праву, собственно, и позволяет этому обществу существовать. В рамках нашей темы можно выделить два идеальных типа общества (которых, конечно, в реальности в чистом виде нигде нет). Первый тип — с преимущественно горизонтальными связями. В обществе такого типа формирование компетенции начальников (констеблей, шерифов и т.п.) находится в непосредственной досягаемости его членов. Начальники в обществе такого типа содержатся его участниками и

служат для поддержания в порядке тех самых норм обычного права, которым руководствуются люди в своей повседневной практике.

Общество второго типа отличается большим количеством вертикальных связей. Начальники в таком обществе появляются «сверху», формирование обязанностей начальника находится вне досягаемости обычных людей. Обычно такие ситуации возникают в обществах, подверженных внешней оккупации либо многовековой самооккупации (Китай). Известны многочисленные исторические примеры того, как возникают и работают такие системы. Например, во время оккупации Австро-Венгрией Италии, среди австрийских чиновников завелась дотоле невиданная коррупция. Австро-венгры даже установили специальный (короткий) срок службы чиновника в Италии, чтобы уменьшить коррупцию.

В общем, начальники в этой системе назначаются и кормятся центральной (внешней) властью. В этом случае, задача обычных людей — защитить себя и свой способ жизни от выполнения чиновником своих обязанностей. Эта задача решается систематическим подкупом начальников представителями гражданского общества, которые, преследуя личные интересы, тем не менее, в значительной степени парализуют чуждую им активность государства.

Заметьте, что и в том, и в другом случае речь идет о защите обычного права, которым люди и пользуются

в своей жизни. Просто в первом случае деятельность чиновника находится в рамках этого права, он им, так сказать, порождается и защищает его, а во втором — люди пытаются защитить это право от посягательств со стороны.

Что с ней делать

Думаю, не нужно говорить, что в Украине последние пару сотен лет существовала вторая модель. Не нужно также объяснять, что получение независимости ничего не изменило в этой модели и даже, видимо, усугубило ее. От того, что бывшие имперские чиновники стали как бы «своими», ничего не изменилось. После распада СССР украинцы быстро воссоздали империю (без Москвы) и теперь находятся в режиме самооккупации. У нас так и не появилось того главного, что по настоящему меняет отношение людей к власти — практики самоуправления. Самоуправление отличается от его имитаций, прежде всего, тем, что реализуется непосредственно за деньги составляющих его людей. Такой практики в Украине не было и нет, и поэтому работает старая имперская модель агрессии государства в отношении общества и защиты общества от государства через коррупцию.

Все антикоррупционные идеи, которые мы пытаемся бездумно заимствовать, рождены людьми, живущими в рамках другой — «горизонтальной» модели. И это неудивительно, ведь коррупция ведь для этой модели

представляет непосредственную угрозу живой ткани общества и тому обычному праву, которое оно использует. Однако, как видим, эти идеи малопригодны для нашей ситуации.

Конечно, теоретически можно «построить» чиновников — сократить их число, оптимизировать их работу, примерно наказывать, платить высокие зарплаты, завести электрическое правительство в интернете, однако, ничего не изменится до тех пор, пока сама деятельность чиновника является разрушительной по своей сути, независимо от того, украл он при этом, или нет. Пока это не изменится, коррупция будет естественным образом порождаться «снизу», как реакция защиты общества от агрессии государства.

Поэтому, если говорить о борьбе с коррупцией всерьез, то она должна вестись по двум направлениям. Первое — «сверху» — это сокращение государства, причем не численное, а функциональное. Второе — «снизу» — это развитие практики самоуправления за деньги самоуправляемых. Как видим, сами эти задачи далеко выходят за рамки «борьбы с коррупцией». Коррупция в данном случае является побочной проблемой, которая разрешается в ходе реализации такой политики.

2011

5.4.21. Бывшая, настоящая и будущая украинская конституция

День Конституции прошел без особой помпы и был отмечен разве что заявлениями Януковича о том, что он намерен менять эту самую конституцию «с помощью механизма конституционной ассамблеи».

С другой стороны, нам показывали фильмы об истории той самой злосчастной конституции 1996-го года, из которых можно было сделать вывод о некой чуть ли не сакральной значимости этого документа и о том, что «конституционная ночь» была неким депутатским подвигом.

Чем же является украинская конституция, в чем был смысл «конституционной ночи», что этот документ значит для нас и что он может значить? И, наконец, есть ли какой-то смысл в популярном утверждении «конституция у нас хорошая, только ее не выполняют». Попробуем разобраться.

Есть ли проблемы с текстом?

За 20 лет автор этих строк достаточно поднаторел в конституционной проблематике. Теперь я легко отличаю конституции от их имитаций (например, советских «конституций»). Мне также не составит труда в течение дня написать текст конституции республики или конституционной монархии, парламентской или президентской, с однопалатным или двухпалатным парла-

ментом, унитарной или федеративной, «заточенной» под континентальное или прецедентное право. Более того, этот текст будет даже лучше многих ныне действующих конституций, он будет более логичен и менее внутренне противоречив. И именно это обстоятельство позволяет мне говорить о том, что никакой проблемы текст конституции сам по себе не представляет. Не сложности в написании якобы премудрого текста были причиной того, что депутаты сидели год над проектом и вынуждены были принимать конституцию ночью, под угрозой роспуска.

Существует ли нейтральное государство?

Это, казалось бы, простое обстоятельство приводит нас к важному выводу. Если бы политики и политика существовали отдельно от «правил игры», то конституция была бы принята легко и быстро. При этом, был бы принят наилучший текст — наиболее сбалансированный и дающий политикам возможности fair play. В этом месте всегда возникает роковая ошибка, которая сбивает с толку и дезориентирует не только наше наивное и доверчивое население, но и всевозможных специалистов и экспертов, как у нас, так и на Западе. Ошибка состоит в том умозаключении, которое читатель уже наверняка сделал, прочитав предыдущие строки и которое он уже готов произнести. Итак, популярная точка зрения состоит в том, что «политики пытаются написать правила под себя» или более развернуто — «политики пытаются использовать государство

в собственных целях». Именно это, по мнению большинства, и было причиной того, что конституция принималась так долго и является причиной того, почему ее постоянно перекраивают.

Однако, это утверждение ошибочно. Оно предполагает, что где-то в мировом эфире само по себе существует некое идеальное или, скажем так, нейтральное (в отношении целей и средств) государство, которое и используют в своих целях плохие политики. На самом деле, это не так. Любое государство — это и есть политики, их решения, позитивное право, которое они создают в виде законов и прочих вказивок и правила, которые появляются в их взаимоотношениях явочным порядком. Государство и возникает и постоянно изменяется именно в ходе этой многотрудной деятельности. Нейтрального, независимого от этого процесса государства не существует ни в одной стране да и не может существовать. Для нашей темы это означает, что в данных конкретных условиях (а это очень важное уточнение) другого текста просто не могло появиться.

Зачем государству конституция?

Из приведенного выше заблуждения следует идея, которая набирает силу среди некоторой части публики. Эта идея состоит в том, что если некто со стороны напишет «им» конституцию, то все будет хорошо. Эта идея пытается сейчас реализоваться через тот са-

мый «механизм конституционной ассамблеи», о котором говорил Янукович.

Разумеется, мысль о том, что правила должны создавать не те, кто по ним играет (коль скоро результат их игры касается не только их самих), верна и автор ее горячо поддерживает. Однако, у нас эта схема не сработает, точнее, сработает при выполнении некоторых условий. Об этом мы поговорим ниже, а пока, думаю, у всех возникает простой вопрос — а зачем вообще элите нужна конституция? Или этот же вопрос можно переформулировать так — почему политики выполняют одно и не выполняют другое?

Конституция нужна людям, осуществляющим политическую власть (то есть, государству) для того, чтобы установить основы для формирования правил взаимоотношений между собой. Эта потребность возникает из того факта, что эти люди обладают монополией на принуждение и гарантированным доходом в виде принудительно взимаемых налогов. Контроль над этими «ресурсами» и составляет предмет деятельности этих людей. Война «всех против всех» в таких условиях для них занятие бессмысленное и очень затратное. Гораздо больше можно получить, имея некие правила, которым выгодно следовать.

Конституция — это и есть попытка создания и фиксации таких правил, написанных государством для самого себя. Это объясняет, почему всегда будут соблюдаться только те правила, которые нужны государству

и игнорироваться те, которые ему не нужны. И здесь уже неважно, написаны эти правила самими участниками процесса или даны кем-то со стороны. Замечу, что государство сейчас благополучно игнорирует (что очень показательно — при полном молчании «общественности») важнейшие и концептуальнейшие положения конституции. Например — прямое действие, провозглашаемое текстом нашего основного закона. Так будет с любой нормой, ненужной или вредной для текущей практики.

Что говорит конституция о том, зачем мы нужны государству

Понятно, что конституция должна также определять, что достается тем, кто не участвует в увлекательном государственном процессе. Всякие бесплатные медицины, образования и прочие «социальные завоевания», а на самом деле подачки, предназначены именно для этой цели (оставим в стороне то обстоятельство, что «бесплатность» существует за счет тех, кому она предназначена).

Однако, у нас с вами есть куда более значительная роль, чем быть просто объектом «процесса управления». Наша важнейшая роль, без которой государство просто не сможет существовать, — это быть избирателями этого государства, снабжать его легитимностью. Существующая система основана на том, что наибольший статус в государственной иерархии имеют лица,

прошедшие процедуру выборов. Соответственно, сама процедура выборов имеет решающее значение. Кстати, очень показательна в этом смысле эволюция нашего государства в сторону минимизации нашего с вами влияния на**результаты** выборов. Но на сами выборы, бессмысленность которых становится все более очевидной все более широким «слоям населения», никто не покушается. Выборы нужны людям, участвующим в государстве, для того, чтобы ответить на вопрос «а ты кто такой»? Это самый первый и самый главный вопрос, с которого начинается любая иерархия. В наше время принято считать, что процедура выборов — правильный пацанский ответ на этот вопрос. Замечу, что даже в СССР были какие-то выборы.

Суверенитет

Ответ, почему так происходит (и почему в других местах происходит немного иначе) заключен в интересном слове «суверенитет», которое в нашем случае есть право распоряжаться самим собой. В абсолютной монархии таким сувереном был король, суверенитет всех остальных был зависим от него.

Понятно, что по разным причинам многие люди тоже желали себе суверенитета да побольше и многие фактически получали его в ходе общественного процесса. Этот процесс вылился в итоге в появление конституционной демократии — политического устройства, в котором суверенитет людей составляющих го-

сударство больше, чем у всех прочих, но он ограничен в отношении суверенитета всех остальных писаным законом, имеющим наивысшую силу.

Однако, возможно это только по той причине, что люди, написавшие конституцию, **уже обладают достаточным суверенитетом**. В стране, где подавляющее большинство людей находится в рабстве, никакая конституция невозможна, даже если это рабство формально отменено. Невозможна она до тех пор, пока бывшие рабы не обретут суверенитета и не приобретут душевной легкости, позволяющей в ответ на вопрос «а ты кто такой?» спокойно и без суеты давать в рыло.

Думаю, что теперь понятно, почему сейчас не сможет сработать схема «конституционной ассамблеи». Она может сработать только тогда, когда люди, написавшие конституцию, столь же суверенны, как и те, кому ее предстоит исполнять.

Настоящее — конституционные бои

В ситуации, когда полномочия государства трактуются максимально широко и не существует жестких ограничений в отношении используемого им ресурса (то есть, нас с вами), неизбежно возникает конкуренция за доступ к нему и, соответственно, появляется спрос на пересмотр правил взаимоотношений внутри государства, как на способ такой конкурентной борьбы.

Совместить существование даже формальной конституции (и, прежде всего, института выборов) и всевластия одной группы людей в отношении другой невозможно без дополнительных экстремальных усилий в виде, например, массовых репрессий. Поэтому наличие процедуры выборов всегда создает соблазн использовать их для перераспределения доступа к ресурсу (то есть, доступа к нашему с вами суверенитету).

Этот процесс мы наблюдаем сейчас и будем наблюдать в дальнейшем. Команда Януковича пытается ввести его в рамки «конституционной ассамблеи», но вряд ли у нее что-то получится. Даже если пересмотр конституции состоится и будет освящен «независимой» конституционной ассамблеей, это никого не остановит от новой ревизии при первой же возможности.

Понятно, что этот процесс касается, в основном, деятельности государства и интересен его участникам. Однако и для нас с вами в нем может быть польза, если мы сосредоточимся хотя бы на концептуально важных вещах. Мы должны понимать, что наша задача — ограничение государства в целом и возрастание нашего на него влияния. Тут есть два важнейших пункта, связанных с конституцией — это принятие закона о выборах по открытым спискам и сокращение полномочий Рады до двух лет.

Будущая конституция

Однако, нужно понимать, что современная конституционная демократия содержит в себе родовой порок, который в наших условиях всегда будет воспроизводить ту систему, в которой мы с вами процветаем. Состоит этот порок в том, что эта концепция основана на суверенитете государства, которым его наделяет некий мифический народ. То есть, предполагается, что на этом основании в результате голосования одни люди могут получить радикально больше возможностей, связанных с суверенитетом, чем другие.

Эта модель порочна изначально. Там, где она возникла, ее порочность (пока еще) сдерживается тем фактом, что люди в этих обществах относительно равны в своем суверенитете. Однако, в нашей ситуации, когда общество поделено на начальников и всех прочих и голубая мечта этих прочих — любой ценой стать начальниками, такая система просто разрушительна.

Поэтому будущая украинская конституция должна быть основана на суверенитете личности.

Конституция должна быть договором между гражданами, со всеми вытекающими последствиями — возможностью входа и выхода из договора, процедурами изменений и т.п. Предмет договора — регулирование части суверенитета, от которой может отказаться каждый ради «общего блага». Соответственно, договор должен определять, откуда берется это самое

«общее благо» и содержать процедуры делегирования суверенитета одних граждан другим гражданам и все возможные механизмы контроля. Такой подход полностью меняет привычное нам содержание конституции (и я уже не возьмусь написать такой текст за час), например, можно предположить, что она будет уделять много внимания налогообложению (если таковое вообще останется) или другим способом реализации «общего блага» и почти совсем не будет уделять внимания полумифическим «правам человека». «Политическая власть» будет возникать как функция реализации «общего блага» и ее роль будет изначально ограничена
2011 этой задачей.

5.4.22. Перезагрузка близко или Зачем писать заметки

Тут недавно меня упрекали в том, что я не пишу развернутых рецептов для власти по поводу того, как нам реорганизовать Рабкрин. Честно говоря, мне и в голову не приходит писать им какие-то рецепты, и, если кто-то так воспринимает мои скромные заметки, то он, конечно, ошибается. Все, что я пишу, адресуется сугубо дорогому читателю и не есть попытка нашептать на ушко начальству некие полезные советы. Разумеется, ранее я занимался написанием советов — бесплатно и за деньги, но если сейчас буду писать такие советы, то только за очень большие деньги и не столько потому, что не люблю государство, сколько потому, что по-

нимаю всю бессмысленность моего труда, а для меня бессмысленный труд стоит очень дорого.

Да что там какой-то я, вот целый Ротбард еще в 1991 году написал о том, как нужно и как не нужно демонтировать социализм, и с тех пор все делается исключительно как ненужно, а как нужно — не делается, и прошедшие 20 с гаком лет только подтверждают правоту каждого слова Ротбарда. И именно по этой причине я больше не пишу советов начальству. За 20 лет стало понятно, что занятие это бессмысленное, и не потому, что начальство плохое, а потому, что эта машина не управляется намерениями тех, кто в ней сидит. Пиши им советы или не пиши, будут они их рассматривать, или не будут, примут, или не примут к исполнению — от этого зависят лишь детали процесса, который пойдет своим чередом.

Предложения Ротбарда не были приняты и никогда не будут приняты, поскольку они наносят ущерб процессу, о котором я говорю, — процессу расширения государства. Даже если что-то такое и будет формально реализовываться, то всегда со всякими «но» и «але», частично, нехотя и недолго. Потом все по очень уважительным причинам вернется обратно, и станет как было и даже лучше.

Причиной, по которой я пишу заметки на околополитические темы является то обстоятельство, что государства не только расширяются, но и схлопываются. То есть, они живут циклами. Схлопывания эти бывают

вполне локальными и заметными только для местных, а бывают и глобальными, вроде французской или русской революции. И вот то, как будет протекать следующий этап расширения, что случится с людьми и как они будут жить, зависит от банальной и вроде бы второстепенной вещи — того, что было у людей в головах и в руках, когда государство схлопнулось. То есть, будет зависеть от практик и идей, которые эти люди исповедовали в момент, когда государство накрылось медным тазом.

В принципе, цикличность государства — не закон природы, государство — явление историческое, от него вполне можно избавиться и вместе с ним и от морока циклов. Но в нашем случае, мы еще, похоже, не подошли к этому моменту. Украинская государственность после распада СССР развивается прямо как по учебнику, о чем автор этой колонки писал много раз. Правда, конечно, не по тому учебнику, который «теория государства и права», а по ненаписанному еще учебнику государствоведения. Все, что у нас происходит, имеет теоретическое описание и известно тем, кто этим интересуется более-менее профессионально.

И вот, если судить по этим теориям, то мы уже приближаемся к моменту очередного схлопывания. Государство вошло в этакую удалую и бесшабашную фазу расширения, оно уже не сможет не то, что остановить, но даже притормозить этот процесс? Нет, теоретически можно «провести радикальные реформы», но для этого нужно делать даже не то, что говорил Бен-

дукидзе, а то, что говорил Ротбард, ну, а кто же здесь на такое пойдет. Скорее всего, государство развалится под собственным весом, или, если внешние кредиторы и всякие там «геополитические игроки» посчитают нужным — будет отправлено в реанимацию международной помощи и там будет долго и нудно помирать, как это много лет делают африканские страны, «элита» которых занята производством бедности, поскольку ее доход образуется от западных средств на «борьбу с бедностью» и на «реформы».

В любом случае, то, что будет после этого, зависит от того, что будет у нас в голове. И вот для этого и нужно писать заметки. 2015

5.4.23. О фашистских комиссарах с горящими глазами

Эта маленькая колонка посвящена вопросам терминологии. Мне кажется, очень неправильно, когда происходит путаница в определении давно изученных и описанных явлений. Неправильно, например, называть гопников фашистами. Гопник может стать фашистом, но далеко не каждый гопник — фашист. Напротив, гопники обычно против фашистов, поскольку фашисты любят порядок, а гопники — нет. На этом основании, гопники, конечно, могут именовать себя «антифашистами», но именовать их в ответ «фашистами» очень большая ошибка. Гопник станет фашистом, когда он «осознает себя», перестанет пить, курить, зай-

мется спортом и вообще станет «идейным» и будет бить прохожих, руководствуясь научными рекомендациями. До этого момента гопник — просто мелкий криминальный элемент.

Я хочу напомнить, что фашистские и вообще модернистские и псевдоконсервативные движения первой половины 20 века (то есть, коммунисты, фашисты, национал-социалисты) были движениями массовыми и народными в полном смысле слова. Это были движения протестные. Они выступали против коррупции, олигархов и плутократов, международного империализма (термин как коммунистов, так и национал-социалистов), засилья иностранного капитала, за права трудящихся и здоровый образ жизни.

После своей победы эти движения обуздали преступность, ликвидировали наркоманию и гомосексуализм, гарантировали права трудящихся, ликвидировали безработицу. По крайней мере, так говорила их отчетность. Торжествовала законность (Гитлер честно отменил все статьи конституции, гарантирующие гражданские права), олигархи были либо уничтожены, либо приняты в партию и поставлены под партийный контроль, промышленность была национализирована или находилась под контролем партийных органов.

И сразу же после своей победы эти широкие народные движения занялись уничтожением своих и чужих граждан в промышленных масштабах.

Бойня, которую учинили большевики и национал-большевики в своих странах, и которая стоила человечеству больше 100 миллионов жизней, не есть результат «ошибок» или «неверных теорий». Это случилось не потому, что Ленин был сифилитиком, тайным евреем и агентом немецкой разведки, а Гитлер, как его пытаются представить леваки, — некрофилом и латентным педерастом. Это случилось как раз потому, что все эти люди были честны, неподкупны, верны идеалам, искренни в своих намерениях. Они не жалели себя (почитайте хотя бы о Гитлере) ради светлого будущего.

Эта беда приключилась с нами и всегда будет приключаться потому, что свои прекрасные идеалы эти люди достигали не в свободное от работы время, и не на свои собственные деньги, и не убеждением других в своей правоте. Нет, все это делалось путем приказов другим людям, приказов, обеспеченных отнятыми у этих же людей средствами, то есть, за счет использования государства.

Государство — это машина организованного насилия. Ничего кроме насилия, она не может производить. Государство не может, скажем, производить «здоровый образ жизни». Оно может лишь запрещать то, что кажется ему нездоровым. Для поддержки своих целей государство должно отнять средства у людей, у которых могут быть другие цели. По-другому не бывает. Поэтому искренний и неподкупный политик, отвечающий за здоровый образ жизни, в состоянии до-

биться только искренних и неподкупных запретов и искреннего и неподкупного грабежа других отраслей в пользу хороших показателей по своему ведомству. То есть, чем более амбициозны цели тех, кто стремится управлять государственной машиной, чем вернее они идеалам и чем сильнее горят их глаза, тем больше жертв получится в результате. Партия с программой «сделать всех счастливыми», при условии, что эта программа будет реализовываться любой ценой, в случае своей победы неизбежно уничтожит все человечество.

И если уже говорить о гопниках, то вред от них состоит не в том, что они фашисты, а в том, что они приводят настоящих фашистов после себя.

2013

5.4.24. Производство ада или Откуда взялся «русский вопрос»

Сегодня опять поговорим о том, как работает политическая машина и, в частности, о том, что «интерес системы» является главным фактором в этой работе. Однако, для начала простой пример того, что такое интерес системы. Насколько я знаю, журналистов не учат тому, что хорошо продаются только плохие новости. Нет, конечно, можно представить себе этакого прожженого редактора, который, сидя в клубах табачного дыма, поясняет этот факт туповатому журналисту, принесшему репортаж о детском утреннике в то время, когда прямо рядом с редакцией произошло три замечательных кровавых ДТП. Это да. Но вот осо-

знанной установки на «больше ада», насколько я помню СМИ изнутри, в них нет, и журналистам не объясняют на первом курсе, что поиск и производство ада есть главное в их профессии. Между тем, именно этим они, в итоге, и занимаются. Что CNN, что Euronews, что какие-нибудь «Новини Крижополя» — все они, как один — беспрерывные сводки о голоде, смерти, войне и катастрофе, рассадники страха и паники. Это необходимое условие для их выживания, хотя, повторю, специально их этому не учат. Поучительный момент этого дела в том, что существует иллюзия, что «раньше этого не было». Вот читаю сейчас одного философа 19 века, который жалуется на газеты, которые «испопсились», а вот было время, когда это было серьезное чтение и т.д. и т.п. Очевидно, со временем просто меняются рамки допустимого, в течение его жизни они изменились, и теперь ему кажется, что все плохо, хотя плохо было всегда. Но это уже детали. Думаю, всем понятно, что интерес системы в продаже новостей управляет журналистами и содержанием этих новостей, которые все в большей степени представляют собой ад, ибо очевидная закономерность состоит в том, что на фоне ада можно продать только еще больший ад.

Аналогичная механика действует и в политической машине. Тот, кто считает ее нейтральной, глубоко ошибается. Приведу два примера. Первый — это роль политической машины и избирательной системы в нынешней войне. Не секрет, что в ее основе лежит «русский вопрос», то есть, комплекс реальных, а чаще ми-

фологических проблем, связанных с представлениями людей об Украине и о месте России в их жизни. «Русский вопрос» все 20 лет раскручивался нашей политической машиной. И дело тут не в националистах и «русскомирцах», а в том, что машина выбирает из каши в головах украинцев те мифы, на которых она может заработать. Совершенно справедливо (и это редкий случай, когда данные социологов имеют хоть какое-то значение) то, что «русский вопрос» для украинцев никогда не был первостепенным вопросом. Но он всегда был самым распространенным мифом. И именно это всегда делало его вопросом номер один на выборах. И по той же логике «больше ада», мы имеем теперь вполне материализовавшийся ад.

Роль машины в этом процессе легко оценить, если проделать простой мысленный эксперимент. Представим себе, что, по каким-то волшебным причинам, с первых дней независимости у нас утвердилась парламентская модель и выборы по спискам с низким барьером. В этом случае, «русский вопрос» исчез бы из повестки дня за две-три каденции парламента и стал бы уделом маргиналов, Россия воспринималась бы, как обычное «иностранное государство» вроде Польши, и, скорее всего, никакой войны сейчас бы не было. Почему? Потому что в этом случае логика политической машины была бы другой. Сейчас это логика президентских выборов — то есть, логика мобилизации наиболее распространенного мифа для последующего паразитирования на нем. Происходит это потому, что в прези-

дентских выборах побеждает тот, кто может мобилизовать больше, чем оппонент. Логика многопартийных выборов другая, там, прежде всего, нужно отмобилизовать какое-то меньшинство, достаточное для прохождения барьера. Конечно, это такой же обман и надувательство, как и система большинства, но содержание этого обмана в данной конкретной Украине было бы другим. На полях замечу, что президентские выборы являются основой нашей машины, именно они задают в ней основное направление, парламентские выборы лишь следуют по уже проложенной дорожке, поэтому я и сравниваю президентские выборы в одной системе с парламентскими в другой, я говорю о тех механизмах, которые определяют логику политической машины.

И еще раз. Разумеется, не прямые выборы президента, а Владимир Владимирович Путин является причиной войны, просто в случае другой политической машины, Путину бы нечего было бы тут делать. Нельзя вести гибридную войну там, где нет никакой почвы, там, где предмет накручивания не является частью повседневного, извините, дискурса. Наша политическая машина все эти годы раскручивала «русский вопрос», убедила многих людей в том, что он им жизненно необходим. Путин в этом процессе тоже принимал участие где-то с позднекучмовских времен, когда появились всякие организации «соотечественников» и началось прямое финансирование нужных политиков и партий,

но не он придумал и раскрутил этот дискурс, он лишь воспользовался им.

Теперь другой, несколько парадоксальный пример. Я заметил за собой, что читая какие-нибудь новости о жизни нашего государства, о производимых им законах и распоряжениях, волей-неволей ставлю себя на место президентов, премьеров и прочего начальства, и представляю, как бы разумно и грамотно я бы поступил в их ситуации и как спас бы галактику. И это я, старый антигосударственник. Представляю, что творится в голове у прогрессивной общественности, как скрежещут ее зубы и как сжимаются ее кулаки при виде того маразма, который в титанических объемах производит наша власть. «Да что же они делают, идиоты! Разве они не понимают, что…» — думаю, не ошибусь, если скажу, что это — референ оклополитических текстов и, особенно, комментариев к ним. Оставим в стороне содержание предложений, которые, по мнению общественности, являются правильными, а не идиотскими. Сейчас мы о другом, а именно о том, что кретинизм государства является очень ходовым товаром на рынке.

Государство сходило с ума на моих глазах, я ведь помню, как все это начиналось, как создавались «идеологические» партии, писались умные программы и т.д. и т.п. С каждыми новыми выборами система становилась все более популистской, а политики все больше напоминали каких-то умственно отсталых клоунов. Почему? Потому что, как и для СМИ, первое и главное для государства и политиков — это внимание к себе.

СМИ добиваются его, производя и продавая страх, политики — продуцируя кретинизм. И, как и в случае СМИ, их этому не учат специально и они даже не осознают, что делают. Просто побеждают те, кто способен произвести больше ада. И, таким образом, система не только поддерживается в рабочем состоянии, но и постоянно расширяется, поскольку ваше желание «показать этим негодяям» поддерживает производство политиков, выборов и всей прочей машинерии. Системе не страшна гипотетическая победа «правильных» сил, поскольку не содержание программ и деятельности политиков важны для нее, а налогообложение в широком смысле. Пока оно есть и расширяется — все хорошо. Неважно, кто там у власти. 2015

5.5. О демократии

— А как же ты стал королём?

— Богиня вод, живущая в священном озере с лучистыми водами, божественными перстами взяла священный меч Экскалибур и подала его мне. Поэтому я — ваш король.

— Сидящая в пруду баба, раздающая мечи направо и налево, не может служить основой государственного устройства. Высшая исполнительная власть должна базироваться на волеизъявлении масс, а не на сомнительном водном аттракционе.

«Монти Пайтон» и Святой Грааль»

5.5.1. Украинская власть и есть самая настоящая элита

В 1944 году Фридрих фон Хайек написал небольшую книжку «Дорога к рабству». Она до сих пор остается, наверное, самой известной его работой. В этой книжке Хайек объясняет, что немецкие нацисты и итальянские фашисты есть прямые продолжатели дела правящих до них социалистов. К власти же эта публика пришла потому, что только она могла воплотить идеи социалистов, поскольку последние пасовали перед тем фактом, что реализовать свои задумки они могут только через неприкрытое насилие. Фашисты не были такими чистоплюями, и потому на законных выборах заменили собой социалистов и воплотили их программу.

Украина является замечательной иллюстрацией этого процесса. Ведь под «программой» следует понимать не столько написанные на бумаге тезисы, сколько

те единственно доступные методы которыми они могут быть реализованы. Кстати, программа НСДАП, если из нее убрать пару откровенных пунктов, сегодня сошла бы за вполне «либеральную».

20 лет нашей истории — это бег по дороге к рабству. Причем, участники этого забега — сами украинцы. Все 20 лет украинцы с радостью отдавали государству власть над собой.

В начале 90-х увидев наряд милиции, у вас не возникало желание перейти на другую сторону улицы. Чиновнички ходили в засаленных пиджачках и радостно суетились при любой возможности «решить вопрос». Сегодня все сильно изменилось. Почему? Что стало причиной Причиной стали вы.

Чиновники — это функция бумажки, закона или другого распоряжения. Произвольно действовать без бумажки им позволяет ваше попустительство. Чтобы мелкий чинуша **не меняя должности** превратился в большого босса, должно измениться или содержание бумажек, или ваше попустительство. В нашем случае, происходило и то и другое.

Начнем со второго. 20 лет украинцы не возражали против того, что явочным порядком чиновники расширяли свою власть. Какой-нибудь указик, постановленьице, а то и просто «письмо» — документ с загадочной юридической силой, — вдруг меняли дела таким образом, что чиновники получали больше вашей власти. По

пальцам можно пересчитать случаи, когда вообще кто-то возражал, и еще меньше случаев, когда удавалось остановить процесс. Редким исключением здесь являются, например, неудачи государства в постоянных попытках отменить единый налог. А так — любая инициатива по ограничению свободы (то есть, присвоение другими людьми вашей власти над собой) молчаливо одобрялась, а то и сопровождалась радостным повизгиванием прогрессивной общественности, как, например, ограничения курения в «общественных местах» и запрет рекламы табака.

Теперь о бумажках. Все 20 лет украинцы голосовали за покращення життя вже завтра. Я бы дал автору этого лозунга премию в области маркетинга, если бы таковая существовала, ибо этот лозунг в полной мере отражает истинные чаяния украинцев и те функции, которые они хотели бы видеть у государства. И на парламентских, и особенно на президентских выборах всегда побеждала публика именно с такой программой. Причем, все это время происходил рост таких настроений как среди избирателей, так и среди политиков. Это неудивительно, ведь параллельно происходило присвоение вашей власти над собой, а поскольку только эта власть, то есть свобода, и может реально сделать вам «покращення», то дела становились все хуже. Это заставляло людей требовать от государства все нового «покращення», которое состояло в большем присвоении вашей власти и так далее. Конечно, процесс был далеко не линеен, но, в общем виде, законо-

мерность именно такова. В общем, в итоге на президентских выборах в 2009 году мы получили подавляющее большинство украинцев, разделяющих идеи покращення вже завтра, ведь в нашей теме к избирателям Януковича следует добавить и избирателей Тимошенко.

Грубо говоря, конечная цель, к которой стремятся украинцы, — это ничего не делать самим и чтобы за них все делало государство. Для достижения этой цели государство должно иметь возможность поступать так, как ему хочется и не быть связанным разного рода процедурами и ограничениями.

Для выполнения таких полномочий требуются определенные качества. Коню, чтобы выигрывать скачки или таскать тяжести, нужно обладать некоторыми способностями, причем разными, в зависимости от задачи. Такие кони, обладающие хорошими специальными качествами, называются элитными. Или пример из политической среды — элитный социалист — это нацист. То же самое происходит и у нас. Нет никакой нужды удивляться и возмущаться украинской властью. Эти люди — результат естественного отбора, который не прекращается в их чиновничьем мире ни на секунду. Именно эта публика в наилучшей степени подходит для достижения тех целей, которые вы, как избиратели, ставите перед ними. Другие тут просто не справятся. И, кстати, что-то заставляет меня думать, что Янукович — это еще далеко не предел. 2012

5.5.2. Победа Путина — победа демократии

Читатель, увидев такой заголовок, наверняка ждет чего-то в духе «это вы сами выбираете таких президентов, вот теперь и расхлебывайте» или «большинство всегда неправо, потому, что большинство — дебилы». В какой-то степени это, конечно, правда, ведь, в конце концов, Путин победил бы и без подтасовок[4], подтасовывали, чтобы гарантировать отсутствие второго тура, ибо там было бы куда сложнее, но, повторю — в этой заметке будет не об этом.

В заметке будет немного о самом принципе демократии. Давайте сразу отделим суть от прилагаемых к этому принципу эмоций, мифов и ожиданий. Когда у нас говорят «демократия», имеют в виду нечто безусловно позитивное, правильное, эффективное, короче, нечто, что всегда и везде приносит пользу людям. Слово «демократия» в повседневной жизни используется как некое обобщение, которое еще можно сформулировать словами «как у них», то есть, как на Западе. Вот на Западе хорошо, там везде демократия, следовательно, демократия — есть причина того, что там хорошо. Чтобы не путаться в этих представлениях, сразу скажем, что демократия есть лишь процедура принятия решений большинством голосов — в частности, прямые выборы разного рода государственных начальников и принятие законов голосованием в парламенте, и речь пойдет именно об этом. Демократия также неот-

[4]Речь идет о президентских выборах в России

делима от представления о том, что любое действие законно избранной власти легитимно, если оно соответствует норме, принятой по установленной процедуре, и идеи «закон одинаков для всех».

Давайте теперь договоримся, что «Путин» в нашей заметке — это не конкретный человек, а любой избираемый на выборах начальник, так сказать, олицетворение системы. И еще договоримся, что речь пойдет о демократии вообще, применительно к любой стране. Разумеется, постсоветские «мы» имеет ого-го какие особенности и специфику, и эти особенности, — кто бы спорил, — искажают действие демократии, но, в данном случае, речь о самом принципе.

Вот как выглядит популярное изложение принципа демократии. Поскольку закон одинаков и обязателен для всех, то «все» и должны принимать участие в процедуре его разработки. Эти «все» голосуют на выборах, избранные ими представители, опять-таки, большинством, принимают законы, а избранные на других (или тех же самых в случае парламентской республики) выборах исполнители эти законы исполняют. Еще бывает, когда на выборах избирают тех, кто трактует законы, то есть судей, но это уже детали. Понятно, что в такой системе большинство может принимать законы, ущемляющие меньшинство, но, говорят нам, такова жизнь, вам, пацаны, просто не повезло, работайте — и на следующих выборах все будет хорошо. Тем более, говорят нам, «большинство» и «меньшинство» существуют по каждому вопросу, вопросов этих мно-

го, они разные, они пересекаются между собой, вот, в итоге, все уравновешивается, наступает гармония и благорастворение воздухов.

Однако, давайте подумаем над вот какой вещью. Когда мы в обычной жизни прибегаем к процедуре голосования и принятия решений большинством? Когда все участники, что называется, в курсе дела и хорошо представляют себе последствия выбора. И очень часто в той ситуации, когда нужно выбрать конкретного исполнителя совершенно четкой и конкретной функции, когда выбор имеет даже большее значение для самого исполнителя, а не для выборщиков, поскольку функция будет исполнена в любом случае. Но так ли обстоят дела в случае политической демократии? Вопрос риторический.

Поскольку закон одинаков для всех и любой правильно принятый закон легитимен, то при демократии всегда будет устойчивая тенденция зарабатывать в самом широком смысле через голосование на выборах. Например, грабить «богатых» в пользу «бедных». Навязывать представления о жизни одних людей другим людям. Сажать в тюрьму и убивать других людей потому, что так решило большинство. Демократия, сама по себе, не содержит защиты от такого хода событий.

Слышу, как мне кричат, что все защищено «правами человека». А откуда они берутся? Они записываются в конституцию. А чем сильна конституция? А тем, что принята парламентом или референдумом. Почему

она заставит соблюдать права человека? Потому что права человека записаны в конституцию. А чем сильна конституция? Тем, что она принята… Только мне одному видится здесь змея, укусившая себя за хвост?

Ход событий в демократической системе будет именно таким — все будет постепенно эволюционировать в направлении прямого законного насилия одних людей над другими. И последствия очевидны: зачем работать, если можно ограбить законным путем? И это относится к обеим сторонам — тем, кто мог бы работать, но не будет, потому что все равно ограбят и тем, кто не работает, потому, что думает, что все достанется ему.

И самое интересное вот что. Ведь это только кажется, что в демократической системе победители меняются от выборов к выборам. Нет, на самом деле, вне зависимости от результатов выборов, всегда выигрывает третья сторона — Путин. Ведь победившая сторона первым делом увеличивает полномочия и возможности Путина. Проигравшая не будет возражать по этому поводу, так как надеется использовать их, когда сама придет к власти. Придя к власти, она еще больше увеличивает полномочия Путина и так далее. Сам Путин в своих многочисленных реинкарнациях, всегда действует на выборах одинаково — обещает как можно больше золотых гор и «решений проблем», что, конечно, подразумевает рост его полномочий.

Что мы видим в итоге? Украину или Россию, где вся реальная политэкономическая власть сосредоточена у Путина — политического класса, власти, государства — называйте, как хотите. Все это есть закономерный итог демократии большинства и принципов «легитимно все, что законно» и «закон один для всех». Почему этого нет на Западе, где такая же демократия? Там нет этого (пока еще) потому, что в отличие от нас, демократия там ограничена. Она ограничена правом, традициями частной собственности, ответственности и полномочиями государства, точнее, представлениями людей о том, что позволительно делать государству, а что — нет. Уберите это все — будет вам Россия с Украиной. И, кстати говоря, «это все» постепенно убирается.

В нашем случае, нейтрализовать демократию может только естественный процесс самоорганизации. А он может быть лишь в том случае, если новоизбранный Путин ничего не будет делать. Но ведь он будет, вот ведь в чем дело. Демократия побуждает «бороться», «наводить порядок», «искоренять», в общем, всячески мешать людям самим организовывать жизнеспособные общественные связи. Самое грустное, что с демократией у нас все согласны. Никто не обсуждает не то, что ликвидацию порочного принципа, а даже необходимость ограничения и четкой фиксации полномочий государства, не говоря уже о его ликвидации. По-
2012 этому, похоже, Путин тут надолго.

5.5.3. Мир сказок или Должна ли кухарка управлять профессором?

События вокруг Рады-3[5] — лишнее печальное напоминание нам всем о том, что политика в ее видимой части, есть не более, чем спектакль, прикрывающий какие-то другие дела. Ведь, если бы это было не так, то никто бы не устраивал истерик по поводу того, что депутаты голосуют «за того парня». Если бы речь действительно шла о каких-то рационально оцениваемых мерах, способных решить проблему, то первое, что должны были бы сказать депутаты это: «Постойте-ка, а как это у нас в одной палате оказались мажоритарщики и партийно-списочные депутаты? Давайте срочно что-то делать». Ибо суть всей проблемы в том, что разный порядок избрания депутатов предполагает и разную организацию последующего процесса. И если субъект выборов — партия, то депутат от списка вправе передать свой голос близлежащему товарищу, но если субъект выборов — отдельно стоящий депутат, то он обязан всегда голосовать лично. Это очень простое и рациональное правило: «за кого голосует избиратель, тот и голосует в парламенте». И потому решить вашу «проблему» можно, только, если в одной палате будут депутаты, избираемые одинаковым образом, и решения эти — либо создание второй палаты, либо изменение закона о выборах.

[5] Речь идет о махинациях с системой голосования

Но на самом деле, как видим, решения проблемы не нужно. Нужно постоянное шоу «они не дают нам принимать законы!». И понятно, что когда решат проблему с «Радой-3», появится что-нибудь другое. Кстати, напоминаю, что участники этого шоу будут периодически меняться местами. Через некоторое время «регионы» будут в оппозиции, а нынешние оппозиционеры — у власти. Но кто тогда вспомнит, что было вчера? Комедия все равно продолжится.

Я привожу этот пример для того, чтобы сказать, что вся эта система — сплошная сказка. Именно сказка, а не, к примеру, миф, потому что мифы — штука укорененная, их нужно отдельно выколупывать из сознания, а сказка рассыпается от сравнения с реальностью. Но, тем не менее, она живет и процветает.

Сказкой, например, являются все те якобы проверенные и чуть ли не научные мнения, на которых основан «закон» и «законодательство». Вот даже в нашем случае, в основе всей ситуации лежит твердая убежденность публики, что законы нужны. Депутаты и устраивают шоу с якобы серьезной проблемой голосования потому, что публика убеждена в необходимости законов. «Мы бы и рады постараться, но негодяи не дают» — вот послание, которое потребляет с большим удовольствием прогрессивная общественность, и то, что события происходят в сказке, как раз и подтверждается реакцией публики. Имей мы дело с реально существующей проблемой, мы бы сразу же услышали «вы там закон о выборах измените, и побыстрее, а то

время идет». Но где там! Все наслаждаются захватывающей историей.

Так вот, о законах. Если бы была возможность показать нашу систему (речь, в данном случае, обо всех «демократиях») людям, с именами которых связывают наступление «эпохи прогресса и демократии», большинство из них, изучив ее, сказало бы: «Вы это серьезно? Та я вас умоляю». Да, принятие неких законов сходбищами людей либо специально отобранными волосатыми старцами имело место в нашей истории и задолго до появления всяких государств и во время их существования. Но те люди, даже если и не знали друг друга лично, (а, как правило, знали), прекрасно представляли себе, о чем идет речь. Образ их жизни был, скажем так, незатейлив, и все эти законодатели были не профессиональными политиками, а зарабатывали на жизнь честным трудом. И потому их попытки создавать некие правила, по крайней мере, были адекватными той среде, в которой осуществлялись и, что самое важное, относились к ним самим в той же мере, что и ко всем остальным. В данном случае, я говорю о позитивном законодательстве. Ибо все остальное вообще не нуждается в сходбищах и старцах (если они не выполняют роль суда, конечно). Это «все остальное» хорошо известно с незапамятных времен, совершенно одинаково у всех народов и сводится к словам «не убий, не укради».

С углублением разделения труда и усложнением жизни создание права все больше переходило к тем,

кому оно было необходимо в их деятельности. Наше торговое право создано торговцами. Морское право — моряками. Ну, а сходбища граждан вполне могут в таких условиях заниматься решением вопросов, возникающих по месту их жительства. Объяснить, почему такое же сходбище, только «на государственном уровне», должно решать вопросы деятельности моряков, торговцев и вообще всех, кто не спрятался, невозможно.

И вы только вдумайтесь — ведь на полном же серьезе гуляет в народе легенда, что по итогам выборов ваши мнения «суммируются» или (более продвинутая версия) «учитываются». То есть, в случае принятия закона для профессоров, складываются мнения трех профессоров и пяти кухарок. И то же самое происходит, когда принимаются решения для кухарок. И знаете, какие это решения? Это решения, которые не устраивают ни профессоров, ни кухарок. Но все верят, что это кому-то действительно нужно. Что поделаешь, сказки.

2013

5.5.4. Лечим гонорею сифилисом

Интересные вещи происходят. Оказывается довольно много милых и замечательных людей проголосовало за «Свободу» потому, что она… против ПР. Я считал такое поведение своего рода киевской экзотикой, но должен признать, что я ошибался, и это весьма распространенный… ээээ… тренд.

Я постараюсь запомнить это обстоятельство выборов 2012 года, поскольку оно очень хорошо иллюстрирует то, как «работает» демократия, а именно, тот факт, что даже вроде бы вполне грамотные и образованные избиратели голосуют исключительно за обертки, не пытаясь даже вникнуть в суть дела.

Давайте определимся с тем, что может означать «быть против ПР». Чем должна заниматься «Свобода», чтобы мы сказали, что она «против ПР»? Понятно — безусыпно следить за действиями ПР, саботировать решения, кадровые назначения, критиковать и выкладывать демотиваторы в фейсбуке. Но этим по определению занимается любая оппозиция и даже кое-кто из «своих» в партии власти. Допускаю, что выбор в пользу «Свободы» диктовался тем, что орут они громко, морды у них серьезны, брови насуплены, а глаза — выпучены. Это, безусловно, важный фактор в выборе, и я вполне допускаю, что он работает. Тем, кто громче всех кричит, охотнее верят в таких делах, как «держи вора». Но видите ли, в чем дело. Я бы никогда не писал эту колонку, если бы оппозиционная деятельность была институционализирована как-то отдельно от властной. Ну, то есть, если бы у «власти» и «оппозиции» были разные парламенты и вообще разная работа. **Если бы мы выбирали отдельно власть и отдельно тех, кто за ней следит, клеймит и ставит палки в колеса, если бы у них была разные функции и разные источники финансирования**. Но это, увы не так. Это только в телевизорах да в интернетах дело выглядит

выглядит таким образом, будто бы политики заняты непрерывной войной друг с другом. На самом же деле 90% работы всех без исключения депутатов состоит в унылом и однообразном «нормотворчестве», создании тех приказов, распоряжений и директив, которые диктуют нам с вами, как нам жить. И здесь «власть» никак и ничем не отделена от «оппозиции». И те, и другие разрабатывают и принимают законы, и делают они это в одном и том же учреждении, функционирующем по общей для них всех процедуре.

И потому, для того, чтобы сказать о какой-то партии, что она «против» другой, нужно быть твердо уверенным в том, что именно в этой главной сфере деятельности идеи и методы сравниваемых партий противоположны друг другу. Но в нашем случае — увы и ах — это совсем не так. Даже сторонники выбора за «Свободу» на основании того, что она «против ПР», чаще всего признают, что и те, и другие исповедуют принцип «отнять и поделить». В своих подходах к тем приказам, которые они будут для нас издавать, «Свобода» и ПР отличаются разве что декларациями в адрес России. Разве «Свобода» будет против роста полномочий государства, вмешательства в частную жизнь, в экономику? Разве они будут против, скажем, биометрических паспортов? Нет, они просто внесут в них графу «национальность».

В интернете промелькнуло замечательная фраза о том, что раньше сифилис лечили малярией. Поскольку и у нас речь идет о «болезнях от любви», то для пол-

ноты аналогии заменим малярию гонореей. Очевидно, что человек, который пытается лечить гонорею сифилисом, имеет в результате такой попытки и гонорею и сифилис. Возможно, гонококки и бледные трепонемы отважно сражаются между собой внутри его организма, но пациенту от этого не лучше. Ему явно хуже. 2012

5.5.5. Если бы я был депутатом

Сразу говорю — если бы я был депутатом, я бы почти не ходил на заседания Рады. На те заседания, на которых я бы появлялся, я бы читал газеты и журналы и занимался мелкой подработкой в интернете. Я бы доверял товарищам по партии голосовать за меня и сам бы голосовал по их просьбе. Если бы депутатскую неприкосновенность отменили бы, я бы вообще перестал бы что-то делать. Аналогичный эффект произвела бы реализация идеи отзыва депутата избирателями. И, должен сказать, что для тех целей, которые прогрессивная общественность приписывает депутатам и парламентаризму в целом, я был бы очень хорошим парламентарием.

Я не шучу. Судите сами. Законодательство — это длительная и утомительная процедура. Работа непосредственно над законом, после того, как ее закончит автор, происходит в парламентских комитетах. Депутат, который интересуется вопросом, прекрасно знает состояние дел задолго до того, как закон попадает в зал. Если закон находится в сфере его интересов, в за-

ле нужно быть для того, чтобы контролировать поправки и ход процедуры. Во всех остальных случаях там просто нечего делать. Точно также там нечего делать в тех случаях, когда вы ничего не понимаете в предмете закона. В чем смысл вашего присутствия? Человек не может знать всего на свете, и депутат — не исключение. Одна из причин появления партий как раз и состоит в том, что общая идейная основа избавляет ее участников от необходимости разбираться во всех деталях. Поэтому нет ничего страшного в том, чтобы отдать карточку товарищу с просьбой проголосовать, как надо. Для политика есть куда более важные дела, чем нажимание кнопок в зале.

Какие, например? А вот те самые, которых та же самая общественность с нетерпением ожидает от политиков и, прежде всего, — исполнение представительских функций. То есть, защита интересов своих избирателей. От кого? Да понятно же от кого — милиция, прокуратура, налоговая — мало ли у людей естественных врагов в природе. Такая работа требует много времени, энергии и самоотдачи. Но если вы лишите меня неприкосновенности — до свидания. Защищайтесь как-нибудь сами.

Тот же самый результат, только в более извращенной форме, вы получите, если реализуете свою э-э-э-э… удивительную идею об отзыве депутатов избирателями. Чем более активен депутат в исполнении своей роли народного защитника, тем больше у него врагов. И тем больше их желание избавиться от такого

активиста. Всегда найдутся и недовольные избиратели. При должной сноровке нетрудно организовать кампанию за отзыв, ну а используя всем известный «пеар» и прочие находки изобретательного человечества, такую кампанию можно даже довести до победного конца. В общем, получите результат, прямо противоположный ожидаемому, а именно, полное торжество принципа «спасение избирателей — дело рук самих избирателей».

К чему я это все пишу Смотрите. Выше перечислена основная часть хотелок, которыми страдает прогрессивная общественность в отношении парламентаризма. Однако, все они явно противоречат той реальной пользе, которую депутат, по мнению той же общественности, должен приносить народу. Интересно, что сами политики прекрасно знают обстоятельства, о которых я сказал. Но они никогда не говорят об этом. Интересно также, что некоторая часть прогрессивной общественности, по крайней мере, в лице ее вожаков и активистов, тоже в курсе дела — кто-то был депутатом, кто-то помощником, а кто-то просто «крутился в кулуарах». Но это, как видим, никого не останавливает.

Все это, как по мне, говорит о том, что система, именуемая демократией, в которой избиратели путем выбора якобы способны задать правильный импульс политикам, не работоспособна сама по себе. Как видим, в нашем случае, наиболее популярные претензии, которые избиратель предъявляет депутату, просто не имеют практического значения, а методы, которыми из-

биратель хочет лечить парламентские болезни, прямо противоречат интересам самого избирателя.

На самом деле, тут нет ничего удивительного. Ведь избиратель ничего не **выбирает**. Выбор — это добровольный отказ от одного в пользу другого. Например, покупка в магазине. Депутатов, к сожалению, избиратель не покупает. Поэтому он не знает цены ни депутатам, ни их обещаниям. Избиратель просто пребывает в состоянии сладкого бреда в отношении того, чем, как и почему должны заниматься депутаты и другие политики, что они могут, а что — нет, ведь все это для него — халява. Да, с него дерут налоги в три шкуры, но он их платит под анестезией косвенного налогообложения и уплаты налогов предприятиями вместо работника. И опять-таки, налоги — это просто принудительное изъятие собственности, поэтому никакого выбора «налоги взамен услуг» тут нет.

Выборы хороши для клуба, в котором все участники платят добровольные взносы на абсолютно понятные им цели, которые, собственно, и объединяют этих людей. В этом случае, выборы какого-нибудь председателя или казначея — это просто процедура назначения на некоторую должность с известными полномочиями. Это назначение, кстати, не обязательно требует именно выборов, может проводиться и жеребьевка, например.

В большой стране, в которой интересы людей различны и часто вообще противоположны, выборы лю-

дей, которые заняты тем, что отнимают и распределяют ваши деньги — профанация и фарс. И, собственно, самое важное — такая процедура не может быть по определению организована «рационально». Избиратели, и особенно прогрессивная общественность, которые как бы призваны следить за процессом, неизбежно впадают в маразм, живут мечтами о волшебной стране Кокейн и с удовольствием, с песнями и плясками, водят сами себя за нос. 2012

5.5.6. А ведь это мы их нанимаем

Представьте себе, что в газетах или «фейсбуках» бодро обсуждаются такие темы. Возмущенные зрители блокбастера «Самый крутой блокбастер» требуют отставки режиссера и увольнения актеров. Активисты намерены блокировать пекарню номер три, в которой пекут невкусные булочки. Пассажиры компании «Пролет» объявили голодовку с требованием открыть рейс в Гондурас.

Или, скажем, представьте себе такой диалог, происходящий между бизнесменами.

— Вчера на меня стоматологи напали. Просверлили два зуба, еле откупился

— Это еще ничего. За мной плиточник охотится. Он на днях, когда меня дома не было, проник в квартиру и успел половину ванны плиткой выложить!

— Да ты что! Кошмар!

— Да. И не знаю, как откупиться. У тебя выходов на плиточников нет

— Нет. Плиточники — это серьезная контора…

На самом деле, такие обсуждения и такие диалоги — не абсурд и не плод моей фантазии. Это то, чем живет наша прогрессивная общественность. Что не так, в приведенных мною примерах, что вызывает ощущение абсурда? То, что в этих примерах речь идет об отношениях между сторонами, одна из которых по контракту предоставляет услугу другой. И такие отношения весьма прозрачны и просты. Если нам не понравился блокбастер, мы знаем, что это наши проблемы. Не повезло. Невкусные булочки пекарни номер три мы просто не покупаем. А если нам нужно в Гондурас, то мы находим компанию, которая летает в эту замечательную страну, а не устраиваем голодовку. И во всех случаях, если условия контракта это позволяют, мы можем потребовать деньги обратно.

В самом общем смысле такая ситуация называется «мы наняли их на работу». И вот, что интересно. Именно такой, извините, за выражение, «мем» популярен сейчас у прогрессивной общественности в отношении… чиновников. Общественность уверена, что она их каким-то образом «нанимает на работу». При этом, общественность постоянно взывает друг к другу с мольбами приложить отдельные и весьма нешуточные усилия для того, чтобы принудить чиновников исполнять работу, на которую их якобы наняли. Более того, множество людей в нашей стране из кожи вон лезут для того, чтобы нанятые ими чиновники не делали того, ради чего их вроде бы наняли. Стоматологи и плиточники появляются в нашей жизни, тогда, когда

они нам необходимы. Чиновники появляются тогда, когда им нужны мы. И наша общественность считает оба этих случая «наймом на работу».

Я понимаю, что очень не просто расставаться с укорененными с детского сада и школы иллюзиями. Ведь на самом деле, если поинтересоваться тем, а был ли когда-нибудь контракт, по которому эти люди правят нами, то выяснится, что его никогда не было. Так что никакого «найма» в окружающей нас природе не существует. С другой стороны, я еще помню те времена, когда сам вопрос о происхождении власти чиновников просто не мог возникнуть. И не потому, что могли репрессировать, хотя и такое тоже было, а потому, что эта власть воспринималась естественной, как смена дня и ночи. Теперь, по крайней мере, такие вопросы уже возникают. Ответы пока что неудовлетворительны, но будем надеяться, это дело времени. 2013

5.5.7. Новая победа демократии

Автор этих строк давно уже заметил, что как только он соберется написать о чем-нибудь, с его точки зрения важном и значимом, как обязательно случится какая-нибудь гадость, от написания о которой просто невозможно уклониться в силу обязанностей. Это ставит меня перед непростым выбором — то ли прекратить писать о важном, дабы гадости больше не происходили, то ли… дальше мысль останавливается.

В общем, как вы уже поняли, речь пойдет о сегодняшнем заседании Рады, на котором со скоростью звука был принят государственный бюджет на 2014 год, а также целый ряд прекрасных и нужных стране законов,[6] например «больше трех не собираться» применительно к автомобилям, об «экстремизме», (мы все экстремисты, если кто не в курсе), о клевете (о начальстве теперь нельзя сказать ничего плохого), о возможности завести уголовное дело и судить вас без вашего ведома, ну и так далее в том же духе.

Общественность, которая почему-то считала, что таких законов в природе быть не может, страшно возмутилась. Поговорив с общественностью, автор выяснил, что ее претензию можно сформулировать примерно так: законы нелегитимны, поскольку регионалы голосовали с нарушением процедуры — руками, что заставляет подозревать их в том, что на самом деле у них не было большинства голосов.

Сразу возникает вопрос — ну, а если бы регионалы честно голосовали карточками с одновременным поднятием государственного флага, исполнением гимна и надлежащим патриотическим блеском в глазах — это было бы хорошо и правильно? Ведь это же считается честным — «ихние» победили «наших» на выборах, получили большинство и теперь принимают такие законы, какие хотят. В чем здесь проблема, что не так? Это

[6]Речь идет о «диктаторских законах 16 января» 2014 года

ведь и называется «демократия» и за это ведь и борются «прогрессивные силы», разве нет?

«Проблема Гитлера», то есть, тот факт, что один из самых выдающихся диктаторов современности пришел к власти мирным путем и затем точно так же мирно и легитимно демократическим голосованием в парламенте отменил всякие разные там конституции (хотя, в принципе, мог этого и не делать) всегда была неразрешимой для теоретиков демократии. В свое время, когда автор этих строк еще мог назвать себя демократом, этот вопрос тоже не давал мне покоя. В конце концов, я дал себе труд выяснить, в чем же проблема. Оказалось, что демократия и «проблема Гитлера» — это просто частный случай более общей проблемы, а именно — вопроса о том, по какому праву одни люди решают, как должны жить другие люди, и обязывают их поступать так с помощью силы. И, в принципе, неважно, делает ли это единоначальный диктатор или некая группа людей, считающихся «представителями народа». Главный вопрос именно и только в этом. Демократия отличается здесь от диктатуры только тем, что создает иллюзию некоего представительства и некой игры (наши победили ваших, но ваши смогут победить наших в следующих раз), но проблема остается той же, ибо совершенно неясно, почему «ваши» должны насильно навязывать «нашим» какие-то ограничения их свободы.

Я оставлю сейчас в стороне все эти разговоры о законах, об их необходимости и о том, какими они долж-

ны быть, если кто-то докажет, что они необходимы. На эти вопросы тоже есть ответы, сегодня у нас обсуждается только демократия.

И в связи с демократией последний вопрос, а точнее, ответ на популярную реплику «но на Западе же она работает!» Если, опять-таки, дать себе труд разобраться в этом вопросе, мы увидим, что Запад богат не благодаря, а, скорее, вопреки демократии. Увидим также, что в случае Запада демократия возникала и расширялась одновременно с расширением государственного регулирования и была, собственно, его формой. Все это происходило постепенно и незаметно, и Украина, кстати, прекрасная модель этого процесса. Расширение полномочий государства происходило постоянно все эти 20 лет и часто сопровождалось даже одобрительными криками прогрессивной общественности (это ведь меры против плохих, а не против хороших), ну, а теперь — вуаля! — добро пожаловать в мир Кафки. То, что случилось сегодня, отнюдь не какая-то экстраординарная неожиданность, просто абсурдность происходящего гораздо лучше видна на фоне политического кризиса.

И еще одно о демократии «на Западе». Запад имеет решающее отличие от нас в том, что гражданское общество там не было разрушено царистами, коммунистами, голодом и террором. Это означает, что горизонтальные связи и порождаемые ими структуры там еще достаточно сильны, хотя тамошнее государство, конечно же, неусыпно работает над решением этой

проблемы. Атомизированное многолетним коллективизмом общество, в котором мы живем, отличается от гражданского общества Запада тем, что, упрощенно говоря, западные люди, первым делом, используют горизонтальные связи, то есть, обращаются друг к другу, а не к государству. На практике это означает, что западная демократия сильно ограничена гражданским обществом как в реальной практике (общество просто само делает часть работы, которую наши люди считают государственной), так и, что значительно важнее, ограничена представлениями граждан и самих политиков о том, что можно и чего нельзя государству. Нашему же государству можно все. Хуже того, наше государство в глазах украинцев должно и обязано делать все. Вот оно, собственно, и делает. В этом и состоит принципиальная разница между «нами» и «ними» и ответ на вопрос, почему там «работает», а у нас нет.

Ну и вывод, по моему скромному мнению, состоит в том, что вместо того, чтобы возмущаться вполне логичными и предсказуемыми действиями власти, мы должны наконец-то задуматься о причинах, которые делают возможными такие действия. 2014

5.5.8. Почему кривая демократия лучше, чем прямая

Идея прямой демократии, так сказать, овладевает массами. В сети появляется все больше текстов, в которых авторы объясняют, как удобно будет нам всем

голосовать за все, что захочется, нажимая кнопки на айфончике и без всякой там Верховной Рады. И это не может не удручать, ибо прямая демократия несет беду гораздо большую, чем кривая.

Объясню. Чем отличается прямая демократия от представительской? В нашей доморощенной версии — прежде всего, отсутствием этих самых представителей. Тезис звучит примерно так — при нынешнем развитии технологий больше нет никакой потребности в пацанах в Раде, мы можем сами, не выходя из дома, в любое удобное время принимать нужные законы.

Замечу, что, скажем, в русскоязычной Википедии, все это дело выглядит именно как «народовластие», то есть, процесс, инициируемый и существующий в обществе. То есть, это мы как бы сами для себя и в своих собственных интересах делаем. Однако, совсем нетрудно убедиться в том, что это не так, и в этом смысле идея прямой демократии полезна, так как позволяет лучше понять откуда и зачем взялась демократия в том виде, в котором мы ее наблюдаем сегодня, и осознать угрозу, которую несет ее «улучшенная» версия.

Однако, по порядку. Давайте представим себе свободное общество. Вот я живу в таком обществе и, скажем, зарабатываю тем, что вожу товары из Китая и продаю их в Украине. Мой уровень жизни зависит от того, насколько мне удается удовлетворять потребности украинцев товарами из Китая. Я заключаю контракты, конфликты решает (частный) суд, если необ-

ходима какое-то принуждение, в дело вступает (частная) полиция, с которой у меня тоже контракт, или которая действует в рамках моей страховки и страховок контрактов и собственности — вариантов может быть миллион, в данном случае речь не о них. В общем, все идет хорошо, и тут вдруг какие-то фрики «голосуют» с помощью айфонов за «пошлины на импорт из Китая». То есть, выходит, я должен платить кому-то просто за то, что я вожу товары из Китая и продаю их в Украине. Платеж этот не есть санкция за невыполненный контракт, он вообще никак не связан с моей деятельностью, это просто частное мнение неких фриков о пользе, которую приносит сферический в вакууме «импорт из Китая», при этом даже не самим фрикам, а вообще непонятно кому. Как вы думаете, куда я пошлю фриков с их айфонами и голосованием? Правильно думаете. Если же всерьез, то совершенно очевидно, что в свободном обществе не только не нужна, но и невозможна никакая прямая, и уж тем более кривая демократия. То есть, посыл ее адептов о том, что «это мы тут сами для себя решаем, а начальство у нас бегает на побегушках» глубоко ошибочен. Голосование фриков имеет смысл только тогда, когда они знают, что есть суды (монопольные) и полиция (монопольная), которые мало того, что придут ко мне спросить, а где же пошлина на импорт из Китая, так мне еще нельзя будет им сопротивляться, ибо за сопротивление властям эцилопп бьет палкой по ночам. Мало того, голосование фриков имеет смысл только, когда существуют закрома Родины — место, куда трудолюбивые монопольные

пчелы несут все эти пошлины, налоги и прочие поборы. Таким образом, у нас складывается вполне знакомая картинка государства. И становится понятно, что не начальство бегает на побегушках у фриков, а фрики работают на пополнение закромов начальства. Правда, делают они это добровольно, радостно и с огоньком, поскольку ощущают себя в царстве свободы. Этим и отличается прямая демократия от кривой.

Более того, очевидно, что только государство и выигрывает от такого положения дел, ведь вооруженным людям, которым вы не можете сопротивляться, поскольку лишены такого права, вообще говоря, по барабану, за что именно «голосуют» наши фрики. Они могут голосовать за то или за это, в результате, проигрывают то одни, то другие группы, но государство всегда в выигрыше, потому, что без его монопольного «тащить и не пущать» всего этого праздника уютного айфонного голосования просто не будет.

То есть, причины и следствия выглядят обратно той картине, которая складывается в голове у сторонников прямой демократии. А именно, прямая демократия (как до нее — представительская) — это просто инструмент в руках у государства. Для выкачивания налогов, разумеется. И да, прямая демократия более эффективна, чем представительская. Для государства, не для вас.

Собственно, история весьма наглядно показывает этот процесс, который, конечно, является не спланиро-

ванной акцией или заговором, а естественным поведением сложной системы под названием «государство», ее попыткой приспособиться к изменениям в другой системе — обществе, на котором она паразитирует.

Не случайно представительская демократия в том виде, в котором мы ее знаем сегодня, завелась в богатых обществах, сменив режим, который можно условно назвать республиканским. Этот режим отличался тем, что государство довольно эффективно контролировалось, причем единственно возможным способом — финансовым. В Британии, например, парламент каждый год утверждал налоги. Не существовало «налогов вообще», к которым мы привыкли и считаем само собой разумеющимися. Налоги, к которым мы привыкли, назывались чрезвычайными, потому, что «обычными» считались доходы короля от своих земель и прочих плюшек. Все, что выходило за эти рамки, являлось чрезвычайным и требовало утверждения парламента, которое и происходило каждый год. Государство жило на голодном пайке, что позволяло обществу расти и развиваться, а Британии править морями и половиной мира. Представительская демократия была ответом государства на эту ситуацию. Под соусом заботы о сирых и убогих, под видом создания полиции, всеобщего образования и социального страхования государство взяло свое. Расширение избирательного права и прочие реформы такого рода лишили общества возможностей контролировать государство, и уже в конце 19 века Дайси в своем «Конституционном пра-

ве Англии» писал, что хотя процедура голосования за чрезвычайные налоги еще существует, прогрессивная общественность может не волноваться, — это чистая формальность, и необходимый для ее прогрессивных нужд бюджет всегда будет собран. Хуже того, представительская демократия втянула в политическую борьбу «широкие народные массы», пообещав им разные плюшки за «государственный» (а фактически — за их собственный) счет и превратив политический процесс в ту самую борьбу всех против всех, которой так опасался Гоббс. Это, пожалуй, самый страшный результат представительской демократии.

Таким образом, к 30-м годам 20 века условно республиканская система была заменена демократической. Заметим, что внешне вроде бы ничего не изменилось, но функционально это совершенно другая система, где-то даже противоположная предыдущей. Это хорошо видно по роли парламента. В «республиканском» парламенте заседают налогоплательщики, функция которых — ограничить собственные затраты, в демократическом заседают налогополучатели и представители враждующих групп налогополучателей, функция которых — максимально расширить налогообложение в широком смысле и победить конкурентов в борьбе за бюджетные расходы. Украинский парламент — прекрасная иллюстрация этого состояния дел. «Олигархи» и всяческие представители сирых и убогих играют в нем одну и ту же роль — уве-

личить распределение национального продукта через бюджет.

Прямая демократия и ее спутник в виде электрического правительства есть простое продолжение процесса приспособления и совершенствования государства. За годы представительской демократии «широкие народные массы» так и не осознали суть происходящего, но приобрели недоверие к ее институтам. То есть, они догадываются, что что-то здесь не так, но что именно — не знают и потому не доверяют «всем этим депутатам». В итоге, сбор удоев падает, публика не желает платить нелюбимому государству. В этом смысле идея прямой демократии через айфончик выглядит для государства крайне ободряющей, поскольку она снова позволяет государству — единственному бенефицианту во всем этом деле — выглядеть «всего лишь» инструментом, который добрые люди используют для добрых дел.

Думаю, что содержанием политического конфликта в скором времени как раз и будет борьба прямой и кривой демократии — «прозрачности и прогресса» против «архаики и казнокрадства», то есть борьба между группами, привыкшими пилить отобранные у народа деньги через бюджет, законодательство и прямое регулирование и группами, которые понимают, как можно это делать без заседаний в парламенте. То есть, фактически повторится история конца 18 и 19 века, когда менее эффективный феодальный способ при-

своения уступил место более эффективному демократическому.

И последнее. Я не зря обратил внимание на то, что представительская демократия завелась в богатых и преуспевающих странах, поскольку это весьма эффективный кровососущий орган, в работу которого, к тому же, прямо вовлечены и его жертвы. Слабые общественные организмы не выдерживают таких нагрузок. То, что демократии толком не прижились нигде, кроме стран Запада (то есть, богатых стран), и везде приводят к вечным неурядицам и конфликтам — хорошо известный факт. И потому очевидно, что более совершенная модель кровососания — прямая демократия — будет для них просто губительна.

2014

5.6. Немного о практике

«Все яростнее и свирепее сражались и та сторона и другая. Когда сэр Кэй увидел, что под сэром Грифлетом нет лошади, устремился он на короля Нантреса, выбил его из седла, а коня его отвел к сэру Грифлету и помог ему подняться в седло. И еще сэр Кэй тем же копьем сокрушил короля Лота и нанес ему жестокую рану. Это увидел Король-с-Сотней-Рыцарей, и ринулся он на сэра Кэя, выбил его из седла, увел его коня и отдал королю Лоту, и он сказал ему на то: «Грамерси». А сэр Грифлет, увидев, что сер Кэй и сэр Лукан-Дворецкий оба пеши, поднял острое копье, тяжелое и квадратное, и ринулся на Пионеля, славного рыцаря, поверг его вместе с конем наземь, а затем взял его коня и отдал сэру Кэю. Тут король Лот увидел, что под королем Нантресом нет коня, устремился он тогда на Мелиота де ла Роша, сокрушил всадника вместе с конем, а коня отвел к нему и помог ему подняться в седло. А Король-с-Сотней-Рыцарей, увидав, что пешим бьется король Идрис, бросился на Гвинаса де-Блуа сокрушил его наземь, и коня и всадника, и отдал коня королю Идрису и помог ему сесть в седло. После того король Лот выбил из седла сэра Кларинаса и его коня отдал герцогу Эстансу».

Томас Мэлори. «Смерть Артура»

5.6.1. Мы все опять «под статьей»

— Если я Мелкий Бог, то я должен что-то запретить моим последователям
— Запрети брокколи
— Почему брокколи?
— Не знаю, все так делают

Терри Пратчетт. «Последний герой»

Недавно Верховна Рада приняла закон, запрещающий хранение порнографии. Теперь вы считаетесь преступником, если храните у себя изображения голых

теток и дядек. Факт принятия именно такого закона настолько показателен, что заслуживает специальной заметки.

На самом деле эта история затрагивает несколько различных проблем и именно этим она важна. Попробуем кратко рассмотреть проблемы в порядке возрастания обобщенности.

Обычная практика политических преследований

Скажу сразу — я ничего не знаю о действующем законодательстве, призванном «регулировать» распространение порнографии. Пишу я об этой теме не потому, что я «за» порнографию, а потому, что меры, которые якобы призваны ее ограничить, во-первых, неспособны это сделать, а во-вторых, ограничивают совсем не то, что призваны.

Напомню, что начали мы с закона, запрещающего хранение порнографии. Сам факт такого закона должен вызывать тревогу и возмущение, поскольку совершенно понятно, что он принят с целью облегчить властям политические преследования. Неважно, что государство вздумало запретить «хранить» — порнографию или пластмассовых пупсиков. Важно, что если у вас «найдут» предметы, считающиеся неправильными, вы будете виноваты перед государством. Думаю, не нужно объяснять, что «подкинуть» порнографию на

ваш компьютер или мобильный — достаточно простое действие для тех, кто понимает в таких штуках. В конце концов, отечественная практика легко позволяет изымать ваши жесткие диски, записывать на них собственный контент и предъявлять его в качестве доказательства вашей вины. Манипуляции с датами создания файлов тоже возможны при определенной квалификации.

До сих пор роль универсального обвинителя играли оружие и наркотики, которые подбрасывались при обыске. **Порнография отличается от этих предметов своим повсеместным распространением**. Думаю, она может быть легко обнаружена на 100% компьютеров. Проверьте кэш своего браузера — там наверняка есть картинки соответствующего содержания. И есть они там не потому, что вы любитель порнографии, а потому, что вам просто не избежать соответствующей рекламы, если вы пользуетесь интернетом. Ваш браузер любезно сохраняет графические файлы с посещаемых страниц в тайной надежде, что когда он в следующий раз столкнется в интернете с той же картинкой, он загрузит ее с вашего жесткого диска (что быстро и просто), а не будет, как дурак, опять качать ее из сети. Эта простая технологическая особенность, о которой знают далеко не все пользователи компьютеров и интернета, уже делает нас всех виновными перед государством.

В этом моменте мы отчетливо видим тот важный шаг, который собирается проделать наше государство,

а именно — **перейти от избирательного к тотальному контролю над гражданами**. Метод прост — выбрать нечто, что делают все, но что трудно защищать (ах, ты за порнографию), запретить это и сделать всех виноватыми. Мы все, как в советское время, оказываемся «под статьей», к этому удобному для себя состоянию и стремится наше родимое государство.

Слесаря Васю смешно обвинять в хранении оружия и наркотиков. Но вот порнуха у него наверняка есть. И если слесарь Вася вдруг будет проявлять излишнюю социальную активность, такую порнуху у него легко найти либо ему подбросить, и все в это поверят потому, что тоже имеют такую порнуху. Это и означает **тотальность**контроля.

Попросту говоря, в отличие от недавних времен, когда государство боялось самого себя либо чересчур активных одиночек (и для борьбы с ними ему нужны были оружие и наркотики, как универсальные улики), теперь оно боится всех нас. С одной стороны, это хороший признак. С другой — нужно наконец понять, что если вас так боятся, то вы-таки чего-то стоите.

А что тут такого?

Теперь поговорим о самом предмете. Честно говоря, я не совсем понимаю, что такое порнография. Если это что-то пошлое и отвратительное, то я не могу согласиться с тем, что секс относится к этой категории. Меня окружают куда более отвратительные и пошлые

вещи — например, телевидение, реклама и наши политики.

Кроме того, занятие сексом — вещь естественная, иначе Господь в мудрости своей, не снабдил бы нас соответствующими приспособлениями и не обеспечил бы нам, в отличие от других млекопитающих, постоянное, а не сезонное либидо.

Наконец, давайте посмотрим на дело с такой стороны — что плохого может заставить сделать человека так называемая порнография? Вступить в «интимную близость» с другим человеком? И что?

Да, лично у меня есть претензии к порнографии. Они состоят в том, что люди, снимающиеся в ней, занимаются сексом прохладно, без огонька. По их лицам заметно, что дело это они считают скучным и утомительным и больше озабочены тем, «правильно ли я припарковал машину» и «не забыла ли я выключить утюг». Безусловно, такая порнография нам не нужна и должна всячески осуждаться обществом.

Борцы с закатом солнца

Слышу, как возмущенные «моралисты» говорят что-то вроде «так что же, вы предлагаете разрешить порнографию?» Это очень показательный вопрос, который много говорит о представлениях наших людей о том, как устроено общество.

Сама суть порнографии предполагает индивидуальное потребление и соответствующие намерения. Порнография на биллбордах или в телерекламе — странная вещь, противоречащая самой сути этого явления. Впрочем, я отнюдь не предлагаю что-то «разрешать», я утверждаю, что некоторые вещи существуют в обществе вне зависимости от деятельности государства. **Порнография «разрешена» — хочется кому-то этого ли нет, — и существует именно в таком виде, в котором она необходима людям**.

С точки зрения «моралистов» люди — это некие биороботы, которыми можно легко и непринужденно управлять. Они считают, что если человек будет знать, что порнография — это то, что запрещено, то он, по крайней мере, не будет… не будет что? Здесь логический ряд обычно прерывается. Не будет смотреть? Да вроде и ежу понятно, что полицейского к каждому не приставишь. Не будет смотреть ее публично? Так и безо всяких государственных запретов этого не происходит. **Общество прекрасно справляется с задачами саморегуляции, устанавливая, что прилично, а что — нет**.

По мнению «моралистов» человека сдерживают только государственные запреты. Такой человек только и ждет, чтобы их отменили. То есть, по их мнению, когда такие запреты отменяют, люди немедленно бросаются делать то, что раньше им запрещали. В нашем случае, очевидно, это означает, что «моралисты» считают, что все бросятся смотреть порнографию днями

напролет. У меня вопрос — а что мешает нам это делать сегодня? Неужели запреты государства Интернет, с его мегатоннами абсолютно бесплатной порнографии, дает хороший ответ на этот извечный вопрос о роли и возможностях правительств. Сегодня, несмотря на все существующие запреты, порнография доступна, как никогда. И ничего страшного не происходит.

В любом случае, даже если по мнению некоторых происходит нечто страшное, деятельность государства никак не может повлиять на это явление. На самом деле мы видим здесь типичный уход от ответственности, попытку переложить на государство те вопросы, которые оно по определению не в состоянии решить. Ведь пошлость и хамство — это результаты плохого воспитания и общественного равнодушия. Это результат деятельности или бездействия конкретных людей. Никакие «законы» не в состоянии этого заменить.

Моральное государство

Следующий момент. Допустим, что порнография — это плохо. Допустим даже, что с этим все согласны. Вопрос состоит в следующем — вправе ли государство вообще совать свой нос в проблемы такого сорта?

«Мораль» — субстанция достаточно размытая. И не столько в содержании своих норм, сколько в способе существования механизмов функционирования. Однако, в любом случае, мораль относится к индивиду. Моральные и неморальные поступки может совершить

только индивид, ни общество, ни тем более государство не могут быть «моральными». Другое дело, что мораль может возникнуть и существовать только в обществе, как система оценок и правил для его участников. Мораль, скажем так, имеет рекомендательный характер. Ты можешь поступать как угодно, заранее зная, что существуют некие оценки тех методов и целей, которые ты собираешься достичь.

Далее. Сами оценки и их применимость к конкретной ситуации почти всегда — подвижны и изменчивы. Кто-то считает, что тот или иной поступок морален, а кто-то, что нет. Мораль — живое, постоянно изменяющееся явление. Именно поэтому она работает. Она является важным инструментом, заставляющим нас постоянно оценивать свое поведение и приспосабливать его к поведению окружающих, задумывать о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Такой инструмент по определению не может быть жестким.

Это одна сторона проблемы. Вторая сторона состоит вот в чем. Мне, разумеется, скажут, что существуют моральные проблемы, требующие защиты государства. Например, кража собственности или убийство — это же моральные проблемы, но они считаются преступлением и наказываются государством. Вопрос не в том, можно ли и нужно ли приравнять порнографию к убийству, вопрос несколько в другом.

Во-первых, «моральность» применима для совершенно разных ситуаций, и в моральных оценках этих

ситуаций в обществе существует разная степень консенсуса, либо его не существует вовсе. Практически любая проблема может быть рассмотрена с точки зрения морали. В отношении убийства можно сказать, что существует достаточный консенсус, в отношении, скажем, алкоголизма такой консенсус куда менее плотен, а в отношении абортов в нашем обществе его просто нет. Однако, мы договорились, что исходим из допущения, что все считают, что порнография — это плохо. Означает ли**это**, что государство имеет право ее запретить?

Здесь вступает в силу «во-вторых», собственно, самое главное обстоятельство, о котором хотелось бы сказать. Дело вот в чем. Обычно моральные императивы, в отношении которых существуют консенсус, имеют ограничивающую форму. «Не убий», «не укради» работают именно потому, что они указывают нам, чего нельзя делать, причем, **в отношении других людей**. Ведь нельзя просто абстрактно убить или украсть. Всегда будет кто-то конкретный, кто пострадает от таких действий. В отличие от этих норм, норма «не смотри порнуху» на самом деле **не ограничивает человека, а предписывает ему, каким ему быть. В этой норме нет других людей и их интересов, она, по сути, выходит за рамки морали, а является прямым указанием, диктующим нормы поведения**. И самое страшное, что это предписание идет со стороны государства.

Забавно, что наверняка среди авторов закона наверняка есть множество людей, считающих себя «истинными христианами». Но сам этот закон антихристианский и антиморальный. Он исходит из того, что государство, а не Бог, является последним авторитетом в области морали, не говоря уже о том, что отрицает свободу воли человека — собственно, то самое важное, что сделало христианство таким популярным.

Между «не делай так» и «делай вот так» — пропасть. Именно эти вещи отличают свободные общества от несвободных. Все без исключения тоталитарные и фундаменталистские государства являются «моральными». Они диктуют своим гражданам, что такое хорошо, а что такое плохо. Вот на днях в Иране запретили оппозиционные газеты. Думаю, порнография там уже давно запрещена.

2009

5.6.2. Не гражданская, или еще раз о «разделяй и властвуй»

В обиход начинает входить выражение «гражданская война» и это кажется мне очень опасным. Опасным, поскольку полностью подменяет смысл происходящего, сводя его к некому, якобы, иррациональному состоянию, в котором «граждане», по известным только им причинам, начинают вдруг ни с того ни с сего «мочить» друг друга.

В принципе, довольно тяжело отыскать в истории чистый пример «гражданской» войны, граждане почти всегда оказываются втянутыми какими-то группами. Ну, а к случаю нынешней Украины словосочетание «гражданская война» не подходит совсем. У нас с вами противостояние государства и людей, то есть, граждане есть только с одной стороны.

Тем не менее, социальные законы никто не отменял и они продолжают свою тихую работу. В частности, работает то, что принято называть принципом «разделяй и властвуй». Собственно, эти слова описывают решение чисто экономической задачи уменьшения издержек. Если речь идет о силовом контроле большой группы людей, смысл которого состоит в получении дохода (дани), то одно из лучших решений — натравить этих людей друг на друга, чтобы их меньше интересовал факт принудительного сбора дани и наличия людей, в пользу которых он производится.

Это традиционная политика, которой несколько тысяч лет, и за это время она доказала свою эффективность.

Как и почему это работает? Дело в том, что мы думаем шаблонами, и это неизбежно. Невозможно никакое рассуждение без предшествующей ему теории, так устроено наше сознание. Мы должны все классифицировать, на все навесить ярлык и положить в коробочку с надписью, а затем установить (или выдумать) связи между классифицированными явлениями. Такова че-

ловеческая природа, классификация начинается уже на уровне языка, на котором мы говорим и которым думаем. Поэтому каждый из нас имеет свою картину мира, которая, конечно, может меняться и корректироваться. В каких-то областях эта картина достаточно близка к тому, что можно назвать «реальностью», а в каких-то мы просто воспроизводим «общедоступные» (как, правило, ошибочные) сведения. Но, так или иначе, такая картина есть и человек без нее немыслим.

В общем, в итоге, в отношении большого класса явлений в обществе складываются мифы, то есть, такие популярные и универсальные простые картинки мира, в которые разделяющие миф люди вставляют факты окружающей жизни, дабы убедиться в том, что картина мира цела и ей ничто не угрожает.

Так вот, «разделяй и властвуй» — это игра с ярлыками, коробочками, надписями и, прежде всего, с мифами. Как правило, она лучше всего работает в тех областях, где большинство некомпетентно и где их картина мира основана не на собственном опыте. История является болезненной не для историков, не для тех, кто профессионально ею занят, она волнует профанов, которые пытаются найти там оправдание своим действиям. То же самое можно сказать и о «политике» — громче всех орут не те, кто ее изучает, а те, кто «занимается» ею на кухне и так далее.

Метод этой игры — «помочь» клиенту поместить событие в картину мира, в миф, чтобы он сам убедился в

том, что этот миф верен. Например, провокация — идеальный способ такой работы. Если в конфликте есть две стороны и происходит некое неприятное событие, носители мифов тут же идентифицирует его, как волю тех, кто в их мифе играет роль злодея. Поскольку так делают обе стороны, то выигрывает провокатор.

В Украине сложилось два устойчивых мифа, описывающих «политику». К тому же их носители преимущественно сконцентрированы в разных регионах. Сейчас получилось так, что государство отождествляется с одним мифом, а противостоящие ему силы — с другим. В общем случае, в лексике сторонников государства вы услышите «вашингтонский обком», «бандеровцы», «Америка», в лексике противников «Россия», «Путин», «украинофобы» и так далее, эти списки будут очень длинными.

Задача, которую сейчас решает государство — максимально отнести протест к одной из мифологий, дабы парализовать сторонников другой, не дать им убедительного повода для участия в протестах. А лучший для государства результат — это переход противостояния людей и государства в ситуацию, когда сторонники двух мифологий будут добровольно и бесплатно уничтожать друг друга, но, повторю, пока до этого далеко.

Почему я об этом пишу? К сожалению, стратегия «разделяй и властвуй» сильна как раз тем, что государству не нужно прилагать больших усилий для того, что-

бы ее реализовать. Люди сами все сделают добровольно, нужно их просто подогревать. Сейчас я наблюдаю в сети массовые «расфренживания», рост нетерпимости и агрессии и, конечно, сам тут не без греха. Но люди, в отличие от других существ, могут все рационализировать. В том числе и осознавать тот факт, что они складывают события в коробочки и вешают на них ярлычки. Если мы не хотим перерастания конфликта народа и власти в гражданский конфликт, нужно всегда помнить о том, что для осознания факта совсем не обязательно дорисовывать к нему «руку Москвы». Нужно помнить о том, что несколько лет до всяких Майданов власть разоряла, отнимала бизнесы и откровенно глумилась над людьми. И это, а не «рука Вашингтонского обкома», стало настоящей причиной протестов. Нужно помнить, что каждый ярлык, повешенный на оппонента сейчас — это маленькая победа режима. И если вы считаете себя героическим сетевым самураем, то нелишне напомнить, что самураям предписывалось в сложных ситуациях давать ответ, сначала досчитав до семи. Это не так сложно сделать и это может в будущем сберечь чьи-то жизни, поверьте.

2014

5.6.3. Ну что, сигареты запретили. Теперь пора запрещать сахар

Янукович подписал закон, вводящий запрет на рекламу табачных изделий. Теперь Украина окончательно вошла в семью цивилизованных народов, которые, как известно, отличаются прежде всего тем, что запре-

щают себе распивать спиртные напитки, курить в общественных местах, и даже запрещают себе смотреть на рекламу этого безобразия.

Ниже я хочу вкратце описать, с чем, по моему мнению, мы имеем дело, когда сталкиваемся с такими явлениями, как запрет курения, и что эти явления иллюстрируют. Сразу скажу, что я очень давно не курю, не выношу сигаретного дыма, стараюсь избегать мест, где много курят. Курцы в моем доме курят в парадном, жена ведет с ними партизанскую войну. В общем, все как у всех. Ну, а теперь по делу.

Первое. Иллюстрация того, что свобода теряется постепенно

Запрет курения вводился не один день. Я столкнулся с ним еще в самом начале 90-х, когда первый раз попал за границу. Тогда я еще курил. Помню, как измученный восьмичасовым перелетом в некурящем, опять-таки, самолете, маялся в поисках пепельницы в недрах аэропорта JFK. Помню курительные комнаты в американских университетах, которые специально были сделаны так, что напоминали, скорее, комнаты пыток. У нас ничего еще такого не было, никто об этом и не слышал. То есть, запрет курения наступил не вдруг и не сразу. Это была длинная кампания, которая началась задолго до 90-х. Соответственно, через некоторое время вред курения, начал восприниматься как очевидная вещь, а его запрет — как благородное

дело. Практика такого запрета все ширилась и ширилась до тех пор, пока не начала восприниматься, как норма «приличных домов». Теперь и Украина присоединилась к «приличным домам».

Второе. Как работает машина

Эта история хорошо показывает, как на самом деле работает бюрократическая машина. Система всегда будет поддерживать любые инициативы, направленные на контроль и ограничения. Страшное слово «система» означает просто, что совершенно конкретный чиновник Иван Иваныч увидит интерес в конкретной инициативе. И интерес этот состоит, прежде всего, в наличие фронта работ. Бюрократия работает по все тем же законам рынка. Фронт работ — эта такая предпринимательская возможность. Даже если у первого Иван Иваныча ничего не получится, его опыт сохранится, и когда-нибудь какой-нибудь другой Иван Иваныч найдет способ освоить бюджетик-другой на такой полезной инициативе. В этом и состоит система, то есть, регулярная, устойчивая зависимость между элементами. Поиск фронта работ бюрократа равносилен поиску прибыли обычного предпринимателя. Разница лишь в том, что предприниматель рискует своими, а бюрократ — нашими деньгами.

Трудно поверить, что еще в 30-е годы прошлого века сигареты рекламировали как лекарство и их выписывали врачи. Однако, вред, который объективно наносит

организму курение, стал хорошим фронтом работ для бюрократа. Люди, которые верят, что «миром правит капитал» должны быть разочарованы. На самом деле, миром правит тупая бюрократическая машина. «Всесильные» табачные компании проиграли бюрократу. И все по той же причине — ресурсы бюрократа, в отличие от табачной компании — бесконечны. И время его тоже бесконечно.

Третье. Кто проигрывает от запретов

Заметьте, что в таких странах, как наша, всякая гадость адаптируется в первую очередь. Это не зря. Кто служил в армии, знает армейскую присказку, которая в мягкой форме звучит как «придраться можно и к столбу». Однако, так сказать, в чистом поле придраться к столбу невозможно. Придраться к столбу можно лишь в том случае, если существуют разные идиотские правила. Перуанский де Сото в своей книжке «Иной путь» среди прочего описывает бесконечную борьбу уличных торговцев с государством. Перуанское государство (как и наше, да и любое другое) крайне не любит уличных торговцев и всегда их запрещает. Однако, они, естественно, продолжают быть. В Перу дело дошло до «компромиссного» закона, в котором было много правильных пунктов, но был и пункт, обязывающий торговца носить фартук. Дальше рассказывать?

В общем, запрет курения — это просто дополнительная возможность в контроле государства над

людьми. Это дополнительная опция в милицейском протоколе, инструкциях санэпидемстанции и тому подобном.

Четвертое. Кто выигрывает

Понятно, что наши люди легко относятся к чужой и своей свободе, главное, чтобы был порядок. Однако, наступает ли «порядок» в данном конкретном случае? Обычные аргументы «за» запрет выглядят так: «курите себе на здоровье дома, но тут же дети! (старики, беременные женщины, депутаты)» То есть, проблема, собственно, возникает исключительно при близком контакте курящего и некурящего. Идем дальше. Как решается эта проблема, когда нет запрета на курение? Вариант а) вежливой просьбой не курить; б) перемещением в другое место, подальше от курящего; в) дракой. Как она решается, когда запрет существует? Да все так же. У вас нет с собой карманного милиционера, и никогда не будет. Конфликтную ситуацию вам все равно придется разруливать самому, и если дело дойдет до драки, то тот факт, что «закон на вашей стороне» ничего не меняет и, особенно ничего не меняет тогда, когда приедет милиция. Запрет не дает никаких преимуществ тем, кто не любит сигаретный дым (напомню, что я тоже принадлежу к числу этих людей), единственный, кто получает преимущества — разного рода начальники.

Пятое. Еще один кирпич в стену

Думаю, что многие украинцы так радостно поддерживают всякого рода запреты потому, что они сохраняют и даже улучшают их картину мира. В этой картине есть хорошие «мы» и плохие «они». С «ними» «по-другому нельзя», им нужно запрещать и указывать. То, что указания и запреты ничего не меняют — тоже хорошо, и даже очень хорошо, так как помогает найти виноватого. Виновата «злочинна влада», которая не может обеспечить выполнения законов. Всё. Всем комфортно и удобно, все в домике, мы белочки, а вы — непонятно кто. 2013

Шестое. Кто кому принадлежит

Вообще говоря, все проблемы такого сорта решаются только признанием права собственности. В такой ситуации не может быть всякого разного «общественного». Если говорить, скажем, о случае курения в заведениях типа баров и кафе, то общество, в котором признается право собственности, решает ее автоматически. Ведь и курение, и его запрет есть конкурентное преимущество. Если я в своем баре рассчитываю на байкеров, у меня будет курящее заведение, и мамашам с детьми там будет нечего делать и не на что жаловаться — они знали, куда шли. Аналогично, если я делаю кафе семейного типа, то байкеры со своим пивом и сигаретами будут лететь дальше, чем видят. Можно попытать счастья у обеих «аудиторий», и в этом случае,

заметьте, мне, как хозяину заведения, действительно придется заботиться о качественной вытяжке. И это без всяких законов, милиции и санэпидемстанции. В нашем же случае даже достаточно ясно существующая частная собственность (кафе) объявляется государством «общественным местом», и государство, а не хозяин, устанавливает правила поведения в нем. Это делает проблему неразрешимой в принципе.

Седьмое. Что дальше?

Бюрократия никогда не уймется. Думаю, что следующим в списке будет сахар. Ведь все знают, какой огромный вред он наносит организму. Серьезные люди в ООН уже не один год бьются над проблемой. Общественность постепенно осознаёт ее истинные устрашающие масштабы и поднимает свой голос на борьбу против всесильных сахарных корпораций. Не сомневаюсь, что британские ученые вот-вот докажут, что вредно не только поедание сахара, но и наблюдение за поедающим. Думаю, это дело ближайшего будущего. Вот вы смеетесь, а попомните мое слово, лет через десять на таможнях будут отбирать все сладкое, а студенты Киево-Могилянской академии при виде шоколадки будут фыркать и объяснять, что в цивилизованном мире сахар давно запрещен, это только мы тут, дикари, но
2012 что возьмешь с Януковича или кто там у вас будет…

5.6.4. Государство как рынок или Откуда берется покращення?

В 1994-м году (дату помню, потому, что где-то был сборник со статьей) автору этих строк пришла в голову идея о том, что государство можно рассматривать как рынок. Тогда это было ответом на вопрос «почему не идут реформы». Потому что каждый маленький чиновничек на своем рабочем месте работает исключительно для себя и своего начальника. То есть, он не противник реформ (хотя такие тоже есть), не коррупционер (хотя и такие бывают кое-где у нас порой), он просто честно делает свою работу на своем рабочем месте. Опа! И реформ нема. Как и не было.

Здесь наиболее важен был момент понимания того, что «невидимая рука», действует в этой системе точно так же, как и на обычном рынке. **То есть, безо всякого предварительного сговора, естественный ход событий, направляемый людьми, преследующими собственные интересы, приводит к результатам, которые не преследовал каждый в отдельности и которые могут трактоваться, как «выгодные системе в целом»**.

Затем, когда я познакомился с праксеологией Мизеса, все встало на свои места и стало ясно, что у государства есть только одна устойчивая тенденция — неумолимое расширение за счет гражданского общества. Однако интересно, что модели, рассматривающей государство, как рынок, по-видимому, до сих пор

не существует. Энтони Ясаи рассматривает государство, как фирму, максимизирующую прибыль, но это несколько иной подход.

Все это я пишу вот для чего. Понимание этих закономерностей, позволяет оценить те или иные события, увидеть их долгосрочные последствия и лучше понять то, что происходит прямо сейчас. Зная закономерности и особенности функционирования того или иного рынка, не так трудно предсказывать его поведение. Это в полной мере относится и к государству, и это позволяет говорить о нем, как о целом, прогнозировать его реакцию и «намерения», разумеется, в определенных пределах. При этом, если мы понимаем, что для достижения цели люди всегда используют наиболее доступные для них средства, то становится прогнозируемым и совокупный результат, к которому приходят участники, сами не желая того. Классический пример — это тоталитаризм. Тоталитарные идеологии не ставят целью порабощение людей. Напротив, все они утверждают, что преследуют цель сделать их счастливыми. Однако, в результате, всегда выходит, что половина страны сидит в тюрьме, а другая занята тем, чтобы туда не попасть. Одна из причин в том, что все тоталитарные идеологии нивелируют ценность собственности и жизни людей, то есть, они делают их более доступными для чиновников, чем это есть в других режимах. Соответственно, людишек сразу начинают массово пускать в расход добрые люди и хорошие семьянины, которые просто делают свою работу.

Однако, вернемся к нашим государствам-рынкам. Вот, например, государства уже довольно давно используют один и тот же метод, с помощью которого рекламируют себя и свои услуги по «решению проблем». Это метод состоит в поиске и даже создании этих проблем. Например, борьба с гомосексуализмом в России и у нас и борьба за привилегии гомосексуалистам на Западе — суть одно и то же, это один и тот же процесс, вызванный одними и теми же причинами. На самом деле, государству, как «системе в целом», не важно за что и с кем бороться. Главное — бороться, иметь фронт работ и оправдание собственному существованию. Конкретное содержание «борьбы» в конкретной стране определяется «улавливанием настроений». Тут еще можно привести классический пример «войны с наркотиками», поскольку она имеет и тот самый «непредвиденный результат», который не нравится никому, включая — внимание! — и самих политиков и чиновников.

Второй, тесно связаный с первым метод — это чрезвычайщина. Государство всегда заинтересовано в чрезвычайных положениях и ситуациях. Они позволяют «под шумок» принять массу полезных (для государства) решений. Вот, например, Первая мировая, когда США, которые почти не участвовали в войне, тем не менее, успели национализировать железные дороги и ввести воинский призыв. А Великая депрессия? Это же просто праздник какой-то! Тем более, что нужный человек — Рузвельт — оказался в нужное время в нужном

месте. В итоге, американцы наслаждались депрессией 12 лет, поскольку государство все это время сеяло хоас и разрушение (предыдущий экономический кризис 1920-го закончился в течение года). Зато государство за это время добило остатки капитализма и создало для себя огромный задел на будущее.

Чрезвыйчайщина дает еще один важнейший результат. Вот, например, украинцы уже 20 лет живут фактически в состоянии чрезвычайного положения. Они твердо верят в то, что «Україна гине» и что именно сейчас тот роковой момент, когда все решается (было бы интересно подсчитать, сколько раз за все это время в прессе была упомянута итальянская речка-вонючка Рубикон и задан вопрос quo vadis). Это позволяет достичь великолепного результата — практически полностью отказаться от сколько-нибудь долгосрочных и системных решений. «Все это очень правильно, но сейчас не время!» — это я слышал все 15 лет, пока занимался политикой. И думаю, не я один. Постоянное истеричное метание в краткосрочных и взаимоисключающих решениях — это, пожалуй, желанный идеал, к которому стремится любое государство и которого наше государство уже давно достигло. Ну, а те, кто верил, что решение возможно, те, кому удалось протолкнуть какие-то системные проекты, всегда «вдруг» (но, почему-то, с удивительным постоянством) сталкивались с тем, что именно им почему-то урезали бюджет, сокращали штаты, ликвидировали программы. **Понимание того, что государство есть тоже своего (весь-**

ма специфического) рода рыночная структура на рынке, как минимум, избавляет нас как от удивления и разочарования в таких ситуациях, так и от самих этих ненужных усилий.

В государстве работает даже некий аналог такого сложного явления, как капитал. Вот, например, тот же нехороший человек Рузвельт, запретил золото, используя закон «О торговле с врагом» 1917 года. Гораздо раньше доллар стал единственным законным средством платежа. В результате этих двух решений, американцы оказались совершенно беззащитны перед государством, которое теперь могло вытворять с долларом (и, соответственно, с американцами) что угодно. Разумеется, что и авторы закона 1917 года, и судьи, благодаря, которым доллар в 19 веке стал «законным средством платежа», совсем не имели в виду таких последствий. Но капитал работает именно так — капиталист находит способ комбинировать предыдущие решения, достижения и ресурсы и получает нужный ему результат. Опять же, беззащитность перед государством не являлась непосредственной целью Рузвельта, он преследовал свои локальные цели хорошей отчетности по борьбе с депрессией. Но поведение «системы в целом» и есть совокупность того, что кажется нам побочными результатами, как и в случае классической «невидимой руки».

И последнее. Государство, как и любая другая контора, целиком и полностью зависит от потребителей. Правда, в отличие от обычного рынка, здесь потреби-

тель ничего не покупает сам, хотя и платит по полной программе за все и даже больше. Если бы потребитель покупал государственные услуги как пирожки, проблемы бы вообще не было и я бы не писал ничего того, о чем пишу последние несколько лет. Но, увы, такого нет. Связь между государством и его потребителем — телепатически-мистическая, это связь хотелок, фантазий, миазмов и маразмов, которая реализуется через группы давления, общественное мнение и бессмысленное и беспощадное (но бесплатное и равное для всех) голосование на выборах. При всем при этом, государство очень чутко, как истинно рыночный агент, улавливает малейшие изменения настроений потребителей, но — опять внимание! — оно улавливает только хотелки, поскольку никто из потребителей непосредственно не платит за результат.

Если вы это понимаете, то для вас не будет секретом то, что происходит именно сейчас в нашей стране. Откуда берется это маразматическое «покращення», которое чуть ли не каждый день падает нам на голову? Все очень просто. Это есть прямой ответ на запросы потребителя, пропущенные через интересы государства. После того, как рухнула предыдущая модель «общества равных коррупционных возможностей», когда государство и население деловито занимались грабежом и не лезли в дела друг друга, государство, в поисках ресурсов, обратило внимание на население. Население, в свою очередь, обратило внимание на государство, сказав «ну раз вы так, то мы хотим, чтобы те-

перь все было по закону». Кстати, началось это еще с «первой Юли». Теперь процесс принял тяжелую форму, но это все тот же самый процесс. Государство удовлетворяет ваш запрос, штампуя законы на наиболее «актуальные» темы. И если вам это не нравится, то вы должны понять, что другого ответа на такие запросы при таком механизме, впринципе, быть не может. 2013

5.6.5. На меня напал народ...

Мало что так ярко свидетельствует о странности наших представлений об окружающем нас мире, как представления людей о войне. «Немцы воевали с англичанами», скажут вам. И никто вокруг не оспорит этот тезис. Но давайте попробуем представить, как такое вообще может быть. Вот сидят себе немцы и англичане, наслаждаются развитым разделением труда и вдруг — на тебе! — бросаются друг на друга, хуже того, одевают форму, покупают оружие, строятся в колонны, нанимают генералов и начинают мутузить друг друга в течение нескольких лет. Как такое может быть? В общем-то, никак. Это невозможно, поскольку это означает, что для всех «немцев» и «англичан» вдруг одновременно результаты развитого разделения труда стали настолько малозначимыми, что они очертя голову кинулись убивать друг друга.

Война между народами невозможна. Народы не могут сами по себе нападать друг на друга. Совсем другая картина возникает, если вести речь не о народах, а

о государствах. Вот есть территория, с которой некоторая группа людей получает дань. Это называется «государством». Здесь война естественна и логична. Во-первых, людишки внутри всегда недовольны. Во-вторых, снаружи государство окружено такими же государствами. Захапать территорию соседа — милое дело. В-третьих, соседи испытывают такие же желания в отношении вашей территории и людишек, и желательно не доводить дело до реализации этих желаний. Все эти обстоятельства приводят к тому, что государство содержит (за счет людишек) неких людей, обученных правильно поступать в таких ситуациях. Эти люди и идут на войну.

Но откуда же в этом деле взялись «народы» — все эти немцы с англичанами? Появление на сцене «народов» — это просто этап неостанавливающегося ни на секунду процесса роста государства. Связь войны с этим процессом хорошо изучена и описана. Война создавала новые налоги и повинности. Французы во времена Столетней войны платили специальный налог для выкупа из английского плена короля Иоанна Доброго. Англичане в то же время платили налог на шерсть. Надо ли говорить о том, что эти налоги сильно пережили военное время? Так было повсеместно и во все времена. Потребности войны формировали структуру государственного аппарата, способы управления и функции государственных органов. Однако, очень долгое время война оставалась делом правителей. Им даже приходилось лично принимать участие в боевых

действиях и гибнуть на поле боя. Мирные жители, хотя и несли понятные тяготы войны, но не считали себя ее участниками, да и правители тоже не брали их в расчет. Более того, известны случаи, когда добрые люди судились с государством за ущерб, причиненный войной, и выигрывали.

Однако, государство всегда растет и требует все больше и больше полномочий. Это означает, что рано или поздно война должна была выйти за рамки разборок между королями. Сделать так, чтобы людишки сами радостно бежали проливать кровь ради того, чтобы полномочия государства еще больше выросли, а их свобода уменьшилась — об этом можно было только мечтать. Однако, мечта стала реальностью в эпоху французской революции, когда французы превратились из подданных в граждан. И главным последствием этого превращения стала обязанность служить в армии. Чтобы утихомирить Наполеона потребовались усилия всей Европы. И, на самом деле, не потому, что он был такой уж великий полководец. Нет. Просто Наполеон мог поставить под ружье в несколько раз больше солдат, чем все европейские монархи, поскольку французы были «свободными гражданами», а не какими-то там крепостными или, упаси Боже, наемниками.

Замечательная «национальная идея» имеет ясное военное происхождение. Это один из результатов пропаганды, призванной облегчить гражданам их «священный долг перед Родиной». В Первую мировую мы уже видим воюющие «нации». Уже появились «немцы»

и «англичане». Правда, мирное население пока еще не воспринимается как враг на поле боя. К этому мы придем через каких-то 20 лет, во время Второй мировой. С соответствующими людскими потерями.

Все это время государство постоянно росло. Первая мировая превратила Россию в сверхгосударство, которое уже ничем не сдерживается и которому можно все в отношении своих «граждан». Полномочия драматически росли и в «демократиях». В Первую мировую в США были национализированы железные дороги, введена воинская повинность. После Второй мировой многочисленные государственные конторы, созданные для военных нужд, в большинстве случаев никуда не исчезли, а были просто переименованы либо становились «независимыми» агентствами. И, понятное дело, всегда «узаконивалось» вмешательство в экономику. В случае США во время двух войн имели место беспрецедентные решения Верховного суда, которые, мягко говоря, сильно изменили американскую конституцию. Если говорить о США, то тамошнее государство постоянно расширяется путем войны. «Локальные конфликты» и «борьба с терроризмом» дают бесконечные поводы для этого увлекательного процесса.

Замечу, что суть войны совсем не изменилась. По-прежнему, война — это дело государства, это способ его расширения. В случае «войны с терроризмом» это обстоятельство даже не прикрыто наличием противника на поле боя. И хотя, по прежнему, война «немцев» с

«англичанами» есть физически невозможное явление, большинство из нас считает, что дело обстояло именно так. Государства успешно спрятались за «народами». Можно также обратить внимание на граждан одной страны, которые с удовольствием собачатся между собой по поводу «победы», которая случилась почти 70 лет назад. Глядя на это, остается лишь восхититься реальной победой — победой государства над способностью своих «граждан» мыслить и видеть реальность такой, какова она есть. 2013

5.6.6. Язык системы

Скандал с оперной певицей, которая, как говорят, кого-то обидела в «языковом вопросе» — прекрасная иллюстрация того, как работает государство и, в частности, принцип «разделяй и властвуй».

Когда мы слышим о «разделяй и властвуй», нам обычно представляются разные коварные римские императоры или разнообразные маккиавели или, на худой конец, заезжие российские политтехнологи. То есть, этот принцип приписывается вполне осознанным и даже весьма сложным и коварным замыслам, которые осуществляет некая группа людей, преследуя заранее известные ей цели.

На самом деле, реально работающая механика действует совсем не так. Нет, я не исключаю наличия маккиавелей и даже заезжих российских политтехнологов. Не исключаю я и того, что они не покладая рук

трудятся на ниве производства разных пакостей для населения. Весь вопрос лишь в том, насколько происходящие пакости действительно являются результатом их труда. И в этом есть очень и очень большие сомнения.

Недавно меня сильно удивила реакция некоторых товарищей на евроинтеграционные усилия Януковича. По мнению этих товарищей, в этом есть нечто странное и непонятное, ибо Янукович «всегда был за Россию». Даже какое-то противоречие получается, так сказать, разрыв шаблона. По мнению таких людей, государство является нейтральным. Фактически это такой себе автомобиль. Он едет туда, куда хочет тот, кто в нем сидит. На самом деле, конечно же, дело обстоит прямо противоположным образом — автомобиль едет туда, куда нужно ему. А Янукович или там Ющенко за рулем — это уже малозначимые детали.

Вспоминаю, как в 1994 году успокаивал не на шутку перепуганных победой Кучмы руховских друзей, говоря им, что Кучма еще потащит их в НАТО и ЕС, дайте только время. Не верили. А ведь здесь все довольно просто — любая контора, и государство в особенности, заинтересована, прежде всего, в собственном выживании. И если существует государство «Украина», то любой начальник первым делом будет заботиться о том, чтобы оно и дальше продолжало существовать, иначе не быть ему начальником. Его личные симпатии и приоритеты не имеют большого значения для системы. Он сколько угодно может любить Россию и слушать радио

«шансон», но он обречен на «евроинтеграцию», ибо в обозримом будущем это способ выживания системы в целом. Начальника, который будет прилагать усилия для реальной интеграции с Россией, система уничтожит[7].

Так вот, «система» — это не заговор и даже вообще не иерархическая структура, это гораздо страшнее — это совпадение интересов. Это скромный труд миллионов скромных чиновников, многие из которых являются примерными семьянинами и пламенными патриотами, и которые совершенно не представляют, что являются частью некой ужасной «системы». Это их скромная деятельность заставляет меня произнести фразу «первейшей задачей государства является самосохранение и расширение». В этой фразе дело выглядит так, как будто кто-то «поставил задачу» государству, но на самом деле, повторю, это — непреднамеренный результат ежедневной работы этих людей на своих рабочих местах, и он создает впечатление некой согласованности и целенаправленности. Точно так же — спонтанно — действует и «невидимая рука рынка», и именно понимание того, как работает рынок, дает и адекватное понимание работы государства, и причин его постоянного расширения.

Как и обычные предприниматели, государственные чиновники заняты поиском того, что в экономике называется «рассогласованностью в обществе». Однако,

[7]Как-то так оно в итоге и получилось

если усилия предпринимателя направлены на устранение рассогласованности, ибо ему добровольно платят те, кто выигрывает от такого устранения, то государство прямо заинтересовано в том, чтобы холить и лелеять найденную им проблему. И эта проблема никогда не должна решиться, иначе пропадет «фронт работ». Делать это государству позволяет принудительный характер его финансирования (чиновник получает деньги из насильно отбираемых налогов), то есть, попросту, отсутствует прямая связь между теми, кого эта проблема касается и работой чиновников.

Деятельность государства по поиску рассогласованности не следует отождествлять с тем, что мы видим на поверхности, то есть, с деятельностью в рамках некой иерархической структуры, управляемой определенными процедурами. Это скорее деятельность, определяемая инстинктами и интуицией, хотя в случае наиболее умных и понимающих реальное состояние дел чиновников она определяется также разумом и трезвым расчетом.

Как и на рынке, у государства постоянно возникают проекты, которые либо выживают, либо нет. Опять же, как и на рынке, это зависит от того, насколько важными они являются в данное время в данном месте. Новации и реформы постоянно плодятся в недрах бюрократического бегемота, они появляются и исчезают, о них «вдруг» вспоминают через несколько лет после забвения и т.д. и т.п. В самом общем случае, успех того или иного начинания зависит от того, насколько его «ха-

вает пипл». Государству совершенно безразлично содержание собственной деятельности, главное — фронт работ, а содержание — это вопрос данного времени и данного общества.

Так вот, возвращаясь к теме, с которой мы начали, среди проектов, которые развивает государство к своей пользе, есть, так сказать, системообразующие, то есть, те реальные или надуманные социальные проблемы, которые позволяют существовать системе в целом. Наряду с политической независимостью, суверенитетом и прочим шаманством такого рода, одним из таких «системных» проектов является «разделяй и властвуй». Любое государство в любой точке мира и в любое историческое время следует этому принципу. Ну, а если не следует, то уступает место более сообразительным. Современная развитая страна весьма богата тщательно лелеемыми и поощряемыми конфликтами: это война бедных против богатых, женщин против мужчин, детей против взрослых, «коренных» против «приезжих», сексуальных меньшинств против сексуального большинства и так далее. Совсем нетрудно проследить, как тамошнее государство науськивает граждан друг на друга, изобретая все новые поводы. В Украине эту роль пока что с успехом играет «мова» и «раскол» на Запад и Восток, поэтому наше государство не особо перенимает опыт старших товарищей, ему и так хватает. Конечно, не нынешнее государство придумало эту проблему, ее создало другое государство лет на сто раньше, но, надо отдать должное — «молода

незалежна держава» с первых дней своего существования вцепилась всеми зубами в «мовне питання» и совершенно не намерена его выпускать. И тот факт, что за 20 лет смешной, в общем-то, вопрос с очевидным и простым решением не только не решен, но и создает все больше и больше напряженности, говорит о том, что он эффективно используется на все сто процентов.

Случай же с оперной певицей просто показывает, что дела на этом фронте идут великолепно и государство побеждает, поскольку есть огромное количество людей, готовых громко звать начальство в связи с некими высказываниями в частной беседе. Фронт работ обеспечен надолго, лохи разделены и властвовать над ними легко и приятно.

Да, кстати. Именно в вопросе «мовы» можно совершенно ясно и недвусмысленно проследить, кто в действительности является врагом всех украинцев, независимо от языка. Я давно заметил, что украиноязычные в бытовой речи озвучивают речь чиновников по-русски. Русскоязычные — наоборот. И так было при всех режимах. То есть, каждый полагает, что власть в настоящий момент принадлежит его «врагам». Поскольку одновременно такого быть не может, это наблюдение — повод задуматься, действительно ли государство — просто нейтральный аппарат или, все-таки, оно реализует свои собственные интересы.

2013

5.6.7. Ленин в тебе и во мне или Если помрет Путин

Поскольку сегодня все озаботились здоровьем Путина, то мне никак не избежать написания колонки об этом. В общем, помер он или нет — мы узнаем довольно скоро, а в этой колонке немного поговорим о том, что случится, если помрет Путин. Это ведь популярная тема, и он же когда-нибудь умрет, в конце концов. И если к этому времени еще будет идти война, то, очевидно, что смерть Путина как-то повлияет на нее.

Здесь мнения разделяются — одни говорят, что это будет хорошо, а другие говорят, что ничего не изменится, так как там целая страна таких путиных. Разумеется, в истории нет не только сослагательного наклонения, но и достоверного прогноза. Будущее неизвестно потому, что неизвестно настоящее и потому, что человек всегда находится в состоянии выбора, даже если ему кажется, что выбора нет. Точных прогнозов быть не может, но можно попытаться поговорить о закономерностях.

Так вот, во времена моего детства была одна песня, а в ней были такие слова: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой, в горе, надежде и радости, Ленин в твоей судьбе, в каждом счастливом дне, Ленин в тебе и во мне». Это были невинные времена, когда никто еще не смотрел фильмов ужасов, и строки про «Ленина в тебе и во мне» не могли считаться мрачными или смешными. Для нашей темы важно то, что в этих строках

отражена важнейшая политика советской власти — внедрение личинок Ленина в каждого «тебя и меня». Это сильно удешевляет задачи власти, поскольку если у вас внутри живет личинка Ленина, то вы можете добровольно поехать на какую-нибудь комсомольскую стройку и вас куда проще отправить в какой-нибудь Афганистан возвращать интернациональный долг.

Те, кто считает, что смерть Путина ничего не изменит, так или иначе апеллируют к сакральному знанию о личинках. Они считают, что коль скоро россияне массово заражены, то смерть одного Путина ничего не меняет, поскольку на его место придут другие такие же. Рассуждая об этом, мы попадаем в замкнутый круг — власть распространяет личинки, личинки воспроизводят власть, где здесь начало, а где конец сказать невозможно.

Правда, можно вспомнить, как обстояли дела на практике. Например, когда умер Брежнев, многие шептались по углам о том, что «будет война». Чего боялись эти люди, ведь если все поражены личинками Ленина, то проблем не должно быть?

Наверное, все-таки, правильно будет сказать, что власть инфицирует народ, а народ воспроизводит власть, но при этом все это занимает время и каждый раз порождает разных монстров. Все-таки, Россия отличалась от СССР и даже сейчас отличается, и не факт, что она была «запрограммирована» на то, что с

ней происходит сегодня, всегда существовали варианты, зависящие от выбора людей.

В нашей теме очень важно другое обстоятельство. Если говорить в рамках аналогий, то персональную власть можно сравнить с кристаллом. Она нарастает постепенно, выстраиваясь в определенном порядке, она тверда, но хрупка. Смерть тирана и другие экстремальные потрясения разбивают этот кристалл, и именно эту неотвратимость перемен чувствовали люди, говорящие о войне после смерти Брежнева.

Тут все довольно просто. Передача власти всегда была проблемой для монархий и диктаторских режимов, поскольку эта власть уникальна. Она состоит из множества связей — договоренностей, обязательств и тому подобного, связей, полученных разными путями, в разное время, при разных обстоятельствах. Передать это из рук в руки так, чтобы ничего не поменялось, невозможно, поскольку «руки» неразрывно связаны с самой властью. И чем более авторитарна власть, тем более она уникальна и тем труднее ее «передать». Соответственно, тем более значительные катаклизмы случаются, когда оказывается, что эту власть нужно «передать» в срочном порядке. При «передаче» все меняется, даже если внешне остается все как было, чему Китай после Мао — яркий пример.

В общем, если Путин помрет, это будет означать и гибель всей его системы, собрать которую заново без него невозможно. Она может собраться по-другому, и

быть не менее опасной, но все это займет время. Именно время — тот подарок, который может сделать нам Путин своей смертью. И дальше уже от нас зависит,
2015 воспользуемся ли мы этим подарком или нет.

5.6.8. Почему государство будет уничтожать интернет?

Автор этих строк не является каким-то специальным интернет-активистом. Не является он даже интрнет-энтузиастом или интернет-адвокатом. Совершенно точно я являюсь лишь пользователем интернета с того самого момента, когда он достиг нашей среды обитания. Я не могу сказать, что специально отслеживаю события, которые происходят в отношениях государства и интернета. Поэтому, если мне кажется, что таких событий в последнее время стало слишком много, видимо, это означает, что количество их действительно резко возросло.

SOPA, PIPA, хитрые статьи в американском оборонном бюджете, выступление Сергея Брина, регулярные «наезды» украинского государства на интернет-бизнес, готовящийся в Раде закон, который позволит закрывать сайты, — все это случилось совсем недавно и не потребовало от меня поиска в google и напряжения памяти. Думаю, что если бы я предпринял такой поиск, я бы нашел гораздо больше фактов. Итак, можно констатировать, что государство начало атаку на интернет.

Для начала нужно обязательно сказать о том, что эта атака имеет два направления — действия против интернета, как такового и преследование государством других целей, которые, тем не менее, ограничивают возможности пользователей интернета.

Вторая деятельность значительно опаснее, чем первая. В первом случае государство всего лишь закрывает сайты, ограничивает гражданам доступ к интернету, пытается контролировать контент и т.д., то есть ведет себя, как слон в посудной лавке. И хотя ущерб от таких действий представляется большим, в этой борьбе все ясно и очевидно. Рано или поздно слон будет выдворен и торговля посудой возобновится.

Во втором случае все значительно хуже. Посудную лавку, торгующую честным фарфором, пытаются незаметно подменить неким ларьком с одноразовой посудой, в котором пластиковые стаканчики продаются не больше двух в одни руки по предъявлению паспорта с правильной пропиской.

Государство уже проиграло эту войну, причем, в обоих направлениях. Правда, то же самое можно было сказать (и некоторые и говорили) о перспективах большевистского переворота: понятно, что большевики проиграют, весь вопрос в том, когда именно это случится. Будем надеяться, что процесс не затянется на 70 лет.

Что это за война, почему государство ее ведет и почему оно проиграет? Прежде чем мы вкратце рассмотрим эти вопросы, нужно отметить, что слово «война» применимо здесь не как обозначение неких осознанных и заранее спланированных действий, а, скорее, как обозначение хаотичного процесса, участники которого преследуют свои собственные цели.

«Войной» это можно назвать потому, что предельным результатом этой деятельности является уничтожение интернета и то, что это будет лишь побочным эффектом от усилий, прикладываемых в достижении других целей, ничего не меняет в этом результате. Попросту говоря — бюрократы занимаются производством отчетности и прикрытием своей задницы, политики борются за голоса избирателей, и в ходе этой своей повседневной работы они уничтожают интернет.

Причина того, почему это происходит, состоит в том, что государство несовместимо с интернетом. Поэтому сама жизнедеятельность государства будет стремиться отторгнуть чужеродное явление.

Эта несовместимость имеет две стороны.

Первая. Интернет противен самой природе государства. Государство, как известно, является группой людей, обладающих монополией на насилие на некоторой территории. Подрыв любого из этих признаков (территории или монополии) является подрывом института в целом. В нашем случае, безусловно подвергается

атаке территориальная монополия. Благодаря интернету люди получают возможность общения и взаимодействия без государственных границ. Разумеется, это общение было доступно и ранее, но теперь оно имеет массовый характер и проходит без всякого учета и контроля. И дело тут не только и не столько в распространении всяких вредных для государства идей и перепосте злобных демотиваторов. Прежде всего, дело в ежедневной практике, в которой люди начинают воспринимать государство как ненужную помеху (каковой оно, собственно, и является) в их мирной и добровольной деятельности.

Еще совсем недавно, когда вы покупали (условно говоря) кроссовки в американском интернет-магазине, вам нужно было посетить таможню. Оказывалось, что вам нужно заполнить там массу бумаг и заплатить еще каких-то денег непонятно за что.

Посетив таможню ради получения пары кроссовок (которые теперь приближаются по цене к небольшому самолету), вы быстрее поймете, что деятельность таможни в отношении вас, как частного лица, — такой же абсурд и помеха, как и в отношении любого предприятия и регулярного бизнеса.

Вторая сторона. Интернет противен устоявшейся практике государства. Здесь нужно сказать о нескольких вещах.

Во-первых, с появлением интернета постепенно исчезает многовековая практика взаимодействия государства и организаций. Государство создает такие правила, которые вынуждают людей объединяться в иерархические структуры, если им нужно как-то регулярно взаимодействовать с государством. Таким образом, государство переводит деятельность людей в плоскость, в которой оно является самым сильным игроком и к тому же арбитром. Большая иерархическая организация — государство, — взаимодействует на этом поле с маленькими иерархическими организациями, и, если что, всегда их побеждает.

Суть этого процесса наглядно иллюстрирует название одной из наших организаций — «діалог з владою». И хотя государство, бывает, проигрывает давлению организаций, но обычно это проигрыш в краткосрочной перспективе (как, например, «консервативная революция» Рейгана и Тетчер, достижения которой тихой сапой ликвидированы, а неудачи — гипертрофированы). В целом, процесс «діалога з владою» прекрасно контролируется. Главное — государство полностью контролирует, извините за выражение, дискурс. Если дискурс «диалога» вдруг выходит из-под контроля, то государство может «работать» непосредственно с неудобной организацией и имеет массу возможностей влиять на ее деятельность.

«Человек с улицы» в таком мире для того, чтобы быть услышанным, вынужден присоединяться к какой-то организации, а значит, принимать существующие в

ней правила и понимание важного для него дискурса в том виде, в котором оно выработано в этой организации в ходе «діалога з владою».

Интернет полностью меняет эту картину. И «человек с улицы», и организация в рамках интернета существуют в виде равноправных аккаунтов.

Более того, интернет позволяет организовывать акции, не прибегая к созданию организаций. Он позволяет организовывать финансирование (money bomb Рона Пола) вне организаций и позволяет обойти монополию СМИ, которые теперь вообще становятся ненужными.

Любимые и удобные враги, построенные в колонны и тщательно пересчитанные и пронумерованные, теперь исчезают, растворяются в общей массе, которую в принципе невозможно контролировать. Когда говорят о том, что интернет позволяет государству следить за своими гражданами и использовать результаты этой слежки против них, безусловно, говорят правду. Более того, следует ожидать, что такая деятельность усилится и, возможно, еще поломает жизнь многим людям. Однако, пользу она принесет только отчетности репрессивных органов о проделанной работе. С самоорганизующимся процессом она ничего не сможет поделать.

Во-вторых, государственная пропаганда теперь полностью неэффективна. Российская власть, наверное, первой в мире озаботилась идейным контролем

интернета. Разглядев в нем новую угрозу и новую возможность, она начала манипуляции практически одновременно с появлением этой среды. Результаты, мягко говоря, плачевны. Основным пропагандистским каналом все равно остается телевидениею

Причина — среди массы высказываемых и обсуждаемых мнений сконструированное для манипуляций пропагандистское действие либо сразу становится очевидным, либо просто теряется в массовом потоке такого же, но совершенно свободно и добровольно генерируемого идиотизма. Проблема российских граждан не в том, что их правительство проводит манипуляции в интернете, а в том, что они сами имеют чаще всего прогосударственническую позицию. Но это уже совершенно другая тема.

И, наконец, в-третьих. Похоже, что мы с вами можем стать свидетелями заката государства. Автор этих строк всегда говорил, что как только деньги окажутся в интернете, государство, в том виде, как мы его знаем, исчезнет. Государственная монополия основана, прежде всего, на фидуциарных деньгах, опять-таки, монопольно производимых государством.

Принудительные налоги, монополия на насилие и фиатные деньги тесно связаны между собой. Уберите что-то одно и система рухнет. Сейчас идет активный поиск новых средств обмена, которые бы существовали независимо от государства.

И в заключение нужно обязательно сказать вот что. Настоящий враг часто бывает не тот, кого злобно клеймят и обличают. Настоящий враг, тот, над кем ехидно смеются. В нашем случае объектом издевательств как про-государственных деятелей, так и интернет-активистов являются так называемые «сетевые хомячки». Однако, именно они и являются настоящими врагами государства.

Как мы выяснили, интернет опасен тем, что переводит угрозу государству из рамок политической борьбы в рамки повседневной деятельности. И в этой деятельности именно хомячки, а не героические борцы и активисты, делают главную работу. И, кстати, заметим, государство и борется не столько с активистами, сколько с хомячками, ограничивая, например, их возможности скачивать игры и смотреть порнуху. Но, поскольку хомячков больше и они сами и не подозревают о том, что являются авангардом анархизма, (более того, в своих высказываниях они чаще всего искренне прогосударственны), то дело государства уже проиграно. И слава Богу. 2012

5.6.9. Убийство по закону

С 1 марта вступает в силу закон «О внесении изменений в некоторые законы Украины о лицензировании импорта лекарственных средств». В результате, как утверждают его противники, около 8 тысяч наимено-

ваний лекарственных средств не смогут пересечь украинскую границу.

Думаю, многие читатели в течение последних лет, при попытке купить тот или иной препарат, слышали в ответ, что лекарство «находится на лицензировании», не говоря уже о том, что все это время росли цены. Теперь лекарств будет еще меньше, а цены станут еще выше. Есть большая вероятность того, что многих лекарств, необходимых смертельно больным людям, просто не будет в продаже довольно длительное время.

Вообще говоря, это очень типичный случай государственного регулирования. Просто здесь абсурд регулирования виден выпукло и четко, потому, что он связан с болью, страданиями и потерей близких. Кроме того, именно в этом случае, хорошо заметен другой порок — а именно — недосягаемость государства для ответственности, когда нормы, лежащие в самой основе права, как такового, не распространяются на чиновников.

Давайте немного поговорим об этих моментах. Первый — смысл регулирования. Вот, допустим, я заболел и доктор сказал мне, что некое «действующее вещество» способно мне помочь. Производители предлагают мне разные лекарства с этим веществом — хуже и лучше, дешевле и дороже. Я выбираю то, что мне подходит больше именно в том положении, в котором я оказался в данный момент времени. Допустим, это «дешевый и некачественный индийский импорт». Но мне

он подходит по цене. И лечит. Но тут появляется государство и говорит «Э, не, так не пойдет. Мне сказали, что это нехорошее лекарство, оно не соответствует какому-то там стандарту». Но, извините, какое вообще ваше дело? Это же мое здоровье, не ваше. И каждый случай уникален. В одном я могу отделаться дешевым и не очень качественным лекарством, в другом доктор скажет «для твоего случая нужен именно вот этот препарат, аналоги не помогут» и мне придется раскошелиться. Но государство-то тут причем? Почему мы все обязаны покупать лекарство определенного стандарта (объективность стандарта и саму возможность такой объективности я оставляю в стороне). Вообще говоря, способность производить более качественные товары (следовать более высокому стандарту) при прочих равных условиях является выгодой для производителя. Это его работа доказывать потребителю, что результат стоит тех денег, которые он отдаст. Но вы видели где-нибудь, чтобы производитель напрямую рекламировал стандарты качества, которым он следует? Я — нет. А зачем, если государство все это регулирует и часто вообще запрещает все другие стандарты?

Интересно, что у государства еще хватает наглости называть то, что оно делает, «защитой». То есть, оно защищает меня от лекарства, которое мне по карману и которое мне помогает. Прекрасно.

Мне скажут, что все происходит так потому, что этот закон на самом деле принят с коррупционными целями. Да, в этом никто не сомневается. Но коррупп-

ционные моменты отвлекают нас от главного. Что изменилось бы для жертв этого закона, если бы он был принят исключительно с благими намерениями и если от его принятия никто не заработал? Какая разница, какие цели преследуют те или иные чиновники, если следование их целям наносит прямой ущерб моему здоровью?

Теперь второй момент, более страшный. Смотрите. Чиновники, которые сейчас заняты этим делом, знают, что в результате их деятельности многие больные люди останутся без необходимых лекарств и, возможно, умрут. Являются ли эти смерти убийством? Право скажет нам «да». Одни люди совершили действия, которые привели к гибели других, причем первые знали о последствиях. Ну, а что скажет нам государственный закон — уголовный кодекс? В лучшем случае, мы найдем там «преступную халатность» или «неосторожность». А если никакой халатности не было и смерть наступила именно в результате тщательного исполнения всех законов и инструкций, что тогда? А ничего. Это только нам нельзя убивать друг друга. Государству — можно. Главное, чтобы все было «на законных
2013 основаниях».

5.6.10. Ничего не понял, ничему не научился

Автор этой колонки не очень любит расхожие цитаты, особенно в заголовках. Неправильно это. Прощает меня только то, что эти слова буквально описыва-

ют действия нового украинского президента и, как говорится, лучше просто не скажешь. Я, конечно, не о переговорах, в которых Путин договаривается с Путиным. Я о более важных вещах, а именно, о том, как видит себе президент «все вот это вот» — общество, политический процесс и свое место в нем.

Яснее всего эти представления отражаются в конституциях. Вот как раз подоспела очередная серия изменений в Конституцию, и в ней отразилось то, что отразилось[8]. Читатель легко найдет эти изменения в сети, я лишь прокомментирую. Собственно, в них три основных момента. Первый — ликвидация императивного мандата. То есть, выборы по партийным спискам, за которые так ратует Порошенко, теряют всякий смысл, ибо смысл выборов — формирование большинства и правительства. Если императивного мандата нет, то депутаты после избрания вольны гулять, как им вздумается, и, следовательно, коалиция большинства, а значит и правительство, формируется не по результатам выборов, а по результатам «терок» и давления со стороны администрации.

Второй момент — влияние президента на назначения силовиков и премьера. Из текста, который гуляет по сети, можно сделать вывод, что влияние это возрастает. Особенно это касается премьера, так как теперь при назначении предлагается формула «вносит с учетом предложения коалиции» (вместо «вносит по

[8]Речь идет об измнениях Конституции, предложенных в самом начале президентства Порошенко

предложению коалиции»). То есть, если президенту не удалось намутить с коалицией, то, с «учетом» ее неправильных предложений, президент все равно может внести «правильную» кандидатуру.

Третий момент — это многострадальное местное самоуправление. Выдавать предложения Порошенко за «рост полномочий» местного самоуправления могут только фантасты или активисты МММ. «Изменения» сводятся к тому, что области переименовываются в регионы, а вместо администраций президента теперь у нас будут представители президента фактически с теми же самыми функциями. Даже появление исполкомов ничего по существу не меняет, ибо суть проблемы состоит не в способе избрания и не в форме подчиненности. Суть проблемы «местного самоуправления» — в бюджетном процессе, в ситуации, когда деньги текут сначала из регионов в центр, а затем из центра в регионы. Поскольку все полномочия связаны с тратами, то «объем полномочий», который реально, а не на бумаге, имеют местные власти, в такой системе есть величина подвижная и зависящая от постоянного торга между регионами и центром. Именно эта подвижность, неизбежная подковерность в принятии решений и возможность устроить торг в любой момент и порождает нашу мега-коррупцию и политическую вакханалию. Об изменениях можно будет говорить только тогда, когда регионы будут осуществлять свои полномочия исключительно за счет собственного, никак не связанного с Киевом бюджета.

В общем, налицо неприкрытый возврат к временам Леонида Даниловича, когда президент был главным «решалой», имел власть, объемы которой он устанавливал по собственному желанию, и ответственность, стремящуюся к нулю. Заметьте, например, что Порошенко не собирается выигрывать парламентские выборы. Если коалицию в любой момент можно составить из бегающих в поисках лучшей доли тушек, то напрягаться на выборах с какими-то партиями и списками совсем необязательно. То есть, фактически, правила политического приличия, вся эта открытость, прозрачность и честная политическая борьба, которых ждет от президента прогрессивная общественность, откровенно… ээээ… игнорируются в проекте изменений в Конституцию.

Моя реплика «ничего не поняли, ничему не научились» адресована тем, кто считает, что обстоятельства способны заставить политиков и государство действовать «адекватно» — проводить реформы, сокращать свою власть. Это очень распространенная точка зрения, но, как видим, она ошибочна. Ничто само по себе не может «заставить» государство меняться в сторону, полезную для людей. Вспомним тех же роялистов и революционеров во Франции — революция установила порядки, которые, скажем так, мало отличались от «старого режима». При этом погибло много людей, Наполеон устроил фактически мировую войну, и все ради того, чтобы ничего не изменилось. Государство — это не Порошенко, и даже не Наполеон. Это чиновники, их

«бизнес» и другие, зависящие от них, люди. Все события истории всегда заканчиваются торжеством именно их интереса. Им все равно, в какие цвета покрашена верхушка айсберга. Украина — значит Украина. Придет Путин — будут служить Путину. Придут революционеры — еще лучше, «наводить порядок» — любимая работа, под которую всегда можно получить приличный бюджет, не говоря уже о многочисленных бонусах. В общем, цитируя слова одного молодого императора над свежезадушенным отцом — «все будет, как при ба-
2014 бушке». Всегда. Во веки веков. Аминь.

5.6.11. Не только выключить, но и включить

Американский конгресс не договорился с Обамой по поводу денег на чиновничьи расходы, и американское государство немного «выключилось». Пока, как утверждают, на одну треть.

Тема «shutdown'a», судя по всему, довольно популярна в американской прессе и проходит там под рубриками «ужас-ужас» и «кто же будет строить дороги». В наших палестинах событие, скорее всего, будет подаваться под соусом «смотрите, как все честно» и «вот оно, правовое государство». Мы-то с вами понимаем, что наше государство невозможно остановить какими-то проблемами с бюджетом, поскольку кормится оно не столько с бюджета, сколько с того, что найдет. Как говорят, «с поля». Поэтому американский опыт «выключения» (кстати, это далеко не первый случай) бу-

дет транслироваться в мозги украинцев как проявление желанной демократии, прав человека и прочих столь необходимых нам ценностей. Вот мол, смотрите, как все честно и прозрачно — не собрали денег и вот вам результат — государство выключилось. Так сказать, общественный договор в действии.

На самом же деле, вся эта история идет только на пользу государству, а не правам человека и разным красивым штучкам. Во-первых, «выключение», как я уже говорил, проходит под рубрикой «ужас-ужас», то есть, людям говорят, что социальные функции, которые они привыкли ожидать от государства, теперь не будут работать по причине нехватки денег. Весь пафос этой информации направлен на то, чтобы поскорее вернуть эти функции обратно, ибо «кто же будет строить дороги» и все такое прочее. Во-вторых, при такой подаче обычно не возникает простых вопросов «а зачем вам столько денег?» и «куда и каким образом вы их тратите, раз вам их не хватает?» В-третьих, взгляд рассерженной публики тут же обращается в сторону разного рода «зажравшихся буржуев» и тому подобного народа, а неплательщики налогов и всякие там уклонисты выглядят вдвойне злонамеренно. В такой ситуации усиление репрессий воспринимается «на ура». В-четвертых, разумеется, найдется еще меньше желающих задать простой вопрос «а работает ли государство, когда оно включено?» Вот что оно конкретно делает и почему? К примеру, мой друг в США уже полгода ожидает некую «нужную бумажку». Из-за наличия ее от-

сутствия он не смог приехать в Украину. При этом американские чиновники ничего не объясняют. «Ждите», говорят — вот и весь ответ.

«Выключение государства» было бы честным и действительно служило бы некой пользе, если бы в эти моменты не «забывали» об одной простой вещи — принудительной монополии. То есть, выключить-то то ее выключили, а вот убрать с дороги «забыли». Если государство не может выполнять какую-то функцию и на это у него нет денег, давайте это буду делать я. Или вот он. Или вообще любой желающий. Но так не происходит и — обращаю внимание — в СМИ вы не встретите такой постановки вопроса. Государство «выключается», но на его место никто не допускается, даже речи об этом не идет. Поэтому, когда вам будут рассказывать, что shutdown — это торжество чего-то там и это, мол, по-честному, не верьте. По-честному — это когда на место тех, кто не хочет и не может работать
2013 приходят те, кто хочет и может.

5.7. О войне

> «Война будет повторяться до тех пор, пока вопрос о ней будет решаться не теми, кто умирает на полях сражений.»
>
> *Барбюс*

5.7.1. Как выиграть войну

Думаю, уже многим стало понятно, что цель Путина — восстановление контроля над Украиной. На эту тему тоже достаточно сказано, добавлю лишь, что в картине мира таких персонажей, как Путин, отсутствуют люди и их воля. Он воспринимает Майдан и «цветные революции» в целом, как заговор «американцев» против него и его власти. Это, разумеется, очень опасно, но это дает нам преимущества, о которых ниже.

Контроль над Украиной может быть восстановлен разными способами — от военных до политических. Украина либо просто перестанет существовать, либо в ней должно быть правительство, которое гарантированно вступит в «таможенный союз», а затем присоединится к создаваемому Путиным новому СССР — «евразийскому союзу». И тогда Путин на некоторое время успокоится.

Ошибка Путина в том, что он считает нынешнее украинское правительство и майдан одним и тем же явлением, да еще, к тому же, инспирированным извне.

Он собирается воевать с правительством, либо воздействовать на него каким-то другим образом, и уверен в том, что это автоматически решит все его проблемы с майданом. Может ли у него получиться?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сразу отделить «войну» от «военных действий». Победа в военных действиях — это вопрос превосходства в вооружении, численности и подготовке войск, то есть, вопрос сугубо специальный, тактический. Победа в войне — напротив, вопрос стратегический и даже вопрос культуры, ибо сплошь и рядом случалось так, что, казалось бы, проигранные военные действия вдруг оборачивались победой. Более того, регулярно случалось и так, что «победители» обнаруживали себя перенимающими культуру побежденных, переходящими на их язык и даже перенимающими их самоназвание, то есть, победив в военных действиях, эти люди проиграли войну.

В самом общем случае, в войне побеждает тот, у кого больше стимулов к тому, чтобы сохранять свой образ жизни. И в тех случаях, когда «захватчики» просто растворялись среди «покоренных», более цивилизованных народов, и в тех случаях, когда «цивилизованные» народы никак не могли покорить «дикие» племена, речь шла об одном и том же — предпочтении своего образа жизни чужому.

Понятно, что все это я говорю применительно к российско-украинскому конфликту. В нашем случае, в

войне тоже победит тот, кто найдет свой образ жизни более предпочтительным, чем чужой.

Сейчас эти образы жизни проступают очень ярко и отчетливо. С российской стороны это государственничество в его самой предельной форме, мифология «истории», «народов» и т.п. симулякров, и, как следствие, полная подчиненность личности государству. Украинцы же воспринимают угрозу Путина не как угрозу неким абстракциям в виде «государственного суверенитета», а как вмешательство в их личную жизнь и личные планы, шантаж, угрозу убийства, в общем, как угрозу своей жизни и свободе. Им, в принципе, незачем вступать в псевдоисторические и пседоправовые дискуссии, они не воспринимают сам факт вмешательства в то, что считают своим.

То есть, эти два «образа жизни», две идеологии фактически содержательно не пересекаются. Это очень важный и выигрышный момент для нас. Это означает, что украинец будет оценивать предложение Путина не с точки зрения абстрактного приобщения к величию империи, или «выбора между цивилизациями», а с точки зрения «а шо мені з того буде». И здесь Путину совершенно нечего предложить.

В нашей ситуации правительство, с которым собрался воевать Путин, может очень сильно помочь себе, оказав помощь «майдану», поскольку именно «майдан», то есть, представления общества, обеспечивает победу в войне и даже в военных действиях. Для этого

правительство должно просто продолжить дело, которое было начато людьми осенью прошлого года.

Речь идет о резком сокращении вмешательства в жизнь украинцев, то есть, о том, чтобы правительство вернуло значительную часть власти людям.

Люди должны увидеть, что в Украине они будут в состоянии свободно заработать себе на жизнь и обеспечить своих близких, и будут в состоянии защитить себя.

Понятно, что в рамках колонки невозможно подробно описать конкретные изменения, остановлюсь на основных. Начнем с заработка. Необходимо ликвидировать все «проверяющие органы», все уголовные статьи за «экономические преступления». Конституцию нужно дополнить двумя статьями. Первая «Будь-яка ненасильніцька діяльність законна». Эта статья ограничивает регулирование на уровне самой идеи «легализации» чего-нибудь. Никакая «легализация» не нужна, если никто не страдает от деятельности. Регулирование сводится к возмещению ущерба в конкретных случаях и т.п. практике гражданского права.

Вторая статья «Кожен має право вільно укладати контракти з іншими особами та установами та визначати арбітра у справах контракту. Кожен має право звертатися до визначеного контрактом арбітра чи до державного суду, якщо це передбачено умовами контракту, у разі підозри на невідповідність дії контраген-

та умовам контракту». Эта статья выводит деятельность людей из рамок, заданных «законом», или того хуже, «подзаконными актами» в рамки добровольных контрактов. Более того, она устанавливает добровольную подсудность в рамках контракта и создает условия для конкуренции с государственными судами.

В принципе, эти две поправки создают условия для экономической свободы и ликвидации огромного массива «нормативных актов» и связанной с ней агрессии со стороны государства.

Защищенность — это другая часть той же самой проблемы свободы. Кстати, вся неопределенность с правами собственности, о которой толкуют с непрекращающимся энтузиазмом уже 20 лет, возникает от невозможности ее защиты. И невозможности, прежде всего, на самом базовом уровне — защиты себя, своих близких и своего жилища. Открытые кадастры и прочие популярные прелести нереальны, пока здесь не наведен порядок.

Сейчас украинцы беззащитны, поскольку разоружены. Хуже того, государство запрещает им защищаться. Право защищаться ликвидировано «мерами необходимой самообороны», которые устанавливаются постфактум. Мало того, их устанавливает заинтересованная сторона — государство. Государство заинтересовано в том, чтобы вы не оборонялись, поскольку само оно основано на насилии и ему не нужны люди, способные дать отпор агрессору.

Процесс гарантирования прав собственности можно начать с такой поправки: «Кожна людина від народження володіє та розпоряджується своїм тілом та іншою власністю, набутою у ненасильницький спосіб. Це право є природним, воно не встановлюється законами та іншими приписами.

Зазіхання на власність є протиправним вчинком. Кожен має право давати відсіч таким зазіханням у будь-який доступний для нього спосіб. Кожен має право захищати себе, своїх близьких та родичів. Кожен, хто не визнаний в судовому порядку недієспроможним,
2014 має право володіти зброєю та носити зброю».

5.7.2. Испытание войной или Пища государства

Один американский журналист назвал войну «пищей государства». Это было еще во времена Первой мировой. Американское государство, еще не вступив в войну, провело множество «реформ», национализировав, например, железные дороги и резко усилив вмешательство в экономику страны. Все это проводилось под соусом подготовки к войне. Собственно, война — это состояние которое порождает государство и к которому всегда стремится государственная политика. Война — это предельное состояние государственного регулирования. Неслучайно все до одного тоталитарные режимы — режимы милитаризированные, живущие в состоянии осажденной крепости. Война — это

предельный аргумент для того, чтобы получить «право» управлять вашей жизнью и собственностью.

«Ну, а как же разрушения, жертвы, потери», — скажет читатель. «Разве они выгодны государству?» Конечно выгодны. Разрушения будут восстанавливаться за ваш счет (а государство и его представители в виде политиков получат еще и политические бонусы от вас же). С жертвами еще интереснее. В таких ситуациях, как сейчас в Украине, жертвами становятся, прежде всего, «пассионарии», люди, вне зависимости от их взглядов, представляющие угрозу для государства.

Конечно, я говорю об «интересах» и поведении системы в целом. Это совсем не означает, что не может быть политиков и ответственных граждан, искренне полагающих, что они «не допустят», верящих в то, что они «контролируют» и так далее. Но, напомню, социальные институты не являются следствием наших намерений.

Конфликт государств отличается от конфликта частных лиц тем, что государство тратит не свое. Государство, как система, никогда не несет ущерба от конфликта. Даже будучи уничтоженным, например, побежденным в войне или революции, оно обязательно возрождается, как правило, более сильным (если «силу» определять как возможности контроля поведения частных лиц). Конфликт частных лиц заканчивается тогда, когда сторона-агрессор понимает, что убытки могут стать выше, чем прибыли. Для государства эта

граница тоже существует, но находится значительно дальше. Чиновник за взятку в 100 долларов завалит дело на 100 миллионов. У сотрудника частной компании границы оппортунизма значительно уже, так как потери — это и его деньги, в большей или меньшей степени. Для частного лица степень маневра еще меньше. Поэтому, Путин может бесконечно подкармливать террористов на Донбассе, так как он тратит на это дело не свои деньги. И прекратит он это только тогда, когда не будет получать от предприятия хоть какой-то (в данном случае — политической) прибыли.

Но мы не о Путине, а об Украине. Украинское государство до сих пор никогда не «работало» с войной. Та прибыль, которую оно сейчас извлекает из нее в виде цензуры, общего повышения лояльности и преследования критики и инакомыслия, наступает как бы «сама собой», является результатом работы системы в целом. Но через некоторое время может сложиться ситуация, которая часто наступает в конфликтах такого рода, а именно, — могут появиться группы, осознанно, или, скажем так, полуосознанно работающие на войну с «нашей» стороны. Они будут это делать, потому что, как и в случае Путина, эти группы, связанные с государством, не будут нести убытков и если они найдут способ извлекать из войны прибыль, она может длиться очень долго.

Хуже того, чем дальше, тем труднее будет вернуть ситуацию в нормальное русло. Не буду пересказывать набившую оскомину историю о граффити в нью-

йоркском метро, здесь действует тот же принцип. Грубо говоря, «хороший район» превращается в «плохой район». И начинается это с того, что в «хороший район» приезжают плохие люди, а хорошие люди начинают уезжать. Вместе с ними исчезают поддерживаемые ими «хорошие» институты, плохим людям становится легче и их становится больше и через некоторое время — вуаля! — получите Южный Бронкс или Южную Борщаговку. Чем дольше длится вакханалия на Донбассе, тем быстрее этот регион превратится в место, где будут обделывать свои делишки «группы интересов» со всего мира, и тем труднее будет вернуть его к мирной жизни.

Единственным ограничителем государства во все времена и при всех «общественно-политических формациях» является общество, то есть, институты, возникающие как результат добровольного взаимодействия людей. Государство имеет столько власти, сколько люди готовы ему отдать. И потому, то, сколько будет длиться война, зависит только и исключительно от того, насколько люди понимают, что происходит, и насколько они действуют в соответствии с этим пониманием.

Совсем недавно украинцы прошли искушение диктатурой. Можно сказать, что здесь нам повезло. «Раскол страны» сыграл в этом смысле положительную роль. Для половины Украины Янукович был просто нелегитимен. В качестве президента она бы еще могла терпеть его некоторое время, но в качестве

диктатора-любителя — никогда. Янукович был слишком карикатурно-донецким для этого. Теперь государство, выгнанное в дверь, лезет в окно. Теперь мы проходим испытание войной. Оно будет потрудней, поскольку шапкозакидательство заразно, а патриотизм способен в считанные минуты уничтожить здоровый мозг. Главное здесь — понять тот момент, когда война становится источником прибыли для «нашей» стороны и из операции по уничтожению террористов превращается в долгосрочную болячку для нас и радость для них. Думаю, что можно найти такой критерий. Момент, о котором я говорю, наступит тогда, когда люди перестанут покупать за свои кровные бронежилеты и прочее снаряжение. С этой точки война перестает быть «нашей» и те, кто сохранит способность трезво мыслить, должны будут ее остановить, так как у такой войны и у диктатуры совершенно одинаковые последствия.

2014

5.7.3. Путин атакует украинское государство. Украинское общество сопротивляется

Читатели еще помнят заявление Путина о том, что он может взять Киев за две недели. Многие восприняли это как браваду и пустую угрозу. На самом деле, если сильно захотеть, Киев можно взять значительно быстрее, за несколько дней, если хорошо ударить с севера. В нынешней ситуации (при нынешнем состоянии нашей армии) это не такая уж и сложная задача. Весь вопрос в том, зачем это делать и тот факт, что Киев

пока не атакуют, говорит о том, что война с Россией имеет одно весьма специфическое свойство.

Состоит оно в том, что Путину нужен не захват территории, ему нужно приемлемое политическое решение. «Захват» и все прочее есть лишь средство для этого. При этом, это решение — решение конфликта между Россией и неким (известным одному Путину) «Западом». Украина же для Путина просто средство в этом конфликте. Поэтому для России крайне важно, чтобы результаты войны с Украиной признавал Запад. «Возвращение Украины в орбиту России» — вот цель этой войны. То есть, можно, конечно, все тут разбомбить, расфигачить и «захватить Киев», но от этого не возникнет «новое место России в мире» и Украина, не сможет «вернуться в орбиту». Все эти «места» и «орбиты» появятся только при одном условии: когда украинская власть, признанная Западом, согласится на мир на условиях Путина.

То есть, главным объектом атаки является не «Украина», а ее государственная «элита». Эскалация конфликта (которая вполне может дойти и до уровня массированных бомбардировок городов, «захватываний Киева» и открывания ядерных чемоданов) прямо связана с готовностью украинской власти сопротивляться. И именно в этом и состоит наша с вами главная проблема, если мы не хотим жить при Путине. Замечу, что если бы Россия воевала с украинцами, то есть, если бы минобороны сказало: «вот вам ключи от склада, а мы пошли», то никаких шансов у России не было бы

вообще, поскольку украинцы не успокоились бы, пока не выбили бы оккупантов с территории.

Я в курсе, что сейчас подумало большинство читателей, но поверьте, все эти танки и даже «танковые колонны», все эти самолетики и даже ракетки не есть главная проблема. Сложноорганизованная структура (общество) при прочих равных всегда «побеждает» простую структуру (армию). Вопрос именно в этих «прочих равных», то есть, грубо говоря, в том, насколько общество готово сопротивляться. Как по мне, оно вполне готово, и дело тут даже не в количестве добровольцев, готовых воевать, а в количестве людей, думающих иначе, чем большинство россиян.

Победа в войне достигается не в соревновании «кто больше подбил танчиков», она достигается нанесением противнику неприемлемого ущерба, неприемлемого, прежде всего, политически. И весь вопрос здесь в том — кто будет искать и пробовать разные способы нанести этот ущерб: «рынок» — то есть, множество независимых и заинтересованных в конечном результате людей, или начальство, которое волнует только отчетность (подбитые танчики и занятые города). Все это вот к чему. В рассуждениях о военном противостоянии большинство неосознанно исходит из предположений о «тотальной войне» и потому легко ужасается цифрам, демонстрирующим превосходство российской армии над украинской. Отсюда уже недалеко до вывода о том, что сопротивление бесполезно и «нужно искать дипломатические способы решения», что обычно яв-

ляется заменителем слова «сдаваться». Однако, никакой тотальной войны нет, так как (пока что) целью Путина является капитуляция украинского руководства, а не физический захват Украины. Кроме того, даже в случае масштабной войны у России весьма мало шансов против украинского гражданского общества, причем, тем меньше, чем меньше этому обществу будет мешать государство. Поэтому, когда вы слышите предложения сдаваться, подумайте о том, что никаких объективных причин для этого нет. 2014

5.7.4. Крым, рым и лебединая песня императора

Конечно, сейчас давать какие-либо уверенные прогнозы по развитию ситуацию в Крыму было бы весьма самонадеянно. Янукович, появившийся как Мориарти в известном сериале, со своим «указом» и «Центральной радой», захват местного парламента вооруженными людьми, все это пока что похоже на какой-то фарс. Сейчас дело выглядит так, как будто кто-то пытается навязать какой-то торг, а не устроить войнушку, ведь местный парламент принял решение провести референдум о «совершенствовании статуса автономии» 25 мая, а не о немедленном отделении.

Однако, как бы там ни было, кто бы конкретно не стоял за этими событиями и какие бы «сценарии» не пытались сейчас реализовать, в любом случае, одним из игроков — вольно или невольно — будет некто Пу-

тин. Неважно, сам ли он это все организовал, или просто плыл по течению, он в любом случае будет втянут в события. Поэтому для нас важно понимать, что лежит в самой основе его действий.

Не буду сейчас рассуждать о перспективах вооруженного конфликта, украинской Осетии и т.п., все это лишь средства. Целью же Путина, как и любого другого государства (в России, похоже, оно свелось к одному человеку) является сохранение власти, то есть, возможности приказывать другим людям и распоряжаться их собственностью.

На самом деле, это очень непростая задача. Наивные люди полагают, что «сила дает право» и у кого пушка тот и правит. Может быть и правит, но недолго. Для того, чтобы государство имело власть над людьми, эти люди должны не только и не столько бояться его, но, прежде всего, верить в его полезность. Именно эта вера и называется легитимностью.

Между обществом и государством идет постоянная игра, которая на языке государствоведов называется «поиском согласия». Государство постоянно тестирует общество на согласие на новое регулирование общественной жизни, и, в зависимости, от реакции, либо вводит его, либо нет. Все это невозможно без неких мифов и легенд, объясняющих, зачем это все нужно. Иногда такие мифы и легенды выглядят как настоящая фантастика, как, например те, что объясняют запреты сырого молока и домашнего лимонада в США, но,

коль скоро такие запреты есть, значит существует достаточное количество людей, готовых в них поверить.

В целом, чем меньше государство лезет в жизнь граждан, тем у него проще с легитимностью и изобретением мифов и легенд. Напротив, чем больше вы вмешиваетесь, тем сложнее становятся конструкции, которые вам приходится выдумывать. Вспомним, что тоталитаризм, в котором граждане фактически прямо принадлежат государству, вынужден не только периодически их отстреливать, но и изобретать целые тома мифологии, сопровождая ее множеством ритуалов и обрядов. Все это относится и к Путину, который буквально с первых дней своей власти очень сильно озаботился «поиском согласия».

Так вот, прогнозируя Путина, мы должны понимать, что его действия задаются содержанием существующей в России государственной мифологии. То есть, понимать, что Путин действует, прежде всего, в расчете на внутреннее, российское потребление. В этом смысле, интерес Путина состоит не в решении украинского или крымского «вопросов», а в том, чтобы такие «вопросы» существовали как можно дольше. Интерес Путина в дестабилизации, а не в аннексии. Путинская мифология предполагает, что все, кто отделился от России, так или иначе пострадали от этого, что все это дело рук Америки и прочих врагов. Поэтому на границах России имеют право на жизнь только «братские» режимы вроде Лукашенко, во всех остальных случа-

ях Россия всегда будет поддерживать внутренние конфликты и дестабилизацию.

И теперь настало время сказать о логике развития самой государственной мифологии. Как мы уже говорили, чем больше вы хотите власти, тем все более замысловатой и фантастической будет становиться ваша мифология. Россия теперь — страна победившего Пелевина (одна только георгиевская ленточка чего стоит) но вся фантасмагоричность абсурда имеет и обратную сторону — чем она выше, тем выше риски того, что однажды легенда рухнет самым неожиданным образом.

Я не устаю напоминать историю СССР, впавшего в идеологический маразм. СССР закончился тогда, когда рухнула его мифология, произошло это по историческим меркам прямо таки стремительно и молниеносно. Что-то подобное ждет и Россию. В нашей истории это означает, что мирная и процветающая Украина просто недопустима для путинского режима. Ну, а значит нужно постараться как можно быстрее перей-
2014 ти в это состояние.

5.7.5. Как не превратиться в Россию

Война — это такой способ выяснения отношений. Только, в отличие от драки, в ней участвуют не отдельные люди, а государства. Точнее, именно государства и устраивают, и ведут войны. Но, как и драка, война — это просто способ ведения конфликта, а сам конфликт

может иметь разные причины и разных участников. Драка может быть как между гопниками, так и между интеллигентами-очкариками. И всегда у нее есть причина и есть более правый и более виноватый.

Думаю, не секрет, что в случае России и Украины одной из главных причин войны является свобода. Российское государство очень обеспокоено тем, что украинские граждане, мало того, что 20 лет жили без его надзора, так еще и позволили себе скинуть законноизбранного местного начальника. Того гляди, зараза распространится и на суверенную демократию, поселится в головах доверчивых россиян. Собственно, все, что происходит, сводится к задаче не допустить такого поворота событий. Для этого Путин «кошмарит хохлов», показывая, как плохо не любить законную власть и что за это бывает. Для этого работает безумная кремлевская пропаганда, задача которой состоит в том, чтобы каждую секунду талдычить россиянину, что власть в Киеве сбросили не такие же, как он, доведенные до отчаянья люди, а какие-то «бендеровцы», организованные и финансируемые Западом.

То есть, российское государство обеспокоено украинскими гражданами и теперь ведет войну против украинского государства. Очень показателен здесь тот момент, что кремлевцы упорно именуют киевских начальников «хунтой», получившей власть путем «вооруженного переворота». На самом деле политический результат Майдана — это бегство Януковича, а не внезапное появление Турчинова в двух ипостасях сразу.

Никакой «майдановской власти» не было, нет, и быть не может, поскольку, единственным, что объединяло Майдан, было отстранение Януковича от власти. Даже если бы «люди с Майдана» заняли все кабинеты в правительстве, такую власть невозможно назвать «майдановской». Если добавить к этому тот факт, что у власти остались представители той же политической колоды, которая тасуется тут 20 лет, и назначены они были избранным при Януковиче парламентом, то ни о какой «хунте» говорить не приходится. Однако, несмотря на очевидную несуразицу, тезис о том, что у власти находятся «люди Майдана» не подвергается в России сомнению. Он нужен для того, чтобы связать украинское государство и украинских граждан в одно целое, что значительно облегчает войну.

В общем, мы имеем три стороны конфликта — украинских граждан, прогнавших начальство и являющихся носителями свободы, перепуганное украинское государство и российское государство, сильно возбужденное поведением украинских граждан и воюющее теперь с украинским государством, чтобы наказать украинских граждан. Такая вот замысловатая диспозиция.

Теперь вернемся к нашей аналогии войны и драки. В драке участвуют личности, субъекты. Для нашего примера важно, что в достижении своих целей, субъекты всегда находятся перед выбором использования редких ресурсов, которыми они владеют. Если гопник регулярно бьет очкарика, потому, что тот очкарик, а

не гопник, то очкарику придется потратить свои ресурсы (время и деньги) для того, чтобы посетить, скажем, уроки рукопашного боя. Однако, очень маловероятно, что для того, чтобы победить гопника, очкарик сам станет гопником. Ведь в данном случае, его потери — не только затраты на курсы самообороны, но и новая, неприятная личность, сидящая прямо внутри себя самого, потеря друзей, окружения и т.п.

С государствами все не так. У них нет ничего своего, все, чем они обладают — отобрано у нас, и все, что государство делает, оно делает не с собой, а с нами. Кроме того, «хорошее» государство отличается от «гопнического» лишь степенью и характером вмешательства в жизнь граждан. При этом, любое государство всегда заинтересовано в собственном расширении, то есть, в сокращении нашей свободы. Поэтому выбор в драке «хорошего» государства с «гопническим» всегда в том, чтобы стать гопником самому.

Кризисы и войны — это подарки для государств, они всегда используют их для того, чтобы расшириться и сократить свободу граждан. История переполнена такими примерами. Вот, прямо сейчас Америка (в виде ее народа) проигрывает войну терроризму (неважно, существует он в реальности или нет), поскольку американское государство постепенно превращается в полицейское государство. То же самое, только гораздо быстрее и драматичнее, может случиться у нас. «Дисциплина и порядок», понимаемые как цензура и расширение и без того безграничных прав карательных

органов, а теперь еще и армии, быстро уравняют в гопничестве украинское и российское государства. Собственно, цель Путина — покарать украинский народ и сделать невозможным распространение заразы свободы на Россию, будет достигнута. Пускай гопническое украинское государство будет крайне враждебно российскому, но это будет свой, любимый, неопасный и крайне полезный в хозяйстве враг.

Фактически, если все будет идти, как идет и не возникнут какие-то особенные обстоятельства, нас с вами ждет простой итог: либо несвобода имени Путина, либо несвобода имени его украинской версии.

Впрочем, пишу я это не для того, чтобы лишний раз предаться расслабляющему пессимизму, а для того, чтобы сказать о возможности остаться свободными. Эта возможность существует и будет существовать до самого последнего момента. Состоит она в том, что коль скоро Путин пытается воевать с украинскими гражданами, то граждане должны иметь возможность ответить. Для этого совершенно необязательно захватывать Москву. Достаточно, чтобы люди имели простой доступ к оружию и созданию отрядов самообороны. Сейчас между нами и Путиным стоит украинское государство, у которого свой интерес и которое, повторю, как и любое другое государство на Земле, спит и видит, как бы расширить свои полномочия. Однажды в вашем городе могут появиться зеленые человечки, которые захватят какой-нибудь ритуальный столб, и прочитав заклинание, «перепишут на Россию» вас и всех

прочих жителей. И будь у вас в городе хоть «100% за Украину», жить вам в России, потому, что местная милиция оказалась в сговоре, или не получила приказ, или придумайте еще 150 уважительных причин.

Местные жители, даже не слишком хорошо обученные, но вооруженные, могут легко и просто решить проблему с зелеными человечками. Причем, и это главное, местные жители не под эгидой МВД или МО, как этого хотят наши «миздобули», а самостоятельные, само-обороняющиеся. Ведь подчинение МО или МВД означает, что нужного приказа может не быть и все те же 150 других причин. Самоорганизующиеся граждане сами анализируют ситуацию и принимают решения.

Пока выбор между Украиной и Россией — это выбор между пусть относительной, но свободой и ее отсутствием, свободное приобретение и ношение оружия — единственный способ сохранить то, что у нас еще есть и надежды на то, что в будущем может быть лучше. 2014

5.7.6. Некоторые простые уроки конфликта с Россией

За несколько дней конфликта с Россией мы получили множество весьма поучительных уроков. Остановлюсь на тех, которые, с моей точки зрения, говорят о полной бесперспективности системы, в которой нам пока что приходится жить.

1. **«Международное право»**. Как выяснилось, надежды, которые многие возлагали на всякого рода письменные документы, оказались слишком преувеличенными. Право, и «международное право» в особенности, не действует автоматически, как многим бы того хотелось. Бумажка сама по себе никого ни к чему не обязывает. На бумажке можно зафиксировать некое состояние дел и пообещать кары небесные тому, кто его нарушит. Но «сработает» бумажка лишь тогда, когда для участников процесса сохранение статус-кво будет дороже его нарушения. Для того, чтобы гаранты территориальной целостности Украины вступились за нее, необходимо, чтобы эта самая целостность имела для них ценность, измеряемую, хотя бы количеством инвестиций на квадратный дюйм. Однако, украинские правительства все эти годы делали все для того, чтобы ценность корпорации «Украина» была как можно ниже. Зарегулированность экономики, лидерство с конца в условиях ведения бизнеса, как следствие — коррупция и полная непредсказуемость поведения государства, — вот причины того, что все это хозяйство не нужно никому, кроме украинских чиновников. Гаранты же решают те вопросы, которые их действительно беспокоят — что теперь будет с распространением ядерного оружия и где остановится Путин. И решают они это все без участия Украины, поскольку сама по себе ценности она не имеет.

2. **«Международные отношения»**. Мы лишний раз убедились в том, что «международные отношения» — это просто еще один термин, маскирующий реальность. Никаких «отношений» между народами существовать не может по определению. То, что называется «международными отношениями» есть отношения между частными лицами (чиновниками) со всеми их слабостями и причудами, каковые мы с интересом и наблюдаем все это время. У этого обстоятельства есть и другая сторона: от имени «народов» выступают частные лица, интересы которых пытаются реализовать затем другие частные лица, которым, в общем-то, они, в лучшем случае, безразличны. То есть, не Дугин с Киселевым идут на войну, покупая оружие и аммуницию за собственные деньги. На войну идут совершенно посторонние люди, назначенные для этого начальством. Все-таки, средневековая система, когда никаких «народов» в пропаганде не фигурировало, была куда честнее. Королик садился на коника и ехал на войнушку. Ему приходилось лично вести войска в бой, что создавало понятные риски, да и сомнений в том, что именно и в чьих интересах происходит, ни у кого не возникало.

3. **«Рейдерство»**. Мы увидели, насколько государственная система, в общем-то, никак не связана с интересами тех, ради кого, как нам рассказывают, она существует. Оказывается, если воткнуть

флажок в правильное место и захватить правильное здание, то можно переписать на себя «административно-территориальную единицу» со всей государственной инфраструктурой, налогообложением и людишками. Проблема состоит именно в существовании таких волшебных мест для втыкания флажков, а не в количестве имеющихся у вас зеленых человечков. Это легко понять, если представить, что на некой территории, скажем, в Крыму, не существует никаких мест сосредоточения государственной власти. Если «государственные» услуги представляются частными компаниями, то втыкать флажок просто некуда. Если территория состоит из частных владений и «инфраструктура» тоже находится в частных руках, то рейдерство невозможно, зеленым человечкам придется иметь дело с каждым собственником отдельно, в их распоряжении нет «командного пункта», захватив который, они могли бы «легитимно» отдавать приказы. Зеленым человечкам пришлось бы вести полноценную войну с владельцами собственности и нанятыми ими войсками.

4. **«Крепостное право»**. Мы также лишний раз убедились в том, что живем в некой версии крепостного права. Мало того, что украинцы минимум полгода отрабатывают налоговую барщину, они еще легко могут оказаться в роли людишек, которых перепишут вместе с кадками и мотыга-

ми на другого хозяина. И беда здесь не столько в злом Путине, сколько в системе, которая позволяет это делать.

5. **«Армия — общественное благо»**. Пример обороны, как «общественного блага», финансирование производства которого якобы возможно только из принудительно собираемых налогов — это один из последних бастионов этатистов. Сейчас мы воочию наблюдали, как этот бастион пал и увидели, как (не)работает эта система. Коломойский, заправляющий танки, был довольно яркой иллюстрацией. И дело тут опять не в том, что «выделялось мало средств» и «шел развал армии», а в том, что формы и способы существования самой армии, объемы «средств» и то, как они будут «освоены» определяется частным мнением частных лиц, то есть, мнением политиков и чиновников, а не потребителей. Вам вряд ли доведется услышать о том, что «мало выделялось средств» на производство булочек, и вряд ли вы прочитаете в газете ужасы о том, что «шел планомерный развал булочной промышленности». Это невозможно потому, что производство булочек регулирует потребитель, и он определяет «объемы средств», которые согласен выделить на эту «отрасль». «Оборона» ничем принципиально не отличается. Другое дело, что формы такой армии, финансируемой потребителями, скорее всего, будут другими, это будет, скорее, набор коорди-

нирующих усилия армий, а не единая централизованная система. Впрочем, даже если представить, что армия финансируется, например, страховыми компаниями, то даже в этом случае невозможна ситуация, в которой, как рассказывали наши военные, угроза со стороны России никогда не рассматривалась, как реальная. Думаю, что страховая, которая бы в своем полисе писала о том, что услуги обороны представляются, исходя из условия безопасности северо-восточного направления, не имела бы никаких шансов в Украине.

2014

5.7.7. Майдан и война с Россией

Сравнение Майдана и войны с Россией стало общим местом для всех, кто пишет на политическую тему. Аналогия очевидна и привлекательна, особенно, если мы хотим успокоить себя и других рассуждениями о том, что «ночь всегда темна перед рассветом» и напоминаниями о том, что Януковича таки скинули, несмотря ни на что.

Однако, война с Россией не есть прямая аналогия Майдана. Если вы хотите понять, с чем мы имеем дело сейчас на войне с Россией в рамках аналогии с Майданом, представьте, что Яценюк, Тягнибок и Кличко каким-то образом законтролировали Майдан. Они регулируют подвоз шин, закупку бензина, пустых бутылок, добычу булыжников и производство коктейлей. Они регулируют доступ на Майдан и решают, кому

можно, а кому нельзя стоять на Майдане. Всех, кто с ними не согласен, они объявляют шпионами и провокаторами. Представили? Как долго по-вашему продержался бы такой Майдан, а точнее, как быстро бы он разошелся по домам? Вот такую ситуацию мы имеем на войне с Россией.

И, собственно, причина ее проста — вера в то, что военные действия — это удел исключительно жестких централизованных организаций. Но год назад вы уже вели военные действия и одержали в них победу. Ведь Майдан был победой самоорганизации над жесткой иерархией, в том числе и военной победой. И как раз все попытки организовать Майдан приводили к неприятностям, большим и малым, а то и к трагедии с признаками предательства, как побоище 18 февраля во время «мирної ходи». Теперь вы дали себя убедить в том, что маленькая война чем-то отличается по своей сути (то есть, по содержанию задач, а не просто по их масштабу) от большой войны и, говоря метафорически, отдали власть над Майданом Яценюку, Тягнибоку и Кличко.

Результаты не замедлили появиться. Их два. Первый — это большие достижения в организации котлов. Причем, Дебальцевский был очевиден давно, и не знаю, как вы, но последние недели я чувствовал себя как в кошмаре, когда зло неотвратимо надвигается, а ты не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Второе достижение — это рост количества генералов. Количество генералов говорит не только о количестве гене-

ралов. Оно говорит о сложности иерархической структуры. Генерал — это ведь не просто большая фуражка, пузо и красивые погоны, генерал — это верхушка некой бюрократической пирамиды. Генерал со своими погонами означает, что под ним есть полковники, подполковники, майоры, капитаны и прочие старшие лейтенанты, а также служащие советской армии. И каждая более низкая ступень, так сказать, шире и глубже более высокой. И все они осваивают бюджеты.

Опыт Майдана и войны говорит о том, что у украинцев лучше получается самоорганизация, чем иерархия. Можно привести массу аргументов, почему самоорганизующиеся структуры лучше иерархических организацией и почему они более эффективны. Однако, говорить об этом имеет смысл тогда, когда есть хотя бы понимание того, что у одной проблемы всегда есть несколько решений. Мы должны понять, что наше представление о войне, как о противостоянии организаций, есть только одно из возможных представлений. То, что «все так делают» никаким образом не является аргументом для того, что мы должны делать точно так же. Более того, наш опыт прямо говорит о том, что так делать нельзя.

Для начала просто подумайте над двумя такими вопросами. Первый — структура наших ВС — это слегка модернизированная структура советской армии. Структура, основанная на опыте Второй мировой и ни разу не испытанная в серьезной войне. Афганский опыт был, скорее, негативным, если говорить о ее ра-

ботоспособности. Подумайте о том, что весь этот chain of command просто выдуман из головы.

Второй вопрос. Подумайте о том, что такое война и каковы ее цели. «Волонтеры не купят танк!» — кричат нам сторонники регулярных котлов. Но подумайте, почему они должны покупать танк? Цель войны — нанести противнику неприемлемый ущерб. И для этого есть множество других способов, кроме покупки танка (кстати, если бы танки действительно продавались в военторгах, я не сомневаюсь в том, что волонтеры их покупали бы). В общем, если вы начнете размышлять в этом направлении, вы увидите, что мы можем выиграть эту войну. И вы увидите, как это можно сделать. И в этом смысле, как и во многих других, Майдан был не зря. 2015

5.7.8. Либертарианцы и война или Что вы будете делать, когда на вас нападают с бананом?

Армия[9] появляется в разнообразных дискуссиях о гипотетическом будущем в двух случаях. В первом случае, она возникает как аргумент «общественного блага». Типа «вот у вас не будет налогов, но ведь есть же «общественные блага», которые невозможно никак финансировать без налогов, например, армия». Яркий образ беззащитной либертарианской страны, которую

[9]Этот текст написан до войны

уничтожают злые, некрасивые и неинтеллигентные соседи, по-видимому, должен убедить в ошибке.

Во втором случае речь идет как раз о сугубо военном и политическом аспекте, имеется в виду, как будет проходить война между «либертарианцами» и «этатистами», если они вдруг подерутся.

Мы рассмотрим оба этих случая, однако, для начала нужно сказать следующее. Вообще говоря, сама мысль о некой «либертарианской стране во враждебном этатистском окружении» по зрелом размышлении видится фантастичной. В отличие от этатистских идеологий вроде социализма, либертарианство не является некой догмой или набором характеристик вроде обязательного «обобществления собственности» и т.п.

Либертарианство объясняет «как есть», а не «как надо». Модальность «надо» возникает лишь тогда, когда некие очевидные моменты, такие как результаты деятельности паразитических структур, вроде государства, нарушают нормальную работу того, «как есть».

Поэтому, в отличие от социализма с коммунизмом, по-видимому, не существует момента, когда можно, сверившись с некой книжечкой, заявить о «построении либертарианского общества», поскольку любое общество в основе своей — либертарианское.

Говорить о движении к «либертарианству» можно в терминах избавления от паразитов и, прежде всего, от

государства. При всей широте поля, открывающегося тут для всякого рода фантазий, «либертарианское государство» или «страна», то есть, некая однородная в политическом смысле территория, выглядит как наименее реальная перспектива.

Мирный и перспективный для либертарианства сценарий — это постепенная приватизация (правильнее, мне кажется, говорить национализация) государственных функций, даже не в результате осознанной политики, а явочным порядком, потому, что государство окажется неспособным достать граждан в той или иной деятельности (скорее всего, в силу своего избыточного веса). Либертарианские практики здесь будут «прорастать» сквозь государство. В этом случае, опять же, такой процесс затронет основные государства и они будут лишь в разной степени «либертаризированными», то есть, ситуация войны «либертарианцев» против «этатистов» выглядит очень маловероятной.

Такая ситуация возможна только, если некие либертарианцы «захватят власть» (победят на выборах) и уничтожат государство в некой стране. Однако, представить, что государство (а наши либертарианцы в этом случае становятся государством) добровольно покончит жизнь самоубийством, невозможно. Но самым фантастичным в этом примере являются либертарианцы, захватившие власть. То есть, это уже не либертарианцы, это такие себе испанские «анархисты» 30-х, некие морские свинки от политики. Даже если пред-

ставить себе, что нечто такое вдруг произошло, то опять-таки, в случае гипотетической войны, мы не получим ситуации «либертарианцы против этатистов», потому что отмена государства «сверху» путем его мнимого самоубийства никак не делает общество либертарианским. Государство существует, прежде всего, в головах и практиках людей и страна, силовым путем «отменившая» у себя государство, совсем не становится тем самым либертарианским обществом, которому в дискуссиях и адресуется вопрос «а как же вы будете без армии защищаться от злых соседей?»

В общем, конфликт «либертарианцев» с «этатистами» выглядит совершенной фантастикой. Это обстоятельство нужно иметь в виду, когда вам предлагают порассуждать в рамках такой модели. Однако, перейдем к нашим двум случаям, в которых появляется армия.

1. Первый случай. Армия, как общественное благо и аргумент для налогообложения

1.1. Немного истории Когда нам говорят, что нечто является объективным феноменом, (это «общественное благо», сынок, тут ничего не поделаешь), предполагается, что некие люди или даже «рынок в целом» искали, искали и не нашли никакого решения. Дескать, мы пробовали и так и эдак, не выходит никак, остаются только, блин, налоги. Однако, в реальности никогда ничего такого не было. Обычно государство просто присваивало себе то, что уже существовало в

обществе на добровольной основе, как например, социальное страхование, и уже затем объявляло это «общественным благом», чтобы объяснить, почему оно собирает на это дело налоги. Но к армии даже эта практика не относится. В ее случае во все эпохи дело всегда обстояло одним и тем же образом. Менялись только идеологические и организационные обертки, и об этом мы сейчас и поговорим.

Дело в том, что армия — это причина государства, его начало и основа. Тут нужно сделать уточнение, поскольку, как показывает опыт, когда говоришь, что «государство является результатом военных завоеваний» люди часто представляют себе неадекватную картинку в виде марширующих колонн регулярной армии, а то и танчиков с самолетиками. На самом деле, речь у нас идет о методе, позволяющем узаконить разбой и грабить одних в пользу других. Идея государства (когда-то мы придумали специальное слово «державство», чтобы обозначить метод, отделить его от, собственно, группы людей, извлекающих таким методом прибыль) стара, как мир. «Державство» — это метод, который применяет некая группа людей, переходя от набегов на соседей к институционализированному насилию, (регулярной дани). То есть, когда я говорю «государство есть результат завоевания», я имею в виду ситуацию, которая повторяется, наверное, с десяток тысяч лет. Некое племя-рэкетир побеждает одно или несколько соседних племен и обкладывает их данью. Все, вот вам готовенькое государство (в школьной

истории это обычно называется «объединил соседние племена», а тот, кто это сделал, считается большим героем). Как видим, армия является главной причиной успеха всей затеи, без нее ничего не выйдет в принципе.

Нужно иметь в виду, что государство — крайне нестабильная штука. Во-первых, государство обычно заканчивается со смертью героя-»объединителя». Устойчивый способ передачи личной власти так и не был найден. Во-вторых, обычно, публика, завидев приближение государства, спешит удалиться куда подальше. Прямо сейчас этот процесс можно наблюдать в бассейне Амазонки, где племена занимаются попытками пограбить друг друга, наверное, с тех пор, как они там оказались. Беда, однако, в том, что там слишком много свободного места и государства у них не выйдет.

Поэтому более-менее устойчивое государство возникнет не на плодородной равнине или в лесостепи, а в оазисе в пустыне, горной долине, бассейне реки, окруженном пустыней или другом месте, откуда его жертвам просто некуда податься. Исторически, собственно, так оно и было.

В общем, мы должны понимать, что подавляющее большинство государств существовало одно-два поколения ввиду нерешенности вопросов наследования, склонности публики при первой же возможности удирать куда подальше и извечной проблемы «а что у них отбирать и куда это потом девать». Рассуждая о «бла-

гах» государства и о том, что это чуть ли не синоним цивилизации (так считают все школьные учебники), люди делают огромную ошибку. Говоря «цивилизация» и «государство» они представляют себе египтян, римлян и греков (в случае последних двух известны времена, когда они уже были римлянами и греками, но еще не были государством). Мы судим о государствах по тем из них, кто оставил следы (чемпионы в этом списке — гангстеры времен «сухого закона», государства, мимолетные по времени существования, но оставившие значительный след в современной культуре). Но ведь абсолютное большинство государств никаких следов не оставило. Они исчезли, захватчики удалились, бормоча «опять ничего не получилось…», а потенциальные подданные просто продолжили заниматься своими делами. Если мы поймем, что число государств на Земле в обозримой истории должно исчисляться сотнями тысяч, то все встанет на свои места.

Для полноты картины, добавим, что государства заводятся не только в результате прямой агрессии, но и как результат успешной обороны от нее, победоносной войны (Союзнические войны для Рима) или успешного «перенятия опыта» соседей.

Однако, вернемся к армии. Как видим, территория — ключевой параметр государства. Учитывая постоянное желание публики смотаться от государства куда подальше, «суверенная территория» должна быть как можно больше, настолько большой, насколько войско способно обеспечить ее контроль. С тех пор армия

жестко привязана к территории, войны ведутся в терминах территорий, а «территориальный суверенитет» является гипер-фетишем, любое посягательство на который вызывает у многих катание по полу, разрывание рубах и пену изо рта.

Феодализм был отличным решением проблемы расширения территории, это, фактически, был режим государств-матрешек, каждая из которых имела свою армию. То есть, присоединив некую территорию, можно было посадить там какого-нибудь родственника, который, получая дань с нее, становится заинтересованным и в охране. Родственник сам является государством, одновременно являясь частью большей государственной матрешки.

Все это время публика, оказавшаяся в государствах, не питала никаких иллюзий относительно предназначения армии. Показательно, что вместе с превращением Рима в государство, то есть в империю, исчезли и республиканские ценности в виде гражданской доблести и служения народу. Обычные люди воспринимали армию и войну, как инструменты подавления и агрессии и как абсолютно чуждую для них деятельность. Они старались, насколько возможно, не участвовать в происходящем. Более того, мне несколько раз встречались упоминания о том, как горожане и даже крестьяне требовали (и получали) от баронов и даже от монархов компенсацию за потраву полей во время войнушек. То есть, война — то панські витребеньки. А у нас тут реальне життя.

Все изменилось, когда в результате развития общества, «божественное право», как универсальное объяснение существования государства, перестало работать. Ему на смену пришла идея «народного суверенитета» и «национального государства». Здесь и появляется наше «общественное благо», еще не в виде претензии на объективную экономическую закономерность, а пока что в виде идеологии. Наполеон почти 20 лет мучает Европу, а Клаузевиц объясняет, почему ему это удается — потому, что теперь все французы — граждане и потому, «защита отечества» стала их обязанностью.

Национальное государство позволяет поставить под ружье огромные массы народа. Теперь служба в армии превратилась из бизнеса или феодальной повинности в «гражданский долг». Государства приспособились к новым условиям. Не сумев удержать государство, как легко идентифицируемую аристократию, в интересах которой проводится налогообложение, государство распространилось на «всех граждан». В этом и состояла практическая суть идеи нации и народного суверенитета. Это способ трансформации, приспособления государства и вообще говоря, другая тема. Для тех, не читал этот блог и для тех, кто, может быть, забыл, специально замечу, что речь идет о естественном процессе поиска прибыли, а не о неком осознанном заговоре. Приспособление государства — эффект из той же серии, что скажем, открытие новых форм организации предприятий.

В общем, «национальное государство» и сопутствующая пропаганда дали замечательный результат. Если во времена якобинцев и Наполеона новоиспеченные «граждане» отнюдь не горели большим желанием служить в армии и регулярно устраивали бунты по этому поводу, то уже через сто лет в гораздо более свободолюбивой стране — США — безо всяких бунтов был введен воинский призыв, причем для участия в войне, которая никак не угрожала территориальной целостности и суверенитету.

Из орудия подавления и агрессии, армия вдруг стала «национальной обороной», при этом, изменилось в ней лишь то, что теперь все жители мужского пола обязаны в ней служить. Боюсь ошибиться, но как мне кажется «национальным» все это хозяйство стало называться в 20-м веке. До этого «министр обороны» честно именовался «военным министром».

1.2. Национальная оборона, как «общественное благо» Чтобы не уводить разговор в сторону и в сотый раз не ломать копья по поводу «общественных благ», которых, конечно, не существует, в нашем случае можно сделать проще, а именно показать, что армия даже не попадает в категорию этих самых «общественных благ».

Хотя практически в любом учебнике по экономике, где упоминаются «общественные блага», первой в списке следует «национальная оборона», однако, по-

хоже, что просто никому в голову не пришло задуматься над справедливостью такого утверждения. Видимо, тут та же история, что и с Коузом и его маяками.

Что означает то обстоятельство, что «национальная оборона» является «общественным благом? Это означает некое совершенно объективное состояние дел, некое экономическое (не политическое или какое-нибудь еще волюнтаристски определяемое) явление, которое диктует определенные способы решения проблемы. В нашем случае, это тезис «армия защищает всех, следовательно, все должны платить за нее, иначе возникает эффект безбилетника и мы становимся беззащитными». То есть, что бы мы ни делали, а налоги платить придется, потому что таковы законы окружающей нас реальности.

Однако, проделав самое простое упражнение, а именно, применив признаки «общественных благ» (признак неисключения; признак неконкурентности в потреблении; признак неделимости) к армии, мы увидим, что она просто не соответствует им. В данном случае, оставим в стороне факт отсутствия «общественных благ», как таковых, в окружающей нас реальности. Допустим, они существуют. Но армия к ним точно не относится.

«Общественное благо» это, например, запах духов. Вы его потребляете, даже если не заплатили. То есть, я выливаю на себя флакон «Шипра», а все вокруг бесплатно им наслаждаются. Это, как считают сторон-

ники «общественных благ», дает мне основания требовать с окружающих деньги, «иначе благо не будет производиться». Собственно, вся дискуссия об «общественных благах» и сводится к тому, что потребление даже в этом случае является индивидуальным, ибо, очевидно, что далеко не каждому нравится «Шипр», и не факт, что те, кому он нравится, хотели его именно здесь и именно сейчас. Но! В любом случае, фактом является то обстоятельство, что каждый, кто оказался в радиусе поражения «Шипра», вдохнул его волшебный запах.

Именно с этим «каждым» и возникает проблема в случае армии. Ибо ни о каком каждом, в ее случае, речи не идет. Ни одна военная доктрина не предусматривает всерьез защиту населения, (не говоря уже о каждом), как причину существования и цель вооруженных сил. Особенно хорошо это заметно на примере ultimate weapon, вроде ядерного оружия. Что говорили (говорят) военные доктрины на этот счет? Здесь все предельно ясно.

Противоракетная оборона СССР должна была прикрывать город-герой Москва, в котором, процветали «партия и правительство». Противоракетная оборона США должна прикрывать стратегические военные объекты. Ни о каком «населении» даже речи не идет.

Опять же, из практики войн следует удивительный вывод. Чем ближе в идеологическом смысле армия подходила к состоянию «общественного блага»,

чем чаще ее именовали «национальной обороной», тем больше были потери «живой силы» и «мирного населения», не говоря уже о разрушениях и выброшенных на ветер ресурсах. Классика жанра — две мировые войны, где «национальные обороны» дооборонялись до состояния гуманитарной катастрофы и экономического инфаркта. Это как-то совсем не похоже на «результат естественного поиска оптимального решения».

Чтобы было понятнее, чем армия отличается от обороны каждого, приведу примеры такой обороны. Например, забор, стена или силовое поле по периметру защищают каждого, кто находится внутри. При этом каждый может оценить свои перспективы быть защищенным в случае конкретного конфликта, что невозможно сделать, когда вас «защищает» армия. Вооруженное до зубов население по образцу швейцарской «армии», тоже подходит под защиту каждого, она защищает сама себя. Разнообразные народные ополчения, собираемые для целей отражения агрессии, тоже близко находятся к этому состоянию.

Выходит, что вообще-то государственная армия защищает нас случайным образом, защита — это просто возможный побочный эффект тех реальных задач, которые она решает.

Более того, «национальная оборона» — это такое «общественное благо наоборот». Это удивительная ситуация, когда за «Шипр» платят и те, кто никогда не нюхал и никогда не понюхает этот самый «Шипр».

2. Второй случай появления армии в высокомудрых беседах. Война между обществом и государством

2.1. Война между государствами. Правила войны

Существование государств, трепетная забота государства о «территориальном суверенитете» и существование государственной армии породили войну определенного типа, которая, в силу тотальности распространения государств в мире, кажется нам самоочевидной и единственно возможной.

Именно эта самоочевидность мешает увидеть тот факт, что войны между государствами ведутся по определенным правилам, причем, эти правила диктуются самой природой государств и не зависят от их желания. Таких правил два.

Первое правило. Целью войны является последующее мирное соглашение с противником, даже если его содержание — аннексия. Вообще говоря, война ведется потому, что с обоих сторон существует государство, то есть, готовый аппарат принуждения. Если вы преследуете цель аннексии, то вам нужно победить армию противника, заставить вражеское правительство отречься от престола (мирный договор) и дело в шляпе, — теперь вы здесь начальник, а местные жители этого даже могут не заметить, поскольку они имеют дело с аппаратом насилия, который, если и поменяется, то только в смысле составляющих его персон. В большинстве случаев, когда цель аннексии не пресле-

дуется, мирный договор — это территориальные или политические уступки проигравшей стороны.

Правило второе. Война длится до момента получения одной из сторон политически неприемлемого ущерба. Содержание и величина этого ущерба — дело внутриполитических раскладов. Государство, при любой «форме правления» никогда не бывает однородным, в нем борются разные интересы, в том числе, и в отношении текущей войны. Для одних поводом к капитуляции будет проигранное «генеральное сражение», другие хотят сопротивляться до конца. Реальность определится их взаимодействием. На полях заметим, что гипер-милитаристы последнего времени — германские нацисты и советские коммунисты — уделяли огромное внимание промыванию мозгов и истерическому нагнетанию патриотизма. Тем самым, они делали цену неприемлемого ущерба для себя максимально высокой, что, как они полагали, придаст им дополнительную устойчивость в войне.

2.2. Война между государством и негосударством. Правила не работают Когда мы переносим эти правила в ситуацию войны государства с неким обществом, мы видим, что такая война, мягко говоря, сильно осложняет дела агрессора. Англичанам потребовалась пара столетий, чтобы справиться с Ирландией, одной из причин было именно отсутствие у ирландцев государства в его привычном виде. Заключаешь договор с королем, а он, оказывается,

представляет только сам себя. Как тут воевать? Напротив, когда население привыкло к государству и свято в него верит, то тут дела делаются просто. Вот опять те же англичане, только теперь в Индии, где несколько тысяч англичан правили многомиллионной страной, в которой государство завелось очень и очень давно и, собственно, это английское владычество даже не потребовало сколько-нибудь значительной войны.

С кем вести переговоры? Кого считать армией? Кто принимает капитуляцию? Кто гарантирует выполнение условий капитуляции? Государство, напавшее на общество, получит, в самом лучшем для него случае, партизанскую войну, мало того, такому государству придется строить на занятых территориях государство, что крайне непросто, учитывая, что люди, проживающие на ней, по условиям нашей задачи, привыкли обходиться и, что самое важное — знают, как это делать — без него.

При прочих равных условиях, война против общества обойдется дороже, чем против другого государства, она будет затяжной и результат ее всегда будет неясен ввиду отсутствия субъекта с другой стороны.

2.3. Инфантильные граждане и профессиональные оборонщики Но как же поступать бедным либертарианцам, если у них нет армии, и на них нападают с бананом? Прежде чем ответить, давайте обратим внимание на решение, которое сейчас преподно-

сится в качестве единственно возможного. Причиной, по которой существует «национальная оборона» говорят нам, является тот факт, что люди — инфантильны и ленивы. Они не будут заботиться о безопасности, и если у них не отбирать деньги, то все мы пропадем. Решение состоит в том, чтобы на отобранные в виде налогов деньги, некие чиновники заботились об обороне.

Давайте сначала обратим внимание на само решение. Те, кто «проходил» школьную историю СССР (а значит и Российской империи), должны хорошо помнить фразу «Россия была не готова к войне». Эта фраза встречалась настолько регулярно, что врезалась в мозг и стала постоянным поводом для шуток. Но вот, что интересно. Даже в истории стран, не претендующих на особый путь, частью которого, видимо, является постоянная неготовность к войне, в которой участвуешь, вы с удивительной регулярностью будете встречать эту фразу. Все они, оказывается, были неготовы к войне.

Оставим в стороне предвзятость историков и спорность возможных критериев «готовности». Поговорим о другом. Фактически, речь идет о том, что организацией обороны должны заниматься чиновники на зарплате — все эти генеральные штабы и прочее. В чем бы официально не состояла их работа, главная их задача — удовлетворение тех, кто платит зарплату. В большинстве случаев, эта деятельность не совпадает (а иногда становится прямо противоположной) с официальной версией. Это хорошо знают труженики бю-

рократического и корпоративного фронтов. Может ли такой способ организации обороны помочь в реальном деле? Ответ — как повезет. Ведь есть же какой-то шанс[10], что и министры и генштаб будут состоять из сплошь хорошо подготовленных и знающих свое дело людей. Правда, исторический опыт говорит о том, что он весьма невелик.

Для сравнения давайте посмотрим на оборону, как контракт с частной армией (армиями). Руководство армии не является чиновниками и не работает для текущей отчетности. Победа в войне для него — конкурентное преимущество, важный пункт в резюме. Если армии нужно остаться в бизнесе, ей нужно всегда быть «готовой к войне» и побеждать. Как видим, сравнение армии на госзарплате с частной армией не в пользу первой.

Теперь давайте обратим внимание на исходный тезис об «инфантильности» людей. Однако, для начала отметим, что в либертарианском обществе оборона, как и все прочие стороны жизни, оказываются в руках самих людей и их решение потратить те или иные ресурсы на оборону зависит от их предпочтений. Как и в случае с многоквартирным домом, теперь они будут сами заботиться о безопасности.

И вот, что интересно. В тех случаях, когда оборона оказывалась делом самих людей, они неплохо справ-

[10]Наш опыт показал, что обычно не везет

лялись с работой. Городские ополчения[11], например, неоднократно бивали армии баронов. Даже в эпоху национальных государств (и ранее), в ситуациях, когда люди считали угрозу иностранной агрессии опасной для себя, своих близких и своих ценностей, они шли в государственную армию добровольцами или сами брались за оружие. Еще в прошлом веке распространенной практикой было собирать деньги «по подписке» на вооружение и оснащение войск.

Таким образом, популярная концепция инфантильности не выдерживает критики. Во-первых, если мы понимаем, что армия есть основа и начало государства, то сама идея о том, что «национальная оборона» в нынешнем виде есть результат поиска наилучшего решения по защите жителей, выглядит смешно. На вопрос «а где вы видели армию, финансируемую людьми добровольно» правильный ответ «а кто же им даст». Во-вторых, в тех случаях, когда людям таки «давали» самим решать проблемы обороны, они справлялись с этой задачей не хуже государства.

2.4. Война между обществом и государством. Еще подробности Коль скоро мы понимаем, что оборона себя становится делом самих жителей, то, очевидно, что способов такой обороны может быть изобретено множество. Если мы также понимаем, что в либертарианском обществе не бывает «ничейной» собственности, то стимулы становятся более, чем очевидны.

[11] И снова давайте посмотрим на наш опыт

Наш современник, в большинстве случаев, владеет своей квартирой. Иногда он еще владеет полувиртуальным «юридическим лицом», которое использует для извлечения прибыли некие «площадя», как правило, на правах аренды. Все остальные пространства, которые его окружают, — дороги, городская инфраструктура, все эти реки, леса и поля, принадлежат «никому». Точнее, ими распоряжается некий дух, именуемый «государство», или более конкретные физиономии по имени «правительство». Когда современник слышит, что некие люди предлагают удалить с глаз долой и духа, и конкретные физиономии, в его сознании на месте этих необъятных пространств образуется пустота. А когда он слышит, что и армии не надо, и каждый сам о себе позаботится (оружие, все-таки, выдадут), то его мысленному взору представляется картина людишек, сидящих по своим квартиркам и сжимающих дрожащими ручками автоматики Калашникова. А вокруг — ничейная пустота.

На самом деле, все территории и сооружения будут принадлежать каким-то людям. Очевидно, что эти люди должны сообразить, что бомбы и снаряды падают не на «ничье», а на очень осязаемое «мое». Более того, бомбы и снаряды не разбираются в границах собственности.

С нашей сегодняшней точки зрения отчетливо просматриваются два очевидных решения — вооруженные до зубов граждане, как в случае швейцарской армии, и наем частных армий. Скорее всего, это будет ком-

бинация этих решений плюс решения, которые сейчас нам неизвестны. Нанимателями армий могут быть граждане, компании и разнообразные ассоциации тех и других. Точно так же, вооружение себя до зубов, обучение и тренировки могут быть частью соседских контрактов, уставов территориальных сообществ и т.п. Если существует реальная угроза со стороны страшного, ужасного, некрасивого, неинтеллигентного соседа-государства, то ждать появления таких структур не придется.

Есть еще два момента, которые влияют на ход войны при прочих равных условиях. Во-первых, если речь идет о либертарианском обществе, то нужно понимать, что в нем производительность труда гораздо выше, чем в государстве. Более того, в нем нет потерь от произвольного распределения ресурсов, характерного для государств, равно как и затрат на содержание самого государства. То есть, такое общество гораздо богаче государства, что является стимулом для его членов для защиты и дает им возможности для этой защиты. Если мы допускаем реальность гипотетического соседства «общества» с «государством», то в этой гипотезе жители государства — это бедные заробитчане, приезжающие в общество на заработки.

Во-вторых, в такой войне обороняющаяся сторона хорошо понимает цель, а нападающая — нет, ввиду отсутствия субъекта обороны. То есть, цель либертарианцев — прекратить войну, для чего им нужно нанести политически неприемлемый ущерб противнику. Нуж-

на ли для этого армия государственного типа? Очевидно, не обязательно. Сразу приходит на ум мысль о том, что «элита» государства-агрессора наверняка имеет дела с либертарианским обществом, имеет там недвижимость, учит там своих детей, в общем, повторяется ситуация «мы» и «Запад». Это дает возможности влияния на соседнее государство, фактически ставит его в зависимость от либертарианского общества. И, в отличие от нынешнего «Запада», здесь не нужно голосований Сената, «законов Магнитского» и прочих затратных политических решений. Поскольку репутация в либертарианском обществе играет куда более важную роль, чем в государстве, то частные компании будут действовать по своей инициативе. Если же дело таки доходит до вооруженной агрессии, то задача нанесения неприемлемого политически ущерба может быть решена несколькими диверсионными отрядами или банальным государственным переворотом.

Выводы:

1. Исторически армия является основой государства, способом его возникновения, существования и расширения. Современная «национальная оборона» не является результатом сознательного поиска или неосознанной эволюции способов именно национальной обороны, то есть, поиска способов защиты людей, проживающих на некой территории, от внешней агрессии.

2. Армия даже не может считаться «общественным благом», поскольку платят за нее те, кто не получит никакой защиты в случае конфликта.

3. Соответственно, «налогообложение для обороны» не является неизбежным и обязательным способом решения задачи.

4. Поскольку в либертарианском обществе нет территориальной монополии и субъекта, ведущего войну, то оно оказывается в выигрышном положении в случае агрессии со стороны государства. Задача либертарианцев — нанести противнику политически неприемлемый ущерб, эта задача может быть решена разными способами.

5. Очевидно, что пока рядом с либертарианскими сообществами будут существовать государства, либертарианцы будут нести издержки, связанные с контрактами с частными армиями, вооружением и подготовкой отрядов самообороны, диверсантов и т.п.

Bonus Tracks

Поскольку в разговоре о проблемах обороны гипотетической либертарианской территории от соседнего государства всегда почему-то всплывает проблематика частных армий и охранных агентств, то, дабы предупредить ненужное обсуждение, ответим на два самых распространенных вопроса.

1. Частные армии будут воевать между собой. Если мы понимаем, что при обычных условиях человек предпочитает оставаться живым, а не становиться мертвым, даже если он военный, то ясно, что такие возможности у него куда больше в случае частной армии. Война — крайне дорогое удовольствие. В случае войны агентство рискует своими деньгами и своей репутацией перед потенциальными клиентами и работниками. Государство ничем не рискует. Чиновники тратят на войну деньги, принудительно отобранные у населения, и их крайне редко наказывают за совершенные преступления. Разумеется, столкновения частных армий возможны, однако, мотивация «избежать войны» здесь присуща всем участникам процесса, включая начальство.

2. Частные армии (охранные агентства) в итоге превратятся в государство. Помимо аргумента Родерика Лонга, который говорит о неустойчивости картелей, отметим, что частным армиям придется проделать все те манипуляции, которые проделали в свое время государства, то есть, им придется не просто организовать устойчивый картель, им нужно будет в итоге объявить некую территорию «своей», создать «свой» законодательный орган, узурпировать суд, ввести налогообложение, а со временем и собственные «фиатные деньги». И все это на фоне вооруженной публики, которая, в отличие от нынешней, в курсе того, что проис-

ходит. У меня есть четкое ощущение, что игра не стоит свеч, особенно, если учесть, что, даже если все агенства вошли в картель, новое агенство всегда может быть создано.

2013

Часть 6

О праве

— А где я могу найти кого-нибудь нормального?
— Нигде, — ответил Кот, — нормальных не бывает. Ведь все такие разные и непохожие. И это, по-моему, нормально.

Льюис Кэролл, «Алиса в стране чудес»

6.1. Закон ест закон

Дети собираются играть в прятки. Для того, чтобы определить «ведущего» (не знаю, как эти несчастные называются на современном детском языке) проводится процедура считалки, по результатам которой и назначается тот, кто закрывает глаза и громко считает до заданного числа.

Процедура считалки это ни что иное, как закон, а вся эта история — наглядная иллюстрация того, как общество вырабатывает законы к общей пользе. Смот-

рите. Участники процедуры имеют некую цель — в общем случае, получить удовольствие от игры. На пути к этой цели они должны решить некую конфликтную ситуацию. Она состоит в том, что правила самой игры предусматривают, что «водит» проигравший. Но проигравшего еще нет, игра еще не началась. Нужен кто-то, кто должен будет исполнить эту роль. И вот для этого и применяется считалка.

Процедура не оговаривает вопросы типа «а до скольки считать», сколько раз кричать «тра-та-та за себя!» и тому подобное. Решение по этим вопросам принимается ситуативно по результатам обсуждения заинтересованых строн.

Процедура существует потому, что она всем известна и может быть легко объяснена новичку. Тот, на кого выпадает последнее слово стишка считалки — водит.

Процедура существует потому, что в ней трудно обмануть. Нужно иметь недюжинные способности для того, чтобы предсказать, на кого выпадет последнее слово. По этой же причине считалки из трех-четырех слов будут «нелегимными», то есть, просто не будут использоваться. Кстати, считалка «на золотом крыльце сидели…» содержит в себе защиту от читеров, поскольку проводится два раза, и в первый раз нужно выбрать, на каком слове заканчивать считалку, уже при назначении «ведущего». Но это уже детали.

Вожделенный всеми «энфорсмент» и «санкции» тут просты до безобразия. Если некий мальчик или девочка не согласится с результатами считалки… ну что ж… мальчик или девочка пойдет домой, то есть, не получит того, ради чего, собственно, пришел.

Процедура не есть обязательное условие для достижения целей. Дети вполне могут обойтись без считалки, если кто-то согласится водить первым. Одна и та же процедура может использоваться в разных играх, и в одной и той же игре могут использоваться разные процедуры, все зависит от ситуации. Например, в моем детстве существовала альтернативная процедура большого пальца. Если нужно было поделиться на две команды, потенциальный лидер поднимал большой палец. Кто желал присоединиться, должен был ладонью обхватить его палец, подняв свой и так далее. Однако, иногда приходилось использовать считалки, если, например, две команды, хотели честно определить, какой из них достанется местный герой двора.

Наконец, процедура существует не для того, чтобы прийти к «общему мнению», а для того, чтобы организовать взаимодействие. Участники игры могут иметь разное мнение относительно того, насколько «по-честному» были реализованы те или иные моменты, но пока они играют, процедура работает.

Фактически, мы с вами сейчас описали параметры закона в том виде, в котором его производит общество. Итак, закон:

- Не цель, а средство. Для достижения цели люди сами выбирают закон, либо не выбирают никакого. Цели людей находятся вне самого закона.

- Закон одинаков для всех. Участвующих в процессе. Неучаствующих он не касается.

- Закон существует, пока он способен разрешать (предотвращать) конфликты. Считалки существуют очень долго, но если дети найдут другую, более удобную для них процедуру, о них забудут.

- Закон существует, пока существует согласие с процедурой. Голлум принял бормотание Бэггинса за загадку и Бэггинс воспользовался этим. Сам Голлум считал загадку нечестной, но его, как говорится, за язык никто не тянул, если он принялся ее отгадывать — значит, участвовал в игре (и проиграл).

- Закон прост, очевиден и может быть объяснен новичку. Кстати, думаю, многие заметили, что сказки — это такие учебники права, это истории о возможном читерстве и читерах.

Ну, а что касается убийства (думаю, у многих уже вертится на языке вопрос, а как же «люди сами выбирают» в случае убийства, и как же это «касается тех, кто участвует» и где же здесь «согласие»), то с ним все просто. Убийство покушается на самую основу деятельности каждого человека, на «быть или не быть» в

самом брутальном смысле. Закон здесь состоит в том, что каждый предпочитает быть живым, а не мертвым. Неучаствующих в этом законе просто нет. И по его поводу существует безоговорочное согласие, поскольку убийца тоже относится к числу тех, кто предпочитает быть живым, а не мертвым. Поэтому убийства всегда преследовались во всех обществах, независимо от того, существовало ли там государство и писаный закон, карающий за убийство. Кстати, писаные законы в приличных странах было принято «открывать». То есть, государственный законодатель исходил из того, что общество само создает законы, а его задача состоит лишь в том, чтобы их открыть, подобно тому, как открываются законы природы. Впрочем, это мнение было распространено далеко не везде, а ныне и вовсе забыто.

Если мы сравним законы «обычного права» и законы государственные, то увидим, что последние не соответствуют признакам, которые мы перечислили. Часто эти законы предписывают людям некие цели. Законы не одинаковы для всех (привилегии), участники процесса не выбирают законы сами, а назначаются государством вне зависимости от их желания (зарегистрируешься предпринимателем — получишь в нагрузку все соответствующее законодательство), закон существует вне зависимости от своей способности решать какие-то конфликты и, понятное дело, что он чаще всего создает конфликты. Я уже не говорю о том, что «незнание закона», которое почему-то «не освобождает от ответственности», есть обычное повседнев-

ное состояние. Часто нужно приложить огромные усилия, для того, чтобы понять, как на самом деле функционирует тот или иной закон, и при этом, вы никогда не будете уверены в том, что знаете все до конца.

В итоге, мы живем в мире, в котором закон ест закон. Общество не останавливается (и не может остановиться), вырабатывая процедуры взаимодействия людей друг с другом. С другой стороны, государство штампует все новые и новые законы, год из года увеличивая их количество. Государственные законы мешают законам общества. Законы общества искажают законы государства («коррупция»). Конфликт этот становится все более очевидным, и он должен быть разре-
2013 шен. Кто-то здесь явно лишний. И я знаю, кто.

6.2. О культурной эволюции и объективных законах

Пока у нас есть время поговорить о важных вещах — поговорим о них. В этой колонке речь снова пойдет о праве, и, в частности о том, что можно назвать «объективным» законом. Автор часто использует этот термин, но вот толком объяснить его руки пока не доходили — то Путин случится, то еще какая-нибудь гадость. Понимание этих вещей, по мнению автора, куда важнее понимания Путина, поскольку помогает людям не брать никакого потенциального Путина в голову, что делает его полностью бессильным.

Итак, существует ли между людьми нечто, столь же неотвратимое по своим последствиям, как законы физического мира? Существует. Однако, с пониманием этого явления связаны две проблемы. Первая — это природа этой объективности, вторая — объект, о котором говорит закон.

Теперь попробую все это пояснить. В физическом мире закономерности кажутся нам «данными». Они, так сказать, всегда тут были и существуют сами по себе. Вопрос их происхождения беспокоит редких ненормальных, обычному же человеку для того, чтобы взаимодействовать с природой, совсем не нужно задумываться о происхождении ее законов. Достаточно просто знать, как они проявляются.

Совсем другое дело, если речь идет о «законах человеческих». Людям кажется, что это они придумали все те способы, которыми они взаимодействуют между собой. И действительно, есть же всякие парламенты и правительства (а до них были короли и прочие вожди), основную часть СМИ и фейсбуков занимают дискуссии разной степени учености именно о том, что нам делать с «законами», что еще нужно «принять» и как нужно «изменить систему» для того, чтобы, наконец, настало хорошо.

Но если задуматься обо всем этом, то станет ясно, что «законы», как мы их привыкли понимать (то есть, приказы начальства), логически не могут предшествовать человеческому обществу. Гоббсовская «вой-

на всех против всех» не может смениться порядком, в котором уважаются права собственности. Невозможна ситуация, когда бы люди договорились «а давайте не будем больше друг друга грабить, и поставим над собой начальника, который будет за этим следить и будет нам приказывать, что нам делать», как бы ни понималась сама процедура такого договора — буквально или метафорически. Ведь для того, чтобы люди решили поступить таким образом, они должны ценить блага мирного обмена больше возможностей, предоставляемых грабежом, что противоречит условиям задачи. То есть, в задаче Гоббса (и современных институционалистов) имманентно присутствует знание о том, что мирное сотрудничество лучше (дешевле и выгоднее), чем грабеж, и тогда непонятно, откуда вдруг возникла «война всех против всех».

Объяснить, откуда взялся и что собой представляет объективный закон можно, если мы откажемся от позитивизма и посмотрим на человеческое общество, как на продукт эволюции, причем эволюции культурной. Это означает, что мы рассматриваем процесс не видовой эволюции человека, а процесс образования, развития и отмирания определенных практик и идей, которые приносят их носителям важные для них результаты.

Грубо говоря, выжили и преуспели те сообщества, которые в силу разных обстоятельств исповедовали определенные подходы к собратьям по виду, причем, следует заметить, не осознавая последствий этих под-

ходов, не «изобретая» их сознательно с определенной целью. То есть, в бесконечном наборе табу у них были и такие вещи (например, интеграция чужаков, а не их уничтожение), которые позволили этим людям не только выжить, но и расселиться, и распространить свои представления на другие, менее удачливые группы.

Сейчас мы можем сказать, что направление, в котором движется эта эволюция в целом можно описать, как отбор таких практик, которые позволяют мирно взаимодействовать для общей пользы все большему числу незнакомых друг с другом людей. Ведь человек уже очень и очень давно не в состоянии прожить без общества, взаимодействие с другими людьми является способом не только преуспевания, но и выживания. Вы не сможете сделать самостоятельно даже обычный карандаш, тысячи незнакомых друг с другом людей во всем мире должны потрудиться для того, чтобы вы могли рисовать свои глупые картинки на бумаге, самостоятельно же вы сможете сделать разве что палку для ковыряния в песке.

Фундаментальной для самой возможности взаимодействия проблемой является непредсказуемость будущего и, прежде всего, поведения других людей. Сколько-нибудь ценная деятельность занимает время, и чем больше времени, тем она (для вас) ценнее. Регулярная и целеустремленная деятельность возможна только тогда, когда вы уверены, что дела пойдут определенным образом, то есть, когда будущее пове-

дение других людей является достаточно предсказуемым. Можно сказать, что человек «живет в будущее» и даже живет будущим, чем, собственно, и отличается от животных. Пока мы живы, у нас есть планы и именно эти планы и составляют нашу жизнь.

Таким образом, можно попытаться сформулировать объективный закон, «управляющий» процессом культурной эволюции, следующим образом: «выживают те практики, которые способствуют уменьшению неопределенности будущего». И первое очевидное следствие этого закона — запрет агрессии, которая является главной причиной неопределенности будущего в группе людей.

Теперь, возвращаясь к вопросу о природе объективности социальных законов, мы можем сказать, что таковыми их делает культурная эволюция. Этот процесс точно так же не контролируется нами, как и закономерности окружающего нас физического мира, хотя, конечно, именно мы являемся и участниками этого процесса и его причиной.

И несколько слов по нашему второму вопросу — о том, что является объектом этого закона и на кого или что распространяются его последствия. Критики объективности обычно говорят примерно так: «Вот некий субъект взялся за оголенные провода и в полной мере познал силу электричества. Другой, ступив с крыши девятиэтажки, так и не смог убедительно противостоять закону тяготения. А вот третий убил, и ограбил и с

ним ничего не случилось, он стал богаче, жил долго и счастливо и умер в один день. Какая же тут объективность?»

Дело в том, что закон, о котором мы говорим, а точнее, следствие из него, известное нам как «не убий и не укради» (то есть, не инициируй агрессию) «действует» не непосредственно на индивида, а на социум, то есть, на способы взаимодействия между многими людьми. Убийство и грабеж увеличивают непредсказуемость будущего, а значит, вносят хаос в самоорганизующиеся порядки общества. Именно они разрушаются, сотрудничество затрудняется или становится вообще невозможным, общество беднеет и даже может полностью разрушиться и исчезнуть. Все это, разумеется, не только отражается на людях, составляющих это общество, но и реализуется через их поведение. Чем агрессивнее окружение, тем более простыми и краткосрочными становятся планы людей, тем легче они сами присоединяются к агрессии, раскручивая маховик, который, в итоге, уничтожает общество.

Примеров тому множество, по крайней мере, вы не найдете общества, в котором буйствовала бы агрессия и которое бы при этом процветало. 20-й век был богат на такие эксперименты — СССР, Китай и другие коммунистические страны, в которых государственная агрессия была источником постоянного хаоса, пережили репрессии, голод и нищету, потеряли огромное количество людей и деградировали морально и этически.

И это случилось абсолютно закономерно, воздействие закона здесь происходит без вашего участия и
2015 без вашего знания, так же, как и законов физики.

6.3. Три вида законов или как не стать оккупантом

Первоначально эта заметка должна была быть о законах 16 января, но потом события начали развиваться очень быстро и потому речь пойдет о вещах более неизменных и более важных. О том, что такое законы, почему мы соблюдаем или не соблюдаем законы и где сейчас проходит реальная линия раскола украинского общества. Постараюсь быть максимально простым и кратким.

Итак, у слова «закон» применительно к обществу есть три разных значения. Первое — это закон в том же значении, которое существует в естественных науках, то есть, «закон природы», вещь объективно существующая и не зависящая от нашей воли. В случае общества тоже есть такие законы, только методология их познания совсем другая, не такая, как в естественных науках.

Эти законы точно так же, как, скажем, законы физики, объективно работают и всем рекомендовано для собственного же блага следовать этим законам. Простым примером является право собственности, продолжение нашего с вами «я». Это закон природы, с ко-

торым ничего невозможно поделать, о чем ясно говорит наша история. Собственность невозможно «отменить», она всегда будет и всегда будет «частной», как бы она не называлась. Товарищ Сталин, известен, например, своей скромностью в быту. Он мог позволить себе скромность. У него «ничего не было», но ему было и не нужно, так как он владел целой страной.

Последствия нарушений объективных законов социума такие же, как и законов, скажем физики. Коммунисты, со своим попытками «запретить» частную собственность, напоминают людей, которые, скажем, обязали всех под страхом смерти ездить на квадратных колесах. Законов физики квадратные колеса никак не отменяют. При этом, законы физики жестко наказывают тех, кто ездит на таких колесах и вообще как бы намекают, что круглые все-таки лучше.

Второе явление, которое тоже называется «закон» — это те правила, которые складываются в обществе для удобства и безопасности нашего взаимодействия между собой. Такие законы часто называют «обычным правом», но сюда же относятся и традиции, и моральные обязательства, и вещи, не имеющие никакого ученого названия. Эти законы по механизму своего возникновения и работы напоминают возникновение и работу тропинок в лесу. Они возникают от потребности людей и исчезают, когда ими перестают пользоваться.

Очень часто, практически в большинстве случаев, такие «законы» даже не осознаются, и нужны специальные усилия для того, чтобы чтобы попытаться их выявить и описать. Но несмотря на это, именно ими мы пользуемся чаще всего в своей жизни. Приведу простой пример, для того, чтобы пояснить, о чем я говорю. Думаю, всем знакомо понятие «сработавшийся коллектив». Этот коллектив отличается от «несработавшегося» прежде всего тем, что в нем существуют невидимые правила, которые позволяют ему быстро и эффективно достигать результата, эти правила как раз и были выработаны за то время, пока коллектив «срабатывался». Часто эти правила противоречат официальным инструкциям и нужны для того, чтобы ловко их обойти, но сделать при этом дело, как надо.

Ну вот мы дошли и до инструкций и приказов. Это — законы в третьем значении слова. Это то, что принимает парламент, и сюда же должны быть отнесены разнообразные указы, распоряжения и прочие документы исполнительной власти, ибо их правовая суть одна — это частные мнения неких людей, принимаемые единолично или в составе коллектива и навязываемые другим людям под угрозой санкций. Существует этот институт только потому, что когда-то одни племена покорили другие племена и вместо того, чтобы их перерезать, как это было принято, стали облагать их данью. Это — в одном предложении — «военно-налоговая» теория происхождения государства. Других адекватных теорий просто нет. Так вот,

распоряжения-приказы (прежде всего, о выплате дани) и есть прямые предки нынешнего «законодательства».

Теперь принято считать, что именно этот вид законов способен решить любые проблемы и крайне нам всем необходим. Но людям, в общем-то, они не нужны. Для своих целей общество создает законы второго вида, «обычное право». И здесь сразу же возникает ответ на вопрос «а почему же на Западе все работает?» Работает, но не совсем все и не совсем так, как мы считаем. Жизнь людей «на Западе» отличается от нашей двумя моментами. Она куда в большей степени, чем наша определяется законами второго вида, а законы третьего вида — то есть, приказы государства — в несколько меньшей степени пытаются вмешиваться в реальную жизнь и часто просто описывают то, что и так существует. Если, скажем, парламент примет закон, устанавливающий значение ускорения свободного падения в 9,81 метра в секунду за секунду, то чья заслуга будет в том, что «закон соблюдается»? «Наше» отличается от «ихнего» тем, что в «их» законах значение числа «пи» колеблется около 3,2, а в наших — все 4, а в военное время доходит до 8. Именно в этом смысле «их» законы иногда лучше чем «наши», но и те и другие в равной степени бессмысленны.

Хочу подчеркнуть, что западное благополучие вызвано не мудростью тамошнего законодателя, который якобы понимает пределы своей компетенции, а тем фактом, что общество само регулирует огромное ко-

личество вопросов за счет явных и неявных правил, «обычного права», бесчисленных организаций гражданского общества, рыночной экономики и ее институтов и т.п. Законодателю просто некуда сунуться со своими предложениями по поводу значения числа «пи», поскольку люди уже используют это число в самых различных сферах деятельности. По факту, только развитость гражданского общества является тормозом для роста государства.

Теперь давайте посмотрим на то, что творится у нас. Мы с вами живем прямо в учебнике истории и в дюжине книг по теории государства. Наше государство — это вот то самое «первородное» государство, которое живет откровенным грабежом и не утруждает себя никакой маскировкой. К этому состоянию оно шло 20 лет, присваивая себе все больше власти над людьми, и только сейчас общество начало робко сопротивляться. Почему у него это получилось? Причина — изначальная слабость горизонтальных связей, гражданского общества. Государству было куда лезть со своим «пи», было что захватывать, и самое страшное — люди сами этого хотели. Что делать в такой ситуации?

Будучи подростком, я часто бывал летом в Грузии «на море». Меня еще тогда чем-то сильно удивляла тамошняя жизнь, она как-то очень отличалась от нашей. Позже отец, вспоминая эти поездки сказал: «В Грузии нет советской власти». И еще несколько позднее я понял, что он имел в виду. Грузины жили по «обычному праву». Они старались решать все возможные вопро-

сы сами, а к советской власти относились, как к внешней оккупационной силе. Частично эта власть была интегрирована в грузинское общество, но никак не наоборот. Все вместе, без всякого заговора и в большинстве случаев неосознанно, они, фактически, выдавливали советское государство из своей жизни, поскольку не нуждались в нем. Другой пример, который я всегда привожу — это система блата, теневого распределения товаров в бывшем СССР. Это колоссальный механизм, который действовал фактически параллельно государству, поскольку по блату распределялась не только сгущенка, но и хозяйственные и даже партийные должности. И, наконец, последний, сугубо украинский пример, это Пасха. Коммунисты устраивали на Пасху субботники, но украинцев это не останавливало. Они приходили на субботник, діставали яєчка і розговлялись. Не помогали комсомольские и партийные собрания, нередко с «оргвыводами» — люди делали так, как считали нужным. И, в конце концов, Советский Союз пал. Я это видел своими глазами, участвовал в этом, и не устану повторять — Советский Союз пал потому, что стал никому не нужен. Из него просто ушли люди, а ушли они потому, что им было куда уходить, у них были практики обычного права и мечты о лучшем будущем. Все больше людей с какого-то момента начали воспринимать СССР как внешнюю оккупационную силу, без которой можно обойтись и, в итоге, он исчез.

Мы переживаем похожую ситуацию. Многие называют власть «оккупационной». Эти люди в большин-

стве льстят себе. Оккупационную власть хотят удалить. Вообще. В самом простом случае — защититься от нее. Но не захватить ее, не поставить себя на место оккупанта. Украинцы, приносившие на субботники крашенки, не ставили целью захватить обком, чтобы разрешить себе Пасху. Они просто делали так, как считали нужным, игнорируя всяческие обкомы, и это была единственная стратегия, которая и привела их к победе, ибо обком нужен только для того, чтобы что-то запрещать.

К сожалению, большинство пока что хочет именно захватить обком, чтобы самому стать оккупационной властью, ведь никакой другой опции там просто не существует. Думаю, многие читали «Стратегию теплого океана». Безотносительно к личности ее автора, который прямо на глазах превращается из героя в «очень подозрительного человека», сама идея хороша, но не работает. Знаете почему? Она может работать там, где есть полное понимание внешнего, оккупационного характера власти. Если этого понимания — то ли рационального, то ли на уровне инстинктов, — нет, то человек, вместо того, чтобы ди-досить систему, звонить по 10 раз в ЖЭК, в милицию, ходить в гости к разного рода винтикам системы каждый час поет гимн и скандирует «ли-де-ра!» И делает это он потому, что власть для него — не внешняя, посторонняя и враждебная сила, а своя, родная и крайне необходимая. Он сам хочет быть оккупантом.

Возвращаясь к нашей теме законов, можно сказать, что эти люди наивно верят, что законы третьего вида, то есть мнения частных лиц, навязанные другим с помощью силы, способны не только заменить собой самоорганизующуюся систему обычного права, в которой люди добровольно выбирают разные способы координации, но и объективные законы первого вида.

Разумеется, я утрирую. Часто один и тот же человек скандирует «ли-де-ра!» и рассказывает всем, что ему не нужна ни власть, ни оппозиция. Но, так или иначе, именно по этой линии оформляется сегодня граница реального конфликта в нашей стране. Этот конфликт уже существует на уровне инстинктивных действий, на уровне попыток сделать Майдан непартийным, на уровне неприятия статусной оппозиции и т.п. По сути, это конфликт между теми, кто создает, и теми, кто паразитирует, либо рассчитывает паразитировать, в какие бы красивые и патриотические одежки этот паразитизм не наряжался. И те и другие сейчас вместе, потому что хотят прогнать «этих». Но дальше их пути расходятся. Одним нужно посадить себе и другим на голову нового «лидера», другие хотят, чтобы этого больше не повторилось. Никогда. Стратегия одних — частные мнения, навязываемые другим с помощью силы, («законы») стратегия других — восстановление горизонтальных связей и защита себя от по определению враждебной и оккупационной власти, кто бы ее не олицетворял, вплоть до ее исчезновения. 2014

6.4. Про мюмзиков в мове

Те, кто интересовался правом, знают, какой понятийный хаос царит в этой области знания. Правом называется и система правоотношений и, собственно, корпус нормативных актов, и свойства, которыми обладает человек, и привилегии, полученные политическим путем. Эти явления, мягко говоря, весьма разнородны для того, чтобы называться одним словом. Мало того, есть еще одна, более глубокая проблема, если можно так выразиться, понимания самой сути права.

В этой заметке, нисколько не претендуя на наведение порядка в словоупотреблении, я хочу сказать два слова именно об этой второй проблеме.

Итак, что такое право или (разумеется, сильно сужая проблему) чем право отличается от закона? В подавляющем большинстве случаев, вы обнаружите, что право как раз и ассоциируется с законом. Позитивисты так и говорят: все, что написало государство — и есть право. Сторонники более мягкой «договорной» теории говорят «не, так не пойдет, право — это то, о чем люди договорились». То есть, в этом случае право расширяется до «хороших» законов, контрактов и тех правил и процедур, в которых можно обнаружить следы договоренностей. Однако, в обоих случаях, право — это некие нормы, чаще всего, документы, которые можно увидеть и пощупать.

То, что это не так, я попытаюсь показать на примере аналогии из близкой праву явления — языка. Эта близость, разумеется, не функциональная (хотя и то и другое служит для сотрудничества людей), это близость в происхождении и развитии этих явлений. Хайек, например, говоря о «расширенном порядке человеческого сотрудничества» постоянно упоминает «язык, мораль и право» как примеры спонтанных порядков, вырабатываемых обществом. То есть, это те практики, следование которым отдельными индивидами позволяет им не только уживаться между собой, но и приносить друг другу пользу.

Итак, язык. Возьмем для примера две фразы. Первая «Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве, и хрюкотали зелюки, как мюмзики в мове». Вторая «Обычно больше в шпилька по ускорилось брачный не». В первой фразе нет знакомых слов (кроме союзов и предлогов) во второй все слова знакомы, однако, первая кажется более осмысленной. Если вы узнаете, кто такие «мюмзики» (Кэрролл, говорят, объяснил это), то смысл первой фразы будет очевиден, в то время, как второй уже ничего не поможет.

Дело тут в том, что первая фраза полностью сохраняет структуру языка, несмотря на то, что слова в ней выдуманные. Вторая — бесструктурна, и хотя слова в ней знакомы, вы ее никогда не поймете. То есть, язык — это не только (а правильнее было бы сказать — не столько) слова, сколько связи между ними. Еще один пример роли структуры, который, думаю, знаком

большинству читателей, это перевод с родного языка на неродной. Все знают, что такой перевод всегда труднее, чем обратный процесс, ибо в переводе с родного на неродной вы неизбежно пытаетесь воспроизвести структуру своего языка, наполнив ее другими словами. И только освоение в максимально возможной степени структуры другого языка (на что требуются немалые усилия) сделает ваш перевод адекватным.

В отличие от оккупированого государством правоведения, лингвистика не стоит на месте. Человек, который даст себе труд самым беглым образом и совсем издалека взглянуть на лингвистику, обнаружит, что язык это не только синтаксис, пунктуация и (всегда хочется на это надеяться) орфография. Он обнаружит там зияющие бездны довольно головоломных проблем, некоторые из которых будут весьма, извините за выражение, эпистемологического свойства. И, в общем, большинство этих проблем будет связано не со словами, а с языковыми структурами.

Так вот, полагать, что право — это содержание тех или иных норм, это все равно, что полагать, что язык — это слова. Будь моя воля, я бы называл «правом» только и исключительно вот эти невидимые алгоритмы, «программное обеспечение», которое и позволяет нам сотрудничать друг с другом. Это отделение софта от данных, с которыми он работает, представляется мне критически важным для адекватного восприятия окружающего нас мира и для избежания множества прискорбных ошибок.

Правда, в отличие от софта, право никем не создавалось специально. Это те принципы, которые можно выделить, «открыть» в человеческих практиках. Однако, вряд ли возможен сколько-нибудь точный и исчерпывающий перечень «принципов права». Мы уже говорили, что как и язык, право является практиками, которые люди выбирают для целей сотрудничества. Поэтому меняется не только содержание норм, но и значимость, и возможное (когда в этом возникает надобность) содержание принципов права. Скажем, принцип «никто не должен быть судьей в своем деле» довольно легко формулируется и он вряд ли исчезнет из нашей практики до тех пор, пока будет существовать арбитраж. В других случаях выявление правовых принципов дастся куда тяжелее. Например, недавно коллега вспоминал о римской процедуре устного оформления кредита, в которой заемщик и кредитор должны были присутствовать лично. Вот эта обязанность личного присутствия — это право. Или, скажем другой пример из той же серии персонификации обязательств: в 19 веке вновь избранные должностные лица разнообразных обществ и союзов после избрания должны были публично зачитывать свои обязанности. И, подчеркну, право здесь — это не содержание процедуры, а ее суть. Сегодня удостоверить личность можно и на расстоянии, римская процедура уже необязательна, а вот публичное чтение обязанностей ничем не заменено, и во многих случаях совсем не помешало бы, поэтому тут налицо явное ослабление права.

Кстати, языковая аналогия дает возможность ясно представить, что происходит с правом, когда им пытается монопольно распоряжаться государство. Представьте себе жизнь, в которой правительство не только ежемесячно меняет порядок слов в предложении и правила написания «*-тся*» и «*-ться*», но и пытается регулировать, скажем, вопросы контекста и коннотаций. Нетрудно догадаться, что это действительно был бы «ацкий ад», беда только в том, что мы с вами живем именно в таком месте. У нас даже есть специальные люди — юристы. 90% их работы — это перевод с человеческого на государственный.

И последнее. Лингвисты, как говорят, в состоянии отличить язык от не-языка. Для этого им не нужно знать этот язык, просто существуют общие принципы, которые превращают набор символов в средство, пригодное для передачи информации. Если этих закономерностей нет, то это просто набор звуков или слов. В праве (по крайней мере, в обозримом прошлом и предполагаемом будущем) основой основ является принцип самопринадлежности. Здесь нужно сказать, что он существует вне зависимости от желания, «согласия» или просто формального знания об этом принципе (неформальное же знание присутствует у подавляющего большинства человеческих особей). Это такая же объективная системная вещь, как и принципы лингвистов, позволяющие отличить язык от не-языка. Многим, например, кажется, что рабство как-то «отменяет» принцип самопринадлежности. Наоборот, только

зная о самопринадлежности, можно сказать о ком-то, что он раб, то есть, принадлежит не себе, а кому-то другому. Так вот, критерий самопринадлежности есть наиболее простой и эффективный способ понять, насколько ваша правовая система способна делать то, для чего предназначена, то есть, для мирного сотрудничества людей и решения споров. И если на досуге вы попробуете подойти с этим критерием к нашим «законам», вам станет немного понятнее, почему мы тут так процветаем. 2013

6.5. О происхождении наказания за нарушение справедливости

В этой колонке хочу поделиться с читателем интересным наблюдением по поводу того, как возникают те или иные социальные концепты, которые кажутся нам само собой разумеющимися. Вот, например, идея «справедливости». С ней тесно связана идея преступления, как нарушения этого принципа и наказания, как его восстановления. Именно так эти явления мыслятся в современном праве. Преступление в нем является фактически деперсонифицированым деянием: есть преступник, абстрактная справедливость и государство, как агент этой справедливости, с помощью суда и карательной системы определяющее преступника и восстанавливающее справедливость путем его наказания.

Между тем, в реальной жизни преступление есть деяние, направленное против жертвы, а не против некой абстрактно понимаемой справедливости. Реальная справедливость состоит в компенсации преступником ущерба, причиненного жертве, а не в его наказании. Откуда взялось это явное противоречие? Является ли абстрактная справедливость и идея ее «восстановления» плодом эволюции права, а значит, фактически, единственно возможным способом его существования?

Скорее всего, в большей степени, здесь мы имеем дело с историческим явлением, чем с результатом эволюции. Эволюция, разумеется, имеет место, но это весьма специфическая эволюция, о чем мы скажем ниже.

Как считают некоторые историки права, концепция справедливости имеет ясно выраженные религиозные корни. В частности, упоминается святой Ансельм, который в книжке «Почему Бог стал человеком» пытается объяснить, почему Богу потребовался такой странный способ искупления первородного греха, как распятие Иисуса. То есть, почему он не мог просто взять и простить людям грех? Идея Ансельма состоит в том, что Бог вынужден был прибегнуть к посредничеству богочеловека, поскольку впал в некоторое затруднение. С одной стороны, он создал человека для вечного блаженства. Поэтому наказать его, как подобает, непосредственно он не может. С другой стороны, человек нанес оскорбление Богу, но он не в силах загладить

преступление. Восстание человека нарушило замысел Божий, вселенский закон, ту самую абстрактную справедливость, по которой человек создан для вечного блаженства. Поэтому для восстановления справедливости Бог прибегает к жертве богочеловека Иисуса, чем и искупается первородный грех. Вот такая схема.

В отличие от нашего времени, средневековая церковь (речь идет об 11 веке) была чуть ли не единственным институтом, занимавшимся наукой, юриспруденцией, просвещением и благотворительностью. Примерно в то же время было заново открыто римское право в виде кодекса Юстиниана и оформлено право каноническое в виде «декрета Грациана». Опять же, в отличие от нашего времени, каноническое право имело отношение не только к делам церкви, но и регулировало вполне светские дела, в том числе и уголовные. Более того, это право после декрета Грациана содержало значительную часть римского права.

Вне канонического права господствовал обычай. В этом обычном праве германских племен, населявших большую часть Западной Европы, преступления трактовались как надо, то есть, как преступления против жертвы. Однако, во всем остальном дела обстояли не очень хорошо. Вместо сбора доказательств применялись испытания огнем, водой или поединком. Понятия «намерений» тоже не существовало и так далее. На этом фоне римское право, используемое церковью, выглядело куда более прогрессивно, поскольку в нем существовали ясные процедуры, позволяв-

шие принять достаточно независимое и объективное решение о вине или невиновности подозреваемого. Поэтому со временем «варварское» светское право было вытеснено «новым римским» правом. Но частью этого права уже была идея о «восстановлении справедливости». В дальнейшем эта идея вместе с римским правом перекочевала в светское законодательство. Через некоторое время государство осознало, что концепция «восстановления справедливости» дает ему куда больше власти, нежели идея преступления против жертвы. Государство постепенно присвоило себе право «восстановления справедливости», то есть, фактически встало на место Бога. Замечу, что ничего противоестественного здесь нет. В концепции Ансельма Бог фактически выступает собственником человека и, как любой собственник, определяет правила распоряжения. Государство тоже фактически является нашим собственником. Поэтому оно определяет, что является преступлением (нарушением правил эксплуатации) против него и наказывает за это.

История с идеями святого Ансельма может пополнить коллекцию примеров того, как государство работает в качестве своеобразного рынка. О принципе Ансельма невозможно сказать, что он был сознательно внедрен в право с некой злой целью. Скорее, можно сказать, что он «был взят на вооружение», «приспособлен» и т.п., причем те, кто приспосабливал и брал на вооружение, не догадывались и не могли догадаться о последствиях, которые ясно проявились лишь че-

рез несколько сотен лет. Более того, вероятнее всего, этими людьми двигали самые благородные цели искоренения варварских обычаев и воцарения законов, основанных на разуме и справедливости. Поэтому, когда вы имеете дело с государством, всегда нужно помнить о том, что все, что использует государство, — в том числе, любые идеи и концепции — рано или поздно, но абсолютно неизбежно будет использовано против вас. 2013

6.6. Право естественное и неестественное

Думаю, многие слышали о «естественном праве». Это идея о том, что нечто принадлежит каждому из нас по праву рождения, нечто, что нельзя отменить законами и постановлениями в силу его естественной природы. Существуют разные определения этого права и разные теории на его счет, но в самом общем случае, это «право на самого себя» или «право самопринадлежности». Каждый из нас по определению владеет своим телом и своей жизнью. Отсюда следует и право собственности на используемые вами ресурсы (в Риме собственность считалась продолжением вашего тела) и еще много чего.

Несмотря на кажущуюся абстрактность этой проблемы, она имеет животрепещущее практическое значение. Ведь, по сути, альтернативами идее естественного права являются только юридический позитивизм

(законно только то, что принято государственными органами) или идея о том, что право — это договор. Доминирующими представлениями сегодня являются последние два, с упором на позитивизм. Поэтому разные вопиющие государственные практики вроде «воинского призыва» или «преступления без пострадавшего» выглядят в глазах очень многих людей законными, а следовательно, безболезненно существуют, уничтожая жизни и принося огромный ущерб обществу.

Мне кажется, что одной из проблем здесь является то обстоятельство, что часто сторонники естественного права неверно определяют свои позиции. Дело часто выглядит так, что «естественное право» — это некая декларация, пожелание, хотелка. То есть, мы считаем, что «люди свободны и равны». А другие считают иначе. Вот если бы государство придерживалось естественного права, то все бы жили хорошо, если бы судьи помнили о естественном праве, было бы прекрасно, а если бы еще законодатели были бы в курсе — был бы просто рай земной. То есть, в этом смысле доктрина естественного права ничем не отличается от других хотелок в виде того же позитивизма и весь спор идет лишь о том, чья хотелка лучше.

На самом деле, ситуация выглядит несколько иначе. Естественное право есть основание, обнаруженное, найденное постфактум. Это не изобретение и не хотелка. Вряд ли Эвклид изобрел геометрию. Он лишь обнаружил ее основания. То есть, некие утверждения, нарушая которые невозможно использовать систему.

Право существовало тысячи лет, прежде чем люди задумались о том, что же находится в его основании и почему оно работает. То же самое случилось (гораздо позднее) и с экономикой. Люди открыли (и продолжают это делать) универсальные закономерности, которые лежат в основе этих явлений. И если вы пытаетесь их игнорировать в своей деятельности, то не следует ожидать хороших результатов.

В случае правоотношений одним из оснований и является то, что называют «естественным правом». Это нетрудно увидеть. Давайте подумаем для чего, для какого набора ситуаций утверждения типа «все люди рождаются свободными и равны в своих правах» имеют значение? Имеют ли они значение в общении с друзьями или с соседями? Очевидно, нет. Все это имеет хоть какой-то смысл только в рамках правоотношений.

Противники естественного права любят ехидничать вроде «поди-ка расскажи о своем праве медведю». И тут они абсолютно правы. Медведь не является участником правоотношений. А вот люди в определенных ситуациях являются. И естественное право является фундаментом этих отношений.

Для примера давайте возьмем такой основополагающий правовой принцип, как формальное равенство сторон. Правоотношения могут существовать только, если арбитр исходит в своей деятельности из того, что стороны равны в рамках тех правил и процедур, которые он использует. Его могут интересовать особенно-

сти (то есть, не-равенство) этих сторон, только, если они связаны с существом дела. Иначе система не работает. Вот и все.

В фундаменте же этого принципа, очевидно, лежит представление о том, что ваши «я» — самостоятельные и равноправные единицы, то есть, все то же естественное право с его самопринадлежностью.

По сути, идея естественного права очень проста. И утверждение «человек свободен от рождения» и «человек принадлежит сам себе» и другие подобного рода, являются лишь попыткой идеально сформулировать то обстоятельство, что люди независимы от системы правоотношений, в том смысле, что не она порождает их цели и направляет их поведение. Вне системы
2013 правоотношений эти утверждения бессмысленны.

6.7. Снег, Попов и права собственности

История со снегопадом, парализовавшим Киев, — прекрасный пример того, как устроено и работает такое явление, как права собственности, и что бывает, если с этими правами вдруг что-то не так.

Право собственности — не то, что назначается, выдается или разрешается, это не бумажка с печатью, а фактическое состояние дел. Возникает оно, как и вся наша деятельность от факта редкости нужных нам ре-

сурсов. Право собственности в самом широком смысле — это договоренность по поводу того, кто именно использует ресурсы.

Экономистам и техническим специалистам (юристам, бухгалтерам и т.п.) обычно преподают право собственности, как известную триаду владения, пользования и распоряжения. Однако, в реальности все значительно сложнее, в том смысле, что большинство прав собственности существуют, не доходя до состояния ярко выраженной, а тем более, «прописанной в законе» триады. Права собственности — это условие нашей деятельности, мы просто не можем действовать, не имея некоего представления о том, «где чьё». Понятно, что права собственности необходимы только в обществе, Робинзону Крузо они совершенно ни к чему. И, думаю, так же понятно, что права собственности в большинстве случаев существуют в виде негласных договоренностей, поддерживаемых в обществе. Фактически, права собственности — многослойный пирог отношений, в котором формализована (что, кстати, не означает «признана государством») лишь самая «верхняя» часть.

Приведу примеры. Вот, например, «многослойность» прав собственности. Берем ситуацию средневековья. Вот лес, принадлежащий лорду, и проживающие рядом крестьяне. Эти крестьяне, в большинстве случаев, могли собирать ягоды и прочие дары природы в хозяйском лесу. С охотой уже было сложнее. С ней возникали проблемы, так как ресурс «зверя» был

меньше, чем ресурс ягод, лорд тоже претендовал на него и, чаще всего, требовалось специальное право на охоту. Ну, а вырубить или выжечь лес крестьянам уже никто не дал бы.

Теперь примеры общественного признания и договоренностей. Вы сидите на скамейке в парке. Пока вы используете скамейку, можно говорить, что она находится в вашей собственности. То, подсядут ли к вам другие люди (будут ли они тоже использовать ресурс, который используете вы), зависит от принятых в данном обществе или в данной местности порядков. Как правило, в «цивилизованном» обществе к вам не подсядет никто, или спросят разрешения подсесть. А вот, скажем, гопники усядутся и ничего спрашивать не будут.

Как видим, в подавляющем большинстве случаев права собственности регулируются обычаем. Когда же возникает та самая триада владения, пользования и распоряжения, когда возникает потребность формализации?

Приведу такой пример. В Советском Союзе все было государственным, включая дома и квартиры, в которых проживали граждане. Однако, в любом случае, граждане имели право использовать эти квартиры. Например, никто не мог прийти в вашу (формально — государственную) квартиру и начать там жить. «Незаконное проникновение» в ваше жилье преследовалось по закону, воров и грабителей наказывали. В общем,

вы имели полное право не пускать других лиц к себе (использовать ресурс, которым пользуетесь вы). Затем граждане фактически присвоили себе и право распоряжения. Сначала это был «обмен» квартир, а затем и купля-продажа, хотя, повторю, формально собственником по-прежнему являлось государство. Ну и, наконец, нынешняя ситуация, когда можно говорить и о владении, что предусматривает и право уничтожения объекта (разумеется, не в случае квартиры). Сразу скажу, что в данном случае речь идет о фактически существующем положении дел, в «законодательстве» же о правах собственности огромное количество дыр, но речь сейчас не о них.

Итак, что же произошло? Формальный собственник, в лице государства, все в меньшей степени использовал ресурс (государственный контроль над личной жизнью граждан ослабевал начиная с 60-х годов 20 века), и потому явочным порядком ресурс перешел к тем, кто им распоряжался в реальности. Заметим, что, по мере перехода, право собственности приобретало все больше признаков классической триады, хотя, повторю, государством оно не признавалось.

Мы видим, что право собственности формализуется в зависимости от степени попадания ресурса в «хозяйственный оборот». То есть, квартиры стали «полной» собственностью по мере роста числа доступных ситуаций, в которых они могут использоваться и роста числа людей, желающих это сделать. Чем шире рынок, тем более формализованными становятся права.

Идем дальше. От чего зависит, кто именно получит право собственности на конкретный ресурс? В обществе, то есть, в ситуации, когда ваш доход зависит от способности приносить пользу другим людям, права собственности всегда находятся в движении от тех, кто приносит меньшую ценность к тем, кто способен принести большую, используя тот же самый ресурс. Грубо говоря, ваше право собственности постоянно проходит проверку на общественную пользу. Если найдутся люди, способные извлечь большую прибыль из собственности, которой владеете вы, рано или поздно права собственности окажутся у них.

Теперь давайте перейдем к нашему снегу. Вот непроходимый участок дороги, например, двор, засыпанный снегом. Местные жители скидываются на трактор и убирают снег. В данной ситуации они ведут себя как собственники двора. Им необходимо использовать ресурс (дорогу) для того, чтобы попасть из пункта А в пункт Б, и они убирают препятствия для этого. Сейчас они — собственники. При этом, формально дорогой владеет государство, а точнее, Попов сотоварищи. Почему тогда они не чистят дорогу? Потому что их право собственности держится исключительно на принуждении государства. Доход владельца дороги, то есть, Попова, никак не зависит от того, насколько она используется, как ресурс, то есть, насколько легко и безопасно добраться по этой дороге из пункта А в пункт Б. Доходы Попова состоят из налогов, то есть принудительно отобранных у населения средств.

Опять же, владение им дорогами не проходит никакой проверки на способность приносить пользу обществу, потому что дороги не продаются. Соответственно, их и не чистят.

Разумеется, это не означает, что «власти» их никогда не будут чистить. Нет, это означает лишь, что мотивация тут совсем другая, исключительно административная. И этого никто не скрывает. Наша власть прекрасна именно своей бесхитростностью. Она не придумывает легенд о налогоплательщиках, или, того хуже, избирателях, а говорит прямо, как есть. Вот цитата из Попова. «Я взял на себя обязательства, и я их выполню. А относительно того, насколько профессионально я сделал это, насколько я организовал этот процесс — это уже сделает (выводы), безусловно, и Кабинет министров, и президент», — подчеркнул глава КГГА».

И, нужно сказать, что суть власти такова повсеместно. Это не злой умысел, а обычная экономика: если доход не зависит от способности использования ресурса приносить пользу, и если эта способность не оценивается обществом (то есть, ресурсы формально не продаются и не покупаются), то такой ресурс всегда будет использоваться плохо.

Киев, в котором «не убирают» и в котором качество дорог и вообще «коммунального хозяйства» в целом ужасает, отличается от Праги, Лондона или Нью-Йорка не качеством власти, а качеством общества, тем насколько оно сильно и насколько власть в своей поли-

тической и административной деятельности вынуждена считаться с ним. Сила общества, в свою очередь, зависит от того, насколько велик объем собственности, находящейся в руках частных лиц и насколько свободны и независимы люди, то есть, от того, насколько государство не мешает им распоряжаться собственностью. Воздействие этой силы по природе своей прямо противоположно воздействию толпы, орущей что-то под горадминистрацией, это воздействие не прямое, оно не осуществляется с целью «а дай-ка я тебя проучу» (хотя и такое бывает). Это воздействие сильно именно тем, что оно с одной стороны регулярно, с другой — неорганизованно, попросту, это ситуация, когда люди предпочитают делать все сами, а не требовать у государства.

У нас такого общества нет. Поэтому для нас куда более актуальным, чем для «развитых стран», является настоящее, а не паллиативное решение коммунальных проблем. Дело не в мэрах и не в «наведении порядка». Если вы хотите, чтобы по дорогам можно было ездить в любое время года — отдайте их в частные руки.

2013

6.8. Когда разорится Цукерберг или О спросе на законы

Одна из ключевых идей этатизма состоит в том, что закон и следующий из него порядок являются внешними по отношению к обществу явлениями. Люди, бу-

дучи предоставленными сами себе, или, в терминологии обществоведов, находящиеся в «естественном состоянии», не способны ни к какой организации, они немедленно начинают грабить и убивать друг друга. Только спасительное вмешательство со стороны в виде мудрого государства и его законодательства способно остановить этот разрушительный процесс. Более того, считается даже, что государство способствует всяческому процветанию, «обеспечивая и гарантируя» права собственности, например. Мы же все знаем, как важна неприкосновенность собственности в деле экономического развития. И уже совсем очевидно, что коль скоро государство «обеспечивает права собственности» да и вообще, право, как таковое, то ему для этой роли должна принадлежать монополия на принуждение.

В этой колонке я хочу обратить внимание на очевидные и всем известные факты, которые явно противоречат этой теории. Факты, которые подтверждают тот тезис, что право, и право собственности, в частности, есть продукт общества, и его существование и поддержание не нуждается в государстве и монополии на принуждение. Мы не будем сейчас говорить о том, как и почему возникает право в социуме, а просто рассмотрим два простых примера.

Первый пример — это «право топиккастера», существующее в интернете. Оно подразумевает, что человек, запостивший нечто, может в дальнейшем регулировать ход обсуждения, вплоть до того, что он облада-

ет правом удалять комментарии других участников и даже удалить свой собственный пост. Это право нигде не «зафиксировано» и никем не «внедрено». Это право, существующее фактически и поддерживаемое, то есть, признаваемое пользователями интернета. Фактически, это все то же право собственности — топикастер создает нечто и распоряжается этим нечто по своему усмотрению, остальные члены сообщества могут тоже использовать это нечто, но правила устанавливает тот, кто это нечто создал. Это право, повторю, существует объективно, вне зависимости от мнения участников обсуждения, которые сами лично могут быть против всяческой частной собственности и «эксплуатации человека человеком».

Интересно, что в ситуациях, когда номинальный владелец площадки, — конкретного сайта или форума — пытается устанавливать свои правила на этот счет (например, запрещает топиккастерам удалять комментарии под своими постами), всегда возникают конфликты. Если такая площадка не является сливным бачком и местом работы платных троллей, то обычно она деградирует в результате такого регулирования. Публика не горит желанием использовать ресурс, нарушающий ее право собственности.

Второй пример из этой же серии — это право бана, которое особенно широко используется в социальных сетях. Вы не только можете удалить не нравящийся вам комментарий, но и забанить его автора, и с этого момента, он и его творчество больше не будет доку-

чать вам в вашей ленте. Право бана ясно демонстрирует нам одну очевидную вещь — существует устойчивый спрос на инструменты защиты прав собственности, и существует он вне всякого государства и без всякого его содействия. Для того, чтобы это понять, представьте себе Фейсбук, в котором вы не можете забанить негодяя. Представили? Я тоже нет. Такой Фейсбук, если бы он существовал, был бы совсем маргинальной сетью, никто бы не связывал фамилию Цукерберг с новыми технологиями и финансовым успехом. Не государство и его удивительные законы заставили реального Цукерберга предусмотреть право бана, и это не его собственное изобретение или добрая воля. Это очевидный спрос со стороны потребителей, которые желают иметь инструмент защиты своей собственности. И это означает, что права собственности существуют объективно, вне зависимости от доброй воли государства или Цукерберга.

Кстати, заметьте, что в Фейсбуке существует еще один вид бана — это «государственный бан», когда некая администрация лишает по ей одной известным причинам (часто связанным с фантазиями реального государства на тему расизма, порнографии или hate speech) некоего пользователя доступа к прелестям Фейсбука. В отличие от обычного бана, который, в худшем случае, ограничивается скандалом между двумя людьми и никак не касается всех прочих участников сети, здесь очень часто бурлят настоящие страсти, собираются подписи, пишутся петиции, в общем, все,

как в «настоящей» политической жизни. Между тем, вполне очевидно, что обычного персонального бана более чем достаточно для того, чтобы оградить себя от деятельности не нравящегося вам персонажа. «Государственные баны» в Фейсбуке наносят ущерб не только забаненому, но и всем тем, кто не имеет к нему претензий и хотел бы и дальше читать милые глупости, которые он там постит. Впрочем, Цукерберг здесь в своем праве, Фейсбук — это его собственность и он устанавливает на ней свои правила, принимая все прибыли и издержки. Если его понимание того, где заканчиваются границы его собственности и начинаются границы собственности пользователей будет, скажем так, неадекватным, он просто разорится. С государством, увы, такого не произойдет, но это уже тема другой ко-
2015 лонки.

6.9. Кто кому принадлежит

Месяц назад Верховный суд США принял решение по одному, казалось бы, весьма специфическому делу — «издательство John Wiley & Sons против Супапа Киртсаенга». Конфликт состоял в том, что означенный Супап, будучи аспирантом в США, выяснил, что учебники, издаваемые «John Wiley & Sons» на его родине в Тайланде, стоят в несколько раз дешевле, чем те же самые учебники в США. Предприимчивый таец наладил экспорт учебников и заработал на этом некоторое количество денег. Обиженное издательство предъявило

иск, потребовав выплатить 1 миллион 200 тысяч долларов. Супап проиграл суд, хотя сумму, которую он якобы был должен издательству, сократили до 75 тысяч долларов. Однако, и таких денег у Супапа не было и он решил бороться. Он проиграл еще один суд и, наконец, добрался до Верховного суда. Последний и принял решение в его пользу месяц назад.

Пишу я об этом потому, что этот пример очень ярко показывает, чем на самом деле является так называемое позитивное законодательство, то есть те самые бумажки, которые пишут специально обученные (или необученные) люди в специально отведенных местах, именуемых парламентами.

Смотрите. Издательство «John Wiley & Sons» в своем иске опиралось на корпус законодательства о защите авторских прав. Издательство считает, что владея копирайтом, оно вправе устанавливать разные цены на свой товар в разных регионах мира и что (внимание!) этот факт дает ему право преследовать тех, кто зарабатывает на разнице цен.

Как видим, казалось бы, довольно умозрительный иск, на самом деле ставит под вопрос основной институт нашей цивилизации, а именно, право собственности. Становится ли вашей книга после того, как вы ее купили? Странный, казалось бы, вопрос. Если вы купили книгу, это означает, что она оказалась в вашем полном распоряжении. Вы можете ее подарить, выбросить, дать почитать другому, продать. Это — ваша

собственность. Книга не станет вашей собственностью лишь в том случае, если вместо сделки купли-продажи имеет место договор аренды. В этом случае вы лишь пользуетесь книгой за плату, вы не можете ее уничтожить, подарить или продать и, как правило, должны будете возвратить арендодателю по истечении срока договора. У этих двух сделок совершенно разное экономическое и правовое содержание. Более того, любой человек в здравом уме и твердой памяти легко отличит одну сделку от другой.

Между тем, издательство «John Wiley & Sons» считает, что законодательство об авторском праве дает ему возможности произвольно решать, что именно происходит в каждом конкретном случае. То есть, купили вы нечто, пользуетесь себе, а тут — опа! — выясняется, что вы этим не владеете, и на самом деле это не ваша собственность, а аренда, и вы должны еще кучу бабок непонятно кому и за что. Причем происходит это внезапно, как говорится, без объявления войны, поскольку в сделке никакого договора аренды не существовало, а был договор купли-продажи. Тот факт, что дело дошло до Верховного суда и лишь там было остановлено (подозреваю, на время), говорит о том, что очень и очень многие считают, что так и должно быть.

Однако, вернемся к нашим позитивным законам и этому случаю, как примеру. Что есть «закон»? В истории есть два основных ответа на этот вопрос. Первый ответ — это совокупность решений в спорных

вопросах, которая, фактически, описывает человеческую практику. То есть, возникает конфликт, стороны обращаются к третьей стороне и она выносит решение. Попутно складываются правила, причем, они не существуют в виде цельного текста, а скорее подразумеваются. Механика действия такого закона простая — в случае потенциального конфликта стороны обычно уже знают, как поступит судья, и обращаются к нему лишь в том случае, когда такой ясности нет. Такой закон демонстрирует нам Римская республика («право юристов»), а затем Англия и другие англоговорящие страны («право судей»).

То есть, такая правовая система описывает то, что уже сложилось. И римские юристы, и английские судьи считали, что они лишь «открывают» закон, и если случаются изменения, то они лишь описывают их, но не «вводят».

Именно в этом праве родилось все то, что мы теперь считаем «нормами», включая сделки купли-продажи, аренды и прочая и прочая.

Другое понимание закона — понимание его как приказа, отданного начальством. Этим начальством может быть диктатор, собрание всех жителей полиса на агоре или «демократически избранные» депутаты. Суть от этого не меняется. Такой закон, в отличие от первого, может быть любым и вообще никак не связанным с тем, как живут и поступают люди в реальной жизни, а не в фантазиях «законодателя».

Именно торжество закона второго рода мы и наблюдаем, и пример с «делом Супапа» тут очень показателен, поскольку он случился в стране, где еще сохранилось «право судей». Здесь ясно видно, что по своей сути позитивные законы, в большинстве случаев есть прямая агрессия против людей и отрицание закона в его первом смысле, как описания добровольной практики.

И, кстати, обратите внимание еще вот на что. Собственник всегда устанавливает правила распоряжения собственностью. В самом общем смысле верно и другое прочтение той же формулы: если ты можешь навязать правила, значит ты этим и владеешь. «Право юристов» и «право судей» есть метод установления отношений между собственниками. «Право позитивного законодательства» есть приказ собственника (государ-
2012 ства) своей собственности (гражданину).

6.10. О равенстве перед законом тяготения

В этой колонке поговорим о такой модной фишке, как «закон должен быть один для всех». Откуда она берется, что означает и не скрывается ли что-нибудь этакое за этими словами. Тут как раз очень в тему Арсений Петрович порадовал нас проектом, в котором предлагается ни больше ни меньше, как отменить пре-

зумпцию невиновности в административных делах, так что все очень удачно сложилось.

Поговорим мы о законе, который один для всех, с точки зрения праксиологии. То есть, рассмотрим все это не как «вещь в себе», а как часть человеческой деятельности. Прежде всего, это означает, что у появления правил есть причина, и причина состоит в том, что следование правилам приводит к лучшему результату, чем если бы их не было. То есть, правилам следуют потому, что это выгодно. Наиболее простой пример — это детские игры. Правила составляют суть игры, без них ее просто не будет. Соответственно, тот, кто хочет играть — следует правилам, кто не хочет играть — на того они, естественно, не распространяются. То есть, правила существуют для того, чтобы дети могли получать удовольствие от игры. Соответственно, тезис «закон один для всех» здесь самоочевиден. Кто эти «все»? Это все, кто играет в игру. На неучаствующих в процессе все это никак не действует, присоединение к процессу есть дело добровольное.

Теперь давайте рассмотрим другую ситуацию. Я у себя дома запрещаю курить. Мне это не нравится. Любой, кто попадает ко мне домой, не должен курить, или я его выгоню. Здесь выгодополучателем являюсь я — владелец своей собственности. «Закон один для всех» в этом случае означает, что, кто бы ни пришел ко мне домой, он попадает под действие этого правила, мне все равно, кто именно пришел и кто именно собирается курить, — поскольку дом мой и я использую его к своей

выгоде, я запрещаю в нем курение. Кстати, это означает, что я могу в любой момент изменить эти правила и разрешить курить каким-нибудь особо уважаемым гостям, поскольку сейчас мне это нужно. «Равенство перед законом» существует здесь исключительно для меня и моей пользы, оно просто означает, что никто не может делать того, чего я не хочу, и в этом «неможении» все равны.

Мы видим, что в обществе существуют как минимум две группы правил, происхождение и существование которых совершенно различно, и называть их одним словом нельзя. Первая группа — правила, возникающие в ходе сотрудничества собственников — назовем их «естественными», вторая — правила, устанавливаемые собственниками в отношении своей собственности, назовем их «волюнтаристскими».

В свободном обществе эти две группы не вступают в неразрешимое противоречие. Более того, право собственности, с вытекающим из него волюнтаризмом, является основой для формирования и существования естественного права.

Естественные правила возникают и поддерживаются помимо наших намерений, набор этих правил — это текущий результат социальной эволюции. Волюнтаризм собственников ограничен их необходимостью жить в обществе и пользоваться теми преимуществами, которые оно предоставляет. Нет и не может быть таких собственников, собственность которых была бы

столь обширна и разнообразна, что позволяла бы диктовать правила «обществу в целом» и пытаться заменить собой естественные правила.

Важно отметить еще то, что естественные правила могут формироваться и поддерживаться в достаточно больших группах людей. Некоторые из таких правил настолько распространены, что в их отношении мы тоже можем сказать «закон одинаков для всех». Классическими примерами являются язык и право. Но, как и в нашем примере с детской игрой, первичной здесь является деятельность человека и его цели. Если вы хотите быть понятым другими людьми, лучше знать язык, на котором они говорят.

Мы говорили об обществе, теперь давайте обратим внимание на государство. Государство принуждает большие группы людей на некой территории следовать некоторым им же установленным правилам, запрещая все другие правила и способы разрешения конфликта в тех случаях, на которые оно претендует. Это обстоятельство (а также то, что все это делается для получения дохода) делает его собственником территории, а во многих вопросах и собственником людей, на ней проживающих. Здесь действует все та же логика волюнтаризма, и выгодополучателем всегда является государство. Тезис «закон один для всех» имеет здесь ту же природу, что и в случае, когда я запрещаю «всем» курить у себя дома.

В то же время, для людей, живущих в государствах, никуда не девается процесс создания и поддержания естественных правил. Как мы сказали ранее, он происходит помимо чьей-то воли и чьих-то намерений. Подавляющее большинство, если не все известные нам социальные правила возникли именно таким образом. Государство, действуя в своих интересах собственника, не только издает волюнтаристские приказы, но и покушается ими на то, что ему неподвластно в силу своей природы. Это и есть основное содержание конфликта между государством и обществом.

Арсений Петрович со своей презумпцией невиновности, подарил нам прекрасный пример этого конфликта. Что такое презумпция невиновности? Это важное правило в системе разрешения споров. Человек считается невиновным до тех пор, пока не доказана его вина. Не Арсений Петрович придумал это правило. Его вообще никто не «придумал», оно «появилось» в результате эволюции, то есть, многочисленных попыток многих поколений создать систему разрешения конфликтов, которая бы устраивала как можно больше людей в как можно большем числе ситуаций. Без этого правила вся система разрешения конфликтов не работает. То есть, «отменить» презумпцию невиновности можно только вместе с системой разрешения конфликтов. Это не означает, что презумпция невиновности будет действовать несмотря ни на что. Это означает, что действия, совершенные после этих изменений,

есть чистый произвол, они не имеют никакого отношения к праву и никто не обязан им подчиняться.

С таким же успехом Арсений Петрович мог отменить, например, глаголы или деепричастия. Совершенно очевидны разрушительные последствия таких затей. Если бы Арсению Петровичу удалось заставить каждого избавиться от глаголов и деепричастий в своей речи, наступил бы информационный коллапс, так как наш язык включает в себя и глаголы и деепричастия и без них передача сведений невозможна. Такая же катастрофа случилась бы в том случае, если бы кому-то удалось по-настоящему «отменить» презумпцию невиновности (желающие легко найдут примеры в истории).

Итак, выводы. Первое. Когда говорят о законе, одинаковом для всех или равенстве перед законом (эти два тезиса отличаются, но мы сейчас о том, где они совпадают), имеют в виду и часто путают две разных ситуации. Одна из них возникает в связи с объективно существующими правилами взаимодействия людей, вторая — в связи с волюнтаристскими приказам собственника.

Второе. Обе ситуации создаются выгодополучателями, в первом случае — теми, кто использует это правило в своих целях, во втором — собственником, указывающим с помощью правила, как себя вести с его собственностью. Для лучшего понимания разницы я бы предложил в первом случае говорить «закон одина-

ков для каждого», во втором «закон один для всех». То есть, в первом случае каждый, кто желает получить те или выгоды должен признать (присоединиться) к тому или иному правилу, во втором правило безразлично к вашим желаниям и действует на всех, кто оказался на (или в) собственности некоего субъекта.

В случае свободного общества между этими системами правил нет системного конфликта. В случае государства — есть, поскольку государство вмешивается (и не может не вмешиваться) в правила, возникающие естественным путем. Стремление государства быть собственником территории и людей компенсируется разве что саботажем и коррупцией этих самых людей. У этой ситуации может быть только два решения. Первое: когда побеждает государство — это рабство, полное вырождение и превращение людей в животных. Второе: когда побеждает общество, конфликт прекращается и Арсений Петрович Яценюк у себя дома и на своем дачном участке с абсолютно чистой совестью отменяет презумпцию невиновности.

2015

6.11. Тимошенко, «преступление без пострадавшего» и средневековые ирландцы

Дело Тимошенко, помимо разных политических и социальных уроков, содержит в себе урок правовой. Оно является замечательной иллюстрацией одной из-

вестной правовой проблемы. Называется эта проблема «преступление без пострадавшего».

Смотрите — в деле Тимошенко есть два главных момента. Первый называется «прокуратура», которая грозно размахивает Уголовным кодексом и обвиняет Тимошенко в том, что она нарушила то, что прокуратура в этом кодексе написала. Второй момент называется «Нафтогаз». Этот самый «Нафтогаз» утверждает, что Тимошенко своими действиями в качестве премьера нанесла «Нафтогазам» аж вот такие убытки. Совмещение в рамках одного дела этих двух моментов как раз и является иллюстрацией проблемы, о которой я говорю.

Итак, момент первый — прокуратура, а точнее — государство. Оставим в стороне наши политические обстоятельства и свое к ним отношение — всех этих Тимошенко, Януковичей и прочее. Оставим в стороне качество процесса, допустим, что суд был непредвзят и Тимошенко (или кто угодно) действительно нарушила некую букву некоего закона. И что? Дает ли это право государству лишать человека свободы? Задумайтесь над самой сутью происходящего — государство наказывает за нарушение некой нормы, которую оно само же и приняло. Да, это был закон. Да, он был принят с соблюдением надлежащих процедур. Да, депутаты являются представителями избирателей. Но (оставляя в стороне всем нам хорошо известные «нюансы» в каждом из этих пунктов), что это все меняет в принципе?

Что мешает государству принимать какие угодно законы и наказывать за их неисполнение?

Гитлеровская Германия, Советский Союз, современная Украина и другие государства, процветающие в хвосте разнообразных рейтингов разнообразных свобод, показывают, что если государство завладевает правом, то никакого ограничения на беспредел больше не существует. И «развитым странам» тут тоже не стоит обольщаться, их проблема «преступления без пострадавшего» касается даже в большей степени.

Теперь возьмем второе обстоятельство дела Тимошенко — иск «Нафтогаза». Здесь все понятно и прозрачно. Есть сторона, которая считает себя пострадавшей, есть ответчик. Если суд решает, что истец прав, ответчик должен компенсировать пострадавшему убытки. Это и есть право в его истинном смысле. В этом праве закон или обычай являются всего лишь инструментом для установления справедливости в выяснении отношений между людьми. Почувствуйте разницу: в первом случае закон наказывает за нарушение самого себя, во втором случае он служит механизмом, с помощью которого определяется вина, и виновный компенсирует ее.

Право — это и есть наш «второй случай». Оно возникло как инструмент регулирования отношений между людьми, а не между абстракциями, каковой в нашем случае выступают государство и закон. Задумайтесь, почему человек, от действий которого никто не постра-

дал, должен сидеть в тюрьме Почему очень часто бывает так, что пострадавшая сторона в уголовном процессе отказывается от претензий, а суд все равно запроторивает человека в буцыгарню (это добрая международная практика, не только нас касаемая) на том основании, что он «нарушил закон». Какой тогда смысл в таком «законе»?

Если вы поинтересуетесь историей вопроса, вы обнаружите, что практика «преступления без пострадавшего» не так стара. Она началась с «взысканий в пользу короны», а в современном ее виде существует лет 200, то есть, совсем немного по сравнению с тем, сколько существует право. Никакой системной необходимости (это, мол, плата за демократию, свободу, равенство перед законом и т.п.) в практике «преступления без пострадавшего» не существует, свободные общества прекрасно обходились без нее.

В Ирландии, пока она не была захвачена в 17-м веке, не было государства в нашем понимании. Но право было, и очень развитое. Один из вариантов решений вопроса был такой: если суд признавал кого-то виновным и виновный должен был выплатить компенсацию, но не мог ее выплатить, вмешивался «король». «Король» (а скорее, глава клана, так как этот человек не был сувереном территории) выплачивал компенсацию пострадавшему, а с виновником разбирался сам. Например, забирал его служить в войско на некоторое время.

Если бы мы жили в правовом государстве, скажем, в средневековой Ирландии, то никакого «дела Тимошенко» не было бы. Был бы только иск «Нафтогаза», и если бы Тимошенко признали виновной, ей пришлось бы возмещать ущерб. Возмещение ущерба — это уже были бы ее проблемы, пришлось бы, неожиданно для всех ее поклонников, вступить в права собственности многочисленными маетками и предприятиями, ныне оформленными на родственников, продать эти маетки и предприятия, занять денег по друзьям, знакомым и соседям по лестничной клетке. А если не хватило бы — пришлось бы идти на галеры, в рудники или в рабство до возмещения ущерба или заключения мировой с истцом. Не знаю, как вам, но мне именно эта система ка-
2011 жется справедливой.

Часть 7

О выходе

«Хороший, конечно, это был выход, но уж больно плохой»

А и Б Стругацкие «Отель «У погибшего альпиниста»

Ну и вот мы добрались до текстов, которые можно трактовать, как ответ на вопрос «где же выход»? Для начала, вкратце о возможных сценариях

7.1. И снова о конце света

«Конец света» — это специфическое западное развлечение. Насколько можно судить, китайцев или японцев он не сильно беспокоит. Происхождение этой специфической фобии понятно — откровение Ионна Богослова и связанное с ним представление о конечности мира, притом, что означенная конечность обязательно сопровождается массовыми неприятностями.

Вообще говоря, «конец света», имеющий естественные причины, может наступить в любой момент. Астероиды и кометы только и ждут удобного случая, если не получится у глобального потепления, то его дело довершит новый ледниковый период. Землетрясения, движение магнитных полюсов, «слетание» Земли с орбиты, новые неизлечимые болезни, техногенные катастрофы, ядерное оружие и так далее и тому подобное — все это может стать причиной быстрого и эффектного конца света. И именно поэтому нет никакого смысла говорить об этом.

Имеет смысл говорить о «конце света» как о социальных изменениях, которые изменят наш образ жизни таким образом, что можно будет сказать, что мир, каким мы его знаем, больше не существует. Об этом стоит говорить и потому, что социальные изменения, при всей своей инерции, не имеют обязательного характера. Они целиком и полностью зависят от воли участвующих (и не участвующих) в них людей.

В таком смысле, «конец света» уже наступал на памяти многих украинцев. Это — распад СССР, который полностью изменил известный нам мир. Теперь, похоже, назревает нечто подобное, только в несколько большем масштабе.

Что происходит? Мы видим, как в еще недавно спокойном и благополучном западном обществе ширится движение против сложившегося статус-кво. Мнение о том, что политический класс совсем «оторвался от

народа», распространено как никогда ранее. Вызвано ли все это только кризисом? Успокоятся ли западные граждане, если кризис закончится?

В истории часто бывало так, что массовые движения и даже волнения не приводили ни к какому результату, бывало и так (как в случае СССР), что незыблемая, казалось бы, система, исчезала за мгновение. Поэтому, говорить что-то о том, как именно будут развиваться события и в какой именно момент наступит «конец света» затруднительно. Процесс может продолжаться разное время. Говорить можно лишь о сути процесса, который мы сейчас наблюдаем.

Похоже, что суть процесса связана с кризисом государства, как института. Собственно, распад СССР тоже был частью этого процесса. Государство не справляется с работой, которую оно считает своей. Беда в том, что у государства всегда один и тот же ответ на неприятности — расширение себя самого. Расширение государства создает проблемы, и для того, чтобы их решать, оно прибегает к новому расширению. Подругому оно просто не может поступать. Сама основа современных представлений о социальных отношениях предполагает, что государство обязано бороться с любыми негараздами, возникающими в обществе.

Это обстоятельство, которое было известно давно, сейчас доказано и на «практическом» уровне, например, американский экономист Роберт Хиггс показал, как расширялось американское государство от времен

Первой мировой. Пределом такого расширения является тоталитаризм, когда государство заменяет собой все социальные функции общества. Затем тоталитаризм лопается, и процесс начинается «по новой». Если, как показывает постсоветский опыт, в головах у людей главенствуют инфантильные социальные шаблоны, то государство возвращается и опять начинает расширяться под радостные аплодисменты трудящихся.

Тот факт, что российский, китайский и немецкий тоталитаризм был фактически установлен в результате революции и имел мощную поддержку в виде крайне популистской идеологии, не означает, что он не может быть установлен постепенно, как результат медленного разрастания государства. Массовая идеология и массовые тоталитарные партии позволили русским, немцам и китайцам сделать переход к тоталитаризму быстрым, но, вероятно, в этом переходе можно обойтись и без них. Если мы посмотрим на то, чем были лидеры капитализма — Англия и США — в 19-м веке, и чем они стали сейчас, то разница будет просто поразительной. Движение в сторону расширения контроля и, в пределе, в сторону тоталитаризма впечатляет.

Распад СССР и соцлагеря, совпавший с короткой консервативной революцией на Западе, несколько уменьшил темпы роста государства, но сейчас, похоже, мы переживаем этап его очередного расширения. При этом, такое расширение, которое, конечно же, идет разными темпами, охватывает все страны. Те,

кто видит в США и Западе своих врагов, пытаются защититься от них… ростом государства и насилия в отношении собственных граждан.

Только за последний месяц мы могли наблюдать несколько значительных событий, которые свидетельствуют о стремительном росте государства. Это принятие SOPA — нового документа по «защите авторского права» в США, соглашения АСТА, которое грозит цензурой в интернете, и такими приятными мелочами, как досмотр ваших ноутбуков и смартфонов на таможне. Наконец, в США был принят военный бюджет, а в нем самом спрятан очередной акт, который позволяет правительству без суда и следствия арестовывать граждан США и иностранцев и задерживать их на неопределенное время по подозрению в терроризме или (sic!) «поддержке терроризма». Отличилось и ФБР, которое заявило, что движение «суверенных граждан», которым не нравятся существующие порядки, в частности ФРС, и которые выступают против налогов и требуют возвращения золотого стандарта есть экстремисты со всеми вытекающими.

Заметим, что рост государства имеет теперь интернациональный характер. **Для «защиты авторского права», «борьбы с отмыванием денег» и тому подобного в «демократическом мире» практически не существует национальных границ**. Недемократический мир, у которого эти границы существует, как мы говорили, защищается от роста демократического «общемирового» государства ростом своего собствен-

ного, «узконационального», то есть тушит пожар бензином.

Заметим еще одну важную деталь. Нарушения авторского права, отмывание денег, наркотики, порнография, — это все «преступления без пострадавшего». То есть, государство является здесь и обвинителем, и судьей. И именно в этих сферах «преступлений без пострадавшего» наблюдается бурный рост активности государства, причем активности, повторю, имеющей уже наднациональный характер.

Понятно, что эти тренды прямо направлены против интернета. Интернет крайне опасен, так как является не только источником информации, но и средой общения людей друг с другом, минуя всякие государства. **Интернет делает государство совершенно ненужным, и существование государства фактически зависит от скорости понимания людьми этого обстоятельства**. Такого, конечно, допускать нельзя, и можно не сомневаться в том, что в ближайшее время большинство усилий будет направлено именно против интернета.

Отдельной статьей идет «борьба с терроризмом». Если задуматься, то терроризм ничем не отличается, скажем, от деятельности серийных убийц или маньяков. Однако, никому в голову не приходит на основании возможной угрозы появления манька-убийцы ограничивать свободы граждан на законодательном уровне. «Терроризм» — это такая смысловая ловуш-

ка, клеймо, которое полностью развязывает руки карательным органам. **Обвинения в терроризме — это фактически средневековые обвинения в ведовстве или ереси**. Для них существуют специальные органы и специальные процедуры, и часто не обвинение должно доказывать виновность, а обвиняемый должен доказать, что он не виноват.

Однако, вернемся к «концу света». Для нашей темы он будет означать конец государства, как мы его знаем, то есть, конец «государства всеобщего благосостояния». Этот «конец света» будет актуален для тех, кто использует эту модель и, прежде всего, западных и постсоветских стран.

Вариант 1. Совсем мирный. Увы, практически невероятен. Дело в том, что процесс роста государства основан на вере граждан в то, что это единственный способ решения их проблем. Здесь пока что перспективы есть только у США, где сохранились какие-то традиции гражданской самостоятельности. Европа в этом отношении, похоже, безнадежна.

Вариант 2. Крах финансовой системы. Наиболее вероятный сценарий, малопредсказуемый как по срокам, так и по последствиям. Крах может наступить на любом этапе роста государства. В зависимости от состояния дел, крах может либо сильно замедлить процесс расширения, либо вообще разрушить государство, если, например, в качестве альтернативы начнут использоваться товарные деньги.

Вариант 3. Рост до состояния СССР. Западным государствам еще есть куда расти. ЕС может стать единым государством с унифицированной государственной политикой, может возникнуть какой-нибудь всемирный центробанк и, как следствие, аналог «мирового правительства». Мир превратится в антиутопию из киберпанкосвских романов, которая тоже рано или поздно закончится. Самое грустное здесь то, что в таких ситуациях революции обычно означают перезагрузку системы. Французский абсолютизм сменяется якобинским террором, а русское самодержавие — террором красным.

Вариант 4. Маленькая победоносная ядерная война. Не нужно переоценивать способности государств контролировать себя и друг друга во взаимоотношениях между собой. Какая-нибудь очередная война с очередным Ираном вполне может обернуться небольшим ядерным кошмаром. Причем, чем больше Иранов будет получать в свои руки ядерное оружие, тем вероятность такого хода событий выше.

Вариант 5. Технологический. Концы света иногда наступали по чисто технологическим причинам. Изобретение стремени позволило степным кочевникам наконец получить решающее преимущество над земледельцами и завоевать практически всю Евразию. Переход на огнестрельное оружие означал, что не нужно больше 5 лет учиться стрелять из лука, достаточно недели и солдат готов. Огнестрельное оружие сильно повлияло на процесс возникновения современных на-

циональных государств в Европе. В нашей теме причиной «конца света» может стать любой технологический прорыв в области вооружений или доползание развития технологий до того уровня, когда атомную бомбу можно будет собрать в гараже. День, когда это случится, и будет днем конца света. Личная атомная бомба вернет в разряд политически реальных любые движения за отделение и автономию от современных государств. Нужно понимать, что контролировать этот процесс невозможно, и что такое состояние дел обязательно наступит. Лучше, чтобы «конец света» случился до этого времени, поскольку, если нет государства, то и личная атомная бомба теряет всякий смысл. 2012

7.2. Сломай забор, оккупай чего-нибудь, перезагрузи Матрицу

Украина, вопреки распространенному мнению, не так уж и сильно отличается от развитых стран, если говорить о формальных институтах. Украина заимствовала в 90-х совершенно определенный тип организации государства и представлений о том, как и для чего это государство должно работать. Этот тип государства называется «государство всеобщего благосостояния». В чистом виде, если говорить об институтах, декларируемых намерениях и используемых методах, Украина мало чем отличается от стран ЕС и чуть больше отличается от США. Те же отличия, которые мы видим, есть плоды культуры, традиций т.п., перенесите наше законо-

дательство куда-нибудь в Европу, и оно будет там «работать», его немного подлатают, подмажут и все будет ОК.

Это первое утверждение. Второе утверждение состоит в том, что те протесты, которые мы видим у нас, в Европе и США, имеют одну и ту же причину. Эта причина — кризис того самого «государства всеобщего благосостояния». Болезни везде одни и те же — перегруженность «социальными обязательствами», неспособность государства справиться с присвоенной себе финансовой системой, тупик государственного регулирования, рост вмешательства в частную жизнь, полицейского контроля.

В нашем случае легальный политэкономический механизм окончательно вышел из строя. После 2004-го, когда, наконец-то стало ясно, что дело не в том, чей флаг над Банковой, на государство махнули рукой, и с тех пор общество пытается найти выход из ситуации. Статусная «власть» и статусная «оппозиция» мертвы, там нечего искать и оттуда нечего больше ждать. Разумеется, они еще принесут много вреда, но это просто агония и конвульсии.

В случае Запада процесс потери контроля статусного государства над обществом только начался.

И, наконец, третье утверждение. И в нашем случае, и в случае Запада мы имеем дело с «перезагрузкой» системы. Интересно, что в современном политическом

жаргоне, слово «перезагрузка» имеет положительный смысл. Буквальный же смысл означает вернуться в исходное состояние, сохранить основы системы, остановив «лишние» и «ошибочные» процессы.

Думаю, политики и журналисты заимствовали «перезагрузку» из поп-культуры, а точнее, из фильма «Матрица». Там выяснилось, что бунт людей против машин и, в частности, революционер Нео есть не более, чем часть коварного плана по сохранению системы — Матрицы. Планом этим заведует некий Архитектор и, как выясняется, таких Нео у него уже было несколько. То есть «перезагрузка» означает здесь остановку вредных для системы процессов и возвращение к основам.

С «государством всеобщего благосостояния» происходит перезагрузка именно в этом понимании. Нынешняя элита не может справиться с ситуацией и должна уйти. Но режим должен сохраниться. Разумеется, в этом деле наверняка есть люди, считающие себя «Архитекторами». Но они сильно переоценивают свою роль. На самом деле, идет куда более эффективный самоорганизующийся процесс.

Заметим, что все революционеры (за исключением США, где есть контрсистемные «чаевщики») не говорят «оставьте нас в покое, мы и без вас со всем управимся», нет, они требуют «свое», «законное», невзирая на то, что это «законное» может образоваться только путем отъема собственности у других людей. Богатые

должны поделиться, а то нехорошо как-то. Революционеры требуют еще большего государства, еще большего вмешательства и контроля, то есть, они работают на систему. Это и есть перезагрузка — попытка сохранить систему, которая не работает потому, что порочна в своей сути, а не потому, что в ней накопились ошибки.

Сила системы не в «архитекторах», а в ее анонимности и самоорганизации. Да и «система» — это тоже не более, чем громкое слово. На самом деле речь идет о шаблонах поведения, о том, что дает результат, и что не дает результата, и что может самовоспроизводиться осознанным или неосознанным подражанием. Вымогательство и паразитирование дает результат. Честный труд — не дает. Вот вам и вся матрица. Иногда, как сейчас, система слишком засоряется, выборы и другие обратные связи перестают работать, и происходит перезагрузка. Каким образом? Очень просто. Люди начинают искать справедливость в рамках своих представлений и своей практики. Это и есть Матрица и ее способность к перезагрузке.

В разных странах этот процесс будет происходить по-разному и займет разное время. Но совершенно точно, что рано или поздно система сама найдет своих героев. Уйдут ненавистные ныне политики, «обновятся элиты», изменятся законы и даже «формы государственного устройства», но система останется. Перезагрузка уже идет. Радуйтесь.

2011

7.3. В моря, все в моря!

Немного об одной популярной эскапистской идее

Многие люди, особенно среди тех, кто склонен задумываться над происходящим, не любят государство. Поводов для этого много и разных, а вот причина одна — государство является гипермонополией в оказании ряда услуг. Более того, спектр этих «услуг» постоянно расширяется самим государством. Современному человеку просто некуда податься: куда бы он не приехал, где бы он ни жил — он будет иметь дело с тем или иным государством. В конце концов, чтобы не любить государство, достаточно статистики вот этой книги[1]. В 20-м веке в войнах погибло 61 миллион человек. 87 миллионов было убито собственными государствами. Только 8,5 миллиона погибли от «несанкционированных» государством убийств. Добавим, что войны — это занятие, тоже организованное государствами.

Многие государства считают человека своей собственностью. Например, в Украине не существует никакой возможности отказа от украинского государства. Вы не сможете отказаться от гражданства. Вы сможете только поменять гражданство, то есть стать собственностью другого государства.

[1] http://www.hawaii.edu/powerkills/NOTE1.HTM

Бегство

Когда в середине 30-х годов прошлого века началось интеллектуальное движение против социализма и коллективизма, выяснилось, что бежать от государства больше некуда. Свободных территорий не осталось. То есть, если вы вдруг решите учредить новое государство, не столь кровожадное, как существующие, у вас ничего не выйдет так как все места на базаре уже заняты.

Правда, есть одно «но». Государства владеют людьми на суше. На море же их юрисдикция распространяется только на двухсотмильную «исключительную экономическую зону». Далее начинается ничейная земля, точнее — вода, на которой территория государства съеживается до территории судна. А сама «государственная принадлежность» корабля определятся его флагом.

С этого момента мировой океан — последняя «ничейная» территория — становится местом действия большинства политических утопий и антиутопий.

Заметьте, что разнообразные злодеи в поп-культуре обычно гнездятся на удаленных островах и на океанском дне. Там, вдали от надзора государственного ока, они вынашивают свои планы по захвату власти или уничтожению всего живого. Вообще говоря, леваки, составляющие большинство среди «деятелей культуры», весьма своеобразно представляют себе че-

ловека, особенно человека, недовольного всевластием государства. Вот, к примеру, замечательная игра Bioshok, действие которой происходит как раз в таком подводном городе «беженцев за свободой», жители которого превратились в мутантов и заняты радостным истреблением друг друга. По мнению авторов, стоит только людям оказаться вне государственной опеки, как они немедленно примутся ставить медицинские опыты друг над другом, изобретать плазмиды и самовлюбленно мутировать. Между тем, хозяйство, в котором происходит действие игры, весьма развито. Нужно ведь суметь построить город под водой, создать системы жизнеобеспечения и т.п. Кто и как этим занимается (очевидно, в свободное от мутаций время) — непонятно.

Практика

Попытки создания микронаций, то есть, учреждения собственных правил общежития на море, довольно многочисленны. Но полностью удачных среди них нет. Перечислим типичные примеры и типичные неудачи.

«Операция Атлантис» — проект новой страны во главе с Вернером Стифелем. В рамках этой операции был построен корабль из ферро-цемента, который должен был стоять на якоре в Карибском море. В 1971 году корабль добрался до Карибского моря, где успешно затонул во время урагана. Тонущие плавсредства — хорошая, добрая традиция в нашей теме.

Проект искусственного острова «Океана», на котором должна была быть создана новая нация, начался в конце 60-х, собрал 400 000 долларов и обанкротился в 1994-м году. Как говорят комментаторы, это был проект, в котором было слишком много вождей и слишком мало индейцев. Типичный пример того, что получается, когда за дело берется много университетских умников.

Риф Минервы. Майкл Оливер, миллионер из Лас Вегаса, решил основать новую страну на рифе Минервы, в 260 милях от королевства Тонга. Рифы находятся достаточно далеко от любого государства и достаточно обширны для такой попытки. Оливер построил на рифе искусственный остров и провозгласил Республику Минерва. Первой реакцией на его действия был ящик с инструментами, сброшенный с вертолета. На ящике было написано «инструменты и оборудование от короля Тонга». Через некоторое время явился и сам король в сопровождении нескольких громил. Его Величество спел национальный гимн Тонга, водрузил национальный флаг Тонга и удалился. На этом история республики закончилась. Ветер и вода довершили дело, смыв искусственный остров в море.

Этот пример показывает, почему покупка или аренда островов, отмелей и любой другой суши бесперспективна. Государства не заинтересованы в расширении своего картеля, в том, чтобы «кто попало» мог вот так вот запросто учреждать новые государства, какими бы смехотворными не казались эти попытки. В этих слу-

чаях государства реагируют быстро. В 1969 году был предпринята очередная попытка создания новой нации на корабле в районе отмели Кортеса, которая находится в 100 милях от Сан-Диего. Корабль, построенный для этой цели, по традиции затонул, однако, тут же возник и начал набирать обороты другой проект создания платформы на этом месте. Правительство США немедленно заявило, что отмель Кортеса — неотъемлемая часть территории США и кому попало нечего там делать.

Остров Роса. Джорджио Роса, профессор из Болоньи, в начале 60-х построил башню в Адриатическом море. Башня поддерживала платформу, на которой располагались магазин, банк, почта и ресторан, а также прогулочные палубы. Итальянские власти не обращали внимания на это сооружение, поскольку оно находилось за пределами трехмильной зоны территориальных вод. Однако, в 1968 году, когда Роса заявил о независимости, башня была уничтожена итальянским флотом. Причина — «предположение» властей о проституции, порнографии и распространении наркотиков. «Вся эта страна — мафия», — сказал профессор. Добавим — практически любая страна.

Город laissez-faire. Проект, инспирированный романами Эйн Рэнд, начался в 1995 году с провозглашения независимости и создания траста учредителей. О проекте написал «Экономист», делала репортажи BBC и т.п. Проект сразу же набрал 3000 учредителей, однако, вскоре выяснилась маленькая деталь: сво-

бодной земли нигде нет. Невозможно найти сколько-нибудь приемлемой территории, достаточно защищенной от возможных претензий и притязаний других государств. Пример плохого менеджмента.

Княжество Силэнд. Это, пожалуй, единственный пример удачной попытки создания микронации. В 1967 году бывший оператор пиратского радио Рой Бейтс захватил брошенную платформу ПВО времен Второй мировой войны возле побережья Великобритании. Он провозгласил новое государство Силенд в форме конституционной монархии с собой во главе. Бейтс использовал платформу для вещания своей радиостанции «Радио Эссекс».

История Силенда отмечена несколькими скандалами и даже войнами. Это, видимо, родовое свойство всех государств, независимо от их размера. В 1975 году Бейтс обнародовал конституцию, флаг и гимн (написанный, кстати, неким лондонцем со странным именем Василий Симоненко). Бейтс также выпустил монеты и паспорта своей страны. Все это привело к интересным последствиям.

В 1978 году, пока короля не было дома, платформу захватили несколько граждан Германии и Нидерландов. Руководил ими некто Александр Ахенбах, который называл себя премьер-министром Силенда. Захватчики взяли в плен сына Бейтса и переправили его в Нидерланды. Бейтс вернулся домой на вертолете в сопровождении верных сторонников и в результате успеш-

ного штурма, вернул себе свои владения. Захватчики превратились в военнопленных и вскоре были отпущены, а вот Ахенбах был обвинен в государственной измене. Причина проста — у него был паспорт Силенда. Ахенбах просидел в заточении несколько недель, пока не заплатил выкуп в 75 тысяч марок. Все это время правительства Германии и Нидерландов требовали помощи в освобождении Ахенбаха от правительства Великобритании. Правительство Великобритании отвечало, что Силенд находится вне его юрисдикции (вне трехмильной зоны территориальных вод).

Дело закончилось тем, что Германия направила дипломата для ведения переговоров с Бейтсом. Ахенбах был отпущен и, как водится, создал в Германии «правительство в изгнании». Но важно еще вот что — факт переговоров и отправки дипломата означает, что Силенд де-факто признан Германией.

Кстати, в 1987 году Великобритания расширила свои территориальные воды до 12 миль. Теперь платформа находится на территории Соединенного Королевства, и оно может выдвигать к Силенду территориальные претензии.

В 1997 году, ввиду широкого распространения фальшивых паспортов Силенда (около 150 000), Бейтс объявил об их недействительности и перестал выдавать новые паспорта.

В 2000-м году платформа была сдана в аренду компании HavenCo, которая использовала ее для размещения серверов. В 2008-м операции компании прекратились, как утверждают, из-за плохого ведения бизнеса.

В 2007-м Силенд пытались купить PiratesBay после того, как у них возникли проблемы в Швеции, однако сделка не состоялась.

Пиратское радио

Как видим, большинство проектов, направленных «втупую» на создание новых наций на море, потерпели провал. Относительным успехом увенчался Силенд, но, скорее всего, потому, что он создавался для определенных целей — пиратского радиовещания, а затем — экстерриториального размещения серверов.

Кстати, неудачи никого не останавливают. Проектов водных поселений становится все больше. Некоторые из них — такие как FreedomShip или «Город 120 акров», привлекший внимание Билла Гейтса, находятся в стадии реализации. Однако, мне кажется, что будущее принадлежит несколько иной стратегии освоения «последней ничейной земли» с пользой для свободы.

Эту стратегию можно проиллюстрировать двумя примерами. Первый — пиратское радио 60-х.

В 60-х годах большинство радиостанций в Европе были государственными. Они вещали государственные

новости и передавали государственную музыку. У этих станций существовала своя редакционная политика, основанная на представлении чиновников о том, что нужно людям. В частности, на BBC считали, что людям нужно 4 часа «популярной музыки» в день и не больше.

Однако, беби-бумеры, которые в это время уже вовсю наслаждались преимуществами половозрелого возраста, думали иначе. Им нужны были часы и часы рок-н-ролла. Это небольшое расхождение между потребностями и их оценкой государственными мужами породило целое экономическое явление — оффшорное радиовещание с кораблей.

Пионером было «Радио Вероника», транслировавшееся с корабля, стоящего на якоре в нейтральных водах возле побережья Нидерландов. Эту практику быстро подхватили и развили британские и скандинавские деятели. Вскоре прибрежные воды этих стран оказались заполненными «радиокораблями».

Именно в отношении этой публики и было впервые употреблено слово «пираты» в том смысле, в каком оно в большинстве случаев используется сегодня. Деятельность пиратов приобрела огромный размах и стала угрозой для шоу-бизнеса.

Огромные прибыли поощряли пиратов к пиратству в буквальном смысле слова. К примеру, пираты украли пре-релиз «Оркестра Клуба Одиноких Сердец сер-

жанта Пеппера» из дома Пола Маккартни. Этот альбом транслировался на пиратском «Радио Лондон» за две недели до официального выхода. Пиратское вещание стало серьезным фактором бизнеса и культуры. Например, альбом группы The Who «Sellout» записан так, как будто он транслируется по «Радио Лондон», включая джинглы, рекламу и т.п.

Государства пытались глушить пиратские станции, но протесты общественности положили конец этой практике. В 1965 году Бельгия, Франция, Греция, Швеция, Люксембург и Британия заключили соглашение, запрещающее радиовещание с «плавающих и летающих объектов», а также снабжение этих «объектов» со своей территории. Не помогло. Пираты закупались в тех странах, которые не подписали соглашение, например, на острове Мэн — «полубританской» территории.

Оффшорное пиратство прекратилось только в середине 70-х. Серьезным ударом было запрещение Великобританией предприятиям, ведущим дела на ее территории давать рекламу на пиратские станции. Однако, только открытие частных FM-станций на суше поставило последнюю точку в этой истории.

Flag of convenience

Второй пример — это так называемый «порт приписки».

Человечество бороздит моря и океаны гораздо больше времени, чем существуют государства в их современном виде. За это время возникли разнообразные «правила поведения на воде», одним из которых является наличие на судне неких опознавательных знаков. Опознавательные знаки на судне джентльмена ясно говорят другим джентльменам, что это за судно и что им за это будет.

За опознавательными знаками стоит вся мощь (или немощь) выдавшей их организации. При этом, если на суше нужно приложить немало усилий для того, чтобы сменить организацию (государство, торговую гильдию или компанию), то на море для этого достаточно сменить флаги.

Поэтому игры с флагами — довольно популярное занятие, особенно во время войны. Например, во время Гражданской войны в США морская торговля и северян и южан велась под британским флагом.

Во время Второй Мировой, до вступления в войну, компании США некоторое время использовали для торговли с Великобританией панамский флаг. Показательно, что после войны американское правительство пыталось оказывать давление на судовладельцев, которым такая практика пришлась по душе. Именно после

Второй мировой, с открытием судового регистра Либерии в 1948 году, наступает расцвет использования практики flag of convenience.

Интересно, что по-русски этот термин чаще всего переводится как «порт приписки», хотя буквальное его значение — «флаг удобства». Действительно, все дело заключается именно в удобстве. Флаг судна означает, какому именно законодательству следует его владелец в своих операциях. Погрузки-разгрузки, наем команды, ремонт и еще сотни факторов регулируются нормами государств-хозяев флага. Если вы судовладелец, то возможность выбора среди этих норм очень поможет сэкономить значительные средства и расширить операции. В зависимости от специфики операций, один ваш кораблик может ходить под одним флагом, другой — под другим.

Систединг

Итак, пример с пиратами говорит о том, как государственное регулирование создает рынки (точнее, вытесняет с легального рынка некоторые услуги). Пример с флагом удобства показывает нам, как возможность одной компании регистрировать суда в разных странах заставляет государства конкурировать друг с другом. Морская торговля, вообще говоря, чуть ли не единственное место, где такая конкуренция государств существует. Опять-таки, пример с пиратами говорит о том, что государство может победить в конку-

ренции с не-государством только ослабляя регулирование и внедряя у себя определенную практику. Радиопиратство прекратилось, как только появились частные FM станции на суше, которые делали то же самое, что и пираты, но на законных основаниях.

Стратегия, которая называется seasteading, предполагает использовать именно эти факторы. Представьте себе множество плавучих платформ, достаточно больших, чтобы жить на них постоянно. С одной стороны, платформы являются «плавсредствами» и могут использовать флаги удобства, с другой — они не являются кораблями, то есть, их функция не состоит в том, чтобы доставлять пассажиров и грузы из точки А в точку Б. Они могут находиться в море сколь угодно долго. То есть, «флаг удобства» может использоваться в зависимости от бизнеса, практикуемого на платформе. Наконец, технически, жители платформ могут не являться гражданами каких-либо государств и практиковать собственные способы самоуправления. То есть, идея состоит в том, что осуществляя на море некоторую деятельность, которая на суше является проблематичной в силу государственного регулирования, вы двигаетесь сразу в двух направлениях в сторону свободы. С одной стороны, вы создаете новый опыт общественного управления, с другой — заставляете существующие государства конкурировать между собой и снижать уровень регулирования.

Не знаю, может быть из этого что-то и получится. 2010

7.4. О методах

«Часто мы затрудняемся найти решение, поскольку подсознательно ограничиваемся территорией рисунка. Однако нигде не сказано, что нельзя выходить за его пределы. Вывод: чтобы понять систему, необходимо выйти из неё.»

Бернар Вебер

Здесь речь пойдет о методах, которыми можно остановить государство

7.1.1. Последний и решительный бой или А может все-таки заняться «утопизмом»

Нынешние выборы — первые, в которых автор этих строк не принимал никакого участия. Зато я принимал участие во всех предыдущих выборах и, могу сказать, что украинским выборам присуща одна весьма специфическая черта: каждые выборы здесь — это последний и решительный бой. Бой с мировым злом, бой, в который следует вложить все силы, оставив в стороне весь «утопизм» и «прекраснодушные мечтания» ради победы здесь и сейчас.

Лозунг «Україна гине!» появился чуть ли не на второй день независимости, и с тех пор, если верить нашим политикам и СМИ, ни на секунду не терял актуальности. Украина «гине» уже 20 лет, и, судя по всему, это занятие ей весьма по душе, так как прекращать его она не собирается. Более того, я хорошо помню, что накал катастрофизма в 90-е был даже выше, чем сейчас,

журналисты буквально соревновались друг с другом в обсуждении темы неизбежного «социального взрыва» и его последствий.

Попробую в двух словах напомнить содержание всех наших выборов. Президентские и парламентские выборы 1994 были досрочными. Кравчук считался пустопорожним болтуном, а «группа 239» в Раде — тормозом прогресса. Как сейчас помню агитку Кучмы (который к тому времени успел дважды побывать премьером). На агитке написано «слово» и «дело». Под «словом» нарисован Кравчук, под «делом» — Кучма. В общем, это было довольно распространенное мнение — директор Кучма знает, как спасти страну (тогда же появились слова «прагматик» и «хозяйственник»).

К 1998-му директор надиректорствовал настолько, что уже сидел у всех в печенках. Парламентские выборы 1998-го — это реакция на «реформы» и попытка «спасти Украину» теперь уже от Кучмы. Коммунисты попытались взять реванш. Напомню, что на этих выборах, проходивших по смешанной системе, они получили наибольший процент голосов.

В 1999 случились президентские выборы, на которых вопрос избавления от Кучмы встал необычайно остро. Очень хорошо помню ощущение: если Кучма победит — все, конец стране. Победил.

В 2000-м случился кассетный скандал, а в 2002-м — парламентские выборы, на которых, опять-таки,

с помощью восходящей звезды Виктора Андреевича Ющенко люди доброй воли надеялись победить злого Кучму. Что характерно — формально они его победили и могли бы сформировать большинство, но победы испугались и сделали вид, что ничего не было, так как на носу было главное мероприятие — президентские выборы 2004-го, где они и рассчитывали победить полностью и окончательно.

Наступившие в 2004-м выборы, Виктор Андреич, вообще говоря, слил, и лишь стараниями киевлян случились хорошо известные нам последующие события.

Однако, вопреки ожиданиям и к большому удивлению самого Виктора Андреевича, спасителем нации он так и не стал. «Разочарование в Майдане» охватило впечатлительный электорат. Этим воспользовались «донецкие» и Тимошенко, которые на выборах 2006 года брали реванш и боролись с «бездіяльністю влади» соответственно. Досрочные выборы 2007-го были просто повторением выборов 2006-го, когда те же люди пришли на те же места.

Ну и наконец, эпическая битва бобра и козла в 2009-м закончилась победой сами знаете кого. С тех пор страсти не утихали, а только накалялись и теперь многие опять думают, что выборы — это «наш последний шанс» и т.д. и т.п.

Автор ни в коем случае не хочет сказать, что все у нас хорошо и волноваться не стоит. Я хочу всего лишь

сказать, что «галактего опасносте» — это нормальное состояние Украины в мире, в котором существует такая штука, как выборы, сказать это тем, кто не знает этого обстоятельства в силу нежного возраста, и напомнить тем, кто забыл это обстоятельство или не хочет его замечать. Собственно, пафос этой колонки состоит в мысли, что все эти годы политически активные жители Украины (включая автора, разумеется) занимались ерундой. На каждых выборах им нужно было срочно спасать Отечество. Поэтому, они никогда не обращали внимания на идеи, реализация которых занимала больше одного года — куда тут, тут нужно Родину спасать, а ты тут со своими утопическими идейками! Понятно, что так устроена политическая машина, она работает на самовоспроизводство, и потому она будет всегда генерировать конфликты и страхи, которые будут постепенно воплощаться в реальность (как воплощается сейчас ужас 90-х — «раскол Украины»). Но нужно понять, что не существует иного способа остановить этот маховик, кроме как перестать участвовать в его вращении. Может тогда, наконец, найдется время заняться «утопизмом». 2012

7.1.2. И, в заключение, о погоде

Когда-то, в эпоху, когда «Боинги» падали на американские города, автору этих строк довелось писать статью о терроризме. Мне пришла в голову мысль, что единственный способ, которым можно бороться с терроризмом — это изменение отношения к нему. К тер-

роризму нужно относиться, как к погоде. Ну да, случилось цунами, есть разрушения и жертвы. Ведутся восстановительные работы. И все. Бессмысленно обсуждать «требования». У цунами не может быть требований. Точно так же бессмысленно обсуждать требования террористов. Люди, убивающие в массовом порядке других людей, которые им ничего не сделали, становятся стихией. Нет ничего, что можно было бы понять об этих людях, нет ничего в этом понимании, что могло бы принести пользу. Да, их нужно изучать, но изучать, как изучают землетрясения или эпидемии. Понимания, *со*-чувствия, а значит и *со*-участия тут просто не может быть.

Терроризм существует только потому, что его показывают по телевизору, к нему относятся, как к человеческой, по своей природе, деятельности. Как только такое отношение прекратится, терроризм потеряет какой-либо смысл и исчезнет.

Я уже очень давно думаю о том, что такая же перемена в отношении необходима всем нам. Я имею в виду наше отношение к государству, политике и политикам. Мы можем освободиться, только, если будем относиться к ним, как к стихийному бедствию, четко понимать где мы, а где они.

Сразу хочу внести ясность. Мне скажут, что разделение на «мы» и «они» неверно, оно, мол, снимает ответственность с «мы» за это самое «они». Не спорю, я полностью согласен с этим. В данном случае, речь

идет о том, что «мы» и «они» существует в нашем общественном сознании, как определение качества государства. «Мы» существует как обозначение «хорошего», а «они», как обозначение «плохого». Подразумевается, что если «они» будет заменено на «мы», сразу все станет хорошо. Я же говорю совсем не об этом. Я считал и считаю украинское государство прямым продолжением украинского народа, местом, которое дает возможность одним украинцам безнаказанно грабить, угнетать и глумиться над другими украинцами. И сейчас я говорю о том, что именно дает такую власть одним людям над другими и как эту власть свести на нет.

Представьте себе, что газеты не пишут о политиках. Новости говорят о них, только если они вдруг напали на людей, при этом не называются имена, партии, должности и так далее, поскольку это не имеет значения. Мотивация вообще никого не интересует, идет лишь констатация факта, обсуждается лишь ликвидация последствий и профилактические меры. Все эти телешоу и прочие демонстрации хамства, жлобства и самовлюбленности закрываются за ненадобностью. Никто не постит в социальных сетях обличающих демотиваторов, никто не «лайкает» политических статей. Как вы думаете, как долго продержится в таких условиях «власть»?

Вся власть одних украинцев над другими содержится только в их головах. Одни украинцы угнетают других исключительно потому, что одни и другие полагают, что так и должно быть. А начинается это все с от-

ношения к чиновникам, как к людям, с попыток понимания, а значит и со-участия. Это очень напоминает коммунистов в сталинских лагерях с их «вы здесь все враги народа, один я попал сюда по ошибке».

Украинцы ожидают хорошего от государства потому, что государство выглядит всемогущим. Давно нужно понять, что это всемогущество стихии, хаоса. Украинцы же пока еще эмоционально привязаны ко всему, что происходит внутри государства, они жадно потребляют все подробности чиновничьей жизни вплоть до того, кто на ком женился и почему. Чиновники управляют нами именно потому, что государство воспринимается как часть нашей жизни, эмоционально очень значимая. И здесь единственный выход — это полная и осознанная реализация совета, который дает одна подруга другой подруге — «да выбрось ты его из головы».

Как часто приходится слышать сентенции, начинающиеся со слов «нажаль, наша влада…». Пора понять, что любая «влада» — не наша. Это чужие. По определению. Человек, надевший мундир госслужащего, переступает черту. Он становится частью стихии. Он становится частью нашествия саранчи или крыс, землетрясения или цунами. Да, это враждебная стихия, но это стихия. Эмоции в ее отношении бессмысленны. Это внешняя сила, с ней нельзя вести диалог и вступать в переговоры.

Может показаться, что я призываю к «политической неграмотности» и тому подобным вещам, считаю-

щимся грехом у прогрессивной общественности. Нет. Даже наоборот — при травле крыс весьма полезно знать их повадки. Однако, совершенно бессмысленно высмеивать этих самых крыс в злобных демотиваторах. Отношение к ним должно быть спокойным, деловым и я бы сказал, технологичным. И тогда все получится. 2012

7.1.3. Сетевая революция. Самоорганизация против организации

На заре интернета было много разговоров о тех радикальных изменениях, которые он принесет в наш мир, в том, числе, в общественную и политическую жизнь. Писались многочисленные манифесты, проводились амбициозные конференции. Затем восторги утихли, так как, хотя интернет, все-таки, изменил нашу жизнь, на политике эти изменения почти не отразились. Однако, в последнее время политические обозреватели вновь заговорили о чудесах интернетов. Эти разговоры вызваны двумя связанными между собой явлениями — интернет-феноменом «социальных сетей» и применением этого феномена в ходе североафриканских и ближневосточных революций.

Обычно, когда говорят о применении «интернет-технологий», имеют в виду чисто техническую сторону дела и те возможности, которые она предоставляет. Например, политик или партия могут создать свой сайт, и любой желающий может им полюбоваться. Теоретически, если повезет, этот желающий мо-

жет даже «задать вопрос через интернет» и если совсем повезет, то он может даже получить на него ответ. Форумы, «гугл-группсы», «вики-процессы» помогают организовать обсуждение тех или иных вопросов и даже совместно разрабатывать документы. Интернет также упрощает финансирование политических кампаний. Рон Пол, будучи кандидатом в президенты в 2008, собрал за один день через интернет 4,2 миллиона долларов. Ну и, наконец, все слышали об электронной почте и кое-кто даже пользовался ею.

Это — одна сторона проблемы, именно ее имеют в виду сторонники различного рода электрических правительств, когда говорят о своей электрической демократии. Их идеал состоит в следующем: есть правительство, деятельность которого прозрачна и доступна через интернет и есть граждане, которые очень удобно, практически не выходя из дома, платят правительству налоги. Это типичный подход к технологическим изменениям, когда они рассматриваются, прежде всего, как способ упростить и улучшить уже существующие процедуры и практики.

Однако, бывает так, когда изменения в технологиях меняют саму суть происходящего. Похоже, что в нашем случае это именно так, — мы живем во время политической революции, революции в способе политического действия. Скажем так, в политической системе сейчас меняется «движок».

Интересно, что люди обычно замечают только наиболее очевидные стороны этого процесса. Например, совершенно правы те, кто говорит, что социальные сети облегчают правительству сбор данных об индивидах и, соответственно, облегчают контроль над отдельным человеком или ярко выраженной группой. Это обстоятельство действительно существует и оно, что называется, «бросается в глаза». Менее очевиден тот факт, что такой контроль, несмотря на то, что он еще может поломать жизнь не одному человеку, не способен больше решить поставленной задачи. Отдельные личности и организации уже перестали быть проблемой для государств, хотя разного рода спецслужбы, похоже, поймут это последними. Настоящей проблемой для государств становятся… проблемы государств.

Это связано с тем, что меняется сам способ политического действия. До недавнего времени субъектом политического действия была организация — партия, общественная организация, тайное общество, партячейка террористов. Организация актуализировала ту или иную проблему или группу проблем или идеологию (то есть, общий подход к решению проблем). Задачи и способы их решения тоже были разными для разных организаций, однако, всех их объединяли некоторые общие свойства. Главным свойством является то обстоятельство, что для актуализации и решения вопроса обычному человеку нужно либо взаимодействовать с уже существующими организациями, либо создавать свою. В любом случае, человек, решивший посвятить некото-

рое время решению волнующих его вопросов, вынужден был взаимодействовать с другими людьми в рамках иерархии (пусть даже незаметной с виду) и существующих в ней процедур. Именно тот факт, что иерархии и процедуры тоже зависят от людей, делает организации уязвимыми для манипуляций и контроля.

Каждый, кто когда-либо создавал организации, хорошо знает их недостатки. Организации, будучи однажды созданными, начинают жить своей жизнью. «Убить» организацию очень трудно, а часто практически невозможно. Внутри организации обязательно заводятся интриги, борьба за власть, появляются фюреры. В организации можно внедрить провокаторов, которые могут развалить ее, то есть, добиться того, что организация уже не будет бороться за провозглашенные ранее цели. В конце концов, можно запугать или просто физически устранить лидеров опасных для правительства организаций.

Однако, самый важный недостаток организаций — это явление, которое автор этих строк называет «бабушкизацией». Явление бабушкизации хорошо заметно на примере политических партий, в частности, украинских. Оно начинается тогда, когда кто-нибудь задает вопрос о бабушках. Вопрос этот обычно звучит как «а что подумают об этом бабушки» или «все это правильно, но бабушки за это не проголосуют». Если тут же немедленно публично не повесить того, кто задал этот вопрос, то с момента его произнесения в партии начинаются необратимые изменения (бабушкиза-

ция), которые неизбежно приводят к ее полной деградации и исчезновению с рынка. Если же повесить такого человека сразу, то необратимые изменения все равно наступают (яд бабушкизации быстро проникает в мозг), но несколько позже. Интересно, что радикализм — это тоже бабушкизация, но только в «обратную сторону».

В общем, на практике это означает, что практические вопросы, вокруг которых возникают организации, благодаря самой специфике организаций, со временем искажаются, мифологизируются и поддаются манипулированию. В мире политических организаций мальчик из сказки Андерсена не может просто так сказать «а король-то голый!». Его не услышат. Чтобы быть услышанным, ему придется создавать организацию. Ну, а затем, начнутся ученые диспуты с властями на тему «что такое голый и не кажется ли это нам».

Существование интернета, как я уже сказал, приводит к тому, что проблемами государств становятся проблемы государств, а не люди и организации, задающие неправильные вопросы. Происходит это потому, что вроде бы заговоренная до дыр и абсолютно мифологизированная проблема, благодаря интернету вдруг может возникнуть из пепла во всей своей красе и снова начать жечь глаголом. Так уже случилось, например, с вопросами государственных финансов, банковской и денежной системы. Вытесненная было на политический маргинес и отданная в руки людей с репутацией городских сумасшедших, критика существующих

порядков в этой сфере вдруг превратилась (если говорить о развитых странах) в политическую программу, поддерживаемую множеством людей.

Интернет можно рассматривать как набор стихийно возникающих и исчезающих порядков разной степени сложности и «проявленности». Это те же самые организации, только значительно сложнее. Сразу скажу, что я не против традиционных организаций, как таковых, они, конечно же, будут, и будут играть полезную роль. В данном случае, я говорю о том, что существование интернета позволяет мальчику сказать то, что он видит, а буде он неосторожно вступит в ученый диспут с властями, то всегда найдется другой мальчик. И самое важное, что невозможно предсказать, откуда, как и каким образом он появится и что именно будет делать. Точно так же невозможно предсказать, как поведут себя все остальные. Эти особенности интернета проявились после появления социальных сетей. Подобно тому, как право институционализирует деятельность на рынке, социальная сеть институционализирует деятельность в интернете, то есть, придает ей новое качество, позволяющее лучше достигать своих целей.

В итоге, мы видим, как старые схемы работы государства теряют свою эффективность. Например, правительственная пропаганда в интернете просто невозможна. Она смешна и неэффективна. Мы видим, как «money bomb» Рона Пола разрушила еще одну привычную и эффективную тактику — тактику замалчивания. После успеха кампании Пола по сбору средств через

интернет и обращений к избирателям через YouTube, мейнстримные СМИ уже не могли игнорировать его.

Правда, пока что мы находимся в самом начале революционного процесса. Многие пока не осознают изменений. Например, украинцы упорно тянут в интернет свое любимое фюрерство, пытаясь создавать все те же организации, но «на базе интернета». И, конечно же, никакой интернет волшебным образом не заменит отсутствие содержания. Да, с помощью интернета можно преодолеть игнорирование официальных СМИ. Однако, для этого, все-таки, нужно сначала быть Роном Полом, иметь твердые убеждения и опыт конгрессмена. 2012

7.1.4. К истории украинцев

9 мая — очень хорошая иллюстрация одной интересной проблемы, о которой я хочу немного поговорить в этой колонке. Это проблема «государствоцентричности» истории. С тех пор, как в России началось возрождение авторитаризма, 9 мая превратилось в главный авторитарный праздник. И с тех пор дело выглядит так, что «дедывоевали» только у наших северных соседей, а вы здесь непонятно кто, и еще надо бы разобраться, за кого вы там были. Сразу скажу, что я не претендую на лавры воевавших дедов, мне, в общем, все равно, кто за кого воевал 70 лет назад, особенно, в ситуации, когда, как говорится «оба хуже». В данном случае я хочу сказать о том, что все, кто у нас в Укра-

ине пытается как-то поучаствовать в «великой победе» выглядят довольно жалко и неубедительно, как люди, пытающиеся примазаться к чужой славе.

Между тем, исторически именно Украина была главным полем битвы на восточном фронте Второй мировой. Для украинцев она началась в 1939, когда СССР, будучи союзником Германии, откусил у Польши часть нынешней Западной Украины. Потом нацисты гнали большевиков, а после — большевики нацистов. И все это происходило здесь у нас. Почему же тогда люди, дольше всех участвовавшие в исторических событиях и понесшие наибольшие жертвы, не считаются их главными участниками? Вот тут и вылезает «государствоцентричность» истории. Воевал у нас СССР, а Россия считает себя его преемницей. И пусть все это «преемничество» состоит из сплошного фейка, как псевдогеоргиевская ленточка, но российские люди в это верят и готовы с пеной у рта доказывать, что именно они вместе с Путиным победили фашизм.

Все очень просто. Украины во Второй мировой не было. А СССР был. А теперь Россия вместо него. То есть, получается так, что без «украины», то есть, без государства, подвиги и страдания огромного количества людей имеют значение лишь в контексте истории другого государства. Получается, что государство легитимизирует народ, легитимизирует людей и их историю. Без него они ничто.

Это неудивительно, ибо история, к которой мы привыкли, возникла как развлечение и поучение для государей (Плутарх писал о греческих царях), а потом превратилась в средство пропаганды для государств. Подход «жили тут какие-то, но у них не было государства» (то есть, они были неполноценными) вы встретите повсеместно, и не только в бытовой версии исторической науки. Почему регулярное налогообложение на некоторой территории (то есть, государство) придает большую значимость одним группам людей по сравнению с другими совершенно непонятно, но это факт.

Собственно, историю народов, то есть людей, связанных какими-то постоянными отношениями, профессионально начали изучать сравнительно недавно. Но, конечно же, это направление не является главным. Форумные бойцы ничего не слышали, скажем, о Михаиле Ростовцеве и его исследованиях экономики древнего Рима. Оно, как говорится, им не надо в их священной борьбе. Когда они говорят о древнем Риме, они говорят об императорах, а не об экономике (то есть, о людях и их деятельности).

Если посмотреть на нас с государствоцентрической точки зрения, то это будет какой-то… ужас. Это будет история предательств, слабоволия и коррупции. Что будут изучать в рамках такой истории наши внуки? Смену президентов, каждый из которых умудрялся стать хуже предыдущего? Коррупционные схемы? Роль Газпрома в украинской политике?

Между тем, в новейшей истории украинцев, а не государства, обосновавшегося у них на голове, есть события, которыми можно и нужно гордиться. Чего стоят, например, два результативных Майдана. Все «достижения, которыми можно по праву гордиться» связаны с деятельностью людей, часто вопреки тому же государству.

В общем, все это опять к тому, что победить можно только превратив недостатки в преимущества. 9 мая наглядно иллюстрирует тот факт, что если мы будем думать в категориях «истории Украины», то мы обречены на роль декораций в чужих спектаклях. Если же в противовес государствоцентризму ставить человекоцентризм, историю связей между людьми, создаваемых ими институтов и социальных феноменов, то картина получится совсем другая. «История Украины» неизбежно раскалывает нас на «хороших» и «плохих», в зависимости от мнения текущей власти в государстве. «История украинцев» наоборот, включает всех — и Шевченко и Гоголя и Сикорского и того же Ростовцева, который тоже наш земляк. И я сильно преувеличил, сказав о превращении недостатков в преимущества. Речь нужно вести, скорее, о том, чтобы увидеть преимущество, которое у нас уже есть, и воспользоваться им. Это преимущество реальности социума перед химерой государства, преимущество свободы перед рабством. Осталось только его заметить.

2013

7.1.5. Слово и дело

Как бы ни развивались дальнейшие события, нынешнее «перемирие» стало некой точкой, отделяющей «вчера» от «сегодня», точкой, от которой можно вести отчет и которая дает повод подводить некоторые итоги. Собственно, итог, о котором я хочу сказать, более чем очевиден — система не только выжила после Майдана, но и укрепилась и расширилась. Никто из чиновников не наказан, лишь самые заметные из них находятся в бегах, остальные же снова сидят у Шустера и баллотируются в депутаты. Никаких «открытых списков» не появилось, а сами партийные списки, какой ни возьми — сплошные цыгане с медведями. Не остановились даже «схемы» и примитивная, я бы даже сказал, наглая и вызывающая коррупция. Вот пишут, например, что волонтерам войсковые аптечки обходятся в 300 гривен, а министерству обороны — в 700. И ничего. Все нормально.

Конечно, украинские чиновники должны поставить Владимиру Владимировичу Путину бронзовый конный памятник. Начатая им война значительно облегчила чиновникам не только сохранение системы, но помогла им сохраниться в системе и сделать большой задел на будущее. Но дело тут не только и даже не столько в войне. Дело в выборе людей и в их действиях. Война лишь корректирует этот выбор.

Проблему, о которой я говорю, можно описать как «слово и дело». Вот два примера. Первый. Человек,

считающий себя либералом, во всяком случае, человеком «прогрессивных взглядов». Он полагает, что будущее — за самоорганизацией. Был на Майдане, сейчас волонтерит или шлет смски «на армию». При этом поддерживает цензуру (время сейчас такое), усиление регулирования экономики (надо спасать бюджет), рассказывает, что нельзя забирать деньги из банков, «иначе все рухнет» и так далее и тому подобное. В результате — рост государства не встречает с его стороны никакого сопротивления.

Второй пример — некий советский служащий. Он верит в коммунизм, верит в твердую руку, порядок и государство. Он даже уверен, что живет и действует ради этих целей. Однако, при этом, в повседневной жизни он пользуется «системой блата и спекуляции». Причина очевидна — иначе у него не будет неких важных для жизни предметов, он не сможет «устроить» сына в престижный ВУЗ, купить машину или «получить» квартиру. То есть, Советским Союзом этот человек не пользуется, хотя выступает на комсомольских собраниях и горячо спорит на кухне о методах совершенствования советской торговли. В реальной жизни этот человек использует альтернативные Советскому Союзу системы. В итоге, Советский Союз умирает. **Подчеркну — он умирает, потому, что им перестали пользоваться, а не от того, что все вдруг стали антикоммунистами, и даже не от того, что упали цены на нефть**.

Так вот. Проблема, о которой я говорю, состоит в том, что разнообразные мысли и слова, производимые по поводу целей, к которым стремятся люди, не имеют для существования институтов, которые они используют, никакого значения. Имеют значение только действия (или бездействие).

Если «революционер и патриот» использует и укрепляет огосударствленные институты, то именно они, а не некая желанная им «самоорганизация», процветают. И, наоборот, если верящий в коммунизм, порядок и тому подобное, не пользуется этим коммунизмом, а пользуется антисоветской системой блата и спекуляции, то коммунизму наступает хана. Первый хочет самоорганизации и чтобы все было как в Европе, но в результате его деятельности наступает огосударствление, тирания и хаос, второй хочет коммунизма и побольше, но благодаря ему этот коммунизм разваливается. «Слово» не важно, важно «дело». При этом, речь идет, конечно не о банальном «несоответствии слова и дела», не о «нарушенном слове» и тому подобных явлениях, в которых фигурируют вполне осознанные обещания и цели. Речь идет об очень сложном явлении, именуемом «спонтанные порядки», о том, что можно назвать «способом жизни» общества. Речь о тех реальных порядках человеческого взаимодействия, которые складываются в результате действий множества незнакомых друг с другом людей, порядках устойчивых и переменчивых, видимых и невидимых, то есть, тех, о существовании которых даже не подозревают их

участники (таковых, видимо, большинство). Абстракции, которые как-то описывают это явление, вы найдете скорее в кибернетике, чем в социологии.

О спонтанном порядке можно твердо сказать одно — им невозможно управлять. Зато вполне возможно управлять своим собственным поведением, каковое и формирует, в итоге, спонтанные порядки. И это очень важный момент. Это обратная сторона нашей проблемы «слово и дело», сторона, где слово (мысль, убеждение) определяет дело. Простой пример из той же серии. Люди, развалившие помимо своей воли Советский Союз, не перестали верить в государство и его твердую руку, и потому, они в своей дальнейшей деятельности пользовались государством (да, конечно, это не то, что было, но уж какое есть), вырастили его, посадили себе на голову и теперь удивляются тому, что происходит.

В общем, все это к тому, что только ваш выбор определяет то, что будет. Если вы верите в будущее самоорганизации, но посылаете смски «на армию», вы не только с очень большой вероятностью не поможете армии, но и ослабите самоорганизацию и усилите государственного монстра. Зато, если вы собираете деньги на конкретные нужды конкретных бойцов и подразделений, они получают вашу поддержку, государственный монстр усыхает, а самоорганизация развивается, вне зависимости от того, стремитесь вы к ней или нет.

2014

7.1.6. Почему победил Майдан или О настоящем единстве

Наблюдая за прогрессивной общественностью, в который раз убеждаюсь, что некоторых жизнь, что называется, ничему не учит. Хотя, конечно, правильнее было бы сказать, что как раз учит, только вот увидеть урок в очевидной последовательности фактов удается далеко не каждому.

Судите сами. После парламентских выборов и, особенно, после первых решений «новой» власти, которые почему-то многих удивили, прогрессивная общественность начала говорить о том, что «опять ничего не получилось» и «что-то пошло не так». И, как обычно в такой ситуации, с новой силой возобновился процесс под общим лозунгом «все хорошие люди должны объединиться, чтобы победить всех плохих людей». Публика опять посещает сходбища, где пытается договориться между собой обо всем на свете. Интернет снова полон умозаключениями типа «сначала необходимо договориться, какую Украину мы хотим» и призывами друг к другу к «единству», которое, конечно же, «необходимо сейчас, как никогда». Снова рисуются красивые картинки и умные графики, в общем, пикейные жилеты опять при деле и опять на коне. Между тем, перед глазами этих людей живой пример того, как неподъемная, вроде бы, цель была достигнута совсем другим, я бы сказал, противоположным образом. Я имею в виду Майдан и изгнание Януковича. Собственно, Янукович

и был изгнан только потому, что эта цель была фактически единственной, которая объединила усилия (а не слова) всех участников событий. Я полностью убежден в том, что если бы каким-то образом дела пошли так, что Майдан ассоциировался бы с двумя или тремя целями, наличие которых признавали бы все, он бы потерпел фиаско. Если бы Майдан был делом только «Свободы» или «Батькивщины» (а они делали все для того, чтобы люди так считали), он бы не простоял и недели. Но случилось так, что никто не обладал монополией на идеологию и формулирование целей (вспомните смешные потуги избрать майдановское начальство), и именно это принесло успех.

Работает это следующим образом. Все цели, к которым мы стремимся, расположены для нас в иерархическом порядке, мы выбираем более важные и откладываем менее важные, поскольку наши ресурсы всегда ограничены. Понятно, что такую иерархию представить в виде некоего списка могут только самые занудные из нас (и далеко не всегда этот список покажет реальные приоритеты), но он есть у каждого. Что объединяет усилия людей, когда они пытаются совместно достичь неких заранее провозглашенных целей? Наличие общих пунктов в иерархиях целей. При этом крайне важно, что в иерархии каждого эти пункты могут занимать разное место. Один, например, хочет величия Украины, запрета абортов, чтобы все разговаривали только по-украински и отставки Януковича. Другой хочет Европейского союза, отставки Януко-

вича, новый айфон и чтобы нигде никогда не было наружной рекламы. Их иерархии целей совпадают только в одном пункте — отставке Януковича причем, внутри иерархии каждого эта цель на разных ступенях важности. В итоге, они оба оказываются на Майдане. Если же по каким-то причинам Майдан ассоциируется с двумя целями — например, отставкой Януковича и Европейским союзом, первый герой, возможно, не пойдет на Майдан.

Кстати, как вы, наверное, уже догадались, это одна из причин, по которой на выборах всегда побеждают не самые лучшие, а точнее, самые худшие, ибо, увы, больше всего совпадений у людей во всяких глупостях и невежествах.

Объединяет только концентрация на одной цели. Чем больше пунктов в вашей программе, тем меньше у вас союзников. Это, кстати, хорошо знали комсомольцы. Помню, как на заре перестройки, когда советские люди с головой окунулись в общественную жизнь, коммунисты выпустили вместо себя в народ комсомольцев. Те были, как бы, молодые и прогрессивные, и где-то даже оппозиционные. Поэтому, поначалу их пускали на всякие сходки и даже давали слово. Так вот, комсомольцы всегда использовали тактику «а давайте еще здесь запишем пунктик или два». Вполне невинные обычно пунктики. Но вот как-то после их появления «движуха» обычно сворачивалась сама собой. Не знаю, учили ли их этому специально или это просто необходимый навык выживания в жестоком мире

комсомола, но получалось у них это хорошо. Поэтому, когда вы слышите что-нибудь в духе, «давайте определимся, какую Украину мы хотим», знайте, что дела здесь никогда не будет. Будет партия или ГО. Кто-то из них даже может в парламент пройдет, но вот того, что
2014 написано в их подробной программе, не будет никогда.

7.1.7. Идея, которая объединит всех

Где-то через год после оранжевой революции многим вдруг стало ясно, что «надо что-то делать», поскольку Виктор Андреевич как-то совсем не оправдывал надежд, а опыт Майдана явно показывал, что мы таки можем, если захотим. Тогда повсеместно возникали «кружки», занятые поисками ответа на вопрос «что делать?» Эта деятельность особенно оживилась во время первого года кризиса, когда к политическим активистам добавились разного рода пострадальцы от экономических негараздов. Победа Януковича придала народному делу новый импульс, переживание «надо что-то делать» стало еще острее.

Автор этих строк некоторое время потратил на участие в подобного рода проектах, а сейчас я периодически отслеживаю наиболее интересующие меня движения. Если оставить в стороне конторы, изначально ориентированные на конфликт и раскол, то есть разного рода националистов, «русскомирцев», коммунистов и тому подобных, то у большинства остальных наблюдается одна интересная закономерность. Рано или позд-

но возникает вопрос о программе действий. На этом этапе сразу начинаются споры о том, каково должно быть содержание такой программы, а именно, возникает извечная проблема «бабушкизации»: участники движения понимают, что для того, чтобы стало хорошо, делать нужно «непопулярные» вещи, за которые «бабушки не проголосуют». Как правило, на этом все и заканчивается, но наиболее упорные пытаются двигаться дальше, и здесь и проявляется закономерность, о которой я хочу сказать, причем, это закономерность сугубо теоретического характера.

Итак, чем более настойчивыми являются участники движения в своем стремлении принести счастье в каждый дом, тем в большей степени они начинают осознавать такую вещь. Для того, чтобы реализовать их смелые и полезные начинания, им нужно пройти в парламент. Мало того, им нужно иметь там большинство, желательно конституционное. И одного парламента будет мало. Нужен еще и «собственный» президент. То есть, возникает четкое понимание того, что их программа должна быть такой, чтобы за нее «на ура» проголосовали все люди доброй воли. Многие так и говорят: «нам нужно найти идею, которая объединит всех». Под «всеми» подразумеваются действительно все, за исключением разных там асоциальных и злодейски ориентированных типов, которых, как нам известно из биологии, среди нас незначительное меньшинство.

В общем, дальше начинается поиск этой самой «идеи, которая объединит всех». И вот что интересно. Чем дальше продвигается этот поиск, тем больше от группы откалывается сторонников и в итоге остается два-три человека, которые уныло копошатся в уточнении формулировок. Выживают только те движения, которые даже не пытаются понравиться всем.

Это и есть та самая закономерность. Дело в том, что «идея, которая объединит всех», действительно существует. Точнее, эта идея уже давно всех объединила и благодаря ей и существует то, что называется «обществом». Ее можно сформулировать примерно так: «это я, а это — мое, не лезьте ко мне и я вас не трону». Можно сформулировать ее и в виде формулы «агрессия запрещена», а также становятся ясны многочисленные производные, вроде «любое ненасильственное взаимодействие законно». Это та идея, а точнее, вывод из многовековых практик, которые и создали общество, то есть систему отношений, которая позволяет людям мирно сосуществовать, приносить пользу друг другу и даже устроить среди себя небольшой научно-технический прогресс. Это то, что объединяет всех, поскольку каждый против того, чтобы его убили или ограбили и вообще против того, чтобы лезли в его жизнь без спроса. Разные общества или «страны» как раз и отличаются в том, насколько этой идее не мешают реализовываться всевозможные доброхоты, и, как правило, лучше живется в тех, где мешают меньше.

Если бы хоть одна группа искателей «идеи, объединяющей всех», додумала бы ее до конца, она бы убедилась в том, что поддержание этой идеи не нуждается в той деятельности, которой они собираются заняться. Именно приближение, извините за выражение, когнитивного диссонанса, ощущение того, что «здесь что-то не так» разваливает подобные группы по мере их поиска цели, которая всех объединит. Додумав до конца, они увидят, что избраться в парламент с идеей «мы больше не будем лезть в вашу жизнь» не выйдет. Ситуация явно абсурдна. И ее абсурдность, кстати, делает ясным как день тот факт, что парламент не для того там стоит. 2013

7.1.8. Нам надо выпить

Знакомые и незнакомые люди часто говорят мне одну и ту же вещь. Мол, ты тут пишешь, объясняешь, как все плохо и почему, а что ты, дескать, позитивного предлагаешь? Знаешь ли ты сам, что делать нужно? Отвечаю — конечно знаю, только вам не скажу (доля шутки). Просто позитивные программы уж очень сильно выходят за рамки, в которых я работаю. В «Популярной вирусологии» не расскажешь о том, как нам быть, да и вообще, наши СМИ категорически не приспособлены к этому. Когда человек начинает выступать с позитивной программой, ни одна скотина не поверит в то, что это он сам по себе такой хороший, все сразу начнут вычислять, «от кого он стоит», а СМИ немедленно потребуют от него денег «за политику и ПЕАР».

Я все-таки предпочитаю ситуацию, когда не я плачу СМИ, а СМИ платят мне, тем более, что для меня это единственный источник дохода.

Тем не менее, в рамках наших постоянных разговоров, попробую очень просто сформулировать свой рецепт. Для разных там критиков сразу скажу, что это мой рецепт, с акцентом на слово «мой». Он может быть правильным или нет, но проверить это может только практика.

Агрессивное одиночество

Итак, собственно, в чем проблема, и с какой хворобой нам придется иметь дело при изготовлении рецепта? Хвороба — в наших людях, тех привычках, стереотипах, менталитете, национальном характере и национальной мечте (желающие могут продолжить ряд), которые мешают нам жить всем вместе на одной территории. По отдельности украинцы всегда молодцы. Особенно за пределами Украины, подальше от соотечественников. Они там добиваются успеха, а дома потом о них слагают легенды «вот, смотрите, это же наши!» Ну да, ну да, — это «ваши». Только где бы они были, если бы остались тут с вами — сожрали бы вы их. В общем — беда. Вместе жить не можем.

Следующий вопрос. Как называется та штука, которая, собственно, мешает нам жить? На самом деле, это непростая задача. Нужно выбрать из очень и очень

многих определений, выбрать главное качество, для которого все прочие были бы производными.

Попробую пояснить свой выбор на примерах. В нашей жизни встречаются как будто специально отведенные места, по которым очень легко и просто судить о национальном характере. Обычно эти «места» связаны с достаточно экстремальными проявлениями общественной жизни. Вот, к примеру, автомобиль. Вещь исключительно экстремальная, потому что будучи совсем еще недавно «не роскошью, а средством передвижения», сегодня он превратился в достаточно доступный для среднего украинца предмет. Но, при этом, автомобиль до сих пор является символом престижа. Эта двойственность — доступность и престижность — и порождает то крайне удобное для исследования пограничное состояние, в котором в наибольшей степени раскрывается национальный характер. Так вот, о чем ярче всего говорит нам украинский автомобиль? Какой диагноз ставит он нации? Судите сами. Автомобилей, несмотря на кризис, продается много. В Киеве давно невозможно ездить из-за пробок, но это не останавливает украинца. Он ведь покупает автомобиль не для удобства. Он покупает его из других соображений. Каких?

Однажды автор этих строк совершил небольшую автомобильную прогулку вдоль киевского моря. Я был поражен обилием дорогих иномарок, стоящих чуть ли не по крышу в мусоре, который, видимо по привычке, еще считается лесом. При этом из каждой иномар-

ки, создавая максимальное неудобство для окружающих, громыхало то, что некоторые принимают за музыку. Лично я не представляю, как можно **отдыхать** в таких условиях. Но они отдыхают, назло врагам и несмотря ни на что. Украинцы, как видим, существуют друг для друга лишь как «среда», которая должна оценить «крутизну» каждого отдельного украинца. Поэтому они едут отдыхать на мусорку на своих дорогих джипах, скапливаются там в огромном количестве и старательно друг друга не замечают, оглушая разной звуковой дрянью. Когда они едут по дороге — на «отдых» и обратно, — они не могут не врезаться друг в друга, ведь украинцы не способны соблюдать правила, потому что правила предполагают **равенство** перед ними. Но я не могу быть равным, ведь у меня же такая тачка… (после аварии)… А, вы говорите, тут что-то ехало? Вот **это** ехало? На **такой** машине? Риск для жизни — своей и окружающих — значит куда меньше, чем собственная «крутизна». Как вы думаете, сколько аварий я встретил на отрезке около 30 километров? Отвечаю — шесть. И это в середине дня, когда пьяных водителей еще не так много.

Второй пример. Когда прошлой осенью и зимой начали возникать новые «активности» напуганных кризисом украинцев, я достаточно внимательно следил за ними, именно с целью выяснить, насколько они действительно новы. Скажу больше, я даже сходил на пару собраний активистов. И вот, что я вам скажу. Люди, которые до того не имели никакого опыта политиче-

ской деятельности и которые, по идее, не должны были быть заражены болячками нашего политикума, мало чем отличались от «юли» или «яныка». Помню, как-то обсуждали участие одной конторы в какой-то совместной акции с другими конторами. В ходе обсуждения присутствующие более всего были озабочены тем, что организаторы получат ПЕАР, **за наш счет**, а не тем, насколько вообще совпадают требования организаторов с требованиями остальных участников акции.

В общем, мой вывод находится в названии этой главки. Это — агрессивное одиночество.

Пьянство — бой

Причина этого агрессивного одиночества — это страх. Страх чужого. Украинцы боятся друг друга. Именно по этой причине они ходят с такими злобными рожами по улице. Именно поэтому они неспособны объединяться. Именно поэтому они доверяют государству больше, чем друг другу и это доверие к столь, казалось бы, нелюбимой «власти», только возрастает. Именно поэтому они так жаждут «твердой руки», которая бы, наконец-то, что-то сделала с ними самими и выдуманными ими врагами. Страх заставляет украинцев бороться за статус, покупать дорогие «тачки» и «отдыхать» на мусорке, отвоевывая свое личное пространство громкими звуками. Агрессивное одиночество, агрессивное игнорирование существования друг друга имеет причиной страх.

Поэтому мой рецепт прост. Первое лекарство от страха — это информация. Это сведения о **других** и, как следствие, выяснение того факта, что они, возможно, мало чем отличаются от тебя. Эту задачу решает **знакомство**. Знакомство невозможно без **общего дела**, или хотя бы имитации общего дела, создания необычных, экстремальных условий, в которых чужой может проявить себя и показать, что он «свой». Заметим, что традиция совместного пьянства, как способа познакомиться, решает именно эту задачу — имитацию общего дела. Алкоголь неизбежно изменяет ощущение реальности человека, он оказывается в экстремальной ситуации с незнакомыми людьми, он проходит своего рода ритуал, проверку на способность быть **своим**. Не знаю, как сейчас, но еще недавно у наиболее хрестоматийных носителей нашего менталитета — чиновников мелкой и средней руки, знакомство «по пьянке» было обязательным и «свойство» часто определялось именно количеством совместно выпитого.

Разумеется, вся страна не может сесть и забухать друг с другом. Впрочем, это и не нужно. Гораздо важнее общее дело. Общее дело, как способ наконец-то **познакомиться** и попытаться начать доверять друг другу.

Поэтому я и говорю — кондоминиумы, территориальные громады, ликвидация ЖЭКов….

2009

7.1.9. Партия предпринимателей — опять ничего не получится

Две статьи о том, чего точно делать нельзя

Одной из идей, которая постоянно озвучивалась на предпринимательском Майдане, была идея «партии предпринимателей». Мысль довольно проста — раз интересы мелкого бизнеса никто не защищает «во власти», этим пользуются злые люди для того, чтобы угнетать этот самый бизнес.

Вполне вероятно, что такая партия будет создана. Вполне вероятно, что она даже может пользоваться некоторое время поддержкой, и может попасть в парламент. Но вот то, что эта партия окажется способной «защищать интересы малого бизнеса» практически невероятно.

На самом деле, идея создания «партии предпринимателей» возникла сразу же, как только появились предприниматели. В наших Палестинах они всегда были двух видов. Первый — это ловкие приватизаторы, использующие бывшее госимущество, связи в государстве и т.п. Второй тип — это люди, начинавшие свой бизнес с нуля, которым, возможно, просто не досталось, что приватизировать. Что интересно, идея партии и вообще участия в политике всегда больше поддерживалась первым типом.

Автор этих строк потратил некоторую часть своей жизни, занимаясь, в том числе, и попытками уговорить предпринимателей объединяться в политические структуры. Предприниматели всегда говорили, что они «не хотят лезть в политику». Между тем, условия ведения бизнеса постоянно ухудшались, а аппетиты государства постоянно росли. Условия бизнеса «кооператоров» конца 80-х и нынешнего малого бизнеса не идут ни в какое сравнение, но партии за это время так и не возникло. Почему?

Раньше мне казалось, что предприниматели «не дозрели», не понимают собственных интересов и т.п. Теперь я понимаю, что в условиях Украины они действуют весьма разумно и рационально. Политическая партия — это последнее, что нужно нашему предпринимателю.

Здесь я хочу быть правильно понятым. Я — за то, чтобы никто не мешал заниматься бизнесом, в конце концов, только бизнес создает национальное богатство. Я вообще против какого бы то ни было вмешательства государства, и, наконец, я за то, чтобы бизнес имел бы инструменты для адекватного ответа на любое вмешательство. Моя позиция состоит лишь в том, что я сильно сомневаюсь, что партия является таким инструментом. Эта позиция обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, у такой партии нет и не может быть общей позитивной программы. Что такое партийная

программа? Это набор мер, которые должно осуществить государство, чтобы по мнению партии, всем стало хорошо. В деятельности крупного бизнеса постоянно встречается государственное регулирование — в виде налогов, тарифов, акцизов, банковских ставок, условий деятельности фонодового рынка и т.п. Поэтому для крупного бизнеса участие в этих благородных занятиях является критичным. Крупный бизнес так или иначе присутствует в большинстве наших партий. Мелкий бизнес сталкивается с государством, в основном, при уплате налогов и проверках. Общему позитивному интересу здесь просто негде возникнуть. Какой может быть общая программа малого бизнеса? Правильно — чтобы нас не трогали. Но это не позитивная, а реактивная программа, она не может объединять на постоянной основе.

Во-вторых, для малого бизнеса особенно актуален тот факт, что коррупция имеет персонифицированную форму. То есть, попросту говоря, в большинстве случаев чиновникам законы не писаны. Казалось бы, есть смысл бороться за «законодательное урегулирование» деятельности всякого рода паразитов в виде «контролирующих органов». Однако, практика показывает, что эти органы часто игнорируют всяческие нормативные улучшения, добытые в тяжелой борьбе. Нет смысла участвовать в деятельности партии, если она не гарантирует постоянной защиты от нападений чиновников.

В-третьих, люди всегда руководствуются в своем выборе простой формулой «издержки против прибылей». Пока чиновники берут взятки, проще «решить вопрос» с ними в индивидуальном порядке, чем устраивать политические выступления.

В-четвертых, за последнее время государство прибрало к рукам политические партии. Это сделано, в частности, через законодательство о регистрации партий. Простое содержание партии обходится в копеечку. Процесс регистрации требует серьезных усилий, кроме того, он всегда может быть заблокирован, если Минюст получит соответствующую «команду». Есть еще один удивительный момент, связанный с тем, что Минюст заставляет все партии писать свои уставы под копирку. При этом за образец берется идея «демократического централизма» и прочих достижений партийного строительства времен КПСС. Это означает, что если предприниматели изобретут форму организации, отличающуюся от шаблона, Минюст будет вставлять им палки в колеса.

В-пятых, партия — это аппарат. Если учесть, что партия мелкого бизнеса может финансироваться только небольшими взносами большого числа людей, то становится понятно, что роль аппарата в такой партии значительно выше, чем обычно. В итоге, особенно в условиях отсутствия четкой идеологической программы, аппарат довольно быстро захватит власть в такой партии.

В-шестых и в самых главных. В Украине государственные должности и вообще «участие во власти» рассматривается как источник дохода. Автор наблюдал сотни историй перерождения благородных оппозиционеров в продажных функционеров. Однако, дело не столько в том, что кто-то, получив должность, «изменит идеалам». Самое страшное, что поскольку бизнес и власть в нашей стране суть одно и то же, то деятельность именно этих, оказавшихся у власти людей, со временем будет определять деятельность всей партии. К ним пойдут решать вопросы «свои» и через некоторое время партия малого бизнеса станет просто еще одним коррупционным инструментом. Замечу, что та же самая причина порождает роковую болезнь украинского политикума — фюрерство. Предприниматели поступали абсолютно правильно, когда отказывались от опеки любого политика или партии. Создав свою партию, они неизбежно получат фюрера и все связанные с его существованием прелести, которых они так хотели избежать.

Предпринимательский Майдан показал, что самым эффективным способом является самоорганизованное стихийное давление на государство. При этом, у акции должна быть только одна, четко сформулированная цель. Как только начинается «отставка Януковича, закрытие оффшоров и референдум», дело заканчивается поражением. 2010

7.1.10. Популярная вирусология. Путь Доброго Царя

Жизнь — такая штука, которая не перестает меня удивлять. К примеру, мне, «выходцу» из СССР, тамошние реалии намертво отбили всякое желание даже обсуждать тему Доброго Царя и той пользы, которая, как говорят, от него бывает. Я при таком царе жил и ни за что бы не вернулся обратно, даже несмотря на кризис. Но что я вижу? Я вижу, а точнее, слышу массовый народный вполь «приди и правь нами!». И это меня удивляет, причем настолько сильно, что вместо того, чтобы писать о вещах важных, необходимых и интересных, я вот пишу сейчас о такой бессусветной глупости, каковой, по моему мнению, является идея Доброго Царя.

Не буду никого упрекать в том, что Добрый Царь произрастает из желания снять с себя ответственность, эти разговоры, как я понимаю, малопродуктивны. Да и чего там — каждый из нас не против иметь такого себе Доброго Царя, который, подобно Супермену, решает наши проблемы. Или, хотя бы, делает так, чтобы мы не ныли и не говорили, что «кругом бардак». Я и сам могу помечтать на эту тему, но, скажу вам честно, в Деда Мороза я верю больше.

Кто такой Добрый Царь?

Для начала определимся, о чем мы, собственно, говорим. Добрый Царь, Сильная Рука (почему-то всегда

хочется добавить — «друг индейца»), Усиление Полномочий Президента, Усиление Исполнительной Власти, а также их подруга Отмена Политреформы — это все, разные имена одного и того же явления. Суть его состоит в том, что некто наделятся властью и имеет право **поступать по своему усмотрению**. Об этом явлении мы и будем говорить ниже.

Сразу отметим разницу между Добрым Царем и другим персонажем, который зовется Эффективностью Управления. Эффективность означает «достигаю поставленной цели в условиях ограниченных ресурсов с минимальными издержками». Эффективность существует, как правило, там, где цели, средства и ресурсы определены максимально четко. Впрочем, это не означает, что Добрый Царь не может поступать эффективно. Может. Просто нужно с самого начала определиться, с каким типом управления мы имеем дело.

Добрые Цари уже правят миром

Эту короткую главку я включил специально для того, чтобы акцентировать внимание вот на каком факте — таки да, большинство народов уже предпочло Добрых Царей любому другому виду управления. Если мы посмотрим на политическую карту мира, то увидим, что в подавляющем большинстве государств сидят именно такие добрые цари, которые изо всех сил любят свой народ. Правда множество государств с Добрым Царем почти не пересекается с множеством про-

цветающих и стабильных государств. Пересечения эти настолько редки, что заставляют задуматься. Впрочем, я понимаю, что чужой опыт никому не указ, и потому, с упорством, достойным лучшего применения, буду рассуждать дальше. Собственно, целью этих рассуждений являются некие виртуальные грабли. Мне кажется, что перед тем, как наступить на настоящие грабли, не лишне было бы попробовать это сделать виртуально. Хотя, может я и ошибаюсь.

Три вопроса по теме

Давайте отойдем от вещей абстрактных (хоть я и считаю, что держится все именно на них), давайте забудем о всяких там «правах», «достоинстве» и прочей «романтике» и порассуждаем о предмете рационально. То есть, порассуждаем на тему не просто «вероятности диктатуры», — таковая вероятность существует всегда, — а подумаем, **какие условия должны быть выполнены, чтобы от нее была польза. Ведь люди желают не просто диктатора, а диктатора «правильного», который бы все и всех вылечил**. Для удобства будем считать, что во всех прочих местах, где уже завелись Добрые Цари, они не правильны.

Давайте разобьем проблему на несколько вопросов. Предлагаю ответить на такие вопросы: откуда возьмется Добрый Царь? Что он будет (должен) делать? И во-

прос, звучащий для некоторых несколько странно — чем он будет делать то, что должен.

Что?

Начнем с того, что должен делать Добрый Царь, чтобы было хорошо. Ответов здесь нет. Навести порядок — это не ответ. Я вот сейчас сижу в окружении, которое иным трудолюбивым женщинам показалось бы сущим бардаком. Но я в нем прекрасно ориентируюсь, и этот «бардак» для меня куда удобнее ситуации, когда «все стоит на своих местах». То есть, разными бывают не только представления о порядке, но и его функциональность. Впрочем, я даже готов согласиться с тем, что кто-то придет и скажет: тут, тут и тут твой порядок нужно изменить ради Общего Блага. ОК. Допустим, мне нравится Общее Благо и я готов на жертвы. Вопрос, правда, состоит в том, что такого разумного плана пока нет. И это несмотря на то, что у нас каждый отлично разбирается в политике и каждый проявляет себя на этой ниве. Сейчас я много читаю того, что пишет и предлагает этот каждый. Читаю грандиозные идеи, которые выдвигают пострадальцы от кредитов. Читаю чрезмерно многословные манифесты пролетариата (это манифест пролетариата, а не среднего класса, если кто еще не понял). И вот, что я должен сказать: 90% всего этого — полный бред.

Чтобы не спорить в который раз на тему, сколько же будет дважды два, скажу, что содержательную часть

этого бреда я тут обсуждать не буду. То есть, то, что этим людям видится, как конкретные меры (а-ля запрет обращения доллара) я не обсуждаю. Когда я говорю «бред», то имею в виду то, что эти «мысли» являются бредовыми в части субъектной. Все эти идеи — изначально инфантильны. Они адресованы Господу Богу. Это предложения небесной канцелярии по дальнейшему улучшению, углублению и расширению нас, грешных. Посему Диктатору, Доброму Царю и даже Отмене Политреформы, которые субъектны по самое не могу, такие планы подойти не могут по определению. Поясню. Ребенок, истерично требующий шоколадку, скорее всего, требует не шоколадку, а внимания. То же и, например, с запретом доллара. То есть, эти люди уверены, что если доллар запретить, то… может им простят их долларовые кредиты или… еще как-нибудь пожалеют…

Правда, я допускаю, что где-то есть глубоко законспирированные будущие Добрые Цари, которые знают, что делать. Согласен, такая вероятность существует. Однако, в любом случае, невозможно отменить два обязательных признака того, что должен будет делать Добрый Царь.

Первый. Добрый Царь должен хорошо понимать, что происходит, и иметь Подробный План еще до того, как станет Добрым Царем.

Второй. Такой план неминуемо покушается на чьи-то интересы. Ну, к примеру, на мои. Сейчас мы просто

фиксируем эти позиции, без обсуждений того, как ничтожны мои интересы.

Откуда?

Теперь давайте вернемся к практике. Добрый Царь должен каким-то образом **получить** свою власть делать то, что захочется. Для этого есть два пути. Первый — вооруженное восстание пролетариата, второй — выборы. Выборы предлагаю забыть, потому, что мы уже выяснили, что у Доброго Царя должен быть План. Если таковой План реален, то он непопулярен. Это — аксиома, которую признают самые отъявленные сторонники Доброго Царя. Кроме того, выборы означают зависимость Царя от избирателей, или кланов, или русских, или американцев, или марсиан. Это тоже все знают. Есть вариант всех обмануть, прикинуться на выборах чайником, а потом — опа! — все сделать, как надо. Но сторонники этого варианта забывают, что «обмануть» и «сделать, как надо» — это не причина и следствие. То есть, да, у нас всегда обманывают после победы на выборах — и ничего. Но это происходит потому, что никто из победителей не покушается на Злые Силы. Они там друг друга обманывают и нас с вами. Но мы же предполагаем Доброго Царя. То есть, ему со своим Планом неизбежно придется вступить в схватку со Злыми Силами, ну вот, хотя бы со мной. Представим, что он победил на выборах, написал на бумажке свой План, чтобы не забыть, и приступил к Побеждению Злых Сил. Для этого (он же на выборах победил), ему

нужно сначала сконцентрировать ресурсы. Ну, там армию, милицию. Неужели вы думаете, что Злые Силы не всполошатся и не начнут задавать вопросы «а зачем тебе?» И не будут вставлять палки в колеса? И вообще — не будут вести себя неприлично? И что Добрый Царь, в итоге останется в одиночестве?

Нет, Добрый Царь, избранный на выборах — это нонсенс. Вы скажите, а как же Гитлер? Все правильно, Гитлер — это наше всё, это настоящий идеал Доброго Царя, однако, отмечу в той истории удивительное единство германской нации. У них не было там Донецка, Крыма и Галичины со своими «геополитическими приоритетами».

В общем, остается вариант вооруженного восстания. Что ж, вполне реальная штука. Отметим для дальнейших рассуждений неизбежные обстоятельства такого действия. Первое — перспективы войнушки, внешнего вмешательства и подавления Доброго Царя Злыми Силами извне. Второе — перспективы гражданской войнушки. Третье (и самое опасное) — влияние на Доброго Царя его Соратников. Оно неизбежно, особенно, если речь идет о войнушке. Согласитесь, что то, что у Доброго Царя будут точно такие же безупречные Соратники — достаточно маловероятно. Заметим, что такое влияние Соратников происходит и в мирное время, и оно очень сильно. Вот на Виктора Андреевича того же посмотрите. Когда вас целый день называют по имени-отчеству и радостно смеются вашим гупым шуткам, впору и забыть о Великом Плане. А, кстати, есть

же еще постоянные разборки Соратников между собой. Та еще работа… А ведь время-то у нас не мирное, а военное. Никто не знает, чем дело закончится. Потому (воровать) принимать непродуманные решения Соратники будут часто. И много. Соответственно, популярность будет падать, ну, в общем, понятно, о чем я.

Чем?

Ну да ладно. Допустим, что все это глупости. Теперь, собственно, главный вопрос — а **чем** будет орудовать Добрый Царь? Ну вот у Пиночета была армия. У нас как бы тоже есть, но это не та армия. В Латинской Америке, как известно, армия — это что-то. То есть, она у них там изначально самостоятельный субъект политики. Отсюда и Пиночет. У «восточных тигров» другая история — там культура и дисциплина. То есть, если ты вдруг Добрый Царь, то все с этим согласны и никто не спорит. Отравить могут, это да. Но спорить не будут. У нас же все по-другому. У нас все вокруг — начальники и потенциальные Добрые Цари. Ну просто все.

Впрочем, даже не это главное. Главное то, что Добрый Царь не сможет все делать сам. Ему нужны будут чиновники. И это и есть главная проблема. Это только так кажется, что чиновники будут делать то, что им скажут. Нет, они не для того там сидят. Если за должность помощника судьи без зарплаты дается взятка в 150 тысяч долларов, то стоит задуматься, чем же они

там занимаются. В общем, никакой Добрый Царь ничего не сделает, если не будет знать, как там все устроено. А этого не знает никто.

Итак, давайте прикинем. Настоящий, идеальный, кошерный Добрый Царь должен:

- быть законспирированным;
- иметь четкий и адекватный план;
- получить власть не путем выборов;
- избежать при этом гражданской войны;
- иметь возможность буквального исполнения собственных решений, иметь инструменты давления на государство;
- полностью контролировать соратников;
- иметь надежную обратную связь с обществом, информацию о том, что происходит на самом деле.

Ах, да, совсем забыл. Ну вот, вдруг все получилось, но Добрый Царь взял и помер Что делать в этом случае? Начинать все сначала. Я, конечно, понимаю, что некоторые, как Фидель, не умирают никогда. Но таких, все-таки, немного.

Нет, хоть убейте, Дед Мороз мне кажется более ре-
2008 альным.

7.1.11. Самсон, кот на приеме у стоматолога и политическая практика

На днях в Киеве произошло одно очень важное событие — был перекрашен фонтан Самсон. Напомню, что это такой памятник старины на Подоле, родом из 18 века. Фонтан примечателен скульптурной композицией «Самсон, разрывающий пасть льву», а сама композиция — своей несуразностью. Небольшой, скажем мягко, лев довольно спокойно относится к деловитым манипуляциям, которые проводит с ним Самсон. На моей памяти эта композиция именовалась в народе «кот на приеме у стоматолога» и прочими подобными малогероическими названиями. Для меня она является своего рода символом Киева, жители которого обычно скептически относятся к всяческому пафосу. Вот и лев (кот) с Самсоном — сейчас они красиво изобразят вам непримиримую борьбу, а потом пойдут пить кофе. Это очень по-киевски.

В общем, как бы там ни было, скульптура очень необычная, особенно на фоне традиционного набора «золотые купола — каштаны — Андреевский спуск». Необычна она еще своей раскраской, поскольку это редкий для Киева экземпляр крашеной скульптуры. Самсон, покрашенный в телесный цвет, с нарисованными усами, глазами и волосами, выглядит особенно вызывающе.

Но система не дремлет. И вот дней десять назад Самсона «задули» бронзовой краской. То есть, легким

движением руки из памятника, бросающего вызов всяческому жлобству и официозу, он превратился в часть этого жлобства и официоза. Разумеется, это не коварный план тамплиеров, не манипуляции и не гуманитарные технологии, это просто «Киевзеленбуд» со своими представлениями о прекрасном. Но система, отметим на полях, работает именно так, и именно этим она и страшна.

Киевляне, как водится, повозмущались в соцсетях, и стоять бы Самсону, бронзовея, если бы не нашлись две смелые девушки, которые, что называется, тупо перекрасили его обратно. Вот такое событие случилось в Киеве и, как по мне, оно будет поважнее отказов Украины платить по долгам, перспектив дефолта или отказов соблюдать права человека. Почему? Потому что оно демонстрирует простой способ борьбы с маразмом — игнорировать его и делать так, как нужно. Как видим, этот способ постепенно приживается в народе, что и радует.

На самом деле, это не просто, а очень даже тяжело. Ведь вся сила чиновника — от «Киевзеленбуда» до Верховной Рады, президента и ООН — в вере человека в сверхъестественные способности чиновника и в магическую силу закона. Или даже так — ЗАКОНА. Почему смелые девушки не писали заявления, не собирали подписи, не обращались в инстанции? Ведь именно так они должны были поступить. Думаю, причина в том, что они не считали это необходимым, поскольку не считают «Киевзеленбуд» компетентным в вопро-

сах раскраски Самсона. Они понимают, что бронзовая краска — это маразм, дурь и освоение бюджета, и не более того. Об этом понимании красноречиво говорят их действия.

Мне скажут, мол, делов-то, понятно, что «Киевзеленбуд» напортачил, что тут особенного. Это вам так кажется. Если вас долго бить по голове и регулярно расстреливать каждого десятого, вы искренне поверите в непогрешимость «Киевзеленбуда», как сейчас верите в непогрешимость президента, парламента и ООН. Вы ведь верите, что все эти люди нужны и даже необходимы? Верите ведь? То-то же. Только вам кажется, что нужно просто правильных, патриотичных и каких там еще найти на эти должности. Ну, а тут никто не верит в принципе. Зеленбуд покрасил, а мы вернем как было и не будем разбираться, насколько там начальство патриотично или идиотично, или и то и другое. Мы это начальство игнорируем, поскольку в принципе не считаем его компетентным. В этом все и дело. Чиновники по умолчанию совершенно некомпетентны в вопросах вашей жизни потому, что это ваша жизнь. Ну, а значит, они не нужны. Понимаю, что этот вывод ошарашивает, поэтому, двигаться к нему мы будем постепенно, начиная с перекраски самсонов. 2015

7.5. Говорить прозой

«Не видно выхода? А вы в нём стоите!»

В. Шендерович

7.2.1. Путин, «государствообразующие элиты» и провидение Господне

Не знаю, как там читатели, но автор никогда не связывал особых надежд с «победой Майдана». То есть, никогда такого не было, чтобы я думал «ну вот сбросим Януковича и заживем!» Нет. Я прекрасно понимаю, что от того, кто захватит власть, мало что меняется, поскольку проблема в самой «власти».

Честно говоря, главной моей надеждой была неизбежная пауза в год, а то и в два, пока, с одной стороны, «революционная» власть разбирается с попередниками и делит бабушкин сервиз, а с другой — пока публика еще помнит, что привело ее на Майдан и готова, как минимум, крутить дули в ответ на поползновения революционеров на ее карманы. Такая пауза была в 2005-м году и публика ее благополучно проспала, переложив тяготы забот о себе на товарища Ющенко. Сейчас, думал я, народ поумнел, цена победы высока, да и в ходе самого Майдана люди активно применяли те практики, в которых, как мне кажется и состоит наше будущее.

Однако, никакой паузы не случилось, а случился Путин, Крым и постоянная угроза войны. Эта ситуация опасна двумя моментами. Во-первых, все внимание публики приковано к Путину и его войне. Никто не знает, что будет завтра, а потому деятельность, рассчитанная на долгий срок, да еще, к тому же, направленная на перемены, спросом в такой обстановке пользоваться не будет. Во-вторых, государство, конечно же, на полную катушку использует момент в своих интересах, делая то, до чего, будь условия мирными, у него бы еще не скоро дошли бы руки. После Майдана мы с вами уже потеряли много свободы, одни вчерашние поправки к законам о том, как правильно любить Родину, очень многого стоят.

Может показаться, что дела наши достаточно плохи. Однако это не совсем так. Будь я религиозным человеком, я бы сказал, что Господь зря не посылает нам всякую гадость и раз так, то нужно попытаться увидеть, в чем же польза от происходящего. Тут, конечно, я ни на что не претендую, я рассматриваю происходящее исключительно со своей колокольни, и с этой колокольни видны только процессы, связанные с деятельностью государств. И вот с этой точки зрения наблюдаются интересные вещи.

Так уж получилось, что украинцы, помимо собственной воли, периодически оказываются в авангарде антибюрократической, и шире — антиполитической революции, которая набирает все большие обороты. Эта революция пока что мало осознана самими участ-

никами, самое главное, что у нее пока что нет своего языка, она пытается говорить на существующем политическом языке, и выходит это очень смешно и страшно. Можно долго объяснять, почему эти процессы отличаются от предшествующих революций, попрошу лишь обратить внимание на их явную антиполитическую направленность («мы не верим никаким политикам!») и фактическое растворение политической системы координат (правое-левое и т.п.), когда вы пытаетесь их описать. В принципе, уже этих двух моментов было бы достаточно для того, чтобы говорить о явной новизне, но их, конечно, больше.

Так вот, как сказал на днях товарищ Караганов, «в Украине за 20 лет так и не возникли государствообразующие элиты». Это очень важное наблюдение, даже несмотря на то, что с ним горячо согласится большинство читателей этой колонки. При этом, у нас есть вполне элитные предприниматели, врачи, ученые и даже системные администраторы, а вот с «государствообразующей» элитой не сложилось. В этом месте и заключена польза Путина с его войной. Ведь до сих пор, согласившись с Карагановым, наша прогрессивная общественность бежала немедленно создавать «государствообразующие элиты». Ничего у нее, конечно, не выходило, и она тяжко страдала от этого. Путин же ясно дает понять, что политическая повестка дня закрыта. Проще говоря, рядом с Украиной есть Мордор, начальство которого никогда не согласится с тем, чтобы Украина была в ЕС или в НАТО. Мало того, Мордор

желает под видом федерализации разделить Украину так, чтобы восточные «пророссийские» регионы могли блокировать желания прогрессивной общественности. Или война.

Как бы ни развивались события дальше, вариант «нас приняли куда надо и сделали нам хорошо» в обозримой перспективе исключается. Исключаются и промежуточные варианты вроде «к власти пришла молодая команда реформаторов и тут такое началось». Если подумать, то в политической повестке остается только тоска и безысходность.

В общем, давно пора понять, что если до сих пор не сложилось государствообразующих элит, то, видимо, это не зря. Что-то в воздухе, наверное. А если задуматься о том, что этим элитам, там, где они есть и процветают, уже давно нечего предложить, становится еще интереснее. И, наконец, вспомнив о том, что на счету украинцев уже два майдана, второй из которых (да и первый, в общем, тоже) был явно антиполитическим, можно прийти к выводу, что «государствообразующих элит» у нас нет не случайно. Более того, в этом обстоятельстве — огромное преимущество украинцев перед народами, у которых они есть и глубоко окопались, в этом обстоятельстве наша надежда.

Поэтому давайте уже завязывать с политической повесткой дня. Она умерла, о чем нам и доложил товарищ Путин. Давайте уже переходить к повестке дня, которая будет определять лицо будущего мира, к по-

вестке дня добровольных взаимодействий и добровольных ассоциаций, повестке дня, которая не признает любого вмешательства в эти взаимодействия, под каким бы соусом оно не подавалось.

2015

7.2.2. Не работает

Мое либертарианство началось в Вооруженных Силах. Советских. Разумеется, никаких подрывных книжек я не читал, их тогда не было. Я просто наблюдал и делал выводы. Армия — это ежедневный жесткий распорядок дня, расписанная наперед неделя, месяц, год, все по плану, все под контролем. Армия — это торжество закона, ведь в Уставе написано все. Ну, то есть, в буквальном смысле все, включая расстояния между койками в казарме и «процент жиров у масли». Армия — это воплощение порядка. Это жесткая иерархия, где командир не только «всегда прав», но и легко докажет эту правоту нарядом вне очереди, гауптвахтой, военным трибуналом, а проще всего — безнаказанной зуботычиной. И что? Не работало. Несмотря на одинаковый для всех Устав, в каждой части были свои порядки, а если вам было что-то нужно от бойцов, даже если это что-то вроде бы входило в их обязанности, приходилось договариваться. Ведь можно же было приказать! Можно. Многие так и делали. Но если нужно дело сделать — лучше договориться. Иначе не работало. И чем более нестандартными были задачи, тем дальше от Устава и строгой иерархии были их решения.

И вот, что интересно. Чем дальше, тем больше наша прогрессивная общественность требует превратить Украину в казарму. Чтобы, значит, военное положение, и все под контролем. Чуть что — сразу, понимаешь расстрел и гауптвахта, а кто не понял — тому сразу в дыню. И тогда, думает общественность, наступит порядок и победа. Не наступит. Все это не работает и в армии, а с обществом дело обстоит на порядки сложнее. Армии не нужно себя кормить, производить снаряды и патроны, она живет на всем готовом и поэтому там можно позволить себе ходить строем и жить в казарме. Но в обществе так не получится. В обществе нужно договариваться сразу, не обращая никакого внимания на Устав и командиров. Иначе ничего работать не будет.

И вот, что еще интереснее. Та же самая общественность собирает деньги, организует сложные закупки и сложную логистику, преодолевая при этом нешуточное сопротивление начальства. В этой деятельности общественность демонстрирует чудеса в ловкости обхода законов, она уходит от налогов и, чего уж там, занимается контрабандой. Именно это помогает ей снабжать армию всем необходимым. Но при этом, эти же люди требуют дать еще больше власти тем, кто создал все эти препятствия. Как это назвать, чтобы было корректно?

Думаю, что будущие год-два будут решающими для украинского общества, его выживания и перспектив. Главный его враг — не Путин и даже не местное государство, а оно само, его инфантильные и наивные

представления о реальности, полностью противоречащие не только самой этой реальности, но и той практике, которую в ней осуществляет злополучный индивид. Если налоги, таможни, законы, начальство мешают делать дело — их нужно игнорировать и при возможности ликвидировать. Невозможно всерьез рассчитывать, что начальство само себя накажет и проконтролирует, ничего такого в жизни украинца никогда не было и не будет. И тем не менее, он с каким-то мазохистским упоением требует еще больше законов, еще больше запретов. Уже и выборы украинцу провели, и налоги новые ввели, и, под маркой сокращения расходов, расходы увеличили и обокрали его девальвациями и инфляциями, и ясно дали понять, что начальство своих не наказывает, и за Майдан никто не ответит, и что если у кого что и отберут «для фронта и для победы», так это у него. И ничего. Прогрессивная общественность напоминает мне здорового лба 15 лет, который вчера в подворотне легко отметелил двух гопников, но при этом лезет к маме на ручки и причитает «введи военное положение, ай-ай-ай!». В общем, у него два варианта — или он пойдет во взрослую жизнь и станет там героем или будет жить с мамой до 45 лет, женится, разведется и сопьется за год. В ближайшее время увидим.

2015

7.2.3. Как бы на самом деле

Если бы автор этих строк был каким-нибудь себе директором какого-нибудь себе «центра» или «институ-

та», то одним из первейших направлений его работы было бы документирование и учет многотрудной деятельности правительства, направленной на наше благо. Ну вот, например, «наполнение бюджета». Все знают, что без бюджета нам никак и что его необходимо наполнять нашим благом, чтобы потом его можно было раздать тем, кто не может у нас отнять это благо никаким другим путем.

Последняя новация в этом деле — законопроект, который позволит налоговой контролировать оценщиков. Это делается потому, что разные хитрецы оценивают, например, квартиры и машины при оформлении купли-продажи, скажем, в 100 гривен, а затем платят государству ничтожный налог с этой ничтожной суммы, чем не наполняют бюджет и сильно обижают государство. Теперь налоговая получит право чуть ли не самостоятельно оценивать, сколько **на самом деле** стоит собственность, которую вы намерены обменять на деньги. Лично я не понимаю, почему эта столь логичная практика не должна быть немедленно распространена на все акты обмена, совершаемые нашими гражданами.

С точки зрения экономики, покупка-продажи квартиры ничем не отличается от покупки-продажи черешни. Поэтому налоговая просто обязана указать каждому продавцу **настоящую** цену с учетом, разумеется, его издержек, скрупулезно подсчитанных компетентными экономистами. Это позволит создать всеукраинскую базу истинных цен, рассчитанных и одобренных

ГНС. В итоге, это сильно облегчит жизнь нашего бизнеса, так как сразу будет понятно, по какой цене ему продавать, чтобы налоговой было хорошо. Более того, станет, наконец, возможно сразу же привязывать цены к необходимой для наполнения бюджета сумме. То есть, подумают умные люди, сколько государству нужно денег, чтобы удовлетворить все возрастающие потребности украинского народа, назовут нужную сумму, а налоговая рассчитает, какие должны быть цены и объявит нам в начале года. И мы заранее будем знать, почем продавать, чтобы наполнить бюджет нашим благом для того, чтобы потом его раздать. Очень удобно.

Вот вы смеетесь, а на самом деле украинцы полностью со мной согласны и именно так и считают. Если их послушать, или почитать, что они пишут в блогах и на форумах, то единственной проблемой является лишь то, что наполнением бюджета занимаются неправильные люди. А были бы правильные — все было бы по-другому и работало бы как надо.

Но вот, что интересно. Разного рода другая информация, которую я бы тоже документировал в своем институте, говорит, например, о том, что те же самые украинцы, беспокоящиеся о наполнении бюджета, почему-то забирают свои денюшки из банков. Забирают и гривну и, что особенно противно, забирают доллар. Банки уже и так, и эдак, предлагают разные завлекательные плюшки, бьют в бубен и водят хороводы, но нет — не хочет их украинец, не верит он им. И это при том, что тот же самый украинец будет на форуме

с пеной у рта доказывать необходимость того, чтобы «деньги работали» (то есть, лежали на счету в банке) и того, что «нужно привлекать средства населения». И ладно бы только обычный украинец забирал свою жалкую гривну, так повадились забирать деньги и юридические лица, а это уже совсем несознательное поведение.

Когда украинец забирает гривну, это значит, что он хочет оставить ее себе. Это означает, что он предпочитает как-то сам разбираться со своими проблемами и не беспокоить своим существованием государство. Ну и, конечно же, это означает, что такой украинец не намерен наполнять бюджет. В экономике это называется «уходить в тень».

При этом, те же самые люди будут сокрушаться и грустить в форумах по поводу тенизации, долларизации и коррупции.

И знаете что? Я все-таки думаю, что «правильным» является то, как люди поступают, а не то, что они при этом говорят. Правильные поступки украинцев спасают их от их правильных слов вот уже 20 лет. Страшно подумать, что было бы, если бы украинцы делали то, что говорят. 2011

P.S. В тех же «Контрактах» есть материал, в котором приводятся данные исследований о том, что потребители в Европе сокращают потребление и начинают больше сберегать. Это абсолютно здоровое и рациональное поведение. Очень характерно, что мейнстримное кейнсианство, которым вооружено большинство правительственных и неправительственных экспертов и журналистов, считает такое поведение неправильным и все

эти люди заняты поиском того, как бы обмануть граждан и заставить их делать то, что сами граждане делать не хотят.

7.2.4. Бюджет «в праве»

Итак, Налоговый кодекс принят и в него уже даже внесены поправки. Пока что власть победила. Неизвестно, как будут развиваться события дальше. Вот предприниматели создают «анти-КАТ», создан координационный совет, который требует от президента ветировать кодекс, обещая референдум по прекращению полномочий Рады и президента и бессрочную забастовку.

Однако, пока что власть победила и на данный конкретный момент времени есть смысл подумать — почему.

Для меня ответ очевиден — предприниматели не чувствуют себя в своем праве. Человека, который уверен в своей правоте, нельзя победить. Его можно уничтожить, но победить нельзя. Пока что наши предприниматели не в своем праве. Об этом ясно говорят комментарии, которые они дают прессе и которыми обильно усыпан интернет.

Вот, к примеру, один из лидеров протестующих говорит о том, что кодекс нелегитимен, так как принят с нарушением процедуры. Депутаты, мол голосовали друг за друга и вообще плохо себя вели. Ну, а если бы

он был принят 450-ю голосами? Прибавило бы это ему легимности?

Второй тип рассуждений состоит в том, что «они воруют». «Нас грабят, чтобы их детки с телками лихачили по дорогам!». Ну, а если бы не воровали? Не лихачили и обходились бы без телок — это был бы хороший кодекс?

Третий тип лично меня повергает в уныние и тоску, так как подтверждает мои размышления о том, что наш народ и наша власть — суть одно и то же. Либеральная версия этого типа рассуждает «за бюджет». Он переживает, как бы там, в бюджете побольше всего образовалось. Нелиберальная версия возмущается тем, что под видом «единщиков» скрывались всякие хитрые буржуи, чтобы не платить налоги. Друзья мои, с такими рассуждениями вам не на баррикады. Вам в азаровы.

Много лет мы участвуем в шоу под названием «Великое чудо государства» (внизу афиши — надпись мелкими буквами «приходите со своими кроликами»). Перед началом шоу у присутствующих забирают принесенных ими кроликов. Гаснет свет, раздается тревожная музыка, поднимается занавес, на сцене — фахивець — маг и волшебник, который после долгих и утомительных пассов руками наконец — о чудо! — достает из цилиндра кролика и, устало улыбаясь, протягивает его в зал. Восторженный писк, крики «браво!», бурные аплодисменты.

Так вот — наши люди считают, что кролики, собранные перед началом сеанса и розданные в его процессе — это разные кролики. Собственно, шоу и нужно для того, чтобы все так думали, поскольку, понятное дело, раздается всегда меньше, чем собирается. Шоу и существует для того, чтобы все считали, что нет другого способа получить кролика, кроме как достать его из цилиндра. Сам по себе этот процесс — большая тема, не будем сейчас о нем, мы о предпринимателях, которые «в праве» или «не в праве».

Если человек понимает, что собираемые и раздаваемые кролики — суть одно и то же, он и ведет себя соответствующим образом. Он даже может считать, что вся эта процедура законна и что «по-другому нельзя». Но он твердо знает, чей кролик достается из цилиндра, и поэтому, когда к нему приходит государство за кроликами, он первым делом спрашивает — а вам зачем? Этот человек — в своем праве.

Если же вы считаете кроликов из цилиндра продуктом деятельности фокусника, то когда к вам приходят за кроликом, вы начинаете просто мелко суетиться, думая, как бы не отдать слишком много. Вы не в праве. А государственный фокусник — в праве. И не говорите мне, что вы, мол, все понимаете. Если вы рассуждаете «за бюджет» или, того хуже, готовы убить единый налог, потому, что под ним могут скрываться хитрые буржуи — значит, вы не видите, где причины, а где следствия. Повторю — вы не в праве и с вами можно вытворять что угодно.

До сих пор тех, кто «не вправе» было значительно больше, и это и стало главной причиной того, что кодекс принят. Возможно, последующие события изменят эту расстановку, и дай Бог, чтобы так и было. Просто, когда фокусники вам начинают говорить «за бюджет», нужно четко помнить две вещи — только предприниматели создают национальное богатство и только предприниматели создают рабочие места. Государство ничего этого не может сделать, что называется, по определению. 2010

7.2.5. Время памфлетов

Иногда чтение всяких достаточно специальных книг приводит к интересным аналогиям. Вот, к примеру, классическая книга Бернарда Бейлина «Идеологические истоки американской революции». Как это иногда случается с научными исследованиями, название отражает содержание — автор исследует «откуда есть пошла» революция, и делает это на примере памфлетов. Оказывается, в предреволюционные годы будущие американцы в массовом порядке издавали и читали памфлеты. Напомню читателю, что это такое. Джордж Оруэлл сообщает нам, что «памфлет — театр одного актера. Ты совершенно свободен в выборе выражений, ты можешь говорить непристойности, оскорблять, попирать общепризнанное; или, с другой стороны, рассуждать с такой обстоятельностью, серьезностью и рафинированностью, которая непредставима в газете и большинстве периодических изданий. В то же

время памфлет краток и печатается без переплета, так что его изготовление требует намного меньше времени, чем издание книги, и достигает он, как правило, намного более широкой публики. Главное, однако, что памфлет не связан никакой установленной формой. Он может быть в прозе или в стихах, в виде рассказа, басни, письма, статьи, диалога или сообщения. Требуется только, чтобы он был жизненным, острым и кратким».

Добавлю, что издавать памфлеты было недорого, а также то, что традиция предполагала издание под псевдонимом. Таким образом, именно памфлеты (многие из которых были ответами на другие памфлеты) создали ту дискуссионную среду, из которой и выросли идеи американской революции.

Напомню также некоторые обстоятельства тех лет, на которые у нас обычно не обращают внимания. Во-первых, — и это самое главное, — американские колонисты были британскими гражданами и вся эта революционная деятельность проходила в контексте британской истории и британской политики. Например, Кромвель приучил англичан к тому, что регулярная армия означает диктатуру. Поэтому попытка размещать войска в колониях встретила ожесточенное сопротивление. И так далее. Даже массовое писание политических памфлетов — это британская традиция. Во-вторых, колонисты находились далеко от правительства. В самом что ни на есть физическом смысле. Плыть до Америки нужно было недельку-другую, так что поневоле правительство и колонисты имели

неадекватное представление о деятельности друг друга, что создавало почву для взаимных подозрений и инсинуаций. Это привело также к тому, что колонисты почти не пересекались с английским «политическим классом» и не были в него интегрированы.

«Глашатаи революции, авторы многочисленных памфлетов и рассуждений, не были философами и не образовывали обособленной «интеллигенции». Это были политики, купцы, адвокаты, помещики и проповедники, и они не имели в виду записываться в последователи того или иного гранда политической философии, чье влияние современный исследователь обнаружит в их сочинениях», — пишет Бейлин.

Именно здесь мы обнаружим поразительное сходство с Украиной. Хотя наше правительство расположено в Киеве, хотя у нас есть телеграф, телефон, радио, телевидение и интернет, оно является, наверное, куда более удаленным от «народа», чем английское правительство конца 18 века. «Народ» точно так же не имеет никакого влияния на политический класс и потому он не верит представителям этого класса. Поэтому «купцы, адвокаты, помещики и проповедники», а не статусные политики являются «глашатаями» украинской революции. И поэтому жанр, в котором они сообщают свои идеи миру, является памфлетом.

Если вы внимательно присмотритесь к тому, что публикует «Украинская правда» или «Хвиля», то вы обнаружите там памфлет. Памфлет вы обнаружите и

в том, что выдается за «программы» или «стратегии». Также, легко обнаружить, что в Украине нет политэкономической аналитики. Все, что именуется тут аналитикой, есть памфлет, просто более занудный. В Украине нет экспертов и нет экспертного мнения. Экспертиза есть оценка средств по отношению к целям. Украинская же экспертиза почти всегда есть критика целей, просто высказанная специализированным языком. Здесь нужно подчеркнуть, что я не утверждаю, что у нас нет специалистов, которые могут быть экспертами. Они, конечно же, есть, просто состояние общества таково, что экспертиза и аналитика, если они хоть в какой-то степени касаются жизни этого общества, неизбежно превращаются в памфлет.

Здесь я хочу сделать одно уточнение. Памфлет не «хуже» и не «лучше» аналитики или экспертизы. Памфлет — это просто другой жанр, и если все наши политически заинтересованные лица, включая людей, считающих себя политологами и экспертами, изъясняются памфлетами, то это, прежде всего, должно говорить нам о том, что они не отождествляют себя с объектом своих писаний. Для них он является внешней, часто враждебной и неподвластной никакому воздействию, силой. Польза, которую я приписываю этому высказыванию, состоит именно в констатации этого факта. **Как только большинство «политиков, купцов, адвокатов, помещиков и проповедников» заметят и осознают этот факт, у них появятся шансы, поскольку им придется перестать рассуждать о**

«выборах» или размышлять, к какой «силе» примкнуть.

И последнее наблюдение. Памфлеты будущих американцев изобилуют словами «заговор», «измена», «предательство». Эти слова адресуются британскому правительству. С точки зрения колонистов, правительство попирало исконные свободы британских граждан (в этом и было «предательство» и «заговор»). Именно категорическое неприятие тирании, которую колонисты видели в политике Георга III, вызвало революцию. В украинских памфлетах мы увидим, напротив, неподдельную жажду тирании. Но это уже, как говорится, детали. 2011

7.2.6. Не судьба

К сожалению, эту колонку приходится писать в день, когда Рада «провалила евроинтеграцию». Я стараюсь не писать на эту тему, поскольку не вижу в ней никакой значимости и перспективы, но тут никуда не денешься, ибо таковы законы журналистики — если твой черед писать колонку, то трудно обойти событие, о котором все судачат.

В общем, никуда они не денутся от ассоциации. И даже вступят в ЕС, если он к тому времени не развалится, или не развалится Россия. Ведь причина всех этих интеграций — давление России. Пока оно будет, будет движение украинского начальства в сторону начальства в Брюсселе. Ибо начальство, как и все мы,

выбирает там, где лучше и где дети учатся. Если не подпишет Янукович — подпишет тот, кто будет после него. Это просто неизбежно.

Это то, что касается начальства. Его перспективы радужны. То, что касается нас, не так радужно, даже наоборот. Вся эта эпопея лишний раз показала удивительную инфантильность украинского общества. Ведь ни для кого не секрет, что «евроинтеграция» понимается здесь только как безвизовый режим плюс надежды на то, что начальство в Брюсселе будет строить начальство в Киеве. Очень грустно наблюдать за этим. Ведь очевидно, что если мы сами не можем «построить» начальство, другое начальство нам не поможет. Решение проблемы януковичей и всех, кто будет после него, состоит только в том, насколько мы сами готовы постоять за себя и не давать им лезть в нашу жизнь.

Грустно наблюдать, как процветает советская черно-белая картина мира. Если ты против ЕС — значит, ты за ТС. Почему? Потому что против ЕС.

Грустно читать мнения и комментарии типа «в Евросоюзе не забалуешь!», в которых украинцы явно высказывают свое желание управлять жизнью других украинцев и сожалеют, что украинские чиновники не могут обеспечить им этого удовольствия, и потому нужны чиновники европейские, у которых не забалуешь.

Но самое грустное и смешное это то, что взрослые люди всерьез полагают, что европейское качество жизни — это заслуга бюрократов и государственных приказов. Удивительно, что эти люди, выступая за евроинтеграцию и, более того, «европейские ценности», не знают, в чем они состоят и не знают, каким образом они возникли. В этом есть удивительная ирония судьбы, ибо то, что мы называем «Западом» или «Европой» есть результат благоприятных совпадений и сознательных усилий, суть которых сводится как раз к слабости государства и к силе личности. Нигде больше в мире, где существовали государства, люди не были так свободны, как они были свободны на Западе. Повторю, у этого было множество причин, и главной, возможно, является высокая конкуренция среди европейского начальства в рамках одной «государственной» территории — тут вам и города, и бароны, и церковь, и короли, гильдии и цеха, а также конкурирующие суды и множество источников права. Вся эта камарилья вынуждена бороться друг с другом, а следовательно, у простых людей есть время работать друг для друга и есть время для возникновения и укрепления социальных институтов. Нигде больше не было такой ситуации. Позже в Европе возникли национальные государства, но территория гражданского общества уже была слишком большой для того, чтобы они повторили судьбу восточных деспотий. И эта территория остается еще достаточно большой, чтобы мы говорили о Европе, как о процветающем и желанном для нас месте.

Поэтому для «интеграции в Европу» не нужно никуда вступать. Нужно просто быть Европой, то есть, быть свободным, трудолюбивым, не лезть соседу в трусы и быть готовым постоять за свое. Но увы. Если бы украинцы тратили на борьбу за свою свободу столько же времени, сколько они тратят на то, чтобы заставить других украинцев делать то, что им хочется, никто бы давно не говорил о «евроинтеграции». Киев был бы заполнен гастарбайтерами из Москвы, а Кох с Квасневским уговаривали бы вступить в ЕС, обещая всевозможные льготы и преференции. Но им бы каждый раз вежливо отказывали, ибо свобода дороже в самом прямом смысле. В общем, видно, не быть нам богатыми и
2013 свободными, а быть нам в Евросоюзе. Не судьба.

7.6. Позитивная программа

> «Когда мне было четырнадцать, мой отец был так глуп, что я с трудом переносил его; но когда мне исполнился двадцать один год, я был изумлен, насколько этот старый человек поумнел за последние семь лет».
>
> *Марк Твен*

7.3.1. Частный сектор или Чтобы не было Майдана

Война и политические маневры вокруг нее все время отодвигают на второй план то, что случилось на Майдане. Так уж получается, что Майдан, не успев толком закончиться, сразу перерос в войну. Не проанализированы и не осмыслены толком опыт и уроки Майдана. Это, разумеется, очень плохо, так как в отличие от войны, Майдан является проявлением естественного хода социальной жизни. И для того, чтобы двигаться дальше, нужно понимать, что случилось вчера, а пока что мы лишены этого знания.

Я попробую в этой колонке изложить то, что мне кажется главным уроком Майдана и, соответственно, то, что дает довольно ясную программу на будущее.

Речь пойдет не о том, какие цели ставили перед собой люди на Майдане, не о президентах, реформах и программах. Речь пойдет о том, что показал Майдан, вне зависимости от намерений и целей его участников.

Итак, в ходе Майдана частные лица, стоящие и сражающиеся на нем использовали:

- Частную мобильную связь, которая позволяла контактировать между собой;
- Частный интернет, который тоже позволял поддерживать связь, обеспечивать координацию и организовывать прямую трансляцию событий;
- Частные СМИ, которые освещали события в меру своего понимания;
- Частный транспорт, включая такси, который возил протестующих;
- Частные магазины и аптеки, которые продавали еду и лекарства протестующим и их сторонникам;
- Частные заправки, которые продавали бензин для коктейлей.

Им противодействовали:

- Государственные полицейские. Майдановцы не могли вызвать милицию, чтобы прогнать «Беркут». У нас одна милиция, она государственная и она была против Майдана.

- Государственные законы. Если вы протестуете, то государство примет такие законы, чтобы сделать ваш протест невозможным. Это ясно показало 16 января.
- Государственные суды. Судьи судили так, как им приказывало начальство. Это было настолько далеко от правосудия, что в некоторой степени даже было смешно.
- Работники государственных предприятий. Они были основой «антимайданов».
- Государствозависимые СМИ. Все их видели, все помнят, что они говорили и показывали.
- Государственный транспорт. Начальство сказало, и он остановился. «Метро, стой! Раз-два!»

Да, конечно, были частники и на стороне «антимайдана». Были такси, которые поднимали цены. Но были и такие, которые возили бесплатно. Частник отличается от государства не тем, что хороший, а тем, что его много. И он — разный. И каждый за себя. В этом его великая сила. Государственному просто приказываешь и оно делает. Частное нужно контролировать — запугивать, уговаривать, подкупать. При этом, каждого частника — отдельно.

Цель хорошей политической программы — сделать так, чтобы революций больше не было или чтобы революции были больше не нужны. Этого можно добиться

двумя способами. Первый — когда все вокруг государственное. Государственный, транспорт, государственный интернет и мобильная связь, государственные магазины и заправки. Представили? Здесь революция закончится, толком не начавшись. Вас арестуют до того, как вы выйдете из дома. Вторая ситуация — когда все частное. Здесь просто нет поводов для революции, так как нет всеохватывающей и все регулирующей «власти». Есть претензии частников друг к другу, которые решаются в суде. Вот вам и программа «Частного сек-
2015 тора» на будущее.

7.3.2. Может ли случиться Майдан в либертарианском обществе

Может ли случиться Майдан в либертарианском обществе и как все это может выглядеть? Понятное дело, что никто точно не знает, (и слава богу) как именно будет устроено «либертарианское общество», но для простоты представим, что в неком гипотетическом обществе реализовались основные либертарианские принципы. То есть, тут нет государства, «социальные функции» выполняют частные предприятия, не существует «ничьей» (государственной, общественной, коммунальной) собственности и суды исходят из того, что агрессия запрещена. Сразу становится ясно, что массовые протесты против «власти» уже отпадают в виду ее отсутствия. Против кого тогда протестовать? Ну, например, никуда не делся главный ужоз киберпанковских романов о страшном будущем — злобные и все-

могущие корпорации. Вот они сливают в реку… стоп, в либертарианском обществе река является чьей-то собственностью. Теперь так просто не посливаешь. Даже воздух не позагрязняешь, если можно доказать, что загрязнения вредят вашей собственности — вашему телу.

Чем еще может провиниться корпорация? Допустим, она занимается дискриминацией. Да, это вполне законно. Скажем, хозяин некой корпорации не продает своих товаров белорусам. Ну не любит он их, и все. Ученые в тайных лабораториях корпорации изобрели прибор, легко определяющий белоруса. И если, скажем, придет белорус в магазин, то ему сразу — извините, позвольте, и выводят вон. Поскольку все вокруг свободны, то корпорация не обязана продавать свой товар всем подряд. А владелец собственности вправе удалить любого, кто ему не нравится, со своей территории, так что все честно, по-либертариански. Понятно, что конкуренты уже предлагают специальные скидки для белорусов, но, допустим, нашему герою все нипочем. Он из тех, кто «скупит всю землю если ее приватизировать», ну вы поняли.

Поскольку любой может свободно не любить белорусов, то точно так же другие люди, скажем «мощное белорусское лобби» может этих белорусов, наоборот, любить и публично требовать от корпорации прекратить дискриминацию. Возникает конфликт. Обиженные белорусы всем рассказывают, какой поц наш герой и его корпорация. Начинают бойкот. Но мы же

помним, что он «скупил всю землю» и денежные убытки и испорченная репутация ему нипочем. Бойкот не работает, принимается решение устроить майдан возле главного офиса, чтобы было удобно кричать кричалки и вообще всячески показывать, кто не скачет. Допустим, белорусам повезло, и хозяин улицы возле офиса корпорации согласился предоставить им часть улицы в аренду. Опять-таки, запустит ли он их на проезжую часть — вопрос прибылей и убытков, поскольку доход владельца проезжей части возникает от того, что по ней ездят, а не стоят. Ну, допустим, даже перекрыли проезжую часть, может владелец дороги сам, например, оказался белорусом. В общем, начался майдан. Одни стоят, а другие на них смотрят. Исход конфликта зависит от того, чьи нервы не выдержат или чей карман окажется больше. Корпорация может пойти на уступки, подсчитав реальные потери. У майданцев могут закончиться деньги на аренду. Владелец дороги может попросить майданцев освободить его дорогу, когда закончится их контракт. Таковы вероятные сценарии конфликта.

Но нас интересуют еще «силовые варианты», столь любимые народом. Что может быть здесь? Здесь может быть задействовано три охранных агенства (три частных полиции). Первое охраняет корпорацию. Второе — дорогу, то есть, нанято владельцем улицы, третье нанято майданцами для охраны порядка на массовом сходбище. Если наш герой — белорусоненавистник решит «разогнать майдан», на защиту майдана вы-

ступит агенство, нанятое майданцами. Полиция, с которой заключила контракт корпорация, вряд ли будет в этом участвовать, так как репутация — главный капитал таких агенств, а то, что оно будет делать — противоправно, то есть, однозначно идет «в минус» компании. Майданцы в своем праве, они находятся на собственности, арендованной ими для мероприятия, так что извините, как-нибудь в другой раз. Но, допустим, корпорация имеет свое собственное агенство, которое подчиняется непосредственно боссу, и босс дает команду на разгон. Понятно, что карьера большинства охранников его агенства на этом закончится, но важно другое — на стороне майдана выступит и агенство владельца дороги, поскольку тут явная агрессия и попытка нарушить контракт. Если совместных сил двух агенств окажется мало, они легко получат помощь, так как, повторю, портфолио в этом бизнесе — самое важное.

Аналогичная история случится в ситуации, если майданцы решат взять офис белорусоненавистников штурмом. Тут уже будет агрессия против корпорации, с ее стороны будет все законно и теперь она получит помощь других агенств. И третья ситуация — если майданцы откажутся уйти в случае прекращения контракта с владельцем дороги, их разгонит его агенство, а агенство майданцев с очень большой вероятностью за них не вступится. Поэтому, зная заранее все эти обстоятельства, агенства будут максимально воздерживаться от силовых вариантов. «Титушки» тоже

не работают — их будет отлавливать агенство майдана при поддержке агенства владельца дороги и других агенств, и сразу отправлять в суд или куда их там будут отправлять. В общем, «массовый протест» — странное явление для либертарианского общества, поскольку тут нет масс. Никто «нас» не «ведет в Европу» (или в другие места), никто не принимает никаких «законов», которые «нас» обижают… все, что я надумал в качестве повода для массового протеста — это дискриминация по признаку «коллективной сущности» — национальности, религии и т.п., которая может обидеть людей, отождествляющих себя с этой сущностью. Дру-
2015 гих идей у меня нет.

7.3.3. Продавайте!

Хочу обратить внимание читателей на следующий момент. Во всех разговорах по поводу нашего нынешнего политического кризиса фигурирует «экономическая составляющая». Она, в свою очередь, обязательно включает некую сумму денег, которая ну вот прямо сейчас, кровь из носа нужна правительству, иначе… дальше идут варианты. Этой потребностью в деньгах объясняются метания Януковича и все, что из этого следует.

Сама эта потребность воспринимается как совершенно объективная вещь, которая существует вне зависимости от государства и конкретного правительства. Если кто и высказывается на этот счет, то лишь в

том духе, что «наши бы до такого не довели» или «наши бы справились с такой задачей лучше».

На самом же деле, никакой «объективности» тут не существует. Во-первых, речь идет о государственных расходах, то есть, в конечном счете, о наших с вами расходах на то, что государство считает своими потребностями. В какой бы форме не осуществлялось их финансирование — внутренними и внешними займами, налогами или инфляцией, все это — наши и только наши деньги.

Во-вторых, если мы начнем разбираться с тем, куда государство тратит наши деньги, мы не обнаружим там ничего, что не могло бы существовать без его участия. Например, сакральная для украинцев «социалка» на самом деле не изобретена государством. Она, скорее, им присвоена. Ни Бисмарк в конце 19 века, ни Ллойд Джордж в начале 20-го никогда не скрывали, что государственное социальное страхование, которое они «вводили» в своих странах, необходимо им для сугубо политических целей. Суть «введения» состояла, фактически, в национализации и вытеснении с рынка существовавших там структур гражданского общества. Ну, а после того, как эти политики решили свои текущие задачи, государственное социальное страхование, конечно же, не исчезло, ибо стало удобной формой политического контроля, обеспечивающего получение на выборах голосов тех, кто является получателем государственной «помощи».

То есть, вместо того, чтобы рассуждать на тему «где бы я взял деньги на месте Януковича», мы должны, прежде всего, поинтересоваться, а зачем они нужны. И очевидным решением проблемы является не поиск места, где бы можно было бы занять еще денег (возвращать которые, повторю, будем мы), а сокращение государственных расходов. Если вам не хватает 20 миллиардов — сократите свои расходы на 20 миллиардов, вот ответ представителей гражданского общества. Продавайте. Продавайте свою «бесплатную» медицину и «бесплатное» образование, за которые мы платим и в виде налогов и в виде разных форм взяток (вместе с продажей исчезнут и соответствующие министерства), сокращайте свою бюрократию, переводите пенсионный фонд в бюджет, отдавайте пенсионеров обратно в семьи взамен освобождения от налогов — вот очевидные рецепты. И реализовать это все не просто, а очень просто, все трудности здесь только технического характера.

Для того, чтобы сделать что-то с государством, бюрократией и всеми напастями, которые они несут, мы, для начала, должны перестать думать, как они, перестать ставить себя на их место и воспринимать их интересы, как свои. В большинстве случаев наши интересы не только не совпадают, но и прямо противоположны. Поэтому, когда вы слышите о том, что государству не хватает ваших денег для исполнения каких-то функ-
2013 ций, ответ должен быть прост и ясен — продавайте!

7.3.4. Украинцы для украинцев

Хочу предложить формулу, которая, на мой взгляд, ёмко описывает цель, к которой могли бы стремиться те люди, которые говорят о «смене системы в целом». Как вы уже догадались, эта формула звучит, как «українці для українців».

Многие сейчас, наверное, подумали о взаимопомощи, благотворительности или чем-то вроде «свій до свого по своє». Это, конечно, тоже имеется в виду, но на самом деле, речь идет о простом медицинском факте — все то, что называется «благосостояние», то, что называется «материальное», «духовное», «культурное», какое еще хотите, — все это делается одними людьми для других людей. И больше ничего в окружающей нас живой и неживой природе с этим никак не связано. И для того, чтобы жизнь налаживалась. больше ничего не нужно.

Невозможно производить или продавать вещи, которые не нужны людям. Если их не принуждают насильно, они такого не купят. Невозможно оказывать помощь «никому», невозможно писать музыку или стихи «никому». Даже «для себя», (о чем вам скажет любой непризнанный поэт), всегда подразумевает «для кого-то, кто может быть когда-нибудь поймет». Все что мы делаем, мы делаем для других, и получаем от них то, что нужно нам. Лучше всего это демонстрируют структуры самоорганизации, которые сейчас действуют на Майдане. Люди там работают бесплатно, но это

не означает, что они ничего не получают взамен той пользы, которую приносят другим людям. В репортажах мне много раз попадались одни и те же слова, которые произносят разные волонтеры: «жизнь наполнилась смыслом». Это, скажу я вам, очень дорогих денег стоит, спросите у миллионеров.

Мирный и добровольный обмен товарами, трудом, добрыми делами, — это то, что делает каждого из нас лучше и богаче. Соответственно, все то, что мешает этому — любая агрессия, принуждение, неважно «законное» или «незаконное» — является преступлением. Люди, избивающие других людей, которые на них не нападали — преступники. Люди, «законно» или «незаконно» отнимающие доход у других людей — преступники. Люди, мешающие производить и продавать товары для других людей — преступники. И так далее.

Майдан рано или поздно закончится и «власть» окажется у каких-то политиков. Понятно, что есть существенные отличия в сценариях того, как пойдут события, но «система в целом» не изменится. Формула «українці для українців» позволяет нам увидеть цели и выбрать средства, и позволяет не впасть в очередное «они нас обманули» и, в итоге, изменить систему. Сверхзадача, к которой мы должны стремиться — получение такой ситуации, когда ничто не мешает украинцам работать на благо друг друга. Все что является немирным и недобровольным, все, что является помехой для того, чтобы мы работали друг для друга должно быть демонтировано и устранено.

Формула, о которой я говорю — также простой критерий оценки всевозможных идей и мер, которые сейчас предлагаются всеми, кому не лень. Довольно легко определить, помогает ли нечто «украинцам для украинцев» или это опять очередная вариация на тему «доброе начальство для украинцев» (что всегда на практике означает «украинцы для начальства»). В общем, мое дело — предложить, ну, а вы там смотрите сами. 2013

7.3.5. А за свободу бороться не пробовали?

Когда-то наша группа подала заявку на некий фестиваль. Как выяснилось через некоторое время, фестиваль проводился только для украиноязычных групп и нам, с нашим псевдоанглийским, там просто нечего было делать. Разумеется, нашу заявку отклонили.

Интересно, что мне никогда не приходило в голову как-то критиковать организаторов. Это их фестиваль и их право устанавливать требования к участникам. Более того, я считаю, что только так и должно быть во всех без исключения сферах жизни, и только такой порядок, именуемый свободой, способен свести на нет большинство конфликтов нашей нынешней жизни.

Вот возьмем все тот же «государственный язык». Ведь ясно же, что весь конфликт, которому уже больше 20 лет, не в «государственном языке». Все это законодательство — отнюдь не требования для государства и его чиновников, на каком языке им разговаривать с

людьми и писать свои законы. Нет. Это законодательство определяет то, как должны себя вести другие люди. И именно это и вызывает конфликт.

Я ничего не буду писать о самом конфликте, о его причинах и т.п. Хочу сказать лишь одно — несмотря на заклинания о том, что «языковая проблема не важна» и даже, что «она не существует», происходящее ясно показывает, что это не так. Происходящее также показывает, что в рамках существующего порядка у этой проблемы нет решения. Сейчас, скажем так, «русскоязычные» переголосовали «украиноязычных». Затем, «украиноязычные» переголосуют «русскоязычных», затем… 20 лет достаточно большой срок для того, чтобы убедиться в том, что «сам собой» вопрос не решится. Зато точно можно сказать, что нетерпимость будет только возрастать. И как показывает опыт той же Бельгии, «рост благосостояния трудящихся», на который многие надеются, как на спасение, никак не влияет на этот процесс.

Можно, конечно, «решать вопрос» распадом страны на территории, в которых сторонники той или иной позиции получат абсолютное большинство и, наконец, смогут заставить меньшинство вести себя так, как хочется большинству. Возможно, что все к тому и идет. Но как по мне, это плохой поворот событий, поскольку, в результате, насилие не уменьшится, а увеличится.

Да, и еще одно. Разумеется, я понимаю, что язык — это только повод. Весь вопрос в том, что это весьма ра-

ботоспобный повод. Точно так же, вполне вероятны игры всяких разных «сил» на почве языка, территориального раскола и прочих радостей. Не спорю, «силы» — они всегда что-то такое затевают, это у них работа такая. Однако же, совершенно точно и то, что если проблемы не существует, то «силы» бессильны. А проблема есть, вот в чем беда.

И решить проблему можно только свободой. Свобода означает, что моя собственность (включая меня самого) — неприкосновенна. Мне никто не может приказать. Но и я никому не могу. Меня никто не может грабить. Но и я не могу. На своей собственности я сам устанавливаю правила, но я же и несу за них ответственность. Напомню, что хозяин фестиваля принимал только украиноязычные группы. Возможно, он потерял на этом часть аудитории. Но это — его фестиваль и его правила.

Если признать это направление движения, то становятся ясными очевидные следствия. Вот, например, вам же не нравится Табачник, который переписывает историю? А почему вы не задумаетесь о том, на каком вообще основании какой-то политически назначенный дядя определяет, каким было ваше прошлое? В свободном обществе такого не может быть. В нем в принципе не может быть «государственных» школ, ВУЗов и «программ образования». И если уж родители отвечают за своих детей, то они, а не дядя в Киеве, должны решать, чему и как их учить.

В свободном обществе люди делают то, ради чего они готовы жертвовать — деньгами, временем и другими ресурсами. Границы и ответственность здесь совершенно понятны. И если кто-то считает, что его соотечественники должны пользоваться неким языком, ему придется придумать, как их в этом убедить. Ему придется использовать свои, а не чужие ресурсы. В конце концов, ему придется становиться лучше, чем конкуренты. А значит, от этого процесса выиграют все, кто имеет к нему хоть какое-то отношение. Ну и, понятно, для конфликта здесь просто нет никаких оснований.

2012

7.3.6. Социальное обеспечение гражданского общества. Как это было в Англии

Одной из наиболее распространенных легенд, объясняющих устройство мироздания, является утверждение, которое звучит примерно так: «Конечно, большевики были очень нехорошие. Но если бы не они, то Запад так и жил бы при «диком» капитализме. А так, буржуины испугались, что пролетариат устроит им революцию и были вынуждены пойти на уступки». То есть, «уступки» и являются той причиной, по которой, как однажды выяснилось, «простые люди» на Западе живут лучше наших «простых людей». Заметим, что под «уступками» понимается 8-часовой рабочий день, пособия по безработице и — прежде всего — развернутая система социального страхования.

У меня всегда возникал вопрос — а как же люди жили до «уступок»? Ведь выходит, что без государственной опеки и заботы они были вынуждены плыть по бурным водам свободного рынка. Раз уж у буржуинов случился испуг и возникли уступки, то надо понимать, что бурные воды рынка — это очень и очень плохо. Между тем, никаких особых заварушек в старой доброй Англии 19 века — лидере тогдашнего «дикого» капитализма — не наблюдалось. Даже революций, столь полюбившихся на куда менее капиталистичном континенте, там не было. Ну луддиты, ну чартисты — подумаешь…То есть, получалась некая неувязочка: то ли буржуины после 17-го испугались совсем не того, то ли никакого испуга и вовсе не было. Конспирология, в великой мудрости своей, предлагает отговорку благотворительности. Дескать, хитрые буржуи, чтобы задобрить пролетариат, давали ему покушать. Однако, если благотворительность так хорошо работала, зачем же было пугаться в 17-м? В общем — неясно как-то.

История государства и история общества

К сожалению, популярная история — очень государствоцентрична. Это неудивительно — ведь считается, что именно государство «принимает решения», и, в конце концов, именно государство является главным производителем документов, по которым работают историки. Жизнь гражданского общества специально не документируется, да и нет в нем некоего отдельного центра, который бы «принимал решения». Вот и выхо-

дит, что о главном-то мы ничего и не знаем. Тем более ценны исследования, посвященные этой — главной — стороне нашей жизни. Книга Дэвида Грина, «Возвращение в гражданское общество» — одно из таких исследований.

Дэвид Грин рассказывает об истории обществ взаимопомощи в Англии. Эта история начинается в конце 18-го века и заканчивается в 1911 году. Общества просуществовали до окончания Второй мировой, но их вытеснение из сферы социальных услуг началось именно в 1911-м.

Общества взаимопомощи — это добровольные объединения с целью оказания помощи по болезни, помощи семьям в случае смерти кормильца и т.п. Это не страховые компании, т.е. — это неприбыльные организации. Такая организация имеет дело с расходами своих членов, не получая дохода. В случае Англии, общества охватывали в основном тот самый рабочий класс, возмущенный разум которого, по предсказаниям марксистов, должен был вот-вот закипеть.

Общества взаимопомощи были основным механизмом «социальной защиты» в Британии, порожденным самоорганизующимся гражданским обществом. В 1910 году в обществах взаимопомощи состояло 6,6 миллионов членов, в то время, как в профсоюзах — 2,5 миллиона и еще столько же — в кооперативных организациях.

Первые организации такого рода возникли еще в 16 веке, — Корпорация возчиков Лейта была организована еще в 1555 году, но бурный рост таких организаций начался в 18 веке.

Общества предоставляли пособия по болезни, оказывали медицинскую помощь своим участникам и членам их семей, оказывали финансовую и практическую помощь вдовам и сиротам. Медицинские услуги обычно оказывал врач местного отделения, которого общества выбирали путем голосования, однако, в крупных городах у обществ существовали свои медицинские учреждения вроде современных поликлиник. Кроме того, в большинстве обществ существовало специальное пособие для того, чтобы его члены могли путешествовать в поисках работы.

К 1801-му году в Англии действовало примерно 7200 обществ, в состав которых входило 648 000 человек (при населении страны в 9 миллионов). Через два года только в Англии и Уэльсе действовало уже 9672 общества с 704 350 членами (данные доклада в рамках подготовки «закона о бедных»). Весь 19-й век численность обществ взаимопомощи постоянно росла, причем динамика роста тоже возрастала. Когда в 1911 году правительство приняло Закон об обязательном социальном страховании, его действие распространялось на 12 миллионов человек. Не менее 9 миллионов из них уже использовали страхование добровольно в рамках обществ взаимопомощи.

Происхождение. Ассоциации соседей

Типичным местом возникновения общества взаимопомощи была пивная, в которой отдыхали после трудовой недели местные пролетарии. Эти люди обычно хорошо знали друг друга, так как были соседями. Такова, к примеру, история Манчестерского союза подмастерьев, который возник в пивной «Роупмейкерз Армс». Союз был создан в 1810-м Робертом Нейлором в виде «Ложи Аберкромби». В 1814-м ложа предложила уже существующим клубам взаимопомощи объединиться под ее эгидой «с целью взаимной поддержки, защиты и обмена опытом». В 1838-м в составе союза уже было 90 000 членов, в 1848-м — 249 000, в 1876-м — более полумиллиона.

Многообразие и развитие

Первоначально общества работали по простой схеме — все члены платили одинаковые взносы, из которых делались выплаты тем, кто обратился за помощью. В конце года остаток в кассе поровну делился между членами общества.

В дальнейшем общества развивались как организационно, так и по специализациям. Были общества федеративные и унитарные, имевшие четко прописанный устав и не имевшие такового, зарегистрированные правительством или существующие без регистрации. специализировавшиеся на медицинском страховании, широком спектре взаимопомощи, возмещении

убытков при кораблекрушении, накопительные общества, «общества Холлоуэя» и т.д. и т.п. Развитие обществ заложило практические основы страхового дела. Многие общества, начавшись с группы людей одного возраста, со временем выяснили, что их взносы не покрывают расходов на лечение, которые с возрастом увеличиваются. Возникли специальные системы расчета будущих взносов, которые теперь используются в страховании. Часть обществ придерживалась принципа ежегодного дележа остатков, это было хорошей гарантией от симуляции болезней, другая часть пыталась найти способы «с пользой» использовать эти средства. Депозитные общества и общества Холлоуэя разработали весьма сложные механизмы взаимного страхования. Крупные общества, такие как Манчестерский союз подмастерьев, обеспечивали также пенсионные накопления. Многие общества вскладчину организовывали выплату пособий по инвалидности и даже содержали санатории.

Общества породили некоторые услуги, которые не смогло воспроизвести государство, когда национализировало эту сферу. Например, это специальная деятельность, помогавшая членам обществ в поисках работы. Член общества, отправлявшийся в путешествие и не имевший задолженности, получал «баланс» — свидетельство, удостоверяющее его выплаты и «пароль для путешествующих». Прибыв на место, такой человек должен был обратиться в местную ложу и назвать пароль. Он получал своего рода пособие, как пра-

вило, на месячный срок. Если он находил работу, то мог получить еще и пособие на переезд. Эта система действовала и в международном масштабе, то есть, эмигранты в Канаде, Австралии и т.п. сразу находили поддержку.

Медицина

Одним из основных видов деятельности обществ было медицинское страхование. Нужно сказать, что система медицинской помощи была достаточно разнообразной, она включала в себя частную практику, медицинские учреждения благотворительных обществ, обществ взаимопомощи и т.п. Интересно, что те же рабочие довольно часто предпочитали частную врачебную практику. Значительный объем услуг оказывался бесплатно. Девид Грин пишет, что в Лондоне бесплатную помощь поликлиники при обществах взаимопомощи в 1877 году оказали четверти населения, в 1894-м — трети, а в 1904-м почти половине. Понятно, что речь идет о медицинской помощи и консультациях, а не о лечении. Правда, статистика Лондона отличается от остальной страны.

Таким образом, практика обществ взаимопомощи значительно расширила объемы медицинской помощи. Теперь ее могли получить те, кто не состоял ни в каких обществах. Общества считали, что не вправе отказывать тем, кто обращается за помощью такого рода. Однако, понимание того, откуда берутся средства на

«бесплатное» обслуживание устанавливало естественные рамки в этой практике.

Сами общества практиковали три основных способа медицинского обслуживания — практикующие врачи при ложах, собственные медицинские учреждения и списки «рекомендованных» врачей.

Школа самоуправления

Общества взаимопомощи были замечательной школой самоуправления. Особенно, крупные общества, имевшие множество отделений. Вопросы управления и недопущения концентрации власти решались по-разному — институтом референдума, ежегодными съездами и т.п. Во многих обществах функции центра выполняли по очереди местные отделения. Широко использовался как принцип ротации руководства, так и выборы. Председатели (Благородные Великие, Магистры) избирались на полгода или год, казначеи — на более длительные сроки. Как правило, ассамблеи (съезды) проводились на выезде, чтобы не создавать «центров власти», широко применялся институт экспредседателей, которые должны были советовать и направлять деятельность действующих (как вам название должности «Предыдущий Благородный Великий Великого Ордена подмастерьев»?).

Хорошо знакомая нам всем трехуровневая структура организации, состоящая из центрального бюро, местных отделений и ежегодного съезда представите-

лей, была выработана именно практикой британских обществ взаимопомощи. В конце 19 века значительная часть из них пользовалась именно такой структурой.

Замечу, что люди всегда и везде отличаются ленью, и общества тоже сталкивались с проблемой функционирования. Один из уставов местного отделения Ордена лесничих гласил, что члены общества, живущие в пределах двух миль от таверны «Клок-Уолтс» на Веллингтон-стрит, должны выплачивать штраф в 3 пенса в случае неявки на ежеквартальные заседания. Однако, другие общества нашли более адекватные способы обеспечить явку — взносы уплачивались в день регулярных заседаний.

Философия. Свобода, самостоятельность, достоинство

Общества взаимопомощи не были просто организациями, управляющими расходами своих членов. Большинство из них, особенно так называемые ордена, ставили своей целью идеалистические задачи совершенствования своих участников. «В орден нельзя принимать тех, кто «обладает дурным характером, ведет беспорядочную жизнь, склонен к дурной компании, виновен в регулярном пьянстве или ведет себя задиристо» — указывает наставление Ордена лесничих.

Взаимопомощь была одной из практик, которая позволяла человеку стать ответственным и обрести чув-

ство собственного достоинства. Не забудем, что речь идет, в большинстве случаев, о рабочих. Общества взаимопомощи были местом социализации этих людей, где они могли бы чувствовать себя полезными и самостоятельными членами общества.

Общества взаимопомощи считали, что как можно больше его участников должно пройти практику тех или иных должностей внутри самого общества. В наставлениях Ордена лесничих говорилось:«Человек, служивший в курии, знает, насколько добродетельно подчинение законным и доброжелательным указаниям и станет лучшим слугой общества, чем тот, кто подчиняется слепо и действует, не рассуждая. Человек, осуществляющий власть в курии, призванный на этот пост путем свободного выбора братьев, столь же подходит для того, чтобы занять ответственную должность во внешнем мире, и с куда меньшей вероятностью будет осуществлять данную ему власть с пренебрежительным высокомерием, чем тот, кто не познал важности долга перед другими и не усвоил благородного урока смиренности во власти, смиренности, которой учит школа взаимной зависимости».

Мировоззренческие и организационные принципы излагались в т.н. наставлениях, которые утверждались на съездах. «Лесничие» были одним из крупнейших орденов, наставления которого стали основой для других организаций.

Весьма показательно вот это место:«Власть членов Ордена подобна солнечному свету — она естественна, первородна и не ограничена никакими человеческими силами, власть же наших должностных лиц заимствована, делегирована и ограничена намерениями членов Ордена, которым она принадлежит и перед которыми отвечают все должностные лица».

Общества взаимопомощи четко отделяли взаимопомощь от благотворительности. Принимать благотворительность считалось унизительным для человеческого достоинства и допустимым лишь в крайних случаях. Наставление лесничих, приводя историю о неком сэре Филиппе, который, будучи, смертельно раненым, отдал принесенную ему воду раненому солдату пишет: «Вот пример **великодушия**, поскольку это был добрый поступок по отношению к человеку в беде, не сопровождавшийся и толикой эгоизма. Если бы кто-то поделился чем-то, в чем не нуждался сам, это был бы добрый поступок. Если бы он поделился частью того, что у него имелось бы в изобилии, это была бы **благотворительность**. Мы, как члены Братства, особо призваны следовать **великодушию**в его высших и благороднейших проявлениях». Однако, эти понятия четко отграничиваются от законного **права** члена общества на получение помощи. «Для получения определенного вспомоществования по болезни все братья создают общий фонд, пользование которым представляет собой неотъемлемое право каждого из членов братства при возникновении обстоятельств, для которых он предна-

значен. Здесь речь идет не о великодушии, а о законном праве» — прямо указывает наставление.

Когда государство взяло на себя функции социального страхования, понятие права перекочевало в эту сферу из обществ взаимопомощи. **Однако, в обществах это право обеспечивалось взносами его участников. В «государстве всеобщего благосостояния» такое «право» обеспечивается за счет других**.

Ритуалы

Как уже заметил читатель, многие общества взаимопомощи копировали рыцарские и масонские ордена. Одни только названия чего стоят: Великий орден подмастерьев, Древний орден лесничих (понятно, что вряд ли все из миллиона его членов были лесничими), Общество удальцов для взаимной пользы, Объединенный древний орден друидов и т.п…

Ритуалы составляли важную часть жизни обществ. Лесничие, например, при приеме новых членов практиковали поединок на дубинках, от которого отказались только в 1843 году. Ритуалы создавали атмосферу сопричастности общему делу. Пароли, церемонии посвящения, секретные рукопожатия и прочие атрибуты имели и практическое значение. Автор этих строк давно убедился в полезности вещей, которые многим кажутся излишними. Например, в большинстве обществ, вновь избранный на собрании председатель зачитывал

свои обязанности лично, либо отвечая на вопросы специального уполномоченного. Очень полезная практика, равно, как и голосование вставанием с места. Думаю, все меня поймут, если я скажу, что вместо присяги (или вместе с ней) вновь избранный украинский президент лучше бы зачитывал статью 106 Конституции.

Государство и общества

Любому государству не очень нравится, когда его подданные начинают что-то предпринимать без его опеки. Государство склонно считать, что они замышляют нечто против него, особенно, когда речь идет о «низших классах». До 1834 года общества взаимопомощи находились под контролем мировых судей, которые разрешали (или не разрешали) их деятельность. В 1834 году эта опека была ликвидирована и общества были отпущены на свободу. Была введена государственная регистрация, но она была не обязательной. Регистрация давала преимущества в том случае, если кто-то решил присвоить себе кассу. В этом случае, зарегистрированное общество было стороной в суде.

Государство неоднократно предпринимало попытки навязать обществам «единственно правильную и научно обоснованную» систему взносов в зависимости от возраста. Впрочем, тогдашнему государству хватило ума не делать ее обязательной, и после того, как

несколько таких рекомендованных систем потерпели фиаско на практике, оно отказалось от этих попыток.

Однако, все это закончилось с наступлением эпохи массовой политики, борьбы за голоса массового избирателя и групп давления.

Финал

В 1909 году правительство опубликовало свои намерения введения общенациональной системы социального страхования по германскому образцу. Несмотря на то, что первоначальный проект делал общества взаимопомощи частью этой системы, он не нашел у них поддержки.

Великий магистр Манчестерского ордена подмастерьев, выступая на ежегодном съезде в 1909 году, говорил: *«Осмелюсь утверждать, что подавляющее большинство моих собратьев, а также тысячи и тысячи членов других обществ взаимопомощи однозначно выступают против того, чтобы правительство взяло на себя страхование рабочего класса нашей страны по инвалидности или болезни в любой форме»*. Великий магистр признал, что даже в рядах его общества есть небольшое число людей, считающих, что социальные язвы можно излечить, *«подавив индивидуальные добровольные усилия и полностью положившись на государство»*. Эта точка зрения, по мнению магистра, не учитывала воздействия та-

кой ситуации на характер людей. *«Государство может заставить человека участвовать в системе страхования, но оно не сделает его ни осторожным, ни бережливым, ни добрым гражданином»*.

Однако, негативная реакция обществ взаимопомощи не остановила правительство. Закон о национальной системе социального страхования был принят в 1911 году. Поползновениями правительства немедленно воспользовались группы давления — прежде всего, Британская медицинская ассоциация (БМА), профсоюзы медиков и страховщики, объединенные в лоббистскую структуру с красноречивым названием Синдикат. Эти группы были недовольны конкуренцией со стороны обществ взаимопомощи, врачи были отдельно недовольны «контролем непрофессионалов» над своей деятельностью. Дело в том, что общества следовали нормам общего права, одна из которых гласит, что никто не может быть судьей в своем деле. Поэтому конфликты с врачами общества решали путем третейского суда. Организации врачей считали, что именно они сами должны улаживать споры.

В общем, в результате объединенных усилий БМА и Синдиката, первоначальный проект претерпел несколько изменений, а затем в уже принятый закон были внесены поправки. Все это подорвало позиции обществ взаимопомощи, создав систему, фактически дотируемую государством. Доходы врачей, участву-

ющих в схемах государственного страхования, на ровном месте увеличились в два раза.

Однако, общества продолжали активную деятельность вплоть до начала 50-х годов. Известны доклады БМА, в которых она жалуется на общества взаимопомощи, деятельность которых не дает врачам в некоторых городах обслуживать клиентов по «установленным тарифам», поскольку услуги врачей обществ дешевле.

Выводы

1. Государство, введя систему социального страхования, не создало ничего нового, оно воспользовалось образцами, выработанными обществами взаимопомощи.

2. Однако, государство изменило сами основы этой деятельности. Вместо добровольных некоммерческих обществ взаимопомощи, оно создало систему, фактически дотируемую государством. Это полностью изменило мотивацию участников.

3. Само вмешательство государства дало возможность группам давления — Синдикату и БМА — воспользовавшись ситуацией, «решить свои проблемы».

4. В итоге, снизилось качество услуг и возможности контроля. Врачи стали судьями в собственном деле. Обезличенная централизованная система не

могла быть столь эффективна, как конкуренция независимых групп. Кстати, об этом хорошо было известно самим обществам: «Удальцы», — наиболее централизованное общество, которое вообще не имело местных отделений, однажды сравнили свою статистку выплат с «Лесничими». Оказалось, что число пособий по болезни, выдаваемых «Удальцами», регулярно на треть превышает аналогичный показатель «Лесничих». Причина проста — пособия «Лесничих» выплачивались из средств местных отделений, где люди были знакомы друг с другом и понимали, что используют средства друг друга. Что уже говорить о ситуации, когда страхование, по сути, проводится за счет обезличенного «налогоплательщика».

5. Показательны приоритеты, которыми руководствуется государство. Общества взаимопомощи работали, развивались, конкурировали, их деятельность охватывала почти столько же людей, сколько и новая государственная система. Чем же было обусловлено вмешательство государства? Оно было продиктовано шатким большинством, которое было тогда у Либеральной партии в парламенте. Ллойд Джордж попросту хотел купить голоса рабочих. После опубликования проекта, Ллойд Джордж боялся уже и армии агентов страховых компаний — 70 000 человек, которые, по словам самого премьера, «неутомимы, зачастую очень умны и вхожи в каждый дом».

6. История с принятием закона о системе социального страхования в Англии типична еще и тем, что ясно показывает, что государство, руководствуясь политическими мотивами (поддержка на выборах), как правило, становится в этих случаях на сторону производителей услуг в ущерб потребителям. Именно усилия лоббистов, преследующих групповые интересы, «подправили» первоначальный проект в ущерб потребителю.

7. Принятие государством таких массивных обязательств, как социальное страхование, неизбежно приводит к инфляционной политике. Заметим, что деятельность обществ происходила в условиях золотого стандарта, когда деньги не превращаются с течением времени в мусор. Это и было той экономической основой, которая позволяла рабочим объединять усилия и самосовершенствоваться. Первая мировая подорвала золотой стандарт, но точно так же подорвали его и «социальные обязательства». Отныне, инфляционная политика стала нормой, а экономическая основа для объединения сбережений простых граждан становилась все более шаткой. Гражданское общество начало разрушаться.

Ну, а как же наши большевички, о которых мы говорили в начале заметки? Как видим, они здесь совершенно не при чем. «Уступки» в виде государственной системы социального страхования были сделаны

до всяких большевичков, мало того, оказалось, что это были даже и не уступки, а просто национализация того, что было уже создано усилиями самих граждан и
2010 неплохо работало.

7.3.7. Вместо пенсионной реформы нам нужен «Закон об ушельцах»

> Лой быканах Лой быканах Вышли хлай Вышли хла-а-ай Вышли хлай Лой быканах
>
> *Борис Гребенщиков, «Песня ушельцев»*

Как оказалось, все разговоры и полемика вокруг так называемой «пенсионной реформы» не имеют большого значения. Причина — отсутствие предмета, то есть «пенсионной реформы». В результате вскрытия выяснилось, что вся «реформа» сводится к повышению пенсионного возраста женщин и некоторым другим действиям, которые могут быть названы косметическими. Почему?

Чтобы разобраться, давайте сначала попробуем сформулировать проблему. Проблема включает несколько аспектов. Во-первых, определим, цель, которую мы должны достичь — неважно, с помощью «пенсионной реформы» или без нее. Очевидно, эта цель состоит в том, что старики не должны голодать. Во-вторых, определим, что мешает достижению этой цели. Ответ — отсутствие у них сбережений на старость. Почему у них нет этих сбережений? По многим

причинам, но самая главная — это то, что в свое время им обещали гарантированную государственную пенсию. Почему этой пенсии не будет? Потому, что она целиком и полностью зависит от возможностей государственного бюджета, расходы которого увеличиваются, доходы падают, и который управляется максимально непрофессионально.

В этом месте возникает развилка в решении нашей задачи. Первый вариант решения — это то, чем сегодня занято правительство и то, что оно называет «пенсионной реформой». Ее суть сводится к тому, чтобы уменьшить число людей, которым государство должно выплачивать пенсию и, тем самым, уменьшить нагрузку на бюджет. Эта задача решается путем увеличения возраста, необходимого для получения пенсии, причем процесс этот растягивается на несколько лет и дает незначительный эффект. Собственно, в пределе такой способ решения приводит к тому, что государственная пенсия, как таковая, исчезает или распространяется только на бывших госслужащих. Достигается ли наша цель при таком способе ее решения? Очевидно, нет. Существует значительная группа людей, которая уже не сделала сбережений в силу обещанной пенсии и может в старости оказаться ни с чем.

При этом, это самый благоприятный ход событий. Неблагоприятный куда более вероятен. Эта вероятность возникает от того факта, что какие бы манипуляции с количеством получателей пенсий правительство не производило, размеры пенсий и сама их выплата

все равно зависят от текущего состояния бюджета. То есть, если в бюджете начнутся проблемы, пенсии просто могут исчезнуть, либо сократиться, либо выплачиваться нерегулярно. Судя по всему, такие проблемы, скорее всего, возникнут. Планы печатания тысячегривневых купюр и планы крохоборской реформочки, изымающей из оборота мелкие копейки, подтверждают это. Сознательная политика на раскрутку инфляции уже началась и когда широкая публика поймет это, дело будет плохо. Мнение о том, что инфляция может быть «управляемой» глубоко ошибочно и, похоже, что нам скоро опять придется убедиться в этом. Инфляция, раскручиваемая с целью самообмана в государственной отчетности, всегда заканчивается гиперинфляцией и крахом государственных финансов. Не нужно сбрасывать со счетов и мировой кризис, который никто не отменял. Лидеры западных стран пока что заняты тем, чтобы найти поводы для отсрочек решений в области финансов, а сами эти финансы продолжают уверенно деградировать. Если большой кабум случится, а точнее — когда он случится, то не поздоровится никому, а таким странам, как Украина — в особенности. Таким образом, первый вариант решения не годится как в случае реализации благоприятных, так и в случае реализации неблагоприятных прогнозов.

Второй вариант основан на прямом решении задачи не допустить того, чтобы старики голодали. Нам давно пора понять, что это исключительно наша забота. В

любом случае, государство платит пенсии из наших денег, которые проходят усушку и утруску у него внутри и появляются на выходе изрядно похудевшими.

Понятно, что мы должны помогать старикам безо всякой оглядки на государство. Но, крайне важно лишить его возможности выдвигать всяческие претензии и пафосно заламывать руки, возглашая «вы нам не платите налогов и теперь ваши старики будут голодать!»

Речь идет о том, что давно пора начать движение ушельцев или, правильнее говоря, движение «розкріпачування». Не существует решений, которые меняют одинаково ситуацию сразу, для всех и еще, к тому же, в лучшую сторону. Но могут и должны существовать процессы, в рамках которых могут приниматься локальные решения, облегчающие ситуацию. Движение ушельцев — это движение по выкупу себя из рабства у государства. Суть его в том, чтобы предложить государству честную сделку: я сам плачу пенсию такому-то, но взамен я не плачу вам в ваш пенсионный фонд, и мое предприятие не платит за меня из фонда заработной платы. Если же я вдруг не плачу пенсионеру, меня автоматически возвращают в рабство.

Это легко сделать и проконтролировать, если мы создадим специальную социальную сеть. Иван платит пенсию Пал Палычу, а Сергей и Василь — Петру Сергеевичу. Все прозрачно и все очевидно. Платежи в интернете делаются просто и быстро. Состояние аккаунта определяется двумя кликами мыши. Все то же са-

мое можно проделать и с прочими «социальными» налогами. Я не плачу в государственный фонд имени безработицы, потому, что плачу в сетевой фонд взаимопомощи. Вот справка. Вот протокол. Все это в рамках одной системы, круглосуточно доступной онлайн, все эти альтернативные фонды должны существовать там и меня с моими платежами должно быть там сразу видно. Все, кто желает, теперь получает возможность сказать государству: «нам твои услуги не нужны, мы уж как-нибудь сами». И, кстати, больше нет никаких проблем с «зарплатами в конвертах». И если вы действительно не хотите теневой экономики, то вот вам метод.

Ушелец, заключает с государством договор, в котором он указывает, от каких социальных «услуг» государства он намерен отказаться и, в случае, пенсионного налога, указывает конкретное лицо, которому он будет платить. Пенсионер, со своей стороны, отказывается от государственной пенсии, пока соблюдаются условия договора с ушельцем. Чтобы не высчитывать дурацких формул, которые ничего не описывают и никому не помогают, нужно сразу зафиксировать принцип — не больше двух ушельцев на одного пенсионера. Понятно, что ушельцы будут первым делом заключать договора со своими родственниками. Это очень хорошо. Понятно также, что люди, входящие в пенсионный возраст, будут более ответственно относиться к собственным сбережениям, так как будут понимать, что им, возможно, придется обращаться за помощью не к абстрактному государству, а к конкретным лю-

дям. Понятно, что люди, находящиеся в начале «трудового стажа» тоже не будут испытывать иллюзий относительно государственных пенсий. Замечательно, что наконец-то у нас у всех будет прямой повод задуматься об инфляции и о ее роли в разрушении наших сбережений, а значит, выдвинуть государству обоснованные требования прекратить заниматься этими глупостями.

Таким образом, государственная «пенсионная система» со временем просто растворяется в воздухе. Ей на смену приходят либо сбережения, либо частные (добровольные) пенсионные фонды.

Мне могут сказать, — а как же быть с теми пенсионерами, которым не достанется своих ушельцев? Мне почему-то кажется, что такого не будет, но если и будет, то в этом случае — финансировать пенсии из бюджета. Это ведь и сейчас делается, и ни у кого не вызывает вопросов. В гипотетическом случае, когда поступления от социальных налогов уже равны нулю, а необеспеченные ушельцами пенсионеры еще остались, государство объявляет о банкротстве и ликвидации своего пенсионного фонда и честно платит оставшиеся пенсии из бюджета. Что-то мне подсказывает, что этими последними будут как раз государственные пенсионеры с пенсиями в десятки тысяч. Ну вот с ними пускай государство и разбирается.

Нужно понимать, что задача государства отчетность. Все разговоры о том, какое оно хорошее и как все вокруг красиво, только вы не хотите этого заме-

чать, ведутся на основании этой отчетности. На языке отчетности низкий дефицит пенсионного фонда — это хорошо. У нас задача прямо противоположная. Нам нужна не отчетность, а нам нужно помочь пенсионерам, которые в свое время поверили в государственные пенсии. Поэтому для нас важно количество людей, получающих реальную помощь, а не мифический дефицит мифического фонда. В случае реализации моей идеи, это означает как раз рост дефицита пенсионного фонда. Поэтому, когда государство будет вам плакать, что так делать нельзя, потому, что увеличится дефицит, не верьте ему.

Мне также могут сказать, что нашему поколению — я имею в виду людей с «трудовым стажем» где-то от десяти лет до людей предпенсионного возраста, придется платить больше, чем другим поколениям — платить пенсионерам и делать сбережения для себя. Да, это так. Однако, нашему поколению в любом случае придется пострадать. Государственная система социального страхования гарантированно луснет в пределах жизни этого поколения. Насладиться радостями пенсионной жизни удастся разве что тем, кто получит пенсию через год-два-пять и то, если они после этого сразу же умрут. Все остальные окажутся жертвами коллапса. Лично я предпочитаю роли несчастного пострадальца роль человека, осознанно разрывающего порочный круг. Оно как-то благороднее и не так обидно. Тем более, что повторю — речь не идет о том, что сразу и одномоментно одна система заменяется

другой, а о том, что создается альтернатива. Кто не верит в государственные пенсии — не платит соответствующие налоги (и его предприятие не включает его зарплату в фонд зарплаты) и сам кормит пенсионеров, кто верит — платит налоги и ждет от государства своей пенсии.

Для всего этого должен существовать проект закона об ушельцах. Это должен быть один закон, причем прямого действия, содержащий в себе все возможные шаблоны для своего применения и не содержащий отсылки на другие акты, которые должны быть приняты в будущем. Он должен вносить поправки в те законы, которые должны быть изменены. Например, вроде бы с этого года все «социальные» выплаты поступают в пенсионный фонд, а там распределяются на отдельные счета — пенсионный отдельно, соцстрах отдельно и т.д. Все это должно быть отменено, выплаты должны быть раздельными, чтобы можно было отказаться от каждой в отдельности. Необходимо также создать поле деятельности для частных фондов, в том числе и зарубежных и т.п.

Разумеется, государство будет всеми силами бороться с таким законом, однако, его моральные позиции будут, мягко говоря, смешны, ибо дело выглядит следующим образом. Государство: «Ой мы бедные, несчастные, у нас дефицит пенсионного фонда, теневая экономика, пенсионеры с голоду дохнут!» Ушельцы: «Так давайте мы сами будет платить пенсионерам,

если у вас не выходит». Государство: «ну… нет… лучше уж я, уж лучше пусть дохнут…».

Для принятия такого закона нужны целенаправленные действия. Не нужно «идти в политику», Боже упаси. Нужна коалиция избирателей, которая будет долбить в одну точку. План может быть таким:

1. Принятие закона о выборах по открытым спискам и либо сокращение полномочий Рады до двух лет (лучший вариант), либо обещание досрочных выборов. Это самое трудное, однако уже здесь может включаться принцип американской партии — то есть, избиратели, поддерживающие закон об ушельцах, обещают голосовать за партии, которые обещают принять закон об открытых списках. Здесь может быть очень широкая коалиция избирателей.
2. После принятия такого закона — перед следующими выборами — заключение с кандидатами в депутаты, которые обещают голосовать за закон, соглашений со взаимным обещанием голосовать. Участники коалиции — за кандидата, кандидат — за закон.
3. В случае, если депутатов набирается много — принятие закона.

2011

И я очень хочу посмотреть на тех, кто после всего этого такое обещание нарушит.

7.3.8. Ключ украинской реформы

20 лет разговоров о реформах для автора этих строк имеют один положительный результат — я теперь твердо знаю, в чем именно состоит «ключ» реформы. Это знание дают не только «разговоры», но и опыт, особенно опыт последних лет, ясно показывающий, что не существует никаких обстоятельств, которые бы заставили государство проводить реформы, то есть добровольно сокращать свою власть.

Собственно, под реформами я понимаю то «окно возможностей», которое бы позволило мирно и максимально безболезненно демонтировать государство в течение некоторого, возможно, довольно длительного времени. Неизвестно, как будут складываться реальные обстоятельства, но если такая возможность будет, ее нельзя упускать. И если речь пойдет о конкретных действиях, то в них нужна некая отправная точка, своего рода ключ, о котором и пойдет речь ниже. При этом, я уверен, что этот ключ годится не только для людей, которые бы видели идеалом общество без государства, но и для всех, кто считает, что государство должно сократить свое присутствие в обществе.

Идея этого ключа появляется из все того же 20 летнего разговорно-практического опыта, который ясно свидетельствует о том, что существует только один способ ограничить активность государства и его склонность к разрастанию — ограничить доступ государства к деньгам.

Все реформаторские упражнения с «прозрачными правами собственности», судебной системой и даже сокращением государственных расходов будут иметь локальное значение до тех пор, пока государство свободно в определении объема собственных «услуг», а значит и объема ресурсов, которое оно будет изымать из общества. Пока это положение сохраняется, все останется как есть, может меняться только внешний вид системы, а суть ее останется прежней.

Сам ключ состоит в том, чтобы сделать получение государством денег условным, а не безусловным, каковым оно является сегодня. Напомню, что именно так функционирует любое современное государство — налогообложение в широком смысле слова проводится в нем «вообще», безо всякой привязки к чему-либо, то есть, доход государства является безусловным. Правительства приходят и уходят, меняются партии и президенты, пишутся и реализуются программы, а деньги собираются всегда и безо всякой связи с этим процессом.

По сути, мы должны вернуть и усовершенствовать принцип «нет налогообложения без представительства», который у нас (да уже и не только у нас) понимается неверно. Этот принцип означает, что плательщики налогов не просто «представлены» (в законодательном органе, например), этот принцип означает, что они дают согласие на налоги. Причем, это согласие дается регулярно, а не «вообще». Хочу напомнить, что именно это обстоятельство — введение нало-

гов без согласия облагаемых стало главным поводом к американской революции. То есть, государственные расходы в такой системе:а) периодичны, а не постоянны, они существуют на период между выборами; б) обсуждаются до выборов; в) конкурируют на выборах и реализуются после выборов; г) налоги формируются каждый раз для данного объема и назначения расходов, не существует никаких постоянных налогов, все они аннулируются с новыми выборами.

Я называю этот подход ключом, потому, что из него ясно следуют все прочие меры. Назову лишь некоторые из них. Очевидно, что налоги не должны платить те, кто получает деньги из бюджета. Очевидно также, что эти люди не имеют права участвовать в выборах. Ясно, что в такой системе невозможны косвенные налоги и вообще налогообложение, использующее «анестезию», когда плательщик не отдает себе отчет в том, что он является плательщиком. Невозможно налогообложение предприятий, деятельности и т.п., наиболее логичным является подушный налог на избирателей. Разумеется, о каких-то расчетах сейчас говорить нет смысла, но можно предварительно оценить такой налог в категориях много — мало. Если даже оперировать расходами украинского бюджета и просто избавиться в них от очевидно одиозных направлений вроде здравоохранения, образования и пенсионной системы, то оставшиеся 152 миллиарда при 22 миллионах трудоспособных дают нам 7 тысяч гривен налога в год, что является не такой уж большой суммой. Если учесть,

что сокращение государственных расходов означает экономический рост, то влияние этой суммы на личный бюджет будет уменьшаться. Фактически, на каждых выборах будет обсуждаться величина этого налога и понятно, что партиям придется конкурировать за более низкую цифру (в то время, как сегодня они конкурируют за более высокую).

Понятно, что не могут существовать, как само собой разумеющийся институт, государственные займы, ни внутренние, ни внешние. Это же относится и к прочим «доходам» государства. Если они не могут быть аннулированы перед новыми выборами, они должны быть ликвидированы (например, доходы от государственных предприятий и т.п.).

Все это верно и по отношению к инфляции. Такая система явным образом требует «честных денег», независимых от государства, ликвидации центрального банка и свободной банковской деятельности.

Правительство может формироваться по системе, применяемой когда-то в Швейцарии. Партия, получившая относительное большинство голосов, формирует правительство, которое не может быть отправлено в отставку в течение его полномочий. Парламентское большинство приобретает несколько другое, чем сегодня, значение. Правительство заинтересовано в нем тогда, когда ему для реализации своего бюджета требуются принятие каких-то законов. Очевидно, что срок полномочий должен быть небольшим — один или мак-

симум два года. На этот срок и формируется бюджет, и, соответственно, сумма налога. Понятно, что в рамках колонки можно говорить только о самых общих и значимых моментах. Для меня таким моментом этой системы является прямая и ощутимая связь между карманом избирателя и результатом выборов. Я уверен в том, что пока каждый не будет ощущать этой связи в полной мере, ни о каких реформах, а тем более о демонтаже государства речи вести нельзя. 2014

7.3.9. Бедные, богатые и подушный налог

Для тех, кто пытается понять, что происходит в экономике, очень важно следовать правилу, которое сформулировал Фридерик Бастиа еще в середине 19 века. Правило состоит в том, что любое решение имеет очевидные и неочевидные последствия, или, в терминах самого Бастиа, то, что «видно» и то, что «не видно». Поняв то, что не видно, вы в большинстве случаев увидите ошибочность того, что видно.

Классикой жанра здесь является «ошибка разбитого окна». Это история о разбитом окне булочника и следующей из этого факта мысли, что разбитое окно — это «хорошо для экономики», так как булочник теперь будет вынужден заплатить стекольщику за новое окно и тем самым «простимулировать» промышленность и т.п. Ошибка состоит в том факте, что не будь окно разбито, булочник купил бы на эти деньги новый костюм, чем «простимулировал» бы портного. То есть, в сухом

остатке имеем ситуацию «булочник с окном» против ситуации «булочник с окном и в новом костюме». Понятно, что общественное богатство во втором случае явно больше.

Простота этого примера кажущаяся. По крайней мере, она не доступна экономистам вроде Пола Кругмана и подавляющему большинству политиков, которые рассуждают, скажем, о «стимулирующей» роли войн и налогов. Когда речь идет о государственных расходах, «государственных инвестициях», «стимулировании», вы почти всегда найдете там ошибку разбитого окна.

Я хочу привести пример другого рода, пример того, что не видно в гипотезах и предположениях. Давайте, например, возьмем идею подушного налога. Это налог, который платится «с души», то есть прямой налог, фиксированная сумма, которую каждый должен заплатить государству. Возьмем ситуацию, когда это вообще единственный налог и другие доходы государству запрещены. Примем также во внимание тот факт, что сумма налога пересматривается во время очередных выборов, то есть, перед выборами проходит своеобразный конкурс бюджетов и сумм налога, которые из них следуют, а после выборов реализуется бюджет победившей партии.

Первое, что мне скажут, что эта система выгодна богатым, так как все граждане — и бедные и богатые — платят одну и ту же сумму. Оставим в стороне вопрос,

почему богатые должны платить больше. Допустим, что все они негодяи и по ним плачет тюрьма. Однако, налоги никак не «наказывают» богатых. Заплатив хоть 20%, хоть 40%, «богатый» все равно останется с большей суммой, чем «бедный». Я уже не говорю о том, что если «богатый» посчитает, что налоги слишком дорого ему обходятся, он, в отличие от «бедного», найдет способ уйти от них. «Справедливость» при таком подходе может существовать только в виде конфискации имущества.

Если же мы, все-таки, против тотальной конфискации, то мы должны выбирать лучшую систему, и я утверждаю, что система подушного налога в предложенной версии лучше любой другой. И лучше она с той стороны, которую «не видно» при первом взгляде.

Во-первых, подушный налог платят «физические лица». Все налоги с юридических лиц отменяются. Это означает, что ваше предприятие наконец-то вздохнет свободно. Сейчас оно находится в состоянии постоянной борьбы с государством, каждая сделка, каждый платеж несет в себе риск. На это уходят огромные ресурсы, «горизонты планирования» украинского бизнеса — максимум год. Предприятия наконец-то смогут заняться делом, то есть, приносить пользу людям, начнется экономический рост.

Во-вторых, поскольку инструменты давления на бизнес исчезают, разваливается система кумовства и привилегий. «Давить» конкурентов с помощью нало-

говой и бесчисленного количества других проверяльщиков становится невозможно. Начинает работать рынок, то есть, доход продавца начинают определять покупатели, а не связи в бюрократическом аппарате. Соответственно, общество богатеет.

В-третьих, подушный налог не привязан ни к зарплате, ни к прибыли, ни к доходу, ни к собственности, ни к экономической активности. То есть, у вас нет никаких стимулов что-то скрывать, а это значит, что вы можете свободно планировать свою деятельность на долгий срок, откупаясь от государства заранее известной вам суммой. Государство не придет к вам со своим вымогательством, потому что у него больше нет для этого поводов, его «фронт работ» радикально сократился.

В-четвертых, сумма налога зависит от убедительности будущего бюджета для избирателя. Поэтому первым делом, ликвидируется огромная армия бюрократов. Эти люди и их приспешники теперь начинают работать и приносить пользу. Вы контролируете государство, оно делает только то, за что заплачено.

В-пятых, сокращение государства означает, что освобождаются новые рынки, ранее им монополизированные или контролируемые (образование, медицина, транспорт и т.п.). В-шестых, вместе с косвенными налогами исчезают акцизы, тарифы, внебюджетные фонды и прочее. Жизнь становится дешевле.

В-седьмых, и для меня это главное, в такой системе граждане привыкают к тому факту, что жизнь, по идее, возможна и без государства и налогов.

Как по мне, такая система куда лучше нынешней, даже учитывая тот факт, что у «богатых» после уплаты подушного налога будет оставаться больше денег, чем у «бедных». Особенно, если понимать, что это произойдет и при любой другой из возможных систем. 2012

7.3.10. Не должно быть никакого «один человек — один голос»

Сейчас вся «прогрессивная общественность», судя по надписям, которые она оставляет в общественных местах, озабочена тем, как ей привести к власти Вашингтона с новым и праведным… ээээ… пардон, своего местного Саакашвили.

Однако, калькулятор ясно показывает общественности, что при всех раскладах бабушек все равно больше, чем сторонников Саакашвили. Поэтому общественность впадает в отчаяние и готовится голосовать за тягнибоков.

Рискну посоветовать общественности оторваться наконец от калькулятора и подумать немного в другую сторону, а именно, подумать о том, является ли сама система выборов, в таком виде, как мы ее знаем, годящейся хоть на что-нибудь То есть, подумать даже не о том, является ли она «справедливой», а о том, есть ли в

ней хоть какая-то внутренняя логика и здравый смысл. Мысли на этот счет уже потихоньку начинают выползать из интернетов на свет божий, хотя пока и считаются той же общественностью «крамольными». Они, безусловно, являются куда более продуктивными, чем размышления о бабушкизации населения, так как если вдруг окажется, что система «выбора власти большинством» никуда не годится, то придется отложить Саакашвили и заняться ее ремонтом, иначе будешь выглядеть ну совсем уже глупо.

Итак, посмотрим на выборы, как институт. Почему он вообще существует? Представим себе, скажем, клуб филателистов. Они в этом клубе все до одного филателисты и клуб этот содержится их совместными усилиями. Филателисты прибегают к институту выборов, чтобы выбрать себе председателя. В принципе, любой из них может им быть, так как любой знает стоящие перед клубом задачи и способы их решения, он в курсе дела. То есть, в качестве филателистов эти совершенно разные в прочих отношениях люди практически равны между собой. Они выбирают среди равных того, кто лучше может справиться с определенными задачами, необходимыми именно в рамках их деятельности.

Теперь представьте, что законодательно установлено, что любой козел с улицы может зайти на выборы в этот клуб и принять в нем участие. Жалко клуб, правда?

Если мы посмотрим на историческое применение института выборов, мы увидим, прежде всего, примерное равенство участников выборов. Собственно, это **равенство относительно функций, для исполнения которых и проводятся выборы**, и делает выборы необходимыми. Поскольку каждый может, а должен кто-то один, то давайте его выберем.

Теперь второй момент. Демократия есть не столько абстрактная выдумка, сколько естественно развивавшийся во времени набор институтов. Страны, где избиралась сначала представительская, затем законодательная, а затем и исполнительная власть, счастливо сочетали демократию с **ограниченностью государства**. Конечно же, решения государства, так или иначе, касались многих, но были и другие центры власти, например, местное самоуправление и другие институты гражданского общества, которые куда в большей степени влияли на жизнь людей.

Существовавшие в то время избирательные цензы имели простой смысл — **делом должны заниматься те, кого оно касается и кто, следовательно, в курсе дела**. Остальные не сильно страдали от такого положения вещей, так как оно не сильно их касалось. Добавим, что законодательный процесс, помимо того, имел тогда важное преимущество — он был крайне медленным. Перед принятием решений, специальные комиссии тщательнейшим образом собирали информацию, публиковали доклады, которые затем долго и нудно обсуждались. Наиболее известные ан-

глийские законы, вроде закона о бедных, или закона о введении полицейской службы, или закона о рабочих обществах взаимопомощи, принимались именно так. В США для введения первого федерального налога (подоходный налог, 1913 год), вообще потребовалось принять поправку к Конституции. Короче говоря, государство не могло вот так вот левой ногой с бодуна залезть налогоплательщику в карман или устроить еще какую-нибудь гадость.

В общем, **демократия работала тогда, когда она была ограничена**. С одной стороны — незначительными полномочиями и возможностями государства, с другой — разного рода цензами на участие в выборах.

Затем политики заметили, что существует огромный «электоральный резерв» в виде разных категорий трудящихся, не имеющих права голоса. И если эти политики не могли победить голосами тех, кто в курсе дела, они начинали задумываться о том, не заняться ли расширением «электоральной базы», которая вот так вот зря пропадает без дела, и не поискать ли счастья там. Этот процесс «освобождения трудящихся» и наделения их голосом на выборах шел естественным путем и к нему приложили руку не столько разного рода жулики, сколько совершенно искренние борцы за «права» трудящихся. Дело это заняло многие годы, но сегодня мы в полной мере наслаждаемся его плодами. Мы живем в стране, где человек, который не в состоянии правильно написать свою фамилию, является та-

ким же гордым избирателем, как и какой-нибудь профессор.

Мы привыкли много рассуждать о равенстве прав кандидатов на выборах, и тому подобном, но мы совершенно забыли о том, что **первое и главное условие, при котором выборы вообще имеют какой-то смысл, это равенство избирателей**. Именно этого давно уже нет ни в одной стране мира. И потому демократии тоже давно уже нет.

Теперь предложение. Украинцы уверены в том, что им совершенно необходимы специальные дядьки, именуемые государством, которым украинцы должны платить деньги. Украинцы ни секунды не сомневаются в том, что эти дядьки лучше знают, как и куда их потратить. Украинцам страшно даже подумать о том, что будет, если вдруг возможности дядек отбирать и тратить их деньги будут хоть как-то ограничены. Главное, чтобы дядьки были хорошие и фамилия у них была Саакашвили.

Коль скоро это так, я предлагаю пока что задуматься над тем, как внести хоть какой-то здравый смысл и логику хотя бы в процесс появления этих дядек на свет, то есть в то, что делает демократию демократией. Принцип «один человек — один голос» обрекает нашу несчастную страну на вечное убожество. Введение избирательных цензов нам не поможет. Имущественный ценз работать не будет. Образовательный тоже. Ограничительными мерами равенство избирателей не уста-

новить. Легче просто отказаться от принципа «один человек-один голос» и, напротив, постулировать **неравенство** граждан, то есть, наделять граждан голосами в соответствии с их взносом в кормление дядек, пардон, в общее благо. Например, вполне работоспособен принцип, когда количество голосов одного избирателя равно проценту от заявленного им дохода, уплаченного в виде налогов, то есть, скажем, если вы потратили
2011 20% дохода на налоги — получите 20 голосов.

7.3.11. Чиновники не должны платить налогов. И не должны голосовать

В предыдущей колонке мы говорили о том, что коль скоро украинцам так нравится система, называемая государством, то, прежде всего, им необходимо задуматься над тем, насколько действующая версия этой системы логична и пригодна для использования.

Как известно, суть государства состоит в том, что оно насильно отбирает часть дохода граждан ради реализации задач, которые, как оно объясняет, не могут быть реализованы никаким другим образом. В данном случае я не ставлю под сомнение существование неких особых public goods (которых, конечно же, на самом деле, не существует), а также не ставлю под сомнение насильственный характер отбора средств, (действительно, тут живут одни дебилы, которые, если у них не отобрать деньги, непременно погубят себя). Не ставлю я под сомнение даже компетентность государства

в определении того, что именно и в каком объеме оно должно финансировать отобранными у нас деньгами. Сейчас речь пойдет о более простых вещах.

Я хочу всего лишь обратить внимание на то безусловное обстоятельство, что в процессе перераспределения, которым занято государство, всегда есть две стороны — доноры и реципиенты. Доноры — это те, у кого забирают деньги, реципиенты — те, кому их отдают. Оставим в стороне public goods, в виде всяких там дорог, полицейских и вооруженных сил, будем считать, что их благотворное действие равно распределяется по всему обществу. Посмотрим только на тех, кто непосредственно отдает средства государству и получает их от него, то есть эти средства не растворены мистическим образом в воздухе, подобно public goods, а их можно непосредственно ощутить в виде денежных знаков. Понятно, что речь здесь всегда идет о конкретных живых людях, никакие эвфемизмы в виде, например, «поддержки стратегических отраслей» или практики налогообложения предприятий, не должны скрывать от нас того факта, что после снятия всех словесных покровов мы обнаружим конкретных персон, которые либо получают деньги, либо отдают их.

Эта простая мысленная операция делает очевидным то обстоятельство, что так называемое государство тоже является группой людей. При этом, если в конструкции «государство всего лишь перераспределяет деньги», на которую обычно отваживаются наши либералы, это самое государство выглядит нейтраль-

ным, то при описанном мною подходе становится ясно, что «государство», прежде всего, является реципиентом. Точно так же становится ясно, что наша святая вера в коррупцию (популярная мысль о том, что все плохо, потому, что воруют), не имеет никакого практического применения. Воруют чиновники или нет — они все равно, по сути, остаются реципиентами, то есть теми, кто существует за счет отобранных у мирных жителей средств. Мало того, эти же самые чиновники организуют процесс отбора средств у мирных жителей и процесс их перераспределения. Эти люди кровно заинтересованы в том, чтобы объем отобранных средств не только не иссякал, но и увеличивался. И это, повторю, безо всякой коррупции и злого умысла.

В демократической стране увеличить поступления государство может только за счет увеличения количества других реципиентов. Чем больше людей будут получать деньги от государства, тем больше «фронт работ» самого государства и поступления от этой деятельности. Таким образом, выходит, что группе людей, составляющих государство, крайне выгодно уговаривать остальных жителей получать от него деньги. Эти уговоры и составляют суть современного демократического процесса. На практике, конечно, все происходит не совсем так. На практике существуют окологосударственные группы, которые борются между собой за получение тех возможностей, которые предоставит им обладание государственной властью. Иногда, особенно в случаях дискредитации традиционных

политических групп, в процесс включаются и новые «народные» группировки, однако сути это не меняет. Демократический процесс на практике означает голосование за то, кто в этот раз будет у нас донором, а кто реципиентом.

Сейчас речь идет о том, чтобы внести в этот процесс некоторую логику, ведь при существующей системе дела выглядят, мягко говоря, несправедливо. Получается, что реципиенты — государство и те, кто получают от него деньги могут решать на выборах, кто и сколько должен им давать. Государство, как нам говорят, существует для того, чтобы производить невидимые, но считающиеся полезными public goods. Здесь же мы видим совсем другую картину — государство вкупе с прочими реципиентами занимается тем, что отбирает и перераспределяет средства тех, кому в этот раз не повезло.

Чтобы государство производило public goods и было максимально нейтральным, сами перераспределяющие и те, кто непосредственно получает от них деньги, конечно же, не должны участвовать в этом процессе и, прежде всего, не должны иметь права голоса на выборах. Голосовать должны только те, кто отдает деньги. То есть, чиновники, учителя государственных школ, врачи государственных больниц, судьи, прокуроры, милиционеры и прочие таможенники, военные, заключенные, пенсионеры и другие реципиенты не должны иметь права голоса. Понятно, что эти категории не должны также платить никаких налогов. 2011

7.3.12. Свобода аккаунтов или Долой электрическое правительство!

Когда в 1979 году в Советском Союзе проводили перепись населения, автор этих строк был юным прогрессивным школьником. Поскольку жизнь в СССР была весьма бедна на события, то грядущее мероприятие представлялось мне чем-то эпохальным, значимым и, конечно, очень, очень полезным. «Мы» наконец-то узнаем, сколько «нас» и какие «мы» — как тут не радоваться? Очень хорошо помню свое удивление, когда я не увидел ожидаемой радости на лицах взрослых. Наоборот, я увидел качание головой, смотрение в землю и цоканье языком. Люди, у которых ничего, в общем-то не было, прекрасно понимали, что в итоге любого государственного мероприятия у них все равно что-нибудь отберут. Они ни секунды не сомневались в этом.

Все знают, что с незапамятных времен переписи проводились и проводятся, прежде всего, с целью учета и контроля количества людишек и их имущества. То есть, для целей налогообложения в самом широком смысле этого слова. С той же целью метят скот и точно так же клеймили рабов. Это, безусловно, делается для удобства. Для удобства хозяина — того, кто извлекает из этой собственности прибыль.

Ленин говорил, что «социализм — это учет и контроль» и был совершенно прав. Не только социализм, любое государство начинается с учета и контроля. К примеру, СССР, как известно, достиг больших успехов

в паспортизации населения. Будучи некоторое время человеком военным, то есть, не имеющим паспорта и связанных с ним проблем, автор этих строк, покинув довольно стройные ряды еще довольно-таки вооруженных сил, на собственном опыте испытал, что такое паспорт, точнее, что такое, когда его нет. При этом, это были годы вольницы, и даже, как некоторые полагают, анархии начала 90-х. В общем, это удивительная система, в которой государство ставит тебе клеймо и вынуждает всех остальных идентифицировать тебя только и исключительно по этому клейму. Сделки между формально свободными людьми считаются государством законными, только если эти люди имеют правильные, с его точки зрения, клейма.

Понятно, что в Украине все 20 лет «паспортный режим» только усиливался. Однако, эта заметка не об этом, а о том, что «паспортизация» наступает во всем мире с самых разных сторон и выглядит все это довольно-таки неотвратимо.

Этот неорганизованный и спонтанный процесс трудно описать в нескольких словах. Наиболее заметная и проявленная его часть — это движение за «электронное правительство». То есть, это идея, суть которой сводится не просто к «контролю интернета», а к тому, чтобы с помощью интернета сделать человека еще более паспортизированным, учтенным и обложенным всеми полагающимися налогами и повинностями. Ведь в словосочетании «электронное правительство», ключевое слово «правительство». И, безусловно, циф-

ровое правительство лучше и эффективнее аналогового правительства. Потому что оно лучше и эффективней делает что? Правильно.

Это, так сказать, естественный ход вещей. Такими в свое время были идеи национального государства или демократии, или того хуже, всеобщего избирательного права. Все они, будучи реализованными, облегчили жизнь хозяина-государства и отобрали еще больше свободы у его подданных. Как и заведено, все эти преобразования делаются руками прогрессивной общественности, которая, как известно, всегда рада улучшить, углубить и расширить. Мечта о «прозрачности» и «гражданском контроле» воодушевляет активистов и энтузиастов электрического правительства, как в свое время идеи «равноправия» и «всеобщего избирательного права» воодушевляли их предков. Интересно, что сегодня «электронным правительством» называются совершенно разные вещи — и полезные сайты отслеживания траффика и прочей гражданской взаимопомощи, и чудовищный монстр вроде российской универсальной электронной карты. Активисты почему-то считают, что выживет гражданская взаимопомощь и отслеживание траффика, однако, опыт (сын ошибок трудных) ясно говорит о том, что в эволюционной борьбе победит «универсальная электронная карта» или кто-то из ее прямых наследников.

И это только, повторю, часть общего процесса. Все эти запреты наличных денег, «борьба с отмыванием», борьба с «наркоторговлей», «терроризмом» и прочее

имеет своей конечной целью полную и окончательную паспортизацию, максимально простой и доступный учет и контроль нас с вами нашим собственником — государством.

Мне скажут, а как же прогресс и польза? Ведь платежная карта — это же очень удобно, да и прозрачность, например, госзакупок, разве это плохо? Да, все это безусловно, хорошо и полезно. Просто, мне кажется, чтобы не потеряться во всем этом и уметь отличать пользу от вреда, нужно определить некое базовое свойство, критерий, нарушение которого превращает пользу во вред. С платежными карточками и кэшем все просто — здесь явное нарушение свободы выбора. В других случаях можно, как мне кажется, выделить ее разновидность, которую я называю «свободой аккаунтов».

В одном из рассказов Вудхауза, Вустер со своими дружками оказался в суде по делу о мелком хулиганстве. Вустер и его приятели назвались Марксом, Лениным и Троцким. Судья влепил Марксу, Ленину и Троцкому денежный штраф. Его, в общем-то, не интересовали «настоящие имена» наших героев, в рамках такого дела это не имеет значения. Не знаю, возможно ли такое в современной Британии (действие рассказа происходит в 20-е годы 20-го века), но вот вам пример правовой системы, которая не нуждается в монопольных клеймах.

В интернете пока что происходит то же самое. Ваши аккаунты, что называется, «живут своей жизнью», они

получают свою репутацию, обрастают связями. При этом, часто ваших коллег по тому или иному форуму совершенно не интересует, как вас зовут «на самом деле». Этот процесс ошибочно называют «анонимностью». Какая уж тут «анонимность», если иной такой аккаунт в своей аккаунтской жизни вращает солнца и ворочает планеты! И это несмотря на то, что «на самом деле» его владелец — жалкий задрот. Это отнюдь не «анонимность», это просто другое имя, созданное одной и той же личностью для других, чем в «обычной жизни» целей.

Так вот, подходим к завершению. Принудительно клеймят скотину и рабов. Свободный человек называет себя так, как хочет. И все прибыли от этого достаются ему. И все издержки тоже. Та «электрическая» часть нашей жизни, в которой существует интернет, платежные карты, электронные правительства и прочее, страдает от наступления на свободу аккаунтов, на свободу выбора имени для своего дела, или если хотите, на свободу клейма. Право монопольно клеймить хочет присвоить себе государство. И это является огромной угрозой и для нашей «обычной» жизни. Свобода аккаунтов — вот, на мой взгляд, концентрированная цель, к которой должны стремиться те, кому не нравится тенденция, о которой я здесь говорил. Думаю, что предварительно право свободы аккаунтов можно сформулировать примерно так: «никто не должен удостоверять свою личность, если это не является условием добровольного контракта».

2013

7.3.13. В любом месте. В любое время

На днях автору этих строк попалось на глаза сообщение о законопроекте депутата Балоги об «электронных урнах для голосования». Проект предусматривает установку «сканирующего устройства и периферийной аппаратуры» на урну. Целью размещения этих дивайсов является «автоматизированный прием, распознавание и подсчет избирательных бюллетеней», а налогоплательщик заплатит за это удовольствие 400 миллионов гривен.

Это прекрасный пример того, как действует государство. «Усовершенствования» всегда направлены на то, чтобы принципиально ничего не менялось и, разумеется, чтобы при этом еще немножко заработали близкие реформатору структуры.

Давайте допустим на секунду, что голосование на выборах действительно необходимо и что оно что-то меняет. Если мы хотим усовершенствовать эту процедуру, то мы, прежде всего, должны подумать о том, зачем нужны эти самые бюллетени, урны, избирательные участки, комиссии и центризбиркомы. Все эти механизмы — из доэлектронной эры, в которой нет компьютеров, интернета и мобильной связи. Кстати, как и голосование в один день, и тайное голосование. На самом деле, это процедуры, используемые для принятия решений в клубах и других сообществах такого рода. Тайное голосование часто было здесь необходимо потому, что члены клуба, как правило, лично знакомы

друг с другом и им не хочется, чтобы знание о том, кто как голосовал, повлияло на их взаимоотношения. Государство перенесло этот принцип на «всеобщие выборы» и уже лет сто рассказывает всем, какое оно честное, потому что голосование у него тайное, дескать, правительство не знает, кто голосовал против него. Голосование в один день — тоже сугубо технический вопрос, а не вопрос принципа или концепции. Причина очевидна — необходимость содержания счетчиков, обработчиков результатов, наблюдателей и контролеров.

В эпоху интернета все это не нужно. Не нужно закупать урны и печатать бюллетени, нанимать членов избирательных комиссий. Не нужно голосовать в один день. В эпоху интернета нужна база данных, защищенные каналы и удобный интерфейс. Все.

Не существует никаких технических трудностей для голосования на выборах через интернет. Собственно, задача состоит в том, чтобы обеспечить соответствие физического лица и голоса, отмеченного в базе данных. Можно придумать массу способов, как это сделать. Например, через регистрацию в базе данных своего паспорта и нескольких дополнительных сведений, которые вы сможете легко предоставить в суде[2], чтобы подтвердить, что вы — это вы. В любое время вы можете проверить, зарегистрированы ли вы в базе данных. Если некий злоумышленник зарегистрировался в ней под вашим именем (да, мы все знаем, что паспорт-

[2]Блокчейн тоже поможет в этой задаче

ные данные украинцев благодаря процедуре обмена валют доступны очень многим), вы должны выдвинуть претензию к такому аккаунту на сайте голосования и явиться в суд (или пройти другую признанную процедуру) для того, чтобы удостоверить свою личность, после чего такой аккаунт должен быть удален. В данном случае, это вопрос законодательства, а не технологии.

Опять таки, если не существует фиксированной даты голосования, то регистрация фальшивого аккаунта под вашим именем практически теряет смысл. Вброс фальшивых бюллетеней хорош только для одномоментного и анонимного голосования. Если же голосование персонифицировано и растянуто во времени, у того, чей голос использовали, есть все возможности и время для того, чтобы узнать об этом и исправить ошибку.

Наконец, ничто не мешает голосующему получить некий сертификат, который бы подтверждал факт его голосования определенным образом. Если вдруг вы обнаружите, что в окончательных результатах голосования ваш голос был подан за другого кандидата — сертификат позволит исправить такое нехорошее положение дел[3].

Все это не требует никаких бюджетных денег, а только лишь изменений в законодательстве. Создание базы данных и функции провайдеров могут осуществлять уже существующие на рынке интернет провайде-

[3]И снова блокчейн

ры и операторы мобильной связи. Законодательство не должно фиксировать некого агента, уполномоченного предоставлять данные о выборах, оно должно определять лишь требования к данным.

Бумажные аналоговые выборы отменять не надо. Пускай «бабушки, у которых нет интернета» голосуют в некий назначенный день, как это происходит и сейчас. Все прочие могут голосовать, скажем, в течение полугода до этой даты. Дата выборов, в том виде, в котором мы к ней привыкли — это просто дата окончания голосования для всех.

Такие изменения не затрагивающие, замечу, избирательную систему, а только лишь способ голосования, были бы действительной реформой и усовершенствованием, не требующим денег налогоплательщиков. Более того, они были бы весьма полезны, что называется, «на будущее», поскольку человек, голосующий кликом мышки или отправкой смс, волей-неволей задумывается, например, над тем, а зачем ему в этом деле 450 посредников. Ну, а дальше совсем уже интересные мысли появляются.

2013

7.3.14. Частная полиция

События во Врадиевке, если говорить о реакции на них государства, закончились пшиком. Уволено 13 милиционеров. Кое-где проведена переаттестация и (сюрприз!) обещана реформа МВД.

Понятно, что увольнения и переаттестации служат лишь для успокоения общественности, а вот реформа МВД — это уже интересно. Правда, нужно напомнить, что обещается она нам еще с перестроечных времен. За это время сменилось несколько президентов и бесчисленное множество правительств, но никто так и не приступил к этой реформе. При этом, если раньше среди экспертов хотя бы гуляли какие-то проекты, то после Врадиевских событий не удалось обнаружить ничего, кроме обещаний.

Прогрессивная общественность традиционно надеется на хорошую власть, которая когда-нибудь придет и реформирует как надо полицейскую службу. В ожидании доброго царя общественность обсуждает, как устроена полиция в разных странах и прикидывает, насколько то или иное устройство подойдет Украине. Честно говоря, автор этих строк не верит в хорошую власть. Более того, он уверен, что любая реформа будет «неполной и половинчатой». Поэтому я предлагаю подумать о такой системе, в которой мы с вами не только бы забыли слово «МВД», но и перестали беспокоиться о всяческих реформах, поскольку полиция постоянно сама бы себя реформировала. Эта система называется «рынок», и все знают, что рынок всегда находится в состоянии изменений, то есть, «реформ», пытаясь приспособиться к потребителям. Речь у нас пойдет о частной полиции.

Собственно, все проблемы всех полиций и других государственных служб во всем мире заключаются в

простом экономическом обстоятельстве, которое со времен Джеймса Бьюкенена стало общим местом в экономической теории. Заключается оно в том, что агенство, предоставляющее услугу охраны порядка, финансируется государством, а не потребителем, как это происходит на открытом рынке. То есть, вы не сами добровольно покупаете безопасность, как покупаете другие товары и услуги, а вынуждены потреблять то, что вам навязывают со стороны, причем, за ваши же деньги. Обычная добровольная покупка дает сигнал производителю о ваших предпочтениях, в случае государственных услуг таких сигналов нет.

В итоге, полиции всех стран мира заняты производством отчетности. Производство же безопасности является, скорее, побочным эффектом этой деятельности. Ответ на вопрос, почему же тогда наша милиция столь уступает западным полициям, в двух словах состоит в том, что гражданское общество, то есть, практика обходиться своими силами без государственного начальства и внимательно следить за начальством, там, где оно действует, пока еще развита на Западе на порядки выше, чем в Украине. И тот факт, что гражданское общество невозможно «построить» или «внедрить», как раз и внушает твердую уверенность в обреченность любых попыток «реформирования», то есть попыток подкрасить и подмазать систему, не меняя ее сути.

Прежде чем перейти к короткому описанию того, как может выглядеть частная полиция, останов-

люсь еще на одном важном моменте. Сегодня принято считать, что безопасность и охрана порядка является неким «общественным благом», производить которое в состоянии только государственная монополия. Когда говорят об «эволюции», благодаря которой якобы возникла государственная монополия на производство безопасности, обычно приводят в пример Британию, поскольку ни для кого не секрет, что в большинстве других стран полиция возникла не как способ производства безопасности, а как институт государственного принуждения. Классика жанра здесь — французская или российская жандармерии. Однако, современные исследователи, вроде Стивена Дэвиса, говорят нам, что в Британии, при ближайшем рассмотрении, все было не так.

Британская полиция появлялась на свет довольно долго. В 1829 году было создано Лондонское управление полиции, и только в 1856 году закон обязал создавать местные полиции, финансируемые из местных налогов. Все это время продолжалась реформа, вдохновляемая идеями Иеремии Бентама о заботливом государстве.

Как же осуществлялись те функции, которые мы привыкли считать полицейскими? Их осуществляло гражданское общество. Существовала должность приходского констебля, в функцию которого входило расследование преступлений и арест подозреваемых. Люди назначались на эту должность на год и не получали никакого жалования. Констебли были, так сказать,

формальной стороной дела, основную работу делали сами граждане.

Британская правовая система подразумевала, что вся забота о поимке преступника и о доказательствах его вины лежала на пострадавшем. Поскольку эта деятельность требовала денег, и еще больше требовал их последующий судебный процесс, то честные граждане объединялись в разнообразные ассоциации, клубы и тому подобные организации, которые являлись своего рода страховыми кассами. Если кто-то из членов оказывался жертвой преступления, эти средства шли в ход. Существовало множество форм таких организаций. Другим институтом охраны порядка было вознаграждение за расследование, поимку преступника или любые данные по тому или иному преступлению. К моменту, когда государство начало интересоваться деятельностью таких страховых обществ, их, по некоторым оценкам, насчитывалось уже около 4000. Некоторые из них в буквальном смысле были частной полицией, то есть организовывали свою стражу и патрулирование.

Ну, а что же наши реформаторы? Как выясняется, они занимались совсем другой проблемой. Патрик Калхун и Эдвин Чедвик создавали полицию не столько для охраны порядка, сколько для политических целей. Считалось, что рост городов и «роскошь» являются причиной не только преступлений, но и, в целом, морального разложения и следующей из него политической активности «низших классов». Поэтому задача

полиции состояла в своего рода «моральном надзоре» за бедняками. Показательно, что ассоциациям и клубам по поимке преступников реформаторы ставили в вину как раз незаинтересованность в решении именно этой задачи, и это было одним из основных аргументов для создания государственной полиции.

Затем случилось следующее. Полиция была создана и попробовала заняться тем, что предписывали ей реформаторы. Однако, никто не любит, когда кто-то приходит к нему в дом и начинает учить его жизни, даже «низшие классы». Поэтому, после нескольких инцидентов, включая небольшие антиполицейские бунты, полиция постепенно отказалась от своей роли «морального надзора» и занялась тем, что мы привыкли сегодня считать ее функцией.

Частная деятельность граждан по производству безопасности постепенно сошла на нет в силу простой экономической причины — никто не хочет платить дважды. Если полиция, оплачиваемая из налогов, занимается охраной порядка и поимкой преступников, то у добровольных обществ, созданных для этих же целей, остается немного шансов на выживание. Разумеется, в дальнейшем государство подстраховалось от того, чтобы людям не пришло в голову самим беспокоиться об охране порядка, создав и отточив «уголовный процесс» и принудительно монополизировав все его стадии. Так или иначе, британская история говорит о том, что тамошняя полиция, как и все остальные, не создавалась специально с целью производства безопас-

ности. Так же она говорит и о том, что гражданское общество вполне в состоянии обходиться здесь без государства. Таким образом, общепринятое нынче мнение, что безопасность может производить только монопольная государственная структура, является обычным мифом.

Что такое «частная полиция» и как она должна выглядеть? На самом деле, это вопрос из серии «как будет выглядеть частное производство хлеба»? Если у вас в стране госмонополия на производство хлеба и идут разговоры о его приватизации, то понятно, что спрашивать, как будет выглядеть это производство после нее, несколько наивно, так как верный ответ — «не знаю». Мы видим формальные институты и в состоянии, как нам кажется, их описать (хотя на самом деле они основаны на неформальных институтах, которые точно описать нельзя, но это уже другая проблема), и требуем такого описания для ситуации рынка. Однако, рынок как раз и отличается тем, что одна и та же услуга может быть произведена и доставлена множеством способов, и что производители постоянно соревнуются в поиске этих способов, ради того, чтобы получить деньги потребителя. Поэтому, любые рассуждения на тему, «как оно будет» являются в той или иной мере фантазиями.

В рассуждениях о будущем можно разве что отталкиваться от существующей сегодня практики. Сегодня ее можно разделить на контроль за правилами, уста-

новленными собственником, следствие и, собственно, деятельность по принуждению.

«Контроль за правилами, установленными собственником» означает, охрану имущества, патрулирование, и… контроль за правилами собственника. Часть этих функций уже сегодня выполняют частные охранные конторы. Наиболее естественный и простой способ реализации этой функции — это вооруженные граждане, которые сами охраняют себя и свою собственность. Сюда же относятся добровольные или наемные патрули, которые нанимают частные лица, ассоциации частных лиц, ассоциации домовладельцев, какие-нибудь квартальные или районные добровольные объединения с целью «поддержания порядка на улицах». Обычный вышибала в клубе или ресторане — это тоже «контроль за правилами, установленными собственником».

Самое важное здесь, это понимать, что наниматель (собственник или представитель группы собственников) устанавливает правила, которые и поручается охранять частной полиции. Скажем, жители некой улицы могут посчитать, что намусоривший на их улице должен уплатить штраф в стопиццот тыщ долларов. И нанятая ими полиция должна будет следить за этим. Жители соседней улицы могут установить штраф в десять долларов. И за этим может следить та же самая охранная контора.

В таком состоянии дел нет ничего странного и удивительного, мы с вами всегда жили в таком мире. Возможность устанавливать правила и пытаться обязать или принудить других к их соблюдению — это и есть первейший признак собственника. Просто, в большинстве случаев, в нашей нынешней жизни фактическим собственником, чего ни коснись, является государство и мы все должны здесь реально смотреть на вещи — в лучшем случае, мы с вами являемся лишь долгосрочными арендаторами.

Два остальных пункта куда проще. Частным следствием никого не удивишь. Шерлок Холмс занимался именно этим. Он добывал информацию, в том числе и улики, и передавал ее своему заказчику. А уж заказчик сам решал, как поступать дальше. Что же касается «деятельности по принуждению», то под ней автор понимает более рискованную, чем обычная охрана порядка, деятельность, связанную, например, с захватом вооруженных преступников или доставкой обвиняемых в преступлениях против собственности в суд, если они сами не желают туда являться.

Думаю, читателю очевидно, что частная полиция означает серьезные изменения всей привычной нам правовой системы, включая судопроизводство или, скажем, представление о законах, как о распоряжениях, издаваемых специально избранной для этого группой людей. Для того, чтобы всерьез обсуждать эти преобразования, необходимо говорить о принципе самопринадлежности, добровольной подсудности, репута-

ционных механизмах разрешения споров, разбираться с «экстерналиями» и «эффектами безбилетника» и с еще очень многими вещами. Все это трудно уместить в рамки журнальной заметки, моя цель состоит лишь в том, чтобы указать, что существует реальная альтернатива бесконечным «реформам МВД», позволяющая навсегда забыть об этой проблеме, точнее сделать ее заботой тех, кто получает деньги за эту деятельность.

Поэтому, в заключение остановлюсь еще на нескольких моментах, характеризующих частную полицию.

Прежде всего, частная полиция не есть некий результат приватизации существующей государственной полиции вместе с ее функциями. Слово «частная» означает, что любой может заниматься этой деятельностью. В приватизации нынешней милиции и сохранении за ней монополии и полномочий нет никакой пользы. Мы просто получим монополиста типа ФРС или НБУ, которые формально являются частными конторами, но по сути являются принудительными монополиями. Вообще говоря, трудно представить что-то более страшное, чем частное РОВД.

Во-вторых, функции частной полиции не заданы ей по умолчанию, а определяются контрактом с собственниками или их организациями и, как я уже говорил, одна и та же охранная фирма может охранять разные правила разных собственников. Думаю, не нужно объяснять, что «взбесившийся принтер» в таких условиях

просто невозможен. Депутатам парламента придется подумать, как будут исполняться производимые ими законы, но лучше им сразу задуматься о том, нужны ли они вообще.

В-третьих, частная полиция означает ликвидацию привычного нам территориального принципа. Оказавшись однажды в роли «пострадавшего», автор этих строк видел весь процесс «оказания услуги безопасности и поиска преступников» своими глазами. Начать и закончить можно простым фактом — в милиции считают, что преступник живет в той же милицейско-административной единице, где и гадит. Для того, чтобы возбудить работников других милицейско-административных единиц, вам нужно приложить немалые усилия и уметь работать на административном рынке (организовать «звонок сверху», к примеру). В общем, никто никого особо не ловит, первым делом вам предложат опознать негодяя по милицейскому семейному альбому, и если вы никого не узнали, значит вам не повезло. В лучшем случае, вы заберете заявление, в худшем, найдут какого-то терпилу, на которого и повесят дело. Напомню, функция милиции — производить отчетность, а не ловить преступников. Так вот, в системе частной полиции, вы можете выбирать, с кем и какой контракт заключать, либо вообще не заключать никакого контракта. Услуги, например, может предоставлять контора с офисом в Нью-Йорке, нанимающая аутсорсинговые патрули. На одной территории может

работать множество охранных агенств с разной специализацией и т.п.

В-четвертых, понятно, что в такой системе наиболее простым решением для потребителя является страхование. Как сегодня для покупки интернета вы заключаете договор с провайдером, а уже он заботится обо всем остальном, довольно таки сложном и запутанном хозяйстве, так и в производстве безопасности таким каналом конечной связи потребителя и производителей на сегодняшний день выглядит страхование. Вы покупаете страховой полис, а дальше дело страховой компании, каким образом и с какими охранными компаниями она будет работать для того, чтобы уменьшить для себя риски наступления страховых случаев.

В-пятых, ясно, что такое явление, как частная полиция, по умолчанию предполагает, что исключаются всяческие правовые посредники между пострадавшими и преступниками. Дело пострадавшего — выдвинуть обвинение, организовать следствие и доставить преступника в суд. Никаких посредников в виде «прокуратуры» здесь быть не может. Фактически, это означает, что уголовное право, как таковое, становится частью гражданского права, преступления существуют против собственника, а не против абстрактного государства. Право «возбуждать уголовное дело» остается только у собственника. С этим неизбежным превращением исчезает огромный пласт существующих сегодня злоупотреблений.

Ну и, наконец, очевидно, что только частная полиция в том понимании, которое я постарался здесь изложить, делает просто невозможной ту практику, от которой мы давно и уверенно страдаем. Если правила устанавливает собственник, то исчезают «преступления без пострадавшего». Пьешь пиво на своем участке? Пей. На моем — не пей, так как я запретил. Вместе с «преступлениями без пострадавшего» исчезает большинство поводов для злоупотреблений и вымогательства. Исчезают, как класс, «экономические преступления». Никто не посадит конкурента и не «отожмет» бизнес, натравив «проверяющие органы». Единственный случай возможного вмешательства полиции в экономические отношения — нарушения контракта, да и то, если такое вмешательство предусмотрено самим контрактом. Становится невозможно прийти к вам в дом, устроить у вас обыск по инициативе «правохранительных органов». Становится невозможным задержать вас на улице, доставить вас в «отделение» и мурыжить в «обезьяннике». Причина очевидна — в этом случае, вы будете звонить не своему «адвокату», а своей полиции. Для вмешательства в вашу жизнь вооруженных людей должны существовать очень веские обвинения, выдвинутые не государством, не прокуратурой, а пострадавшим собственником, который полагает, что совершенно конкретный ущерб его собственности нанесли именно вы. У частной полиции просто не существует другой работы, кроме как ловить настоящих преступников, тех, кто посягает на вашу жизнь, здоровье и собственность.

2013

7.3.15. Частный Андреевский

На днях на Андреевском спуске, который считается у нас «сердцем Киева» были снесены два дома. Тем самым, как полагает прогрессивная общественность, «злочинна влада» в очередной раз поглумилась над несчастными украинцами.

Честно говоря, для меня «сердце Киева» было уничтожено еще при советской власти, а Андреевский в новые времена стал таким себе мини-Арбатом, на котором плохие художники пытались всучить плохие картины туповатым туристам. Но дело, конечно, не в моем отношении, я признаю, что для огромного количества киевлян Андреевский спуск является важным символом, и более того, лично я — автор этих строк — глубоко возмущен фактом сноса домов и присоединяю свой голос «за» или «против» — в общем, туда, куда там надо.

После сноса домов в интернетах поднялся шум и разгорелся очередной холивар. С одной стороны, стоит стон по поводу злочинной влады и сердца Киева, с другой — как бы объясняется, что все, мол, меняется, и никуда от этого не денешься и показывается (в который уже раз!!!) фотография Эйфелевой башни. Однако, вопрос не в том, меняется ли что-то или нет, и не в том, какое именно состояние домов, улиц, скверов считается единственно правильным и не подлежащим никаким изменениям. Настоящий вопрос состоит в том,

кто, как и на основании чего принимает решение об изменениях.

И тут мы опять попадаем во власть представлений о том, что только начальство знает, как правильно, и вся проблема исключительно в том, правильное это начальство или нет. Вот в городе X историческая часть объявлена заповедником и вот посмотрите, какие красивые фотки! — говорят одни. А вот в городе Y исторический центр, посмотрите, какой ужас там понастроили, и ничего — возражают другие.

И в том, и в другом случае речь идет о начальстве. Однако, начальство — субъективно, и мы это хорошо знаем. Ни голоса избирателей, ни мнение общественности не являются теми рычагами, которые всегда дают оптимальный результат, если вообще дают хоть какой-нибудь. А если мы добавим коррупцию и характерное для любого начальства в любой стране мира самодурство и некомпетентность, то поймем, что имеем дело со случайным процессом. Объявить заповедником ту улицу или эту На каком основании На основании мнения краеведов А если они ошиблись А если на соседней с заповедником улице есть дом, которому, как выяснится через неделю после сноса, вообще цены не было Кто определяет эту цену Я уже не говорю о том, что именно на практике означает заповедник Какие он накладывает ограничения на собственника И не будут ли эти ограничения такими (как это бывает в большинстве случаев), что собственники не будут покупать недвижимость в этом районе, а это значит, что

она неизбежно придет в упадок и вообще потеряется всякий смысл «заповедности»?

В любом случае, у начальства, принимающего решения, есть только **мнения**, не подкрепленные никакой жертвой, никаким действием. И у любого начальства всегда и везде во все времена одна-единственная цель — прикрыть свою задницу.

Впрочем, вместо того, чтобы тяжело вздохнуть и развести руками, я предложу выход из ситуации. И он достаточно прост. Проблема, как обычно, не в коммерческом подходе, который приписывают Ахметову, а как раз в его отсутствии, и не в зловредности частной собственности (купил землю и вытворяю, что хочу), а в отсутствии этой собственности.

Давайте посмотрим на такое явление, как Андреевский спуск. Кто им владеет? Есть отдельные владельцы домов, и владельцы участков земли (для простоты примем, что коммунальной собственности там вообще нет, только частная). Владельцы домов и земельных участков вольны вытворять у себя, что хотят. Для них ценностью является исключительно их участок. Существует ли общая ценность улицы Андреевский спуск? Судя по тому, какой хай стоит в интернетах, существует. Кто ей владеет? А никто. Улицы не продаются.

Теперь давайте представим, что улицы продаются. Улица — это проезжая часть и тротуар. Для простоты оставим в стороне вопрос сервитутов, считаем, что он

урегулирован, опять же для простоты абстрагируемся от Ахметова, Януковича, злочинной влади и тому подобного. Считаем, что у нас есть некий абстрактный Киев, в котором продаются улицы, в том числе и Андреевский спуск.

Допустим, я хочу купить эту улицу. Для обострения ситуации, допустим даже, что мной движет сугубо коммерческий подход, меня интересуют только бабки, и более того, я вообще не местный, а киевлян считаю обычными жлобами с непонятным мне самомнением.

Почему я покупаю Андреевский спуск? Да потому, что я знаю, что это «сердце Киева», что тут производится выпас идиотов-туристов, что тут продают матрешки и советскую символику. Здесь принято не спеша прогуливаться по проезжей части, а не бодро разъезжать на джипах, тут существуют разные артефакты, вроде дома Булгакова и Андреевской церкви и так далее. Именно эта ценность, которая существует в головах у множества киевлян и гостей столицы, привлекает меня, как предпринимателя. И совершенно очевидно, что эта ценность гораздо выше ценности сомнительного качества транспортной линии, соединяющей улицу Владимирскую и Подол.

Что я буду делать, когда куплю улицу? Я всеми силами постараюсь **увеличить** ее ценность. Что это означает? Это означает, что я отловлю всех краеведов, которых найду и заставлю их рассказать все, что они знают об этом месте. «Булгаковеды» со всех концов

Земли будут постоянно пастись на Андреевском спуске. Возможно, я даже заставлю себя прочитать «Белую гвардию». По улице будет гулять Проня Прокопивна, а Мик Джеггер будет петь «Симпатию к дъяволу».

Я буду брать плату за использование своей собственности — улицы. При этом, понятное дело, что я заинтересован в том, чтобы по ней ходило как можно больше народу. А вот машин не надо. Машины будут платить больше. Дорого. Очень дорого. До такого уровня, пока их не будет ездить одна-две в день (не считая сервитута, но об этом мы уже сказали). Мне будут платить художники и коробейники. Они не будут платить государству и рэкету, поскольку владелец — я.

Собственники домов и земельных участков быстро поймут, что они тоже выигрывают от сохранения статус-кво, а не от перемен. Ну, а если собственник дома задумал изуродовать фасад, то кто к нему придет? Сейчас никто не придет. А так — я приду. Приду совершенно точно и неотвратимо, приду еще раньше, чем прогрессивная общественность вообще что-то заметит и начнет вопрошать «доколе!!» У меня будут убедительные аргументы, в виде, например, доли в прибыли. Ну, а если он не послушается — кто будет поднимать прогрессивную общественность на справедливую борьбу за сохранение исторических памятников? Кто будет эту борьбу финансировать? Правильно.

И в этом случае совершенно понятно, **кто, как, когда и на каком основании** решает вопрос, меняться

ли чему-то или нет. И вы неправильно ответите, если скажете, что решаю я — владелец улицы. На самом деле, это будете вы — киевляне и гости столицы. Потому что что-то менять я буду только тогда, когда моя прибыль совсем упадет и я исчерпаю все методы повышения ценности. А это случится только в том случае, если эта улица перестанет быть «сердцем Киева», толкучкой по продаже матрешек и советской символики. То есть, только тогда, когда у нее появятся достойные и многочисленные конкуренты. То есть, тогда, когда Киев станет пригодным для отдыха и туризма. И скажите, кто в такой ситуации от этого проиграет?

Важно, что решение будет приниматься не на основе абстрактного мнения абстрактного эксперта, не на основе хотелок избирателей и политиков, а на основе мнения, подтвержденного трудовой гривной, то есть, подтвержденного выбором и осознанной жертвой множества людей.

И последнее. Мне скажут «ну хорошо, это ты такой хороший, а вот злой Ахметов купит улицу раньше тебя и все снесет». Я отвечу, что так не бывает. Как только я узнаю, что он что-то собирается сносить, я приду и спрошу «так сколько вы хотите за эту улицу?» И так поступит любой предприниматель в здравом уме и твердой памяти.

2012

7.3.16. Частная еда

Давайте представим мир, в котором еду производит государство. Производит и справедливо распределяет, естественно. Финансируется все это дело из налогов. И вот в таком мире в местной Украине появляется заметка, в которой автор пытается рассказать о том, что вполне возможно частное производство и распределение еды и оно даже лучше, чем государственное. Сам текст, я думаю, каждый себе легко представит, гораздо интереснее, какие могли бы быть комментарии к такому тексту:

— Автор — утопист. Нужно просто усилить контроль за производством и распределением еды. Правительство уже проводит необходимые реформы, СБУ задержало недавно несколько коррупционеров, все видели репортаж. Создано Национальное агенство за еду. Во всем мире так делается, нигде нет частной еды, просто нужно совершенствовать систему и бороться с недостатками.

— Да поймите же вы, автор, люди ХОТЯТ такой еды! Никто же не бунтует против нее! Они хотят определенности и уверенности в завтрашнем дне! Да, пускай еда недостаточно хороша, а социальная жирность, как выяснилось, рассчитывалась по неверной методике, но предложите лучше. Вместо этого вы хотите насильно лишить людей того, что у них есть и загнать их в ваше царство свободы! Вы — большевик!

— Ага, у меня от социальной жирности диарея. Сволочь Петренко

— Да какое правительство!!! Какое еще СБУ!!! Они сами коррупционеры!! Только общественный контроль!! Выходите все завтра на митинг против Раздаточного пункта № 5!!!

— Видели вчера сюжет о задержании министра Петренко и махинации с расчетами социальной жирности? Как думаете, это уже подвижки в реформах?

— Собираем деньги в помощь производителям еды. Не допустим голода. Карта Приватбанка …

— Конечно, еды пока еще всем не хватает. Но дураку же ясно, что это потому, что многие не платят налоги. Прямая причинно-следственная связь: налоги — еда. Если ты хочешь перемен — посмотри в зеркало. Начни перемены с себя, плати налоги, как в Европе, и тогда все наладится.

— Автор опять хочет «нового человека». Без «нового человека», который отвечает за себя и готов принять все риски, идея частной еды утопична.

— Если бы производство частной еды было выгодно, мир бы уже давно перешел бы на частную еду.

— Да все дело в том, что если разрешить частную еду, то все равно будет та же монополия, только частная. Рынок стремится к монополизму, надо знать такие вещи. Тут хоть какой-то контроль за ними, а так вообще ничего.

— Еда — это не что-нибудь, это не какой-нибудь автомобиль, это товар первой необходимости, это то, что нужно человеку каждый день. И вы отдадите это на откуп частнику?

— Я бы добавил: еда — это стратегический ресурс. Это вопрос национальной безопасности. Если людям будет нечего есть, они уничтожат государство, наступит хаос и анархия. Это очевидно всем, кроме автора.

— А куда денутся все эти нынешние производители еды, распределители и контролеры, вы подумали? Как им работу найти? Как они смогут теперь купить себе еду? Они ведь грабить пойдут!!!

— Минимальная жирность для всех! Программа партии «Завтра вже вчора!» Ссылка …

— Автор ничего не понимает в экономике. Ведь очевидно же, что частники всю еду скупят, вывезут и будет голод.

— Автор хотя бы учебник по экономике прочитал бы, что ли, прежде чем ересь городить. Нас завалят дешевым импортом, отечественный производитель разорится.

— Я тоже не понимаю, зачем изобретать велосипед. Есть нормы социальной жирности и витаминности Евросоюза, требуйте от чиновников их соблюдения, зачем сочинять прожекты, которые могут ввергнуть страну в хаос?

— Сама идея частной еды — это возвращение в средневековье. Представьте — вам нужно выбирать из множества видов еды — хлеб, мясо, каша, брокколи. Каждый день. Нужной еды может не быть, зато может быть полно ненужной. Вы можете переесть или недоесть, неправильное питание, причем, регулярное неправильное питание — вот жалкий удел этих людей. Частная еда — это, прежде всего, очень неудобно, не говоря уже

о том, что общественные ресурсы расходуются нерационально. Общественная еда — это не прихоть, это требование времени. Частная еда — пройденный этап, она отмерла за ненадобностью. Люди никогда больше не согласятся на частную еду.

— Да он просто на олигархов работает, разве не понятно?

— Требуйте нового стандарта витаминности! Подписывайте петицию Avaaz ссылка …

— Нам нужно срочно решать проблемы, которые горят у нас здесь и сейчас, а не заниматься идеями, которые могут сработать, а могут и нет. Есть хоть какая-то страна с частной едой? Где можно посмотреть на то, как это будет работать? Вот когда что-то такое будет, тогда посмотрим и решим, а сейчас нам нужно бороться с голодом.

— Мне особенно понравилось где он пишет, что «калорийность, жирность и содержание витаминов будут дифференцированы для разных продуктов». Автор, ты в каком мире живешь? Эй, очнись! Кто заставит частника заботиться о калорийности и жирности, да еще и о том, чтобы они были разными? С какого это фига он будет это делать? Точно могу сказать, что он будет гнать такую же бурду «социальной жирности», которой нас сейчас кормят, только за большие деньги! И даже еще хуже, поскольку его никто не контролирует! Добро пожаловать в реальный мир, придурок!

— Социальная калорийность, жирность и витаминность — это плата за прогресс

— А я тоже читал, что раньше были хлеб, мясо и монпансье

— Монпансье — это порода собак, балда.

— Частная еда означает и частное производство компонентов для нее. Если реализовать план автора, то получается, что придется разрешить частное выращивание, картошки, например. Это каждый сможет выращивать дома что захочет, так что ли? И что тогда Сахар, что ли, всем разрешить? Или табак?

— Предложение автора — типичный неолиберализм. Еще один кирпич в стену неравенства, отчуждения и анального доминирования. Богатые будут обжираться анчоусами, артишоками и авокадо, а бедные — жрать буряк.

— Богатые должны платить больше, я считаю.

— Сахар в мешках. Пишите в личку, укажу место доставки и пароль. Биткоин кошелек …

— Люди, держите меня! Автор не просто фантазер и утопист, он идиот! Откуда множество не связанных между собой участников узнает, сколько нужно еды? У нас целые институты едва

справляются с расчетами, все знают, как тяжело с едой, а тут — частник! Вы хотите нас голодом уморить — так сразу и скажите!

— Без общественной еды нет общества. Как может существовать общество, в котором каждый будет есть сам за себя?

— Идея автора, может быть, была бы здравой, но народ пока еще не готов. Нужно воспитывать культуру потребления и производства, на это могут уйти века.

— Ага, нашим людям только дай! Они такого напроизводят!

— Видел вчера один тип сахар детям предлагал возле школы. Автор, ты этого хочешь???[4]

2015

7.3.17. Куры гриль, противовоздушная оборона и конкурентные преимущества

Когда автор этих строк служил в «войсках ПВО страны», один солдат упал с турника и совсем убился. Главком, дабы пресечь дальнейшую порчу статистики турниками, издал приказ, предписывающий спилить к черту нафик все эти турники.

Нечто похожее всегда происходит, когда некой иерархии поручается заботиться о своих подопечных. Свежий пример — история с теми самыми курами-гриль, которыми отравились несколько десятков киевлян.

Итак, что делает сейчас государство? Пилит турники. Нам рассказывают об организации проверок на предприятиях, имеющих отношение к общепиту, о том, что будут наконец выполнены репрессивные решения, которые, как оказалось, давно уже были приняты, и,

[4] за идею спасибо Вячеславу Бродовому

конечно же, под этим соусом будут опять ликвидировать ненавистные государству МАФы.

Понятно, что действия государства неадекватны и неэффективны. Но возникает вопрос — можно ли избежать таких неприятных (а часто и трагических) случаев, как «отравление продуктами питания», и как это может быть сделано?

Давайте сначала определимся, с какой именно проблемой мы имеем дело. Может ли быть создана система, при которой в принципе невозможно отравиться «продуктами питания»? Очевидно, что нет. Следовательно, речь может идти только о минимизации рисков. В нашем случае, риски потребителя минимизируются, если производитель соблюдает некие правила, которые можно назвать санитарными нормами.

На сегодняшний день государство является единственным производителем этих самых «санитарных норм» и оно же является их контролером. Оставим в стороне коррупционную составляющую, которая только путается под ногами и искажает картину, и просто подумаем — а может ли государство в принципе справиться с этой задачей? Ведь вся проблема в том, что для нас с вами и для государства «выполнение санитарных норм» — это разные задачи. Государству нужна «хорошая» отчетность, и если отчетность ухудшается, то оно бежит пилить турники. Нам же с вами нужно чтобы производители следовали правилам, которые помогут минимизировать наши риски. Помогает нам в

этом смысле отчетность и спиливание турников? Очевидно, нет.

Идем дальше. Чем является для производителя «санитарная норма», иначе говоря, способно ли государство создать такие нормы, которые бы производитель выполнял легко и добровольно? Ответ очевиден. Если бы работа чиновников состояла в том, чтобы, скажем, не допустить ожогов подопечных горячей водой, первое, что бы они делали — отрубали бы им руки. «Хорошая отчетность», как главный принцип работы любой бюрократии, предполагает, что проще всего все запретить, (ну, так и быть, что-то разрешить), что во всех спорных случаях делает виновным не автора правил, а их исполнителя, то есть, предприятие, работающее на рынке.

Поэтому, разнообразные правила, выдуманные государством для нашей «защиты», являются для предпринимателя **издержками**, которых он будет при любой возможности избегать. Нам же с вами нужно, чтобы предприниматель следовал правилам, так как от этого зависит наша безопасность. Как разрешить это противоречие?

Ответ только один — нужно превратить издержки в конкурентное преимущество. А для этого нужно гнать государство в шею из этой области.

Новая система должна быть конкурентной и основанной на целях ее участников. Во-первых, если мы го-

ворим о том, что безопасность есть минимизация рисков, то понятно, что может существовать множество степеней этих рисков. Скажем, окорочка, продающиеся с земли в жару и те же окорочка в супермаркете в холодильнике при прочих равных условиях несут в себе разный риск. Сегодняшняя система предполагает, что он одинаков и минимален, так как государство «гарантирует» нам соблюдение принятых им самим правил. Понятно, что покупатель все равно руководствуется своим опытом, но этот опыт может подвести при выборе из двух близких по предполагаемому риску продавцов. Например, два одинаковых на вид киоска с похожей продукцией — какой выбрать? Итак, основной принцип — легализация дифференцированности рисков. Покупатель должен иметь информацию о том, что ему может грозить.

Эту информацию продавец может предоставить ему добровольно, и ему даже будет **выгодно** это сделать. Это возможно при системе добровольно принимаемых на себя правил, или, скажем, стандартов. Они могут и должны быть совершенно разными, от самых простых до самых сложных, от включающих только условия хранения и реализации продуктов, до всей цепочки — от производителя до потребителя. Такие стандарты являются собственностью их владельцев, скажем, каких-нибудь ассоциаций. Стандарт имеет свой знак, по которому покупатель может его легко идентифицировать. Скажем, желтый треугольник на витрине означает стандарт «у меня есть холодильник». Больше про-

давец ничего гарантировать покупателю не может, и тот может делать свои выводы. Присоединение к стандарту — дело добровольное и включает в себя процедуры по выбору владельца стандарта. Для кого-то достаточно будет телефонного звонка, для кого-то — выездной инспекции стандарта для проверки соответствия его требованиям.

Понятно, что предприниматели будут стремиться к тому, чтобы их бизнес соответствовал самому популярному стандарту. С другой стороны, стандарты не заинтересованы в том, чтобы их требования нарушали, и всегда будут реагировать на претензии покупателей. Поэтому предприниматели не будет стремиться к тем стандартам, исполнение которых они не могут гарантировать. С третьей стороны, стандарты заинтересованы в рекламе самих себя. Они будут стараться объяснить потребителям, чем следование их правилам лучше, чем правилам конкурента, эта информация будет не только доступна, но и будет всячески навязываться потребителю со стороны стандартов, улучшая возможности для выбора потребителя. Понятно также, что в век интернета практически невозможно скрыть информацию. Если вы решили что-то купить в подозрительном ларьке, то лучше зайти с телефона на сайт стандарта и проверить, есть ли этот ларек в их списках. Тут же может выясниться, что месяц назад этот ларек исключили из другого стандарта, так что, лучше воздержаться от покупок.

Разумеется, эта система не может существовать одновременно со всякими санэпидемстанциями и прочими государственными конторами, тут либо одно, либо другое. Понятно также, что такая система должна расти естественным путем и сначала она будет состоять из множества узкоспециальных и региональных (городских, районных) стандартов, и только через некоторое время могут появиться национальные стандарты. 2011

7.3.18. 4000 за лоха, 10000 за пацана

Недавно мой друг поделился со мной историей, которую он высмотрел в телевизоре. В телепередаче шла речь о том, как мажоры убивают людей на дорогах. В частности, там была история о том, как мажор, сбивший человека, откупился от его родственников суммой в 4000 гривен.

Посокрушавшись над судьбой бедняги, мы, по украинскому обыкновению, перешли к теме «а шо ж робити?» И пришли к выводу, что единственный способ — узаконить такое положение дел, причем, согласно реальной «табели о рангах». То есть, если кто-то задавил человека — он платит его родственникам 4000 гривен. Если задавили пацана — платишь 10 000, уважаемого человека — 50 000 и так далее, до самого верха. При этом, суд и «закон» в такой системе если и нужен, то лишь для фиксации факта наезда, смерти пострадавшего и оформления платежа виновником. Все осталь-

ное происходит автоматически, согласно прейскуранту.

И ведь если задуматься, такая система, которая существовала практически во всех ранних кодексах самых разных народов, куда человечнее, чем то, что существует теперь. Ведь если брать предельный случай, вроде Украины, то сегодня сбивший человека мажор отделается легким испугом или взяткой, а если даже он пойдет в тюрьму, то какой в этом толк? Почему семья пострадавшего должна еще и содержать мажора в тюрьме, из которой он, скорее всего, выйдет еще большим негодяем

И самое важное, что в случае реализации такого простого плана, включаются механизмы социальной саморегуляции. Ведь теперь люди и мажоры становятся **равны**, невзирая на разность сумм, в которую оценена их жизнь. Теперь становится понятно, как поступать с мажорами. Например, можно прийти в Верховну Раду и помахивать в кулуарах толстой пачкой купюр. Ничего не говоря, радостно улыбаясь и подмигивая проходящим депутатам. Или написать объявление в газете «собираем на Иван Иваныча Петренко. Расчетный счет такой то». Или устроить благотворительный концерт, все сборы от которого пойдут на Миколу Трохимыча Пидлабузного. Или, скажем, можно поджидать мажоров возле выхода из ресторана, а потом начинать поспешно заводить машину и многозначительно гудеть мотором. Представьте теперь жизнь несчастного мажора, которому снится по ночам отважный Вася

Черевичкин на своих «Жигулях» или бессмертный дедушка на «Запорожце», громыхающий мешками мелочи в багажнике. Тут, хочешь не хочешь, придется что-то менять в привычном укладе жизни и, как минимум, стать более осторожным на дорогах.

Заметьте, никто в нашем мысленном эксперименте не «боролся с коррупцией», не проводил никаких революций и реформ, а все вдруг радикально изменилось. И причина этому — права собственности, точнее, определенность с правами собственности. Если вы приглядитесь к современной правовой системе, то увидите, что она больше не является способом регулирования правоотношений **между** субъектами. Очень часто эта система фактически подразумевает, что люди являются собственностью государства. Ведь она регулирует наше поведение, как родители регулируют поведение детей, она наказывает за отклонение от «правильного» поведения, что хорошо заметно в законодательстве, регулирующем преступления без пострадавшего (наркотики, проституция, порнография, авторское право и т.п.), в «ювенальной юстиции», в запрете курения и алкоголя. Мужчин государство вообще рассматривает как пушечное мясо, которое можно в любой момент отправить на смерть на какую-нибудь войнушку. В общем, права собственности на самих себя в этой системе четко не определены. А это значит, что тот, кто ближе к государству, имеет шансы «в случае чего» получить, так сказать, большую правосубъектность, чем тот, кто от государства дальше. Мажоры, если они са-

ми даже не чиновники, имеют к государству «открытый доступ». Переводя это обстоятельство в категорию прав собственности, можно сказать, что они обладают правами собственности на самих себя, а вы — нет.

В системе с прейскурантом все выглядит по-другому. Государство здесь больше не является владельцем вашего тела. Оно фактически играет роль нотариуса. Прейскурант и есть признание права собственности на свое тело всех, кто в нем перечислен, он устанавливает правоотношения **между**участниками, а не между государством и всеми остальными.

Разумеется, мой пример весьма гротескный, но, если мы говорим о реальных изменениях, а не об их имитации, то их основное направление — это определенность с правами собственности. Эта определенность всегда вызывает позитивные последствия, далеко выходящие за рамки предпринимаемых изменений. Смотрите, мы всего лишь мысленно «ввели» прейскурант отмазок за убийства на дорогах, а у нас, в итоге, практически исчезла силовая коррупция, ослабилось давление на экономику, начался экономический рост, уменьшилась безработица и т.д. и т.п. Этот мысленный эксперимент понятен, потому что большинство тех, кто читает эту заметку, компетентны в обсуждаемой проблеме. Но то же самое относится к правам собственности в любой другой сфере. И если мы не можем сразу предсказать, какие именно последствия принесет легализация прав собственности и определенность

с ними, то это не потому, что этих последствий нет, а потому, что мы некомпетентны в вопросе. 2012

7.3.19. Именем короля, именем закона, именем…

Практически все дискуссии о частных судах, которые мне приходилось видеть, рано или поздно упираются в глухую стену. Каждый раз эта стена имеет разный вид, но суть примерно можно выразить словами «кто будет главным начальником над судьями?», причем речь идет не о персонах, а об институтах. То эта стена имеет вид необходимости отдельного «суда последней инстанции», на котором будет написано, что это именно он, то остается на уровне рассуждений о «публичности» права, то упирается в чисто казалось бы практический вопрос «а почему я должен исполнять решения» (или «что заставит кого-то исполнять решения») причем, ответ, что приедут люди и начнут выносить телевизор, тут не работает, важно, «по какому праву» это все будет происходить.

Мне кажется, что эти, на первый взгляд, разные обертки, скрывают одну и ту же проблему — проблему внешнего авторитета.

Действительно, внешний авторитет, как источник права, куда старше государства. Тот же Кревельд пишет о «духах предков», которые использовались Североамериканскими индейцами в качестве внешнего ав-

торитета. И вообще, насколько можно понять, «духи предков», от имени которых выступают шаманы или старейшины, верша суд (ну и выдумывая разные табу не без пользы для себя) — это такое общее место антропологии. Неизвестно, именем кого судили в развитых, но безгосударственных обществах вроде той же Ирландии. Брегоны сами не были судьями, а были советниками «королей», которые лично и осуществляли суд. Возможно, от своего имени, хотя это мои домыслы, информации об этом я не нашел.

В случае государства суд всегда выносит решение от имени внешнего по отношению к судье авторитета, то есть, собственно, государства, будь это «король», «народ» или «закон». Давайте подумаем, что на самом деле отражает практика племен и государств цеплять внешний авторитет к решениям судьи? Нам, людям «передовым и просвещенным» формула «именем Украины» (или любая аналогичная) кажется неким «понтом», как мантии и парики, но на самом деле, она имеет важный экономический смысл.

Что роднит в этом смысле между собой шамана и государственный суд? Тот факт, что их деятельность не имеет прямого коммерческого характера, то есть, не направлена на непосредственный поиск прибыли, и доход судьи (во всяком случае, в варианте некоего идеального государства) не зависит от качества принимаемых им решений. В случае племени, частному суду, мягко говоря, неоткуда взяться. В случае государства он недопустим, так как разрушит монополию на наси-

лие. Но в обоих случаях нужно, чтобы суд пользовался доверием.

В случае племени эволюция нашла такой механизм доверия в виде духов предков. То есть, шаман, он как бы не от себя стоит, а исключительно представляет духов предков в своих решениях. Это позволяет ему выносить решения, с которыми будут согласны другие, даже не сильно любящие лично шамана в качестве члена племени. Это же самое обстоятельство создает контрольный механизм, ведь если очень припечет, пострадавшие могут попробовать устранить злобного шамана на том основании, что он плохо понимает волю предков и на самом деле они имеют в виду иное.

С государством та же история, особенно если учесть тот факт, что сегодня оно заменило собой Бога. Опять же, принимая решения от имени божественной сущности, судья тем самым создает механизмы, обеспечивающие доверие к системе в целом. Судья — плохой, король — хороший.

Грубо говоря, внешний авторитет, от имени которого выступает суд, является одним из атрибутов, демонстрирующих клиенту незаинтересованность суда в исходе конкретного дела. Это одна из основ системы.

Люди, которые спорят о частных судах, просто-напросто слишком привыкли к тому, что судебная система построена на ссылке на внешний авторитет. Они не видели ничего другого, они выросли с этим обстоя-

тельством. Поэтому они, осознанно или неосознанно, пытаются всунуть этот внешний авторитет и в систему частных судов. Они пытаются понять, где же он в этой системе и, не находя его, полагают систему невозможной. Но сегодня внешний авторитет существует не просто так, не сам по себе, он существует потому, что у него есть роль в системе. Однако, судебная система частных судов просто не нуждается в такой роли, так как в ней существует конкуренция. Незаинтересованность в исходе дела обеспечивается здесь не наличием внешнего авторитета, а является условием выживания на рынке.

2012

7.3.20. Ну что, пора заняться делом. Демократия 2.0

> Идея заменить государство системой добровольно финансируемых проектов родилась где-то в 2004-м и была высказана в погибшей ныне заметке на сайте Владимира Панкеева. Разумеется, идеи носятся в воздухе, и автор совсем не удивился, когда появился Kickstarter и его последующие аналоги. Правда, там все не так, как я это себе представляю, но в целом эти системы хорошо иллюстрируют идею «с миру по иголке — голодному рубаха». Сегодня я думаю, что «демократия 2.0» могла бы быть системой самоуправления сообществ и принятия и финансирования ими правил для своего функционирования. И название мне тоже не очень нравится.

Скажите, вот лично вы заказывали дорожный сбор? Его увеличение? Уменьшение? Или, скажем, заказывали ли вы комиссию по морали и товарища Костицкого?

Нет? И судью Зварыча не заказывали? Тоже нет? Так почему вы за это платите?

Это не «пропагандистский трюк» и не «передергивание», это самый обычный вопрос, что называется, по существу. Еще лет десять назад его нельзя было поставить в такой прямой форме, точнее, поставившему можно было сказать, что он немного утрирует, хотя и прав по сути. Теперь же времена изменились и вопросы, безо всяких преувеличений, можно ставить именно в такой форме. Почему?

Ниже я попытаюсь объяснить, почему это так. Для этого мне понадобится несколько текстов. Собственно, «в разобраном виде» все это болтается, никому не нужное, в интернете, первый раз я публиковал идеи, которыми намерен поделиться, года три-четыре тому назад. Тогда они не были восприняты, но, слава Богу, пришел кризис, который многим хорошо прочистил мозги. Теперь, возможно, мне удастся найти понимание и сторонников в том деле, в котором я хочу предложить вам поучаствовать.

Методология. Перенимаем опыт или лечим общие болезни?

Сегодня общепринятой является точка зрения, согласно которой нам просто нужно «перенять опыт» развитых стран. Эту методологию, несмотря на ее очевидную нереализуемость, поддерживают как «офици-

альные лица», так и все доброхоты из, условно говоря, «демократического лагеря». Она принимается по умолчанию и даже не обсуждается. А зря.

Ведь речь идет о внедрении конкретных институтов в тех формах, в которых они уже существуют сегодня на Западе. Эти институты в каждой стране устроены, мягко говоря, по-разному, и существуют в своей уникальной среде, и их тупое копирование, как правило, ни к чему не приводит.

Правильный вопрос звучит так: как выделять то, что действительно необходимо и универсально? Ответ может лежать в изменении метода анализа — очень трудно однозначно выделить «хорошее», зато легко и просто заметить «плохое». Посему, я предлагаю просто посмотреть на дело иначе — выяснить, что плохого в западных демократиях, хотя бы в общих чертах, и затем приступать к «конструированию» будущей украинской реальности.

Сразу скажу, что все страны и народы, безусловно, уникальны. Однако, у людей есть много общего, и такого общего куда больше, чем различного. Такова природа человека. Безусловно, украинцы обладают ого-го какими национальными особенностями и менталитет у них будь здоров какой. Хуже того, я абсолютно уверен в том, что именно этот менталитет и лежит в основе ответа на вопрос «почему у нас ничего не получается». Однако, точно так же я уверен и в том, что до сих пор

никто и не искал того общего и универсального, что украинец с радостью бы принял, как свое.

Плохое номер раз. Общий котел

Итак, перейдем к поиску того «плохого», что мешает жить и нам и нашим западным учителям. Плохое номер раз можно назвать принципом общего котла. Собственно, это плохое относится ко всем типам государств, вне зависимости от того, какой «строй» в них существует. Принцип состоит в том, что государство собирает с подаднных налоги, которые затем сливаются в общий котел и оттуда перераспределяются. Государства отличаются друг от друга лишь степенью эффективности этого процесса. Однако, государство любого типа страдает следующими недостатками:

- Издержки принципа налогообложения. Налоги, как таковые, оказывают серьезное влияние на экономику и доверие граждан к государству.
- Издержки определения целей перераспределения средств, собранных в бюджет. В любом случае, цели, на которые перераспределяются общественные средства, определяют люди, специально уполномоченные для этого. Разумеется, существует большой риск ошибок, влияния некомпетентности и т.д.
- Способы реализации общественных программ, приоритеты и т.д. тоже устанавливаются де-

факто специальными людьми. Существуют огромные издержки самих бюрократических процедур.

- Любое государство свободно менять правила игры. Степень волюнтаризма зависит от режима. При диктатуре она максимальна, в демократии, ограниченной правом — минимальна.
- Политическая ответственность достаточно условно связана с эффективностью деятельности. При диктатуре ответственность вообще практически равна нулю, при демократии существуют очевидные недостатки.

Обобщая эти проблемы, можно сказать, что современному государству необходимо собрать у нас деньги, донести, не расплескав, их до «общего котла», правильно их поделить и затем правильно вложить, при этом, ни в одной политической системе, чаще всего, непонятно кто за что и почему в этом процессе отвечает.

Отметим, что сейчас мы ведем речь о неком идеальном государстве, в перечне, расположенном выше, отсутствует коррупция. Как видим, даже это идеальное государство практически неэффективно. Что уже говорить об украинском государстве, в котором, коррупция является законным и часто единственным способом чего-то добиться, и которое, помимо коррупции, занимается откровенным разбоем и грабежом своих граждан.

Плохое два. Контроль

Это «плохое» относится уже только к демократии.

Периодичность контроля. Как происходит процесс контроля в самом лучшем случае? Люди голосуют на выборах за политиков, которые, в течение срока своих полномочий, определяют характер расходов средств, собираемых в бюджет. На этот срок граждане почти теряют возможность контролировать их действия (родом такого контроля являются местные и прочие выборы, которые происходят в период между национальными выборами). Контроль происходит уже после того, как деятельность политиков закончилась — на следующих выборах. Разумеется, на Западе существует и пресса, и организации «третьего сектора», которые следят за правительством, но ничто не может помешать правительству не выполнять обещаний, и главное — делать то, что оно вообще не обещало. То есть, система достаточно несовершенна. Но что заставляет ее работать в тех случаях, когда она срабатывает? Что заставляет западных политиков уходить в отставку в случае скандала? Что заставляет партии учитывать ошибки в случае поражения? Традиции. И система в целом, которая, опять-таки, немыслима без традиций и собственной истории.

В Украине момент периодичности контроля особенно очевиден. Заметим, как наши политики любят продлевать себе полномочия (ради стабильности, разумеется) и проводить выборы во все органы власти

в один день (ради экономии, конечно же). Точно так же они любят размывать ответственность за власть путем манипуляций с Конституцией (есть большинство или нет большинства) и избирательным законодательством (что такое «блок Черновецкого»?).

Компетентность избирателя. Конечно, западный избиратель куда компетентнее нашего. Автор этих строк знает это на собственном опыте. Однако, проблема компетентности все равно является общей. Проблема компетентности возникает потому, что государства присвоили себе широчайший объем полномочий и соответствующей ему деятельности. Никакой человек не в состоянии разобраться во всем этом целиком.

На Западе проблема решается за счет гражданского общества. Избиратель интересуется не только «общими» позициями претендентов на власть, вроде налогов, но и частностями, близкими его сердцу. Для этого у него всегда под рукой есть организации гражданского общества, которые следят за соответствующими проблемами и в состоянии предоставить информацию.

Впрочем, опять-таки, всегда проще не разбираться в чем-то, а просто голосовать за привычный бренд. Так поступает большинство. Те избиратели на Западе, которые хотят быть компетентными, просто имеют для этого больше возможностей.

В случае Украины таких возможностей почти нет. Всем известно качество программ наших партий и тот

факт, что «их никто не читает». Да и то — какой смысл их читать, если их никто и не думает выполнять? «Третий сектор» слаб и часто политически ангажирован.

Концентрация на «актуальном». Некомпетентность избирателя и сама механика выборов большинством приводят к тому, что в поле зрения избирателя остается несколько «горячих» проблем, обсуждению которых обычно и посвящается избирательная кампания. «Горячесть» и «актуальность» этих проблем часто бывает сомнительной и вызваной случайными стечениями обстоятельств.

Украина показывает, как политики могут создавать мнимую актуальность и танцевать вокруг нее танцы с бубном в расчете на вечный и плодотворный избирательный процесс. Практически все наши «актуальные вопросы» в виде ЕС, НАТО, «исторического прошлого» и т.д. и т.п. не имееют никакого значения (хотя бы потому, что о ЕС и НАТО никто ничего не знает, но все горячо спорят, да и принимать нас туда никто не собирается) для настоящего. Кроме того, Украина просто переполнена борцами за светлое прошлое, готовыми заниматься этой борьбой бесконечно.

Заметим еще вот что. На самом деле, как показывает опыт, процентов 90 вреда, которое приносит государство, генерируется в сферах повседневной и далекой от «актуальной политики» деятельности. Вот вы там на форумах по поводу газа и труб сражаетесь, а если бы была возможность подсчитать, то, уверяю

вас, оказалось бы, что какое-нибудь с виду неказистое патентное дело или, скажем лицензирование, или какая-нибудь другая фигня приносит стране ущерба, что твой Газпром. И никому до этого дела нет и никогда не будет.

Итак, предварительные итоги. Всем понятно, что перечень вопросов, которыми ведает государство, займет не одну сотню страниц, и чтобы разобраться во всем этом, понадобится несколько лет. В результате, выборы, актуальность которых всегда перевешивает желание разобраться в сути дела, превращаются в покупку кота в мешке. Государство между выборами занимается чем захочет, а на выборах вся его задача сводится к танцам с бубном перед избирателями и обещаниям раздать побольше благ. Популизм появляется по вполне объективным причинам: во-первых, избиратель сам прекрасно осознает свою некомпетентность и потому реагирует только на популизм, во-вторых, партии-претенденты на власть тоже редко понимают, как и что работает в государственной машине и главное — зачем оно там работает. Как в такой ситуации объяснить на выборах избирателю, чем «мы» лучше, чем «они»? Только размахивая купюрами перед его носом и рассказывая страшные истории на «актуальные» темы. Популизм — это системное свойство такой модели. С поправкой на тупость и лень избирателя и жадность аэлиты мы получим Украину. С поправкой на традиции и внесистемный контроль — Запад.

Теперь внимание! Мы видим, что западный «кот в мешке», которого там регулярно покупают на выборах, отличается от украинского кота только условиями, в которых его покупают и продают. Важно вот что: эти условия — традиции, гражданский опыт, гражданское общество, независимую прессу и т.д. нельзя «ввести». Выборы ввести можно. Традиции — нельзя.

Плохое три. Большинство. Формирование

Как известно, современная демократия подразумевает принцип «один человек — один голос». Этот принцип вполне логичен и естественен в случае, когда избиратели равны. Собственно, идея выборов изначально подразумевает равенство избирателей. Почти всегда, в тех случаях, когда люди применяют выборы, вы столкнетесь с тем, что они выбирают среди равных. Равенство устанавливается по тому критерию, который является главным для функций, для исполнения которых проводятся выборы.

Для выборов политических органов с такими критериями, конечно же, возникают проблемы. Однако, не будем забывать, что демократия, как набор институтов и процедур, сформировалась и окрепла в условиях избирательного права, которое мы бы сейчас назвали «ограниченным». Эти ограничения (цензы) как раз и были направлены на то, чтобы создавать равенство между избирателями.

Отмена всех цензов (кроме возрастного, хотя, следуя логике сторонников неравенства избирателей, его бы тоже следовало бы отменить) привела фактически к неравенству участников выборов. Теперь мы видим странную ситуацию, когда гопник с Борщаговки и профессор имеют одинаковое право голоса.

Теперь государство, как никогда ранее, способно манипулировать волей избирателей. Более того, теперь оно само выращивает себе избирателя, раздавая подачки и делая эти подачки частью регулярной государственной политики.

Поэтому политики во всех странах все в большей мере поступают не так, как надо, а так, как требуют «расклады» ближайших выборов. У тех, кто хочет и может поступать «как надо» остается все меньше шансов получить для этого власть.

Плохое четыре. Большинство

Эта проблема очень хорошо известна и, в принципе, для того, о чем я буду говорить в последующих текстах, было бы вполне достаточно того, чтобы существовала только лишь одна эта проблема.

Суть ее состоит в принятии решений большинством. Это означает, как минимум, три вещи. Во-первых, такие решения легко могут ущемить неорганизованное меньшинство. Во-вторых, организованное меньшинство, напротив, может легко манипули-

ровать большинством, для которого проблемы этого меньшиства не являются критичными, то есть, до которых им нет большого дела. Это явление очень хорошо демонстрируют США со своей политкорректностью, которая означает, что активные меньшинства имеют прав больше, чем все прочие.

В-третьих, большинство всегда менее компетентно и не склонно к переменам. В изменениях всегда заинтересовано меньшинство. Это обстоятельство не так критично для стран, где на политическом рынке перераспределяется незначительная часть национального богатства. Иначе говоря, где политические решения «наверху» не сильно влияют на повседневную жизнь, а основная политическая жизнь протекает на уровне местной коммуны. Для Украины, в которой на политическом рынке перераспределяется чуть ли не весь национальный продукт, такая ситуация катастрофична. Правда, и для Запада, где государство научилось выращивать себе избирателя, эта ситуация становится все более актуальной. Западные государства растут неудержимыми темпами. Я уже как-то приводил слова Милтона Фридмана, который утверждал, что за время его жизни объем благ, перераспределяемых на политическом рынке, вырос в 4 раза. И это в США, а не в какой-нибудь Франции.

Итак, общие выводы:

1. Современное государство функционирует по принципу «общего котла». Это означает, что государство имеет возможность проводить ту деятельность, на которую его вообще никто не уполномачивал, так как финансируется она после того, как в «общий котел» поступили средства.

2. Сферы деятельности и способы деятельности определяются самим государством.

3. Реальное влияние на жизнь в стране оказывают не выборные политики, а многочисленные государственные агенты (министерства и т.п.), которые поступают по своему усмотрению.

4. Выборы не позволяют эффективно контролировать деятельность государства.

Всего этого можно избежать, если немного поразмыслить.
2009

7.3.21. Демократия 2.0. Государство проектов против государства дерибана

Итак, мы установили, что все государства функционируют по принципу «общего котла», что позволяет им финансировать малополезную и даже вредную деятельность и самое главное — самостоятельно определять, чем бы им заняться на наши с вами деньги.

Принцип общего котла можно считать, в какой-то степени, неизбежным злом, которое можно было терпеть, поскольку ему не было технологической альтернативы. Теперь такая альтернатива есть, и называется она интернет.

Правильно поставленный вопрос

В понимании многих вещей очень важную роль играет правильная постановка проблемы. Вот скажите, считаете ли вы необходимым, скажем, государственное лицензирование предпринимательской деятельности Возможно, что считаете. А теперь поставим вопрос иначе — согласны ли вы сами платить за существование этого лицензирования То есть, платить добровольно именно на эти цели? Скорее всего, нет. Если бы у вас была возможность, вы бы не платили за финансирование государственного лицензирования, хотя «вообще-то» считаете его полезным.

Принцип общего котла заставляет нас считать некоторые явно ненужные виды деятельности «вообще-то» полезными. Ведь неизвестно, кто конкретно за них платит, поскольку платят «все вместе». Но вот беда — «услугу», за которую платят «все вместе», всегда получает конкретный человек. И он сталкивается с массой проблем, которые ему лично абсолютно не нужны и за которые он лично не отдал бы и ломаного гроша. И так происходит практически всегда. Деятельность, которую считают «вообще-то»

полезной, в своей конкретной реализации часто бывает вредоносной, и, почти всегда, просто никому не нужной.

Есть только один способ избежать этого — платить самому за то, что необходимо.

Интернет

В этой заметке я не буду говорить о том, какие принципы должны лежать в основе существования государства проектов и как перейти к нему из нашего нынешнего состояния. Также я не буду говорить и о том, почему этот тип государства, который становится вполне реалистичным ввиду существования необходимых технологий, крайне необходим именно Украине и почему он возможен именно здесь. Пока остановимся на самом принципе государства проектов и сравним его с государством бюджета.

Для начала отметим, что, собственно, меняет интернет в технологии общения государства и гражданина. Итак, интернет позволяет держать в постоянном доступе большие объемы информации. Доступ может осуществляться в удобное для пользователя время, существуют (относительно) удобные средства поиска информации.

Интернет позволяет постоянно обсуждать некую деятельность, формировать группы заинтересованых лиц и распространять информацию об этой деятель-

ности, опять-таки, в удобное для участников процесса время.

Интернет позволяет платить в удобное для пользователя время, причем, позволяет и получить свои деньги обратно.

Интернет позволяет проводить ту или иную деятельность онлайн, например, отслеживать исполнение того или иного бюджета и непосредственно исполнять бюджет.

Проекты

Скажите, нужно ли лично вам какое-нибудь там министерство транспорта Скорее всего, нет. А нужна ли вам та деятельность, которая волей судьбы находится в его ведении Возможно, некоторая деятельность и является полезной и необходимой. Тогда почему вы платите «за министерство», а не за его деятельность Точнее, почему у вас нет выбора среди набора деятельностей, которыми занято это уважаемое учреждение И вообще — почему оно само придумывает, чем бы ему заняться

Приоритет структуры над деятельностью характерен для государства «общего котла», когда мы платим «вообще» за существование структур, которые могут осуществлять какую угодно деятельность.

Приоритет деятельности перед структурой реализован в проектном принципе. Проекты имеют начало и

конец, четкие цели и средства их реализации, и, наконец, они имеют бюджет. Структуры создаются для исполнения конкретных проектов и ликвидируются после их завершения.

Государство проектов

Итак, представим себе ситуацию, когда партии, вместо своих дурацких программ, которые, как мы помним, «никто не читает», предлагают народу набор проектов деятельности государства. Предлагают они их до выборов, в случае победы на выборах эти проекты начинают реализовываться.

Проекты существуют в виде сайтов, на которых полностью расписаны сами проекты и их бюджеты. Сайты, повторю, создаются до выборов, что дает возможность всем желающим ознакомиться с проектом, обсудить, покритиковать и т.п.

Если партия победила, ее проекты открываются для финансирования. То есть, заинтересованные лица переводят на сайт деньги, до тех пор, пока не будет сформирован бюджет (это легко отслеживать онлайн). В случае «недофинасирования» деньги возвращаются обратно и проект не реализуется.

Как я уже говорил, сейчас я не буду рассматривать организацию такого государства. Хочу отметить лишь три наиболее важных момента, которые действительно внесут большую ясность. Первый состоит в том, что

плательщиками в такой системе должны быть только частные лица. Корпорации (то есть юридические лица) не должны платить никаких налогов. Второй момент состоит в том, что количество голосов, которое имеет гражданин на выборах, зависит от процента дохода, который он потратил на финансирование проектов. Третий момент: плата за проекты — добровольное дело.

Теперь давайте просто сравним свойства государства проектов и государства бюджета. Пишу первое, что приходит на ум, вероятно, возможны и другие позиции для сравнения. (См. таблицу на следующей странице) 2009

7.3.22. Демократия 2.0 — от государства к системе проектов

Наше государство часто называют «олигархическим». Считается, что ему присуще именно это свойство, и именно оно является корнем всех наших проблем. Дескать, нами правят не те люди, и правят они в собственных интересах, а также в интересах стоящего за ними «капитала». Так выглядит наиболее распространенная версия формулы, объясняющей наши неудачи.

Мне кажется, что эта формула максимально далека от реальности. В этом нетрудно убедиться, если просто задуматься над словосочетанием «олигархиче-

	Государство бюджета	Государство проектов
Появление деятельности	Определяется государством самостоятельно, исходя из возможностей «общего котла».	Необходим удачно реализованый проект
Ликвидация деятельности	Случайным образом, исходя из возможностей «общего котла» и политических соображений.	Ликвидируется неудачная деятельность (не собравшая необходимый бюджет)
Приоритеты	Важно «актуальное», «главное», понятное избирателю	Важно все
Длительность деятельности и контроль за ней	Никому не нужная деятельность может длиться годами. Нужная может ликвидироваться по политическим соображениям.	Постоянная деятельность (например, патентное дело) может существовать в качестве набора возобновляемых проектов. Необходимость возобновления проекта приводит к совершенствованию деятельности и обеспечению контроля за ней.
Порядок финансирования	Деньги налогоплательщиков безвозвратно исчезают в «общем котле».	В случае «недофинансирования» проекта, деньги возвращаются
Актуальность деятельности	Для тех, кто считает возможным воспользоваться частью средств «общего котла»	Для тех, кто считает такую деятельность необходимой (сам платит за нее)
Основной инструмент контроля	Скандал	Полный доступ к информации на уровне планирования и реализации. Возможность обсуждения корректировки и т.п.
Качество деятельности	Уязвимость в мелочах, которые могут погубить изначально полезное начинание.	Все мелочи видны заранее.
Определение целей и средств деятельности	Чиновники	Граждане
Компетентность	Случайным образом	Компетентные граждане, эксперты и политические конкуренты легко отслеживают «свои» направления.
Объем государства	Постоянно растет	Зависит от количества занятых в проектах.

ское государство». На каком слове нужно делать акцент — «олигархическое» или «государство»? Обычное размышление приведет к тому, что Украина весьма далека от олигархии в ее классическом виде. Олигарх — это богатый человек, оказывающий влияние на политическую власть, или сам осуществляющий ее. Но в Украине не богатство дает власть, а власть дает богатство. Эта, скажем так, небольшая разница, уже делает «олигархический» тезис весьма сомнительным. Я предпочитаю считать, что основная проблема все-таки определяется словом «государство» и попробую вкратце объяснить это в последующем тексте.

Большая путаница

Для начала давайте определимся, что нас на самом деле интересует? Что мы подразумеваем и чего хотим, когда рассуждаем о нашем государстве и о том, что со всем этим делать? Предмет этого интереса можно обозначить как социальные функции и их реализация. Люди, собственно говоря, и объединены в социум, поскольку такое объединение позволяет им достигать целей, которые они бы не могли достичь в одиночку. Взаимодействие между людьми, которое возникает в таком объединении, позволяет им находить социальные функции, полезные для многих, например, обмен товарами и услугами (производство и торговля), безопасность, забота о стариках и т.п.

Теперь посмотрим, кто осуществляет эти социальные функции. Для нас привычна ситуация, когда государство является главным и единственным исполнителем. Однако, если присмотреться, то обнаружится, что это — видимость. Люди и без государства выполняют массу социальных функций, например, снабжают друг друга товарами и услугами. «Функциональный подход» позволит нам увидеть всю относительность представлений о том, что «должно», а что не «должно» делать государство. Еще недавно в нашей стране считалось, что государство должно производить потребительские товары и «снабжать» ими население. А в Северной Корее понятие безопасности до сих пор включает запрет на владение радиоприемниками определенного типа.

В общем, главное, что нас интересует — выполнение социальных функций, вне зависимости от того, кто именно этим занимается.

Большая разница

Государство в качестве исполнителя социальных функций весьма отличается от любого другого исполнителя, и не в лучшую сторону. Во-первых, государство получает доход вне зависимости от качества своей деятельности, просто принудительно изымая часть дохода своих «клиентов». Во-вторых, государство является монополистом, насильно принуждая использовать только его услуги и преследуя за конкуренцию. В-третьих, государство является корпорацией, и пол-

ностью воспроизводит все ее отрицательные свойства, главное из которых — работа не для результата, а для «отчетности». Однако, на свободном рынке конкуренция и убытки заставляют корпорации приспосабливаться к нуждам потребителя. С государством такого не происходит. Государство никогда не несет убытков в экономическом смысле слова, с ним никто не конкурирует. Выборы приводят, в лучшем случае, только к замене персонала государственной корпорации, не меняя главного — его характера и мотивации.

Кроме того, государственные расходы — основной метод реализации государством социальных функций, — фактически являются конечным потреблением, а не обменом, так как государство тратит чужие деньги на цели, которые устанавливает оно само, а не бывшие собственники этих денег. Можно спорить относительно того, увеличивают ли эти расходы национальное богатство, однако, вряд ли кто будет оспаривать утверждение, что если даже таковое богатство и увеличивается, то эффективность этого процесса в руках государства хуже, чем у паровоза.

В отличие от государства, агенты гражданского общества лишены этих недостатков. От коммерческой фирмы до волонтерской организации деятельность этих агентов полностью определяется потребностями общества. При этом и бесплатная волонтерская деятельность, и благотворительность, и деятельность, основанная на добровольных взносах, не говоря уже о прямой продаже товаров и услуг, являются обменом,

в ходе которого люди добровольно отказываются от одних благ (денег, времени) в пользу других. То есть, эта деятельность непосредственно увеличивает национальное богатство.

У «нас» и «у них»

С такой точки зрения вопрос «почему у нас ничего не получается?» в его версии «почему получилось у прибалтов» (поляков, чехов и т.д.) имеет ясный ответ. «Получается» у тех народов, у которых лучше сохранились привычки делать все самим, не надеясь на государство, в нашем случае, у тех, кто меньше пострадал от коммунизма.

В практике более развитых и успешных стран полномочия государства ограничены гражданским обществом, то есть, тем фактом, что множество социальных функций люди реализуют без государства и не считают нужным допускать его к этим функциям. Но самым большим ограничителем являются традиции, привычки и общественное мнение относительно того, что «можно» государству и что ему «нельзя». Уважение к собственности и праву является первым в списке этих традиций. В нашей практике полномочия государства не ограничены ничем — ни практикой гражданского общества, ни традициями.

Перспективы

Государство имеет крайне неприятное свойство — оно постоянно разрастается. Корпорация, доход которой гарантирован и функции которой, фактически, определяет она сама, естественным образом стремится к расширению. Расширение означает стремление максимально увеличить «фронт работ», которым занято государство. Это происходит за счет того, что государство постепенно захватывает те функции, которые ранее выполняло гражданское общество.

Нам кажется, что именно государство изобрело, например, социальное страхование или охрану порядка, однако это не так. Эти функции всегда существовали в обществе. Например, в Англии успешно действовали добровольные общества взаимного страхования рабочих, которые обеспечивали своих членов помощью на случай потери работы, помощью для поиска новой работы (услуга, которую государство не в состоянии осилить до сих пор), медицинской помощью (включая больницы и даже санатории, принадлежащие обществам взаимопомощи), обеспечивало помощь семьям в случае потери кормильца и т.д. В деле охраны порядка уголовным преследованием, наймом сыщиков, подготовкой к суду и обеспечением судебного процесса тоже занимались ассоциации частных лиц, основанные на добровольных взносах, а не государственная или муниципальная полиция или прокуратура. Все это было постепенно присвоено государством.

Расширение государства происходит неотвратимо. В 20-м веке государство национализировало (правильнее было бы сказать — приватизировало) функции социального страхования, охраны порядка и — самое страшное — денежную систему. Расширение государства, к тому же, имеет свойство ускоряться. Дело в том, что последствия государственного регулирования всегда лечатся новым государственным регулированием. Крайне редко к власти приходят политики вроде Тетчер, Рейгана или Саакашвили, которые пытаются обрубить щупальца государственному монстру. И после их ухода щупальца всегда отрастают заново. Особенно быстро государство растет в ходе и после кризисов, причиной которых, как правило, является оно само.

Современная Украина и ей подобные страны являются не некими специфическими образованиями, а, скорее, карикатурой на западное «государство всеобщего благосостояния». Институционально Украина ничем принципиально не отличается от западных стран. Окажись наши формальные институты (конституция и пр.) чудесным образом в «развитой стране», они, конечно, были бы слегка изменены, но не оказали бы на эту страну какого-то особого катастрофического воздействия. Вся разница — в объеме гражданского общества и государства «у нас» и «у них». При этом, нужно понимать, что на самом деле не Украина движется к «западным стандартам», а «западные стандарты» движутся к Украине. Если существующие тенденции сохранятся, то социальные функции, которые сегодня в

западных странах выполняет гражданское общество, будут присвоены государством, и западные страны будут мало отличаться от нас.

Что делать? Демократия 2.0

Искусство стратегии, как известно, состоит в том, чтобы превращать недостатки в преимущества. Украинцев часто «ругают» за то, что они неспособны к «государственному строительству». И слава Богу. В нашем случае это преимущество, а не недостаток. В отличие от наших западных друзей, мы видим у себя государство в его, так сказать, девственном и незамутненном состоянии. И это дает нам шансы быстрее избавиться от государственного морока.

Настоящая проблема, как мы помним, состоит в исполнении социальных функций, а не в том, какая именно контора их исполняет. Понятно, что в небольшой заметке невозможно описать альтернативы государству. Еще более трудным является ответ на вопрос «как это сделать». Однако, никаких ответов вообще невозможно получить, если не знать, к какой цели нужно стремиться.

В нашем случае, этих целей две. Первая — ликвидация принудительного налогообложения, то есть ситуации «проедания» богатства, которое, в нашем случае и так весьма скудно. Вторая цель — ликвидация корпоративного характера государства, тех последствий,

которые он вызывает и, прежде всего, тенденции к постоянному расширению.

Обе эти задачи решаются, если исполнение социальных функций строится не как регулярная деятельность некой корпорации, а как набор проектов, предлагаемых к добровольному финансированию. Если проект собирает заявленный бюджет к установленному сроку, он реализуется, а нет — так нет. Не собравший средства проект возвращает деньги вкладчикам и закрывается. Привычное нам государство в этом случае исчезает, никакой конторы с постоянным «штатом сотрудников», которые заняты тем, что ищут себе фронт работ, больше нет. Проекты предлагают бригады подрядчиков (можно назвать их «партиями»), которые конкурируют между собой за получение взносов граждан. Главное — проектная организация дела означает, что в ходе проекта делается только то, что было заявлено, никаких способов расширить и сделать свою «работу» постоянной больше нет, так как проект имеет четкий бюджет и начало и конец реализации. Понятно, что такие вещи могут быть реализованы через интернет и именно наличие этих технологий позволяет говорить о такой форме реализации социальных функ-
2011 ций.

7.3.23. Не нужна вам никакая демократия

Среди слов, которые активно употребляют в нашей, так сказать, политической жизни», слово «демокра-

тия», пожалуй, одно из самых популярных. Все, кому приходится говорить о политике, употребляют это слово. Демократия считается у нас неким желанным состоянием, целью, за которую нужно бороться. С этим согласны все, кроме редких откровенных авторитаристов, с которыми все понятно.

Однако, нужна ли демократия украинцам в действительности?

Можно ли вообще ответить на этот вопрос, и если да, то как именно это сделать? Вопрос кажется скорее риторическим, или, как любят у нас выражаться, «философским». Однако, как это ни странно, иногда бывают простые способы найти ответ на такие вот вопросы.

Представим себе, что некий Вася собрался, скажем, выиграть конкурс пианистов имени Горовица в Киеве. Все вокруг возбудились, только и разговоров, что о Васиных намерениях. Обсуждают все на свете — Васину концертную программу, Васину диету, Васиных конкурентов. Среди прочего, есть расписание занятий, из которых ясно, что Вася занимается игрой на фортепиано полчаса раз в неделю. Но это не обсуждают. Это считается неважным. Через некоторое время становится известно, что Вася занимается теперь полчаса раз в две недели. И это опять никого не волнует.

Думаю, очевидно, что если о победе в конкурсе говорят всерьез, то первое, на что нужно обратить внимание — это время и регулярность занятий. И понят-

но, что чем хуже Вася играет, тем больше времени ему нужно тренироваться и делать это как можно чаще.

С демократией то же самое. Хотите узнать, насколько серьезно относятся к демократии в том или ином месте, посмотрите, насколько часто там проводятся выборы и каковы сроки полномочий выборных органов. Американцы, например, избирают свой Конгресс сроком на два года. Украинцы избирают свою Раду на пять лет. Американец постоянно кого-то выбирает — конгрессменов, сенаторов, президентов, законодателей штата (иногда в двух палатах), губернатора штата, судей, шерифов, пожарников, полицейских, мэров городов, и все эти выборы проходят в разное время. Украинец выбирает президента, депутатов, мэров и местных депутатов, и норовит это сделать в один день «с целью экономии бюджета».

Если бы наша «прогрессивная общественность» действительно переживала за демократию, первое, что она бы сделала, это сократила бы срок полномочий Рады, скажем, до 2-х лет и расставила все прочие выборы так, чтобы они не совпадали друг с другом. Это самое начало, самая что ни на есть «азбука демократии». Без частых и регулярных тренировок в самой этой затее нет ни малейшего смысла. «Прогрессивная общественность», если ее действительно волнует демократия, а не что-то другое, должна была пикетировать, голодать и созывать Майданы, когда Рада продлила свои полномочия. Видим ли мы это на практике? Нет. На практике вам скажут, что «срок полномочий не имеет

значения». На практике вы не найдете партий, выступающих за сокращение сроков полномочий и увеличение количества разных выборов. На практике вопрос сроков полномочий и частоты выборов «демократами» вообще не обсуждается.

Вообще говоря, имея уже довольно солидный опыт выборов в Украине, легко заметить вот что. Каждые выборы у нас — это «последний и решительный бой», в то время как выборы в демократии — это довольно рутинная процедура, подобная регулярным упражнениям на фортепианах. Почему так? Если вы обратите внимание на повестку дня наших выборов (которая практически не меняется с момента независимости), то вы легко заметите, что украинцы воспринимают выборы, как способ полного и окончательного наступления Царствия Небесного. Их цель — избрать такую власть, чтобы больше никаких выборов было не нужно. Лучше всего это иллюстрирует факт попадания во второй тур президентских выборов Тимошенко и Януковича, каждый из которых обещал именно это.

Отсюда, кстати, и то явно нездоровое чрезмерно эмоциональное отношение к избираемому начальству. Оно всегда оказывается негодяями, не оправдавшими надежд. Неудивительно, ибо такие надежды просто невозможно оправдать.

В общем, к демократии все это не имеет никакого отношения. Сразу скажу, что сам я тоже не являюсь сторонником политической системы, именуе-

мой «демократией», а скорее, являюсь ее противником. Все вышеизложенное пишется исходя из того, что ясность определений сильно помогает в практической деятельности. Лечение наркозависимости начинается с факта осознания этой наркозависимости. Так же и нашим демократам для начала следует признаться самим себе, что их целью не является демократия. Думаю, такая ясность только пойдет всем на пользу.

2012

7.3.24. Территориальные громады. Или громады, или территория

Пожалуй, одной из немногих новых идей, всплывших во время нынешнего Майдана, является идея «неконституционных органов власти». Точнее сказать, она появилась раньше, а в ходе Майдана лишь была широко распространена. Суть этой идеи состоит в том, что поскольку, согласно статье 140 конституции 1996 года, местные «органы власти» должны представлять интересы «территориальных громад», то вся нынешняя власть незаконна, поскольку таких громад создано не было. Решение, соответственно, видится в создании территориальных громад на местах и формировании ими «органов власти». Эта процедура, по мнению ее сторонников, якобы способна «восстановить конституционный порядок» и привести нас всех к стабильности и процветанию.

В последнее время публика начала обращать внимание на так называемый «суверенитет народа» и вы-

текающие из этого принципа практические следствия. Вот, например, замечательная идея национализации центральных банков. Дескать, большинство современных центральных банков, частные конторы и отсюда и следует все зло. На самом деле, конечно, нет никакой разницы, частная контора центральный банк или государственная, поскольку проблему составляет не некая номинальная «форма собственности», а тот факт, что центробанк не может разориться, обладает способностью бесконечно производить деньги из воздуха и является денежным госпланом для банков, оперирующих его монопольной денежной единицей. Точно так же нет никакой разницы, насколько «органы власти» соответствуют неким казуистическим изыскам, будут ли они формироваться «территориальными громадами» или еще как-то, или вообще назначаться из Киева. Настоящую проблему составляют сами эти органы власти, а не способ их формирования, и, прежде всего, тот факт, что они являются центром локальных монополий (транспорт, коммунальные службы и т.п.) и звеньями национальных монополий (здравоохранение, образование, «правоохранительные органы» и т.п.)

Однако, несмотря на полную бесплодность идеи «восстановления конституционного порядка» через формирование территориальных громад, сама тема «территориальных громад» очень важна. Ее важность состоит в двух моментах. Первый момент — тот факт, что само понятие «территориальная громада» — прекрасная иллюстрация проблемы, с которой мы имеем

дело. Если немного подумать, то нетрудно заметить, что «территориальная громада» — это очередная понятийная морская свинка. В этом словосочетании слова противоречат друг другу. «Громада» — это добровольное объединение людей, явное или неявное, формальное или нет. Однако, в какой бы степени институционализированности не находилась громада, она существует потому, что является способом, с помощью которого входящие в него люди достигают неких целей. Территориальный же способ определения громады, мягко говоря, произволен. Он ни о чем не говорит. Даже если мы возьмем, казалось бы, очевидный случай деревни, то обнаружим, что громада — функциональное, а не территориальное понятие. Например, ограничивается ли территориальная громада села его физическими границами? А может быть, в эту территорию должны входить, поля, луга и леса, которые обрабатывают жители села Ведь громада в большинстве случаев является инструментом решения вопросов, возникающих именно в этой деятельности. Еще более очевидной становится абсурдность «территориальной громады» в случае городов. В некоторых многоэтажках народу живет больше, чем в ином селе. Могли бы эти люди составить территориальную громаду? Если нет, то почему? И если да, то чем она могла бы заниматься, что может объединить этих людей? Очевидно, что это могут быть только проблемы управления домом. К территории, как таковой, это никакого отношения не имеет.

Почему же тогда речь идет о «территориальных громадах»? Ведь люди, то ли объединенные в громады, то ли индивидуально, используют объекты и ресурсы, а не «территорию вообще». Ответ прост. Надобность в «территории вообще» есть только у государства. Оно «закрепляет» за собой территорию для того, чтобы любые объекты и ресурсы, которые использовались, используются или будут использоваться в будущем на данной территории, обязательно оказывались под его опекой и не могли ее избежать. Отсюда и происходит противоречивое понятие «территориальной громады». Это попытка огосударствить объединения людей, привязать к территориальному принципу, характерному для государств.

Таким образом, само понятие «территориальной громады» — это отличная иллюстрация противоречия между территориальным принципом, существующим для удобства сбора дани в пользу правителя, и добровольной самоорганизацией, существующей для нужд тех, кто в ней участвует.

Второй момент, о котором я хотел бы сказать буквально два слова — это то обстоятельство, что «территориальные громады» могут при известных обстоятельствах стать одним из способов изменений. Для этого нужно два условия. Первое — индивидуальное членство, то есть, отказ от «привязки» к государственному административно-территориальному делению. На одной государственной «территориальной единице» должно иметь возможность действовать множество

«территориальных громад». Второе — самофинансирование, то есть, отказ от любых попыток привязать финансирование громады к каким-то зафиксированным законодательством налогам. В этом случае мы можем получить от движения «территориальных громад» совершенно удивительные результаты. В остальных случаях, как обычно, не получим ничего.

2014

7.3.25. О федерализме и «федерализме»

Попробую в этой колонке буквально в двух словах показать, в чем состоит сегодня проблема «федерализации» и может ли быть от какая-то долгосрочная польза от ее решения.

Для начала нужно сделать два замечания. Первое. С моей точки зрения, в конфликте с Россией действует не две, а три стороны. Первые две — это государства «Россия» и «Украина», то есть, Путин и большая группа украинских чиновников, третья же сторона — это украинское общество, которое выступило против «своего» государства на Майдане и прогнала начинающего диктатора Януковича. У этих сторон в конфликте разные интересы, мы же поговорим о том, как они преломляются в «федерализме».

Второе замечание касается собственно федерализма. Это очень малоизвестное у нас явление (примерно настолько же малоизвестное, как и республиканизм). Обычно под «федерализмом» понимают вариант «административно-территориального устройства», в кото-

ром «территории» имеют некие права, которых, как полагают, больше, чем при «обычном» устройстве. Этот взгляд — довольно наивный и даже ошибочный, но, тем не менее, именно он является доминирующим. В связи с таким пониманием живет и процветает старая песня о том, что федерации «слабее» унитарных государств. Всех интересующихся вопросом отправляю читать Токвилля, а для остальных скажу, что «федерализм» и «сила» — понятия из разных систем координат. Можно, конечно, сказать, что самые «сильные» страны — США в мире и Германия в Европе — федерации. Но вот Британия, когда была царицей морей, не была федерацией. Зато она была децентрализована до такой степени, что тогдашние политологи (и, вроде бы, тот же Токвилль) писали о том, что в Британии фактически отсутствует администрация. В общем, связи между «федерализмом» и «силой» не существует, однако, корреляция между «процветающие», «развитые» и «децентрализованные», «малобюрократические» всегда есть. В конце концов, желающие подискутировать о «силе» и «слабости» могут отправиться на полевые испытания, которые прямо сейчас проходит бюрократическая система, в которой каждый дворник назначается из Киева.

Теперь о наших сторонах конфликта. Интерес России — это интерес Путина. Что творится у него в голове, он сам, наверное, не понимает. Поэтому, приходится руководствоваться неоднократно официально озвученной позицией, которая настаивает на фе-

дерализации Украины. Почему Путин за федерализацию? Идея тут проста — федерализация, опять же, в ее понимании «административно-территориального устройства», позволит, как кажется Путину, окончательно возвратить Украину в орбиту РФ. Путин играет в геополитику и стратегические игры на нашей территории. Он уверен, что с ним борется Запад, что Запад устроил и проплатил Майдан, он боится «НАТО на границах с Россией» и так далее и тому подобное. В случае «федеративного» устройства регионы получают больше возможностей влиять на внутреннюю и внешнюю политику страны. Например, неизбежно появляется верхняя палата парламента, состоящая из представителей «субъектов федерации». Эта верхняя палата точно так же должна одобрять законопроекты, как и нижняя. Таким образом, как считает Путин, руками восточных и южных регионов, которых большинство, легко удастся сделать невозможным вступление Украины в НАТО и ЕС, а затем и мирно присоединить ее к какой-нибудь новой версии СССР. Более того, федерализм в таком исполнении открывает двери для фактического контроля через местные «элиты» над восточными регионами. Грубо говоря, «федерализация» означает, что Путин хочет контролировать внешнюю политику Украины, и восточные регионы, и при этом не нести за них ответственности, оставив их «на балансе» Украины.

«Украина», а точнее, группа чиновников, которые сегодня находятся у власти, традиционно выступает

против федерализма. Правда, совсем по другим причинам, нежели те, которыми руководствуется Путин, когда выступает «за». Причины здесь не столько в патологической любви к централизации и стремлении к реформам, которым якобы помогает централизм, сколько в любви к монополизму. Каждое полномочие, каждая должность — это повод для роста своей власти. Централизация нужна, чтобы даровать и отбирать, казнить и миловать. Учиться воровать тонко и изящно, как в Европе, эта публика не желает. Поэтому система «я — начальник, ты-дурак» подходит для грубого и нахрапистого воровства как нельзя лучше. В федерализме чиновники видят угрозу своей монополии, угрозу того, что придется делиться властью и возможностями, которые из нее следуют.

Ну, а что же третья сторона? Понятно, что «общество» — это не субъект. В данном случае, я пытаюсь говорить о мнении тех, кто поддерживал Майдан. Думаю, что общим интересом всех этих людей, рассуждая в рамках нашей темы, является отсутствие Путина в качестве их начальника. Значительное число этих людей, думаю, согласится с тем, что для этого неплохо было бы решить вопрос с востоком Украины, который требует федерализации. При этом понятно, что федерализация в исполнении Путина и вариации на тему «децентрализации» и «реформы самоуправления» в исполнении наших бюрократов приведут, в итоге, только к усугублению проблемы. Мне кажется, что от «нашей» стороны должно последовать собственное пред-

ложение, поскольку ослабление чиновничьей монополии выгодно всем, кроме чиновников, независимо от региона.

Вариантов таких предложений может быть много. Собственно, цель этой колонки — указать на одно обязательное условие, которое должно содержаться в таком предложении, условие, без которого изменения пойдут не во вред, а на пользу чиновникам. Условие это можно сформулировать в простом виде как «все полномочия — за свои деньги». **Это означает полную самостоятельность «местных» бюджетов, что бы ни понималось под словом «местный»**. И чиновники в Киеве и «местные элиты» в их нынешнем варианте заинтересованы в том, чтобы бюджеты перетекали один в другой, причем в обоих направлениях — из региона в центр и из центра в регионы. На этом они строят свои карьеры и скромные сбережения. Именно этот благословенный денежный поток позволяет им что-то «требовать от Киева», а киевским чиновникам, в свою очередь, указывать местным, как им жить. Реальная децентрализация, как бы она не называлась, должна быть основана на принципе «полномочия за свои деньги», все остальное — это, в лучшем случае, имитация.

2014

7.3.26. Вместо областей, районов и городов — громады

Суета вокруг областных администраций (ОДА) более чем ясно говорит об уязвимости такой системы для организованного рейдерства. Тот, кто сумеет захватить это место и убедить входящих в него депутатов проголосовать, как надо, может «переписать на себя» целую «область», не спрашивая согласия ее жителей, владельцев собственности и т.д. Эта уязвимость — лишь одна из многих, присущих государственной корпорации. В данном случае, это последствия того обстоятельства, что «местная власть» является просто представительством государства на неком участке земли. Все наши «области», «районы», «города» и «поселки» — это просто территории, на которые распространяется компетенция тех или иных чиновников. Объемы полномочий этих чиновников устанавливаются государством, им же устанавливается порядок взаимоотношений между «центром и регионами». Эта власть считается местной только потому, что за чиновников голосуют локально на местных выборах. То есть, вся эта территориальная нарезка существует для удобства государства — управления собственностью и сбора налогов.

К этой же системе привязано управление местной инфраструктурой, школами, больницами, транспортом и т.п. Не потребности и возможности местных жителей, а мнение чиновников определяет, какие услу-

ги и в каких объемах будут производиться в том или ином регионе. Поэтому вся местная политика строится вокруг заранее заданных из центра полномочий. Местные проблемы рассматриваются только и исключительно через их призму. Более того, в случае Украины, «регионы» напрямую участвуют в общем бюджетном процессе. Через местные власти идут два потока средств — из регионов в центр и из центра в регионы. Вокруг этого процесса, собственно, и строится вся политика на местах. Феномен «местных царьков», которых так боятся сторонники жесткой централизации, является ее прямым порождением. Все эти «допы» и «гепы» — это люди, умело спекулирующие местными проблемами (порожденными все той же централизацией) и ловко осваивающие денежные потоки из региона в центр и из центра в регион. Именно незыблемость такого состояния дел и имеют в виду сторонники «федерализации» из Партии регионов. Прежде всего, под федерализацией они понимают ослабление вмешательства центра в их дела и расширение их собственных возможностей. И, разумеется, главным здесь является сохранение потоков из регионов и в регионы.

Давайте подумаем, каким может быть решение этой проблемы Является ли «федерализация», понимаемая, как перераспределение полномочий в рамках общей административной системы, выходом из положения, и существуют ли другие альтернативы? Напомню, что государство является территориальной монополией. Оно «имеет право» распоряжаться (в раз-

ных формах) всем, что находится на «его» территории. Территориально-административные единицы — это просто части этой общей территории, в которых расположены «командные пункты» государства. «Федерация», так, как она понимается у нас, означает просто, что люди в командных пунктах получат больше полномочий из общего набора полномочий государства.

Федерация в классическом смысле возникает как обратный процесс — как делегирование уже имеющимися государственными образованиями некого объема своей власти центру. Исторически тут могут быть разные прецеденты, но в любом случае, был ли это союз государств, как США, или «союз» возник после военного захвата, как в Германии, в любом случае, к этому моменту существовал некий набор собственных полномочий, часть из которых, не важно, в результате какого именно процесса, затем перешла к центру. Такая опция нам недоступна по определению. Мы можем только «отдать» часть уже существующих государственных полномочий «на места», и, в самом лучшем случае, разорвать общий бюджет, отдав формирование собственного бюджета полностью на усмотрение региона.

Однако, даже такой вариант, который многим покажется радикальным, на самом деле не решает проблему. Ведь она состоит не в том, кто именно должен осуществлять некие заданные полномочия — чиновники из Киева или люди с мест, вопрос в том, насколь-

ко вообще эти полномочия необходимы и каким именно образом они возникают. Очень ясно иллюстрирует эту проблему извечная песня о «дотационных» регионах. В своей основе она предполагает идею, что на некоторой территории (в регионе) должно быть израсходовано столько-то бюджетных средств. И если сам регион собрать их не может, то недостающие средства должны выделяться из центрального бюджета. Легко заметить две вещи. Во-первых, очевиден вопрос, почему расходы на некоторые услуги обязательно должны быть бюджетными, и почему эти услуги не могут оказываться частными компаниями? Во-вторых, ясно, что кроме сугубо бюрократических, не существует никаких объективных способов определить, нужны ли вообще дотации, и какие именно. То есть, «дотационность» — это некая опция на бюрократическом рынке, за которую иногда разгорается борьба между бюрократическими группировками, но отнюдь не объективно существующее явление.

В качестве примера того, откуда и как берутся «полномочия», возьмем самоуправление некоего села в те времена, когда государство еще не добралось до этих сфер. Во-первых, мы увидим, что в каждом случае оно будет разным. Как минимум оно будет состоять из старосты, который играет роль, скорее, судейскую, а не административную. Староста действует благодаря своему моральному авторитету, за свою деятельность он не получает зарплаты. Он не указывает, что кому делать, а вступает в дело тогда, когда в

нем возникает потребность, то есть, его роль определяется потребностями жителей села. Его власть распространяется на членов общины, а не на территорию, это принципиально важный момент. Если в селе есть церковь, то священник — следующая фигура, новый «центр власти». Напомню, что на Западе местное самоуправление традиционно строилось вокруг церковных приходов, то есть, подразделения церковной корпорации были точками, вокруг которых организовывалась деятельность сообщества. Отметим, что такие структуры меняются, опять-таки, естественным образом приспосабливаясь к потребностям людей. Например, если село вдруг разрастется и в нем появится вторая церковь, то в рамках одного поселения будет уже два прихода, при этом, повторю, их деятельность связана не с территорией, а с прихожанами.

Собственно, решение проблемы, которую одни называют «увеличением роли местного самоуправления», другие «децентрализацией», а третьи «федерализацией» состоит не в манипуляциях некими полномочиями в рамках некоего «территориального деления», а в переходе от территориального принципа к индивидуальному. Существующий ныне парадокс, вызванный, повторю, сутью государства как территориальной монополии, очень хорошо иллюстрирует понятие «территориальной громады» — своего рода морской свинки, пытающейся соединить два разных принципа вместе. Непонятно, почему люди, объединенные только признаком проживания на одной «ад-

министративной единице», должны автоматически составлять некое сообщество, являющееся источником власти для заранее установленных «органов» с заранее определенными полномочиями. Речь должна идти не о территориальных громадах, а просто о громадах, добровольных сообществах, которые бы брали на себя управление теми или иными функциями, которые мы привыкли считать присущими местной власти. Ведь нет никакой разницы в том, будут ли распоряжаться всей нынешней коммунальной собственностью, как сейчас, местные чиновники или представители мифической территориальной громады. Настоящий вопрос в том, как и зачем используется каждый отдельный объект, кто может использовать его эффективно. Громада в этом смысле — это просто единица измерения для людей, решивших взять нечто в управление за собственные средства. Громада — это, например, жители многоквартирного дома. Жители нескольких домов могут составлять другую громаду, которая бы распоряжалась, скажем, придомовыми территориями. Другие люди могут взять в управление дорогу или мост.

Другим примером такой формы управления могут быть любимые горожанами места, вроде Андреевского спуска, Владимирской горки и т.п., они могут управляться громадами, члены которых, платят взносы на их содержание. В одной «административно-территориальной единице» может быть множество громад, а один и тот же человек может состоять в нескольких громадах. Понятно, что нынешние коммунальные объ-

екты не могут принадлежать громаде целиком, «общественной» собственности не бывает. Отношения прав собственности должны быть понятны и просты, это должны быть либо доли, либо партнерство. Громады могут заключать контракты между собой, объединяться и т.д., например, несколько кварталов могут содержать патрульных, это же может себе позволить и один достаточно большой дом. Таким образом, «власть», если и будет возникать (первоначально от этой привычки будет трудно избавиться), то как результат договоренностей, которые могут быть пересмотрены, а не как некая константа с заранее заданными параметрами. Где-то, возможно, громады, по согласованным между собой процедурам, будут избирать мэров, где-то сразу обойдутся без этого и т.д. Громада — это еще и переходная форма от «все вокруг колхозное» к коммерческим предприятиям, предоставляющим услуги, которые мы привыкли считать «коммунальными». Скорее всего, там, где у людей уже есть привычка к таким услугам, просто произойдет приватизация, либо быстрый переход от «громадського» к частному. Частный транспорт, школы и больницы уже не вызывают удивления, а вот частные дороги или частная канализация пока еще разрывают мозг обывателя. Управление этими объектами громадами позволит менее болезненно завершить этот процесс. 2014

7.3.27. No future или Для начала отмените эту должность

Когда в 1990 году на тогда еще советских просторах начали появляться первые президенты с той, то есть, с западной стороны, слышались голоса недоумения — мол, что за ерунда, зачем это вам? К тому времени в политологии чуть ли не общим местом было утверждение, что президент и президентская республика — это сугубо американское уникальное явление, невоспроизводимое в других условиях. Понятно, что кругом полно людей, называющихся «президентами», но функционально это либо монархи, в тех местах, где отменили престолонаследие (Европа), либо диктаторы (весь остальной мир). Если же вы хотите «так, как в США», полагая, что весь тамошний секрет — это должность президента, то лучше успокойтесь, так как вам придется попутно сделать очень много всего другого, и не факт, что оно сработает. Таков был сигнал с Запада, но, понятное дело, его не услышали, мода есть мода и кто помнит те времена, тот подтвердит, что вокруг просто некуда было деваться от президентов. Все практически были президентами.

Я максимально далек от мысли, что может существовать какая-то правильная государственная должность, приносящая людям счастье и радость. Однако, могут существовать должности, в силу определенной специфики приносящие особенно много вреда. И они должны быть ликвидированы именно по этой причине.

И, разумеется, это краткосрочная, тактическая задача, «благосостояния», «экономического роста» и даже «стабильности» ее решение не добавляет, но она должна быть решена, последствия ее нерешения могут быть крайне неприятными.

Так вот. Все уже поняли, что речь пойдет о должности украинского президента. Поскольку у нас колонка, а не трактат, то ограничусь тремя основными, на мой взгляд, причинами, почему должность президента должна быть ликвидирована.

Первая причина. Это не тот президент. Американский президент возглавляет всю исполнительную власть и сам формирует кабинет. Это и является причиной того, почему он избирается на выборах. Допустим, что эта должность «эффективна», по крайней мере, в США она начала приносить серьезный вред, только где-то через 150 лет после ее создания, то есть, при втором Рузвельте. Однако, наш президент не имеет с этим ничего общего, кроме всеобщих выборов. Он просто называется так же, как и американский президент. Люди, которые назвали Кравчука президентом, понятия не имели, как там оно и что (это просто констатация факта, а не оскорбление). Должность президента в Украине не была «введена», то есть, скопирована и перенесена, а складывалась явочным порядком с 1991 года, через поправки к советской конституции 1978 года, конституционное соглашение 1995, конституцию 1996, политреформу 2004 и ее отмену. И как же она сложилась? А очень просто. Президент — это практи-

чески полный аналог первого секретаря ЦК. У него минимальная ответственность и максимальные полномочия. Эта система была закреплена конституцией 1996 года. То есть, «ползучий совок» прописан у нас прямо в Конституции. Это попытка закрепить определенный тип отношений и определенный способ грабежа. Понятно, что капитализма у нас нет не по причине президента. Но его должность и постсоветская система, в которую она встроена, довольно неплохо мешают этому самому капитализму.

Добавим, что «исправить» эту должность, сделать ее, «как в Америке» не получится. Мексика, в свое время буквально скопировала конституцию США, включая федерализм, результаты неубедительны. Однако, даже если бы это было возможно (при условии, что мы верим в то, что должности приносят пользу), существует вторая причина, почему должность президента должна быть отменена.

Вторая причина. Идеально для раскола страны. Опять-таки, общим местом в «политических науках» является тот факт, что избираемый на всеобщих выборах президент способствует утверждению двухпартийности в стране. Чем больше реальной власти сосредоточено в руках президента и чем больше надежд люди возлагают на него, тем этот процесс идет быстрее. Мы с самого начала живем в условиях действия «антироссийской» и «пророссийской» партии, как бы они не назывались на данном историческом отрезке. Основная причина их появления — случайная независимость в

1991 году, все остальное в этой проблеме вытекает из этого факта, политический дискурс до сих пор определяет «российский вопрос». Беда в том, что сторонники этих партий не распределены равномерно, а сосредоточены в разных регионах. С каждыми президентскими выборами эта двухпартийность только укрепляется, и вот теперь она в буквальном смысле грозит разорвать страну.

Третья причина. Ничего не поделать с дискурсом. Политика в демократиях — это мобилизация сторонников (и, как следствие, дистанцирование от всех остальных). Это — та причина, по которой пост президента приводит к двухпартийности, и это же причина того, что дискурс работает на самоподдержание и не может быть изменен в рамках системы. Для того, чтобы победить на президентских выборах, вы должны получить большинство голосов. Президентские выборы — это выборы из двух кандидатов, для того, чтобы выиграть, каждый кандидат должен максимально отмобилизовать своих сторонников. Та же история, кстати, с мажоритарными парламентскими выборами, они тоже ведут к двухпартийности.

Так вот — если у вас есть некий, пусть небольшой, но готовый электоральный мобилизационный набор в виде, например, риторики «пророссийской» или «антироссийской» партии, то вы всегда будете строить кампанию на основе какой-нибудь из этих риторик. Все остальное будет подтягиваться к ним, и чем больше людей охватывает избирательная кампания, тем

меньше у вас маневра и тем меньше выбор у электората. Это даже не зависит от желания кандидата и его команды, это свойство системы, **вы либо используете его, либо проигрываете**. И, думаю, не нужно объяснять, что усреднение проходит по самому простому набору ценностей, поскольку… эээ… простых людей больше, чем непростых. Получается так потому, что мы не исповедуем какую-то одну ценность, обычно это некий набор, причем внутренне ранжированный (то есть, при выборе вы отказываетесь от той ценности в вашем наборе, которая менее ценна для вас). Например, если есть сплоченная небольшая группа, имеющая ценности а, б, с, то все остальные, в ценностях которых эти буквы будут на первых местах (в наибольшей степени «а», в наименьшей — «с»), окажутся в орбите этой группы, а при голосовании в большой степени будут голосовать за нее, так как знают, что побеждает тот, кто получает большинство голосов.

То есть, на «новых идеях» просто невозможно выиграть выборы, несмотря даже на то, что людей, разделяющих эти идеи, может быть очень много и из них теоретически можно даже составить большинство. Поэтому провалились (и впредь будут проваливаться) поиски «третей силы» и поэтому всегда выбор происходит как выбор «меньшего зла».

В нашей ситуации это все вдвойне печально. Грубо говоря, никто не будет работать на объединение, если он получает голоса на расколе. Политический дис-

курс, вся эта за-противо-российская повестка дня находится в прошлом, она вообще не имеет разрешения. Она возникла потому, что разные регионы страны оказались на момент независимости в разном историческом времени. Если бы независимость была, как говорят, «выстраданной», то российская повестка дня была бы исчерпана в момент ее обретения. А так получилось, что половина страны просто не заметила независимости, в то время как для другой половины она представляла гиперценность. Соответственно, уже вторые президентские выборы (1994) строились на этом конфликте, а все последующие только разжигали его. Все вновь возникающие проблемы автоматически цепляются к этой повестке (например, ЕС-ТС) или игнорируются, если не могут быть вставлены в нее. В итоге, эта неразрешимая повестка дня хватает нас за ноги, голову и другие места, она приводит к власти негодяев, угрожает гражданским конфликтом и расколом страны. С этим давно пора что-то делать. И первый шаг здесь — устранить одну из главных причин всего этого — должность царя-президента, друга «наших» и победителя «ваших». 2014

7.3.28. От демократии к республике

Есть три причины, по которым автор этих строк считает, что ближайшей важнейшей целью для украинцев было бы как можно скорейшее избавление от демократии и переход к республике. Первая причина — такой переход позволил бы избежать коллапса нынешней

демократически-перераспределительной версии государства или смягчить его последствия и стать основой для уверенного роста. Вторая причина — переход к республике позволит также избежать революции, то есть перезапуска нынешней модели в новой упаковке и продления ее агонии за счет доверия, которым первоначально будут пользоваться революционеры. Третья причина — несмотря на то, что демократия и республика есть версии государства, то есть изначально порочной системы, республика обладает важнейшим преимуществом, а именно — практиками, отличающимися от демократических и часто им противоположными. Автор считает практики куда более эффективным способом изменений, нежели пропаганду. Людям, использующим практики республики, значительно проще понять, как можно обойтись вообще без государства. Тем более, что новая республика должна учитывать ошибки старых. Поэтому автор рассматривает республику как желательный этап на пути к обществу самоорганизации.

Ну, а теперь попробую расшифровать, что я имею в виду.

Дело в акцентах

Чтобы не впадать в политологическое «бла-бла-бла» и не поминать почем зря Аристотеля, определим демократию, как власть большинства. Легитимными являются те решения, которые приняты большинством голосов.

Республика — это «общая вещь». То есть, республика выделяет нечто «общее», оставляя все остальное частному, приватному. В качестве такого «общего» понимается закон.

Разумеется, и в республике и в демократии мы обнаружим выборы, обнаружим законодательные, исполнительные и судебные власти и прочее государство. Их различие в акцентах, но эти акценты более чем принципиальны.

В демократии легитимны любые решения, лишь бы они одобрялись большинством. Гитлер — типичное порождение демократии. В республике закон касается не только граждан, но, прежде всего, он ограничивает государство. Расходы государства в республике относятся лишь к поддержанию государства — суда, аппарата насилия и бюрократии. Никому и в голову не может прийти, что государство может тратить деньги на разные «социальные помощи» или того хуже — «государственные инвестиции». Идея республики, как общего закона, не предусматривает таких функций. Зато идея демократии ничем не ограничивает функции государства и его методы.

В довольно грубом приближении республику можно определить, как равенство перед законом, а демократию — как равенство голосов на выборах.

Ошибочное заимствование

Пропаганда, да и политическая наука в ее мейнстримной версии, пытаются отождествить демократию и республику, а точнее, присвоить демократии характерные черты республики. Республика фигурирует лишь как «форма правления», противоположностью которой является монархия.

Однако, определение демократии, включающей в себя и республиканские ценности — «достижение» лишь новейшего времени. Еще относительно недавно разница между республикой и демократией очень хорошо понималась. Вспомним, что классики вроде Локка и Монтескье не жаловали демократию. Отдельно не жаловали ее отцы-основатели США. Демократия не упоминается ни в конституции США, ни в конституциях штатов. И это не случайно. Американцы долгое время считали свой строй республикой, а не демократией.

Акценты начали смещаться вместе с ростом государства. Политики начали больше говорить о демократии, чем о республике для того, чтобы оправдать государственный интервенционизм. Напомню, что республика предполагает лишь совместное поддержание закона, но никак не разнообразные дорогостоящие проекты по «улучшению» общества. Поэтому «республиканские ценности» мало пригодны для популизма, помогающего выиграть выборы (точнее, республиканизм неизбежно превращается в консервативную идеологию, противостоящую интервенционизму демократов).

В итоге, в риторике современных политиков вы почти не найдете республики. Там царит сплошная демократия.

Современные развитые государства с полным правом можно назвать «государствами победившей демократии», их жители заняты увлекательным процессом «кто кого переголосует в борьбе за чужие деньги». От республики там почти ничего не осталось. Между тем, именно респбуликанский строй, а точнее — возможность людей самим строить свою жизнь, опираясь на естественно возникшие институты, является причиной богатства Запада.

Вместо республики Украина заимствовала систему распределительной демократии, и мы видим, как общество, лишенное советской диктатурой навыков самоорганизации и сопротивления давлению государства, все больше погружается в хаос беззакония. Мы ошибочно восприняли западную демократию как результат прогресса и как причину процветания Запада, между тем, как его процветание обусловлено крепким (пока еще) гражданским обществом, а сама демократия является безусловным движением назад, деградацией республики.

От демократии к республике

Автор рассматривает республику не как некое заранее определенное состояние, а как естественный инструмент сокращения государства. То есть, бессмыс-

ленно придумывать некую готовую форму и пытаться надеть ее на нынешнюю демократию, нужно рассматривать переход к республике, как процесс, а сам этот процесс — как достижение неких принципиально важных системных изменений, которые могли бы, с одной стороны, предотвратить распространение хаоса, беззакония и нищеты, а с другой — стать мостиком к будущему обществу самоорганизации.

Выделить эти важные системные изменения легко, если вспомнить о том, что и демократия, и республика суть разновидности государства. Государство же есть инструмент сбора дани, не более того. Государство существует для сбора налогов, а не налоги существуют для того, чтобы «реализовывать функции государства», которые якобы не могут финансироваться иным образом.

То есть, концептуальные системные изменения находятся в области налогообложения, формирования и распределения бюджета и, соответственно, политических возможностей влиять на этот процесс.

Анестезия

Собственно, состояние, которое нужно преодолеть — это состояние демократической неразберихи в этих основополагающих вопросах. Целью демократического государства является «наполнение бюджета», для того, чтобы потом его распределять среди заинтересованных групп. Поэтому демократии, особенно ес-

ли они, как в Украине, не ограничены традициями и гражданским обществом, стремятся создать как можно более запутанное налогообложение и максимально усложнить понимание того, кто отдает государству, а кто получает от него. Для этой цели демократии также стремятся максимально расширить число избирателей, объявляя возможность голосования на выборах «правом».

Демократии создали своего рода «анестезию», которая делает государственный грабеж незаметным. «Анестезия» — это косвенные налоги, налогообложение юридических лиц, инфляция и государственные займы.

«Анестезия» имеет одно важное свойство — она меняет политическое поведение людей. Поскольку грабеж проходит незаметно, реалистичность государственной деятельности невозможно оценить. В представлении подавляющего большинства, деньги у государства появляются «сами собой», а связь между этими деньгами и налогами и прочими поборами кажется сугубо умозрительной. Поэтому государство выглядит способным реализовать любые проекты, и большинство вполне рационально связывает все надежды не с собственными усилиями, а с конторой, которая выглядит поистине всемогущей. Потому вполне закономерно, что украинская политическая повестка дня вот уже 20 лет — поиск доброго царя, того, кто в состоянии превратить в жизнь бредовые фантазии украинцев, которым они предаются под воздействием «анестезии».

Соответственно, проблемой в этой повестке является не плохая система, а плохие парни: «коррупционеры», «москали» и т.п.

Многолетние привычки, непрекращающиеся причитания политиков и журналистов смешали в общественном сознании грабителей и их жертв. К примеру, разного рода льготники, «врачи-учителя» находятся в стане грабителей, а преподносятся, как жертвы.

И, наконец, «анестезия» и вызванные ей галлюцинации являются великолепным способом сохранить систему, направить недовольство в революционное русло, то есть, на перезагрузку машины со старым содержанием под новыми лозунгами.

В общем, все сделано для того, чтобы праздник на улице «власти», кто бы ее не олицетворял, продолжался вечно. Между тем, анестезия, хотя и делает ущерб каждого незаметным, отнюдь не отменяет его. Украинцы работают на государство 217 дней в году, и это только часть ущерба. Ущерб «под анестезией» больше, так как индивид не принимает мер, чтобы защититься и, хуже того, имея право голоса, часто готов голосовать за увеличение доз анестезии, а не за прекращение грабежа.

Республика 2.0

Если мы хотим остановить процесс саморазрушения общества, мы должны сделать так, чтобы ущерб

от государства воздействовал на уровне индивидуальной практики и, следовательно, осознавался каждым. «Анестезия» должна быть беспощадно ликвидирована. То же самое можно перефразировать по-другому: для того, чтобы оценить «общее», каждый должен платить за него сам. Цель республики — финансирование «общей вещи», потому способ, которым это делается, должен быть максимально прозрачным и понятным каждому, кто составляет это «общее».

Мы говорили о том, что системные изменения, необходимые для перехода от демократии к республике, находятся в области налогов, бюджета и голосования на выборах.

Главным, безусловно, является налогообложение. Нужно сказать, что экономический смысл всех без исключения разновидностей налогов один — фискальный. Никакого другого смысла у них нет. Экономически невозможно ни «налогообложение потребления», ни прочие изыски правительственных экономистов вроде «стимулирующей»(!!!) роли налогов (возникают, разве специфические стимулы для уклонения от налогов и специфические последствия этих стимулов). В конечном итоге, все налоги платят только физические лица и никакого другого содержания, кроме изъятия части вашей собственности в пользу государства у них нет. Поэтому не произойдет ничего страшного, если вместо бесконечного перечня налогов будет существовать только один-единственный налог.

То есть, конечной целью является состояние, когда каждый уплачивает единственный налог на «общую вещь». Никаких косвенных налогов не должно быть, равно, как и налогообложения юридических лиц.

Второй (бюджетный) момент — четкое разделение доноров и реципиентов. Если человек получает доход из бюджета (является чиновником, военным, получает пособие и т.п.) — он не платит налог.

Третий (политический) момент — уплата налога дает право голоса на выборах. То есть, реципиенты бюджета не имеют права голоса.

И дальше

Любое государство стремится к расширению и этот процесс невозможно остановить, а значит, рано или поздно республика становится демократией и так далее. Разделение властей, бюрократические «сдержки и противовесы», «гарантия» государством прав граждан, как показывает опыт величайшей республики — США — не способны остановить процесс расширения государства, а значит, подавления им общества. Поэтому, как я уже говорил, республику нужно рассматривать как средство сокращения государства, а не как конечную цель.

Учитывая ошибки старых республик, в новой республике нужно заложить механизм максимально очевидной связи между величиной налога, который пла-

тит гражданин, и государственными расходами. Например, можно предусмотреть, что сумма налога, которую уплачивает каждый избиратель — это его доля в государственных расходах. То есть, расходы бюджета делятся на количество налогоплательщиков, и получается сумма, причитающаяся с каждого на «общую вещь». Таким образом, выборы (которые, очевидно, должны проходить гораздо чаще, например, раз в два года), превращаются в конкуренцию будущих бюджетов. Поскольку каждый заинтересован в том, чтобы платить меньше, то политикам, чтобы победить на выборах, придется бороться за меньший (а не за больший, как это происходит ныне повсеместно) бюджет. Опять же, у государства пропадает стимул прибегать к займам, поскольку займы можно погасить только за счет увеличения суммы налога. И опять-таки, возникают все стимулы для естественного замещения нынешних государственных монополий (медицины, образования, суда, охраны порядка и т.д.) частной деятельностью, постепенного исключения все большего количества социальных функций из сферы «общей вещи».

Однако, важнее всего, на мой взгляд, республиканские практики. Собственно, проблема нашего «общественного сознания» состоит в том, что ему пока трудно справиться с мыслью, что любое «общее благо» может быть разложено на частные составляющие. Практика, безусловно, лучше всего поможет в этом. Когда человек непосредственно, лично, сам один платит государству за «общую вещь» (и он понимает, что это

единственный источник дохода государства), у него всегда есть стимул задуматься о том, в каком объеме это нужно и нужно ли вообще.

P.S. Опыт показывает, что украинцы страдают необъяснимой для автора этих строк тягой к разного рода подробностям и деталям. Поскольку больше всего вопросов вызывает организация политической машины, которая будет работать на сокращение расходов, а не на их рост, придется несколько слов сказать об этом.

Конституция республики может выглядеть примерно так:

1. Только один налог, равный для каждого. Перед выборами партии публикуют бюджеты и сумму налога, которая причитается с каждого.

2. Выборы исключительно партийные. Можно ввести принцип относительного большинства, когда партия, получившая наибольший процент, сама формирует правительство, а остальные остаются в оппозиции. Можно оставить и старый принцип парламентской коалиции, но мы должны понимать последствия.

3. Понятно, что президент устраняется за ненадобностью. Исполнительную власть формирует победившая партия.

4. Срок полномочий парламента — два года, со временем, с переходом к полному электронному голосованию — один год. Собственно, перед выборами партии и показывают государственный бюджет на срок полномочий правительства (год или два)

5. Налоги собираются после формирования правительства. Технические детали этого дела могут быть самыми разными. Возможно, следовало бы закрепить бюджетные даты в конституции.

Таким образом, политическая борьба сводится к тому, чтобы отобрать у каждого как можно меньше. Задача победившей партии — собрать бюджет, задача оппозиции — показать, насколько он плох. У политиков не останется времени на вредоносные занятия вроде законотворчества и это — хорошо. Да и, конечно, напомню, что речь идет о республике, а не о демократии, то есть, «большинство» здесь является техническим моментом, способом принятия решений в некоторых ситуациях, а не некой священной коровой. После выборов я более подробно опишу, как нужно двигаться к республике.

Да, и по поводу олЕгархов, которые платят, как все остальные (якобы бедные). Вообще говоря, будь моя воля, я бы с «бедных» брал больше, ибо именно «бедные» больше всего страдают от беззакония и ноют по этому поводу. Закон нужен «бедным», а не олЕгархам. На-

ши «бедные» все время хотят заставить олЕгархов платить за закон, который нужен «бедным». Результатом этой практики будет только дальнейшее покращення, и результат концептуально не может быть иным. Так что, если вы считаете, что олЕгархи должны платить больше — продолжайте в том же духе и наслаждайтесь последствиями. Те, кого не устраивают последствия, должны задуматься о причинах, и, в итоге, прийти к выводу, что за «общую вещь» каждый должен платить
2012 сам равную долю.

Часть 8

План «Б»

8.1. План «Б» для украинцев

Я хочу сделать прогрессивной общественности одно предложение. Для его реализации потребуется только одно сверхусилие — маленькая поправка к конституции. После чего общественность сможет получать политические результаты, которые она никогда не получит другим путем. Однако, сначала кратко о том, почему она не может 20 лет получить вообще ничего.

Почему не партии

Против демократии существует огромное количество аргументов однако, здесь я остановлюсь только на одном. Дело в том, что в настоящий момент не существует инструментов, которые бы позволяли «обще-

ству» влиять на государство. То есть, если мы даже верим в то, что такое влияние необходимо и плодотворно, у нас нет необходимых инструментов для этого.

Это происходит не потому, что «закон о выборах плохой», и не потому, что «высокий проходной барьер» и т.д. и т.п. Эти обстоятельства сами являются следствием более важных и фундаментальных причин, о которых я хочу сказать.

Причины эти изучает «школа общественного выбора» — направление в экономике, основанное Бьюкененом. Проблему можно показать на простом примере. Пусть имеется четыре избирателя, каждый из которых исповедует некий набор ценностей. Эти ценности расположены в порядке предпочтения, допустим, для Петренко самой важной ценностью является «a», второй по важности «b», а третьей — «c». То есть, увидев у кого-то в программе «a» Петренко не задумываясь проголосует за него. Если никто не предлагает «a», то он проголосует за «b» и так далее.

Итак, пусть избиратели имеют такие наборы ценностей

1-й избиратель: *a, b, c*
2-й избиратель: *b, d, c*
3-й избиратель: *d, c, e*
4-й избиратель: *b, e, c*

Если проводятся выборы из двух кандидатов большинством голосов, то очевидно, что побеждает тот

кандидат, который предложит «с», при этом, важно, что ни у одного избирателя «с» не является главной ценностью. Разумеется, что все это лишь модель. Но реальность в данном случае только усугубляет последствия. В нашей модели действуют идеальные избиратели, четко понимающие свои ценности и способные их распознать, и идеальные политики, предлагающие то, что ждут от них избиратели, и даже в этом случае результат голосования отражает лишь некое случайное состояние. Добавим сюда, что в реальности партии никогда не предлагают одной ценности (о чем мы поговорим ниже) и получим, в итоге, простой вывод — идеальные избиратели и идеальные политики при любой избирательной системе получают на выходе результат, всегда не устраивающий избирателей.

Эту механику в нашей стране хорошо иллюстрирует проблема русского языка. Социологические опросы показывают, что «проблема не является главной», однако всегда проходят в парламент те, кто обещает его защищать или с ним бороться. Да, главной эта проблема не является, но она волнует многих на второ-третье-четверто степенном уровне. Поэтому и побеждает.

Задача партийной машины — выиграть выборы. Партии действуют, подобно предприятиям на рынке — они всегда заинтересованы в том, чтобы продать свой товар наибольшему числу покупателей. Поэтому партийная машина всегда будет занята поиском своего заветного «с», дающего голоса на выборах, и это «с», чаще всего, действительно не является приоритетом для

избирателей. Кстати, в большинстве случаев это начинается еще до того, как партия будет создана. Автор называет это явление «бабушкизацией», от сакраментальной фразы «бабушки не поймут», я наблюдал его множество раз у самых разных партий.

По этой же причине, не существует «чистых идеологических» партий, а если таковым, в силу определенных обстоятельств, удается добиться успеха, то он никогда не бывает длительным. Пожалуй, лучший пример здесь это демократы и республиканцы в США. Обе партии в идеологическом смысле представляют собой винегрет из, условно говоря, «правых» и «левых» идей. Республиканцы, скажем, традиционно более агрессивны на внешней арене и поддерживают ВПК, при этом они обычно выступают за большие экономические свободы. Демократы якобы более миролюбивы, но выступают за госрегулирование, политкорректность и другие привилегии. Идейно чистые партии выглядели бы как «этатистская» и «свободная», то есть миролюбие, экономическая и политическая свобода должны быть в рамках одной партии, а агрессивность, госрегулирование и запрет всего — в рамках другой. Но в такой комбинации товар просто не продается.

Здесь нужно отметить еще такой момент. Рассуждая о том, что нужно создать партию, вы рассуждаете с позиции избирателя, у которого есть свои «a, b, c». Вам кажется, что нужно просто найти еще несколько таких же персонажей, и дело в шляпе. Вам кажется, что ваше «a, b, c» вполне может быть партийной про-

граммой. Но это совсем не так. Еще раз: программы (реальные, конечно, а не писаные) — это результат поиска лучшей комбинации, позволяющей получить голоса. Из 150 пунктов вашей программы избиратель вычленяет те, которые важны для него, а не для вас, в итоге, ваша реальная программа (та, за которую проголосовали), всегда отличается от написанной. Если, скажем, из вашей программы «a, b, c в каждый дом!» избиратель преимущественно проголосовал за «c», то партийная машина сделает все, чтобы к следующим выборам избавиться от «a» и «b», минимизировать их, свести к ритуалу или просто вычеркнуть. Эти выводы верны для любой избирательной системы. Даже если вам нужно получить «всего лишь» 1% голосов, чтобы ваша партия попала в парламент, и вы считаете, что относительно малое количество избирателей, которых вам нужно уговорить, позволит вам сохранить девственность ваших «a, b, c», все равно через некоторое время вы обнаружите, что буквы как-то незаметно сами собой поменялись на те, которые больше «хавает пипл». И, да, когда я говорю о «поиске лучшей комбинации, позволяющей получить голоса», то имеются в виду не мозговые штурмы штабистов, а рыночный процесс покупки и продажи. Этот поиск ведет не штаб, а избиратель, штаб лишь пытается его понять и использовать для победы.

То есть, мы имеем дело с типичной маркетинговой задачей, где больше место «изучению спроса», а также интуиции и шаманству. В любом случае, к полити-

ке, как ее себе представляет общественность, выборы и партии отношения имеют очень мало. Это означает, что даже если в природе возможно существование «правильной» программы, то вы ее все равно не продадите на выборах, а если даже такое чудо случится, через некоторое время вы увидите, как против вас плетут интриги и как честные и искренние борцы за народное дело уступают место непонятным мутным личностям. Собственно, мы все это видели на примере эволюции украинских партий, ибо в начале 90-х у нас существовали именно «идеологические» партии. Они прожили ровно до того момента, когда не появился спрос на партии, как на инструмент попадания во власть. С тех пор «идейные партии» исчезли, уступив место «политическим проектам».

И еще раз хочу подчеркнуть, что я говорю об идеальной ситуации. Наша украинская ситуация отличается множеством отягчающих обстоятельств. Для того, чтобы «очистить» ее до уровня, в котором существует модель, описанная в этой главке, нужно предпринять титанические усилия. И все это ради того, чтобы увидеть, что система все равно не работает.

Мы говорили о том, почему не может победить «целостная и непротиворечивая программа». Теперь два слова о том, почему партии и выборы не есть «инструмент обратной связи» общества и государства. Здесь есть множество обстоятельств, я остановлюсь на самом простом. На рынке действует тот же закон — покупатель выбирает из имеющихся альтернатив про-

дукт наивысшей (в данный момент для данных обстоятельств) ценности. Разница заключается в том, что последствия его выбора касаются только его самого. Если они его устраивают, он сохраняет выбор, если нет — меняет его. В итоге, «общество в целом» (то есть, совокупность «каждых» покупателей) имеет обратную связь с «производителями в целом», поскольку поведение и само существование производителей зависят от выбора и его последующей оценки каждым отдельным потребителем. Такой порядок применительно к партиям означал бы, что партийная политика распространялась бы только на тех, кто за нее проголосовал. Только в этом случае (правда, сделав множество других допущений) можно было бы говорить о том, что выборы обеспечивают обратную связь между обществом и государством.

Вместо этого мы имеем случайный набор политик, поскольку результаты политических выборов, в отличие от выбора на рынке, «усредняются» фактом наличия псевдосубъекта в виде государства, которое берется выполнять сразу множество функций, к тому же, монополизированных, на основании некоего обобщенного мнения, высказанного на выборах. Это как если бы вы покупали одно, а вам выдавали другое, да еще, к тому же, вы бы испытывали последствия от покупок массы незнакомых вам людей. К примеру, вам не нравится шансон, но вам бы крутили шансон, потому что его кто-то купил (за это проголосовали люди!) и так далее. В итоге, недовольны даже те, чья партия сегодня

оказывается у власти, и это характерно не только для Украины.

Кстати, если можно говорить о конечных целях, то целью «Плана Б» как раз и является ситуация, когда этот цирк наконец-то уходит и каждый сам платит за те услуги, которые он хочет получить.

Мы рассмотрели объективные закономерности, которые объясняют, почему выборы и партийная система не являются «мостиками между обществом и государством». Укажем еще несколько очевидных и общеизвестных причин, которые заставят отложить партии в сторону.

Для того, чтобы реализовать свои намерения, смелые реформаторы должны создать и зарегистрировать партию. Они должны каким-то образом обмануть избирателей и получить большинство мест в Верховной Раде. При этом партия и, особенно парламентская фракция, не должны поддаваться искушению вести дела в свою собственную пользу. Затем реформаторы должны получить полный контроль не только над президентом и кабмином, но и над государственными служащими, и не только в Киеве, но и в регионах, где они намерены проводить реформы. Они должны также побороть или интегрировать носителей других спасительных программ. После всего этого мы должны молить бога, чтобы именно их план оказался «рабочим» и полезным. И в завершении нужно как-то сделать так, чтобы последующие правительства не отыграли все обрат-

но. Не слишком ли много усилий и счастливых совпадений должно случиться, чтобы этот план сработал?

Коалиции, а не партии

План «Б», который я предлагаю, значительно проще и доступнее.

Для начала, оставив в покое партии и политиков, политически активному населению нужно перейти в режим работы коалиций избирателей.

То есть, вместо того, чтобы пытаться объединиться вокруг неких «a, b, c», объединяться только вокруг одного требования, скажем, «a». В такой коалиции могут быть как те, у кого «a» находится в высокой степени приоритета, так и те, кто придает ему небольшое значение, но считает «a» полезным. Таким образом, мы используем в свою пользу ту же самую особенность «общественного выбора», которая сейчас работает против нас.

Например, нужно принять закон об упрощении оборота оружия. Для этого нужно написать закон, создать группу давления избирателей и найти в парламенте (либо привести в парламент) людей, готовых проголосовать за этот закон. В этой ситуации, группа поддержки закона может объединять, скажем, сторонников партии «Свобода» и либертарианцев, которые в других условиях никогда не объединятся.

Можно назвать основные принципы, которыми должны руководствоваться коалиции:

1. Коалиции должны существовать вокруг одной-единственной цели. Никаких коалиций «за все хорошее» быть не может, они будут неэффективны и будут дискредитировать все движение. Вспомним, что излюбленный прием бюрократии еще с комсомольских времен — разбавление новыми целями, то есть усилия, направленные на «с» бюрократия разбавляет целями «a, b, d», и тем самым ослабляет усилия и вносит раскол. Классический пример — налоговый Майдан, которому пытались впихнуть и отставку Януковича, и «социальные требования». Цель у коалиции должна быть только одна.

2. Цель коалиции — принятие закона Радой. Это тоже очень важный момент. Не «спасение экологии Речки-Вонючки», а конкретный документ. Если для спасения экологии требуется принятие нескольких документов, значит, должно быть несколько коалиций. Они могут быть формально или неформально объединены, но цель у каждой должна быть одна, и этой целью должен быть документ.

3. Коалиция должна сама разработать закон и настаивать на принятии только своей редакции.

Работа коалиции — это лоббизм. Коалиция мобилизует сторонников, занимается пиаром, занимается поиском и надлежащей обработкой политиков для принятия решения.

Очень важно, что система коалиций находится вне формального политического процесса, целиком и полностью на поле гражданского общества. Она не нуждается в санкциях и регулировании со стороны государства, не является непосредственной частью политической системы. Разумеется, что те или иные коалиции будут использовать в политических целях, но это не имеет значения, поскольку нужный «общественно-важный» результат заключается не в успехах «правильных» коалиций, а в работе этой системы в целом. Думаю также, что всем понятно, что коалиции могут создаваться вокруг любых законов, даже полностью противоположных по содержанию.

Я бы предложил такую модель. Коалиции избирателей могли бы работать через общий портал, который содержал бы нужные инструменты, например, шаблоны, которые бы не позволяли создавать псевдокоалиции «за все хорошее». Такой портал давал бы своего рода кумулятивный эффект для популяризации движения в целом и установления определенных стандартов. Поскольку движение создается вокруг инструмента, а не вокруг некой общей цели, то такой портал позволил бы легче держать жуликов, которые обязательно появятся, вне движения. Кроме того, интернет позволяет создавать институты, трудно реализуемые

каким-то иным образом. Например, очень важно было бы личное обязательство кандидата в депутаты или депутата проголосовать за закон, предлагаемый коалицией.

Коалиции могли бы начинать работу с потенциальными кандидатами задолго до выборов. Эти кандидаты должны давать обещание проголосовать за закон коалиции, которое записывается на видео и выкладывается коалицией (а не кандидатом, разумеется) в youtube. Насколько я понимаю перспективы развития репутационных систем, скоро на этом поле будет играть блокчейн и интеграция репутации станет одной из важных человеческих забот. Свяжите депутата блокчейном, и он уже никогда не отвертится от сказанного.

Такое обещание отличается от обещаний, обычно раздаваемых кандидатами, тем, что оно предметно. Коалиции не интересует партийность, политические взгляды и послужной список кандидата. От него требуется лишь нажать кнопку в нужный момент, и именно это действие является предметом обещания. Политические же обещания, раздаваемые на выборах, даже если они выглядят конкретно, всегда включены в некий контекст. Конечно, репутация работает и здесь, но, в целом, она формируется всеми событиями, связанными с политиком, что позволяет ему легко игнорировать собственные обещания. Опять-таки, обещания всегда имеют вид списка «a, b, c», что тоже дает политикам возможность маневра. В данном случае, от него требуется сказать: «я обязуюсь проголосовать

за проект такой-то коалиции такой-то», это максимально конкретное событие, относительно которого всегда можно сказать, случилось оно, или нет.

В нашем случае, обещание дается вне контекста политической борьбы, идеологии, действий сторонников и противников. Есть просто обещание сделать то-то и факт его выполнения или невыполнения, который позволяет маркировать депутата как положительного или отрицательного героя.

Такая система может быть выгодна молодым, горячим и амбициозным депутатам, которые получают возможность включить некое «a», принятия которой добивается коалиция, в свой (или партийный) список «a, b, c». Фактически, будучи кандидатом, такой политик выигрывает потому, что значительная часть агитационной работы ложится на плечи коалиции. Более того, коалиция ведет эту работу независимо от выборов и если тема коалиции достаточно раскручена, политик увеличивает свои шансы на выборах.

Отметим еще также, что система коалиций может работать на отмену существующих, а не на принятие новых законов, то есть, станет своего рода способом обороны от существующей политической машины. Связано это с тем, что чем больше пунктов включает в себя то или иное решение, тем труднее собрать под него значительное число сторонников. Чем больше логических развилок, тем больше возможных вариантов и тем труднее прийти к согласию.

	Коалиции	Партии
Создание	Свободное	Государственная регистрация
Причина возникновения	Принятие некоего закона	Получение власти, реализация программы, объединение вокруг лидера
Цель	Большинство голосов за проект коалиции	Получение власти (выиграть выборы)
Программа	Конкретный результат нужный конкретным людям	«Что бы я делал на месте государства»
После достижения цели	Распадается (является ситуативным объединением)	Ищет поводы для существования (является организацией и юридическим лицом)
Контроль со стороны государства	Некритичен, государство не может контролировать все коалиции, поскольку их создание свободно	Являются частью политического механизма
Закономерности существования	Неизвестны	«Железный закон олигархии»

Заметьте, я не предлагаю отменить партии или заменить их коалициями, пускай себе делают, что хотят. Коалиции — это инструмент общества, а не часть политической машины, они могут работать с депутатами, кандидатами и партиями, но они не являются частью всего этого.

2 года Раде

Система коалиций будет работать куда эффективнее, если срок полномочий Рады будет сокращен до 2 лет. С моей точки зрения, сам этот проект может стать первой (и, возможно, самой большой) коалицией.

Обычно в ответ на предложение сократить полномочия Рады приходится слышать «это ничего не даст». Правильный вопрос здесь: «кому не даст?». Удивительным образом, говорящие обычно берутся рассуждать о том, насколько эффективно сокращение срока поможет работе депутатов. На самом же деле, речь должна идти о том, что сокращение срока полномочий помогает, прежде всего, избирателям. Если бы я был демократом, я бы привел аналогию с тренировками. Кто победит скорее — тот, кто тренируется каждый день или раз в неделю? Речь, разумеется, идет о «тренировке» избирателя. В интересах избирателя, чтобы каждый политик находился на грани выборов и не расслаблялся.

Украинцы привыкли к истеричным выборам и их недоверие к сокращению срока частично связано с этим обстоятельством, поскольку им не хочется постоянной истерики. Однако, чем больше срок полномочий, тем скорее будущие выборы будут истеричным «последним боем добра и зла». Здесь можно вспомнить об аргументе в пользу демократии, что она создает мирную передачу власти. Действительно, диктатуры заканчиваются государственными переворотами и гражданскими войнами. Разумеется, демократия имеет другие проблемы, которые делают ее неприемлемой, но, будучи рассмотрен отдельно, этот аргумент верен. Более частые выборы — более прагматичные и деловые выборы.

Еще один аргумент — о высокой цене выборов — совсем смешон, особенно учитывая возможности электронного голосования, которые могут сделать выборы практически бесплатными.

Если коалиции избирателей будут работать в системе с выборами раз в 2 года, то сила репутационного механизма будет весьма серьезной. Человек, пообещавший и не проголосовавший, резко снижает шансы быть повторно избранным, если выборы будут завтра. Соответственно, обещавший и проголосовавший получает возможность строить карьеру на том, что он человек слова. Точно так же снижаются шансы на долгую жизнь у маразматических законов. Перспектива у такого закона быть отмененным через 2 года, пока еще свежа память, значительно выше, чем через 5 лет, когда наверняка найдутся другие проблемы.

Инструмент

Система коалиций и 2 года Раде — это инструмент, без которого политическая часть «Плана Б» фактически невозможна. Вряд ли можно рассчитывать на то, что в существующей системе возможны какие-то серьезные реформы, направленные на сокращение государства и его способности к расширению.

Система коалиций и 2 года Раде — это та часть политической части «Плана Б», в которой совпадают интересы всех политических групп прогрессивной общественности.

Что такое «отмена государства»

Теперь перейдем к нашим либертарианским баранам и поговорим о том, можем ли мы и как именно использовать гипотетический переход от Плана «А» к Плану «Б» и инструмент коалиций.

Как и обещал, в «Плане «Б» речь пойдет о том, как «отменить государство». Однако, для начала, давайте выясним, что означает состояние «когда нет государства»? Означает ли оно набившее оскомину «Сомали» или «ДНР-ЛНР», или, все-таки, что-то другое?

Состояние «когда нет государства» означает, что вы не платите никому дань под угрозой наказания, не покупаете «услуг», которые вам не нужны и от которых невозможно отказаться, а приказы других людей обязательны для вас только тогда, когда речь идет об их собственности.

В привычных для нас государственнических терминах это означает, что «функции государства» (которые на самом деле есть присвоенные в разное время социальные функции) выполняют частные компании. Безопасность, оборона, суд, социальное страхование, пенсии — всем этим занимаются те, кто может извлечь из этого прибыль. Тут важно понимать, что речь идет не о неких частных конторах, которые кто-то «наделил функциями», а о том, что любая ненасильственная деятельность в таком обществе законна и, коль скоро есть спрос на безопасность или социальное страхова-

ние — будут и конкурирующие предложения. Никто не запрещает делать это и в форме «складчины», социальных проектов и т.д. — все двери открыты, кроме принудительной монополии.

Как оно может «отмениться»?

Сегодня есть четыре группы ожиданий, связанных с концом государства. Первая, наиболее популярная — реформы, то есть, партия, приход к власти, отмена государства. Вторая — теневая экономика, агоризм, товарищ Конкин. Третья — катастрофическая. Ничто не может повлиять на государство, нужно ждать, пока оно развалится само под собственной тяжестью. Четвертая группа — технологические надежды. Действительно, новые технологии направлены на автономность и независимость, а поскольку технологический прогресс диктуется спросом, а не существует в вакууме «сам по себе», это очень о многом говорит. Как обычно, рынок показывает, каковы реальные предпочтения людей, а не их бла-бла-бла.

План «Б» является альтернативой Плана «А». В случае создания инструмента «коалиции+2 года Раде» пострадает, прежде всего, идея «вступить в армию орков, чтобы изменить ее изнутри». Эта идея является одной из основ легитимности государства, она направляет энергию людей, недовольных происходящим, в безопасное для системы русло. Я хочу опять подчеркнуть, что никакие революции, гражданские и прочие вой-

ны не представляют опасности для государства, а в подавляющем большинстве случаев, способствуют его укреплению. Никакие издержки и жертвы среди населения, в том числе и среди «элиты» (вплоть до практически полного ее уничтожения, как не раз случалось в истории), не меняют картину, поскольку всегда сохраняется метод (налогообложение в широком смысле слова) и публика, получающая доход от использования этого метода.

Неважно, какие законы будет принимать прогрессивная общественность, если она освоит План «Б». Важнейший результат — это сама практика принятия решений без интеграции в политическую машину. Поскольку никакая «целостная концепция» на самом деле невозможна, то «спонтанность» такого законотворчества не имеет значения. Нигде и никогда государственная политика не была результатом последовательного исполнения какого-то всеохватывающего, целостного подробного плана, это всегда спонтанный процесс.

План «Б» может помочь защитить «теневую» экономику и новые технологии от воздействия государства. План «Б» также позволит создать инструменты и, возможно, альтернативные государству практики, которые весьма пригодятся, если (когда) государство рухнет под собственной тяжестью. Это поможет решить извечную проблему — люди, оказавшиеся под лопнувшим государством, опять создают государство (на первых порах меньшего размера) просто потому, что им

неизвестны никакие другие альтернативы и в этот момент не существует никаких других инструментов.

Для того, чтобы государство исчезло из нашей жизни, должны решаться три группы задач. Во-первых, защита от воздействия государства, во-вторых, изменение его «точек сборки», то есть его способности к расширению, в-третьих, — создание альтернатив «государственным функциям», делание его ненужным. План «Б» решает все эти задачи относительно всех групп ожиданий.

Рассмотрим, что именно могут включать в себя задачи «защиты», «изменения точки сборки» и «делания ненужным». При этом, когда ниже идет речь об изменениях устройства государства, нужно понимать, что используется инструмент «2 года Раде+коалиции».

1. Задача защиты

Понятно, что часто довольно трудно определить, какую именно функцию в большей степени выполняет та или иная мера — защитную или «изменения точки сборки», как правило, если мера направлена на сокращение государства, она в определенной степени выполняет все эти функции. Понятно также, что такие меры могут быть разнородными — от конкретных решений, до «направлений», которые должны (или не должны) быть разработаны в одно или несколько решений. Разумеется, во втором случае я укажу только на направление,

1.1. Инструмент защиты. Система коалиций — это уже готовый инструмент быстрого реагирования. Коалиция за отмену какого-нибудь дурацкого закона может возникнуть быстрее, чем закон будет принят. По этой причине я не рассматриваю здесь конкретные регулирующие акты, их слишком много, но принцип один — отменяем.

1.2. Общее право (common law). Разумеется, я ни в коем случае не претендую на «переход» к общему праву, это невозможно. В данном случае, я просто хочу указать на особенности общего права по сравнению с континентальной практикой административного права. Эти особенности реализуются «сами собой» в случае частных судов и частного законодательства (британская система исторически недавно была еще близка к такому состоянию), но пока этого нет, может быть удастся найти какие-нибудь решения в рамках континентального права.

Мы с вами живем в месте, в котором чиновники и государство отделены от людей не только привилегиями и статусом, но и правовой системой. Наша правовая система — это континентальное право, важной частью которого является административное право (неважно, выделяется ли оно юристами как «отрасль» в данной конкретной стране). Так вот, административное право исходит из презумпции полезности деятельности чиновника и государства. Чиновник виноват в чем-то лишь тогда, когда он нарушил какую-то инструкцию

или «закон», во всех остальных случаях он обладает фактическим иммунитетом.

В отличие от административного права, общее право игнорирует предполагаемую полезность деятельности чиновника, оно его наказывает независимо от того, было ли его действие предписано законом или инструкцией, или было нарушением этих законов. Если есть пострадавший от его действий, есть иск от него, чиновник будет нести ответственность, если суд установит, что истец пострадал от его действий.

Такая система решает огромное количество проблем. Континентальная традиция предполагает, что защититься от государства можно с помощью все тех же предписаний все тому же государству, которое будет само себя наказывать за их нарушение. Эта идея воплощена в идее конституции и неких «прав», которое государство якобы не может нарушить.

Как видим, метод «оградиться от своеволия позитивными решениями» неудачен, причем, не только в таких странах, как Украина, где даже не предпринимается попыток опираться на «права, гарантируемые конституцией», но и в странах «развитых». Как видим, совершенно бессмысленно, например, писать в конституциях о неприкосновенности жилища. В общем праве это и не нужно, если к вам ни с того ни с сего вламывается полиция, полицейский будет наказан без всяких конституций. Точно так же, киднеппингом будет считаться любое похищение, неважно, исполнено

оно группой рекетиров или группой милиционеров. Вы можете подать в суд на врачей или чиновников, запрещающих обезболивающее под соусом «борьбы с наркотиками», поскольку фактически они занимаются пытками. Вообще говоря, «преступления без пострадавшего» в системе общего права затруднительны. Затруднительно и узаконенное мошенничество, такое, как, например, займы правительства, поскольку они делаются от вашего имени (вы будете платить по ним) без вашего согласия и без вашего ведома. И так далее.

Отметим еще, что в общем праве нет никаких специальных ограничений на то, что «может», а что «не может» судья. Таковые устанавливаются практикой и ею же постоянно пересматриваются. В данном случае, я об опасениях, которые испытывают многие читатели относительно того, что «судьи поотменяют все законы». Я, например, испытываю противоположные опасения, что они их со страху не поотменяют. Но, повторю, важно не это, а то, что в таком механизме не существует окончательных норм, и суд должен принимать решение в каждом отдельном случае.

Административное право — это дубина, которой один чиновник почему-то должен лупить другого чиновника. Общее право вкладывает эту дубину в руки каждого, в этом его радикальное преимущество.

1.3. Персонализация государства. Логичным будет и отход от традиции деперсонализации государства, идущей еще от римского права. Фактическим состоянием дел, с которым мы сталкиваемся в реальной жизни, является взаимодействие субъектов. Когда мы имеем дело с «государством», на самом деле, мы имеем дело с частными лицами, действующими в своих интересах от имени несуществующей в живой природе фикции государства. Понятно, что эти интересы совсем не обязательно состоят в получении взяток или откатов, в большинстве случаев это «хорошая отчетность», карьерный рост, или (это самый страшный и разрушительный вариант) реализация неких идей, направленных на благо человечества. Так или иначе, чиновник действует как бы не сам, а от имени неких магических сущностей.

Эта проблема может быть технически довольно легко решена непризнанием правомочности анонимных и коллективных (от имени «руководящего органа») приказов. Все приказы, от «законов», принятых Радой, до приказов какого нибудь «районо», должны иметь автора, а если такого нет, то никто не обязан их выполнять. В случае системы, близкой к общему праву, этот автор (авторы) и будет ответчиком в суде, если его решения наносят кому-то ущерб. Прогрессивная общественность давно обсуждает проекты «ответственности чиновников». Разумеется, обсуждаются они в парадигме «пользы», которую приносит некое сферическое в вакууме государство. Поэтому предложения

основываются на измерениях этой пользы (рост ВВП или процента жиров в масле) и наказании, если измеренная польза окажется меньше, чем считает нужным прогрессивная общественность. Такая механика выглядит, очевидно по-идиотски и это смущает общественность. Чиновники могут оказаться в зоне досягаемости общественности только, если, мягко говоря, отставить в сторону парадигму пользы и принять доктрину общего права, перед которым все равны вне зависимости от приписываемой кем-то пользы.

1.4. «Лечение» конституции. «Право на оружие, самооборону» и прочее. Разумеется, я не считаю, что можно с помощью конституции изменить некие порядки, но они вполне могут быть на некоторое время «закреплены» в ней, если уже существуют носители этих порядков, готовые их отстаивать. Если вдруг по каким-то причинам станет возможной реализация некоего аналога общего права, то конечно, это делает конституцию ненужной, поскольку она является продуктом совсем другой идеи. В реальности же, мы находимся в ситуации постоянного выбора из альтернатив и использования возможностей, которые открываются перед нами. Поэтому не существует «целостных и непротиворечивых» политических систем и даже «целостных и непротиворечивых» конституций, и во избежание пустой траты сил, такой задачи даже не нужно себе ставить. Разумеется, в случае появления возможностей, поправки, о которых я скажу ниже, должны быть приняты, но в данном случае, я, скорее, на приме-

ре конституции показываю, какие изменения были бы желательны для того, чтобы мы были некоторое время защищены от государства.

Основное назначение конституции — служить ограничителем для расширения государства. Этот специфический ограничитель работает исключительно через судебную систему, все остальное (включая функцию президента-«гаранта») есть не более, чем благие намерения.

Для того, чтобы такая система работала, нужно сделать несколько принципиальных изменений, направленных на то, чтобы конституция имела прямое действие (то есть, легко и просто принималась судами в качестве источника права).

- Во-первых, нужно удалить из текста все ссылки на законы.

- Во-вторых, удалить весь раздел с «правами» граждан, он не просто излишен, но и содержит в себе «позитивные» права, которые делают невозможным прямое действие конституции.

- В-третьих, ввести в конституцию принцип судебного надзора, то есть, возможность любого суда указывать, что применяемый им закон не соответствует конституции в рамках рассматриваемого дела.

- В-четвертых, ликвидировать конституционный суд.

Часть конституции, где говорится о правах, можно заменить такими тремя статьями:

> *«Кожна людина від народження володіє та розпоряджується своїм тілом та іншою власністю, набутою мирним шляхом. Це право є природним, воно не встановлюється законами та іншими приписами. Зазіхання на власність є протиправним вчинком. Кожен має право давати відсіч таким зазіханням у будь-який доступний для нього спосіб. Кожен має право захищати себе, своїх близьких та родичів. Кожен, хто не визнаний в судовому порядку недієспроможним, має право володіти зброєю та носити зброю.»*
>
> *«Кожен має право вільно укладати контракти з іншими особами та установами та визначати арбітра у справах контракту. Кожен має право звертатися до визначеного контрактом арбітра чи до державного суду, якщо це передбачено умовами контракту, у разі підозри на невідповідність дії контрагента умовам контракту.»*
>
> *«Будь-яка діяльність, яка грунтується на добровільній згоді осіб є законною та не потребує жодного примусового регулювання ззовні.»*

В принципе, в этих статьях содержатся все прочие «права».

В статье 6 добавить:

> *«Від імені держави діють посадові особи. Будь-які распорядження та акти*

посадових осіб — закони Верховної Ради, накази, інструкції та будь-які інші форми распоряджень незалежно від способу їх ухвалення, мають бути підписані їх автором (авторами), або головою відповідного відомства. Провочинність анонімних актів, та актів «від імені» установи не визнається, ніхто не забов'язаний виконовати такі акти. Особи, що підписують державні акти, відповідають за їх наслідки»

Разумеется, из конституции должны быть удалены все статьи, касающиеся НБУ, СНБО и т.п. странных государственных агентов, а также статьи об административно-территориальном устройстве и местном самоуправлении.

Статьи о президенте должны быть отменены. Парламентская республика.

В статьях о Кабмине должно быть указано:

«Кабінет міністрів є вищим органом виконавчої влади. Виконавчу владу очолює прем'єр-міністр.»

В статьях о Раде нужно указать:

«Строк повноважень Верховної Ради складає 2 роки»

И само собой:

«Право законодавчої ініціативи належить депутату Верхновної Ради»

Никаких больше Кабминов и прочих ассоциаций домохозяек в качестве субъектов законодательной инициативы.

Следующие две статьи могут ограничить активность «взбесившегося принтера».

«Всі закони, що їх приймає Рада, мають термін дії, закон без терміну дії не є правочинним. Термін дії встановлюється Радою від одного до пяти років, та зазначається у тексті закона. Після закінчення терміну закон автоматично скасовується, якщо Рада не продовжила термін його дії простою більшістю голосів. Закони, що їх прийняла Рада до набуття чинності цією поправкою, вважаються такими, що мають термін дії один рік»

«Закони приймаються більшістю у 226 голосів. Для скасування закону потрібно 100 голосів»

Относительно последнего скажу, что «отмена закона» требует такой же мобилизации голосов, как и его принятие. Если при голосовании 226 было «за», это совсем не означает, что 224 было «против», то есть, если кто-то подумал, что любой закон после принятия такой поправки будет автоматически отменен, он очень глубоко ошибся.

2. Изменение «точки сборки»

Государство не является нейтральным. Это не инструмент, которым можно воспользоваться в своих интересах, это группа людей, получающих доход от организованного принуждения. Выборами и переворотами можно лишь формально возглавить эту группу и даже частично наполнить ее своими людьми. Но от этого мотивация и соответствующее направление координации их усилий не изменятся. Чиновники, члены их семей, связанный с ними бизнес и люди, рассчитывающие поживиться за чужой счет, имеют одинаковые стимулы

для того, чтобы государственная власть росла, и именно эти стимулы определяют их действия.

Поэтому, «изменить точку сборки» означает поставить государство в такие условия, которые бы оказывали сопротивление стимулам роста. Реально оказывать сопротивление расширению государства могут только его жертвы. Государство понимает это и потому делает все, чтобы ограбление жертв было максимально незаметным для них, оно расширяет ассортимент способов грабежа (налоги, тарифы, инфляция, займы), пытается сделать грабеж легитимным (социальные функции государства, пенсии и т.п.), устраивает для публики политический цирк и всячески поощряет ее верить, в то, что «эти плохие, но следующие могут быть лучше». Заметим, что выборами меняется едва ли сотая часть процента от тех, кто реально получает доход от организованного принуждения, но сила шоу такова, что на это даже никто не обращает внимания (здесь весьма показательна гипертрофированная пристрастность населения к депутатам, которые составляют самую малую и самую безобидную часть «правящего класса», причина этой пристрастности, очевидно, в том, что депутатов показывают по телевизору).

Соответственно, «точка сборки» будет изменена, только если широкая публика вернется в реальность из мира влажных фантазий о том, как ей лучше поделить деньги олигархов.

Ниже мы поговорим о том, как это сделать. Напомню, что речь идет не о некой готовой форме (хотя это выглядит как некая «Республика 2.0»), которая должна быть «принята» или «внедрена», речь идет о направлении движения. Как говорится, главное, это не то, где мы стоим, а то, куда мы движемся.

2.1. Деньги и стулья. В нынешней системе государство получит свое в любом случае, что бы ни происходило, налоги и инфляция действуют постоянно. Пока вы заняты обсуждением «политической борьбы», вас деловито грабят. Первым и самым важным способом вернуть публику в реальность является прямая привязка налогообложения к выборам. Избиратель должен голосовать за будущие налоги. Это совсем нетрудно сделать, если выполнить другие условия.

2.2. Анестезия. Это означает, что не должно быть никакой налоговой анестезии. Налоги должны платить только физические лица, такой налог должен быть один (либо быть «составным» налогом, о чем поговорим ниже) и платиться он должен не в виде какого-то процента, а в виде вашей доли в будущем бюджете. Суть налоговой реформы, которая может что-то изменить, состоит не в изменении ставок и количества налогов, а в постановке в полную зависи-

мость государственного бюджета от желания налогоплательщика платить. Не должно быть никаких налогов, которые бы «автоматически» наполняли бюджет. Бюджет могут наполнять только избиратели, принося в клювиках свою долю.

2.3. Финансы. Очевидно, что в такой системе у государства не должно быть никаких иных источников дохода, кроме налогов. Тарифы, акцизы, пошлины, штрафы, а также займы — все это должно быть отменено. Не может быть также никаких «платных услуг» государства, все эти лавочки должны быть уничтожены, а все «услуги» оплачиваться из бюджета. Понятно, что не должно быть инфляции — центральный банк должен быть ликвидирован, денежная система должна быть в виде валютного комитета либо свободного хождения любой валюты с заранее объявленной валютой, в которой собираются налоги.

2.4. Путаница. Понятно, что право голоса имеют только те, кто платит налог. Те, кто получает из бюджета, включая чиновников, военных государственной армии и т.д. не должны голосовать и не должны платить налога. Реализовать технически это легко. Уплата налога автоматически регистрирует вас, как избирателя. Появление в списках налогополучателей (то есть, уход на работу в госструктуру, либо получение помощи от государства) автоматически исключает из списков налогоплательщиков и избирателей. Блокчейн нам в помощь и вперед.

Для полноты такой системы, конституция должна влючать полный список государственных агентов, каждый из которых является получателем своей части налога. Сокращение этого списка можно проводить простым большинством, увеличение — конституционным (либо вообще запретить). То есть, в итоге мы получим 5-6 министерств, каждое из которых является получателем своей доли, а налог будет иметь «составную» форму. Например, налог в 3000 гривен в год, из них оборона — 1000 гривен, государственный суд — 1000 гривен, расходы на чиновников — 500 гривен, поддержка немощных и бедных — 500 гривен. После следующих выборов сумма налога может не меняться, но победившая партия может перераспределить их по-новому. В общем, у политиков и публики появляется новое увлекательное занятие — как лучше перераспределить ограниченные ресурсы, то есть, они оказываются в роли, так хорошо знакомой по их обычной повседневной жизни. Мифы и легенды, которыми они руководствуются сегодня в роли избирателей, уходят на задний план, а некоторые даже исчезают. Понятно, что расширение функций будут пытаться провести в рамках существующих министерств (например, министерство обороны может пытаться перевести в свое ведомство пособия инвалидам из министерства больных), но, в целом, такое расширение может проводиться только за счет аппетитов других ведомств.

2.5. Снижение аппетитов. Кстати, об аппетитах. Если учесть, что серьезным поводом для расширения государства всегда является движение денег из региона и в регион (а правильное освоение этих денег составляет суть местной политики), то серьезно сократить аппетиты, а значит и стимулы, можно за счет «передачи власти на места». Только делать это нужно определенным образом.

Давайте представим, что «социальные функции», с которыми сегодня человек сталкивается в своей жизни, осуществляются громадами. «Громада» — это организация граждан с индивидуальным членством, а не по признаку проживания на некой территории. На территории привычных нам «административных единиц» может действовать множество громад, легко выходя за «границы» этих образований, поскольку громады образуются по функциональному, а не территориальному принципу. Громады управляют нынешней «коммунальной» инфраструктурой, «общественным» транспортом, дорогами, парками и т.п. Форма такого управления выбирается самой громадой — от финансирования взносами (в случае, например, парка) до полукоммерческих структур (в случае, например, транспорта). Такая форма достаточно гибка, она позволит проще перейти к частному управлению там, где это будет очевидно более эффективным способом управления.

Громады вольны устанавливать собственные «органы власти», полномочия которых касаются только членов громады и собственности, которой она управляет. Соответственно, они могут вступать между собой в любые соглашения, формировать общие «органы власти» по собственным моделям в рамках собственных средств.

В городе, нет привычной нам местной власти, нет «местного бюджета» и «местных налогов». Горожанин участвует в деятельности тех громад, участие в которых он считает нужным, финансирование происходит за счет взносов. Магистраты (например, шерифы) фактически тоже являются формой громады, их полномочия распространяются на членов громады и их собственность, и финансируются ими.

Каждый «населенный пункт» получает, таким образом, возможность формировать свою собственную подвижную модель управления.

Конституция закрепляет принцип «все, что не отнесено этой конституцией к полномочиям государства, остается за громадами и магистратами». Также конституция указывает, что «для взаимодействия и лучшего управления собственностью граждане создают громады и наделяют их полномочиями, которые распространяются на их членов и собственность, которой управляет громада».

Таким образом, государство полностью отделено от того, что мы сегодня могли бы назвать «местным самоуправлением», никак не связано с ним административно, политически и финансово. Вместе с финансовыми и властными возможностями сокращаются стимулы для расширения.

2.6. Политический цирк. Политически республика может быть организована, как республика парламентского типа, однако, для полной реализации принципа «налогообложение есть результат политического процесса», в традиционную модель следует внести некоторые изменения «швейцарского» типа. Суть идеи состоит в том, что избиратель на каждых выборах, которые проходят раз в два года, голосует за будущий бюджет, и последующее налогообложение проводится под этот бюджет. Избиратель, фактически, голосует за сумму налога, которую он заплатит, и за его распределение между целями. Разумеется, тут возможны разные варианты реализации, я предложу свой. На выборах правительство формируется той партией, проект бюджета которой получит относительное большинство голосов избирателей. Она формирует Кабинет, который не может быть отправлен в отставку в течение срока полномочий парламента. Парламент формируется как обычно, но большинство больше не институционализировано. Однако, фактически, оно необходимо. Например, если партия, сформировавшая Кабинет, связывает с бюджетом принятие каких-то законов, то ей придется договариваться об этом с другими партиями.

Налоги платятся сразу после выборов и в той же сумме через год (если бюджет формируется на год).

Таким образом, мы получаем систему, в которой жадность избирателя стоит на страже его интересов и препятствует расширению государства, что сокращает его возможности по ограблению избирателя и снижает способности государства к росту. Понятно, что в такой модели экономика чувствует себя замечательно.

Современная демократия — это система с положительной обратной связью, избиратели, полагающие, что они грабят других, отдают все больше и больше, в итоге система «разгоняется» и самоуничтожается. Республика — система с отрицательной обратной связью, избиратели заинтересованы в том, чтобы платить меньше, в итоге, теоретически, государство может усохнуть до нуля.

3. Задача «сделать ненужным»

Как мы говорили, государство может «усохнуть до нуля», но это случится, если параллельно на его поле будут развиваться коммерческие услуги, ка-

чество и разнообразие которых очевидно будет выше. Вообще говоря, нужно понимать, что даже при самой скрупулезной реализации проекта «Республики 2.0», мы сможем защититься от государства лет на 10-15. Фактически, меры защиты являются мерами, ограничивающими ущерб и позволяющими лучше сопротивляться государству, меры изменения точки сборки позволяют ослабить его и сократить его расширение, но сами по себе они не являются гарантией его «усыхания». Государство обязательно придумает что-то, что позволит ему вновь все более бесконтрольно расширяться. Этими мерами мы можем только выиграть время, но победы они нам не гарантируют. Победить можно только тогда, когда государством перестанут пользоваться за ненадобностью.

3.1. Конкуренция. С переходом на подушный налог и фиксированное количество государственных услуг, вопрос конкуренции на этом поле возникает сам собой, поскольку голосование на выборах будет ориентировано на «оптимизацию» и сокращение вашего налога, из него постепенно будут изгоняться все новые и новые статьи государственных расходов. В такой обстановке говорить о конкуренции государственным услугам значительно легче. Более того, государственная монополия на самом деле не провозглашается открыто. Иногда она вводится законами, но часто является просто фактическим состоянием дел. Поэтому никаких непреодолимых препятствий к тому, чтобы конкурировать с государством на его поле, особенно, когда его расходы сокращаются, в такой системе не существует.

3.2. Оплата по частям. В случае «составного» подушного налога, когда общая сумма состоит из известных расходов на бюджеты конкретных ведомств, возникает возможность отказаться от оплаты определенного ведомства. Например, в вашем налоге в 1000 гривен расходы на какое-нибудь министерство транспорта составляют 50 гривен, но, поскольку вы не пользуетесь ничем из того, что делает это министерство, вы уведомляете государство, что исключаете его из вашего налога, и в следующем году, если общая сумма не изменится, платите 950 гривен. Или вы отказываетесь от услуг Минздрава. Не платите соответствующую часть налога и государственная «скорая» к вам больше не приезжает. В этом перечне отказ от услуг государственной обороны выглядит сегодня, как последний рубеж, хотя нынешняя война ясно показывает цену этой услуги.

3.3. Концепция ушельцев. Два предыдущих обстоятельства делают возможным реализацию концепции ушельцев, на которой мы остановимся подробнее.

Идея состоит в том, что человек может «уйти» от государства, отказавшись от его «услуг» и перестав платить ему налоги и нести другие «обязанно-

сти». Я давно заметил, что этатисты, рассуждающие о «добровольности» налогов, сразу замолкают, если им предложить продолжать платить налоги, сколько им угодно, но оставить в покое тех, кто не хочет этого делать. Понятно, что этатисты мыслят категориями универсальных «законов». Они полагают, что либертарианцы хотят прийти к власти и отменить налоги, то есть, это решение будет распространяться на всех без исключения. На самом деле, это не так.

Желающие платить налоги и подчиняться приказам государства могут делать это сколько угодно. Проблема, которой посвящена эта книга, как раз в том, что они хотят, чтобы это делали и все остальные.

С таким положением дел пора заканчивать, человек должен иметь возможность отказаться от рабства. Вспомним, что государство, на самом деле, существует только и исключительно в голове. В физическом мире существуют чиновники, которые получают доход, выступая от имени «абстрактного государства», само же «абстрактное государство» — это представления людей, это согласие к подчинению чиновникам и идея о том, что «по-другому нельзя». Поэтому, единственным последовательным и работоспособным способом является «прорастание» общества через государство. Люди, понявшие, какой вред приносит государство обществу, должны иметь возможность открыто отказаться от него. Распространение такой практики и есть главное условие исчезновения государства. Оно должно стать ненужным, его паразитическая сущность должна быть осознана. Сделать это одномоментно для всех никак не получится.

«Ушельство» означает, что человек отказывается от «услуг» государства взамен на отказ от своих «обязательств» (налогов). Логично, чтобы и то и другое существовало в виде неких списков. Лучший вариант — это персональная подпись конституции, как основа гражданства, и отзыв этой подписи — как выход из него. Фактически, это была бы реализация «общественного договора», того самого, о котором так любят рассуждать этатисты.

Налогообложение, существующее только в виде налогообложения граждан, отсутствие денежной монополии и исчерпывающий перечень функций государства, закрепленный в конституции, сильно облегчают дело. Возникает возможность отказываться от каждой функции отдельно.

Однако, даже если этого всего нет, а существуют косвенные налоги и инфляция, «ушельство» тоже может быть реализовано. В конце концов, невозможно подсчитать, сколько я «должен» и сколько должны мне. Должно быть «право выхода» с ясными и очевидными последствиями.

Кстати, главная проблема здесь в том, что государство с эпохи просвещения отождествляет себя с обществом, во многих случаях исполняя социальные функции, которые оно присвоило. На самом деле, ваш вклад в «общество» в денежной форме можно определить через ваш доход без налогов (с экономической точки зрения, это величина большая, чем ваш чистый денежный доход). Это делает очевидным, что то, что вы даете другим людям, никак не нуждается в санкции и в самом наличии государства. Государство подменяет ваш вклад налогами, именно их современное общественное мнение полагает вашим вкладом (хотя, конечно, если говорить об «обществе в целом», то налог — это изъятие, а не вклад). Более того, в том месте, где считается, что вы «берете у общества», на самом деле в роли «общества» выступает государство. В рамках денежных отношений можно приблизительно сказать, сколько мы отдаем обществу и сколько мы получаем от общества (в данный момент времени). Немного потрудившись, можно подсчитать, сколько мы отдаем государству. Но вот сколько мы получаем от государства, в денежном выражении определить невозможно (разумеется, мы ничего не получаем от государства, речь идет о невозможности денежного выражения для того, чтобы говорить о процедуре некоего торга по поводу выкупа).

Поэтому «честного» и «справедливого» решения здесь быть просто не может, возможно только решение политическое. Лучший вариант — это ситуация, описанная здесь, но если реализация концепции «ушельцев» станет возможной в других начальных условиях, она должна быть реализована. Идея «ушельцев» хороша еще и тем, что она будет постоянно будоражить вопрос: кто, сколько, куда, кому и зачем «вкладывает». Здесь очень важно избавиться от мифологии и пропаганды. И, что самое важное, — решение «давайте сами за все платить» в этом рассуждении приходит само собой. Возьмем, например, классику жанра — дороги. Если я «ушелец», то как мне пользоваться государственными монопольными дорогами? По идее, я должен за них платить. И по той же идее, платить не «вообще», а тогда, когда я ими пользуюсь. И сразу же возникает вопрос — почему этот принцип не применяется и ко всем остальным?

«Ушельство» не есть существование в вакууме. Просто ушелец является полноправным субъектом, собственником себя самого и своего имущества. Он строит свои отношения с государством, как с собственником территории и людей не-ушельцев. То, что вы «ушелец», не означает, например, что вы можете поставить ларек и торговать там, где другие не могут. Для этого вам сначала нужно купить у государства землю. Однако, на этой земле уже не действует всяческое государственное регулирование и прочие хотелки. В реальности же, скорее всего, в этом вопросе будут действовать негласные соглашения между ушельцами и чиновниками. Кстати, здесь есть очень показательный момент. «Ушельство» без имущества и собственности имеет смысл только как законная

неуплата налогов. Если у вас нет некой территории, вам все равно придется подчиняться государственным законам, поскольку вы находитесь на территории другого собственника — государства. Никто не позволит вам бегать и отстреливать тупых sheeple. Sheeple обратятся к хозяину и вас ликвидируют на вполне законных основаниях. Это хороший пример того, что право собственности (в том числе, на самого себя) является источником «законов» (в нашем случае — приказов другим людям), а не наоборот. Государство яаляется собственником территории и издает приказы на этой территории. Чтобы иметь возможность полностью игнорировать его, у вас должен быть свой кусок территории. Государство не обязано вас больше защищать, если вас убьют, оно не должно расследовать это преступление. Зато вы можете свободно оборонять себя и свою собственность, заключать контракты о подсудности с частными судами и делать все то, что о чем пишут в либертарианских книжках.

В реальности, если будет реализована идея громад, «ушелец» будет отличаться от обычного человека только тем, что не платит налоги в Киев и имеет несколько странные привычки в решении юридических проблем. Если местная жизнь управляется добровольными общественными организациями и частными компаниями, то есть, услуги оплачивает потребитель, а часть управления собственностью финансируется добровольными взносами, то «ушелец» — это совсем не огородившийся от мира затворник, а даже наоборот — активист-общественник. От его «ушельства» теряют только чиновники в Киеве, а «местная» жизнь (а у нас с вами и есть только «местная» жизнь) ничего не теряет.

3.4. Гражданские проекты. Гражданские проекты, о которых пойдет речь ниже, решают три задачи.

Во-первых, они уменьшают издержки для тех, кто уже готов к горизонтальным взаимодействиям, но не имеет инструментов; Во-вторых, они создают практику; социальные институты есть результат практики, а не намерений. Важно, что эти инструменты существуют не для «продвинутых либертарианцев», а для всех желающих, в той степени, в которой они могут использовать их себе на пользу; В-третьих, они предоставляют альтернативу, ответ на извечный вопрос «а что же вместо государства?» Эти проекты не привязаны ни к каким политическим изменениям, их можно начинать прямо сейчас.

3.4.1. «Демократия 2.0» Теперь, когда есть «кикстартер» и другие подобные платформы, пояснить, что такое «демократия 2.0» стало гораздо проще. «Демократия 2.0» — это краудфандинговая платформа для социальных проектов. Любой желающий может попробовать собрать деньги на свой проект за определенный срок. Если ему это не удается — деньги возвращаются вкладчикам. Если удается — он реализует проект, публикует отчет и т.п.

Таким образом можно финансировать массу проектов — от строительства детских площадок до строительства дорог и армейских закупок.

Вообще говоря, проектная деятельность — один из лучших способов показать, как может выглядеть альтернатива бюджетному финансированию в тех случаях, когда «общественное сознание» еще не готово воспринимать на месте государства частные компании. Сейчас мы наблюдаем, как украинцы регулярно собирают деньги на различные нужды. Такая платформа им бы очень помогла в этом деле.

3.4.2. «Опиши государство» Интересным обстоятельством в жизни государства, о котором догадываются очень немногие, является тот факт, что никто не знает точно, как именно оно устроено. Под «устройством» я понимаю не формальные описания полномочий в рамках некой иерархии, а реальные взаимосвязи между функциональными элементами. Именно они и только они и имеют значение.

Приведу пример. Дайси цитирует Блекстоуна, который пишет: «Мы рассмотрим те отрасли королевской прерогативы, которые облекают нашего государя, всесовершенного и бессмертного в своем королевском достоинстве, множеством полномочий и прав, осуществление которых составляет исполнительную власть в государстве. Британской конституцией она мудро отдана в одни руки в видах единства, силы и скорости. Если бы эта власть была отдана в руки многих, они зависели бы от воли многих, а воля многих, если они не согласны и идут по разным путям, создает слабость правительства; соединить же эти различия воли и слить их в одну есть дело, требующее больше времени, чем могут допустить нужды государства. Король Англии поэтому— главный и даже единственный магистрат нации, все же остальные действуют по его велению и в должном подчинении ему». По окончании цитаты, Дайси ехидно замечает, что уже во времена, когда Блекстоун писал эти строки, король не обладал этими полномочиями, и что последним королем, о котором можно сказать словами Блекстоуна, был Вильгельм Завоеватель.

Реальная система формируется взаимодействием действующих субъектов и никогда не совпадает с ее формальным описанием. Это хорошо знают, например, офицеры, которым довелось послужить в разных частях. Армия — это идеальная иерархия с жесткими отношениями подчинения и ответственности, которые описаны в соответствующих уставах. Между тем, реальные порядки в разных частях отличаются.

Напомню также о такой форме забастовки, как «делать все по инструкции». Такая забастовка просто парализует предприятие, поскольку реальное

управление и реальные функции практически никогда не соответствуют их описаниям.

В случае государства имеет место еще одно обстоятельство. Государство не является единым. Это набор коалиций чиновников разной степени жесткости, задача которых состоит в добывании бюджета, его освоении и освоении побочных (как у нас говорят — коррупционных) возможностей. Эти группы конкурируют между собой и часто вступают друг с другом в конфликты.

Как мы уже говорили, чиновники подобны предпринимателям, они постоянно заняты поиском прибыли, поиском новых «технологий», которые позволили бы расширить свою деятельность на новые области. Эта деятельность не управляется и не регулируется, и именно она и составляет содержание процесса расширения государства. Открытия различных «ноу-хау» и «новых технологий» происходят постоянно, разные чиновничьи группировки используют разные технологии в разное время и в разных местах.

Так вот, очень часто эти «новые технологии» используются во вред другим группировкам чиновников. Например, некое чиновничье предприятие обнаружило, что к справке А, которую она выдает, очень хорошо с точки зрения прибыли подходит справка Б. Это предприятие начинает выдавать и справку Б. Но справка Б является исконной прерогативой другого уважаемого предприятия. Если оно узнает об этом, начнется конфликт. Это, разумеется, очень упрощенное описание ситуации, но факт остается фактом — описание системы если не убивает, то парализует систему. Основной вред, который наносит нам государство, сосредоточен не в Верховной Раде, как все вокруг уверены, а в бесчисленных разрешающих и проверяющих органах. Именно здесь происходит расширение государства, именно эти органы, а не политики и составляют основную его массу. Один из способов парализации активности этих персонажей — описание их реальных функций и связей между ними.

Представьте себе сайт, на котором каждый может по готовым шаблонам описать свою встречу с той или иной государственной конторой. Например, вам нужна была справка формы А, вы обратились в контору Б и получили ее. На сайте вы нашли контору Б (если ее нет — добавили), указали известные вам о ней сведения (часы работы, телефон) и указали, что в конторе вы получали справку А. Если другой человек ищет, как ему получить справку А, он выйдет на контору Б по вашему описанию. Если, к примеру, пойдя в контору Б в своем городе, он обнаружит, что от него там требуют еще и справку С, он укажет это в своем описании. Аналогично описываются отношения подчиненности и т.п. элементы системы. Важно, что делается это не из одного центра, каждый приносит свою часть информации.

Таким образом, естественным путем возникает описание реальной системы, описание, которое всегда может быть откорректировано в соответствии с новыми веяниями и открытиями в чиновничьем бизнесе. И, как мы уже сказали, описание системы убивает систему.

Здесь очень важно понимать, что услуга, которую предоставляет такой сайт людям — это оптимизация поиска бюрократических решений их проблем. Из данных на нем они могут узнать, где и как, и с какими особенностями они могут получить что-то от чиновников. Ни в коем случае деятельность этого сайта не должна быть связана с «борьбой с коррупцией», «жалобами в инстанции» и прочими «доколе!» и «рятуйте!». В этом случае, его деятельность будет обречена, хотя бы потому, что сами чиновничьи группы будут использовать его для борьбы друг с другом.

3.4.3. «Гарантии прав собственности» Думаю, многие удивились не увидя первым пунктом «Плана Б» «защиты прав собственности». Дело в том, что «проблема защиты прав собственности», не является какой-то локальной украинской проблемой. Не является она и сугубо политической проблемой, то есть, такой, которая могла бы быть «разрешена» в ходе политического процесса, путем изменения законодательства и тому подобных штук. Скорее можно сказать, что это фундаментальная проблема современного мира, и чем дальше вы будете углубляться в ее изучение, тем глубже будет это убеждение.

Я давно заметил, что чем более важным является тот или иной вопрос, тем в большей степени он «запущен», и права собственности здесь один из лидеров. Мне пришлось три раза переписывать этот раздел, так как каждый раз оказывалось, что написано слишком много. В итоге, подробно этот вопрос мы рассмотрим в книжке о частных законах. Здесь просто изложим вкратце некоторые выводы.

Итак, права собственности — это феномен деятельности. Они возникают сразу же вместе с «я». «Я» и «не я», «мое» и «не мое» — вот начало и источник прав собственности. Права собственности определяют, кто использует (владеет, распоряжается) в данный момент неким ресурсом, а также, если необходимо, определяют, как протекают конфликты. То есть, используя некие ресурсы и вступая во взаимоотношения с другими людьми по их поводу, мы используем для этого права собственности. Точнее — **то, что мы делаем для этого, это и есть права собственности**. Они не являются чем-то однородным и всегда одинаковым.

Пример. Три семьи с большим количеством народа, один телевизор и один пульт. В первой семье публика настолько хорошо приспособилась друг к другу и понимает потребности друг друга, что никто не спрашивает, когда ему

можно воспользоваться пультом и принять свою дозу телевидения. Во второй семье отношения вокруг пульта строятся на ситуативных договоренностях «а можно мне мультики»? или «ты же знаешь, сейчас футбол», иногда доходит до обмена «мультики в обмен на мытье посуды» и так далее. В третей дело зашло так далеко, что на стене у них висит расписание использования пульта и телевизора. Во всех трех случаях речь идет об использовании «объективно одного и того же» блага в весьма похожих обстоятельствах, но в каждом из них реализован свой вариант прав собственности (не забываем — права собственности — феномен деятельности).

Теперь давайте введем в это дело государство. Например, домовой комитет. Пусть права собственности монопольно устанавливаются и регулируются государством. Хотя бы, регистрируются. То, что зарегистрировано домовым комитетом — то право собственности, а нет, так нет. Сразу отметим, что в первых двух случаях государство просто не в состоянии ничего установить, оно не различает здесь прав собственности, поскольку они уникальны и подвижны. Зато в третьем действует воспроизводимый механизм — расписание доступа к пульту на стене. Домовой комитет устанавливает «правила на стене» в качестве признака наличия прав собственности и регистрирует только права такого рода, поскольку в состоянии их проконтролировать. Две первые семьи вынуждены составлять ненужные им правила, иначе государство их накажет. Последствия и вред от этого дела, думаю, очевидны.

Усложняем ситуацию. Пусть теперь правила на стене для всех в доме пишет домком. То есть, он является владельцем всех пультов, он их выдает по расписанию тем, кому они «положены». Понятно, что члены домового комитета не ходят по квартирам смотреть телевизор, у каждого из них есть свой телевизор. Они решают, как должны использовать пульты другие люди, следят за этим и наказывают. Я думаю, вы представили, какая богатая политическая жизнь кипит вокруг всего вот этого вот. Если мы добавим сюда отчетность и карьерный рост для членов домкома, наша картина будет полной. И знаете, как называются наши два случая? Первый, когда домком регистрирует правила, называется «частной» собственностью, второй — «государственной» или «общественной». И вот, оказывается, (в этом уверены практически все) в нашем мире между этими двумя «видами собственности» идет нешуточный конфликт!

Однако, нетрудно заметить, что конфликт заложен совсем в другом, а именно, в монопольном праве устанавливать наличие-отсутствие прав собственности государством. Да, разумеется, «частная собственность, как правило, более эффективна, чем государственная», но на самом деле, это просто конфликт разных степеней вмешательства. Споры в рамках дихотомии «частная — государственная» бессмысленны, вам всегда придется вводить дополнительные сущности, чтобы объяснить, о чем идет речь. Ведь ФРС — частная контора? И «Киевэнерго» тоже. Всегда нужно объяснять, почему они «плохие», что

должен еще быть свободный вход на рынок и прочие плюшки, и только тогда частная собственность может считаться в полной мере частной. Все это выглядит как какие-то специально создаваемые кем-то «по бумажке» тепличные условия; условия, создаваемые ради торжества какой-то непонятной идеи. Все это размывает предмет дискуссии, приводит к ложным выводам и заводит исследователей в ловушки. Элинор Остром и Эрнандо де Сото — типичные пленники таких ловушек.

Нужно говорить не о частной и государственной собственности, а о свободе образования прав собственности. Конфликт, вызывающий обильные негативные последствия, существует между свободно образующимися правами собственности и постоянными попытками государства контролировать этот процесс.

Кстати, хорошей иллюстрацией ошибочности противопоставления «государственная — частная» является приватизация в постсоветских странах. Пока государство «разрешает» собственность, контролирует ее, регулирует деятельность экономических субъектов и прочая и прочая, эффект от приватизации значительно меньше, чем мог бы быть. Всегда приходится говорить, что наша частная собственность «не настоящая». А какая тогда настоящая? Та, которая образуется свободно и полностью регулируется рынком, то есть, деятельностью людей.

Теперь давайте посмотрим на Украину (или любую другую бедную страну). Вот извечный вопрос «почему они (то есть, власть имущие, олигархи и пр.) не могут договориться? Когда остановится передел собственности?» Он имеет простой ответ — никогда. Договора не будет и передел не остановится потому, что в этой игре есть позиция «царя горы», то есть, позиция «быть государством» или «иметь доступ к государству». В ситуации, когда государство определяет, что есть собственность и что нет, и кто и когда ей владеет и, кроме того, сопротивление государству незаконно, позиция «царя горы» никогда не исчезнет. Это тот самый случай, про который этатисты говорят «насилие всегда выгодно». В данном случае это правда, поскольку сопротивление жертвы сведено к нулю (запрещено), нет никакой третей стороны, куда бы она могла обратиться за помощью, и нет арбитража, так как государство само себе арбитраж. Да, в этом случае ограбить действительно проще, чем заработать.

Бедность, то есть, короткие горизонты планирования, делает ценной позицию «Царя горы», а эта позиция порождает новую бедность. Кстати, «богатые» страны — это те страны, в которых позиция царя горы исторически была (относительно) слаба, причем зависимость тут наблюдается прямая — чем слабее, тем лучше, вплоть до Британии и США, где права собственности регулировалось общим правом, а не государством. Даже в германских государствах до победы правового позитивизма, подталкиваемого прусским милитаризмом, дей-

ствовало своего рода право юристов. Права собственности в таких странах, как Украина, будут «защищены» тем в большей степени, чем меньше в этих странах будет государства. И в данном случае, рецепт — максимально исключить государства из процесса образования прав собственности.

Например, все привыкли к государственным реестрам собственности. А почему они должны быть государственными? Почему база данных не может быть частной? И почему их не может быть несколько? Вы скажете «данные из государственного реестра признает государственный суд». Но если мы ведем сделки так, что решаем споры через заранее договоренного арбитра? В общем, здесь богатое поле для деятельности.

Но это, возможно, не сегодняшняя перспектива. Сегодня можно начать процесс вытеснения государства из процесса образования прав собственности. Один из инструментов для этого — система взаимных гарантий прав собственности на некое имущество. Это самое простое, но это база для более сложных вещей. Например, у вас есть автомобиль «Ланос» и квартира в хрущевке. На неком специальном сайте вы заявляете об этом имуществе и просите гарантий. Допустим, я юрист, и я даю вам гарантию и обещаю помощь, если с вашим Ланосом что-нибудь случится. Другие дают гарантии по другим вопросам. Если, скажем, его хотят отнять какие-нибудь менты, я могу подключиться. Если ваш «Ланос» был взят в кредит, который вы не вернули и теперь банк хочет его отобрать, то я, наверное, включаться не буду. Каждый такой случай фиксируется, отмечается, вступились ли вы за несчастного или нет, и почему. Соответственно, ваше имущество, которое вы желаете защитить таким образом, тоже кто-то гарантирует. Понятно, что в наших условиях лучше прятать свое имущество, поскольку за ним охотится налоговая. Но бывает всякое. Может вы уже платите налог на свой «Ланос» и вам все равно. Постепенно такая система может вырасти в сеть взаимных гарантий и выросшего вместе с ней арбитража, которые могут начать выталкивать государство из процесса образования прав собственности. По крайней мере, участники такой сети уже не нуждаются в нем для сделок между собой.

Часть 9

Заключение

Как мы уже говорили в этой книге, основная проблема «постсоветского» общества — это значительная доля вертикальных связей в обществе. Вертикальные связи — это отношения приказа, подчинения и даже изъятия собственности в пользу вышестоящего в иерархии, горизонтальные — отношения добровольного сотрудничества и обмена. В естественном состоянии появление и исчезновение вертикальных и горизонтальных связей определяется теми преимуществами, которые могут получить от них люди в данных обстоятельствах. Преимущество всегда получают горизонтальные связи, как более продуктивные. Государство же, само будучи иерархией, искажает процесс формирования связей, так как стремится превратить все общество в управляемую иерархию, упростить и подчинить его себе. Такова природа государства, оно делает это независимо от желания политиков, это процесс, управляемый объективными экономическими законами.

Собственно, «страны» и отличаются друг от друга степенью преобладания вертикальных или горизонтальных связей. Тоталитарные страны имеют максимальную степень «вертикальности», страны свободные — «горизонтальности».

В случае Украины, распад СССР случился при крайне слабом обществе, то есть, при слабых горизонтальных связях, большинство которых (блат, спекуляция) считались самими их участниками предосудительными. Неумение жить своим умом и элементарное незнание о том, что «так можно» создали спрос на государство, которое все это время набирало силу. Нынешний кризис — это столкновение разросшегося государства с обществом, которое тоже подросло за это время.

Проблема состоит в том, люди до сих пор не считают свои практики полностью легитимными. Ситуация в самом буквальном смысле напоминает постоянное наступание на одни и те же грабли — социальные практики, приводя к росту, вступают в регулярное противоречие с практиками государства, возникают конфликты, но люди бегут за помощью в них… к государству.

Поразительно, что даже сейчас, когда мы наблюдали настоящий взрыв «горизонтальных» отношений на Майдане и видели, что эти отношения не только спасли нас, но и привели к победе, все равно подавляющее большинство людей и, особенно, активистов продолжают взывать к хорошему государству, к вертикальным связям.

То есть, ключевое значение имеют представления людей о реальности. Именно изменение этих представлений, а не политические решения, и составляют суть социальных процессов. Именно поэтому нужен «План Б». Если бы этой проблемы не было бы, если бы было возможно «перейти к либертарианству», получив политическую власть, то политическая часть «Плана Б» состояла бы в создании либертарианской партии и победе на выборах, а «гражданская» играла обслуживающую роль «пропагандистской машины». То есть, по сути, это был бы просто еще один «План А», только «либертарианский».

Мало кто способен воспринимать аргументы, критичные для его картины мира. В принципе, для того, чтобы «превратиться в либертарианца» достаточно понимать этический аргумент о том, что государство является машиной организованного принуждения и служит для регулярного изъятия части вашей собственности в свою пользу. Грубо говоря, от государства нужно избавиться потому, что оно узаконило грабеж в свою пользу — в этом смысл этического аргумента. Однако, рассуждая в аналогии с перемещением в пространстве, понимание и принятие этого аргумента (а он очень дискомфортен, так как разрушает привычную картину мира), сравнимо с мгновенной телепортацией. Из одной точки вы перемещаетесь в другую, минуя все промежуточные. Но в жизни, все-таки, мало кто способен на телепортацию, и перемещение происходит последовательно.

Сознание работает похожим образом. Например, мои убеждения практически не менялись, я просто узнавал новые факты и теории и, в силу своей работы, был вынужден осмыслять их. Но если бы в конце 80-х, когда я начал заниматься политикой мне кто-то сказал, что на старости лет меня можно будет назвать «анархистом», я бы сильно удивился. Потребовалось время, потребовался путь, а путь — это последовательность шагов. Почему же тогда люди сами не приходят к необходимости демонтажа государства, если дело только в опыте? Проблема здесь в том, что существующая система и «План «А», как ее важнейшая часть, зацикливают этот опыт. Политическая жизнь построена, как своего рода беличье колесо, усилия публики, жаждущей ликвидации суще-

ствующих несправедливостей, всегда направляются в сторону лишь видимых изменений. Политическая жизнь — это бесконечные скандалы, бесконечная борьба «плохих» против «хороших», бесконечная надежда на то, что вот сейчас у нас наконец-то получится.

«План Б» постепенно разрывает эту зацикленность, он создает альтернативный механизм рядом с системой, не посягая на нее и не интегрируясь в нее. И этот механизм ценен не столько тем, что позволяет принимать нужные кому-то законы, сколько тем, что позволяет получить опыт, который не будет больше направлен на ожидания нового политического цикла. Для того, чтобы перестать верить в демократию и разглядеть в ней самовоспроизводящуюся машину власти, для того, чтобы понять, почувствовать систему, нужно иметь возможность взглянуть на нее со стороны. Именно этой возможности система и не предоставляет. Вам предлагается либо пассивная роль избирателя, который видит лишь блестящие обертки, либо роль политика, то есть, роль части системы. Коалиции избирателей позволяют «нам» отделиться от «них», воспринимать «их» отдельно, воспринимать «их» без эмоций и надежд, исключительно как функцию нажатия кнопки для голосования.

И еще один момент. Для большинства государство является синонимом основательности и незыблемости, по крайней мере, оно выглядит, как система. Обычно решение неких социальных проблем преподносят как переход из одной основательности (которая теперь устарела, не соответствует «новым условиям» или еще чему-то там) в другую, которая кажется или считается «хорошей». Оба состояния конечны и не просто моделируемы, а достоверно описываемы, элементы и взаимосвязи между ними известны. Даже когда хвалят «западную систему», что бы ни понималось под этими словами, за то, что она (якобы) быстро приспосабливается к переменам, имеют в виду ее способность быстро перейти из одного «твердого» состояния в другое. Между тем, слова «общественная жизнь» — довольно точное определение того, с чем мы имеем дело в реальности. Это динамический процесс, а не состояние и даже не набор быстро меняющихся, но описываемых и моделируемых состояний. Это процесс, в основе которого лежит индивидуальный выбор каждого из нас. Это поток, состоящий из множества потоков, текущих с разной скоростью и в разном направлении и легко меняющих и то, и другое. Совершенно бессмысленно (даже если бы это было возможно) выделять некий «срез» этого потока и выдавать его за состояние, к которому следует стремиться.

Поэтому в Плане «Б» мы изменяем настоящее, а не «строим будущее», создаем инструменты, а не строим систему.

Оглавление

Слово видавця 0-3

Предисловие 0-7

1 Украина особенная и не очень 1-1

1.1 Об украинской модели 1-1

1.1.1. Реальная конституция Украины. Текст 1-2

1.1.2 Зачем я написал «реальную конституцию Украины». Новые сведения о начальниках 1-10

1.1.3 Основний закон України з позиції конституціоналізму 1-22

1.1.4 Украина: модель для разборки 1-53

1.1.5 Должность президента, как источник кризиса 1-57

1.1.6. Украинская модель-2. Феодализм. Предприятия вместо граждан 1-63

1.1.7. Берегите феодализм! 1-67

1.1.8. Феодализм против государства или Секрет Украинских Грабель 1-74

1.1.9. «Право посадки», Турчинов, Юля и общественный договор 1-78
1.1.10. Кому и зачем нужна оппозиция . . 1-86
1.1.11. Капиталисты или рекетиры? 1-91
1.1.12. Почему никак не закончится «передел собственности»? 1-95
1.1.13. Коррупция полезная, бесполезная и опасная 1-102
1.1.14. Украинцы и формула справедливости 1-108
1.2 Немного политической текучки 1-114
1.2.1. Итоги майдана или Всякая тварь грустна после соития 1-114
1.2.2. Парламентские выборы — что изменилось 1-122
1.2.3. Ну, и что дальше? Какистократия переходного периода 1-128
1.2.4. Скоро коррупция в Украине будет регулироваться законом 1-138
1.2.5. Немного о коалиции и коалиционном соглашении 1-144
1.2.6. О выборах 1-147
1.3 О мифах 1-152
1.3.1. Зачем нам этот Евросоюз? 1-152
1.3.2. О социальных взрывах, вернувшихся домой ветеранах и Майдане 3.0 . . . 1-162
1.4 О типичных шаблонах поведения 1-165
1.4.1. Популярная вирусология. Новогодняя заметка о счастье 1-165
1.4.2. Несчастлив и здоров? 1-173
1.4.3. Популярная вирусология. Сплющенное время апокалипсиса 1-175

1.1.4. Чем наши отличаются от ихних . . . 1-180
1.4.5. Популярная вирусология. Мужчина средних лет познакомится с народом, или Простая и доступная мантра 1-183
1.4.6. Борцы за чужое несчастье. О вертикальных и горизонтальных украинцах 1-189
1.4.7. И, все-таки, Гендальф 1-191
1.4.8. Самооккупация 1-194
1.4.9. Ющенко так, Ющенко сяк 1-196
1.4.10. Полная остановка или начало движения? 1-198
1.4.11. Украинцы глазами кандидатов . . . 1-201
1.4.12. Стратегирование по-украински . . . 1-208
1.4.13. О разнице или Толкин и моральный релятивизм 1-209

2 Общеобразовательное **2-1**
2.1 Популярная вирусология. Очень местное... 2-1
2.2 Диктатура без диктатора или «Эх, нам бы такого Муамарчика» 2-6
2.3 Кризис капитализма? Вы не ошиблись? . . 2-13
2.4 Популярная вирусология. Средний класс или где? 2-20
2.5 Гитлер на Майдане 2-27
2.6 Четыре заблуждения в оценке тоталитаристов 2-33
2.7 Война привилегий 2-37
2.8 Ходить на работу или приносить пользу? . 2-42
2.9 В последний раз о парламентской и президентской модели, а также о простом способе оценки конституционных проектов . . . 2-49

2.10 Поп-корм 2-53
2.11 Механика страха 2-61
2.12 Заговорщики и заговорщицы 2-65
2.13 Заговор украинских избирателей против украинского народа. Немного о конспирологии 2-70
2.14 Сам себе Оруэлл 2-79
2.15 Об идее улучшения, «вере в рынок», «моделях» и лорде Актоне 2-84
2.16 Популярная вирусология. Порядок и (или) жизнь 2-90
2.17 Хороший пример того, как выглядят те самые Спонтанные порядки Хайека 2-99
2.18 Tesla D и идиоты на дороге 2-110
2.19 Экология общества или не лезьте в то, чего никогда не поймете 2-113
2.20 Что такое «вмешательство» или Так что же нам теперь ничего не делать? 2-115

3 Об экономике **3-1**
3.1 Ошиблись методом. Чем экономическая наука отличается от шарлатанства 3-1
3.2 Экономика со смыслом 3-19
3.3 Экономика со смыслом. Обмен 3-26
3.4 Происхождение богатства или, что то же самое, причины бедности 3-30
3.5 Зачем мы ходим на работу? 3-39
3.6 Популярная вирусология. Рынок. Просто рынок 3-45
3.7 Правило пары 3-53
3.8 Цена, ценность и грех антропоморфизма . 3-55

3.9 Даешь общество потребления! 3-60
3.10 Такси и австрийская школа 3-63
3.11 Почему растут цены 3-65
3.12 О вкладе в общество и последнем гвозде в гроб 3-72
3.13 Похождения семьи, частной собственности и государства 3-76
3.14 Легким движением руки или Как делить будем? 3-80
3.15 О курсе, ценах и неопределенности будущего 3-83
3.16 Парфенон и Беломор-канал 3-87
3.17 Все на защиту отечественных производителей Южной Борщаговки! 3-90
3.18 О вере в налогообложение 3-93
3.19 «Возвращаются» ли нам наши налоги? . . . 3-96
3.20 Национализация, приватизация и границы волюнтаризма 3-101
3.21 О судьбе экономистов 3-105
3.22 Заложники системы 3-108
3.23 Два моста в политэкономии 3-114
3.24 Просто у stupid-buyer'ов пока еще есть лишние деньги 3-118
3.25 Четыре замечания по поводу «рынка земли» 3-124
3.26 Налоговые декларации для физлиц — вредно с любой точки зрения 3-132
3.27 Планы налоговой и планы народа 3-135
3.28 Ментальная ловушка «суверенного дефолта» 3-141
3.29 Лучший трудовой кодекс 3-147

4 О деньгах **4-1**
4.1 Немного о деньгах и об их перспективах . 4-1

4.2 Все еще пользуетесь государственными деньгами? 4-56
4.3 Про обеспеченность денег 4-58
4.4 Про количество денег и количество товаров 4-63
4.5 Бессилие регулятора 4-67
4.6 Печатать деньги или заниматься делом? . 4-73
4.7 Нацбанк хуже Путина 4-76
4.8 Популярная вирусология. Мифы и легенды кризиса 4-81
4.9 House always win или почему нужно оставить МММ в покое 4-88
4.10 О евро 4-96

5 О государстве **5-1**
5.1 Не так 5-1
5.1.1. Давайте разберемся: монополия на принуждение, агрессия, насилие и защита 5-1
5.1.2. О монополии на принуждение 5-7
5.1.3. Добровольность и деятельность. Особенности перевода 5-9
5.1.4. Суверенитет народа против народа . 5-12
5.1.5. Дилемма заключенного Маугли . . . 5-14
5.1.6. Люди и гамадрилы или Об обезьянем аргументе 5-18
5.1.7. Пчелы, скрипач и человеческий мозг как враги цивилизации 5-22
5.1.8. О выгодности насилия или Сферический лох в вакууме 5-26
5.1.9. Стационарный бандит и здравый смысл 5-30

5.1.10. Многоквартирный дом, как ошибочная модель 5-34
5.1.11. Как же все будут добрыми, если все вокруг злые? 5-42
5.1.12. Государство и корпорация 5-46
5.1.13. Об аморальности «социального» . . 5-49
5.1.14. Деньги и стадионы 5-52
5.1.15. Интернет-аукцион и политическая теория 5-55
5.1.16. Кому принадлежит «национальная валюта»? 5-58
5.1.17. Фиаско конституций 5-61
5.1.18. Конституция. Английские разгадки 5-65
5.1.19. Рада-1, Рада-2 и кризис парламентаризма 5-68
5.1.20. О социальной инженерии и общественно-экономических формациях 5-72
5.2 Вот так 5-76
5.2.1. Самые страшные слова 5-76
5.2.2. Искусственные люди в нашей жизни 5-80
5.2.3. Кто первый начал или Производство не-людей 5-83
5.2.4. Дедушку — на колбасу или Простой тест на рабство 5-86
5.2.5. Новое язычество 5-88
5.2.6. О свободе 5-92
5.2.7. Универсальная модель левизны . . . 5-94
5.2.8. Почему мы еще не живем без государства 5-96

5.2.9. Альберт Дайси, «свобода печати» и украинская коррупция 5-100
5.2.10. Эта река течет под патронатом Партии регионов. А ведь и правда, течет 5-104
5.2.11. Таксим и Майдан против Сомали . . 5-107
5.2.12. О просветительстве или почему австралийцы не падают прямо в космос 5-109
5.2.13. Самоорганизующиеся порядки или Владимир Владимирович — всё . . . 5-112
5.2.14. Интересно, как это будет выглядеть? 5-115
5.3 Как это устроено 5-118
5.3.1. Почему государство производит маразм и почему оно всегда будет это делать 5-119
5.3.2. Налоги или смерть 5-124
5.3.3. Краткая история налогообложения . 5-136
5.3.4. Что такое государственный бюджет, кому он нужен и что с ним делать . 5-154
5.3.5. Первый вопрос Кабмину 5-161
5.3.6. О цифрах и реформах 5-167
5.3.7. Праздник, который всегда 5-169
5.3.8. Смертельный учебник или Это и есть государство 5-174
5.3.9. Чем «капиталисты» Карла Маркса отличаются от госчиновников 5-178
5.4 О системе 5-182
5.4.1. И все на выборы 5-182
5.4.2. Политические циклы: следующий пошел 5-184
5.4.3. Революционные турки и дорога к Ородруину 5-186

5.4.4. Цена государства или О причинах и следствиях 5-190
5.4.5. О легитимном количестве людоедов 5-194
5.4.6. О трудностях перевода с человеческого на политический 5-197
5.4.7. О пугалках или Как работает система 5-200
5.4.8. Об обреченности на реформы 5-204
5.4.9. И ты прав, и ты прав или Конец политической аналитики 5-208
5.4.10. Антибюрократический интернационал или 1:0 в пользу системы 5-211
5.4.11. Война всех против всех или Должна ли налоговая платить налоги? 5-213
5.4.12. Ради блага народного или ловушка эгоизма 5-215
5.4.13. Ватники и МАФы 5-218
5.4.14. О чем говорит «презумпция правоты полицейского» 5-221
5.4.15. Это просто праздник какой-то 5-224
5.4.16. Политический смысл единого налога 5-227
5.4.17. Что нужно знать о программе правительства 5-230
5.4.18. Является ли государство организацией 5-232
5.4.19. Рождественская история, или Автоматический Встроенный Реформатор 5-236
5.4.20. О пользе коррупции 5-241
5.4.21. Бывшая, настоящая и будущая украинская конституция 5-248
5.4.22. Перезагрузка близко или Зачем писать заметки 5-256

5.4.23. О фашистских комиссарах с горящими глазами 5-258
5.4.24. Производство ада или Откуда взялся «русский вопрос» 5-261
5.5 О демократии 5-266
5.5.1. Украинская власть и есть самая настоящая элита 5-266
5.5.2. Победа Путина — победа демократии 5-269
5.5.3. Мир сказок или Должна ли кухарка управлять профессором? 5-273
5.5.4. Лечим гонорею сифилисом 5-276
5.5.5. Если бы я был депутатом 5-278
5.5.6. А ведь это мы их нанимаем 5-281
5.5.7. Новая победа демократии 5-283
5.5.8. Почему кривая демократия лучше, чем прямая 5-287
5.6 Немного о практике 5-293
5.6.1. Мы все опять «под статьей» 5-293
5.6.2. Не гражданская, или еще раз о «разделяй и властвуй» 5-300
5.6.3. Ну что, сигареты запретили. Теперь пора запрещать сахар 5-304
5.6.4. Государство как рынок или Откуда берется покращення? 5-309
5.6.5. На меня напал народ... 5-314
5.6.6. Язык системы 5-317
5.6.7. Ленин в тебе и во мне или Если помрет Путин 5-322
5.6.8. Почему государство будет уничтожать интернет? 5-325
5.6.9. Убийство по закону 5-331

5.6.10. Ничего не понял, ничему не научился 5-333
5.6.11. Не только выключить, но и включить 5-336
5.7 О войне 5-339
5.7.1. Как выиграть войну 5-339
5.7.2. Испытание войной или Пища государства 5-343
5.7.3. Путин атакует украинское государство. Украинское общество сопротивляется 5-347
5.7.4. Крым, рым и лебединая песня императора 5-349
5.7.5. Как не превратиться в Россию 5-352
5.7.6. Некоторые простые уроки конфликта с Россией 5-356
5.7.7. Майдан и война с Россией 5-360
5.7.8. Либертарианцы и война или Что вы будете делать, когда на вас нападают с бананом? 5-362

6 О праве **6-1**
6.1 Закон ест закон 6-1
6.2 О культурной эволюции и объективных законах 6-5
6.3 Три вида законов или как не стать оккупантом 6-10
6.4 Про мюмзиков в мове 6-16
6.5 О происхождении наказания за нарушение справедливости 6-21
6.6 Право естественное и неестественное . . . 6-24
6.7 Снег, Попов и права собственности 6-26

6.8 Когда разорится Цукерберг или О спросе на законы 6-31
6.9 Кто кому принадлежит 6-34
6.10 О равенстве перед законом тяготения . . . 6-38
6.11 Тимошенко, «преступление без пострадавшего» и средневековые ирландцы 6-43

7 О выходе **7-1**
7.1 И снова о конце света 7-1
7.2 Сломай забор, оккупай чего-нибудь, перезагрузи Матрицу 7-8
7.3 В моря, все в моря! 7-11
7.4 О методах 7-22
7.1.1. Последний и решительный бой или А может все-таки заняться «утопизмом» 7-22
7.1.2. И, в заключение, о погоде 7-25
7.1.3. Сетевая революция. Самоорганизация против организации 7-28
7.1.4. К истории украинцев 7-33
7.1.5. Слово и дело 7-36
7.1.6. Почему победил Майдан или О настоящем единстве 7-39
7.1.7. Идея, которая объединит всех 7-41
7.1.8. Нам надо выпить 7-44
7.1.9. Партия предпринимателей — опять ничего не получится 7-48
7.1.10. Популярная вирусология. Путь Доброго Царя 7-52
7.1.11. Самсон, кот на приеме у стоматолога и политическая практика 7-60
7.5 Говорить прозой 7-63

7.2.1. Путин, «государствообразующие элиты» и провидение Господне . . . 7-63
7.2.2. Не работает 7-66
7.2.3. Как бы на самом деле 7-68
7.2.4. Бюджет «в праве» 7-71
7.2.5. Время памфлетов 7-74
7.2.6. Не судьба 7-77
7.6 Позитивная программа 7-80
7.3.1. Частный сектор или Чтобы не было Майдана 7-80
7.3.2. Может ли случиться Майдан в либертарианском обществе 7-82
7.3.3. Продавайте! 7-86
7.3.4. Украинцы для украинцев 7-88
7.3.5. А за свободу бороться не пробовали? 7-90
7.3.6. Социальное обеспечение гражданского общества. Как это было в Англии 7-92
7.3.7. Вместо пенсионной реформы нам нужен «Закон об ушельцах» 7-107
7.3.8. Ключ украинской реформы 7-114
7.3.9. Бедные, богатые и подушный налог . 7-118
7.3.10. Не должно быть никакого «один человек — один голос» 7-121
7.3.11. Чиновники не должны платить налогов. И не должны голосовать . . . 7-125
7.3.12. Свобода аккаунтов или Долой электрическое правительство! 7-128
7.3.13. В любом месте. В любое время . . . 7-132
7.3.14. Частная полиция 7-135
7.3.15. Частный Андреевский 7-145
7.3.16. Частная еда 7-150

7.3.17. Куры гриль, противовоздушная оборона и конкурентные преимущества 7-153
7.3.18. 4000 за лоха, 10000 за пацана 7-157
7.3.19. Именем короля, именем закона, именем... 7-160
7.3.20. Ну что, пора заняться делом. Демократия 2.0 7-162
7.3.21. Демократия 2.0. Государство проектов против государства дерибана . . 7-173
7.3.22. Демократия 2.0 — от государства к системе проектов 7-176
7.3.23. Не нужна вам никакая демократия 7-184
7.3.24. Территориальные громады. Или громады, или территория 7-187
7.3.25. О федерализме и «федерализме» . . 7-190
7.3.26. Вместо областей, районов и городов — громады 7-194
7.3.27. No future или Для начала отмените эту должность 7-200
7.3.28. От демократии к республике 7-204

8 План «Б» **8-1**

8.1 План «Б» для украинцев 8-1
Почему не партии 8-1
Коалиции, а не партии 8-7
2 года Раде 8-11
Инструмент 8-13
Что такое «отмена государства» 8-14
Как оно может «отмениться»? 8-15

9 Заключение **9-1**

Оглавление

9-4